РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

И. Е. СУРИКОВ

Остракизм в Афинах

Ответственный редактор
доктор исторических наук Л. П. Маринович

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2006

ББК 67.3
С 90

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 05-01-16096

Рецензенты:
доктор ист. наук, профессор *Г. А. Кошеленко*,
доктор ист. наук *А. В. Подосинов*,
доктор ист. наук *Н. А. Фролова*,
кафедра истории древнего мира Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Суриков И. Е.

С 90 Остракизм в Афинах / Отв. ред. доктор ист. наук Л. П. Маринович. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 640 с.

ISBN 5-9551-0136-5

Книга представляет собой первое в российской науке комплексное исследование остракизма — важного института античной афинской демократии, внесудебного изгнания наиболее влиятельных граждан из государства сроком на десять лет. Рассматриваются все основные аспекты истории остракизма: происхождение этого института, время, причины и цели его учреждения; основные элементы процедуры, применявшейся при остракизме; место и роль остракизма в политической системе и политической жизни демократического полиса; факторы, способствовавшие выходу остракизма из употребления. Проблемы, связанные с остракизмом, изучаются в контексте истории классических Афин, становления и функционирования феномена полисной демократии.

Книга предназначена для специалистов — историков, политологов и юристов, для преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, для всех интересующихся историей античности.

ББК 67.3

В оформлении переплета использовано изображение остракона
(черепка для голосования на остракизме)
с именем Фемистокла. Афины, V век до н. э.

ISBN 5-9551-0136-5
9 785955 101361

© И. Е. Суриков, 2006
© Языки славянских культур, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА 7

ВВЕДЕНИЕ 10

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ 21
1. Нарративная традиция об остракизме 21
2. Памятники ненарративного характера. Острака 48

ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ 85

Глава I. ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ 125

Глава II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОСТРАКИЗМА 167
1. О времени принятия закона об остракизме в Афинах 167
2. Остракизм до Клисфена? 182
3. Причины и цели введения остракизма 205

Глава III. ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ 229
1. Общие сведения о процедуре остракизма 229
2. 6000 голосов — кворум или минимум? 243
3. О месте пребывания изгнанных согласно закону об остракизме . . 256
4. О сроке продолжительности изгнания 269
5. К вопросу о заранее приготовленных остраконах 281

Глава IV. ОСТРАКИЗМ В АФИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ 295
1. О некоторых особенностях политической жизни Афин V в. до н. э. 295
2. Основные этапы истории остракизма в связи с эволюцией политической борьбы в классических Афинах 322
3. Функции института остракизма в политической системе афинской демократии и их эволюция 347
4. Остракизм и политическая пропаганда 356

Глава V. О ПРЕКРАЩЕНИИ ПРИМЕНЕНИЯ ОСТРАКИЗМА 381
1. Последняя остракофория и причины выхода остракизма из употребления 381
2. «После остракизма» 399

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 409
1. Сводка полученных результатов 409
2. К общей оценке института остракизма 415

ПРИЛОЖЕНИЕ I
О IV речи корпуса андокида 429

ПРИЛОЖЕНИЕ II
Остракизм и острака за пределами Афин 443

ПРИЛОЖЕНИЕ III
К вопросу о численности гражданского населения
Афинского полиса в классическую эпоху 473

ПРИЛОЖЕНИЕ IV
Сводка письменных свидетельств
об остракизме 487

ПРИЛОЖЕНИЕ V
Просопографичуская статистика
Афинских острака 541

ПРИЛОЖЕНИЕ VI
Хронологическая таблица 553

БИБЛИОГРАФИЯ 555

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 595

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 597

SUMMARY 617

Светлой памяти
безвременно покинувшего нас
Юрия Германовича Виноградова
(1946—2000)
посвящается эта книга

ОТ АВТОРА

За те годы, на протяжении которых шла работа над этой книгой, промежуточные результаты исследования публиковались автором в ряде статей в различных изданиях (см. перечень основных из них в прим. 15 к Введению). Естественно, по мере углубления в интересовавшую нас проблематику наши взгляды на те или иные вопросы не могли не претерпевать определенных изменений. Поэтому, думаем, читателей не удивит тот факт, что какие-то аспекты истории и функционирования остракизма в книге изложены несколько иначе, нежели в статьях; это — нормальный процесс развития науки, закономерности которого применимы не только к той или иной дисциплине в целом, но и к судьбе каждого конкретного ученого.

В 2004 г. автором была защищена в Институте всеобщей истории РАН докторская диссертация. Специфика диссертационного жанра заставила дать ей несколько громоздкий заголовок — «Остракизм как политический институт афинского полиса классической эпохи». Книга, которую мы здесь представляем, называется короче и проще. Но в основе своей это — та же самая работа, естественно, с определенными дополнениями (в частности, учтена новейшая зарубежная исследовательская литература в значительном количестве).

Мы считаем своим приятным долгом искренне поблагодарить, согласно установившейся доброй традиции, коллег, без помощи которых эта книга вряд ли была бы написана. Трудно, да, пожалуй, и просто невозможно перечислить всех тех, кому хотелось бы сказать слова благодарности. Некоторые имена, однако, просто нельзя не назвать.

В стенах alma mater — Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова — бессменным научным руководителем автора этих строк (как в студенческие, так и в аспирантские годы) был В. И. Кузищин. В это время формировался круг наших научных интересов, закладывались основы тех работ, которые впоследствии были написаны и опубликованы: от религиозных воззрений афинских драматургов (монография «Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э.») — к истории «Килоновой скверны» и рода Алкмеонидов (монография «Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох», по ряду причин законченная и вышедшая раньше) и далее к институту остракизма, который рассматривается в настоящей монографии. Роль Василия Ивановича на первых этапах этого пути была, конечно, очень велика.

Л. П. Маринович еще в 1994 г. привлекла наше внимание к перспективам изучения остракизма. Впоследствии, работая под ее чутким руководством, мы всегда встречали с ее стороны теплое, человеческое отношение и все возможное содействие, что значительно облегчало работу над книгой. Людмила Петровна любезно согласилась стать ответственным редактором монографии.

Автор очень признателен Г. А. Кошеленко, А. В. Подосинову и Н. А. Фроловой, которые взяли на себя труд дать отзывы на это исследование, когда оно было еще в «диссертационной» стадии. Их принципиальная и в то же время в высшей степени доброжелательная оценка написанного вдохнула в нас бодрость, уверенность в собственных силах, а это так важно для ученого. Рецензентами был высказан ряд ценных советов и соображений, которые мы постарались учесть. Разумеется, они не несут никакой ответственности за те недостатки, которые могут обнаружиться в книге: таковые следует относить всецело на счет автора.

К нашему огромному сожалению, уже не может прочесть эти строки тот, перед кем наш долг просто неизмерим. Ю. Г. Виноградов в последние годы своей жизни активно интересовался проблемами, связанными с остракизмом; на этой-то почве и возникла наша научная близость. Со светлой грустью вспоминаются наши с ним многочисленные беседы в «курилке» института — общение умудренного опытом мэтра, профессионала высочайшего класса с молодым коллегой. Юрий Германович — не только выдающийся специалист, но и человек удивительной душевной самоотдачи и открытости — щедро делился с нами теми оригинальными идеями, которыми так и кипел его постоянно работавший ум; он и сам без какого-либо снобизма внимательно выслушивал наши мнения, куда менее авторитетные, а подчас и принимал их на вооружение. Даже странно: кажется, что все это было вчера, а ведь уже пять лет, как Юрия Германовича не стало. Не будучи с формальной точки зрения его учеником, автор тем не менее считает его одним из главных своих наставников в науке. Его памяти посвящается книга; это — та посильная дань, которую мы можем ему принести.

В наших разговорах, о которых шла речь, часто принимал участие также А. А. Молчанов. Аркадий Анатольевич — тонкий знаток самых разнообразных, отнюдь не только античных, исторических сюжетов — не раз приводил такую интересную, нестандартную и никому еще не приходившую в голову параллель, которая сразу делала более ясным какой-нибудь темный и спорный вопрос. Особенно велико его влияние на разделы нашей книги, посвященные генезису обычая остракизма. Чрезвычайно много значила и его дружеская поддержка. Дорогой Аркадий, спасибо!

Многие наши статьи были опубликованы в «Вестнике древней истории». Редакционная коллегия во главе с Г. М. Бонгард-Левиным всегда охотно предоставляла нам для изложения своих мыслей страницы журнала, за что мы глубоко признательны. Научное редактирование этих статей, как правило, ложилось на плечи С. Г. Карпюка; в нем мы нашли чуткого, бережного ре-

дактора, неизменным принципом которого было — помочь автору, а не навязать ему свою точку зрения. Неоднократно приходилось нам с ним плодотворно обсуждать различные проблемы истории демократических Афин.

Еще о многих, многих хотелось бы сказать самые добрые слова. Среди тех, кто содействовал, словом или делом, работе автора над книгой, тому, что она в конечном счете обрела свой нынешний вид, — М. Ф. Высокий, О. Л. Габелко, В. Н. Илюшечкин, Б. Т. Кабанов, С. А. Коваленко, В. И. Козловская, И. А. Макаров, А. В. Махлаюк, А. А. Немировский, Л. П. Репина, С. Ю. Сапрыкин, Л. Л. Селиванова, О. В. Смыка, А. Л. Смышляев, Е. И. Соломатина, А. В. Стрелков, В. Н. Токмаков, М. К. Трофимова, А. П. Черных, а также ушедшие от нас Е. С. Голубцова, Г. Т. Залюбовина, В. М. Смирин. Автор просит прощения у коллег, которых он забыл упомянуть.

На последнем этапе подготовки текста весьма полезной для нас оказалась работа в библиотеке Института классического антиковедения при Институте Галле-Виттенберг им. Мартина Лютера, Германия (июнь — июль 2004 г.). Там мы смогли ознакомиться со многими из тех западных исследований, которые отсутствуют в России. Мы благодарны гостеприимным сотрудникам Института и в первую очередь профессору Андреасу Мелю, усилиями которого эта поездка стала возможной.

Автор благодарит Российский фонд гуманитарных исследований, предоставивший грант, который позволил издать книгу.

Last not least. Как ни парадоксально, жизнь ученого-энтузиаста может быть в одном отношении уподоблена жизни моряка или полярника. Он постоянно в работе, порой полностью уходя в нее, как в экспедицию или в дальнее плавание. В результате меньше времени остается на семью (а особенно по условиям теперешней российской действительности, когда нищенская зарплата научного сотрудника заставляет, чтобы не умереть от голода, брать многочисленные дополнительные подработки). От родных и близких в подобной ситуации требуется особенный такт, душевное участие. Автору этих строк повезло: со стороны своей супруги Зои он всегда встречал полное понимание, всю возможную помощь, самоотверженную любовь. По большому счету, именно она сделала больше всех для того, чтобы эта книга была написана.

ВВЕДЕНИЕ

Такой сложный и многогранный исторический феномен, каким была афинская демократия классической эпохи, можно изучать самыми различными способами и в самых разных аспектах. Впрочем, нам представляется, что арсенал применяющихся в данной сфере подходов при всей его широте может быть в конечном счете сведен к совокупности двух больших, дополняющих друг друга (но в чем-то и противостоящих друг другу) направлений. Одно из этих направлений можно охарактеризовать как всестороннее исследование политических институтов демократического афинского полиса, их истории, функционирования, взаимного соотношения. Подобный «институциональный» подход, лежащий на стыке с государственным правом, является в целом более традиционным; наиболее весомые результаты при его применении были достигнуты, пожалуй, в конце XIX — первой половине XX в., когда он получил особенное распространение. В чем-то это было предопределено открытием и публикацией в 1891 г. такого источника колоссальной, неоценимой значимости, как «Афинская полития» Аристотеля[1]. Основной тематикой этого трактата было именно полисное, «конституционное» устройство Афин, то есть как раз политические институты, их история и современное автору состояние. Это, конечно, не могло не оказать определяющего влияния на те проблемы, которые находились в центре внимания антиковедов. В 1930-х гг. Г. Берве сетовал на чрезмерное засилье такого «конституционно-институционального» подхода, стушевывавшего конкретную человеческую личность[2]. Эти сетования представляются справедливыми постольку, поскольку любая вообще односторонняя крайность вредна. Тем не менее нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в результате интенсивного труда целой когорты крупных ученых на одном направлении государственное устройство классических Афин действительно оказалось изучено в высшей степени досконально. Работы Г. Бузольта, К. Ю. Белоха, Г. Де Санктиса, У. Карштедта и др., ставшие классическими, отнюдь не утратили своей ценности и по сей день, так как именно ими в значительной мере заложен фундамент наших знаний об афинской демократической «конституции» и ее формировании.

Во второй половине недавно истекшего столетия, однако, произошел существенный сдвиг в системе приоритетов, переакцентировка точек зрения. Можно говорить о выходе на первый план иного исследовательского направления, а именно углубленного анализа неинституциональных форм и элементов афинской политической жизни, таких как властные элиты, их состав, взаимоотношения с рядовым гражданским населением, применявшиеся ими

---

[1] Значение «Афинской политии» как источника по истории Афин было сразу же в полной мере оценено и раскрыто Виламовицем в фундаментальном, ставшем классическим исследовании: *Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Aristoteles und Athen. B., 1893. Bd. 1—2.

[2] *Berve H.* Fürstliche Herren zur Zeit der Perserkriege // Die Antike. 1936. Bd. 12. S. 1 ff.

механизмы достижения влияния, политические группировки, место общественного мнения в политической борьбе, соотношение социальной и политической структуры в полисе и прочие проблемы аналогичного рода. О причинах перемены здесь вряд ли место подробно говорить. Отметим только, что, на наш взгляд, определенную роль здесь сыграло, помимо других факторов, складывание как раз в это время новой гуманитарной дисциплины общетеоретического характера — политологии, которая, в отличие от традиционного государствоведения, ориентирована главным образом на изучение не столько политических институтов, сколько политических процессов, зачастую проходящих в неинституциональной форме. Направление, о котором идет речь, смещающее внимание специалистов, по удачному выражению М. Хансена (см. ниже), с «политической анатомии» на «политическую физиологию» или с «политической морфологии» на «политический синтаксис», и по сей день остается безусловно преобладающим в интересующей нас сфере антиковедения. Именно в его русле работает ныне большинство наиболее квалифицированных специалистов по истории классических Афин: У. Р. Коннор, Р. Сили, Э. Рушенбуш, М. Финли, К. Моссе, Р. Осборн, Б. Страусс, М. Оствальд, Дж. Обер, Р. Литтман, В. Хантер, Л. П. Маринович, С. Г. Карпюк и многие другие[3]. Один из крупнейших антиковедов современности П. Родс, в начале своей научной деятельности отдавший дань «институциональному» подходу,

---

[3] См., например: *Connor W. R.* The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971; *Sealey R.* A History of the Greek City States ca. 700—338 B. C. Berkeley, 1976; *Ruschenb E.* Athenische Innenpolitik im 5. Jahrhundert v. Chr.: Ideologie oder Pragmatismus? Bamberg, 1979; *Finley M. I.* Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983; *Mossé C.* De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique a Athènes // Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1985. V. 7. P. 9—18; *Eadem.* La démocratie grecque. P., 1986; *Eadem.* La classe politique a Athènes au IVème siècle // AD. S. 67—77; *Osborne R.* Demos: The Discovery of Classical Attika. Cambridge, 1985; *Strauss B. S.* Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy, 403—386 B. C. Croom Helm, 1986; *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986; *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989; *Idem.* The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999; *Littman R. J.* Kinship and Politics in Athens 600—400 B. C. N. Y., 1990; *Hunter V. J.* Policing Athens: Social Control in the Attic Lawsuits, 420—320 B. C. Princeton, 1994; *Darbo-Peschanski C.* Condition humaine, condition politique: Fondements de la politique dans la Grèce archaïque et classique // Annales: Histoire, sciences sociales. 1996. V. 51. № 4. P. 711—732; *Маринович Л. П.* Греки и Александр Македонский. М., 1993. С. 56—134; *Она же.* Античная и современная демократия: новые подходы. М., 2001. С. 54 слл.; *Карпюк С. Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003; *Karpyuk S.* Crowd in Archaic and Classical Greece // Hyperboreus. 2000. V. 6. Fasc. 1. P. 79—102. Этот перечень работ, данный исключительно exempli gratia, можно было бы еще очень долго продолжать.

опубликовав книгу об истории афинского Совета[4], в настоящее время в основном тоже занимается теми аспектами политической жизни, которые не имеют прямого отношения к институтам[5].

Налицо, таким образом, новый уход в крайность, смена одной односторонности на другую. И это, наряду с несомненными позитивными результатами (оказались фундаментально изученными те стороны афинской политической жизни, которые ранее пребывали в некоторой тени), опять же чревато своими издержками. Достаточно сказать, что из исследователей афинской истории во второй половине XX в. лишь очень немногие (такие как В. Эренберг или упоминавшийся Родс) активно и эффективно занимались как институциональными, так и неинституциональными аспектами политической проблематики. Досадно, когда конкретная специализация антиковеда, и без того в силу неизбежности достаточно узкая, еще более суживается, и исследователь, хорошо разбирающийся, скажем, в перипетиях борьбы группировок, начинает чувствовать себя значительно менее уверенно, коль скоро речь заходит о нюансах функционирования той политической системы, той конституции (употребляя этот термин, естественно, в широком значении), в рамках которой эта борьба происходила.

Сложившееся подобным образом положение дел не могло, в свою очередь, не вызвать обратной реакции. И эта реакция последовала, в первую очередь, со стороны такого авторитетного ученого, как М. Хансен. В специальной статье «О значении институтов для анализа афинской демократии»[6] он справедливо указал на огромную роль политических институтов, особенно органов государственной власти, в демократическом афинском полисе. В отличие от современных представительных демократий, прямая демократия античной эпохи способствовала тому, что подавляющее большинство граждан регулярно (а не от случая к случаю) участвовало в работе этих институтов. В условиях отсутствия или, во всяком случае, весьма слабого развития неинституциональных, не связанных с государством форм общественной жизни последняя была предельно институционализована. Никогда в истории европейских национальных государств, подчеркивает Хансен, политические институты не значили так много, как в греческом полисе. В частности, изучая политическую элиту демократических Афин, ни в коем случае не следует забывать

---

[4] *Rhodes P. J.* The Athenian Boule. Oxf., 1972.

[5] Например: *Родс П. Дж.* Кому принадлежала власть в демократических Афинах? // ВДИ. 1998. № 3. С. 16—26; *Rhodes P. J.* Political Activity in Classical Athens // JHS. 1986. V. 106. P. 71—84; *Mitchell L. G., Rhodes P. J.* Friends and Enemies in Athenian Politics // G&R. 1996. V. 43. № 1. P. 11—30. Было бы, впрочем, преувеличением утверждать, что вопросы политических институтов и их эволюции совершенно перестали интересовать Родса. См., в частности: *Rhodes P. J.* Judicial Procedures in Fourth-Century Athens: Improvement or Simply Change? // AD. S. 303—319.

[6] Опубликована в книге: *Hansen M. H.* The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983—1989. Copenhagen, 1989. P. 263—269.

о том, что эта элита осуществляла свою власть не путем каких-то закулисных манипуляций, как это столь часто бывает в наши дни, когда видимость волеизъявления народа сплошь и рядом оказывается лишь ширмой для решений, принятых на совсем ином, «незримом» уровне, а именно (и только) посредством существующих конституционных институтов. Отсюда, кстати, то колоссальное значение, которое придавалось в общественной жизни ораторскому искусству, риторике. Одним из важнейших талантов, требовавшихся от политического деятеля, было красноречие, умение убедить укомплектованные демосом государственные органы[7]. Датский антиковед подчеркивает, что возрождение интереса к политическим институтам афинской демократии абсолютно необходимо для лучшего понимания сущности этого исторического феномена. Приведя процитированные выше красивые метафоры («политическая морфология» и «политический синтаксис»), он делает остроумное замечание: для греческого языка (в отличие, например, от английского) характерны относительно простой синтаксис и сложная морфология.

Нельзя сказать, чтобы призывы Хансена остались совсем уж «гласом вопиющего в пустыне»[8]. Как до выхода его вышеуказанной статьи, так и после него в западной историографии конца XX века периодически появлялись интересные исследования, посвященные различным институтам афинской демократии. Можно отметить, например, монографии об Ареопаге[9], книги об институтах триттий и демов[10], работы о магистратурах[11], в том числе о коллегии стратегов[12], фундаментальный труд об афинской судебной системе, написанный А. Беджхолдом при участии ряда других авторов[13] и др. Не говорим уже о заслугах самого Хансена: он с такой степенью детальности, как

---

[7] В современных государствах, как известно, ораторское искусство не играет реальной роли в политической борьбе. Это относится даже к той области, где оно наиболее ярко может проявиться, — к парламентским дебатам. Сколько бы ни блистали парламентарии красноречием, убеждая своих коллег, — проголосует практически каждый из них не по собственному внутреннему убеждению, а по предписанию руководства своей фракции, отражающему результаты того или иного закулисного сговора. В классических Афинах подобная ситуация была заведомо невозможной.

[8] Ср., например, аналогичные взгляды в работе: *Davies J. K.* Democracy without Theory // Herodotus and his World. Oxf., 2003. P. 319—335.

[9] *Wallace R. W.* The Areopagos Council, to 307 B. C. Baltimore, 1989; *Bruyn O. de.* La compétence de l'Aréopage en matière de procès publics: Des origines de la polis athénienne a la conquête romaine de la Grèce (vers 700—146 avant J.-C.). Stuttgart, 1995.

[10] *Traill J. S.* The Political Organization of Attica. Princeton, 1975; *Siewert P.* Die Trittyen Attikas und die Heeresreform des Kleisthenes. München, 1982; *Whitehead D.* The Demes of Attica 508/7 — ca. 250 B. C. Princeton, 1986.

[11] *Develin R.* Athenian Officials 684—321 B.C. Cambridge, 1989.

[12] *Fornara Ch. W.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971; *Hamel D.* Athenian Generals: Military Authority in the Classical Period. Leiden, 1998.

[13] *Boegehold A. L. et al.* The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure,

вряд ли кто-либо до него, изучил такой демократический институт, как афинская экклесия, посвятил ряд чрезвычайно принципиальных монографий и статей истории дикастериев в Афинах. Однако, насколько нам представляется, всего этого пока еще явно недостаточно; приоритетным по-прежнему продолжает являться «неинституциональное» направление, хотя, пожалуй, оно все ближе подходит к самоисчерпанию. Полностью солидаризируясь в этом отношении с М. Хансеном, мы абсолютно убеждены, что возвращение к активному исследованию институциональной стороны демократического афинского полиса — насущная задача, стоящая ныне перед антиковедами. Сразу подчеркнем, что речь не идет о каком-то шаге назад, в прошлое. Напротив, теперь изучение институтов должно осуществляться уже на новом уровне, с учетом всех результатов, достигнутых представителями противоположного подхода. Особенно важно то, что теперь уже, наверное, всем понятно: полисные институты должны анализироваться не изолированно, а в контексте всей политической жизни в том или ином греческом государстве (в данном случае в Афинах), в контексте, берущемся максимально полно и всеобъемлюще. Иными словами, следует говорить о некоем синтезе «институционального» и «неинституционального» подходов, о синтезе, который может вывести антиковедение на новый научный уровень.

Все вышеизложенные соображения сыграли значительную роль в определении тематики данной работы, посвященной такому специфическому институту афинской демократии, как остракизм. Нами руководили, в частности, следующие мотивы. С одной стороны, мы видим здесь возможность внести определенный вклад в исследование институциональной стороны политической жизни афинского полиса V в. до н. э., тем более что, хотя остракизм и достаточно активно изучался в мировой антиковедческой литературе, очень многие аспекты его истории и процедуры и по сей день остаются дискуссионными и недостаточно ясными (а в отечественной историографии феномен остракизма вообще почти не исследовался). С другой стороны, это еще и возможность погрузиться, так сказать, в самую среду политической борьбы в Афинах рассматриваемого периода, со всем свойственным ей кипением страстей, переплетением интересов, высоким накалом внутриполитического конфликта. Ведь остракизм играл весьма большую роль в этой политической борьбе, развертывавшейся в афинском полисе. Можно без преувеличения сказать, что «под знаком остракизма» прошел целый большой (и исключительно важный) исторический период, почти совпадающий с хронологическими границами V в. Соответственно, при изучении такого института, как остракизм, постоянно придется обращаться к неинституциональным факторам: к столкновениям различных группировок, к взаимоотношениям политической элиты и массы демоса, к механизмам проявления и формирования общественного мнения в демократическом полисе. Остракизм можно и должно исследовать именно

and Testimonia (The Athenian Agora. V. 28). Princeton, 1995. Ср. нашу рецензию (ВДИ. 1999. № 1. С. 220—225).

так: на стыке «институционального» и «неинституционального» подходов, конституционной истории и истории политических процессов, в контексте всей общественной жизни.

Слово «остракизм», первоначально являвшееся техническим термином с четко очерченным значением, со временем (уже к концу античной эпохи) утратило свою терминологичность. Его употребление у поздних авторов стало куда более широким и расплывчатым, что еще более усугубилось в византийскую эпоху. Не считая ученых эрудитов-лексикографов, старавшихся дать по возможности точное определение остракизма, у подавляющего большинства писателей этого времени слова «остракизм» и «изгнание, ссылка» выступали уже фактически как полные синонимы. Такое положение дел сохранилось и по сей день. Слово «остракизм», употребительное во многих современных языках, совершенно утратило в повседневном обиходе свою специфику и чаще всего объясняется словарями просто как «изгнание, гонение»[14]. В связи с этим, чтобы сделать более ясным предмет настоящего исследования и избежать возможных недоразумений, нам представляется необходимым уже в самом начале работы дать предварительное определение древнегреческого остракизма. Подчеркнем, что это определение имеет чисто рабочий характер; оно не претендует на то, чтобы предвкушать или предварять дальнейшие результаты и вполне может уточняться и корректироваться далее по ходу работы.

Остракизм (в своей «классической» форме, как он функционировал в демократических государствах V в. до н.э.) — внесудебное изгнание по политическим мотивам наиболее влиятельных граждан из полиса на фиксированный срок (в Афинах — на 10 лет), без поражения в гражданских (в том числе имущественных) правах и с последующим полным восстановлением в политических правах, осуществлявшееся путем голосования демоса в народном собрании при применении особой процедуры (в Афинах — с использованием надписанных глиняных черепков). Как можно заметить, среди перечисленных признаков имеются как более, так и менее принципиальные. Кстати, сразу бросается в глаза парадоксальный факт: свое название институт получил, собственно, от совершенно непринципиальной и варьировавшей от полиса к полису черты (ὀστρακισμός от ὄστρακον, «черепок»). Как известно, например, в Сиракузах с аналогичной целью использовались не черепки, а масличные листья (отчего и сам институт носил там название петализма), однако это, естественно, ни в коей мере не сказывалось на существенных, фундаментальных характеристиках феномена. Каждая конкретная акция по применению остракизма называлась остракофорией (ὀστρακοφορία, буквально — «несение черепков»). В некоторых контекстах термины «остракизм» и «остракофория» могут далее в тексте работы употребляться как взаимозаменяемые.

Главная цель настоящей работы — максимально полное и всестороннее, насколько это возможно при имеющемся состоянии источников, исследование института остракизма в классических Афинах. Данная цель обусловлива-

---

[14] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 14 изд. М., 1983. С. 409.

ет стоящие перед нами конкретные задачи. Это — рассмотрение следующих вопросов: о происхождении остракизма, времени, причинах и целях его введения, о процедуре проведения остракизма, о функциях остракизма в политической системе афинской демократии и его роли в политической жизни демократического полиса, об основных этапах истории остракизма и причинах выхода его из употребления в конце V в. до н. э. Совокупность перечисленных вопросов определяет структуру исследования. После обзора источников и историографии проблемы мы прежде всего считаем необходимым рассмотреть ряд дискуссионных хронологических проблем, связанных с остракизмом, а именно попытаться с максимально возможной степенью точности датировать известные из источников случаи применения остракизма (Глава I). Подобное первоочередное обращение к конкретным хронологическим сюжетам продиктовано тем соображением, что без их предварительного прояснения окажутся весьма проблематичными (а в некоторых случаях — просто невозможными) ответственные и непротиворечивые выводы по ряду проблем более общего характера.

Именно к проблемам такого рода мы перейдем в ходе дальнейшего изложения. Глава II будет посвящена вопросам, связанным с происхождением института остракизма в Афинах. Строго говоря, здесь имеют место два блока вопросов, хотя обычно это не осознается специалистами. Во-первых, это вопрос о времени введения остракизма в его «классической» форме, в том его виде, как он существовал в демократическом афинском полисе V в. до н. э. Именно по этому вопросу, на который имеются два основных варианта ответа (введение остракизма либо в ходе реформ Клисфена в конце VI в. до н. э., либо в 480-х гг. до н. э.), имеется обширная литература, он находится в центре дискуссий и т. п. Однако почти никогда не учитывается, что существует еще и другой вопрос: появился ли остракизм на этом хронологическом отрезке сразу в готовом виде, так сказать, «из ничего», или же ранее имели место какие-то иные формы остракизма или аналогичные ему процедуры, предшествовавшие его «классической» форме? На этот вопрос мы также попытаемся ответить.

В Главе III будут рассмотрены процедурные проблемы, связанные с остракизмом. Наша задача здесь будет заключаться в том, чтобы по возможности детализированно реконструировать на основе источников весь процесс проведения остракизма. При этом наиболее подробно мы остановимся на тех аспектах процедуры, которые являются недостаточно изученными или спорными (например, вопросы о том, что представляет собой цифра 6000, фигурирующая в ряде источников в связи с остракизмом, — требуемый для проведения остракофории кворум или минимальное количество голосов, поданных против одного лица, необходимое для его изгнания; о том, вносились ли в течение V в. до н. э. изменения в закон об остракизме и др.).

Предметом исследования в Главе IV будут функции остракизма в политической системе афинской демократии и его роль в политической жизни демократического полиса. Поскольку эти функции и эта роль даже в течение то-

го не слишком длительного временнóго отрезка, на котором применялся остракизм, не оставались неизменными, а претерпевали определенную эволюцию, то можно будет говорить об основных этапах истории остракизма. Именно в этой главе будет необходим особенно интенсивный выход на неинституциональные стороны историко-политического контекста. В частности, будет рассмотрен, помимо прочего, вопрос о борьбе в афинском общественном мнении в период проведения остракофорий, о пропагандистских методах, применявшихся заинтересованными сторонами, поскольку судить о таких методах дают возможность надписи инвективного характера, прочитанные на черепках-остраконах. Наконец, последняя, пятая глава работы будет посвящена проблеме выхода остракизма из употребления в конце V в. до н. э. и причин, по которым этот политический институт прекратил свое существование.

Несколько слов о методологии. Как мы уже говорили, в высшей степени желательным был бы конструктивный синтез «институционального» и «неинституционального» подходов с учетом позитивных сторон как того, так и другого. В нашем случае это должно выражаться в изучении института в тесной связи с политическими процессами той эпохи и того социума, в рамках которых этот институт существовал. Основной методологической базой работы будет системная концепция полиса как целостного политического и социокультурного организма, все стороны общественной и идеологической жизни которого тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены друг другом, а следовательно — и изучаться должны не изолированно, а целостно, органично. Иными словами, на наш взгляд, следует избегать разрозненного, в отрыве от исторической эпохи, анализа материала; в частности, институт остракизма должен быть предметом углубленного исследования в контексте полиса, как интегральная составная часть его политической системы и политической жизни. Одна из наших задач заключается в том, чтобы продемонстрировать, как изменения общего характера в афинском полисе классической эпохи закономерно оказывали влияние на применение остракизма (введение этого института, более частое или более редкое его использование, выход из употребления). Можно сказать, что предлагаемая нами общая методология ближе всего стоит к концепции «histoire totale», выдвинутой французскими историками школы «Анналов». Мы далеки от примитивного детерминизма, от представления о жесткой обусловленности одних форм общественного бытия («вторичных», «надстроечных») другими («первичными», «базисными»), понимать ли под таким базисом экономические отношения, политическую систему, менталитет эпохи или что-либо другое. По нашему мнению, все эти сферы развивались и эволюционировали как части единой системы, то есть на целостном уровне, в тесной взаимной связи. Применительно к конкретной истории остракизма такой подход влечет за собой, в частности, наше несогласие с распространенным мнением, согласно которому этот институт являлся исключительной принадлежностью демократических полисов. В ходе исследования мы попытаемся показать, что остракизм, — конечно, если не говорить только о его конкретной «клисфеновской» форме, а брать феномен более ши-

2 — 6209

роко, — не был детерминирован демократией, что он в том или ином виде мог применяться (и применялся) в различных типах полисных устройств (аристократическом, олигархическом и т. п.) и был скорее порождением феномена полиса как такового, нежели какой-то отдельной его формы.

В ходе работы, как это обусловлено ее темой, будет проводиться всестороннее исследование остракизма прежде всего в течение его функционирования в демократических Афинах V в. до н. э. Для наиболее эффективного выполнения этой задачи должен быть в полной мере реализован такой подход, как взаимосвязанное изучение различных категорий источников. Применительно к остракизму это особенно актуально, поскольку, как мы увидим при анализе источниковой базы, существуют два основных типа источников об этом институте: а) данные античной нарративной традиции; б) остраконы и надписи на них, т. е. памятники вещественного и эпиграфического характера. Каждая из этих категорий источников обладает своими сильными и слабыми сторонами. Так, главная ценность остраконов заключается в том, что это — памятники, современные рассматриваемой эпохе и безусловно аутентичные. С другой стороны, информация, которую они несут, может быть полноценно интерпретирована лишь в свете данных письменных источников, поскольку сами по себе надписи на остраконах кратки, нередко находятся в плохой степени сохранности и, во всяком случае, по большей части не содержат сведений о конкретных причинах той или иной остракофории, о ее историческом контексте. Что же касается нарративной традиции об остракизме, то она, безусловно, значительно более информативна, содержит сведения по ряду важных деталей и нюансов истории этого института. В то же время данные, сохраненные различными античными авторами, подчас противоречивы; в достоверности некоторых из этих данных неоднократно высказывалось сомнение. Цели верификации информации письменных источников в наибольшей степени могут служить как раз остраконы. Таким образом, две вышеназванных категории источников об остракизме в высшей степени удачно дополняют друг друга.

Определенное место в исследовании займет сравнительно-исторический метод. Поскольку остракизм обнаруживает определенные черты сходства с архаичными типами изгнания, имевшими религиозный, ритуальный характер (в частности, с изгнанием «козла отпущения», характерным для многих древних культур), нам предстоит коснуться специфики соответствующих ритуалов на широком историко-этнографическом материале и сопоставить их с остракизмом с целью лучшего определения истоков и корней последнего, его характерных черт.

* * *

Настоящее исследование является итогом продолжавшейся в течение ряда лет работы автора над различными проблемами истории афинского остракизма. Эта работа уже нашла отражение в ряде статей[15], и сделанные в этих статьях выводы, естественно, будут нами использоваться. Впрочем, при рассмотрении всех сколько-нибудь принципиальных вопросов мы не станем ограничиваться ссылками на свои предшествующие работы, а будем приводить подробную аргументацию. Не исключаем также и возможности определенной корректировки тех или иных положений, высказывавшихся нами ранее.

---

[15] Упомянем наиболее важные из наших статей об остракизме: *Суриков И. Е.* Острака как источник по истории раннеклассических Афин // АВ. 1995. Вып. 3. С. 107—114; *Он же.* По поводу новой публикации острака // ВДИ. 1996. № 2. С. 143—146; *Он же.* К интерпретации острака с северного склона Акрополя // ПИФК. 1998. Вып. 6. С. 30—33; *Он же.* Остракизм в Мегарах и Херсонесе Таврическом // Проблемы антиковедения и медиевистики: Межвузовский сборник научных трудов. Нижний Новгород, 1999. С. 48—52; *Он же.* Институт остракизма в Афинах: проблемы и перспективы изучения // АВ. 1999. Вып. 4—5. С. 126—143; *Он же.* К историко-хронологическому контексту последнего афинского остракизма // Античность: эпоха и люди. Казань, 2000. С. 17—27; *Он же.* Долгая память о древнем институте (сообщения византийских авторов об остракизме и проблема их достоверности) // Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 137—143; *Он же.* К интерпретации имени Арифрона на острака // ВДИ. 2000. № 4. С. 73—79; *Он же.* Закон Клисфена об остракизме: к реконструкции некоторых формулировок // ДП. 2000. № 1 (6). С. 14—22; *Он же.* Остракизм и остраконы: в Афинах и за их пределами // Hyperboreus. 2000. Vol. 6. Fasc. 1. P. 103—123; *Он же.* Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 118—130; *Он же.* Античная нарративная традиция об институте остракизма // Studia historica. Т. 2. М., 2002. С. 51—74; *Он же.* Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии) // ВДИ. 2003. № 2. С. 16—25; *Он же.* Из истории находок острака в Афинах // ИИАО. 2003. Вып. 8. С. 121—131; *Он же.* Изменения в афинских законах в V в. до н. э. (на примере закона об остракизме) // ДП. 2003. № 1 (11). С. 8—22; *Он же.* Функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. № 1. С. 3—30; *Молчанов А. А., Суриков И. Е.* У истоков остракизма // ВЧОАМ. С. 252—260.

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Нарративная традиция об остракизме

Самым ранним античным автором, которого следует упомянуть в связи с остракизмом, является Пиндар. Впрочем, у него мы встречаем еще не прямое сообщение об этом институте, а лишь реминисценцию, понятную лишь из контекста. Реминисценция эта содержится в VII Пифийской оде великого беотийского поэта, посвященной афинянину Мегаклу, сыну Гиппократа, из рода Алкмеонидов. В 486 г. до н. э. Мегакл, незадолго до того изгнанный из Афин остракизмом, участвовал в Пифийских играх и одержал победу в состязаниях колесниц; по этому поводу и была написана упомянутая ода[1]. В ее заключительной части (ст. 18 сл.) есть слова:

Νέᾳ δ' εὐπραγίᾳ χαίρω τι· τὸ δ' ἄχνυμαι,
φθόνον ἀμειβόμενον τὰ καλὰ ἔργα...[2]

Под νέα εὐπραγία имеется в виду пифийская победа Мегакла; слово же φθόνος подразумевает, несомненно, его остракизм. Обратим внимание на характерное обстоятельство: уже у Пиндара изгнание остракизмом напрямую связывается с завистью сограждан. У позднейших авторов эта идея, имеющая, как видим, весьма раннее, современное событиям происхождение, станет общим местом[3].

Если говорить о собственно афинских писателях V в. до н. э., той эпохи, когда в политической жизни использовался остракизм, то приходится приз-

---

[1] О данном свидетельстве см.: *Siewert P.* T (?) 2. Pindar, Pyth. 7.18—21 (486 v. Chr.): athenische Mißgunst gegen hippische Siege der Alkmeoniden als Motiv für die Ostrakisierung des Megakles (486 v. Chr.) // OT. S. 167—170. Об общей тональности VII Пифийской оды, весьма дружественной по отношению к Мегаклу и всему роду Алкмеонидов, см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII—V вв. до н. э. М., 2000. С. 149—150. О близких отношениях между Алкмеонидами и Пиндаром см.: *De Sanctis G.* Pericle, Milano, 1944. P. 5; *Schachermeyr F.* Die frühe Klassik der Griechen. Stuttgart, 1966. S. 246—247; *Dickie M. W.* Pindar's Seventh Pythian and the Status of the Alcmaeonids as *oikos* or *genos* // Phoenix. 1979. V. 33. No. 3. P. 193—209; *Pardini A.* Megacle, Ateniese ed Alcmeonide // QUCC. 1990. V. 34. P. 19—34.

[2] Русский перевод всех разбираемых здесь свидетельств приводится в приложении IV.

[3] Судя по всему, несколько позже Пиндара писал об остракизме Фемистокла родосский поэт Тимокреонт. Об этом упоминает Плутарх (Them. 21). Но соответствующие строки из Тимокреонта не сохранились. О Тимокреонте см.: *Mattingly H. B.* Poets and Politicians in Fifth-Century Greece // GEM. P. 231 ff.; *Robertson N.* Timocreon and Themistocles // AJPh. 1980. V. 101. No. 1. P. 61—78. О возможном содержании его свидетельства см.: *Stefanek P.* T (?) 3. Timokreon bei Plutarch, Them. 21,5 (ca. 467 v. Chr.): die Ostrakisierung des Themistokles (470 v. Chr.) // OT. S. 171—173.

нать, что информация об этом институте, содержащаяся у них, оказывается весьма скудной. Несколько реминисценций (опять-таки всего лишь реминисценций) можно обнаружить у представителей древней аттической комедии: Аристофана (Equ. 852 sqq.)[4], Кратина (fr. 71 Kock)[5], Платона Комика (fr. 187 Kock[6]; возможно, также fr. 153 Kock[7]). Эти пассажи довольно малосодержательны в интересующем нас отношении, и тем не менее они имеют немалое значение, поскольку свидетельствуют об интересе, который проявляли к остракизму комедиографы, являвшиеся, как известно, активными и крайне пристрастными участниками политической и идеологической борьбы своего времени. Для авторов комедий, равно как и для их аудитории, остракизм был элементом повседневной жизни, чем-то настолько хорошо известным, что об этом не стоило специально и подробно рассказывать. Точно то же можно сказать и об историках V в. до н. э. Геродот очень кратко, буквально мимоходом, упоминает об остракизме Аристида «Справедливого» (VIII.79)[8], а Фукидид — об остракизмах Фемистокла (I.135.3) и демагога Гипербола (VIII.73.3)[9], причем эти упоминания не служат для них поводом к тому, чтобы хоть что-нибудь сказать о самом институте. Характерны, впрочем, слова Фукидида о том, что Гипербола изгнали οὐ διὰ δυνάμεως καὶ ἀξιώματος φόβον, ἀλλὰ διὰ πονηρίαν

[4] *Palme B.* T (?) 9. Aristophanes, Equ. 855—857 (424 v. Chr.): der Demos könnte gegen Kleon das Ostrakinda-Spiel durchführen (424 v. Chr.) // OT. S. 216—219. С другой стороны, мы не согласны с тем, что об остракизме говорится и в другом месте (Equ. 819) названной комедии (*Idem.* T 8. Aristophanes, Equ. 819 (424 v. Chr.): Themistokles wurde ostrakisiert und verbannt (470 v. Chr.) // OT. S. 210—215). В указанной строке речь в действительности идет не об остракизме Фемистокла, а о его бегстве из Греции после заочного смертного приговора. Равным образом и не имеющий контекста фрагмент, где упоминается «разбитая на черепки амфора» (ἀμφορεὺς ἐξοστρακισθείς), вовсе не обязательно должен, как утверждается (*Eder B.* T (?) 13. Aristophanes fr. 661 PCG III 2 (ca. 416 v. Chr.?): Ostrakisierung eines «Dummkopfs», vielleicht des Hyperbolos (416 v. Chr.) // OT. S. 240—242), иметь какое-либо отношение к остракизму.

[5] В комедии «Фракиянки», поставленной, скорее всего, в 430-х гг. до н. э. См.: *Knibbe K.* T 7. Kratinos fr. 73 PCG IV (ca. 435—430 v. Chr.): Gefahr des Ostrakisierung für Perikles (vor 431 v. Chr.) // OT. S. 205—209.

[6] *Grimanis P.*, *Heftner H.* T 12. Plato Comicus fr. 203 GCG VII (um 415 v. Chr.): Hyperbolos wird trotz seiner Unwürdigkeit ostrakisiert (416 v. Chr.) // OT. S. 227—239.

[7] *Siewert P.* T (?) 11. Plato Comicus fr. 168 PCG VII (ca. 416 v. Chr.?): Vergleich des Ostrakismos mit dem Ostrakinda-Spiel der Kinder (416 v. Chr.) // OT. S. 223—226.

[8] Труд Геродота содержит самое ранее сохранившееся в нарративной традиции упоминание глагола (ἐξ)οστρακίζω — «изгонять остракизмом». См.: *Brenne S.* T 6. Herodot 8, 79, 1 (ca. 448—424 v. Chr.): die Ostrakisierung des Aristeides (482 v. Chr.) und seine Rückkehr am Vorabend der Schlacht von Salamis (480 v. Chr.) // OT. S. 204.

[9] *Brenne S.* T 15. Thukydides 1, 135, 2—3 (ca. 431—395 v. Chr.): die Ostrakisierung des Themistokles (470 v. Chr.) // OT. S. 247—257; *Idem.* T 16. Thukydides 8, 73, 3 (400—395 v. Chr.): Motive für die Ostrakisierung des Hyperbolos (ca. 416 v. Chr.) // OT. S. 258—270.

καὶ αἰσχύνην τῆς πόλεως. Из них вытекает, что ранее, до Гипербола, остракизм применялся, по мнению афинского историка, в отношении людей, чье «могущество и влияние» вызывало страх сограждан[10].

Ситуация коренным образом изменяется тогда, когда остракизм выходит из употребления. Перелом наступает на рубеже V—IV вв. до н. э. Собственно, только теперь и начинает в полном смысле слова формироваться античная традиция об остракизме. Институт, отошедший в прошлое и продолжавший существовать лишь «на бумаге» (Arist. Ath. pol. 43.5), перестал быть понятной для всех очевидностью и нуждался отныне в объяснениях и истолкованиях. Постоянно возраставший в течение IV в. до н. э. интерес особенно к правовой, процедурной стороне остракизма[11] был обусловлен еще и общим увеличением в этом столетии внимания афинян к законодательным, правотворческим и вообще институциональным сторонам политической жизни[12].

Интересный материал об остракизме содержат, в частности, произведения ораторов IV в. до н. э., и в особенности самого раннего из них — Андокида. Андокид не пользуется в антиковедении репутацией очень достоверного автора; для него характерны весьма вольное обращение с историческими фактами (этим он выделяется даже на фоне других афинских мастеров красноречия, в целом не очень-то скрупулезных в данном отношении) и нескрываемая тенденциозность. Несомненным плодом путаницы является, в частности, упоминание Андокида (III.3) об остракизме «Мильтиада, сына Кимона» (подробнее см. ниже, в гл. I). И тем не менее данные Андокида — раннего автора, еще заставшего в своей молодости остракизм в действии, — заслуживают самого пристального к себе отношения. И прежде всего следует сказать несколько подробнее о IV речи («Против Алкивиада»), входящей в корпус Андокида, поскольку остракизм является одним из главных компонентов ее тематики. IV речь, дошедшая под именем Андокида, — чрезвычайно дискуссионный памятник аттической ораторской прозы. Специальный разбор вопросов об авторстве этого произведения и времени его создания мы выносим в приложение I[13], а здесь ограничимся кратким суммированием сделанных в нем выводов.

---

[10] Ср.: *Schreiner J. H.* The Origin of Ostracism Again // CM. 1970 (1976). V. 31. P. 93.

[11] Ср.: *Heftner H., Scheidel W., Siewert P.* Zusammenfassende Auswertung der vorhellenistischen Testimonien // OT. S. 500.

[12] См. об этом процессе: *Harrison A. R. W.* Law-making at Athens at the End of the Fifth Century B. C. // JHS. 1955. V. 75. P. 26—35; *Ostwald M.* From Popular Sovereignty...; *Piérart M.* Athènes et ses lois: Discours politiques et pratiques institutionelles // REA. 1987. V. 89. № 1/2. P. 21—37; *Idem.* Du règne des philosophes a la souveraineté des lois // AD. S. 249 ff.; *Маринович Л. П.* Закон и власть в классических Афинах // ВЧОАМ. С. 5—18. Институциональным проявлением этой «смены парадигм» явилось, в частности, расширение полномочий афинских судов присяжных в IV в. до н. э.: *Hansen M. H.* The Political Powers of the People's Court in Fourth-Century Athens // GC. P. 215—243.

[13] Там же приведена основная литература, посвященная этой речи. См. также: *Сури-*

В связи с интересующей нас речью существует довольно обширная исследовательская литература, причем в ней, как правило, отрицается авторство Андокида, однако, на наш взгляд, без достаточных к тому оснований. Насколько нам представляется, автором речи «Против Алкивиада» вполне мог действительно быть Андокид, но впрочем, строго говоря, этот вопрос даже и не самый принципиальный; важнее определить жанр памятника и его историко-хронологический контекст. С большой долей уверенности можно утверждать, что перед нами — не речь в прямом смысле слова, а написанный в форме речи политический памфлет, составленный в рамках политической борьбы 390-х гг. до н. э. Соответственно, к этому произведению нужно относиться, с одной стороны, как к аутентичному свидетельству эпохи, очень недалеко отстоящей от времени функционирования остракизма (а не как к поздней фальшивке, не имеющей серьезного значения как источник), но, с другой стороны, как к свидетельству крайне субъективному, предвзятому и тенденциозному, что определялось как его жанровой принадлежностью, так и, судя по всему, особенностями манеры автора. Иными словами, информацию, содержащуюся в IV речи корпуса Андокида, ни в коем случае не следует отметать с порога, но в то же время при работе с этой информацией необходимы осторожность и обязательная поверка ее сведениями, предоставляемыми другими античными писателями.

Почему мы столь подробно останавливаемся на проблеме достоверности IV речи Андокидова корпуса? Дело в следующем: то, что говорит в ней оратор об остракизме, в ряде своих нюансов уникально и не имеет близких параллелей в произведениях иных авторов. Так, в начале речи (IV.3 sqq.) мы встречаем самую жесткую и развернутую во всей античной нарративной традиции критику самого института остракизма как безусловно вредного для полиса. При этом пишущий не останавливается и перед прямым искажением фактов, заявляя, например, что афиняне якобы одни из всех эллинов пользуются остракизмом и ни один другой город не желает им в этом подражать (IV.6). Это — явная передержка: в источниках есть недвусмысленные упоминания о функционировании остракизма и аналогичных процедур за пределами Афин (подробнее см. в приложении II). В дальнейшем тон речи становится более терпимым по отношению к остракизму, но характерно, что на всем ее протяжении этот институт рассматривается как наказание (τιμωρία, см., например, IV.4; IV.35)[14]. И это, в общем-то, находится в противоречии с суждениями более поздних авторов, которые, как мы увидим, отнюдь не склонны считать остракизм наказанием. Целью введения закона об остракизме, по мнению Андокида, была борьба с теми из граждан, которые оказываются сильнее законов и должностных лиц (τοὺς κρείττους τῶν ἀρχόντων καὶ τῶν νόμων, IV. 35); это его высказывание полностью лежит в русле об-

ков И. Е. IV речь корпуса Андокида как исторический источник // ПИФК. 2003. Вып. 13. С. 3—13.

[14] *Heftner H., Scheidel W., Siewert P.* Op. cit. S. 486.

щепринятой в античности точки зрения на этот институт. Однако наряду с этим у интересующего нас здесь писателя есть и представление, что остракизмом изгоняли также за безнравственный образ жизни (например, Кимона будто бы за незаконное сожительство с собственной сестрой, IV.33). Здесь перед нами уже значительно более редкая точка зрения, и интересно, что она встречается в таком раннем, почти современном событиям памятнике, заставляя задуматься: а не содержится ли в ней зерна истины? Впрочем, приступить к решению этого вопроса можно будет лишь в ходе рассмотрения инвектив на острака, имеющих отношение к моральному облику «кандидатов» на изгнание.

В IV речи корпуса Андокида имеется также несколько упоминаний о конкретных остракофориях. В частности, сообщение об изгнании остракизмом знаменитого афинского атлета-панкратиаста, периодоника (победителя во всех четырех панэллинских играх) Каллия, сына Дидимия (IV.32), является единственным; этот остракизм не фигурирует больше ни в одном нарративном памятнике. Соответственно, факт, о котором идет речь, ранее обычно считался в историографии недостоверным[15]. Однако находка остраконов с именем Каллия, сына Дидимия, придала указанию Андокида несравненно больший вес[16].

Данные других ораторов IV в. до н. э. об остракизме не столь обильны. Лисий в крайне тенденциозном пассаже, направленном против Алкивиада Младшего, сына знаменитого Алкивиада (XIV.39), говорит, что двух его прадедов — Мегакла, сына Гиппократа, и Алкивиада Старшего — афиняне «дважды обоих» (δὶς ἀμφοτέρους) подвергали остракизму[17]. Это, на наш взгляд, весьма сомнительное, к тому же изолированное сообщение в последние годы стало использоваться рядом исследователей как почва для весьма ответственных выводов, и нам еще неоднократно придется на нем останавливаться. Демосфен мимоходом упоминает об изгнании остракизмом Фемистокла (XXIII.205)[18], Аристида (XXVI.6)[19]. Небезынтересно одно место из оратора Ликурга (Leocr. 117—118). Строго говоря, об остракизме в нем речи не идет. Однако уже высказывалось небезосновательное мнение, согласно которому упоминаемый там список «оскверненных и предателей» (τοὺς ἀλιτηρίους καὶ τοὺς προδότας) представляет собой не что иное, как перечень афинян, изг-

---

[15] Например: *Carcopino J.* L'ostracisme athénien. 2 ed. P., 1935. P. 112.

[16] Подробнее см.: *Piccirilli L.* L'ostracismo di Callia figlio di Didimia // Klio. 1996. Bd. 78. Ht. 2. S. 325—328.

[17] *Hameter W.* T 22. Lysias 14, 39 (ca. 395 v. Chr.): die zweifache Ostrakisierung des Alkibiades d. Ä. und des Megakles // OT. S. 327—333.

[18] *Eder B.* T 27. Demosthenes 23, 204 f. (352/1 v. Chr.): die Ostrakisierung des Themistokles wegen Überheblichkeit (470 v. Chr.) // OT. S. 368—372.

[19] *Papastamati-von Moock Chr.* T 42. [Demosthenes] 26, 6 (325/4 v. Chr.): der Aufenthalt des ostrakisierten Aristeides auf Aigina bis zu seiner Wiederaufnahme durch die Athener (482—480 v. Chr.) // OT. S. 475—478.

нанных остракизмом, начиная с его первой жертвы — Гиппарха, сына Харма[20]. Старший современник названных ораторов — философ Платон — только один раз касается остракизма (Gorg.516d), говоря о том, что ему были подвергнуты Кимон и Фемистокл[21].

Как известно, труды большинства крупных греческих историков IV в. до н. э. утрачены и дошли до наших дней лишь в виде разрозненных фрагментов. Однако и в этих фрагментах мы находим определенную информацию об остракизме, порой весьма важную. Так, Феопомп в десятой книге своей «Истории Филиппа» совершил экскурс в историю афинских политических деятелей («демагогов») V в. до н. э. Насколько можно судить, именно в рамках данного экскурса находились его свидетельства об остракизме Кимона и его досрочном возвращении (Theopomp. FGrHist.115.F88)[22], об изгнании Гипербола и его последующей судьбе (F96)[23]. Затрагивает Феопомп также судьбу Фукидида, сына Мелесия, — еще одной жертвы остракизма[24]. Совершенно необходимо остановиться и на таком авторе, как Андротион, видный представитель жанра аттидографии (локального афинского историописания). Достойно всяческого сожаления, что сочинения аттидографов (Гелланика, Клидема, Фанодема и др.) не сохранились; есть все основания полагать, что в них содержались подробные рассказы об остракизме, его происхождении, функционировании, процедуре, выходе из употребления; эти историки, судя по всему, внесли весьма серьезный вклад в формирование античной традиции об интересующем нас политическом институте, хотя оценить полный объем этого вклада теперь, конечно, не представляется возможным[25]. Из «Аттиды» Анд-

---

[20] *Schreiner J. H.* Op. cit. P. 84—86; *Ruschenbusch E.* Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtung der Belange des Rechtshistorikers // Symposion 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 73.

[21] *Scheidel W.* T 25. Platon, Gorg. 516d (ca. 390—385 v. Chr.): die Ostrakisierung des Themistokles und des Kimon (ca. 470 bzw. 461 v. Chr.) // OT. S. 350—356.

[22] *Scheidel W.* T 28. Theopomp FGrHist 115 F 88 (ca. 345—340 v. Chr.): der Rückruf des ostrakisierter Kimon (?) // OT. S. 373—386.

[23] *Scheidel W.* T 30. Theopomp FGrHist 115 F 96b (ca. 345—340 v. Chr.): Ostrakisierung und Tod des Hyperbolos (416/411 v. Chr.) // OT. S. 391—400.

[24] *Raubitschek A. E.* Theopompos on Thucydides the Son of Melesias // Phoenix. 1960. V. 14. No. 2. P. 81—95. Раубичек считает, что Феопомп основывается на данных памфлетиста V в. до н. э. Стесимброта, автора утраченного сочинения «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле», а также Эсхина Сократика, чьи диалоги тоже не сохранились. См. также: *Scheidel W.* T 29. Theopomp FGrHist 115 F 91 (ca. 345—340 v. Chr.): Thukydides Melesiou als (ostrakisierter) Gegner des Perikles (443 v. Chr.) // OT. S. 387—390.

[25] Специально об аттидографах см. важнейшие работы: *Jacoby F.* Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxf., 1949; *Idem.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 3b. A Commentary on the Ancient Historians of Athens. V. 1—2. Leiden, 1954; *Pearson L.* The Local Historians of Attica. Repr. ed. Ann Arbor, 1981. Об «Атти-

ротиона до нас все-таки дошло кое-что об остракизме (Androt. FGrHist. 324.F6, F37, F43). Особенно важен фрагмент F6, в котором говорится о времени и обстоятельствах введения закона об остракизме. Этот фрагмент, сохраненный лексикографом II в. н. э. Гарпократионом (s. v. Ἵππαρχος), вызвал к жизни весьма обширную исследовательскую литературу[26]. Причина столь пристального внимания к нему обусловлена тем, что этот фрагмент (во всяком случае, в том его виде, как он дошел до нас) учреждение остракизма приурочено к 480-м гг. до н. э., а это вступает в прямое противоречие с Аристотелем, который (в «Афинской политии», о которой речь пойдет чуть ниже) относит эту акцию к циклу мероприятий реформатора Клисфена, имевших место в конце VI в. до н. э. Вопрос об этой несогласованности между двумя авторитетными и эрудированными авторами (известно, кстати, что Аристотель имел в своем распоряжении «Аттиду» Андротиона и активно пользовался ей) представляется весьма важным и будет подробно рассмотрен нами в разделе об историко-хронологическом контексте введения остракизма (гл. II, п. 1).

Завершают и обобщают традицию об остракизме, сформировавшуюся в классическую эпоху, два выдающихся ученых — Аристотель и его ученик Феофраст. Информацию об остракизме, содержащуюся у Аристотеля, можно вообще без преувеличения назвать *самой ценной* из того, что мы имеем об этом институте[27]. Одним из главных дел жизни Стагирита стала предпринятая в

де» Андротиона см.: *Bloch H.* Notes on the Atthis of Androtion // ASPF. P. 341—355; *Harding Ph.* Atthis and Politeia // Historia. 1977. Bd. 26. Ht. 2. S. 148—160; наконец, наиболее подробно — в недавней монографии: *Harding Ph.* Androtion and the Atthis. Oxf., 1994. О влиянии аттидографов, в особенности Андротиона, на Аристотеля, см.: *Schreiner J. H.* Aristotle and Perikles: A Study in Historiography. Oslo, 1968. P. 13—20.

[26] *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 1. P. 119 ff.; *Dover K. J.* Androtion on Ostracism // ClR. 1963. V. 13. № 3. P. 256—257; *Keaney J. J.* The Text of Androtion F6 and the Origin of Ostracism // Historia. 1970. Bd. 19. Ht. 1. S. 1—11; *Idem.* Androtion F6 Again // Historia. 1976. Bd. 25. Ht. 4. S. 480—482; *Idem.* Androtion F6 and Methodology // Klio. 1995. Bd. 77. S. 126—131; *Thomsen R.* The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972. P. 11 ff.; *Walters K. R.* FGrHist 324 F6: A New Conjecture // RhM. 1984. Bd. 127. Ht. 3/4. S. 223—226; *Chambers M.* Androtion F6: τότε πρῶτον // JHS. 1979. V. 99. P. 151—152; *Kinzl K. H.* Androtion's Dating of Ostrakismos // AHB. 1991. V. 5. № 4. P. 109—111; *Taeuber H.* T 31. Androtion FGrHist 324 F 6 (ca. 340 v. Chr.): die Einführung und erste Anwendung des Ostrakismos (488/7 v. Chr.) // OT. S. 401—412.

[27] По поводу сообщений Аристотеля об остракизме см.: *Goossens R.* Le texte d'Aristote, Constitution d'Athènes, XXII, 8, et l'obligation de résidence des Athéniens ostracisés // Chronique d'Égypte. 1945. № 39/40. P. 125—138; *Seager R.* Ἀθηναίων Πολιτεία 22.4 // ClR. 1962. V. 12. № 3. P. 201—202; *Fornara Ch. W.* A Note on ἈΘΠ. 22 // ClQ. 1963. V. 13. № 1. P. 101—104; *Kinzl K. H.* AP 22.4: The Sole Source of Harpokration on the Ostrakismos of Hipparkhos Son of Kharmos // Klio. 1991. Bd. 73. Ht. 1. S. 28—45; *Musti D.* La chronologie du chapitre 22 de l'Ἀθηναίων Πολιτεία sur l'ostracisme // AA. P. 251—259; *Schubert Ch.* Die Macht des Volkes und die Ohnmacht des

рамках перипатетической школы под его руководством грандиозная работа по составлению «Политий» — историй и систематических описаний государственного устройства различных греческих полисов. В ходе этой многолетней работы был собран колоссальный фактологический материал, и значительная его часть вошла, подвергшись обобщению, в итоговый труд школы по данной теме — аристотелеву «Политику». Сведения об остракизме мы обнаруживаем в двух трактатах Аристотеля: в упомянутой «Политике», а также в «Афинской политии» — единственной из 158 (или 171) составленных в Ликее «Политий», находящейся ныне в распоряжении ученых[28]. При этом если в «Афинс-

Denkens: Studien zum Verhältnis von Mentalität und Wissenschaft im 5. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1993. S. 23 ff., и особенно принципиальное исследование: *Raubitschek A. E.* Aristoteles über den Ostrakismos // Tyche. 1986. Bd. 1. S. 169—174.

[28] Дискуссионным является вопрос о хронологическом соотношении «Политики» и «Афинской политии». С одной стороны, практически сразу же после издания «Афинской политии» было справедливо подмечено, что некоторые факты, упоминаемые в этом трактате, дают t.p.q. для него — 328 г. до н. э. (*Sandys J. E.* Introduction // Aristotle's Constitution of Athens: A Revised Text with an Introduction, Critical and Explanatory Notes, Testimonia and Indices. 2 ed. L., 1912. P. XLIX). Это делает «Афинскую политию» едва ли не последним произведением Аристотеля, во всяком случае, более поздним, чем «Политика», работа над которой шла на протяжении 330-х гг. (а начата была, возможно, еще в 340-е, см.: *Heftner H.* T 34—38. Aristoteles, Politika. Vorbemerkung: die Abfassungszeiten der Ostrakismos-Testimonien // OT. S. 417—420). С другой стороны, несомненно и то, что «Афинская полития» составлялась в ходе сбора эмпирического материала для теоретической «Политики», т. е. стадиально, по содержанию, она должна была предшествовать ей (ср.: *Thomsen R.* Op. cit. P. 46). Найти выход из складывающегося противоречия позволяет предположение, что «Афинская полития» уже после написания основной части текста дополнялась и перерабатывалась самим автором в 320-х гг. до н. э. (ср., например: *Ruschenbusch E.* Die Quellen... S. 75). Мы не будем сколько-нибудь подробно касаться здесь еще одного спорного вопроса — об авторстве «Афинской политии» (см.: *Scheidel W., Taeuber H.* T 39—41. Aristoteles, Ath. Pol. Vorbemerkung: zu Verfasserschaft und Abfassungszeit der Athenaion Politeia // OT. S. 447—448). Как известно, принадлежность этого сочинения самому Аристотелю все чаще оспаривается в западной историографии. См., в частности: *Hignett C.* A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B. C. Oxf., 1952. P. 27—30; *Rhodes P. J.* A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxf., 1981. P. 58—63; *Whitehead D.* 1—41, 42—69: A Tale of Two Politeiai // AA. P. 25—38; *Ober J.* Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998. P. 358 ff. Мы не исключаем, что непосредственно над текстом «Афинской политии» мог работать не сам глава Ликея, а кто-то из его учеников (или, может быть, даже группа учеников). Однако, на наш взгляд, не подлежит сомнению, что Аристотель, во всяком случае, авторизовал трактат и издал его под своим именем. Ведь не случайно вся античная традиция называет «Афинскую политию» именно аристотелевым про-

кой политии» содержится целое обилие интереснейших фактов из истории остракизма (причем, что немаловажно, факты эти зачастую приводятся с датировками по эпонимным архонтам), то «Политика» становится полем для теоретических рассуждений об остракизме, отличающихся очень высоким уровнем; до такой высоты и глубины обобщений не поднимался ни до Аристотеля, ни после него ни один античный автор, чье внимание привлекал этот институт[29].

Что касается «Афинской политии», особенно важна для нас ее 22-я глава[30]. В ней Стагирит говорит о введении остракизма Клисфеном διὰ τὴν ὑποψίαν τῶν ἐν ταῖς δυνάμεσιν, из опасений восстановления тирании, и об изначальной направленности этой меры против Гиппарха, сына Харма, главы политической группировки сторонников Писистратидов, остававшихся в Афинах. Затем идет очень подробный рассказ, уснащенный датировками и именами изгнанных, о применении процедуры остракизма в течение 480-х гг. до н. э., о последующем досрочном возвращении его жертв ввиду нашествия Ксеркса на Грецию и о внесении в закон об остракизме изменения, касавшегося местопребывания лиц, подвергнутых этой мере. К сожалению, в дальнейшем автор «Афинской политии» практически не останавливается на последующей истории остракизма; он не говорит ничего даже о выходе этой процедуры из употребления в конце V в. до н. э. И еще одно очень интересное свидетельство встречаем мы в трактате о государственном устройстве афинян (Ath.pol.43.5). Оказывается, еще во времена Аристотеля афинское народное собрание регулярно раз в год рассматривало вопрос о проведении остракофории; таким образом, формально институт остракизма продолжал существовать[31].

В трактате «Политика» также есть несколько пассажей, посвященных остракизму (1284a4 sqq.; 1288a15 sqq.; 1302b15 sqq.). Здесь остракизм рассмотрен в рамках общих вопросов, крайне принципиальных для политической жизни древнегреческого полисного мира: о монархии и о междоусобной распре (стасисе). В целом Аристотель не одобряет обычай остракизма, однако считает, что при некоторых обстоятельствах «мысль об остракизме находит некое справедливое оправдание» (ἔχει τι δίκαιον πολιτικὸν ὁ λόγος ὁ περὶ τὸν ὀστρακισμόν). В частности, он убежден, что в так называемых «отклоняющих-

изведением. В целом о проблемах, связанных с «Политикой» и «Политиями», см. классический труд: *Доватур А. И.* Политика и Политии Аристотеля. М.; Л.,1975.

29 Ср.: *Tarkiainen T.* Die athenische Demokratie. Zürich; Stuttgart, 1966. S.112.

30 См. наиболее подробно: *Taeuber H.* T 39. Aristoteles, Ath. Pol. 22, 1. 3—8 (ca. 332—335 v. Chr.): Einführung und erste Anwendungen des Ostrakismos (487—480 v. Chr.) // OT. S. 449—458.

31 См.: *Scheidel W., Taeuber H.* T 41. Aristoteles, Ath. Pol. 43, 5 (ca. 328—325 v. Chr.): Vorabstimmung in der Volksversammlung über die Abhaltung eines Ostrakismos // OT. S. 465—471. Аналогичный пример из афинской правовой практики, когда узаконение существовало, но на практике не применялось, см.: Arist.Ath.pol.60.2.

ся» формах государственного устройства (а таковыми в классификации, предлагаемой философом, являются три из шести существующих — тирания, олигархия и демократия) остракизм выгоден и полезен (ἰδίᾳ συμφέρει καὶ δίκαιόν ἐστι). Цель остракизма, по мнению Аристотеля, заключается в том, чтобы κολούειν τοὺς ὑπερέχοντας καὶ φυγαδεύειν. Именно понятия ὑπερέχειν (превосходить), ὑπεροχή (превосходство) имеют ключевое значение в рассуждениях Стагирита об остракизме. Будучи человеком классического полисного менталитета, он проникнут идеей меры, соразмерности, и уверен, что любое отступление от этой соразмерности несовместимо с нормальной жизнью полиса. Если кто-либо из граждан чем-то выделяется среди остальных (хотя бы своими достоинствами), возможно лишь два способа поведения по отношению к нему: либо избавиться от такого лица (например, посредством остракизма), либо добровольно подчиниться ему, поставить его выше всех законов и, таким образом предоставить ему полную единоличную власть. Или остракизм, или монархия — фактически такая альтернатива выдвигается Аристотелем. Для «наилучшей» формы государственного устройства, существующей лишь в теории, он предпочитает монархию, но в исторически существующих формах реальность оказывается иной. Впрочем, ученый сам отмечает, что остракизмом часто пользовались вразрез с его теорией — не в общегосударственных интересах, а στασιαστικῶς, т. е. как средством в борьбе политических группировок[32].

Размышления Аристотеля об остракизме обладают, повторим, исключительной ценностью; это — самая глубокая в античности попытка осмыслить цели и функции остракизма как в чем-то даже неизбежного элемента полисного типа политической жизни. Кроме этих теоретических выкладок, есть в «Политике» и одно важное фактологическое свидетельство — сообщение о применении остракизма не только в Афинах, но и в Аргосе. Здесь мы видим самое раннее указание на то, что остракизм не был чисто афинским феноменом (характерно, кстати, что в перечислении Аристотеля Аргос стоит на первом месте, а Афины — на втором)[33].

К рассмотренным пассажам, принадлежащим Стагириту, не следует, впрочем, подходить некритически. Надлежит помнить о том, что это — всего лишь личный взгляд на остракизм одного конкретного автора (пусть даже человека такого выдающегося ума, каким был Аристотель), а не общепринятое в греческом мире суждение. Кроме того, уже было отмечено[34], что его позиции не чужды определенные противоречия. В «Афинской политии» слова

---

[32] *Hameter W.* T 35. Aristoteles, Pol. 3, 1284b 15—30 (ca. 347—340 v. Chr.): der Ostrakismos hat staatstheoretisch eine gewisse Berechtigung, aber nicht als Instrument von Parteikämpfen // OT. S. 429.

[33] О том, что Аристотель, размышляя об остракизме, имел в виду не только афинский материал, см.: *Eder B.* T 34. Aristoteles, Pol. 3, 1284a 17—37 (ca. 347—335 v. Chr.): Ostrakismos dient zur Wiederherstellung demokratischer Gleichheit // OT. S. 422.

[34] *Raubitschek A. E.* Aristoteles... Passim; *Palme B.* T 37. Aristoteles, Pol. 5, 1302b 15—21 (ca. 335—323 v. Chr.): Ostrakismos als Schutz vor Tyrannis // OT. S. 440.

ὑπερέχειν и ὑπεροχή в связи с остракизмом даже не употребляются, а главной функцией этого института оказывается борьба со сторонниками свергнутых тиранов. В «Политике» же акценты расставлены существенно иным образом; речь о каких-либо сторонниках тиранов по поводу остракизма даже не заходит. Впрочем, может быть, перед нами не противоречие, а взаимодополняющие суждения автора — одно применительно к конкретной ситуации в конкретном полисе, а другое — обобщающего характера? Или можно говорить об эволюции взглядов Аристотеля[35]? Но в таком случае в какую сторону шла эта эволюция, какую точку зрения следует считать последней? Работа над «Афинской политией» шла и до, и после написания «Политики». Кстати, отметим еще одно обстоятельство, несколько затрудняющее использование фактов, приводимых Аристотелем. «Афинская полития», как известно, дошла на папирусном манускрипте в далеко не безупречном виде. В частности, некоторые даты, выраженные цифрами, были искажены переписчиками, и в особенной степени это относится как раз к датировкам конца VI — начала V в. до н. э., т. е. того времени, когда был введен и впервые применен остракизм. В результате относительно дат некоторых из первых остракофорий существует определенная неясность (подробнее см. ниже, в гл. I). И тем не менее, несмотря на все сказанное, сведения Аристотеля об остракизме остаются, так сказать, «вне конкуренции».

В сборе материала для «Политий» и «Политики» принимал активное участие ближайший к Аристотелю сотрудник Ликея, впоследствии ставший преемником своего учителя на посту схоларха, — Феофраст[36]. Этот ученый, круг интересов которого был не менее энциклопедическим, чем у самого Аристотеля, наряду с дошедшими до наших дней сочинениями по ботанике, минералогии, этике писал также труды политического и правового содержания[37]. В частности, поскольку в его распоряжении оказалась в конечном счете колоссальная информация по политическому и правовому устройству греческих полисов, не вошедшая в «Политику», он воспользовался ею (причем, насколько можно судить, с большей степенью полноты, чем сам Аристотель) при написании своего трактата «Законы» (Νόμοι). Именно в этом трактате содержался обширный пассаж об остракизме, где должен был приводиться текст закона о введении этого института (вне сомнения, еще доступный Феофрасту) и прослеживаться его дальнейшее применение.

Трактат Феофраста «Законы» не сохранился (и это тоже одна из самых прискорбных утрат для антиковедов, занимающихся политической историей Древней Греции), однако, поскольку фрагменты из него донесены до нас ци-

---

[35] Ср.: *Scheidel W.* T 39—41. Zum Verhältnis der Testimonien in Aristoteles' Politika (T 34—48) zu den Testimonien in der Athenaion Politeia (T 39—41) // OT. S. 472—474.

[36] Мы решительно настаиваем именно на такой русской транскрипции его имени. Почему-то значительно чаще можно встретить написание «Теофраст». Но почему тогда не «Теопомп», «Темистокл», «Тукидид» и т. д.?

[37] Колоссальный перечень сочинений Феофраста см.: Diog.Laert.V.42—50.

татами позднейших писателей (Plut.Nic.11 = Theophr.fr.139 Wimmer; Schol.Lucian.Tim.30), мы имеем некоторое представление о структуре его главы, посвященной остракизму. В ней, в частности, шла речь о выходе остракизма из употребления после изгнания Гипербола. Есть основания полагать, что на данных Феофраста — ученого, пожалуй, знавшего об остракизме больше, чем кто-либо в классической античности, — в значительной мере основывалась почти вся последующая греческая нарративная традиция об этом институте[38]. О зависимости от Феофраста можно говорить даже применительно ко многим из тех поздних авторов, у которых нет прямых ссылок на него (например, к схолиастам к комедиям Аристофана). Кроме «Законов», Феофраст касался остракизма также в трактате «Политические обстоятельства» (fr.131 Wimmer, цитируется целым рядом позднейших писателей). Этот фрагмент интересен тем, что в нем второй схоларх Ликея выступает как основоположник традиции, согласно которой первым был изгнан из Афин остракизмом еще Тесей (этой традиции мы подробнее коснемся ниже, гл.II, п.2).

Об остракизме писал и еще один представитель перипатетической школы, ученик Феофраста (впрочем, судя по всему, он слушал еще и самого Аристотеля) Деметрий Фалерский, в течение десяти лет (с 317 до 307 г. до н. э.) являвшийся правителем-эпимелетом Афин под македонским протекторатом[39]. В диалоге «Сократ» Деметрий в неизвестной нам связи говорит об остракизме Аристида (FGrHist.228.F43), указывая — вполне в русле устоявшейся к его времени точки зрения, — что эта мера применялась к людям знатным и вызывавшим зависть у сограждан (τοῖς ἐξ οἴκων τε μεγάλων καὶ διὰ γένους ὄγκον ἐπιφθόνοις).

Хронологически стоит уже в начале эллинистической эпохи, но стадиально также должен быть причислен к авторам, завершающим классическую традицию, Филохор — последний и самый крупный представитель аттидографического жанра, живший в конце IV — первой половине III в. до н. э. Из «Аттиды» Филохора до нас дошел чрезвычайно важный фрагмент (FGrHist.

---

[38] Эта мысль наиболее настоятельно и аргументированно проводится в важнейшей работе, посвященной сообщениям Феофраста об остракизме: *Raubitschek A. E.* Theophrastos on Ostracism // CM. 1958. 19. P. 73—109. О роли Феофраста в формировании античной нарративной традиции об остракизме см. также: *Bloch H.* Theophrastus' Nomoi and Aristotle // ASPF. P. 355—376; *Connor W. R., Keaney J. J.* Theophrastus on the End of Ostracism // AJPh. 1969. V. 90. № 3. P. 313—319; *Keaney J. J.* Theophrastus on Ostracism and the Character of his NOMOI // AA. P. 261—278; *Суриков И. Е.* Закон Клисфена... С. 15.

[39] О правлении Деметрия Фалерского в Афинах см.: *Lehmann G. A.* Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v. Chr. // AD. S. 139—150; *Williams J.* Ideology and the Constitution of Demetrius of Phalerum // PaP. P. 327—346; *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 58—71; *Фролов Э. Д.* Греция в эпоху поздней классики: Общество. Личность. Власть. СПб., 2001. С. 535—565.

328.F30), являющийся самым ранним из дошедших до нас свидетельств, в которых изложена сама процедура проведения остракизма[40]. Аттидограф сообщает о предварительном голосовании в народном собрании по поводу остракизма, о процессе подачи черепков на афинской Агоре, о подсчете этих «бюллетеней», отмечая при этом, что минимальным количеством поданных против одного лица голосов, необходимым для его изгнания, было 6000. Далее историк останавливается на сроке и условиях пребывания в изгнании лиц, ставших жертвой остракизма. Инициатором принятия закона об остракизме Филохор называет Клисфена, стремившегося изгнать сторонников низвергнутых тиранов; причиной применения этого закона он считает подозрения по поводу возможности нового установления тирании. Во фрагменте указывается также, что обычай остракизма вышел из употребления после изгнания Гипербола, подвергшегося ему διὰ μοχθηρίαν τρόπων.

Иногда считается[41], что интереснейшие сведения, приводимые Филохором об остракизме, восходят к Феофрасту. Позволим себе не согласиться с этим мнением. Филохор — афинский уроженец — специально и углубленно занимался вопросами истории родного полиса, в том числе и интересующим нас здесь. Он опирался и на предшествующую афинскую историческую традицию (в том числе аттидографическую), и, несомненно, на непосредственную собственную работу с документами[42]. Вряд ли у него была прямая необходимость ставить себя в полную зависимость от сочинения Феофраста — чужака в Афинах, писавшего об остракизме лишь постольку, поскольку это лежало в русле общегреческих государственно-правовых реалий.

* * *

После Филохора в нарративной традиции об остракизме обнаруживается (во всяком случае, при нынешнем состоянии источников) значительная хронологическая лакуна, охватывающая бóльшую часть эпохи эллинизма и прекращающаяся лишь в середине I в. до н. э.[43] Однако после этого информация об интересующем нас институте вновь становится обильной. Отметим, что остракизм теперь начинает привлекать внимание не только греческих, но и римских авторов. Так, Цицерон кратко упоминает об остракизмах Аристида (Tusc.V.105), Фемистокла (De amic.42). Более информативным оказывает-

---

[40] По поводу свидетельства Филохора об остракизме см.: *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 1. P. 316 ff.; *Raubitschek A.E.* Philochoros frag. 30 (Jacoby) // Hermes. 1955. Bd. 83. Ht. 1. S. 119—120; *Develin R.* Philochoros on Ostracism // Civiltà classica e cristiana. 1985. V. 6. P. 25—31.

[41] Например: *Raubitschek A.E.* Theophrastos... P. 77.

[42] О Филохоре и методах его работы см.: *Pearson L.* Op. cit. P. 105—136.

[43] Сведения из эпитомы «Афинской политии» Аристотеля, принадлежащей Гераклиду (Лембу?) и составленной, скорее всего, во II в. до н. э., можно не брать в расчет, поскольку они не содержат ничего нового.

ся его младший современник — биограф Корнелий Непот, автор сборника жизнеописаний знаменитых «иноземных» (преимущественно греческих) полководцев. В биографиях Аристида, Фемистокла, Кимона Непот рассказывает о том, что этих деятелей подвергли остракизму, приводя и кое-какие детали (пребывание Фемистокла в Аргосе во время изгнания; досрочное возвращение Кимона; происки Фемистокла как причина изгнания Аристида). Впервые (из дошедших до нас писателей) переданный Непотом анекдот об Аристиде и неграмотном крестьянине, попросившем его надписать черепок, стал со временем весьма популярным.

Из произведений собственно греческих историков I в. до н. э. особенное значение имеет «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского. Добросовестный компилятор, Диодор старается точно излагать сведения, почерпнутые им, как правило, у достаточно ранних и авторитетных писателей, и при этом по большей части не допускает сознательных искажений в угоду какой-либо тенденции. Это делает приводимые им сведения весьма ценными, несмотря на не очень похвальное свойство данного автора — весьма редко прямо указывать источники своей информации. Об остракизме Диодор говорит в основном в контексте древнегреческой истории периода Пентеконтаэтии (XI.54—55; XI.86—87; ср. также XIX.1)[44]. Давая общую характеристику рассматриваемого здесь института, историк неоднократно подчеркивает, что остракизм не являлся наказанием (κόλασις, τιμωρία), и называет его средством ταπεινώσειν τὰ φρονήματα τῶν πλεῖστον ἰσχυόντων. Естественно, есть у Диодора и упоминания в связи с остракизмом о таких категориях, как ὑπεροχή, φθόνος. Интересно, впрочем, что наряду с этими общими целями применения остракизма он приводит и более конкретные. Так, в Афинах изгоняли остракизмом людей, которых считали наиболее способными свергнуть демократию (μάλιστα δύνασθαι καταλῦσαι τὴν δημοκρατίαν) или — тут, наверное, другими словами выражается та же мысль — наиболее способными установить тиранию (μάλιστα δύνασθαι τυραννεῖν).

Из конкретных связанных с остракизмом фактов, упоминаемых у Диодора, бросается в глаза определение срока изгнания — пять лет. Банальная ошибка, происшедшая от небрежности при компилировании, как обычно

---

[44] По поводу информации о Пентеконтаэтии, содержащейся в труде Диодора, см.: *Строгецкий В. М.* Возникновение и развитие исторической мысли в Древней Греции (на материале изучения «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского). Горький, 1985. С. 24—25 (хотя о сообщениях Диодора в связи с остракизмом в этой работе ничего не говорится). Ф. Якоби считал, что пассажи Диодора об афинском остракизме восходят к Эфору: *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 1. P. 317. Это возможно, но вряд ли доказуемо. Характерно, что ни в одном из надежно атрибутируемых фрагментов Эфора не говорится об остракизме. Сообщение же Диодора о сиракузском петализме, несомненно, опирается на авторитетную сицилийскую традицию, скорее всего, на Тимея из Тавромения, а возможно — и на более ранних историков, таких как Антиох Сиракузский или Филист.

считается? Как нам представляется, дело обстоит несколько сложнее, тем более, что уже Филохор, которого трудно упрекнуть в небрежности, указывает: вначале остракизмом изгоняли на десять лет, а потом стали на пять. Вопрос настоятельно требует прояснения, что мы и попытаемся сделать ниже (гл. III, п. 4). Наконец, большая заслуга Диодора еще и в том, что он приводит уникальные сведения о сиракузском петализме — процедуре, практически полностью аналогичной афинскому остракизму[45].

Кроме упомянутых авторов, об остракизме писал в I в. до н. э. александрийский грамматик Дидим, комментируя Демосфена. Впрочем, его пассаж сводится к дословной передаче сообщения Филохора. Тем не менее Дидим — весьма скрупулезный и плодовитый ученый — важен для нас тем, что он послужил, если так можно выразиться, «передаточным звеном» в традиции об остракизме; через него информация от историков классического и раннеэллинистического времени впоследствии попала к позднеантичным эрудитам[46].

В эпоху Римской империи количество упоминаний об остракизме в письменных источниках значительно возрастает, что связано с общим ростом литературной продукции в это время. Впрочем, количественный скачок далеко не всегда влечет за собой качественный. Те данные, с которыми нам теперь предстоит иметь дело, несут все признаки вторичности. Остракизм давно уже был явлением далекого прошлого; весь материал о нем черпался далеко не из первых рук. При определении ценности этого материала следует иметь в виду, во-первых, конечно, степень его новизны (сообщает ли тот или иной поздний автор что-либо иное по сравнению с тем, что мы знали и без него, из ранней традиции), а во-вторых — степень достоверности первоисточника, из которого он почерпнут (если такой первоисточник можно определить). Один небольшой пример. Малоизвестный историк I или II в. н. э. Птолемей Хенн заявляет в труде «Новая история» (ap.Phot.Bibl.cod.190, p. 152a 39—40), что человека, придумавшего остракизм в Афинах, звали Ахиллом, сыном Лисона. Информация, что и говорить, новая, своеобразная, можно сказать, ни на что не похожая. Но откуда она взята? Никто не имеет об этом ни малейшего понятия, что делает использование такой информации крайне проблематичным, особенно если учитывать очень невысокую репутацию Птолемея Хенна как источника[47].

Сформировавшееся начиная с конца I в. н. э. такое грандиозное литературное направление, как «вторая софистика», поставившее перед собой задачу фактически дать новую универсальную общекультурную парадигму для греческого мира под римским владычеством[48] и акцентировавшее в связи с

---

[45] Кроме Диодора, о петализме упоминает (очень кратко) еще только лексикограф Гесихий (s. v. πεταλισμός).

[46] *Raubitschek A. E.* Theophrastos... P. 102.

[47] Об этой репутации см.: *Thomsen R.* Op. cit. P. 15.

[48] О попытке представителей «второй софистики» построить новый тип культуры на основе риторического принципа ср.: *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской

этим едва ли не любое из сколько-нибудь примечательных событий «великого прошлого» Эллады, естественно, не могло пройти и мимо феномена остракизма. Речь здесь пойдет прежде всего о крупнейшем представителе «второй софистики» — Плутархе (хотя это, бесспорно, фигура такого масштаба, что ее уже можно считать стоящей выше любых направлений). Литературное наследие Плутарха колоссально. Впрочем, мы a limine исключаем из рассмотрения многотомный корпус так называемых «Моралий» — трактатов на этические, религиозные, политические темы. На всем их протяжении лишь в одном месте (Mor.186ab = Apopht.reg.40.2) упоминается об остракизме, да и оно по содержанию дублирует биографию Аристида, написанную тем же автором.

Что же касается собственно «Сравнительных жизнеописаний», с которыми у каждого читателя и ассоциируется в первую очередь имя Плутарха, то сведения об остракизме, содержащиеся в них, оказываются настолько обильными, что из всех античных авторов Плутарх в этом отношении может быть сопоставлен только с Аристотелем (хотя такое сопоставление будет все-таки не в пользу херонейского мудреца — он более многословен и менее информативен). Одним из главных достоинств Плутарха является его исключительная эрудиция и начитанность. Как и большинство древнегреческих писателей, он, к сожалению, не склонен систематически обозначать свои источники, но делает это все же много чаще, чем, например, Диодор. Достаточно перечислить тех авторов, на которых Плутарх ссылается в своих пассажах об остракизме: Кратин, Платон Комик, Фукидид, Андокид[49], Платон (философ), Феофраст, Деметрий Фалерский. Весьма достойный перечень, состоящий из имен ранних и авторитетных писателей, труды которых к тому же по большей части не сохранились целиком.

В биографиях Фемистокла, Аристида, Кимона Плутарх, как и следует ожидать, рассказывает об изгнании этих политических лидеров остракизмом; в биографии Перикла заходит речь об остракизме Фукидида, сына Мелесия, а в биографиях Алкивиада и Никия — об остракизме Гипербола. Особенное внимание следует обратить на самое подробное и детализированное свидетельство интересующего нас здесь автора (Plut.Aristid.7) — экскурс, введенный по поводу остракизма Аристида. Характеристика, даваемая Плутархом остракизму, в целом лежит в русле предшествующей традиции, однако вносит в его понимание и кое-что новое. Остракизм — не наказание (κόλασις); по названию это было ὄγκου καὶ δυνάμεως βαρυτέρας ταπείνωσις καὶ κόλουσις, а по существу — φθόνου παραμυθία φιλάνθρωπος. Применяя остракизм, афиняне скрывали под видом страха перед восстановлением тирании (φόβον τυραννίδος) обычную зависть к славе выдающихся людей. Потому-то под эту меру и подпадали знатные, прославленные политические деятели и полководцы; когда же ей начали

литературной традиции. М., 1996. С. 352—353. Ср. также: *Йегер В.* Пайдейя: Воспитание античного грека. Т. 1. М., 2001. С. 24.

[49] Плутарх (Alc. 13) ссылается на «речь Феака против Алкивиада», под которой следует понимать IV речь Андокида.

подвергать людей незнатных и дурных (ἀγεννεῖς καὶ πονηρούς), таких, как Гипербол, сам институт вышел из употребления. Сходные оценки остракизма можно найти и в некоторых других пассажах херонейского биографа[50].

В описание процедуры остракофории Плутарх вносит весьма интересный штрих. По его указанию, после окончания голосования остраконы пересчитывались должностными лицами два раза; если в ходе первого пересчета общее количество черепков оказывалось меньше 6000, подсчет голосов по отдельным «кандидатам» уже не проводился и вся остракофория объявлялась несостоявшейся. Таким образом, Плутарх считает, что число 6000 в связи с остракизмом являлось кворумом, необходимым для признания мероприятия имеющим законную силу. Здесь он, несомненно, вступает в противоречие с атидографом Филохором, который, как мы видели выше, видит в числе 6000 минимум голосов против одного лица, требовавшийся для его изгнания. Перед нами — одна из самых сложных и дискуссионных процедурных проблем, связанных с остракизмом, и она неизбежно потребует специального рассмотрения (см. ниже, гл. III, п. 2).

Плутарх дорог нам, помимо всего прочего, еще и тем, что его яркое, живое повествование дает сухим историческим фактам, так сказать, «плоть и кровь». Именно этому автору мы обязаны самым подробным во всей доступной нам нарративной традиции описанием конкретного исторического контекста многих остракофорий (Аристида, Фемистокла, Кимона, Фукидида, сына Мелесия, Гипербола), обстоятельств, при которых они происходили, непосредственных причин изгнания этих лиц и т. п. Безусловно, работая с этими данными, никогда нельзя забывать о том, что Плутарх отделен от разбираемых им событий полутысячелетним хронологическим промежутком, что сведения о них попадали к нему порой через несколько авторов-посредников, что какие-то реалии политической жизни Афин V в. до н. э. он уже просто недопонимал. И тем не менее любой специалист, занимающийся остракизмом, обречен на самое активное использование материала, предоставляемого знаменитым биографом.

Основные недостатки Плутарха как источника тоже хорошо известны антиковедам. Это далеко не всегда в должной мере критичное отношение к используемым им данным, больший акцент на занимательность и поучительность повествования, нежели на документальную точность, определенная морализаторская тенденция, склонность к риторическим клише и отмечавшимся выше ненужным длиннотам. Особенно болезненно для исследователя в высшей мере свойственное писателю, о котором идет речь, принципиальное пренебрежение хронологической скрупулезностью[51]. Увы, биографии Плу-

---

[50] Plut.Them.22; Alc.13; Nic.11.

[51] Эту черту биографий Плутарха нам уже приходилось отмечать: *Суриков И. Е.* Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 99; *Он же.* К историко-хронологическому контексту... С. 18; *Он же.* Внешняя политика Афин в период Пентеконтаэтии // Межгосударственные отношения и дипломa-

тарха ввиду практикуемого их автором сознательно отрывочного характера изложения практически не могут быть использованы для сколько-нибудь точного решения хронологических вопросов, возникающих в связи с историей остракизма.

Плутарх был самым важным, но, разумеется, далеко не единственным представителем «второй софистики», упоминавшим в своих сочинениях остракизм. Так, о применении этой меры к Аристиду (поскольку изгнание из полиса заведомо достойного гражданина давало удачную возможность прибегнуть к разработанным риторическим топосам) говорят Дион Хрисостом (LXVI.26), Алкифрон (Epist.III.25.3), Флавий Филострат (Vita Apoll.VII.21), Либаний (Decl.XXIII.43), историк Аристодем (FGrHist.104.F1.1). Неоднократно заходит речь об остракизме у крупнейшего ритора II в. н. э. Элия Аристида, хотя он, конечно, прибегает к этой теме не с целью сообщить какую-то новую информацию, а чтобы блеснуть очередной серией словесных красот. Привлекает к себе внимание странное указание Клавдия Элиана (Var. hist.XIII.24), согласно которому Клисфен, введший остракизм, якобы сам же ему и подвергся. Этого свидетельства, поскольку оно противоречит всей остальной античной традиции, нам волей-неволей придется подробнее касаться ниже. Есть мнение, что данный пассаж Элиана восходит к Феофрасту[52], однако нам это представляется совершенно невозможным. Феофраст, как мы видели выше, считал, что остракизму подвергся еще легендарный Тесей. Соответственно, он никак не стал бы называть Клисфена человеком, впервые учредившим в Афинах остракизм (τὸ δεῖν ἐξοστρακίζεσθαι πρῶτος ἐσηγησάμενος).

Обратим внимание также на один небезынтересный памятник псевдоэпистолографии времен «второй софистики» (созданный, скорее всего, во II в. н. э.) — так называемые «Письма Фемистокла», сборник посланий, якобы написанных этим деятелем некоторым своим современникам: Эсхилу, Полигноту, спартанцу Павсанию и др. Перед нами, несомненно, риторическое упражнение, составленное в какой-то из школ. Однако о текстах такого рода принято говорить — и, насколько можно судить, с полным основанием, — что их авторы имели в своем распоряжении более ранние и надежные источники, так что их тоже нельзя сбрасывать со счетов. А некоторые не имеющие параллелей сведения, относящиеся к остракизму Фемистокла, в приписываемых ему «Письмах» содержатся[53].

тия в античности. Ч. 2. Хрестоматия. Казань, 2002. С. 71; *Он же.* Античная нарративная традиция... С. 67—68. В целом о методе Плутарха см.: *Pelling C. B. R.* Plutarch and Thucydides // Plutarch and the Historical Tradition. L.; N. Y., 1992. P. 10—40.

[52] *Keaney J. J., Raubitschek A. E.* A Late Byzantine Account of Ostracism // AJPh. 1972. V. 93. № 1. P. 91.

[53] О «Письмах Фемистокла» и содержащейся в них информации см.: *Миллер Т.А.* Псевдоисторическая эпистолография // Античная эпистолография. М., 1967. С. 198—209; *Podlecki A. J.* The Life of Themistocles: A Critical Survey of the Literary

Во многом со «второй софистикой», с увеличением интереса греков к своему прошлому можно связывать формирование в первые века н. э. жанра энциклопедической литературы, представленной произведениями лексикографов, паремиографов (толкователей пословиц) и др. Произведения такого рода дошли уже от эпохи Антонинов, и впоследствии их становилось все больше и больше едва ли не с каждым веком. Их авторы, эрудиты-антиквары, как правило, чужды какого бы то ни было стремления к риторической обработке материала; их сообщения, написанные простым и безыскусственным стилем, краткие порой до скупости, представляют собой чистую информацию.

Самые ранние из дошедших до нас лексикографических трудов относятся ко II в. н. э. Это «Ономастикон» Юлия Полидевка (Поллукса) и «Словарь к десяти аттическим ораторам» Валерия Гарпократиона[54]. Полидевк в пассаже об остракизме (VIII.19—20)[55] дает оценку этой мере, считая, что ей подвергали δι᾽ ἀρετῆς φθόνον μᾶλλον ἢ διὰ κακίας ψόγον; в этом он не выходит за рамки предшествующей традиции. Интересно, что при толковании числа 6000 в связи с остракизмом антиквар примыкает к Филохору, а не к Плутарху: по его мнению, таково было число голосов, которое следовало подать против одного человека, чтобы добиться его изгнания. При этом заметим, что в целом Полидевк не опирается слепо на Филохора и там, где нужно, проявляет самостоятельность. Так, он пишет, что на время проведения остракофории огораживалась некая часть Агоры (τι τῆς ἀγορᾶς μέρος), а не вся городская площадь, как утверждает аттидограф. Здесь Полидевк находится в согласии с Плутархом, и, как ни парадоксально, в данном случае правы оказываются поздние авторы, а не ранний и авторитетный историк Аттики[56].

Об одной из статей словаря Гарпократиона мы уже имели случай упомянуть выше. Это статья о Гиппархе, в которой лексикограф цитирует фрагмент F6 Андротиона и которая стала предметом горячих дискуссий в связи с вопросом о времени введения остракизма. Гарпократион упоминает об остракизме и в некоторых других статьях (s. v. Ἀλκιβιάδης; s. v. Ὑπέρβολος), но в них ничего принципиально нового не сообщает.

Говорится об интересующем нас институте и еще в нескольких лексиконах римского времени, в том числе, в словаре выражений, употребляемых Платоном, составленном в IV в. н. э. неоплатоником Тимеем (s. v. ἐξοστρακισμός), а также в сборнике позднеантичных лексикографических сочинений, в большинстве своем анонимных, известном под условным названием

---

and Archaeological Evidence. Montreal, 1975. P. 131; *Idem.* Themistocles and Pausanias // RFIC. 1976. V. 104. Fasc. 3. P. 293—311.

[54] Впрочем, словарь Гарпократиона имеет менее четкую датировку. Иногда его относят к III или IV в. до н. э.

[55] В сочинении Полидевка, в отличие от подавляющего большинства позднейших лексиконов, слова и выражения расположены не по алфавитному, а по тематическому признаку.

[56] По поводу этого разногласия см.: *Develin R.* Philochoros... P. 29.

Lexica Segueriana и опубликованном в начале XIX в. И. Беккером в первом томе своих Anecdota Graeca. К интересующим нас особенностям этого последнего памятника следует отнести тот факт, что в нем (Bekker Anecd. I.285.20 sqq.) эксплицитно обозначаются различия между остракизмом и собственно изгнанием (φυγή): в отличие от изгнанных, у подвергшихся остракизму имущество не подвергалось конфискации, кроме того, им определялись срок и место пребывания, а изгнанникам — нет. Строго говоря, скрупулезной точностью этот пассаж не блистает. Во-первых, существовали разные виды изгнания, и не обязательно все они должны были сопровождаться конфискацией имущества[57]. Во-вторых, не вполне правильно суждение об определении места пребывания для лиц, подвергшихся остракизму: им назначалось, да и то не с самого начала существования института, не конкретное место, а лишь некие (весьма расплывчатые) границы, за которые они не имели право выходить (подробнее см. ниже, гл. III, п. 3). В-третьих, поскольку остракизм был одной из разновидностей изгнания, вряд ли методологически правомерно противопоставлять их друг другу: получается противопоставление части и целого. Тем не менее попытка такого противопоставления, предпринятая безымянным лексикографом, оказалась привлекательной для его более поздних коллег по жанру, и у них мы неоднократно будем встречать то же самое.

Абсолютно необходимо остановиться и на такой категории письменных источников, как схолии — позднеантичные комментарии, обычно анонимные, к произведениям более ранних авторов. Наиболее информативны в интересующем нас отношении схолии к Аристофану; некоторые сведения об остракизме содержатся также в схолиях к Фукидиду, Лукиану, Павсанию, Элию Аристиду. Время составления тех или иных схолий чаще всего не поддается сколько-нибудь точному определению. Впрочем, этот вопрос и не имеет действительно принципиального значения. По сути дела, не так уж и важно, работал ли данный конкретный комментатор в IV, V или даже X веке: в любом случае от событий классической эпохи его отделял колоссальный временной промежуток. Важнее оказывается другое: на какие источники схолиасты опирались. И картина, взятая в этом ракурсе, оказывается, без преувеличения, блестящей: в схолиях сплошь и рядом цитируются аттидографы, Феопомп, Феофраст и другие в высшей степени авторитетные писатели. Схолии, в частности, стали настоящим кладезем для ученых, составлявших корпусы фрагментов древнегреческих историков (Мюллера, Якоби). Конечно, вряд ли поздние схолиасты непосредственно работали со всеми теми авторами, на которых они ссылаются; значительная часть таких ссылок просто позаимствована ими у представителей александрийской филологической науки эпохи эллинизма (таких, например, как упоминавшийся выше Дидим). В любом слу-

[57] Наиболее фундаментальный труд о разных типах изгнания в греческом мире: *Seibert J.* Die politischen Flüchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte. Darmstadt, 1979. Bd. 1—2.

чае, однако, перед нами некая непрерывная традиция; пусть в ней из-за большого количества звеньев порой и может возникать эффект «испорченного телефона», но в целом в аутентичности многих сохраненных схолиастами сведений вряд ли можно сомневаться.

А эти сведения зачастую оказываются весьма ценными. Так, в схолиях к Аристофану (Equ.855) мы встречаем толкование числа 6000 в связи с остракизмом, совпадающее с филохоровским (минимальное количество голосов против одного лица), а также уникальное указание на существование института остракизма не только в Афинах и Аргосе, но также в Милете и Мегарах. Там же находится оригинальное объяснение выхода остракизма из употребления после изгнания Гипербола. Согласно схолиасту, главную роль в этом сыграла не дискредитация процедуры, примененной к недостойному ее человеку (а именно таково мнение большинства античных авторов), а вскоре наступившее ухудшение в делах афинян (διὰ τὴν ἀσθένειαν τὴν γεγενημένην τοῖς Ἀθηναίων πράγμασιν ὕστερον). Имеются в виду, несомненно, несчастные для афинского полиса последние годы Пелопоннесской войны.

Разумеется, далеко не все схолии представляют одинаковую ценность. Стоит, например, курьеза ради почитать одно место из схолий к Элию Аристиду (XLVI.p.118.13 Jebb = III.p.446 Dindorf). В этих нескольких строчках столько разного рода путаницы, что они производят прямо-таки уморительное впечатление. Кимон оказывается главой демократов (еще бы, ведь он раздавал свое имущество беднякам!), а Перикл — лидером олигархов. Кимон, обвиненный Периклом из-за своей сестры «Ланики» (т. е. Эльпиники) и из-за якобы преданного им острова Скироса (на самом деле со Скиросом связана одна из самых удачных военных кампаний Кимона, а под суд он попал по фасосскому делу), был изгнан из Афин (смешаны два события, разделенные несколькими годами — судебный процесс Кимона и его остракизм). Перикл же после этого взял да и перешел на сторону демократов из страха, как бы они не начали его преследовать. Иными словами, работая со схолиями, нужно быть готовым ко всему: и к тому, что натолкнешься на такие вот несуразности, и к тому, что среди подобного хлама вдруг жемчужиной блеснет осколок по-настоящему ценной информации.

* * *

Наш обзор письменных источников будет неполным, если мы не коснемся хотя бы вкратце сведений об остракизме, содержащейся у авторов уже не античной, а византийской эпохи[58]. Речь идет прежде всего о данных, приводимых византийскими эрудитами, составителями лексиконов разного характера. Самый ранний из них — александриец Гесихий (V—VI вв.), во многом унаследовавший еще традиции позднеантичной лексикографии (Полидевка,

[58] Об этой категории источников нам уже приходилось писать: *Суриков И. Е.* Долгая память...

Гарпократиона и др.)[59]. Затем в хронологическом порядке следуют труды константинопольского патриарха Фотия (IX в.), человека непревзойденных для своего времени образованности и интеллекта, одной из центральных фигур культурной истории Византии[60]. Фотию также принадлежит «Лексикон», но особенно прославила его имя «Библиотека» (или «Мириобиблион») — собрание конспектов и характеристик нескольких сотен античных и византийских сочинений. Далее следует упомянуть анонимные энциклопедические словари «Суда» (X в.) и «Большой Этимологик» (ок. XII в.), лексиконы Псевдо-Зонары (XIII в.) и Фомы Магистра (XIII—XIV вв.). Во многом близкая к данным лексикографов и коррелирующая с ними информация имеется в трудах других византийских ученых писателей. Среди них — комментаторы, такие как один из последних представителей неоплатонической философии Олимпиодор, комментировавший в VI в. в Александрии некоторые сочинения Платона и Аристотеля, и особенно высокоученый клирик Евстафий, митрополит Солунский (XII в.)[61], составивший фундаментальный комментарий к поэмам Гомера. Назовем также Иоанна Цеца (XII в.), автора написанного стихами антикварного трактата «Хилиады», и одного из крупнейших представителей поздневизантийской литературы Феодора Метохита (XIII—XIV вв.)[62].

Ко всем этим писателям вполне приложимо то, что было выше сказано об источниках, относящихся ко времени поздней античности. Они опирались на обширный корпус доступных им, но уже не дошедших до нас памятников более ранней литературы, среди которых были произведения тех же авторитетных историков, которых мы уже упоминали: Феофраста, Феопомпа, аттидографов и многих других. Этим-то в первую очередь и определяется значение сообщений византийцев об остракизме: казалось бы, так далеко отстоя хронологически от времени функционирования этого института, они тем не менее

---

[59] По поводу некоторых свидетельств Гесихия об остракизме см.: *Heftner H.* Der κεραμεὺς Λυκοῦργος von Hesychios κ 2265 Latte (= fr. Com. Adesp. 362 K.—A.): ein Komödienwitz über den Ostrakismos? // ZPE. 1997. Bd. 119. S. 13—19.

[60] О литературном и общекультурном значении деятельности Фотия см.: *Wilson N. G.* Scholars of Byzantium. L., 1996. P. 89—119; *Мейендорф И.* Введение в святоотеческое богословие. 2 изд. Вильнюс; М., 1992. С. 318 слл.; *Аверинцев С. С.* Ук. соч. С. 279 слл. Фотий, помимо всего прочего, играл выдающуюся роль также в религиозно-политической жизни бурного и напряженного IX века. Инициативе этого энергичного святителя во многом следует приписать такие события церковной истории, как принятие христианства болгарами, миссия Константина (Кирилла) и Мефодия в Моравии, первое открытое проявления раскола между Римом и Константинополем по вопросам догматическим (filioque и др.) и каноническим (проблема папского примата). Соответственно, отношение к его деятельности в последующие эпохи было крайне неоднозначным. Православной Церковью Фотий был канонизирован, в то время как католики считают его злостным еретиком и схизматиком.

[61] О нем см.: *Wilson N. G.* Op. cit. P. 196—204.

[62] О Феодоре Метохите: *Ibid.* P. 256—264.

послужили «передаточной инстанцией», сохранив некоторые немаловажные факты. Далеко не всегда ромейские эрудиты давали подобающие ссылки на свои источники, что, однако, не дает повода относиться к приводимой ими информации с априорным недоверием. За редкими и малозначительными исключениями их нельзя обвинить в вымыслах и фантазиях; не столь уж часты и случаи неумышленного искажения, в любом случае вполне объяснимые в связи с отмечавшейся выше временнуй дистанцией[63].

Многие данные византийских авторов по рассматриваемому кругу проблем, как и следует ожидать, не добавляют ничего нового к тому, что нам известно об остракизме. Естественно, что в любой словарной статье об этом институте приводился некий минимум обязательных сведений о нем, и этот минимум, в сущности, кочевал из лексикона в лексикон, порой повторяясь едва ли не дословно (Hesych. s. v. ὀστρακισμός; Phot.Lex. s. v. ὀστρακισμός; Suid. s. v. ὀστρακισμός; Etym.Magn. s. v. ἐξοστρακισμός; [Zonar.] Lex. s. v. ἐξοστρακισμός). Но даже такого рода «тривиальностями» не следует пренебрегать: они вполне могут выполнить, в частности, верификационную функцию. Действительно, если в этих сведениях, которые мы можем поверить свидетельствами собственно античной традиции, не встречается серьезных ошибок — а дело обстоит именно таким образом, — то можно со значительной долей доверия относиться и к той информации, дошедшей через посредство византийцев, которая не поддается аналогичной прямой и безусловной поверке.

Пожалуй, нам известен лишь один случай по-настоящему существенного отклонения византийского эрудита от античной традиции. Речь идет о свидетельстве Цеца (Chil.X.36; XIII.449—452), согласно которому местом проведения остракизма якобы был Киносарг (известный афинский гимнасий), а для признания голосования состоявшимся требовалась тысяча голосов. Как мы уже видели, вся остальная традиция (кстати, не только античная, но и продолжающая ее византийская, словом, все авторы, писавшие об этом за исключением Цеца) единодушно говорит в данной связи не о Киносарге, а об Агоре и не о тысяче, а о шести тысячах голосов. Как бы ни объяснять это разногласие — собственными домыслами Цеца, банальной путаницей, следованием какой-то иной, совершенно не дошедшей до нас традиции или чем-либо иным, — ясно, что подобный нюанс уже a priori отнюдь не прибавляет достоверности остальной информации об остракизме, содержащейся у этого писателя. Помимо прочего, Цец (Chil.XIII.457 sqq.) пересказывает известный анекдот о справедливом Аристиде, надписавшем для неграмотного крестьянина остракон против себя самого. Этот рассказ встречается уже у античных биографов Аристида (Nep.Aristid.1; Plut.Aristid.7) и, возможно, даже имеет некую реальную подоплеку (надеемся, в дальнейшем нам еще представится возможность остановиться несколько подробнее на этом интересном сюжете),

---

[63] Тем более, что в Византии существовали уже совсем иные правовые реалии и, в частности, иные виды изгнания и ссылки (ἐξορία, περιορισμός). См.: *Медведев И. П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 427.

но у Цеца он разукрашен множеством малодостоверных деталей чисто риторического характера. Анекдот об Аристиде и крестьянине вообще был любим византийскими авторами; образцы его риторической обработки (несколько иного характера) мы встречаем также в лексиконе «Суда» (s. v. Ἀριστείδης) и у Метохита (Misc. p. 609—610 Müller — Kiessling).

Впрочем, если отвлечься от риторического антуража, который в рамках византийской литературы был в какой-то мере просто неизбежен, а также от изменения значения слов (как мы говорили во введении, к началу византийской эпохи слово «остракизм» могло уже употребляться для обозначения любого изгнания, чем, очевидно, и объясняется странное свидетельство Олимпиодора, Comm.in Arist.Meteor.p.17 Stuve, об остракизме философа Анаксагора, который на деле, не будучи афинским гражданином, конечно, не мог подвергнуться этой мере), необходимо отметить, что порой свидетельства даже самых поздних авторов содержат такую информацию, от которой нельзя просто отмахнуться. При этом — повторим то, что мы говорили в связи со схолиями, — конкретное время создания того или иного дошедшего до нас труда даже не имеет принципиального значения, поскольку он мог опираться на какую-то раннюю, но неизвестную нам традицию.

Следует упомянуть о ряде передаваемых византийскими авторами ценных деталей истории остракизма (некоторые из них не упоминаются в дошедших до нас источниках собственно античной эпохи). Так, из Гесихия (s.v. Μενωνίδαι) мы узнаем об изгнании остракизмом некоего Менона, что подкрепляется данными надписей на острака (см. ниже, гл. I), из лексикона «Суда» (s. v. ἀποστρακισθῆναι; Κίμων; ὀστρακισμός) — о связи остракизма Кимона со сплетнями о его отношениях со своей сестрой Эльпиникой (здесь очень поздний источник напрямую соприкасается с одним из самых ранних — IV речью Андокида), из Евстафия (ad Hom.Il.XVIII.543, v. 4, p. 248—249 van der Valk) — об аллюзиях афинских комедиографов в связи с остракизмом, из Метохита (Misc.p.608 Müller — Kiessling) — о роли некоего Ликомеда при остракизме Фемистокла[64] и т. п. Несколько авторов (Hesych. s. v. κεραμικὴ μάστιξ; Suid. s. v. κεραμικὴ μάστιξ) сохранили занятное упоминание о том, что афиняне называли остракизм «глиняным бичом»[65].

Интересны настойчивые указания византийской традиции на остракизм легендарного афинского героя Тесея (Suid. s. v. ἀρχὴ Σκυρία; Θησείοισιν; Eustath.ad Hom.Il.IX.662 sqq., v. 2, p. 834 van der Valk; Arsen.Viol. s. v. ἀρχὴ Σκυρία). Такого рода сообщения начинают появляться уже в позднеантичной литературе (Euseb.Chron.II.50 Schoene; Schol.Aristoph.Plut.627), а восходят

---

[64] См.: *Connor W. R.* Lycomedes against Themistocles? A Note on Intragenos Rivalry // Historia. 1972. Bd. 21. Ht. 4. S. 569—574.

[65] Весьма вероятно, что эта метафора восходит к комедии классического периода, что, естественно, увеличивает ее аутентичность. См.: *Grimanis P.* T (?) 14. Unbekannter Komödiendichter (adesp. fr. 363 PCG VIII; ca. 416 v. Chr.?) nennt den Ostrakismos eine «Peitsche aus Tonscherben», wohl für Hyperbolos (416 v. Chr.) // OT. S. 243—246.

все они к Феофрасту. Этот ученый, как мы видели выше, знал об остракизме очень много, и не считаться с его мнением нельзя. Из всего этого, конечно, нельзя делать сколько-нибудь ответственных выводов об историчности Тесея и тем более его остракизма. Важно другое: традиция о введении института остракизма Клисфеном была, как видим, не единственной. Ей противостояла другая (причем представленная авторитетными именами), относившая его появление к гораздо более раннему времени[66]. В свете этой альтернативной традиции и следует воспринимать иные данные, которые в противном случае кажутся едва ли не нелепыми.

Мы имеем в виду прежде всего текст, рассмотрением которого и завершим обзор письменных источников об остракизме. Это — наделавший много шума в историографии анонимный фрагмент из одного хранящегося в Риме греческого манускрипта поздневизантийского времени (первая половина XV в.). Интересующий нас здесь отрывок (Vaticanus Graecus 1144, fol. 222^{rv}) был впервые опубликован (вместе с рядом других извлечений из той же рукописи) в 1894 г. в труднодоступном периферийном издании (в Кракове) и в течение долгого времени оставался совершенно вне поля зрения ученых, занимавшихся остракизмом. В 1972 г. Дж. Кини и А. Раубичек привлекли внимание специалистов к этому тексту и вновь опубликовали его, положив тем самым начало достаточно значительной литературе, посвященной данному свидетельству[67]. Ими же была высказана мысль о том, что оно восходит в конечном счете к Феофрасту[68], что и нам представляется весьма вероятным. Интерес, вызываемый столь поздним отрывком, связан с тем обстоятельством, что

---

[66] Ср.: *Kagan D.* The Origin and Purposes of Ostracism // Hesperia. 1961. V. 30. № 4. P. 393 ff.; *Гинзбург С. И.* О дате издания закона об остракизме в Афинах // ГГАМ. С. 44—55.

[67] *Keaney J. J., Raubitschek A. E.* Op. cit. P. 87—91. Из других работ, в которых рассматривается этот поздневизантийский текст, см.: *McCargar D. J.* New Evidence for the Kleisthenic *Boule* // ClPh. 1976. V. 71. № 3. P. 248—252; *Pecorella Longo Ch.* La bulé e la procedura dell'ostracismo: considerazioni su Vat.Gr.1144 // Historia. 1980. Bd. 29. Ht. 3. S. 257—281; *Siewert P.* Die Trittyen... S. 8; *Doenges N. A.* Ostracism and the *Boulai* of Kleisthenes // Historia. 1996. Bd. 45. Ht. 4. S. 387—404; *Rausch M.* Kleisthenes, Isagoras, der Rat und das Volk: Die athenische Innenpolitik zwischen dem Sturz der Tyrannis und dem Jahr 507 v. Chr. // Chiron. 1998. Bd. 28. S. 355—369; *Гинзбург С. И.* Малоизвестный византийский источник об остракизме // Античное общество и государство. Л., 1989. С. 41—51. Нам также неоднократно приходилось писать об этом источнике (наиболее подробно — в работе: *Суриков И. Е.* Закон Клисфена... С. 15 слл.).

[68] Кини впоследствии отказался от этой точки зрения (*Keaney J. J.* Theophrastus on Ostracism... P. 267; теперь он считает, что сведения поздневизантийского анонима основываются скорее на аттидографической, а не на перипатетической традиции), но Раубичек — один из крупнейших в мире специалистов по истории остракизма (о нем подробнее см. в историографическом разделе) — придерживался ее до конца жизни.

в нем, судя по всему, содержится чрезвычайно оригинальная, не имеющая аналогий в традиции информация о какой-то архаической (доклисфеновской?) форме остракизма, предусматривавшей голосование черепками не в народном собрании, а в Совете, а также и другой интересный материал, относящийся, в частности, к числу голосов, необходимых для изгнания. Нам неоднократно в дальнейшем придется привлекать для исследования указанный здесь источник, хотя, подчеркнем, интерпретация его весьма нелегка и во многих своих аспектах проблематична.

* * *

Мы попытались свести все основные свидетельства письменных источников об остракизме в приложении IV, где они даны в русском переводе[69]. Подводя итоги предварительного рассмотрения античной (и продолжающей ее византийской) нарративной традиции об интересующем нас институте, можно обозначить следующие основные моменты.

1. Данный источниковый комплекс весьма обширен во всех отношениях: хронологическом (он охватывает литературные памятники, создававшиеся от V в. до н. э. до XV в. н. э., то есть простирается на два тысячелетия!), жанрово-тематическом (перед нами — произведения историков, философов, филологов, ораторов, поэтов, драматургов, в общем, представителей практически всех жанров античной словесности) и, самое главное, в отношении содержательном: в нем в той или иной мере нашло отражение большинство ключевых вопросов истории остракизма. Таким образом, источники являются репрезентативными в отношении интересующего нас круга проблем; они позволяют осуществить полномасштабное монографическое исследование и прийти к ответственным и аргументированным выводам.

2. В то же время комплекс письменных источников об остракизме нельзя назвать необъятным, необозримым; при этом надежд на сколько-нибудь существенное возрастание его объема практически нет (разве что свершится чудо и однажды на папирусе или в библиотеке какого-нибудь восточного монастыря вдруг будет найдено что-то из трудов аттидографов или, скажем, «Законы» Феофраста). Это мы тоже причислили бы к позитивным факторам, способствующим успешной работе: хоть и жалко, что многое безвозвратно утрачено, зато теперь в нашем распоряжении — четко очерченный круг свидетельств, что позволяет исследователю не «утонуть» в безбрежном море фактов и мнений.

3. С другой стороны, к факторам, затрудняющим работу, следует отнести фрагментарный характер традиции об остракизме. К сожалению, традиция эта донесена до нас далеко не во всех своих звеньях и имеет пробелы. При име-

[69] Разумеется, не следует считать, что собранными там свидетельствами ограничивается наша источниковая база. По ходу исследования будут привлекаться и другие данные, имеющие какое-либо отношение к историческому контексту остракизма.

ющемся состоянии источников мы не в состоянии выстроить полную, всеобъемлющую картину формирования античных представлений об интересующем нас феномене афинской политической жизни. О каких-то деталях истории остракизма мы вообще не имеем или почти не имеем сведений; о других — эти сведения есть, но слишком общи и скудны; о третьих — находящаяся в нашем распоряжении информация не представляется вполне достоверной. В связи с вышесказанным приходится примириться с тем, что по некоторым аспектам тематики данной работы возможны лишь гипотетические суждения, которые не претендуют на окончательность и безоговорочность и всегда могут быть оспорены. К счастью, к наиболее важным и принципиальным сторонам института остракизма, его сущности, функционирования, эволюции это все же не относится: такие стороны освещены традицией более или менее достаточно.

4. Перед каждым, кто занимается остракизмом, неизбежно встает проблема аргументированного взаимосогласования противоречащих друг другу свидетельств. Выше мы отмечали основные случаи таких противоречий. В их числе — расхождение между Андротионом и Аристотелем по вопросу о времени введения остракизма[70], между Филохором и Плутархом относительно числа 6000 в применении к остракизму и др. На настоящем этапе задача заключается, насколько нам представляется, не столько в установлении ошибочности суждений одного автора и правоты другого (судить, «кто прав, а кто не прав», мы в ряде случаев просто еще не имеем права), сколько в выявлении причин разногласий, в прослеживании традиции, стоящей за тем или иным сообщением, по возможности до ее истоков[71]. Решение этой задачи, безусловно, сложно, но отнюдь не всегда невозможно, а определенные позитивные результаты дает практически в каждом случае.

5. Наиболее продуктивными и плодотворными при изучении остракизма должны оказаться те подходы, которые характеризуются комплексным, син-

---

[70] По поводу этого расхождения см., кроме работ, упомянутых в прим. 26 и 27, также: *Schachermeyr F.* Zur Chronologie der kleisthenischen Reformen // Klio. 1932. Bd. 25. S. 346—347; *Werner R.* Die Quellen zur Einführung des Ostrakismos // Athenaeum. 1958. V. 36. Fasc. 1/2. P. 48 ss.; *Meister K.* Zum Zeitpunkt der Einführung des Ostrakismos // Chiron. 1971. Bd. 1. S. 85—88; *Chambers M.* Aristotle and his Use of Sources // AA. P. 41—42.

[71] Небезынтересным, хотя и спорным, представляется нам, в частности, предположение Дж. Кини о существовании в Афинах IV в. до н. э. «аттидографического» и «перипатетического» взглядов на остракизм, отличавшихся друг от друга: *Keaney J. J.* Theophrastus on Ostracism... P. 262 ff. В целом это, безусловно, схематизация (вряд ли можно безоговорочно утверждать, что все аттидографы придерживались одинаковой точки зрения на этой институт, тем более нельзя этого делать в условиях отсутствия их трудов), но следует приветствовать уже саму попытку говорить о разных, противоречащих друг другу *традициях* (а не о разногласиях отдельных авторов) применительно к остракизму. О гипотезе Кини нам еще придется упоминать, затрагивая вопрос о целях введения остракизма (гл. II, п. 3).

тетическим использованием всех видов источников с целью реконструкции целостной, непротиворечивой картины событий. В частности, чрезвычайно важно для дополнения и коррекции данных, содержащихся в нарративной традиции, привлекать к анализу и источниковый материал иного характера. К его обзору мы теперь и переходим.

2. Памятники ненарративного характера. Острака

Нам представляется совершенно необходимым в этой части обзора источниковой базы в первую очередь подробно остановиться на таких исключительных по своему значению вещественных и эпиграфических памятниках, какими являются острака, то есть черепки-«бюллетени», на которых афинскими гражданами наносились надписи в период проведения остракофории и от которых, собственно, получил название сам институт остракизма. На самых ранних этапах изучения этой процедуры, когда представление об остракa было еще чисто умозрительным (естественно, ни один античный письменный источник не дает их специального описания), бытовало представление, что они представляли собой специально изготовленные глиняные таблички. Археологические находки опровергли это вполне извинительное для своего времени заблуждение[72]. Оказалось, что для остракизма использовались самые обыкновенные черепки. При этом по внешнему виду, размерам, происхождению материала острака были весьма и весьма разнообразными — от больших кусков грубой черепицы до фрагментов роскошных авторских краснофигурных ваз, от крохотных осколков, на которых с трудом удавалось уместить имя «кандидата» (порой даже не полностью), до цельных небольших сосудов[73].

Этимология слова ὄστρακον достаточно прозрачна; она была ясна уже, во всяком случае, византийским эрудитам (Eustath.ad Hom.Il.XVIII.543, v. 4, p. 248—249 van der Valk). Это образование родственно таким лексемам, как ὀστέον (кость), ὄστρειον (раковина, устрица) и изначально могло применяться не только к глиняным черепкам, но также, например, к панцирям морских животных (черепах, крабов) и другим твердым предметам[74]. Насколько можно судить, именно твердость, так сказать, «костистость» служила определяющим критерием для использования интересующего нас здесь слова и производных от него по отношению к тому или иному объекту. Кстати, здесь греческое словоупотребление в известной мере близко к соответствующему русско-

[72] См.: *Wilcken U.* Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien: Ein Beitrag zur antiken Wirtschaftsgeschichte. Lpz.; B.,1899. Bd. 1. S. 4—5.

[73] К общей характеристике острака см.: *Lang M.* Ostraka (The Athenian Agora. V. 25). Princeton, 1990. P. 8 ff.; *Phillips D.J.* Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // ZPE. 1990. Bd. 83. S. 133 ff.

[74] К этимологии слова см.: *Wilcken U.* Op. cit. S. 3; *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. 3. P., 1974. P. 833.

му (ср. «череп», «черепок», «черепаха»). Впрочем, при всей широте значений слова ὄστρακον наиболее распространенным из них, к тому же единственно важным для нас в контексте настоящей работы было «фрагмент глиняного изделия». Именно в этом и только этом смысле в дальнейшем будут употребляться термины «остракон», «острака» (множественное число).

Вряд ли нужно специально упоминать о том, что глина была одним из самых распространенных материалов в античном греческом мире. Можно даже сказать, что ее постоянное использование оказало некоторое воздействие на формирование самого менталитета древних греков[75]. Глина, как известно, — материал хрупкий, и любое изделие из нее, если не сложилось каких-то особо благоприятных условий для его сохранения, имеет свойство в довольно скором времени превращаться в груду черепков. С другой стороны, сами эти черепки практически неуничтожимы (конечно, если не принимать специальных мер к их уничтожению, например, не толочь их в ступе, чего, следует полагать, никто никогда не делал)[76]. И по сей день самым массовым по количеству находок материалом, встречающимся при раскопках любых греческих поселений, являются, безусловно, керамические черепки. Нет оснований сомневаться, что абсолютно таким же образом дело обстояло и тогда, когда жизнь в городах Эллады еще была в полном расцвете, иными словами, черепки практически в любом поддающемся представлению числе можно было обнаружить повсеместно — в домах, на улицах, на свалках... А это должно было становиться стимулом к их вторичному использованию.

Использоваться же черепки могли для самых разных целей, в большинстве своем, конечно, несерьезных. Так, дети устраивали с ними разного рода игры, о которых сохранились упоминания в источниках (Plato Com.fr.153 Kock; Aristoph.Equ.855 cum schol.; Plat.Phaedr.241b cum schol; Resp.521c cum schol.; Sueton.De lud.Graec.8—9; Epictet.Diss.IV.7.5; Diogenian.VI.95; Poll.IX.111—112; 114; 117; 119; Paus.Atticist. s. v. ἐποστρακίζειν; ὀστράκου περιστροφή; Herodian.De prosod.cathol.v.3.1. p. 495 Lentz; Hesych. s. v. ἐποστρακίζειν; ὀστρακίνδα; Phot.Lex. s. v. ὀστρακίνδα; Etym.Magn. s. v. ἐποστρακίζειν; ἐφετίνδα; Eustath.ad Hom.Il.XVIII.543, v. 4, p. 248—249 van der Valk; [Zonar.] s. v. ἐποστρακίζειν). Одна из наиболее распространенных игр с черепками, например, называлась «остракинда» и имела следующие правила. Две команды мальчиков становились друг напротив друга, проведя между собой черту. Один из детей, встав на этой черте, подбрасывал кверху черепок, одна из сто-

[75] См. об этом подробнее: *Суриков И. Е.* Камень и глина: к сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира. М., 2000. С. 273—288.

[76] Сказанное относится отнюдь не только к античности. Ср. на русском материале: «Обожженная глина, пусть даже и в черепках, сохраняется практически вечно. Может быть, без них, без этих черепков, мы были бы более высокомерны по отношению к прошлому и не так самонадеянны по отношению к будущему» (*Белов В. И.* Лад: Очерки о народной эстетике. 2 изд. М., 1989. С. 63).

рон которого была предварительно выбелена, а другая намазана черной смо лой; каждая сторона соответствовала одной из играющих команд. В зависи мости от того, какой стороной — белой или черной — черепок падал на землю одна команда бросалась бежать, а другая догоняла ее[77]. Еще одна игра с че репками называлась «эпостракизмом» и была очень простой: соревнующиес бросали черепки в море, считая, сколько раз они отскочат от поверхности во ды. Дети наших дней используют для такого рода игр плоские камешки. Пр игре, называвшейся «стрептиндой», бросали одним черепком в другой, лежа щий на земле, стремясь ловким попаданием перевернуть этот последний. Пр игре, называвшейся «фригиндой», черепки располагали между пальцами ле вой руки и в ритм ударяли этими черепками по правой. При другой игре – эфетинде — черепки бросали в какой-то круг (вероятно, начерченный на зем ле), стараясь, чтобы они попали внутрь этого круга и остались там. Пользова лись черепками и в еще менее благородных целях, например, наносили им удары во время драки (Lys.III.28; IV.6; Hippocr.Epidem.IV.1.11 Lucian.Pisc.1; Iupp.trag.52). Судя по тому, что такой удар мог вызвать серье ные повреждения и даже повлечь за собой летальный исход, речь идет о очень крупных обломках черепицы или массивных толстостенных сосудо например, пифосов. Похоже, на черепках (опять-таки, надо думать, больш го размера) могли даже подбрасывать младенцев, от которых родители по ка кой-либо причине хотели избавиться (Aristoph.Ran.1190).

Рано или поздно грекам просто не могла не прийти в голову мысль об и пользовании черепков для разного рода надписей. И случилось это скорее р но, чем поздно: в частности, в Афинах самые ранние из надписанных чере ков датируются VIII в. до н. э.[78] Действительно, такой писчий материал, ка остракa, несмотря на некоторые присущие ему недостатки (как, наприме известная трудность процарапывания букв на обожженной глине, почти н когда не позволявшая придать надписи по-настоящему красивый вид), до жен был подкупать своей практической бесплатностью[79]. Это был в перву голову материал для бедных, для тех, кому не по карману было приобрета папирус. Известно, например, что стоик Клеанф, прибыв в III в. до н. э. Афины, чтобы учиться у Зенона, сильно нуждался и потому «записывал ур ки Зенона на черепках (ὄστρακα) и бычьих лопатках» (Diog.Laert.VII.174). Ч репки вообще нередко использовались в школьных занятиях письмом. Ос

[77] Об остракинде см.: *Forbes C.A.* Ostrakinda // RE. Hlbd. 36. 1943. Sp. 1673; *Bicknell P.* Agasias the Donkey // ZPE. 1986. Bd. 62. S. 183—184; *Lang M.* Op. cit. P. 47—48.

[78] *Lang M.* Graffiti and Dipinti (The Athenian Agora. V. 21). Princeton, 1976. P. 16.

[79] Собственно, керамические изделия сами по себе (и это можно сказать даже о распи ной керамике исключительных художественных достоинств) были крайне дешев ми. В частности, соотношение стоимости между вазой из золота и расписной кер мической вазой определяется современными исследователями как 1 : 100 (*Vickers M.* Attic Symposia after the Persian Wars // Sympotica: A Symposium on t Symposion. Oxf., 1990. P. 105—121). Что уж говорить о черепках!

бенно широко применялись острака в эллинистическом Египте, где их использовали для ведения разного рода хозяйственной документации, в том числе для налоговых расписок[80]. Наносились на острака, судя по всему, и надписи магического характера[81]. Следует полагать, что и употребление черепков как своеобразных «бюллетеней» для остракизма было обусловлено тем же обстоятельством — их повсеместной доступностью и распространенностью. Безусловно, этому требованию отвечали и некоторые другие предметы, например, листья. Не случайно, например, в Сиракузах при петализме использовали именно листья. Как мы увидим ниже (гл. II, п. 2), в Афинах также была аналогичная остракизму процедура (экфиллофория), отличавшаяся от него тем, что имена писались не на черепках, а на листьях. Однако при прочих равных условиях острака имели ряд преимуществ перед листьями. Так, писать на листьях, нужно полагать, было совсем уж неудобно, поскольку всегда существовала опасность прорвать лист и тем самым испортить «бюллетень». Соответственно, и читать написанное на них было, наверное, не в пример сложнее. Наконец, листья — вообще слишком уж непрочный и эфемерный материал. В таком полисе, как Афины, с огромным гражданским коллективом, где количество подаваемых на остракофории голосов исчислялось многими тысячами, результатом проведения процедуры должно было бы становиться появление огромной кучи сваленных друг на друга листьев, которые от этого слеживались бы и совершенно теряли бы читаемость. А если вдруг случится дождь? Глиняным же черепкам не грозили абсолютно никакие катаклизмы. Они и поныне, две с половиной тысячи лет спустя после их использования, вполне поддаются прочтению.

Необходимо сказать несколько слов об истории находок острака в Афинах[82]. Строго говоря, нельзя однозначно определить, когда был открыт пер-

---

[80] Использование острака в школе: *Марру А.-И.* История воспитания в античности (Греция). М., 1998. С. 217. Острака в эллинистическом Египте: *Кошеленко Г. А.* Государство Птолемеев // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 174; *Wilcken U.* Op. cit. Passim; *Milne J. G.* Ostraca // OCD. P. 629—630. См. также издания этих эллинистических острака, в т. ч.: Ostraca ieratici / A cura di Lypez J. Fasc. 1—4. Milano, 1978—1984; Ostraca Lundensia: Ostraka aus der Sammlung des Instituts für Altertumskunde an der Universität zu Lund / Hrsg. von Tsiparis Chr. Lund, 1979; Ostraka da Tebtynis della Universita di Padova / Ed. Gallazzi C. Milano, 1979; *Cuvigny H., Hussein A., Wagner G.* Les ostraca grecs d'Aïn Waqfa (Oasis de Kharga). Le Caire, 1993. Понятно, что мы приводим эти издания лишь exempli gratia, поскольку наша работа посвящена совсем иной тематике.

[81] Возможна интерпретация нескольких граффити из Ольвии как такого рода магических остраконов: *Lebedev A.* Pharnabazos, the Diviner of Hermes. Two Ostraka with Curse Letters from Olbia // ZPE. 1996. Bd. 112. S. 268—271. Критику интерпретации А. В. Лебедева см.: *Vinogradov J. G., Rusjaeva A. S.* Phantasmomagica Olbiopolitana // ZPE. 1998. Bd. 121. S. 153—164.

[82] К истории находок острака см.: *Reinmuth O. W.* Ostrakismos // RE. Hlbd. 36. 1943.

вый остракон. На этот приоритет «претендуют» два черепка. Один из них был найден еще в 1853 г. в районе Ареопага (IG.I².915) и нес имя неизвестного из источников афинянина Менестрата. Идентификация этого граффито как остракона была впоследствии оспорена[83], и ныне, его, как правило, не включают в число острака. Впрочем, вопрос этот остается спорным, и вряд ли на него возможен окончательный ответ. Мы (не без некоторых колебаний) предпочли включить данный памятник в наш перечень острака (приложение V), оговорив проблематичность этого включения. Первый же уже по-настоящему бесспорный остракон для остракизма (IG.I².908.1) открыт на Акрополе (в завале, оставшемся после разрушения Афин Ксерксом) в 1867 г. и опубликован в 1870 г. Он направлен против весьма известной фигуры — Мегакла, сына Гиппократа, из Алопеки. Изгнание остракизмом этого афинского политика надежно зафиксировано в письменных источниках. Кроме того, на черепке стоит полное гражданское имя «кандидата», с патронимиком и демотиком. На острака, как мы увидим, имена отнюдь не всегда выписывались в совокупности всех своих элементов, однако именно такая форма заполнения «бюллетеня» была, вне сомнения, наиболее предпочтительной для счетной комиссии. Достаточно точной была и датировка граффито по археологическому контексту: оно было написано ранее 480 г. до н. э., и здесь обнаруживалось полное совпадение с данными нарративной традиции об остракизме Мегакла.

В течение последующих лет в различных местах центральной части Афин были обнаружены еще несколько надежно идентифицируемых черепков-остраконов. К 1886 г. относится находка остракона с именем Ксантиппа, сына Арифрона (IG.I².909.1), к 1891 г. — еще одного с его же именем (IG.I².909.2). Упомянутый здесь афинянин тоже прекрасно известен из источников. Это отец Перикла, подвергавшийся остракизму в 480-х гг. до н. э. В 1897 г. был открыт черепок с именем Фемистокла (IG.I².910.1). Идентификация всех этих памятников как острака не вызывала никаких сомнений.

Sp. 1678; *Tod M.N.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B. C. 2 ed. Oxf., 1946. P. 15; *Raubitschek A. E.* Ostracism // Archaeology. 1948. V. 1. № 2. P. 79 f.; *Idem.* Athenian Ostracism // ClJ. 1953. V. 48. № 4. P. 113—122; *Vanderpool E.* Ostracism at Athens. Cincinnati, 1970. Passim; *Mattingly H. B.* Facts and Artifacts: The Researcher and his Tools // The University of Leeds Review. 1971. V. 14. № 2. P. 281 f.; *Thomsen R.* Op. cit. P. 68 ff.; *Phillips D.J.* Athenian Ostracism // Hellenika: Essays on Greek Politics and History. North Ryde, 1982. P. 26; *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B. C. Revised ed. Oxf., 1989. P. 40—47; *Martin A.* L'ostracisme athénien: un demi-siècle de découvertes et de recherches // REG. 1989. V. 102. P. 124—145; *Lang M.* Ostraka... P. 7—8; *Stanton G. R.* Athenian Politics c. 800—500 B. C.: A Sourcebook. L.; N.Y., 1991. P. 180—186; *Willemsen F.* Ostraka einer Meisterschale // MDAI(A). 1991. Bd. 106. S. 137; *Siewert P.* Einleitung // OT. S. 31 f.; *Brenne S.* Die Ostraka (487 — ca. 416 v. Chr.) als Testimonien (T 1) // OT. S. 40 ff.; *Суриков И. Е.* Из истории находок острака...

[83] *Zahn R.* Ostrakon des Themistokles // MDAI(A). 1897. Bd. 22. S. 346.

Таким образом, вплоть до 1910 г. находки остраконов оставались единичными, а в этом году в ходе раскопок, проводимых афинским отделением Германского археологического института на Керамике, был открыт первый комплекс острака, включавший около сорока черепков. С этого времени и на протяжении ряда десятилетий там регулярно происходили новые находки[84]. Керамик прочно занял место одного из главных в Афинах регионов открытий острака, и это вполне объяснимо. Естественно, после остракофорий использованные черепки никто не хранил. Они в массе своей (хотя, как мы скоро увидим, и не все) уносились с Агоры и затем, судя по всему, попросту выбрасывались[85]. Наиболее же подходящим местом свалки для них оказывался, естественно, именно Керамик — квартал гончаров, где и без того наверняка было более чем достаточно отходов керамического производства, в том числе разного рода боя.

Однако же вторым главным регионом находки острака со временем стала все-таки Агора. Очевидно, городскую площадь после остракофорий убирали не слишком-то тщательно, и год за годом на ней осаждались сотни черепков, попадавшие в разного рода выбоины, ямы, колодцы и т. п. В 1932 г., вскоре после того, как к интенсивным раскопкам на Агоре (продолжающимся и по сей день) приступила Американская школа классических исследований в Афинах, там был найден первый остракон (направленный против Аристида)[86]. Дальнейшие раскопки превзошли все ожидания: надписанные черепки «пошли» уже не десятками, а сотнями. Редкий год не приносил новых экземпляров, и продолжается это, можно сказать, по сей день[87]. На каком-то этапе была сделана попытка подвести итоги достигнутого, и в

---

[84] Публикации найденных в это время на Керамике остраконов: *Brueckner A.* Mitteilungen aus dem Kerameikos. I. Ostraka // MDAI(A). 1915. Bd. 40. S. 4—26; *Körte A.* Zum attischen Scherbengericht // MDAI(A). 1922. Bd. 47. S. 1—7; *Peek W.* Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos. Bd. 3). B., 1941. S. 51—87; *Willemsen F.* Ostraka // MDAI(A). 1965. Bd. 80. S. 100—126.

[85] Ср.: *Raubitschek A. E.* Athenian Ostracism... P. 119; *Camp J. M.* The Athenian Agora: Excavations in the Heart of Classical Athens. L., 1986. P. 58.

[86] Сообщается занятная деталь: рабочего-грека, нашедшего остракон, тоже звали Аристидом. См.: *Thompson H. A., Wycherley R. E.* The Agora of Athens: The History, Shape and Uses of an Ancient City Center (The Athenian Agora. V. 14). Princeton, 1972. P. 227.

[87] Из предварительных сообщений о находках острака на Агоре и их промежуточных публикаций см.: *Shear T. L.* The Campaign of 1937 // Hesperia. 1938. V. 7. № 3. P. 361; *Idem.* The Campaign of 1938 // Hesperia. 1939. V. 8. № 3. P. 246; *Vanderpool E.* The Rectangular Rock-cut Shaft // Hesperia. 1946. V. 15. № 4. P. 271—275; *Idem.* New Ostraka from the Athenian Agora // Hesperia. 1968. V. 37. № 1. P. 117—120; *Idem.* Ostraka from the Athenian Agora, 1970—1972 // Hesperia. 1974. V. 43. № 2. P. 189—193; *Thompson H. A.* The Excavation of the Athenian Agora, Twelfth Season: 1947 // Hesperia. 1948. V. 17. № 3. P. 193—194 (раздел об острака в этом отчете написан Ю. Вандерпулом); *Phillips D. J.* Observations... S. 123—148.

1990 г. вышло в свет полное издание всех известных к этому времени остракa с Агоры, блестяще осуществленное М. Лэнг[88]. Об этом образцовом в своем роде труде нам еще неоднократно предстоит говорить, а пока отметим лишь, что общее количество вошедших в него памятников составило 1146 (хотя только 1069 из этого числа находятся в достаточной сохранности, чтобы на них можно было без колебаний читать имена). Впрочем, ставить точку в истории открытий остракa на Агоре пока рано: уже после издания Лэнг, в 1994—1997 гг., американские археологи обнаружили еще около полутора сотен остраконов, предварительные публикации которых Дж. Кэмпом появились совсем недавно[89].

В связи с раскопками на Агоре упомянем еще и о таком факте: в 1937 г. ученые из той же Американской школы в Афинах под руководством О. Бронира открыли на северном склоне Акрополя уникальную группу памятников. В так называемом колодце М на глубине 13—15 метров были обнаружены 190 остракa; на всех без исключения стояло имя Фемистокла. Остраконы выделялись удивительным единообразием выбранного для этой цели керамического материала: среди них имелись 122 базы киликов, 10 несколько бóльших по диаметру баз скифосов, 26 цельных маленьких сосудов открытой формы[90]. Красивых круглых очертаний, надписанные, за редким исключением, четким почерком грамотных людей, почти без ошибок, эти черепки производили однозначное впечатление заготовленных заранее. Ситуация осложнялась еще одним неожиданным обстоятельством: надписи на всех 190 остраконах против Фемистокла (найденных, напомним, компактной группой) были сделаны всего лишь 14 разными почерками. В историографии с тех пор прочно утвердилось мнение, что здесь мы имеем дело с результатом запланированной акции некой группировки политических противников Фемистокла, заготовивших остракa для раздачи голосующим. Автор этих строк придерживается иной точки зрения на рассматриваемый комплекс памятников[91], но подробнее этот вопрос нам предстоит затронуть ниже (гл. III, п. 5).

Все перечисленные находки как-то отодвинули на второй план Керамик. А между тем именно ему было суждено в один прекрасный момент стать местом самой громкой в XX веке сенсации, связанной с остракa. Во второй половине 1960-х гг. в течение нескольких археологических сезонов работавшие там немецкие ученые открыли на так называемом Внешнем Керамике (за предела-

---

88 *Lang M.* Ostraka...

89 *Camp J. M.* Excavations in the Athenian Agora: 1994 and 1995 // Hesperia. 1996. V. 65. № 3. P. 233—234; *Idem.* Excavations in the Athenian Agora, 1996 and 1997 // Hesperia. 1999. V. 68. № 3. P. 268—274.

90 Сообщение о находке и первую характеристику остраконов см.: *Broneer O.* Excavations on the North Slope of the Akropolis, 1937 // Hesperia. 1938. V. 7. № 2. P. 228 ff. Остракa с северного склона Акрополя были впоследствии опубликованы в вышеупомянутом издании Лэнг.

91 *Суриков И. Е.* К интерпретации остракa...

ми городских стен), в высохшем русле реки Эридан[92] более 8,5 тысяч остракoнов! Если учесть, что общее количество их известных экземпляров составляло к тому времени 1658, то есть в несколько раз меньше, то сразу становится видна вся грандиозность новой находки. Справедливости ради следует отметить, что еще задолго до того А. Раубичек предсказывал открытие крупных групп острака вдали от Агоры[93], и интуиция не подвела маститого специалиста.

Столь колоссальная находка, кажется, даже привела в некоторое замешательство немецких археологов. Ранее они, как и их американские коллеги, были вполне пунктуальны в вопросе издания новооткрытых острака. Отнюдь не так обстоит дело в данном случае. После появления кратких предварительных сообщений руководителей раскопок Ф. Виллемсена и У. Книгге о находке на Керамике[94] научный мир замер в напряженном ожидании сколько-нибудь подробной публикации. Увы, это ожидание так и продолжается по сей день, иными словами, более трех десятилетий. Временами появлялись лишь разрозненные издания некоторых, наиболее интересных по своему содержанию остраконов[95], но полного издания всего комплекса на момент написания этих строк еще не существует.

Следует, впрочем, отдать должное и извиняющим обстоятельствам: столь экстраординарное промедление специалистов из Германского археологического института в чем-то можно понять. Коль скоро предпринятое Лэнг издание острака с Агоры — а это, как мы видели, менее 1200 единиц — потребовало увесистого тома, то трудно даже представить, насколько огромен будет объем свода многих тысяч острака с Керамика и сколько времени и сил может потребовать подготовка такого свода. Или же придется вырабатывать новые принципы публикации этих памятников, издавать их более суммарно и сжато, нежели другие типы граффити, скажем, не давать факсимильную прорисовку для каждого остракона? Но это вряд ли приемлемо, поскольку неполная публикация попросту не удовлетворит исследователей, которые будут с ней работать[96]. Как бы то ни было, однако, полное издание корпуса острака с Керамика давно стало

---

[92] О местонахождении Эридана (притока Кефиса) см.: *Гурова Н. К.* Проблемы организации археологического парка в центре Афин // Археологические вести. 1999. № 6. С. 440. В целом о Керамике (со схемой) см.: *Travlos J.* Pictorial Dictionary of Ancient Athens. N.Y.; Washington, 1971. P. 299 ff.; *Knigge U.* Der Kerameikos von Athen. Athen, 1981.

[93] *Raubitschek A. E.* Athenian Ostracism... P. 119.

[94] *Willemsen F.* Die Ausgrabungen in Kerameikos // ΑΔ. 1968. Τ. 23. Μέρος Β΄1. Σ. 24—32; *Knigge U.* Kerameikos 1968—69 // ΑΔ. 1970. Τ. 25. Μέρος Β΄1. Σ. 31—39.

[95] См., в частности: *Knigge U.* Neue Scherben von Gefässen des Kleophrades-Malers // MDAI(A). 1970. Bd. 85. S. 1—22; *Willemsen F.* Ostraka einer Meisterschale...; *Brenne S.* «Portraits» auf Ostraka // MDAI(A). 1992. Bd. 107. S. 161—185; *Idem.* Ostraka and the Process of Ostrakophoria // AAAD. P. 13—24.

[96] К выработке принципов издания острака см.: *Raubitschek A. E.* Athenian Ostracism... P. 121 f.; *Lang M.* Ostraka... P. XVII.

насущной необходимостью. Впрочем, как нам стало известно, в последние годы дело сдвинулось с «мертвой точки»: подготовкой черепков-«бюллетеней» к публикации всерьез занялся ученый из Германии Ш. Бренне.

Впрочем, уже и теперь было бы преувеличением говорить, что информация, которую несут острака с Керамика, ни в каких своих элементах не доступна антиковедам. В годы, последовавшие за их находкой, немецкие археологи любезно позволяли некоторым ученым из других стран (Д. Льюису, П. Бикнеллу, Г. Маттингли, Р. Томсену и др.) работать с этими памятниками в фондах института. В результате острака, о которых идет речь, уже получили более или менее подробную характеристику в ряде статей[97]. Томсен составил список имен, встречающихся на острака[98], правда, на тот момент еще не исчерпывающе полный и точный, но уже позволявший активно применять имеющийся материал в исследовательских целях. В 1991 г. Виллемсен и Бренне опубликовали новый, уточненный и дополненный список такого же рода, с указанием количества остраконов для каждого имени[99]. Наконец, совсем недавно, в 2001 г. появился новейший, весьма подробный комментированный каталог имен на острака, составленный Бренне[100]. Таким образом, теперь в нашем распоряжении находится, во всяком случае, вся совокупность известных персоналий, имевших отношение к остракизму, а это уже несравненно лучше, чем ничего. Конечно, немного досадно, что материал по острака с Керамика пока что приходится получать из вторых рук, но, хотим мы того или не хотим, изменить что-то в существующем положении вещей не в наших силах, и надлежит работать с тем, что есть.

Таким образом, подавляющее большинство обнаруженных на сегодняшний день острака происходит из трех мест: с Керамика (который теперь прочно держит «пальму первенства»), с Агоры и с северного склона Акрополя. Находки остраконов в других частях Афин пока остаются единичными[101]. Кроме того, в коллекциях афинских музеев хранятся еще несколько экземпляров, происхождение которых неизвестно[102]. Два афинских остракона (с име-

---

[97] Например: *Lewis D.M.* The Kerameikos Ostraka // ZPE. 1974. Bd. 14. S. 1—4; *Bicknell P.J.* Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? // AC. 1975. V. 44. № 1. P. 172—175; *Mattingly H.B.* Facts and Artifacts...; *Idem.* The Practice of Ostracism at Athens // Antichthon. 1991. V. 25. P. 1—26.

[98] *Thomsen R.* Op. cit. P. 71—80.

[99] *Willemsen F., Brenne S.* Verzeichnis des Kerameikos-Ostraka // MDAI(A). 1991. Bd. 106. S. 147—156.

[100] *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001. S. 87—314. Об этой книге Бренне подробно пойдет речь в историографическом разделе. Сокращенный и несколько уточненный вариант того же каталога см.: *Brenne S.* Die Ostraka... S. 43—71.

[101] Из сообщений об этих находках см.: *Boulter C.G.* Graves on Lenormant Street, Athens // Hesperia. 1963. V. 32. № 2. P. 135.

[102] Перечень этих экземпляров см.: *Martin A.* Op. cit. P. 151—152.

нами Ксантиппа, сына Арифрона, и Гиппократа, сына Алкмеонида) каким-то образом оказались даже в Гейдельберге[103]; очевидно, они были когда-то куплены в Афинах у торговцев древностями. Общее число известных острака ныне превышает 10 тысяч. Эта цифра, безусловно, огромна, особенно по сравнению с тем количеством, которое наличествовало еще лет сто или даже пятьдесят назад. Фактически об острака уже можно говорить как о массовом материале, к которому применимы некоторые статистические закономерности. Однако, насколько можно судить, грядущие находки обещают быть еще более грандиозными. Действительно, как мы уже говорили, глиняные черепки практически неуничтожимы. Не приходится сомневаться, что и по сей день на территории Афин и их ближайших окрестностей мирно лежат под землей, ожидая своего часа, десятки тысяч острака.

* * *

В связи с остраконами — «бюллетенями» для остракизма — неизбежен вопрос о критериях их идентификации, выявления среди других многочисленных видов граффити. В наиболее полной и обоснованной форме система таких критериев была выдвинута в работах М. Лэнг[104]. Прежде всего надпись должна быть сделана именно на черепке, то есть после того, как он уже стал таковым. Такая надпись будет либо следовать очертаниям черепка, либо, достигнув его правого края, перейдет на следующую строку, либо будет выровнена по левому краю черепка, либо центрирована на нем. Далее, если надпись нанесена на внутренней стенке закрытого сосуда, то не возникает никаких сомнений, что перед нами граффито именно на черепке.

Установив этот факт, можно переходить к совокупности других критериев. Идеальным вариантом, конечно, является тот, когда о лице, упоминаемом на остраконе, известно из независимых данных, что оно было действительно изгнано посредством остракизма (Мегакл, Фемистокл, Кимон, Гипербол и др.) или же подвергалось такой опасности (Перикл, Алкивиад, Никий и др.), и притом датировка черепка и надписи, насколько она поддается определению, не противоречит хронологии, предполагаемой нарративной традицией. К счастью, таких — абсолютно бесспорных — остраконов довольно много. Уже отталкиваясь от этих вполне надежных идентификаций, можно идти дальше, трактуя как острака граффити того же типа, найденные в закрытых комплексах вместе с несомненными остраконами. Так, черепки с именами Гиппократа, сына Алкмеонида, Калликсена, сына Аристонима, и ряда других афинян, неизвестных из письменных источников, были найдены вместе с

---

[103] *Raubitschek A. E.* Drei Ostraka in Heidelberg // ArchAnz. 1969. Bd. 84. Ht. 1. S. 107—108; *Németh G.* Ostraka in Heidelberg // ZPE. 1994. Bd. 100. S. 383—384. Третий гейдельбергский остракон несет надпись с группой имен и не имеет отношения к остракизму.

[104] *Lang M.* Graffiti and Dipinti... P. 16; *Eadem.* Ostraka... P. 7—8.

острака, направленными против Аристида, Мегакла, Фемистокла, и это позволяло с полной уверенностью причислить их к тому же типу памятников. Новые идентификации позволяют все более расширять поле поиска, опознавая остраконы из других групп и комплексов. Впрочем, по мнению Лэнг, даже изолированные граффити с неизвестным именем можно идентифицировать как остраконы, если они встречаются в подходящем археологическом контексте в нескольких разных местах. Исследовательница берет на себя смелость утверждать, что ввиду распространенности практики остракизма в Афинах V в. до н. э. любой черепок, несущий на себе личное имя и относящийся к этому столетию, должен a priori рассматриваться как остракон, если для того нет каких-то специальных препятствий. Вероятность ошибки будет весьма незначительной, поскольку достаточно трудно предположить, для каких еще иных целей на черепках могли писаться имена. Значительно сложнее обстоит дело в тех случаях, когда черепок с именем датируется не V в. до н. э., а более ранним временем. Ведь остракизм, согласно устоявшемуся мнению, существовал в Афинах только с эпохи Клисфена. Архаическими острака (а их не так уж и мало)[105] нам еще придется заниматься в связи с вопросом о гипотетических ранних, доклисфеновских формах остракизма (гл. II, п. 2).

Итак, вопрос об идентификации острака в целом не относится к числу особенно сложных и дискуссионных. Необходимо лишь помнить о том, что результаты может приносить использование сочетания вышеназванных критериев, а не какого-либо одного из них, взятого изолированно. Даже такой, казалось бы, однозначный признак, как нанесение надписи на черепок, не является обязательным: встречаются, хотя и нечасто, острака, материалом для которых послужили не черепки, а цельные (или слегка подпорченные) маленькие чашки. Именно такова часть остраконов с северного склона Акрополя.

Значительно больше трудностей порождает проблема датировки острака. А между тем проблема эта для нас является одной из самых важных, коль скоро мы занимаемся историей остракизма, и, следовательно, вопросы хронологии будут занимать в работе значительное место. Для датирования интересующих нас памятников малой эпиграфики также применяется целый ряд критериев, но, как мы увидим, выводы, к которым их использование позволяет прийти, остаются либо довольно-таки приблизительными, либо отнюдь не бесспорными. Часть критериев, о которых идет речь, относятся не только к острака как таковым, но и к любому типу граффити. Так, t.p.q. (но не более того) может дать определение времени изготовления керамического материала, на котором сделаны надписи, — в тех случаях, когда сам этот материал поддается датировке, а это бывает далеко не всегда.

Определенное значение имеет археологический контекст находки острака. Иногда он может становиться даже определяющим фактором, но это случается достаточно редко, лишь тогда, когда стратиграфия раскапывавшегося

---

[105] Наиболее полная публикация этих памятников опять же принадлежит Лэнг: *Lang M.* Graffiti and Dipinti... P. 12—21.

участка предельно ясна и непротиворечива[106]. Далее, следует упомянуть собственно эпиграфические критерии, то есть датирование по типу используемого в надписях алфавита и по форме букв. Давно уже было установлено, что на остракa значительно раньше, чем в официальных надписях на камне (уже примерно с середины V в. до н. э., если не раньше), начинают появляться ионийские буквы (ω, η, ξ и др.)[107], ранее не свойственные аттическому алфавиту. Стиль написания тоже, естественно, со временем менялся. Изучение надписей на остракa с этой точки зрения нередко приносило весьма весомые плоды. В частности, черепки, на которых стояло имя Алкивиада, сына Клиния, из дема Скамбониды, удалось с практически абсолютной степенью надежностью разделить на две группы, относящиеся соответственно к двум родственникам и полным тезкам — Алкивиаду, знаменитому деятелю времен Пелопоннесской войны, и его деду[108].

Однако далеко не всегда дело обстоит так просто. Случай с двумя Алкивиадами облегчался тем, что акме деда и внука были, естественно, разделены весьма значительным хронологическим отрезком (не менее полувека). В целом же нам уже приходилось писать о нечеткости палеографических критериев датирования остраконов[109]. В отличие от лапидарных текстов, особенно официального характера, частные надписи на глине, во-первых, несут все разнообразие индивидуальных почерков. Во-вторых, что еще более важно, эти индивидуальные почерки (как, наверное, и во все времена), зафиксировавшись в молодости, как правило, мало меняются с годами и уж во всяком случае крайне редко имеют тенденцию следовать за изменениями начертаний

---

[106] В качестве примера такой предельно ясной стратиграфии можно назвать упоминавшийся выше колодец М на северном склоне Акрополя, в котором найдены 190 остраконов с именем Фемистокла. Исследование О. Бронира показало, что колодец перестал использоваться по прямому назначению в начале V в. до н. э. (очевидно, иссяк питавший его родник) и стал заполняться разного рода мусором, пока к концу третьей четверти того же столетия не наполнился до краев. В результате едва ли не любой предмет из числа обнаруженных в колодце мог быть датирован с весьма высокой степенью точности — в зависимости от глубины, на которой он лежал. Остракa Фемистокла относились к 480-м гг. до н. э. (а не к 470-м, то есть не к той остракофории, в ходе которой он был изгнан), а найденный на глубине 6,5 метров остракон с именем Кимона надежно приурочивался к остракизму этого политика (конец 460-х гг.). См.: *Broneer O.* Op. cit. P. 212.

[107] См.: *Körte A.* Op. cit. S. 5—6; *Lang M.* Ostraka... P. 10 ff.

[108] *Vanderpool E.* The Ostracism of the Elder Alkibiades // Hesperia. 1952. V. 21. № 1. P. 1—8. О происхождении и родственных связях Алкивиада см.: *Суриков И. Е.* Алкивиад: афинский денди или первый «сверхчеловек»? // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 5. Специальный выпуск: Историческая биография и персональная история. М., 2001. С. 203—205; *Он же.* Из истории греческой аристократии... С. 211—212 (с библиографией проблемы).

[109] *Суриков И. Е.* Остракизм и остраконы... С. 114.

букв в надписях на камне, которые обычно и применяются в качестве эталона. Характерный пример — два опубликованных Лэнг остракона с Агоры с именем Перикла, не только имеющие совершенно разный стиль в начертании букв, но и вообще надписанные разными алфавитами, аттическим и ионийским (соответственно Περικλῆς Χσανθίππο и Περικλῆς Ξανθίππο). Вряд ли правомерно относить первый из них к очень уж раннему времени. Скорее он принадлежит руке пожилого афинянина, не спешившего переходить на «новую орфографию».

Таким образом, мы перешли к еще одному, специально существующему для острака, критерию датирования, который при этом является одним из самых убедительных, — к определению времени их надписания по содержанию надписей, по тем именам, которые в них фигурируют. Действительно, ясно, что остракон, например, с именем демагога Гипербола не может относиться ни к началу, ни к середине V в. до н. э. и мог появиться только в связи с последним афинским остракизмом (410-е гг.), когда этот политик был изгнан. Но и в связи с данным критерием существует ряд нюансов, ослабляющих его значение. Во-первых, известно, что в первой половине V в. остракофорий было довольно много, в иные годы они шли буквально одна за другой, и «кандидатами» на изгнание зачастую от раза к разу были одни и те же лица. Скажем, остракон, направленный против Кимона, если исходить только из имени, может относиться к 460-м, 470-м или 480-м гг. до н. э., то есть разброс датировок будет охватывать почти три десятилетия. Во-вторых, на множестве острака встречаются имена афинян, вообще неизвестных из письменных источников. Естественно, такие имена сами по себе ничем не могут помочь при решении хронологических вопросов.

С другой стороны, может оказать серьезную пользу в этом отношении анализ замкнутых комплексов-депозитов острака. На одной лишь Агоре выявлено 36 таких комплексов, размеры которых очень сильно варьируются (от 2 до 448 остраконов)[110]; комплекс такого же рода представляет собой и находка в колодце на северном склоне Акрополя. Если хотя бы один остракон в группе надежно датируется, он автоматически датирует собой и остальные.

Применение вышеперечисленных критериев и методов датировки дает двоякие результаты. Можно говорить со значительной долей уверенности, что на сегодняшний день совершенно не датируемых остраконов практически нет: как правило, для каждого из этих памятников удается найти надлежащую хронологическую привязку. Но в то же время привязка эта в подавляющем большинстве случаев довольно-таки расплывчата и сводится к формулировкам такого рода: «первая треть V в. до н. э.», «середина V в. до н. э.» и т. п. Лишь в немногих случаях, когда существует особенно благоприятное сочетание датирующих факторов, как внутреннего, так и внешнего порядка, удается определить время надписания остракона с точностью до года. Так, острака

---

110 *Lang M.* Ostraka... P. 19—29. Последний, 36-й комплекс был открыт совсем недавно, уже после публикации Лэнг: *Camp J. M.* Excavations... 1996 and 1997. P. 268 ff.

с именем Гиппарха, сына Харма, могут относиться только к 487 г. до н. э. и ни к какому больше, поскольку именно в этом году состоялась первая остракофория и именно Гиппарх стал ее жертвой[111]. Достижение подобной точности — скорее исключение, чем правило.

Наиболее серьезная хронологическая проблема связана с грандиозной находкой остракa на Керамике в 1960-х гг. Сразу оговорим, что те суждения по данной проблеме, которые будут здесь высказаны, могут пока иметь лишь предварительный характер. Полная ясность в вопрос будет внесена лишь после полной публикации упомянутых памятников. Однако уже и ныне в нашем распоряжении находятся определенные данные, позволяющие делать достаточно ответственные выводы.

Как отмечалось[112], остракa с Керамика составляют один огромный комплекс-депозит, однако четко подразделяющийся на два слоя. К верхнему слою, значительно меньшему по количеству памятников, относятся довольно поздние остракa, датирующиеся второй половиной V в. до н. э. Но наибольший интерес представляет нижний слой, составляющий основную часть находки. В него входят перемешанные остракa нескольких ранних остракофорий, и сам этот слой, насколько можно судить, является продуктом некоего большого сброса мусора за городскую черту. Одной из наиболее заметных черт нижнего слоя является исключительно большое место, которое занимают в нем остраконов с именем одного и того же лица, а именно Мегакла, сына Гиппократа, из Алопеки. Против него оказались направленными около 4,5 тысяч остракa этой находки, то есть примерно половина общего количества. Кстати, это сразу сделало Мегакла «абсолютным рекордсменом» по количеству найденных остракa, далеко оторвавшимся в этом отношении от всех остальных своих сограждан.

Столь значительная доля «бюллетеней» против одного лица не могла не наводить на некоторые, представляющиеся вполне основательными соображения. Начинало казаться в высшей степени вероятным, что нижний слой находки с Керамика в основе своей представляет результаты какой-то одной остракофории (с незначительными «вкраплениями» от нескольких других), причем остракофории успешной, в ходе которой Мегакл действительно подвергся изгнанию: уж слишком велик был удельный вес черепков с его именем. Остракизм Мегакла известен из нарративной традиции и даже точно датируется 486 г. до н. э. Таким образом, создавались все основания датировать остракa этого слоя. Если избегать чрезмерной точности, то во всяком случае можно говорить об их принадлежности к 480-м гг., а это само по себе уже немало. Именно такой датировки рассматриваемых здесь остракa — 480-е гг.

---

[111] Строго говоря, даже и в приведенном случае нет абсолютной, стопроцентной уверенности, поскольку нельзя полностью исключить возможность того, что позже Гиппарх вернулся в Афины и вновь подвергался угрозе остракизма.

[112] *Thomsen R.* Op. cit. P. 93; *Lewis D.M.* Op. cit. P. 1; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 32.

до н. э. — придерживались и по сей день придерживаются многие авторитетные специалисты[113]. Ту же точку зрения разделяет и автор этих строк, о чем ему уже неоднократно приходилось писать[114].

Приходится говорить здесь так подробно о настолько, казалось бы, очевидных вещах потому, что в последнее время в исследовательской литературе наметилась еще одна, совершенно иная тенденция. Ряд антиковедов стал относить рассматриваемые здесь острака с Керамика не к 480-м, а к 470-м гг. до н. э. и приурочивать их к гипотетическому второму остракизму Мегакла. Как мы упоминали, говоря о нарративной традиции, об этом его втором остракизме сообщает один-единственный автор — оратор Лисий (XIV.39)[115], но сообщение это, повторим, дается в крайне тенденциозном контексте и вряд ли заслуживает безоговорочного доверия.

Следует оговорить, что обычные критерии датировки (особенности палеографии, археологический контекст и т. п.) в данном случае в большинстве своем неприменимы, поскольку речь идет о слишком незначительной разнице во времени, не более 10 лет. Какую же аргументацию (помимо ссылки на Лисия, представляющейся весьма слабым доводом) выдвигают сторонники более поздней датировки острака с Керамика[116]? Рассмотрим эти аргументы

---

[113] *Guarducci M.* Epigrafia greca. V. 2. R., 1969. P. 527; *Knigge U.* Neue Scherben...; *Mattingly H.B.* Facts and Artifacts... P. 288; *Idem.* The Practice... P. 26; *Frost F.J.* Themistocles and Mnesiphilus // Historia. 1971. Bd. 20. Ht. 1. S. 20—25; *Idem.* Plutarch's Themistocles: A Historical Commentary. Princeton, 1980. P. 78; *Thomsen R.* Op. cit. P. 93; *Williams G.M.E.* The Kerameikos Ostraka // ZPE. 1978. Bd. 31. S. 103—113; *Phillips D.J.* Athenian Ostracism... P. 27; *Harvey F.D.* The Conspiracy of Agasias and Aischines (Plutarch, Aristeides 13) // Klio. 1984. Bd. 66. Ht. 1. S. 58—73; *Hall L.G.H.* Remarks on the Law of Ostracism // Tyche. 1989. Bd. 4. S. 100; *Lang M.* Ostraka... P. 5; *Culasso Gastaldi E.* Il doppio ostracismo di Megakles Hippokratous // Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. 1997. V. 8. Fasc. 2. P. 253—271.

[114] *Суриков И.Е.* Острака как источник... С. 109; *Он же.* По поводу... С. 145; *Он же.* Институт остракизма... С. 131; *Он же.* Афинянин Мегакл и Эретрия (к интерпретации одного остракона) // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского: Тезисы докладов. М., 1999. С. 111; *Он же.* К интерпретации имени... Passim; *Он же.* Остракон Мегакла... С. 18 слл.

[115] Иной раз в литературе можно встретить указание на то, что о втором остракизме Мегакла якобы говорится также в IV речи корпуса Андокида. В действительности это не так: рукописи Андокида в соответствующем пассаже (IV.34) не содержат слова δίς (дважды). Это слово дополняется некоторыми издателями по аналогии с Лисием, что и может ввести в заблуждение, но такое дополнение отнюдь не представляется корректным. Ср.: *Mattingly H.B.* The Practice... P. 2.

[116] Датировка 470-ми гг. до н. э. предлагается в работах: *Lewis D.M.* The Kerameikos Ostraka...; *Idem.* Megakles and Eretria // ZPE. 1993. Bd. 96. S. 51—52; *Bicknell P.J.* Was Megakles...; *Idem.* Themistokles' Father and Mother // Historia. 1982. Bd. 31.

и попытаемся оценить степень их убедительности. Во-первых, отмечалось, что среди данной группы остракa есть два черепка (оба несут имя Мегакла, сына Гиппократа), происходящих из расписного краснофигурного сосуда авторской работы. Удалось идентифицировать даже художника, расписывавшего сосуд. Это так называемый «мастер Пистоксена», время работы которого, согласно общепринятой хронологии краснофигурного стиля, приходится на 470-е — 460-е гг. до н. э.[117] Таким образом, данные остраконы против Мегакла (а следовательно — и вся огромная масса его остракa из данной группы) не могут принадлежать к 480-м гг.

Можно ли назвать этот аргумент решающим? Сильно в этом сомневаемся, поскольку не уверены в том, что он вообще имеет какую-либо силу. И действительно, буквально сразу же можно привести целый ряд довольно веских возражений. Прежде всего, если какой-либо художник-вазописец работал в 470-х гг., то из чего вытекает, что он не мог работать еще и в 480-х? Допустим, что от этого времени ваз его работы не дошло, но это ни о чем не говорит, поскольку аргументация ex silentio никогда не считалась достаточно доказательной. Далее, два черепка сами по себе вряд ли могут стать основой для ответственных выводов. Мы уже упоминали, что нижний слой комплексa остракa с Керамика включает в себя вкрапления от нескольких разных остракофорий. Могли случайно попасть в него, например, «бюллетени», использовавшиеся при остракизме Фемистокла, который действительно имел место в 470-х гг. до н. э. Почему не отнести данные краснофигурные остраконы именно к этому остракизму? Мегакл в 480 г. был наряду с другими жертвами ранних остракофорий досрочно возвращен в Афины, и, следовательно, на момент изгнания Фемистокла его имя вполне могло вновь появиться на остракa[118].

Но самое главное даже не в этом. Судя по безоговорочной уверенности, с которой иные авторы заявляют о необходимости передатировки остракa с Керамика, можно подумать, что хронология аттической вазописи краснофигурного стиля — нечто абсолютно несомненное. На самом же деле, однако, это от-

---

Ht. 2. S. 171; *Willemsen F.* Ostraka einer Meisterschale...; *Brenne S.* «Portraits»... S. 162; *Idem.* Ostrakismos und Prominenz... S. 30—48; *Idem.* Die Ostraka... S. 43; *Parker V.* Zur absoluten Datierung des Leagros Kalos und der «Leagros-Gruppe» // ArchAnz. 1994. Ht. 3. S. 372; *Hameter W.* T 22... S. 333. Некоторые специалисты принимают эту датировку с серьезными колебаниями, например: *Raubitschek A. E.* Megakles, geh nicht nach Eretria! // ZPE. 1994. Bd. 100. S. 381—382; *Либеро Л. де.* Ἐκτός или ἐντός? Назначение места изгнания (Arist. Ath. pol. 22,8) и остракон против Мегакла // ПИФК. 1998. Вып. 5. С. 89 слл.

[117] О «мастере Пистоксена» и датировке его произведений см.: *Pfuhl E.* Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923. Bd. 1. S. 485—486; *Richter G. M. A.* Attic Red-figured Vases: A Survey. Revised ed. New Haven, 1958. P. 99; *Beazley J. D.* Attic Red-figure Vase-painters. 2 ed. Oxf., 1963. V. 2. P. 859—876; *Cook R. M.* Greek Painted Pottery. L., 1966. P. 180.

[118] Ср.: *Mattingly H. B.* The Practice... P. 26.

нюдь не так. Достаточно упомянуть о недавно имевшей место попытке Э. Фрэнсиса и М. Викерса в корне пересмотреть общепринятую хронологическую схему эволюции стилей афинской расписной керамики и предложить на ее место новую, альтернативную[119]. Согласно построениям Фрэнсиса — Викерса, общепринятые даты в этой сфере следует сместить в сторону более поздних на весьма существенные отрезки. Так, ту керамику, которую традиционно датировали второй четвертью VI в. до н. э., предлагается относить к началу V в., ту, которую датировали первой четвертью V в. — к периоду около 465 г. и т. п. Возникновение краснофигурного стиля по этой гипотезе имело место не в 520-х гг. до н. э., а примерно в 480 г.

Сразу настоятельно подчеркнем, что мы ни в коей мере не являемся сторонниками вышеупомянутой «новой хронологии», более того, считаем попытки такого рода мягким вариантом фоменковщины. Схема Фрэнсиса — Викерса подверглась в антиковедении жесткой и вполне аргументированной критике[120]. Дело, однако, в другом. Даже критикуя их построения, оппоненты отмечали, что их появление имело свою объективную причину, а именно неясности и противоречия, существующие в традиционной хронологической схеме. Коль скоро возможны такого рода гипотезы (а ведь в их пользу авторами приводятся многочисленные доводы, и некоторые из этих доводов заставляют задуматься), коль скоро, повторим, возможны — пусть чисто теоретически — расхождения в датировках на 50 и более лет, о какой точности в 10 лет можно говорить?![121]

Остальные доводы, приводимые сторонниками датировки острака с Керамика 470-ми гг. до н. э., представляются еще менее убедительными. Большинство их связано с появлением на этих острака имен тех или иных афинских граждан или другой информации. Так, отмечалось, что в рассматриваемой группе памятников весьма велика доля экземпляров, направленных против Фемистокла; нередко встречается на них и имя Кимона. Отсюда вытекает примерно следующий ход мыслей: Фемистокл был изгнан остракизмом отнюдь не в 480-х, а в 470-х гг. до н. э.; следовательно, к этому времени должны относиться и его остраконы. Кимон же в 480-х гг. был еще попросту слишком мо-

---

[119] Фрэнсис и Викерс развивали свою точку зрения в ряде работ, из которых, в частности, см.: *Francis E. D., Vickers M.* Kaloi, Ostraka and the Wells of Athens // AJA. 1982. V. 86. № 2. P. 264; *Vickers M.* Op. cit.

[120] *Cook R. M.* The Francis — Vickers Chronology // JHS. 1989. V. 109. P. 164—170; *Williams D.* Refiguring Attic Red-figure: A Review Article // RA. 1996. № 2. P. 227—252. Очень мало кто из антиковедов встретил ее сочувственно, как, например: *Morris I.* Death-Ritual and Social Structure in Classical Antiquity. Cambridge, 1992. P. 108 ff.

[121] О значительных трудностях, появляющихся при попытке дать точную датировку произведений расписной керамики, см. также: *Denisova V. I.* Gorgoneion Skyphos from Olbia // Археологические вести. 1999. № 6. С. 160—162. Наблюдения автора этой работы сделаны на совершенно ином материале, что только подкрепляет нашу убежденность в их общей применимости.

лод, чтобы выступать в качестве «кандидата» на изгнание остракизмом. Никак не можем согласиться ни с тем, ни с другим. Фемистокл уже до вторжения Ксеркса был одним из активнейших участников внутриполитической борьбы в Афинах. Остракизмом в этот период он действительно не изгонялся, но, подвергая его угрозе своих противников, постоянно подвергался той же угрозе и сам. Об этом нам и раньше приходилось писать[122], и в рамках данной работы придется еще подробно останавливаться (гл. IV, п. 2). Несколько сложнее проблема Кимона, который в 480-х гг. действительно был еще молодым человеком, не достигшим тридцатилетия. Но Кимон, выходец из знатнейшего рода Филаидов, сын марафонского победителя Мильтиада, занимал в афинском полисе особое положение. После бесславной смерти отца и перипетий, связанных с уплатой оставшегося после него огромного штрафа, Кимон, несмотря на свою молодость, был, судя по всему, прекрасно известен согражданам, более того, по словам Плутарха (Cim.4), «пользовался в городе дурной славой». В складывании этой негативной репутации сыграли роль несколько обстоятельств. В частности, на Кимона переносилась неприязнь, которую многие афиняне испытывали к Мильтиаду, по их мнению, чрезмерно «вознесшемуся» и которая усугублялась твердой уверенностью греков рассматриваемой эпохи в ответственности потомков за деяния предков[123]. Не следует сбрасывать со счетов и распространявшиеся по городу сплетни о незаконном сожительстве Кимона с родной сестрой Эльпиникой (как мы увидим чуть ниже, факт этих сплетен зафиксирован не только письменными источниками, но и надписью на одном остраконе). Таким образом, Кимон уже в 480-е гг. до н. э. вполне мог подвергаться опасности остракизма. Конечно, опасность эта вряд ли была реальной, и он, конечно, не был в числе главных «кандидатов» на изгнание, таких, как Аристид или Ксантипп, но нет ничего удивительного в том, что несколько десятков или даже сотен афинских граждан предпочитали писать на черепках именно его имя. Во всяком случае, опровергнуть это вряд ли возможно.

Далее, на трех остраконах с Керамика фигурирует имя Арифрона, сына Ксантиппа. Если отождествить этого Арифрона с известным из письменных источников братом Перикла (имя и патронимик совпадают), то это могло бы стать решающим доводом в пользу поздней датировки острака. В самом деле, в 480-х гг. до н. э. Арифрон, будучи несовершеннолетним, никоим образом не мог подвергаться угрозе остракизма. Мы подробно рассмотрели этот вопрос в другом месте[124], что позволяет нам теперь ограничиться кратким суммированием сделанных там выводов. Арифрон, брат Перикла, родившийся никак не позже 495 г. до н. э., не мог по своей молодости выступать в качестве «кандидата» на изгнание не только в 480-х гг., но также и во время гипотетического второго остракизма Мегакла в 470-х, если принять историчность последнего.

---

122 *Суриков И. Е.* Политическая борьба... С. 127.

123 Об этой концепции родовой ответственности см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 238 слл.

124 *Суриков И. Е.* К интерпретации имени...

Гораздо более приемлемой идентификацией для упоминающегося на остракa Арифрона является отец Ксантиппа и дед Перикла. Этому человеку в 480-х гг., как показывают результаты наших хронологических калькуляций, должно было быть около 70 лет — возраст солидный. Однако на остракa того же времени есть более сотни упоминаний Гиппократа, сына Алкмеонида. А этот Гиппократ, принадлежавший к роду Алкмеонидов, родился, как продемонстрировал А. Раубичек на основании эпиграфических данных[125], около 560—550 гг. до н. э., то есть точно тогда же, когда и Арифрон Старший. Таким образом, даже политический деятель в достаточно преклонных годах вполне мог оказаться настолько ненавистным некоторым из своих сограждан, чтобы они пожелали его удаления за пределы Аттики. А вот если мы отнесем остракa с Керамика к 470-м гг., то появление на них Арифрона, деда Перикла, окажется практически невозможным. Если даже он был еще в живых в это время, ему должно было быть более 80 лет. Вряд ли столь глубокий старец мог у кого бы то ни было вызывать опасения. Иными словами, аргумент, приводимый в свою пользу сторонниками поздней датировки рассматриваемого комплексa памятников, работает скорее против них.

Привлекается в качестве аргументa также довольно длинная (по меркам граффити) надпись на одном из остраконов, направленных против упоминавшегося выше Мегакла. Полностью эту надпись мы приведем ниже, а пока укажем, что в ней, по мнению некоторых исследователей[126], содержится рекомендация Мегаклу *опять* убираться прочь ([πά]λι ἔχσο̄), но не в Эретрию. Из слова «опять» делается вывод, что Мегакл уже подвергался изгнанию, а следовательно — данный остракон относится к его второму остракизму. Но и этот аргумент не выдерживает критического анализа. Во-первых, отнюдь не бесспорным представляется именно такое заполнение лакуны; предлагался и другой вариант реконструкции — [ἄπο]λι[127]. Но даже если мы примем чтение πάλι, это, в сущности, ничего нам не даст. Повторное изгнание еще не означает повторного остракизма. Можно практически без сомнений утверждать, что Мегакл ранее действительно изгонялся из Афин, а было это в 507 г. до н. э., когда спартанский царь Клеомен I подверг изгнанию, наряду с реформатором Клисфеном (родным дядей Мегакла), еще 700 семей его родственников и сторонников (Herod.I.72; Arist.Ath.pol.20.3)[128]. А может быть, πάλι(ν) означает

---

125 *Raubitschek A. E.* Dedications from the Athenian Akropolis. Cambridge Mass., 1949. P. 338—340. Ср.: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 100.

126 *Willemsen F.* Ostraka einer Meisterschale... S. 144; *Brenne S.* Ostraka and the Process... P. 23; *Lewis D. M.* Megakles... P. 52; *Stanton G. R.* A Graffito on a Megakles Ostrakon // ZPE. 1996. Bd. 111. S. 72.

127 *Raubitschek A. E.* Megakles... S. 381. Отметим, что слово πάλιν (опять) даже и перед согласными крайне редко утрачивает конечное ν, и тем менее приходится этого ожидать перед гласной.

128 Об этом изгнании см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 48—49; *Ober J.* The Athenian Revolution... P. 32—52.

совет Мегаклу больше не уходить именно в Эретрию? В таком случае толкования ситуации вообще могут быть самыми разнообразными. Мегакл мог бывать и даже жить в этом расположенном совсем недалеко от Афин эвбейском полисе вне всякой связи с каким-либо предыдущим изгнанием. Род Алкмеонидов, к которому он принадлежал, связывали с эретрийской аристократией узы давних дружественных контактов, восходивших еще по меньшей мере к концу VII в. до н. э.[129] А в конце VI в. до н. э., в эпоху Клисфена, Эретрия окончательно попала в сферу афинского влияния; похоже, тогда же там утвердилась демократия по образцу Афин[130].

Наконец, такой аргумент, приводимый сторонниками поздней датировки рассматриваемых здесь памятников. Им кажется странным, что в одном комплексе оказались перемешаны острака, относящиеся ко времени как до, так и после нашествия Ксеркса. Разрушение и сожжение персидским войском Афин — все-таки очень важная веха их археологической истории, и непонятно, почему это событие не нашло никакого отражения в данном случае. Соответственно, постулируется вывод: никаких острака 480-х гг. до н. э. в нижнем слое находки на Керамике вообще нет, и весь этот слой следует датировать 470-ми гг., то есть эпохой после Ксеркса. Однако все эти недоумения были бы резонны в том случае, если бы острака после использования держали в каком-нибудь хранилище, на складе, в архиве и т. п. Такое хранилище, скорее всего, погибло бы в огне пожара, и после возвращения в 479 г. афинянам пришлось бы создавать новое. Тогда, действительно, перемешивание более ранних острака с более поздними было бы маловероятным. Однако, ничего подобного, конечно, не было, и ни в каком архиве черепки не сохраняли. То, что мы имеем на Керамике, — отнюдь не хранилище, а сброс разновременного мусора на свалку, и появиться он мог каким угодно образом. Например, при подготовке фундаментов для многочисленных монументальных построек, возводившихся в Афинах в эпоху Кимона и Перикла, вынутые из земли острака свезли на Керамик и попросту вывалили в речку. Позже, ближе к концу V в. до н. э., так же поступили еще раз, от чего образовался верхний слой комплекса. Это лишь один из возможных вариантов, но, во всяком случае, нет ничего удивительного, что в груде мусора перемешались разновременные черепки. И уж, несмотря на любые утверждения противников этой точки зрения, острака 480-х гг. на Керамике все же несомненно *есть*. Например, найденный там остракон с именем Гиппарха, сына Харма[131], может относиться только к самой первой известной остракофории (487 г. до н. э.), поскольку именно ее жертвой стал этот политик.

Мы так подробно остановились на проблеме хронологии острака с Керамика, чтобы продемонстрировать, что в этом случае дело обстоит так же, как и во многих других: аргументация, приводимая сторонниками их поздней да-

---

129 См.: *Суриков И. Е.* Остракон Мегакла... С. 22 слл.

130 *Cairns F.* The «Laws of Eretria» (IG XII. 9. 1273 and 1274): Epigraphic, Legal, Historical, and Political Aspects // Phoenix. 1991. V. 45. № 4. P. 296—312.

131 *Willemsen F., Brenne S.* Op. cit. S. 151.

тировки, своим обилием производит впечатление, но если не поддаваться этому первому впечатлению, а попытаться разобраться с каждым из звеньев данной аргументации по отдельности, то каждое такое звено оказывается весьма непрочным и при ближайшем рассмотрении выглядит скорее постулатом, чем доказанным фактом. Соответственно, мы пока не видим достаточных оснований отказываться от первоначальной датировки основной части рассматриваемого комплекса 480-ми гг. до н. э. Один-единственный аргумент, приводящийся в пользу этой датировки — огромный удельный вес острака против Мегакла в группе с Керамика — перевешивает всю совокупность доводов contra. А ведь, кроме этого основного аргумента, имеются и другие. Так, упоминаемый на острака с Керамика Агасий, судя по всему, тождественен с Агасием, который в 479 г. до н. э. организовал изменнический заговор и после его раскрытия был вынужден бежать из Афин (Plut.Aristid.13)[132]. А коль скоро это так, впоследствии он не мог выступать в роли «кандидата» на изгнание остракизмом.

* * *

Острака — замечательные, уникальные памятники первоклассного источниковедческого значения, живые свидетели событий. Их изучение и анализ в настоящее время становятся, без преувеличения, одним из наиболее перспективных направлений в исследовании афинской истории[133]. С надписей на острака перед нами во всем своем неповторимом своеобразии встает мир классического греческого полиса с его кипучей политической жизнью. Мы почти физически ощущаем это кипение страстей, слышим голоса людей далекой эпохи, принадлежащих к самым разным социальным слоям, совершенно не похожих друг на друга. И эта на первый взгляд беспорядочная разноголосица сливается в стройный хор афинского демоса. Мы, так сказать, наблюдаем демократию в действии. Подобная полная жизни картина не отменяет, но порой существеннейшим образом дополняет и корректирует данные нарративной традиции, демонстрируя Афины не с официальной, а, если можно так выразиться, с внутренней, «интимной» стороны.

Важность острака, помимо всего прочего, еще и в том, что их можно привлекать в качестве источников для решения самых разнообразных проблем — от эволюции форм и типов аттической керамики до особенностей произношения афинян в V в. до н. э.[134] Мы же в рамках настоящей работы, естественно, будем использовать прежде всего ту содержащуюся в этих памятни-

---

[132] *Harvey F. D.* Op. cit.

[133] О важности изучения острака см.: *Raubitschek A. E.* Athenian Ostracism... P. 120 ff.

[134] Характерные ошибки, встречающиеся в тех надписях на острака, которые были сделаны не слишком грамотными людьми, позволяют установить, как в действительности произносилось то или иное слово. См. по этой проблеме: *Lang M.* Ostraka... P. 12 ff.

ках информацию, которая имеет отношение к внутриполитической жизни афинского полиса и особенно к практике остракизма. Каким образом или в каких направлениях можно исследовать острака? Существует несколько таких направлений и методов. Можно, например, рассматривать острака как археологические находки, вещественные памятники, причем составляющие уже достаточно массовый материал. В этом качестве при их изучении могут быть применены количественные методы, в частности, статистический анализ, что уже в самом первом приближении дает плодотворные результаты, как показывает рассматривавшийся выше пример острака с Керамика (учет количества голосов против Мегакла позволяет дать им довольно точную датировку). Впрочем, создание и использование такого рода статистических выкладок требует известной осторожности, учитывая, что, каким бы большим не казалось число известных острака, на деле это лишь малая часть надписанных в Афинах V в. до н. э. черепков-«бюллетеней», так что далеко не во всем их можно считать полностью репрезентативными. Например, не столь давно Г. Маттингли предпринял попытку распределить все дошедшие до нас острака по упоминаемым в письменных источниках остракофориям и, соответственно, подсчитать, какое число остраконов относится к каждой из них[135]. Об этой попытке приходится сказать, в сущности, примерно то же, что почти обо всем, делаемом Маттингли: очень интересно — и в то же время крайне спорно и далеко не всегда доказательно.

К острака приложимы и методы системно-структурного анализа, позволяющие выявлять место и связи отдельных памятников данной категории в рамках того или иного комплекса. Кстати, эти глиняные черепки в подобных целях можно сопоставлять друг с другом в самом буквальном смысле, чисто физически. Если выясняется, что два или более остракона прямо соприкасаются своими сторонами, происходя, таким образом, из одного сосуда или более крупного обломка (а такие случаи встречаются, и нередко), то можно считать ясным, что они были использованы на одной остракофории, что дает повод для более или менее далеко идущих выводов, в зависимости от содержания надписей на этих остраконах и общего контекста[136]. Далее, одним из важных методов работы с острака является палеографический анализ надписей на них. Собственно говоря, к этим надписям можно применять даже нечто вроде графологической экспертизы, что само по себе практически уникально в рамках круга источников по истории классических Афин. Удается, в частности, опознать случаи, когда несколько остраконов надписаны одним почерком (наиболее известный пример — острака против Фемистокла с северного склона Акрополя), и это тоже, в принципе, оставляет свободу для интерпретации, причем бо́льшую свободу, чем обычно полагают. Чаще всего считается, что такие находки знаменуют плоды деятельности политических группировок, фальсифицировавших результаты остракофорий, однако это

---

[135] *Mattingly H. B.* The Practice... Passim.

[136] Перечень таких соприкасающихся острака см.: *Brenne S.* Die Ostraka... S. 72—76.

объяснение никак не подходит к ситуациям, когда одна рука надписала острака против *разных* лиц. На всей этой проблеме нам еще придется специально останавливаться (гл. III, п. 5). Пока же отметим, что бывают и противоположные случаи, когда на одном остраконе обнаруживаются два разных почерка. Таков один из острака против Аристида[137], на котором какой-то, очевидно, не слишком хорошо владевший искусством письма афинянин тщетно пытался вывести имя этого политика, но эти попытки оканчивались фальстартами; а ниже требуемое имя было написано четким, красивым почерком хорошо грамотного человека. Уж не об этом ли черепке идет речь в знаменитом анекдоте об Аристиде и крестьянине? Во всяком случае, такое предположение выглядит весьма соблазнительным (оно еще и позволяет считать, что мы две с половиной тысячи лет спустя имеем возможность собственными глазами видеть надпись, сделанную самим Аристидом!), но это, конечно, чистой воды гипотеза, которую вряд ли когда-нибудь удастся доказать либо опровергнуть. Мы упомянули об этой гипотезе лишь для того, чтобы продемонстрировать, какие интересные и неожиданные вопросы встают буквально на каждом шагу при работе с острака.

Вероятно, наиболее перспективный путь анализа рассматриваемых памятников — исследование надписей на них с содержательной стороны. Здесь следует сказать о двух нюансах. Во-первых, основной, обязательной (а по большей части и единственной) частью надписи на остраконе является имя того или иного афинского гражданина, «кандидата» на изгнание. Мало ли этого? Отнюдь нет. Острака — подлинный клад для историка-просопографиста. Они донесли до нас имена почти двухсот афинян. Среди этих имен — как принадлежащие крупнейшим деятелям афинской истории, о жизни которых подробно рассказывает нарративная традиция (от Аристида и Фемистокла до Никия и Алкивиада), так и совершенно неизвестные ранее, а порой даже странновато звучащие (Бриотент, Эретрией и т. п.)[138]. Читатель может в этом убедиться, обратившись к приложению V, где мы на основе предшествующих публикаций и сообщений о находках сделали сводку имен, встречающихся на острака, с указанием количества открытых остраконов по каждому имени. Не приходится сомневаться в одном — в принадлежности подавляющего большинства людей, бывших «кандидатами» на изгнание остракизмом, к кругу политической элиты Афин[139]: ведь процедура, о которой идет речь, применя-

---

[137] Публикацию см.: *Lang M.* Ostraka... P. 36.

[138] Имя Бриотент больше в Афинах не встречается (см.: *Osborne M.J., Byrne S.G.* A Lexicon of Greek Personal Names. V. 2. Attica. Oxf., 1994. P. 90) и вообще не производит впечатления греческого. В целом о новых именах на острака см.: *Masson O.* Nouvelles notes d'anthroponymie grecque // ZPE. 1992. 91. S. 111—120.

[139] *Карпюк С. Г.* Политическая ономастика классических Афин в надписях V—IV вв. до н. э. // ВДИ. 2003. № 2. С. 13—14. Нам представляется перспективным даже использование ономастического материала на острака для сопоставления с аналогичным материалом из других эпох истории Афин с целью прояснения некоторых

лась, по согласным утверждениям античных авторов, именно по отношению к влиятельным политикам, как правило, аристократического происхождения. Конечно, из всякого правила бывают исключения; наверняка имели место и такие случаи, когда тот или иной афинянин писал на черепке имя, скажем, своего соседа — просто из личной вражды. И все же, на наш взгляд, вполне ясно, что в массе своей лица, упоминаемые на острака, отнюдь не относились к числу ординарных, ничем не примечательных жителей Аттики.

Среди афинян, чьи имена читаются на остраконах, присутствуют абсолютно все те, кто в нарративной традиции каким-либо образом связывается с остракизмом (за исключением Клисфена и Мильтиада, но их остракизмы, как мы покажем в гл. I, недостоверны)[140]. Что же касается новых, ранее неизвестных имен, то они обогащают арсенал аттической просопографии. Немаловажно, что многие из этих неизвестных могут быть идентифицированы ближе, отнесены к тому или иному конкретному роду или даже семье. Такой идентификации помогает привлечение данных аттической ономастики. Известно, что имена детям в аристократической среде Афин давались отнюдь не случайно. У каждого рода существовал определенный набор личных имен[141], и перетекание этих имен из одного рода в другой, как правило, являлось признаком матримониальных контактов между ними. Весьма распространенным был обычай называть сыновей именами дедов по отцовской и материнской линиям, а также отражать в семейном ономастиконе ксенические контакты[142]. Совокупность этих особенностей позволяет с большой степенью уверенности приходить к определенным выводам, особенно если учесть, что в немалом числе случаев на остраконах наряду с личными именами фигурируют патронимики и демотики. В частности, нам уже приходилось отмечать, что среди «кандидатов» на изгнание в 480-х гг. до н. э. была необычно велика доля граждан, которых на основании их имен можно практически безоговорочно

вопросов просопографии аттической аристократии. См. предварительную попытку такого сопоставления: *Суриков И. Е.* К просопографии афинских монетных магистратов эпохи эллинизма // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001. С. 29—31.

140 *Raubitschek A. E.* Athenian Ostracism... P. 115. До недавнего времени были неизвестны упоминания на острака имени Никия, подвергавшегося угрозе изгнания в ходе последнего остракизма, но теперь один такой остракон опубликован: *Phillips D. J.* Observations... P. 126.

141 О континуитете личных имен на протяжении многих поколений в греческом мире в целом см.: *Habicht Chr.* Beiträge zur Prosopographie der altgriechischen Welt // Chiron. 1972. Bd. 2. S. 110—113.

142 Ср.: *Суриков И. Е.* Гостеприимство Креза и афиняне // ЗОГАМ. С. 77; *Он же.* О некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001. С. 172—176; *Herman G.* Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // ClQ. 1990. V. 40. № 2. P. 349—363.

отнести к роду Алкмеонидов[143]. Другой пример — Тисандр, сын Исагора. Об этом упоминаемом на одном остраконе с Агоры афинянине нет никакой информации в письменных источниках, однако сочетание имени и патронимика не оставляет никаких сомнений в том, что перед нами сын Исагора — известного политического деятеля конца VI в. до н. э., главного противника основателя афинской демократии Клисфена[144]. Примеры подобного же рода можно было бы множить и множить, но нам не хотелось бы увлекаться этим, дабы не отклоняться слишком далеко от основной нити изложения.

Есть имена (таких, пожалуй, даже большинство), встречающиеся на одном-двух остраконах, но имеются и такие, количество «бюллетеней» для которых очень велико. Мы уже говорили о Мегакле, сыне Гиппократа, — «абсолютном рекордсмене» с его четырьмя с половиной тысячами острака; более двух тысяч на счету Фемистокла. Сюрпризом для исследователей стало то обстоятельство, что порой весьма значительное число острака оказывается направленным против неизвестных из письменных источников лиц. Например, некий Каллий, сын Кратия, упомянут на 700 с лишним остраконах, а это означает, что он был влиятельной фигурой в политической жизни своего времени, мы же о нем ничего не знаем[145]. Это лишний раз демонстрирует, насколько фрагментарны и изобилуют пробелами наши сведения об афинской истории классической эпохи.

Для других, уже известных политических деятелей острака выявляют ранее незнакомые нам патронимики и демотики. Так, именно из надписей на черепках для остракизма стало известно полное гражданское имя популярного демагога конца V в. до н. э. Клеофонта (нарративные источники не дают ни его патронимика, ни демотика, и вообще за редким исключением отзываются о нем крайне пренебрежительно, как о человеке низкого происхождения). Оказывается, его звали Клеофонтом, сыном Клеиппида, из Ахарн[146]. Это важно тем, что дало основание установить: Клеофонт был потомственным членом политической элиты, сыном Клеиппида, сына Диния, также из Ахарн, — достаточно видного политика Перикловой эпохи, в начале Пелопоннесской войны занимавшего пост стратега (Thuc.III.3.3). Из тех же острака стал известен и новый факт биографии Клеиппида: оказывается, он был од-

---

143 *Суриков И. Е.* Политическая борьба... С. 119—120, 127—128.

144 *Phillips D. J.* Observations... P. 123 ff.; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 293. Исагор (а, значит, и его сын) был, судя по всему, выходцем из рода Филаидов. См.: *Bicknell P. J.* Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 84—88.

145 О Каллии, сыне Кратия, — политическом деятеле, «возникшем» благодаря острака буквально из небытия, см.: *Bicknell P. J.* Studies... P. 64—76; *Shapiro H. A.* Kallias Kratiou Alopekethen // Hesperia. 1982. V. 51. № 1. P. 69—73; *Суриков И. Е.* Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 103—104.

146 *Vanderpool E.* Kleophon // Hesperia. 1952. V. 21. № 2. P. 114—115; *Idem.* New Ostraka... P. 120.

ним из основных «кандидатов» на изгнание еще в ходе остракофории 440-х гг., жертвой которой стал Фукидид, сын Мелесия. На Керамике найдено более ста остраконов с именем Клеиппида, а это немало. Что касается другого знаменитого демагога эпохи Пелопоннесской войны — Гипербола, острака помогли прояснить относящееся к нему противоречие между античными историками. Аттидограф Андротион (FGrHist.324.F43) называет Гипербола сыном Антифана, но этой точке зрения противостоит мнение другого авторитетного автора — Феопомпа (FGrHist.115.F95), который дает иное имя его отца — Хремет. Надписи на острака («Гипербол, сын Антифана, из Перифедов») внесли в вопрос полную ясность: прав оказался Андротион[147].

Перейдем ко второму нюансу исследуемых надписей. На целом ряде острака, помимо имен «кандидатов», присутствуют также разного рода приписки, посредством которых по-южному экспансивные и непосредственные афиняне выражали свои эмоции (по большей части негативные) по адресу тех или иных сограждан[148]. Судя по всему, такие приписки — в отличие от практики наших дней — не делали «бюллетень» недействительным. Они весьма разнообразны как по содержанию, так и по размеру: от короткого и выразительного ἴτω («пусть уходит»), φευγέτω («пусть отправляется в изгнание») или ἔχε («получай!»)[149] до целой фразы из десятка слов. Так, один остракон, направленный против Ксантиппа (этот памятник иногда именуют «царицей острака»[150]), содержит целую небольшую эпиграмму (элегический дистих), сочиненную неким остроумцем, судя по всему, ad hoc:

Χσάνθ[ιππον τόδε] φεσὶν ἀλειτερῶν πρυτάνειον
τὸστρακ[ον Ἀρρί]φρονος παῖδα μά[λ]ιστ' ἀδικῆν.
Более всех преступен из оскверненных пританов —
Сей черепок гласит — сын Аррифрона Ксантипп[151].

---

147 Ср.: *Wankel H.* Die Rolle der griechischen und lateinischen Epigraphik bei der Erklärung literarischer Texte // ZPE. 1974. Bd. 15. S. 89; *Taeuber H.* T 33. Androtion FGrHist 324 F 42 (ca. 340 v. Chr.): die Ostrakisierung des Hyperbolos (416 v. Chr.) // OT. S. 415—416. О другом подобном случае см.: *Taeuber H.* T 32. Androtion FGrHist 324 F 37 (ca. 340 v. Chr.): Thukydides, Sohn des Melesias, als Gegner des Perikles (bis 443 v. Chr.) // OT. S. 413—414: Феопомп называет Фукидида, политического противника Перикла, сыном Пантена, а Андротион — сыном Мелесия. И опять острака подтвердили правоту Андротиона.

148 Об этих приписках см.: *Mattingly H. B.* Facts and Artifacts...; *Siewert P.* Accuse contro i «candidati» all'ostracismo per la loro condotta politica e morale // CISA. 1991. V. 17. P. 3—14; *Brenne S.* Ostraka and the Process... Наконец, наиболее подробная на сегодняшний день их комментированная сводка: *Brenne S.* Die Ostraka... S. 80—141.

149 На остраконе — hέχε (*Brenne S.* Die Ostraka... S. 87).

150 *Schreiner J. H.* The Origin... P. 88.

151 Первая публикация остракона: *Raubitschek A. E.* The Ostracism of Xanthippos // AJA. 1947. V. 51. № 3. P. 257—262. Интерпретации этой надписи посвящена немалая литература. Основные работы: *Broneer O.* Notes on the Xanthippos Ostrakon

Другая довольно длинная надпись содержится на одном из остракa с именем Мегакла, сына Гиппократа. Надпись не очень хорошо сохранилась и имеет лакуны, препятствующие ее пониманию:

[Μεγ]ακλῆς με ʼρετρ<ί>αζε
[hιπ]<π>οκράτος
[3-4]λι ἔχσο
[3-4]εἰσέλθεις

Об этой надписи, опубликованной в 1991 г., за последние годы тоже появилась целая литература[152]; предлагались различные варианты заполнения лакун, например, для ст. 3 [πά]λι(ν) (Виллемсен, Льюис, Бренне, Стэнтон), [ἄπο]λι (Раубичек); для ст. 4 [με] εἰσέλθεις (Льюис), [τυπ]εὶς ἔλθεις (Раубичек), [ον] εἰσέλθεις (Стэнтон)[153]. Не вполне ясно и положение в тексте слов με ʼρετρ<ί>αζε: они написаны чуть ниже общего уровня первой строки и, не исключено, должны читаться в самом конце, образуя нечто вроде второго столбца. Мы лично предпочитаем такой вариант перевода надписи: «Мегакл, сын Гиппократа, лишенный отечества, находясь за его пределами, не входи в Эретрию», хотя и прекрасно понимаем, что возможны и другие варианты. В любом случае перед нами своеобразная рекомендация «кандидату» на изгнание, куда ему следует (или не следует) отправляться.

// AJA. 1948. V. 52. № 2. P. 341—343; *Schweigert E.* The Xanthippos Ostracon // AJA. 1949. V. 53. № 3. P. 266—268; *Wilhelm A.* Zum Ostrakismos des Xanthippos, des Vaters des Perikles // Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosoph.—hist. Klasse. 1949. Bd. 86. Ht. 12. S. 237—243; *Schaefer H.* Xanthippos (6) // RE. Reihe 2. Hlbd. 18. Stuttgart, 1967. Sp. 1343—1346; *Merkelbach R.* Das Distichon über den Ostrakismos des Xanthippos // ZPE. 1969. Bd. 4. S. 201—202; *Idem.* Nochmals das Xanthippos-Ostrakon // ZPE. 1986. Bd. 62. S. 57—62; *Figueira T. J.* Xanthippos, Father of Pericles, and the Prutaneis of the Naukraroi // Historia. 1986. Bd. 35. Ht. 3. S. 257—279; *Суриков И. Е.* Ксантипп, отец Перикла: Штрихи к политической биографии // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 100—109. Мы придерживаемся, как наиболее убедительного, чтения А.Вильхельма, которое приняли также Мейггс и Льюис: πρυτάνειον — genetivus pluralis (partitivus) от πρύτανις (с обычным для гекзаметра растяжением предпоследнего гласного в целях сохранения размера), с ним согласовано ἀλειτερῶν. Выскажем (чисто в порядке гипотезы) догадку по поводу того, почему данный остракон против Ксантиппа надписан в стихотворной форме. Может быть, писавший намекал на то, что Ксантипп — любитель поэзии? Этот политик в молодости был близок к знаменитому лирику Анакреонту (см.: *Hafner G.* Anakreon und Xanthippos // JDAI. 1956. Bd. 1. S. 1—28).

152 См. работы, указанные в прим. 126 и 127, а также: *Либеро Л. де.* Ук. соч.; *Суриков И. Е.* Остракон Мегакла...

153 Стэнтон предлагает читать на остраконе две разные надписи (впрочем, сделанные одной рукой): собственно имя с патронимиком и нанесенное позже экспрессивное граффито.

Остальные дополнительные приписки на острака, как правило, гораздо короче. В подавляющем большинстве они имеют инвективный характер. Так, Калликсен, сын Аристонима, на одном из черепков назван «предателем» ([ho πρ]οδότες). Кстати, на другом черепке с его именем указана родовая принадлежность этого афинянина — «из Алкмеонидов» ([Ἀλκ]μεον[ιδῶν])[154]. К предателям (ἐκκ προ[δοτ]ῶν) причислен и другой «кандидат» на остракизм — Менон[155]. Леагра один из голосующих требует изгнать «за то, что он совершил предательство» (hότι ἐπροδίδοσε). Некий Архен назван «любящим чужеземцев» (φιλοσσενῶν), что тоже, очевидно, следует трактовать как подозрение в измене. Габроних, политик из окружения Фемистокла, характеризуется как совершивший «мидизм» (μεδίζοντι — в дательном падеже). Аналогичный характер имеют обвинения против упоминавшегося выше Каллия, сына Кратия, который на нескольких острака (по подсчету Ш. Бренне, на 16) фигурирует как «мидянин» (Μῆδος, ho Μῆδος, ἐγ Μεδον, ἐκ Μεδον), то есть фактически «перс»[156]. Впрочем, возможно, перед нами вообще не обвинение, а попросту прозвище, которое носил Каллий[157]. Известно, что некоторые афиняне имели такого рода прозвища (Гиппоник Аммон, Гераклид Царь и т. п.). Конкретные причины их происхождения не всегда известны, но порой могут быть с некоторой степенью вероятности выяснены. Так, клазоменца Гераклида, впоследствии получившего афинское гражданство, прозвали «Царем» за то, что он оказал Афинам услуги при заключения т. н. Эпиликова мира с персидским царем Дарием II[158]; в другом месте мы высказали предположение, что Гиппоник был прозван «Аммоном» после его посольства к оракулу этого божества в Ливии[159]. Насколько можно судить, и в случае с Каллием дело обстояло схожим образом. Он наверняка участвовал в посольстве в Персию (скорее всего, в том, которое было отправлено по инициативе Клисфена в 507 г. до н. э., Herod.V.73), возможно, даже возглавлял это посольство. Об этом недвусмысленно говорит надпись еще на одном его остраконе, где он назван «ходившим к мидянам» (ὃς ἐμ Μεδον hεκει).

---

154 О Калликсене и надписях на его острака см.: *Stamires G.A., Vanderpool E.* Kallixenos the Alkmeonid // Hesperia. 1950. V. 19. № 4. P. 376—390.

155 *Peek W.* Op. cit. S. 71.

156 О надписях на острака против Каллия, сына Кратия, см.: *Lewis D.M.* The Kerameikos Ostraka... P. 3; *Bicknell P.J.* Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. Bd. 23. Ht. 2. S. 150; *Rhodes P.J.* A Commentary... P. 274; *Shapiro H.A.* Op. cit.; *Stein-Hölkeskamp E.* Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit. Stuttgart, 1989. S. 193 ff.; *Littman R.J.* Op. cit. P. 165 ff.; *Brenne S.* «Portraits»... P. 173 f.; *Idem.* Ostrakismos und Prominenz... S. 119.

157 *Miller M.C.* Athens and Persia in the Fifth Century B. C.: A Study in Cultural Receptions. Cambridge, 1997. P. 252—253.

158 *Рунг Э.В.* Эпиликов мирный договор // ВДИ. 2000. № 3. С. 88.

159 *Суриков И.Е.* Два очерка... С. 103.

Некоего Агасия довольно грубо обозвали ослом (ὄνος). Впрочем, П. Бикнелл небезосновательно полагает[160], что это не банальное ругательство, а шутливая аллюзия на остракинду — игру с черепками, в которой словом «осел» обозначался проигравший (Poll.IX.112). Как бы то ни было, на остракa встречается и куда более непристойная брань. Чего стоит хотя бы эпитет на одном остраконе против Фемистокла — καταπύγον, который не стоит даже и пытаться перевести на литературный русский язык. На другом черепке с именем того же политика есть надпись ΥΠΕΓΑΙΟΣ ἄγος. Перед нами — либо гапакс, либо какая-то ошибка писавшего, но смысл выражения достаточно ясен: Фемистокл назван здесь чем-то вроде «проклятия земли»[161]. А с другой стороны, еще одна надпись на остраконе с именем того же политика требует изгнать его «почета ради» (τιμῆς ἕνεκα)[162]. Еще одна шутка? Или вполне серьезное свидетельство о том, что остракизм был действительно *почетным* изгнанием, «прерогативой» людей известных, как указывают многие античные авторы? Между прочим, Менон на нескольких острака назван ἀφελες (простым, неизысканным), а на одном даже ἀφελῶν βασιλ<ε>ύς (царем простых). Публикатор (Ф. Виллемсен) затрудняется определить цель появления этого эпитета[163]. А не хотел ли писавший упрекнуть Менона в том, что он слишком прост, незнатен для остракизма?[164] Как известно, именно такого рода мнения в изобилии звучали в Афинах, когда этой мере подвергся Гипербол. Укажем в этой связи еще на тот факт, что некий Боон назван на остраконе «живущим в деме Торик» (Θορίκοι οἰκῶν)[165]. Такие формулировки (не «из такого-то дема», а «живущий в таком-то деме») в документах обычно сопровождают имена метэков, а не граждан. Боон, конечно, не был метэком, иначе он не мог бы стать «кандидатом» на изгнание остракизмом. Приписка сделана, скорее всего, с целью унизить указанное на остраконе лицо, подчеркнуть его «недостоинство». Афинянин по имени Ксанфий на двух острака назван кифаредом. Либо он на самом деле был таковым (но это маловероятно: вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову применять остракизм к кифареду), либо это опять же инвектива: Ксанфию приписано не слишком-то почетное занятие[166].

---

160 *Bicknell P. J.* Agasias the Donkey...

161 *Berti M.* Note storiche e prosopografiche agli *ostraka* di Μυρωνίδης Φλυεύς dal *Kerameikós* di Atene // MEP. 1999. V. 2. P. 99. Предлагалась и эмендация ὑπέγγυος ἄγος — «подлежащий проклятию»: *Hornblower S.* A Commentary on Thucydides. V. 1. Oxf., 1992. P. 203. О термине ἄγος см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 227 сл.

162 *Siewert P.* Accuse... P. 9.

163 *Willemsen F.* Ostraka... S. 118.

164 По мнению Бренне, это — намек на «провинциальное» происхождение Менона (он был фессалийцем). См.: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 241.

165 Ibid. S. 125.

166 Ш. Бренне (ibid. S. 309) считает, что Ксанфий на острака — вообще не имя афинского гражданина (слишком уж «по-рабски» оно звучит), а насмешливое прозвище

Очень достается на остракa Мегаклу, сыну Гиппократа. Этот блестящий афинский аристократ обвиняется, например, в распутстве: его называют «прелюбодеем» (μοιχός), прилагают к нему выражения νέα κόμε, νέας κόμες («с новыми волосами»), что, возможно, следует тоже трактовать в смысле разврата[167]. Сыплются на голову Мегакла и другие обвинения. Так, его обвиняют в корыстолюбии (φιλάργ[υρος]); кстати, схожее обвинение предъявляется и Менону — [δορο]δοκοτατος, «взяточник из взяточников». На двух остраконах Мегакла именуют «оскверненным» (ἀλειτερός; кстати, обратим внимание на то, что это же слово фигурирует в цитированной выше эпиграмме на Ксантиппа, близкого родственника Мегакла), а еще на одном — «килоновцем» (Κυλονε<ι>ος). Не может быть никаких сомнений, по поводу чего все эти реминисценции: Алкмеониду Мегаклу явно припоминают старинное родовое проклятие, уже более века тяготевшее над его предками, — так называемую «Килонову скверну»[168]. Не проходят Мегаклу даром и его родственные связи. Вот еще один его остракон, где написано: [Με]γακλῆς [hι]ππποκράτος καὶ Κο[ι]σύρας. Обычно это переводят как «Мегакл, сын Гиппократа и Кесиры»[169], с чем мы не можем вполне согласиться. Как нам уже, приходилось писать, матерью Мегакла скорее всего была дочь тирана Гиппия[170], а ее вряд ли звали Кесирой. Кесира — женское имя, употребительное в среде Алкмеонидов и попавшее в этот род из эвбейской Эретрии путем матримониальных контактов. Т. Л. Шир в свое время убедительно показал на нарративном материале, что в истории Алкмеонидов были три женщины по имени Кесира[171]. Одна из них — знатная эретриянка, ставшая на рубеже VII—VI вв. до н. э. женой одного из первых известных представителей рода — Алкмеона; вторая — старшая дочь его сына Мегакла, вступившая в середине VI в. до н. э. в краткий и неудачный брак с тираном Писистратом, оставшийся без потомства; наконец, третья — дочь реформатора Клисфена, двоюродная сестра и жена Мегакла, сына Гиппократа, который и является «адресатом» данного остракона[172]. Ни-

кого-то из политических деятелей (Фемистокла или Ксантиппа). Эта гипотеза вряд ли доказуема.

[167] Согласно Аристофану (Ach. 849), развратников в классических Афинах остригали, так что им часто приходилось ходить «с новыми волосами». Ср.: *Brenne S.* Ostraka and the Process... P. 14.

[168] См.: *Суриков И. Е.* По поводу... С. 143—144.

[169] Например: *Cromey R. D.* On Deinomache // Historia. 1984. Bd. 33. Ht. 4. S. 385 ff.; *Lavelle B. M.* Koisyra and Megakles, the Son of Hippokrates // GRBS. 1989. V. 30. № 4. P. 503—513; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 200.

[170] *Суриков И. Е.* Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 17.

[171] *Shear T. L.* Koisyra: Three Women of Athens // Phoenix. 1963. V. 17. № 2. P. 99—112.

[172] Реконструкция Шира была отвергнута Дж. Дейвисом (*Davies J. K.* Athenian Propertied Families, 600—300 B.C. Oxf., 1971. P. 369 ff.), но позже принята П. Бикнеллом (*Bicknell P. J.* Studies... P. 77 ff.). Не очень понимаем, почему ни одна из этих Кесир не попала в посвященный Аттике том новейшего оксфордского

каких сведений о четвертой Кесире, матери Мегакла, мы не имеем, и вряд ли стоит ее искусственно создавать. Остается, на наш взгляд, предположить, что на данном остраконе (а существует еще один или даже несколько аналогичного содержания) упомянута, правда, несколько экстравагантным способом, именно третья Кесира, жена Мегакла, которая была скандально известна в Афинах роскошным образом жизни. Иными словами, лучше переводить надпись приблизительно так: «Мегакл, (сын) Гиппократа и (муж) Кесиры». Автор еще одной надписи на остраконе рекомендует изгнать Мегакла δρυμῶ h<é>νεκα, то есть из-за какого-то леса. Насколько можно судить, здесь в политическую борьбу на остракофории вкрались чисто личные мотивы, вероятно, какие-то пограничные споры между соседями.

Леагр, сын Главкона, политик из группировки Фемистокла, определяется как «клеветник» (βάσκανος). Его же на другом остраконе назвали «черным» (μέλας)[173]. Кто-то из писавших клянется наказанием Гиппократа (μὰ τίσιν hιπποκράτος)[174]. Неизвестное лицо, от имени которого сохранилась только конечная сигма, названо «бесчестным» или «лишенным гражданских прав» (ἄτιμ[ος])[175]. Еще одного афинянина, чье имя не сохранилось, кто-то из его сограждан намеревается проглотить ([καταρο]φεσο[μαι])[176]. Это, конечно, шутка. Афинские граждане вообще любили пошутить на остракофориях (и мы это уже видели). Так, на нескольких остраконах фигурирует некто Λιμὸς Εὐπατρίδες, еще на одном написано Λιμὸν ὀστρακίδο. Слово λιμός по-гречески означает «голод», и в высшей степени сомнительно, чтобы кто-нибудь из афинян носил такое имя. Тут, очевидно, попросту проявление остроумия: писавший советует изгнать из страны голод[177].

Очень интересны два остракона, направленных против Аристида. На одном из них этот политик, возможно, поименован братом персидского полко-

---

«Лексикона греческих личных имен» (*Osborne M. J., Byrne S. G.* Op. cit. P. 269).

173 *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 209. При этом μέλας, кстати, не может не прийти в голову знаменитый «черный охотник» Пьера Видаль-Накэ, вечный юноша-эфеб... Известно, что Леагр в юности отличался редкой красотой, был предметом восхищения всех своих демотов — гончаров с Керамика, которые испещряли свои вазы надписями Λέαγρος καλός. Еще на одном остраконе имя Леагра написано так: Λέαγρος Γλύκονος. Если это не описка, то перед нами очередная шутка, намек на «сладостность» Леагра.

174 Так реконструируется надпись на этом черепке из явно изобилующего ошибками ΜΑΤΙΣΗΝΣ ΗΙΦΟΧΡΑΤΟΣ.

175 Высказывалось предположение, что это был Калликсен (*Stamires G. A., Vanderpool E.* Op. cit. P. 380; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 187), но одной конечной сигмы явно маловато, чтобы выдвигать такого рода гипотезы.

176 *Lang M.* Ostraka... P. 136.

177 *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 214—216. Там же предполагается, но сразу признается маловероятной, и другая возможность (Λιμός могло быть прозвищем какого-нибудь афинянина).

водца Датиса, который в 490 г. до н. э. возглавил экспедицию в Аттику, завершившуюся Марафонским сражением (Ἀριστ[είδεν] τὸν Δά[τιδος] ἀδελφ[όν])[178], а на другом его называют «прогнавшим молящих о защите» ([Ἀριστείδες ho Λυσιμ]άχο [hὸς το]ς hικέτας [ἀπέοσ]εν). Еще более важен остракон с надписью Κίμων Μιλτιάδο Ἐλπινίκην λαβὼν ἴτω — «Пусть Кимон, сын Мильтиада, уходит, взяв Эльпинику». Он свидетельствует о том, что сплетни о незаконном сожительстве Кимона с сестрой Эльпиникой действительно ходили еще во время их жизни, а не являются более поздним анекдотическим измышлением[179].

Некоторые приписки на острака не являются инвективами, а служат для более точной идентификации «кандидата» на изгнание. Например, автор одной из надписей предлагает изгнать «фесмофета Евхарида, сына Евхара»[180], называя, таким образом, должность упоминаемого здесь гражданина. Менон назван исполнявшим должность архонта (Μένον Γαργέττιος ὃς ἦρχσεν)[181]. Наверное, также идентификационной, а не инвективной цели служили приписки на остраконе Мегакла, сына Гиппократа, — hιπποτρόφος («содержащий коней»), hιππότες («конник»). В афинском полисе начала V в. до н. э. было несколько граждан по имени Мегакл, и все, как один, аристократы. Чтобы отличить упомянутого здесь Мегакла от его тезок, и был упомянут предмет его особенной гордости — упряжка лошадей, с которой он чуть позже победил на Пифийских играх. Интересно, что, по предложению кого-то из голосовавших, из Афин должны быть изгнаны Мегакл «и конь» (καὶ ἵππος).

Есть и приписки, которые при нынешнем состоянии изученности острака остаются пока совершенно загадочными, не поддающимися сколько-нибудь вероятной интерпретации. Так, на одном из остраконов против Мегакла, сына Гиппократа, приписано: Ῥοίκω χάριν, «ради Ройка»[182]. Кто такой этот Ройк и почему именно из-за него один из граждан пожелал изгнать Мегакла — вряд ли когда-нибудь станет ясным. Точно так же, скорее всего, мы никогда не узнаем, по какой причине Клеиппид на остраконе назван византийцем[183].

---

178 Это чтение принадлежит А. Раубичеку, предположившему, что перед нами — строка из застольного сколия с порицаниями Аристиду: *Raubitschek A. E.* Das Datislied // Charites: Studien zur Altertumswissenschaft. Bonn, 1957. S. 234—242. Впрочем, уже отмечалось, что надпись сохранилась плохо и данный вариант заполнения лакун отнюдь не является единственно возможным. См.: *Lang M.* Ostraka... P. 38.

179 См.: *Cromey R. D.* The Mysterious Woman of Kleitor: Some Corrections to a Manuscript Once in Plutarch's Possession // AJPh. 1991. V. 112. № 1. P. 91; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 140; *Суриков И. Е.* Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин: истоки феминизма или матримониальная традиция? // Античный мир и его судьбы в последующие века. М.,1995. С. 47.

180 *Körte A.* Op. cit. S. 3.

181 *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 38.

182 Ibid. S. 282.

183 *Brenne S.* Die Ostraka... S. 93.

Можно только гадать, с какими обстоятельствами его биографии это связано.

Помимо словесных приписок, на нескольких остраконах фигурируют сделанные голосовавшими рисунки, в основном карикатурного характера[184]. В частности, на одном из черепков, направленных против Мегакла, сына Гиппократа, присутствует изображение всадника — вполне понятный сюжет, если учесть вышеупомянутую гиппотрофию, практиковавшуюся Мегаклом. На другом остраконе с его же именем нарисована нижняя часть лежащего тела мертвого человека: писавший желал Мегаклу смерти или в аллегорической форме намекал на его изгнание. Еще на одном остраконе Мегакла — рисунок лисы[185]; скорее всего, это намек на его дем — Алопеку (ἀλώπηξ — лисица). А на совсем недавно опубликованном «бюллетене» против того же лица — мастерски нарисованная сова, точь-в-точь такая же, как на афинских монетах. Ш. Бренне справедливо замечает, что сова являлась в Афинах чем-то вроде герба или государственной печати; рисуя ее на остраконе, голосующий хотел таким образом придать этому документу официальную силу[186]. На остраконе против афинянина, чье имя не сохранилось, изображена мужская голова в профиль, с длинными волосами, что является несомненным признаком аристократической принадлежности изображенного. Каллий, сын Кратия («Мидянин») изображается на карикатуре, как и следовало ожидать, в персидском платье: в штанах, тиаре, с луком в руках[187]. Один из черепков-«бюллетеней» Калликсена, сына Аристонима, из рода Алкмеонидов, буквально покрыт изображениями. Помимо портрета самого «кандидата» (голова бородатого мужчины в венке), на нем имеется также рисунок ветви. Это почти несомненно гикетерия — ветвь, которую держали в руках молящие о защите и убежище: Калликсену припоминают «Килонову скверну», родовое проклятие Алкмеонидов, перебивших в 636 г. до н. э. мятежников, укрывавшихся в святилище на Акрополе. Наконец, есть на черепке еще и изображение рыбы. П. Бикнелл идентифицирует эту рыбу как триглу (mullus barbatus), которая считалась в античности самым прожорливым из морских животных, не брезговавшим даже падалью[188]. Калликсен (а, может быть, и все Алкмеониды), таким образом, обвиняется здесь во «всеядности», беспринципности.

Нам еще придется специально заниматься систематизацией надписей-инвектив на острака, когда речь зайдет о политической пропаганде в период остракофорий (гл. IV, п. 4). Пока же отметим одно довольно любопытное обс-

---

184 Эти карикатуры рассмотрены в работе: *Brenne S.* «Portraits»... См. также: *Lissarrague F.* L'immagine dello straniero ad Atene // I Greci: Storia, cultura, arte, società. V. 2.II. Torino, 1997. P. 952. Наиболее полная сводка рисунков на острака: *Brenne S.* Die Ostraka... S. 141—148.

185 *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 226.

186 *Idem.* Die Ostraka... S. 145.

187 См. иллюстрацию: *Иванчик А. И.* Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? II // ВДИ. 2002. № 4. С. 34.

188 *Bicknell P. J.* Agora Ostrakon P 7103 // AC. 1974. V. 43. P. 334—337.

тоятельство (впрочем, уже не ускользнувшее от внимания исследователей[189]). Ни один афинянин в этих надписях не назван потенциальным тираном или сторонником тирании. Данный факт можно назвать неожиданным, поскольку в нарративной традиции именно угроза установления тирании выступает в качестве одной из главных причин функционирования института остракизма.

* * *

Говоря об эпиграфических источниках, имеющих отношение к остракизму, невозможно оставить без внимания еще один интереснейший памятник — так называемый декрет Фемистокла. Уже из нарративной традиции (Herod.VII.143—144; Demosth.XIX.303; Plut.Them.10—11) было известно, что в 480 г. до н. э., когда над Аттикой нависла угроза нашествия Ксеркса, афинская экклесия приняла по инициативе этого политика постановление (или, скорее, ряд постановлений), в котором назначались меры по эвакуации невоеннообязанного населения из страны, укреплению боеспособности вооруженных сил (прежде всего флота), установлению максимального единства мыслей и действий как внутри полиса, так и в рамках Эллинского союза. В 1960 г. М. Джеймсон опубликовал найденную в пелопоннесском Трезене надпись, содержащую текст этой псефисмы, но относящуюся к более позднему времени (IV или III в. до н. э.)[190]. Новооткрытая надпись практически сразу же вызвала к жизни оживленную дискуссию[191], в ходе которой оказались

---

189 Например: *Schreiner J.H.* The Origin... P. 87; *Heftner H., Scheidel W., Siewert P.* Op. cit. S. 505.

190 *Jameson M.H.* A Decree of Themistokles from Troizen // Hesperia. 1960. V. 29. № 2. P. 198—223.

191 *Berve H.* Zur Themistokles-Inschrift von Troizen. München, 1961; *Dow S.* The Purported Decree of Themistokles: Stele and Inscription // AJA. 1962. V. 64. № 4. P. 353—368; *Boer W. den.* Themistocles in Fifth Century Historiography // Mnemosyne. 1962. V. 15. Fasc. 3. P. 225—237; *Treu M.* Zur neuen Themistokles-Inschrift // Historia. 1963. Bd. 12. Ht. 1. S. 47—69; *Jameson M.H.* The Provisions for Mobilization in the Decree of Themistokles // Historia. 1963. Bd. 12. Ht. 4. S. 385—404; *Hahn I.* Zur Echtheitsfrage der Themistokles-Inschrift // Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. 1965. V. 13. Fasc. 1/2. P. 27—39; *Chambers M.* The Significance of the Themistocles Decree // Philologus. 1967. Bd. 111. Ht. 3/4. S. 151—169; *Bauer A., Frost F.J.* Themistokles: Literary, Epigraphical and Archaeological Testimonia. 2 ed. Chicago, 1967. P. 109; *Burstein S.M.* The Recall of the Ostracized and the Themistocles Decree // CSCA. 1971. V. 4. P. 93—110; *Schachermeyr F.* Forschungen und Betrachtungen zur griechischen und römischen Geschichte. Wien, 1974. S. 120 ff.; *Lenardon R.J.* The Saga of Themistocles. L., 1978. P. 69 ff.; *Hammond N.G.L.* The Narrative of Herodotus VII and the Decree of Themistocles at Troezen // JHS. 1982. V. 102. P. 75—93; *Figueira T.J.* Residential Restrictions on the Athenian Ostracized // GRBS. 1987. V. 28. № 3. P. 281—305; *Meiggs R., Lewis D.* Op. cit. P. 48 ff. (№ 23); *Kennelly J.J.*

отброшенными крайние точки зрения: как безоговорочное признание памятника аутентичным текстом декрета Фемистокла 480 г., так и отрицание какой бы то ни было его достоверности, отнесение его к категории псевдоисторических фабрикаций. В конечном счете, можно сказать, восторжествовала наиболее взвешенная оценка надписи: это — копия оригинального постановления (а точнее, наверное, нескольких постановлений), но копия отнюдь не отличающаяся точностью, контаминированная и, судя по всему, приукрашенная «благодарными потомками». Во всяком случае, эпиграфический текст содержит ряд реалий, невозможных в эпоху Фемистокла, и в некоторых случаях противоречит данным нарративной традиции (Геродота, Аристотеля). В то же время считать дошедший вариант декрета полностью сфальсифицированным нет серьезных оснований. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что многие его положения в значительной части аутентичны.

В наибольшей мере это относится к последней части псефисмы, а как раз она-то и интересует нас прежде всего, поскольку речь в ней идет о досрочном возвращении афинян, изгнанных остракизмом, о котором сохранились упоминания и в письменных источниках (Andoc.I.87; Arist.Ath.pol.22.8). Декрет Фемистокла в этой своей части (ст.44 слл.) гласит следующее:

Ὅπως δ' ἂν καὶ ὁμονοοῦντες ἅπαντες Ἀθηναῖοι
ἀμύνωνται τὸμ βάρβαρον, τοὺς μὲν μεθεστηκότας τὰ [δ]-
[έκα] ἔτη ἀπιέναι εἰς Σαλαμῖνα καὶ μένειν αὐτοὺς ἐ[κε]-
[ῖ ἕως ἄν τι τῶι δήμ]ωι δόξηι περὶ αὐτῶν.

«Чтобы все афиняне единомысленно отражали Варвара, лица, удалившиеся на десять лет, должны прибыть на Саламин и оставаться там, пока народ не постановит что-либо относительно них». Перед нами, как видим, не окончательное решение судьбы жертв остракизма; очевидно, позже была принята специальная псефисма о досрочном прекращении срока их изгнания. Характерно, что слова ὀστρακισμός, ὀστρακίζω в тексте не встречаются; вместо них употреблено перфектное причастие от глагола μεθίστημι[192]. Справедливо отмечалось[193], что в рассматриваемой части декрета прослеживается в некоторой степени враждебное, подозрительное отношение афинян к тем их согражданам, которые подверглись остракизму. Настороженность вполне оправданная: среди этих изгнанников были очень разные люди (не только всецело преданный интересам Афин Аристид, но и, например, Гиппарх, сын Харма,

Archaisms in the Troizen Decree // ClQ. 1990. V. 40. № 2. P. 539—541; *Mayer Chr.* T 26. Der Volksbeschluß in der «Themistokles-Inschrift» von Troizen (ca. 370—350 v. Chr.): die Rückberufung der Ostrakisierten vor der Schlacht von Artemision (480 v. Chr.) // OT. S. 357—367; *Глускина Л. М.* Трезенская надпись с декретом Фемистокла // ВДИ. 1963. № 4. С. 35—52.

192 Аналогичное употребление того же глагола применительно к остракизму см. Demosth.XXVI.6: Ἀριστείδην μέν γέ φασιν ὑπὸ τῶν προγόνων μετασταθέντ' ἐν Αἰγίνῃ διατρίβειν, ἕως ὁ δῆμος αὐτὸν κατεδέξατο.

193 *Burstein S. M.* Op. cit. P. 110; *Mayer Chr.* Op. cit. S. 367.

родственники и сподвижники которого находились при персидском войске). Было еще далеко не ясно, чего можно ждать в крайне опасной ситуации от таких влиятельных политиков, которые к тому же не могли не чувствовать себя обиженными демосом. При подобных обстоятельствах постановление об их досрочном возвращении было, бесспорно, шагом смелым и даже рискованным, но, впрочем, полностью оправдавшим себя.

* * *

Суммируем сказанное в данном пункте обзора источниковой базы.

1. Острака принадлежат к числу наиболее важных и ценных источников по нашей тематике. Информация, получаемая при их изучении, может и должна самым активным образом и в самых широких масштабах привлекаться в ходе рассмотрения и решения практически всех проблем, связанных с остракизмом, наряду с данными нарративной традиции, поскольку она верифицирует, дополняет, а в ряде случаев и корректирует эти данные. Особенно много дает материал острака для таких аспектов темы, как просопография афинян, подвергавшихся остракизму, методы политической борьбы и политической пропаганды в период проведения остракофорий.

2. В то же время при использовании острака в качестве источника необходимо соблюдать известные предосторожности, отдавать себе отчет в тех сложностях и пока не решенных (или в принципе не решаемых) вопросах, которые порождают эти памятники. Речь идет в первую очередь о сложностях хронологического плана, поскольку по вышеизложенным причинам датировка очень многих остраконов неточна либо дискуссионна.

3. Помимо острака, других источников ненарративного характера об афинском остракизме практически нет. Единственное известное нам исключение — декрет Фемистокла, в котором содержатся сведения о досрочном возвращении жертв первых остракофорий в 480 г. до н. э.[194]

---

[194] Можно отметить еще такой памятник, как аттический краснофигурный килик, на котором, возможно, изображена сцена пересчета черепков после остракофории. На этом изображении мы остановимся подробнее в контексте изложения процедуры остракизма (гл. III, п. 1).

ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ

Первые специальные работы, посвященные афинскому остракизму, начали появляться в мировом антиковедении во второй половине XIX в. С удовольствием отметим, что приоритет в этой сфере принадлежит нашему соотечественнику. В 1861 г. профессор Санкт-Петербургского университета К. Я. Люгебиль выпустил в Лейпциге на немецком языке монографию «О сущности и историческом значении остракизма в Афинах»[1]. Четверть века спустя появилось второе монографическое исследование по той же тематике (на латинском языке, автор — бельгиец Ж. Валетон); правда, оно не вышло отдельной книгой, а публиковалось в ряде номеров журнала «Mnemosyne»[2]. В начале XX века была издана еще одна книга об остракизме, принадлежавшая перу французского ученого А. Мартена[3].

Бесспорно, все эти труды в настоящее время имеют лишь историографическое значение. Однако для своего времени они обладали всеми признаками научной новизны, и многие идеи, высказывавшиеся в них, были ценными и оригинальными. Так, Люгебиль первым среди антиковедов трактовал число 6000, упоминаемое в источниках в связи с остракизмом, как кворум, следуя, таким образом, Плутарху, в то время как ранее авторы исследований общего характера, в том или ином контексте касавшиеся этой процедуры (А. Бёк, Дж. Грот, Э. Курциус), принимали версию Филохора. Валетон в самой решительной и даже категоричной форме выдвинул ряд принципиальных тезисов: остракизм был изобретен в Афинах Клисфеном, а не заимствован из какого-либо другого места; направлен этот институт был против знатных вождей народа (demagogi nobiles) и прекратил свое существование в IV в. до н. э., поскольку такие вожди больше не существовали; остракизм, таким образом, являлся ярко выраженной демократической мерой. Мартен высказал ряд интересных предположений по поводу датировок отдельных остракофорий.

Наибольшее значение имела книга Ж. Каркопино «Афинский остракизм», вышедшая первым изданием в 1909 г., а вторым, значительно расширенным и дополненным, — в 1935 г.[4] Об этой монографии, в отличие от упоминавшихся ранее, уже ни в коей мере нельзя сказать, что она имеет лишь историографическое значение. В особенности о ее втором издании, которое, пожалуй, и по сей день остается наиболее фундаментальным и всесторонним исследованием остракизма; оно фактически подводило итог целому большому

---

[1] *Lugebil K.* Ueber das Wesen und die historische Bedeutung des Ostrakismos in Athen. Lpz., 1861. О Люгебиле см.: *Кузищин В. И., Фролов Э. Д.* Изучение античности в России // Историография античной истории. М., 1980. С. 132—133.

[2] *Valeton I. M. J.* Quaestiones Graecae. II. De ostracismo // Mnemosyne. 1887. V. 15. P. 129—171, 337—355, 357—426; 1888. V. 16. P. 1—25, 162—238.

[3] *Martin A.* Notes sur l'ostracisme dans Athènes. P., 1907.

[4] *Carcopino J.* Op. cit.

периоду изучения этого института. Каркопино рассматривал все сколько-нибудь существенные аспекты истории остракизма: вопросы о времени и причинах его введения, о его целях и функциях, о его месте в афинской внутриполитической борьбе V в. до н. э., об основных элементах процедуры остракизма, о датировке и историчности отдельных остракофорий, о факторах, повлекших прекращение существования данного института. Французский антиковед привлекал самый широкий круг письменных источников, задействовав практически всю античную нарративную традицию об остракизме. Представляют интерес и некоторые мысли Каркопино по отдельным сюжетам. Так, он считал, что в течение V в. до н. э. остракизмом были изгнаны лишь 9 афинских граждан (Гиппарх, сын Харма, Мегакл, сын Гиппократа, Алкивиад Старший, Ксантипп, Аристид, Фемистокл, Кимон, Фукидид, сын Мелесия, и Гипербол), а упоминания античными авторами о других лицах, подвергшихся этой мере, неисторичны. Занимаясь проблемой возникновения остракизма, исследователь старался примирить между собой свидетельства Аристотеля и Андротиона, показать, что в действительности между ними нет противоречия, что речь в обоих свидетельствах идет об одном и том же — о введении этой меры в ходе реформ Клисфена. В вопросе же о числе 6000 он предпочитал интерпретацию Филохора, считая это число минимальным необходимым количеством голосов, поданных против одного лица.

Уже со второй половины XIX в. начались и первые археологические находки остракa, которые затем постоянно возрастали в количественном отношении, о чем мы подробно писали выше, в источниковедческом разделе. Данный фактор должен был со временем оказать чрезвычайно большое влияние на всю историографию остракизма, однако случилось это далеко не сразу. Еще достаточно долго значение новой категории источников не было оценено по достоинству, и специалисты, изучавшие остракизм, почти не привлекали содержащуюся в них информацию или, во всяком случае, привлекали в очень малых масштабах. В частности, на момент выхода второго издания книги Каркопино было известно 62 остракона[5], но автор, упомянув о них, в дальнейшем практически не пользовался этим материалом, опираясь исключительно на письменные источники.

В целом можно сказать, что вплоть до второй мировой войны тема остракизма отнюдь не была сколько-нибудь приоритетным направлением изучения древнегреческой истории, и в исследовательской литературе она оказалась отражена довольно скудно. Не считая перечисленных выше монографий, можно назвать лишь несколько специальных статей, посвященных в основном частным сюжетам, связанным с отдельными конкретными остракофориями[6]. Естественно, в той или иной мере затрагивался вопрос об остракизме и в ряде ра-

---

[5] *Raubitschek A. E.* Athenian Ostracism... P. 114.

[6] Об остракизме Гипербола: *Zurborg H.* Der letzte Ostrakismos // Hermes. 1877. Bd. 12. Ht. 2. S. 198—201; *Idem.* Nochmals der letzte Ostrakismos // Hermes. 1878. Bd. 13. Ht. 1. S. 141—144; *Neumann H.* Die Politik Athens nach dem Nikiasfrieden und die

бот по проблематике более общего характера[7]. Однако это были скорее разрозненные упоминания, нежели попытки трактовать тему во всем ее объеме. Наиболее же слабым местом всей довоенной историографии по интересующей нас здесь проблематике было, как мы уже сказали, явно недостаточное внимание к остраконам, в результате чего практически все указанные работы к настоящему времени, к сожалению, приходится считать в той или иной мере устаревшими, не отражающими состояния проблемы (сказанное в известной степени относится даже к фундаментальному труду Каркопино). Нам известно лишь одно исключение — статья А. Кёрте «Об афинском суде черепков»[8], автор которой активно привлекает для своих выводов данные, почерпнутые из надписей на острака с Керамика. Конечно, остальных ученых во многом можно понять: находок острака в этот период было еще немного, и никто не мог предсказать, что скоро эти памятники появятся буквально в массовом количестве.

Собственно, именно последнее обстоятельство в значительной мере стало одной из причин выхода изучения остракизма на принципиально новый этап. Этот этап начался в 1940-х гг. и продолжается фактически по сей день[9]. Точкой отсчета в данном случае можно назвать выход двух обобщающих работ об остракизме. Одна из них — большая статья в Realencyclopädie Паули — Виссова, принадлежащая перу немецкого исследователя О. Рейнмута (1943)[10], а другая — монография итальянского антиковеда А. Кальдерини[11]. В соответствии с жанром работ их авторы стремились всесторонне осветить круг основных проблем, связанных с остракизмом, специально останавливаются на дис-

---

Datierung des Ostrakismos des Hyperbolos // Klio. 1936. Bd. 29. S. 36—49; *Peek W.* Op. cit. S. 101—104. Об остракизме Фемистокла: *Zahn R.* Op. cit.; *Ure P. N.* When was Themistocles Last in Athens? // JHS. 1921. V. 41. P. 165—178; *Cary M.* When was Themistocles Ostracised? // ClR. 1922. V. 36. № 7/8. P. 161—162. Об остракизме Фукидида, сына Мелесия: *Wade-Gery H. T.* Essays in Greek History. Oxf., 1958. P. 239—270 (перепечатка статьи 1932 г.). Об остракизме Дамона: *Carcopino J.* Damon a-t-il été ostracisé? // REG. 1905. V. 18. P. 415—429.

[7] Несколько примеров: *Wilcken U.* Op. cit. Bd. 1. S. 4—6; *Calhoun G. M.* Athenian Clubs in Politics and Litigation. N.Y., 1970. P. 136—140 (переиздание книги 1913 г.); *De Sanctis G.* Da Clistene a Temistocle // RFIC. 1924. V. 52. Fasc. 3. P. 289—306; *Bloch H.* Theophrastus' Nomoi... P. 358 ff.; *Meritt B. D.* An Early Archon List // Hesperia. 1939. V. 8. № 1. P. 59—65.

[8] *Körte A.* Op. cit.

[9] Наиболее подробную характеристику данного периода в изучении остракизма см. в важном историографическом обзоре: *Martin A.* L'ostracisme... Passim.

[10] *Reinmuth O. W.* Op. cit. Sp. 1674—1685. Несколько десятилетий спустя соответствующую статью для краткого издания энциклопедии Паули (естественно, меньшую по объему, но зато отражающую новые, поступившие за это время данные) написал тот же автор: *Reinmuth O. W.* Ostrakismos // Der Kleine Pauly. Lief. 20. Stuttgart, 1979. Sp. 376—377.

[11] *Calderini A.* L'ostracismo. Como, 1945.

куссионных вопросах с целью внести в них ясность. Рейнмут относит введение остракизма ко времени реформ Клисфена, отдавая, таким образом, сообщению «Афинской политии» Аристотеля преимущество перед фрагментом F6 Андротиона. Он считает, что остракофории проводились в промежутке между началом января и концом марта на юго-западной стороне Агоры; им предшествовала пробулевма (предварительное решение Совета Пятисот), утверждаемая на одном из заседаний экклесии (прохиротония). Ни на этом предварительном голосовании, ни на самой остракофории не было каких-то заранее обозначенных, официальных «кандидатов» на изгнание, то есть каждый афинянин мог писать на черепке чье угодно имя. Ученый склоняется к мнению, что упоминание Лисием двух остракизмов Мегакла, сына Гиппократа, и Алкивиада Старшего не отражает действительной картины вещей. По вопросу о числе 6000 он колеблется, признавая, что есть аргументы в пользу интерпретаций как Плутарха, так и Филохора.

Что же касается книги Кальдерини, то она, имея немало общего с исследованием Каркопино, в то же время, бесспорно, несколько уступает ему по владению рассматриваемой проблематикой, широте и глубине охвата темы, полноте привлекаемого материала и интересна в основном рядом конкретных соображений автора по хронологии отдельных остракофорий и некоторым другим вопросам (как, например, вопрос о 6000, которые итальянский исследователь вслед за Плутархом признает кворумом). Впрочем, следует отметить обстоятельство, из-за которого мы, собственно, и назвали работы Рейнмута и Кальдерини началом нового этапа в изучении остракизма. В них (особенно у Кальдерини) едва ли не впервые в достаточно широких масштабах предпринимается попытка комбинировать данные нарративной традиции с эпиграфическими свидетельствами (материалом острака). Действительно, такой подход в полном смысле слова назрел: количество найденных остраконов к этому времени перевалило за полтысячи, и игнорировать эти памятники уже не было никакой возможности.

Следует, на наш взгляд, дать общую характеристику того этапа или периода в исследовании интересующего нас института, который открывается только что названными исследованиями, и продолжается, как было сказано, и поныне. Основными чертами историографии вопроса теперь являются следующие. Во-первых, использование информации, содержащейся на остраконах, становится все более и более активным и интенсивным; данная категория источников занимает, наконец, подобающее ей место в контексте проблематики остракизма. Иногда имеют место даже известного рода издержки, и материал острака занимает в литературе едва ли не большее место, нежели сообщения письменных источников, что, по нашему мнению, все-таки не совсем верно. Во-вторых, происходит резкое, многократное возрастание количества работ об остракизме по сравнению с довоенным периодом. Этот количественный рост сопровождается весьма значительным расширением спектра аспектов темы, привлекающих внимание ученых. В-третьих (и тут приходится говорить уже скорее о негативной, чем позитивной черте, хотя она тесно связана с предыду-

щей), к сожалению, для всей современной историографии остракизма характерно некоторое «мелкотемье», стремление исследователей максимально подробно осветить самые мелкие и частные детали и нюансы проблематики в сочетании с не вполне понятным нам нежеланием говорить о теме in extenso, как о некоем целостном единстве. За деревьями в какой-то степени не стало видно леса; ощущается явный дефицит обобщающих работ об остракизме, которые ставили бы его в контекст политической жизни и политической системы афинского полиса. Пока не появляется, так сказать, второго Каркопино, и такая ситуация тем более болезненна, что «первый Каркопино», как мы говорили выше, устарел и не отражает современного состояния изучения темы. Разумеется, говоря эти не очень-то радостные слова, мы не хотели бы быть чрезмерно категоричными. Из всякого правила есть исключения, и, как мы увидим ниже, работы общего характера об остракизме все-таки имеются. Однако их значительно меньше, чем могло бы (и должно было) быть. Увлечение мелкими сюжетами хорошо тогда, когда оно не становится самоцелью, а служит в конечном счете лучшему пониманию сюжетов более значительных.

В тесной связи с отмеченным выше «мелкотемьем» находится то обстоятельство, что среди огромной массы выходивших за последние десятилетия работ, затрагивавших проблемы остракизма, удивительно мало книг. В 1970 г. американский археолог Ю. Вандерпул, один из лучших в мире знатоков остракизма и острака, выпустил небольшую книгу «Остракизм в Афинах»[12], представляющую собой, собственно, не исследование, а текст курса лекций, прочитанного им в одном из университетов США, и, таким образом, имеющую скорее популярный характер. Книга тем не менее написана в высшей степени компетентно, к тому же ярко и увлекательно, можно сказать, с блеском, но все же она вносит мало нового в историографию интересующей нас проблематики. Основной задачей Вандерпула было, насколько можно судить, привлечение внимания слушателей к такой категории источников, как острака, на необходимости изучения которых и делается особенный аспект. Тогда на этом нужно было еще специально настаивать, в то время как теперь, три десятилетия спустя, данное обстоятельство является чем-то самим собой разумеющимся. Вандерпул демонстрирует, какие имена видных афинских политиков встречаются на остраконах, какие приписки-инвективы сопутствуют им и как все это можно интерпретировать в сочетании с нарративной традицией и использовать для изучения истории остракизма.

Коль скоро речь у нас зашла о Вандерпуле, то следует сказать, что он — автор и ряда других важных работ, имеющих прямое отношение к теме остракизма. В большинстве своем эти работы очень конкретны по проблематике и имеют своим предметом анализ и интерпретацию отдельных остраконов и их комплексов, изучение надписей на этих памятниках[13]. Наиболее интересной

---

[12] *Vanderpool E.* Ostracism at Athens...

[13] *Vanderpool E.* The Rectangular... P. 271—275; *Idem.* Kleophon...; *Idem.* New Ostraka...; *Idem.* Ostraka...; *Stamires G.A., Vanderpool E.* Op. cit.

представляется нам статья «Остракизм Алкивиада Старшего», в которой на материале тех же острака чрезвычайно убедительно показано, что этот политик подвергся изгнанию не в 485 г. до н. э., как считали до того, а значительно позднее, около 460 г.[14]

Через два года после выхода книги Вандерпула появилась монография датского антиковеда Р. Томсена «Происхождение остракизма»[15], которую можно в какой-то степени охарактеризовать как единственную в своем роде. Перед нами — работа, посвященная не остракизму как таковому, а лишь одной связанной с ним проблеме, времени и причинах учреждения этой процедуры. По сути дела, по жанру книга Томсена скорее напоминает очень большую статью. Зато уже та единственная проблема, которая легла в основу исследования, трактована с такой исчерпывающей полнотой и скрупулезностью, как никогда раньше. Автор привлекает для ее решения все мыслимые источники — как данные нарративной традиции, так и материал острака, в том числе неопубликованных (с которыми он специально для этого работал в фондах Германского археологического института в Афинах), — тщательнейшим образом разбирает все аргументы pro и contra и в результате приходит к однозначному выводу: остракизм был введен в конце VI в. до н. э., в ходе реформ Клисфена. Это в полном смысле пример (кстати, не столь уж часто встречающийся) того, как выход одной работы «закрывает» дискуссионную проблему. Теперь, после мощных доводов Томсена, вряд ли кто-либо решится утверждать, что закон об остракизме был принят в 487 г. до н. э.

Значительный интерес представляет и ряд общих наблюдений датского ученого, сделанных в связи с остракизмом. Эти наблюдения касаются специфики внутриполитической борьбы в Афинах на рубеже архаической и классической эпох. В книге подчеркивается, что политические группировки этого времени ни в коей мере нельзя считать партиями, тем более, что и источники не дают для этого ни малейшего основания. Группировки формировались не вследствие каких-либо идеологических противоречий (между «демократами» и «олигархами», «консерваторами» и «радикалами», и т. п.), а на основе аристократических связей личного характера; имел определенное значение и внешнеполитический фактор, проблема отношений Афин с другими государствами. Впрочем, мы все же не сказали бы, что абсолютно во всем солидаризируемся со взглядами Томсена. Некоторые высказываемые им мысли вызывают у нас серьезные сомнения. Так, представляется неправомерным его решительное нежелание признать существование каких бы то ни было архаических, доклисфеновских форм остракизма или аналогичных ему процедур. Слишком категорично также не доказываемое, а просто постулируемое утверждение, что во всех без исключения других греческих полисах, где источниками зафиксировано наличие остракизма, этот институт был заимствован из Афин.

---

[14] *Vanderpool E.* The Ostracism of the Elder Alkibiades...

[15] *Thomsen R.* Op. cit.

Необходимо остановиться — теперь уже в историографическом контексте — и на книге, которую мы уже неоднократно упоминали в источниковедческом разделе, а именно на подготовленном М. Лэнг томе из серии «Афинская Агора» (1990 г.), посвященном острака, найденным в этом регионе культурной столицы Эллады[16]. Лэнг — одна из наиболее авторитетных специалистов Американской школы классических исследований в Афинах — участвовала в работе над многими томами этой серии, проявила высочайшую компетентность в целом ряде вопросов истории классической Греции, но институт остракизма никогда не находился в сфере ее основных интересов. Не удивительно поэтому, что исследовательницу значительно больше увлекает не остракизм, а сами острака (тем более, что она и ранее уделяла особенное внимание памятникам малой эпиграфики). Лэнг тщательно, можно сказать, любовно занимается остраконами: их формой, материалом, особенностями начертания букв в надписях на них и т. п. Основную часть книги занимает каталог острака с Агоры и северного склона Акрополя. Каталогу предшествует краткое введение, посвященное истории и процедуре афинского остракизма. Впрочем, в этой части работы приводится лишь минимум необходимых сведений; автор предпочитает не вступать в дискуссии по спорным проблемам, ограничиваясь указаниями на неясность того или иного вопроса.

Перейдем теперь к характеристике вклада тех антиковедов, которые исследовали или затрагивали остракизм не в книгах, а в статьях. Сразу оговорим, что в нашу задачу здесь не входит изложение всех конкретных мнений различных ученых по отдельным частным проблемам, связанным с институтом, о котором идет речь. Это будет специально делаться в соответствующих местах, по ходу рассмотрения тех или иных аспектов темы. Начнем с тех специалистов, которые, на наш взгляд, сделали особенно много для изучения остракизма, — А. Раубичека, Дж. Кини, П. Бикнелла, Р. Девелина, Г. Стэнтона, Ф. Виллемсена, Ш. Бренне, К. Моссе.

Не будет преувеличением сказать, что никто во всей мировой историографии не внес такого значительного и многостороннего вклада в исследование круга вопросов, связанных с остракизмом, как Антон Эрих Раубичек — австрийский антиковед славянского происхождения, эмигрировавший от нацистов и с 1938 г. живший и работавший в Соединенных Штатах[17]. Остракизм стал воистину делом жизни Раубичека, на протяжении полувека посвятившему этому институту около двух десятков работ самой разной направленности. Среди них — несколько весьма принципиальных статей общего характера[18], в которых высказываются важные соображения о функциях остракиз-

---

[16] *Lang M.* Ostraka...

[17] О Раубичеке см.: *Jameson M. H.* Antony Erich Raubitschek, 1912—1999 // AJA. 1999. V. 103. № 4. P. 697—698.

[18] *Raubitschek A. E.* Ostracism...; *Idem.* Athenian Ostracism... (последняя статья была без каких-либо изменений, только под другим названием, опубликована еще в одном месте: *Raubitschek A. E.* Ostracism // Actes du deuxième Congrès international

ма, его месте в политической системе и политической жизни афинского демократического полиса, о методах изучения остракизма, о специфике источниковой базы этой темы и т. п. В статье, посвященной времени и историческому контексту введения остракизма[19], Раубичек выдвинул чрезвычайно оригинальную (но в то же время в высшей степени спорную) гипотезу об учреждении этой меры Клисфеном в 480-х до н. э. (sic!). На этой гипотезе нам еще предстоит останавливаться в гл. II. Некоторые работы того же автора посвящены обстоятельствам отдельным остракофорий и дальнейшей судьбе их жертв (Ксантиппа, Кимона, Аристида)[20].

Особенное внимание Раубичека всегда привлекали источники, сообщающие об остракизме. Даже трудно сказать, какая из двух основных категорий источникового материала — нарративные свидетельства или острака — оказалась освещена в его исследованиях более детально. С одной стороны, в ряде статей он разбирал пассажи, посвященные остракизму, которые содержатся у античных авторов: Аристофана, Андокида, Феопомпа, Аристотеля, Феофраста, Филохора и др.[21] С другой же стороны, пожалуй, именно этот антиковед первым по-настоящему серьезно стал заниматься остраконами[22], надписями на них и особенно углубленно — персоналиями афинских политиков, упоминаемых в таких надписях. В результате работ Раубичека выяснились интересные подробности о некоторых афинянах, ставших в V в. до н. э. жертвами остракизма или подвергавшихся опасности изгнания. Среди этих лиц — Филин (неизвестный из нарративных источников, но упоминающийся на острака брат демагога Клеофонта), Дамон (музыкант и теоретик музыкального искусства, являвшийся политическим советником Перикла и за это подвергнутый остракизму), Менон (получивший афинское гражданство фессалийский аристократ, которого тоже не миновала эта мера), Габроних (соратник Фемистокла)[23]. С исследований Раубичека, а также упоминавшегося выше Вандерпула идет историографическая традиция активного использования данных острака, поскольку этим антиковедам удалось «пристрастить» своих коллег к изучению этих памятников.

---

d'épigraphie grecque et latine. P., 1953. P. 59—74. В дальнейшем мы во избежание путаницы не будем ссылаться на этот вариант).

19 *Raubitschek A. E.* The Origin of Ostracism // AJA. 1951. V. 55. № 3. P. 221—229.

20 *Raubitschek A. E.* The Ostracism of Xanthippos...; *Idem.* Kimons Zurückberufung // Historia. 1955. Bd. 3. Ht. 3. S. 379—380; *Idem.* Die Rückkehr des Aristeides // Historia. 1959. Bd. 8. Ht. 1. S. 127—128.

21 *Raubitschek A. E.* The Case against Alcibiades (Andocides IV) // TAPhA. 1948. V. 79. P. 91—210 (это первая в мировой историографии работа, где признается, что автором речи «Против Алкивиада» действительно был Андокид); *Idem.* Philochoros...; *Idem.* The Gates in the Agora // AJA. 1956. V. 60. № 3. P. 279—282; *Idem.* Theophrastos...; *Idem.* Theopompos...; *Idem.* Aristoteles...; *Keaney J. J., Raubitschek A. E.* Op. cit.

22 Важнейшие работы Раубичека об острака: *Raubitschek A. E.* Das Datislied...; *Idem.* Drei Ostraka...; *Idem.* Megakles...

Пожалуй, именно Раубичеку было бы больше, чем кому-либо, под силу взяться за новое фундаментальное, обобщающее монографическое исследование об остракизме. Нам кажется, у него действительно были такие планы; во всяком случае, очень многие из его статей[24] выглядят как подготовительные этюды для некоего большого труда. Однако, увы, такая монография никогда не появилась. Сообщается[25], что Раубичек в соавторстве с Вандерпулом планировали подготовить посвященный острака том издания «Афинская Агора» и даже начали работу над ним. Но затем Вандерпул скончался, а Раубичек, чувствуется, был приведен в некоторое замешательство массовыми находками острака на Керамике в 1960-х гг., в результате которых на специалистов по остракизму обрушился колоссальный, к тому же совершенно еще не обработанный материал[26]. Во всяком случае, начиная с 1970-х гг. он занимался остракизмом и острака очень мало, а том, о котором идет речь, был в конечном счете, как мы видели, подготовлен Лэнг.

Ни один другой исследователь, кроме Раубичека, не брал в этот период тему остракизма во всей совокупности ее многочисленных аспектов. Как правило, даже те ученые, которые специально занимались этим институтом, ставили в центр своих работ какую-нибудь сторону связанной с ним проблематики. Так, Дж. Кини анализировал исключительно письменные источники об остракизме, прослеживал формирование повествующей о нем античной нарративной традиции, роль, которую сыграли в ее складывании отдельные авторы (Андротион[27], Феофраст[28]). Он выдвинул гипотезу о существовании в позднеклассических Афинах двух подходов к описанию и характеристике остракизма — «аттидографического» и «перипатетического»; первому был свойствен более узко-конкретный, а второму — более обобщающий взгляд на этот институт. Исследователь попытался реконструировать основные элементы, которые должно было включать в себя типичное раннее описание остракизма. Кроме того, Кини вместе с Раубичеком впервые привлекли широкое внимание антиковедов к анонимному поздневизантийскому фрагменту о ран-

---

[23] *Raubitschek A. E.* Philinos // Hesperia. 1954. V. 23. № 1. P. 68—71; *Idem.* Damon // CM. 1955. V. 16. P. 78—83 (Раубичек правильно указал, что остракизму подвергся именно Дамон, а не его отец Дамонид, вопреки тому, что сказано в «Афинской политии», 27.4); *Idem.* Menon, Son of Menekleides // Hesperia. 1955. V. 24. № 4. P. 286—289; *Idem.* (H)abronichos // ClR. 1956. V. 6. № 3/4. P. 199—200.

[24] Важнейшие из них (но не все) были впоследствии перепечатаны в итоговом сборнике: *Raubitschek A. E.* The School of Hellas: Essays on Greek History, Archaeology, and Literature. Oxf., 1991.

[25] *Lang M.* Ostraka... P. VII.

[26] Это замешательство проскальзывает, в частности, в работе: *Raubitschek A. E.* Drei Ostraka... S. 108.

[27] *Keaney J. J.* The Text of Androtion...; *Idem.* Androtion F6 Again...; *Idem.* Androtion F6 and Methodology...

[28] *Connor W. R., Keaney J. J.* Op. cit.; *Keaney J. J.* Theophrastus on Ostracism...

ней форме остракизма (Vaticanus Graecus 1144), о котором мы уже упоминали[29].

П. Бикнелла в наибольшей степени привлек просопографический аспект истории остракизма. Он в полной мере использовал ставшие известными данные острака для извлечения новых сведений о тех или иных афинянах, подвергавшихся угрозе десятилетнего изгнания или действительно ставших жертвой этой меры[30]. Полученный материал Бикнелл привлек для обоснования ряда интересных и оригинальных концепций, изложенных им в общих работах об афинской просопографии классической эпохи[31]. Отметим, впрочем, что у этого автора есть и такие предположения, которые кажутся нам весьма мало обоснованными, как, например, безоговорочное признание им историчности двух остракизмов Мегакла, сына Гиппократа, и Алкивиада Старшего[32].

Р. Девелин сосредоточился на ранней истории или, можно сказать, даже «предыстории» остракизма. В нескольких статьях он убедительно показал, что и до Клисфена могли существовать какие-то формы рассматриваемого института, отличавшиеся от классического остракизма особенностями применяемой процедуры; в частности, субъектом принятия решения мог выступать Совет, а не народное собрание, как впоследствии[33]. Рассматривал этот исследователь также отдельные остраконы с просопографической точки зрения[34], а также затрагивал вопросы, связанные с нарративной традицией об остракизме[35].

Г. Стэнтон изучал проблемы, порождаемые свидетельствами источников о введении остракизма Клисфеном. В частности, он попытался ответить на вопрос о конкретных причинах такого шага, о его непосредственном историческом контексте, и предложенный им ответ следует назвать в высшей степени удачным, во всяком случае, более удачным, чем всё, что предлагалось по этому поводу как ранее, так и позже[36]. По мнению Стэнтона, афинский реформатор первоначально направлял столь мощное оружие, как остракизм, не против Гиппарха, сына Харма (который вряд ли в 507 г. до н. э. мог представлять собой значительную угрозу демократии), а против гораздо более опасного врага — Исагора. Именно эту точку зрения с тех пор мож-

---

29 *Keaney J. J., Raubitschek A. E.* Op. cit.

30 Например: *Bicknell P. J.* Agora Ostrakon...; *Idem.* Agasias the Donkey...

31 *Bicknell P. J.* Studies...; *Idem.* Athenian Politics...

32 *Bicknell P. J.* Was Megakles...

33 *Develin R.* Cleisthenes and Ostracism: Precedents and Intentions // Antichthon. 1977. V. 11. P. 10—21; *Idem.* Bouleutic Ostracism Again // Antichthon. 1985. V. 19. P. 7—15. Некоторый отход от этой позиции: *Develin B., Kilmer M.* What Kleisthenes Did // Historia. 1997. Bd. 46. Ht. 1. S. 14.

34 *Develin R.* Laispodias Andronymios // JHS. 1986. V. 106. P. 184.

35 *Develin R.* Philochoros on Ostracism...

36 *Stanton G. R.* The Introduction of Ostracism and Alcmeonid Propaganda // JHS. 1970. V. 90. P. 180—183.

но считать общепринятой в историографии. Занимался Стэнтон, как и очень многие его коллеги, также проблемами острака и надписей на них[37].

Не только ученые из англоязычных стран внесли значительный вклад в изучение остракизма. Так, немецкие антиковеды исследовали — что представляется вполне естественным — преимущественно острака с Керамика. Ф. Виллемсен, которому принадлежит честь наиболее крупных находок в этой сфере в 1960-х гг., опубликовал некоторые из них, по другим высказал ценные соображения, а также (совместно с Ш. Бренне) составил общий перечень имен на этих памятниках[38]. Что же касается самого Бренне, то и он уже опубликовал об острака и остракизме несколько интересных работ. В одной из них он свел воедино и разобрал все известные случаи рисунков-карикатур на остраконах (как с Керамика, так с Агоры)[39], а другая привлекает внимание важными мыслями об общем значении острака для исследования истории и процедуры остракизма, о пропагандистских приемах, применявшихся афинскими политиками в период остракофорий[40].

Неоднократно затрагивала тему остракизма видная современная французская исследовательница К. Моссе[41]. В особенной степени ее привлекала проблема прекращения функционирования этого института и замена его в IV в. до н. э. иными средствами борьбы группировок, прежде всего различными типами политических судебных процессов (исангелия, γραφὴ παρανόμων); в контексте решения этой проблемы она давала и общую характеристику остракизма. Мы специально останавливаемся на работах Моссе, поскольку ей, на наш взгляд, удалось наиболее глубоко и аргументированно определить место остракизма в политической системе афинской демократии и общественной жизни классических Афин. Моссе подчеркивает, что остракизм был необходим и возможен лишь на том этапе эволюции демократического полиса, когда доминирующую роль в нем еще играли представители аристократических семей, окруженные группами приверженцев-«клиентов». Эти-то аристократы и применяли остракизм как одно из главных орудий в борьбе друг с другом за контроль над Афинами. В IV в. (а фактически ситуация начала меняться уже со времени Пелопоннесской войны) общеполитическая ситуация была принципиально иной. Общество стало более эгалитарным, на смену аристократическим вождям пришли «новые политики», в большинстве своем незнат-

---

[37] *Stanton G. R.* Athenian Politics... P. 180 ff.; *Idem.* A Graffito...

[38] *Willemsen F.* Ostraka...; *Idem.* Die Ausgrabungen...; *Idem.* Ostraka einer Meisterschale...; *Willemsen F., Brenne S.* Op. cit.

[39] *Brenne S.* «Portraits»...

[40] *Brenne S.* Ostraka and the Process... Подробнее об этой работе см.: *Суриков И. Е.* По поводу...

[41] *Mossé C.* Die politische Prozesse und die Krise der athenischen Demokratie // Hellenische Poleis: Krise — Wandlung — Wirkung. Bd. 1. B., 1974. S. 160—164; *Eadem.* De l'ostracisme...; *Eadem.* La dèmocratie... P. 146 s.; *Eadem.* Dictionnaire de la civilisation grecque. Bruxelles, 1992. P. 358 s.

ного происхождения, которые составили своеобразный «политический класс» (выражение, особенно любимое французской исследовательницей). Все это в своей совокупности и повело к концу остракизма. Подробнее концепция Моссе, здесь охарактеризованная лишь вкратце, будет рассматриваться нами ниже, в основной части работы.

Итак, мы специально остановились на работах тех нескольких антиковедов, чей вклад в изучение вопросов, связанных с остракизмом, особенно значителен. Исследования остальных авторов по данной теме будут рассмотрены нами суммарно, в рамках основных направлений, по которым в настоящее время идет изучение интересующего нас института. Одним из таких направлений продолжает оставаться общая характеристика института в контексте политической и конституционной истории Афин V в. до н. э. Подобных работ общего плана по-прежнему немного, и это касается не только книг, но и статей. К тому же некоторые из этих статей имеют, так сказать, «дежурный» характер, то есть не содержат чего-либо принципиально нового, а ограничиваются лишь приведением основных сведений об остракизме, почерпнутых из источников[42]. Мы бы, впрочем, ни в коей мере не назвали такие работы бесполезными: они очень помогают для общей ориентации в проблематике, особенно для тех, кто только начинает заниматься остракизмом. Например, у Д. Филлипса сведены воедино ссылки едва ли не на все нарративные свидетельства об остракизме (не только собственно античные, но даже и византийские). Тот же автор обозначает важнейшие дискуссионные вопросы, порождаемые историей института (о времени его введения в Афинах, о числе 6000 и т. п.), хотя в рамках своей достаточно краткой статьи, естественно, не претендует на их окончательное разрешение.

Напротив, очень богата категоричными (хотя, на наш взгляд, не всегда правомерными) суждениями статья Г. Маттингли «Практика остракизма в Афинах»[43], о которой нам уже приходилось упоминать. Афиняне, по мнению Маттингли, мало пользовались остракизмом; целый ряд остракофорий, упоминаемых в источниках, в действительности никогда не имел места. Так, неисторичны остракизмы Алкивиада Старшего, Менона, Дамона, Каллия, сына Дидимия. Не было и неудавшихся остракизмов, то есть если остракофория проводилась, то она обязательно заканчивалась чьим-либо изгнанием. Венцом всех этих громоздимых одна на другую неверифицируемых гипотез является попытка Маттингли распределить все открытые на сегодняшний день остраконы по конкретным остракофориям, — попытка, которую мы никак не можем одобрить.

В самые последние годы в историографии начинают прослеживаться новые, нетривиальные подходы к общей характеристике остракизма, акценти-

---

[42] Например: *Gomme A. W.* Ostracism // OCD. P. 630; *Phillips D. J.* Atheniar Ostracism...; *Dreher M.* Verbannung ohne Vergehen: Der Ostrakismos (das Scherben gericht) // GPAA. S. 66—77.

[43] *Mattingly H. B.* The Practice...

рование внимания на таких его аспектах, которые ранее в известной мере оставались в тени. Так, П. Зиверт рассмотрел встречающиеся на острака инвективы и использовал этот материал не только для суждений о пропагандистской борьбе политиков в период остракофорий, но и для выдвигаемого им определения остракизма как средства политического надзора демоса над поведением аристократических кругов, державших в своих руках бразды правления в демократическом полисе V в. до н. э.[44] Во многом схожие наблюдения принадлежат М. Крайсту[45], который особенно заинтересован судьбой остракизма в IV в., после его фактического выхода из употребления; сходная проблематика привлекает и Г. Хефтнера[46]. Нам особенно приятно, что в некоторых недавних работах (Л. Холл, Д. Мерхади) наконец стало уделяться должное внимание религиозным, сакральным элементам, имплицитно присутствующих в этом, казалось бы, чисто светском и политическом институте[47]. Элементов, о которых идет речь, предстоит коснуться и нам в контексте вопроса о происхождении остракизма.

Значительно многочисленнее и разнообразнее по проблематике статьи, посвященные отдельным аспектам темы остракизма. В частности, по-прежнему привлекает внимание ученых вопрос о введении этого института. Авторы лишь очень немногих статей (Р. Вернер, Й. Шрейнер) относят его учреждение к первой половине 480-х гг. до н. э., то есть к тому времени, когда он был впервые реально применен[48]. Подавляющее же большинство антиковедов (К. Робинсон, Д. Кэген, К. Мейстер, П. Кэрэвайтс, Г. Леманн) связывают принятие закона об остракизме с реформами Клисфена в конце VI в. до н. э.[49] При этом практически во всех перечисленных исследованиях, вне зависимости от конкретной позиции, занимаемой тем или иным специалистом, встречаются интересные мысли о причинах и целях введения данного института, его первоначальных функциях (основные идеи, высказывавшиеся в этой сфере, будут рассмотрены нами выше, в гл. II, п. 3).

После введения в научный обиход поздневизантийского фрагмента Vaticanus Graecus 1144, где говорится о том, что на каком-то раннем этапе истории остракизма он проводился не в народном собрании, а в Совете, вопрос о

---

[44] *Siewert P.* Accuse...

[45] *Christ M. R.* Ostracism, Sycophancy, and Deception of the Demos: [Arist.] Ath.pol. 43,5 // ClQ. 1992. V. 42. № 2. P. 336—346.

[46] *Heftner H.* Ende und «Nachleben» des Ostrakismos in Athen // Historia. 2003. Bd. 52. Ht. 1. S. 23—38.

[47] *Hall L. G. H.* Op. cit. P. 91—100; *Mirhady D. C.* The Ritual Background to Athenian Ostracism // AHB. 1997. V. 11. № 1. P. 13—19.

[48] *Werner R.* Op. cit.; *Schreiner J. H.* The Origin...

[49] *Robinson C. A.* Cleisthenes and Ostracism // AJA. 1952. V. 56. № 1. P. 23—26; *Kagan D.* Op. cit.; *Meister K.* Op. cit.; *Karavites P.* Cleisthenes and Ostracism Again // Athenaeum. 1974. V. 52. № 3/4. P. 326—335; *Lehmann G. A.* Der Ostrakismos-Entscheid in Athen: vom Kleisthenes zur Ära des Themistokles // ZPE. 1981. Bd. 41. S. 85—99.

введении этой меры получил новый неожиданный нюанс. Появилась возможность говорить о том, что остракизм вводился, так сказать, в два этапа[50], но к какому времени относить первый из этих этапов, а к какому второй, — здесь как раз нет полной ясности. Наиболее распространенная точка зрения (выраженная, в частности, Н. Денджесом), согласно которой Клисфен учредил остракизм в Совете, а позже, скорее всего по инициативе Фемистокла, он был сделан прерогативой экклесии, кажется нам неприемлемой. Однако здесь, в рамках историографического раздела, вступать в дискуссию по этому поводу вряд ли уместно; наши контрдоводы также будут приведены в гл. II.

Еще одно направление изучения остракизма — скрупулезный анализ сообщений нарративной традиции, повествующих о нем, попытки разрешить противоречия между свидетельствами разных античных авторов. Особенно часто исследователи обращаются к рассмотрению информации, содержащейся у аттидографа Андротиона (К. Довер, М. Чемберс, К. Уолтерс, К. Кинцль) и Аристотеля (Р. Госсенс, Р. Сигер, Ч. Форнара, К. Кинцль, Д. Мусти)[51]. Это выглядит вполне оправданным, поскольку именно между этими двумя писателями существует, как мы видели, едва ли не наиболее серьезное расхождение (это касается времени введения остракизма, и потому работы данной проблематики тесно соприкасаются с теми, которые были отнесены нами в предыдущую группу). Лишь в единичных статьях, к сожалению, присутствует целостный взгляд на нарративную традицию об остракизме, на ее формирование (Р. Вернер, В. Розивач)[52].

Нам уже не в первый раз приходится повторять, что темы статей об остракизме становятся все более конкретными и узкими[53]. Так, весьма многочисленны исследования об обстоятельствах отдельных остракофорий, их датировке, контексте, историчности. Практически ни один случай применения закона об остракизме не был оставлен учеными без внимания. Рассматривались, в частности, первые афинские остракофории 480-х гг. до н. э., как в их совокупности (Б. Лейвелл)[54], так и те или иные из них по отдельности: остракизмы Мегакла, сына Гиппократа (Э. Кулассо Гастальди)[55], Ксантиппа (А. Вильхельм, Т. Фигейра)[56]. Из остракофорий более позднего времени предметом изучения становились остракизмы Фемистокла (К. Робинсон, Р. Фласельер, Р. Ленардон, Ф. Фрост, Дж. Кокуэлл, Дж. Бэрретт, Дж. О'Нейл,

---

[50] По этой проблематике см. работы: *McCargar D. J.* Op. cit.; *Pecorella Longo Ch.* Op. cit.; *Doenges N. A.* Op. cit.; *Rausch M.* Op. cit.

[51] См. работы, указанные в примечаниях 26 и 27 к источниковедческому разделу.

[52] *Werner R.* Op. cit.; *Rosivach V. J.* Some Fifth and Fourth Century Views on the Purpose of Ostracism // Tyche. 1987. Bd. 2. S. 161—170.

[53] Ср.: *Siewert P.* Einleitung... S. 31.

[54] *Lavelle B. M.* A Note on the First Three Victims of Ostracism (Ἀθηναίων Πολιτεία 22.4) // ClPh. 1988. V. 83. № 2. P. 131—135.

[55] *Culasso Gastaldi E.* Op. cit.

[56] *Wilhelm A.* Op. cit.; *Figueira T. J.* Xanthippos...

Э. Караван)[57], Кимона (Дж. Коул, Л. Пиччирилли)[58], Менона (Б. Элли)[59], Каллия, сына Дидимия (Т. Рапке, Л. Пиччирилли)[60], Фукидида, сына Мелесия (Э. Эндрюс, П. Кренц, К.-Й. Хелькескамп)[61]. Пожалуй, в наилучшей степени оказалась освещена в историографии последняя остракофория, в ходе которой из Афин был изгнан демагог Гипербол. Такой интерес к ней не удивителен, поскольку, во-первых, датировка ее дискуссионна, а во-вторых, рассмотрение этого события афинской истории неизбежно заставляет одновременно касаться вопроса о фактическом выходе остракизма из употребления, что было одной из главных вех в истории этого института. Остракизму Гипербола посвящены в западном антиковедении работы А. Вудхеда, Ф. Камона, А. Робарта, К. Фукуа, Г. Леманна, Х. Хефтнера[62]. Одно из последних

---

[57] *Robinson C.A.* The Date of Themistocles' Ostracism // AJPh. 1946. V. 67. № 3. P. 265—266; *Flaceliure R.* Sur quelques points obscures de la vie de Thémistocle // REA. 1953. V. 55. № 1/2. P. 5—28; *Lenardon R.J.* The Chronology of Themistokles' Ostracism and Exile // Historia. 1959. Bd. 8. Ht. 1. S. 23—48; *Frost F.J.* Themistocles' Place in Athenian Politics // CSCA. 1968. V. 1. P. 105—124; *Cawkwell G.L.* The Fall of Themistocles // Auckland Classical Essays Presented to E. M. Blaiklock. Auckland, 1970. P. 39—58; *Barrett J.F.* The Downfall of Themistocles // GRBS. 1977. V. 18. № 4. P. 291—305; *O'Neil J.L.* The Exile of Themistokles and Democracy in the Peloponnese // ClQ. 1981. V. 31. № 2. P. 335—346; *Carawan E.M.* Thucydides and Stesimbrotus on the Exile of Themistocles // Historia. 1989. Bd. 38. Ht. 2. S. 144—161.

[58] *Cole J.R.* Cimon's Dismissal, Ephialtes' Revolution and the Peloponnesian Wars // GRBS. 1974. V. 15. № 4. P. 369—385; *Piccirilli L.* Il filolaconismo, l'incesto e l'ostracismo di Cimone // Quaderni di storia. 1984. V. 10. № 19. P. 171—177; *Idem.* Temistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987. P. 86—89.

[59] *Helly B.* La glose d'Hésychius Μενωνίδαι: pénestes thessaliens ou ostracisés athéniens? // RPLHA. 1994. V. 68. № 1/2. P. 135—146.

[60] *Rapke T.T.* The Demotic of Kallias Didymiou // AC. 1974. V. 43. P. 332—333; *Piccirilli L.* L'ostracismo di Callia...

[61] *Andrewes A.* The Opposition to Pericles // JHS. 1978. V. 98. P. 1—8; *Krentz P.* The Ostracism of Thoukydides, Son of Melesias // Historia. 1984. Bd. 33. Ht. 4. S.499—504; *Hölkeskamp K.-J.* Parteiungen und politische Willensbildung im demokratischen Athen: Perikles und Thukydides, Sohn of Melesias // HZ. 1998. Bd. 267. Ht. 1. S. 1—27.

[62] *Woodhead A.G.* I. G., II, 95, and the Ostracism of Hyperbolus // Hesperia. 1949. V. 18. № 1. P. 78—83; *Camon F.* L'ostracismo di Iperbolo // GIF. 1963. V. 16. Fasc. 2. P. 143—162; *Roobaert A.* L'apport des ostraka a l'étude de l'ostracisme d'Hyperbolos // AC. 1967. V. 36. № 2. P. 524—535; *Fuqua C.* Possible Implications of the Ostracism of Hyperbolus // TAPhA. 1965. V. 96. P. 165—179; *Bianchetti S.* L'ostracismo di Iperbolo e la seconda redazione delle Nuvole di Aristofane // SIFC. 1979. V. 51. P. 21—248; *Lehmann G. A.* Überlegungen zur Krise der athenischen Demokratie im Peloponnesischen Krieg: vom Ostrakismos des Hyperbolos zum Thargelion 411 V. Chr. // ZPE. 1987. Bd. 69. S. 33—73; *Heftner H.* Zur Datierung der Ostrakisierung des

исследований по этому сюжету принадлежит П. Родсу[63], и эту статью мы не охарактеризовали бы иначе, как блестящую, — насколько квалифицированно трактованы в ней практически все существующие нюансы проблематики последней остракофории.

Имеется несколько работ по процедурным вопросам остракизма. Эта тема, как нам представляется, привлекает внимание антиковедов в меньшей степени, нежели она того заслуживает. В какой-то мере ученых можно понять: процедура остракизма достаточно детально освещена в нарративных источниках, и многие ее элементы не порождают каких-либо проблем или дискуссий. Впрочем, есть и спорные вопросы, на которых преимущественно и сосредоточиваются авторы имеющихся статей. В данной связи следует назвать, например, вопрос о введенных в 480 г. до н. э. в связи с досрочных возвращением на родину первых жертв остракизма[64] ограничениях на местопребывание лиц, которые в дальнейшем должны были подвергаться этой мере (различные трактовки этого ограничения см. в работах Т. Фигейры, Л. де Либеро[65]). Проблема кворума в связи с остракизмом (и, соответственно, пресловутый вопрос о числе 6000) рассмотрена в важной статье Ф. Готье, посвященной институту кворума в греческих демократиях[66]. Есть исследования и о более частных аспектах рассматриваемой процедуры (Р. Уичерли, Б. Лейвелл)[67].

Неоднократно предметом изучения в связи с остракизмом становились остраконы, и в последние десятилетия это происходило все чаще и чаще, что представляется вполне естественным ввиду очерченной нами выше огромного значения той информации, которую несут эти памятники. В источниковедческом разделе мы уже упоминали ряд исследований по этой проблематике (работы О. Бронира, Г. Маттингли, Д. Льюиса, Дж. Уильямса, А. Шапиро, Д. Филлипса, Дж. Кэмпа и др.), а теперь коснемся тех статей, о которых речь еще не заходила. Э. Хэндс[68] стремится, анализируя острака, делать из этого материала выводы общего характера, касающиеся закона об остракизме, его принятия и применения. Он, в частности, высказывает мысль о том, что на хронологическом промежутке между введением института Клисфеном и первым известным остракизмом (487 г. до н. э.) могли быть и другие остракофо-

---

Hyperbolos // RSA. 2000. V. 30. P. 27—45; *Idem.* Der Ostrakismos des Hyperbolos: Plutarch, Pseudo-Andokides und die Ostraka // RhM. 2000. Bd. 145. S. 32—59.

63 *Rhodes P. J.* The Ostracism of Hyperbolus // RFP. P. 85—98.

64 Об этом возвращении см.: *Burstein S. M.* The Recall...

65 *Figueira T. J.* Residential Restrictions... *Либеро Л. де.* Ук.соч.

66 *Gauthier Ph.* Quorum et participation civique dans les démocraties grecques // Cahiers du Centre Glotz. 1990. V. 1. P. 73—99.

67 *Wycherley R. E.* Two Notes on Athenian Topography // JHS. 1955. V. 75. P. 117—121; *Lavelle B. M.* A Note on Perischoinisma // RFIC. 1982. V. 110. Fasc. 2. P. 129—139 (об ограждении, устанавливавшемся на Агоре во время остракофории).

68 *Hands A. R.* Ostraka and the Law on Ostracism — Some Possibilities and Assumptions // JHS. 1959. V. 79. P. 69—79.

рии, но они признавались несостоявшимися и не приводили к чьему-либо изгнанию, поскольку при голосовании не набиралось 6000 голосов, поданных против одного лица.

Впрочем, чаще всего в работах, посвященных острака, не ставятся и не решаются такого рода общие вопросы. Обычно эти работы посвящены опять же очень конкретным сюжетам, а именно интерпретации отдельных остраконов и надписей на них, попытки на этой базе получить какие-то новые сведения о лицах, подвергавшихся остракизму или являвшихся «кандидатами» на изгнание. В этом ключе написаны статьи Ф. Фроста, А. Шапиро, Л. Пиччирилли, З. Шрёдера, М. Берти[69].

В особую группу должны быть выделены работы, затрагивающие проблемы остракизма за пределами Афин, в других греческих полисах. Это одна из весьма интересных и малоисследованных сторон нашей проблематики. В историографии как-то само собой установилось мнение, что остракизм — прежде всего афинский феномен. Но не является ли это иллюзией, связанной с тем, что именно история Афин в силу состояния источников известна нам не просто лучше всего, но на много порядков лучше, нежели история почти любого из остальных государств эллинского мира. А между тем есть упоминания традиции о функционировании остракизма или аналогичных институтов и в иных местах (мы специально рассмотрим эти свидетельства в Приложении II). Однако информация о неафинском остракизме слишком скудна, чтобы сама по себе давать основания для ответственных выводов. Лучше всего известно о процедуре петализма в Сиракузах, но и это «лучше всего» выражается, в сущности, в одном-единственном пассаже Диодора (XI. 86—87). Какой контраст с богатым афинским материалом! Петализм рассматривается в работах Х. Хоммеля, Ш. Бергера[70]. Об остракизме же в таких полисах, как Мегары, Аргос, Милет, вообще не сообщается практически ничего, не считая констатации самого факта наличия в них этого института. К счастью, в дополнение к крайне небогатой нарративной традиции в последнее время начали понемногу появляться остраконы, найденные в некоторых из перечисленных городов, в частности, в Мегарах. Этой находке посвящена статья греческого ученого Х. Крицаса[71]. Более того, уже и в североафриканской Кирене найдены остраконы для остракизма (см. статью Л. Баккьелли[72]), хотя письменные

---

[69] *Frost F. J.* Themistocles and Mnesiphilus...; *Shapiro H. A.* Hippokrates Son of Anaxileos // Hesperia. 1980. V. 49. № 3. P. 289—293; *Piccirilli L.* Aristide di Egina? Per l'interpretazione degli ostraka Agora inv. P. 9945 e P 5978 // ZPE. 1983. Bd. 51. S. 169—176; *Schröder S.* Das neue Ostrakon gegen einen Κράτης Ἀθμονεύς // ZPE. 1991. Bd. 86. S. 45—46; *Idem.* Nochmals zum Ostrakon gegen Krates Athmoneus // ZPE. 1993. Bd. 96. S. 37—45; *Berti M.* Op. cit.

[70] *Hommel H.* Petalismos // RE. HlBd. 37. 1937. SP. 1117—1119; *Berger S.* Democracy in the Greek West and the Athenian Example // Hermes. 1989. Bd. 117. Ht. 3. S. 303—314.

[71] *Κριτζάς Χ. Β.* Τὸ πρῶτο μεγαρικὸ ὄστρακον // ΗΟΡΟΣ. 1987. Τ. 5. Σ. 59—73.

[72] *Bacchielli L.* L'ostracismo a Cirene // RFIC. 1994. 122. 2. P. 257—270.

источники ничего не сообщают о существовании там этого института. Отдельная тема — острака и остракизм в Херсонесе Таврическом, но по этой теме, рассматривая зарубежную историографию, сказать пока нечего.

Наш обзор будет неполным, если мы не упомянем о том, что различные аспекты проблематики, связанной с остракизмом, рассматривались антиковедами не только в специальных работах, но также, разумеется, и в трудах общего характера. Без упоминаний об остракизме и остракофориях, об их историко-политическом контексте — упоминаний более кратких или более подробных, в зависимости от личных склонностей автора, — не обходилась, наверное, ни одна монография, посвященная истории Греции и Афин в период поздней архаики и ранней классики, афинской демократии, тем или иным проблемам политической системы, политической жизни и политической борьбы в эту эпоху[73]. В ряде исследований, посвященных конкретным внутриполитическим проблемам классических Афин (деятельность Клисфена, отношение демоса к аристократическим лидерам, роль отдельных родов, таких как Писистратиды или Алкмеониды, в борьбе группировок, проблема дружбы и вражды в политической жизни, функционирование экклесии), тема остракизма также не обходится стороной[74].

---

[73] Приведем лишь несколько примеров: *Lévêque P., Vidal-Naquet P.* Clisthène l'Athénien. P., 1964. P. 113—117; *Forrest W. G.* The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800—400 B. C. L., 1966. P. 201 ff. *Tarkiainen T.* Op. cit. S. 110—116; *Sealey R.* Op. cit. P. 164—166; *Jeffery L. H.* Archaic Greece: The City-States c. 700—500 B. C. L., 1978. P. 247—248; *Grasmück E. L.* Exilium: Untersuchungen zur Verbannung in der Antike. Paderborn, 1978. S. 23 ff.; *Seibert J.* Op. cit. Bd. 1. S. 35 f.; *Ruschenbusch E.* Athenische Innenpolitik... S. 44 ff.; *Kagan D.* The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition. Ithaca, 1981. P. 144 ff.; *Bengtson H.* Griechische Staatsmänner des 5. und 4. Jahrhunderts V. Chr. München, 1983. S. 50; *Raaflaub K.* Die Entdeckung der Freiheit: Zur historischen Semantik und Gesellschaftsgeschichte eines politischen Fundbegriffes der Griechen. München, 1985. S. 99—100; *Ostwald M.* The Reform of the Athenian State by Cleisthenes // CAH. 2 ed. V. 4. 1988. P. 334—346; *Sinclair R. K.* Democracy and Participation in Athens. Cambridge, 1991. P. 170 f.; *Sagan E.* The Honey and the Hemlock: Democracy and Paranoia in Ancient Athens and Modern America. Princeton, 1991. P. 166 ff.; *Stein-Hölkeskamp E.* Op. cit. S. 193—205; *Littman R. J.* Op. cit. P. 165—191; *Lazenby J. F.* The Defence of Greece 490—479 B. C. Warminster, 1993. P. 81 ff.; *Cartledge P.* The Greeks: A Portrait of Self and Others. Oxf., 1993. P. 99; *Schubert Ch.* Op. cit. S. 20—31; *Bleicken J.* Die athenische Demokratie. 2 Aufl. Paderborn, 1994. S. 40 f.; *Hansen M. H.* Die athenische Demokratie im Zeitalter des Demosthenes: Struktur, Prinzipien und Selbstverständnis. B., 1995. S. 34 ff.; *Osborne R.* Greece in the Making, 1200—479 B. C. L.; N.Y., 1996. P. 307 f., 330 ff.; *Welwei K.-W.* Das klassische Athen: Demokratie und Machtpolitik im 5. und 4. Jahrhundert. Darmstadt, 1999. S. 20 ff. Этот перечень мог бы быть многократно расширен.

[74] В том числе см. работы: *Kinzl K. H.* Athens: Between Tyranny and Democracy // GEM. P. 199—223; *Cromey R. D.* Kleisthenes' Fate // Historia. 1979. Bd. 28. Ht. 2. S. 129—

Изучение некоторых тем просто-таки подразумевает обращение к истории остракизма, не позволяет без него обойтись. Так, например, в тех работах, где исследуются процедуры голосования в Древней Греции, (А. Беджхолд, Э. Стейвли) рассмотрение голосования на остракофориях неизбежно занимает достаточно значительное место[75]. В работах об афинской Агоре, особенно в тех, в которых затрагиваются общие проблемы развития и функционирования этой центральной городской площади (Х. Томпсон и Р. Уичерли, Дж. Кэмп), речь об остракизме тоже заходит, поскольку он проводился именно на Агоре[76]. Отметим еще одно небезынтересное обстоятельство: материалы, относящиеся к остракизму, активно привлекаются авторами исследований о грамотности в классических Афинах (Ф. Харви, Э. Бернс, У. Харрис)[77]. И действительно, само наличие процедуры остракизма должно было предполагать поголовную грамотность среди гражданского коллектива. А с другой стороны, надписи на остраконах, зачастую изобилующие грубыми ошибками, демонстрируют средний уровень этой афинской грамотности, который по нашим нынешним стандартам в общем-то не может быть назван особенно высоким. Далее, касаются сообщений нарративной традиции об остракизме специалисты-источниковеды (Ф. Якоби, П. Родс)[78]. Наконец, затрагиваются проблемы острака и остракизма в общих трудах по греческой эпиграфике (Л. Джеффери, М. Гвардуччи, Р. Мейггс и Д. Льюис)[79].

А теперь настало время дать общую характеристику современного состояния западной историографии остракизма. В целом, что и говорить, картина получается — да будет нам позволено употребить неакадемический эпитет — несколько «клочковатая» (как, собственно, обычно и бывает, когда по какой-нибудь теме давно не появлялось фундаментального монографического исследования). Какие-то стороны истории остракизма изучены очень хорошо, мож-

147; *Knox R.A.* «So Mischievous a Beaste»? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // G&R. 1985. V. 32. № 2. P. 132—161; *Errington R. M.* Ἐκκλησία κυρία in Athens // Chiron. 1994. Bd. 24. S. 135—160; *Arnush M.F.* The Career of Peisistratos Son of Hippias // Hesperia. 1995. V. 64. № 2. P. 135—162; *Mitchell L.G., Rhodes P. J.* Op. cit.; *Anderson G.* Alkmeonid «Homelands», Political Exile, and the Unification of Attica // Historia. 2000. Bd. 49. Ht. 4. S. 387—412.

75 *Boegehold A. L.* Toward a Study of Athenian Voting Procedure // Hesperia. 1963. V. 32. № 4. P. 366—374; *Staveley E. S.* Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca, 1972. P. 88 ff.

76 *Thompson H.A., Wycherley R. E.* Op. cit. P. 50; *Camp J. M.* The Athenian Agora... P. 57—59.

77 *Harvey F. D.* Literacy in the Athenian Democracy // REG. 1966. V. 79. P. 585—635; *Burns A.* Athenian Literacy in the Fifth Century B. C. // Journal of the History of Ideas. 1981. V. 42. № 3. P. 371—387; *Harris W. V.* Ancient Literacy. Cambridge Mass., 1989. P. 54 ff.

78 *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 1. P. 119 ff.; 317 ff.; *Rhodes P. J.* A Commentary... P. 274 ff.

79 *Jeffery L. H.* The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf.,1969. P. 70; *Guarducci M.* Op. cit. V. 2. P. 524—534; *Meiggs R., Lewis D.* Op. cit. P. 40—47.

но сказать, исчерпывающе, так что и прибавить практически нечего. Так обстоит дело, например, с вопросом о времени введения этого института (следует подчеркнуть, что мы имеем в виду классическую афинскую форму остракизма, практиковавшуюся в V в. до н. э., и отделяем вопрос о ее возникновении от более общего вопроса о корнях института остракизма как такового), с хронологией многих остракофорий и т. д. В то же время есть и такие аспекты остракизма, которые и по сей день остаются дискуссионными. Немало проблем порождают, в частности, особенности его процедуры (6000 как кворум или минимум для одного лица, сущность поправки 480 г. до н. э., налагавшей ограничения на местопребывание изгнанников), датировка некоторых комплексов остраконов (прежде всего острака с Керамика). Имеются и нюансы (среди них весьма важные), которые представляются нам просто недостаточно изученными. Именно это можно сказать о месте остракизма в афинской внутриполитической борьбе раннеклассической эпохи в связи с общими особенностями этой борьбы, об основных этапах истории остракизма, о причинах выхода института из употребления. Работу над этими темами следует отнести к перспективам дальнейшего исследования остракизма.

Изучение института в современной науке идет по ряду важных направлений, и практически на каждом из этих направлений достигнуты значительные успехи. Последнее обстоятельство еще более оттеняет тот факт, что насущно необходимым становится некий синтез, некое обобщение полученных результатов, пока еще в известной мере разрозненных.

* * *

Не стала таким обобщающим синтезом и новейшая монография немецкого исследователя Штефана Бренне (2001 г.)[80]. Эта книга оказалась нам доступной в тот момент, когда значительная часть данной работы была уже написана, и, откровенно говоря, мы открывали изданный Бренне увесистый том[81] не без внутреннего трепета: а вдруг в нем будут приведены принципиально новые данные, которые сделают необходимым внесение существенных корректив в наши — уже устоявшиеся к тому времени — взгляды на институт остракизма? Однако наши ожидания не оправдались; напротив того, ознакомление с трудом Бренне принесло определенное разочарование. Тем не менее на книге, о которой идет речь, следует остановиться достаточно подробно: ведь в любом случае это — первое после длительного, примерно тридцатилетнего перерыва (после книг Ю. Вандерпула, Р. Томсена) монографическое исследование, в заглавии которого фигурирует слово «остракизм». Тем более, что Брен-

[80] *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... Ср. нашу рецензию (ВДИ. 2003. № 3. С. 223—227).

[81] По своему объему монография Бренне может быть сопоставлена разве что с трудом Ж. Каркопино, который, как говорилось выше, и по сей день продолжает оставаться наиболее фундаментальным исследованием об афинском остракизме.

не уже и ранее был известен как квалифицированный специалист в области остракизма и острака, автор нескольких интересных работ о них, упоминавшихся выше, и один из составителей (вместе с Ф. Виллемсеном) перечня имен, фигурирующих на остраконах с Керамика.

В предисловии к книге[82] автор говорит об истории ее создания. Интерес к глиняным черепкам, игравшим роль бюллетеней в ходе проведения остракизма, зародился у него уже в студенческие годы, когда, побывав на раскопках в Греции, он смог воочию увидеть в фондах афинского отделения Германского археологического института тысячи острака, найденных в 1960-х годах на Керамике и еще не опубликованных. Дальнейшим занятиям молодого ученого данной проблематикой способствовало его участие в семинаре под руководством одного из крупнейших в XX в. специалистов в области изучения остракизма и острака — А. Э. Раубичека. В 1994 г. Ш. Бренне защитил в Тюбингене диссертацию, представлявшую собой просопографическое исследование имен на острака. Именно эта диссертация и была семь лет спустя издана им в виде книги, которую мы здесь разбираем. Тем временем автору было поручено подготовить полную публикацию острака с Керамика. Такая публикация, естественно, является весьма сложным и трудоемким мероприятием; на момент выхода монографии в свет она еще не была осуществлена.

Таким образом, Ш. Бренне, работая над интересовавшими его проблемами, заведомо находился в значительно лучшем положении, нежели большинство других специалистов, занимающихся сходной проблематикой, поскольку в его распоряжении находился грандиозный (около 9 тысяч экземпляров) комплекс неизданных памятников. Здесь следует сказать без обиняков, что именно чрезмерная, на наш взгляд, задержка публикации острака с Керамика стала одной из главных причин замедления темпов исследования истории остракизма, наблюдающегося с 1970-х годов и по сей день. Как уже говорилось, статей об этом институте появляется немало, а вот написать о нем монографию, которая охватывала бы все основные аспекты изучаемого феномена, не берется никто. И это вполне понятно: без детального знакомства с самым крупным комплексом острака говорить об остракизме теперь чрезвычайно трудно.

Впрочем, и сам Бренне отнюдь не ставил перед собой задачу написать целостную историю остракизма. Название его книги можно было бы перевести на русский язык как «Остракизм и политическая элита[83] в Афинах: аттические граждане V в. до н. э. на острака». Таким образом, внимание автора сос-

---

[82] *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 15—16.

[83] Ш. Бренне употребляет в заголовке труднопереводимое слово Prominenz; в тексте работы его синонимом часто выступает слово Führungsschicht, которое, насколько можно судить, означает в данном случае примерно то же, что имела в виду К. Моссе, вводя в своих работах термин la classe politique (например: *Mossé C.* La classe politique... S. 67—77). На русский язык оба термина наиболее уместно, на наш взгляд, было бы перевести как «политическая элита».

редоточено в первую очередь на проблемах просопографии. Собственно, именно так он и обозначает в первой, вводной главе[84] цели и задачи своего исследования: попытка изучить социальное и политическое положение отдельных лиц, упоминаемых на острака, а затем путем сведения полученных результатов воедино прийти к выводам, относящимся ко всей группе, к которой принадлежали эти лица. Что же касается определения этой группы, то у Бренне не возникает сомнения: в своем подавляющем большинстве те граждане, чьи имена фигурируют на черепках-«бюллетенях», должны были принадлежать к афинской социальной и политической элите. И действительно, институт остракизма по самой своей сущности был направлен именно против представителей самого высшего слоя гражданского коллектива, против тех афинян, которые казались «чрезмерно» влиятельными и поэтому заслуживающими десятилетнего изгнания из полиса. Разумеется, из каждого правила бывают свои исключения; вполне возможно, что на острака появляются (скажем, по причинам личного характера) и имена безвестных, не пользовавшихся влиянием граждан. Но, во-первых, можно смело утверждать, что имена такого рода будут в значительном меньшинстве. Во-вторых же, тому и служит научный арсенал просопографии как вспомогательной исторической дисциплины (а этот арсенал применительно к истории классических Афин в последние десятилетия был существенно усовершенствован благодаря работам целого ряда исследователей[85]), чтобы путем комплексного анализа разных категорий источникового материала делать более или менее ответственные выводы об идентификации и статусе ранее неизвестных из нарративной традиции персоналий.

Таким образом, остракизм как институт афинской демократии сам по себе мало интересует Бренне. Этот исследователь, как сразу становится ясным для читателя, принадлежит к тому направлению в антиковедении, которое выдвигает во главу угла изучение не институтов, а факторов неинституционального характера — политических групп, элит и т. п. (подробнее см. выше, во введении к нашей работе). Соответственно, он лишь мимоходом касается во вводной главе основных аспектов истории остракизма, сообщая необходимый минимум сведений об этой процедуре (время учреждения, способ проведения и т. п.) и не более того.

Вторая глава книги[86] целиком посвящена хронологическим проблемам, связанным с острака. Как мы отмечали выше (п. 2 источниковедческого раздела), датировка этих памятников в силу ряда их особенностей зачастую порождает значительные сложности. В наибольшей мере сказанное относится к самому крупному комплексу острака, открытому немецкими археологами на Керамике. Напомним, что существуют две основные даты, предлагавшиеся для этой находки: 480-е гг. до н. э. (а конкретно — 486 г., когда остракизмом

---

[84] *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 17—29.

[85] См. сводку этих работ: *Fossey J.M.* The Study of Ancient Greek Prosopography. Chicago, 1991.

[86] Ibid. S. 30—48.

был изгнан Мегакл из рода Алкмеонидов, поскольку около половины остракa этой группы несут именно его имя) и 470-е гг. до н. э. (в таком случае ее относят к крайне проблематичному второму остракизму Мегакла, о котором сообщает, к тому же в крайне тенденциозном контексте, лишь один автор — Лисий). Ш. Бренне в рассматриваемой здесь монографии, как и ранее[87], придерживается последней точки зрения.

Повторим еще раз: в случае с остракa с Керамика обычные критерии датировки, к которым традиционно обращаются, работая с памятниками подобного рода (особенности палеографии, археологический контекст и т. п.), в большинстве своем неприменимы, поскольку речь идет о слишком незначительной разнице во времени: между 480-ми и 470-ми гг. лежит всего лишь десятилетие. Палеография за это время не могла сколько-нибудь существенно измениться, а археологический контекст способен стать определяющим фактором лишь тогда, когда стратиграфия раскапывавшегося участка предельно ясна и непротиворечива; на Керамике же ситуация значительно сложнее. Во всяком случае, точки над i расставлять еще рановато, и безоговорочная уверенность Бренне в своей правоте выглядит не вполне понятной. Далее, кратко остановившись на проблемах датировки остракa с афинской Агоры — второго, наряду с Керамиком, места крупномасштабных находок этих памятников, — автор делит все известные на сегодняшний день остракa с хронологической точки зрения на четыре фазы: первая — 480-е гг. до н. э. (ранние находки с Агоры), вторая — 471 г. до н. э. (с такой явно чрезмерной точностью датирует Бренне нижний слой комплекса остракa на Керамике), третья — с 460-х по 430-е гг. до н. э., четвертая — черепки, дошедшие от последней остракофории, имевшей место в середине 410-х гг. до н. э. (материал последних двух фаз встречается и на Агоре, и на Керамике).

В третьей главе монографии Бренне[88] речь идет о проблемах ономастики. Подробно до многословности, порой воспаряя в метафизические сферы, автор излагает вещи, в общем-то, достаточно очевидные. Наверное, ни в одном из обществ, существовавших в истории человечества, имена не давались абсолютно произвольно. Сознавалось это или оставалось на уровне бессознательного, но в данной области всегда проявлялись определенные закономерности, которые обусловливались общим характером социума. Говоря о классических Афинах, к закономерностям такого рода следует причислить: обычай давать детям имена предков или родственников (чаще всего — деда, реже — отца, дяди либо лица иной степени родства), а также отражать в семейном ономастиконе матримониальные и ксенические связи[89]; проявление на уровне ономастики идеологических элементов (прежде всего речь идет об аристократической идеологии и системе ценностей); формирование комплексов имен, употребительных в рамках той или иной семьи (так, встречая имя Мегакл, можно быть полностью

---

[87] *Brenne S.* «Portraits»... S. 162.

[88] *Idem.* Ostrakismos und Prominenz... S. 49—72.

[89] Ср. *Herman G.* Op. cit. P. 349 ff..

уверенным в том, что его носитель являлся по мужской или женской линии выходцем из рода Алкмеонидов[90]) и т. п. Отмеченные закономерности, безусловно, облегчают работу по идентификации социальной, а зачастую и родовой принадлежности афинян, упоминаемых на острака.

В небольшой по размеру четвертой главе[91], связанной по тематике с предыдущей, автор говорит о влиянии клисфеновских реформ на афинскую ономастику. Как известно, при Клисфене был введен новый элемент официального гражданского имени — демотик, обозначение принадлежности к дему. Однако и патронимик, вопреки утверждению Аристотеля (Ath.pol.21.4), не был отменен; он лишь стал факультативным, употребительным скорее в частной, а не политической сфере. В конечном счете, к середине V в. до н. э. в Афинах эмпирически утвердилась схема гражданского имени «личное имя + патронимик + демотик»[92]. Интересно проследить, как отражались изменения состава имени в надписях на острака. Если взять те из этих памятников, которые относятся к первой половине V в. до н. э. (а таковых абсолютное большинство, и только они позволяют делать какие-то наблюдения статистического характера), то оказывается, что в массе своей афиняне по-прежнему чаще употребляли при личном имени патронимик, нежели демотик. Больше всего надписей с демотиком на острака, направленных против «нового политика» Фемистокла, но даже и в его группе процент «бюллетеней» с патронимиком все-таки выше. Ш. Бренне полагает, что патронимик чаще стоит при именах тех политических деятелей, которые были хорошо известны согражданам и особенно тех, которые происходили из городских демов, а выходцы из демов сельских, напротив, обычно упоминаются вкупе с демотиком. Впрочем, есть и иная (более нам импонирующая) точка зрения: словоупотребление на острака больше говорит не о тех людях, чьи имена на них стоят, а о тех, кто их надписывал[93]. Иными словами, аристократы, особенно городские, по старой привычке называли своих сограждан «по имени-отчеству», а рядовым гражданам, выходцам из сельских демов, было легче перейти на новую систему именования.

Самая объемная (около половины всего текста книги) и наиболее богатая фактическим материалом пятая глава книги Бренне[94] представляет собой комментированный просопографический каталог 272 лиц, упоминаемых на острака (в подавляющем большинстве самих «кандидатов» на изгнание и их отцов, ставших известными из патронимиков). Автор прилагает максимум

---

[90] Отметим, кстати, что это древнее аристократическое имя, возможно, восходит еще к праиндоевропейской эпохе. Во всяком случае, словосочетание μέγα κλέος, от которого оно происходит, имеет параллель в санскритских памятниках. См.: *Зайцев А. И.* Формирование древнегреческого гексаметра. СПб., 1994. С. 67.

[91] *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 73—86.

[92] См. об этом процессе: *Суриков И. Е.* О некоторых особенностях генеалогической традиции... С. 172 слл.

[93] *Raubitschek A. E.* Athenian Ostracism... P. 118—119.

[94] *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 87—314.

усилий, чтобы дать более или менее точную идентификацию тех из этих афинян, которые ранее не были известны из источников. В некоторых случаях это оказывается несложно, но по большей части поставленная задача требует привлечения в сопоставительных целях обширного параллельного ономастического и просопографического материала. С истинно немецкой скрупулезностью Ш. Бренне сводит воедино все данные, которые могут иметь хоть какое-то отношение к рассматриваемому в каждый данный момент лицу: сообщаемые нарративной традицией и надписями сведения об афинянах, носивших такое же, схожее или частично совпадающее имя. Нам даже показалось, что порой эта скрупулезность исследователя доходит до ненужного педантизма. Приведем один характерный пример. В венском Музее истории искусства хранится черепок (приобретенный в афинской торговле антиквариатом) с надписью «Лисий, сын Евмора, мегарянин». Нельзя с уверенностью утверждать, что это остракон (и действительно, с какой бы стати в Афинах стали голосовать за изгнание мегарянина?); более того, есть сильные подозрения, что этот памятник вообще является подделкой[95]. Тем не менее Ш. Бренне предельно тщательно разбирает параллельный материал по именам Лисий и Евмор, приводя, например, всю известную информацию о носителях имен Мойрий, Мойрокл, Мойраген и т. п. Именно так он поступает и в подавляющем большинстве других случаев — при этом зачастую для того, чтобы в конечном счете сделать неутешительный вывод: идентификация невозможна.

Справедливости ради следует сказать, что чаще усилия автора все же увенчиваются успехом. Не со всеми его тезисами, высказываемыми по поводу имен на острака, мы можем согласиться (так, Миронид, сын Каллия, из Флии, известный полководец V в. до н. э., был скорее представителем рода Кериков, а не Ликомидов[96], а черепок с именем Писистрата, который Ш. Бренне вслед за М. Гвардуччи считает чьей-то шуткой на остракофории, по нашему мнению, является настоящим остраконом, но относящимся к доклисфеновскому времени[97]). Однако в целом проделанная работа оказывается, бесспорно, весьма полезной. Жаль только, что автор предпочитает ссылаться на просопографические справочники Кирхнера, Дейвиса, Трейла и др., а к непосредственным свидетельствам источников обращается значительно реже.

---

[95] Соответственно, мы не включаем это граффито в просопографическую статистику афинских острака (Приложение V). Подделки памятников малой эпиграфики порой выполняются весьма искусно. Одно из таких сфальсифицированных граффити однажды ввело в заблуждение даже такого крупного специалиста, как Э. Вудхед (*Woodhead A. G.* A Political Sherd // ABSA. 1953. № 48. P. 191—199), в чем он сам впоследствии честно признался (*Corbett P.*, *Woodhead A. G.* A Forger of Graffiti // ABSA. 1955. № 50. P. 251—265).

[96] *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 87—88. Об острака с именем Миронида см. также *Berti M.* Op. cit.

[97] *Суриков И. Е.* Остракизм и остраконы... P. 114—115. Подробнее речь об этом остраконе и о проблеме его интерпретации пойдет ниже (гл. II, п. 2).

В шестой главе монографии[98] полученный эмпирический материал по конкретным персоналиям подвергается обобщению и систематическому изучению. Проводится сопоставление перечня имен, прочитанных на острака, с другими перечнями имен, которые мы имеем для Афин того же времени (списками магистратов, атлетов — победителей на важнейших играх, богатых граждан, принадлежавших к литургическому классу, афинян, оставивших посвятительные надписи, и др.). Глава изобилует разного рода таблицами. К сожалению, у всех этих таблиц (равно как у таблиц в других частях книги, а также у каталога имен в пятой главе) есть один немаловажный недостаток. Все лица, фигурирующие на острака, даются в них недифференцированно, единым общим списком. С таблицами гораздо легче и продуктивнее можно было бы работать, если бы в них отдельно были сгруппированы сами «кандидаты» на изгнание, отдельно — их отцы, отдельно — иные имена, появляющиеся на «бюллетенях».

Резюмируя данные таблиц, Бренне получает итоги, которые, как нам кажется, были ясны и без трудоемкой работы по их составлению. Значительные совпадения имен на острака с именами архонтов наблюдаются для начала V в. до н. э., до реформы 487 г., когда архонтов начали избирать не голосованием, а жеребьевкой и на эту должность стали попадать случайные люди. Пересечения же с именами стратегов исключительно обильны на всем протяжении функционирования остракизма — именно этого и следовало ожидать. В то же время пересечений со списками различных казначеев практически нет: казначейские должности не имели непосредственного отношения к политической жизни. Что касается имен атлетов, то вначале совпадений с именами на острака довольно много (особенно среди победителей в колесничных состязаниях), но к концу V в. пересечения становятся все реже и, наконец, сходят на нет, что, несомненно, связано с изменением социальной функции атлетики[99]. Наибольшее количество пересечений обнаруживается между именами на острака и именами в любовных надписях на вазах (по формуле ὁ δεῖνα καλός). Эти последние относились к кругу симпосия и прилагались к юношам безупречно знатного происхождения[100].

В заключении к книге (седьмая глава[101]) автор перечисляет результаты, достигнутые по ходу исследования, и формулирует итоговый вывод: почти все (за редкими исключениями) афиняне, упоминаемые на острака и, таким образом, подвергавшиеся опасности остракизма, принадлежали к слою политической элиты. Более того, речь следует вести даже не обо всем этом слое, а об еще более узком круге лиц внутри него, а именно — о прослойке родовой зна-

---

98 *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 315—406.

99 См. об этом: *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985. С. 111—116.

100 Каталог имен в этих надписях см.: *Robinson D. M., Fluck E. J.* A Study of the Greek Love-Names Including a Discussion of Paederasty and a Prosopographia. Baltimore, 1937. P. 70 ff.; *Beazley J. D.* Op. cit. V. 2. P. 1559—1616.

101 *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 407—410.

ти (Geburtsadel). Ее представители вызывали особенное недоверие у демоса и, соответственно, чаще всего рассматривались как потенциальные жертвы остракофорий. Восьмая глава[102] представляет собой совокупность приложений к тексту, в числе которых — распределение афинян, упомянутых на остракa, по филам и демам, индекс составных частей имен этих лиц и др.

Какая общая оценка может быть дана монографии Бренне? При ее чтении ощутимо, что книга представляет собой изданную диссертацию. Автор, похоже, стремился не столько прийти к действительно оригинальным выводам, сколько продемонстрировать свою ученость и эрудицию. Нет слов, ему это удалось: научный аппарат работы огромен. Примечаний — колоссальное количество, часто они занимают больше половины текста страницы. При этой скрупулезности, как ни парадоксально, исследователь не избежал некоторых странных небрежностей. Так, остракизм Гипербола он датирует то 416[103], то 415[104] г. до н. э. Обе даты приемлемы (см. об этом вопросе подробнее ниже, в гл. I), но не в рамках же одной книги! Другой пример — отнесение смерти Мильтиада к 479 г. до н. э. (sic!)[105]. Не унифицирована система сносок на исследовательскую литературу: заглавия работ то даются в примечаниях полностью, то идет отсылка по «кембриджской системе» к списку литературы. Кстати, сам этот список литературы мог бы быть значительно полнее.

Подведем итог. Монография Штефана Бренне, безусловно, окажется небесполезным подспорьем для специалистов, занимающихся аттической просопографией. В то же время для понимания института остракизма практически ничего нового она не дает. Мы ни в коем случае не утверждаем, что все без исключения теоретические положения общего характера, высказываемые в работе, тривиальны. И все же от столь фундаментального и фундированного труда читатель был вправе ожидать большего.

Другим совсем недавним исследованием (2002 г.), которому тоже следует дать по возможности подробную характеристику, стала коллективная монография «Свидетельства об остракизме» («Ostrakismos-Testimonien»; выше и далее в примечаниях фигурирует как OT), подготовленная в Вене коллективом австрийских и немецких исследователей под руководством Петера Зиверта. Выход этой книги уже давно с нетерпением ожидался многими антиковедами, занимающимися не только непосредственно остракизмом, но и в целом проблемами политической и конституционной истории, просопографии, источниковедения классических Афин. Сведение воедино всех источников об афинском остракизме задумывали еще Ю. Вандерпул и А. Раубичек, однако, судя по всему, столь крупномасштабное предприятие оказалось просто непосильным для двух ученых. Зиверту, который возглавлял работу с 1980 г., удалось вдохнуть в нее новую жизнь; тем не менее обработка источников затяну-

[102] Ibid. S. 411—449.
[103] Ibid. S. 97.
[104] Ibid. S. 199.
[105] Ibid. S. 179.

лась, и первый ее плод становится достоянием читателей только теперь. Причиной промедления стало, насколько можно судить, не столько необъятное количество материала, сколько стремление подойти к каждому свидетельству максимально скрупулезно, дать исчерпывающий комментарий. В результате тот том, о котором здесь идет речь, представляет собой лишь первую часть издания и включает источники по остракизму, относящиеся к классической эпохе. Это — самая важная и содержательная часть материала (поскольку хронологически она лежит всего ближе ко времени реального функционирования остракизма), но, кстати, в количественном отношении даже не самая объемная. Если сравнить в приложении IV к нашей работе приблизительное число классических и послеклассических (эллинистических, римских и византийских) свидетельств, то окажется, что последних в три-четыре раза больше. Среди них тоже есть в высшей степени ценные (таковы некоторые пассажи Плутарха, схолиастов и др.), но пока эти данные остались за пределами рассмотрения авторов книги. Очевидно, в дальнейшем следует ожидать выхода еще одного или даже нескольких томов свода источников по остракизму.

Рассматриваемая монография делится на четыре части. Первая из них имеет вводный характер и написана самим П. Зивертом[106]. В ней мы находим краткий историографический очерк, в котором обрисован общий ход исследования проблем истории остракизма в антиковедении Нового времени. Отметим, что нам остались не вполне понятными принципы, по которым построен этот очерк. С одной стороны, в нем говорится о совсем старинных работах XVI—XVIII вв., которые ныне представляют разве что антикварный интерес[107]. А с другой стороны, ни словом не упомянуто об одной из крупнейших в XIX в. работе Ж. Валетона «Об остракизме». Аналогичным образом обстоит дело при обзоре исследований по данной проблематике в XX в. Конечно, вполне понятно, что автор подробно останавливается на вкладе А. Раубичека и Ю. Вандерпула в изучение остракизма, воздавая должное заслугам своих непосредственных предшественников. Отмечаются также выходившие на протяжении столетия монографии, посвященные различным сторонам рассматриваемого института (Ж. Каркопино, А. Кальдерини, Р. Томсен, М. Лэнг). Однако, наверное, следовало бы сказать несколько слов и о наиболее важных статьях по теме, принадлежащих таким ученым, как Э. Хэндс, Д. Кэген, Р. Девелин, К. Моссе, Л. Холл, Г. Маттингли, М. Крайст, Д. Мерхади и др. (см. об этих статьях выше, в предшествующей части нашего историографического раздела) К сожалению, этого автор не делает, что несколько снижает значимость очерка. Интересующимся историографией остракизма рекомендуем по-прежнему обращаться к сводке А. Мартена[108], где имеющаяся литература приведена значительно полнее и систематичнее.

---

[106] *Siewert P.* Einleitung... S. 25—35.

[107] Кстати, большинства этих работ П. Зиверт не держал в руках и знает о них лишь из вторых рук, в чем он сам честно признается.

[108] *Martin A.* L'ostracisme...

Далее П. Зиверт обосновывает структуру и принципы издания свидетельств, принятые в книге, порядок расположения текстов, а также хронологические рамки работы (487—322 гг. до н. э.). Относительно этих последних у нас тоже возникают сомнения. Если 487 г. взят за «точку отсчета» вполне резонно (именно в этом году в Афинах имела место первая остракофория), то того же нельзя сказать о 322 г. Указанную дату авторы монографии считают концом классической эпохи (что, кстати, само по себе небесспорно). Но даже если мы согласимся с ними в этом, все-таки остается впечатление, что принятый критерий имеет чисто внешний, формальный характер и что изложение в томе обрывается в некоторой степени искусственно и механически. Так, в издание вошли пассажи об остракизме, принадлежащие Аристотелю, но за ее пределами остались свидетельства, сохраненные Феофрастом, учеником и преемником Стагирита в руководстве перипатетической школой. А между тем этих двух авторов вряд ли стоило отрывать друг от друга, поскольку Феофраст, как мы видели выше, был прямым продолжателем Аристотеля. Второго схоларха Ликея следует рассматривать как завершителя классической традиции, а не как раннего представителя эллинистической; его данные были бы более уместны в конце рецензируемого тома, нежели в начале следующего.

Другой пример. В том вошли свидетельства из «Аттиды» Андротиона. Очень органично смотрелись бы в нем также сведения об остракизме, приводимые другим (причем самым крупным) аттидографом — Филохором. Это позволило бы проследить эволюцию взглядов представителей аттидографического жанра на протяжении определенного хронологического отрезка. Но Филохор работал в конце IV — первой половине III в. до н. э. и, соответственно, тоже не включен в издание. На наш взгляд, наиболее логичным и оправданным было бы завершить подборку авторов в первом томе «Свидетельств об остракизме» именно Филохором, тем более что как раз после него в нарративной традиции о рассматриваемом институте обнаруживается значительная хронологическая лакуна — вплоть до середины I в. до н. э. (см. выше, в источниковедческом разделе).

Вторая часть книги[109] целиком посвящена такому типу источников, как острака. Автор данной части — уже знакомый нам Ш. Бренне, который на сегодняшний день является, бесспорно, лучшим в мире знатоком этих памятников. Он в большей степени, чем кто-либо иной, владеет материалом, который содержат черепки-«бюллетени», и знакомит читателей с этим материалом, так сказать, из первых рук.

После вводных замечаний о значении находок острака на Керамике автор приводит алфавитный каталог всех имен, встречающихся на острака. По сравнению с аналогичным каталогом, опубликованным Ш. Бренне в разбиравшейся нами чуть выше монографии, этот новый вариант несколько скорректирован с учетом новейших находок, но в то же время просопографичес-

[109] *Brenne S.* Die Ostraka... S. 36—166.

кий комментарий, естественно, значительно сокращен. Далее следует перечень тех острака, которые соприкасаются своими сторонами друг с другом и, таким образом, были использованы на одной и той же остракофории (а знание таких деталей всегда немаловажно. Еще более ценны те случаи (тоже перечисленные Ш. Бренне), когда надписи на нескольких острака сделаны одной рукой. Наиболее известный из комплексов подобного рода (190 острака против Фемистокла с северного склона Акрополя) уже упоминался нами; имеются и другие, хотя они, разумеется, несравненно меньше по количеству входящих в них памятников (от 2 до 7). Особое внимание привлекают те ситуации, в которых одним почерком оказываются надписаны острака против *разных* политиков: Мегакла, сына Гиппократа, и Калликрата, сына Лампрокла, или того же Мегакла и Аристида, сына Ксенофила.

Пожалуй, наиболее интересна среди материала, приводимого Ш. Бренне, подборка приписок (в основном экспрессивного или инвективного характера) и рисунков-карикатур, которые делались некоторыми афинянами на острака против тех или иных «кандидатов» на изгнание. Эти приписки и рисунки в значительной своей части уже публиковались ранее, в том числе и самим Бренне (см. выше, в п. 2 источниковедческого раздела), но теперь мы получили наиболее полную, практически исчерпывающую их сводку, что снимает необходимость обращения ко всем предыдущим.

В третьей части коллективного труда «Свидетельства об остракизме», намного превосходящей остальные по объему[110] (с. 167—478), рассматриваются остальные свидетельства об остракизме, датируемые классической эпохой. Почти все эти свидетельства представляют собой пассажи различной протяженности и значения из произведений древнегреческих авторов[111]. В работе над данной частью принимало участие наибольшее количество авторов: кроме упоминавшихся выше П. Зиверта и Ш. Бренне, также Г. Хефтнер, В. Шайдель, Ф. Стефанек, К. Книббе, Б. Пальме, Б. Эдер, П. Гриманис, В. Хаметер, Н. Лойдоль, Х. Майер, Г. Тейбер, Х. Папастамати. Однако, как видно из имеющихся результатов, столь обширной группе антиковедов удалось (и в этом, бесспорно, заслуга руководителя коллектива и ответственного редактора издания) очень хорошо скоординировать свои подходы к источникам — как на концептуальном, так и на структурном уровне. Практически все они придерживаются одинаковых взглядов по основным вопросам, связанным с историей остракизма. Редкостное единообразие наблюдается и в построении каждой из главок, посвященных анализируемым свидетельствам.

---

[110] Она занимает собой более половины всей книги (OT. S. 167—478).

[111] Есть только два исключения: краснофигурный килик из оксфордской коллекции, расписанный в 460-х гг. до н. э. так называемым «мастером Пана» и несущий, как считается, изображение подсчета голосов после остракофории (о нем см. выше, в гл. III, п. 1), а также известный эпиграфический памятник — найденный в Трезене «декрет Фемистокла», в котором упоминается досрочное возвращение изгнанных остракизмом афинян в 480 г. до н. э., в связи с походом Ксеркса на Грецию.

Построение это таково. Вначале приводится аннотированный список важнейшей литературы по тому свидетельству, которое фигурирует в главке. Затем дается его греческий текст с переводом на немецкий язык и рассматривается контекст свидетельства. Далее следует комментарий (по большей части весьма детальный), обосновывается датировка процитированного пассажа, указываются параллельные места у других писателей и разбирается вопрос о месте данного свидетельства в формировании нарративной традиции об остракизме. Наконец, в заключительной части главки кратко подводятся итоги всего сказанного в ней.

Многие из свидетельств, вошедших в том, принадлежат к числу весьма известных и неоднократно становились предметом анализа в историографии. Таковы, например, сообщения Геродота (VIII. 79) и Фукидида (I. 135. 3; VIII. 73. 3) об изгнании остракизмом некоторых афинян (Аристида, Фемистокла, Гипербола), речь IV из корпуса оратора Андокида, почти целиком посвященная остракизму, в высшей степени ценные размышления об этом институте, принадлежащие Аристотелю (как в «Афинской политии», так и в «Политике»). Другие свидетельства (некоторые фрагменты из недошедших произведений комедиографов, историков IV в. до н. э. и др.), напротив, малоизвестны и никогда или почти никогда специально не изучались. Авторы подошли к данным традиции в высшей степени скрупулезно. Достаточно сказать, что они отыскивают и комментируют не только реально существующие свидетельства, но даже и упоминания о таких свидетельствах, которые утрачены.

Несколько примеров. Сообщается (Plut. Them. 21), что родосский поэт Тимокреонт, личный враг Фемистокла, написал стихотворную инвективу против этого политика после того, как он был изгнан из Афин. Строго говоря, мы вообще не знаем, сообщалось ли в этом стихотворении хоть что-нибудь об остракизме. Тем не менее оно попало в число прокомментированных свидетельств. Так же произошло и с речью софиста Поликрата «Против Сократа» (начало IV в. до н. э.), которая не дошла до нас, но в которой, судя по аллюзии у позднеантичного ритора Либания (Decl. I. 157), говорилось что-то об изгнании Дамона, музыкального теоретика и советника Перикла.

В целом у нас создалось впечатление, что ученые, занимавшиеся сбором свидетельств об остракизме, подошли к своей задаче, так сказать, «максималистски». Опасаясь упустить хоть какое-нибудь упоминание об этом институте, они не избежали другой крайности — включили в сводку такие тексты, которые вряд ли вообще имеют отношение к остракизму (Aristoph. Equ. 819; fr. 593 Edmonds[112]; Theopomp. FGrHist. 115. F91). Эти «квази-свидетельства», на наш взгляд, напрасно оказались в сводке. А в то же время составители не учли некоторых текстов, немаловажных для понимания тех или иных аспектов истории изучаемого института. В частности, оратор Эсхин (I. 111—112)

[112] Нумерация фрагментов комедиографов в рассматриваемой работе дается по изданию Касселя — Остина. Мы, со своей стороны, ссылаемся на них по более доступным в России изданиям Эдмондса и Кока.

сообщает об экфиллофории — разновидности остракизма, отличавшейся от его «классической» формы тем, что она проводилась не в народном собрании, а в Совете, «бюллетенями» же для голосования служили вместо черепков надписанные оливковые листья[113]. Весьма интересен отмечавшийся нами выше пассаж другого афинского мастера красноречия — Ликурга (Leocr. 117—118), в котором, возможно, содержится упоминание об официальном списке жертв первых остракофорий.

Четвертая, завершающая часть книги «Свидетельства об остракизме» представляет собой заключение (авторы — Г. Хефтнер, В. Шайдель и П. Зиверт)[114]. В нем предпринимается попытка обобщения полученных результатов. Авторы специально подчеркивают, что пока это обобщение имеет сугубо предварительный характер, а по-настоящему ответственные выводы могут быть сделаны лишь после того как будут собраны и обработаны свидетельства об остракизме, относящиеся к послеклассическому времени.

Подведение итогов исследования идет по нескольким параллельным линиям. Рассматривается, в числе, прочего, лексика, употребляемая писателями V—IV вв. до н. э. в связи с остракизмом. Указывается, что главным техническим термином для этой процедуры являлся глагол (ἐξ)οστρακίζω, встречающийся уже на нескольких острака, а в нарративной традиции — впервые у Геродота. Параллельно с ним в источниках фигурируют и не-технические обозначения остракизма: φεύγω, μεθίστημι, ἐκβάλλω, ἐξελαύνω, ἐκπίπτω. В связи с вопросом о времени введения остракизма обращается внимание на то, что у самых ранних авторов ничего по этому сюжету не говорится; впервые датировка этого события (непосредственно перед 487 г. до н. э.) дается в IV в. до н. э. у Андротиона[115], а чуть позже Аристотель, полемизируя с этим аттидографом, связывает учреждение остракизма с клисфеновскими реформами.

В традиции об остракизме, по наблюдению авторов заключения, прослеживается несколько конкурирующих точек зрения на цель института остракизма. У различных писателей он оказывается то средством борьбы между политическими группировками, то механизмом контроля гражданского коллектива над властной элитой, то установлением, принятым во избежание реставрации тирании, то наказанием за разного рода проступки в правовой и этической сфере. Весьма редко в литературе классической эпохи встречаются оценки остракизма. Среди этих оценок есть и подчеркнуто критические (первый пример — IV речь корпуса Андокида), и амбивалентные (ряд мест в «Политике» Аристотеля). Однозначно позитивное отношение к остракизму обнаруживается только у Демосфена (XXIII. 204—205). Этот последний пассаж

---

[113] Об экфиллофории см. ниже (гл. II, п. 2.).

[114] *Heftner H., Scheidel W., Siewert P.* Op. cit. S. 479—509.

[115] Нам, со своей стороны, представляется необходимым подчеркнуть, что в «Аттиде» Андротиона содержится самое раннее *из дошедших до нас* сообщений о начале остракизма. Можно с почти безоговорочной уверенностью утверждать, что об этом писали также более ранние аттидографы (Гелланик, Клидем).

(на наш взгляд, достаточно проходной) авторы рецензируемой работы вообще считают ключевым для понимания рассматриваемого института, в чем мы не можем с ними согласиться, тем более что оратор здесь даже не употребляет самого слова «остракизм».

Далее в заключении отмечается, что в нашем распоряжении чрезвычайно мало документальных свидетельств по истории остракизма (не считая, конечно, самих острака). В IV в. до н. э., когда исторический интерес к «суду черепков» как таковому стал по-настоящему серьезным (до того интересовались разве что конкретными перипетиями отдельных остракофорий), документов, относящихся к этой процедуре, уже практически не существовало. А те немногие, которые еще сохранялись в архивах, впервые были использованы Андротионом, заложившим основание для дальнейшего изучения остракизма. Поэтому, кстати, авторы (правда, осторожно) высказывают мысль, что в вопросе о времени введения остракизма может оказаться прав именно Андротион, а не Аристотель, хотя подобная точка зрения в настоящее время совершенно непопулярна в мировой историографии.

Завершая изложение анализом принципиального вопроса об изначальной функции остракизма, как она предстает на основе сопоставления всех категорий вошедших в том источников, П. Зиверт (именно он взял на себя написание этого последнего раздела заключения) высказывает следующие соображения. Появление остракизма было обусловлено стремлением афинского демоса ограничить престиж и влияние аристократических лидеров, установить в полисе демократическое равенство. Что же касается связи остракизма с угрозой установления тирании, то этот частый в традиции мотив, по мнению автора, является поздним и неаутентичным. Подобный взгляд на причины и цели учреждения рассматриваемого института представляется нам чрезмерно узким и односторонним: он однозначно привязывает остракизм к контексту демократических Афин V в. до н. э., что, судя по всему, не вполне правомерно, поскольку исторические истоки «суда черепков» следует искать в реалиях архаической эпохи[116].

Давая общую оценку коллективной монографии «Свидетельства об остракизме», необходимо иметь в виду следующее обстоятельство. Как мы уже отмечали выше, для современного этапа изучения данного института характерно известное «измельчание» проблематики, концентрация внимания специалистов на частных аспектах и мелких деталях его истории; в то же время ощущается явный дефицит обобщающих исследований, которые сыграли бы роль синтеза накопленной информации и основой для дальнейших шагов по ее трактовке. К сожалению, не стала исключением из этого правила и рассматриваемая здесь книга. Ее авторы, на наш взгляд, опять же увлекаются детализацией и нюансировкой в ущерб постижению принципиальных и действительно важных проблем. Монография дробится на мелкие главки

---

[116] См. нашу точку зрения на функции остракизма: *Суриков И. Е.* Функции института остракизма... С. 3 сл.

(многие из них занимают не более 2—3 страниц); исследователи подробно до многословности разбирают коротенькие пассажи античных писателей. В результате за деревьями становится не видно леса, и читатель задается недоуменным вопросом: а для чего, собственно, проделан столь большой объем работы? Ведь выводы, которые делаются на ее основе, трудно назвать новыми и оригинальными; они в основном лежат в русле тех воззрений на остракизм, которые являются наиболее «ортодоксальными» на сегодняшний день. Во всяком случае, нам не удалось найти в книге практически ни одной важной идеи, которая в той или иной форме не высказывалась бы ранее.

Акцент при работе с источниками очевидным образом делался не на оригинальность выводов, а на скрупулезность и акрибию. Однако же это не спасло авторский коллектив от некоторых досадных погрешностей. Так, в просопографическом каталоге острака, составленном Ш. Бренне, встречаются опечатки. Например, указывается (с. 58), что известно 423 остракона с именем Кимона, сына Мильтиада, из них 426 (sic!) найдено на агоре. Нужно ли говорить, что опечатки в числах являются самыми неприятными и опасными, поскольку они в состоянии породить в корне неверную картину? В качестве источников одного важного фрагмента комедиографа Платона (fr. 153 Kock, из комедии «Симмахия»), в котором остракизм уподобляется детской игре остракинде, указаны схолиаст Гермий (V в. н. э.) и византийский клирик-эрудит Евстафий Солунский (XII в.). Однако этот фрагмент впервые цитируется автором значительно более раннего времени — Светонием, в написанном по-гречески сочинении «Об играх у эллинов» (Suet. De lud. Graec. 8). Наконец, самое курьезное упущение. В хронологической таблице к книге (с. 521) фигурируют такие сомнительные с точки зрения историчности события, как остракизмы Менона, Дамона и др., но при этом парадоксальным образом оказался забыт надежно зафиксированный и точно датируемый остракизм Кимона (461 г. до н. э.).

Итак, претензий к исследованию, о котором идет речь, более чем достаточно. Тем не менее нельзя отрицать и того, что оно станет отныне ценным подспорьем для каждого, кто занимается афинским остракизмом. Пусть книга не вполне оправдала возлагавшиеся на нее ожидания; все же без учета содержащихся в ней данных теперь будет невозможно ни одно новое исследование об остракизме.

* * *

Переходя к обзору отечественной историографии остракизма, приходится с грустью констатировать, что говорить, в общем-то, почти не о чем. Ситуация в полном смысле слова плачевная; мы не рискнули бы говорить даже о каких-то историографических традициях, направлениях, тенденциях нашего антиковедения в данной сфере, ввиду того, что писалось об остракизме у нас очень и очень мало. И это несмотря на то, что, как мы видели выше, фактическим основоположником специального изучения института остракизма в ми-

ровой исследовательской литературе явился российский профессор К. Я. Люгебиль. Впрочем, его книга, написанная на немецком языке, пожалуй, даже не может в полной мере считаться фактом отечественной историографии, во всяком случае, вопрос этот спорный[117]. А в дальнейшем за весь дореволюционный период можно назвать еще только посвященную остракизму статью Н. П. Обнорского в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона[118]. Как и подобает достаточно краткой словарной статье, она содержит лишь необходимый минимум информации об остракизме и не является собственно исследованием. Впрочем, статью следует охарактеризовать как компетентную и информативную, хотя и не чуждую некоторых неточностей по частным вопросам. То же можно сказать и о двух небольших пассажах в труде В. В. Латышева о греческих древностях[119].

Нельзя сказать, что ситуация принципиально изменилась и в послереволюционный период. Как и прежде, за многие десятилетия — лишь довольно краткие упоминания об остракизме в работах общего характера. Конечно, ничего не сказать об остракизме не мог ни один ученый, в той или иной связи писавший о внутренней истории афинского полиса в V в. до н. э. Однако упомянуть об институте — еще не значит внести оригинальный вклад в его изучение.

С такого рода упоминаниями в основном и приходится иметь дело. Так, С. Я. Лурье высказал интересную мысль о том, что закон об остракизме «основан на наивной вере во всемогущество великих людей, на антрополатрии, и может смело быть поставлен рядом с очистительными жертвоприношениями, носившими также характер актов государственной важности»[120]. Это утверждение, бесспорно, представляется несколько категоричным. И тем не менее нельзя не отметить, что в данном случае (как и в целом ряде других) выдающийся российский ученый лет на пятьдесят-шестьдесят предвосхитил (пусть и не развив аргументацию) те идеи о религиозных элементах института остракизма, которые уже в наши дни начинают все более активно высказываться в работах западных антиковедов.

Уже относительно недавно темы остракизма в контексте эволюции афинской демократии коснулся В. М. Строгецкий[121]. В связи с применением остракизма к Фемистоклу он отмечает, что эта мера рано превратилась в ору-

---

[117] См. также краткие замечания Люгебиля об остракизме (уже на русском языке) в работе: *Люгебиль К. Я.* Историко-филологические исследования. СПб., 1868. С. 189—190.

[118] *Обнорский Н. П.* Остракизм // Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]. Т. 22. СПб., 1897. С. 344.

[119] *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. 1. Государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 154—155, 212—213.

[120] *Лурье С. Я.* История античной общественной мысли: Общественные группировки и умственные движения в эллинском мире. М.; Л., 1929. С. 154.

[121] *Строгецкий В. М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 43.

дие политической борьбы, что объединившиеся аристократы из ряда аттических родов использовали ее как средство расправы над своим противником. В то же время, по мнению ученого, «необходимо различать остракизм как инструмент политической борьбы в представлении отдельных афинских политиков и остракизм как меру, направленную против слишком влиятельных и выдающихся личностей в представлении афинских граждан в целом». На наш взгляд, исключительно плодотворная мысль (к сожалению, не развитая более подробно), позволяющая проводить некоторые границы между, скажем так, более широким и более узким пониманием функций остракизма в ту эпоху, когда он находился в употреблении. Комментированную подборку ряда важнейших нарративных свидетельств об остракизме подготовили недавно Л. П. Маринович и Г. А. Кошеленко в рамках выпущенной ими антологии текстов об афинской демократии[122]. Некоторые мысли об остракизме высказал в своей монографии Х. Туманс[123].

В последние 10-15 лет у нас, по счастью, наконец начали появляться и специальные исследования, в которых проблемы остракизма трактуются уже более детально (хотя таких работ по-прежнему очень немного). Так, С. Г. Карпюк, рассматривая вопрос о введении остракизма в контексте реформ Клисфена[124], справедливо отмечает, что эта мера была в определенном отношении внесением «правил игры» в политическую борьбу: изгнание остракизмом не сопровождалось конфискацией имущества и преследованием семьи, не вело оно и к поражению в правах. В других статьях С. Г. Карпюк касается дискуссионных сюжетов, связанных с последней афинской остракофорией, жертвой которой стал демагог Гипербол, хотя угрозе изгнания подвергались в первую очередь Никий и Алкивиад[125]. Обращаясь к вопросу о числе 6000, фигурирующей в источниках в связи с остракизмом, исследователь считает это число общим кворумом.

Целый ряд аспектов истории остракизма рассмотрел в своих работах калининградский антиковед С. И. Гинзбург[126]. Датируя учреждение этого инс-

---

122 Античная демократия в свидетельствах современников / Издание подготовили Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. М., 1996. С. 305—309.

123 *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII—V вв. до н. э.). СПб., 2002. С. 376, 383, 390. Мы склонны рассматривать книгу Х. Туманса, латвийского исследователя, именно в рамках отечественной историографии. Автор — представитель российской (конкретно — петербургской) школы антиковедения, ученик Э. Д. Фролова, который, кстати, является редактором упомянутой монографии. Книга вышла на русском языке, и это, как нам сообщил сам Х. Туманс, оригинал, а не перевод.

124 *Карпюк С. Г.* Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С. 17—35.

125 *Карпюк С. Г.* Никий: доблесть политика // ВДИ. 1994. № 3. С.3 8—57; *Он же.* Гипербол, «человек негодный» // ВДИ. 1998. № 4. С.142—156.

126 *Гинзбург С. И.* О дате издания...; *Он же.* Малоизвестный византийский источник...;

титута в Афинах временем реформ Клисфена, он пытается доказать, следуя Каркопино, что противоречия между Андротионом и Аристотелем по этому вопросу не существует: аттидограф, говоря τότε πρῶτον, имеет в виду в общем ту же дату, что и автор «Афинской политии», то есть конец VI в. до н. э. Исследователь анализирует хронологию конкретных остракофорий, при этом предлагая для остракизмов 480-х гг. датировки, на один год более поздние по сравнению с общепринятыми (для изгнания Гиппарха, сына Харма, — 487/6 г. вместо 488/7 г. и т. д.). Гинзбург первым в российском антиковедении обратил серьезное внимание на поздневизантийский текст Vaticanus Graecus 1144 и на те новые перспективы, которые открывает этот фрагмент для дальнейшего изучения остракизма, в частности, подметив, что его данные позволяют присоединиться в трактовке числа 6000 к позиции Филохора (необходимый минимум голосов против одного лица). Что же касается общих суждений калининградского ученого о значении института остракизма, позволим себе не вполне согласиться с его замечанием о том, что введение данной меры знаменовало переход от идеи родовой ответственности к индивидуальной, или, во всяком случае, сделать к этому чрезмерно, на наш взгляд, категоричному замечанию существенную оговорку. Нам представляется, что в действительности все было гораздо сложнее и не столь прямолинейно. Идеи родовой, коллективной ответственности еще и в V в. до н. э. оставались весьма живучими в сознании афинян[127]. Проявлялись эти идеи и во время остракофорий. Наверное, не случайно, что в 480-х гг. среди лиц, подвергавшихся угрозе остракизма, весьма велика была доля представителей одного аттического рода — Алкмеонидов, а именно над ними тяготело древнее родовое проклятие. Да и вообще старинные религиозные представления не отмирают так быстро и одномоментно, как полагает С. И. Гинзбург, и уж, во всяком случае, не отменяются простым принятием того или иного закона. Считать остракизм чисто светским институтом без каких бы то ни было религиозных компонентов, как мы продемонстрируем в дальнейшем изложении, неправомерно (хотя именно так обычно и делается).

Рассматривая отечественную историографию остракизма, нельзя не остановиться (пусть это и не имеет прямого отношения к интересующим нас в первую очередь Афинам) на теме остракизма и острака в Херсонесе Таврическом, поскольку в изучении этой темы именно у российских ученых остается (и, наверное, навсегда останется) приоритет, а сам Херсонес ныне может «похвастаться» второй в мире по количеству, после афинской, коллекцией остраконов. Первые несколько экземпляров острака из Херсонеса опубликовала Э. И. Соломоник[128]; она же на их основании высказала гипотезу о существо-

---

Он же. Остракизм как орудие политической борьбы в Афинах V в. до н. э. // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 32—42.

127 Об этих идеях см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 238 слл.

128 *Соломоник Э. И.* Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3. С. 121—141; *Она же.* Inedita // Іноземна філологія. Вип. 85. Львів, 1987. С. 111—117.

вании в этом причерноморском полисе практики остракизма — шаг смелый, но вполне правомерный. То, что в нарративных источниках нет ни слова о херсонесском остракизме, не может служить доводом contra, если учесть, как мало информации о Херсонесе сохранилось у античных авторов. Прибавим сюда пример Кирены, в которой тоже найдены остраконы, хотя об остракизме в этом полисе традиция тоже не сообщает.

В настоящее время количество острака из Херсонеса насчитывает несколько десятков (по некоторым подсчетам, впрочем, может быть, не очень осторожным, — до полусотни). Наиболее интенсивно их исследованием занимался выдающийся российский антиковед Ю. Г. Виноградов, опубликовавший об этих памятниках ряд работ (многие из них — в соавторстве с М. И. Золотаревым). При этом во взглядах Ю. Г. Виноградова на херсонесские острака со временем произошла существенная эволюция. Вначале он по ряду оснований не считал возможным связать их с какой-либо формой остракизма, предполагая для черепков иное применение (например, для выборов магистратов)[129]. А затем, в своих последних, предсмертных исследованиях[130], он пришел к решительному и однозначному выводу: в Херсонесе применялся остракизм! При этом, будучи, как известно, тонким знатоком отнюдь не только причерноморских древностей, Ю. Г. Виноградов активно привлекал для сопоставительного анализа афинский материал, в частности, острака архаической эпохи. Эти памятники, о которых нам еще предстоит подробнее говорить (гл. II, п. 2), еще не получили в специальной литературе убедительной и непротиворечивой интерпретации; по мнению вышеназванного российского ученого (и здесь мы с ним полностью солидарны), они являются свидетельством о существовании какой-то ранней формы остракизма в доклисфеновское время. Безвременная кончина Юрия Германовича оставила неосуществленными или незавершенными многие его замыслы. Так, он планировал подготовить полное издание корпуса херсонесских остраконов. Теперь даже трудно предположить, кто бы мог продолжить этот труд.

---

129 *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Древнейший Херсонес // Причерноморье VII—V вв. до н. э.: письменные источники и археология. Тбилиси, 1990. С. 48—73; *Vinogradov Iu., Zolotarev M.* La Chersonèse de la fin de l'archaïsme // Le Pont-Euxin vu par les Grecs: Sources écrites et archéologie. P., 1990. P. 84—119; *Vinogradov J. G.* Pontische Studien: Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz, 1997. S. 397—419.

130 *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Год рождения Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. Вып. 9. Севастополь, 1998. С. 36—46; *Они же.* Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы (1996—1997 гг.). М., 1999. С. 91—129; *Vinogradov J. G., Zolotarev M. I.* L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica //MEP. 1999. V. 2. P. 111—131; *Vinogradov J. G.* Ostrakismos als strenges Kampfmittel für Demokratie im Lichte der neuen Funde aus Chersonesos Taurike // Gab es das Griechische Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts V. Chr. Mainz, 2001. S. 379—386.

* * *

Подведем итоги историографического обзора. При этом нам придется отчасти повторить то, о чем уже говорилось выше.

1. Издававшиеся в первой половине XX века фундаментальные монографии об остракизме (Ж. Каркопино, А. Кальдерини) к настоящему времени следует признать в значительной мере устаревшими. Причиной тому — не недостатки этих работ, для своего времени бывших серьезными шагами вперед, а появление со времени их выхода нового колоссального источникового материала. Имеются в виду находки острака, которые весьма расширили наши познания об остракизме и которых теперь уже никак нельзя не учитывать. Что же касается посвященных остракизму книг, изданных относительно недавно (Ю. Вандерпул, Р. Томсен, М. Лэнг, Ш. Бренне), то, при всех их достоинствах, ни одна из них не обладает признаками обобщающего исследования, некой новой вехи в историографии этого института.

2. В настоящее время изучение остракизма в мировой науке идет по нескольким основным направлениям: публикация найденных в результате раскопок остраконов; скрупулезный анализ нарративной традиции об остракизме, попытки разрешить противоречия между сообщениями разных античных авторов; работы, посвященные отдельным остракизмам, их хронологии и историческому контексту; определение места остракизма в системе афинской демократии и в политической жизни классических Афин. Практически на каждом из этих направлений достигнуты значительные успехи; тем более насущно необходимым становится новое обобщающее монографическое исследование об остракизме. Заполнить эту лакуну в историографии и призвана настоящая работа.

3. Вышесказанное в еще большей степени относится к отечественному антиковедению, в котором остракизм практически не изучался специально (не считая нескольких вышеупомянутых работ С. Г. Карпюка, С. И. Гинзбурга, Ю. Г. Виноградова). Нам очень хотелось бы, чтобы не прозвучала нескромностью констатация факта, к сожалению, действительно имеющего место: на сегодняшний день наибольшее количество работ об остракизме в российской историографии принадлежит автору этих строк (перечень этих работ см. в прим.15 к Введению). Одна из наших статей по указанной проблематике написана совместно с А. А. Молчановым[131]. Необходимо отметить, что этот исследователь оказал нам большую помощь в осмыслении вопросов, связанных с происхождением остракизма. Многие идеи, которые будут высказаны ниже, складывались в дружеском и плодотворном общении с ним.

---

[131] *Молчанов А. А., Суриков И. Е.* Ук. соч.

ГЛАВА I

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ

Из всего круга проблем, связанных с афинским остракизмом, нам представляются первоочередными (пусть не по абсолютной значимости, но, во всяком случае, по необходимой последовательности рассмотрения) те, которые связаны с хронологией применения этой процедуры, прежде всего установление максимально точных датировок известных остракофорий[1]. Мы отдаем именно этому вопросу приоритет по той простой причине, что без его предварительного решения практически невозможно обращение к темам более общего и принципиального характера, таким, как введение остракизма, его место в политической системе и политической жизни афинской демократии, основные этапы истории исследуемого института в связи с эволюцией государственного устройства классических Афин, выход остракизма из употребления и т. п. Следует, как нам представляется, в самом начале создать некий фундамент из надежно установленных и датированных фактов, чтобы в дальнейшем, при анализе дискуссионной проблематики, основываться уже на этом фундаменте.

В первую очередь надлежит перечислить все остракофории, о которых в той или иной связи упоминается в письменных источниках. Этот перечень мы сопроводим по возможности полной сводкой свидетельств для каждого остракизма. Итак, если суммировать все данные нарративной традиции, окажется, что в ней в качестве лиц, подвергавшихся этой мере, фигурируют (в алфавитном порядке) следующие 16 афинян.

Алкивиад Старший (дед знаменитого Алкивиада): Andoc.IV. 34; Lys.XIV. 39; Harpocr.s.v.Ἀλκιβιάδης; Schol.Aristoph.Equ.855.

Алкивиад Старший (вторично): Lys.XIV.39.

Аристид (прозванный «Справедливым»): Herod.VIII.79; Demosth. XXVI.6; Arist.Ath.pol.22.7; Demetr.Phaler.FGrHist.228.F43; Heraclid.Epit. Ath.pol.7; Cic.Tusc.V. 105; Nep.Aristid.1; Muson.fr.9 Hense; Dio Chrys. LXVI.26; Plut.Them.5, 11, 12; Plut.Comp.Coriol.et Alc.4; Plut.Aristid.1, 7, 25, 26; Plut.Comp.Aristid.et Cat.2; Plut.Nic.11; Plut.Mor.186ab; Aristodem. FGrHist.104.F.1.1; Aristid.XLV. p.90 Jebb (II.p.119—120 Dindorf); Aristid. XLVI.p.280 Jebb (II.p.362—363 Dindorf); Alciphr.Epist.III.25.3; Philostr.Vita Apoll.VII.21; Euseb.Chron.II.p.102 Schoene; Sopater Schol.Hermogen.V. p.65—66 Walz; Liban.Declam.XXIII.43; Schol.Aristoph.Equ.855; Suid.s.v.Ἀριστείδης; Tzetz.Chil.XIII.441 sqq.; Eustath.ad Hom.Il.XIII.689 (III.p.538 van der Valk); Theodor.Metochit.Misc.p.608—610 Müller — Kiessling.

---

[1] М. Финли даже считает (на наш взгляд, не вполне основательно), что в истории остракизма вообще нет каких-то особенно серьезных проблем, кроме хронологических трудностей: *Finley M. I.* Op. cit. P. 55.

Гипербол (демагог эпохи Пелопоннесской войны): Plato Com.fr.187 Kock; Thuc.VIII.73.3; Theopomp.FGrHist.115.F96; Androt.FGrHist.324.F43; Theophr.fr.139 Wimmer; Theophr.ap.Schol.Lucian.Tim.30; Philochor. FGrHist.328.F30; Plut.Alc.13; Plut.Aristid.7; Plut.Nic.11; Harpocr.s.v. Ὑπέρβολος; Schol.Aristoph.Equ.855; Schol.Aristoph.Vesp.1007; Schol.Aristoph. Pax 681; Schol.Lucian.Tim.30; Schol.Aristid.XLVI.p.158.15 Jebb (III.p.528 Dindorf); Phot.Lex.s.v. Ὑπέρβολος; Suid.s.v. Ὑπέρβορος.

Гиппарх, сын Харма (родственник Писистрата и Гиппия, лидер группировки «друзей тиранов» в начале V в. до н. э.): Androt.FGrHist.324.F6; Arist.Ath.pol.22.4; Plut.Nic.11; Harpocr.s.v.Ἵππαρχος; Phot.Lex.s.v. Ἵππαρχος; Suid.s.v. Ἵππαρχος.

Дамон, сын Дамонида (известный музыкант, советник Перикла): Arist.Ath.pol.27.4 (ошибочно назван Дамонидом; возможно, пропуск имени переписчиком); Plut.Pericl.4; Plut.Aristid.1; Plut.Nic.6; Liban.Declam.I.157.

Каллий, сын Дидимия (знаменитый атлет-панкратиаст): Andoc.IV. 32.

Кимон (сын Мильтиада из рода Филаидов, один из виднейших афинских аристократических лидеров): Andoc.IV. 33; Plat.Gorg.516d; Theopomp. FGrHist.115.F88; Nep.Cim.3; Plut.Pericl.9; Plut.Comp.Pericl.et Fab.3; Plut.Cim.17; Plut.Comp.Cim.et Lucull.2; Aristid.XLVI.p.158 Jebb (II.p.212 Dindorf), p.242—243 Jebb (II.p.316—317 Dindorf), p.280 Jebb (II.p.362—363 Dindorf), p.284 Jebb (II.p.367 Dindorf); Athen.XIII.589ef; Schol.Aristoph. Equ.855; Schol.Aristid.XLVI.p.118.13 Jebb (III.p.446 Dindorf), p.151.8 Jebb (III.p.515 Dindorf), p.158.13—18 Jebb (III.p.528—529 Dindorf), p.242.14 Jebb (III.p.689 Dindorf); Olympiod.Comm. in Plat.Gorg.33.2; Phot.Bibl.cod.248. p.425b; Suid.s.v.ἀποστρακισθῆναι; Suid.s.v.Κίμων; Suid.s.v.ὀστρακισμός.

Клисфен (реформатор); Aelian.Var.hist.XIII.24.

Ксантипп (из рода Бузигов, отец Перикла): Arist.Ath.pol.22.6; Heraclid.Epit.Ath.pol.7.

Мегакл, сын Гиппократа (из рода Алкмеонидов, дядя Перикла по матери): Pind.Pyth.VII.18 sqq. (не прямое указание, а реминисценция); Andoc.IV. 34; Lys.XIV. 39; Arist.Ath.pol.22.5; Harpocr.s.v. Ἀλκιβιάδης (обозначен не по имени, а как прадед Алкивиада по матери).

Мегакл, сын Гиппократа (вторично): Lys.XIV. 39.

Менон: Hesych.s.v.Μενωνίδαι.

Мильтиад, сын Кимона: Andoc.III.3.

Тесей: Theophr.Char.26.6 (не прямое указание, а реминисценция); Theophr.fr.131 Wimmer; Paus.Atticist.s.v.ἀρχὴ Σκυρία; Euseb.Chron.II.p.50 Schoene; Schol.Aristoph.Plut.627; Schol.Aristid.XLVI.p.241.9 Jebb (III.p.688 Dindorf); Suid.s.v. ἀρχὴ Σκυρία; Suid.s.v.Θησείοισιν; Eustath.ad Hom.Il.IX. 662 sqq. (II.p.834 van der Valk); Arsen.Violet.s.v. ἀρχὴ Σκυρία.

Фемистокл («отец афинского морского могущества»): Thuc.I.135.3; Plat.Gorg.516d; Demosth.XXIII.205; Cic.De amic.42; Nep.Them.8; Diod.XI.55; Plut.Them.22; Aristodem.FGrHist.104.F1.6; Aristid.XLVI.p.242—243 Jebb (II.p.316—317 Dindorf), p.280 Jebb (II.p.362—363 Dindorf), p.284 Jebb

(II.p.367 Dindorf); [Themistocl.] Epist.1, 2, 4, 19; Schol.Aristoph.Equ.819, 855; Schol.Thuc.I.135.3; Schol.Aristid.XLVI.p.158.15 Jebb (III.p.528 Dindorf), p.242.14 Jebb (III.p.689 Dindorf); Olympiod.Comm. in Plat.Gorg.41.2; Theodor.Metochit.Misc.p.802 Müller — Kiessling.

Фукидид, сын Мелесия (главный соперник Перикла в 440-х гг. до н. э.): Androt.FGrHist.324.F37; Plut.Pericl.14, 16; Plut.Comp.Pericl.et Fab.3; Plut.Nic.11; Schol.Aristoph.Equ.855; Schol.Aristoph.Vesp.947; Anonym.Vita Thuc.21—22.

Неизвестный афинянин, «сторонник тиранов»: Arist.Ath.pol.22.6.

Все перечисленные остракизмы достаточно четко подразделяются на четыре категории: (а) остракизмы, зафиксированные в источниках с абсолютной надежностью и точно датируемые; (б) остракизмы, историчность которых тоже не вызывает сомнений, но датировка колеблется в пределах нескольких лет; (в) спорные остракизмы, сама историчность которых, не говоря уже о датировке, является предметом дискуссий; (г) остракизмы безусловно неисторичные. Наверное, наиболее логичным будет начать именно с этой последней категории, дабы сразу отсеять заведомо неаутентичный материал.

Прежде всего, нетрудно заметить, что среди вполне реальных деятелей афинской истории классической эпохи, которых источники называют жертвами остракофорий, оказался один мифологический персонаж, а именно Тесей. Естественно, речь об историчности его остракизма попросту не идет. Даже в том случае, если у этого героя аттических сказаний был некий реальный прототип, живший и действовавший в микенскую эпоху[2], об этом прототипе мы практически ничего не знаем и знать не можем. В связи с Тесеем вопрос, видимо, должен быть поставлен иначе: как вообще получилось, что традиция (и при этом в лице, например, такого видного своего представителя, как Феофраст), вроде бы вопреки всякой очевидности, включает его в число жертв остракизма, более того, делает его одним из возможных кандидатов на изобретение самого этого института (Евсевий). Данный вопрос будет рассмотрен нами ниже, в контексте проблематики, порождаемой гипотезой о существовании ранних, доклассических форм остракизма (гл. II, п. 2).

Далее, остракизм Клисфена — реформатора афинского государства, «отца» классической демократии. Об этом остракизме сообщает один-единствен-

---

[2] Мы, вопреки мнению В. П. Яйленко, считающего Тесея чистой фикцией (*Яйленко В. П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 228—229), все же не исключаем принципиальной возможности существования подобного прототипа. Нам не представляются достаточно весомым аргументом против такой возможности соображения вышеназванного исследователя об этимологии имени этого афинского героя. Не говорим уже о том, что в настоящее время, благодаря привлечению негреческого (в частности, хеттского) материала, можно уже уверенно судить о наличии реальных прототипов у целого ряда, казалось бы, вполне мифологических персонажей, таких, как Атрей, Парис-Александр и даже Агамемнон (*Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С. 128—131).

ный автор, к тому же довольно поздний, а именно Элиан (Var.hist.XIII.24). Его сообщение, согласно которому Клисфен сам ввел остракизм и сам же стал его первой жертвой, в данном случае не может вызвать никакого доверия[3]. Во-первых, Клисфен — далеко не самая малоизвестная фигура истории Афин; о его жизни и деятельности писали уже такие авторитетные авторы V—IV вв. до н. э., как Геродот, Аристотель и др. И ни один из них ни словом, ни полусловом не дает ни малейшего намека на то, что к этому политику когда-либо был применен остракизм или что-то в этом роде. Странным было бы, если бы эрудит римской эпохи, в рассматриваемой ситуации фактически противостоящий всей остальной античной историографии, знал что-то такое, чего, кроме него, решительно никто не знал. Во-вторых, ни на одном из десяти с лишним тысяч открытых на сегодняшний день остраконов имя Клисфена, как и следовало ожидать, не прочитано. Не удивительно и вполне правомерно, что, насколько нам известно, практически никто из исследователей не считает остракизм Клисфена историчным[4].

Но, может быть, Элиан следовал какой-то ранней и достоверной альтернативной традиции, не дошедшей до нас? Именно так полагал Ф. Якоби, утверждавший даже, что исследователь, которому посчастливится определить первоисточник интересующего нас пассажа, разгадает загадку возникновения остракизма[5]. Впоследствии Дж. Кини и А. Раубичек претендовали на то, что им удалось найти этот первоисточник — «Законы» Феофраста, как они считали[6]. Однако в соответствующем месте источниковедческого раздела мы показали, почему это совершенно невозможно. Насколько нам представляется, сообщая об остракизме Клисфена, римский автор вообще вряд ли опирался на сколько-нибудь достоверные данные. Не исключено, что он попросту сам сконструировал это событие афинской истории: уж слишком хорошо оно укладывалось контекст тех анекдотов, которые Элиан передает в рассматриваемой главе (законодатели, пострадавшие от своих же законов: оратор Ликург, ограничивший роскошь женщин и наказанный за нарушение этих ограничений его же женой; Перикл, отнявший у сыновей женщин-неафинянок гражданские права и впоследствии оставшийся с единственным незаконнорожденным сыном от Аспасии; Залевк, отдающий собственный глаз, чтобы спасти сына, совершившего преступление).

Создавая аналогичный эпизод с Клисфеном, Элиан мог совершить контаминацию двух традиций о появлении остракизма. Одна из этих традиций, ставшая общераспространенной, называла его учредителем именно Клисфена.

---

[3] Ср.: *O'Neil J. L.* The Origins and Development of Ancient Greek Democracy. Lanham, 1995. P. 31.

[4] За единственным исключением: *Keaney J. J., Raubitschek A. E.* Op. cit. P. 90 (за высказанную здесь точку зрения отвечает только Раубичек, но не Кини, что специально оговорено).

[5] *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 1. P. 124.

[6] *Keaney J. J., Raubitschek A. E.* Op. cit. P. 91.

Другая (восходящая к Феофрасту) указывала на то, что остракизм ввел Тесей *и сам же стал его первой жертвой*. Создав «гибрид» двух традиций, Элиан взял из первой имя законодателя, а из второй — идею лица, пострадавшего от собственного закона. Действительно, если сопоставить сообщение Элиана с текстом, отражающим вторую, «тесеевскую» традицию (Euseb.Chron.II.p.60 Schoene), выявится немало общего, в том числе на лексическом уровне.

Элиан: Κλεισθένης δὲ ὁ Ἀθηναῖος τὸ δεῖν ἐξοστρακίζεσθαι πρῶτος ἐσηγησάμενος, αὐτὸς ἔτυχε τῆς καταδίκης πρῶτος.

Евсевий: Θησεὺς... πρῶτος ἐξωστρακίσθη αὐτός πρῶτος θεὶς τὸν νόμον.

Навести Элиана на мысль о том, что Клисфен подвергся остракизму, были способны еще и смутные намеки в предшествующей литературе на некую немилость демоса к этому законодателю в последние годы его деятельности. Так, Цицерон (De leg.II.41) писал, что Клисфен опасался за свое положение (rebus timeret suis). Мы абсолютно не исключаем возможности опалы Клисфена в конце жизни[7]; причиной такой опалы могло стать, например, организованное по его инициативе и вызвавшее негативные последствия афинское посольство к персидскому сатрапу в Сардах (Herod.V. 73)[8]. Но почему опала должна была принять именно форму остракизма? Афинский демос знал слишком много других способов расправы с неугодными ему политическими лидерами.

Итак, свидетельство об остракизме Клисфена следует отвергнуть a limine? В рамках разговора о классической форме остракизма в демократических Афинах — безусловно, и на данном этапе этого для нас вполне достаточно. Но если речь идет об остракизме в более широком понимании, то потребуются серьезные оговорки, которые и будут сделаны в соответствующем месте (гл. II, п. 2).

К той же категории недостоверных остракизмов следует отнести и остракизм некоего Мильтиада, сына Кимона, о котором упоминает оратор Андокид. В речи «О мире с лакедемонянами», произнесенной в 391 г. до н. э., этот автор, напоминая афинянам о событиях так называемой Малой Пелопоннесской войны[9], в частности, говорит: εἰρήνης ἐπεθυμήσαμεν, καὶ Μιλτιάδην τὸν Κίμωνος ὠστρακισμένον καὶ ὄντα ἐν Χερρονήσῳ κατεδεξάμεθα δι' αὐτὸ τοῦτο, δόξαντα ὄντα Λακεδαιμονίων, ὅπως πέμψαιμεν εἰς Λακεδαίμονα προκηρυκευσόμενον περὶ σπονδῶν (Andoc.III.3). Казалось бы, перед нами сообщение весьма раннее, близкого к описываемым событиям писателя; почему же мы не должны ему доверять? Однако не будем забывать о том, что Андокиду, по справедливому замечанию Э. Д. Фролова, «вообще свойственны некоторая небрежность

О судьбе Клисфена после его реформ, которая и по сей день остается предметом дискуссий, см. наиболее подробно: *Cromey R. D.* Kleisthenes' Fate...; *Карпюк С. Г.* Клисфеновские реформы...

Об этом посольстве см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 70—71.

Об основных событиях этой войны (460—446 гг. до н. э.) см.: *Строгецкий В. М.* Полис и империя... С. 112—158.

и неаккуратность в изложении исторических событий»[10], и в данном пассаже эти черты проявились в полной мере: оратор, несомненно, попросту перепутал двух знаменитых афинян — отца и сына[11].

Действительно, какой Мильтиад, сын Кимона, может иметься в виду в цитированном отрывке? Существуют два варианта. Во-первых, так звали знаменитого полководца, победителя при Марафоне. Но этого Мильтиада ко времени Малой Пелопоннесской войны давно уже не было в живых, так что о нем речь идти не может. Во-вторых, по сообщению одного позднего автора (Schol. Aristid.p.151.8 Jebb = III.p.515 Dindorf), сын вышеупомянутого Мильтиада — не менее знаменитый Кимон, в свою очередь, назвал одного из своих сыновей Мильтиадом, что дает то же сочетание имени и патронимика. Эта информация, несмотря на поздний характер, вполне может быть достоверной: и вправду, странно было бы, если бы Кимон пренебрег общепринятым в Афинах обычаем и не дал какому-нибудь из сыновей (скорее всего старшему) имя деда[12]. Характерно, однако, что о жизни этого Мильтиада, сына Кимона (младшего), мы решительно ничего не знаем. Это дает основания заключить, что он либо умер в детстве, либо не играл впоследствии никакой роли в политической жизни Афин, в отличие от некоторых из своих братьев (Лакедемония, Фессала). Следовательно, и этот Мильтиад тоже никак не подходит на роль жертвы остракизма.

Впрочем, главное, собственно, даже не в этом. Весь контекст рассматриваемого сообщения Андокида совершенно однозначно говорит о том, что в нем должен иметься в виду не Мильтиад, сын Кимона, а *Кимон, сын Мильтиада*. Именно Кимон, а не кто-либо другой, в середине 450-х гг. до н. э. был досрочно возвращен из остракизма, дабы содействовать скорейшему заключению перемирия со Спартой. Об этом согласно свидетельствуют все письменные источники (см. их перечень выше, при имени Кимона). Стало быть, оратор в этом месте по своему обыкновению, попросту напутал, как мы и предположили с самого начала. А возможно, здесь вообще имеет место ошибка не автора, а переписчика, переставившего местами личное имя и патронимик. В свете вышесказанного нам представляется даже несколько странным, что некоторые (правда, очень немногие) исследователи склонны все-таки признавать остракизм Мильтиада, сына Кимона, относя его ко времени около 455 г. до н. э. или несколько позже[13]. Для этого, повторим, нельзя подыскать сколько-нибудь серьезных оснований.

---

[10] *Фролов Э. Д.* Из истории политической борьбы в Афинах в конце V века до н. э. (Андокид и процесс гермокопидов) // *Андокид.* Речи. СПб., 1996. С. 23.

[11] Характерно, что точно такую же ошибку допускает несколько позже еще один аттический оратор — Эсхин (II.172).

[12] Об этом обычае см.: *Суриков И. Е.* О некоторых особенностях генеалогической традиции... С. 173.

[13] *Valeton I. M. J.* Op. cit. V. 16. P. 164; *Calderini A.* Op. cit. P. 63. Ср. также: *Scheidel W.* T 24. Andokides 3, 3—4 (392/1 v. Chr.): die Rückkehr des ostrakisierten Miltiades (493 v. Chr.?) // OT. S. 342—349 (в этой работе, как нам представляется, простой сам по

* * *

Перейдем теперь к остракизмам категории (а), то есть к тем, которые надежно зафиксированы в источниках и к тому же строго привязаны к каким-либо хронологическим реперам, что позволяет дать им весьма точную датировку. Прежде всего следует упомянуть группу первых в истории классических Афин остракофорий, состоявшихся в 480-х гг. до н. э. На этом хронологическом отрезке (между Марафоном и Саламином) остракизму были подвергнуты пять афинских граждан: Гиппарх, сын Харма, Мегакл, сын Гиппократа, неизвестное по имени лицо из группировки «друзей тиранов» (ниже мы предложим некоторые соображения об идентификации этого афинянина, а пока будем условно называть его «неизвестным»), Ксантипп, сын Арифрона, и, наконец, Аристид, сын Лисимаха. К счастью, для всех перечисленных остракофорий у нас есть великолепный источник — 22-я глава «Афинской политии» Аристотеля, где весь соответствующий фактический материал расположен в правильном порядке и датирован именами эпонимных архонтов и указаниями на одновременно происходившие важные события.

Последовательность первых остракофорий излагается в трактате следующим образом. Спустя два года (διαλιπόντες ἔτη δύο) после сражения при Марафоне афиняне впервые применили закон об остракизме, и изгнанию подвергся Гиппарх. На следующий год (εὐθὺς δὲ τῷ ὑστέρῳ ἔτει), в архонтство Телесина, той же мере подвергся Мегакл. Таким образом, пишет Стагирит, в течение трех лет (ἐπὶ μὲν οὖν ἔτη γ) изгоняли «друзей тиранов»; из этих слов и следует, что после Гиппарха и Мегакла была еще какая-то третья жертва остракизма, не названная по имени. На четвертый год (τῷ τετάρτῳ ἔτει) остракизм был применен к Ксантиппу. На третий год после этого (ἔτει δὲ τρίτῳ μετὰ ταῦτα), в архонтство Никодема, изгнан был Аристид. Наконец, на четвертый год (τετάρτῳ δ' ἔτει), в архонтство Гипсехида, всех политиков, ставших жертвами остракизма, досрочно возвратили на родину из-за опасности, сложившейся в связи с началом похода Ксеркса.

Таким образом, «Афинская полития» дает для рассматриваемого хронологического отрезка две точно датируемые «точки отсчета», верхнюю и нижнюю: Марафонскую битву (архонтство Фениппа, 490/489 г. до н. э.) и начало похода Ксеркса (архонтство Гипсехида, 481/480 г. до н. э.). Следующим архонтом (480/479 г. до н. э.) был Каллиад, при котором, как известно, состоялось Саламинское сражение[14]. Теперь, если посчитать от года Марафона, то

себе вопрос без надобности усложнен и запутан).

[14] См. работы, в которых предпринимается наиболее фундаментальная и аргументированная попытка датировать всех известных из источников ранних эпонимных архонтов, в том числе и лиц, занимавших эту должность в 480-х гг. до н. э.: *Cadoux T. J.* The Athenian Archons from Kreon to Hypsichides // JHS. 1948. V. 68. P. 70—123; *Develin R.* Athenian Officials... P. 57 f. Аристотель, приводя данные по

окажется, что остракизм Гиппарха придется на 488/487 г., остракизм Мегакла — на 487/486 г., остракизм «неизвестного» — на 486/485 г., остракизм Ксантиппа — на 485/484 г., а остракизм Аристида — на 483/482 г. Правда, затем получится некоторая неувязка: ведь выходит, что возвращение изгнанников на деле состоялось на третий год после изгнания Аристида, а не на четвертый, как написано у Аристотеля. Неизбежно приходится признать какую-то ошибку, иначе даты, приводимые в рассматриваемом пассаже, будут противоречить друг другу. Нам представляется, что ошибка, о которой идет речь, принадлежит не самому Аристотелю, а появилась в результате искажений при переписке трактата. Вообще довольно многие цифры, фигурирующие в «Афинской политии», подверглись такого рода искажениям. Именно так обстоит дело, например, с датировками Аристотеля, относящимися к тирании Писистратидов в VI в. до н. э.[15]

Насколько можно судить, изначально в тексте «Афинской политии» речь должна была идти о возвращении изгнанников не на четвертом, а на третьем году после остракизма Аристида. Коррелятом в данном случае может служить Плутарх, который в своем жизнеописании Аристида как раз говорит о том, что этот политик был возвращен на третьем году (τρίτῳ δ' ἔτει) своего изгнания (Plut.Aristid.8). Совсем иначе у римского биографа Аристида — Корнелия Непота: по его словам (Nep.Aristid.1), возвращение Аристида состоялось приблизительно на шестом году после того, как он был изгнан (sexte fere anno quam erat expulsus). Но Непот, который в данном случае слишком уж сильно выбивается из общей хронологической схемы, противореча как Плутарху, так и Аристотелю, в целом пользуется заслуженной репутацией большого путаника. К тому же употребление слова fere говорит о том, что этот римский автор и сам-то не был уверен в правильности приводимой им даты.

Принимая датировки Аристотеля (с поправкой на Плутарха) и учитывая, что остракофории проводились во второй половине архонтского года

афинским эпонимам, вне сомнения, опирался на выставленный во второй половине V в. до н. э. на Агоре список архонтов (некоторые фрагменты этой огромной надписи дошли до наших дней; см. их публикацию: *Bradeen D.* The Fifth-Century Archon List // Hesperia. 1964. V. 32. № 2. P. 187—208). Не можем здесь не сказать хотя бы нескольких слов о попытке пересмотра всей ранней греческой хронологии, предпринятой недавно Д. В. Панченко (*Panchenko D.* Democritus' Trojan Era and the Foundations of Early Greek Chronology // Hyperboreus. 2000. V. 6. Fasc. 1. P. 31—78). Выводы этого исследователя о датировках некоторых архонтов начала V в. до н. э. представляются нам неприемлемыми. Так, он считает возможным отнести архонтат Фемистокла не к 493/2 г., как обычно делается, а к 481/480 г. Однако это вступает в прямое противоречие с данными Аристотеля, согласно которым, как мы видели, архонтом 481/480 г. был Гипсехид.

[15] См.: *Heidbüchel F.* Die Chronologie der Peisistratiden in der Atthis // Philologus. 1957. Bd. 101. Ht. 1/2. S. 70—89.

(подробнее о сроке их проведения будет говориться в гл. III, п. 1)[16], получаем следующую хронологическую схему: 487 г. — остракизм Гиппарха; 486 г. — остракизм Мегакла; 485 г. — остракизм «неизвестного»; 484 г. — остракизм Ксантиппа; 483 г. — остракофория не проводилась или закончилась безуспешно; 482 г. — остракизм Аристида; 481 г. — остракофория не проводилась, очевидно, по причине ставшей уже ясной всем надвигающейся персидской опасности; 480 г. — досрочное возвращение жертв остракизма.

Именно эта хронология, как наиболее вероятная (можно сказать, практически неоспоримая), принята подавляющим большинством исследователей, занимавшихся первыми остракофориями[17]. Встречающиеся иногда отклонения от этой схемы по большей части представляют собой плод недоразумения. Так, в некоторых работах можно увидеть такие датировки: остракизм Гиппарха — 488 г., остракизм Мегакла — 487 г. и т. д.[18]. Но их авторы просто не учитывают вышеупомянутого обстоятельства: остракофории проводились во второй половине года, и применительно к ним датировку, скажем, 488/487 годом следует понимать как 487, а не 488 г. Попадались нам и другие случаи ни на чем всерьез не основанных отклонений от общепринятой хроно-

---

[16] Афинский год начинался месяцем гекатомбеоном (конец июля — август). О календарях, использовавшихся в Афинах (сакральном, основанном на месяце, и гражданском, основанном на притании), см.: *Samuel A.E.* Greek and Roman Chronology: Calendars and Years in Classical Antiquity. München, 1972. P. 57 ff.

[17] *Lübker F.* Reallexikon des klassischen Altertums. 8 Aufl. Lpz., 1914. S. 748; *Broneer O.* Excavations... P. 242; *Burn A. R.* Pericles and Athens. L., 1948. P. 13; *Raubitschek A. E.* Athenian Ostracism... P. 119; *Labarbe J.* La loi navale de Thémistocle. P., 1957. P. 103; *Willemsen F.* Ostraka... S. 105; *Schaefer H.* Op. cit. Sp. 1344; *Guarducci M.* Op. cit. V. 2. P. 529; *Tarkiainen T.* Op. cit. S. 114; *Thomsen R.* Op. cit. P. 86; *Bicknell P. J.* Athenian politics... P. 152; *Sealey R.* Op. cit. P. 186; *Kinzl K. H.* Athens... P. 221; *Lenardon R. J.* The Saga... P. 47; *Bengtson H.* Op. cit. S. 50; *Knox R. A.* Op. cit. P. 142; *Piccirilli L.* Temistocle, Aristide... P. 12; *Meiggs R., Lewis D.* Op. cit. P. 40; *Littman R. J.* Op. cit. P. 165 ff.; *Lang M.* Ostraka... P. 35; *Mattingly H. B.* The Practice... P. 1; *Lavelle B. M.* The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560—510 B. C. Stuttgart, 1993. P. 38; *Doenges N. A.* The Campaign and Battle of Marathon // Historia. 1998. Bd. 47. Ht. 1. S. 15; *Camp J. M.* Excavations... 1996 and 1997. P. 268; *Anderson G.* Op. cit. P. 387; *Карпюк С. Г.* Клисфеновские реформы... С. 20; *Строгецкий В. М.* Полис и империя... С. 39; *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. С. 217.

[18] Например: *Martin A.* Notes... P. 6; *McGregor M. F.* The Pro-Persian Party at Athens from 510 to 480 B. C. // Athenian Studies Presented to W. S. Ferguson. Cambridge Mass., 1940. P. 87; *Tod M. N.* Op. cit. P. 16; *Williams G. M. E.* Op. cit. P. 103; *Lazenby J. F.* Op. cit. P. 81; *Обнорский Н. П.* Ук. соч. С. 344 (в этой работе остракизм Ксантиппа почему-то датирован вообще 468 г., что явно неверно; очевидно, в издании проскользнула опечатка, и читать следует 486 г.).

логии, например, отнесение остракизма Мегакла к 485 г.[19], остракизма Ксантиппа к 485 г.[20] или к 483 г.[21], остракизма Аристида к 483 г.[22] По сути дела, всё это не что иное, как неточности, впрочем, неточности незначительные и вполне извинительные для тех специалистов, которые не погружались специально в темные глубины дискуссионных хронологических вопросов. В самом деле, что значит разница в год-другой sub specie aeternitatis! И ведь не всем же корпеть над скучноватыми проблемами хронологии.

Нам известна лишь одна по-настоящему аргументированная попытка предложить альтернативную, отличающуюся от общепринятой хронологию первых остракофорий. Эта попытка принадлежит А. Раубичеку[23], который смещает даты рассматриваемых событий, делая их на один год позже: остракизм Гиппарха падает по этой схеме на 486 г., остракизм Мегакла — на 485 г., остракизм Ксантиппа — на 483 г., остракизм Аристида — на 481 г. Аргументация исследователя такова. В основном папирусном манускрипте «Афинской политии» (22.7) остракизм Аристида датирован «архонтством Никомеда», а в так называемом берлинском фрагменте — «архонтством Никодема» Обычно издатели (и вполне оправданно) принимают чтение «Никодем», поскольку именно в таком виде имя архонта 483/482 г. до н. э. стоит у Дионисия Галикарнасского (Ant.Rom.VIII.83). Раубичек же признает правильным чтение «Никомед» и предлагает считать, что эпонимную магистратуру в Афинах последовательно занимали два гражданина с очень похожими именами: Никодем, упоминаемый Дионисием (483/482 г.), и Никомед, якобы фигурирующий у Аристотеля (482/481 г.). Именно в этом последнем году был изгнан Аристид, а, следовательно, и датировки всех остальных остракофорий рассматриваемого десятилетия следует сдвинуть на один год в сторону Саламинской битвы.

Предложенная Раубичеком хронология принята некоторыми (впрочем, очень немногими) специалистами[24]. Нам она представляется не слишком убедительной, поскольку, во-первых, заставляет прибегать к неверифицируе-

---

19 *De Sanctis G.* Da Clistene... P. 302.

20 *Арский Ф. Н.* Перикл. М., 1971. С. 215.

21 *Frost F. J.* Themistocles' Place... P. 116; *Ridgway B. S.* An Issue of Methodology: Anakreon, Perikles, Xanthippos // AJA. 1998. V. 102. № 4. P. 720. Эти исследователи почему-то полагают, что три года, в течение которых, по данным «Афинской политии», изгоняли «друзей тиранов», следует отсчитывать от остракизма Мегакла. Соответственно, между ним и Ксантиппом оказывается не одна, а две неизвестных по имени жертвы остракизма. Нам, однако, представляется очевидным, что первым изгнанным «другом тиранов» следует считать не Мегакла, а Гиппарха — представителя рода Писистратидов и «друга тиранов» по преимуществу.

22 *Prestel G.* Die antidemokratische Strömung im Athen des 5. Jahrhunderts bis zum Tod des Perikles. Breslau, 1939. S. 24.

23 *Raubitschek A. E.* Die Rückkehr...

24 *Musti D.* Op. cit.; *Гинзбург С. И.* Остракизм как орудие... С. 32 слл.

мым допущениям, а, во-вторых, в какой-то степени совершать насилие над текстом Аристотеля, где прямо сказано, что первый остракизм (изгнание Гиппарха) состоялся через два, а не три года после Марафона. Кроме того, мы сильно сомневаемся, что в условиях предвоенного 481 г. до н. э. (а война в это время уже нависала над афинским горизонтом, и это было очевидным для всех) афиняне пошли бы на проведение остракофории — меры, безусловно раскалывавшей гражданский коллектив, пусть даже и для того, чтобы потом с новой силой сплотить его. По нашему мнению, традиционная хронологическая схема является во всех отношениях предпочтительной. То же отрицательное мнение выскажем и о попытке Ж. Каркопино «перенести» остракизм Аристида в 484 г. до н. э.[25] Остракофории 480-х гг. очень уж привязаны в плане датировок друг к другу. Стоит тронуть одну, и «поедут» все остальные: окажется, что Гиппарха изгоняли остракизмом в один архонтский год с Марафонской битвой, и придется ломать голову над тем, как (и зачем?) атетировать сообщение «Афинской политии» о двухлетнем промежутке между этими событиями.

К той же категории надежно датируемых остракизмов следует отнести остракизм Кимона. Относительно его датировки в исследовательской литературе существует редкостное единогласие: не считая буквально единичных исключений, практически все писавшие об этом событии антиковеды относят его к 461 г. до н. э.[26] Попробуем проверить, насколько убедительна такая дата, и с этой целью рассмотрим исторический контекст остракизма этого афинского аристократического вождя. Искомый контекст наиболее подробно излагается у Плутарха (Cim.15—17). В то время как Кимон находился за пределами Аттики (он возглавлял афинский отряд, по его же инициативе направленный на помощь спартанцам против мессенских илотов), лидер демократической группировки Эфиальт, воспользовавшись отсутствием своего главного противника, провел знаменитую реформу Ареопага, в ходе которой полномочия этого авторитетного органа были изрядно урезаны[27]. Кимон, возвратив-

---

[25] *Carcopino J.* L'ostracisme... P. 111.

[26] *Martin A.* Notes... P. 7; *Prestel G.* Op. cit. S. 38; *Peek W.* Op. cit. S. 62; *Reinmuth O. W.* Ostrakismos (RE). Sp. 1681; *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 2. P. 369; *Wade; Gery H. T.* Op. cit. P. 227; *Guarducci M.* Op. cit. V. 2. P. 530; *Mattingly H. B.* Facts and Artifacts... P. 287; *Thomsen R.* Op. cit. P. 84; *Bayer E., Heideking J.* Die Chronologie des perikleischen Zeitalters. Darmstadt, 1975. S. 121; *Phillips D. J.* Athenian Ostracism... P. 28; *Bengtson H.* Op. cit. S. 103; *Knox R. A.* Op. cit. P. 141; *Meiggs R., Lewis D.* Op. cit. P. 40; *Lang M.* Ostraka... P. 4; *Cromey R. D.* The Mysterious Woman... P. 91; *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P. 101; *Арский Ф. Н.* Ук. соч. С. 215; *Строгецкий В. М.* Полис и империя... С. 50; *Гинзбург С. И.* Остракизм как орудие... С. 32 слл.

[27] О реформе Эфиальта нам уже приходилось писать. См.: *Суриков И. Е.* Афинский ареопаг в первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23—40 (с указаниями на предшествующую литературу вопроса). См. также недавние работы, в которых пред-

шись из похода (афинский контингент, как известно, был в довольно унизительной форме отослан спартанскими властями[28]), пытался протестовать против разрушения власти древнего совета, но проиграл этот «раунд» политической борьбы и был подвергнут изгнанию, поскольку демос считал его косвенным виновником нанесенного лакедемонянами оскорбления. Таким образом, остракизм Кимона в афинской политической жизни был тесно связан с реформой Эфиальта[29].

Сама же эта реформа приурочивается в «Афинской политии» Аристотеля (25.2) к архонтству Конона, т.е. к 462/461 г. до н. э., и является вообще одним из наиболее надежно датируемых событий истории Афин середины V в. до н. э. Таким образом, и в определении времени изгнания Кимона, действительно, не возникает никаких затруднений: есть все основания отнести его остракизм к весне 461 г. до н. э. Соответственно, иные датировки (крайне редко, но все-таки встречающиеся), такие, как 460[30] или даже 459[31] г. до н. э., не могут быть приняты, поскольку они прямо противоречат источникам.

лагается трактовка реформы Эфиальта, близкая к нашей: *Hall L. G. H.* Ephialtes, the Areopagus and the Thirty // ClQ. 1990. V. 40. № 2. P. 319—329; *Rihll T. E.* Democracy Denied: Why Ephialtes Attacked the Areiopagus // JHS. 1995. V. 115. P. 87—98.

28 Последняя работа об этом событии: *Bloedow E. F.* Why did Sparta Rebuff the Athenians at Ithome in 462 B. C.? // AHB. 2000. V. 14. № 3. P. 89—101.

29 Высказывалось предположение, что на самом деле реформа Эфиальта была проведена скорее уже после изгнания Кимона, поскольку ранее того лидер демократов вряд ли решился бы бросить прямой вызов самому влиятельному в Афинах политику, каким являлся Кимон. См.: *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 2. P. 369; *Badian E.* Op. cit. P. 95—96. Приводятся соответствующие исторические параллели (Фемистокл, приступивший к реализации своей морской программы не раньше, чем был изгнан Аристид, и т. п.). Таким образом, Плутарх уличается в грубой ошибке, но справедливо ли? Мы в принципе согласны с тем, что херонейский моралист — не самый безупречный с точки зрения достоверности автор. Тем не менее сообщение Плутарха — это все-таки свидетельство источника, и оно, во всяком случае, перевешивает положенные на другую чашу весов чисто умозрительные доводы современных антиковедов. Обратим внимание еще на одно любопытное обстоятельство: ни на одном из открытых в Афинах остраконов не прочитано имя Эфиальта. Это заставляет задаться вопросами: а действительно ли Эфиальт сыграл главную роль в событиях 462/461 г. до н. э.? А не был ли действительным инициатором реформы Ареопага Перикл? Собственно, именно так и говорят некоторые авторы (Arist.Pol.1274a10; Ath.pol.27.1; Plut.Pericl.9; Mor.812d). Но эта проблема могла бы стать предметом отдельного исследования. Некоторые предварительные замечания см.: *Суриков И. Е.* Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. 2002. № 1. С. 22—23.

30 *Tarkiainen T.* Op. cit. S. 114; *Mattingly H. B.* The Practice... P. 13. Здесь Маттингли противоречит своей же более ранней работе.

31 *Valeton I. M. J.* Op. cit. V. 16. P. 164; *Carcopino J.* L'ostracisme... P. 112.

В связи с остракизмом Кимона следует коснуться еще одного обстоятельства. Как уже упоминалось выше, этот политик не пробыл в изгнании всего положенного срока. Демос досрочно возвратил его на родину. Произошло это вскоре после неудачной для афинян битвы со спартанцами при Танагре (457 г. до н. э.). Желая взять передышку в Малой Пелопоннесской войне и для этого заключить со Спартой перемирие, афинские власти сочли, что нет лучшей кандидатуры для ведения такого рода переговоров, чем Кимон, являвшийся спартанским проксеном и вообще пользовавшийся авторитетом в Лакедемоне. Историк IV в. до н. э. Феопомп (FGrHist.115.F88) сообщает, что Кимон был возвращен еще до истечения пяти лет с момента его изгнания (οὐδέπω δὲ πέντε ἐτῶν παρεληλυθότων). Иного мнения, как нередко бывает, держится Непот (Cim.3), утверждающий, что пять лет между остракизмом Кимона и его возвращением все-таки прошли (post annum quintum, quam expulsus erat, in patriam revocatus est). Очевидно, Феопомпу все-таки следует отдать предпочтение перед римским биографом. Следовательно, наиболее вероятно, что досрочное завершение остракизма Кимона должно быть датировано тем же 457 г. до н. э.

Довольно экзотическую гипотезу по поводу рассматриваемого события предложил Э. Бадиан[32]. По его мнению, Кимон хотя и был в 457 г. до н. э. возвращен в Афины, но без права заниматься политической деятельностью до истечения официального срока изгнания, т. е. до 451 г. до н. э. Иными словами, остракизм в данном случае был фактически заменен атимией. На наш взгляд, крайне сомнительное предположение. Если Кимон был лишен политических прав, как же он мог вести от имени полиса переговоры со спартанцами, завершившиеся пятилетним перемирием[33]? Ведь для этого же, собственно, его и возвращали!

* * *

На очереди — остракизмы категории (б), то есть те, историчность которых тоже не вызывает сомнений, но датировки колеблются в пределах нескольких лет. Таким образом, придется иметь дело с несколько более сложным материалом, чем тот, что рассматривался ранее. Будем обращаться к остракофориям данной категории в хронологическом порядке и начнем с изгнания Фемистокла.

Относительно этого события афинской истории разброс мнений достаточно велик. Предлагались следующие даты: 473 г.[34], 472 г.[35], 471 г.[36],

---

[32] *Badian E.* Op. cit. P. 18.

[33] Об упомянутом перемирии, состоявшемся, во всяком случае, не позже 453 г. до н. э., см.: *Bengtson H.* Die Staatsverträge des Altertums. Bd. 2. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr. B., 1962. S. 46 (№ 143).

[34] *Martin A.* Notes... P. 7; *Lenardon R.J.* The Chronology... P. 48; *Papastavrou J.* Themistokles: Die Geschichte eines Titanen und seiner Zeit. Darmstadt, 1978. P. 93;

470 г.[37] до н. э. Встречаются и более приблизительные датировки, относящие остракизм Фемистокла ко второй половине 470-х гг. без попыток дальнейшего уточнения[38]. Строго говоря, если быть наиболее осторожным, на этой расплывчатой датировке и стоило бы остановиться, констатируя неопределенность хронологии и практическую невозможность категорического суждения, уточняющего дату. Нам, однако, представляется, что ближе к истине те исследователи (кстати, их большинство), которые дают более позднюю дату. И действительно, Диодор (XI.55), опирающийся в этом месте, скорее всего, на Эфора, рассказывает об остракизме Фемистокла в контексте событий 471/470 г. до н. э. Правда, известно, что сицилийский историк имел обыкновение объединять под одним годом сообщения о событиях, в действительности происходивших в течение нескольких лет, поэтому его указание не может стать решающим аргументом. Тем не менее считаем возможным дать следующую формулировку: наиболее вероятной и наиболее приемлемой (хотя и не единственно возможной) датировкой изгнания Фемистокла можно признать весну 470 г. до н. э.

Интересно, что остракизм Фемистокла тоже не продолжался полных десяти лет. Через какое-то время после изгнания этого политика в Афинах состоялся заочный суд над ним по обвинению в персидской измене (наиболее подробно см.: Thuc.I.135 sqq.; Plut.Them.23 sqq.)[39]. Фемистокл был при-

---

Piccirilli L. Temistocle, Aristide... P. 12.

35 *Knox R.A.* Op. cit. P. 142.

36 *Robinson C.A.* The Date... P. 266; *Willemsen F.* Ostraka... S. 106; *Tarkiainen T.* Op. cit. S. 114; *Bengtson H.* Griechische Staatsmänner... S. 67; *Mattingly H.B.* The Practice... P. 10; *Thommen L.* Spielräume der Demokratie: Der Prozeß gegen Themistokles // GPAA. S. 88; *Берве Г.* Ук. соч. С. 218; *Арский Ф.Н.* Ук. соч. С. 215.

37 *Valeton I.M.J.* Op. cit. V. 16. P. 164; *Cary M.* Op. cit. P. 162; *Carcopino J.* L'ostracisme... P. 111; *Prestel G.* Op. cit. S. 31; *Forrest W.G.* Op. cit. P. 239; *Bayer E., Heideking J.* Op. cit. S. 110; *Barrett J.F.* Op. cit. P. 305; *Schumacher L.* Themistokles und Pausanias: Die Katastrophe der Sieger // Gymnasium. 1987. Bd. 94. S. 240; *Badian E.* Op. cit. P. 88; *Brenne S.* T 15... S. 249; *Гинзбург С.И.* Остракизм как орудие... С. 33.

38 *Tod M.N.* Op. cit. P. 16; *Flaceliure R.* Op. cit. P. 5; *Guarducci M.* Op. cit. V. 2. P. 520; *Frost F.J.* Themistocles' Place... P. 121; *Delvoye Ch.* Art et politique a Athènes a l'époque de Cimon // Le monde grec: Hommages a Claire Préaux. Bruxelles, 1978. P. 802; *Phillips D.J.* Athenian Ostracism... P. 28; *Meiggs R., Lewis D.* Op. cit. P. 40; *Lang M.* Ostraka... P. 4; *Строгецкий В.М.* Полис и империя... С. 43.

39 О суде над Фемистоклом см.: *Строгецкий В.М.* Диодор Сицилийский о процессах против Фемистокла и Павсания (XI, 39—47; 54—59) // ИИАО. 1979. С. 3—28; *Konishi H.* Thucydides' Method in the Episodes of Pausanias and Themistocles // AJPh. 1970. V. 91. № 1. P. 52—69; *Rhodes P.J.* Thucydides on Pausanias and Themistocles // Historia. 1970. Bd. 19. Ht. 4. S. 387—400; *Westlake H.D.* Thucydides on Pausanias and Themistocles — a Written Source? // ClQ. 1977. V. 27. № 1. P. 95—110; *Ruggeri C.* Il processo «panellenico» di Temistocle // CISA. 1996. V. 22. P. 29—35; *Thommen L.* Op. cit.

говорен к смерти и объявлен в розыск, что и привело его в конечном счете ко двору персидского царя. Естественно, с момента вынесения смертного приговора он уже не считался изгнанным остракизмом, а имел совершенно иной статус. Когда конкретно происходил суд над Фемистоклом — вопрос еще более дискуссионный, тем более что он тесно связан с проблемой последних лет деятельности спартанского регента Павсания, тоже обвиненного в «мидизме», а в этой проблеме самой по себе тоже много неясного[40]. Мы склоняемся к тому, что казнь Павсания и осуждение Фемистокла имели место в 467 г. до н. э.; впрочем, точная дата в данном конкретном случае не имеет принципиального значения, поскольку не относится напрямую к истории афинского остракизма.

Жертвой следующего остракизма, входящего в рассматриваемую сейчас категорию, стал Фукидид, сын Мелесия. Сведения об этом остракизме приходится признать довольно скудными. Наиболее информативен с хронологической точки зрения пассаж Плутарха о Перикле (Plut.Pericl.16): μετὰ δὲ τὴν Θουκυδίδου κατάλυσιν καὶ τὸν ὀστρακισμὸν οὐκ ἐλάττω τῶν πεντεκαίδεκα ἐτῶν διηνεκῆ καὶ μίαν οὖσαν ἐν ταῖς ἐνιαυσίοις στρατηγίαις ἀρχὴν καὶ δυναστείαν κτησάμενος, ἐφύλαξεν ἑαυτὸν ἀνάλωτον ὑπὸ χρημάτων. Из этих слов следует, что после изгнания Фукидида Перикл *не менее* пятнадцати лет подряд *непрерывно* занимал должность стратега, то есть был избираем на нее ежегодно. Говоря о пятнадцати годах, биограф, естественно, имеет в виду архонтские годы (от гекатомбеона до гекатомбеона).

Очевидно, возможны два подхода к данному свидетельству Плутарха: учитывать его или не принимать во внимание как недостоверное сообщение позднего автора. В последнем случае открывается широкий простор для полета исследовательской фантазии и появляется возможность отнести остракизм Фукидида ad libitum к любой мыслимой дате, например, к 438—436 гг. до н. э., как делают П. Кренц, Г. Маттингли и вслед за ними ряд других исследователей[41]. Нам, однако, такой подход представляется совершенно неконструктивным. Одно из двух: либо свидетельство Плутарха заслуживает внимательного к себе отношения, либо мы вообще должны отказаться от попытки датировать рассматриваемое событие за отсутствием каких бы то ни было критериев.

Несравненно более убедительным поэтому является, на наш взгляд, отнесение остракизма Фукидида ко второй половине 440-х гг. до н. э., принятое

---

[40] Основную литературу о «деле Павсания» см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 237. Дискуссии о позитивном или негативном значении деятельности Фемистокла шли в Афинах еще долго после его удаления из полиса. Эти дискуссии выплескивались даже на театральную сцену. См., например: *Fuscagni S.* La condanna di Temistocle e l'*Aiace* di Sofocle // Istituto lombardo. Accademia di scienze e lettere. Rendiconti. Classe di lettere e scienze morali e storiche. 1979. V. 113. P. 167—187.

[41] *Krentz P.* Op. cit. P. 499 ff.; *Mattingly H. B.* The Practice... P. 18. Ср. также: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 303 (возможно, Фукидид был изгнан не ранее 439 г. до н. э.).

в большинстве работ. Чаще всего называется в интересующей нас связи 443 г.[42] Автору этих строк, однако, представляется еще более вероятным, что последний крупный политический противник Перикла был изгнан из Афин чуть раньше, скорее всего в 444 г. до н. э. (такая датировка также встречается в ряде работ, хотя и несколько реже, нежели предыдущая[43]). Попытаемся обосновать нашу позицию, для чего потребуется напомнить некоторые события начала Пелопоннесской войны.

Как известно, Перикл в конце своей жизни в силу ряда обстоятельств утратил взаимопонимание с демосом и постепенно лишился практически всего своего авторитета[44]. Весной 430 г. до н. э. он еще был избран стратегом на 430/429 г. (Thuc.II.59.3), однако начавшаяся летом эпидемия окончательно подорвала его репутацию; афинский «олимпиец» был досрочно отстранен от должности, отдан под суд и приговорен к крупному штрафу (Plut.Pericl.35). Весной 429 г. демос, смилостивившись над Периклом, вновь избрал его стратегом на 429/428 г. (Thuc.II.65.4), однако вскоре этот

---

[42] *Reinmuth O. W.* Ostrakismos (RE). Sp.1681; *Meinhardt E.* Perikles bei Plutarch. Diss. Frankfurt am Main, 1957. S. 45; *Raubitschek A. E.* Theopompos... P. 81; *Levi M. A.* Commento storico alla Respublica Atheniensium di Aristotele. Milano, 1968. V. 2. P. 274; *Idem.* Pericle e la democrazia ateniese. Milano, 1996. P. 211; *Guarducci M.* Op. cit. V. 2. P. 531; *Tarkiainen T.* Op. cit. S. 114; *Mattingly H. B.* Facts and Artifacts... P. 287 (опять отметим, что в двух работах разных лет Маттингли предлагает различные датировки для одного и того же события: весьма характерные для этого исследователя метаморфозы); *Thomsen R.* Op. cit. P. 82; *Kagan D.* The Peace of Nicias... P. 144; *Phillips D. J.* Athenian Ostracism... P. 28; *Knox R. A.* Op. cit. P. 142; *Cox C. A.* Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth-Century Athens // ClJ. 1989. V. 85. № 1. P. 36; *Meiggs R., Lewis D.* Op. cit. P. 40; *Lang M.* Ostraka... P. 5; *Mossé C.* Dictionnaire... P. 360; *Hölkeskamp K.-J.* Op. cit. S. 5; *Арский Ф. Н.* Ук. соч. С. 215; *Гинзбург С. И.* Остракизм как орудие... С. 34; *Строгецкий В. М.* Полис и империя... С. 63. Особенно следует отметить работу: *Wade-Gery H. T.* Op. cit. P. 239—270. Блестящее исследование Уэйд-Гери о Фукидиде, сыне Мелесия, впервые опубликованное в 1932 г. и позже вошедшее в его книгу «Очерки по греческой истории», можно считать одной из лучших работ, когда-либо появлявшихся по афинской политической истории V в. до н. э.; эта не очень большая статья стоит иных монографий. Столь высокая оценка работы Уэйд-Гери отнюдь не означает, конечно, нашей полной солидарности со всеми без исключения взглядами этого антиковеда. Встречается в литературе и датировка остракизма Фукидида 442 г. до н. э.: *Martin A.* Notes... P. 7.

[43] *Valeton I. M. J.* Op. cit. V. 16. P. 164; *Calhoun G. M.* Op. cit. P. 137; *Adcock F. E.* The Chronology of the Years 445—431 B. C. // CAH. V. 5. 1927. P. 474; *Carcopino J.* L'ostracisme... P. 112; *Andrewes A.* Op. cit. P. 7; *Piccirilli L.* Temistocle, Aristide... P. 94; *Idem.* L'ostracismo di Callia... P. 325 f.

[44] Об этих годах его жизни см.: *Ehrenberg V.* Sophocles and Pericles. Oxf., 1954; *Schachermeyr F.* Religionspolitik und Religiosität des Perikles. Wien, 1968; *Суриков И. Е.* Перикл и Алкмеониды... С. 30 слл.

политический лидер умер. Смерть Перикла произошла, по указанию Фукидида (II.65.6), через два с половиной года после начала войны, т. е. осенью 429 г. до н. э.[45]

А теперь просто посчитаем. Допустим, что Фукидид был изгнан весной 443 г., а, значит, период единоличной власти Перикла, о котором говорит Плутарх, следует отсчитывать с этого момента. Но в таком случае он никак не охватит собой пятнадцати лет, поскольку к весне 428 г. Перикла уже полгода как не было в живых. Либо Плутарх не умел производить несложные калькуляции, что все-таки маловероятно, либо 443 г. — не лучшая дата для остракизма Фукидида. Повторим, если уж мы принимаем свидетельство Плутарха, мы должны принимать его как оно есть, не делая допущений типа того, что биограф писал о пятнадцати годах, а при этом имел в виду четырнадцать или что-нибудь в этом роде. Итак, скорее 444 г., а, не исключено, даже 445 г., судя по тому, что Плутарх говорит о периоде власти Перикла, продолжавшемся «не менее» (οὐκ ἐλάττω) пятнадцати лет. Не менее — стало быть, возможно, и более. Как бы то ни было, исторический контекст остракизма Фукидида, сына Мелесия, в общем ясен. Рассматриваемое событие произошло вскоре после начала строительных работ на Акрополе[46], принятия Монетного декрета, резко ужесточившего контроль афинян над союзниками по Архэ[47], заключения Тридцатилетнего мира со Спартой. По всем этим вопросам в афинской экклесии шли бурные дебаты, и Фукидид выступал главным оппонентом Перикла[48].

Пожалуй, чаще всего обсуждалась в исследовательской литературе датировка последней остракофории, проведенной по инициативе демагога Ги-

---

[45] О последних стратегиях Перикла см.: *Fornara Ch. W.* The Athenian Board of Generals... P. 42.

[46] О строительной программе Перикла см.: *Суриков И. Е.* Перикл и Алкмеониды... С. 29—30 (со ссылками на предшествующую литературу); *Строгецкий В. М.* Строительная политика Перикла и «культурная» экспансия Афин // АКРА. Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2002. С. 142—148.

[47] Вопреки периодически повторяющимся попыткам доказать, что Монетный декрет (IG.I³.1453) был принят в период Пелопоннесской войны (из последних работ такой направленности см.: *Mattingly H. B.* New Light on the Athenian Standards Decree (ATL II, D 14) // Klio. 1993. Bd. 75. S. 99—102; *Idem.* The Athenian Empire Restored: Epigraphic and Historical Studies. Ann Arbor, 1996. P. 5 ff.; *Howgego Chr.* Ancient History from Coins. L.; N.Y., 1995. P. 44; *Стрелков А. В.* Афинский монетный декрет // Нумизматика и эпиграфика. 1999. Т. 16. С. 25—47), мы по-прежнему убеждены в большей правомерности его традиционной датировки 440-ми гг. (*Starr Ch. G.* Athenian Coinage 480—449 B. C. Oxf.,1970. P. 70 f.; *Meiggs R., Lewis D.* Op. cit. P. 111 ff.). Нашу точку зрения см.: *Суриков И. Е.* Полемика о датировке Афинского монетного декрета: к оценке аргументации сторон // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. М., 2002. С. 9—10.

[48] Подробнее см.: *Meyer H. D.* Thukydides Melesiou und die oligarchische Opposition gegen Perikles // Historia. 1967. Bd. 16. Ht. 2. S. 141—154.

пербола[49], который намеревался «столкнуть лбами» двух протагонистов тогдашней афинской политики — Никия и Алкивиада. В последний момент план Гипербола дал сбой: как пишет Плутарх, опять же наиболее подробно сообщающий обо всем эпизоде (сразу в трех биографиях — жизнеописаниях Аристида, Никия и Алкивиада — рассказывается об интересующей нас остракофории), два вышеназванных политика «сговорились»[50], и в результате изгнанным из Афин оказался сам демагог[51]. По античной традиции, именно этот неожиданный исход оказал решающее влияние на прекращение практики остракизма. Однако данная тема — о причинах выхода остракизма из употребления — будет специально рассмотрена ниже (гл. V), а здесь мы коснемся прежде всего проблем хронологии, попытавшись дать по возможности максимально точную временную привязку рассматриваемого события.

Плутарх, наш основной источник по данному сюжету, как всем прекрасно известно, и как мы уже отмечали в источниковедческом разделе, не практиковал изложения деятельности своих героев в строгой хронологической последовательности, и это была его принципиальная позиция. Из сочинений херонейского биографа можно почерпнуть лишь некую весьма приблизительную датировку последней остракофории — между Мантинейской битвой (418 г. до н. э.) и началом Сицилийской экспедиции. Иными словами, остракизм Гипербола состоялся весной 417, 416 или 415 г. до н. э. В целом расхождение в датах небольшое, и, казалось бы, дальнейшая детализация не столь уж и насущна. Но слишком уж насыщен событиями, слишком уж важен во многих отношениях интересующий нас период афинской истории, и от установления правильной последовательности событий, от постановки их в непротиворечивый исторический контекст зачастую зависит верное понимание всей политической жизни этих лет. Поэтому отнюдь не случайно, что вопрос о точной датировке последнего остракизма стал предметом оживленных дискуссий в антиковедении; выходили, насколько нам известно, десятки работ, в том или ином аспекте затрагивавших эту проблему. К единому мнению и по сей день прийти не удалось[52]; впрочем, достаточно серьезные результаты все же имеются.

---

[49] Специально о Гиперболе см.: *Camon F.* Le cariche pubbliche di Iperbolo // GIF. 1963. V. 16. Fasc. 1. P. 46—59; *Карпюк С. Г.* Гипербол...

[50] Plut.Aristid.7: Ἀλκιβιάδης καὶ Νικίας μέγιστον ἐν τῇ πόλει δυνάμενοι διεστασίαζον. ὡς οὖν ὁ δῆμος ἔμελλε φέρειν τὸ ὄστρακον καὶ δῆλος ἦν τὸν ἕτερον γράψων, διαλεχθέντες ἀλλήλοις καὶ τὰς στάσεις ἑκατέρας εἰς ταὐτὸ συναγαγόντες, τὸν Ὑπέρβολον ἐξοστρακισθῆναι παρεσκεύασαν. Plut.Nic.11: συνιδόντες οὖν τὴν μοχθηρίαν οἱ περὶ τὸν Νικίαν καὶ τὸν Ἀλκιβιάδην, καὶ λόγον δόντες ἀλλήλοις κρύφα, καὶ τὰς στάσεις συναγαγόντες εἰς ἓν ἀμφοτέρας καὶ ἀναμείξαντες, ἐκράτησαν ὥστε μηδέτερον αὐτῶν, ἀλλὰ τὸν Ὑπέρβολον ἐξοστρακισθῆναι. Plut.Alc.13: συνήγαγε τὰς στάσεις εἰς ταὐτὸν ὁ Ἀλκιβιάδης, καὶ διαλεχθεὶς πρὸς τὸν Νικίαν τῷ Ὑπερβόλῳ περικάτω τὴν ὀστρακοφορίαν ἔτρεψεν.

[51] Ср.: *Cartledge P.* Op. cit. P. 99.

[52] Укажем работы, отражающие основные точки зрения. Датировку 417 г. предлагают: *Valeton I. M. J.* Op. cit. V. 16. P. 164; *Lübker F.* Op. cit. S. 748; *Calhoun G. M.* Op. cit.

В частности, на сегодняшний день можно с очень большой долей уверенности исключить 417 г. до н. э. как дату остракизма Гипербола (хотя ранее именно эта датировка пользовалась наибольшей популярностью)[53]. Еще несколько десятилетий назад А. Вудхед, реконструировав один афинский декрет (IG.I³.85), принятый по инициативе Гипербола, сумел убедительно датировать его летом 417 г. до н. э. (десятой пританией) и, таким образом, продемонстрировать, что в это время демагог еще находился в Афинах[54]. С другой стороны, исследование проблемы дает повод говорить о том, что между оставшимися двумя датировками — 416 или 415 г. до н. э. — нельзя сделать однозначного и безоговорочного выбора на основании свидетельств нарративной традиции. В пользу и той, и другой даты имеются аргументы, в том числе весьма весомые, но нет ни одного решающего. Так, сторонники 416 г. опираются на довод, согласно которому в 415 г. полным ходом шла подготовка к Сицилийской экспедиции, и об этой подготовке подробно рассказывает такой авторитетный историк, как Фукидид. Было бы странным, если бы он не упомянул в данной связи о таком значительном событии, как остракизм, тем более что в это собы-

---

P. 107; *Körte A.* Op. cit. S. 4; *Kahrstedt U.* Studien zum öffentlichen Recht Athens. Teil 2. Stuttgart, 1936. S. 108; *Carcopino J.* L'ostracisme... P. 112; *Maidment K. J.* Introduction [to Andocides IV] // Minor Attic Orators. V. 1. L., 1941. P. 536; *Peek W.* Op. cit. S. 104; *Reinmuth O. W.* Ostrakismos (RE). Sp. 1683; *Thompson H. A.* Op. cit. P. 185; *Gomme A. W.* Op. cit. P. 630; *Tarkiainen T.* Op. cit. S. 115; *Bianchetti S.* Op. cit.; *Bengtson H.* Griechische Staatsmänner... S. 159; *Camp J. M.* The Athenian Agora... P. 57; *Lehmann G. A.* Überlegungen zur Krise... S. 43; *Любкер Ф.* Реальный словарь классической древности. СПб.; М.,1888. С. 345. Датировку 416 г. предлагают: *Fuqua C.* Op. cit. P. 165; *Roobaert A.* Op. cit. P. 525; *Guarducci M.* Op. cit. V. 2. P. 533; *Finley M. I.* Op. cit. P. 55; *Kagan D.* The Peace of Nicias... P. 146; *Knox R. A.* Op. cit. P. 142; *Furley W. D.* Andokides IV («Against Alkibiades»): Fact or Fiction? // Hermes. 1989. Bd. 117. Ht. 2. S. 140; *Mattingly H. B.* The Practice... P. 23; *Heftner H.* Zur Datierung...; *Grimanis P., Heftner H.* Op. cit. S. 238. Датировку 415 г. предлагают: *Raubitschek A. E.* Athenian Ostracism... P. 117; *Idem.* Philinos... P. 68; *Idem.* The School... P. 320—324; *Mattingly H. B.* Facts and Artifacts... P. 287 (и опять в двух работах Маттингли разные датировки!); *Sealey R.* Op. cit. P. 353; *Phillips D. J.* Observations... P. 127; *Mossé C.* De l'ostracisme... P. 13; *Rhodes P. J.* The Ostracism of Hyperbolus... P. 91; *Dreher M.* Op. cit. S. 73; *Суриков И. Е.* К историко-хронологическому контексту... С. 17 слл. Многие авторы колеблются или не склонны идти дальше наиболее общей датировки 417—415 гг.: *Shear T. L.* The Campaign of 1938... P. 246; *Meiggs R., Lewis D.* Op. cit. P. 40; *Lang M.* Ostraka... P. 3; *Карпюк С. Г.* Никий... С. 49—50; *Он же.* Гипербол... Passim.

[53] Основанием для датировки 417 г. служили слова Феопомпа (FGrHist.115.F96): ἐξωστράκισαν τὸν Ὑπέρβολον ἓξ ἔτη. Принимая во внимание гибель Гипербола в 411 г. до н. э., они, казалось бы, указывали на 417 г. как на время его остракизма. Не исключено, однако, что Феопомп, говоря о шести годах, в действительности имел в виду пятилетний срок изгнания (подробнее см. ниже, гл. III, п. 4).

[54] *Woodhead A. G.* Op. cit. P. 78 ff.

тие оказались вовлечены Никий и Алкивиад, которые буквально не сходят с фукидидовских страниц, посвященных рассматриваемому хронологическому отрезку. Таким образом, коль скоро Фукидид ни о чем подобном не упоминает, стало быть, остракизма весной 415 г. до н. э. быть не могло[55].

У аргументации такого рода, при всех ее плюсах, есть слабое место: Фукидид не упоминает о последнем остракизме также и в контексте 416 г. до н. э., да и вообще говорит о нем много позже, очень бегло и в совсем другом контексте, рассказывая об убийстве Гипербола (Thuc.VIII.73.3)[56]. К тому же следует всегда помнить о том, что Фукидид — говорим об этом не в ущерб его многочисленным и огромным достоинствам — нередко был склонен прибегать к фигуре умолчания. Фактов он, насколько можно судить, никогда не искажал, но вполне мог в силу различных причин не упомянуть о том или ином событии. Реформа Эфиальта, Каллиев мир с Персией, основание Фурий, понтийская экспедиция Перикла — вот лишь несколько взятых наугад важнейших событий афинской истории, которые совсем не появляются в тех местах повествования Фукидида, где им надлежало бы появиться. Уже отмечалось, что молчание этого великого историка никогда не должно становиться для нас аргументом против историчности какого-либо факта[57].

Приверженцы наиболее поздней датировки остракизма Гипербола (415 г. до н. э.) тоже имеют в своем активе довольно весомое свидетельство — IV речь Андокидова корпуса. Об этом в высшей степени интересном тексте мы будем специально говорить в приложении I, а пока необходимо отметить следующее. Речь была произнесена якобы именно на интересующей нас остракофории, а произносившим ее (опять же якобы) лицом был Феак — один из политиков «второго эшелона» в тогдашних Афинах. При этом в речи упоминаются события лета 416 г. до н. э.: взятие афинянами Мелоса и олимпийская победа Алкивиада[58]. Таким образом, в случае признания речи подлинной не остается ничего иного, как отнести последний остракизм к 415 г. до н. э. Но как раз подлинности данной речи практически никто, за редкими исключениями, не признает, да это, по сути, и невозможно: обстоятельства ее произнесения совершенно немыслимы. Никаких речей в день остракизма не произносилось, а детали этой процедуры известны достаточно хорошо (см. ниже, гл. III, п. 1). Не говорим уже о том, что в речи встречаются vaticinia post eventa, аллюзии на события, которые в 415 г. еще никак не могли никому быть известны.

---

[55] *Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J.* A Historical Commentary on Thucydides. V. 5. Oxf., 1981. P. 261.

[56] Ср.: *Cartledge P.* Op. cit. P. 99.

[57] *Herman G.* Nikias, Epimenides and the Question of Omissions in Thucydides // ClQ. 1989. V. 39. № 1. P. 83—93; *Badian E.* Op. cit. P. 27 f., 59; *Суриков И. Е.* Историко-географические проблемы... С. 101.

[58] О датировке олимпийской победы Алкивиада (91-я олимпиада) см.: *Moretti L.* Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. R., 1957. P. 109.

Однако, с другой стороны, почти все исследователи сходятся на том, что поздней фальсификацией речь также не является. Она, как мы говорили в источниковедческом разделе, была составлена в первые годы IV в. до н. э. (при этом мы не видим ничего невозможного в том, что ее автором действительно был Андокид, хотя это обычно и отрицается) и являлась, скорее всего, не риторическим упражнением, ни к чему не обязывавшим автора, а политическим памфлетом, имевшим своей целью дискредитацию Алкивиада Младшего — сына знаменитого Алкивиада. Иными словами, аудиторией речи были люди, у которых еще оставались в памяти события Пелопоннесской войны, и грубых искажений фактов оратор не должен был допускать, поскольку это ослабило бы эффективность его выступления. Впрочем, в целом можно признать, что аргументация, связанная с IV речью Андокида, тоже ни в коей мере не может быть решающей для определения даты рассматриваемого нами события афинской истории.

Перед нами, в сущности, встает вопрос контекста. Какому контексту лучше удовлетворяет последний остракизм — контексту 416 или 415 г. до н. э.? Нам практически ничего неизвестно о событиях весны 416 г., но следующая весна, весна подготовки к Сицилийской экспедиции, и ее многочисленные и противоречивые перипетии известны даже с немалой степенью детализации. Можно ли среди этих перипетий найти момент, подходящий для остракофории? Попробуем сделать это в качестве рабочей гипотезы.

Но предварительно вкратце остановимся на одной немаловажной проблеме. Как же понимать вышеупомянутый таинственный «сговор» Никия и Алкивиада перед остракизмом? Обычно над этим даже не задумываются. Очевидно, предполагается, что Алкивиад проинструктировал в нужном направлении своих сторонников, Никий — своих, они проголосовали, как от них требовалось, и Гипербол набрал необходимое число голосов для изгнания. Подобного рода допущения являются издержками модернизаторских подходов к античности и в пределе приводят попросту к абсурдным выводам о том, что и Никий, и Алкивиад стояли во главе громадных по полисным масштабам политических группировок, каждая из которых насчитывала по несколько тысяч человек, да еще и с абсолютной дисциплинированностью членов. Иными словами, речь идет о политических партиях. Но это решительно противоречит всему, что мы знаем о политической борьбе в Афинах вообще и в период Пелопоннесской войны в частности[59]. Партий в нашем понимании, то есть группировок с массовым членством рядовых граждан, в афинском полисе не было никогда: группировки охватывали сравнительно немногочисленную среду политической элиты. Обычным типом политической группировки в

[59] Вопросы о специфике политической борьбы в Афинах V в. до н. э., о характере политических группировок будут специально и подробно рассмотрены нами ниже (гл. IV, п. 1); там же будут приведены и необходимые ссылки. Здесь же мы касаемся этих вопросов лишь постольку, поскольку это необходимо для уяснения исторического контекста остракизма Гипербола.

конце V в. до н. э. была гетерия[60] — объединение нескольких десятков граждан во главе с «харизматическим лидером». Гетерии, конечно, могли временно объединяться для достижения тех или иных конкретных целей. Так, в 415 г. до н. э., в разгар следствия по делу о гермокопидах, в Совет Пятисот поступил донос свидетеля, видевшего ночное объединенное собрание группы гетерий, на котором присутствовало до 300 человек (Andoc.I.37 sqq.), и это буквально повергло городские власти в шок. Кстати, позже выяснилось, что донос был ложным, сделанным в корыстных целях (Andoc.I.65). Следовательно, кулуарное собрание нескольких *тысяч* человек с целью согласовать голосование на остракизме представить a fortiori невозможно: даже если бы воедино сошлись не только гетерии Алкивиада и Никия, а все афинские гетерии, такого количества людей никак бы не набралось.

Оригинальное решение проблемы предложил недавно С. Г. Карпюк[61]. Он отметил, что, чем больше было «кандидатов» на остракизм — а в данном случае их было как минимум полдюжины, а скорее намного больше, — тем меньше голосов требовалось, чтобы отправить кого-либо из них в изгнание, иными словами, что против Гипербола, возможно, голосовало не столь уж и много афинян. При всей привлекательности этой точки зрения нельзя не указать, что она исходит из посылки, согласно которой для проведения остракизма требовался кворум в 6000 голосовавших, а в случае его наличия изгонялся политик, набравший больше всех голосов, независимо от их конкретного количества (версия Плутарха). Однако саму эту посылку никак нельзя считать безоговорочно доказанной. Ведь есть и другое мнение, по которому 6000 голосов — это именно тот минимум, который должен был набрать изгоняемый, иначе остракофория считалась недействительной (версия Филохора). Как мы видели, оба мнения имеют опору в источниках и сторонников в исследовательской литературе. Не углубляясь здесь в вопрос о том, какое из них ближе к истине (об этом речь пойдет в гл. III, п. 2), заметим только, что гипотеза, основанная на посылке, которая сама спорна и нуждается в доказательстве, значительно теряет в убедительности.

Сделав эту оговорку, следует по возможности детально рассмотреть события весны 415 г. до н. э., ознаменовавшейся, как уже говорилось, подготовкой к Сицилийской экспедиции, и попытаться определить, не мог ли какой-то этап этого периода быть удобным контекстом для остракофории. Зимой

---

60 Об афинских гетериях см.: *Sartori F.* Le eterie nella vita politica ateniese del VI e V secolo a. C. R., 1957; *Jones N. F.* The Associations of Classical Athens: The Response to Democracy. N.Y.; Oxf., 1999; *Welwei K.-W.* Polis und Arché: Kleine Schriften zu Gesellschafts- und Herrschaftsstrukturen in der griechischen Welt. Stuttgart, 2000. S. 22 ff.; *Суриков И. Е.* Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н. э. // ВЧОАМ. С. 89—99; *Фролов Э. Д.* Сообщества друзей // АССАМ. С. 11—48; *Никитюк Е. В.* Политические сообщества (гетерии) в классической Греции // АССАМ. С. 49—107.

61 *Карпюк С. Г.* Гипербол... С. 150.

416/415 г. до н. э. (Thuc.VI.1.1.) в Афины прибыли послы из сицилийского города Эгеста[62] с целью подвигнуть афинян на поход на Сицилию (Thuc.VI.6). Афиняне, в принципе позитивно восприняв предложение, сочли необходимым направить ответное посольство в Эгесту, дабы прозондировать ситуацию на месте. С наступлением весны (ἅμα ἦρι, Thuc.VI.8.1)[63] посольство возвратилось в Афины с благоприятным для эгестян мнением о возможности осуществления задуманного предприятия. По мнению Д. Кэгена, наиболее подробно разобравшего события этого времени в третьем томе своей истории Пелопонесской войны, возвращение послов имело место в марте[64], но с тем же успехом оно могло прийтись и на февраль. Вскоре состоялось собрание экклесии. Фукидид (VI.8.2) говорит о нем буквально в двух словах, и, судя по всему, ничего экстраординарного на нем не произошло. Было принято постановление об отправке эскадры и избраны три командующих в ранге стратегов-автократоров: Алкивиад (душа всего предприятия), Никий и Ламах. Иными словами, на упомянутом собрании состоялась архересия — выборы должностных лиц, в данном случае стратегов. Как раз на это время года выборы и должны были приходиться. По сообщению Аристотеля (Ath.pol.44.4), военных магистратов обычно избирали после шестой притании, как только позволят знамения. Иными словами, нормальным сроком для проведения этих выборов являлась седьмая притания, которая как раз падала на февраль и отчасти на март.

До нас дошел интереснейший эпиграфический документ (IG.I³.93) — постановление того самого народного собрания. Сохранился лишь фрагмент начала декрета, но как раз он-то и приводил многих исследователей в недоумение. Действительно, в этом фрагменте речь идет об избрании *одного* стратега (ἕνα στρατηγὸν – – – – – – ἑλέσθαι) для командования Сицилийской экспедицией, — очевидно, Алкивиада. В конечном же итоге, как мы знаем, эта задача была поручена трем полководцам. Впрочем, ничего прямо противоречащего нарративной традиции в тексте надписи нет, если принять во внимание афинскую практику принятия и фиксации псефисм[65]. Вначале на голосование ставилась пробулевма — предварительный проект постановления, подготовленный в Совете Пятисот. Если он в целом принимался, то любой желающий мог внести поправки, которые также голосовались и в случае принятия добавлялись при записи декрета к тексту пробулевмы, который сам по себе оставался неизменным. До нас дошла только пробулевма, да и то лишь отчасти; поправки не сохранились, но они, несомненно, присутствовали в конце надписи, и одна из них должна была иметь примерно следующий вид, если исхо-

---

[62] О предыдущих отношениях Афин с Эгестой см.: *Суриков И. Е.* Два очерка... С. 95—100.

[63] В переводе Г. А. Стратановского это словосочетание странным образом опущено.

[64] *Kagan D.* The Peace of Nicias... P. 166.

[65] См. об этой практике: *Hansen M. H.* The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987. P. 5—48; *Rhodes P. J., Lewis D. M.* The Decrees of the Greek States. Oxf., 1997. P. 11—34.

дить из стандартной формулы поправки: ὁ δεῖνα εἶπε· τὰ μὲν ἄλλα καθάπερ τῇ βουλῇ· στρατηγοὺς δὲ τρεῖς ἑλέσθαι, причем конкретные имена стратегов в псефисме могли быть, а могли и не быть названы. Иными словами, когда основной текст декрета по инициативе Алкивиада был принят, кто-то из афинян предложил ему в коллеги Никия, тут же, наверное, возникла компромиссная кандидатура Ламаха, и собрание закончилось утверждением не одного, как рекомендовалось в пробулевме, а трех командующих.

Вызывает удивление, что Никий, известный всем как противник экспедиции, на этом собрании, кажется, никак не противился прохождению проекта и даже позволил избрать себя стратегом в коллеги к ненавистному ему Алкивиаду. Во всяком случае, сведений о каких-либо возражениях Никия в этот день в источниках нет. Правда, Кэген[66] утверждает, что Никий уже на этом, первом народном собрании не мог не выступать против сицилийской авантюры, но исходит в данном случае не из позитивных фактов, а из собственных априорных предположений о поведении этого афинского политика. Исследователь реконструирует аргументы, которые можно было бы в тот момент противопоставить планам Алкивиада, и влагает эти доводы в уста Никия, что выглядит, откровенно говоря, не вполне серьезно. Прибавим к сказанному, что, как достаточно надежно известно, в тех случаях, когда Никий решительно не хотел участвовать в каком-то предприятии, он корректно, но твердо отказывался, не боясь ни насмешек, ни ущерба своей репутации. Именно такая ситуация имела место, в частности, в 424 г. до н. э., когда Никий так и не принял командования под Пилосом, уступив его Клеону. Следует полагать, что и в рассматриваемой нами ситуации, если бы Никий всерьез воспротивился своему избранию в стратеги, он настоял бы на своем и не дал бы избрать себя против воли. А следовательно, он и не оказывал особого сопротивления, не критиковал экспедицию и без возражений принял свое назначение.

Прошло пять дней. Собралось очередное народное собрание, чтобы рассмотреть, в общем-то, частные вопросы, уточнить некоторые детали грядущей экспедиции (Thuc.VI.8.3). Однако на нем совершенно неожиданно разразился скандал. Никий внезапно подверг готовящуюся военную акцию яростной критике. Правда, его патетическая речь успеха не имела и даже скорее произвела противоположный эффект: афиняне решили сделать силы вторжения еще более грандиозными (Thuc.VI.24.2). Но, повторим, Никий со своей стороны сделал все возможное, чтобы сорвать планы Алкивиада[67].

Что же необыкновенного произошло за эти пять дней? Что столь радикальным образом повлияло на поведение Никия? Все становится на свои места, если предположить, что как раз на этом промежутке времени состоялась *остракофория*. Во избежание возможных недоразумений сразу оговорим, что

---

[66] *Kagan D.* The Peace of Nicias... P. 168.

[67] О дебатах на этом народном собрании см.: *Caiani G.* Nicia e Alcibiade: il dibattito sull' ἀρχή alle soglie della spedizione in Sicilia (analisi lessicale di Thuc. 6, 9—18) // SIFC. 1972. V. 44. P. 145—183.

с точки зрения хронологии данная гипотеза никак не противоречит свидетельствам традиции, более того, вполне с ними согласуется. Как будет показано ниже (гл. III, п. 1), остракизм проходил в течение седьмой притании, примерно в то же время, что и выборы стратегов. А все описанные выше события имели место, напомним, как раз в седьмую пританию.

Итак, если мы допустим, что в промежутке между двумя описанными Фукидидом народными собраниями была проведена остракофория, из этого будет вытекать следующая интерпретация событий. В том, что Никий изначально был принципиальным противником Сицилийской экспедиции, сомневаться не приходится. Это закономерно вытекало из всей системы его взглядов и пристрастий. Ничего не могло быть более чуждого всему складу Никия как политика и полководца, чем крупномасштабный и дальний поход едва ли не в неизвестность, акция, неудача которой поставила бы под вопрос все то позитивное для Афин, что было создано в предыдущие годы, не в последнюю очередь усилиями самого же Никия.

В конце зимы 415 г. до н. э., когда ожидалось прибытие афинского посольства из Эгесты, а сами афиняне чертили на песке близ своих домов карты и планы Сицилии (Plut.Alc.17), когда дебаты по вопросу о предстоящем плавании кипели, насколько можно судить, в любом общественном и частном месте, позиции и Никия и Алкивиада, обоих лиц, претендовавших на положение лидера государства, должны были выявиться с полной ясностью как полярно противоположные друг другу, что порождало острый политический кризис. Назревшее противоречие необходимо было как-то разрешать. А если учесть, что и у того и у другого из названных деятелей, помимо нескольких десятков безусловно верных членов гетерии[68], были сотни и тысячи, так сказать, «факультативных» сторонников, просто симпатизировавших им, не организованных партийной дисциплиной, но имевших определенные предпочтения[69], становится ясным, что предложение Гипербола об остракизме показалось в высшей степени своевременным. Остракофория должна была снизить нарастающую напряженность. Делая на ней выбор, афинянам фактически пришлось бы голосовать «за» или «против» Сицилийской экспедиции. После остракизма в городе должен был остаться либо глава ее сторонников, либо глава ее противников, и это определило бы политику государства на обозримое будущее. Третьего не дано — так, по крайней мере, могло тогда ка-

---

[68] О персональном составе гетерии Алкивиада см.: *Aurenche O.* Les groupes d'Alcibiade, de Léogoras et de Teucros: Remarques sur la vie politique athénienne en 415 avant J.C. P., 1974. P. 56—65. Гетерия Никия известна значительно хуже. Не приходится сомневаться, что в нее, в частности, входили братья этого полководца — Евкрат и Диогнет (о них см. Lys. XVIII).

[69] Некоторые нюансы изложения Фукидида (VI.13.1; VI.18.6) дают основание говорить, помимо прочего, о возрастной градации симпатий, когда за Алкивиада стояла молодежь, за Никия же — граждане старшего поколения. Ср.: *Видаль-Накэ П.* Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 37.

заться. Вариант, при котором в Афинах и после остракофории остались бы оба антагониста, представлялся немыслимым. Но Гипербол не учел дипломатического таланта Алкивиада и чуткой осторожности Никия.

Сговор этих политиков между собою, безусловно, действительно имел место. Не столь важно, по чьей инициативе он состоялся[70], — слишком уж очевидно шли навстречу друг другу их интересы: ни тот, ни другой не был уверен в исходе остракофории. Но, возвращаясь к вопросу, затронутому выше, в чем конкретно заключался сговор? Его предметом, как мы видели, не могло быть обеспечение солидарного голосования гетерий Никия и Алкивиада: это дало бы в сумме сотню-полторы голосов и мало повлияло бы на исход народного волеизъявления. Поскольку на рассматриваемой остракофории афиняне фактически должны были делать выбор даже не столько между двумя конкретными личностями, сколько между двумя внешнеполитическими линиями[71], чтобы избежать изгнания, Никию и Алкивиаду оставалось одно: на время отложить разногласия по поводу Сицилийской экспедиции и заявить о своем единстве с помощью какого-нибудь демонстративного жеста, что, судя по всему, и было сделано.

Можно даже максимально точно датировать время сговора: он произошел между заседанием Совета Пятисот, выработавшим пробулевму по Сицилийской экспедиции, и собранием экклесии, на котором решался этот вопрос. Дело в том, что в пробулевме, как мы видели, значится лишь один стратег-командующий, т. е. Алкивиад. Эта пробулевма была принята, а затем случилось неожиданное: кто-то из афинских граждан в согласии с условиями сговора предложил в коллеги Алкивиаду Никия. Это мог быть сторонник как того, так и другого: в любом случае эффект был предсказуемо безошибочен. Разыгралось настоящее театрализованное действо вполне в стиле Алкивиада. От Никия же, собственно, требовалось одно — не возражать, хотя бы просто промолчать, чтобы это было воспринято как знак согласия. Вопрос был решен, но в массе демоса наверняка наступило замешательство: как и против кого голосовать на остракофории, если Алкивиад и Никий, как выяснилось, с некоторых пор едины? Имело место состояние массового сознания, в социальной психологии именуемое фрустрацией. Остракизм оказывался попросту ненужным и бесполезным, а отменить его было уже невозможно. Жертвой этой фрустрации и пал инициатор акции Гипербол. Афиняне были настолько раздражены на этого человека, что изгнали его остракизмом, несмотря на то, что никогда ранее ни один демагог из числа «новых политиков»[72] не подвергался этой мере, в чем сам Гипербол, бесспорно, видел главную гарантию своей безопасности (Plut.Nic.11).

---

[70] Плутарх (Alc.13) называет инициатором Алкивиада.

[71] Насколько можно судить, конкретный контекст остракофорий нередко был аналогичным. Так, остракизм Аристида решил вопрос о строительстве мощного афинского флота, а остракизм Кимона — вопрос о демократических реформах Эфиальта — Перикла.

[72] «Новые политики» — очень удачное определение У. Р. Коннора (*Connor W. R.* The New Politicians...), ставшее после его известной монографии весьма популярным в

Теперь Никий мог не ожидать для себя серьезной опасности в обозримом будущем и, соответственно, с чистым сердцем на ближайшем же народном собрании заявить свою истинную позицию, решительно призвав сограждан совсем отказаться от сицилийской авантюры. Однако было уже поздно. Никий, доводя аргументы оппонентов до абсурда, говорил о том, что для запланированной цели потребуются гораздо бульшие флот и войско, — а аудитория только сильнее разжигалась этим и с энтузиазмом голосовала за увеличение ранее зафиксированных сил[73]. Дальнейшие перипетии событий хорошо известны: Алкивиада они привели к измене[74], Никия — к позору и гибели, а Афины в целом — в конечном счете к поражению в войне. И все эти «ниточки», как ни парадоксально, тянулись от того самого остракизма, который оба политика, казалось, благополучно преодолели.

Читатели, наверное, уже заметили, что хронологические проблемы, связанные с остракизмом Гипербола, разбирались здесь значительно подробнее, нежели вопросы датировки остальных остракофорий. Это обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, последний случай применения остракизма, бесспорно, является одной из важнейших вех во всей истории института, что и заставило отнестись к этому событию с особенным вниманием. Во-вторых, в связи с установлением года рассматриваемой остракофории мы выдвинули ряд соображений, насколько нам известно, ранее никем не высказывавшихся, и эти соображения, естественно, потребовали специального обоснования. Хотелось бы подчеркнуть, что вышеизложенная реконструкция событий во многом является гипотетичной. Однако, на наш взгляд, гипотеза об изгнании Гипербола в 415 г. до н. э. все же имеет право на существование и, возможно, позволяет несколько лучше интерпретировать некоторые сообщения источников (например, той же IV речи Андокида), а также правильнее поставить данный сюжет не только в историко-хронологический, но и в реальный контекст афинской политической жизни. При этом, подчеркнем, предложенная нами реконструкция ни в коей мере не противоречит данным античной традиции, напротив, полностью с ними согласуется.

антиковедении применительно к тем политическим деятелям незнатного происхождения, которые впервые выдвинулись в Афинах в период Пелопоннесской войны (Клеон, Гипербол, Клеофонт и др.), а в IV в. до н. э. уже доминировали в общественной жизни (см., например: *Mossé C.* La classe politique... P. 68 ff.).

[73] Об этих дебатах см.: *Bloedow E. F.* Alcibiades: A Review Article // AHB. 1991. V. 5. № 1/2. P. 22. О коллективной истерии, имевшей место в это время в Афинах и принявшей даже религиозный характер, см.: *Powell C.A.* Religion and the Sicilian Expedition // Historia. 1979. Bd. 28. Ht. 1. S. 15—31.

[74] По дальнейшей судьбе Алкивиада см., в частности: *Prandi L.* Il caso di Alcibiade. Profanazione dei Misteri e ripristino della processione eleusina // CISA. 1991. V. 17. P. 41—50; *Eadem.* I «tempi» del processo di Alcibiade nel 415 a.C. // CISA. 1996. V. 22. P. 65—70.

Гиперболу, как известно, никогда не суждено было возвратиться на родину. В 411 г. до н. э. он был убит на Самосе тамошними олигархами при поддержке афинских противников демократии (Thuc.VIII.73.3).

* * *

Остается рассмотреть остракизмы, отнесенные нами выше к категории (в). Это, насколько, можно судить, самая сложная категория; в нее включены спорные остракофории, сама историчность которых является предметом дискуссий, а именно остракизмы Алкивиада Старшего, Менона, Каллия, сына Дидимия, и Дамона (Дамонида). Сразу подчеркнем, что нам не импонирует «минималистский» подход, практикуемый некоторыми исследователями[75], которые полностью отрицают достоверность сведений обо всех или почти всех остракизмах данной категории. Насколько можно судить, подобный скептицизм в большинстве случаев ничем серьезным не оправдан.

Возьмем изгнание Алкивиада Старшего. Свидетельств о нем, действительно, немного, но среди этих свидетельств есть принадлежащие весьма ранним авторам: Лисию, Андокиду. Если мы будем подвергать сомнению эту информацию, то что мешает объявить недостоверными, скажем, остракизмы Гиппарха, сына Харма, и Фукидида, сына Мелесия (самое раннее упоминание о них встречается лишь у Андротиона)? Или остракизм Ксантиппа, отца Перикла (самое раннее упоминание — в «Афинской политии» Аристотеля)? Этого, однако, никто не делает, и вполне правомерно. Далее, бесспорным аргументом в пользу историчности остракизма Алкивиада Старшего является наличие его имени на некотором количестве острака (эти остраконы по целому ряду критериев без каких-либо проблем можно отличить от тех, которые были направлены против его внука, несмотря на полное совпадение имени, патронимика и демотика — Алкивиад, сын Клиния, из Скамбонидов). Таких остраконов на сегодняшний день 14. Для сравнения: имя Гиппарха, сына Харма, было прочитано на 13 черепках, имя Гипербола — на 3, а оба они были, бесспорно, подвергнуты остракизму. Да и в целом отнюдь не кажется невероятным, что Алкивиад — выходец из древнего аристократического рода, принадлежавшего к самой верхушке афинской политической элиты[76], — стал жертвой остракофории. Собственно, для таких-то и был изобретен остракизм, перефразируя слова комедиографа Платона (fr.187 Kock).

Датировка (хотя бы самая приблизительная) остракизма Алкивиада Старшего долгое время была совершенно неясной, и все предположения на этот счет имели чисто умозрительный характер. Положение усугублялось тем, что генеалогия семьи, о которой идет речь, сама по себе включает немало

---

[75] *Carcopino J.* L'ostracisme... P. 112; *Mattingly H. B.* The Practice... P. 25.

[76] Род, к которому принадлежала семья Алкивиада, назывался, скорее всего, Саламиниями. Об этом роде см.: *Ferguson W. S.* The Salaminioi of Heptaphylai and Sounion // Hesperia. 1938. V. 7. № 1. P. 1—74.

весьма дискуссионных элементов[77]. Известно, в частности, что имя Алкивиад было в ней весьма популярно. Так звали не только деда будущего скандального героя Пелопоннесской войны, но и его прадеда, сподвижника реформатора Клисфена. Строго говоря, не было полной ясности даже по вопросу о том, кто же из этих двух Алкивиадов был подвергнут остракизму.

Вплоть до середины XX века остракофорию, в результате которой был изгнан Алкивиад Старший, относили к 480-м гг. до н. э. Часто ее датировали еще более конкретно — 485 г.[78] Иными словами, Алкивиада отождествляли с «неизвестным», о котором речь шла выше, с «другом тиранов», ставшим жертвой третьего остракизма. Данная гипотеза казалась весьма привлекательной, однако впоследствии она была полностью опровергнута источниковым материалом. Открытые в ходе раскопок острака с именем Алкивиада, как стало совершенно ясно в ходе анализа их материала и палеографии, никак не могли быть надписаны в 480-х гг., а появились на два десятилетия позже. Этот факт со всей возможной убедительностью продемонстрировал в специальной работе Ю. Вандерпул[79], впервые предложивший новую датировку остракизма Алкивиада Старшего — около 460 г. до н. э., иными словами, поставивший это событие афинской истории в совершенно иной контекст, в контекст демократических реформ Эфиальта — Перикла и противостояния этих политиков Кимону. Вряд ли Алкивиад Старший являлся сторонником последнего; несравненно больше оснований говорить о его близости к Периклу. Его сын Клиний был сподвижником и другом Перикла[80]; его внуки в детстве находились под опекой этого великого политика. Не забудем и о том, что Алкивиад Старший разорвал узы наследственной ксении, связывавшей его

---

[77] В нашу задачу здесь не входит сколько-нибудь подробно останавливаться на этих дискуссиях. Отсылаем читателя к следующим работам: *Dittenberger W.* Die Familie des Alkibiades // Hermes. 1902. Bd. 37. Ht. 1. S. 1—13; *Hatzfeld J.* Alcibiade. Étude sur l'histoire d'Athènes à la fin du Ve siècle. P., 1940. P. 5; *Taeger F.* Alkibiades. München, 1943. S. 12; *Vanderpool E.* The Ostracism of the Elder Alkibiades...; *Raubitschek A. E.* Zur attischen Genealogie // RhM. 1955. Bd. 98. Ht. 3. S. 258—262; *Thompson W. E.* The Kinship of Pericles and Alkibiades // GRBS. 1970. V. 11. № 1. P. 27—33; *Idem.* Attic Kinship Terminology // JHS. 1971. V. 71. P. 110—113; *Bicknell P. J.* Studies... P. 96—100; *Kagan D.* The Peace of Nicias... P. 63; *Stanley P. V.* The Family Connection of Alcibiades and Axiochus // GRBS. 1986. V. 27. № 2. P. 173—181; *Ellis W. M.* Alcibiades. L.; N.Y., 1989. P. 1—9. Генеалогическую таблицу см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 251.

[78] *Carcopino J.* L'ostracisme... P. 112; *Reinmuth O. W.* Ostrakismos (RE). Sp. 1680; *Calderini A.* Op. cit. P. 63. Ср.: *De Sanctis G.* Da Clistene... P. 301 (датировка 486 г.).

[79] *Vanderpool E.* The Ostracism of the Elder Alcibiades... P. 1 ff.

[80] Клиний был женат на двоюродной сестре Перикла Диномахе. Он является автором одного из важнейших декретов, упорядочивавших финансовое управление в Афинской архэ (IG.I^{3}.34). Клиний погиб на исходе Малой Пелопоннесской войны, в сражении с беотийцами при Коронее (447 г. до н. э.).

семью со Спартой (Thuc.V. 43.2). Это произошло, скорее всего, в годы Малой Пелопоннесской войны и тоже отнюдь не выдает в нем лаконофила-«кимоновца». Создается, таким образом, впечатление, что остракизмы Кимона и Алкивиада представляли собой взаимные удары, нанесенные друг другу соперничающими сторонами.

Предложенная Вандерпулом датировка рассматриваемой остракофории ныне стала практически общепринятой[81], и у нас нет ровно никаких резонов ее оспаривать. Вот, кстати, пример того, как острака помогли внести ясность в дискуссионный вопрос, став фактически решающим аргументом. Что же касается конкретного года, в котором был изгнан Алкивиад Старший, то он, к сожалению, вряд ли когда-нибудь будет точно установлен.

Остракизм Менона — одна из наиболее темных страниц афинской истории. О нем сообщает лишь один, к тому же достаточно поздний автор — лексикограф Гесихий (s.v.Μενωνίδαι), да и он выражается расплывчато: τινὲς δέ φασι τὸν Μένωνα ἐξωστρακίσθαι. Казалось бы, подобная стоящая особняком информация не может заслуживать доверия, тем более, что о крупном афинском политическом деятеле по имени Менон из нарративной традиции неизвестно. Однако свидетельство Гесихия было существенно подкреплено неожиданной находкой (в основном на Керамике) очень большого количества острака (более 600) с именем Менона, сына Менеклида, из дема Гаргетт[82]. Шесть сотен известных остраконов — это действительно много; лишь пять-шесть афинян могут «похвастаться» таким их числом. Появляется значительная вероятность того, что лицо, о котором идет речь, было действительно изгнано остракизмом.

Однако кто же такой этот загадочный Менон, о котором вроде бы не сообщают письменные источники, повествующие об истории Афин, но который в то же время был, судя по всему, настолько влиятельной фигурой, что даже подвергся остракизму или, по меньшей мере, реальной опасности такового? Необычность ситуации усугубляется тем, что, как ни странно, граждане, писавшие на черепках имя Менона, были не очень-то хорошо с ним знакомы: во всяком случае, они нередко искажали компоненты его личного имени. Менона называют на острака то сыном Менеклида, то сыном Менандрида, то сыном Неоклида, то сыном Менекла, то сыном Мегакла. Происходит путаница и с его демом: то это Гаргетт, то Колон, то Рамнунт...[83] Случай почти беспрецедентный: гражданская община желает изгнать поли-

---

[81] *Thomsen R.* Op. cit. P. 83; *Bicknell P. J.* Was Megakles... P. 175; *Phillips D. J.* Athenian Ostracism... P. 28; *Meiggs R., Lewis D.* Op. cit. P. 43; *Lang M.* Ostraka... P. 4; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 96; *Heftner H.* T 19. [Andokides] 4, 32—37 (ca. 400—395 v. Chr.): die Ostrakisierungen des Kallias Didymiou, Kimon, Megakles und Alkibiades d. Ä. rechtfertigen diejenige des jüngeren Alkibiades, nicht des Sprechers // OT. S. 311.

[82] *Peek W.* Op. cit. P. 64—77; *Lang M.* Ostraka... P. 96; *Willemsen F., Brenne S.* Op. cit. S. 154.

[83] О том, что все упоминаемые на острака Меноны с различными патронимиками и демотиками в действительности являются одним лицом, см.: *Brenne S.* Die Ostraka... S. 44.

тика, но при этом толком не знает, как его зовут. Добавим еще, что имя Менон в Афинах встречается редко, зато оно весьма типично для Фессалии.

Раскрыть «загадку Менона» позволил комплексный анализ источников, проделанный в свое время А. Раубичеком[84]. Выяснилось, что Менон был действительно фессалийцем, знатным уроженцем Фарсала. Во время осады афинянами во главе с Кимоном города Эйон на северном побережье Эгейского моря (477/476 г. до н. э.[85]) он оказал им существенную помощь деньгами и людьми, за что постановлением экклесии ему были дарованы права афинского гражданства (Demosth.XXIII.199). Сам по себе факт такой награды не уникален; необычным в данном случае является то, что Менон действительно переселился из Фарсала в Афины, был приписан к дему Гаргетт и, очевидно, принимал активное участие в политической жизни[86]. Раубичек даже считает возможным отождествить его с эпонимным архонтом 473/472 г. до н. э. Мононом (Diod.XI.52.1); впрочем, на наш взгляд, это маловероятно, хотя и не исключено.

Во всяком случае, Менон как афинский политик, вне сомнения, принадлежал к группировке Филаидов; он должен был, как минимум, со времени дела при Эйоне поддерживать тесные ксенические связи с главой этого рода Кимоном (последний вообще благоволил к фессалийской знати и, в частности, назвал одного из своих сыновей Фессалом, Plut.Cim.16) и, вполне возможно, даже породнился с ним (ср. Schol.Aristoph.Ach.703[87]). Поэтому, наверное, не случайно, что, когда в конце 460-х гг. до н. э. противники Кимона одержали над ним победу и добились изгнания его остракизмом, угроза применения аналогичной меры нависла и над виднейшими приверженцами Филаидов. Одной из жертв этой борьбы, по всей видимости, и стал Менон, которому, помимо прочего, инкриминировались какие-то, ближе нам неизвестные, изменни-

---

[84] *Raubitschek A. E.* Menon, Son of Menekleides... Ср.: *Helly B.* Op. cit.

[85] Датировку осады и взятия Кимоном Эйона см.: *Badian E.* Op. cit. P. 99. Несколько иная датировка (476/475 г. до н. э.) приводится в работе: *Касаткина Н. А.* Завоевание Эйона во Фракии // Материалы VII чтений памяти проф. Н. П. Соколова. Нижний Новгород, 2002. С. 28—30. О Меноне см. также: *Martin T. R.* Sovereignty and Coinage in Classical Greece. Princeton, 1985. P. 61—62.

[86] Такие случаи в Афинах редко, но все же имели место. Так, в 420-х гг. до н. э. уроженец Клазомен Гераклид оказал содействие посольству афинян, направленному к персидскому царю, за что получил проксению (IG.I³.227). К концу V в. Гераклид (прозванный «Царем») стал уже афинским гражданином, более того, видным деятелем демократии (Arist.Ath.pol.41.3). Подробнее о Гераклиде см.: *Рунг Э. В.* Ук. соч. С. 87—88. Другие примеры подобного рода см.: Plat.Ion 541cd.

[87] Схолиаст упоминает о некоем Фукидиде, сыне Менона, из Фарсала. Имя Фукидид могло попасть в среду фарсальской знати только от афинского рода Филаидов, и случилось это путем матримониальных или ксенических контактов. О влиянии этих последних на аристократическую ономастику см.: *Herman G.* Patterns... Passim.

ческие действия (на одном остраконе, как мы видели выше, он назван «предателем»). Сказанное позволяет понять причину нередко встречающихся ошибок в указаниях на его патронимик и демотик: Менон жил в Афинах относительно недавно, корней в городе не имел, и многим наверняка было просто неизвестно его полное официальное имя.

Давать вслед за Раубичеком точную датировку остракизма Менона (457 г. до н. э.)[88] мы бы при нынешнем состоянии изученности вопроса поостереглись; более взвешенным будет сказать, что это событие, если оно действительно имело место, произошло на рубеже 460-х — 450-х годов[89]. Острака подтверждают эту дату. Будучи изгнан из Афин, Менон, очевидно, отправился в родной Фарсал. Больше о его судьбе ничего не известно; вряд ли он когда-либо возвратился в Афины[90]. Прав афинского гражданства остракизм, как известно, не лишал, и не случайно, что потомки Менона продолжали поддерживать с афинянами дружественные отношения. Одним из этих потомков (скорее всего, внуком) был Менон, сын Алексидема, из Фарсала[91], которого мы застаем в Афинах в самом конце V в. до н. э. беседующим с Сократом (этой беседе посвящен диалог Платона «Менон»), а затем встречаем в греческом войске Кира Младшего. Об этом Меноне подробно говорит Ксенофонт в «Анабасисе», рисуя его образ довольно черными красками. В конце концов он был казнен в Персии по приказу Артаксеркса II.

Таким образом, остракизму в Афинах могли подвергаться не только исконные граждане этого полиса, но и натурализовавшиеся уроженцы других городов, если они оказывались в числе влиятельных политиков или по какой-нибудь другой причине вызывали неприязнь у демоса.

К числу спорных относится также остракизм Каллия, сына Дидимия. Упомянутый Каллий (происходивший, скорее всего, из рода Кериков[92]) являлся одним из знаменитейших не только в Афинах, но, пожалуй, и во всей Элладе атлетов. Он выступал в панкратии и добился выдающихся успехов. Его «послужной список», известный по эпиграфическим данным, включал олимпийскую победу (472 г. до н. э.), две пифийских (478 и 474 гг.), пять ист-

---

[88] Эту датировку принимают (не без некоторого колебания): *Thomsen R.* Op. cit. P. 84; *Lang M.* Ostraka... P. 5.

[89] Ср.: *Phillips D. J.* Athenian Ostracism... P. 28. Более поздние датировки (например: *Peek W.* Op. cit. S. 77 — 440-е гг.) ныне, в свете выкладок Раубичека, не представляются убедительными.

[90] Нам крайне сомнительно, что упоминаемый Фукидидом (II.22.3) Менон из Фарсала, командир союзной Афинам фессалийской конницы в 431 г. до н. э., является тем же самым лицом, как полагает Раубичек. Даже если Менон участвовал в осаде Эйона совсем молодым человеком, к моменту начала Пелопоннесской войны ему должно было бы быть лет семьдесят. Несравненно вероятнее, что в данном случае речь идет о ком-то из потомков или родственников Менона, носившем такое же имя.

[91] Об этом Меноне см.: *Brown T. S.* Menon of Thessaly // Historia. 1986. Ht. 4. S. 387—404.

[92] О происхождении Каллия, сына Дидимия, см.: *Rapke T. T.* Op. cit.

мийских (484, 482, 480, 476 и 474 гг.) и четыре немейских (483, 481, 479 и 477 гг.)[93]. Иными словами, Каллий был периодоником — атлетом, ставшим победителем во всех четырех крупнейших панэллинских состязаниях[94].

Скептицизм, иногда проявляемый исследователями в отношении достоверности информации об остракизме Каллия, сына Дидимия, основывается на двух обстоятельствах. Во-первых, IV речь корпуса Андокида, где содержится эта информация, зачастую не признается аутентичным источником (как бы убеждены, без особых к тому оснований). Во-вторых, о Каллии как о крупном политическом деятеле ничего не известно, и, соответственно, непонятно, за что бы его могли подвергнуть остракизму. На наш взгляд, однако, историчность данной остракофории не более, но и не менее вероятна, чем историчность рассматривавшихся выше остракизмов Алкивиада Старшего и Менона. Либо нужно огульно отрицать их все (как мы видели, некоторые так и делают), либо внимательно подходить к традиции о каждом из них. Упомянем и о том, что имя Каллия, сына Дидимия, фигурирует на острака (14 остраконов — немного, но больше, чем у некоторых заведомых жертв остракизма, таких, как Гиппарх, сын Харма, или Гипербол). Что же касается причин изгнания Каллия, то не следует, думается, упускать из виду фактора его многочисленных спортивных побед, которые сами по себе должны были создавать этому афинянину совершенно особое положение в полисе. Великий атлет становился естественным претендентом не только на разного рода почести, но и на исключительное влияние и силу в общественной жизни; его, вне всякого сомнения, могли даже рассматривать как потенциального тирана[95]. А значит, он вполне (и даже преимущественно) принадлежал к категории лиц, против которых было направлено мощное оружие остракизма.

В датировке изгнания Каллия, сына Дидимия, практически все писавшие о нем исследователи идут вслед за А. Раубичеком (и в этом вопросе, как и во множестве других, выступившим в роли «пионера»)[96] и относят это событие к 440-м[97] или даже 430-м[98] гг. до н. э. Нам, однако, представляется по меньшей мере не менее вероятной другая возможность — рубеж 460-х —

---

[93] О победах Каллия и их датировке см.: *Moretti L.* Iscrizioni agonistiche greche. R.,1953. P. 33—35; *Idem.* Olympionikai... P. 91.

[94] Кстати, Каллий, сын Дидимия, оказывается первым афинским периодоником и вообще единственным периодоником из Афин за все доэллинистическое время: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 117.

[95] В таких случаях стало уже общепринятым ссылаться на классическую работу: *Зельин К. К.* Олимпионики и тираны // ВДИ. 1962. № 4. С. 21—29. Не будем и мы нарушать эту традицию. Ср. также: *Bengtson H.* Kleine Schriften zur alten Geschichte. München, 1974. S. 190—207.

[96] *Raubitschek A. E.* Leagros // Hesperia. 1939. V. 8. № 2. P. 156 f.

[97] *Vanderpool E.* Ostracism at Athens... P. 9; *Thomsen R.* Op. cit. P. 84 (около 450 г. до н. э.); *Rapke T. T.* Op. cit. P. 332; *Phillips D. J.* Athenian Ostracism... P. 28; *Lang M.* Ostraka... P. 5; *Piccirilli L.* L'ostracismo di Callia... P. 325 ff. (442 г. до н. э.).

450-х гг., время острой внутриполитической борьбы в Афинах, которое, как и 480-е гг., ознаменовалось учащением применения остракизма. Иными словами, не был ли Каллий изгнан приблизительно тогда же, когда Кимон, Алкивиад Старший, Менон? В 440-е гг. не был ли он слишком стар для активной политической деятельности (а такая деятельность была, естественно, одним из главных и необходимых условий для того, чтобы гражданин подвергся остракизму), если учесть, что первые его победы были одержаны еще до нашествия Ксеркса? Да и не успела ли бы слава этих побед померкнуть за несколько десятилетий? Вопрос об однозначном выборе между двумя датировками остракизма Каллия, сына Дидимия, приходится пока оставить открытым. То же следует сказать и о конкретных обстоятельствах данной остракофории, о причинах, по которым Каллий был изгнан. В вышеупомянутых работах зачастую проводится мысль, что он был политическим противником Перикла и пострадал из-за этого. Очень может быть, но перед нами, подчеркнем, чистая гипотеза, не основанная на материале источников, а, следовательно, не более и не менее вероятная, нежели любая другая. Ее невозможно ни опровергнуть, ни аргументированно доказать.

Следующий остракизм, о котором идет речь, представляет собой особенную сложность: ведь даже имя политика, ставшего его жертвой, различные античные авторы передают неодинаково: Дамонид или Дамон. Следует поэтому привести относящиеся к рассматриваемому вопросу свидетельства источников, тем более, что их очень немного. Аристотель в «Афинской политии» (27.4), говоря о популистской политике Перикла, пишет: συμβουλεύσαντος αὐτῷ Δαμωνίδου τοῦ Οἴηθεν (ὃς ἐδόκει τῶν πολλῶν εἰσηγητὴς εἶναι τῷ Περικλεῖ· διὸ καὶ ὠστράκισαν αὐτὸν ὕστερον)... Таким образом, по мнению Стагирита, советника Перикла, подвергнутого остракизму, звали Дамонидом из Эи. Ему противоречит Плутарх — второй писатель, сообщающий об этом событии, причем неоднократно (Pericl.4; Aristid.1; Nic.6): он повсюду называет изгнанного остракизмом советника Перикла не Дамонидом, а Дамоном, и, таким образом, отождествляет его со знаменитым афинским музыкантом и музыкальным теоретиком V в. до н. э., о котором известно и из других источников[99].

Не вызывает никакого сомнения, что и Аристотель, и Плутарх говорят об одном и том же остракизме; о нем же упоминает (правда, не употребляя самого слова «остракизм») и позднеантичный ритор Либаний (Declam.I.157), называющий изгнанного Дамоном[100]. Вероятность того, что афиняне в разное время подвергли этой мере и некоего Дамонида, и некоего Дамона, практически

---

98 *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 177. Ср.: *Heftner H.* T 19... S. 306: «во времена Перикла» (т. е., очевидно, в 440-е или 430-е гг.).

99 О Дамоне см.: *Герцман Е. В.* Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 230.

100 Первым об изгнании Дамона писал, насколько можно судить, в начале IV в. до н. э. софист Поликрат (в несохранившейся речи «Против Сократа»). См.: *Loidol N.* T 23. Polykrates bei Libanios, Decl. 1, 157 (ca. 393/2 v. Chr.): die Ostrakisierung des Damon (ca. 438—432 v. Chr.) // OT. S. 334—341.

равна нулю. Но как же все-таки звали изгнанника? Кто из двух авторитетов прав: схоларх Ликея или херонейский биограф? И следует ли вслед за последним отождествлять интересующее нас лицо с музыкантом? Ответ на эти вопросы — и ответ недвусмысленный — дали опять-таки острака. На них фигурирует имя «Дамон, сын Дамонида». Пусть таких остраконов всего лишь четыре — этого вполне достаточно, чтобы устранить все неясности. Теперь вполне очевидно, что остракизмом был изгнан музыкант. Демотик Дамона, к сожалению, не присутствует ни на одном направленном против него остраконе, но он оказался донесенным до нас Стефаном Византийским (s.v.Ὄα): Δάμων Δαμωνίδου Ὄαθεν, Дамон, сын Дамонида, из Ои (а не из Эи, как в «Афинской политии») — таково было полное гражданское имя этого афинянина.

Таким образом, более точными оказались свидетельства Плутарха. Однако почему же ошибся Аристотель, и в чем, собственно, состояла его ошибка? Мы имеем в виду, естественно, ошибку в имени. Попытку дать ответ на эти вопросы представляет собой весьма интересная гипотеза А. Раубичека[101], согласно которой Стагирит смешал в своем изложении двух афинских политиков — Дамонида и Дамона, отца и сына. Первый из них являлся советником Перикла в конце 460-х гг., в период борьбы последнего с Кимоном; второй же, известный музыкант, действовал поколением позже и также был близок к Периклу. Именно он-то и подвергся остракизму, а автор «Афинской политии», введенный в заблуждение сходством имен, приписал это изгнание Дамониду.

Выкладки Раубичека представляются нам во многих отношениях заслуживающими внимания. Впрочем, позволим себе предложить и альтернативное объяснение появления рассматриваемого противоречия в нарративной традиции. Очень может быть, что видного политика по имени Дамонид вообще никогда не существовало, Аристотель совсем не ошибался, а перед нами — плод искажения текста при переписывании. Согласно данной интерпретации, в соответствующем месте трактата о государственном устройстве афинян изначально стояло συμβουλεύσαντος αὐτῷ Δάμωνος τοῦ Δαμωνίδου κτλ., иными словами, что Аристотель говорил о музыканте и советнике Перикла Дамоне, а не о его отце. В дальнейшем, однако, кто-то из переписчиков произведения пропустил имя Дамона, что психологически вполне понятно, поскольку имя и патронимик действительно очень схожи[102]. В результате и произошло ошибочное «раздвоение» одной личности. Когда это случилось — сказать трудно, но, во всяком случае, уже ко времени Плутарха, у которого наряду с музыкантом Дамоном (см. выше) появляется также, с прямой ссылкой на Аристотеля, советник Перикла Дамонид (Plut.Pericl.9)[103].

---

101 *Raubitschek A. E.* Damon... Passim.

102 О психологических корнях подобных описок (стяжений) см.: *Фрейд З.* Введение в психоанализ. СПб., 1997. С. 61.

103 Уже после того, как мы пришли к этой мысли, вышло несколько работ, где высказывается абсолютно аналогичная гипотеза: *Ritoók Z.* Damon. Sein Platz in der

Из сообщений источников, бесспорно, явствует, что причиной остракизма Дамона стала его близость к Периклу[104]. А коль скоро это так, то спектр датировок интересующего нас события может быть весьма широким. Сам Перикл в отдельные периоды своей карьеры достигал такого политического веса и влияния, что стоял уже как бы «над остракизмом», но на его друзей и сподвижников, на членов так называемого «кружка Перикла» (а Дамон, конечно, относился к их числу) этот иммунитет ни в коей мере не распространялся. Скорее даже наоборот: противники афинского «олимпийца», осознавая свою неспособность нанести какой-либо существенный вред ему лично, как бы «отыгрывались» на близких ему людях. Достаточно вспомнить судебные процессы против Фидия, Анаксагора, Аспасии в 430-х гг. до н. э., то есть тогда, когда Перикл, казалось бы, уверенно занимал положение «первого гражданина». Цель всех этих процессов вполне ясна: коль скоро не удается «свалить» лидера, нужно планомерно наносить удары по его окружению. Справедливости ради следует сказать, что Перикл, похоже, далеко не всегда использовал все необходимые средства, чтобы спасти от преследований того или иного своего сторонника. По-настоящему «расстарался», прибегнув даже к столь банальному приему, как слезные моления перед судьями (Plut.Pericl.32), он только ради Аспасии, как-никак его фактической супруги. Правда, верно и то, что возможности Перикла были во многом ограничены. Собственно, и сам-то он в течение долгого времени мог не бояться остракизма или какой-нибудь иной опалы не потому, что располагал некими механизмами, позволявшими ему предотвратить такое развитие событий, а потому, что демос не мог обходиться без его услуг, соответственно, считал его незаменимым и не спешил с ним расставаться. Ни Фидий, ни Анаксагор, ни Дамон незаменимыми для демоса, естественно, не были.

Раубичек, тщательно исследовав как данные нарративной традиции о Дамоне, так и остракa с его именем, дал датировку его остракизма, которая и нам кажется наиболее вероятной — 430-е гг. до н. э.[105] Существуют и иные датировки, как более ранние[106], так и более поздние[107], которые, однако, представляются нам менее предпочтительными, особенно те из них, которые имеют

Geschichte des ästhetischen Denkens // Wiener Studien. 2001. Bd. 114. S. 59—68; *Scheidel W., Taeuber H.* T 40. Aristoteles Ath. Pol. 27, 4 (ca. 332—325 v. Chr.): die Ostrakisierung des Damon (ca. 438—432 v. Chr.) // OT. S. 459—464.

104 Дамон даже породнился с Периклом, взяв в жены представительницу рода Алкмеонидов Агаристу. См.: *Wallace R. W.* Charmides, Agariste and Damon: Andokides 1.16 // ClQ. 1992. V. 42. № 2. P. 328—335.

105 Ср. также: *Fornara Ch. W., Samons L. J.* Op. cit. P. 161; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 132; *Idem.* Die Ostraka... S. 51; *Knibbe K.* Op. cit. S. 207; *Loidol N.* Op. cit. S. 339 (между 338 и 332 г. до н. э.); *Schachermeyr F.* Forschungen... S. 203 (около 432 г. до н. э.).

106 440-е гг. до н. э.: *Thomsen R.* Op. cit. P. 83; *Phillips D. J.* Athenian Ostracism... P. 28; *Lang M.* Ostraka... P. 5. Предлагались и более конкретные датировки: 443 г. до н. э. (*Valeton I. M. J.* Op. cit. V. 16. P. 164), 444 г. до н. э. (*Tarkiainen T.* Op. cit. S. 114), 445 г.

в виду период после смерти Перикла, годы Архидамовой войны. Крайне маловероятно, чтобы афиняне в условиях ежегодных спартанских нашествий, форс-мажорных обстоятельств в переполненном эвакуантами городе, не говоря уже о губительной эпидемии, вздумали выяснять отношения с помощью остракофории. К тому же известно, что Дамон, отбыв положенный срок изгнания, возвратился в Афины. Его пребывание там в период Пелопоннесской войны, как при жизни Перикла, так и после его смерти, фиксирует в ряде диалогов Платон (Plat.Alc.I.118c; Lach.200ab; Resp.III.400bc; IV. 424c). Как бы то ни было, сама достоверность остракизма Дамона остается (и, видимо, всегда останется) проблематичной; есть исследователи, которые в принципе не признают историчности этого события[108].

В рамках разговора о спорных остракизмах нам остается рассмотреть еще два, тесно связанных между собой. Это — вторичные остракизмы Мегакла, сына Гиппократа, и Алкивиада Старшего. Об обоих упоминает один-единственный античный автор — оратор Лисий, и упоминание это встречается в крайне тенденциозном контексте, в обвинительной речи против Алкивиада Младшего, сына знаменитого Алкивиада (Lys.XIV. 39). Речь эта буквально переполнена самыми грубыми выпадами, и в одном ее месте логограф, поминая, по обыкновению, недобрым словом предков обвиняемого[109], говорит буквально следующее: Ἀλκιβιάδην μὲν τὸν πρόπαππον αὐτοῦ καὶ τὸν πρὸς μητρὸς πάππον Μεγακλέα οἱ ὑμέτεροι πρόγονοι δὶς ἀμφοτέρους ἐξωστράκισαν. Данный пассаж, вплоть до относительно недавнего времени не привлекавший особенного внимания исследователей, начиная с 1970-х гг. стал рассматриваться со значительно бо́льшим доверием. В нем увидели подтверждение датировки острака с Керамика 470-ми, а не 480-ми годами до н. э.; появилась возможность относить эти памятники к гипотетическому второму остракизму Мегакла, ссылаясь в связи с этим на Лисия. Соответственно, в целом ряде недавних работ проводится мысль о том, что Мегакл после своего изгнания в 486 г. и досрочного возвращения в 480 г. был еще раз подвергнут остракизму, и произошло это в 470-е гг. (во всяком случае, не позднее остракизма Фемистокла в конце этого десятилетия). А поскольку сви-

---

до н. э. (*Piccirilli L.* L'ostracismo di Callia... P. 328), середина 440-х гг. до н. э. (*Prestel G.* Op. cit. S. 47), около 450 г. до н. э. (*Ruschenbusch E.* Athenische Innenpolitik... S. 93).

107 429 г. до н. э.: *Martin A.* Notes... P. 7. 428 г. до н. э.: *Guarducci M.* Op. cit. V. 2. P. 532. 420-е гг.: *Schwarze J.* Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung. München, 1971. S. 164.

108 *Carcopino J.* Damon...; *Raaflaub K. A.* The Alleged Ostracism of Damon (forthcoming). Мы благодарны С. Г. Карпюку, который любезно предоставил нам возможность ознакомиться с электронным вариантом статьи К. Раафлауба, еще не опубликованной на момент написания этих строк.

109 Об обычных в аттических судебных речах нападках на предков и родственников оппонента см.: *Суриков И. Е.* О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // ДП. 1999. № 2 (5). С. 40—41.

детельства источников нельзя принимать «наполовину», пришлось постулировать два остракизма и для Алкивиада Старшего: первый, гипотетический, в те же 470-е гг., а второй, бесспорный, — около 460 г. до н. э., о чем мы писали выше[110].

Перед нами типичный пример того, что англичане называют a circular argument, «порочного круга» в доказательстве. Цитированное упоминание Лисия берется как довод в пользу поздней датировки остракa с Керамика, а сама эта поздняя датировка служит аргументом, подкрепляющим достоверность данных Лисия. Попробуем все-таки разделить эти два аргумента. Работает ли каждый из них по отдельности? Насколько можно судить, нет. То, что мы имеем у Лисия (δὶς ἀμφοτέρους), представляет собой обычный риторический плеоназм (мы бы назвали этот прием гендиадисом, хотя и не в строгом смысле слова), призванный усилить обличительный эффект речи. В конце концов, не исключено, что пресловутое δίς, на котором строится вся аргументация сторонников историчности двух остракизмом Мегакла и Алкивиада, может быть попросту продуктом порчи текста. Во всяком случае, даже если текст не искажен, одно-единственное тенденциозное свидетельство, конечно, не может устоять против молчания всей остальной нарративной традиции. Остракизм был исключительно важной вехой в биографии любого политического деятеля, да и вообще это была весьма серьезная, нечасто применявшаяся процедура. Пришлось бы признать крайне странным, что такой неординарный прецедент, как двукратное применение этой меры к одному и тому же лицу (а речь идет даже о двух лицах!) не оставило более существенных следов в античных источниках[111].

---

110 Из работ, в которых проводится вышеуказанная точка зрения, см.: *Lewis D. M.* The Kerameikos Ostraka... P. 1 ff.; *Idem.* Megakles... P. 51; *Bicknell P. J.* Was Megakles... (Бикнелл предлагает даже довольно конкретные датировки: для остракизма Мегакла — через год-два после победы над Ксерксом, для остракизма Алкивиада — 478 г. до н. э.); *Rhodes P. J.* A Commentary... P. 274; *Phillips D. J.* Athenian Ostracism... P. 28; *Lang M.* Ostraka... P. 4 (Лэнг, впрочем, высказывает колебания по этому вопросу); *Willemsen F.* Ostraka einer Meisterschale... Passim; *Brenne S.* «Portraits»... S. 162 ff. В своей последней работе Бренне, впрочем, принимает свидетельство Лисия именно наполовину: постулируя второй остракизм Мегакла в 471 г. до н. э., он в то же время отрицает возможность второго остракизма Алкивиада Старшего: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 96. Недавно появилось и еще одно мнение: ок. 460 г. до н. э. Алкивиада изгнали остракизмом в первый раз, а вторично — в 440-е гг. (*Heftner H.* T 19... S. 311; *Hameter W.* T 22... S. 333).

111 Есть еще мнение, что под первым «остракизмом» Мегакла и Алкивиада Лисий подразумевает их изгнание Клеоменом I и Исагором в 508/507 г. до н. э. в числе сторонников Клисфена: *Reinmuth O. W.* Ostrakismos (RE). Sp.1680; *Willemsen F.* Ostraka... S. 103; ср.: *Develin R.* Cleisthenes and Ostracism... P. 10 ff. (изгнание Алкмеонидов Гиппием). Такая интерпретация пассажа оракула возможна, но, конечно, отнюдь не обязательна.

Итальянская исследовательница Э. Кулассо Гастальди совершенно правомерно замечает по данному поводу: если пассаж Лисия на деле не имеет того значения, какое ему в последнее время склонны придавать, то могут ли археологические данные (остракa с Керамика), лишенные поддержки с филологической стороны, обеспечить достаточно убедительные аргументы для тезиса о двух остракизмах Мегакла и Алкивиада?[112] Что же касается этих остракa, то мы уже достаточно подробно вели о них речь выше (источниковедческий раздел, п. 2) и пришли ко вполне однозначному выводу: нет безусловных оснований «опускать» их датировку в 470-е гг., по-прежнему несравненно более убедительной остается изначальная привязка этих памятников к единственному надежно зафиксированному в традиции остракизму Мегакла, сына Гиппократа (486 г. до н. э.). Таким образом, ни «аргумент Лисия», ни «аргумент остракa», если не заставлять их искусственно поддерживать друг друга, подобно стенкам карточного домика, сами по себе не позволяют нам признать историчность двух остракизмов вышеупомянутых политиков. Останемся при мнении, что и тот и другой стали жертвами этой процедуры лишь по одному разу в жизни.

* * *

В связи с неоднократно отмечавшимся нами резким возрастанием количества известных остракa на сегодняшний день наряду с четырьмя рассмотренными выше категориями остракизмов появилась еще одна, пятая, к которой следует причислить остракофории, не отраженные в нарративной традиции, но эксплицируемые на основании очень большого числа остраконов с именами тех или иных конкретных, ранее вообще неизвестных политиков. Здесь прежде всего следует упомянуть о Каллии, сыне Кратия, из Алопеки. Ни у одного античного автора не упомянут афинский политический деятель с таким именем. Впервые о нем стало известно из остракa, причем внимание специалистов было привлечено необычным обстоятельством. Против Каллия было направлено более 700 остраконов (в подавляющем большинстве принадлежащих к комплексу с Керамика). Он, таким образом, сразу вышел на третье место по числу остракa среди всех афинских граждан, уступая лишь Мегаклу («абсолютному рекордсмену») и Фемистоклу. Находки такого рода заставляют задуматься о том, как же на самом деле мало мы знаем о внутриполитической жизни и внутриполитической истории раннеклассических Афин. Перед нами — афинянин, которого сограждане, судя по количеству только дошедших черепков, считали весьма опасным, а, значит, весьма влиятельным. И в то же время — ни одного упоминания о нем в письменных источниках! И кто может поручиться, что не было и других таких же политиков, совершенно неизвестных нам, но в свое время определявших судьбы полиса?

---

[112] *Culasso Gastaldi E.* Op. cit. P. 268.

Как бы то ни было, огромное количество направленных против Каллия, сына Кратия, острака делает весьма значительной вероятность того, что он действительно подвергся остракизму. После открытия остраконов целым рядом исследователей было высказано мнение, что Каллия следует отождествить с упоминавшимся выше «неизвестным», со сторонником Писистратидов, ставшим жертвой третьей остракофории в 485 г. до н. э., о котором писал Аристотель, не называя его имени[113]. Нам это предположение также весьма импонирует; если его и нельзя считать безоговорочно доказанным, то, во всяком случае, лучшей, чем Каллий, идентификации «неизвестного», кажется, не найти. Тем более, что по хронологическим рамкам его острака прекрасно вписываются в контекст периода между Марафоном и Саламином. Конечно, если относить нижний слой комплекса острака с Керамика к 470-м гг., то отождествление Каллия, сына Кратия, с афинянином, изгнанным в ходе третьего остракизма, отпадает. Однако выше мы уже неоднократно писали, что поздняя датировка этих памятников весьма маловероятна. Конкретные причины изгнания Каллия пока трудно установить. Напомним, что на нескольких остраконах он назван «мидянином», то есть, очевидно, поддерживал какие-то контакты с Персией (или подозревался в таковых). Несомненно и то, что он принадлежал к высшему кругу афинской аристократии, происходил либо из рода Кериков, либо из рода Алкмеонидов, а скорее всего — был связан родственными узами с обоими этими родами[114].

Все же остальные остракизмы (кроме остракизма Каллия, сына Кратия), постулируемые исследователями без опоры на античную традицию, а лишь исходя из количества острака, не представляются нам историчными. Так, иногда в литературе можно встретить утверждения (то высказываемые в форме предположения, то более категоричные), что в 483 г. до н. э. остракизму подвергся Калликсен, сын Аристонима, из Ксипеты, представитель рода Алкмеонидов[115]. Об этом Калликсене из письменных источников ничего неизвестно, но существуют 279 остраконов с его именем (почти все с Агоры). Когда-то, до грандиозных находок острака на Керамике, такая цифра, конеч-

---

113 *Schreiner J. H.* The Origin... P. 88; *Thomsen R.* Op. cit. P. 99; *Bicknell P. J.* Studies... P. 64 ff.; *Williams G. M. E.* Op. cit. P. 103 ff.; *Seibert J.* Op. cit. Bd. 1. S. 35; *Rhodes P. J.* A Commentary... P. 274; *Stein-Hölkeskamp E.* Op. cit. S. 193 ff.; *Mattingly H. B.* The Practice... P. 2; *Murray O.* Early Greece. 2 ed. L., 1993. P. 285 f.; *Petzold K.-E.* Geschichtsdenken und Geschichtsschreibung: Kleine Schriften zur griechischen und römischen Geschichte. Stuttgart, 1999. S. 165.

114 См. гипотетическое генеалогическое древо Каллия, сына Кратия: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 249, 251.

115 *Vanderpool E.* Ostracism at Athens... P. 10; *Seibert J.* Op. cit. Bd. 1. S. 35; *Stein-Hölkeskamp E.* Op. cit. S. 193 ff.; *Brenne S.* «Portraits»... S. 162. Иногда более осторожно говорится, что остракофория 483 г. до н. э., во время которой главным «кандидатом» на изгнание выступал Калликсен, могла оказаться неудавшейся: *Bicknell P. J.* Agora Ostrakon... P. 334; *Phillips D. J.* Athenian Ostracism... P. 28.

но, впечатляла. Теперь, однако, ситуация изменилась, и следует проявлять бóльшую осторожность. Трех без малого сотен черепков-«бюллетеней» против одного лица самих по себе еще явно недостаточно, чтобы объявить это лицо жертвой остракофории. В 483 г. до н. э. остракизм, скорее всего, не проводился вообще, иначе о нем, наверное, все-таки упомянул бы Аристотель в 22-й главе «Афинской политии», рассказывая о событиях этого десятилетия. Сказанное в еще большей степени относится к предполагавшейся когда-то остракофории Гиппократа, сына Анаксилея. А. Кальдерини относил ее к 483 г. до н. э.[116], Ю. Вандерпул — к 485 г. до н. э.[117] (впрочем, оба со знаком вопроса). На упомянутого Гиппократа не набирается и полусотни остраконов; вероятность изгнания его остракизмом практически равна нулю, тем более, что на остракофорию 485 г. позже обнаружился несравненно более подходящий кандидат (Каллий, сын Кратия), а остракофории 483 г., как говорилось выше, скорее всего, просто не было. Перед нами — не очень продуманная гипотеза, естественно, не получившая поддержки и развития в историографии.

* * *

Суммируем итоги сказанного в главе.

1. Главным результатом наших хронологических изысканий стало установление датировок известных из источников остракофорий. Одни из этих датировок удалось зафиксировать с достаточно большой точностью, другие же имеют несколько более приблизительный и/или дискуссионный характер. Создан, таким образом, некий фактологический скелет дальнейшего исследования. Полученный материал лег в основу хронологической таблицы (Приложение VI) и, надеемся, поможет при рассмотрении и решении проблем общего плана, таких, например, как установление основных этапов истории института остракизма (гл. IV, п. 2).

2. Один из побочных результатов проведенного исследования оказался, откровенно говоря, неожиданным для самого автора этих строк. Номинально срок изгнания, предусматривавшийся законом об остракизме, равнялся десяти годам. Однако, как ни парадоксально, оказалось, что в действительности для большинства афинян, подвергшихся данной мере, этот срок не был выдержан. Действительно, если брать жертв бесспорно имевших место остракофорий, о последующей судьбе которых что-то известно, вырисовывается следующая картина. Гиппарх[118], Мегакл, «неизвестный» (Каллий?),

---

116 *Calderini A.* Op. cit. P. 63.

117 *Vanderpool E.* The Ostracism of the Elder Alkibiades... P. 8.

118 Иногда считают, что Гиппарх, сын Харма, уже никогда не вернулся в Афины, что он изменил родине и присоединился к своим родственникам в Персии (например: *Lavelle B. M.* The Sorrow and the Pity... P. 42). Вернее, однако, что он возвратился в 480 г. до н. э. вместе с остальными жертвами остракизма, а уже позже был обвинен в измене, не явился на суд и ушел в изгнание. См.: *Carawan E. M.* Eisangelia and

Ксантипп, Аристид, а позже Кимон были возвращены из изгнания досрочно; Аристид, например, пробыл в положении изгнанника лишь чуть больше двух лет. Для Фемистокла срок остракизма закончился после вынесения ему заочного смертного приговора (лишившего его всех прав и поставившего вне закона), то есть тоже досрочно. Гипербол был убит задолго до истечения десяти лет со времени его остракизма. Насколько можно судить, лишь Фукидид, сын Мелесия, полностью отбыл положенный срок изгнания и по его истечении возвратился в Афины[119]. Впрочем, строго говоря, и в этом полной уверенности нет; не исключено, что Фукидид так и умер на чужбине, никогда не увидев родного города[120]. Таким образом, уже в самом начале исследования открываются определенные парадоксы в использовании афинским демосом института остракизма.

Euthuna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // GRBS. 1987. V. 28. № 2. P. 196. Интересно, что потомки Гиппарха, известные по данным эпиграфики, продолжали спокойно жить в Афинах еще много десятилетий спустя (ср.: *Figueira T. J.* Residential Restrictions... P. 290).

119 Ср.: *Macurdy G. H.* References to Thucydides, Son of Melesias, and to Pericles in Sophocles OT 863—910 // ClPh. 1942. V. 37. № 3. P. 307; *Kienast D.* Der innenpolitische Kampf in Athen von der Rückkehr des Thukydides bis zu Perikles' Tod // Gymnasium. 1953. Bd. 60. Ht. 3. S. 210—229; *Frost F. J.* Pericles, Thucydides, Son of Melesias, and Athenian Politics before the War // Historia. 1964. Bd. 13. Ht. 4. S. 385—399; *Levi M. A.* Commento storico... V. 2. P. 274.

120 Фукидид уже ко времени своего изгнания являлся очень немолодым человеком; как показал Уэйд-Гери, он был старше Перикла (*Wade-Gery H. T.* Op. cit. P. 239 ff.). Обычно заключают, что к концу 430-х гг. до н. э. уже снова находился в Афинах, опираясь на некоторые пассажи античных авторов (Aristoph.Vesp.947 sq.; Diog.Laert.II.13). Однако, во-первых, совершенно неясна хронологическая привязка этих пассажей, а, во-вторых, не факт, что в них идет речь именно о Фукидиде, сыне Мелесия. Имя Фукидид было достаточно распространенным в Афинах второй половины V в. до н. э. Кроме Фукидида, сына Мелесия, и Фукидида-историка, известны и другие его носители (например: IG.I³.227.12; Thuc.I.117.2).

ГЛАВА II

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОСТРАКИЗМА

1. О времени принятия закона об остракизме в Афинах

Проблема, которая будет рассматриваться в данном пункте, на сегодняшний день может считаться в большинстве отношений решенной. Вопрос о времени принятия закона об остракизме является, пожалуй, наиболее детально изученным аспектом истории этого института. Ему посвящена обширная исследовательская литература; по нему в свое время развертывались довольно оживленные дискуссии, в ходе которых спорящими сторонами были выдвинуты едва ли не все возможные аргументы, и ныне, кажется, основные точки над i уже расставлены. Соответственно, нам вряд ли удастся сказать по этому вопросу что-то действительно и новое и оригинальное, и остается ограничиться констатацией существующего положения вещей, суммированием тех результатов, которые были достигнуты до нас. Поэтому мы предполагаем сделать изложение проблемы достаточно кратким, без излишнего углубления в мелкие детали, а читателей, желающих ознакомиться с ней подробнее, отошлем к предшествующим работам[1].

Прежде всего перечислим свидетельства источников, позволяющие говорить о датировке введения остракизма. Важнейшее из этих свидетельств содержится в 22-й главе «Афинской политии» Аристотеля. Говоря о реформах Клисфена, о принятых по его инициативе законах, философ отмечает, что в числе этих законов ἐτέθη καὶ ὁ περὶ τοῦ ὀστρακισμοῦ νόμος (Arist.Ath.pol.22.1). Чуть позже (22.3—4), рассказывая о событиях 487 г. до н. э., Аристотель упоминает, что τότε πρῶτον ἐχρήσαντο τῷ νόμῳ τῷ περὶ τὸν ὀστρακισμόν, ὃς ἐτέθη διὰ τὴν ὑποψίαν τῶν ἐν ταῖς δυνάμεσιν, ὅτι Πεισίστρατος δημαγωγὸς καὶ στρατηγὸς ὢν τύραννος κατέστη. καὶ πρῶτος ὠστρακίσθη τῶν ἐκείνου συγγενῶν Ἵππαρχος Χάρμου Κολλυτεύς, δι' ὃν καὶ μάλιστα τὸν νόμον ἔθηκεν ὁ Κλεισθένης, ἐξελάσαι βουλόμενος αὐτόν. Из процитированных слов следует, что автор «Афинской политии» считал инициатором принятия закона об остракизме «отца афинской демокра-

---

[1] Прежде всего к вышедшей в 1972 г. монографии Руди Томсена «Происхождение остракизма» (*Thomsen R.* Op. cit.), целиком посвященной рассматриваемой здесь проблеме. По конкретному вопросу о времени принятия закона об остракизме мы почти во всем солидарны с позицией, занимаемой Томсеном. Кроме того, его книга важна тем, что содержит практически исчерпывающий очерк историографии проблемы, позволяющий читателю сразу правильно сориентироваться в ней (а со времени выхода этой книги почти ничего существенно нового в данной области сказано не было, так что она может считаться едва ли не последним словом науки по интересующей нас тематике). Соперничать с Томсеном мы не можем и не хотим, иначе пришлось бы посвятить всю оставшуюся часть работы введению остракизма, а это вряд ли было бы разумным.

тии» Клисфена. Институт остракизма был учрежден в ходе его реформ (имевших место, как известно, в последнее десятилетие VI в. до н. э.), направлен был в первую очередь против Гиппарха, сына Харма, лидера группировки оставшихся в Афинах сторонников свергнутых тиранов, но воспользовались им впервые лишь через два года после Марафонского сражения[2].

Именно с Клисфеном связывает введение остракизма и ряд других авторов (Philochor.FGrHist.328.F30; Aelian.Var.Hist.XIII.24; Vatic.Graec. 1144. fol.222^{rv}). Особенно важно свидетельство аттидографа Филохора, который, как уже отмечалось выше, имеет заслуженную репутацию объективного и скрупулезного автора. Филохор пишет, что остракизм был введен νομοθετήσαντος Κλεισθένους, ὅτε τοὺς τυράννους κατέλυσεν, ὅπως συνεκβάλοι καὶ τοὺς φίλους αὐτῶν. Таким образом, его данные совпадают с данными Аристотеля, за исключением того, что он не упоминает имени Гиппарха, сына Харма, а говорит о неких абстрактных «друзьях тиранов». В тот же контекст ставит закон об остракизме и Диодор (XI.55.1), хотя он и не упоминает имени Клисфена. Сицилийский историк утверждает, что остракизм ἐνομοθετήθη μὲν ἐν ταῖς Ἀθήναις μετὰ τὴν κατάλυσιν τῶν τυράννων τῶν περὶ Πεισίστρατον.

Всем перечисленным свидетельствам противоречит один из фрагментов аттидографа Андротиона (FGrHist.324.F6), сохраненный позднеантичным лексикографом Гарпократионом (s.v.Ἵππαρχος). Во фрагменте, в том его виде, как он дошел до нас, значится буквально следующее: ἄλλος δέ ἐστιν Ἵππαρχος ὁ Χάρμου... περὶ δὲ τούτου Ἀνδροτίων ἐν τῇ β φησὶν ὅτι συγγενὴς μὲν ἦν Πεισιστράτου τοῦ τυράννου καὶ πρῶτος ἐξωστρακίσθη τοῦ περὶ τὸν ὀστρακισμὸν νόμου τότε πρῶτον τεθέντος διά τὴν ὑποψίαν τῶν περὶ Πεισίστρατον, ὅτι δημαγωγὸς ὢν καὶ στρατηγὸς ἐτυράννησεν. Таким образом, из данного сообщения следует, что закон об остракизме был принят тогда же, когда этой мере подвергся Гиппарх, сын Харма, а это случилось, как мы видели в предыдущей главе, в 487 г. до н. э. Иными словами, если у Аристотеля между введением остракизма и его первым применением оказывается временной промежуток примерно в два десятилетия, то у Андротиона эти два события непосредственно следуют одно за другим.

---

[2] Обратим внимание на фразу из эпитомы «Афинской политии», сделанной в эллинистический период Гераклидом (Лембом?): Ἱππίας δὲ πικρότατα ἐτυράννει. καὶ τὸν περὶ ὀστρακισμοῦ νόμον εἰσηγήσατο, ὃς ἐτέθη διὰ τοὺς τυραννιῶντας. Из этих слов буквально следует, что остракизм был введен Гиппием, что представляется явным абсурдом. Впрочем, серьезно к этому пассажу относиться не следует. Так называемая эпитома Гераклида представляет собой, в сущности, «эпитому эпитомы», небрежное и поверхностное извлечение, сделанное кем-то уже из Гераклида и являющееся не чем иным, как рядом отдельных фраз, вырванных из контекста. Мысль Аристотеля, который рассказывал вначале о тирании Гиппия, а затем о его свержении и реформах Клисфена (в том числе о введении остракизма), оказалась эпитоматором попросту искажена, в результате чего учреждение изучаемого здесь института и было им отнесено не к Клисфену, а к последнему тирану.

Итак, перед нами две взаимоисключающие традиции: основная, превалирующая в источниках начиная с Аристотеля и далее, и вторая, альтернативная, представленная единственным свидетельством Андротиона в передаче Гарпократиона. На этих традициях основываются две основные точки зрения в современной историографии по рассматриваемому вопросу, две основные датировки принятия закона об остракизме. Ясно, что прав может быть только кто-то один: или Аристотель, или Андротион. Очевидно, критериями при выборе между двумя традициями могут быть обстоятельства двоякого рода. Во-первых, сравнительная оценка их достоверности и авторитетности. Элиминация какой из них поведет к возникновению наименьшего количества проблем, внутренних и внешних противоречий? Во-вторых, соображения общего характера о соответствии или несоответствии той и другой традиции с тем, что мы знаем о политической жизни Афин на рубеже эпох архаики и классики.

Поздняя датировка введения остракизма — 487 г. до н. э. — была достаточно популярна в начале XX века (общие труды К. Ю. Белоха, Г. Де Санктиса, У. Карштедта и др.), но впоследствии постоянно утрачивала приверженцев. Можно назвать не так уж и много антиковедов, поддерживавших ее во второй половине недавно истекшего столетия. Среди них — К. Хигнетт, Д. Киназт, Й. Шрейнер и др.[3] Следует отметить, что к той же датировке склонялся, хотя и не без колебаний, такой авторитетный специалист по древнегреческой истории и историографии, как Ф. Якоби[4]. Пожалуй, самой глубокой по исследованию источникового материала, самой аргументированной работой данного направления стала большая статья Р. Вернера «Источники о введении остракизма»[5].

Аргументацию, содержащуюся у перечисленных авторов, можно вкратце изложить следующим образом. Пусть Андротион — единственный античный писатель, противостоящий в рассматриваемом вопросе основной ветви традиции, но зато он самый ранний из всех[6]. Он должен был опираться на авторитетную аттидографическую позицию и изучать документальные источники. Аристотель же, как философ, мог исходить при определении времени принятия закона об остракизме не из конкретных известных ему фактов, а из априорных умозрительных установок. Последующие же авторы солидаризировались с его взглядом из пиетета к величественной фигуре основателя Ликея. Вернер, кроме того, предложил в связи с появлением ранней датировки у

---

[3] *Hignett C.* Op. cit. P. 180 ff.; *Williams G.W.* The Curse of the Alkmaionidai. III. Themistokles, Perikles, and Alkibiades // Hermathena. 1952. V. 80. P. 58 ff.; *Kienast D.* Die innenpolitische Entwicklung Athens im 6. Jahrhundert und die Reformen von 508 // HZ. 1965. Bd. 200. Ht. 2. S. 265—283; *Schreiner J. H.* The Origin...

[4] *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 1. P. 123. Очень схожая позиция в работах: *Osborne R.* Greece in the Making ... P. 307—308; *Heftner H., Scheidel W., Siewert P.* Op. cit. S. 501.

[5] *Werner R.* Op. cit.

[6] *Heftner H., Scheidel W., Siewert P.* Op. cit. S. 483.

Аристотеля следующие соображения. Стагирит, по его мнению, взял эту датировку из вышедшего незадолго перед тем исторического труда Эфора. Эфор же, как известно, имел обыкновение объединять под одной датой экскурс о событиях целого ряда лет (что отразилось, в частности, у активно использовавшего его Диодора). В данном случае он, очевидно, дал единый рассказ о событиях 510—480 гг. до н. э., а Аристотель некритично воспользовался этими данными, не разобравшись в датах. Данная гипотеза была подвергнута совершенно справедливой критике, причем было указано на большое количество ни на чем не основанных допущений, содержащихся в ней[7]. Не доказано, что Аристотель пользовался трудом Эфора; более того, не доказано, что в последнем вообще имелся экскурс о политической истории Афин. Кроме того, «Афинская полития» в основной своей части была написана еще до того, как Эфор издал свое историческое сочинение.

Сторонниками «традиции Андротиона» приводился еще и известный аргумент «меча в ножнах»: зачем было изобретать столь мощное оружие, как остракизм, и затем два десятилетия держать его без применения? Резоннее предположить, что остракизм был введен примерно тогда же, когда прошла первая остракофория, то есть согласиться с аттидографом, а не с Аристотелем. Те ученые, которые связывают остракизм с историческим контекстом 480-х, а не 500-х гг. до н. э., как правило, считают, что в действительности инициатором этой меры был не Клисфен, а Фемистокл, и что она лежит в общем русле антиаристократической политики этого деятеля афинской демократии. Фемистокл и остракизм — отдельная важная тема, и нам еще предстоит на ней останавливаться в дальнейшем. Пока же отметим, что *ни в одном* свидетельстве нарративной традиции имя Фемистокла не фигурирует в связи с введением остракизма[8]. А между тем его жизнь и деятельность известны гораздо лучше, нежели жизнь и деятельность, скажем, того же Клисфена. Существуют античные биографии Фемистокла. Неужели Плутарх в его жизнеописании умолчал бы о таком интересном факте, связанном с его героем, если бы хоть что-нибудь знал о таком факте? Стало быть, мнения о введении остракизма Фемистоклом в античности вообще не существовало; это — чисто историографическая конструкция.

Оригинальную до экстравагантности гипотезу развил в ряде статей А. Раубичек[9]. Пытаясь примирить точки зрения, представленные Аристотелем (остракизм введен Клисфеном) и Андротионом (остракизм введен после Марафонской битвы), он выдвинул «компромиссный» вариант, предложив считать, что остракизм был введен Клисфеном после Марафонской битвы. Реформатор афинского государства, по его мнению, на закате своей жизни вне-

---

[7] *Thomsen R.* Op. cit. P. 43 ff.

[8] *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 2. P. 532. Cp.: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 299.

[9] *Raubitschek A. E.* The Origin of Ostracism...; *Idem.* Athenian Ostracism... P. 117; *Idem.* Die Rückkehr... S. 128.

запно возвратился из политического «небытия», чтобы внести закон об остракизме, и затем снова ушел в это «небытие». Раубичека смущает лишь то обстоятельство, что 480-х гг. до н. э. Клисфен должен был быть уже очень стар[10]. Но он и здесь не теряется, приводя примеры видных государственных деятелей Нового времени, до глубокой старости участвовавших в политической жизни (как, например, Черчилль). Аргументация, приводимая исследователем, крайне слаба, не находит никакой опоры в источниках, вся основана на отнюдь не близких аналогиях и недоказуемых допущениях; ему не удается ответить на вопросы, почему и каким образом Клисфен, отошедший от управления полисом спустя довольно много лет решил вернуться к политике. Вся сконструированная им ситуация крайне мало согласуется с тем, что известно об условиях и формах политической борьбы в раннеклассических Афинах. Совершенно закономерно, что построения Раубичека практически сразу после их появления были подвернуты жесткой критике[11]; их не принял никто из антиковедов, да и сам автор, как мы увидим ниже, впоследствии попытался модифицировать свою теорию.

Несравненно более распространенным, а в настоящее время, пожалуй, практически общепринятым взглядом на время введения остракизма является тот, который приурочивает это событие к знаменитым реформам Клисфена, проведенным в конце VI в. до н. э., рассматривает закон об остракизме как одну из составляющих этого комплекса реформ[12]. Не скроем, что и нам эта точ-

---

[10] Действительно, он родился в семье Алкмеонида Мегакла и Агаристы, дочери сикионского тирана Клисфена, никак не позже 560-х гг. до н. э. Это видно из следующих фактов. У Клисфена был брат по имени Гиппократ (кстати, дед Перикла по матери). Судя по тому, что Клисфен после смерти отца являлся главой Алкмеонидов, Гиппократ был моложе его. Родился же этот последний в начале 550-х гг., в период временного альянса Алкмеонидов и Писистратидов, почему и получил имя в честь отца Писистрата (см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 153). Следовательно, рождение Клисфена приходится на хронологический отрезок между концом 570-х гг. (время брака Мегакла и Агаристы) и началом 550-х гг.

[11] *Robinson C. A.* Cleisthenes and Ostracism... Passim.

[12] Назовем лишь некоторые из работ, в которых отражена эта точка зрения, ничуть не пытаясь исчерпать всей имеющейся литературы. Список все равно получится внушительный: *Обнорский Н. П.* Ук. соч. С. 344; *Карпюк С. Г.* Клисфеновские реформы... С. 17 сл.; *Гинзбург С. И.* О дате издания...; *Valeton I. M. J.* Op. cit. V. 15. P. 129 sqq.; *Wilcken U.* Op. cit. Bd. 1. S. 5; *Schachermeyr F.* Zur Chronologie S. 346 f.; *Gregor J.* Perikles: Griechenlands Grösse und Tragik. München, 1938. S. 192; *Reinmuth O. W.* Ostrakismos (RE). Sp. 1675; *Idem.* Ostrakismos (Kleine Pauly). Sp. 376; *Gomme A. W.* Op. cit. P. 630; *Hands A. R.* Op. cit. P. 69 ff.; *Kagan D.* The Origin and Purposes...; *Ehrenberg V.* Polis und Imperium: Beiträge zur alten Geschichte. Zürich; Stuttgart, 1965. S. 297; *Forrest W. G.* Op. cit. P. 201; *Guarducci M.* Op. cit. V. 2. P. 525; *Stanton G. R.* The Introduction of Ostracism...; *Meister K.* Op. cit.; *Thomsen R.* Op. cit. Passim; *Harding Ph.* Atthis... S. 157; *Jeffery L. H.* Op. cit. P. 247 f.; *Kinzl K. H.* Athens... P. 209;

ка зрения представляется несравненно более импонирующей. Разделяющие ее специалисты вполне резонно полагают, что легче объяснить отклонение Андротиона от всей остальной традиции, чем отклонение всей остальной традиции от Андротиона, тем более что свидетельство этого аттидографа дошло до нас лишь в передаче позднего пересказчика, который ведь мог что-то просто не понять в использовавшемся им первоисточнике и исказить какие-то детали.

Собственно, в этом пункте и лежит центр аргументации сторонников ранней, клисфеновской датировки закона об остракизме. Сопоставляя пассажи Андротиона и Аристотеля, посвященные введению остракизма, нетрудно заметить, что между ними обнаруживается весьма значительное лексическое сходство; местами формулировки обоих авторов дословно совпадают. Возможны несколько вариантов объяснения этого сходства. Первый, a priori представляющийся наиболее вероятным: излагая раннюю историю остракизма, Аристотель использовал «Аттиду» Андротиона, отчасти даже цитировал ее[13]. Второй: Андротион и Аристотель писали независимо друг от друга, но оба опирались на один общий источник — какое-то более раннее аттидографическое сочинение[14]. Третий: Гарпократион под видом Андротиона почему-то дает фрагмент из «Афинской политии». На этом последнем варианте мы еще остановимся в дальнейшем, что же касается первых двух, то они для нас равнозначны в том отношении, что необходимо попытаться все-таки объяснить расхождение в датировке введения остракизма между 22-й главой трактата Аристотеля и фрагментом F6 Андротиона.

Есть, правда, мнение, что никакого расхождения вообще не существует и оба вышеупомянутых свидетельства на деле говорят об одном и том же. Согласно этой точке зрения, τότε («тогда») у Андротиона означает не конкретно 487 г. до н. э., время изгнания Гиппарха, сына Харма, а более широкий хронологический отрезок, охватывающий конец VI и начало V в. до н. э., то есть аттидограф датирует принятие закона об остракизме так же, как и Аристотель. На этой позиции стояли Ж. Каркопино, Д. Кэген, а в российской историографии — С. И. Гинзбург[15]. Нам такой ход мыслей представляется не

Lehmann G.A. Der Ostrakismos-Entscheid...; *Phillips D.J.* Athenian Ostracism... P. 23; *Ober J.* Mass and Elite... P. 73—75; *Littman R.J.* Op. cit. P. 135 ff.; *Rausch M.* Op. cit.

[13] Не вызывает никаких сомнений, что «Аттида» Андротиона, являвшаяся во второй половине IV в. до н. э. самым крупным трудом по истории Афин, была одним из основных источников автора «Афинской политии» на всем протяжении первой части его труда. См.: *Chambers M.* Aristotle and his Use... P. 39 ff.

[14] Здесь мы не можем вдаваться в вопрос о постулированной в свое время Виламовицем так называемой Uratthis — опубликованной в начале IV в. до н. э. жреческой хронике, на которой базировалась последующая аттидографическая традиция. Благодаря усилиям прежде всего Якоби от идеи Uratthis давно отказались. К истории вопроса см.: *Ruschenbusch E.* Die Quellen... S. 68 f.

[15] *Carcopino J.* L'ostracisme... P. 20 ff.; *Kagan D.* The Origin and Purposes... P. 393 ff.; *Гинзбург С. И.* О дате издания...

слишком убедительным. Для подобного расширительного толкования значения наречия τότε в данном случае вряд ли есть основания. Что бы ни говорить, противоречие между свидетельствами Андротиона и Аристотеля все-таки существует, и затушевывать его не следует[16].

Одно из возможных объяснений этого противоречия заключается в предположении, что Аристотель, пользуясь «Аттидой» Андротиона, не идет, однако, слепо за ней, а в тех случаях, где это ему кажется необходимым, сознательно исправляет мнения историка Афин (Ф. Якоби, Ч. Форнара)[17]. Как считают названные исследователи, изначально, у первых аттидографов (Гелланик, Клидем) «отцом» остракизма считался Клисфен. Андротион же, будучи приверженцем умеренной демократии и в то же время симпатизируя Клисфену, отказался связать с его деятельностью учреждение столь радикально-демократической меры, какой был остракизм, и отнес это событие к иному времени. Аристотель, работая с «Аттидой» Андротиона, не согласился с ним в данном вопросе и вернулся к более ранней точке зрения. Концепция, о которой идет речь, имеет ряд слабых сторон, главная из которых — отсутствие опоры на источники. Мы решительно ничего не можем сказать о том, что писали об остракизме Гелланик и Клидем (хотя писать о нем они, безусловно, должны были). Так стоит ли фантазировать? Кроме того, не возражая в принципе против характеристики политических взглядов Андротиона как умеренных[18], укажем, что нет достаточных оснований считать остракизм такой уж радикально-демократической мерой. Вопрос об общей оценке остракизма, о его связи с демократией будет подробно рассматриваться нами в дальнейшем, пока же лишь отметим, солидаризируясь с Р. Томсеном[19], что остракизм направлялся против потенциальных тиранов, «чрезмерно» влиятельных и сильных политических деятелей, а «умеренные» демократы (и, добавим, даже олигархи) были точно такими же противниками тирании, как и демократы радикальные, и, следовательно, тоже не должны были считать эту меру чем-то зазорным, негативным.

Так где же лежит ключ к разгадке противоречия между двумя нашими главными свидетельствами о введении остракизма? Нам кажется наиболее перспективным следующий путь. Совершенно справедливо отмечалось, что находящееся в тексте фрагмента Андротиона, как он передан Гарпократионом, выражение τοῦ περὶ τὸν ὀστρακισμὸν νόμου τότε πρῶτον τεθέντος фактически не имеет смысла[20]. Действительно, оно должно означать: «закон об остракиз-

---

[16] Ср.: *Chambers M.* Aristotle and his Use... P. 41 f.

[17] *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 1. P. 120; *Fornara Ch. W.* A Note...

[18] О политической физиономии Андротиона можно составить определенное представление не только по дошедшим фрагментам его сочинения, но и на основании важного внешнего свидетельства — XXII-й речи Демосфена, направленной против этого политика и историка. Андротион неоднократно упоминается также в XXIV-й речи Демосфена.

[19] *Thomsen R.* Op. cit. P. 51.

[20] *Meister K.* Op. cit. Против этой точки зрения: *Chambers M.* Androtion F6...

ме был тогда впервые принят». Что значит «впервые принят»? Разве закон об остракизме принимался не один раз? Ни о чем подобном вроде бы речь идти не может, и слово πρῶτον («впервые») оказывается совершенно излишним. Дальнейший ход рассуждения напрашивается сам собой: позднеантичный лексикограф Гарпократион просто некорректно цитирует Андротиона[21]. Выдвигались в связи с этим различные эмендации текста, например, предлагалось читать вместо τότε πρῶτον («тогда впервые») πρὸ τούτου («до того»)[22], τὸ πρότερον («ранее»)[23], τὸ πρῶτον («впервые»)[24]. Трудно судить, окажется ли какая-нибудь из этих поправок верной; уже само обилие «конкурирующих» вариантов говорит о том, что нужно соблюдать большую осторожность при определении конкретной ошибки Гарпократиона. Но сам факт такой ошибки представляется весьма вероятным. Во всяком случае, это, как нам представляется, наиболее убедительное объяснение расхождения между «Афинской политией» и фрагментом историка Афин, как его донес до нас вышеупомянутый лексикограф. Но, коль скоро это так, главный аргумент в пользу поздней датировки принятия закона об остракизме теряет всякую силу. Если Гарпократион исказил текст своего источника, то, значит, мы просто не знаем, что же в действительности было написано по поводу рассматриваемого события в «Аттиде» Андротиона. Исходя же из несомненной текстуальной близости свидетельств Андротиона и Аристотеля, мы вправе предположить, что и по существу в них изначально содержалось одно и то же, то есть Андротион датировал введение остракизма точно так же, как и автор трактата о государственном устройстве афинян (и, кстати, так же, как и вся остальная античная традиция), приурочивая его к реформам Клисфена, а не к какому-либо иному времени. Текст же об учреждении этой меры в 487 г. до н. э. на деле является не свидетельством Андротиона, а «псевдо-свидетельством» Гарпократиона, неудачно перефразировавшего цитируемый им пассаж аттидографа.

Есть и еще одна версия по поводу появления на свет пресловутого «фрагмента F6 Андротиона»: в действительности Гарпократион почерпнул материал об остракизме Гиппарха, сына Харма, не из «Аттиды» этого историка, а из «Афинской политии». Относительно недавно (в 1991 г.) эту точку зрения развил К. Кинцль[25], считающий, что в сообщении лексикографа после слов τοῦ τυράννου нужно поставить точку: на этом заканчивается собственно фрагмент Андротиона, заключающийся только в указании на родство Гиппарха, сына Харма, с тираном Писистратом, и далее идет уже чисто аристотелевская ин-

---

[21] Такое предположение проницательно высказал еще в довоенный период Ф. Шахермейр: *Schachermeyr F.* Zur Chronologie... S. 346. Впоследствии данная точка зрения стала весьма популярной в историографии: *Dover K. J.* Op. cit.; *Thomsen R.* Op. cit. P. 11 ff.; *Harding Ph.* Androtion... P. 97; *Суриков И. Е.* Остракизм и остраконы... С. 110—111.

[22] *Keaney J. J.* The Text of Androtion...

[23] *Keaney J. J.* Androtion F6 Again...

[24] *Walters K. R.* Op. cit.

[25] *Kinzl K. H.* AP 22.4...; *Idem.* Androtion's Dating...

формация. С этим нам трудно согласиться: точка в указанном месте фрагмента, представляющего собой единый смысловой блок, выглядит совершенно неорганично. Кроме того, если Гарпократион брал материал из Аристотеля, зачем ему вообще было ссылаться на Андротиона? Ведь в «Афинской политии» (22.4) тоже есть указание на то, что Писистрат и Гиппарх были родственниками.

Итак, сформулируем ту позицию, которая кажется нам наиболее близкой к истине: *словарная статья Гарпократиона ввиду некорректного цитирования не отражает действительных взглядов Андротиона на время введения остракизма, информацию, содержащуюся в ней, нельзя считать аутентичной и, соответственно, использовать в качестве аргумента.* Собственно, удивляться тут нечему: Гарпократион, живший через полтысячи лет после Андротиона, по сути дела, не цитировал, а эпитомировал его, а любая эпитома приводит к искажениям, к выпадению информации. Два приводимых аттидографом факта (принятие закона об остракизме и изгнание Гиппарха) он искусственно контаминировал в один. В конце концов, этого лексикографа, специалиста по языку аттических ораторов IV в. до н. э., меньше всего на свете интересовало, когда и кем на самом деле остракизм был введен.

Остается аргумент «меча в ножнах». Как можно объяснить тот факт, что между принятием закона об остракизме и первым применением этой процедуры лежит достаточно длительный хронологический отрезок? Чтобы выйти из затруднения, было высказано предположение, что на этом промежутке, до 487 г., возможно, проводились остракофории, но просто мы о них ничего не знаем. Однако подобный тезис прямо противоречит данным античной нарративной традиции, недвусмысленно указывающей на Гиппарха, сын Харма, как на *первого* афинянина, к которому был применен закон об остракизме (Androt.FGrHist.324.F6; Arist.Ath.pol.22.4; Plut.Nic.11; Suid.s.v.Ἵππαρχος). В этом вопросе согласны друг с другом и Аристотель, и Андротион. А что, если остракофории проводились и до изгнания Гиппарха, но оказывались безуспешными, поскольку не набиралось нужного количества голосов? На такой возможности особенно настаивал Э. Хэндс[26]; нам она тоже кажется довольно заманчивой, и мы не стали бы ее полностью исключать, подчеркнув, тем не менее, что вероятность именно такого развития событий все же весьма мала. Р. Томсен специально для того, чтобы найти ответ на интересующий нас здесь вопрос, тщательнейшим образом исследовал все известные на сегодняшний день острака (он даже работал в фондах афинского отделения Немецкого археологического института с неопубликованными остраконами, открытыми на Керамике) и в результате их анализа пришел к решительному выводу: ни один из многих тысяч этих памятников не дает ни малейшего намека на то, что до 487 г. проводились остракофории, будь они успешными или безуспешными[27]. Проверить выкладки датского ученого мы далеко не всегда в состоя-

[26] *Hands A. R.* Op. cit.

[27] *Thomsen R.* Op. cit. P. 108.

нии, но, думается, он не решился бы на столь категоричное утверждение без серьезных оснований. В частности, обосновывая свою гипотезу о неудачных остракофориях, Хэндс приводит следующий пример. Известно несколько остраконов (с Агоры), несущих имя некоего Меланфия, сына Фаланфа. Этого Меланфия можно отождествить с тем Меланфием, который возглавлял афинскую эскадру, направленную на помощь восставшим в 500 г. до н. э. ионийцам (Herod.V. 97). А следовательно, рассуждает Хэндс, и его острака должны относиться к 490-м гг., то есть предшествовать по времени остракизму Гиппарха, сына Харма. Никак не можем с этим согласиться. Из чего следует, что Меланфий, если он был видным полководцем в 490-х гг., не мог участвовать в политической жизни и в следующее десятилетие, в период наиболее активного применения остракизма? Гораздо логичнее считать, что так оно и было, и соответственно датировать острака Меланфия 480-ми годами до н. э.[28]

Вопрос о перерыве между принятием закона об остракизме и первыми остракофориями, таким образом, не снят и требует ответа. Отметим, что определенные наметки для ответа на него дает уже Аристотель, рассказывающий о ранней истории института. Он отмечает, что в первые годы после ликвидации тирании в Афинах поведение демоса отличалось «кротостью» (εἰωθυίᾳ τοῦ δήμου πρᾳότητι, Ath.pol.22.4), а впоследствии, после Марафонского сражения, народ стал чувствовать уверенность в себе (θαρροῦντος ἤδη τοῦ δήμου, Ath.pol.22.3). Это, однако, объяснение, данное лишь в предельно общей форме, без детализации. Чтобы понять, какие конкретные перипетии вначале препятствовали применению остракизма, а затем, наоборот, стали ему способствовать, необходимо, как нам кажется, рассмотреть ту непосредственную ситуацию, которая вызвала к жизни закон, вводивший эту меру, а затем сказать несколько слов об основных событиях политической борьбы внутри афинского полиса на рубеже VI—V вв. до н. э., поскольку именно в специфике этой борьбы, насколько можно судить, кроется причина изменения отношения гражданского коллектива к остракизму. Обо всем этом мы и скажем чуть ниже, а пока упомянем еще об одной, так сказать, промежуточной концепции учреждения остракизма, совмещающей в себе раннюю (конец VI в. до н. э.) и позднюю (начало 480-х гг.) датировки как два различных этапа в истории института.

В 1972 г. Дж. Кини и А. Раубичек, привлекшие внимание исследователей к поздневизантийскому тексту Vaticanus Graecus 1144, особенно подчеркнули тот факт, что в этом источнике речь идет о двух ступенях во введении остракизма: согласно вначале существовавшему обычаю, изгнание с помощью черепков проводилось в рамках Совета, а затем стало прерогативой демоса. Для Раубичека это стало поводом к модификации его предшествующей точки зрения о введении остракизма Клисфеном после Марафонской битвы (о чем мы писали выше). Теперь концепция этого исследователя стала выглядеть несколько иначе: в ходе своих демократических реформ Клисфен учре-

[28] *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 230.

дил остракизм как процедуру, субъектом которой был Совет Четырехсот. Затем законодатель сам подвергся этой мере (тут пошло в ход свидетельство Элиана об остракизме Клисфена), к началу 480-х гг. возвратился в Афины и внес изменение в законе об остракизме, передав его в руки народного собрания[29]. Все, что относится ко «второму пришествию» Клисфена, представляет собой, повторим, чистую фантастику; но самая идея о двух введениях остракизма, сначала Клисфеном в конце VI в. до н. э. для Совета, а позже, — конечно, не Клисфеном, а каким-то другим политиком (чаще всего называют в данной связи имя Фемистокла) — для экклесии, получила определенную поддержку в историографии[30].

Вышеупомянутый отрывок византийского анонима мы будем подробно рассматривать в следующем пункте этой главы (там же приведем и его полный греческий текст). Там же будет показано, что речь в нем на самом деле идет совсем о другом: о доклисфеновском обычае остракизма (или «протоостракизма») в Совете Четырехсот и о принятии по инициативе Клисфена закона об остракизме в его классической форме, в которой он функционировал в течение V в. до н. э., то есть в форме голосования черепками в народном собрании. Таким образом, и этот источник не дает оснований относить введение остракизма к 480-м гг. Справедливости ради отметим, что нельзя исключать внесения в это время каких-то изменений в закон об остракизме. Возможно, например, что изначально закон Клисфена лишь давал право экклесии проводить остракофорию, а обязательной и ежегодной эта процедура была сделана уже после Марафонской битвы[31]. Это в какой-то мере объяснило бы, почему на смену полному отсутствию применения остракизма вдруг пришло чрезвычайно частое его использование. Если такая реформа остракизма была проведена, то ответственным за нее действительно можно было бы считать Фемистокла. Впрочем, здесь мы вступаем в область догадок и неверифицируемых предположений. Как говорилось выше, традиция ни единым словом не намекает, что Фемистокл как-то причастен к закону об остракизме.

* * *

Итак, практически несомненно, что закон об остракизме был частью комплекса клисфеновских реформ 500-х гг. до н. э. А теперь попробуем конкретизировать историко-хронологический контекст этого закона, уточнить, на каком именно этапе эпохальных преобразований, проведенных «отцом афинской демократии», он был принят. Для этого потребуется рассмотреть важнейшие события политической жизни Афин в первые годы после ликвидации тирании и установить их правильную последовательность. Наиболее

---

29 *Keaney J. J., Raubitschek A. E.* Op. cit. P. 90.

30 *McCargar D. J.* Op. cit. P. 248 ff.; *Siewert P.* Die Trittyen... S. 8; *Doenges N. A.* Ostracism...; *Dreher M.* Op. cit. P. 66 ff.

31 Ср.: *Thomsen R.* Op. cit. P. 135.

вероятная реконструкция, вытекающая из сопоставления важнейших свидетельств об этом периоде афинской истории (Herod.V. 66—73; Arist.Ath. pol.20—21), выглядит следующим образом[32].

Практически сразу же после изгнания из Афин тирана Гиппия в полисе развернулась острая политическая борьба между двумя аристократическими группировками, во главе которых стояли лидер Алкмеонидов Клисфен и Исагор, судя по всему, представитель рода Филаидов. Особенно обострились отношения между ними в 508 г. до н. э., в связи с выборами эпонимного архонта на 508/507 г.[33] Сам Клисфен не мог выставить свою кандидатуру, поскольку он уже был архонтом (в 525/524 г. до н. э.[34]), а дважды занимать эту должность не позволялось. Очевидно, на выборах он поддерживал кого-то из своих сторонников и, скорее всего, родственников. Тем не менее высшим магистратом был избран Исагор. Вот тут-то Клисфен и выступил с прямой апелляцией к демосу, предложив ему программу реформ. Это произошло, судя по всему, после избрания Исагора, но еще до его вступления в должность: вряд ли главный противник Клисфена, став архонтом, позволил бы ему выдвигать подобные инициативы[35]. Получив таким образом в лице демоса мощнейшего союзника, глава Алкмеонидов добился с течением времени избрания архонтом на следующий, 507/506 г. до н.э, своего родственника Алкмеона[36]. Исагор же еще до истечения срока своего архонтата, опасаясь за собственное будущее, обратился за помощью к спартанскому царю Клеомену I. Последний, прибыв в Афины с небольшим отрядом, изгнал Клисфена и попытался совершить переворот, распустив легитимные государственные органы и передав власть сторонникам Исагора. Переворот потерпел неудачу; его инициаторы были осаждены на Акрополе и впоследствии изгнаны. После этого Клисфен возвратился

---

[32] Ср.: *Ostwald M.* Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxf., 1969. P. 145; *Knight D.W.* Some Studies in Athenian Politics in the Fifth Century B. C. Wiesbaden, 1970. P. 13 ff.; *Bicknell P.J.* Studies... P. 41; *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 43.

[33] На хронологическом отрезке между 510 и 487 гг. до н. э. архонты выбирались не по жребию, как впоследствии, а народным голосованием (см.: *Суриков И.Е.* Афинский ареопаг... С. 33). В результате должность архонта была в этот период весьма влиятельной; ее занимали виднейшие политики (Фемистокл, Аристид, Гиппарх, сын Харма, и др.).

[34] См.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 154—155; *Он же.* Аристократические роды в политической жизни Афин VII—V вв. до н. э.: Алкмеониды и их окружение // Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции. СПб., 2000. С. 169. Возражения: *Plommer W.H.* The Tyranny of the Archon List // ClR. 1969. V. 19. № 2. P. 126—129, но они не представляются убедительными.

[35] Возможно, выдвигая программу реформ, Клисфен заручился поддержкой еще находившегося у власти архонта 509/508 г. Лисагора.

[36] *Bicknell P. J.* The Archon Year of Alkmeon and Isagoras' Council of 300 // AC. 1985. V. 54. P. 76—90.

в Афины, направил посольство в Сарды с целью обезопасить полис от возможного нападения пелопоннесцев[37] и начал в качестве простата демоса непосредственное проведение своих реформ в жизнь. Начаты были реформы еще в номинальный архонтат Исагора, продолжились в архонтат Алкмеона и шли затем еще несколько лет.

В каком же месте этой шкалы событий следует расположить закон об остракизме? На этот счет существуют различные мнения. Так, Ф. Шахермейр считал, что остракизм был последней из клисфеновских реформ, завершивший их серию, и относит его введение к 505/504 г. до н. э.[38] На это последовало резонное возражение[39]: после состоявшегося в 507 г. до н. э. по инициативе Клисфена афинского посольства в Сарды, результаты которого встретили резко негативную реакцию демоса (послы, не разобравшись в ситуации, дали сатрапу Артаферну «землю и воду», то есть фактически признали персидский сюзеренитет, Herod.V. 73[40]), реформатор если и не подвергся опале, то, во всяком случае, уже не имел былого влияния. А для того, чтобы ввести столь серьезную меру, какой являлся остракизм, политический деятель должен был быть достаточно силен и популярен[41]. Следовательно, гораздо больше оснований относить закон об остракизме к началу деятельности Клисфена. 508/507 г. до н. э., то есть именно тот год, в течение которого и были проведены основные клисфеновские мероприятия — реформа фил и т. п. (Arist.Ath.pol.21.2, «при архонте Исагоре»), — является наиболее вероятной датой[42].

Как мы видели выше, источники говорят, о том, что остракизм направлялся Клисфеном против Гиппарха, сына Харма. Это кажется довольно странным[43]: вряд ли Гиппарх уже в 500-х гг. до н. э. мог представлять для де-

---

[37] Последняя работа об этом посольстве: *Berthold R.M.* The Athenian Embassies to Sardis and Cleomenes' Invasion of Attica // Historia. 2002. Bd. 51. Ht. 3. S. 259—267.

[38] *Schachermeyr F.* Zur Chronologie... S. 347. В отечественной историографии довольно позднюю датировку остракизма (506/505 г. до н. э.) дает Гинзбург: *Гинзбург С. И.* О дате издания...

[39] *Hands A. R.* Op. cit. P. 69 ff.

[40] Кстати сказать, влияние этого злополучного посольства на дальнейшее развитие отношений между Афинами и Персией и, в частности, на весь ход Греко-персидских войн еще не оценено по достоинству. Мы во многом поймем желание Ахеменидов разгромить в первую очередь именно Афины (и экспедиция 490 г., и поход Ксеркса имели в виду прежде всего этот город), если учтем, что персидские цари после договора 507 г. должны были рассматривать афинян как своих подданных, подобных азиатским ионийцам.

[41] Органом, принявшим закон об остракизме, было, бесспорно, народное собрание (ср.: *Quass F.* Nomos und Psephisma: Untersuchung zum griechischen Staatsrecht. München, 1971. S. 45).

[42] Ср.: *Schubert Ch.* Op. cit. S. 20; *Funke P.* Wendezeit und Zeitwende: Athens Aufbruch zur Demokratie // GEGW. S. 4—5.

[43] Ср.: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 376.

мократии и лично для Клисфена серьезную опасность, так как пик его политической деятельности приходится на следующее десятилетие. Значительно более убедительной представляется гипотеза, которую впервые высказали независимо друг от друга в 1970 г. Г. Стэнтон и Д. Найт[44] и к которой впоследствии присоединилось большинство авторов, наиболее серьезно изучавших рассматриваемую здесь проблему[45]. Согласно этой гипотезе, остракизм, был введен в период борьбы между Клисфеном и Исагором, которая падает как раз на 508/507 г. до н. э. Клисфен, только что заручившийся поддержкой демоса, намеревался изгнать своего противника как потенциального тирана с помощью народного голосования. Однако в тот момент к остракизму прибегнуть не пришлось: Исагор достаточно скомпрометировал себя и без него. Он призвал в Афины спартанцев, тем самым совершил государственную измену и впоследствии бежал из Афин уже как преступник. Если кратко изложенная здесь концепция верна, то остракизм следует считать одним из самых первых мероприятий (а может быть, и просто самым первым) в череде клисфеновских реформ, поскольку соответствующий закон был принят народным собранием с подачи Клисфена еще тогда, когда Исагор присутствовал в Афинах и был активным участником борьбы.

Итак, в самый момент своего учреждения остракизм не пригодился. А почему к нему не прибегали после этого, вплоть до начала 480-х гг. до н. э.? Чтобы понять это, необходимо сказать несколько слов о конкретных условиях и формах афинской внутриполитической борьбы на рубеже VI—V вв. до н. э. Насколько можно судить, именно конкретные перипетии этой борьбы в течение определенного времени препятствовали применению остракизма. Следует сказать, что политическая борьба рассматриваемого периода является одним из наиболее неясных и дискуссионных моментов всей афинской истории. Существует немало ее различных интерпретаций (в основном в зарубежной историографии; в отечественном антиковедении вопрос освещен в значительно меньшей степени, и его изложения в основном сводились к акценту на борьбу между «демократами» и «олигархами», что для столь ранней эпохи представляется некоторым анахронизмом). Одна из интерпретаций такого рода была недавно предложена автором этих строк[46], и здесь мы вкратце изложим ее основные моменты, отсылая к более детальной аргументации к упомянутой работе.

После демократических реформ Клисфена в афинском полисе существовали, боролись и взаимодействовали несколько возглавлявшихся лидерами-аристократами политических группировок, различия между позициями которых лежали не на уровне предпочтений в области государственного устройства (демократия, олигархия и т. п.), а на уровне внешних ориентаций.

---

[44] *Stanton G.* The Introduction of Ostracism... P. 180—183; *Knight D. W.* Op. cit. P. 13 f.

[45] *Thomsen R.* Op. cit. P. 140 ff.; *Phillips D. J.* Athenian Ostracism... P. 24; *Littman R. J.* Op. cit. P. 150.

[46] *Суриков И. Е.* Политическая борьба... С. 123 слл.

Вплоть до середины 490-х гг. до н. э. сильнейшей, наиболее влиятельной группировкой была та, во главе которой стояли Алкмеониды, завладевшие симпатиями демоса еще в клисфеновское время. Естественно, пока Алкмеониды находились у власти, им не было никакой нужды прибегать к процедуре остракизма. Затем, однако, внутриполитическая ситуация серьезно усложнилась в силу трех факторов. Во-первых, произошло некоторое усиление группировки сторонников Писистратидов; ее лидер Гиппарх, сын Харма, был даже избран архонтом-эпонимом на 496/495 г. (Dion.Hal.Antiq.V. 77.6; VI.1.1). Алкмеониды и «друзья тиранов» в этот период, очевидно, находили между собой общий язык на почве некоторых персидских симпатий, характерных и для тех, и для других (для Алкмеонидов — в значительно меньшей степени, чем для Писистратидов). Во-вторых, от группировки Алкмеонидов откололся молодой перспективный политик Фемистокл, сразу же вошедший в высшие круги политической элиты, возглавивший собственную группировку и избранный эпонимным архонтом на 493/492 г. (Thuc.I.93.3; Dion.Hal. Antiq.VI.34.1)[47]. В третьих, примерно в то же время в Афины прибыл бежавший с Херсонеса Фракийского Мильтиад, вокруг которого тут же сформировалась новая политическая группировка.

Нараставшая «сегментация политической жизни»[48] делала весьма затруднительным, чтобы не сказать невозможным, применение остракизма, поскольку при столь дробном раскладе сил крайне мала была вероятность того, что кто-либо из «кандидатов» наберет требуемый для изгнания минимум в 6000 голосов[49], а второго тура, как известно, остракофория не предусматривала. Вскоре, однако, ситуация изменилась. В 490 г. до н. э., в связи с участием бывшего тирана Гиппия в персидском походе на Аттику, были полностью скомпрометированы сторонники Писистратидов в афинской политической жизни, а годом позже герой Марафона Мильтиад подвергся опале и вскоре умер. В полисе остались две сильные политические группировки, возглавлявшиеся соответственно Алкмеонидами и Фемистоклом, и политическая борьба на какое-то время обрела биполярный характер, что вообще было не характерно для афинской истории. При данном конкретном стечении обстоятельств и была подготовлена почва для успешного применения закона об остракизме, поскольку появилась надежда на то, что кто-либо из кандидатов наберет-таки 6000 голосов и подвергнется изгнанию. Именно поэтому 480-е гг. до н. э. — время наиболее острого дуального противостояния — и ознаменовались самой крупной серией остракофорий, в ходе которой Алкмеониды потерпели от Фемистокла сокрушительное поражение.

---

[47] *Fornara Ch. W.* Themistocles' Archonship // Historia. 1971. Bd. 20. Ht. 5/6. S. 534—540.

[48] Используем удачное выражение Л. П. Маринович, употребленное ею применительно к политической борьбе в Афинах IV в. до н. э.: *Маринович Л. П.* Греки... С. 56 слл.

[49] Ниже (гл. III, п. 2) мы покажем, что 6000 голосов были именно минимальным необходимым количеством, поданным против одного лица, которое требовалось для его изгнания, а не общим кворумом.

Таково, в самых кратких словах, наше объяснение перерыва между введением остракизма и первыми остракофориями. Разумеется, в изложенной реконструкции немало гипотетичного; это лишь один из возможных вариантов ответа на рассматриваемый вопрос, и мы отнюдь не настаиваем на его единственной истинности, допуская возможность и других интерпретаций. С одним, насколько можно судить, трудно спорить: двадцатилетний период, в течение которого остракизм не применялся, вполне может (и должен) быть объясняем из конкретных условий политической жизни этой эпохи.

* * *

Подведем итоги сказанному в данном пункте.

1. Усилиями нескольких поколений антиковедов, занимавшихся проблемами, связанными с принятием закона об остракизме, удалось весьма убедительно показать, что это событие относится к кругу клисфеновских реформ, а не к более позднему времени. При этом в череде демократических преобразований, проведенных Клисфеном, остракизм хронологически занимает одно из первых мест. Наиболее вероятно, что закон о нем был издан в 508/507 г. до н. э., в процессе борьбы Клисфена с Исагором.

2. Так называемое «свидетельство Андротиона» (F6), на которое прежде всего опирались те исследователи, которые относили введение остракизма к началу 480-х гг. до н. э., является плодом недоразумения, а именно некорректного цитирования «Аттиды» этого историка лексикографом Гарпократионом. В действительности нет оснований утверждать, что Андротион датировал принятие закона, о котором идет речь, указанным временем.

3. Двадцатилетний перерыв между введением остракизма и его первым применением также не может служить аргументом против прямого указания Аристотеля и других античных авторов на Клисфена как на инициатора учреждения данной процедуры, поскольку перерыв этот вполне поддается объяснению конкретными причинами, лежащими в сфере внутриполитической истории Афин на рубеже эпох архаики и классики.

2. Остракизм до Клисфена?

Итак, «отцом» остракизма следует считать Клисфена? В той форме, в какой этот институт функционировал в Афинах V в. до н. э., от изгнания Гиппарха, сына Харма, до изгнания Гипербола, — безусловно. Однако ныне на основании совокупности прямых и косвенных данных различного характера можно уже достаточно смело говорить о том, что данная («классическая») процедурная форма остракизма не была ни единственной, ни самой ранней, что этот институт в какой-то иной форме (или аналогичные ему процедуры) мог существовать в Афинах еще в доклассическое время. Рассмотрим эти данные.

Как уже неоднократно упоминалось выше, в 1972 г. внимание исследователей впервые оказалось по-настоящему всерьез привлечено к тексту ано-

нимного поздневизантийского эрудита (Vaticanus Graecus 1144, fol.222^{rv}), тексту хотя и очень позднему, и довольно путаному, но восходящему, по крайней мере в значительной своей части, к весьма раннему и авторитетному первоисточнику (скорее всего, к «Законам» Феофраста) и потому крайне ценному для нас[50]. Это свидетельство будет настолько важным для дальнейшего изложения, что представляется необходимым привести его полностью:

Κλεισθένης τὸν ἐξοστρακισμοῦ νόμον ἐς Ἀθήνας εἰσήνεγκεν, ἦν δὲ τοιοῦτος· τὴν βουλὴν τινῶν ἡμερῶν σκεψαμένην, ἐπιγράφειν ἔθος ἦν εἰς ὄστρακα ὅντινα δέοι τῶν πολιτῶν φυγαδευθῆναι, καὶ ταῦτα ῥίπτειν εἰς τὸ τοῦ βουλευτηρίου περίφραγμα. ὅτῳ δὲ ἂν ὑπὲρ διακόσια γένηται τὰ ὄστρακα φεύγειν ἔτη δέκα, τὰ ἐκείνου καρπούμενον. ὕστερον δὲ τὸν δῆμον[51] ἔδοξε νομοθετῆσαι ὑπὲρ ἑξακισχίλια γίνεσθαι τὰ ὄστρακα τοῦ φυγαδευθῆναι μέλλοντος.

Ясно, что перед нами замечательный памятник. Несмотря на очень позднее время создания, на существующие в тексте неясности и даже (кажущуюся?) путаницу, неизвестный византийский автор сохранил чрезвычайно интересную информацию, конечно, не выдуманную им. По ходу работы нам неоднократно предстоит обращаться к этой информации, сопоставлять ее с остальными имеющимися в распоряжении науки данными и на основе такого сопоставления реконструировать те или иные принципиальные формулировки закона об остракизме. В частности, здесь мы продемонстрируем, что нового вносит приведенный выше отрывок в решение проблемы происхождения остракизма, позволяет ли он ответить на вопрос, вводил ли Клисфен новую, неизвестную ранее и изобретенную им ad hoc процедуру или же модифицировал уже существовавшую.

При чтении отрывка сразу бросается в глаза тот факт, что его автор знает о двух стадиях истории остракизма в Афинах. Вторая из этих стадий — прекрасно известный из античной традиции «классический» остракизм V в. до н. э., являвшийся прерогативой демоса, то есть народного собрания, проходившего в таких случаях на Агоре. Гораздо более ценна для нас неизвестная из других источников информация, согласно которой этой форме остракизма предшествовала другая, проводившаяся в Совете. При этом обратим внимание на то, что слова ὅτῳ δὲ ἂν ὑπὲρ *διακόσια* (курсив наш. — *И. С.*) γένηται τὰ ὄστρακα φεύγειν несомненно подразумевают не Совет Пятисот, учрежденный Клисфеном и функционировавший в период афинской демократии, а предшествовавший ему Совет Четырехсот, существовавший на хронологическом промежутке между реформами Солона и Клисфена[52].

---

[50] Важнейшую литературу о рассматриваемом свидетельстве см. в прим. 67 к источниковедческому разделу.

[51] Так в манускрипте. Издатели исправляют на τῷ δήμῳ; по поводу правомерности этой эмендации нам еще придется говорить.

[52] Минимум в 200 голосов для признания остракизма состоявшимся предполагает общее число голосующих скорее в 400, нежели в 500 человек, иначе голосование не будет репрезентативным (вопреки мнению, высказываемому в работе: *Dreher M.* Op.

Таким образом, совершенно неожиданно выясняется, что рассматриваемый текст имплицитно содержит сведения об афинском остракизме доклисфеновской эпохи. Действительно, если не отвергать a limine свидетельство византийского эрудита как неаутентичное[53] (а серьезных оснований для этого нет), отнесение его к доклисфеновскому времени представляется едва ли не единственной мыслимой его интерпретацией; любая другая трактовка значительно менее убедительна и, более того, порождает неразрешимые проблемы. Так, в одной из недавних работ[54] было высказано предположение, что в 508/507 г. до н. э. Клисфен создал временный Совет Четырехсот, которого и касался изданный им закон об остракизме, в 501/500 г. до н. э. на смену ему был учрежден постоянный Совет Пятисот, а в начале 480-х гг. остракизм был по инициативе Фемистокла передан в ведение экклесии. Однако эта гипотеза зиждется на весьма шатких основаниях. Не говоря уже о том, что нет никаких сведений, дающих повод предполагать подобные довольно странные манипуляции Клисфена с численностью Совета, автору упомянутой статьи приходится для подкрепления своих построений гиперкритически отвергать традицию об учреждении Совета Четырехсот Солоном. Не более убедительной выглядит и другая вариация на ту же тему[55], согласно которой, поскольку демократические реформы растянулись на длительное время, то вначале Клисфеном был создан Совет, состоявший приблизительно из трехсот членов (цифра выводится чисто спекулятивным путем); в компетенцию этого гипотетического Совета будто бы и входило изначально проведение остракизма, впоследствии переданное в руки демоса.

На наш взгляд, гораздо более плодотворным будет не углубляться в область фантазий, а как можно более внимательно проанализировать текст Vaticanus Graecus 1144 и попытаться вывести из него все возможные импликации, пусть даже не лежащие на поверхности. В данной связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что в отрывке, похоже, не отождествляются остракизм, введенный Клисфеном, и остракизм, проводившийся в Совете. О последнем говорится как об ἔθος, а не νόμος, а эти два понятия («обычай» и «закон») отнюдь не совпадали на всем протяжении греческой истории, всегда достаточно отчетливо разграничиваясь. Как нам представляется, имперфект ἦν, относящийся к слову ἔθος, должен иметь в данном контексте плюсквамперфектное значение (собственно плюсквамперфекта глагол εἰμί, как известно, не имеет) и противополагаться аористу εἰσήνεγκεν. Иными словами, автор

cit. S. 67). Совет Четырехсот был введен Солоном в начале VI в. до н. э. (Arist.Ath. pol.8.4; Plut.Sol.19), существовал до реформы фил, проведенной Клисфеном в 508/507 г. до н. э., и был преобразован в Совет Пятисот именно в связи с этой реформой, дабы новая численность органа соответствовала десяти вновь созданным подразделениям гражданского коллектива.

53 Как делается, например, в работе: *Welwei K.-W.* Das klassische Athen... S. 20.

54 *Doenges N. A.* Ostracism... P. 387 ff.

55 *Rausch M.* Op. cit.

имеет в виду следующее: Клисфен ввел в Афинах *закон* об остракизме, в то время как до него, ранее, существовал такой-то *обычай* (следует описание обычая). Если же относить существование обычая не к более раннему времени, чем издание закона, мы окажемся в противоречии как с историческими фактами, так и с элементарной логикой: получится, что в Афинах одновременно существовали и закон, и обычай, предусматривавшие проведение остракизма, причем по разным процедурам. А это, конечно, не так.

Но если описание ἔθος у византийского анонима не есть изложение содержания клисфеновского закона, то где же это изложение? Насколько можно судить, оно присутствует в тексте, но в его заключительной фразе, а именно там, где издатели, не удовлетворившись стоящим в манускрипте чтением, предложили эмендацию: τῷ δήμῳ вместо τὸν δῆμον. Это исправление, однако, повело, к созданию довольно-таки странной конструкции: τῷ δήμῳ ἔδοξε νομοθετῆσαι («народ постановил узаконить»). Перед нами явный плеоназм: вполне достаточным было бы «народ постановил» (ἔδοξε τῷ δήμῳ) или «народ узаконил» (ὁ δῆμος ἐνομοθέτησεν).

Далее, непонятно, что же, собственно, народ «постановил узаконить»? Если переводить буквально, с учетом конъектуры издателей, выйдет, что узаконено было изменение числа голосов, требуемых для остракизма (с 200 до 6000), и не более того. Какой же орган отныне проводил остракофории? Попрежнему Совет? Но при минимуме в 6000 голосов это абсурд. Народное собрание (как это и было на самом деле)? Но почему же тогда наш источник ничего не говорит о смене субъекта этой прерогативы? Вопрос следует за вопросом, и кажется, что из тупика уже не выбраться.

А что, если сохранить рукописное чтение, не прибегая к эмендации? Сразу исчезнет ненужный плеоназм. Кроме того, фраза получит более удовлетворительный смысл, и удастся снять вопросы, поставленные в предыдущем абзаце. Интересующий нас пассаж, приобретающий таким образом форму оборота accusativus cum infinitivo, можно будет перевести следующим образом: «... Было постановлено, чтобы народ принимал решение (об остракизме. — *И. С.*)[56], причем для изгнания требовалось шесть тысяч голосов». Все встает на свои места и начинает соответствовать исторической действительности. Очевидно, на издателей, предложивших только усложнившую дело эмендацию, повлияла магия действительно очень часто встречающегося в официальных документах технического выражения ἔδοξε τῷ δήμῳ.

Однако при ἔδοξε если не обязателен, то во всяком случае весьма желателен датив субъекта. Мы вправе ожидать пусть не эксплицитного, но хотя бы

---

[56] Может возникнуть сомнение по поводу перевода глагола νομοθετέω как «принимать решение», а не «узаконивать». Однако не будем забывать о том, что вплоть до рубежа V—IV вв. до н. э. в афинской политической и правовой практике не проводилось различие между понятиями νόμος и ψήφισμα (см.: *Piérart M.* Athènes... P. 22; *Маринович Л. П.* Закон и власть... С. 6). Любое решение народа, в том числе и вынесенное на конкретной остракофории, являлось одновременно и псефисмой, и законом.

подразумеваемого указания на то, кому, собственно, ἔδοξε, кем было внесено существенное изменение в процедуру остракизма. Ответ может быть только один — Κλεισθένει ἔδοξε. Имя Клисфена в дательном падеже могло стоять в первоисточнике и затем выпасть при переписывании. Но ввиду того, что разбираемый нами текст в целом, как можно увидеть, не подвергался серьезной коррупции, резоннее предположить, что это имя лишь подразумевалось в данном месте, тем более что именно Клисфен был expressis verbis уже назван чуть выше, что исключало непонимание со стороны читателей.

Итак, в нашей интерпретации отрывок из Vaticanus Graecus 1144 надлежит понимать следующим образом. Вначале (неизвестно, с какого времени) в Афинах существовал обычай, по которому остракизм проводился в Совете Четырехсот[57]. Затем, при Клисфене, на смену этому обычаю (вероятно, не зафиксированному законодательно) пришел закон об остракизме, причем в этом — уже официальном и, несомненно, письменном — публично-правовом акте значилось, что отныне изгнание с помощью черепков должен проводить не Совет, а народ (т. е. экклесия). Византийский текст, таким образом, дает ответ на вопрос, поставленный чуть выше: Клисфен не изобрел какую-то совершенно новую, неведомую процедуру, а модифицировал и приспособил к условиям формирующейся демократии ранее существовавшую. Это, как мы вскоре увидим, подтверждается и другими косвенными данными, а также, что немаловажно, вполне соответствует тому, что в целом известно науке о клисфеновских преобразованиях. «Отец-основатель» классической афинской демократии, будучи опытным и умелым политиком, как правило, не прибегал к немотивированному экспериментаторству, а старался опираться в своей деятельности на позитивный опыт предшествующих эпох[58]. Достаточно напомнить, что центральное свое мероприятие — реформу аттических фил — Клисфен «произвел, подражая своему деду с материнской стороны, тирану Сикиона» (Herod.V. 67)[59]. Так и в случае с остракизмом: законодатель вос-

[57] Строго говоря, нельзя полностью исключать и того, что речь может идти о Совете Ареопага. Но, во всяком случае, совершенно очевидно, что ввиду обозначенного минимума в 200 черепков о клисфеновском Совете Пятисот речь идти не может, иначе решение об остракизме принималось бы в этом органе меньшинством голосов.

[58] *Salmon J.* Cleisthenes (of Athens) and Corinth // Herodotus and his World. Oxf., 2003. P. 219—234.

[59] Ср.: *Молчанов А. А., Суриков И. Е.* Ук. соч. С. 252. Кроме Сикиона, реформы фил в архаическую эпоху проводились и в некоторых других дорийских полисах: в Коринфе (скорее всего, Кипселом), в Кирене (законодателем Демонактом) и, возможно, также в Спарте (если принять мнение Уэйд-Гери, что введенные Великой ретрой обы представляли собой не что иное, как территориальные филы, созданные в противовес родовым, см. *Wade-Gery H. T.* Op. cit. P. 70 ff., ср. также: *Forrest W. G.* Op. cit. P. 131). Разумеется, мы ни в коей мере не ставим знак равенства между этими архаическими реформами и многогранной деятельностью Клисфена Афинского. Перед нами — не вопрос тождества, а вопрос *прецедентов*. Судя по всему, реформы

пользовался уже функционировавшим в той или иной форме институтом для создания мощного оружия, на протяжении почти столетия регулировавшего условия политической борьбы в демократическом полисе.

Существование доклисфеновской разновидности остракизма, проводимой Советом, косвенно, но довольно серьезно подтверждается тем фактом, что остракизм в Совете зафиксирован в Афинах и для классической эпохи. Он назывался экфиллофорией (ἐκφυλλοφορία) и упоминается в произведениях как современных авторов — ораторов IV в. до н. э. (Aeschin.I.111—112; Dinarch. fr.II Conomis), — так и позднейших лексикографов (Poll.VIII.18—19; Harpocr.s.v. ἐκφυλλοφορῆσαι; Bekker Anecd.I.248.7 sqq.; Schol.Aeschun.I.111; Suid.s.v.ἐκφυλλοφορεῖν; s.v. ἐκφυλλοφορῆσαι; Etym.Magn.s.v. ἐκφυλλοφορῆσαι; Tzetz.Chil.X.40; XIII.442 sq.; [Zonar.] Lex.s.v. ἐκφυλλοφορεῖν). Отличие этой процедуры от остракизма в собственном смысле слова заключалось единственно в том, что вместо черепков-остраконов члены Совета использовали надписанные листья оливы, с помощью которых они изгоняли из состава этого органа своих чем-либо дискредитированных коллег[60]. Применение масличных листьев (не забудем, что оливы были в Аттике одной из главных святынь), очевидно, должно было способствовать сакральному характеру церемонии, ее большей торжественности и весу[61], что уже само по себе может свидетельствовать о древности процедуры.

В Аттике известны и другие случаи применения при голосовании листьев, выступавших в данном контексте как эквивалент «бюллетеней»-остраконов. В высшей степени характерно, что во всех этих случаях голосованием решались вопросы не выборов каких-либо органов, а *исключения* того или иного лица из состава подразделения гражданского коллектива. Так, по сообщению Полидевка (VIII.18), листьями голосовали судьи по демам (οἱ κατὰ δήμους δικάζοντες) в процессах о лицах, незаконно вписанных в списки демотов (εἴ τις ὡς παρέγγραπτος ἐκρίνετο), и путем такого голосования исключали их из этих списков. Еще во II в. до н. э. в декрете афинского фиаса Великой Матери (IG.II/III².1328.15—16) предусматривается возможность отстранения от должности провинившихся жриц именно с помощью листьев (...κύριοι δ' ἔστωσαν καὶ τὸ φύλλον τῷ[ξ]α[ι] | ὑπὲρ τῆς ἀπειθούσης...). Всё это, так сказать, «малые» параллели к остракизму, сущность у всех этих процедур одна. Для *включения* же гражданина в состав органа или институционального подразделения использовались совсем иные способы: жеребьевка (κλήρωσις), прямое голосо-

---

фил можно назвать даже типичным явлением для греческого мира: *Davies J. K.* Democracy... P. 325.

60 Об экфиллофории см.: *Guarducci M.* Op. cit. V. 2. P. 525; *Staveley E. S.* Op. cit. P. 94; *Hall L. G. H.* Remarks... P. 96.

61 Аналогичное наблюдение делает Ш. Бергер на примере Сиракуз, где в V в. до н. э. функционировал петализм — процедура, во всем сходная с афинским остракизмом, но характеризовавшаяся использованием вместо черепков надписанных листьев оливы. См.: *Berger S.* Op. cit. P. 305.

вание путем поднятия рук (χειροτονία) или, значительно реже, тайное голосование с помощью псефов (ψηφοφορία). Так, согласно указанию Эсхина (I.111—112), Совет Пятисот, вначале исключивший в результате проведения экфиллофории из своих рядов одного из булевтов, Тимарха, затем вновь кооптировал его, но это повторное голосование проводилось уже не листьями, а ἐν τῇ ψήφῳ.

В связи с выявленной интересной закономерностью, может быть, имеет смысл поставить вопрос: какие предметы — черепки или листья — имели хронологический приоритет в голосованиях об исключении или изгнании граждан? Ответ на вопрос такого рода может быть, естественно, только гипотетическим. С одной стороны, несомненно, что в отношении своей сакральности лист (во всяком случае, масличный) имел значительное преимущество над обычным глиняным остраконом. Заманчиво поэтому было бы предположить, что экфиллофория являлась изначальной, первичной формой остракизма, а впоследствии, когда процедура голосования была передана от сравнительно немногочисленного органа (Совета) к колоссальному по своим размерам (экклесии), пришлось сменить и форму «бюллетеней»: применение листьев, как объектов, в высокой степени подверженных порче, было бы уж слишком непрактичным при наличии многих тысяч голосующих. В малых же органах (Совет, судебные коллегии, фиасы) уцелела в неприкосновенности более архаичная разновидность того же голосования, поскольку этому ничто не препятствовало. Увы, изложенную гипотезу приходится сразу же отвергнуть. Во-первых, судя по свидетельству византийского анонима, остракизм изначально (когда он еще проводился в Совете) уже был именно *остракизмом*, а не чем-либо иным, то есть предполагал использование черепков. Во-вторых, как мы увидим чуть ниже, предположению об изначальном использовании листьев противоречит наличие острака, дошедших от архаического, доклисфеновского времени. Судя по всему, писать имена изгоняемых с самого начала стали именно на черепках; введение же в отдельных разновидностях этой процедуры иных предметов — листьев — имело место уже в классическую эпоху и было, видимо, результатом своего рода «вторичной сакрализации» некоторых институтов.

* * *

Предположение об остракизме, в той или иной форме существовавшем в Аттике до Клисфена, позволяет непротиворечиво истолковать некоторые кажущиеся загадочными указания источников. Так, известно о существовании в античности и впоследствии в византийскую эпоху традиции, утверждавшей, что остракизмом был изгнан из Афин уже Тесей. Традицию эту, альтернативную по отношению к основной, «клисфеновской», нельзя назвать чрезвычайно популярной; она представлена не столь уж большим количеством авторов, однако при этом является весьма стабильной и устойчивой, существовавшей на протяжении добрых полутора тысячелетий. В классический пери-

од греческой истории главным представителем «тесеевской» традиции был Феофраст (fr.131 Wimmer; ср. Theophr.Char.26.6, где в имплицитной форме содержится реминисценция того же события). Насколько можно судить, именно к этому ученому восходят и практически все сообщения более поздних писателей об остракизме Тесея (Paus.Atticist.s.v.ἀρχὴ Σκυρία, со ссылкой на Феофраста; Euseb.Chron.II.p.50 Schoene; Schol.Aristoph.Plut.627; Schol. Aristid.XLVI.p.241.9 Jebb = III.p.688 Dindorf; Suid.s.v. ἀρχὴ Σκυρία, со ссылкой на Феофраста; Suid.s.v.Θησείοισιν; Eustath.ad Hom.Il.IX.662 sqq., II.p.834 van der Valk, со ссылкой на Феофраста; Arsen.Violet.s.v. ἀρχὴ Σκυρία, со ссылкой на Феофраста). Поэтому позволим себе впредь называть данную традицию «традицией Феофраста». Один из опиравшихся на него позднеантичных авторов (церковный историк Евсевий Кесарийский) в связи с изгнанием Тесея упоминает даже о том, что именно этот афинский герой первым издал закон об остракизме (πρῶτος ἐξωστρακίσθη αὐτὸς πρῶτος θεὶς τὸν νόμον).

Таким образом, второй схоларх Ликея (и зависевший от него круг писателей) имел, как видим, особое мнение по вопросу о происхождении остракизма. Сколь бы фантастичным это мнение ни казалось, с таким авторитетом, как Феофраст, во всяком случае, приходится считаться, и нельзя априорно, без попытки осмысления, отвергать свидетельство этого философа и ученого, пожалуй, знавшего об остракизме больше, чем кто-либо в классической древности. Р. Томсен утверждает, что в данном случае Феофраст употребил глагол ὀστρακίζειν метафорически, в широком смысле, иными словами, что ἐξωστρακίσθη означает у него просто «был изгнан»[62]. Было бы неплохо, если бы в подтверждение своего мнения он привел хотя бы один пример метафорического употребления этого слова, но ничего подобного он не сделал.

Нас заинтересовал этот вопрос, и мы предприняли поиск в нарративных источниках, стремясь найти примеры подобного рода. Наш поиск увенчался некоторым успехом. Не ручаемся, что приводимый ниже перечень греческих авторов, у которых слово «остракизм» и производные от него выступают в метафорическом или расширительном значении, является абсолютно исчерпывающим, но, по крайней мере, он дает понятие, о литературе какого времени идет речь. Вот этот перечень: Лукиан (II в. н. э.), Афанасий Великий, Василий Великий, Дидим Слепец, Иоанн Златоуст (IV в.), Палладий Еленопольский, Феодорит Кирский (V в.), Деяния Вселенских соборов V в., Олимпиодор (VI в.), Феофилакт Симокатта (VII в.), Иоанн Дамаскин, Иоанн Иерусалимский (VIII в.), Феодор Студит (VIII—IX вв.), Георгий Амартол, патриарх Фотий (IX в.), Константин Багрянородный (X в.), Евстафий Солунский (XII в.), Никифор Григора (XIV в.), а также ряд анонимных схолиастов. Как видим, всё это писатели римской (причем в подавляющем большинстве позднеримской) и византийской эпох. Самый ранний из них — Лукиан. Кстати уж не он ли, славившийся своим остроумием, первым сделал метафору из слова «остракизм»? Впрочем, сколь-

---

62 *Thomsen R.* Op. cit. P. 14.

ко-нибудь категоричные выводы вряд ли возможны, тем более, что подлинность многих сочинений, вошедших в Лукианов корпус, как известно, подвергается сомнению.

Итак, рассматриваемую лексему употребляют в расширительном значении лишь такие поздние авторы, что они никак не могут сопоставляться с Феофрастом. Что же касается писателей классической и эллинистической эпох, то у них слово ἐξοστρακίζειν и производные если и встречаются в каком-либо ином смысле, кроме «изгнать черепками», то только в смысле «разбить на черепки» (Aristoph.fr.593 Edmonds; Chrysipp.fr.565 Arnim), что к нашему случаю не имеет никакого отношения. Есть, правда, один текст, казалось бы, противоречащий тому, что было сказано выше. В одном из фрагментов известного оратора Демада, современника Феофраста, читаем: ἐξωστράκισται μὲν πᾶν τὸ χρήσιμον ἐκ τῶν πραγμάτων (Demad.fr.124 de Falco). Однако стоит отметить, что этот мастер красноречия был прекрасным импровизатором, говорил без подготовки и никогда не записывал своих речей, так что практически ни один его фрагмент не может считаться аутентичным (за исключением нескольких удачных mots, оставшихся в памяти поколений, типа «законы Драконта написаны не чернилами, а кровью» и т. п.).

Отметим еще одно обстоятельство. Феофраст называет Тесея *первым* афинянином, подвергшимся остракизму[63]. Таким образом, метафора полностью исключена: ведь не мог же Феофраст иметь в виду, что Тесей вообще был первым изгнан из Афин! Это уж слишком явно не соответствовало бы мифологической традиции, которая сообщает об изгнанниках из Афин и до Тесея, в том числе представителях царского рода. Так, еще дед Тесея Пандион был свергнут с престола и изгнан своими родственниками — Метионидами. Он бежал в соседние Мегары[64], умер там, а впоследствии его сыновья возвратились на родину и, в свою очередь, изгнали обидчиков отца (Apollod. Bibl.III.15.5—6). Подвергались изгнанию и более ранние афинские цари: Кранай, Амфиктион (Apollod.Bibl.III.14.6). Наиболее известен и даже хрестоматиен случай с мастером Дедалом, изгнанным по приговору Ареопага за убийство племянника (Apollod.Bibl.III.15.9). Это тоже случилось, естественно, еще до Тесея, который совершил свой юношеский подвиг в Лабиринте, уже построенном Дедалом. Мы приводим все эти примеры, конечно, не для того, чтобы утверждать о реальном существовании Краная или Дедала, а для того, чтобы показать: легендарная традиция, которая в античности «воспринималась и трактовалась как историческая»[65], знала лиц, изгнанных из Афин ранее, чем Тесей. Феофрасту эта традиция не могла быть неиз-

---

[63] Ὀστρακισθῆναι δὲ *πρῶτον* (курсив наш. — *И. С.*) Ἀθήνησι Θησέα ἱστορεῖ Θεόφραστος ἐν τοῖς πρώτοις καιροῖς.

[64] *Пальцева Л.А.* Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 41 слл.

[65] *Видаль-Накэ П.* Ук. соч. С. 228. Ср.: *Starr Ch.G.* The Origins of Greek Civilization 1100—650 B. C. L., 1962. P. 68.

вестной. Иными словами, нет никаких оснований считать, что этот ученый говорил об остракизме Тесея в переносном смысле.

Автор этих строк, разумеется, далек от того, чтобы принимать сообщение Феофраста всерьез. Единственное, что хотелось бы подчеркнуть, — тот факт, что античная традиция отнюдь не обязательно связывала введение остракизма с именем Клисфена. Параллельно существовало представление о гораздо более древнем происхождении этого института. Данная альтернативная точка зрения представлена по крайней мере одним в высшей степени авторитетным именем и вряд ли не имела под собой совершенно никаких оснований.

Укажем на еще одно небезынтересное свидетельство. Писатель I в. до н. э. Птолемей Хенн в сочинении Καινὴ ἱστορία, дошедшем в кратком изложении Фотия, называет имя некоего Ахилла, сына Лисона, будто бы введшего остракизм в Афинах[66]. Какой бы низкой ни была репутация Птолемея Хенна как источника (а она действительно крайне невысока[67]), трудно представить, что он просто выдумал несуществующее имя, да еще и с патронимиком. Характерно, что ЛИ Ахилл совершенно чуждо аттической просопографии[68]. Может быть, Птолемей просто что-нибудь перепутал (а вот этого от него как раз вполне можно ожидать!), и названное им лицо в действительности ввело остракизм, но не в Афинах, а в каком-нибудь другом полисе?

Здесь мы выходим на достаточно важную, но крайне мало изученную проблему остракизма и аналогичных ему процедур за пределами Афин. Этот вопрос настоятельно нуждается в специальном изучении. Поскольку настоящая работа посвящена *афинскому* остракизму, мы не хотели бы слишком далеко отступать от основной нити изложения, и потому выделяем подробный анализ внеафинского материала в отдельный экскурс (Приложение II), а здесь сделаем лишь минимальное количество замечаний общего характера, без которых обойтись просто нельзя, если мы хотим трактовать историю остракизма не изолированно, с «афиноцентристских» позиций, а в общегреческом контексте.

Источники (Arist.Pol.V. 1302b18; Diod.XI.86—87; Schol.Aristoph.Equ. 855) сообщают о функционировании остракизма в таких полисах, как Аргос, Милет, Мегары (для Мегар и Аргоса эти данные подтвердились находкой остраконов), о практически аналогичном петализме в Сиракузах. Какая-то схожая с остракизмом форма изгнания существовала в Эфесе (Heraclit.B121 DK). Кроме того, остраконы для остракизма открыты еще в двух полисах, в которых существование этой процедуры не зафиксировано нарративной традицией, а именно в североафриканской Кирене и в Херсонесе Таврическом. Таким образом, материал, связанный с остракизмом за пределами Афин, продолжа-

---

[66] Phot.Bibl.cod.190, 152a39—40: καὶ ὁ τὸν ὀστρακισμὸν ἐπινοήσας Ἀθήνῃσιν Ἀχιλλεὺς ἐκαλεῖτο, υἱὸς Λύσωνος.

[67] *Thomsen R.* Op. cit. P. 15.

[68] Единичные носители этого имени в Афинах все относятся к гораздо более позднему времени. См.: *Osborne M. J., Byrne S. G.* Op. cit. P. 85.

ет пополняться. При этом только для Сиракуз прямо сообщается о заимствовании интересующего нас института из Афин. Во всех остальных случаях нет непосредственных оснований постулировать такое заимствование, хотя именно так зачастую и поступают[69]. Более того, для некоторых из указанных городов (Мегары, Эфес, Херсонес, возможно, также Аргос) можно с известной долей вероятности говорить о появлении там остракизма (или аналогичных процедур), по меньшей мере, не позже реформ Клисфена в Афинах, а, может быть, даже раньше. Если это действительно так, то афинское влияние тем более следует исключить. Одним словом, если подходить к рассматриваемому вопросу непредвзято, без априорных установок, придется констатировать, что Афины не могут безоговорочно претендовать на право называться «родиной» остракизма. В каком полисе действительно впервые появился данный институт, мы вряд ли когда-нибудь узнаем, хотя, конечно, высказывать по этому поводу те или иные предположения или соображения отнюдь не возбраняется. Так, интересно, что большинство городов — центров функционирования внеафинского остракизма — являются дорийскими. Уж не из дорийского ли мира пришла сама идея?

* * *

Переходим к одному из самых сильных элементов нашей аргументации по поводу доклисфеновского остракизма, а именно к рассмотрению архаических афинских острака. При раскопках Агоры археологами был обнаружен ряд памятников (не менее трех десятков), совершенно идентичных остракона м для остракизма (черепки с надписанными на них именами, а некоторые — и с патронимиками), но датируемые не V в. до н. э., а более ранним временем VI и VII вв.[70] Если бы не эта датировка, не возникало бы никакого сомнения, что перед нами — именно «бюллетени», использовавшиеся на остракофориях, а не что-либо иное. Но поскольку существование каких-либо форм остракизма до реформ Клисфена большинством исследователей не признается, перед этими черепками обычно останавливаются в недоумении. Характерный пример — позиция М. Лэнг. Публикуя архаические острака, исследовательница просто-таки приходит в растерянность при попытке предложить хотя бы какую-нибудь интерпретацию этих памятников. Она выдвигает несколько возможных объяснений, причем, судя по всему, просто exempli gratia,

---

69 Например: *Valeton I. M. J.* Op. cit. V. 15. P. 130—131; *Thomsen R.* Op. cit. P. 12.

70 Об этих памятниках см.: *Meritt B. D.* Op. cit. P. 63 f.; *Raubitschek A. E.* The Origin of Ostracism... P. 22; *Hands A. R.* Op. cit.; *Harvey F. D.* Literacy... P. 591; *Jeffery L. H.* The Local Scripts... P. 70; *Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J.* Op. cit. V. 4. Oxf., 1970. P. 332; *Thomsen R.* Op. cit. P. 70; *Develin R.* Cleisthenes and Ostracism... P. 10 ff.; *Idem.* Bouleutic Ostracism... P. 13; *Arnush M. F.* Op. cit.; *Vinogradov J. G.* Ostrakismos als strenges Kampfmittel... S. 386. Наиболее полную их публикацию см.: *Lang M.* Graffiti and Dipinti... P. 12 ff.

тобы хоть что-то сказать, прекрасно осознавая уязвимость любого из таких ариантов. Черепки с именами, считает Лэнг, могли бы быть, например, бирами, навешивавшимися на какие-нибудь свертки с товарами, отправляемые о тому или иному адресу. Или же это — упражнения школьников, либо еще родукты развлечений бездельников, писавших на досуге на черепках имена, вои собственные или своих близких. От всех этих интерпретаций не оставил амня на камне Ю. Г. Виноградов, совершенно справедливо указавший, что, сли бы черепки были бирками, в них проделывалось бы отверстие для прикепления веревкой к свертку, если же понимать их как школьные тексты, соершенно необъяснимым оказывается выбор для упражнений в письме имен, а еще и с патронимиками[71]. Что же касается «развлечений бездельников», о такое, с позволения сказать, объяснение вряд ли даже нуждается в опроержении. Высказывалось также предположение (А. Раубичек), что черепки спользовались для выборов каких-то должностных лиц, например, архонов. Однако этому нет никаких подтверждений, никаких известных прецеентов не только в Афинах, но и во всем греческом мире архаической и классической эпох[72]. Надписанные черепки (или листья) всегда служили в это ремя для голосования по поводу не выборов, а удаления лиц. Таким образом, редлагавшиеся интерпретации не выдерживают критики. А с другой стороы, при сопоставлении рассматриваемых памятников с бесспорными афинсими остраконами V в. до н. э., а также с остраконами аналогичного применеия из других полисов (Мегары, Кирена, Херсонес) всё встает на свои места: ипологическое сходство налицо[73]. Уж не дошли ли до нас те самые глиняные бюллетени», которые в доклисфеновское время использовали еще не все финские граждане, а только булевты (этим, возможно, обусловлено их отноительно небольшое количество), голосуя за изгнание того или иного аристокатического политика?

Имена, встречающиеся на архаических острака, как и следовало ожидать, в большинстве своем принадлежат к сфере аристократической ономастики. Вот некоторые из них: Гегестрат, Архедик, Горгий, Евтимен, Каллон, Лиий, Аристион, Аристид (это лицо не следует путать с Аристидом «Справедлиым», поскольку остракон датируется серединой VI в. до н. э.), Павсий, Дамей, Феокл (может быть, кто-нибудь из предков Фемистокла?) и др. Весьма интеесно стоящее на одном из этих остраконов имя Фринон. Не следует ли отожествить этого афинянина, с Фриноном, атлетом-панкратиастом, олимпийсим победителем 636 г. до н. э.? Как олимпионик, он должен был иметь опрееленные политические амбиции, к тому же источники прямо сообщают, что

---

[1] *Vinogradov J. G.* Ostrakismos als strenges Kampfmittel... S. 386.

[2] Для эпохи эллинизма известно несколько случаев подобного использования черепков или листьев (Юлида на Кеосе, возможно, Ольвия), но эти аналогии, конечно, нельзя признать близкими.

[3] Из авторов, перечисленных в прим. 70, признают связь архаических острака с какой-то ранней формой остракизма Э. Хэндс, Р. Девелин, Ю. Г. Виноградов.

так оно и было. В конце VII в. до н. э., будучи уже немолодым человеком, Фринон, видимо, не ужившись-таки в Афинах, покинул родину и возглавил колонизационную экспедицию в Сигей (в Троаде), намереваясь стать ойкистом основываемого там поселения, но натолкнулся на сопротивление лесбосцев и в конечном счете пал в единоборстве с Питтаком, будущим правителем Митилены (Strab.XIII.599—600; Diog.Laert.I.74)[74]. Резонно поставить вопрос: было ли удаление Фринона из Афин совершенно добровольным? Может быть, ввиду его нежелательной влиятельности городские власти решили под благовидным предлогом удалить бывшего атлета, прибегнув при этом к голосованию черепками, то есть к ранней форме остракизма или «протоостракизма»?

На некоторых из архаических остраконов, как и на их классических «собратьях», мы находим, помимо имен, приписки инвективного характера. Чаще других встречается грубое бранное слово καταπύγων (в V в. до н. э. этот эпитет употреблен на остраконе против Фемистокла; встречается он также на одном из остраконов Херсонеса Таврического[75]). В высшей степени знаменательна такая надпись: Τιτὰς[76] Ὀλυ<μ>πιόν̣[ι]κ̣ος καταπύγον. Олимпионик с таким именем вроде бы неизвестен (хотя, разумеется, дошедшие до нас списки олимпийских победителей архаической эпохи отнюдь нельзя считать полными). Резоннее предположить, что писавший хотел одновременно выразить насмешку, сопоставив в одной надписи весьма почетный и крайне обсценный эпитеты, и, может быть, в метафорической форме указать на опасность данного лица для полиса.

Наиболее важным и интересным из группы архаических острака является найденный на афинской Агоре черепок сосуда геометрического стиля VIII в. до н. э. с надписью, сделанной ретроградным письмом: Πισίσ<τ>ρατο[ς]. Допущение существования процедуры, аналогичной остракизму, в Афинах доклисфеновского времени позволяет осмысленно интерпретировать этот памятник. Предлагавшиеся в исследовательской литературе датировки черепка со знаменитым в афинской истории именем Писистрата очень сильно колеблются, лишний раз напоминая нам о крайней нечеткости палеографичес-

---

[74] Об олимпийской победе Фринона см.: *Moretti L.* Olympionikai... P. 66. О последующей его судьбе: *Jeffery L. H.* Archaic Greece... P. 89. Лэнг, публикуя остракон Фринона, относит его к VI в. до н. э. (*Lang M.* Graffiti and Dipinti... P. 20), что должно исключать отождествление этого лица с Фриноном-олимпиоником. Однако критерии датировки в данном случае весьма шатки — археологический контекст, в который данный предмет мог ведь попасть и случайно. Керамический же материал при датировании остракона никак не помогает: черепок взят от большого толстостенного сосуда без лака (скорее всего пифоса), из его непрофильной части. Надпись нанесена на внутренней стенке, а, стало быть, несомненно уже на черепке.

[75] *Vinogradov J. G.* Ostrakismos als strenges Kampfmittel... S. 381.

[76] У Лэнг — Τίτας. Однако Ю. Г.Виноградов любезно сообщил нам, что ЛИ Τίτας нигде не зафиксировано, в то время как ЛИ Τιτάς (то есть, собственно, Титан) редко, но встречается.

ких критериев датирования остраконов. Некоторые исследователи (Ф. Харви, Л. Джеффери, М. Лэнг) относят данный памятник к середине VII в. до н. э., связывая его с Писистратом, эпонимным архонтом 669/668 г. до н. э. (Paus.II.24.7)[77]. Есть, однако, и точка зрения, согласно которой рассматриваемый остракон вообще не принадлежит к архаической эпохе, а должен датироваться началом V в. до н. э., временем первых остракофорий, упомянутый же на нем Писистрат — не кто иной, как Писистрат Младший, сын тирана Гиппия. Этот тезис впервые, в сжатой форме и без особенной аргументации, выдвинул еще в довоенный период Б. Меритт, а совсем недавно он был весьма подробно развит М. Арнашем, попытавшимся реконструировать карьеру Писистрата Младшего и предложившим следующее построение. Сын Гиппия, в 510 г. до н. э. бежавший из Афин вместе с отцом, вскоре после этого возвратился на родину и примкнул к политической группировке Гиппарха, сына Харма. В 480-х гг. он рассматривался как один из «кандидатов» на остракизм и вскоре после этого окончательно покинул город, удалившись к родственникам в Персию.

Данная реконструкция биографии Писистрата Младшего представляется нам совершенно фантастичной. Если сын тирана в эпоху уже наступившей демократии вернулся в Афины, то почему о столь экстраординарном событии не сообщил *ни один* античный автор? Далее, интересно знать, каким образом и зачем могли бы позволить афиняне ему это сделать? И, наконец, если в полисе находился сам сын Гиппия, почему группировку «друзей тиранов» возглавлял не он, а куда менее титулованный и известный Гиппарх, сын Харма? И почему именно этот Гиппарх, а не Писистрат Младший (что было бы куда более естественным) стал первой жертвой остракизма? Не выражая не малейшей доли солидарности с гипотезой Меритта — Арнаша, просто констатируем, что сторонники наиболее поздней даты граффито с именем Писистрата признают его идентификацию как остракона для остракизма (в его классической, «клисфеновской» форме)[78], в то время как наиболее ранняя дата (VII в. до н. э.) заставляет принимающих ее антиковедов полностью исключать какую-либо связь с остракизмом.

Нам представляется наиболее резонной промежуточная датировка этого памятника серединой VI в. до н. э.[79] В таком случае он безусловно будет относиться к единственному афинянину, носившему в это время достаточно редкое имя Писистрат, а именно к прославленному афинскому тирану. Последний, как известно, дважды изгонялся своими противниками из Афин. О способе или процедуре его первого изгнания можно только гадать (известно только, что ти-

---

[77] О его архонтате см.: *Develin R.* Athenian Officials... P. 28.

[78] Есть еще версия, что остракон с именем Писистрата — шутка на остракофории (М. Гвардуччи, Ш. Бренне).

[79] Такую датировку принимают А. Раубичек, Э. Хэндс, Р. Девелин. Впрочем, большинство перечисленных исследователей не признает данное граффито остраконом в юридическом смысле слова.

ран, удалившись из Афин, продолжал оставаться в Аттике, судя по всему, на своих родовых землях в Диакрии, в районе Браврона), а вот второе его изгнание (556—546 гг. до н. э.)[80] очень похоже на остракизм. На этот раз Писистрат покинул не только город, но и всю территорию афинского полиса (ἀπαλλάσσετο ἐκ τῆς χώρης τὸ παράπαν, Herod.I.61.3). Ровно десять лет (!) он странным образом бездействовал, участвуя в колонизации северного побережья Эгейского моря[81], на одиннадцатом же году (Herod.I.62.1; Arist.Ath. pol. 15.2), совершил высадку в Аттике, закончившуюся для него новым захватом власти.

Если Писистрат действительно стал жертвой остракизма (естественно, еще не в народном собрании, а в каком-то более узком органе, скорее всего, в Совете, а, может быть, в каком-нибудь специальном судилище, составленном из аристократов), то спустя десять лет он требовал своего возвращения, с нетерпением ожидавшегося его сторонниками в Аттике, на вполне законном основании: ведь срок изгнания истек. Следовательно, и использование им, чтобы добиться соблюдения законности, вспомогательных союзных сил не противоречило в глазах современников принятым правовым нормам. Характерна та удивительная легкость, с которой тиран одержал победу над афинским ополчением при Палленидe (Herod.I.63): очевидно, даже его противники, проявившие необъяснимую иначе пассивность при организации обороны города, понимали, что справедливость в данном случае не на их стороне.

А теперь, с учетом данных об архаическом афинском остракизме, можно вернуться к упоминавшемуся выше сообщению Элиана (Var.hist.XIII.24), согласно которому остракизму подвергся реформатор Клисфен. Что, если это свидетельство содержит определенное зерно истины? Вот только относить его следует не к периоду после клисфеновских реформ, а к более раннему времени, когда Алкмеониды то ссорились, то примирялись с Писистратидами и, соответственно, то изгонялись из Афин, то вновь возвращались на родину. Впервые этот род ушел в изгнание в 546 г. до н. э., после окончательного утверждения Писистрата у власти; тогда во главе Алкмеонидов стоял еще отец Клисфена Мегакл[82], но будущий «отец афинской демократии», несомненно,

---

[80] Об изгнаниях Писистрата и их датировке см.: *Берве Г.* Ук. соч. С. 63 слл.; *Heidbüchel F.* Op. cit. S. 70 ff.; *Bicknell P. J.* The Exile of the Alkmeonidai during the Peisistratid Tyranny // Historia. 1970. Bd. 19. Ht. 2. S. 129—131; *Camp J. M.* Before Democracy: Alkmaionidai and Peisistratidai // AAAD. P. 7; *Brandt H.* Pythia, Apollon und die älteren griechischen Tyrannen // Chiron. 1998. Bd. 28. S. 201.

[81] *Viviers D.* Pisistratus' Settlement on the Thermaic Gulf: A Connection with the Eretrian Colonization // JHS. 1987. V. 107. P. 193—195.

[82] Существует не лишенное интереса свидетельство (Schol.Aristoph.Nub.60), согласно которому Писистрат изгнал Мегакла остракизмом (ὁ αὐτὸς Μεγακλῆς καὶ ὑπὸ Πεισιστράτου ἐξοστρακισθεὶς πάλιν ὑπ' αὐτοῦ ἀνεκλήθη...). Впрочем, вряд ли этим словам стоит придавать особенно большое значение. В те времена, когда составлялись схолии, слово «остракизм» уже вполне могло употребляться в расширительном значении, указывая на любое изгнание. Положение усугубляется тем, что в действи-

покинул Аттику вместе со всеми своими сородичами. Судя по всему, уже после смерти первого афинского тирана, около 527 г. до н. э., его сын Гиппий решил примириться с изгнанными аристократами и позволил им вернуться[83]. Алкмеониды, конечно, воспользовались столь любезным приглашением; их в то время возглавлял уже Клисфен, которого Гиппий в ознаменование своей дружественности вскоре и назначил архонтом-эпонимом на 525/524 г. до н. э. Однако спустя какое-то время Алкмеониды в очередной раз оказались в изгнании. Точное время, когда это произошло, неизвестно. Обычно считается, что они приняли какое-то участие в заговоре Гармодия и Аристогитона (514 г. до н. э.), и разгневанный Гиппий вновь отправил «мятежный род» за пределы полиса. Но это лишь одна из возможных гипотез, к тому же в источниках нет никаких следов упоминаний о причастности Алкмеонидов к заговору Гармодия и Аристогитона (впоследствии Алкмеониды были склонны скорее преуменьшать роль этих последних в освобождении Афин от тирании). Не с меньшей вероятностью можно предположить и другой более ранний срок для их изгнания, например, около 520 г. до н. э.[84]

Уже высказывалось предположение, что при изгнании Алкмеонидов Гиппием использовались остраконы (Р. Девелин)[85]. В столь категоричной форме этот тезис, безусловно, неприемлем: остракизм, о какой бы его форме не шла речь, был по самому своему существу индивидуальным, а не коллективным, не родовым изгнанием. Но следует ли полностью исключать возможность того, что какие-то представители рода Алкмеонидов, и в том числе Клисфен, были изгнаны путем применения процедуры «протоостракизма»? Что, если до Элиана дошли отдаленные отголоски информации о чем-то подобном, и он сохранил их, естественно, исказив и переиначив? Все это, конечно, очень гипотетично, но наш долг — представить на суд читателей

тельности схолиаст перепутал Мегакла с другим знатным афинянином — Кимоном, сыном Стесагора, из рода Филаидов, троекратным олимпийским победителем (*Moretti L.* Olympionikai... P. 72; об изгнании и победах Кимона, о его отношении с Писистратидами см.: *Молчанов А. А., Суриков И. Е.* Писистратиды — потомки отказавших в гостеприимстве (актуализация династического мифа) // ЗОГАМ. С. 123). Кстати, изгнание этого Кимона, судя по хронологии его олимпийских побед, продолжалось около десяти лет. Не был ли и к нему применен остракизм?

83 Исследование событий этих лет и их хронологии см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 41—43, 150—160.

84 В. М. Строгецкий, в общем-то, вполне резонно замечает: если изгнание Алкмеонидов Гиппием продолжалось не более четырех лет (514—510 гг. до н. э.), как же они успели за столь короткий срок сделать столько дел: организовать неудачную попытку сопротивления в Липсидрии на границах Аттики, отстроить храм в Дельфах, заручиться (несомненно, путем непростых переговоров) поддержкой дельфийского жречества и спартанских властей? См.: *Строгецкий В. М.* Клисфен и Алкмеониды // ВДИ. 1972. № 2. С. 99—106.

85 *Develin R.* Cleisthenes and Ostracism... P. 10 ff.

самые различные импликации идей, развиваемых в данном пункте, какими бы маловероятными не казались те или иные из этих импликаций.

И еще одного известного факта афинской истории VI в. до н. э. мы не можем не коснуться, говоря о формах, предшествовавших классическому остракизму. Имеется в виду добровольное изгнание Солона, которое в определенной степени можно охарактеризовать как «самоостракизм». Как известно, введение в 594 г. до н. э. предложенного Солоном свода законов вызвало немало осложнений для самого законодателя в его отношениях с согражданами, отнюдь не во всем удовлетворенными его деятельностью. В результате Солон покинул Афины на десять лет (Arist.Ath.pol.11.2). При этом, по указанию Плутарха (Plut.Sol.25), его отъезд не был каким-то самовольным действием, поскольку им было испрошено у афинян соответствующее разрешение. Разрешение было дано, надо думать, путем голосования. Следует сказать, что обречение себя самого на *десятилетнее* добровольное изгнание[86] выглядит как политико-правовой эксперимент знаменитого реформатора, возможно, имевший целью создать некий прецедент. Так может быть, Солон, а не Клисфен, был подлинным «изобретателем» остракизма? Говорить об этом можно только cum grano salis, поскольку остракизм, как мы покажем чуть ниже, вряд ли вообще был чьим бы то ни было сознательным изобретением, но какие-то меры, связанные с функционированием «протоостракизма», могут быть связаны с Солоном. Достаточно напомнить следующий факт: доклисфеновский остракизм, как мы видели, проводился в Совете Четырехсот, а этот орган был создан именно в ходе реформ Солона, который, соответственно, должен быть и сделать его прерогативой эту процедуру. Если же «протоостракизм» существовал и до Солона, то проводить его мог только Ареопаг (другого варианта просто нет).

* * *

Все, что было сказано выше, может вызвать недоумение у тех, кто привык однозначно ассоциировать остракизм с демократией. Действительно, о каком остракизме доклисфеновской эпохи может идти речь, если афинский полис тогда еще не был демократическим? Представление об остракизме как о в высшей степени демократическом институте, как о форме борьбы, порождаемой именно и конкретно античной демократией, следует признать весьма распространенным. Так, Дж. Ларсен считал, что остракизмы V в. до н. э. являлись проявлением конфликта между демократией и сторонниками олигар-

[86] Мы не разделяем скептицизм некоторых современных исследователей, считающих, что «круглая» цифра в данном случае неаутентична (например: *Fehling D.* Herodotus and his «Sources»: Citation, Invention and Narrative Art. Leeds, 1989. P. 211 f.; *Bichler R.* Herodots Welt: der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte. 2 Aufl. B., 2001. S. 247). Критику подобных взглядов см.: *Pritchett W. K.* The Liar School of Herodotus. Amsterdam, 1993.

хии[87] (это, на наш взгляд, чрезмерно упрощенный подход к истории афинской политической борьбы классической эпохи, которая отнюдь не развертывалась по дуальной схеме «демократы — олигархи»). А. Хейс называл введение остракизма в числе первых шагов последовательной демократической политики[88]. Автор недавней монографии о ранних греческих демократиях Э. Робинсон высказывает мысль, что остракизм — «в высшей степени демократическая процедура», «одна из яснейших специфических черт демократии»[89]. «Сильным средством борьбы за демократию» называет остракизм Ю. Г. Виноградов[90], К. Моссе — «характерной практикой греческой демократии»[91], К. Вебер — «демократической особенностью Афин»[92].

На наш взгляд, однако, не все так просто. Нет по-настоящему серьезных оснований обязательно связывать остракизм исключительно с демократической формой правления, и только с ней. По сути дела, не существует какого-либо непримиримого противоречия между практикой остракизма и аристократическим или олигархическим государственным устройством. Вопрос заключается лишь в том, в ведении какого органа — народного собрания (при демократии) или Совета (при аристократии или олигархии) эта процедура находится[93]. По большому счету, остракизм несовместим, пожалуй, лишь с тиранией, да и тут не обойтись без оговорок. Если тиран желал соблюсти хотя бы видимость законности и легитимности своей власти в полисе (а именно такова была политика афинских Писистратидов почти до самого конца правления династии), ничто не мешало ему для устранения противников прибегнуть к подобного рода правовой процедуре, тем более что нужный результат голосования в Совете, укомплектованном ставленниками правителя[94], был заведомо обеспечен.

Каковы наиболее существенные черты института остракизма — те, что делают его остракизмом как таковым, отличая от прочих форм изгнания? Таких черт, в нашем понимании, три: а) изгнание не в качестве наказания, а, так

---

87 *Larsen J. A. O.* Cleisthenes and the Development of the Theory of Democracy at Athens // Essays in Political Theory Presented to G. H. Sabine. Ithaca, 1948. P. 16.

88 *Heuss A.* Vom Anfang und Ende «archaischer» Politik bei den Griechen // Gnomosyne: Menschliches Denken und Handeln in der frühgriechischen Literatur. München, 1981. S. 27.

89 *Robinson E. W.* The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart, 1997. P. 40—41, 62.

90 *Vinogradov J. G.* Ostrakismos als strenges Kampfmittel... S. 379.

91 *Mossé C.* Dictionnaire... P. 358.

92 *Weber C. W.* Athen: Aufstieg und Größe des antiken Stadtstaates. Herrsching, 1981. S. 154.

93 Нам уже приходилось высказывать эту мысль: *Суриков И. Е.* Остракизм в Мегарах... С. 49, 51.

94 Как раз подобным образом обстояло дело в Афинах при Писистратидах, которые проводили на высшие государственные должности своих людей (ср. Thuc. VI. 54.6).

сказать, «для профилактики», то есть не в связи с виной, лежащей на гражданине, а просто потому, что он стал «слишком влиятелен» или по какой-либо иной причине; б) изгнание на фиксированный срок; в) изгнание с применением специфической процедуры — голосования надписанными предметами (черепками, листьями и т. п.). Как мы уже отмечали во введении, третья из перечисленных черт, несмотря на то, что в античности она, видимо, осознавалась как самая важная и даже дала название всему институту, в действительности представляется наименее принципиальной и уж, во всяком случае, наименее древней: она могла появиться не ранее распространения в Греции алфавитной письменности. Преимущественное же внимание следует обратить на черту, охарактеризованную нами первой: остракизм как изгнание, в сущности, ни в чем не виновного человека. Подобная практика удаления из полиса невиновных известна в греческом мире и помимо остракизма. Но все случаи, когда к ней обращались, предполагали *катартический* контекст.

Кстати, остракизм, даже и в своей «классической», практически полностью секуляризованной форме, оставался весьма своеобразной формой голосования. При его проведении конкретные лица, как «кандидаты» на изгнание, заранее не выдвигались[95]. Об этом свидетельствуют, помимо прочего, сами острака, показывающие поистине огромный разброс голосов, зачастую поданных против абсолютно ничем не примечательных афинян. Этим остракофория существенно отличалась от других видов голосования в Афинах. В сущности, ее можно даже рассматривать как голосование, сходное с жеребьевкой, где роль жребия играла неорганизованная совокупность голосов афинских граждан. Жеребьевка же, как известно, всей античностью однозначно трактовалась как выявление воли богов, их безусловно справедливого решения, и придавала процедуре, в которой использовалась, сакральный оттенок. В таком контексте, скажем, «ничейный» исход остракизма (когда никто из граждан не набирал 6000 голосов) должен был рассматриваться как прощение полиса богами, снятие необходимости очистительно-искупительных мер. В связи с вышесказанным не удивительно, что рядом исследователей отмечались определенные религиозные коннотации, сохраняемые остракизмом в V в. до н. э.[96]

---

[95] В связи со сказанным обратим внимание на следующее обстоятельство. Иногда считается, что остракизм принадлежал к категории так называемых νόμοι ἐπ' ἀνδρί, т. е. законов, имеющих не общую силу, а направленных против одного конкретного лица, leges ad hominem (например: *Gomme A. W.* Op. cit. P. 630). Это неверно: именно постольку, поскольку при принятии решения об остракофории никакого конкретного имени в связи с ней не называлось, остракизм не был направлен против одного лица и потому не может считаться νόμος ἐπ' ἀνδρί. См.: *Reinmuth O. W.* Ostrakismos (Kleine Pauly). Sp. 376. К этой категории относились, в частности, законы о даровании афинского гражданства, о предоставлении безопасности желающим сделать донос или внести предложение, которое могло быть воспринято как противозаконное, и т. п.

В 1989 г. вышла статья Л. Холл, скромно озаглавленная «Заметки по поводу закона об остракизме»[97], но являющаяся, по нашему глубокому убеждению, одной из наиболее интересных и ценных работ, когда-либо посвящавшихся рассматриваемому институту. Исследовательница, пожалуй, впервые в мировой историографии всерьез предложила посмотреть на проблему происхождения остракизма под новым углом, весьма убедительно продемонстрировав, что та форма этой процедуры, которая применялась в V в. до н. э. и которая лучше всего известна нам, была продуктом длительного развития, протекавшего в течение десятилетий или даже веков. В конечном счете мы имеем дело с рудиментарной, секуляризованной формой древнего, как мир, магического ритуала — изгнания «козла отпущения» (греч. φαρμακός)[98]. Фармак по своему положению являлся sacrosanctus, то есть одновременно «про́клятым» и «священным», «неприкасаемым» и «неприкосновенным». Именно поэтому лица, подвергнутые остракизму, с одной стороны, удалялись с территории полиса и тем самым отстранялись от соприкосновения со святынями и от общения с согражданами, а, с другой стороны, имущество такого изгнанника было свободно от всяких посягательств, оно являлось неприкосновенным. Отнюдь не случайно, что остракофория проводилась ровно раз в год — ни чаще, ни реже, причем весной, в пору обновления природы; изгнанник как бы уносил с собой грехи, накопившиеся в гражданской общине в течение очередного календарного цикла.

Привлечем внимание к одному в высшей степени интересному в нашем контексте пассажу из «Географии» Страбона (X.452). Описывая остров

---

[96] *Ranulf S.* Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athens: A Contribution to the Sociology of Moral Indignation. V. 2. Copenhagen, 1934. P. 280; *Moulinier L.* Le pur et l'impur dans la pensée et la sensibilité des Grecs jusqu'a la fin du IVème siècle av. J.-C. P., 1950. P. 222; *Parker R.* Miasma: Pollution and Purification in Early Greek Religion. Oxf., 1985. P. 269—270; *Sagan E.* Op. cit. P. 168 ff.; *Лурье С. Я.* Ук. соч. С. 154. Отметим, что в эпоху архаики и вообще трудно ожидать какого-то явления без религиозных коннотаций: роль религии в мировоззрении была еще очень велика (ср.: *Frost F. J.* Faith, Authority, and History in Early Athens // RPAGW. P. 83).

[97] *Hall L. G. H.* Remarks... Выводы Холл обретают все большую поддержку в антиковедении; см., например: *Siewert P.* Accuse... P. 8; *Hornblower S.* The Greek World 479—323 B. C. 3 ed. L.; N.Y., 2002. P. 21; *Грант М.* Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998. С. 101. Мы, со своей стороны, должны констатировать, что ознакомились с ее статьей уже после того, как наша концепция о раннем происхождении остракизма уже в основных чертах сложилась, и были весьма рады ознакомиться со взглядами единомышленника.

[98] О древнегреческих ритуалах, в которых использовались фармаки, см.: *Frazer J. G.* The Golden Bough. V. 6. 3 ed. L., 1920. Passim; *Gebhard V.* Die Pharmakoi in Ionien und die Sybackhoi in Athen. München, 1926; *Burkert W.* Creation of the Sacred: Tracks of Biology in Early Religions. Cambridge Mass., 1996. P. 51 ff.; *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 233.

Левкаду, Страбон сообщает (курсив везде наш): «У левкадцев существовал унаследованный от отцов обычай на *ежегодном* празднике жертвоприношения Аполлону сбрасывать со сторожевого поста на скале одного из обвиненных преступников *для отвращения гнева богов*; к жертве привязывали всякого рода перья и птиц, чтобы парением облегчить прыжок, а внизу множество людей в маленьких рыбачьих лодках, расположенных кругом, подхватывали жертву; когда преступник приходил в себя, его, по возможности *невредимым*, переправляли *за пределы своей страны*». Эта информация, как нам кажется, говорит сама за себя и не нуждается в комментарии, хотя ее вроде бы никто еще не использовал в связи с вопросом о происхождении остракизма.

Интересно, что существуют свидетельства, донесенные до нас греческой мифолого-исторической традицией, о применении уже по меньшей мере в позднемикенское время изгнания на определенный срок (Apollod.Bibl.II.8.3; Plut.Mor.303d; Paus.VII.4.2—3), причем срок этот равнялся именно десяти годам[99]. Иными словами, и эта черта остракизма является не сознательным изобретением какого-то законодателя (будь то Клисфен, Солон или кто-либо еще), а проявлением древней традиции.

Совсем недавно (в 1997 г.) появилась работа Д. Мерхади «Ритуальные истоки афинского остракизма»[100], в которой выдвинута нетривиальная гипотеза: происхождение остракизма со всеми его ритуальными импликациями значительно лучше укладывается в исторический контекст архаической эпохи с ее острой межаристократической борьбой, чем в рамки полностью демократического полиса. Остракизм, как считает Мерхади, «was more attuned to an aristocratic than a democratic culture». Мы, со своей стороны, укажем на следующее обстоятельство, кажется, подтверждающее данную точку зрения. Афинская демократия получила свою наиболее полную и законченную форму к началу IV в. до н. э.[101] И именно тогда остракизм фактически прекратил существование![102] Предшествующее же столетие, V в. до н. э., в течение которого функционировал этот институт, было, по сути дела, на всем своем протяжении затянувшимся переходным периодом от аристократического полиса к демократическому, когда ведущую роль в общественной жизни еще играли политические лидеры из знатных родов. Они-то и становились жертвами остракизма. И по мере того, как этих аристократических лидеров демократии становилось все меньше и меньше, остракизм все реже употреблялся, все более производил впечатление отмирающей процедуры.

---

[99] Этот материал разобран в работе: *Молчанов А. А., Суриков И. Е.* У истоков остракизма... С. 256.

[100] *Mirhady D. C.* Op. cit.

[101] Ср.: *Eder W.* Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr: Krise oder Vollendung? // AD. S. 11—28.

[102] Ср.: *Tarkiainen T.* Op. cit. S. 115; *Sagan E.* Op. cit. P. 173.

Справедливости ради скажем, что мы солидарны отнюдь не со всеми положениями статьи Д. Мерхади. Так, он подбирает несколько мифологических параллелей для остракизма (Геракл, исключенный аргонавтами из своей среды как слишком уж превосходящий остальных силой; Ахилл в ахейском лагере под Троей, устраняющийся от военных действий и тем самым как бы подвергающий себя остракизму). Однако нам эти «параллели» кажутся чрезмерно далекими, косвенными и далеко не очевидными. Есть прецеденты более близкие; их мы указали чуть выше, но на них-то как раз и не обратил внимания Мерхади. Кроме того, он высказывает сомнение в происхождении остракизма из обряда фармака, считая, что последний должен был принадлежать к какой-то маргинальной группе населения, а отнюдь не к политической элите. Соответственно, он склонен скорее связывать истоки рассматриваемого института с ритуалом «героя-атлета»[103], что само по себе не вполне ясно. Исследователю, очевидно, осталась неизвестной вышеупомянутая работа Л. Холл, в которой предельно ясно показано, что в греческом мире было два типа «козлов отпущения», условно называемых «scapegoat beggar» и «scapegoat king». Если первые действительно были маргиналами, то вторым, напротив, был необходим высокий социальный статус. Лица, изгонявшиеся остракизмом, относились, конечно, именно к этой второй категории. Потому-то, скажем, и вызвало негативную реакцию изгнание Гипербола, которого считали лицом, «недостойным» остракизма.

В целом, как мы полагаем, все вышеприведенные данные в их совокупности позволяют с немалой долей уверенности судить о том, что остракизм (или подобные ему процедуры) ведет свою историю отнюдь не с рубежа VI—V вв. до н. э. Его происхождение значительно древнее, а история — значительно продолжительнее и сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Институциализация феномена — от ритуала с сильными религиозными коннотациями до инструмента политической борьбы в демократическом полисе — происходила на протяжении значительного отрезка (и, добавим, в почти общегреческих географических рамках), а завершение свое нашла в эпоху складывания афинской демократии, которое тоже, кстати, было процессом далеко не быстрым и не простым. Эта переходная эпоха наложила свой явственный отпечаток на саму процедуру остракизма, придав ей в определенной мере промежуточно-двойственный характер. Остракизм в его законченном, «классическом» виде, занявший, по сути, положение между жеребьевкой и голосованием, стал как бы «моментальным снимком» процесса превращения аристократического полиса в демократический. Давние крепкие корни этого специфического института обеспечили ему достаточно длительное бытование в сложной и противоречивой, наполненной коллизиями и неожиданными поворотами событий политической жизни Афин V в. до н. э.

---

[103] Об этом ритуале см.: *Fontenrose J.* The Hero as Athlete // CSCA. 1968. V. 1. P. 73—104.

* * *

Подведем итоги сказанного в данном пункте. По ходу изложения выдвигалось немало идей более или менее гипотетичных, которые не должны найти отражения в конечных выводах. С достаточной степенью уверенности можно говорить о следующем:

1. Остракизм не родился в готовом виде из головы Клисфена, подобно Афине из головы Зевса. Скорее реформатор модифицировал уже существовавший институт[104], приспособил его к условиям формирующегося демократического полиса. Он сделал остракизм прерогативой демоса, экклесии, а также, возможно, придал его применению регулярный, а не спорадический характер.

2. Остракизм (точнее, «протоостракизм») существовал, таким образом, уже в архаическую, аристократическую эпоху. До Клисфена он проводился Советом Четырехсот (а до Солона, возможно, Ареопагом). В возникновении института сыграли немаловажную роль, насколько можно судить, ритуалы религиозно-магического характера. В компетенцию всего гражданского коллектива процедура попала как следствие демократизации полиса. Такова вообще была специфика формирования афинской демократии: демос воспринимал аристократические по происхождению институты, аристократические ценности и приспосабливал их к себе, распространял на массу граждан[105], не «демонтировал», а «адаптировал» их, по меткому выражению Ш. Бренне[106].

3. В любом случае следует отделять вопрос этиологии феномена от вопроса его актуальной функции. Каковы бы ни были ритуальные истоки остракизма, в V в. до н. э. он, бесспорно, воспринимался уже как вполне секуляризованный институт, а жертвы остракофорий вряд ли напрямую ассоциировались с фармаками (разве что на уровне подсознания).

---

[104] Таким образом, наша точка зрения противоположна позиции Х. Туманса, который считает, что в эпоху Клисфена «единственным действительно радикальным новшеством в политической сфере было введение остракизма» (*Туманс Х.* Ук. соч. С. 376). Мы полагаем, что с Клисфеном связано достаточно много «действительно радикальных новшеств», но как раз остракизм абсолютным новшеством не был.

[105] Ср.: *Adkins A. W. H.* Moral Values and Political Behaviour in Ancient Greece: From Homer to the End of the Fifth Century. L., 1972. P. 119; *Austin M., Vidal-Naquet P.* Economic and Social History of Ancient Greece: An Introduction. Berkeley, 1977. P. 109; *Thomas R.* Oral Tradition and Written Record in Classical Athens. Cambridge, 1989. P. 213; *Марру А.-И.* Ук. соч. С. 26—27; *Суриков И. Е.* Место аристократических родословных в общественно-политической жизни классических Афин // ИИАО. 2001. Вып. 7. С. 139.

[106] *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 20.

3. Причины и цели введения остракизма

Не столь давно (в 1993 г.) Дж. Кини, один из ведущих в современном антиковедении знатоков античной традиции об остракизме, высказал интересную идею[107]. По его представлениям, в IV в. до н. э., когда, собственно, было в основе своей сформировано ядро античной историографии об этом институте (позднейшие писатели в большинстве своем опирались на данные авторов позднеклассической эпохи), существовали два основных взгляда на назначение остракизма, которые Кини называет «аттидографическим» и «перипатетическим». Согласно первому (и более раннему) из этих взглядов, остракизм был введен в Афинах для борьбы со сторонниками тиранов Писистратидов. Второй, «перипатетический» взгляд представляется более широким: он предполагает направленность остракизма против чрезмерно сильных и влиятельных политиков вообще. Кини считает, что этот расширительный взгляд на остракизм выработал Аристотель в «Политике», поскольку не хотел в своем анализе полисных институтов ограничиваться афинскими рамками и включил в трактат материал об остракизме из других городов Эллады. Что же касается «Афинской политии», то там цели введения остракизма обозначены еще в чисто «аттидографическом» ракурсе.

Итак, два подхода к проблеме целей остракизма: один — более узкий и конкретный, восходящий к аттидографам, которые в первую очередь интересовались фактологической историей Афин и не стремились выходить за ее рамки; другой — представляющий собой попытку более широкого взгляда на вещи, впервые использованный, по мнению Кини, Аристотелем. Казалось бы, все правильно. При обзоре нарративной традиции об остракизме начиная с IV в. до н. э. и далее в ней действительно обнаруживается определенная дихотомия. Одни авторы (их меньшинство, и среди них важнейшее место действительно занимают аттидографы) предпочитают говорить о введении остракизма для того, чтобы покончить с афинскими «друзьями тиранов» (Androt. FGrHist.324.F6; Arist.Ath.pol.22.3—4; Philochor.FGrHist.328.F30; Harpocr. s.v.Ἵππαρχος). Другие же следуют мнению Аристотеля, высказанному в «Политике», и прямо говорят или имплицитно подразумевают, что остракизм был направлен против выдающихся граждан в принципе, безотносительно к Писистратидам (Diod.XI.54.5; XI.86.2; XIX.1.3; Plut.Aristid.7; Aristid.XLVI.p.242—243 Jebb = II.p.316—317 Dindorf; Bekker Anecd.I.285.20 sqq.; Etym.Magn.s.v.ἐξοστρακισμός).

Но «изобрел» ли Аристотель эту вторую точку зрения? Позволим себе в этом усомниться. Дело в том, что есть ведь и самые ранние отзывы античных авторов об остракизме, относящиеся к V — началу IV в. до н. э. Они, таким об-

---

[107] *Keaney J. J.* Theophrastus on Ostracism... P. 261 ff. Следует отметить, что в некоторых основных чертах концепция Кини была ранее предвосхищена А. Раубичеком: *Raubitschek A. E.* Aristoteles... S. 169 ff.

разом, предшествуют как складыванию аттидографической традиции, так и, тем более, появлению перипатетической школы. Уже обращалось внимание[108] на то, что в этих свидетельствах остракизм рассматривается как мера, направленная против могущественных, знатных по происхождению лиц, вызывавших опасения у сограждан, а о Писистрате и Писистратидах в данной связи ничего не говорится. Так, комедиограф конца V в. до н. э. Платон в одном из сохранившихся фрагментов (fr.187 Kock) говорит об изгнанном остракизмом демагоге Гиперболе: οὐ γὰρ τοιούτων εἵνεκ' ὄστραχ' εὑρέθη. Этим подразумевается, что Гипербол, будучи человеком незначительного происхождения, «недостоин» остракизма. Далее, Фукидид (VIII.73.3) пишет о том же Гиперболе, что его подвергли остракизму οὐ διὰ δυνάμεως καὶ ἀξιώματος φόβον, ἀλλὰ διὰ πονηρίαν καὶ αἰσχύνην τῆς πόλεως. Таким образом, и для великого историка Гипербол — несомненное исключение, а обычно жертвами остракизма становились именно люди, вызывавшие страх своим могуществом и авторитетом. Андокид (IV. 35) полагал, что закон об остракизме был направлен против тех лиц, которые оказываются сильнее должностных лиц и законов (τοὺς κρείττους τῶν ἀρχόντων καὶ τῶν νόμων), и особенно против тех из них, кто запятнал себя несовместимым с демократией поведением (так, Кимон якобы был изгнан за то, что незаконно сожительствовал с сестрой Эльпиникой, Andoc.IV. 33).

Таким образом, тот взгляд на назначение остракизма, который Кини определяет как «перипатетический» и связывает с именем Аристотеля, в действительности значительно древнее; Стагирит только наиболее подробно развил его. Насколько можно судить, именно этот взгляд и был изначальным, бытовавшим в ту эпоху, когда остракизм был актуально функционировавшим институтом. Позже, когда он вышел из употребления и представления о его действительном происхождении стали расплывчатыми, начались (прежде всего со стороны аттидографов) различные спекуляции, стали появляться теории умозрительного характера. Достаточно легко было сделать умозаключение по принципу post hoc ergo propter hoc: закон об остракизме был издан Клисфеном вскоре после ликвидации тирании Писистратидов, следовательно, эти два события как-то связаны друг с другом. Вывод напрашивался сам собой: остракизм был направлен против тех сторонников тиранов, которые еще оставались в Афинах (Гиппарха, сына Харма, и т. п.). Так и сформировался «аттидографический» взгляд на введение остракизма, по своей природе вторичный и более поздний по отношению к основному.

Впрочем, нам представляется, что в целом вряд ли корректно говорить о двух противостоявших друг другу в античной историографии точках зрения на причины и цели введения остракизма. Скорее речь идет о двух различных пониманиях самого института остракизма: более общем и более узком, конкретном. Иными словами, следует отличать друг от друга два аспекта проблемы: с одной стороны, остракизм в широком смысле слова, включая аналогич-

---

[108] *Schreiner J. H.* The Origin... P. 93.

ные ему процедуры, то есть достаточно распространенная в Греции классической и даже архаической эпох практика изгнания индивида в «профилактических» целях. С другой стороны — частный случай Афин конца VI в. до н. э., когда Клисфеном в совершенно определенной политической ситуации был издан закон, от которого берет начало наиболее известная «демократическая» форма остракизма в народном собрании. Безусловно, рассматривать эти два аспекта тоже следует по отдельности: вначале попытаться определить общие предпосылки, способствовавшие возникновению в полисном мире «остракизмоподобных» институтов в принципе (то есть пойти по пути, намеченному в «Политике» Аристотеля), а затем разобраться с вопросом о конкретных причинах и целях принятия конкретного клисфеновского закона (иными словами, пойти по «аттидографическому» пути) и выяснить, действительно ли в этом сыграла свою роль (и какую) боязнь перед оставшимися в Афинах сторонниками Писистратидов.

* * *

Думается, никто не усомнится в том, что остракизм, где бы и когда бы он ни вводился, был направлен своим острием прежде всего[109] против сильных, властных, могущественных аристократических лидеров, против тех из них, кто становился насколько влиятельным, начинал настолько выделяться в среде себе подобных, что воспринимался уже как опасность существующему политическому устройству (подчеркнем, каким бы ни было это устройство). Такая направленность является вообще одной из самых ярких специфических черт остракизма, и в этом антиковеды, занимавшиеся данной проблематикой, в подавляющем большинстве солидарны[110]. Подобная точка зрения на остракизм, по нашему мнению, вполне верная, основывается на нарративной традиции, через которую идея о предназначенности этого института для «обезвреживания» опасно влиятельных политических деяте-

---

[109] Хотя и не исключительно. В принципе остракизму, во всяком случае, в Афинах V в. до н. э., могли (хотя и редко) подвергаться лица, сами по себе не расценивавшиеся как опасно влиятельные, но входившие в близкое окружение действительно могущественных политиков (ср.: *Calhoun G. M.* Op. cit. P. 140; *Scheidel W., Taeuber H.* T 40... S. 464). Именно таков, судя по всему, случай Дамона (а возможно — также Менона). Однако здесь мы имеем дело уже с явным уклонением от изначальных целей института.

[110] Например: *Строгецкий В. М.* Полис и империя... С. 43; *Он же.* Гражданский коллектив полиса (проблемы становления и особенности развития в архаический и раннеклассический периоды) // Античный полис: Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб., 1995. С. 8; *Valeton I. M. J.* Op. cit. V. 15. P. 163; *Cawkwell G. L.* Op. cit. P. 39 ff.; *Thomsen R.* Op. cit. P. 51; *Christ M. R.* Op. cit. P. 338; *Vinogradov J. G.* Ostrakismos als strenges Kampfmittel... S. 385; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 17.

лей проходит буквально красной нитью, оказывается основополагающей для описания феномена. Чтобы не быть голословными, проиллюстрируем это положение цитатами из античных авторов самых разных эпох.

Чуть выше мы уже видели, что именно так воспринимался остракизм современниками, писателями, которые еще застали функционирование этой процедуры в Афинах (Платоном Комиком, Фукидидом, Андокидом). В IV в. до н. э. эта точка зрения продолжает дальнейшее развитие, а ее главным представителем является, бесспорно, Аристотель. В «Афинской политии» (22.3) он говорит о том, что остракизм был введен из подозрения к влиятельным лицам (διὰ τὴν ὑποψίαν τῶν ἐν ταῖς δυνάμεσιν), но наиболее подробно развертывает эту тему в «Политике» (III.8.1284a4 sqq.; V. 2.1302b15 sqq.), о чем мы уже говорили в источниковедческом разделе, цитируя соответствующие места. Деметрий Фалерский, выходец из перипатетической школы, фактически вторит своему учителю (FGrHist.228.F43). Это как раз не удивительно; более важно то, что схожие мысли мы встречаем у Филохора, крупнейшего представителя аттидографической традиции, который говорит (FGrHist.328.F30): μόνος δὲ Ὑπέρβολος ἐκ τῶν ἀδόξων ἐξωστρακίσθη διὰ μοχθηρίαν τρόπων, οὐ δι᾽ ὑποψίαν τυραννίδος. Таким образом, и у него, как у Фукидида и Платона Комика, Гипербол оказывается исключением из правила: незнатным политиком, изгнанным не из подозрения в стремлении к единоличной власти. Значит, обычно остракизму подвергали именно за это. Специально подчеркиваем это мнение Филохора, поскольку оно идет вразрез с тезисом Кини о противостоявших друг другу «аттидографической» и «перипатетической» традициях о целях введения остракизма. В действительности, как выясняется, самый информированный из аттидографов говорит о том же, о чем и перипатетики.

Авторы более позднего времени высказывают то же суждение об остракизме, в сущности, ни в чем не расходясь со своими предшественниками. Диодор (XI.55.3) говорит, что остракизм был введен для ослабления высокомерия выдающихся людей (ἵνα τὰ φρονήματα τῶν ὑπερεχόντων ταπεινότερα γένηται διὰ τὴν φυγήν). Практически аналогичное высказывание встречаем у него и в другом месте (XI.87.2—4): с помощью остракизма стремились ταπεινώσειν τὰ φρονήματα τῶν πλεῖστον ἰσχυόντων ἐν ταῖς πατρίσι, подвергались же этой мере «величайшие мужи» (τῶν μεγίστων ἀνδρῶν φυγαδευομένων), «первенствующие граждане» (πρωτεύοντας τῶν πολιτῶν ἐφυγάδευσαν, Diod.XIX.1.3). О самом важном для нас авторе римского времени — Плутархе — нечего и говорить: направленность остракизма против сверх меры возвысившихся граждан — одна из излюбленных идей херонейского биографа, и почти не бывает такого случая, чтобы он заговорил о той или иной остракофории и не высказал бы (мимоходом или более подробно) эту идею. Приведем несколько характерных пассажей. Фемистокла подвергли остракизму, чтобы уменьшить его авторитет и превосходство (κολούοντες τὸ ἀξίωμα καὶ τὴν ὑπεροχήν, Plut.Them.22), при этом, подчеркивает Плутарх, так поступали со всяким, кого считали слишком «тягостным» в силу его могущества. Перикл боялся остракизма, так как происходил из знатного рода, имел богатство и влиятельных друзей (Plut.

Pericl.7). Остракизмом всегда изгоняли граждан, выдающихся славой и влиянием (ἀεὶ τὸν προὔχοντα δόξῃ καὶ δυνάμει τῶν πολιτῶν ἐλαύνουσι, Plut.Alc.13), люди же порочные и ничтожные вплоть до Гипербола никогда не становились его жертвами. Остракизм считался «усмирением и обузданием гордыни и чрезмерного могущества» (ὄγκου καὶ δυνάμεως βαρυτέρας ταπείνωσις καὶ κόλουσις, Plut.Aristid.7).

Тот же взгляд на остракизм господствует и в целом в эпоху «второй софистики», он переходит далее в позднюю античность, а затем — и к византийским авторам. Знаменитый ритор Элий Аристид говорит о том, что с помощью остракизма подвергали унижению чрезмерно влиятельных (ἐκόλουον τοὺς ὑπερέχοντας, Aristid.XLVI.p.242—243 Jebb = II.p.316—317 Dindorf). Согласно Полидевку (VIII.20), остракизмом изгоняли из-за зависти к чьей-либо доблести (δι' ἀρετῆς φθόνον). Евнапий (Vit.soph.XXI.1.6) уже прямо пишет, что «афиняне изгоняли остракизмом тех, кто превосходил других добродетелью» (Ἀθηναῖοι τοὺς κατ' ἀρετὴν ὑπερέχοντας ἐξωστράκιζον). Таким образом, чем дальше по времени от актуального функционирования института, тем категоричнее становятся суждения о нем.

Мнение о предназначенности остракизма для предотвращения возрастания высокомерия и властности у чрезмерно влиятельных лиц встречается и в позднеантичных и византийских лексиконах (Bekker Anecd.I.285.20 sqq.; Etym.Magn.s.v. ἐξοστρακισμός; Thom.Mag.p.264 Ritschel). Однако постепенно в этих памятниках начинает возникать и альтернативное представление — о том, что остракизмом изгонялись противники демократии, лица, враждебные демосу, злоумышляющие против него (οἱ κακονούστατοι τῷ δήμῳ ἐξωστρακίζοντο). Эта идея имеет весьма позднее происхождение; она появляется, во всяком случае, не раньше Гесихия (s.v. ὀστρακισμός). Ее затем повторяют патриарх Фотий (Lex.s.v. ὀστρακισμός), анонимный автор словаря «Суда» (s.v. ὀστρακισμός). Перед нами — явно не мнение, основанное на конкретных фактах, а чисто умозрительная идея авторов, весьма далеких хронологически от феномена, о котором они писали. К сожалению, эта идея находит отражение и в современной историографии, где подчас можно встретить указание на то, что остракизм являлся оружием борьбы демократии против ее врагов[111]. Против подобного — довольно расхожего — мнения справедливо полемизируют Ю. Г. Виноградов и М. И. Золотарев, отмечающие, что рассматриваемый институт, в сущности, направлялся не столько против сторонников олигархии или тирании, сколько в принципе против видных политиков, лидеров группировок самого различного характера, представлявших собой в глазах общественного мнения угрозу существующему порядку[112]. Мы бы сказали чуточку иначе: остракизм был направлен прежде всего против лиц, которые в силу своей влиятельности казались опасными для стабильности полиса, политической жизни в нем.

---

111 Например: *Jones J. W.* The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction. Oxf., 1956. P. 119—120; *Kagan D.* The Origin and Purposes... P. 401.

112 *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Год рождения... С. 42.

Невозможно отрицать, что страх установления тирании в очень многих случаях играл весьма важную, зачастую решающую роль при введении и применении процедуры остракизма. Судя по всему, отнюдь не случаен тот факт, что все полисы, в которых остракизм зафиксирован (нарративными или эпиграфическими данными), на каком-то этапе своей истории прошли через стадию тирании. Это можно сказать об Афинах, Сиракузах, Мегарах, Милете, Аргосе, Кирене[113]. И Аристотель в «Политике», напомним, выдвигает неизбежную в определенных ситуациях дилемму: либо остракизм, либо монарх. Л. Холл в интересной работе, которую нам уже приходилось упоминать, оспаривает тезис о связи остракизма с угрозой тирании. В Афинах, замечает она, уже был суровый закон против тирании, по которому лицо, попытавшееся захватить единоличную власть (а также и весь его род) подвергалось атимии[114]; зачем же тогда еще одна, как бы дублирующая мера? Однако здесь исследовательница совершает серьезную ошибку в интерпретации исторического факта. Закон против тирании в Афинах действительно существовал (Arist.Ath.pol.16.10, где он дословно цитируется), причем был, судя по всему,

---

[113] Высказанному тезису, кажется, противоречит случай Херсонеса Таврического: острака из этого полиса известны, а сведений о тирании в нем не имеется. Однако следует учитывать, что ранняя история Херсонеса известна крайне слабо (а если называть вещи своими именами — практически не известна вовсе). Можем ли мы безоговорочно утверждать, что в Херсонесе в течение классической эпохи никогда не было тирании (или хотя бы угрозы ее установления)? В связи со сказанным привлечем внимание к одному интересному замечанию В. В. Лапина. Полемизируя с антиковедами, считающими, что исходной формой государственности в колониях Северного Причерноморья являлась демократия, этот исследователь склоняется к мысли, что эта исходная форма скорее была ближе к раннегреческой тирании, особенно если учитывать полубожественный статус ойкистов (см.: *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья (критический очерк отечественных теорий колонизации). Киев, 1966. С. 236). Фактический материал, особенно накопленный за последние десятилетия, также говорит о том, что ряд северопонтийских полисов проходил в первые века своего существования через стадию тирании. Судя по всему, именно так обстояло дело в Ольвии (см.: *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 109 слл.). О Пантикапее и говорить нечего: там тирания органично переросла в полномасштабную монархию. Недавно было высказано предположение, что через стадию тирании в V в. до н. э. прошел и Нимфей (*Stolba W. F.* ΣΑΜΜΑΣ. Zur Prägung eines bosporanischen Tyrannen // Stephanos nomismatikos. B., 1998. S. 601—611).

[114] *Hall L. G. H.* Remarks... P. 95. Имеется в виду атимия не в классическом понимании (лишение гражданских прав, чаще всего частичное и временное), а в архаическом (лишение защиты государства, объявление «вне закона», фактически — санкция на самосуд). Идею Холл некритически повторяет Ш. Бренне: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 25.

весьма древним, принятым еще в VII в. до н. э., возможно, в связи с мятежом Килона[115]; во всяком случае, ко времени Солона он уже действовал (ср.: Plut.Sol.19). Но закон этот, естественно, мог быть применен только post factum, то есть лишь после того, как попытка установить тиранию будет осуществлена и подавлена. Нужно ли говорить, насколько опасным было такое положение вещей? Приходилось ждать, пока подозреваемый в амбициозных устремлениях гражданин обнаружит свои планы, подняв мятеж, а потом разгромить этот мятеж, а после этого еще схватить виновного и предать его суду... А если мятеж окажется успешным? Тогда, конечно, наказать претендента на тиранию, добившегося своей цели, не будет никакой возможности, и закон окажется мертвой буквой. Остракизм же, подчеркнем, призван был ликвидировать опасность тирании ante factum, то есть имел, как уже говорилось выше, «профилактический» характер[116]. Закон об остракизме и древний закон о тирании, таким образом, отнюдь не противоречили друг другу, а, напротив, были взаимодополняющими; более того, закон об остракизме был должен, по идее, создать такую ситуацию, в которой вероятность применения более раннего закона становилась бы минимальной, поскольку потенциальный тиран обезвреживался бы заранее.

И тем не менее связь остракизма с угрозой тирании — это лишь часть истины. Не может не броситься в глаза, что многие из афинских остракофорий V в. до н. э. необъяснимы с данной точки зрения. Такие политики, как, например, Аристид, Алкивиад Старший, Фукидид, сын Мелесия, вряд ли когда-либо в своей жизни имели хоть малейшее намерение стать тиранами, да, скорее всего, не вызывали ни у кого даже и подозрений в таких намерениях. Тем не менее все они стали жертвами остракизма. Создается впечатление, что зачастую полное неприятие и желание «осадить» вызывало у сограждан само по себе влиятельное положение того или иного политического лидера, его превосходство, высокий авторитет, безотносительно к опасности захвата этим лидером тиранической власти. Что же перед нами за феномен общественного сознания? Сами античные авторы определяли этот феномен как «зависть» (φθόνος), и именно завистью граждан к «чрезмерно» возвысившимся деятелям объясняли частое применение остракизма. Слова φθόνος, φθονέω и производные от них чрезвычайно часто встречаются в традиции в связи с остракизмом (например: Pind.Pyth.VII.19; Diod.XI.54.5; Plut.Alc.13; Aristid.7; Nic.11; Them.22; Aristodem.FGrHist.104.F1.6; Poll.VIII.20; Philostr.Vita Apoll. VII.21; Eustath.ad Il.XIII.689, III.p.538 van der Valk). Категорию зависти вряд ли можно назвать научной, тем не менее и в современной историографии можно встретить рефлексы подобного рода суждений[117].

---

115 См.: *Gagarin M.* The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // TAPhA. 1981. V. 111. P. 71—77.

116 Ср.: *Reinmuth O.W.* Ostrakismos (Kleine Pauly). Sp. 376; *Grasmück E. L.* Op. cit. S. 23.

117 Например: *Ranulf S.* Op. cit. V. 1. Copenhagen, 1933. P. 132 ff.: остракизм — продукт зависти.

Здесь нам предстоит выйти на проблему несколько более общего характера. Уже в античности сложилось твердое убеждение, что греки (чаще всего в данной связи речь идет об афинянах, поскольку история афинского полиса наиболее подробно освещена в источниках) в высшей степени подозрительно относились к своим политическим лидерам, за малейшую провинность, а то и без оной, подвергая их опале и преследованиям. Было популярно даже составлять своеобразные «мартирологи» жертв демоса, в которые, как правило, входили одни и те же хрестоматийные примеры: суд над Мильтиадом, обвинение Фемистокла в персидской измене, отстранение Перикла от должности стратега, самоубийство Пахета (полководца эпохи Пелопоннесской войны, не вынесшего нападок и заколовшегося прямо в судебном присутствии) и, конечно же, изгнание остракизмом ряда видных политиков (Аристида, Кимона и др.). Такого рода «мартирологи» вошли в моду, насколько можно судить, в IV в. до н. э., когда сократики, уязвленные казнью учителя, припоминали демократии всяческие ее «грехи». Следы данной традиции прослеживаются, в частности, у Платона (Gorg.516d). Ко времени Плутарха она стала весьма распространенной (Plut.Aristid.26), да и сам этот писатель внес вклад в ее развитие (например, Plut.Nic.6). Списки лиц, пострадавших подобным образом, составляются и по сей день; один из недавних примеров — работа Р. Нокса[118], в которой приводятся процентные подсчеты о судьбах афинских политических деятелей классической эпохи и делается неутешительный вывод о том, что судьбы эти в большинстве случаев действительно были плачевны.

Сколь бы далеко ни уходить от эмоций, факт действительно остается фактом: если взять, скажем, V в. до н. э., трудно, если не невозможно, оказывается найти политика крупного масштаба, который на том или ином этапе своей карьеры не оказался бы в роли жертвы сограждан, не подвергся бы каким-либо наказаниям или гонениям. У. Рансимен, предпринимая сравнительный анализ древнегреческого и римского политического менталитета, делает остроумное замечание: греки изобрели остракизм, а римляне — триумф, и в этом, как в зеркале, отразилось отношение тех и других к собственным политическим лидерам, отношение, которое во многом обусловило конечную историческую судьбу греческого полисного и римского миров, способствовав поражению первого и победе второго[119]. Объяснение же для описываемого им феномена Рансимен видит в следующих факторах: в идеологии греческого полиса, не только антимонархической, но и выраженно популистской, и в той же пресловутой «коллективной зависти» демоса к своим вождям.

Однако, если мы не хотим сбиться на утверждение, что греки были просто от природы патологически завистливы и это-де обусловило применение остракизма и прочие прискорбные эксцессы по отношению к политическим

---

118 *Knox R.A.* Op. cit. В отечественной историографии см. трактовку этой проблемы в работе: *Фролов Э.Д.* Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // ПДАСНВ. С. 6—22.

119 *Runciman W.G.* Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end // GC. P. 366.

лидерам, необходим более внимательный и вдумчивый анализ проблемы. Прежде всего следует учитывать тот факт, что, хотя известные из источников остракофории относятся к V в. до н. э., сама «идея остракизма», как мы видели выше, появилась раньше — в архаическую эпоху, характеризовавшуюся в целом господством аристократических, а не демократических режимов. К этой эпохе нам и надлежит обратиться в попытке отыскать причины внедрения в политическую практику и в общественное сознание представлений о пользе и даже спасительности устранения влиятельных политиков.

Для политической жизни и — шире — для всего социокультурного бытия эллинского мира времени архаики были характерны два исключительно важных процесса. Один из них мы (конечно, с некоторой долей условности) назовем, следуя определению выдающегося российского исследователя, «рождением личности»[120], а второй, идя за другим крупнейшим отечественным антиковедом, «рождением греческого полиса»[121]. На предыдущем хронологическом отрезке, то есть в гомеровский период, оба указанных феномена находились еще в зачаточном состоянии. Так, героев Гомера, несмотря на всю мощь и яркость их проявлений, в сущности, нельзя еще назвать личностями в полном смысле слова. Дело в том, что не сложилось еще понятия о единстве внутренней духовной жизни человека, душевные движения и порывы представлялись чем-то внешним, насланным богами[122]. Характерный пример (Hom.Il.I.188 sqq.): Ахилл в минуту гнева хочет убить оскорбившего его Агамемнона, но вдруг отказывается от этого намерения. Почему же? Отнюдь не потому, что он, как сказали бы мы, передумал, раскаялся: попросту с неба слетела Афина (незримая для всех, кроме Ахилла), встала за спиной героя, схватила его за волосы и запретила подымать меч на микенского владыку. Гомеровского человека во всем ведут боги, поэтому подчас он производит даже впечатление существа безответственного[123]. Не иначе обстоит дело и с феноменом полиса. Хотя Ю. В. Андреев и считает гомеровское общество «раннегреческим полисом»[124], нам все же представляется более обоснованной точка зрения тех исследователей, которые говорят в данной связи не о полисе, а о *протополисе*[125], то есть тоже о структуре еще зачаточной, не сформировавшейся.

---

[120] *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 101.

[121] *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988.

[122] *Snell B.* The Discovery of the Mind: The Greek Origins of European Thought. N.Y., 1960. P. 31. Б. Снелль отмечает также (Ibid. P. 6 ff.), что ко времени Гомера еще не сложилось и представление о телесном единстве человеческого организма: тело воспринималось не как нечто целостное, а как совокупность отдельных членов.

[123] К данной проблематике см.: *Ярхо В. Н.* Вина и ответственность в гомеровском эпосе // ВДИ. 1962. № 2. С. 3—26; *Он же.* Проблема ответственности и внутренний мир гомеровского человека // ВДИ. 1963. № 2. С. 46—64.

[124] *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976.

[125] *Фролов Э. Д.* Рождение... С. 63 слл.; *Яйленко В. П.* Ук. соч. С. 17 слл. Хорошо изве-

В архаическую же эпоху, в VIII—VI вв. до н. э., складывание обоих указанных феноменов шло полным ходом. Это порождало одновременное существование двух тенденций в менталитете — индивидуалистической и коллективистской. Первая из них проявлялась в ярко выраженном стремлении формирующейся личности заявить о себе в полный голос, проявиться на всех поприщах общественной жизни, в стремлении во всем быть первым, что находило выход в прекрасно известной состязательности греческой цивилизации, в пресловутом «агональном духе», столь компетентно описанном в отечественной историографии А. И. Зайцевым[126]. Этот агональный дух был заметен буквально во всех сферах, на всех уровнях социума: от войны до поэзии, от атлетики, бывшей уделом знати, до керамического производства, которым, естественно, занимались лица невысокого статуса. Следует специально подчеркнуть, что, когда мы говорим о рождающейся и заявляющей о себе личности, стремящейся к первенству, в рамках данной работы нас интересует прежде всего не творческая личность в области культуры (первые философы, первые скульпторы, первые лирические поэты и т. п.)[127], а личность политическая, в архаическую эпоху еще исключительно аристократическая по происхождению. Характерным проявлением личностного начала в политике стала, в частности, свершившаяся уже в начале этого хронологического отрезка почти повсеместно в Греции замена примитивных монархий во главе с басилеями на аристократические режимы, что немедленно повело к началу острой борьбы за власть между группировками, возглавлявшимися знатными лидерами, — в русле той же «агональной» тенденции. Эта борьба, ведшаяся в конечном счете между личностями, зачастую имела результатом многолетнее перманентное состояние стасиса в формирующихся полисах, а в наиболее развитых из их числа — торжество «сверхличности», то есть тирана. Не приходится сомневаться в том, что феномен Старшей тирании был порождением именно «личностной», «агональной» тенденции в политической жизни и политическом менталитете. Как справедливо пишет Ю. В. Андреев, «в тиранническом государстве могущество и значимость отдельной, правда, одной-единственной личности намного превышали все допустимые, по греческим понятиям, нормы»[128]. Тирания, таким образом, была отклонением, но отклонением вполне органичным и естественным, следствием одностороннего и чрезмерного развития одной тенденции в ущерб другой.

Что же касается этой второй тенденции, коллективистской, связанной со складыванием полиса, то она тоже очень ярко проявлялась в течение архаической эпохи, вызвав к жизни целый ряд явлений. Обязательно следует наз-

---

стно, что по большинству проблем раннегреческой истории Э. Д. Фролов и В. П. Яйленко выступают как антагонисты. Тем более характерно, что оба они принимают категорию «протополиса». Кстати, и сам Ю. В. Андреев этой категорией тоже оперирует (*Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис... С. 39).

126 *Зайцев А. И.* Культурный переворот...

127 Об этом аспекте см.: *Snell B.* Op. cit. P. 43—70.

128 *Андреев Ю. В.* Цена свободы... С. 142.

вать, в частности, появление гоплитской фаланги. На смену индивидуальным «мономахиям» и «аристиям», описанным в «Илиаде», пришло согласованное действие на поле боя сплоченного коллектива воинов. Значение этого феномена, его влияние на все стороны полисной жизни и — шире — древнегреческой истории трудно переоценить. Фаланга стала исключительно эффективной формой военной организации, а впоследствии показала свое превосходство над любым древневосточным способом построения войск и во многом способствовала достижению Грецией того высочайшего места в мировой политике, которое она заняла уже в классическую эпоху. Не менее важной была роль фаланги и для внутренней жизни эллинских полисов. Вряд ли нужно лишний раз специально подчеркивать ту достаточно очевидную вещь, что «рождение полиса» и «рождение фаланги» являли собой два теснейшим образом взаимосвязанных процесса, влиявших друг на друга, и трудно даже судить, что в этой связке было первичным, а что — вторичным[129]. Нам лишь хотелось бы здесь оттенить один нюанс, который обычно недостаточно принимают во внимание. Вопреки распространенному мнению, гоплиты и фаланга не явились порождением возрастания значения демоса. Впоследствии демос (точнее, его верхние слои, те, кто был способен приобрести панoплию) действительно воспользовался этим полезным новшеством. Но изначально, насколько можно судить, гоплитское вооружение предназначалось для аристократов и построение фалангой практиковалось именно ими[130]. Это было проявление своего рода аристократического коллективизма — противовеса аристократическому же индивидуализму.

Коллективистская тенденция видна невооруженным взглядом в различных сферах общественной жизни архаических полисов. Безусловно, необходимо сказать в данной связи о деятельности ранних номофетов и об издании первых в греческом мире сводов законов[131], которые вводили некие единые,

---

[129] О значении формирования гоплитской фаланги см.: *Видаль-Накэ П.* Ук. соч. С. 115 слл.; *Hanson V.* The Classical Greek Warrior and the Egalitarian Military Ethos // Ancient World. 2000. V. 71. № 2. P. 111—126. Не можем согласиться с отрицанием роли появления фаланги в складывании полиса (*Morris I.* Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State. Cambridge, 1989. P. 201).

[130] Ср. важные замечания по этому сюжету в работе: *Нефедкин А. К.* Основные этапы формирования фаланги гоплитов: военный аспект проблемы // ВДИ. 2002. № 1. С. 87—96, а также: *Polignac F. de.* La naissance de la cité grecque: Cultes, espace et société VIIIe — VIIe siècles avant J.-C. P., 1984. P. 154.

[131] Из новейшей литературы об этих сводах см.: *Gehrke H. J.* Der Nomosbegriff der Polis // Nomos und Gesetz: Ursprünge und Wirkungen des griechischen Gesetzesdenkens. Göttingen, 1995. S. 14 ff.; *Hölkeskamp K.-J.* Written Law in Archaic Greece // Proceedings of the Cambridge Philological Society. 1992. V. 38. P. 87—117; *Idem.* Schiedsrichter, Gesetzgeber und Gesetzgebung im archaischen Griechenland. Stuttgart, 1999; *Пальцева Л. А.* К вопросу о кодификации права в Древней Греции // ДП. 2002. № 2 (10). С. 14—22.

обязательные для всех нормы поведения в рамках гражданского коллектива. Кстати, и эти законы вводились отнюдь не «под натиском демоса», как иногда полагают[132] (демос в VII—VI вв. до н. э. еще не играл значительной политической роли, к тому же его представители в массе своей тогда еще, безусловно, были неграмотными и вряд ли могли получить какую-то непосредственную пользу от появления письменных законодательных кодексов[133]), а скорее для урегулирования межаристократических отношений, для предотвращения вспышек стасиса между знатными вождями[134]. И здесь, таким образом, описываемая коллективистская тенденция противостояла индивидуалистической. Стоит отметить еще, что в прямой связи с коллективизмом стоит складывание такого важного компонента шкалы ценностей древнегреческой цивилизации, как полисный патриотизм, еще практически чуждый героям Гомера (достаточно вспомнить поведение того же Ахилла, который под влиянием чисто личной обиды самоустраняется от общего дела, а возвращается в него лишь под влиянием другой чисто личной обиды — убийства Гектором Патрокла).

Две тенденции, о которых идет речь, — индивидуалистическая и коллективистская — были не только взаимодополняющими, но и, конечно, противостояли друг другу, находились в диалектическом противоборстве. Такого рода «единство и борьба противоположностей» во многом обусловили появление самого «греческого чуда», складывание классической полисной цивилизации, полисной системы ценностей[135]. Лишь в очень редких, можно сказать, единичных случаях одной из тенденций удавалось взять верх над другой, достигнуть решительного преобладания. Такие случаи являлись, безусловно, отклонениями от нормы, некими полюсами возможного. Один из этих полюсов прекрасно известен и даже хрестоматиен. Мы говорим о Спарте, где пол-

---

[132] Например: *Finley M. I.* Early Greece: The Bronze and Archaic Ages. L., 1981. P. 100; *Шишова И. А.* Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 56—57; *Дворецкая И. А., Залюбовина Г. Т., Шервуд Е. А.* Кровная месть у древних греков и германцев. М., 1993. С. 18. Ср. также: *Фролов Э. Д.* Рождение... С. 131.

[133] Ср.: *Thomas R.* Literacy and Orality in Ancient Greece. Cambridge, 1992. P. 71—72.

[134] Ср.: *Eder W.* The Political Significance of the Codification of Law in Archaic Societies: An Unconventional Hypothesis // Social Struggles in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders. Berkeley, 1986. P. 262—300; *Humphreys S. C.* A Historical Approach to Drakon's Law on Homicide // Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 17—45; *Суриков И. Е.* Законодательство Драконта в Афинах и его исторический контекст // ДП. 2000. № 2 (7). С. 12.

[135] Ср.: *Starr Ch. G.* The Origins... P. 300 ff.; *Finley M. I.* Early Greece... P. 87; *Donlan W.* The Relations of Power in the Pre-state and Early State Polities // DPAG. P. 44—45; *Суриков И. Е.* Античная цивилизация: Греция. М., 1997. С. 43—44. Наиболее подробно о сосуществовании и противоборстве указанных тенденций в эпоху формирования полиса см.: *Starr Ch. G.* Individual and Community: The Rise of the Polis, 800—500 B. C. N.Y.; Oxf., 1986.

ностью возобладала коллективистская тенденция в ущерб индивидуалистической. В результате спартанский полис на протяжении длительного хронологического отрезка, вплоть до кризиса IV в. до н. э., являл собой образчик редкостной стабильности внутри гражданского коллектива. Насколько можно судить, именно эта стабильность в первую очередь и делала Спарту предметом обожания и зависти со стороны политических теоретиков, живших и действовавших в других греческих полисах и постоянно воочию наблюдавших все прелести внутриполитических распрей. Однако стабильность, как известно, досталась Спарте весьма дорогой ценой: путем практически полного подавления личностного начала[136], что в конечном счете имело свои важные негативные последствия — «окостенение» полисных структур, отказ от любого прогресса. Была ли Спарта каким-то странным исключением, уродливым наростом на теле греческой цивилизации, или же в ней, напротив, следует видеть наиболее полное и законченное воплощение полиса? И та, и другая точка зрения высказывалась, но, если уйти от крайностей, весьма верным представляется суждение глубокого знатока спартанского «космоса» Ю. В. Андреева: «В своей основе это государство было воплощением неких глубинных тенденций, заложенных в самой природе греческого полиса. В Спарте эти тенденции были лишь доведены до своего крайнего выражения...»[137] Если говорить чуть более конкретно, в Спарте мы находим доведенное до nec plus ultra проявление одной из двух вышеупомянутых тенденций, сформировавшихся в архаическую эпоху, а именно тенденции коллективистской (и в этом смысле, кстати, в известной мере тоталитарной).

Противоположный полюс, пример торжества другой тенденции, индивидуалистической, порождавшей стасис и тиранию, тоже можно указать в греческом мире. Это полисы Сицилии и в первую очередь Сиракузы, об истории которых источники дают возможность говорить достаточно детально. В течение многих веков, вплоть до римского завоевания в конце III в. до н. э., эта история шла по одному и тому же заколдованному кругу: стасис — тирания — стасис — олигархия или демократия — стасис — тирания — стасис... Создается впечатление, что единственным действительно стабильным фактором в сиракузской истории была перманентная нестабильность. Политическая жизнь протекала в рамках какой-то постоянной смены одних и тех же картинок в калейдоскопе, уподобляясь живой иллюстрации к теориям греческих мыслителей о «круговороте» форм государственного устройства.

---

[136] Конечно, и в спартанской политической жизни периодически появлялись яркие личности. Однако характерно, что деятельность этих личностей (Клеомена I, регента Павсания, позже — Лисандра) на каком-то этапе, как правило, становилась всецело деструктивной, направленной на слом устоявшейся в Спарте полисной структуры, во всяком случае, на серьезные изменения в ней. Яркая личность и спартанский полис *как он есть* были вещами, в общем, несовместимыми.

[137] *Андреев Ю. В.* Цена свободы... С. 151. О спартанском этосе см. также: *Lendon J. E.* Spartan Honor // PaP. P. 105—126.

Не случайно в связи со сказанным о преобладании индивидуалистической тенденции на Сицилии, что тамошние тираны достигли, пожалуй, наибольшей славы и власти среди всех своих коллег в греческом мире; похоже даже, что некоторые из этих правителей уже в классическую эпоху официально принимали царский титул[138].

Итак, Спарту и Сиракузы, как мы сказали, можно считать в рассматриваемом здесь отношении двумя противолежащими друг другу «полюсами»[139]. Характерно, что «идея остракизма» ни в одном из этих двух государств не прижилась. Сиракузяне пытались в середине V в. до н. э. под афинским влиянием ввести остракизм (петализм), но там этот институт вызвал отторжение и очень скоро был отменен (Diod.XI.87.6). Получается, им легче было переносить стасис, чем остракизм — ущемление статуса личности, — и в этом тоже заметны сильно развитые индивидуалистические начала[140]. В Спарте же в остракизме, в общем-то, не было нужды: существовали более эффективные средства бороться с возвышением влиятельных индивидов. Главным из таких средств был эфорский надзор над царями (поскольку реальная угроза установления тирании в Спарте если от кого-то и могла исходить, то только от представителей царских родов[141]). Как известно, эфоры своим решением могли даже отстранить чрезмерно «возвысившегося» царя от власти. Это, между прочим, тоже можно назвать одной из форм «протоостракизма», хотя, конечно, формой весьма специфической[142].

---

138 *Oost S. I.* The Tyrant Kings of Syracuse // ClPh. 1976. V. 71. № 3. P. 225—236.

139 Кстати, характерно опять же диалектическое сближение противоположностей. В Спарте находим «подмороженную», окостеневшую политическую структуру и, как следствие, отсутствие движения вперед; в Сиракузах же — некий политический «циклизм», видимость бурной активности, но при этом, в сущности, вращение на одном месте, и в результате — тоже отсутствие движения вперед.

140 Сильное развитие индивидуалистических начал в Сиракузах и в целом в Великой Греции видно, помимо прочего, в том обстоятельстве, что в этом регионе даже резчики монетных штемпелей (то есть βάναυσοι чистой воды!) нередко подписывали свои изделия, а это в целом совершенно не характерно для греческого мира. В перечне таких подписей (*Hill G. F.* Ancient Greek and Roman Coins. Chicago, 1964. P. 194—195) почти все экземпляры, за редчайшими исключениями, происходят именно из Сицилии и Южной Италии, а «пальму первенства» прочно держат Сиракузы. Наиболее известны сиракузские подписные монеты мастеров Кимона и Евенета (рубеж V—IV вв. до н. э.), которые являются подлинными шедеврами и признаются высшим художественным достижением античной нумизматики.

141 Спартанские цари вообще занимали в полисе особое положение, не вполне вписываясь в «ликургов строй». См. в недавней работе: *Georges P.* Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore, 1994. P. 152 ff.

142 По сообщению Плутарха (Agis 11) раз в девять лет эфоры наблюдали небесные знамения и могли на их основании отрешить царя от власти.

Весь же остальной греческий мир располагался между двумя описанными «полюсами». В типовом полисе индивидуалистическая и коллективистская тенденции сосуществовали, и, соответственно, периоды стабильности и стасиса чередовались, сменяя друг друга. Естественно, именно стабильность, «евномия» была желательным состоянием; стасис стремились предотвращать, используя для этого различные средства. Одним из таких средств было, в частности, колонизационное движение. Исследователи, изучающие Великую колонизацию архаической эпохи, чаще всего делают акцент на ее экономические факторы (стенохория и земельный голод как следствие демографического взрыва, поиск сырьевых баз, желание утвердиться на торговых путях и т. п.), но не всегда уделяют должное внимание факторам политическим. Между тем последние, как нам представляется, играли далеко не последнюю роль. Сплошь и рядом непосредственным поводом выведения колонии являлись перипетии борьбы за власть в полисе. Группировка, не сумевшая добиться успеха «у себя дома», уходила в апойкию, а ее лидер становился ойкистом, таким образом достигая на новом месте того высокого положения, в котором ему было отказано на родине. Впрочем, колонизация, естественно, не могла стать панацеей, да и в целом являлась вариантом, возможным отнюдь не для любого полиса. Для того, чтобы колонизационное мероприятие осуществилось, была необходима либо совокупность не только политических, но и экономических предпосылок (группировка политиков-аристократов могла, естественно, основать жизнеспособную колонию только в том случае, если ее сопровождала достаточно значительная в количественном отношении группа рядовых граждан, заинтересованных в переселении), либо ситуация должна была быть крайне острой, не оставлявшей для какой-то части населения реальной возможности остаться на родине (например, если в ходе борьбы одна группировка полностью побеждала и поголовно изгоняла другую, что случалось не часто).

Порой стабильности в полисе удавалось достичь иным способом — установлением умеренной олигархии, в рамках которой члены аристократической элиты, отказавшись от части своих притязаний, находили друг с другом некий modus vivendi, а демос, не подвергающийся чрезмерной эксплуатации, был в общем удовлетворен своим положением и не стремился к большему. Именно таков случай Коринфа, где в первой половине VI в. до н. э., после ликвидации тирании Кипселидов, возникло именно такого рода олигархическое правление (кстати, отнюдь не входившее в противоречие с высоким экономическим развитием этого города). Коринфская олигархия оказалась весьма стабильной, и, насколько можно судить, случаи стасиса в Коринфе стали весьма редкими. Наиболее известный из них относится уже к IV в., то есть уже к эпохе кризиса классического полиса: аристократ Тимофан пытался захватить тираническую власть, но был убит по инициативе своего собственного брата — знаменитого «тираноборца» Тимолеонта, впоследствии столь прославившегося на Сицилии[143].

---

[143] Об инциденте с Тимофаном см.: *Берве Г.* Ук. соч. С. 377.

Прочности и стабильности олигархии, правившей Коринфом, вне сомнения, способствовало то обстоятельство, что вся коринфская высшая знать, по сути дела представляла собой один огромный, чрезвычайно разросшийся клан Бакхиадов. Аристократам, ощущавшим себя родственниками (пусть и дальними), было, конечно, легче найти общий язык[144]. Далеко не везде, однако, дело обстояло таким же образом. Так, в Афинах аристократическое правление, установившееся в начале архаической эпохи, не вылилось в господство одного знатного рода, а изначально приобрело форму соперничества различных группировок. Кстати, ситуация в Аттике (а именно этот регион греческого мира, естественно, больше всего интересует нас в связи с остракизмом) осложнялась еще и тем, что, как известно, еще на закате микенской эпохи, в период дорийского нашествия, она стала прибежищем для многих представителей ахейской знати Пелопоннеса, изгнанной дорийцами[145]. Иммигранты практически заняли в Афинах весьма влиятельное положение: именно из их среды выдвинулась последняя афинская царская династия — Медонтиды (Кодриды), а также столь известные аристократические роды, как Писистратиды, Филаиды, Алкмеониды[146]. Наличие большого числа «чужаков» в рядах аристократии, и без того отнюдь не сплоченных, делала политическую борьбу только более острой, а соперничество — более болезненным. Понятно, что, например, лидер группировки педиеев в первой половине VI в. до н. э. Ликург из рода Этеобутадов, возводивший свою родословную к первым афинским царям-«автохтонам» (ср. Apollod.Bibl.III.14.8), не мог с иным чувством, кроме как с глубокой неприязнью, наблюдать за тем, как рвется к власти «выскочка» Писистрат, чьи предки жили в Аттике «всего лишь» каких-нибудь полтысячелетия[147].

---

[144] Ср.: *Залюбовина Г. Т.* Рудименты агнатного права в раннеклассовых обществах Греции // Ранние цивилизации: Государство и право. М., 1994. С. 12. Характерно, что Кипсел, ставший в VII в. до н. э. коринфским тираном, был изгоем из этой аристократической среды: к Бакхиадам принадлежала лишь его мать (а не отец), да и от нее отказались собственные родственники. См.: Herod.V. 92. В целом о Бакхиадах см.: *Жестоканов С. М.* Олигархия Бакхиадов // Мнемон. Вып. 2. СПб., 2003. С. 53—64.

[145] Ср.: *Молчанов А. А.* Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н. э. (Проблемы источниковедения миноистики и микенологии). М., 2000. С. 186, где Аттика названа «заповедником беглой ахейской знати».

[146] Об ахейских беженцах, вошедших в состав аттической знати, см. общие работы по афинской генеалогии, довольно давние, но не утратившие своего значения: *Petersen J. C. W.* Quaestiones de historia gentium atticarum. Kiel, 1880; *Toepffer J.* Attische Genealogie. B., 1889, а также: *Gomme A. W.* A Historical Commentary on Thucydides. V. 1. Oxf., 1950. P. 93; *Arnheim M. T. W.* Aristocracy in Greek Society. L., 1977. P. 42—51; *Shapiro H. A.* Painting, Politics, and Genealogy: Peisistratos and the Neleids // Ancient Greek Art and Iconography. Madison, 1983. P. 87—96; *Колобова К. М.* К вопросу о возникновении афинского государства // ВДИ. 1968. № 4. С. 41—55; *Молчанов А. А., Суриков И. Е.* Писистратиды...

[147] Характерно, что Писистрат, случалось, вступал в альянс с другим своим видным

Подобного рода специфические условия и стали питательной почвой для возникновения идеи остракизма как «профилактического» изгнания, а фактически — приспособления древнего ритуала катартического характера к нуждам политической жизни. Следует подчеркнуть, что практически каждый аристократ (во всяком случае, если говорить о самом верхнем, действительно правящем слое) вполне готов был видеть в себе самом потенциального тирана, но в то же время, естественно, отказывал в таком же моральном праве всем своим собратьям по сословию. Среди афинской знати, насколько можно судить, почти не было принципиальных противников тирании как таковой[148], тем более что, как убедительно показал И. А. Макаров, сам феномен Старшей тирании и по социальным корням, и по своей идеологии был чисто аристократическим[149]. Однако, с другой стороны, в живой реальности эпохи каждый знатный лидер противился установлению тирании — постольку, поскольку он не мог допустить, чтобы тираном стал *кто-то другой*. Архаическое общество аристократов было обществом «равных», своеобразных «пэров», которые старались не допустить существования над ними «первого». Собственно, именно поэтому они и покончили с властью гомеровских басилеев. Отсюда — своеобразный аристократический «республиканизм»[150], который, безусловно, внес свой вклад в формирование полисных структур. Одной из манифестаций этого «республиканизма» и должно было стать появление ранних форм остракизма, к которым еще отнюдь не привлекались массы демоса. Аристократы — пока еще чисто в своей среде, в укомплектованных ими органах управления (Советах и т. п.) решали, кто из представителей их сословия стал слишком опасен для других и должен быть заблаговременно (именно заблаговременно, поскольку иначе могло стать уже поздно) удален.

Итак, остракизм («протоостракизм») возник в архаическую эпоху на стыке индивидуалистической и коллективистской тенденций политической

соперником — Мегаклом из рода Алкмеонидов, тоже потомком иммигрантов из Пилоса, но ни о каких соглашениях Писистрата с Ликургом источники не сообщают. Очевидно, такие соглашения были просто невозможными.

148 В частности, таковыми не были и Алкмеониды. См.: *Williams G. W.* The Curse of the Alkmaionidai. I. The Origin and Early History // Hermathena. 1951. V. 78. P. 46; *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 150 слл.

149 *Макаров И. А.* Идеологические аспекты ранней греческой тирании // ВДИ. 1997. № 2. С. 25—42. Ср. также: *Salmon J.* Lopping off the Heads? Tyrants, Politics and the *Polis* // DPAG. P. 60—73. Значительно более уязвимой представляется концепция, выдвинутая недавно исследователем из Латвии Х. Туманcом, согласно которой для архаической тирании была характерна монархическая идеология, ориентация на «модель древней царской власти». См.: *Туманс Х.* Идеологические аспекты власти Писистрата // ВДИ. 2001. № 4. С. 12—45.

150 Об этом феномене см.: *Greenhalgh P. A. L.* Aristocracy and its Advocates in Archaic Greece // G&R. 1972. V. 19. № 2. P. 190—207; *Кнабе Г. С.* Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 1999. С. 133.

жизни, в их взаимном противоборстве. Отсюда — его заостренная направленность против конкретных *личностей*, а не против каких-либо политических программ. А в конце VI в. до н. э. случилось буквально следующее. В ходе реформ Клисфена остракизм был передан в ведение народного собрания, стал прерогативой демоса, который, таким образом крепко взял в свои руки древний аристократический институт (именно так демос поступал и с многими другими аристократическими по происхождению институтами, упоминавшимися выше, — с гоплитской фалангой, кодексами законов)[151]. К этой, второй стадии истории остракизма, к классическому остракизму, к причинам и целям его учреждения в Афинах нам теперь и предстоит перейти.

* * *

Выше (в п. 1 данной главы) мы уже говорили, что закон об остракизме был принят в Афинах, скорее всего, в перипетиях борьбы Клисфена не с Гиппархом, сыном Харма (о такой борьбе ничего конкретного не известно, и позволительно усомниться в самом ее факте), а с несравненно более опасным для него Исагором. Для нас, однако, более важен не этот частный факт, а общий контекст закона об остракизме. Время, о котором идет речь, — первые годы после окончания длительной тирании Писистратидов. Именно с точки зрения прошедших, а не будущих событий следует, по нашему мнению, смотреть на причины и цели введения классической формы остракизма. По какому пути пойдут Афины — этого никто из живших тогда людей предсказать, конечно, не мог. Даже сам Клисфен, осуществляя свои эпохальные реформы, вряд ли имел какую-то развернутую теоретическую программу демократических преобразований; он действовал, исходя из конкретных обстоятельств[152]. Никто,

---

151 Следует, уже не в первый раз, подчеркнуть один чрезвычайно важный момент. Специфика афинской (и вообще античной) демократии заключалась, помимо прочего, именно в том, что демос переносил на себя аристократические институты. Если Великая Французская революция лишила аристократию всех ее привилегий, то «афинская революция» (выражение Дж. Обера) оставила эти привилегии в силе, но распространила их на всю массу граждан. В первом случае высшие слои опускаются до уровня низших, а во втором — низшие поднимаются до уровня высших. Афинский демос не ликвидировал аристократию, а сам во всей своей совокупности как бы стал аристократией. Нам поэтому кажется очень удачным определение афинского государственного устройства классической эпохи (во всяком случае, V в. до н. э.) как «аристократической демократии». См.: *Roberts J. T.* Aristocratic Democracy: The Perseverance of Timocratic Principles in Athenian Government // Athenaeum. 1986. V. 64. Fasc. 3/4. P. 355—369.

152 Ср.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 162 слл. Иную точку зрения см., например: *Kagan D.* The Enfranchisement of Aliens by Clèisthenes // Historia. 1963. Bd. 12. Ht. 1. S. 46. В этой работе Клисфену приписывается целая программа, состоящая из таких целей, как установление светского государства,

повторим, не мог знать, что скоро Афины станут самой развитой, мощной и знаменитой в греческом мире демократией и что институт остракизма будет играть значительную роль в политической системе этой демократии, выполняя те или иные конкретные функции. Все знали лишь одно: только что свергнуты тираны, и при этом отнюдь не ликвидирована опасность восстановления тиранического правления. В этом контексте и надлежит рассматривать закон об остракизме, а не телеологически, не с точки зрения тех функций, которые этот институт имел впоследствии.

Два события — ликвидация тирании и принятие закона об остракизме, несомненно, близки друг к другу не только хронологически, но имеют и прямую причинно-следственную связь. Схожим образом обстояло дело не только в Афинах. Известно, что сиракузский петализм был введен вскоре после свержения тирании Дейноменидов. В другом месте мы пытаемся показать, что такая же последовательность событий имела место в Кирене, Эфесе[153]; подробнее об этом говорится ниже, в Приложении II. Афинский случай, таким образом, укладывается в определенную общую закономерность.

Р. Томсен, который, как известно, наиболее углубленно изучал введение Клисфеном остракизма, предлагает несколько альтернативных вариантов ответа на вопрос о целях этой меры, ранее предлагавшихся другими исследователями: Клисфен либо желал таким образом избавиться от Исагора, либо хотел отгородить самого себя от подозрений в стремлении к тирании, либо намеревался предотвратить возможность возникновения новых стасисов в дальнейшем[154]. Датский антиковед сам не решается сделать выбор между этими альтернативами, предлагая сделать это читателям. Однако нужно ли обязательно делать выбор? Перечисленные моменты ни в коей мере не противоречат друг другу; скорее их можно назвать взаимодополняющими. С одной стороны, борьба с политическими противниками (в данном случае с Исагором), несомненно, могла побудить реформатора прибегнуть к изданию соответствующего закона. С другой стороны, и самому Клисфену было из-за чего опасаться неприязни сограждан: его политическое прошлое отнюдь не было безупречным. При тиранах он даже занимал пост архонта-эпонима, да и в целом его обвинения соперников в намерении незаконно захватить власть могли быть легко обращены против него самого. В подобной ситуации вынос Клисфеном на одобрение экклесии законопроекта об остракизме призван был продемонстрировать всем, что он отнюдь не вынашивает планов установления тирании, более того, дистанцируется от таких планов и открыто противостоит им. Наконец, соображения более общего характера также вполне могли сыграть свою роль во введении клисфеновского остракизма. «Отец афинской демократии»,

---

ликвидация аристократических привилегий, достижение «национального единства» (даже так!), обеспечение полного равноправия гражданам чуждого происхождения.

153 *Суриков И. Е.* Остракизм и остраконы... С. 109.

154 *Thomsen R.* Op. cit. P. 141.

несомненно, был заинтересован в том, чтобы учреждаемое им политическое устройство оказалось стабильным, чтобы существовал некий надежный конституционный механизм, предотвращающий раскол гражданского коллектива в результате борьбы за власть, снижающий возможность новых вспышек стасиса. Остракизм, как мера по своей природе «профилактическая», в высшей степени подходил для данной цели[155].

Кроме того, перенося остракофории из ведения Совета в ведение экклесии, то есть делая их прерогативой демоса, Клисфен, несомненно, привлекал к активному участию в политической жизни широкие слои афинского гражданства. И впоследствии остракизм, как мы увидим ниже (гл. III, п. 2), всегда был одним из наиболее популярных с точки зрения посещаемости политических мероприятий. А постольку, поскольку остракизм был направлен в первую очередь против потенциальных тиранов (во всяком случае изначально и теоретически; впоследствии его функции значительно расширились и довольно далеко отошли от первичных задач, о чем нам тоже еще предстоит говорить), он задавал демосу достаточно четкую антитираническую парадигму. Это принципиально. Дело в том, что ранее демос, в отличие от аристократов, не испытывал однозначного отторжения от тирании. В течение всего времени пребывания Писистратидов у власти они, насколько можно судить, ни разу не столкнулись с каким-либо протестом со стороны низших и даже средних слоев граждан. Аттические крестьяне вообще прямо-таки боготворили, по крайней мере, Писистрата (об их отношении к Гиппию сведений не сохранилось, но вряд ли оно было противоположным). Вокруг фигуры первого афинского тирана сложился целый ряд в высшей степени благожелательных анекдотов — о его встрече с крестьянином (Arist.Ath.pol.16.6), о явке его на суд Ареопага (Arist.Ath.pol.16.9) и т. п. Впоследствии, как известно, крестьяне с ностальгией вспоминали годы правления Писистрата как золотой век, «жизнь при Кроне» (Arist.Ath.pol.16.7). Создается впечатление, что мелкие земледельцы видели в нем этакого «доброго царя», защищающего простой народ от произвола знати. Отнюдь не случайно, что в конечном счете тирания в Афинах была свергнута только благодаря внешнему вмешательству; если бы не Спарта, народного движения против Писистратидов, похоже, пришлось бы ждать еще очень и очень долго[156].

Вся оппозиция афинским тиранам, все выступления против них исходили только от аристократических родов[157]. Не был исключением и знаменитый заговор Гармодия и Аристогитона. И вызывает сильные сомнения, что демос в массе своей хоть как-то поддерживал эти выступления. К аристократии

---

[155] Ср.: *Kagan D.* The Origin and Purposes... P. 401; *Lang M.* Ostraka... P. 5.

[156] Ср.: *Строгецкий В. М.* Клисфен и Алкмеониды... С. 99. Из одного замечания Аристотеля (Pol.1305a19—21) можно понять, что и в общегреческом масштабе рядовой демос не оказывал активного сопротивления тирании (см.: *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа. СПб., 2002).

[157] Ср.: *Petzold K.-E.* Op. cit. S. 160.

он относился достаточно настороженно, во всяком случае, не ощущал общности с ней. Это показывает, в частности, выбор, сделанный рядовым гражданством во время борьбы Клисфена и Исагора. Исагор был не менее, если не более, активным участником ликвидации тирании Писистратидов, нежели Клисфен. Однако к нему демос, как показали события 508—507 гг. до н. э., испытывал ярко выраженную антипатию. Очевидно, его рассматривали как представителя аристократии, желающей воспользоваться концом власти Гиппия в своих корыстных целях. Фактически Клисфена поддержали против Исагора и спартанцев те самые слои, которые еще совсем недавно составляли социальную основу Писистратидов. Возьмем на себя смелость утверждать, что, если бы глава Алкмеонидов пожелал в этот период установить собственную тиранию, он вряд ли встретил бы сколько-нибудь массовое сопротивление. Но Клисфен не пошел по этому пути; напротив того, он принял все зависевшие от него меры, чтобы тиранический режим в Афинах больше не возродился. И в этом, кстати говоря, один из показателей величия его как государственного деятеля. «Отец афинской демократии» оказался в данном отношении прямым последователем Солона, который в свое время «тирании власть суровую не взял» (Sol.fr.23 Diehl), несмотря на то, что сподвижники толкали его к этому[158].

Хотел того Клисфен или не хотел, но, начиная с его реформ, остракизм стал мощным средством контроля демоса над аристократией[159]. Ранее, в доклисфеновское время, с помощью этой меры контролировали друг друга сами аристократы, препятствуя чрезмерному возвышению одних представителей политической элиты над другими, демос же по большей части был более или менее безучастным наблюдателем этих процессов. Отныне же именно на весь гражданский коллектив была возложена конституционная защита существующего государственного устройства, борьба с опасностью возрождения тирании. Всё это вело, безусловно, к изменению отношений между демосом и аристократией, хотя изменению, конечно, не одномоментному, а постепенному. Изначально новая роль явно была непривычной для рядовых граждан. В этом, судя по всему, одна из причин того, что остракизм в экклесии не применялся почти два десятилетия: народ некоторое время просто не мог освоиться с тем, что в его руках находится столь сильное оружие, что теперь он властен над судьбой своих знатных лидеров. Потребовалось Марафонское сражение, выигранное только совокупными усилиями всего гражданского коллектива, чтобы на смену этой «кротости» (πρᾳότης) демоса, о которой говорит Аристотель (Ath.pol.22.4) пришла более решительная позиция, чтобы с аристократии оказался снятым нимб неприкосновенности. Да и отношение народа к тираническому режиму коренным образом изменилось: слово

---

158 Ср.: *Gouščin V.* Pisistratus' Leadership in A.P. 13. 4 and the Establishment of the Tyranny of 561/60 B.C. // ClQ. 1999. V. 49. № 1. P. 19.

159 Ср.: *Phillips D. J.* Athenian Ostracism... P. 21; *Siewert P.* Accuse... P. 13; *Heftner H., Scheidel W., Siewert P.* Op. cit. S. 506 f.

«тирания» стало настоящим жупелом, каковым ранее оно не было[160]. Демос воистину начинал чувствовать ответственность за политию, которая отныне действительно лежала на нем.

Высказывалась, правда, мнение, что остракизм изначально вообще не имел ничего общего с угрозой тирании, а введен был против персофилов, против лиц, подозреваемых в так называемом «мидизме»[161]. Ошибочность этой точки зрения заключается в том, что она смешивает два разных аспекта — причины и цели введения клисфеновского остракизма и причины и цели конкретных остракофорий 480-х гг. до н. э. В этих последних обвинения в «мидизме» действительно играли весьма важную роль[162], но это могло случиться, естественно, только после начала Греко-персидских войн. А в 500-х гг., когда остракизм вводился, отношения между Афинами и Персией еще отнюдь не были враждебными. Приверженность персидскому образу жизни, даже персидскому стилю в одежде была достаточно распространенной в аристократических кругах[163]. Позже, конечно, подобная приверженность стала чем-то крайне предосудительным и даже инкриминируемым, но это было тогда, когда остракизмом уже начали пользоваться не по его изначальному назначению, а в интересах политической борьбы (στασιαστικῶς, по выражению Аристотеля), когда остракизм, задумывавшийся как средство *предотвращения* стасиса, стал одним из способов *ведения* стасиса. Но об этом речь у нас еще пойдет ниже, в гл. IV.

Следует отметить в связи с целями остракизма еще один нюанс, на который проницательно обратил внимание С. Г. Карпюк[164]. Введение остракизма в его «классической» форме означало в известной степени внесение «правил игры» в политическую борьбу. Невозможно не согласиться с тем, что остракизм, в сущности, был весьма мягкой и гуманной мерой[165]. Он предусматривал лишь временное изгнание, причем без конфискации имущества[166], без последующего ущемления в политических правах и, что немаловажно, без каких-либо преследований семьи и родственников изгнанного. На общегречес-

---

160 Этот процесс изменения отношения к тирании Писистратидов удачно прослежен в работе: *Lavelle B. M.* The Sorrow and the Pity... Passim.

161 *Schreiner J. H.* The Origin... P. 84.

162 См.: *Суриков И. Е.* Политическая борьба... С. 129.

163 *Блаватский В. Д.* Античная археология и история. М., 1985. С. 195—200.

164 *Карпюк С. Г.* Клисфеновские реформы... С. 24.

165 Ср.: *Sinclair R. K.* Op. cit. P. 170; *Ставнюк В. В.* К вопросу о методах в политической борьбе за демократизацию афинского полиса // Античность и современность: Доклады конференции. М., 1991. С. 56.

166 К. Кинцль даже высказывает парадоксальное мнение о том, что остракизм был введен Клисфеном прежде всего в интересах не демоса, а, напротив, аристократов, которые часто страдали от изгнаний, сопровождавшихся конфискацией имущества, что приводило к их разорению. См.: *Kinzl K. H.* Athens... P. 209. Эта точка зрения представляется всё же слишком односторонней.

ком фоне, где зачастую царили самые жестокие методы расправы с политическими противниками, остракизм выглядит, как ни парадоксально, даже каким-то светлым явлением. Это необходимо учитывать, давая общую оценку исследуемому институту: он был мерой, не ожесточавшей, а, напротив, смягчавшей нравы в общественной жизни.

В исследовательской литературе предпринимались попытки найти афинскому остракизму параллели в политической практике других эпох и цивилизаций, в том числе и в наше время. Так, Ф. Якоби находил сходство между остракизмом и римской процедурой provocatio ad populum, а также с применяемым в современных демократиях институтом референдума[167]. Откровенно говоря, обе параллели кажутся нам довольно далекими. Особенно это касается референдума. Если уж называть вещи своими именами, в условиях прямой демократии — а античные демократии были именно такими — *любое* голосование в народном собрании, а отнюдь не только голосование на остракофории, может быть уподоблено современному референдуму. Более удачной кажется нам другая аналогия — сравнение остракизма с вотумом о доверии или недоверии, выносимом в современной практике тому или иному политику, занимающему официальное положение[168]. Конечно, и здесь можно найти изрядное количество различий. В частности, в наши дни вотум недоверия не приводит к изгнанию политического деятеля из государства, а лишь к временному отстранению его от активной деятельности. Но такова уж была специфика общественной жизни в античном полисе, что отстранить политика от активной деятельности можно было только удалением его (хотя бы временным) из страны вообще. Во всяком случае, несомненно, что с помощью остракизма гражданский коллектив выражал именно недоверие тому или иному из лидеров.

* * *

Подведем итоги пункта о причинах и целях введения остракизма.

1. Мы разделяем два аспекта рассматриваемой проблемы. С одной стороны, идея остракизма как «профилактического» изгнания влиятельных индивидов зародилась уже в архаическую эпоху, на стыке двух тенденций политической жизни времен формирования полиса — индивидуалистической и коллективистской[169]. Ранние формы остракизма (возможно, уместнее было бы

---

[167] *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 1. P. 124.

[168] *Thomsen R.* Op. cit. P. 142.

[169] В менталитете эпохи эти две тенденции нашли отражение соответственно в категориях ὕβρις и σωφροσύνη. Об этих важнейших для древнегреческой цивилизации категориях см.: *Del Grande C.* Hybris: Colpa e castigo nell'espressione poetica e letteraria degli scrittori della Grecia antica (da Omero a Cleante). Napoli, 1947; *North H. F.* A Period of Opposition to Sôphrosynê in Greek Thought // TAPhA. 1947. V. 78. P. 1—17; *Dirat M.* L'hybris dans la tragédie grecque. Lille, 1973; *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного

называть эти формы «протоостракизмом», чтобы отличать их от «классического» афинского остракизма V в. до н. э.) являлись средством взаимного контроля членов аристократической правящей элиты друг над другом, во избежание перерастания власти кого-либо из представителей этой элиты в тиранию.

2. Что же касается закона Клисфена об остракизме, принятого на рубеже архаики и классики и делавшего данную процедуру прерогативой народного собрания, этот закон прекрасно укладывается в рамки всего комплекса клисфеновских реформ, передававших верховную власть в полисе из рук аристократии в руки демоса. Демос, переняв аристократический по происхождению институт, становился отныне гарантом против возрождения тирании, против острых вспышек стасиса, а также осуществлял с помощью остракизма общий контроль над деятельностью знатной элиты, что соответствовало его новой роли в государстве. Кроме того, остракизм, как достаточно мягкая и гуманная мера, служил и цели упорядочения политической борьбы, ранее зачастую принимавшей весьма жесткие формы.

сознания афинян во второй половине V в. до н. э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М., 2002. С. 40 слл.

ГЛАВА III

ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Общие сведения о процедуре остракизма

Процедура, посредством которой проводились остракофории в Афинах V в. до н. э., достаточно хорошо освещена источниками. О различных ее деталях и нюансах говорят как ранние авторы, не очень далеко отстоящие во времени от периода активного применения остракизма (Andoc.IV. 3—4; Arist.Ath. pol.43.5; Philochor.FGrHist.328.F30), так и писатели более поздних эпох, но опирающиеся в своих сообщениях на аутентичную традицию (Diod.XI.55; Didym.Schol.in Demosth.XXIII.205; Plut.Aristid.7; Schol.Aristoph.Equ.855; Vesp.947). Безусловно, процедура остракизма описывалась, с большей или меньшей степенью детализации, авторами позднеантичных и византийских лексиконов (Poll.VIII.20; Tim.Lex.s.v. ἐξοστρακισμός; Bekker Anecd.I.285. 20 sqq.; Suid.s.v. ὀστρακισμός; Etym.Magn.s.v. ἐξοστρακισμός; [Zonar.] Lex.s.v. ἐξοστρακισμός). В самую позднюю эпоху начинают попадаться недостоверные описания (например, Tzeth.Chil.X.33 sqq.; XIII.441 sqq.; Theodor.Metoch. Misc.p.609 Müller — Kiessling), но в целом это скорее не характерно. Общая оценка, которую можно дать традиции о процедурной стороне исследуемого здесь института, бесспорно, остается высокой. Мы получаем целый ряд ценных, интересных и весьма разнообразных сведений о том, как конкретно это голосование проводилось, как оно было обставлено. Насколько можно судить, важную роль в сборе этих сведений сыграл автор, который вообще в ряде отношений сформировал традицию об остракизме в ее «классическом виде», а именно Феофраст, известный как чрезвычайно добросовестный и скрупулезный ученый. Содержавшийся в его трактате «Законы» пассаж, посвященный закону об остракизме, несомненно, включал в себя изложение всех основных черт данной процедуры[1]. Сам этот пассаж до нас не дошел, но данные Феофраста находились в распоряжении позднейших эрудитов, схолиастов и лексикографов, которые ими активно пользовались.

Высокая оценка традиции о процедуре остракизма, конечно, не означает, что эта традиция свободна от внутренних противоречий. Такие противоречия есть, и каждое из них, равно как и вообще каждая проблема этого круга, вызывающая дискуссии или неоднозначные трактовки, должно стать предметом специального рассмотрения в данной главе, так чтобы в конце концов осталось по возможности минимальное количество неясностей и нерешенных вопросов (хотя на то, что все до единого вопросы будут однозначно и непротиворечиво решены, надеяться, разумеется, не приходится). Нам представляется наиболее продуктивным построить изложение следующим образом: в дан-

---

[1] *Keaney J. J.* Theophrastus on Ostracism... P. 264.

ном, первом пункте главы мы сведем воедино ту информацию источников по процедурным вопросам, которая в общем не вызывает каких-то споров и недоумений (или вызывает таковые лишь в незначительной степени). Иными словами, будут рассмотрены те аспекты процедуры остракизма, которые предстают в наиболее ясном свете. В последующих же пунктах мы более углубленно займемся проблемами дискуссионными, то есть теми, на которые источники либо не дают четкого ответа, либо дают несколько альтернативных ответов, между которыми приходится делать выбор (именно такова, в частности, проблема числа 6000 в связи с остракизмом).

* * *

Каждая остракофория имела, если так можно выразиться, свою процедурную «предысторию». По очень надежному сообщению Аристотеля (Ath. pol.43.5), ежегодно в шестую пританию гражданского календаря на так называемой κυρία ἐκκλησία (наиболее важное в течение притании заседание народного собрания)[2] в дополнение к другим вопросам проводили предварительное голосование (эпихиротонию) по вопросу об остракизме, испрашивая мнения демоса о том, проводить ли в этом году остракофорию или нет (περὶ τῆς ὀστρακοφορίας ἐπιχειροτονίαν διδόασιν, εἰ δοκεῖ ποιεῖν ἢ μή). Такая практика сохранялась даже и ко времени составления «Афинской политии», то есть в то время, когда де-факто остракизм давно уже окончательно вышел из употребления. Очевидно, в IV в. до н. э. народ всякий раз, когда этот вопрос перед ним ставился, давал отрицательный ответ. В предыдущем столетии такие случаи, несомненно, тоже были весьма частыми, иначе остракофории проводились бы каждый год, а это не так[3].

Скорее всего, конкретный образ проведения предварительного голосования об остракизме был следующим. Совет Пятисот готовил проект постановления (пробулевму), который и выносился на голосование; решение принималось простым большинством голосов[4]. Трудно сказать, вспыхивали ли при этом какие-либо дебаты[5]. Во всяком случае, одно можно утверждать практически безоговорочно: никакие конкретные «кандидатуры» на изгнание ни в ходе этого предварительного голосования, ни впоследствии, на самой остракофории, не выдвигались. Каждый афинский гражданин был волен писать на черепке имя абсолютно любого политического деятеля[6].

---

[2] О κυρία ἐκκλησία и в целом о типах народных собраний в классических Афинах см.: *Hansen M. H.* The Athenian Assembly... P. 25 ff.; *Errington R. M.* Op. cit.

[3] Ср.: *Calhoun G. M.* Op. cit. P. 140.

[4] Ср.: *Reinmuth O. W.* Ostrakismos (RE). Sp.1676; *Brenne S.* Ostraka and the Process... P. 13.

[5] Скорее всего, нет: *Sagan E.* Op. cit. P. 168; *Scheidel W., Taeuber H.* T 41... S. 469.

[6] Эта точка зрения совершенно справедливо преобладает в историографии: *Reinmuth O. W.* Ostrakismos (RE). Sp. 1676; *Tod M. N.* Op. cit. P. 16; *Raubitschek A. E.* Athenian Ostracism... P. 116; *Tarkiainen T.* Op. cit. S. 111; *Meiggs R., Lewis D.* Op. cit.

Что же касается времени проведения самого остракизма, то здесь надлежит отталкиваться от сообщения Филохора (FGrHist.328.F30): προεχειροτόνει μὲν ὁ δῆμος πρὸ τῆς ὀγδόης πρυτανείας, εἰ δοκεῖ τὸ ὄστρακον εἰσφέρειν. Вряд ли эти слова следует понимать в том смысле, что предварительное голосование по вопросу об остракизме имело место «до восьмой притании». Как мы видели выше, это голосование падало на шестую пританию, то есть не только до восьмой, но и до седьмой притании. Это было известно Аристотелю и, несомненно, не в меньшей степени известно и Филохору. Если бы он хотел сказать о сроках этой «прохиротонии» (как он называет предварительное голосование), то, безусловно, выразился бы точнее. Насколько можно судить, в действительности аттидограф хотел сказать, что до восьмой притании проводилась *сама остракофория*[7]. Коль скоро это так, то время этого мероприятия можно определить с достаточно большой, хотя и не абсолютной точностью. В принципе допустимо, что в отдельных случаях остракизм мог иметь место в конце шестой притании, после народного собрания, на котором осуществлялось предварительное голосование. Однако наиболее вероятным представляется, что, как правило, остракофория падала на *седьмую* пританию, поскольку она именно она расположена между шестой (предварительное голосование) и восьмой (t.a.q., указанный Филохором).

Интересно, что примерно на то же время приходилось еще одно важное событие афинской политической жизни — выборы стратегов и других военных магистратов. По сообщению Аристотеля (Ath.pol.44.4), эти выборы проводили «пританы, исполняющие обязанности после шестой притании, — те, в чье дежурство будет благоприятное знамение». Вряд ли такого знамения приходилось ждать уж слишком долго (интересы государства страдали бы от чрезмерных задержек, а добиваться получения благоприятных знамений «не мытьем, так катаньем» греки умели очень хорошо). Таким образом, нормальным сроком для проведения выборов стратегов являлась седьмая притания, то есть та самая, которая была нормальным сроком и для остракизма. На это совпадение обратил внимание А. Раубичек и предположил, что оно не случай-

---

P. 40; *Mitchell L. G., Rhodes P. J.* Op. cit. P. 26. Иначе считал А. Гомм, который, впрочем, исходил из ошибочного мнения о принадлежности остракизма к категории νόμοι ἐπ᾽ ἀνδρί: *Gomme A. W.* Ostracism... P. 630. Огромное количество имен на открытых острака говорит явно против наличия заранее выдвинутых «кандидатов».

[7] Эта точка зрения разделяется в работах: *Reinmuth O. W.* Ostrakismos (RE). Sp. 1677; *Raubitschek A. E.* The Origin of Ostracism... P. 22; *Brenne S.* Ostraka and the Process... P. 13; *Idem.* Ostrakismos und Prominenz... S. 22. Менее правомерным кажется нам мнение тех исследователей, которые считают, что предварительное голосование проходило до восьмой притании (например, в седьмую), а в восьмую — сама остракофория: *Гинзбург С. И.* Малоизвестный византийский источник... С. 45; *Карпюк С. Г.* Гиперболл... С. 148 слл.; *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 1. P. 316 (Якоби, сознавая, что текст Филохора в его сохранившемся виде явно препятствует такому пониманию, предлагает ряд малоубедительных эмендаций); *Rhodes P. J.* The Ostracism of Hyperbolus... P. 86.

но. В ряде работ этот исследователь пытался доказать, что остракофория была специально задумана как мероприятие, предшествующее выборам (или даже проходящее в один день с ними) и «отсеивающее» наиболее нежелательного кандидата на высшую должность в полисе[8]. Однако эта его догадка была сделана в связи с совершенно неприемлемой гипотезой о введении остракизма Клисфеном после Марафонской битвы — гипотезой, о которой нам уже приходилось говорить (гл. II, п. 1) и которая подвергалась совершенно обоснованной критике. С построениями Раубичека довольно-таки сложно солидаризироваться, тем более что они практически недоказуемы. С тем же успехом можно предложить любую другую альтернативу, например, что остракофория проводилась уже после выборов стратегов — именно как последняя возможность воспрепятствовать чрезмерному возвышению политика, уже избранного на эту должность. А скорее всего, никакого прямого соотношения между остракизмом и выборами вообще не было, тем более что ни о чем подобном не упоминает ни один античный автор.

В исследовательской литературе предпринимались попытки определить время проведения остракофорий в переводе с гражданского календаря на лунный (то есть с пританий на месяцы), а в конечном счете — на наш современный календарь. Так, С. И. Гинзбург считал, что предварительное голосование проходило в аттическом месяце гамелионе (январь—февраль), а сама остракофория — в месяце элафеболионе (март—апрель)[9]. Иного мнения придерживался Ш. Бренне: предварительное голосование осуществлялось на κυρία ἐκκλησία посидеона (месяца, соответствовавшего декабрю—январю), а сама остракофория должна была состояться до анфестериона (февраль—март)[10]. По этому поводу необходимо сказать следующее. Во-первых, выражения типа «κυρία ἐκκλησία посидеона» представляются нам совершенно неприемлемыми и только вводящими в заблуждение: народные собрания в классических Афинах строго приурочивались к пританиям, а отнюдь не к месяцам лунного календаря. К этим последним они вообще не имели отношения. Могла быть κυρία ἐκκλησία шестой притании, но в принципе не могло быть никакой «κυρία ἐκκλησία посидеона». Во-вторых, на наш взгляд, вообще являются бесперспективными попытки привести в прямое соотношение афинский гражданский календарь, основанный на притании, с лунным, или архонтским, календарем, основанном на месяце. Гражданский календарь всегда оставался стабильным, регулярным, не подверженным каким-либо изменениям или манипуляциям. В V в. до н. э. первые четыре притании этого календаря насчитывали по 37 дней каждая, а последующие шесть — по 36 дней каждая. Совсем иначе обстоит дело с архонтским календарем, который применялся, в частности, для определения дат религиозных празднеств. Не говорим уже о периодической интеркаляции, то есть добавлении вставного тринадцатого месяца

---

[8] *Raubitschek A. E.* Ostracism... P. 79; *Idem.* The Origin of Ostracism... P. 224.

[9] *Гинзбург С. И.* Малоизвестный византийский источник... С. 45.

[10] *Brenne S.* «Portraits»... S. 184.

с целью привести лунный календарь в соответствие с астрономическим солнечным годом. Подобная интеркаляция, естественно, должна была полностью ломать соотношение двух календарей (лунного и гражданского) в том году, в котором она осуществлялась, а осуществлялась она в течение классической эпохи крайне нерегулярно. Кстати, обычно добавлялся второй посидеон, то есть происходила интеркаляция как раз на том отрезке года, который интересует нас в связи с остракизмом. Кроме того, архонты и по другим поводам могли вносить произвольные изменения в лунный календарь (добавлять дни в связи, например, с каким-либо праздником и т. п.), так что он иногда существенно отклонялся от действительных фаз луны. Э. Сэмюэл, из ценной книги которого мы почерпнули все эти сведения[11], убежден, что невозможно найти точные юлианские эквиваленты для дат афинского календаря.

В связи с вышесказанным нам представляется наиболее взвешенным осторожный подход О. Рейнмута, относящего остракофорию ко времени между началом января и концом марта[12]. Впрочем, январь, на который приходилась в основном шестая притания, мы все-таки скорее исключили бы из этого хронологического отрезка. Февраль—март — вот каким был наиболее вероятный период проведения остракофорий. Л. Холл, очевидно, неправа, когда она предполагает, что остракизм мог быть приурочен к Великим Дионисиям[13]. Такая гипотеза кажется, конечно, заманчивой, поскольку она позволяет подчеркнуть сакральные элементы института; к тому же на главный городской праздник в честь Диониса в Афины, несомненно, сходилось большое количество граждан из сельской местности, что должно было облегчать проведение остракофории и обеспечение необходимого числа голосующих. И тем не менее привязка, предлагаемая упомянутой исследовательницей, вряд ли возможна по хронологическим соображениям. Великие Дионисии праздновались, в переводе на наш календарь, в апреле, и остракизм к моменту их начала должен был уже состояться. Приведем еще одно мнение — скорее, в порядке курьеза. Э. Стейвли, автор книги о практиках голосования в античном мире, почему-то утверждает, что остракофории проходили осенью, когда аттические крестьяне, собрав урожай, являлись в город для его продажи[14]. Этот тезис ровным счетом ни на чем не основан, более того, прямо противоречит свидетельствам источников. Ни шестая, ни седьмая, ни восьмая притания никогда не приходились на осень. Не знаем, что привело Стейвли к столь странному заблуждению.

Как бы то ни было, между принятием предварительного решения об остракизме и самой остракофорией имел место определенный временной отрезок, который в разные годы мог продолжаться от двух до шести недель[15]. Это время использовалось не только для подготовки процедуры с технической

---

[11] *Samuel A. E.* Op. cit. P. 57 ff.

[12] *Reinmuth O. W.* Ostrakismos (RE). Sp. 1677.

[13] *Hall L. G. H.* Remarks... P. 99.

[14] *Staveley E. S.* Op. cit. P. 91.

[15] Ср.: *Calhoun G. M.* Op. cit. P. 138—139.

стороны, но, безусловно, также и для дискуссий по поводу тех или иных потенциальных «кандидатов» на изгнание (хотя, напомним, официально такие «кандидаты» не назначались), а, кроме того, для разного рода пропагандистских мероприятий, проводимых членами политических группировок. О пропаганде в связи с остракизмом у нас подробнее пойдет речь ниже (гл. IV, п. 4).

* * *

Остракизм в процедурном плане может быть определен как одна из разновидностей народного собрания[16], но при этом разновидность экстраординарная и обладавшая рядом специфических особенностей, более не встречающихся в афинской практике. Ближе всего остракофория может быть сопоставлена с теми народными собраниями, на которых по некоторым важным вопросам производилось тайное голосование псефами. Об этих народных собраниях в связи с остракизмом мы будем говорить ниже, в следующем пункте данной главы, в контексте вопроса о числе 6000.

Остракофория действительно имела некоторые совершенно уникальные черты. Следует отметить, прежде всего, полное отсутствие на ней каких-либо дебатов, являвшихся, казалось бы, совершенно неотъемлемым элементом функционирования афинской демократии. Демос просто собирался и голосовал; это в чем-то даже больше напоминает спартанскую апеллу, чем афинскую экклесию с ее постоянными бурными дискуссиями. Не имеем ли мы дело с пережитком архаического, до-демократического происхождения процедуры? Во всяком случае факт остается фактом, и практически все исследователи согласны в том, что дебатов остракизм не предусматривал и, соответственно, никаких речей во время его проведения не произносилось[17]. Этому, казалось бы, противоречит IV речь Андокида, которая строится именно как речь, произнесенная на остракофории одним из «кандидатов» на изгнание (судя по всему, Феаком). Однако мы уже говорили выше (и будем подробнее говорить ниже, в приложении I), что данная речь, собственно, является не речью в прямом смысле слова, а тенденциозным политическим памфлетом. Она никогда нигде не произносилась, и все обстоятельства ее произнесения представляют собой риторический антураж. Этот литературный памятник, таким образом, никак не может служить сколько-нибудь весомым свидетельством в пользу практики дебатов в день остракизма.

---

[16] Ср.: *Gomme A. W.* Ostracism... P. 630; *Staveley E. S.* Op. cit. P. 88; *Rhodes P. J.* The Athenian Boule... P. 18; *Siewert P.* Die Trittyen... S. 58. Похоже, не считает остракофорию разновидностью народного собрания М. Хансен, коль скоро он утверждает, что после 460 г. до н. э. экклесия не собиралась на Агоре: *Hansen M. H.* The Athenian Assembly... P. 125. Впрочем, может быть, Хансен имеет в виду только ординарные народные собрания, а остракофории просто не принимает в расчет?

[17] Например: *Jones J. W.* Op. cit. P. 120; *Reinmuth O. W.* Ostrakismos (Kleine Pauly). Sp. 376; *Rhodes P. J.* The Ostracism of Hyperbolus... P. 89.

Еще одной важной особенностью остракофории является проведение ее на Агоре[18]. Изначально эта главная городская площадь была, без сомнения, местом, где проходили вообще все народные собрания. Ситуация изменилась около 460 г. до н. э. и, судя по всему, в связи с комплексом демократических реформ, связываемых с именами Эфиальта и Перикла[19]. В этот период происходит значительная активизация деятельности афинской экклесии, и ставшие значительно более частыми и регулярными, чем раньше, ее заседания начинают создавать серьезные неудобства для других видов деятельности на Агоре (в том числе, конечно, и для торговли). Возникла необходимость переноса собраний в какое-то специально оборудованное место. Отнюдь не случайно, что именно к этому времени относится, по археологическим данным, сооружение экклесиастерия на Пниксе[20]. Именно эта постройка стала теперь главным центром политической активности демоса; на Агоре же народные собрания больше не проводились. Иного мнения, правда, придерживается П. Зиверт; он считает, что «посадочных мест» на Пниксе хватало в течение V в. до н. э. не более чем на 5000 афинян, а, следовательно, собрания, которые предусматривали участие большего числа граждан (к их числу относился не только остракизм, но и некоторые виды собрания с тайным голосованием при кворуме 6000 человек), должны были по-прежнему проходить на Агоре[21]. Это предположение, однако, имеет ряд уязвимых мест. Во-первых, источники не сообщают ни о чем подобном. Во-вторых, 5000 — слишком заниженная оценка вместимости раннего Пникса; по подсчетам М. Хансена, который, кстати, тоже отнюдь не склонен к преувеличенным цифрам, речь скорее следует вести не о пяти, а о шести тысячах. Более того, на наш взгляд, и эта последняя оценка может быть слишком низкой[22]. Иными словами, можно с достаточной долей уверенности говорить, что после оборудования экклесиастерия на Пниксе никакие народные собрания, *кроме остракофорий*, уже не имели своим местом Агору.

В связи с проведением остракизма именно в этом городском центре необходимо упомянуть о двух обстоятельствах. Во-первых, проблема обширного пространства, которое вместило бы всех желающих проголосовать, несомненно, должна была вставать. Остракофория была отнюдь не ординарным событием афинской политической жизни. Судя по всему, в ней принимали участие не

---

[18] *Kolb F.* Agora und Theater, Volks-und Festversanmmlung. B.,1981. S. 53—55.

[19] Ср.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 25.

[20] К строительной истории этого экклесиастерия см.: *Hansen M. H.* The Athenian Ecclesia: A Collection of Articles 1976—1983. Copenhagen, 1983. P. 25—34; *Idem.* The Athenian Assembly... P. 12—14; *Idem.* The Athenian Ecclesia II... P. 129—141. Некоторые моменты истории Пникса являются предметом дискуссий (прежде всего время третьего строительного периода на нем), но относительно начала сооружения постройки разногласий вроде бы нет.

[21] *Siewert P.* Die Trittyen... S. 58.

[22] Ср.: *Суриков И. Е.* Закон Клисфена... С. 21. Подробнее см. в п. 2 данной главы.

только городские жители — завсегдатаи обычных народных собраний. Сходились в Афины в этот день и крестьяне из отдаленных аттических деревень, в принципе чуждые политической жизни. Попадались даже неграмотные (об этом см. подробнее ниже, в п. 5 данной главы). Д. Филлипс утверждает, что остракофорию вряд ли посещало более 10 тысяч человек[23]; мы скорее сказали бы, что число присутствовавших на ней редко бывало меньше этой цифры.

Но не только соображениями вместимости, как нам кажется, было обусловлено использование Агоры для проведения остракизма. В конце концов, в Афинах существовали общественные постройки, вместимость которых была больше, чем у Пникса (например, тот же театр Диониса). Можно было выбрать и какой-нибудь пункт на окраине города (типа римского Марсова поля, где собирались комиции). Подходящим местом мог бы быть, например, Ардетт, на котором афинские граждане раз в год приносили судейскую присягу (Isocr.XV. 21; Harpocr.s.v. Ἀρδηττός) и который по этому самому должен был быть весьма вместителен. Тем не менее остракофории проходили на Агоре, несмотря на то, что это, безусловно, мешало нормальному функционированию этой площади. Дело, как нам представляется, еще и вот в чем. Агора считалась сакральным пространством; не случайно ее территория была маркирована специальными пограничными камнями (ὅροι)[24]. Лицам, совершившим религиозное преступление и считавшимся ритуально «нечистыми», вход на Агору был запрещен законодательно. Не является ли осуществление процедуры остракизма на священном месте опять-таки рудиментом религиозного происхождения этого института? А может быть, имела место вторичная сакрализация остракизма в демократических Афинах V в. до н. э.: в предшествующую эпоху, как мы видели, голосование черепками проходило в булевтерии, а эта постройка, хотя тоже, безусловно, обладала некоторым оттенком сакральности (как и любое общественное здание в рамках полисного типа государственности), но все же не в такой степени, как Агора.

Следует отметить, что для остракизма задействовалось не все пространство Агоры, а лишь определенная ее часть (τι τῆς ἀγορᾶς μέρος, Poll.VIII.20), какое-то место на Агоре (ἕνα τόπον τῆς ἀγορᾶς, Plut.Aristid.7). Правда, аттидограф Филохор (FGrHist.328.F30) говорит в данной связи обо всей Агоре, но здесь перед нами, кажется, как раз тот случай, когда более ранний и в целом более авторитетный автор ошибается, а более поздние поправляют его[25]. В современной историографии обычно считается, что местом проведения остракофории была юго-западная часть Агоры[26], и мы считаем эту точку зрения вполне соответствующей действительности. Кстати, наибольшее количество

---

[23] *Phillips D. J.* Observations... P. 136.

[24] Наиболее фундаментальные исследования об афинской Агоре: *Thompson H. A., Wycherley R. E.* Op. cit.; *Camp J. M.* The Athenian Agora...

[25] На эту ошибку Филохора обращено внимание в работе: *Develin R.* Philochoros on Ostracism... P. 29.

[26] *Reinmuth O. W.* Ostrakismos (RE). Sp. 1677; *Lang M.* Ostraka... P. 2. Против этой точ-

находок острака происходит именно с этой части Агоры, и это, наверное, не случайно. Можно предположить (как это и делает М. Лэнг), что до того, как заседания экклесии были переведены на Пникс, именно этот регион Агоры был местом их проведения, соответственно, позже он остался местом проведения остракофорий.

В день остракизма пространство, предназначенное для его проведения, огораживалось. Какой характер носило это ограждение? Многие авторы пишут в данной связи просто о «загородке» (πῆγμα), без дальнейшей конкретизации (Tim.Lex.s.v. ἐξοστρακισμός; Etym.Magn.s.v. ἐξοστρακισμός; [Zonar.] Lex.s.v. ἐξοστρακισμός). Есть, однако, и более точные указания. Так, Филохор (FGrHist.328.F30) говорит об ограждении σανίσιν (досками); ему вторит схолиаст к Аристофану (Equ.855). Несколько иначе, но в том же смысле, выражается Плутарх (Aristid.7): περιπεφραγμένον ἐν κύκλῳ δρυφάκτοις. Традиции, сообщающей, таким образом, об ограждениях, изготовленных из дерева, противоречит Полидевк (VIII.20), утверждающий, что зона, предназначенная для остракофории, обтягивалась по периметру канатами (περισχοινίσαντας δέ τι τῆς ἀγορᾶς μέρος). Однако версия этого лексикографа выглядит значительно менее заслуживающей доверия[27]. Полидевк, скорее всего, просто перепутал остракизм с каким-нибудь другим политическим мероприятием. Дело в том, что канаты в принципе использовались в некоторых ситуациях, характерных для общественной жизни Афин. Так, когда Совет Ареопага заседал не в своем обычном месте на холме Ареса, а в так называемой Царской стое на Агоре, место его заседания огораживалось канатом (Demosth.XXV. 23). Очень интересное, но в то же время сложное для интерпретации место, связанное с использованием каната, встречаем мы у Аристофана (Ach.22). На этом свидетельстве мы еще остановимся в другом контексте, а пока для нас достаточно того, что к остракизму оно никакого отношения не имеет. Полидевк не может быть прав еще и потому, что канаты были бы слишком эфемерным ограждением ввиду той огромной массы людей, которая должна была собираться на Агоре в день остракофории; необходимы были какие-то более прочные загородки.

В ограждении из деревянных досок оставлялось десять входов, по числу клисфеновских фил (Philochor.FGrHist.328.F30; Schol.Aristoph.Equ.855)[28]. Это означает, что и голосование осуществлялось по филам. В согласии с этим находится и информация о должностных лицах, руководивших проведением

ки зрения: *Wycherley R. E.* Op. cit. P. 118. Однако возражения Уичерли не кажутся убедительными.

[27] К вопросу об ограждении см.: *Wycherley R. E.* Two Notes...; *Idem.* Literary and Epigraphical Testimonia (The Athenian Agora. V. 3). Princeton, 1957. P. 163—165; *Raubitschek A. E.* The Gates... P. 280 (предлагается компромиссное решение проблемы: ограждение было сделано из досок, но эти доски были связаны между собой канатом); *Lavelle B. M.* A Note on Perischoinisma...

[28] Об этих входах см.: *Raubitschek A. E.* The Gates... P. 279.

остракофории. По сообщению тех же Филохора и схолиаста к Аристофану, это были девять архонтов и βουλή, то есть Совет Пятисот[29]. Этот последний орган, как известно, комплектовался именно по филам и делился соответственно их числу на десять пританий. Что же касается архонтов, то, хотя их коллегия официально называлась по традиции οἱ ἐννέα ἄρχοντες, в действительности она состояла из десяти человек: эпонима, басилея, полемарха, шести фесмофетов и секретаря[30]. И здесь, таким образом, мы находим соответствие количеству фил. Скорее всего, каждый из членов коллегии архонтов выдвигался от какой-либо из фил, так что все они получали равное представительство. Наверняка и при остракофории дело обстояло таким образом, что за голосованием каждой филы наблюдали избранные от нее пританы и являющийся ее членом архонт. Процедура, таким образом, была построена весьма рационально; всё было сделано для того, чтобы облегчить подсчет черепков после их подачи.

Каждый из афинских граждан, входивший в ограждение в положенном ему месте, нес с собой надписанный остракон и на входе отдавал его должностным лицам или, скорее, складывал под их присмотром в общую кучу. После этого проголосовавшие граждане вплоть до конца остракофории, несомненно, должны были оставаться внутри огороженного участка[31]. Только таким образом можно было предотвратить недобросовестное поведение голосующих, а именно попытки отдельных граждан проголосовать вторично. Именно для этой цели, собственно, и было необходимо само ограждение. Кстати, можно привести в связи со сказанным лишний аргумент в пользу того, что оно представляло собой деревянную изгородь, а не натянутые канаты. Канаты никак не могли бы помешать «просачиванию» граждан вовне огороженного участка: через них можно было элементарно перепрыгнуть, под ними можно было пролезть, согнувшись, и уж, конечно, вряд ли кто-то смог бы схватить за руку обманщика в вышеупомянутых условиях огромного скопления голосующих. Разве что пришлось бы плотно оцепить огороженный участок цепью охранников, что, конечно, вряд ли предпринималось.

Где и когда надписывались остраконы? Похоже, каких-то обязательных правил на этот счет не существовало. Многие граждане, несомненно, наносили надпись на черепке на месте остракофории, на Агоре. Признаком этого являются остраконы, соприкасающиеся друг с другом краями. Очевидно, несколько человек брали большой черепок, разламывали его на части, и каждый писал на доставшемся ему куске имя «кандидата». Однако с тем же успехом можно было и заранее приготовить остракон дома[32], тем более что это имело ряд плюсов. Процарапывание букв на глине, да еще так, чтобы получилось относительно ясно и четко, — довольно тонкая и трудоемкая операция, требующая, не скажем — мастерства, но, во всяком случае, определенного умения. К тому

---

29 *Rhodes P. J.* The Athenian Boule... P. 18.

30 *Sealey R.* Op. cit. P. 155.

31 *Lang M.* Ostraka... P. 2.

32 Ср.: *Wilcken U.* Op. cit. Bd. 1. S. 6.

же дома можно было без спешки подобрать наиболее подходящий кусок керамики. Так, для одного из остраконов против Мегакла, сына Гиппократа, был взят фрагмент краснофигурного сосуда с изображением падающего воина[33]. Семантика намека предельно прозрачна. Другой остракон против того же Мегакла[34] взят тоже от краснофигурного сосуда, на котором ранее вазописцем была сделана надпись Μεγακλῆς καλός. Такие надписи на керамических изделиях были весьма распространены в эпоху поздней архаики и ранней классики, но в данном конкретном случае ирония (безусловно, сознательная), заключается в том, что сосуд, когда-то служивший прославлению красоты Мегакла, теперь оказался использованным для его изгнания. Подобные черепки, конечно, были взяты голосовавшими не случайно, а специально и тщательно подобраны, что можно было сделать только заранее. Остраконы, надпись на которых не процарапана, а нанесена краской, несомненно, тоже следует отнести к категории заготовленных заблаговременно[35]. Наконец, бывало и так, что афинянин вообще ничего не писал на остраконе, а получал готовый «бюллетень» от другого лица; такая «помощь», судя по всему, тоже не возбранялась. Подробнее этот круг вопросов будет рассмотрен ниже (п. 5 данной главы).

Анализ тех же острака показывает, что не было и каких-то общепринятых норм в «заполнении» своего «бюллетеня»[36], чем, кстати, остракизм достаточно резко отличается от современных процедур голосования, где такие нормы весьма жестки, а малейшее отклонение от них ведет к признанию бюллетеня недействительным. Имена афинских граждан фигурируют на остраконах в самом разнообразном виде. Наряду с наиболее полной комбинацией «личное имя + патронимик + демотик» встречаются комбинации «личное имя + демотик» и «личное имя + патронимик» (именно эта последняя комбинация, пожалуй, распространеннее, чем остальные, несмотря на то, что, если верить Аристотелю, Ath.pol.21.4, Клисфен вывел патронимик из состава официального гражданского имени). Высказывалось мнение, что демотик чаще использовался с именами лиц сравнительно малоизвестных, не принадлежащих к высшей знати[37]. Приводился, в частности, пример с Фемистоклом, судя по всему до определенного момента являвшегося действительно чем-то вроде homo novus в афинской политике[38]: отмечалось, что с его именем демотик встречается на остраконах чаще всего. Характерно, однако, что даже и в его

---

[33] *Brenne S.* «Portraits»... S. 165.

[34] *Willemsen F.* Ostraka einer Meisterschale... S. 137.

[35] Например, один из остраконов против Гипербола: *Shear T. L.* The Campaign of 1938... P. 246; один из остраконов против Калликсена: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 186.

[36] Ср.: *Brenne S.* «Portraits»... S. 161.

[37] Например: *Peek W.* Op. cit. S. 76; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 86.

[38] См.: *Суриков И. Е.* Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 8. Специальный выпуск: Персональная история и интеллектуальная биография. М., 2002. С. 342—364.

группе остракa процент надписей с патронимиком все равно выше. Нам больше импонирует точка зрения, согласно которой словоупотребление на остраконах больше говорит не о тех людях, чьи имена на них стоят, а о тех, кто их надписывал[39]. Иными словами, аристократы, особенно городские, по старой привычке называли своих сограждан «по имени-отчеству», а рядовым гражданам, выходцам из сельских демов, было легче перейти на новую систему именования. Как бы то ни было, интересно, что, например, Каллий, сын Гиппоника, из рода Кериков, один из знатнейших и влиятельнейших афинян[40], назван на остракa *только* с патронимиком, дем же его на них вообще ни разу не фигурирует. И действительно, «Каллий из Алопеки» звучало бы совершенно безлико.

Более того, существует группа остракa (правда, не столь уж многочисленная), на которых проставлено одно лишь личное имя «кандидата», без каких-либо дальнейших идентификаций. В основном такие остракa направлены против людей весьма известных в полисе, таких, как Фемистокл, Аристид, Ксантипп и т. п., так что в большинстве случаев путаница была исключена. Однако что прикажете делать с такими черепками, на которых стоит просто «Мегакл», «Гиппократ» или «Каллий»? Совершенно непонятно, к кому из носителей этих распространенных в Афинах имен эти «бюллетени» относить. Не сомневаемся, что точно такие же затруднения испытывали и должностные лица, производившие подсчет остракa и разбор их по персоналиям. Скорее всего, они делали выбор в пользу (точнее, строго говоря, не в пользу) априорно наиболее вероятного «кандидата». Так, все остраконы, на которых было написано только имя Мегакла, наверняка пошли «в копилку» Мегакла, сына Гиппократа. В Афинах того времени были и другие Мегаклы, тоже упоминающиеся на единичных остракa (см. в Приложении V), но ни один из них, кроме Мегакла, сына Гиппократа, не числился в крупных политиках и, соответственно, не был лицом, которому всерьез угрожал остракизм.

Нет единообразия и в форме, в которой наносилось имя, в частности, в падеже. Соответствующие подсчеты были проделаны Ш. Бренне[41] и дали следующие результаты. Безусловно, на подавляющем большинстве остракa (87,4 %) имя стоит, как и следует ожидать, в номинативе. Однако имеются (хотя и не столь многочисленны) и иные варианты. 9,8 % остракa дают имя в дативе (подразумевается, видимо, «несу черепок такому-то»), 2,7 % — в аккузативе («изгоняю такого-то»), и, как ни странно, 0,1 % — даже в генитиве, как на владельческих надписях («черепок такого-то»).

Некоторые из опубликованных остраконов производят впечатление прямо-таки безнадежно испорченных. На одних имена написаны с настолько грубыми ошибками, что зачастую почти невозможно понять, кто имеется в виду.

---

[39] *Raubitschek A. E.* Athenian Ostracism... P. 118—119; *Суриков И. Е.* О некоторых особенностях генеалогической традиции... С. 174.

[40] О нем см.: *Суриков И. Е.* Два очерка... С. 105 слл.

[41] *Brenne S.* Ostraka and the Process... P. 22.

На других к аналогичным результатам приводит крайняя неразборчивость почерка. На третьих неправильно указан патронимик или демотик «кандидата». На четвертых имя не дописано до конца. Пятые испещрены «фальстартами»: малограмотный человек неуклюжей рукой снова и снова пытался вычертить на глиняной поверхности что-то отдаленно похожее на буквы. На шестых, как мы уже знаем, присутствуют приписки инвективного характера, порой грубые до полного неприличия, а то и рисунки (попробовали бы мы вытворить что-нибудь подобное на бюллетене для голосования!). Д. Филлипс удивленно восклицает: неужели все эти черепки принимались магистратами как действительные и учитывались при подсчете голосов?[42] И тем не менее, судя по всему, именно так и обстояло дело. Остраконы, представляющиеся нам «недействительными» и «испорченными», найдены в единых комплексах с совершенно нормальными, надписанными четко и без ошибок. А если бы их не засчитывали, то, надо полагать, отсеивали бы при подсчете, откладывая во избежание путаницы в другое место.

Филохор и следующий ему схолиаст к Аристофану специально отмечают, что при подаче черепка его нужно было повернуть вниз надписью, иными словами надпись должна была быть скрыта от окружающих (Philochor. FGrHist.328.F30: στρέφοντες τὴν ἐπιγραφήν; Schol.Aristoph.Equ.855: ἐντιθέντες τὴν ἐπιγραφήν). Таким образом, остракизм предусматривал тайное голосование (ср. Andoc.IV. 3: διαψηφισαμένων κρύβδην)[43], однако уже отмечалось — и вполне справедливо — что тайный характер волеизъявления был в данном случае если и не фиктивным, то, по меньшей мере, в известной степени формальным[44]. Во всяком случае, здесь мы не находим ничего похожего на те изощренные приспособления, которые применялись в афинских дикастериях для того, чтобы гарантировать тайну голосования: плетеные сосуды без дна (κημοί), прикрывавшие горлышки урн для подачи голосов, псефы с просверленными и цельными трубочками и т. п.[45] На остракофории же тайну практически невозможно было по-настоящему обеспечить. Действительно, одни граждане несли черепки с собой из дома; надо полагать, что они (особенно если учесть горячий южный темперамент греков) активно делились своим выбором со знакомыми, показывая им свой остракон. Другие надписывали «бюллетени» прямо на площади, тоже вряд ли особенно от кого-то прячась. Третьи, не умея или не желая сделать надпись самостоятельно, обращались за помощью к согражданам[46]. В конце концов, попадаются и такие остраконы, у

---

[42] *Phillips D. J.* Observations... P. 139.

[43] *Gomme A. W.* Ostracism... P. 630; *Reinmuth O. W.* Ostrakismos (Kleine Pauly). Sp. 376; *Tarkiainen T.* Op. cit. S. 111; *Schuller W.* Die Polis als Staat // The Ancient Greek City-State. Copenhagen, 1993. P. 115.

[44] *Boegehold A. L.* Toward a Study... P. 368; *Nicolet C.* Cicéron, Platon et le vote secret // Historia. 1970. Bd.19. Ht.1. S. 56.

[45] Об этих приспособлениях см.: *Boegehold A. L. et al.* The Lawcourts... P. 21 ff.

[46] *Brenne S.* Die Ostraka... S. 79.

которых надпись начинается на одной стороне, а потом переходит на другую; такие черепки было просто невозможно повернуть «вниз надписью».

После того, как голосование оканчивалось и афинян выпускали из огороженного места, должностные лица начинали подсчет голосов. Скорее всего, этот подсчет производился по филам и сопровождался раскладыванием остраконов по конкретным именам. Очень возможно, что до наших дней дошло художественное изображение подсчета черепков после остракофории[47]. Оно находится на хранящемся в Оксфорде краснофигурном авторском килике, принадлежит так называемому «мастеру Пана» и датируется периодом около 470 г. до н. э. На сосуде изображен человек, держащий в руках стиль и табличку для письма. Он стоит у низкого столика; на этом последнем — кратер, в котором видны маленькие предметы неправильной формы и красного цвета. Такие же предметы разложены и на самом столе. К столу подходит мальчик с сосудом в руках, а в сосуде опять же лежат эти красные предметы. Те же предметы держит в руке еще один человек, стоящий слева от стола. Более убедительной интерпретации этих «предметов», чем отождествление их с остраконами, кажется, отыскать не удастся.

Плутарх — единственный из всех античных авторов — говорит (Aristid.7), не указывая при этом источника своей информации, что остракa пересчитывались два раза. Первый подсчет должен был установить, набирается ли по итогам всего голосования 6000 черепков. Если их было меньше, остракизм объявлялся несостоявшимся; и лишь в том случае, если общее число остраконов превышало эту цифру, приступали ко второму голосованию, теперь уже раскладывая «бюллетени» по именам «кандидатов». Данное сообщение Плутарха противоречит сведениям, сохранившимся у некоторых других авторов (в частности, у Филохора) и будет подробнее разобрано в следующем пункте данной главы, когда речь пойдет о числе 6000 и о том, что оно собой представляет. Пока же достаточно отметить, что в предположении об остракофориях, которые признавались несостоявшимися, поскольку не набиралось необходимого количества голосов, в принципе нет ничего невероятного[48]. Правда, источники о таких «неудавшихся» остракизмах не сообщают, но в данном случае argumentum e silentio вряд ли может иметь решающую силу. Вполне мог быть объявлен несостоявшимся, например, остракизм 483 г. до н. э.

Наверняка уже к концу дня, в который проводилась остракофория, становилось известным имя того политика, который стал ее жертвой. Такому лицу давалось десять дней на то, чтобы уладить все свои дела в городе, собраться, приготовиться к отъезду (Philochor.FGrHist.328.F30; Schol.Aristoph.Equ.855),

---

[47] Репродукцию и описание см.: *Buitron-Oliver D., Camp J. M.* Exhibition Catalogue // BD. P. 100. Ср. также: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 23. Наконец, наиболее подробно: *Idem.* T (?) 4. Rotfigurige Schale des «Pan-Malers» (Oxford 1911.617) aus Cerveteri (470—460 v. Chr.): Auszählung des Ostraka? // OT. S. 174—184.

[48] Ср.: *Calhoun G. M.* Op. cit. P. 140; *Lenardon R. J.* The Saga... P. 31. Против этой точки зрения: *Mattingly H. B.* The Practice... P. 25.

после чего он должен был покинуть территорию полиса. Многие авторы специально подчеркивают, что изгнание остракизмом не сопровождалось конфискацией имущества, что подвергнутый этой мере гражданин сохранял в течение своего отсутствия право пользоваться своей собственностью, оставшейся в Аттике (Philochor.FGrHist.328.F30; Plut.Aristid.7; Bekker Anecd.I.285.20 sqq.; Schol.Aristoph.Vesp.947), очевидно, через доверенных лиц.

* * *

Итоги настоящего пункта достаточно очевидны, и нами вряд ли будет сказано что-то принципиально новое, ранее никем не отмечавшееся.

1. Остракофория была особым видом народного собрания, в силу ряда обстоятельств (как прагматического, так, возможно, и ритуального характера) проводившимся на Агоре. Голосование на остракофории де-юре имело тайный характер, но фактически за строгим соблюдением тайны волеизъявления не следили. Каких-либо общепринятых норм при нанесении надписей на остраконах не существовало.

2. В целом процедура остракизма известна неплохо, поскольку о различных ее сторонах и нюансах сообщают многие источники, и эти сообщения в большинстве случаев вполне согласуются друг с другом. Те случаи, когда вместо согласованности имеют место противоречия между различными авторами, заслуживают специального рассмотрения, и эти аспекты процедуры остракизма будут подробно разобраны в следующих пунктах данной главы.

2. 6000 голосов — кворум или минимум?

Одной из наиболее важных и сложных проблем, связанных с процедурой остракизма, является вопрос о том, что представляет собой число 6000, фигурирующее в некоторых описывающих эту процедуру источниках. Есть два варианта ответа на этот вопрос: либо 6000 являются общим кворумом, обязательным для признания остракофории состоявшейся, либо это минимальное количество поданных *против одного лица* голосов, необходимое для его изгнания. В пользу как того, так и другого предположения имеются свидетельства античных авторов. Так, Плутарх (Aristid.7), рассказывая о проведении остракизма, в частности, говорит: οἱ δ' ἄρχοντες πρῶτον μὲν διηρίθμουν τὸ σύμπαν ἐν ταὐτῷ τῶν ὀστράκων πλῆθος· εἰ γὰρ ἑξακισχιλίων ἐλάττονες οἱ φέροντες εἶεν, ἀτελὴς ἦν ὁ ἐξοστρακισμός· ἔπειτα τῶν ὀνομάτων ἕκαστον ἰδίᾳ τιθέντες, τὸν ὑπὸ τῶν πλείστων γεγραμμένον ἐξεκήρυττον εἰς ἔτη δέκα... Рассказывая о двух стадиях подсчета голосов, херонейский биограф, таким образом, считает число 6000 общим кворумом. С ним согласны в этом отношении некоторые позднеантичные и византийские лексикографы (Tim.Lex.s.v. ἐξοστρακισμός; Etym. Magn.s.v. ἐξοστρακισμός; [Zonar.] Lex.s.v. ἐξοστρακισμός), которые, впрочем, не дают какой-то независимой информации, поскольку почти дословно цитируют друг друга.

Крупнейшим представителем противоположного направления традиции, считающим 6000 количеством голосов, необходимым для изгнания одного лица, является писатель, во всяком случае, не менее (если не более) авторитетный, чем Плутарх, а именно аттидограф Филохор, который пишет (FGrHist.328.F30): διαριθμηθέντων δὲ ὅτωι πλεῖστα γένοιτο (sc. ὄστρακα) καὶ μὴ ἐλάττω ἑξακισχιλίων, τοῦτον ἔδει τὰ δίκαια δόντα καὶ λαβόντα ὑπὲρ τῶν ἰδίων συναλλαγμάτων ἐν δέκα ἡμέραις μεταστῆναι τῆς πόλεως ἔτη δέκα. А. Раубичек пытался в свое время доказать, что в действительности у Филохора, как и у Плутарха, речь тоже идет не о минимуме, а о кворуме[49], однако попытка эта оказалась явно неубедительной, поскольку она основана на совершенно произвольной интерпретации текста. Не помогает делу и предложенная Ф. Якоби[50] конъектуры: вставка после слов μὴ ἐλάττω ἑξακισχιλίων якобы выпавшего продолжения ὄντων τῶν φερόντων ὄστρακον. Жаль, что маститый ученый забывает здесь о золотом правиле: конъектуры уместны в тех случаях, когда сам греческий текст представляет сложности для понимания и интерпретации, и вряд ли следует ими злоупотреблять просто для того, чтобы насильственно «подтянуть» свидетельство одного источника к свидетельству другого. А в данной ситуации чего-либо внутренне противоречивого сообщение Филохора не содержит, и ничто не заставляет предполагать в нем какой-то пропуск.

К тому же аналогичные Филохору свидетельства о 6000 как о минимуме против одного лица содержатся и у некоторых более поздних авторов (Didym.Schol.Demosth.XXIII.205; Poll.VIII.20; Schol.Aristoph.Equ.855). Отчасти эти свидетельства восходят к тому же аттидографу. Таким образом, противоречие между источниками налицо, оно является действительным, а не мнимым, и не стоит его сглаживать или затушевывать. Существовали, как видим, две традиции, толковавшие 6000 совершенно по-разному. По сути дела, те же две традиции продолжают существовать и поныне, в современной историографии вопроса, где уже с XIX в. (с тех пор, как Люгебиль авторитетно выступил за правоту Плутарха) достаточно четко прослеживается дихотомия точек зрения: «плутарховской» и «филохоровской», соответственно трактующих 6000 как кворум и как минимум. Последователей Плутарха в антиковедении нашего времени больше в количественном отношении[51]. Однако ряд ученых, в том числе весьма авторитетных, считает, что прав Филохор и что

---

[49] *Raubitschek A. E.* Philochoros... Passim.

[50] *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 1. P. 317.

[51] Например: *Larsen J. A. O.* The Origin and Significance of the Counting of Votes // ClPh. 1949. V. 44. № 3. P. 173; *Jones J. W.* Op. cit. P. 120; *Guarducci M.* Op. cit. V. 2. P. 526; *Thomsen R.* Op. cit. P. 67; *Thompson H. A., Wycherley R. E.* Op. cit. P. 51; *Jeffery L. H.* Archaic Greece... P. 103; *Camp J. M.* The Athenian Agora... P. 57; *Mossé C.* La démocratie... P. 147; *Harris W. V.* Op. cit. P. 54; *Mattingly H. B.* The Practice... P. 3; *Bleicken J.* Op. cit. S. 40; *Brenne S.* Ostraka and the Process... P. 22; *Develin B., Kilmer M.* Op. cit. P. 14; *Карпюк С. Г.* Гипербол... С. 150.

речь следует вести о минимальном количестве голосов против одного лица[52]. Есть, наконец, такие исследователи, которые колеблются, не могут или не хотят сделать однозначный выбор между двумя решениями проблемы[53], либо же предлагают промежуточные варианты, призванные примирить между собой обе традиции[54].

Когда внимание специалистов было привлечено к неоднократно упоминавшемся (и полностью цитировавшемуся) выше отрывку из византийского анонима Vaticanus Graecus 1144, выяснилось, что в нем представлена та же точка зрения, что у Филохора[55]. При этом мы видели, что названный текст опирается на ранний и авторитетный источник, скорее всего, на Феофраста. Если это действительно так, то у Плутарха, отделенного от описываемых им событий временной дистанцией более чем в полтысячелетия и к тому же, к глубокому сожалению, не указывающего в данном месте, откуда он почерпнул свои сведения[56], оказываются сразу два «противника», причем весьма мощных: Феофраст, специально и скрупулезно занимавшийся остра-

---

[52] *Carcopino J.* L'ostracisme... P. 89—104; *Gregor J.* Op. cit. S. 192; *Hands A. R.* Op. cit. P. 74; *Camon F.* L'ostracismo... P. 143 ss.; *McCargar D. J.* Op. cit. P. 250 ff.; *Pecorella Longo Ch.* Op. cit. S. 257 ff.; *Lehmann G. A.* Der Ostrakismos-Entscheid... S. 85 ff.; *Dreher M.* Op. cit. S. 69; *Любкер Ф.* Ук. соч. С. 345; *Обнорский Н. П.* Ук. соч. С. 344; *Гинзбург С. И.* Малоизвестный византийский источник... С. 41 слл. Автору этих строк неоднократно приходилось писать о том же (наиболее подробно см.: *Суриков И. Е.* Закон Клисфена... С. 18 слл.).

[53] *Reinmuth O. W.* Ostrakismos (RE). Sp. 1678; *Gomme A. W.* Ostracism... P. 630; *Raubitschek A. E.* Athenian Ostracism... P. 117; *Tarkiainen T.* Op. cit. S. 111; *Develin R.* Bouleutic Ostracism... P. 11; *Lang M.* Ostraka... P. 2; *Sagan E.* Op. cit. P. 168; *Lotze D.* Il cittadino e la partecipazione al governo della «polis» // I Greci: Storia, cultura, arte, societa. V. 2.II. Torino, 1997. P. 376.

[54] Так, Д. Филлипс полагает, что изначально 6000 было кворумом, а затем, после изгнания Гипербола, закон об остракизме подвергся изменению, и это число стало минимумом против одного лица: *Phillips D. J.* Athenian Ostracism... P. 25. Странное решение проблемы, особенно если учесть, что после изгнания Гипербола остракизм вообще не проводился.

[55] *Schubert Ch.* Op. cit. S. 21.

[56] Якоби считает, что источником Плутарха в данном случае является либо Эфор, либо кто-либо из аттидографов: *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 1. P. 316. Второй вариант крайне маловероятен: завершителем и крупнейшим представителем аттидографической традиции, опиравшимся на труды своих предшественников, был Филохор, а у него мы как раз находим принципиальное расхождение с тем, что сообщает Плутарх. Вариант с Эфором значительно вероятнее, но тут уже нужно задаться вопросом: настолько ли хорошо Эфор (в Афинах человек пришлый, к тому же живший в ту эпоху, когда остракизм давно уже вышел из употребления) знал все детали рассматриваемой процедуры, чтобы ему можно было безоговорочно доверять? Не достовернее ли уже a priori выглядит свидетельство эксперта в области афинской конституционной истории, каким был Филохор?

кизмом, и Филохор, который по долгу аттидографа должен был в высшей степени тщательно изучить историю родного полиса.

Следует добавить, что в сообщении византийского анонима присутствует несомненная внутренняя логика, исключающая какую-либо путаницу с его стороны. Говоря об остракофориях на том их этапе, когда их еще проводил Совет, а не экклесия, он пишет: «Кому выпадало более двухсот черепков, тот изгонялся на десять лет...». Число 200 в данном контексте никак не может быть кворумом: кворум для Совета (о каком бы Совете в данном случае ни шла речь — Совете Четырехсот, Пятисот и т. п.) заведомо должен был составлять значительно большее число. Трудно представить, чтобы при принятии ответственного решения органом, состоящим как минимум из четырехсот человек, достаточно было присутствия лишь двухсот, то есть половины этого числа. Не просто значительно более логичной, но и, на наш взгляд, единственно возможной представляется прямая и буквальная интерпретация свидетельства Vaticanus Graecus 1144, в полном соответствии с тем, что там написано: гражданин изгонялся, если против него голосовали более 200 членов Совета, иными словами, более половины этого органа. А коль скоро 200 черепков для доклисфеновского времени не являются кворумом, то нет абсолютно никакого резона считать, что в более позднюю эпоху таковым внезапно стали 6000 черепков. Обе цифры, приводимые анонимным автором, явно представляют собой явления одного порядка.

Против «теории кворума» могут быть приведены следующие соображения общего характера. Допустим, на остракофории подано 5999 черепков, и все — против одного лица. Такое лицо, естественно, изгнанию не подлежит, а остракизм объявляется несостоявшимся. Возьмем другую ситуацию: всего проголосовал 6001 гражданин, и при этом имеет место большой разброс голосов между многими кандидатами (именно так на самом деле всегда и бывало, судя по данным острака). Лицо, против которого направлено наибольшее количество остраконов, может в таком случае получить их довольно мало в абсолютном исчислении: скажем, 2000 или даже меньше. Получается явный абсурд: 5999 черепков недостаточно, чтобы изгнать политика при одних обстоятельствах, а при других — вполне достаточным оказывается 2000. Иными словами, выходит, что в каких-то случаях лицо подвергалось остракизму по воле явного меньшинства гражданского коллектива. А ведь это противоречит тому, что мы знаем об античных демократиях: в отличие от современных либеральных демократий они отнюдь не имели тенденции к учету (или тем более к победе) мнения меньшинства, напротив, все вопросы безоговорочно решались большинством голосов. Следует учитывать и то, что, если считать 6000 общим кворумом, то приходится признавать возможность срыва остракофории политическими группировками путем абсентеизма. Сторонники того политического деятеля, над которым в наибольшей степени нависала угроза изгнания, могли просто не явиться на остракофорию. И пусть там противники сколько угодно подают черепки против него: голосование все равно будет признано недействительным! Невольно приходит на ум последний остракизм

415 г. до н. э., о котором речь шла выше. Чего ради было Алкивиаду и Никию придумывать какие-то хитроумные комбинации, чтобы уберечься от опасности изгнания? Казалось бы, чего проще: дать указание своим приверженцам не являться на Агору в день голосования, сорвать кворум, а тем самым и признание остракизма состоявшимся, — и опасность миновала!

Эти соображения, бесспорно, представляются весомыми. Если попросту не отмахиваться от них[57], то нужно им что-то противопоставлять. А. Гомм, например, полагает, что конфликта между индивидами и разброса голосов между отдельными «кандидатурами» на остракофории не должно было быть, поскольку лицо, против которого направлялся остракизм, якобы предрешалось на предварительном голосовании в шестую пританию[58]. Таким образом, голосование на остракофории было одновременно голосованием против конкретного лица, и понятия кворума и минимума фактически совпадают. Однако мнение исследователя очевидным образом неверно, о чем мы уже говорили выше: никаких предварительных «кандидатур» для остракизма не намечалось. Впрочем, ошибка Гомма вполне извинительна: в то время, когда он это писал, было известно еще довольно мало остраконов. Но теперь-то мы знаем, какое разнообразие имен встречается на этих памятниках.

Если, доверяя Плутарху, мы согласимся с тем, что кворум для остракизма все-таки существовал, то придется признать, что этот кворум должен был выражаться в какой-то другой цифре, значительно большей, чем 6000. Гражданское население Афин уже в самом начале V в. до н. э. насчитывало 30 тысяч человек (Herod.V. 97), и в целом на протяжении этого столетия (а именно оно для нас важно в связи с остракизмом) количество взрослых граждан мужского пола, имевших право участвовать в государственных мероприятиях, находилось на уровне никак не меньшем, чем 30—40 тысяч; во второй половине V в. оно могло доходить до 60 тысяч[59]. Не наивным ли будет предполагать, что при такой численности гражданского коллектива для признания остракизма состоявшимся оказывалось достаточным общего кворума в 6000 голосующих? Тогда придется констатировать слишком уж низкую политическую активность демоса[60].

---

[57] Как делается, например, в работе: *Staveley E. S.* Op. cit. P. 90.

[58] *Gomme A. W.* Ostracism... P. 630.

[59] См.: *Hansen M. H.* Three Studies in Athenian Demography. Copenhagen, 1988. P. 25—27; *Медовичев А. Е.* Политическая идеология и практика функционирования афинской демократии: факторы стабильности (зарубежная историография) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. РЖ ИНИОН. Сер. 5. История. 1998. № 4. С. 26. В целом вопрос об афинской демографии в V в. до н. э., о количестве совершеннолетних граждан важен для нашего исследования (не только в данном контексте, но и в некоторых других). Поэтому мы выделяем его рассмотрение в отдельный экскурс (приложение III).

[60] Ср.: *Stanton G. R., Bicknell P. J.* Voting in Tribal Groups in the Athenian Assembly // GRBS. 1987. V. 28. № 1. P. 69.

Иногда именно так и делается; при этом ссылаются на одно место из Фукидида (VIII.72.1), где депутаты, посланные в 411 г. до н. э. от только что пришедшего к власти олигархического правительства Четырехсот к афинскому флоту на Самосе, говорят в своей речи: «Прежде никогда афиняне, занятые войной и торговыми делами, не собирались в народное собрание для решения самого важного дела в числе 5000 человек»[61]. Однако может ли этот аргумент служить в пользу низкой политической активности? Крайне сомнительно. Во-первых, в интересах олигархов, речь которых имела пропагандистский характер, было, конечно, занизить реальное число участвующих в собраниях. Во-вторых, речь в цитированном отрывке из Фукидида идет о ситуации во вторую половину Пелопоннесской войны, когда в результате последствий эпидемии 20-х гг. V в. до н. э., сицилийской катастрофы и других людских потерь в ходе сражений, а также из-за отсутствия граждан-моряков, находившихся на Самосе, количество членов гражданского коллектива, остававшихся на территории самого афинского полиса, было в несколько раз меньше, чем в обычное мирное время. А ведь остракофории и проводились в мирное время.

М. Хансен (как в только что указанной работе, так и в ряде других) вообще склонен, на наш взгляд, неоправданно занижать политическую активность афинского демоса в V в. до н. э. Он, в частности, убежден, что введение в начале следующего столетия платы за посещение народного собрания и последующее повышение этой платы были обусловлены именно плохой посещаемостью экклесии и желанием ее стимулировать. Однако датскому антиковеду аргументированно возражает Дж. Обер[62]: скорее эта реформа была мотивирована стремлением демократии обеспечить присутствие в экклесии в первую очередь представителей низших слоев гражданства (ведь как раз они, а не кто-либо другой, нуждались в оплате). Цель введения платы за посещение заключалась в том, чтобы воспрепятствовать доминированию в народных собраниях богатых и знатных граждан, которые могли представлять потенциальную опасность демократическому правлению.

В подтверждение своего тезиса о низкой политической активности Хансен указывает на начало аристофановских «Ахарнян». Это действительно очень интересное свидетельство, но работает ли оно в пользу Хансена? Попытаемся это выяснить, рассмотрев данный текст (Aristoph.Ach.17 sqq.). Пришедший в город крестьянин Дикеополь, сидя ранним утром на Пниксе в день κυρία ἐκκλησία, сетует на то, что место заседания пустынно (ἔρημος ἡ Πνὺξ). Афиняне же толпятся на Агоре, разговаривают, стараются избежать покрашенного в красный цвет каната (τὸ σχοινίον φεύγουσι τὸ μεμιλτωμένον)[63]. Но Ди-

---

[61] См. этот аргумент, например: *Hansen M. H.* The Athenian Assembly... P. 15.

[62] *Ober J.* The Athenian Revolution... P. 113. Против данной точки зрения Хансена см. также: *Stanton G. R., Bicknell P. J.* Op. cit. P. 69.

[63] Вопрос о назначении пресловутого каната приходится оставить открытым. Во всяком случае, никак не можем согласиться с утверждением поздних схолиастов, что с его помощью якобы загоняли афинян с Агоры на Пникс. Хорошенькая была бы де-

кеополь прекрасно знает, что, стоит появиться председательствующим — пританам, все тут же, отталкивая друг друга, ринутся занимать первые места (ὠστιοῦνται πῶς δοκεῖς ἐλθόντες ἀλλήλοισι περὶ πρώτου ξύλου, ἀθρόοι καταρρέοντες). Наконец с опозданием, в полдень, являются пританы, и предсказание главного героя комедии сбывается: граждане устремляются на передние скамьи (εἰς τὴν προεδρίαν πᾶς ἀνὴρ ὠστίζεται).

Таким образом, речь в разобранном отрывке вовсе не идет о слабой посещаемости народного собрания. Напротив, как видим, афиняне рвутся на Пникс с энтузиазмом. Перед нами совсем другая проблема, не имеющая ничего общего с посещаемостью, — проблема опозданий, свойственная отнюдь не только нашему времени. Граждане в «Ахарнянах» прекрасно понимают, что до прибытия пританов собрание не начнется, и вполне резонно не торопятся раньше времени идти на жаркий Пникс, предпочитая выжидать на Агоре с ее тенистыми портиками. Хансен, чисто формально подойдя к свидетельству, к сожалению, совершенно не уловил соли аристофановского юмора, которая заключается вовсе не в том, что экклесия плохо посещается, а совсем в другом: скромный селянин честно является на собрание задолго до его начала и сидит в одиночестве, а снобы-горожане тянут до последней минуты.

Следует подчеркнуть, что в день остракофории политическая активность гражданского коллектива должна была быть еще значительно выше, чем на обычных народных собраниях, что обусловливалось важностью, неординарностью и редкостью самого мероприятия. Повторим то, что уже говорили в предыдущем пункте данной главы: на остракофорию, проходившую, напомним, лишь раз в году, собирались отнюдь не только завсегдатаи собраний, городские жители. Сходились в Афины в эти дни даже полуграмотные и в целом совершенно чуждые политической жизни крестьяне из дальних демов[64]. Об этом свидетельствует известный анекдот об Аристиде и крестьянине, передаваемый целым рядом авторов, наиболее подробно — Плутархом (Aristid.7) и, вполне возможно, имеющий под собой историческую основу. В пользу того же говорят и тексты на самих острака, написанные зачастую совершенно неумелой рукой, в иных случаях — профессиональными писцами, промышлявшими этим занятием на Агоре (о них см. в п. 5 данной главы). В подобных условиях вопрос о 6000 голосов как о кворуме даже не мог возникать: эта цифра должна была превосходиться автоматически. Если проведение остракофо-

---

мократия, в которой приходилось бы загонять граждан, как баранов, на народное собрание! Смеем предполагать, что политическая сознательность афинского демоса, создавшего систему прямого народовластия и жившего в ее условиях, была все-таки несколько повыше, чем представлялось позднеантичным и византийским комментаторам, жившим в эпоху, когда давно уже миновал процесс перехода «от гражданина к подданному». Кстати, покрашенный красным канат упоминается у Аристофана еще в одном месте (Eccl.377 sqq.), но там он явно служит для того, чтобы мешать опоздавшим гражданам попадать на заседание экклесии.

[64] Ср.: *Finley M.I.* Politics... P. 73.

рии хронологически совпадало (или было близким) с каким-нибудь из аттических праздников, то посещаемость должна была быть еще выше, чем обычно. Так, известно, что в афинском театре Диониса размещалось 17 тысяч зрителей[65], стало быть, не меньшее их количество собиралось, чтобы посмотреть сценические постановки.

Впрочем, неясно, существовало ли вообще в Афинах начала V в. до н. э. представление о кворуме для народного собрания, во всяком случае, если брать этот кворум в нашем современном понимании. Согласно весьма убедительным соображениям, высказанным недавно одним из крупнейших современных специалистов по древнегреческой истории О. Мерреем[66], главной целью политики в полисном мире было единство, а не компромисс; политическая жизнь была основана не на балансе противоборствующих сил и интересов, как в наши дни, а на формировании единой, целостной воли к действию и выражении этой общей воли в упорядоченном ритуале. В современных государствах политическая борьба, политическое противостояние партий и группировок является нормальным, естественным состоянием, а в греческом полисе такая борьба (стасис) всегда признавалась чем-то весьма опасным, угрожающим стабильности государства, да и самому его существованию. Собственно, остракизм в V в. до н. э. и был направлен, как мы увидим в следующей главе, именно на предотвращение раскола гражданского коллектива. Продолжая и развивая мысль Меррея, подчеркнем, что в описанной ситуации ключевым понятием, несомненно, должен был стать не кворум, а именно степень единства, единомыслия (ὁμόνοια), что, видимо, и выражалось в требовании минимума в 6000 голосов, направленных против одного лица.

Иногда для обоснования мнения о 6000 как о кворуме приводится в той или иной комбинации сопоставление нескольких, на первый взгляд, способных убедить цифр. Так, согласно свидетельствам некоторых ораторов (Андокида, Демосфена), в афинской экклесии вроде бы существовал кворум для решения тайным голосованием некоторых особо важных дел, и кворум этот равнялся именно 6 тысячам. Далее, традиционно считается, что афинский суд присяжных — гелиея — состоял из 6 тысяч граждан, избираемых ежегодно с помощью жребия. Наконец, общая вместимость посадочных мест экклесиастерия на Пниксе в течение V в. до н. э. составляла, по подсчетам исследователей, тоже 6 тысяч человек[67]. Стало быть, и в случае с остракофорией 6000 —

---

[65] *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. 2. Богослужебные и сценические древности. СПб., 1997. С. 246.

[66] *Murray O.* Cities of Reason // GC. P. 21. Ср. схожие наблюдения о политической жизни полиса в историографической перспективе в работе: *Polignac F. de.* Anthropologie du politique en Grèce ancienne (note critique) // Annales: Histoire, sciences sociales. 1997. V. 52. № 1. P. 31—39.

[67] См. эти аргументы в тех или иных сочетаниях: *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 1. P. 317; *Connor W. R., Keaney J. J.* Op. cit. P. 313; *Siewert P.* Die Trittyen... S. 58; *Hansen M. H.* The Athenian Ecclesia... P. 1—34; *Idem.* The Athenian Assembly... P. 14—19; *Develin R.*

тоже общий кворум. Совокупность этих выкладок, вместе взятых, на первый взгляд действительно производит впечатление. Однако не будем поддаваться магии круглых чисел и попытаемся разобраться с каждой из вышеприведенных цифр по отдельности.

Прежде всего процитируем в оригинале тексты ораторов, где, по общепринятому мнению, речь идет о кворуме. Перевод в целом дается по существующим русским изданиям, однако наиболее принципиальные места мы приводим в своем переводе (эти места, как в тексте, так и в переводе, выделены курсивом).

Andoc.I.87 (цитируется закон): Μηδὲ ἐπ' ἀνδρὶ νόμον ἐξεῖναι θεῖναι, ἐὰν μὴ τὸν αὐτὸν ἐπὶ πᾶσιν *Ἀθηναίοις, ἐὰν μὴ ἑξακισχιλίοις δόξῃ κρύβδην ψηφιζομένοις.* «А также закон относительно отдельного лица не разрешать принимать, если он не относится ко всем афинянам, *если такое решение не примут 6000 граждан при тайном голосовании*».

Demosth.XXIV. 45 (также цитируется закон): Μηδὲ περὶ τῶν ἀτίμων, ὅπως χρὴ ἐπιτίμους αὐτοὺς εἶναι, μηδὲ περὶ τῶν ὀφειλόντων τοῖς θεοῖς ἢ τῷ δημοσίῳ τῷ Ἀθηναίων περὶ ἀφέσεως τοῦ ὀφλήματος ἢ τάξεως, *ἐὰν μὴ ψηφισαμένων Ἀθηναίων τὴν ἄδειαν πρῶτον μὴ ἔλαττον ἑξακισχιλίων, οἷς ἂν δόξῃ κρύβδην ψηφιζομένοις.* «Дела о восстановлении в правах лиц, лишенных гражданской чести, а также об освобождении лиц, задолжавших богам или государственной казне афинян, от уплаты долга или об отсрочке его выплаты, не должны рассматриваться, *если дать гарантию безопасности прежде не постановят не менее 6000 афинян при тайном голосовании*».

Demosth.XXIV. 46 (парафраз только что цитированного закона): Ἄλλος οὗτος νόμος, οὐκ ἐῶν περὶ τῶν ἀτίμων οὐδὲ τῶν ὀφειλόντων λέγειν οὐδὲ χρηματίζειν περὶ ἀφέσεως τῶν ὀφλημάτων οὐδὲ τάξεως, ἂν μὴ τῆς ἀδείας δοθείσης, *καὶ ταύτης μὴ ἔλαττον ἢ ἑξακισχιλίων ψηφισαμένων.* «И вот другой закон, не позволяющий возбуждать дела о восстановлении в правах лиц, лишенных гражданской чести, а также дела об освобождении от уплаты долга или отсрочке должникам, если не будет дана гарантия безопасности, *причем за нее проголосуют не менее 6000 человек*».

Demosth.XXIV. 59 (цитируется закон, судя по всему, тот же самый, что у Андокида): Μηδὲ νόμον ἐξεῖναι ἐπ' ἀνδρὶ θεῖναι, ἐὰν μὴ τὸν αὐτὸν ἐπὶ πᾶσιν Ἀθηναίοις *ἐὰν μὴ ψηφισαμένων μὴ ἔλαττον ἑξακισχιλίων οἷς ἂν δόξῃ κρύβδην ψηφιζομένοις.* «Да будет запрещено издавать законы, касающиеся лишь одного человека, если действие их не будет распространено на всех граждан, *если за такое решение не проголосуют не менее 6000 человек, приняв его при тайном голосовании*».

Philochoros on Ostracism... P. 27 f.; *Sinclair R.K.* Op. cit. P. 115; *Brock R.* Athenian Oligarchs: The Number Game // JHS. 1989. V. 109. P. 163; *Schuller W.* Op. cit. P. 116; *Jones N.F.* Op. cit. P. 95; *Маринович Л.П.* Античная и современная демократия... С. 31.

68 Автором LIX речи демосфеновского корпуса («Против Неэры») является, возможно, Аполлодор, сын Пасиона.

[Demosth.] LIX.90[68]: ἔπειτ' ἐπειδὰν πεισθῇ ὁ δῆμος καὶ δῷ τὴν δωρεάν, οὐκ ἐᾷ κυρίαν γενέσθαι τὴν ποίησιν, *ἐὰν μὴ τῇ ψήφῳ εἰς τὴν ἐπιοῦσαν ἐκκλησίαν ὑπερεξακισχίλιοι Ἀθηναίων ψηφίσωνται κρύβδην ψηφιζόμενοι.* τοὺς δὲ πρυτάνεις κελεύει τιθέναι τοὺς καδίσκους ὁ νόμος καὶ τὴν ψῆφον διδόναι προσιόντι τῷ δήμῳ πρὶν τοὺς ξένους εἰσιέναι, καὶ τὰ γέρρα ἀναιρεῖν, ἵνα κύριος ὢν αὐτὸς αὑτοῦ ἕκαστος σκοπῆται πρὸς αὐτὸν ὅντινα μέλλει πολίτην ποιήσεσθαι, εἰ ἄξιός ἐστι τῆς δωρεᾶς ὁ μέλλων λήψεσθαι. «И даже после того, как народное собрание, убежденное в правильности своего решения, предоставит эту награду (имеется в виду дарование гражданских прав — *И. С.*), закон не позволяет считать это решение правомочным, *если на следующем народном собрании более шести тысяч афинян не постановят этого с помощью псефов, при тайном голосовании.* Закон также требует, чтобы пританы выставили избирательные урны и предоставили право голосования приходящим афинским гражданам до того, как чужестранцы появятся среди народа. Пританы должны также снимать плетеные загородки, чтобы каждый участник народного собрания, чувствуя себя независимым, взвесил в душе, кого он собирается сделать афинским гражданином и достойно ли это лицо такой награды, которую ему предстоит получить».

Все процитированные отрывки, судя по сходству лексики, действительно опираются на аутентичную законодательную традицию. Однако на их основании решительно невозможно сделать вывод, идет ли в описанных случаях речь о кворуме, необходимом для принятия решения, или об обязательном минимуме голосов, поданных *за* это решение. Греческий текст во всех пяти цитатах (а других для Афин не имеется) можно понять как в том, так и в другом смысле, и если в переводах и комментариях его трактуют обычно как кворум, то это только под влиянием политических реалий наших дней, когда кворум имеет весьма большое значение, а категория минимума неупотребительна. Ситуация, таким образом, абсолютно тождественна сложившейся в случае с остракизмом, и, если не исходить из априорных предпосылок, вопрос о существовании кворума однозначно решить не удается. Мы не говорим уже о том, что все вышеприведенные данные относятся к IV в. до н. э. и в предшествующем столетии (а именно оно нас интересует в связи с остракизмом) могут вообще не иметь соответствия. Ведь известно, что на рубеже V—IV вв. в афинское законодательство были внесены существенные изменения.

Может быть, поможет разрешить проблему привлечение внеафинского материала аналогичного характера? Задавшись этим вопросом, видный французский антиковед Ф. Готье составил сводку эпиграфических свидетельств из различных греческих полисов, в которых принятие того или иного решения обусловливается наличием определенного количества голосов[69]. Эта сводка представляется нам весьма ценной; она, собственно, начинает в своей совокупности «работать» сама по себе, вне зависимости от намерений и выводов ученого. Готье во всех рассматриваемых им случаях говорит о «кворуме». Од-

[69] *Gauthier Ph.* Op. cit. P. 84 ss.

нако, если непредвзято подойти к фрагментам надписей, которые он цитирует, становится ясным, что в одних ситуациях фигурирующие в этих надписях цифры действительно представляют собой кворум, в других, несомненно, — число голосов, поданных *за* принимаемое решение, в третьих — формулировки документов расплывчаты и не позволяют ясно судить, о кворуме или о минимуме идет речь. Таким образом, внеафинский материал весьма разнообразен; из него при желании можно извлечь аргументы как в пользу точки зрения Плутарха, так и в пользу свидетельства Филохора. А коль скоро это так, то, стало быть, приводимые Готье данные на деле не свидетельствуют ни о том, ни о другом и не могут использоваться как решающий аргумент ни одной из дискутирующих сторон.

Что же касается конкретного случая с афинским остракизмом, французский исследователь, следуя более распространенной в настоящее время точке зрения, считает число 6000 в связи с этой процедурой кворумом. Следует, однако, оговорить, что Готье понимает античный кворум в весьма специфическом смысле. Он указывает, что понятие кворума в древнегреческих демократиях очень сближается с понятием единодушного, почти единогласного голосования. В тех из приводимых им памятников, в которых указано и общее число голосовавших, и число подавших голоса за принятие решения, эти два числа оказываются в высшей степени близкими друг к другу. Иными словами, процент голосующих «против» чрезвычайно мал. Кворум и минимум, таким образом, имеют несомненную тенденцию к сближению, вплоть до полного совпадения. Перед нами — концепция, в сущности, весьма близкая к тому, что писал О. Меррей в цитировавшейся чуть выше работе: для политики в полисном мире главное — единство, общая воля.

Итак, вышеприведенный круг свидетельств по внимательном рассмотрении не может использоваться для поддержки тезиса о 6000 голосов на остракофории как о кворуме. Перейдем теперь к прочно закрепившемуся в историографии мнению о 6000 ежегодно избираемых гелиастов. Это мнение базируется, по сути дела, на трех свидетельствах (Aristoph.Vesp.661—662; Andoc.I.17; Arist.Ath.pol.24.3), которые поэтому и надлежит внимательно рассмотреть.

Аристофан в указанном месте, разбирая устами персонажа Бделиклеона доходы и расходы афинского государства, говорит в частности: ἀπὸ τοῦτου νῦν κατάθες μισθὸν τοῖσι δικασταῖς ἐνιαῦτου, ἓξ χιλιάσιν, κοὔπω πλείους ἐν τῇ χώρᾳ κατένασθεν — «Теперь отними от этого ежегодную плату дикастам, шести тысячам, а больше в стране не живет[70]». Как показывает выражение οὔπω πλείους, здесь вряд ли можно говорить о сколько-нибудь точной цифре, она явно приблизительна и не менее условна, нежели, скажем, 30 тысяч афинян в народном собрании у Геродота (V. 97) и Платона (Axioch.369a)[71] или 30 тысяч посетителей театра у того же Платона (Symp.175e). То же самое следует ска-

[70] Редкая форма κατένασθεν — 3 Pl. aoristi indicativi passivi от καταναίω (LSJ s.v.).

[71] Об условности этих цифр см.: *Hansen M. H.* Demography and Democracy Once Again // ZPE. 1988. Bd. 75. S. 191.

зать и по поводу заявления Андокида, согласно которому его отец «судился перед шестью тысячами афинян» (ἠγωνίσατο ἐν ἑξακισχιλίοις Ἀθηναίων). Эти слова следует трактовать если не как обычное в ораторской прозе риторическое преувеличение, то, во всяком случае, в том смысле, что отец Андокида просто судился в одной из коллегий гелиеи; каждая из этих коллегий, независимо от конкретного числа входивших в нее дикастов, являлась в глазах афинян полноправным воплощением целого. Подобного рода круглым цифрам, особенно когда они встречаются в литературном памятнике, а не собственно историческом труде, не стоит придавать чрезмерного значения.

Бесспорно, несравненно большее доверие может вызвать Аристотель, который, рассказывая о положении в Афинах в V в. до н. э., говорит, что «было шесть тысяч судей» (δικασταὶ μὲν γὰρ ἦσαν ἑξακισχίλιοι). Однако — и это не может не поразить — в подробнейшем изложении современной ему афинской судебной практики (в заключительной части трактата о государственном устройстве афинян) Стагирит ни словом, ни полусловом не упоминает ни об этих пресловутых шести тысячах, ни о несколько поспешно постулируемой исследователями их ежегодной жеребьевке. Система оказывается совершенно иной: каждый желающий из числа граждан, достигших тридцатилетнего возраста, мог, раз в год принеся присягу судьи на холме Ардетт[72], после этого приходить в присутственные дни к зданиям дикастериев, участвовать в жеребьевке и, соответственно, получать или не получать право судить тот или иной конкретный процесс, войдя в состав коллегии.

Расхождение настолько серьезно, что высказывалось даже предположение, согласно которому между V и IV вв. до н. э. произошли изменения в принципе комплектования гелиеи и ежегодное обновление состава судей вышло из употребления[73]. Однако если такого рода перемена — довольно-таки радикальная — имела место, то почему же Аристотель, скрупулезно сообщающий обо всех конституционных новшествах и преобразованиях и даже подсчитывающий их, ничего о ней не говорит?

На наш же взгляд, ежегодное избрание 6000 судей с помощью жребия — не более чем историографическая фикция. Кстати, довольно сложно представить себе, каким образом столь широкомасштабная, даже грандиозная жеребьевка могла бы проходить, сколько времени она занимала бы в таком случае и т. п. Исследование так называемых пинакиев — именных табличек, вручавшимся судьям[74], — только подтверждает этот наш вывод. Ес-

---

[72] Об этой присяге см.: Isocr.XV. 21; Harpocr.s.v. Ἀρδηττός. Текст присяги: Demosth.XXIV. 149—151. К дискуссии об аутентичности приводимого Демосфеном текста см.: *Bonner R.J., Smith G.* The Administration of Justice from Homer to Aristotle. V. 2. Chicago, 1938. P. 153 ff. В целом о процедуре судопроизводства в дикастериях см. наиболее подробно: *Boegehold A. L. et al.* The Lawcourts... P. 21 ff.

[73] Например: *Staveley E. S.* Op. cit. P. 95; *Will É., Mossé C., Goukowsky P.* Le monde Grec et l'Orient. T. 2. Le IVe siècle et l'époque hellénistique. P., 1975. P. 145.

[74] *Lang M.* Pinakia // *Boegehold A. L. et al.* The Lawcourts... P. 59—64.

ли судья находился в должности в течение года, то резонно предположить, что по истечении срока он обязан был во избежание недоразумений сдать свой пинакий. Однако же эти бронзовые таблички явно несут на себе следы многолетнего использования, и, что самое главное, многие из них найдены в могилах. Либо нужно предположить, что должность дикаста была настолько стрессовой, что они, как правило, умирали, не дожив до окончания годичного срока пребывания в ней, либо напрашивается другой, несравненно более вероятный вывод: пинакий выдавался не на год, а раз и навсегда, и, попав в списки судей, афинский гражданин вплоть до своей смерти уже не имел необходимости новых переизбраний — путем ли жеребьевки или каким-нибудь иным способом. Что же касается числа в 6000 дикастов, упоминаемого Аристотелем для V в. до н. э., то, как можно предположить с немалой долей уверенности, философ взял это число из тех же аристофановских «Ос», некритически восприняв приблизительную и условную цифру как точную и имеющую институциональный характер.

Наконец, данные по вместимости экклесиастерия на Пниксе, оставшись без поддержки других аргументов, сами по себе теряют всякую силу убедительности, поскольку они получены путем субъективных подсчетов, да еще и сделанных с точки зрения критериев нынешней эпохи. В античности же, когда теснота, особенно в городских условиях, была обычным и даже интегральным явлением[75], условия, которые показались бы человеку постиндустриальной эпохи совершенно невыносимыми, воспринимались как вполне терпимая норма. Иными словами, там, где, по выкладкам того же Хансена, могли рассесться 6000 граждан, на деле хватало места («в тесноте, да не в обиде») для значительно большего их количества. Участники собрания могли не только сидеть на скамьях, но и стоять в проходах, толпиться вокруг рядов посадочных мест и т. п.[76]

Кроме того, любые данные по Пниксу чрезвычайно субъективны еще и потому, что предметом острых дискуссий остается вся его строительная история. Так, третий строительный период на Пниксе датируют то временем Демосфена, то временем Адриана[77], а дистанция между этими датами составляет как-никак полтысячелетия. Хотелось бы сказать еще по этому поводу, что делающееся Хансеном на основе постепенного увеличения сооружения на Пниксе заключение о возрастании политической активности граждан от V в. к IV неправомерно, тем более, что оно противоречит прочим данным на этот

---

[75] См. об этом важную статью Г. С. Кнабе «Городская теснота как фактор культуры», переизданную в книге: *Кнабе Г. С.* Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. С. 365—378. Наблюдения Г. С. Кнабе сделаны на римском материале, но полностью сохраняют свою силу и в применении к греческому.

[76] Ср.: *Stanton G. R., Bicknell P. J.* Op. cit. P. 68.

[77] См.: *Hansen M. H.* The Athenian Ecclesia II... P. 141; *Rotroff S. I., Camp J. M.* The Date of the Third Period of the Pnyx // Hesperia. 1996. V. 65. № 3. P. 264—294.

счет, в частности, постоянным утверждениям ораторов IV в. о снижении заинтересованности граждан в судьбах родного полиса. Отметим, что первое расширение экклесиастерия было начато в период тирании Тридцати, то есть, мягко говоря, не в самый подходящий момент для активного посещения народного собрания. Далее, если своих максимальных размеров Пникс достиг при Адриане (а это все-таки наиболее вероятно), то с точки зрения вышеназванного подхода придется прийти к абсурдному выводу, что Афины римской эпохи пережили всплеск невиданной политизации демоса. На деле все перестройки Пникса, как нам представляется, имели в виду не увеличение количества мест для участников собраний, а создание более комфортабельных условий работы.

Итак, на вид стройная система аргументации в связи с пресловутым числом 6000 оказывается весьма непрочной в каждом из своих звеньев, которые при ближайшем рассмотрении выглядят скорее постулатами, чем доказанными фактами, и, следовательно, также не могут безоговорочно свидетельствовать в пользу того, что применительно к остракизму это число представляло собой кворум. Резоннее, таким образом, по совокупности вышеприведенных соображений признать, что Филохор (и солидарный с ним в этом отношении византийский аноним) стоит ближе к истине, чем Плутарх.

* * *

По обыкновению, подведем итоги пункта.

1. Число 6000, упоминаемое традицией в связи с остракизмом, представляет собой не общий кворум для признания процедуры состоявшейся, а минимальное количество голосов против одного лица, необходимое для его изгнания. Об этом можно говорить если и не категорично, то, во всяком случае, со значительно большей долей вероятности.

2. Хочется особенно подчеркнуть, что, насколько можно судить, в условиях древнегреческих демократий, да и в целом в условиях полисного менталитета, более важной категорией вообще был не кворум (то есть некая абстрактная совокупность граждан, вне зависимости от мнения каждого из них), а степень единодушия при принятии решения. Именно на это обращалось внимание прежде всего — не на то, сколько человек пришло на голосование, а на то, усилиями скольких из них решение было принято.

3. О месте пребывания изгнанных согласно закону об остракизме

Поздние лексикографы настойчиво указывают, что при остракизме, в отличие от обычного изгнания, изгнанникам определялись срок и место (καὶ τόπος καὶ χρόνος) пребывания за пределами родины. Это утверждение нельзя назвать абсолютно точным. Если срок изгнания действительно четко фиксировался исследуемой процедурой, да и то отнюдь не всегда строго соблюдался

›тому аспекту проблемы будет посвящен следующий пункт данной главы), то икаких формулировок, касающихся места изгнания, во всяком случае, в ервоначальном тексте клисфеновского закона об остракизме, судя по всему, ообще не было. Требовалось лишь, чтобы изгнанник покинул территорию финского полиса, а куда он после этого отправится, где будет ожидать своего озвращения, — этот вопрос законодателя, видимо, просто не интересовал.)днако уже довольно скоро, в 480 г. до н. э., в текст закона была внесена поправка[78], имеющая непосредственное отношение именно к проблеме местопреывания жертв остракизма, накладывающая на него определенные ограничеия. Здесь мы выходим на довольно интересную, а главное — дискуссионную ему, и на ней стоит остановиться подробнее. Дело в том, что в историографии уществуют весьма существенные разногласия (можно сказать, даже полярая противоположность) в определении целей и самого содержания поправки, которой идет речь.

Самым ранним автором, у которого мы встречаем прямое (и, кстати, наиолее подробное) упоминание об этой поправке, является Аристотель. Расскаывая в «Афинской политии» (22.8) о событиях 480 г. и, в частности, говоря о ом, что в этот период афинян, ранее подвергшихся остракизму (то есть Гипарха, Мегакла, Ксантиппа, Аристида и, скорее всего, Каллия, сына Кратия), осрочно возвратили на родину ввиду опасности, порожденной нашествием ксеркса[79], автор трактата добавляет: καὶ τὸ λοιπὸν ὥρισαν τοῖς ὀστρακιζομένοις, ντὸς Γεραιστοῦ καὶ Σκυλλαίου κατοικεῖν, ἢ ἀτίμους εἶναι καθάπαξ. В переводе: «И а будущее время определили, чтобы лица, подвергаемые остракизму, прожиали в пределах Гереста и Скиллея или, в противном случае, раз навсегда лилались гражданских прав». Наверное, сразу же следует пояснить, о каких географических ориентирах идет речь. Мыс Герест (Γεραιστός) был крайней южой оконечностью острова Эвбея (Herod.VIII.7; Strab.X.444), а мыс Скиллей Σκυλλαῖον) — крайней восточной оконечностью Арголиды и всего Пелопоннеа (Thuc.V. 53; Strab.VIII.373; Paus.I.34.7). Этими-то двумя точками и ограниивалось отныне пребывание афинян, изгнанных остракизмом.

Казалось бы, сколько-нибудь существенных проблем, связанных со видетельством, не возникает: оно вполне ясно и определенно. Однако вот то пишет о том же положении закона другой авторитетный автор — крупейший представитель аттидографического жанра Филохор. Достаточно одробно повествуя об остракизме (FGrHist.328.F30), этот историк пишет, то афинянам, ставшим жертвами названной меры, следовало «удалиться из орода... не приближаясь за черту Гереста, мыса на Эвбее» (μεταστῆναι τῆς όλεως,.. μὴ ἐπιβαίνοντα ἐντός Γεραιστοῦ τοῦ Εὐβοίας ἀκρωτηρίου). Налицо явное

[8] Грубую ошибку делает К. Кинцль, утверждая, что в закон об остракизме никогда не вносились поправки: *Kinzl K. H.* Athens... P. 209.

[9] Это сообщение Аристотеля полностью подтверждается данными эпиграфического памятника — декрета Фемистокла из Трезена, о котором шла речь в п. 2 источниковедческого раздела (там же указана литература об этой надписи).

противоречие между двумя античными писателями, и вряд ли это противоречие можно как-либо примирить. Ведь, согласно Филохору, нововведение в законе об остракизме имело прямо противоположный смысл по сравнению с тем, который ему придает Аристотель: изгнанные остракизмом должны были жить не поблизости от Афин, а, напротив, держаться от них на определенном расстоянии[80].

Ясно, что прав может быть только кто-то один из двух вышеназванных авторов; при этом мы не можем заключать в пользу кого-либо из них a priori, исходя, скажем, из их сравнительного источниковедческого «веса». Конечно, Аристотель был ученым, потрясавшим современников и потомков энциклопедическими знаниями и скрупулезностью работы; однако и он в некоторых случаях мог ошибаться, тем более что в Афинах глава Ликея был пришлецом-метеком и каких-то аспектов истории этого полиса мог попросту не знать во всех их подробностях. С другой стороны, Филохор — афинский уроженец, выполнявший функции прорицателя и экзегета, — несомненно, по долгу аттидографа специально и углубленно занимался практически всеми сюжетами, связанными с прошлым его родного города. Помимо прочего, в предыдущем пункте мы видели, что именно он оказался прав в споре с историком (Эфором?), на которого опирался Плутарх, по поводу числа 6000.

Ряд исследователей склоняется к признанию правоты Филохора в данном вопросе. В частности, именно такой точки зрения придерживался один из крупнейших в XX веке специалистов по древнегреческой истории и историографии — Феликс Якоби[81]. Однако он не был склонен обвинять в неточности и Аристотеля. По мнению Якоби, имела место попросту погрешность переписчика (и действительно, дошедший до нас папирусный манускрипт «Афинской политии» представляет собой далеко не идеальную копию). Соответственно, он предложил несколько вариантов эмендации текста: либо исправить рукописное ἐντός («в пределах») на ἐκτός («за пределами»), либо прибавить после ἐντός выражение πέρα τοῦ, что даст чтение «внутри территории за пределами Гереста и Скиллея», либо, наконец, добавить отрицательную частицу μή перед глаголом κατοικεῖν. Во всех трех случаях результат будет один и тот же: окажется, что жертвы остракизма должны были проживать *вне* ареала, очерченного указанными пунктами, и, таким образом, данные Аристотеля и Филохора совпадут.

Впрочем, есть и антиковеды, полагающие, что рассматриваемый пассаж «Афинской политии» ни в каких эмендациях не нуждается. Среди них, например, Лоретана де Либеро, в недавней работе[82] высказавшая мнение, что

---

[80] Филохор упоминает только Герест, но не Скиллей. Это кажется странным: одной точки явно недостаточно для того, чтобы очертить какой бы то ни было ареал. Скорее всего, фрагмент историка подвергся некоторой порче при передаче его поздними лексикографами, а в оригинале говорилось и о Гересте, и о Скиллее.

[81] *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 1. P. 317.

[82] *Либеро Л. де.* Ук. соч.. С. 89 слл.

афиняне, изгнанные остракизмом, с 480 г. до н. э. действительно не должны были слишком удаляться от родного полиса, хотя впоследствии это правило строго не соблюдалось. Для обоснования своих выводов де Либеро привлекает надпись-граффито на одном из остраконов, направленном против афинского аристократа Мегакла, сына Гиппократа, из рода Алкмеонидов. Эта надпись приводилась и разбиралась нами выше (п. 2 источниковедческого раздела), поэтому здесь мы напомним лишь важнейшие сведения о ней. Памятник сохранился недостаточно полно, но основную нить содержания все же можно уловить: некий «доброжелатель» не советует Мегаклу отправляться в Эретрию (полис на Эвбее, лежащий по отношению к Афинам за пределами линии Герест — Скиллей). Исследовательница, датируя остракон 470-ми гг. до н. э. (то есть временем после принятия интересующей нас поправки), видит в надписи подтверждение своего основного тезиса: раз в это время Мегаклу нельзя было жить в Эретрии, стало быть, пребывание жертв остракизма за пределами вышеназванной линии было запрещено, а не предписано. Однако, не говоря уже об общей шаткости и необязательности подобного рода аргументации, которую можно принять лишь с большими натяжками и при сильном желании это сделать, отметим главное: основная группа остраконов с афинского Керамика, к которой относится и вышеупомянутое граффито, должна датироваться, как мы видели в соответствующем месте исследования, не 470-ми, а 480-ми гг. до н. э. (конкретно, скорее всего, 486-м годом до н. э., когда Мегакл был изгнан остракизмом), а, значит, привлекаемый де Либеро памятник вообще не имеет никакой доказательной силы по отношению к любым событиям, имевшим место в 480 г. или позже.

Весь рассматриваемый вопрос является не таким уж частным и маловажным, как может показаться prima facie. В зависимости от того, как понимать суть поправки, о которой идет речь, окажутся наши общие суждения по поводу ее причин, целей, исторического контекста. Если афиняне, подвергнутые остракизму, должны были жить *в пределах* линии Герест — Скиллей, то это означает, что демос стремился с какой-то целью держать их неподалеку от полиса (например, для того, чтобы они не пытались бежать ко двору персидского царя)[83]. Если же им, напротив, предписывалось оставаться *за пределами* означенной линии, коннотации будут совершенно другими: получится, что изгнанники не имели права приближаться к Афинам (может быть, из опасения, что, находясь чересчур близко, они смогут оказывать влияние на политическую жизнь в городе или что им при желании будет нетрудно тайно возвратиться)[84].

Мы не видим другого способа решения очерченной проблемы (если, конечно, не считать таковым произвольные эмендации или умозрительные со-

---

[83] Так считает, например, Бренне: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 116; *Idem.* T 16... S. 259. См. также: *Taeuber H.* T 39... S. 456.

[84] В связи с поправкой 480 г. до н. э. о месте пребывания изгнанников см. также: *Goossens R.* Op. cit.; *Figueira T. J.* Residential Restrictions...

ображения), кроме чисто эмпирического анализа фактов. Попытаемся рассмотреть свидетельства источников, содержащие информацию о том, где обычно пребывали жертвы остракизма до 480 г. до н. э. и, соответственно, после этой даты. Полученные данные, возможно, позволят дать на поставленный вопрос более уверенный ответ, а такие данные, как мы увидим, имеются по целому ряду афинских граждан.

Предварительно необходимо понять, что конкретно включала «запретная зона», обозначенная довольно расплывчатой формулировкой «за пределами (или «в пределах») Гереста и Скиллея». Нам даны лишь две точки; опираясь на них, никак нельзя вычертить вокруг Афин некий пространственный ареал, а только разве что провести линию. Здесь, как нам кажется, нужно учитывать вот какое обстоятельство. Афиняне, приговоренные к изгнанию, как правило, покидали Аттику следующим образом: из города к побережью Саронического залива и затем от одной из афинских гаваней на корабле[85]. Именно поэтому, на наш взгляд, в качестве «точек отсчета» были выбраны пункты, тесно связанные с морем, — выступающие ориентиры мысов. Можно сказать, что Герест и Скиллей фактически ограничивали собой Саронический залив, в котором — или за пределами которого, в зависимости от того, какую интерпретацию пассажа Аристотеля мы примем, — теперь нельзя было находиться лицам, подвергнутым остракизму.

А теперь перейдем к рассмотрению свидетельств источников. До 480 г., до принятия поправки к закону, жертвами остракизма стали пять афинских граждан: Гиппарх, сын Харма (глава группировки оставшихся в полисе сторонников свергнутых тиранов Писистратидов), Мегакл, сын Гиппократа (представитель рода Алкмеонидов), Ксантипп (из рода Бузигов, отец Перикла), Аристид (знаменитый политик, прозванный «Справедливым») и еще одно лицо, неизвестное по имени (Arist.Ath.pol.22.6), очевидно, Каллий, сын Кратия. Только о месте пребывания Аристида в ходе изгнания есть прямые и определенные сведения: покинув родной полис, он обосновался на Эгине — острове в Сароническом заливе (Herod.VIII.79; Demosth.XXVI.6; Aristodem.FGrHist.104.F1.1; Suid.s.v. Ἀριστείδης). Что же касается остальных, то есть некоторые основания утверждать, что и они (если не все, то в большинстве своем), подвергшись изгнанию, жили там же[86]. Об этом косвенно свидетельствует существовавшая в Афинах поговорка βουκολήσες τὰ περὶ τὸν βοῦν («попасешь быков вокруг быка»), встречающаяся в одном фрагменте анонимного комедиографа (Comic.anonym.fr.40 Kock). Смысл поговорки — «ты будешь изгнан остракизмом». Паремиограф (толкователь пословиц) Зенобий, писавший во II в. н. э., объясняет эту поговорку так (Zenob.4, p.384 Miller): ἐπὶ τὸ πλεῖστον οἱ ὀστρακιζόμενοι μεθίσταντο εἰς Αἴγιναν, ἔνθα ἦν βοῦς χαλκῆ παμμεγέθης — «по большей части изгнанные

[85] Именно так покидали Афины, в частности, осужденные на изгнание за убийство: *Boegehold A. L. et al.* The Lawcourts... P. 48.

[86] *Figueira T. J.* Residential Restrictions... P. 285.

остракизмом переселялись на Эгину, а там была огромная медная статуя коровы». Насколько можно судить, эта пословица должна была сформироваться именно в период первых остракофорий[87].

Иногда, правда, высказывается предположение, что Мегакл, сын Гиппократа, после изгнания из Афин отправился в Дельфы, с которыми Алкмеониды давно уже поддерживали тесные связи[88]. Эта гипотеза, однако, не основывается на недвусмысленных свидетельствах источников. Известно только одно: в 486 г. до н. э., вскоре после своего остракизма, Мегакл действительно *был* в Дельфах. Он участвовал там в Пифийских играх и даже победил в состязаниях колесниц-четверок. На эту победу написал оду прославленный беотийский поэт Пиндар (Pind.Pyth.VII). Но из того, что Мегакл побывал в Дельфах по совершенно конкретному поводу, никоим образом не следует, что он проживал там в течение всего срока своего изгнания.

Перейдем к тем афинским политикам, которые изгонялись остракизмом после поправки, принятой в 480 г. до н. э. Для некоторых из этих политиков тоже известно место пребывания. «Отец афинского морского могущества» Фемистокл подвергся остракизму в конце 470-х гг. до н. э. и проживал после этого в Аргосе — одном из крупнейших полисов Пелопоннеса (Thuc.I.135.3; Nep.Them.8; Diod.XI.55; Plut.Them.23; Aristodem.FGrHist.104.F1.6)[89]. Впоследствии, когда афиняне заочно приговорили Фемистокла к смертной казни, ему пришлось бежать из Аргоса, скрываться в различных частях Греции и в конце концов искать убежища при дворе персидского царя. Однако, пока он был просто жертвой остракизма, его пребывание в Аргосе являлось, судя по всему, вполне законным и нареканий не вызывало.

В конце 460-х гг. до н. э. остракизмом был изгнан Кимон, сын Мильтиада, представитель рода Филаидов, один из самых прославленных афинских

---

[87] А не в середине V в. до н. э., как утверждается в работе: *Heftner H.* T (?) 5. Unbekannter Komödiendichter (CAF Adesp. 40; 455—431 v. Chr.): Anspielung auf den Aufenthalt athenischer Ostrakisierter in Aigina? // OT. S. 184—192.

[88] Например: *Cromey R. D.* Kleisthenes' Fate... S. 146. О связях Алкмеонидов с Дельфами см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 140—150 (с литературой вопроса).

[89] О пребывании Фемистокла в Аргосе см.: *Forrest W. G.* Themistokles and Argos // ClQ. 1960. V. 10. № 2. P. 221—241; *Bengtson H.* Griechische Staatsmänner... S. 67; *Ruggeri C.* Op. cit. P. 29. Согласно интересному памятнику позднеантичной псевдоэпистолографии — так называемым «Письмам Фемистокла», составленным, скорее всего, во II в. н. э., Фемистокл вначале планировал удалиться в Дельфы, но встретившиеся ему по дороге друзья-гостеприимцы из Аргоса уговорили его изменить свои планы и отправиться с ними ([Themistocl.] Epist.I). Трудно судить, насколько достоверна эта информация, но иметь ее в виду, во всяком случае, приходится. Как бы то ни было, для решения рассматриваемой в данном пункте проблемы это не имеет существенного значения. Как Аргос, так и Дельфы находятся по отношению к Афинам явно за пределами линии Герест — Скиллей.

аристократических лидеров. О его местопребывании в изгнании данных значительно меньше. В сущности, приходится довольствоваться путаным сообщением оратора Андокида (начало IV в. до н. э.), согласно которому афиняне «возвратили из изгнания Мильтиада, сына Кимона, подвергнутого остракизму и находившегося на Херсонесе» (Andoc.III.3)[90]. Как мы уже говорили выше, в данном пассаже не отличающийся скрупулезной точностью в передаче фактов Андокид, несомненно, попросту перепутал двух знаменитых афинян — отца и сына. Мильтиад, сын Кимона, марафонский победитель, умер в 489 г. до н. э., в то время как в процитированном отрывке речь идет о событиях 450-х гг. Кроме того, ни один источник не сообщает, что Мильтиад когда-либо в своей жизни подвергался остракизму; более того, ни на одном из открытых археологами остраконов не прочитано его имя. Можно сказать с полной степенью уверенности, что Андокид, говоря о Мильтиаде, сыне Кимона, в действительности имел в виду Кимона, сына Мильтиада. Об этом же свидетельствует и исторический контекст, и параллельные данные: именно Кимон, а не кто-либо другой, в середине 450-х гг. до н. э. был досрочно возвращен из остракизма, дабы содействовать скорейшему заключению перемирия со Спартой.

Итак, рассмотренное свидетельство Андокида можно привлечь как аргумент в пользу того, что Кимон после изгнания из Афин поселился на Херсонесе. Речь идет, конечно, о Херсонесе Фракийском — полуострове в северо-западной части Эгеиды, у входа в Геллеспонт. Пребывание Филаида Кимона в этом регионе не вызывает никаких недоумений и представляется вполне логичным. Херсонес Фракийский был, если можно так выразиться, родовым доменом его предков еще с середины VI в. до н. э.[91] В частности, Мильтиад, отец Кимона, долгие годы правил на этом полуострове в качестве тирана (кстати, и сам Кимон родился там же), пока в 493 г. не был изгнан персами. Теперь же, когда Эгейское море было очищено от персидского флота[92], ничто не препятствовало главе рода Филаидов вновь отправиться в свою «вотчину».

Относительно Алкивиада Старшего, изгнанного остракизмом около 460 г. до н. э., не столь давно была высказана интересная гипотеза[93]: он отправился из Афин в Милет и там, пребывая в изгнании, взял в жены дочь знат-

---

[90] Μιλτιάδην τὸν Κίμωνος ὠστρακισμένον καὶ ὄντα ἐν Χερρονήσῳ κατεδεξάμεθα...

[91] Н. А. Касаткина даже называет Херсонес «княжеством рода Филаидов» (*Касаткина Н. А.* Афинские владения на северном берегу Геллеспонта // XII Чтения памяти профессора С. И. Архангельского: Материалы международной конференции. Ч. 1. Нижний Новгород, 2001. С. 63). Но это, пожалуй, слишком сильное выражение.

[92] Есть большая вероятность того, что уже в 460-х гг. до н. э., после блестящей победы Кимона при Евримедонте, был заключен первый мирный договор Афин с державой Ахеменидов, по которому персидским судам запрещался вход в Эгейское море. См.: *Badian E.* Op. cit. P. 1—72.

[93] См.: *Henry M. M.* Prisoner of History: Aspasia of Miletus and her Biographical Tradition. Oxf., 1995. P. 9—10.

ного милетянина Аксиоха (кстати, родную сестру знаменитой в дальнейшем Аспасии). Так в ономастикон семьи Алкивиада попали имена Аксиох и Аспасий, зафиксированные в нем впоследствии. Возвращаясь из остракизма десять лет спустя, Алкивиад взял с собой не только жену, но и ее сестру, и там эта последняя приобрела известность, а со временем стала фактической супругой Перикла. Перед нами, повторим, лишь гипотеза, но гипотеза довольно вероятная и подкрепляющаяся просопографическим материалом.

О местопребывании Фукидида, сына Мелесия, изгнанного остракизмом в середине 440-х гг. до н. э., информация еще более скудна. По сути дела, прямых и аутентичных свидетельств по этому сюжету вообще нет. Как ни парадоксально, одновременно помогает и мешает то обстоятельство, что в трудах античных авторов последующих эпох Фукидид, сын Мелесия, политический противник Перикла, постоянно смешивается с Фукидидом, сыном Олора, прославленным историком Пелопоннесской войны. Этот, более известный Фукидид со временем затмил в глазах потомков своего тезку и родственника[94]. Соответственно, целый ряд фактов биографии Фукидида-политика оказался ошибочно приписан Фукидиду-историку. С одной стороны, эта путаница, несомненно, затрудняет работу исследователя, но с другой, — если бы не она, многие события, связанные с Фукидидом, сыном Мелесия, вообще остались бы нам неизвестными.

В написанной анонимным позднеантичным автором биографии Фукидида, сына Олора, говорится, в частности, что он якобы подвергся остракизму и поселился на Эгине (ἐξοστρακίζεται ἔτη δέκα· φεύγων δὲ ἐν Αἰγίνῃ διέτριβεν). Там он написал свою «Историю», а также продемонстрировал редкостное корыстолюбие, занимаясь ростовщичеством и разорив всех жителей острова (Anonym.Vita Thuc.22). Многое в этом пассаже никак не может быть отнесено к историку Фукидиду. Во всяком случае, последний никогда в своей жизни не подвергался остракизму[95]. Остается единственная возможность — отнести рассматриваемую информацию к Фукидиду, сыну Мелесия, к которому остракизм действительно был применен[96]. Однако насколько эта информация достоверна — судить чрезвычайно трудно: слишком уж много в ней неувязок, вроде упоминания о создании «Истории» Фукидида именно на Эгине[97]. Кро-

---

[94] Оба Фукидида имели отношение к роду Филаидов. Весьма вероятной представляется нам гипотеза о том, что Фукидид-политик был дедом Фукидида-историка по материнской линии: *Wade-Gery H. T.* Op. cit. P. 246.

[95] Фукидид был изгнан из Афин (Thuc.V. 26.5; Dion.Hal.De Thuc.41; Plin.Nat. hist.VII.111), но не остракизмом, а в результате приговора суда по обвинению в измене после его неудачных действий в качестве стратега у северных берегов Эгеиды.

[96] Ср.: *Goossens R.* Op. cit.

[97] Фукидид писал свой исторический труд еще во время войны, но жить в то время на Эгине никак не мог, поскольку в 431 г. до н. э. афиняне очистили этот остров от его исконных жителей и заселили своими колонистами; эгинетов возвратил на родину лишь Лисандр в 404 г. (см: *Касаткина Н. А.* Афинские колонии времен Пелопоннес-

ме того, образ Фукидида, сына Мелесия, как корыстолюбивого ростовщика весьма мало соответствует его репутации в античной традиции. Этот политик, как правило, признавался человеком весьма достойным[98].

Привлекает наше внимание и еще одно интересное свидетельство, тем более что оно принадлежит раннему и авторитетному автору — сицилийскому историку Тимею из Тавромения (конец IV — начало III в. до н. э.). Согласно этому свидетельству (Tim.FGrHist.566.F135, F136) — в той форме, в какой оно дошло до нас через посредство опять же одного из поздних биографов Фукидида, сына Олора, — историк Пелопоннесской войны якобы жил в изгнании в Италии и даже умер там. Если относить эти данные действительно к Фукидиду-историку, то всё в них окажется неверным: на самом деле последний находился в период изгнания, скорее всего, во Фракии и Македонии (т. е. в регионах, где позиции рода Филаидов, к которому он принадлежал, были традиционно сильны), а, кроме того, умер все-таки в Афинах, куда в конце жизни получил разрешение вернуться. Уж не проскочила ли здесь снова информация, в действительности касающаяся Фукидида, сына Мелесия?[99] Ошибиться мог либо сам Тимей, либо — что еще более вероятно — использовавший его труд поздний писатель[100].

Возможность пребывания интересующего нас Фукидида в Великой Греции тем более вероятна, что он и ранее поддерживал тесные связи с этой частью эллинского мира. Г. Уэйд-Гери в вышеупомянутой работе аргументированно продемонстрировал, что этот политик сыграл весьма значительную роль в основании на юге Италии общегреческой колонии Фурии под афинской эгидой[101]. Нельзя, в принципе, исключать того, что именно Фурии могли стать местом прибежища изгнанного Фукидида, сына Мелесия, особенно если учитывать, что, как известно, влияние его главного противника — Перикла — в этом вновь основанном полисе практически сразу сошло на нет. Как бы

ской войны // ИИАО. 1991. С. 15 слл. Естественно, в таких условиях выглядит невозможным, чтобы историку, изгнанному из Афин, позволили поселиться на Эгине.

98 См. Arist.Ath.pol.28.5: «... относительно Никия и Фукидида почти все согласно признают, что это были люди не только "прекрасные и добрые" (καλοὺς κἀγαθούς), но и опытные в государственных делах, отечески относившиеся ко всему государству».

99 Такое предположение уже было высказано Уэйд-Гери, который, впрочем, подчеркивает его сугубую гипотетичность. См.: *Wade-Gery H. T.* Op. cit. P. 262.

100 Маркеллин (IV в. н. э.), автор самого подробного в античности, но весьма сумбурного жизнеописания Фукидида. Этого биографа интересовали, конечно, прежде всего данные о его «герое», и он вполне мог ничтоже сумняшеся включать в их число те сведения из древних источников, где речь шла о других лицах по имени Фукидид.

101 Об основании Фурий см. также: *Ehrenberg V.* Polis und Imperium... S. 298—315; *Строгецкий В. М.* Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н. э. и проблема основания колонии Фурии // ГГАМ. С. 55—79; *Касаткина Н. А., Антонов В. В.* Внутриполитическая борьба в Афинах в середине 40-х гг. V в. до н. э. и основание Фурий // ИИАО. 1999. Вып. 6. С. 55—63.

то ни было, вопрос о регионе пребывания Фукидида в период его остракизм приходится пока оставить открытым, поскольку имеющиеся источники не позволяют дать на него однозначный и непротиворечивый ответ. Отметим лишь, что на каком-то этапе своей деятельности Фукидид был в Спарте и беседовал там с царем Архидамом (Plut.Pericl.8), причем произошло это, судя по всему, уже ближе к концу его политической карьеры и, скорее всего, как раз в период его остракизма[102]. Спарта находилась по отношению к Афинам явно за линией Герест — Скиллей, и если допустить, что поправка 480 г. до н. э. запрещала изгнанникам удаляться за пределы этой линии, то получится, что Фукидид нарушил закон.

Наконец, жертвой последней остракофории, состоявшейся в середине 410-х гг. до н. э., стал демагог Гипербол, на котором и вышел из употребления обычай остракизма. Относительно того, куда отправился Гипербол, подвергшись этой мере, не существует никаких разногласий: античные авторы единогласно указывают в этой связи на остров Самос (Thuc.VIII.73.3; Theopomp. FGrHist.115.F96; Schol.Aristoph.Pax 681). По сведениям некоторых источников, на рассматриваемом хронологическом отрезке остракизмом были изгнаны еще несколько афинских граждан: Алкивиад Старший (дед знаменитого Алкивиада), Каллий, сын Дидимия (известный атлет), Менон (возможно, натурализовавшийся в Афинах фессалийский аристократ) и Дамон (музыкант, советник Перикла). Об этих гипотетических остракофориях речь у нас достаточно подробно уже шла ниже (гл. I). Однако о местопребывании всех перечисленных лиц в период изгнания ровным счетом ничего не известно.

Теперь можно сделать выводы из представленного выше фактологического материала. При этом будем исходить из того, что закон об остракизме, вопреки мнению де Либеро, все-таки не подвергался постоянным и систематическим нарушениям, что в целом он, как правило, соблюдался, в том числе и в части, внесенной поправкой 480 г. до н. э. Действительно, вряд ли в Афинах осталось бы незамеченным, если бы кто-либо из политиков — жертв остракизма — демонстративно пренебрег официальными предписаниями и отправился не туда, куда следовало. Афинский демос всегда в высшей степени болезненно относился к таким случаям неподчинения, поскольку они наносили удар по его суверенитету. Гражданин, который осмелился бы грубо нарушить столь важный конституционный закон, думается, мог поставить крест на своей карьере и больше не помышлять о возвращении на родину, о восстановлении в политических правах[103].

---

[102] Ср.: *Figueira T. J.* Residential Restrictions... P. 296.

[103] Вышесказанное имеет целью опровергнуть тезис де Либеро о том, что предписания о местопребывании изгнанников не соблюдались строго. Здесь, как нам кажется, имеет место недопонимание специфики отношения афинского демоса к своим политическим лидерам. Этим последним не прощалась малейшая погрешность (или даже подозрение в таковой), не говоря уж о серьезном и демонстративном нарушении действующего закона. См. по этой проблеме: *Knox R. A.* Op. cit. Passim.

Итак, перед нами вырисовывается следующая картина. До принятия поправки 480 г. до н. э. жертвы остракизма по большей части находили себе пристанище на острове Эгина в Сароническом заливе (хотя и нельзя безоговорочно утверждать, что это было единственное возможное место их пребывания). Что же касается политических лидеров, подвергавшихся этой мере после 480 г., то *все* те из них, о чьей судьбе после изгнания имеются сколько-нибудь надежные сведения, неизменно проживали довольно далеко от Афин, во всяком случае, явно за пределами очерченной поправкой линии Герест — Скиллей (Аргос, Херсонес Фракийский, Милет, Самос). Информация об одном политике — Фукидиде, сыне Мелесия, — противоречива, но нет серьезных оснований считать, что он был исключением из общего правила.

Иными словами, анализ фактов привел нас ко вполне однозначному заключению: рассматриваемая здесь поправка предписывала гражданам, изгнанным остракизмом, оставаться *за пределами*, а не в пределах означенной в ней линии. Прав оказывается аттидограф Филохор, а в текст «Афинской политии», очевидно, действительно должна быть внесена какая-либо из предлагавшихся выше конъектур.

С учетом сказанного можно теперь позволить себе и некоторые суждения общего характера о возможных причинах и целях поправки 480 г. до н. э. Во-первых, очевидно, что знатные афиняне — жертвы остракизма — отныне не имели права слишком приближаться к границам Аттики. Вероятно, в среде демоса сформировалось мнение, что, находясь неподалеку от родного полиса, они могут представлять опасность для народовластия и стабильного порядка. Ситуация становится еще более понятной, если учесть, что у каждого из таких политиков в Афинах оставалась группировка сторонников, которые, безусловно, старались поддерживать контакты со своим вождем. В некоторых случаях должна была возникать даже угроза того, что эти сторонники организуют незаконное возвращение на родину изгнанного политика, а это было бы равносильно началу гражданской войны.

Хорошо известно, какое потрясение произвело появление в 457 г. до н. э. (перед сражением со спартанцами при Танагре) появление в выступившем в поход афинском войске подвергнутого остракизму Кимона (наиболее подробное описание события: Plut.Cim.17). Формально Кимон не нарушил закона, поскольку дело происходило за пределами Аттики. Более того, намерения его были самыми патриотическими: Кимон хотел на деле доказать, что не является агентом спартанского влияния. Однако Совет Пятисот и стратеги немедленно потребовали, чтобы он покинул лагерь. Насколько можно судить, властями Афин в этой ситуации руководили те же самые соображения и эмоции, которые привели к принятию поправки о месте пребывания изгнанников, прежде всего боязнь гражданской смуты (στάσις).

Что еще могло повлиять на установление линии Герест — Скиллей? Изначальный текст клисфеновского закона об остракизме запрещал изгнанникам находиться на территории афинского полиса, то есть предписывал им оставаться вплоть до возвращения за границами Аттики. Однако где проходи-

ли эти границы? Полная ясность с ними была лишь на суше, и гораздо труднее было определить их в тех случаях, когда речь шла об акватории. Юридического понятия территориальных вод и, соответственно, строго очерченных морских границ еще не существовало. Если исходить из буквы закона в его первоначальных формулировках, изгнанник теоретически мог обосноваться на каком-нибудь островке буквально под носом у афинян. Ведь номинально он выполнил предъявленные к нему требования и оставил территорию полиса. Но допустить подобного положения вещей, конечно, нельзя было. Насколько можно судить, при проведении поправки к закону об остракизме, помимо всего прочего, преследовалась еще и цель прочертить нечто вроде морской границы Афин. Такой границей должна была стать линия между Герестом и Скиллеем, то есть обозначенная с одной стороны оконечностью Арголиды, а с другой — оконечностью Эвбеи. Только в этом регионе, то есть в Саронической заливе и прилегающих к нему с востока водах, такая граница, судя по всему, и была необходима. Далее на севере Аттику отделял от Эвбеи узкий пролив Еврип, который уже служил границей. Отметим, что проведенная линия Герест — Скиллей, если рассматривать ее как границу (или, во всяком случае, как некую демаркационную черту, маркирующую афинскую сферу влияния), выглядит границей весьма экспансионистской; в частности, в пределах линии полностью оказывался независимый остров Эгина. Насколько можно судить, афиняне, опираясь на свой построенный уже к 480 г. мощный флот, почувствовали себя хозяевами на море, по меньшей мере, в близких к Аттике регионах.

Упомянув об Эгине, следует, на наш взгляд, поднять вопрос и об еще одном обстоятельстве принятия рассматриваемой поправки. Не преследовала ли она и еще одну, более узкую цель — запретить афинским политикам селиться на Эгине? Действительно, линия Герест — Скиллей, как мы видели, очерчивала собой преимущественно Саронический залив, а именно в нем и лежал этот остров — «бельмо на глазу Пирея», как его называл впоследствии Перикл (Plut.Pericl.8). Между Афинами и Эгиной — двумя сильнейшими морскими державами Балканской Греции — уже с самого начала V в. до н. э. существовала серьезнейшая напряженность, которую не смягчило даже совместное участие обоих полисов в Греко-персидских войнах. Вплоть до 457 г., когда Эгина была окончательно разгромлена и насильственно включена в состав Афинского морского союза[104], она оставалась едва ли не главным врагом Афин. Вполне естественно, что в подобной ситуации пребывание видных афинских лидеров во враждебном полисе стало с определенного момента рассматриваться как крайне нежелательное, едва ли не как сотрудничество с противниками. Данный момент, как нам кажется, тоже следует учитывать при определении целей ограничения, наложенного на местопребывание жертв остракизма: Эгина попадала в запретную для них зону в первую очередь.

---

[104] О подчинении Афинами Эгины см.: *Строгецкий В.М.* Полис и империя... С. 127—128.

Высказывалось еще одно предположение по поводу рассматриваемой поправки, привлекающее внимание к религиозному аспекту проблемы. Л. Холл поставила вопрос следующим образом: не была ли пределом, который нельзя было переступать изгнанникам, та линия, начиная с которой в поле зрения мореплавателей оказывался кончик копья статуи Афины на Акрополе?[105] По мысли исследовательницы, этим обозначалось некое сакральное пространство, вступать в которое возбранялось лицам, подвергшимся остракизму, поскольку они считались «оскверненными».

Гипотеза Холл вызывает у нас серьезные возражения. В целом мы отнюдь не склонны игнорировать религиозные элементы института остракизма и, напротив, считаем, что в большинстве работ они незаслуженно оставляются без внимания, о чем мы имели случай писать как ранее[106], так и в рамках данной работы (гл. II, п. 2—3). Однако, во-первых, на наш взгляд, эти элементы проявлялись не столь эксплицитно. Во-вторых же — и это главное — статуя Афины Промахос работы Фидия на афинском Акрополе, о кончике копья которой идет речь, была воздвигнута лишь к 450-м гг. до н. э.[107], а, следовательно, поправка 480 г. никак не могла иметь ее в виду.

* * *

Подведем итоги данной части исследования.

1. Изначальный текст закона Клисфена об остракизме не имел в себе каких-либо формулировок, предписывавших изгнанникам место пребывания или накладывавших на него те или иные специальные ограничения. Предполагалось, что лицо, подвергнутое остракизму, просто покинет пределы афинского полиса.

2. В 480 г. до н. э. в текст закона была внесена поправка, суть которой, как мы постарались выяснить, заключалась в том, что с этого момента изгнанникам запрещалось пересекать в направлении Афин линию обозначенную пунктами Герест и Скиллей.

3. Среди причин принятия поправки следует назвать (в порядке значимости): стремление избежать проживания изгнанников слишком близко от Аттики, во избежание эксцессов с их стороны; желание очертить некое подобие морских границ афинского полиса в Сароническом заливе; запрещение политикам, подвергнутым остракизму, находиться на враждебном Афинам острове Эгина.

---

[105] *Hall L. G. H.* Remarks... S. 99.

[106] Нашу точку зрения см., например: *Молчанов А. А., Суриков И. Е.* У истоков остракизма... С. 252—253; *Суриков И. Е.* Остракизм и остраконы... С. 116.

[107] *Mattusch C.* The Eponymous Heroes: The Idea of Sculptural Groups // AAAD. P. 74.

4. О сроке продолжительности изгнания

Н. П. Обнорский, одним из первых в отечественной литературе писавший об остракизме, полагал, что изгнание в рамках этой процедуры продолжалось столько времени, сколько считалось нужным[108]. Это суждение мы охарактеризовали бы как слишком неточное. Безусловно, в целом державный афинский демос был волен принимать и равным образом отменять или изменять любые решения. Однако «мог» и «реально практиковал» — не одно и то же. Насколько можно судить, опираясь на данные источников, в случае изгнания лица остракизмом срок его пребывания за пределами полиса выражался не в какой-то произвольной цифре, всякий раз специально определяемой, а четко фиксировался в законе. В законе же об остракизме — в той его форме, в какой он был принят при Клисфене, — этот срок был определен в десять лет. В этом согласны все писавшие об исследуемом нами институте античные авторы.

Подобно тому как сам обычай остракизма вряд ли был в конце VI в. до н. э. абсолютным новшеством, изобретением «отца афинской демократии» (мы писали об этом выше, в гл. II, п. 2), так и десятилетний срок изгнания мы встречаем в более ранние эпохи (вспомним хотя бы о десятилетнем добровольном изгнании Солона или об изгнании Писистрата в 556—546 гг. до н. э.). Некоторые данные позволяют говорить о его применении даже в позднемикенское время. Так, согласно историко-мифологической традиции, когда Гераклиды во главе с Теменом, собрав войско и корабли в Навпакте, готовились к походу на Пелопоннес, правнук Геракла Гиппот убил внезапно появившегося и напугавшего всех прорицателя. Очищаясь от скверны убийства, Гераклиды отправили за это Гиппота в изгнание на десять лет (Apollod.II.8.3). Далее, по велению оракула именно на десять лет вынуждены были покинуть свой город заселившие Самос ионийцы, когда они потерпели поражение от эфесян, своих единоплеменников и соседей, которыми предводительствовал царь Андрокл, сын Кодра Афинского. И лишь по истечении указанного срока изгнанники решились вернуться обратно на остров, чтобы отвоевать его у врагов (Plut.Mor.303d; Paus.VII.4.2—3)[109].

Почему был избран именно десятилетний срок? Несомненно, здесь играло определенную роль то обстоятельство, что он представлял собой круглую цифру и, соответственно, обладал некоторым оттенком сакральности. Интересно в связи со сказанным, что ограничение определенного правового состояния десятью годами засвидетельствовано уже в раннеархаических Афинах. Так, десятилетний период был введен в VIII в. до н. э. как фиксированный цикл обладания государственной властью для архонтов из рода Кодридов-Медонтидов, ранее занимавших данную должность пожизненно (Arist.Ath.

---

108 *Обнорский Н. П.* Ук. соч. С. 344.

109 Эти наблюдения принадлежат А. А. Молчанову. Они приведены в нашей совместной работе: *Молчанов А. А., Суриков И. Е.* У истоков остракизма... С. 256.

pol.3.1; Paus.IV.5.10). С другой стороны, в случае с остракизмом важно, на наш взгляд, и то, что десятилетний срок изгнания мог представляться не слишком малым и не слишком большим, иными словами, достаточно эффективным и в то же время достаточно гуманным. С одной стороны, десятилетнее отсутствие на родине надежно исключало чрезмерно влиятельного индивида из общественной жизни, не позволяло ему в течение относительно длительного времени проявлять свои властные амбиции. С другой стороны, он не мог считать свое положение и совершенно безнадежным: в большинстве случаев он возвращался на родину еще полным сил человеком, а не дряхлым старцем (как было бы, если бы остракизм продолжался, скажем, двадцать или тридцать лет) и мог, в принципе, вновь включаться в борьбу.

Впрочем, относительно десятилетнего срока изгнания нами в конце Главы I было сделано немаловажное наблюдение: в реальности для большинства афинян, подвергшихся в течение V в. до н. э. остракизму, этот срок не был выдержан. Возможны были различные варианты: смерть изгнанника до истечения срока (случай Гипербола), его заочное осуждение, вообще отрезавшее ему возможность возвращения (случай Фемистокла). Наиболее интересны для нас те ситуации, при которых происходило официальное досрочное возвращение жертв остракизма по решению народного собрания. В афинской истории известны два случая такого досрочного возвращения.

Первый из этих случаев имел даже в какой-то мере массовый характер: в 480 г. до н. э. в связи с началом нашествия Ксеркса на Грецию, получили возможность вернуться на родину сразу пять политических деятелей, подвергшихся остракизму в течение предшествовавшего десятилетия[110]. Наиболее ясно сообщают об этом Аристотель (Ath.pol.22.8) и Плутарх в жизнеописании Фемистокла (Plut.Them.11), причем херонейский биограф называет инициатором рассматриваемого предложения именно этого политика. Существуют и другие, более краткие упоминания о досрочном возвращении изгнанных в этот период; в частности, в античных биографиях Аристида — самого известного из политиков, вернувшихся в 480 г., — этот факт его карьеры, естественно, получил отражение (Nep.Aristid.1—2; Plut.Aristid.8; о возвращении Аристида из изгнания говорит уже Геродот, VIII.79, но не указывает, что это возвращение было досрочным). К данным нарративной традиции следует присоединить важное эпиграфическое свидетельство — декрет Фемистокла из Трезена. Этот памятник в той его части, которая наиболее важна в контексте нашего исследования, цитировался выше; напомним, что он предписывает афинянам, удалившимся из полиса на десять лет (то есть изгнанным остра-

---

[110] Об этом событии см.: *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 1. P. 222; *Figueira T.J.* Residential Restrictions...; *Lavelle B.M.* The Sorrow... P. 42; *Scheidel W.* T 17. Andokides 1, 107 (400/399 v. Chr.): Rückruf von Ostrakisierten und vielleicht auch anderen Verbannten zur Zeit der Perserkriege (481/0 v. Chr.?) // OT. S. 271—276, а также: *Hammond N.G.L.* Op. cit. P. 82; *Chambers M.* The Significance... P. 164 (в последних двух работах дается неверная, на наш взгляд, датировка 481 г. до н. э.)

кизмом, хотя самого этого слова в декрете нет), прибыть на Саламин и там ждать, пока демос что-либо о них не постановит. Таким образом, вне зависимости от того, как относиться к степени аутентичности данного документа, где проводить в нем грань между фактами и фантазиями последующих поколений, между прототипом и позднейшими наслоениями, следует подчеркнуть одно: перед нами не то постановление экклесии, о котором сообщают Аристотель, Плутарх и другие авторы и которое возвращало изгнанников, а какое-то из более ранних[111]. Очевидно, в действительности «декретов Фемистокла» было несколько, что, кстати, выглядит вполне естественным: целый ряд вставших перед Афинами сложнейших проблем — эвакуация населения, организация войска, спасение финансов и т. п. — вряд ли мог быть решен с помощью одной псефисмы. Насколько можно судить, впоследствии, когда изгнанники находились уже на Саламине, был принят еще один декрет, специально посвященный им и полностью возвращавший им политические права.

Почему в качестве, если можно так выразиться, «зоны карантина» для прощенных изгнанников был избран именно Саламин? Следует полагать, что это объясняется особым статусом острова. Эта афинская клерухия[112] находилась так близко от Аттики и была связана с ней такими давними и прочными узами, что рассматривалась уже как ее неотъемлемая часть. В то же время на Саламин не распространялась клисфеновская система территориальных фил, фратрий и демов, то есть юридически он не входил в состав афинского полиса. Таким образом, вступив на землю Саламина, подвергнутое остракизму лицо не нарушало еще закона, в котором ему предписывалось находиться за пределами государства (а поправка о линии Герест — Скиллей еще не была принята). Кроме того, возможно, следует еще учитывать, что, как мы видели в предыдущем пункте, большинство изгнанных остракизмом в течение 480-х гг. до н. э. граждан (если не все они) нашло пристанище на Эгине. А с Эгины совсем легко и быстро было добраться именно до Саламина, лежащего практически по соседству с ней.

Существует дискуссионная хронологическая проблема, касающаяся точного времени возвращения изгнанных остракизмом. Декрет Фемистокла, по справедливому определению его первого издателя М. Джеймсона[113], подразумевает ситуацию июня 480 г. до н. э., времени перед сражениями при Фермопилах и Артемисии. Это дает t.p.q. для второго постановления,

---

111 Ср.: *Jameson M. H.* A Decree of Themistokles... P. 222.

112 Последняя работа о статусе Саламина: *Касаткина Н. А.* Солон Афинский и остров Саламин // АКРА: Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2002. С. 59—70. Автор считает Саламин колонией, с чем трудно согласиться. О различиях между колониями (апойкиями) и клерухиями см.: *Brunt P. A.* Athenian Settlements Abroad in the Fifth Century B. C. // Ancient Society and Institutions. Oxf., 1966. P. 71—92. Главным из различий нам представляется следующее: колонисты получали новое гражданство, а клерухи оставались гражданами метрополии.

113 *Jameson M. H.* A Decree of Themistokles... P. 204.

разрешавшего изгнанникам досрочно вернуться. Т.а.q. для этого события тоже вполне ясен. Аристотель указывает, что данное постановление имело место в архонтство Гипсехида, которое падает на 481/480 г. С началом нового года по афинскому календарю в гекатомбеоне, то есть в конце июля, Гипсехид должен был уступить место следующему архонту — Каллиаду. Иными словами, псефисма, досрочно прекращавшая пребывание в остракизме, была принята на конкретном и довольно узком хронологическом отрезке, в июне—июле 480 г.

Это подтверждается и некоторыми другими данными. Так, известно, что по крайней мере один из политических деятелей, подвергнутых остракизму и теперь получивших разрешение вернуться, а именно Ксантипп (отец Перикла) был в Афинах уже к моменту эвакуации афинян из города (Plut. Them.10)[114]. Казалось бы ситуация совершенно ясна, и мы можем только радоваться, что время рассматриваемого здесь события определяется так точно. В действительности, однако, все несколько сложнее, ибо есть и свидетельства источников, противоречащие такой трактовке.

Так, Корнелий Непот (Aristid.2) утверждает, что будто бы решение о прощении изгнанных остракизмом (он говорит конкретно об Аристиде) было принято уже после Саламинской битвы. Вряд ли к этому сообщению следует относиться с каким-либо доверием. Подобная последовательность событий совершенно исключена: какой смысл имело бы возвращение изгнанников после Саламина, когда персидская опасность если и не миновала, то, во всяком случае, не представлялась уже такой серьезной, как раньше? Впрочем, Непот — автор, не отличающийся большой фактической и тем более хронологической точностью, и его сообщения в каких-то случаях можно просто не принимать во внимание, если они противоречат данным более надежных источников. Но как не принимать во внимание сообщение такого писателя, как Геродот? А между тем «отец истории» пишет (VIII.79), что Аристид прибыл с Эгины на Саламин непосредственно перед разыгравшимся в проливе близ острова морским сражением. Иными словами, речь идет уже о событиях архонтства Каллиада (480/479 г. до н. э.), а не Гипсехида, и, таким образом, противоречие с «Афинской политией» налицо.

---

[114] См.: *Суриков И. Е.* Ксантипп, отец Перикла... С. 104. Похоже, Ксантипп был даже избран стратегом на 480/479 г.: *Fornara Ch. W.* The Athenian Board of Generals... P. 42. Это, конечно, не означает, что он возвратился в полис уже к моменту выборов военных магистратов, то есть к весне (разве что относительно Ксантиппа было вынесено какое-то особое постановление о возвращении, но источники не дают ни малейшего повода говорить об этом). Скорее, он был избран дополнительно, позже срока, возможно, на место какого-нибудь погибшего стратега. Вообще 480 г. до н. э. был для афинян в высшей степени тревожным, и вряд ли все правила и сроки избирательных процедур в этом году строго соблюдались (см., например, Plut. Them.6). Об общей обстановке этого времени см.: *Hands A. R.* On Strategy and Oracles, 480/79 // JHS. 1965. V. 85. P. 56—61.

Кто же прав, и как разрешить проблему? На наш взгляд, необходимо исходить из той достаточно очевидной посылки, что Аристотель не выдумал имя архонта, при котором было принято рассматриваемое постановление, а взял его из официального документа. Таким документом, скорее всего, был сам декрет, который по установившейся практике должен был датироваться по эпонимному магистрату. Геродот же в своем произведении опирался, как известно, не на документы, а на устную традицию. Соответственно, не подвергая сомнению датировку, предлагаемую Стагиритом, мы видим три в разной степени возможных пути разрешения обозначенной коллизии. Либо Геродот был (сознательно или непреднамеренно) введен в заблуждение своими информаторами (Алкмеонидами?)[115], возможно, желавшими наиболее эффектно подать появление Аристида на Саламине, — конечно, в пику Фемистоклу. Либо Аристид, в отличие от других политиков, подвергнутых остракизму (например, от Ксантиппа), не сразу после принятия постановления о досрочном возвращении проследовал с Эгины на Саламин (учитывая его особенно враждебные отношения с наиболее влиятельным в то время в Афинах Фемистоклом, у него были основания для опасений). Либо, наконец, единого постановления о возвращении изгнанников вообще не было, а по каждому отдельному лицу принимался специальный декрет, позволявший ему вернуться (Ксантиппу — раньше, Аристиду — позже и т. п.). Последняя возможность представляется нам крайне маловероятной, поскольку она слишком уж очевидно противоречит эксплицитным данным традиции. Что же касается первых двух вариантов ответа на вопрос, мы затруднились бы сделать между ними однозначный и категоричный выбор.

Второй случай досрочного возвращения из остракизма, о котором у нас уже шла речь выше (гл. I; там же ссылки на основные источники и обоснование датировки), имел место в 457 г. до н. э. На этот раз в связи с обострившимися афино-спартанскими отношениями и необходимостью заключения перемирия право вернуться на родину получил Кимон[116]. На этот раз опять же известно имя инициатора принятия решения. Это был не кто иной, как Перикл, сам же незадолго до того приложивший максимум усилий для изгнания Кимона. Впрочем, прекрасно известно, насколько чутким к общественному мнению политиком был «афинский олимпиец» (собственно, именно это и позволило ему продержаться на вершине власти беспрецедентно долгий срок). Как в 461 г. до н. э. политическая целесообразность диктовала Периклу необходимость изгнания Кимона, так в 457 г. под влиянием той же политической

---

115 По проблеме источников информации об афинской истории, содержащейся у Геродота, см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 95 слл. (с литературой вопроса).

116 Об этом событии см.: *Cole J. R.* Op. cit. P. 383; *Sealey R.* The Entry of Pericles into History // Perikles und seine Zeit. Darmstadt, 1979. S. 144 ff.; *Hamel D.* Op. cit. P. 184; *Gouščhin V.* Athenian Synoikism of the Fifth Century B. C., or Two Stories of Theseus // G&R. 1999. V. 46. № 2. P. 175.

целесообразности, но изменившейся в новых условиях, он решился на прямо противоположный шаг, и в результате в обоих случаях заработал своей репутации дополнительные дивиденды.

Сообщается, что посредницей между Периклом и Кимоном при переговорах о возвращении последнего выступила сестра изгнанного Эльпиника. Этот мотив (посредничество Эльпиники) был весьма популярен в античной традиции и со временем даже оброс анекдотическими деталями. Так, согласно Афинею (XIII.589ef), Эльпиника якобы даже отдалась Периклу, чтобы добиться возвращения брата. Это выглядит совершенно абсурдным, в том числе хотя бы уже потому, что сестра Кимона на рубеже 460-х — 450-х гг. до н. э. была уже немолодой женщиной (ср. Plut.Pericl.10). Тем не менее, если отбросить атрибуты анекдота, в основе своей свидетельство об определенной роли этой афинянки в описываемом эпизоде выглядит вполне достоверным[117]. Причем для успеха своей миссии ей даже вряд ли пришлось бы проявлять какую-то экстраординарную уступчивость. Эльпиника (дочь Мильтиада) была, пожалуй, самой влиятельной женщиной в афинском полисе рассматриваемой эпохи (насколько вообще можно говорить о политическом влиянии женщин в демократических Афинах)[118]. Она принадлежала к самому верхнему слою аристократической элиты, возводя свое происхождение по отцовской линии к герою Аяксу, а по материнской — к фракийским царям; не следует забывать и о том, что она была замужем (правда, к моменту, о котором идет речь, этот брак, возможно, уже был расторгнут) за богатейшим из афинян — Каллием из рода Кериков, дадухом элевсинских мистерий и знаменитым дипломатом. К голосу женщины столь высокого социального статуса не мог не прислушаться даже Перикл, тем более когда это сочеталось с обстоятельствами иного характера.

Итак, лица, изгнанные остракизмом, могли быть досрочно возвращены в полис и восстановлены в политических правах решением народного собрания. У нас нет никаких сведений о том, каким образом это решение принималось. Решался ли вопрос по ординарной процедуре, простым большинством голосов? Или же принимался νόμος ἐπ᾽ ἀνδρί, при котором требовался то ли кворум в 6000 голосующих, то ли как минимум 6000 граждан, проголосовавших за это решение (см. в п. 2 данной главы). Последнее представляется нам более вероятным. Действительно, коль скоро за изгнание политика высказалось 6000 граждан, резонным будет предположить, что и для возвращения нужно было не меньшее их число.

* * *

В традиции существуют смутные упоминания об имевшем месте на каком-то этапе уменьшении срока изгнания с десяти до пяти лет. Этот вопрос нуждается в специальном рассмотрении, поскольку сама историчность соот-

---

[117] Вопреки мнению, высказываемому в работе: *Hamel D.* Op. cit. P. 184.

[118] Об Эльпинике см.: *Суриков И. Е.* Женщины в политической жизни... С. 46 слл.

ветствующей поправки является предметом дискуссий. Основным источником по данному сюжету служит, как и во многих других случаях, опять-таки аттидограф Филохор. В достаточно обширном фрагменте об остракизме, который неоднократно уже цитировался нами (FGrHist.328.F30), он, помимо прочего, говорит еще, что афиняне, подвергшиеся этой мере, должны были «покинуть город на десять лет (позже же был установлен пятилетний срок)» — μεταστῆναι τῆς πόλεως ἔτη δέκα (ὕστερον δὲ ἐγένοντο πέντε).

Из этого свидетельства недвусмысленно следует, что в какой-то момент в закон об остракизме была внесено изменение, сокращавшее вдвое срок пребывания в изгнании. В том же смысле, судя по всему, следует трактовать и слова Диодора Сицилийского (XI.55.2): жертвам остракизма «предписывалось уходить в изгнание с родины на пятилетний срок» (φεύγειν ἐκ τῆς πατρίδος ἐτέτακτο πενταετῆ χρόνον). Диодор в этом месте, по авторитетному мнению Ф. Якоби[119], следовал изложению Эфора — одного из крупнейших представителей греческой историографии IV в. до н. э. Еще один знаменитый историк того же столетия — Феопомп (FGrHist.115.F88), — рассказывая об остракизме Кимона, пишет, что его досрочно возвратили из изгнания, «хотя не прошло пяти лет» (οὐδέπω δὲ πέντε ἐτῶν παρεληλυθότων). Такой речевой оборот должен, кажется, предполагать, что в указанное время (450-е гг. до н. э.) срок изгнания остракизмом действительно составлял уже не десять, а пять лет.

Поправку, о которой здесь идет речь, исследователи, пишущие об остракизме, предпочитают даже не упоминать в своих работах и тем более не вдаваться в обсуждение вопроса об историчности этой поправки и возможном времени ее принятия. В тех же случаях, когда все-таки приходится высказаться по этому сюжету, ход аргументации обычно бывает примерно таков: сокращения срока изгнания никогда не происходило, это — продукт ошибки античных историков. Диодор (Эфор) либо сделал неверный вывод о таком сокращении из факта действительно имевшего место досрочного возвращения Кимона, либо же перепутал Афины с Сиракузами, в которых существовала процедура петализма, предусматривавшая изгнание именно на пять лет (об этом см. ниже). Филохор либо тоже ошибся, либо вообще не писал ничего подобного, а его подлинные слова исказили позднейшие лексикографы, донесшие до нас фрагменты труда этого автора[120]. Все доводы подобного рода не представляются нам (да и вряд ли представятся кому-либо) особенно убедительными: слишком много в них натяжек и недоказуемых допущений.

В гораздо более редких случаях историчность поправки, о которой идет речь, признается. Ее, например, считает действительно имевшей место отечественный автор С. И. Гинзбург, при этом полагая, что принята поправка была после остракизма Фукидида, сына Мелесия, в 440-х гг. до н. э.[121] С послед-

---

119 *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 1. P. 317.

120 Примеры такой аргументации: Ibid.; *Develin R.* Philochoros on Ostracism.... P. 29—30.

121 *Гинзбург С. И.* Малоизвестный византийский источник... С. 49.

ним утверждением согласиться трудно, поскольку, как мы видели, если доверять Феопомпу, срок изгнания был сокращен уже к моменту досрочного возвращения Кимона, то есть случилось это не позже первой половины 450-х гг.

Переходя к непосредственному рассмотрению вопроса, считаем необходимым предварительно оговорить несколько принципиальных моментов. Перед нами действительно сложный случай: прямых свидетельств источников — скудных и разрозненных — явно недостаточно для того, чтобы вынести категоричное и безоговорочное суждение. Придется примириться с тем, что выводы, к которым мы придем, неизбежно будут гипотетичными и всегда могут быть оспорены. Выяснить с абсолютной точностью, имела ли место вышеупомянутая поправка к закону об остракизме и когда это произошло, вряд ли удастся; в любом случае останется возможность для альтернативных точек зрения. Метод же работы, к которому мы прибегнем, будет тот же, что и в предыдущем пункте данной главы, при анализе поправки о месте пребывания изгнанников: эмпирический анализ сообщений античных авторов о судьбе конкретных афинян, подвергнутых остракизму. Только теперь эти сообщения будут взяты в ином аспекте (так сказать, не пространственном, а временно́м), к тому же удобнее будет пойти не с начала, а с конца, с последнего остракизма, имевшего место в 416 или, скорее, 415 г. до н. э. (но ни в коем случае не в 417 г., как ранее предполагали многие исследователи[122]).

Ставший жертвой этой остракофории демагог Гипербол, как мы видели выше, удалился на Самос, но возвратиться на родину ему так никогда и не пришлось: в 411 г. до н. э. он был убит местными олигархами, которые стремились сделать приятное своим единомышленникам из Аттики, находившимся в составе афинского флота, стоявшего в тот момент в самосской гавани (Thuc.VIII.73.3)[123]. Зачем потребовалось убивать Гипербола, почему смерть этого демагога могла доставить удовольствие его врагам в Афинах? Ведь если изгнание остракизмом должно было продолжаться десять лет, то до возвращения опального политика на родину оставался еще длительный хронологический промежуток, в ходе которого он не мог представлять ни для кого никакой опасности. Всё станет на свои места, если признать, что к тому времени срок изгнания уже был сокращен до пяти лет: в таком случае Гипербол уже должен был готовиться к отплытию в Афины, где его прибытие в корне изменило бы расклад политических сил. Этот популярный демагог мог даже стать естественным вождем демократической группировки, тем более что серьезных соперников на пути к достижению этой цели у него прак-

---

[122] В свое время Э. Вудхед, реконструировав один из афинских декретов лета 417 г., очень убедительно показал, что в это время демагог Гипербол еще находился в Афинах, что было бы, конечно, невозможно, если бы его остракизм уже состоялся. См.: *Woodhead A. G.* Op. cit. P. 78 ff.

[123] Напомним, речь идет о периоде подготовки олигархического переворота Четырехсот в Афинах. Судя по всему, в убийстве Гипербола принимали участие и некоторые из афинских сторонников олигархии.

тически не было: прежний кумир демоса Алкивиад находился в изгнании, к тому же был весьма сомнительным демократом[124], другой видный демократический лидер — Андрокл — был только что убит заговорщиками (Thuc.VIII.65.2), Клеофонт, которому в будущем предстояло стать простатом демоса, еще не набрал достаточного политического «веса», а еще несколько политиков демократической ориентации (таких, как Писандр) перешли на сторону олигархов. В этих условиях появление Гипербола в Афинах было бы крайне невыгодным для противников народовластия; судя по всему, потому-то его и решили ликвидировать.

Фукидид, правда, ничего не пишет о подобном контексте, ограничиваясь кратким сообщением об убийстве демагога. Однако уже неоднократно отмечалось, что молчание этого великого историка по тому или иному поводу никогда не может быть использовано как весомый аргумент. Как мы уже видели выше, Фукидид вообще весьма склонен прибегать к «фигуре умолчания» и совершенно не упоминает о целом ряде важнейших событий афинской и общегреческой истории. Кстати, и об остракизме Гипербола он ровным счетом ничего не говорит в том месте своего труда, где это следовало бы сделать, упоминает же о нем совсем в другом контексте и буквально мимоходом.

Другой известный историк — Феопомп — говорит в одном из дошедших фрагментов (FGrHist.115.F96): ἐξωστράκισαν τὸν Ὑπέρβολον ἓξ ἔτη. Вряд ли следует переводить этот пассаж «Гипербола изгнали остракизмом на шесть лет»[125]. Шестилетнего срока изгнания закон об остракизме вроде бы все-таки никогда не предусматривал, да и странным было бы назначение такой «некруглой» цифры. Нам представляется более вероятным другое: Феопомп в данном месте хотел сказать, что Гипербол *находился* в остракизме в общей сложности шесть лет. Значит, все-таки шесть, а не пять, и, следовательно, все наши предыдущие рассуждения неверны? Однако не будем забывать о том, что древнегреческая хронология знала два способа счета лет: без включения того года, с которого начинался подсчитываемый период (это привычнее для нас), или с его включением. Второй из этих способов был даже более распространенным[126]. Приведем лишь один пример, который сделает нашу аргументацию понятной. Каков был временной промежуток между двумя проведениями крупнейших греческих празднеств (Олимпийских игр, Великих Панафиней и т. п.)? В нашем понимании, бесспорно, четыре года. Однако античные авторы устойчиво называют этот промежуток «пятилетием» (πενταετηρίς)[127]. Иными словами, рассматриваемый период составлял для

---

[124] Как раз незадолго до описываемых событий он предложил афинянам ввести олигархическое правление (Thuc.VIII.47.2).

[125] Именно так понимает данное место Якоби, который, исходя из этого, приписывает греческому историку мнение, будто бы срок изгнания остракизмом особо фиксировался для каждого конкретного случая (*Jacoby F.* Die Fragmente... V. 1. P. 317).

[126] См.: *Panchenko D.* Op. cit. P. 47.

[127] *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. 2. С. 126.

них не четыре, а пять лет, то есть включал и свой первый, и последний год. Аналогичным образом, безусловно, дело обстоит и в случае с Гиперболом, о котором идет речь: указанный Феопомпом шестилетний срок соответствует нашему пятилетнему[128].

Итак, как мы видим, есть определенные основания (хотя, конечно, небесспорные) считать, что к моменту последней афинской остракофории закон предусматривал изгнание из полиса уже не на десять, а на пять лет. В целях дальнейшей верификации этого предположения и возможного определения времени внесения такой поправки обратимся к материалу, освещающему более ранние остракизмы. В ходе его рассмотрения мы встречаем еще некоторые (хотя тоже косвенные) свидетельства о сокращении времени пребывания в изгнании.

Выше уже упоминалось, что одной из жертв остракизма стал Дамон — музыкант и теоретик музыкального искусства, а, кроме того, один из ближайших друзей и политических советников Перикла. Время изгнания Дамона не обозначено в источниках эксплицитно. Специально занимавшийся биографией этого деятеля А. Раубичек путем комбинированного анализа нарративной традиции и открытых археологами черепков-остраконов с именем Дамона пришел к выводу, что его остракизм относится к 430-м гг. до н. э.[129] Предлагались, правда, и другие датировки остракизма Дамона — от 440-х до 420-х гг. до н. э., однако хронология Раубичека, как мы говорили в соответствующем месте главы I, остается наиболее убедительной.

Отбыв положенный срок изгнания, Дамон возвратился на родину. Когда это произошло? Знаменитый музыкант упоминается в нескольких произведениях Платона, в том числе в сократическом диалоге «Алкивиад I», где заглавный герой по ходу действия, в частности, говорит (Plat.Alc.I.118c): «Он (Перикл. — *И. С.*) не сам собою стал мудрым, а потому что общался со множеством мудрых людей — и с Пифоклидом, и с Анаксагором, да и теперь еще, в свои-то годы, обучается у Дамона с той же самой целью». Итак, на момент произнесения этих слов Дамон находится в Афинах. Остается выяснить, в какое время, по мысли автора, развертывается действие диалога.

Прежде всего, это не может быть период после 429 г. до н. э., поскольку в этом году умер Перикл, а в диалоге он упоминается как живой и здравствующий. Еще немного уточнить дату действия позволяет характеристика Сократом Алкивиада как юноши неполных двадцати лет от роду (Plat.Alc. I.123d). Алкивиад родился около 450 г. до н. э., незадолго до гибели его отца

---

[128] Недавно была высказана точка зрения, согласно которой под шестью годами у Феопомпа вообще имеется в виду не срок изгнания Гипербола, а продолжительность его влиятельного положения в полисе *до* остракизма. В таком случае приходится предположить, что дошедший до нас текст фрагмента испорчен. См.: *Scheidel W.* T 30... S. 392.

[129] *Raubitschek A. E.* Damon... S. 83.

[130] О битве при Коронее см.: *Строгецкий В. М.* Полис и империя... С. 151—152.

при Коронее (447 г.)[130]. Совокупность данных указывает на то, что действие произведения происходит в конце 430-х гг. до н. э. — никак не позже и, скорее всего, не раньше, поскольку Алкивиад в диалоге рассуждает отнюдь не как несмышленый ребенок. Но коль скоро Дамон был изгнан остракизмом в 430-х гг. до н. э., а в конце тех же 430-х гг. вновь оказался в Афинах, получается, что он никак не мог находиться в изгнании десять лет, а, значит, этот срок уже был сокращен до пятилетнего (если, конечно, этот советник Перикла, подобно Кимону и другим, не был возвращен досрочно, но для такого предположения в источниках нет ни малейших оснований).

Вышеприведенный аргумент мы, разумеется, ни в коей мере не расцениваем как решающий или даже просто особенно сильный, прекрасно сознавая, что он может работать лишь в совокупности с другими. Впрочем, сразу хотелось бы опровергнуть один из контрдоводов, который может быть против него приведен, а именно то соображение, что Платон в своих диалогах давал большой простор licentia poetica и не стремился к хронологической и просопографической скрупулезности. Нам уже приходилось отмечать, что материал такого рода в платоновских сочинениях, как правило, вполне надежен[131]. В тем большей мере это относится к ранним диалогам философа («Алкивиад I» принадлежит именно к этой категории), когда он еще не «возносился в занебесные сферы», а, кроме того, был отделен от описываемых событий сравнительно непродолжительным хронологическим отрезком и вряд ли стал бы искажать факты, коль скоро еще живы были люди, которые могли его в этих искажениях уличить.

Мы, к сожалению, ничего не можем сказать о том, сколько лет пробыл в изгнании Фукидид, сын Мелесия, подвергнутый остракизму в 440-х гг. до н. э. Что же касается еще более ранней жертвы этой меры — Кимона — тот тут ситуация осложняется тем, что он, как мы видели, был возвращен на родину до истечения положенного срока (Nep.Cim.3; Plut.Cim.17; Pericl.10), ввиду обострения афино-спартанских отношений и необходимости заключения перемирия (Кимон, как лицо, пользовавшееся большим авторитетом в Спарте, был наиболее подходящей фигурой для ведения переговоров). Мы уже цитировали выше Феопомпа, отмечавшего, что Кимон не пробыл в изгнании и пяти лет.

Приведем еще один небезынтересный факт. В 454 г. до н. э. в Сиракузах, где незадолго до того была свергнута тирания Дейноменидов и установлена демократия, народ ввел процедуру петализма, полностью соответствовавшую афинскому остракизму за тем единственным исключением, что вместо черепков использовались листья оливы (Diod.XI.86—87). Диодор, опирающийся на авторитетную сицилийскую историческую традицию классической и раннеэллинистической эпох, прямо указывает на то, что сиракузяне позаимствовали этот обычай от афинян и сохранили все его черты, кроме единственной вышеуказанной. При этом согласно закону о петализме

---

[131] *Суриков И. Е.* К интерпретации имени... С. 77.

изгнание продолжалось пять лет (φεύγειν πενταετῆ χρόνον). Логично предположить, что и в Афинах, откуда шло заимствование, к тому времени остракизм предусматривал такой же срок изгнания.

Весь комплекс приведенных выше аргументов позволяет с определенной (хотя, конечно, отнюдь не безоговорочной) степенью вероятности предположить, что на каком-то этапе рассматриваемое изменение в законе об остракизме, вопреки преобладающей точке зрения, могло действительно иметь место. Что же касается конкретного времени внесения данной поправки, возможны два варианта решения проблемы; оба имеют в виду период до 454 г. до н. э., т. е. до введения сиракузского петализма.

Первый вариант связан с остракофорией Кимона. Не исключено, что именно тогда, когда его досрочно возвращали, и в прямой связи с этим обстоятельством срок остракизма был сокращен вдвое[132]. Второй вариант относится к несколько более раннему времени и учитывает некоторые сведения, имеющиеся об остракизме Фемистокла. В конце 470-х гг. до н. э. этот политик был изгнан из Афин и несколько лет спокойно, никем не тревожимый, жил в Аргосе. А около 467 г. до н. э.[133] его внезапно стали преследовать, заочно приговорили к смерти и таким образом отрезали путь к возвращению на родину. Было ли дело только в спартанских интригах? А может быть, срок изгнания Фемистокла уже подходил к концу, и его влиятельные противники в Афинах — объединившиеся против него Алкмеониды, Филаиды, Керики — решили принять необходимые меры? В таком случае придется признать, что та поправка к закону об остракизме, о которой здесь идет речь, была принята примерно тогда же, когда и поправка относительно местопребывания изгнанных, т. е. около 480 г. до н. э. (может быть, обе поправки вообще принимались «единым пакетом»?). Вопрос о выборе между этими двумя вариантами при нынешнем состоянии источников приходится оставить открытым. Равным образом рановато пока и рассуждать о том, какова была цель сокращения срока изгнания. Проявление гуманности? Или какие-то конкретно-политические соображения? Об этом можно только гадать, тем более что, как мы хотим еще раз подчеркнуть, само предположение о сокращении срока изгнания является сугубой гипотезой. Мы отнюдь не хотели бы на ней настаивать, а просто хотим принципиально оговорить все более или менее возможные нюансы истории остракизма.

---

[132] Римский биограф Кимона Корнелий Непот прямо пишет, что этот политик был возвращен на родину после *пяти* лет изгнания (post annum quintum, quam expulsus erat, in patriam revocatus est, Nep.Cim.3). Правда, здесь Непот вступает в противоречие с Феопомпом, согласно которому Кимон не пробыл в изгнании и пяти лет (см. выше). Трудно судить, кто из двух авторов ближе к истине в этой ситуации. Следует учитывать как нередко встречающиеся у Непота неточности и путаницу, так и тот факт, что фрагмент Феопомпа дошел в передаче позднего схолиаста, что тоже могло привести к искажениям.

[133] Датировку см.: *Badian E.* Op. cit. P. 100.

* * *

Суммируем результаты, полученные в данной части исследования.

1. Согласно закону Клисфена (и, судя по всему, также до него) срок пребывания в остракизме равнялся десяти годам. Однако афинская экклесия имела полное право (и несколько раз пользовалась этим правом) принять решение о досрочном возвращении на родину одного или нескольких лиц, подвергнутых остракизму.

2. Существует некоторая возможность того, что на каком-то этапе истории афинской демократии (но не позже 450-х гг. до н. э.) в закон об остракизме была внесена поправка, сокращавшая срок изгнания с десяти до пяти лет. При имеющемся состоянии источников этот вопрос не может быть однозначно разрешен.

5. К вопросу о заранее приготовленных остраконах

Как мы уже отмечали выше, определенная (не слишком большая, но тем не менее заслуживающая внимания) часть открытых на сегодняшний день остраконов производит однозначное впечатление заблаговременно приготовленных артефактов. Д. Филлипс, взявшийся в 1990 г. подсчитать количество памятников этой категории, найденных на Агоре (любые подсчеты такого рода для Керамика пока просто невозможны и не будут возможными, пока не осуществится полная публикация острака из этого региона), дал в конечном счете цифру 317[134]. Мы не думаем, что к этой цифре следует относиться с каким-то пиететом: критерии, с помощью которых определяется, какой остракон был приготовлен заранее, а какой надписан непосредственно в ходе голосования, во многих случаях нельзя признать достаточно четкими и позволяющими дать однозначный ответ на поставленный вопрос. Тем не менее можно с немалой уверенностью утверждать, что в целом черепки, надписанные до остракофории, занимают значительное место в общем корпусе рассматриваемых памятников.

Говоря о заранее приготовленных остраконах, прежде всего следует обратить внимание (как это обычно и делается) на уникальную находку, сделанную в 1937 г. американским археологом О. Брониром на северном склоне Акрополя. В колодце, уже к началу V в. до н. э. заброшенном и превратившемся в мусоросборник, было обнаружено 190 остраконов, направленных против Фемистокла[135]. В источниковедческом разделе мы уже писали об этой находке, а здесь лишь напомним, что все острака упоминаемой группы следует без всякого сомнения отнести к категории приготовленных заранее. Они выделя-

---

[134] *Phillips D. J.* Observations... P. 144.

[135] *Broneer O.* Excavations... P. 228 ff. Наиболее полную публикацию этих памятников см.: *Lang M.* Ostraka... P. 142—161.

лись удивительным единообразием керамического материала (при этом специально подбирались черепки красивой круглой формы или же цельные небольшие сосуды), и — самое главное обстоятельство, позволявшее говорить о заранее спланированной акции — 190 остраконов против одного лица были надписаны всего лишь 14 разными почерками.

Если предполагать, что каждый афинянин делал надпись на остраконе самостоятельно, то никак не могла сложиться ситуация, при которой одним почерком было бы надписано более одного остракона. Тем не менее факт налицо. Более того, по справедливому наблюдению одного из антиковедов[136], до нас дошли далеко не все острака, заготовленные в ходе акции, о которой идет речь. Их должно было быть намного больше. Действительно, 14 человек, посаженных за надписывание остраконов, — факт, говорящий о том, что необходимо было выполнить по-настоящему большой объем работы. Для 190 коротких надписей отнюдь не нужен труд четырнадцати писцов: это под силу и одному-двум.

Наблюдения, связанные с почерками на острака из колодца на северном склоне Акрополя, было тем легче сделать, что они, повторим, были найдены единой компактной группой. Есть ли случаи совпадений почерков на остраконах из других комплексов (с Агоры, с Керамика)? Здесь делать категоричные выводы намного сложнее, поскольку приходится сопоставлять памятники разного времени и места находки, работать с колоссальным материалом (тысячи надписанных черепков!). И все же М. Лэнг, наиболее досконально изучившая острака именно с эпиграфической и палеографической точки зрения, ответственно заявляет: комплекс остраконов Фемистокла, о котором шла речь, — не исключение, не уникум. Ему есть параллели, например, одна из групп острака с именем Калликсена, сына Аристонима, найденных на Агоре[137]. Нет сомнений в том, что, когда будут опубликованы острака с Керамика, число такого же рода групп (несколько остраконов, надписанных одним почерком) еще значительно возрастет[138].

Впрочем, вернемся к острака с северного склона Акрополя. Как надлежит их интерпретировать? Уже открывший эти памятники О. Бронир сразу выдвинул трактовку рассматриваемой группы как результата спланированной акции некой гетерии политических противников Фемистокла. В ходе акции остраконы были заготовлены для раздачи голосующим, но по какой-то причине не использованы и потому выброшены в запущенный колодец. Странно было бы, рассуждал исследователь, если бы уже использованные острака после остракофории кто-то понес с Агоры на северный склон Акрополя, чтобы там выбросить[139]. Именно эта интерпретация была с энтузиазмом воспринята подавляющим большинством исследователей и на сегодняшний день

---

136 *Harvey F. D.* Literacy... P. 592.

137 *Lang M.* Ostraka... P. 161. Ср.: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 186.

138 Ряд важных примеров см.: *Brenne S.* Die Ostraka... S. 77—80.

139 *Broneer O.* Excavations... P. 243.

фактически получила статус communis opinio[140]. Долгое время она казалась настолько очевидной, что просто никем не оспаривалась и не подвергалась сомнению. О трактовке, впервые предложенной Брониром, можно говорить уже как о чем-то хрестоматийном, вошедшем и в труды общего характера, и в учебные пособия (мало какое из них обходится без упоминания — зачастую с иллюстрациями — остраконов против Фемистокла из рассматриваемой здесь группы и их соответствующего объяснения)[141]. И вправду, казалось бы, чего проще: хитроумные политиканы заготавливают остраконы для того, чтобы обеспечить изгнание своего соперника (в данном случае Фемистокла). А затем либо их махинация оказывается раскрытой, либо же выясняется, что черепков заготовлено слишком много, после остракофории остаются лишние, и этот излишек выбрасывается.

Однако вышеописанная реконструкция ситуации явно не свободна от слабых мест и вызывает у нас серьезные сомнения по целому ряду причин, которые здесь необходимо перечислить. Во-первых, она опирается на крайне упрощенные представления о политической жизни в Афинах V в. до н. э., согласно которым афинский демос был не более чем послушным орудием в руках той или иной политической группировки, безропотно и бездумно принимая из ее рук надписанные остраконы по причине их привлекательного внешнего вида. С этим сложно согласиться: думается, граждане наиболее демократического полиса Эллады обладали все-таки значительно большей степенью политической сознательности и самостоятельности, принимая столь важные решения вполне осмысленно[142].

---

[140] Например: *Larsen J.A.O.* The Origin and Significance... P. 173; *Raubitschek A.E.* Athenian Ostracism... P. 116; *Forrest W.G.* The Emergence... P. 200; *Guarducci M.* Op. cit. V. 2. P. 526; *Staveley E.S.* Op. cit. P. 114; *Lenardon R.J.* The Saga... P. 48; *Finley M.I.* Politics... P. 50; *Camp J.M.* The Athenian Agora... P. 59; *Mossé C.* La démocratie... P. 147; *Eadem.* Dictionnaire... P. 359; *Meiggs R., Lewis D.* Op. cit. P. 43; *Sinclair R.K.* Op. cit. P. 170; *Buitron-Oliver D., Camp J.M.* Op. cit. P. 101; *Petzold K.E.* Op. cit. S. 168.

[141] Один из недавних примеров: *Карпюк С. Г.* Лекции по истории Древней Греции. М.,1997. С. 72. Автор считает, что находка острака, о которых идет речь, свидетельствует «о зачатках политической пропаганды в этот период». Нам трудно понять, что же специфически пропагандистского могло быть в заготовке остраконов и их раздаче неграмотным согражданам. Если воспринимать острака с северного склона Акрополя как работу гетерии, то скорее уж нужно говорить не о «политической пропаганде», а о «политической фальсификации».

[142] Согласно популярному в античной традиции анекдоту об Аристиде и неграмотном крестьянине, о котором подробнее речь пойдет чуть ниже, даже этот неграмотный крестьянин имел вполне четкое представление о том, кого именно он хотел бы изгнать. Другое дело, что он всерьез не задумывался над мотивами такого своего выбора. Но, во всяком случае, он, несомненно, не взял бы от какого-нибудь «доброжелателя» черепок с чьим попало именем.

Во-вторых, несмотря ни на что, в рамках упомянутой концепции так и остается неясным, что же могло помешать «реализации» заготовленных острака, которые, согласно Брониру, скорее всего даже не были вынесены на Агору в день остракофории. Уличены организаторы подтасовки? Остались лишние черепки? Всё это — чистые догадки, не находящие опоры в источниках и к тому же исходящие из современных нам представлений о тайном голосовании. При остракизме же не было, как мы видели выше (п. 1 данной главы) каких-то специальных правил, которые запрещали бы голосующему принимать остракон из чужих рук.

В-третьих, Бронир, исходя из предельно четкой стратиграфии содержимого колодца на северном склоне Акрополя, отнес найденные в нем острака к 482 г. до н. э.[143], и сомневаться в этой датировке, кажется, нет оснований. Иными словами, они были заготовлены для той остракофории, в ходе которой решалось, кто из двух оставшихся в Афинах крупных политических лидеров — Фемистокл или Аристид — должен будет отправиться в десятилетнее изгнание, оставив своего соперника полновластным хозяином положения дел в городе. Таким образом, заготовка острака против Фемистокла неизбежно оказывалась бы делом рук группировки Аристида. Но подобного рода электоральная фальсификация решительно противоречила бы всему, что сообщает античная традиция, начиная уже с Геродота (VIII.79), о безупречном политическом и моральном облике Аристида, — конечно, если мы придаем этой традиции хоть какое-то значение.

Итак, возможна ли какая-то альтернативная трактовка рассматриваемой группы памятников? Кажется, теперь на этот вопрос можно дать положительный ответ. Как мы уже отмечали, после находки Бронира стали известны и другие группы острака (хотя и меньшие по количеству), надписанных одинаковыми почерками, например, ряд остраконов с именем Калликсена[144]. Такого рода казусы еще тоже не выходили за рамки концепции гетерии. Однако совсем недавно, когда начали появляться публикации некоторых острака с Керамика, стали известны случаи, при которых одним и тем же почерком надписаны остраконы против *разных* лиц (Мегакла, сына Гиппократа, и Аристида, сына Ксенофила; того же Мегакла и Калликрата, сына Лампрокла)[145]. И вот это уже было принципиально новым и важным фактом: совершенно ясно, что такого рода ситуации не могут быть объяснены сознательной заготовкой в недрах той или иной политической группировки. Объяснение должно быть иным.

В свете вышесказанного не случайно, что в последние годы целый ряд исследователей[146] стал высказывать предположения о наличии в день ост-

---

[143] *Broneer O.* Excavations... P. 242.

[144] Интересно, что острака, надписанные одинаковым почерком, найдены также в Херсонесе Таврическом: *Vinogradov J. G.* Pontische Studien... S. 397 ff.

[145] *Brenne S.* Ostraka and the Process... P. 13 ff.

[146] *Lang M.* Ostraka... P. 161; *Phillips D. J.* Observations... P. 135—136; *Brenne S.*

ракофории на Агоре профессиональных писцов, предлагавших желающим свои услуги и при этом не являвшихся агентами той или иной группировки, то есть не заинтересованных в исходе голосования и потому объективных. Трудно сказать, было ли появление таких писцов государственным почином. На наш взгляд, это маловероятно; скорее следует говорить о проявлении частной инициативы. Писцы могли надписывать острака (очевидно, за плату, которая, впрочем, вряд ли была значительной) для тех из граждан, кто не мог или не хотел сделать это сам, а также продавать заранее заготовленные экземпляры (последнее было даже практичнее), что для нас особенно важно.

Здесь-то и лежит возможность альтернативной интерпретации группы остраконов с именем Фемистокла, открытых на северном склоне Акрополя, — интерпретации, свободной от слабостей, свойственных ранее предлагавшейся трактовке этих памятников. Если попытаться теперь объяснить конкретный факт появления 190 (как минимум) черепков-«бюллетеней», направленных против одного лица и надписанных ограниченным числом почерков, то получится примерно следующая (безусловно, в известной мере гипотетическая) реконструкция.

В преддверии остракофории 482 г. до н. э. хозяин некой афинской ремесленной мастерской, — судя по всему, гончарной, о чем говорит упоминавшееся выше единообразие керамического материала рассматриваемых здесь острака, — решил воспользоваться грядущим мероприятием для несложного и доходного «бизнеса», поскольку по итогам нескольких уже прошедших к тому времени остракизмов (487—484 гг. до н. э.) стало ясно, что многие афинские граждане готовы приобретать готовые «бюллетени»: для кого-то из них написать на черепке имя своего «кандидата» составляло серьезную проблему, у кого-то были иные резоны. Из отходов мастерской были отобраны лучшие, самые красивые и единообразные черепки (в основном изящные круглые базы киликов и скифосов, а также цельные, чуть попорченные маленькие сосуды), чтобы с наибольшим успехом привлечь покупателей (кому неизвестно эстетическое чувство древних греков) и тем облегчить реализацию товара. Работа закипела; в ней приняли участие, видимо, гончары и вазописцы той же мастерской: из надписей на аттических вазах известно, что мастера-керамисты отличались хорошим почерком и грамотностью.

Несмотря на то, что никаких заранее назначенных «официальных» кандидатов на остракизме не было, в данном конкретном случае, в 482 г. до н. э., в силу сложившихся обстоятельств задолго до дня остракофории всем афинянам были уже прекрасно известны имена двух политиков, чья судьба должна была решаться в ее ходе, — Фемистокла и Аристида. Таким обра-

---

Ostraka and the Process... P. 18; *Idem.* Ostrakismos und Prominenz... S. 28. Как и в ряде других случаев, еще задолго до появления групп острака, о которых идет речь, догадку о писцах на остракофориях высказал А. Раубичек: *Raubitschek A. E.* Athenian Ostracism... P. 120.

зом, ошибиться при надписывании остраконов было просто невозможно. Может быть задан вопрос, почему все дошедшие до нас острака этой группы несут имя Фемистокла, а Аристид не упомянут ни на одном из них? На этот вопрос возможно несколько вариантов ответа. Не исключено, что инициатор акции, владелец мастерской, как человек зажиточный и, нужно полагать, респектабельный, лично не симпатизировал «выскочке» из Фреарр. С другой стороны, не менее (если не более) вероятно, что первоначально в мастерской были надписаны остраконы против обоих «кандидатов», но черепки, направленные против Аристида, полностью разошлись: не будем забывать, что ведь именно он был изгнан в 482 г., то есть получил наибольшее количество голосов[147].

После окончания остракофории 190 остраконов, оставшиеся нераспроданными, были унесены с Агоры и выброшены в колодец на северном склоне Акрополя (возможно, неподалеку находилась мастерская, где они были изготовлены). Эти-то памятники и оказались ныне в распоряжении ученых.

Еще раз подчеркнем, что предложенная реконструкция событий[148] представляет собой гипотезу. Впрочем, необходимо отметить, что она не более гипотетична, нежели общепринятая интерпретация тех же памятников и, стало быть, имеет не меньшее право на существование, к тому же позволяя снять некоторые сложности и противоречия, задаваемые этой традиционной трактовкой. Если попробовать в двух словах изложить «сухой остаток» нарисованных выше красочных картин, то следует сказать следующее. В наши планы отнюдь не входит отрицать (да это было бы и просто несерьезно), что в период подготовки и проведения остракофории развертывалась самая жесткая и острая борьба политических группировок, лидеры которых, собственно, в первую очередь подвергались опасности быть изгнанными. В борьбе этой, как говорится, все средства были хороши, и без применения нечистоплотных средств и методов, конечно, не обходилось. Тенденциозная пропаганда, дискредитация противников, навешивание ярлыков — всё это было, и об этом у нас подробнее пойдет речь в следующей главе. Позволим себе усомниться лишь в использовании столь грубо-прямолинейных махинаций, какой была бы заготовка надписанных против конкретного лица в политических целях остраконов и раздача (насильственная?!) их согражданам.

Постараемся резюмировать сказанное по возможности в наименее категоричной и наиболее мягкой форме: по меньшей мере часть случаев, когда одним и тем же почерком надписаны несколько остраконов, нельзя относить на счет деятельности гетерий. Их следует трактовать как продукт работы писцов с банальной целью получения дохода.

---

[147] Известно более сотни острака с именем Аристида, но все они относятся не к остракизму 482 г. до н. э., а к другим остракофориям и, следовательно, не могут использоваться в качестве материала для сопоставления почерков.

[148] Впервые предложена нами в работе: *Суриков И. Е.* К интерпретации острака... С. 30 слл.

* * *

А теперь, после сказанного о писцах, резонно задаться вопросом: почему вообще на остракофории возникала потребность в них? Ответ, который напрашивается в первую очередь и выглядит наиболее заманчивым, заключается в том, что среди афинских граждан было много неграмотных, и они были вынуждены привлекать других лиц, чтобы сделать надпись на остраконе[149]. Сразу припоминается знаменитый анекдот об Аристиде и неграмотном крестьянине, о котором здесь и следует сказать несколько слов.

Анекдот, о котором идет речь, был весьма популярен в нарративной традиции и встречается, с теми или иными модификациями и варьированием деталей, у целого ряда авторов. Сам мотив должен быть признан весьма ранним и, возможно, даже аутентичным; во всяком случае, нет серьезных оснований отвергать достоверность эпизода, о котором идет речь[150]. Первое упоминание о нем мы встречаем в I в. до н. э., у Корнелия Непота, но римский биограф, несомненно, не сам придумал описываемый им случай, а встретил его у кого-то из более древних писателей и только, вероятно, подверг собственной обработке. Непот рассказывает (Aristid.1), что Аристид во время остракофории заметил на месте голосования какого-то человека, пишущего на черепке его имя для изгнания (animadvertisset quendam scribentem, ut patria pelleretur). Спросив писавшего, почему он это делает и почему считает Аристида достойным такого наказания, он получил ответ: с Аристидом пишущий незнаком, но ему не нравится, что тот очень уж старается слыть справедливым. Таким образом, в этой, самой ранней из дошедших до нас версий анекдота, вообще нет упоминаний ни о каком неграмотном крестьянине. Человек, желающий изгнать Аристида, наносит надпись сам и никого не просит это сделать.

Следующий автор, у которого появляется интересующий нас анекдот, — это, как и следовало ожидать, Плутарх — большой любитель подобного рода историй. У него эпизод рассказан значительно подробнее и, что самое главное, с принципиальными отличиями от повествования Непота. Именно у Плутарха (Aristid.7) заходит речь о неграмотном и невежественном крестьянине (τινὰ τῶν ἀγραμμάτων καὶ παντελῶς ἀγροίκων), который, не будучи знакомым с Аристидом, обращается к нему с просьбой надписать его же имя (παρακαλεῖν, ὅπως Ἀριστείδην ἐγγράψειε). Аристид, задав уже известный нам вопрос и получив примерно такой же, как у Непота, ответ, надписывает черепок против себя самого и отдает крестьянину. Сходным образом, но несколько короче, изложен эпизод и в «Моралиях» Плутарха (186ab), где собеседник Аристида тоже назван неграмотным крестьянином ἄνθρωπος ἀγράμματος καὶ ἄγροικος).

---

149 Ср.: *Boegehold A. L.* Toward a Study... P. 368.

150 *Harvey F. D.* Literacy... P. 592. Противоположное мнение (без специальной аргументации) см.: *Finley M. I.* Politics... P. 50.

В дальнейшем в традиции восторжествовала именно плутарховская версия анекдота. Ей следует в начале III в. н. э. Флавий Филострат, упоминая в «Жизни Аполлония Тианского» (VII.21) о данном эпизоде. Впрочем, описание ситуации у Филострата грешит некоторыми несообразностями. По его словам, встреча крестьянина и Аристида произошла, когда последнего изгоняли черепками, причем в тот момент, когда Аристид уже был за городской стеной (ἔξω δὲ τείχους ἤδη ὄντι). Таким образом, Аристид уже был изгнан и удалялся из Афин? А зачем же тогда нужно было надписывать против него еще один черепок, который все равно уже ничего не решал? Как бы то ни было, сообщение Филострата свидетельствует о том, что анекдот об Аристиде и крестьянине достиг к его времени такой популярности, что стал общим местом, риторическим топосом, привлекающимся в парадигматических целях. Филострат называет крестьянина человеком, не знавшим ни Аристида, ни самого искусства письма (οὔτε τὸν ἄνδρα εἰδὼς οὔτ' αὐτὸ τὸ γράφειν).

Пересказ того же эпизода в лексиконе «Суда» (s.v. Ἀριστείδης) краток, лишен детализации и в целом следует плутарховскому образцу. Что же касается писателей поздневизантийского времени (Иоанна Цеца, Феодора Метохита), то они, напротив, разукрашивают анекдот множеством деталей чисто риторического характера, при этом имея уже довольно расплывчатые представления о подлинных реалиях жизни демократических Афин V в. до н. э.[151] Цец (Chil.XIII.441 sqq.), называющий собеседника Аристида человеком мерзким и неграмотным (τὶς μιαρός, ἀγράμματος), рассказывает прямо-таки целую остросюжетную историю, не имеющую ни малейшей опоры в аутентичных источниках предшествующих эпох. Местом подачи остраконов почему-то оказывается не Агора, а Киносарг, в который при этом черепки нужно бросать (очевидно, Киносарг в представлении Цеца был какой-то ямой). В ответ на просьбу крестьянина надписать черепок Аристид безмолвно делает это, а уже потом, когда черепок брошен, обращается к проголосовавшему с традиционным вопросом о причинах такого выбора. Тот отвечает, что поступил так, следуя примеру всех остальных. В это время кто-то из толпы дает невежде знать, что он разговаривает с самим Аристидом. Смутившись, крестьянин хочет пойти и забрать свой черепок, но Аристид не позволяет ему это сделать, более того, ищет для него еще один остракон, поскольку хочет скорее быть изгнанным и оказаться подальше от столь неблагодарно ведущих себя по отношению к нему сограждан.

Несколько иную риторическую обработку того же эпизода встречаем у Метохита (Misc.p.609 sqq. Müller — Kiessling). В его многословном и морализующем изложении голосование происходит в булевтерии. Собеседник Аристида назван крестьянином из сельского дема, не умеющим писать (τινὰ τῶν ἀγροτικῶν δημοτῶν... μὴ εἰδότα γράφειν), врагом справедливости, невежественным и грубым гражданином (τὸν ἐχθρὸν τῆς δικαιοσύνης ἐκεῖνον καὶ ἀμαθῆ, καὶ

[151] Ср.: *Суриков И. Е.* Долгая память... С. 139.

ἀγροῖκον πολίτην). В общем, автор не жалеет для него негативных эпитетов. Мотивы, по которым этот человек, согласно Метохиту, хочет голосовать против Аристида, в целом те же, что у Плутарха и Непота.

Осуществленный здесь экскурс в историю развития мотива в нарративной традиции на протяжении более чем тысячелетия небезынтересен в том плане, что он демонстрирует, как изначально реальный в своей основе (или, во всяком случае, вполне правдоподобный) эпизод начинает жить собственной жизнью, обрастает красочными фиктивными подробностями, становится поводом для высказывания тем или иным писателем своих этических взглядов. Нас же в данном случае интересует, насколько известие об Аристиде и неграмотном крестьянине способно повлиять на общую оценку уровня грамотности в демократических Афинах V в. до н. э. Признавая достоверность инцидента, следует ли полагать, что неумение писать было в афинском полисе рассматриваемого времени распространенным, массовым явлением, что перед нами — типичный случай? Насколько можно судить, это отнюдь не так. Совершенно справедливо замечает Э. Бернс, посвятивший специальную статью данной проблематике, что анекдот, если он не является поздней выдумкой, свидетельствует как раз о противоположном, подчеркивает почти поголовную грамотность среди гражданского населения. Ведь крестьянин, будучи не в силах собственноручно надписать черепок, не долго думая подошел к первому попавшемуся, незнакомому ему человеку, будучи вполне уверен, что тот сможет помочь[152].

Здесь, наверное, уместно будет сказать несколько слов о грамотности в классических Афинах. При оценке ее степени мы будем опираться на цитировавшиеся выше работы тех исследователей, которые, на наш взгляд, подошли к проблеме наиболее взвешенно и с которыми мы, соответственно, солидаризируемся, — Ф. Харви и Э. Бернса. Они отмечают, что афинская демократия с ее прямым, а не представительным характером в меньшей степени нуждалась во всеобщей грамотности граждан, нежели современные демократические государства. Не существовало прессы, а, стало быть, и «широкой читающей публики», большинство общественных мероприятий имело устный характер, не было государственной системы образования[153]. Нельзя отрицать, что встречались члены гражданского коллектива, не владевшие искусством чтения и письма. Тем не менее их с полным основанием можно считать исключениями, а подавляющее большинство афинских граждан с конца VI в. до н. э. было грамотным. Кстати, одним из наиболее сильных аргументов в пользу этого явля-

---

152 *Burns A.* Op. cit. P. 382.

153 Ср. также: *Jones J. W.* Op. cit. P. 9—10. В IV в. до н. э. роль письменного элемента во всех областях общественной жизни возрастает по сравнению с предшествующим столетием: *Seidensticker B.* Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // AD. S. 197; *Wallace R. W.* Speech, Song and Text, Public and Private. Evolutions in Communications Media and Fora in Fourth-Century Athens // AD. S. 206—207.

ется как раз институт остракизма[154]. Легко заметить, что данная процедура предполагает всеобщую (или почти всеобщую) грамотность граждан как едва ли не самое необходимое условие самого ее проведения. Действительно, если бы сколько-нибудь значительная часть гражданского коллектива оказывалась неграмотной и была вынуждена пользоваться для надписывания черепков-«бюллетеней» услугами других лиц, разве вся остракофория не превращалась бы в сплошную фикцию? Допустим, тот же неграмотный крестьянин из сельского дема дает свой остракон писцу, или знакомому, или первому встречному. Как он может проверить, что ему написали именно то имя, которое он хотел, что не совершен подлог? А если таких случаев будет много, кто может поручиться, что массовые фальсификации не повлияют на общий результат голосования? Следует полагать, что Клисфен, вводя закон об остракизме и распространяя право участия в остракофории на всю массу граждан, не мог не иметь в виду возможность таких злоупотреблений, равно как не могли не иметь ее в виду участники народного собрания, принимая этот закон. И если он все-таки был принят, то это верный знак того, что демос на рубеже VI—V вв. до н. э. был уверен: ему под силу участие в остракизме, уровень грамотности (хотя бы элементарной) достаточно высок, чтобы волеизъявление на остракофории имело сознательный и объективный характер. Кстати говоря, у нас есть сильное подозрение, что крестьянин из анекдота об Аристиде (сразу оговорим — если признавать наличие в этом анекдоте исторического ядра) не умел или почти не умел писать, но, во всяком случае, должен был уметь читать: иначе как он мог бы удостовериться, что на возвращенном ему черепке стоит имя нелюбезного ему политика, а не чье-нибудь иное?

Развитая демократия (а вряд ли кто-нибудь будет спорить с тем, что классическая афинская демократия была развитой) немыслима без массовой грамотности. Участие в политической жизни, занятие магистратур, которое в V—IV вв. до н. э. было доступно всем членам гражданского коллектива афинского полиса, предполагало владение в тех или иных пределах искусством чтения и письма. Неграмотность служила предметом шуток, высмеивания в комедиях и т. п. (например, Aristoph.Equ.188 sqq.)[155]. Отнюдь не случайно, что в надписях на острака мы находим большое разнообразие. Используются различные направления письма, от обычного до бустрофедона, буквы различных алфавитов (староаттического, ионийского). Все это свидетельствует о широком распространении грамотности в различных слоях населения, не только в кругу элиты. И пусть порой надписи выглядят неуклюже, встречаются ошибки и фальстарты, — дело здесь не только (пожалуй, даже не столько) в малограмотности, но и в трудности процарапывания букв на глиняных черепках. А самое главное — сколько бы ошибок ни делали те или иные граждане, писать они все же умели. Пусть их грамотность находилась на невысоком уровне, но назвать их неграмотными все же никак нельзя.

---

[154] *Марру А.-И.* Ук. соч. С. 70.

[155] *Burns A.* Op. cit. P. 385.

Следует отметить, что в последнее время, к сожалению, в историографии распространилась тенденция преуменьшать степень грамотности афинского гражданского населения в классическую эпоху[156]. Авторы этого направления, на наш взгляд, впадают в досадные крайности, в определенной степени примитивизируя социум демократических Афин. Они особенно настаивают на том, что это было традиционное, аграрное общество, в котором культура, в том числе и политическая, неизбежно должна была иметь устный характер[157]. В афинском полисе, считают они, просто неоткуда было взяться массовой грамотности, поскольку не было государственной системы образования. Последний факт, бесспорно, соответствует действительности, но совершенно непонятно, почему нужно делать из него столь далеко идущие импликации. Государственных школ не было, но была широкая сеть доступных практически всем частных учебных заведений, в которых, собственно, и получали образование все афиняне. Нам кажется, этот факт настолько очевиден и общеизвестен, что игнорирование его не может не удивить. И почему дать самые начатки знаний (а большего и не нужно для того, чтобы уметь написать несколько слов на черепке) может только государственная школа?

Большинство афинских граждан, как полагает, например, Ч. Хедрик, не могло даже прочесть надписи общественного характера, в огромном количестве выставленные повсюду на территории города. Тем более что стойхедон вообще трудно читается: ведь в нем не делалось разрывов между словами. Надписи, таким образом, вырезались не для того, чтобы их читали, а для того, чтобы служить своего рода символами демократии[158]. Всё в подобном рассуждении выглядит более чем странным. Изготовлять надписи, размером порой в сотни строк, и при этом предназначенные не для чтения, а для чего-то другого? Это отдает абсурдом. А относительно того, что стойхедон трудно читать, — этот тезис вопиюще субъективен. Из того, что его с трудом читает современный ученый, отнюдь не вытекает, что над ним так же мучился древний грек. В рамках любой письменной культуры достаточно легко читать те формы письма, к которым представители данной культуры приучены с детства, и, соответственно, нелегко — те, к которым они не приучены. Европейцу, изучающему, скажем, арабский язык, с немалыми усилиями дается его алфавит, а сами арабы, естественно, понимают его знаки без каких-либо проблем, но, с другой стороны, надо думать, испытывают аналогичные сложности при овладении латиницей. В древнерусской пись-

---

156 Из работ, в которых отразилась эта тенденция: *Harris W. V.* Op. cit.; *Hedrick Ch. W.* Writing and the Athenian Democracy // BD. P. 7—11; *Idem.* Writing, Reading, and Democracy // RFP. P. 157—174. Менее категорично: *Thomas R.* Oral Tradition... P. 15—34; *Lazzarini M. L.* La scrittura nella città: iscrizioni, archivi e alfabetizzazione // I Greci: Storia, cultura, arte, società. V. 2.II. Torino, 1997. P. 750.

157 *Thomas R.* Literacy and Orality... P. 155.

158 Ср. также: *Thomas R.* Literacy and the City-State in Archaic and Classical Greece // Literacy and Power in the Ancient World. Cambridge, 1991. P. 33—50.

менности, как известно, тоже не было разрывов между словами, но это ни в коей мере не мешало широкому распространению грамотности во всех слоях населения, что красноречиво демонстрируют хотя бы новгородские (а теперь уже и не только новгородские) берестяные грамоты. Вряд ли Хедрику что-либо известно об этих документах, иначе он, возможно, задумался бы о том, как в Древней Руси (общество которой было, конечно, и традиционным, и аграрным) был возможен такой высокий уровень грамотности. Не нужно мерить все цивилизации меркой европейского средневековья, в котором грамотность была действительно уделом лишь сословия духовенства. Ведь там сложилась уникальная историко-культурная ситуация двуязычия, когда живые, разговорные языки не имели письменности, а единственным письменным языком была мертвая латынь.

Ученые, представляющие тенденцию, которая здесь рассматривается, даже институт остракизма не считают возможным признать признаком широкого распространения грамотности. У. Харрис утверждает, что остракизм свидетельствует лишь об одном: из всего гражданского коллектива Афин (никак не менее 30 тысяч человек в V в. до н. э., см. Приложение III) 6 тысяч, то есть явное меньшинство, умели писать. Да и это умение было весьма ограниченным; следует говорить не грамотности афинских граждан в полном смысле слова, а об их «полуграмотности» (semi-literacy)[159]. И опять мы встречаемся с целым рядом явных передержек. На остракофории, как нам уже доводилось говорить выше, приходили, как правило, отнюдь не 6 тысяч граждан (даже если считать это число кворумом, для чего недостаточно оснований), а значительно большее их количество. И далее, что такое «полуграмотность», и кто возьмется провести черту между нею и грамотностью в полном смысле слова?[160] На наш взгляд, уместнее говорить о разных ступенях владения искусством чтения и письма. Грамотен, бесспорно, человек, способный самостоятельно воспроизвести сложный написанный текст. Но грамотен, хотя и по-своему, также человек, который в принципе знает буквы и может сделать короткую надпись. Строго говоря, «полуграмотным» стоило бы назвать человека, который умеет читать, но не писать. Такие случаи теоретически не невозможны, но в реальной действительности встречались, очевидно, весьма редко.

Кстати, Харрис применяет для оценки того, в каких случаях можно говорить о грамотном субъекте, а в каких — нет, те критерии, которые используются в современных США. Столь откровенная и прямолинейная модернизация вызывает невольную улыбку. Впрочем, даже если подходить к классическому афинскому обществу с подобного рода современными мерками, окажется ли, что оно в интересующем нас отношении было существенно примитивнее обществ нынешнего «просвещенного» времени? Типичный высокомерный взгляд сноба XX века на людей более ранних эпох и цивилизаций, не

---

[159] Об этой «полуграмотности» массы граждан см. также: *Finley M. I.* Politics... P. 31.
[160] Ср.: *Thomas R.* Oral Tradition... P. 15—16, 19.

имеющий под собой серьезных оснований. По заслуживающему доверия свидетельству Платона (Apol.26de), в Афинах второй половины V в. до н. э. существовали книжные лавки, в которых можно было купить (и недорого) сочинения Анаксагора. Нужно полагать, что ради одного Анаксагора торговлю устраивать бы не стали, и, значит, наряду с ним продавались произведения и других авторов — философов, историков, поэтов. А коль скоро это так, стало быть, эта продукция находила спрос среди афинских граждан. Теперь зададимся несложным вопросом: многие ли из наших современников готовы читать — ну, пусть не архаичного Анаксагора, а хотя бы кого-нибудь из современных мыслителей, Хайдеггера, например? Ответ, думается, ясен, и ответ этот явно не в нашу пользу. Не так-то и далеко ушли мы от греков (и еще неизвестно, в какую сторону), чтобы позволить себе смотреть на них свысока. В демократическом полисе, каким были Афины, интеллектуальная жизнь буквально бурлила (а иначе и быть не могло), захватывая отнюдь не только элиту, но и широкие слои гражданства. Ярко демонстрирует это аттическая трагедия Эсхила, Софокла, Еврипида, которая ставила глубочайшие этические, религиозные, философские проблемы и при этом была в полном смысле слова массовым жанром[161]. Это было бы вряд ли возможно без повсеместного распространения грамотности.

Итак, не неграмотность была главной причиной, по которой в день остракофории на Агоре появлялись писцы. Значительно более важен, как нам представляется, фактор, на который уже указывали в том или ином контексте некоторые специалисты[162]. Процарапать на глиняном черепке хотя бы несколько слов — дело не такое уж простое и быстрое. При этом многие граждане (но, конечно, не все) наверняка желали видеть надпись на своем остраконе по возможности четкой, разборчивой (чтобы магистраты при подсчете голосов не могли допустить ошибку), да и просто опрятной. А ведь далеко не у каждого хватало умения и терпения, чтобы самому сделать такую надпись. Вот тут-то на помощь и приходили писцы. Для определенной категории афинян, судя по всему, было предпочтительнее заплатить небольшую сумму и купить красивый остракон с разборчивой и ясной надписью, нежели трудиться над изготовлением такового, при этом не имея уверенности, что получится так же хорошо. Ведь и мы в определенных ситуациях прибегаем к услугам писцов или заменивших их типографий (например, чтобы сделать надпись на поздравительном адресе юбиляру, изготовить визитные карточки и т. п.), и при этом отнюдь не потому, что мы неграмотны. Просто далеко не каждый человек — каллиграф. Аналогичным образом дело обстояло и в античности.

---

[161] Иначе как безответственным не можем назвать утверждение Р. Уоллеса, что афиняне V в. до н. э. якобы «не понимали» свою драматическую поэзию: *Wallace R. W.* Speech, Song and Text... P. 204.

[162] *Larsen J. A. O.* The Origin and Significance... P. 173; *Harvey F. D.* Literacy... P. 592; *Burns A.* Op. cit. P. 382; *Harris W. V.* Op. cit. P. 54.

* * *

Настало время подвести итоги пункта.

1. Вопреки общераспространенному мнению, далеко не все известные случаи остраконов, заготовленных заранее, можно списать на деятельность гетерий и попытки политических манипуляций голосованием. В ряде случаев со значительно большей долей вероятности можно говорить о том, что эти остраконы были изготовлены писцами, торговавшими ими на остракофориях.

2. К услугам этих писцов афинские граждане прибегали не потому, что были в своей массе неграмотны (это ни в малейшей мере не соответствует действительности), а потому, что нанесение надписи на остраконе было сопряжено с определенными сложностями, и порой приобретение готового надписанного «бюллетеня» представлялось наиболее легким выходом из положения.

ГЛАВА IV

ОСТРАКИЗМ В АФИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

1. О некоторых особенностях политической жизни Афин V в. до н. э.

Мы выходим на один из ключевых аспектов нашего исследования. Какое место занимал остракизм в контексте политической борьбы в классических Афинах? Каковы были его функции, и оставались ли эти функции неизменными или же претерпевали какую-либо эволюцию? Можно ли наметить определенные этапы в истории института остракизма в связи с теми или иными модификациями политических конфликтов в полисе? На эти и некоторые другие вопросы мы попытаемся ответить в рамках данной главы. Но предварительно нам кажется необходимым затронуть проблему более общего характера и сказать несколько слов об основных особенностях политической (и в целом общественной) жизни Афин на протяжении того столетия, когда функционировал остракизм в своей «классической» форме, то есть V века до н. э. Обращение, хотя бы в ограниченных пределах, к подобного рода тематике, является, насколько можно судить, не только оправданным, но и просто неизбежным — постольку, поскольку мы хотим изучать исторический феномен не в «вакууме», а в имманентной ему обстановке. В дальнейшем изложении автор будет опираться как на собственные наблюдения, так и на результаты, достигнутые предшествующей работой поколений антиковедов.

Впрочем, сразу следует оговорить, что афинская политическая борьба V в. до н. э., на наш взгляд, изучена в историографии недостаточно, во всяком случае, меньше, чем этот предмет заслуживает. Специалисты значительно чаще обращались к вопросам, связанным с борьбой общественных группировок в следующем столетии, в IV в. до н. э. — как в его начале, так и (особенно) в эпоху Демосфена и афино-македонского противостояния. На эти темы появлялось и продолжает появляться большое количество высококомпетентных работ, которые во многом вносят ясность в сложные и дискутируемые вопросы, правильно расставляют акценты в оценке тех или иных имевших место процессов. Вряд ли здесь имеет смысл перечислять все или значительную часть этих работ; достаточно будет назвать несколько фамилий исследователей самого последнего времени. Внутриполитическая проблематика IV в. до н. э. освещалась, в числе многих других авторов, в трудах М. Хансена[1],

---

[1] Например: *Hansen M. H.* The Athenian Assembly... P. 49—93; *Idem.* Die athenische Demokratie...

Б. Страусса[2], Р. Сили[3] и в первую очередь, конечно, К. Моссе[4]. Она занимает важное место в фундаментальном сборнике статей «Афинская демократия в IV в. до н. э.», вышедшем в 1995 г.[5] В российском антиковедении наиболее углубленно занималась ею Л. П. Маринович, предложившая новую, оригинальную интерпретацию политической борьбы, характерной для эпохи, о которой идет речь[6].

V веку до н. э., первому столетию афинской демократии, повезло в этом плане меньше: он не вызывал per se столь же пристального внимания ученых. Мы ни в коей мере не хотим сказать, что политическая борьба на этом хронологическом отрезке не изучалась и не анализировалась. Такое изучение, бесспорно, происходило, но по большей части в рамках не специальных, а общих работ по истории Афин и Греции в классическую и позднеархаическую эпохи (из работ последних десятилетий можно отметить монографии В. Эренберга, П. Бикнелла, Р. Сили, Э. Штейн-Хёлькескамп, Дж. Обера, Р. Синклера, Р. Литтмана и др.)[7]. Несравненно меньше исследований (особенно если говорить о монографических исследованиях), которые посвящены всецело V в., его общественной жизни, борьбе группировок, характеру основных политических конфликтов в этот период.

Основополагающей и по сей день остается вышедшая около трех десятилетий назад книга У. Р. Коннора «Новые политики в Афинах V века»[8]. Ее главным предметом является появление в афинском полисе ближе к концу столетия политических деятелей «нового типа» (таких, как Клеон, Гипербол, Клеофонт и т. п.), характеризовавшихся существенными отличиями в целом ряде отношений от более ранней, традиционной аристократической политической элиты. Но именно поэтому исследователю и приходится весьма подробно разбирать вопрос о том, что представляла собой политическая жизнь Афин при этой старой элите и после появления «новых политиков», какие методы борьбы и механизмы приобретения власти и влияния были ей свойственны. Большинство выводов, к которым приходит Коннор, и по сей день не утратили значения; в свое время они звучали полемически и даже парадоксаль-

---

[2] *Strauss B. S.* Op. cit. Passim.

[3] *Sealey R.* Demosthenes and his Time: A Study in Defeat. Oxf., 1993.

[4] Моссе посвятила различным аспектам политической борьбы в Афинах IV в. до н. э. очень большое количество важных работ. Назовем здесь несколько из числа самых последних: *Mossé C.* La classe politique...; *Моссе К.* Демосфен как тип афинского политика // ВДИ. 1996. № 2. С. 20—25.

[5] К оценке этого сборника и построений его авторов см.: *Суриков И. Е.* Новая концепция афинской истории IV в. до н. э. // ВДИ. 1996. № 4. С. 235—245; *Маринович Л. П.* Закон и власть...

[6] В ряде статей и в монографии: *Маринович Л. П.* Греки... С. 56—134.

[7] *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates: Greek History and Civilization during the 6th and 5th Centuries B.C. L.,1968; *Bicknell P. J.* Studies...; *Sealey R.* A History...; *Stein-Hölkeskamp E.* Op. cit. ; *Ober J.* Mass and Elite...; *Sinclair R. K.* Op. cit. ; *Littman R. J.* Op. cit.

[8] *Connor W. R.* The New Politicians...

но, а в настоящее время стали уже во многом общепринятыми. Книгу о «новых политиках» ныне можно считать классической; без ссылок на нее не обходится теперь ни одно исследование по истории классической Греции.

Весьма ценной (хотя и небесспорной в некоторых своих выводах) представляется нам также монография Э. Рушенбуша «Афинская внутренняя политика в V в. до н. э.: идеология или прагматизм?»[9]. На вопрос, поставленный в подзаголовке, автор дает однозначный ответ в пользу второй из двух представленных альтернатив: афинские политические деятели интересующей нас эпохи руководствовались в своих действиях не идеологическими постулатами (типа «продемократической», «антидемократической» и т. п. позиций), а прагматическими соображениями. Соответственно, Рушенбуш считает, что формирование демократии в Афинах было не результатом некоего продуманного, долго и тщательно выполнявшегося плана, а в некоторой степени исторической случайностью.

Отдельные аспекты и эпизоды внутриполитической афинской истории V в. до н. э. анализировались в довольно давнем, но не утратившем своего значения исследовании Г. Престеля[10], в небольшой книге Д. Найта[11], сравнительно недавно — в книге Ч. Форнары и Л. Сэмонса[12]. В фундаментальной монографии М. Оствальда речь идет о соотношении политической жизни и закона в Афинах этого столетия[13]. Книга Э. Бадиана о Пентеконтаэтии[14], хотя и посвящена в основном внешнеполитической проблематике, тем не менее неизбежно уделяет определенное внимание и вопросам политической борьбы внутри полиса. Интересные наблюдения относительно общего характера этой борьбы содержатся в исследовании Р. Томсена о происхождении остракизма[15]. Необходимо упомянуть и о том, что К. Моссе, имя которой в историографии связывается преимущественно с изучением истории IV в. до н. э., внесла свой вклад — пусть не столь интенсивный, но не менее успешный — и в анализ особенностей политической жизни V в., уделив внимание этой проблематике в нескольких небольших, но важных работах[16].

В отечественном антиковедении последних десятилетий наибольшее значение для осмысления интересующего нас здесь круга вопросов имеют статьи принципиального характера, принадлежащие перу Э. Д. Фролова[17], А. И. Зайцева[18]. Эмпирическое исследование политической борьбы в Афинах

---

9 *Ruschenbusch E.* Athenische Innenpolitik...

10 *Prestel G.* Op. cit.

11 *Knight D. W.* Op. cit.

12 *Fornara Ch. W., Samons L. J.* Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991.

13 *Ostwald M.* From Popular Sovereignty...

14 *Badian E.* Op. cit.

15 *Thomsen R.* Op. cit. P.109 ff.

16 *Mossé C.* Die politische Prozesse...; *Eadem.* De l'ostracisme...

17 *Фролов Э. Д.* Политические лидеры...; *Он же.* Из истории политической борьбы...

18 *Зайцев А. И.* Перикл и его преемники (к вопросу о приемах политического руководства в древности) // ПДАСНВ. С. 23—28.

первого века демократии осуществляли В. М. Строгецкий[19], С. Г. Карпюк[20], наиболее углубленно концентрировавшиеся на рассмотрении тех или иных ее этапов и сторон.

Мы, разумеется, не ставим перед собой задачу перечислить всех авторов, что-либо писавших о характере политической жизни афинского полиса в V в. до н. э. Предложенный выше максимально краткий и конспективный историографический экскурс преследовал цель продемонстрировать положение, сложившееся на настоящий момент в изучении данной темы. Назвать это положение неудовлетворительным было бы, бесспорно, слишком большим преувеличением. Тема исследовалась, причем исследовалась квалифицированными специалистами и на высоком уровне. И тем не менее, повторим, V век в научной литературе находится как бы в некоторой тени IV-го, который привлекал больший интерес историков. Причины этого лежат во многом в области объективных факторов, среди которых следует назвать в первую очередь принципиально различный характер освещения источниками внутриполитической истории Афин в этих двух столетиях.

Для IV в. до н. э. у нас есть такие великолепные современные событиям памятники, как шедевры искусства красноречия, политические речи великих аттических ораторов — Демосфена, Эсхина, Гиперида и др. Эти произведения, в отличие, скажем, от исторических трудов, не дают, как правило, связной картины событий и заставляют прибегать к реконструкциям (что само по себе всегда бывает интересным и является одним из факторов частого обращения антиковедов к материалам речей), зато они не имеют себе равных в том отношении, что чрезвычайно ярко и живо, на грани субъективности и тенденциозности (а порой — и за этой гранью) рисуют картину общественной жизни, политической борьбы со всеми ее характерными нюансами. Для V в. до н. э. такого рода памятников, увы, нет, поскольку ораторы еще не записывали и не издавали речи, а произносили их экспромтом. Конечно, если бы, например, до нас дошли подлинные речи Перикла, который имел заслуженную репутацию совершенно непревзойденного оратора, можно представить, какая блестящая информация (мы говорим здесь не столько о голых фактах, сколько о духе политического ораторского искусства, о том, что не произносится expressis verbis, а читается между строк) оказалась бы в нашем распоряжении! Но мы вынуждены довольствоваться риторическими обработками нескольких перикловых речей у Фукидида.

Современные событиям источники, содержащие сведения о политической борьбе V в. — это прежде всего трактаты исторического жанра: труды Геродота, того же Фукидида, Ксенофонта (для самого конца столетия), «Афинская полития» Аристотеля. Эти памятники имеют свою несомненную специфику. С одной стороны они, в отличие от ораторских речей, как раз дают связную картину событий. Поэтому с внешней, чисто фактологической стороны

---

[19] В ряде статей и в книге: *Строгецкий В. М.* Полис и империя...

[20] *Карпюк С. Г.* Клисфеновские реформы...; *Он же.* Никий...; *Он же.* Гипербол...

внутриполитическая история Афин в V веке известна, пожалуй, даже лучше, чем в IV-м. Однако, с другой стороны, изложение авторов-историков в подавляющем большинстве случаев (за редкими исключениями, когда оказывались задеты эмоциональные струны того или иного из этих писателей) является сухим, отстраненным, лишенным красочных, столь много говорящих антиковеду нюансов и деталей. Историки классической эпохи (а ведь, наверное, каждый из них, подобно Фукидиду, в той или иной мере рассматривал свой труд как κτῆμα ἐς αἰεί) просто не снисходили до подобных «мелочей», считавшихся чем-то самим собой разумеющимся и никому не интересным; они рисовали свои полотна крупными штрихами. Только у первого из них — Геродота — еще не исчез вкус к сочной и характерной подробности. Но, к сожалению, «отец истории» доводит свое повествование лишь до 478 г. до н. э., то есть почти весь V в. остается вне пределов его внимания. Не забудем и о том, что подавляющее большинство вышеназванных историков, чьи труды дошли до нас, писали не специально об Афинах, а лишь касались дел, происходивших в этом полисе, в контексте более общих, панэллинских сюжетов (Греко-персидские войны, Пелопоннесская война и др.). Естественно, и поэтому тоже они не могли в достаточной мере детализировать свое повествование о внутриполитических афинских событиях, нарисовать целостную картину процессов, происходивших в политической жизни. В частности, такой «гранд», как Фукидид, рассказывая о Пентеконтаэтии, просто пропускает, видимо, считая маловажными для стоящих перед ним задач, почти все крупнейшие события борьбы афинских политических группировок на этом хронологическом отрезке. Он не говорит ни слова даже об остракизмах Кимона и Фукидида, сына Мелесия, хотя эти события имели самое непосредственное отношение к возвышению Перикла, которого наш историк едва ли не боготворит и которому он уделяет очень значительное место в своем труде.

Есть еще такой интереснейший современный источник по всем сторонам афинской действительности, в том числе и по политической борьбе, как комедии Аристофана[21]. О них можно долго говорить, но, чтобы не отклоняться слишком далеко от основной нити изложения, отметим лишь следующее: если Аристофана и можно назвать, как иногда делается в историографии, «зеркалом» жизни Афин V в. до н. э.[22], то зеркало это, во всяком случае кривое, представляющее реалии времени, в которое жил и творил комедиограф, в искаженном, комически-гротескном виде[23]. Кроме того, произведения этого

---

[21] Лучшее исследование о комедиях Аристофана как историческом источнике: *Ehrenberg V.* The People of Aristophanes. N.Y., 1962. См. также недавние работы: *MacDowell D. M.* Aristophanes and Athens: An Introduction to the Plays. Oxf., 1994; *Spielvogel J.* Die politische Position des athenischer Komödiendichters Aristophanes // Historia. 2003. Bd. 52. Ht. 1. S. 3—22.

[22] Например: *Kraus W.* Aristophanes — Spiegel einer Zeitwende // Aristophanes und die alte Komödie. Darmstadt, 1975. S. 435—458.

[23] Ср.: *Гаврилов А. К.* Ученая община сократиков в «Облаках» Аристофана» // Некото-

драматурга полны тонкими намеками и аллюзиями на те или иные события, тех или иных персонажей, которые легко улавливались его аудиторией, а для нас уже либо совсем непонятны, либо становятся ясными лишь из объяснений схолиастов или путем сопоставления с информацией, сохранившейся в других источниках. Если бы мы знали о классических Афинах *только* из Аристофана (допустим, что вся остальная традиция погибла бы), можно сказать, что мы не знали бы о них ничего определенного. К счастью, это не так.

Таким образом, для лучшего уяснения особенностей политической жизни Афин в V в. н. э. неизбежно приходится обращаться, не ограничиваясь авторами-современниками, к античным писателям позднейших эпох. Их количество велико, но в первую очередь речь идет, конечно, о Диодоре и Плутархе, особенно о последнем. Афинская история интересующего нас столетия подробно освещается в целом ряде биографий Плутарха: в жизнеописаниях Аристида, Фемистокла, Кимона, Перикла, Никия и Алкивиада. В источниковедческом разделе мы уже говорили, что, пожалуй, именно херонейский биограф предоставляет наиболее обильную информацию о функционировании института остракизма, о конкретных коллизиях, приводивших к остракофориям, об их историческом контексте. Сказанное относится не только к остракизму, но и к политической борьбе в целом: Плутарх со многими деталями, порой даже многословно, живописует ее перипетии. Резонен, однако, вопрос: какова цена сохраненных им сведений, если учесть, что Плутарх был отделен от V в. до н. э. полутысячелетним (!) хронологическим промежутком и к тому же далеко не во всех случаях имеет обыкновение указывать источник своей информации, чтобы мы могли оценить ее достоверность. То же относится к Диодору и другим поздним авторам. Очевидно, к ним возможен широкий спектр подходов. Среди этих подходов есть и крайние. С одной стороны, можно, конечно просто некритически принимать на веру всё, что сообщает поздняя традиция (хотя так, кажется, уже лет двести никто не делает, во всяком случае, в явной форме). С другой стороны, не менее пагубен и гиперкритический подход, ставший, к сожалению, весьма популярным в антиковедении, особенно западном (основной импульс ему придают в настоящее время представители научных школ М. Финли и Ч. Старра)[24]. Скептицизм, высказываемый гиперкритиками в отношении авторов, отделенных от описываемых ими событий длительным хронологическим промежутком, в каких-то частных случаях выглядит, бесспорно, оправданным. Но, будучи применен в широких масштабах, этот подход оказывается чрезвычайно неплодотворным, заводит в

рые проблемы истории античной науки. Л., 1989. С. 64; *Суриков И. Е.* Черты народной смеховой культуры в творчестве Аристофана // АВ. 1994. Вып. 2. С. 165—173.

[24] Характерно, например, высказывание одного современного антиковеда: он является учеником Финли и потому считает недостоверной всю афинскую историю вплоть до Пелопоннесской войны (*Todd S. C.* Response to Sally Humphreys // Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 47). Откровенная позиция! Но плодотворная ли?

тупик, поскольку в конечном счете заставляет либо вовсе отказаться от реконструкции политической истории целых больших периодов, либо ставить на место традиции собственные, во многом произвольные конструкции[25]. При этом следует отметить факт, который, вероятно, очень не нравится гиперкритикам: как ни парадоксально, в некоторых случаях поздние авторы (например, тот же Плутарх) сохранили более точную или более полную информацию, чем даже великий Фукидид[26].

Необходима, таким образом, некая «золотая середина». Суждение само по себе более чем очевидное и даже банальное, но значительно труднее в каждом конкретном случае бывает определить, где эта «золотая середина» находится. С одной стороны, непосредственные эмпирические факты, которые сообщают Плутарх, Диодор и др., вряд ли следует отвергать, за исключением тех случаев, когда их данные вступают в прямое противоречие с более аутентичными источниками. С другой стороны, необходимо, как нам представляется, проводить разграничение между фактами и их интерпретациями. Как раз эти интерпретации у поздних авторов и являются тем, что далеко не всегда и не во всем заслуживает доверия. Даже Аристотель, отделенный от событий V в. до н. э. всего лишь столетием, при рассказе о них (в частности, в «Афинской политии») подчас не вполне корректен в их трактовке, дает порой несколько упрощенную и одностороннюю картину политической жизни, в определенной степени модернизирует ситуацию и судит о более ранних эпохах с помощью категориального аппарата своего времени, во многом чуждого реалиям ранней классики[27]. Еще более сомнительными, откровенно риторическими, наивно-морализаторскими бывают интерпретации фактов у Плутарха. Мы, таким образом, не обязаны слепо следовать всем рассуждениям, встречающимся у того или иного автора, но сообщаемые им факты мы, безусловно, всегда должны учитывать.

Переходя к общей характеристике политической жизни и политической борьбы в афинском полисе V в. до н. э., необходимо оговорить: многие (хотя и не все) наблюдения по данному кругу вопросов, сделанные современными исследователями на материале IV в., не в меньшей мере относятся и к предшествующему столетию.

* * *

Для современного состояния изучения политической борьбы в классических Афинах (как для V, так и для IV в. до н. э., как в зарубежной, так и в отечественной историографии) в наибольшей степени характерно постепен-

---

[25] Аргументированную критику построений гиперкритиков см.: *Фролов Э. Д.* Рождение... С. 18 слл.

[26] На примере Пентеконтаэтии это убедительно показано в книге: *Badian E.* Op. cit. Passim.

[27] Как нам о том и ранее уже приходилось писать, например: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 174 слл.; *Он же.* Политическая борьба... С. 123.

ное освобождение от накопившихся ранее схем и стереотипов. Говоря об этих стереотипах, мы в первую очередь имеем в виду пресловутую «двухпартийную схему», представляющую основной, определявший все остальные процесс в политической жизни рассматриваемого периода как постоянное противостояние двух больших, идеологически ориентированных группировок — «партий». Для V в. до н. э. это «демократы» и «олигархи» («аристократы»), для IV в. — «антимакедонская» и «промакедонская» партии, которые обычно тоже увязывали соответственно с демократической и олигархической ориентациями. Данная схема пышным цветом расцвела в историографии XIX века, когда отдельные историки даже в досолоновское время умудрялись находить «реакционную юнкерскую партию» (сторонники Килона) и «либеральную» партию аттических патриотов (Алкмеониды)[28]. Та же двухпартийная концепция прилагалась не только к древнегреческой, но и к римской истории, особенно при изложении событий последнего века Республики (дихотомия «оптиматы — популяры»)[29]. Можно долго говорить о корнях подобного историографического подхода, о том, какую роль в его появлении сыграла политическая ситуация в развитых государствах Европы XIX в., действительно характеризовавшаяся противоборством консервативных и либерально-реформистских партий.

Мало какая работа, посвященная политической истории Древней Греции, обходилась без упоминания о «партиях». Эти «партии» фигурируют даже в заголовках многих из них[30]. В наши дни так прямолинейно, пожалуй, уже никто давно не пишет. Даже в отечественной науке, где двухпартийный стереотип держался особенно долго, ныне, конечно, невозможны высказывания типа тех, которые в свое время делал С. Я. Лурье, утверждавший, что уже в середине VI в. до н. э. в Афинах «формируются настоящие большие политические партии»[31]. Но полностью ли преодолены устаревшие взгляды? Нет, скорее они перешли в латентную фазу. Не говоря уже о том, что двухпартийная схема по-прежнему тиражируется в учебниках, она и в серьезной исследовательской литературе продолжает — пусть в смягченном виде — свою долгую жизнь. Просто теперь предпочитают говорить не о партиях демократов и олигархов, а о демократической и олигархической тенденциях[32], о консервативной и радикальной тенденциях, об олигархической оппозиции демократии в Афинах V в. до н. э.[33] и т. п.

---

[28] *Wilbrandt M.* Die politische und sociale Bedeutung der attischen Geschlechter vor Solon // Philologus. 1898. Suppl. Bd. 7. Ht. 1/2. S. 133—228.

[29] На римском материале двухпартийная схема была подвергнута убедительной критике (в том числе в отечественном антиковедении — в работах С. Л. Утченко, Н. Н. Трухиной).

[30] Например: *Whibley L.* Political Parties in Athens during the Peloponnesian War. Cambridge, 1889; *Croiset M.* Aristophanes and the Political Parties at Athens. L., 1909.

[31] *Лурье С. Я.* Ук. соч. С. 100.

[32] *Ставнюк В. В.* Особенности политической борьбы в Афинах в начале V в. до н. э. //

В связи с вышесказанным автору этих строк представляется необходимым изложить свой взгляд на особенности политической жизни в афинском полисе классической эпохи. Как известно, для политической ситуации в Европе (и государствах, относящихся к кругу европейской по происхождению цивилизации — США и др.) последних двух веков характерно наличие политических партий. Партия — тип группировки, обладающий вполне определенным набором неотъемлемых признаков. Это, во-первых, признаки формального, внешнего характера. Партия имеет ярко выраженные черты организованности и структурированности, ей свойственно наличие устава, фиксированного членства, партийного аппарата, партийной дисциплины, она должна пройти процедуру официальной регистрации. Далее, партия обладает определенной идеологической основой, проявляющейся в ее программных документах. Говоря наиболее упрощенно, каждая партия имеет определенный набор приоритетов, прежде всего в сфере внутренней политики, за которые она принципиально выступает, что официально закреплено. Другое дело, что для многих, если не для большинства современных партий программные идеологические установки остаются на бумаге, а в реальной повседневной деятельности торжествуют оппортунизм и приспособленчество. Мы говорим здесь не о конкретных случаях, а об общих принципах. Далее, партия должна быть сравнительно массовой группировкой, иметь своих сторонников, а желательно — и членов в широких слоях общества (как в социальном, так и в территориальном плане). Политические группировки небольшого размера, включающие ограниченное количество лиц из круга элиты, могут быть названы политическими клубами, «группами по интересам», неформальными объединениями, — как угодно, но не партиями. Далее, для нормального функционирования политической системы современного демократического общества необходимо, чтобы в нее входило небольшое число партий. Оптимальным вариантом, как показывает опыт различных государств, является наличие двух-трех крупных, стабильных партий, имеющих в глазах электората определенный имидж и обладающих сложившимися традициями. В противном случае начинается хаотическая фрагментация политического поля, чреватая полной дисфункцией политической системы. Далее, в большинстве современных партий не столь уж и большое значение имеет личностный фактор. Уход популярного лидера, как правило, не ведет к прекращению существования возглавляемой им партии; его просто сменяет другой. Наконец, главная задача партий современного типа — участие в выборах, проведение своих членов в представительные органы власти и работа в этих представительных органах для защиты интересов поддерживающих партию сил.

Мы отнюдь не претендуем на то, что перечислили все необходимые признаки партии. Однако и вышеназванных уже вполне достаточно, чтобы поставить вопрос: имели ли политические группировки античной Греции, а если

Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Нижний Новгород, 1991. С. 26—37.

[33] *Строгецкий В. М.* Полис и империя... С. 44, 52 и др.

говорить конкретнее — классических Афин, какие-либо из этих признаков? Во-первых, о признаках внешнего, организационного характера вообще не может идти речи. Ни у одной афинской группировки, разумеется, не было ни устава, ни фиксированного членства, ни аппарата. Переходим к признакам более существенным. Политические группировки, о которых идет речь, опирались не на какие-либо принципиальные идейные убеждения, а на более личностную (семейную, локальную) основу, на связи и соперничество отдельных элитных групп (в V в. до н. э. — еще аристократических, в IV в. до н. э. — образовывавшихся вокруг «новых политиков») и их окружения. Уже из этого вытекает несравненно более значительная роль личного фактора в классической полисной политике, чем в наши дни[34]. Коль скоро группировка создавалась вокруг того или иного конкретного «харизматического лидера», то с его исчезновением с политической арены по той или иной причине сама группировка прекращала свое существование, либо модифицировалась, порой до неузнаваемости (если появлялся новый лидер, который, впрочем, чаще всего являлся сыном или родственником предыдущего), либо вливалась в состав другой. Интересны случаи временного, но продолжительного отсутствия лидера (прежде всего имеем в виду, конечно, главный предмет настоящего исследования — остракизм, десятилетнее изгнание). В таких случаях, насколько можно судить, группировка не исчезала полностью, но в отсутствие вождя была, как правило, обречена на бездействие и фактически не играла уже серьезной роли в общественной жизни. А нового лидера обрести было нельзя: ведь старый был еще жив, но просто надолго выбит из борьбы.

Здесь, кстати, есть над чем подумать: не преследовало ли введение остракизма еще и этой цели? Не была ли эта процедура наиболее эффективным способом обезглавить казавшуюся опасной группировку? Пожалуй, даже более эффективным, чем полное устранение ее лидера, например, пожизненное изгнание или даже убийство. Ведь если политический лидер больше не существует, у него может появиться достойный преемник. Внезапная кончина настигает Мильтиада — на смену приходит его сын Кимон, а на его место впоследствии заступает зять Кимона — Фукидид, сын Мелесия. Умирает Ксантипп — его «знамя» переходит опять же к сыну, молодому Периклу, а несколько десятилетий спустя на продолжение некоторых традиций перикловской политики претендует двоюродный племянник Перикла — Алкивиад. Совсем иная, во многом парадоксальная ситуация складывается, если лидер удален *на время*. Он есть — и в то же время его как бы и нет. «Политический наследник» не может появиться у живого и зачастую еще полного сил и амбиций человека — а сам он в течение длительного хронологического промежутка не в силах оказывать влияние на общественную жизнь на родине, и его сторонники вынуждены прозябать, уходить в тень.

---

[34] Ср.: *Bengtson H.* Einzelpersönlichkeit und athenischer Staat zur Zeit des Peisistratos und des Miltiades. München, 1939. S. 63; *Schachermeyr F.* Perikles. Stuttgart, 1969. S. 13—21; *Finley M. I.* Politics... P. 118—119.

Ключевым вопросом политической борьбы было, насколько нам представляется, отнюдь не социально-политическое устройство (аристократия, демократия, олигархия, тирания и т. п.). Кстати, в V в. до н. э. аристократы, насколько известно из источников, стояли во главе всех группировок, в том числе и тех, которые в современной историографии принято определять как демократические. А строго говоря, такие понятия, как «демократическая группировка», «олигархическая группировка» (даже если не употреблять слова «партия»), на наш взгляд, являются не вполне корректными и модернизирующими ситуацию. Политическая борьба была значительно более конкретно-ситуативной[35], и основные конфликты происходили не по поводу идеологических абстракций, а в результате несогласия по совершенно определенным, близким и понятным для основной массы граждан вопросам. В частности, чрезвычайно важную, подчас даже главную роль играли внешнеполитические разногласия[36]. Их-то и можно назвать тем фактором, который обусловливал различие позиций отдельных группировок, — а такое различие, несомненно, должно было иметь место, иначе становилось бы бессмысленным само существование этих группировок.

При этом следует подчеркнуть, что для граждан полиса классической эпохи внешняя политика не была чем-то достаточно далеким и абстрактным, вызывающим чисто «спортивный» интерес, как для жителей современных государств. Во-первых, они непосредственно, собственными руками вершили эту внешнюю политику, определяли все шаги полиса на межгосударственной арене, в то время как ныне данная сфера является наиболее изъятой из прямого участия масс населения и отданной в компетенцию профессиональных дипломатов. Во-вторых, внешняя политика опять же имела вполне личностный характер. Отдельные знатные семьи еще с предыдущей, архаической эпохи имели тяготения или пристрастия родственного, дружеского и иного (в том числе и экономического) характера, часто на ксенической или матримониальной основе, именно во внешнеполитическом плане, внутри греческого мира и даже за его пределами. Один аристократический род имел давние и тесные связи со Спартой, другой — с Ионией, третий, скажем, с Аргосом или Фивами, четвертый тяготел к негреческому Востоку... Это и определяло позицию группировки сложившейся вокруг данного рода. Внешняя ориентация диктовалась, разумеется, как аристократической традицией, так и конкретной ситуацией, причем роль последнего фактора в классическую эпоху, в условиях изменяющегося мира, возрастала. Поэтому у той или иной группировки эта ориентация могла меняться, хотя есть и примеры замечательной устойчивости пристрастий. Так, род Филаидов из поколения в поколение, как будто бы не замечая происходивших перемен, упорно и демо-

[35] Ср.: *Prestel G.* Op. cit. S. 1; *Tarkiainen T.* Op. cit. S. 113; *Ruschenbusch E.* Athenische Innenpolitik... S. 130; *Berthold R. M.* Op. cit. S. 265.

[36] Ср.: *McGregor M. F.* Op. cit. P. 87; *Forrest W. G.* The Emergence... P. 204, 207; *Thomsen R.* Op. cit. P. 123; *Littman R. J.* Op. cit. P. 155 ff.

нстративно симпатизировал Лакедемону. Во всяком случае, в высшей степени наивно было бы полагать, что внешнеполитические акции совершались из идеологических соображений и, скажем, Афины периодически конфликтовали со Спартой потому, что «мы», дескать, — «классическая демократия», а «они» — «олигархия».

Пойдем дальше. Теперь уже вряд ли нужно специально доказывать, что политические группировки в афинском полисе V—IV вв. до н. э. не имели массового характера и функционировали в кругу политической элиты, а не среди широких слоев рядового гражданства[37]. Таким образом, и этому критерию, необходимому для партии, они не могут удовлетворить. Наиболее распространенным типом группировки, который, кстати, как раз в течение V в. до н. э. постепенно получал политическое оформление, была гетерия — объединение нескольких десятков граждан вокруг «харизматического лидера» (гетерии и назывались обычно по имени своего лидера, «гетерия такого-то»). О гетериях и о том, какое место занимали они в истории афинской политической борьбы, подробнее будет сказано несколько ниже, а пока достаточно указать вот на эту их явно незначительную численность. В силу вышесказанного гетерий не могло не быть достаточно много, как много было в Афинах амбициозных, стремящихся к той или иной ступени власти политиков. Ни малейшего сходства с типичной для современности политической системой, базирующейся на нескольких крупных партиях, мы не находим. Очередной аргумент против двухпартийной схемы «демократы — олигархи»! В конкретных ситуациях малые политические группы могли объединяться в коалиции. Но, во-первых, эти коалиции были крайне непрочными и вновь распадались, как только преследуемая ими цель оказывалась достигнутой. Во-вторых, даже и коалиционные объединения не могли похвастаться большим количеством участников. Альянс нескольких группировок в сумме давал несколько сот граждан, что было явно недостаточно для того, чтобы обеспечить нужный результат в каком бы то ни было голосовании.

Между прочим, этот дробный характер политического поля и невключенность в группировки рядовых граждан были факторами, способствовавшими реальному, а не номинальному демократизму политической системы. Принятие решений было не монополизировано несколькими центрами фактической власти, не предрешено заранее. Отметим здесь, что отнюдь не случайно в демократических Афинах классической эпохи пережило столь высочайший взлет искусство политического красноречия[38]. Даже и в наших современных представлениях оратор — одна из ключевых фигур, с которыми ассоциируется образ Афин. Высокое значение ораторского искусства и вообще власть устного слова были связаны с тем, что в условиях прямой полисной де-

---

[37] Наиболее убедительно этот вопрос решен, по нашему мнению, в работе: *Hansen M. H.* The Athenian Assembly... P. 72—86.

[38] О связи ораторского искусства с демократией см.: *Ober J.* The Athenian Revolution... P. 18—31, 86—106.

мократии[39] оратор действительно *мог* убедить свою аудиторию в необходимости того или иного действия. В современных парламентских демократиях ораторское искусство если и существует, то в роли не очень-то уже и нужного рудимента. Сколько бы ни блистал перлами красноречия парламентарий с трибуны, подавляющее большинство его коллег проголосует не по убеждению, а по директиве, данной им руководством их партий и фракций. Соответственно, парламент действительно в известной степени превращается в «говорильню», а решения принимаются заранее, в ходе кулуарного торга. Не скажем, что в Афинах совершенно не случалось закулисных сговоров подобного рода. Всем известен сговор между Никием и Алкивиадом в 415 г. до н. э., направленный против Гипербола (о нем шла речь выше, в гл. I). Другой пример — имевший место в 457 г. до н. э. сговор между Периклом и Кимоном, в результате которого последний получил возможность досрочно возвратиться из остракизма. Но речь идет не о правиле, а об исключениях. В несравненно более частых случаях решение принималось экклесией вполне спонтанно, без какой-либо предварительной обусловленности, что вполне естественно, поскольку масса граждан не была скована никакой партийной дисциплиной[40]. Этот спонтанный характер принятия решений временами, особенно в эпохи внутренних и внешних кризисов, приводил и к негативным эксцессам. Памятна ситуация 427 г. до н. э., когда после подавления восстания в Митилене афинское народное собрание на одном своем заседании постановило учинить жесточайшую расправу над жителями этого лесбосского города, а на другом, буквально на следующий же день, одумавшись, приняло новое решение, аннулировавшее предыдущее. Иными словами, трудно объективно оценить, какой способ принятия решений лучше: в ходе ли предварительного закулисного торга или непосредственно в ходе дискуссии и голосования. Но, во всяком случае, никто не будет спорить с тем, что второй способ демократичнее.

Небезынтересным и плодотворным представляется сопоставление афинской экклесии с такими уцелевшими до наших дней осколками прямой демократии, какими являются сохранившиеся в некоторых отдаленных швейцарских кантонах и по-прежнему имеющие властные полномочия народные собрания (Landgemeinde). Это сопоставление было проделано М.Хансеном, наблюдавшим швейцарские народные собрания в действии[41]. Хансен заметил, что в этих органах прямой демократии не заметно действия каких-то стабильных, долговременно существующих группировок. Если такие группировки и складываются, то они, как правило, имеют ситуативный характер и направлены на поддержку какой-то вполне конкретной меры. При этом граждане никак не связаны в своем волеизъявлении связью с той или иной группировкой. Если они по какому-то вопросу отдали голос за ее предложение, то это не означает, что и при дальнейших голосованиях они будут

[39] См. о ней: *Romilly J. de.* Problèmes de la démocratie grecque. P., 1975. P. 22—26.

[40] Ср.: *Finley M. I.* Politics... P. 76.

[41] *Hansen M. H.* The Athenian Ecclesia... P. 207—226.

солидарны именно с этой группировкой. В ходе принятия решений жители кантонов исходят из собственного понимания того, что полезно для общины, а не из чьего-то чужого навязанного им мнения. Насколько можно судить, нечто весьма схожее имело место и на заседаниях афинской экклесии, где все вопросы решались путем прямого и в подавляющем большинстве случаев открытого голосования. Средний гражданин голосовал за то или иное мнение, сознательно оценивая его, а не потому, что он был так или иначе политически ангажирован. Мы отнюдь не отрицаем наличия в политической жизни разного рода манипуляций (хотя, может быть, их было и меньше, чем обычно считают). Но совершались эти манипуляции в кругу элиты, в среде граждан, профессионально посвятивших себя занятиям политикой. Рядового гражданства они касались постольку, поскольку влекли за собой пропагандистские акции.

Наконец, каковы были главные задачи политических группировок в классических Афинах? Судя по замечанию Фукидида (VIII.54.4), говорящего о гетериях (синомосиях, как он их называет) конца V в. до н. э., в период мирной политической борьбы главными функциями этих объединений были взаимопомощь на выборах и взаимная защита членов в судебных процессах (ἐπὶ δίκαις καὶ ἀρχαῖς). Предвыборная борьба стоит на первом месте также и в деятельности любой современной политической партии. А вот в судебной практике ныне, естественно, никакое партийное вмешательство отнюдь не приветствуется. Отметим еще, что афинские группировки сохраняли еще и некоторые весьма архаичные функции, которые в нашем современном понимании не имеют отношения к политике. Так, сравнительно недавно О. Меррей справедливо сконцентрировал внимание на ранее остававшемся несколько в тени, но тем не менее очень важном аспекте деятельности гетерий — на организации и проведении симпосиев, которые в рассматриваемую эпоху были не только одним из способов аристократического проведения досуга, но и имели еще в значительной степени политическую окраску[42].

В кризисной обстановке гетерии могли прибегать к действиям более радикального характера, прямо влияя на ход событий. Они сыграли, в частности, ведущую роль в период олигархических переворотов Четырехсот (411 г. до н. э.) и Тридцати (404 г. до н. э.). На практике усиление их роли выражалось в следующем. Во-первых, происходила резкая интенсификация их деятельности. Во-вторых, гетерии объединялись, дабы создать весомый политический альянс. Так, в 411 г. до н. э. Писандр «обошел» гетерии, убедив их объединиться (Thuc.VIII.54.4); в 404 г. до н. э. объединяющей силой послужила созданная гетериями коллегия эфоров, добившаяся примирения ради «общего дела» даже враждующих между собой группировок (гетерии Крития и гетерии Фидона, см. Lys.XII.54—55). В-третьих, осуществлялся переход к «неконституционным» методам, порой — к прямому насилию (ср.

[42] *Murray O.* The Affair of the Mysteries: Democracy and the Drinking Group // Sympotika: A Symposium on the Symposion. Oxf., 1990. P. 149—161.

Thuc.III.82.8). В частности, незадолго до переворота Четырехсот был убит демагог Андрокл и ряд других лиц (Thuc.VIII.65). Цель всех этих действий очевидна — прямо взять власть в свои руки.

Однако вышесказанное относится, подчеркнем, именно к периодам жестокого кризиса. Прямые и радикальные действия гетерий имели место на последнем этапе Пелопоннесской войны, то есть в то время, когда институт остракизма уже перестал использоваться. Кстати, в дальнейшем (гл. V, п. 2) нам еще предстоит затронуть вопрос о том, в каком отношении друг другу находятся выход остракизма из употребления и резкое обострение политической борьбы, выход ее из «конституционного поля». Весь же хронологический отрезок, когда остракофории проводились, был с интересующей нас точки зрения периодом мирной политической жизни, когда группировки держались вполне в рамках закона. К тому же гетерии конца V в. до н. э. были организациями подрывными по самому своему существу, оппозиционными по отношению к существующему государственному устройству, нацеленными на его свержение[43]. Потому-то они и совершали, причем вполне сознательно, действия дестабилизирующего характера, а порой — и прямо кощунственные (как, например, повреждение герм в 415 г. до н. э.). А на протяжении большей части столетия политические группировки, противостоя друг другу, проявляли при этом большую гражданскую ответственность и все в равной мере были заинтересованы в сохранении стабильности полиса. Борьба протекала порой весьма жестко, конкурирующие политики добивались отдачи друг друга под суд, изгнания из полиса и т. п., но никто из них не совершал *антигосударственных* шагов. Кимон, претерпевший от сограждан незаслуженную обиду, и не подумал, будучи в остракизме, перейти на сторону Спарты и помогать ей в действиях против своего родного города, как бы он ни симпатизировал лакедемонянам. Для него, равно как для Аристида, Фемистокла, да еще и Перикла, существовали некие неписаные запреты. Последним политиком, действовавшим в этих традициях, был, пожалуй, Никий. Для поколения Алкивиада, Клеофонта, Ферамена, Крития никаких запретов уже не существовало. Несомненно, сыграло в этом свою роль влияние софистических учений. Появилось ощущение, что цель оправдывает любые средства; резко возросла эгоцентрическая составляющая в политической жизни. Именно это имеет в виду Фукидид в своем знаменитом горестном пассаже, посвященном изменению характера политической борьбы в греческих полисах в период Пелопоннесской войны (III.82—83). Все это было симптомом глубокого кризиса, переходного этапа в истории Афин и греческого мира в целом.

Остается коснуться еще одного вопроса. Коль скоро политические группировки на интересующем нас хронологическом отрезке возглавлялись представителями аристократической прослойки («политических фамилий», как называет их Коннор[44], то есть тех семей, которые на протяжении ряда по-

---

[43] См. подробнее: *Суриков И. Е.* Демократия и гетерии... С. 95 слл.

[44] *Connor W. R.* The New Politicians... P. 10.

колений имели традиции участия и лидерства в политической жизни), не означает ли это, что они ipso facto основывались на аристократической, антидемократической идеологии? Нам уже приходилось высказываться против довольно распространенной утверждения о том, что афинская аристократия была слоем консервативным, противившимся прогрессу, враждебным демократии и т. п.[45] Легко заметить, что на протяжении архаической и значительной части классической эпохи во главе любых прогрессивных реформ стояли представители аристократической верхушки общества. В частности, все «отцы-основатели» афинской демократии — от Солона до Перикла — принадлежали к кругу древней знати. Ни в коем случае не следует ставить знак равенства между понятиями «аристократы» и «олигархи». Характерно, что в период, когда движение, характеризующееся обычно как олигархическое[46], достигло в Афинах пика (конец V в. до н. э., время переворотов Четырехсот и Тридцати), среди лидеров антидемократических гетерий мы почти не находим выходцев из старинных аристократических родов. Довольно редким исключением является, в частности, Критий из рода Кодридов. Основной социальной базой переворотов было зажиточное крестьянство, гоплитская прослойка, отвернувшаяся в кризисных условиях от во многом скомпрометировавшей себя радикальной демократии. Аристократы же, повторим, внесли наибольший вклад как раз в демократизацию афинского полиса. Думается, не случайно, что период наивысшего расцвета подрывных гетерий был одновременно и периодом, когда в Афинах пресекается политическая традиция аристократического лидерства.

Вообще в гетериях принципиальная идеологическая ориентация (в том числе олигархическая) была, видимо, скорее исключением, чем правилом. Из видных политиков, ассоциирующихся с гетериями эпохи Пелопоннесской войны, по настоящему «идейными борцами» можно назвать, пожалуй, лишь двоих: вышеупомянутого Крития и Антифонта. Характерно, кстати, что оба примыкали к интеллектуальному движению софистов. Что же касается остальных, трудно сказать, имели ли они вообще какие-то «убеждения» в нашем смысле слова, помимо чисто эгоистических. Ферамен, как известно, даже от своих соратников получил за политическую переменчивость прозвище «Котурн» (Xen.Hell.II.3.20): он участвовал то в установлении режима Четырехсот, то в его свержении, то входил в правительство Тридцати в качестве од-

---

[45] *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 21—22.

[46] Например: *Hackl U.* Die oligarchische Bewegung in Athen am Ausgang des 5. Jahrhunderts v. Chr. Diss. München, 1960; *Flach D.* Der oligarchische Staatsstreich in Athen vom Jahr 411 // Chiron. 1977. Bd. 7. S. 11—33; *Lehmann G. A.* Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen...; *Idem.* Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr. Opladen, 1997; *Heftner H.* Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v. Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen. Frankfurt am Main, 2001.

ного из самых влиятельных членов, то интриговал против этого же правительства. Писандр и Фриних в течение своей не столь уж и долгой карьеры успели побывать и в демократическом, и в антидемократическом лагерях. Не говорим уже об Алкивиаде; упомянем лишь, что в 411 г. до н. э. он выступал то как инициатор переворота Четырехсот (Thuc.VIII.48.2), то как его решительный противник, защитник демократии (Thuc.VIII.81.2). Перечень примеров можно было бы продолжать. Небезынтересен и тот факт, что в тех случаях, когда олигархическим гетериям удавалось прийти к власти, устанавливавшийся ими режим имел черты скорее не олигархии (и тем более не «гоплитской политии», на что они сами претендовали), а корпоративной тирании. Так характеризует власть Тридцати Э. Д. Фролов[47]; насколько можно судить, аналогичные тенденции, хотя и не столь выраженные, проявлял и режим Четырехсот.

Итак, вряд ли есть серьезные основания говорить об антидемократической идеологии аристократических лидеров афинского полиса. Выходцы из древних родов искренне и честно шли на службу демократическому полису, отождествляя его интересы со своими. «Аристократия интегрировалась в демократический полис», — справедливо замечает Л. П. Маринович[48]. Кимон, например, считается (и во многом справедливо) чопорным аристократом-лаконофилом[49]. Но был ли он врагом демоса и демократии? Ни в коей мере. Достаточно процитировать несколько известных строк из Плутарха (Cim.10), которые дают очень яркое впечатление о стиле политического поведения Кимона: «... Он велел снять ограды, окружавшие его владения, дабы чужеземцы и неимущие сограждане могли, не опасаясь, пользоваться плодами, а дома у себя приказывал ежедневно готовить обед, хотя и скромный, но достаточный для пропитания многих. Каждый бедняк, если хотел, приходил на обед и получал пищу и, не будучи вынужден зарабатывать себе на пропитание, мог заниматься только общественными делами (! — *И. С.*)... Его постоянно сопровождали двое или трое юношей в богатой одежде, и если им случалось встретить какого-нибудь убого одетого старика из горожан, один из них менялся с ним платьем — зрелище, казавшееся величественным. Те же юноши, щедро снабженные мелкими деньгами, замечая на площади людей бедных, но порядочных, останавливались подле них и молча (σιωπῇ) вкладывали им в руку несколько монет» (пер. В. В. Петуховой).

Таков был стиль жизни самого, если так можно выразиться, «аристократичного» из афинских аристократов и его окружения. Назвать ли все это социальной демагогией, популистскими и пропагандистскими действиями? От-

---

[47] *Фролов Э. Д.* Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л., 1972. Ч. 1.

[48] *Маринович Л. П.* Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 331.

[49] Ср., например: *Cerrato T.* Sofocle, Cimone, Antenore e i Veneti // Athenaeum. 1985. V. 63. Fasc. 1/2. P. 173.

части, наверное, можно взглянуть и под таким углом, хотя зачем, если занимаешься пропагандой, вкладывать в руку бедняку деньги молча, то есть тайно? Вроде бы при этом нужно произносить какие-то агитационные лозунги (как это и делается в наше время). Это больше похоже на искреннюю благотворительность, чем на популизм. Но даже если вести речь о популизме, такая политика, мягко говоря, не вполне то, чего мы могли бы ожидать от антидемократически настроенного лидера. Разве враг демоса и олигарх будет заботиться о том, чтобы беднейшие из его сограждан не тратили времени на добывание «хлеба насущного», а посвящали себя общественным, полисным делам? Нечто подобное, и с той же самой целью, но только пользуясь иными средствами, делал и Перикл, вводя мистофорию (оплату за исполнение должностей), «театральные деньги» и т. п. Различие (по меньшей мере, во внутриполитической области) между этими двумя политиками, которых обычно представляют непримиримыми антагонистами, оказывается значительно меньшим, чем кажется на первый взгляд[50]. Четкую грань между так называемыми «демократами» и так называемыми «олигархами» оказывается крайне сложно, если не невозможно, провести.

С другой стороны, вряд ли следует говорить и о том, что идеология афинского демоса в классическую эпоху имела антиаристократический характер. Выше (гл. II, п. 3) мы уже писали об «аристократической демократии», о том, что демос перенял многие аристократические ценности и институты[51], что он в известном смысле во всей своей совокупности стал аристократией (во всяком случае, сам он именно так воспринимал ситуацию)[52]. Разумеется, ни в коей мере не следует считать, что отношения демоса и его аристократических лидеров были идиллическими. Напротив, мало в каком другом социуме политическая элита испытывала столь подозрительное отношение со стороны рядовых сограждан, подвергалась столь частым опалам и преследованиям. Это хорошо известно и вряд ли заслуживает еще одного подробного экскурса. Но здесь — совсем другой вопрос, не имеющий никакого отношения к противостоянию сторонников и противников демократии. Гонения в равной степени обрушивались на политиков всех направлений, как на тех, кому традиционно приписывают аристократическую тенденцию (Мильтиад, Кимон), так и на тех, демократизм которых абсолютно бесспорен (Фемистокл, Перикл). Даже демагоги — а уж их-то демос более, чем кого-либо, имел все основания считать своими — не избегали подобной же судьбы. Демагог Гипербол был изгнан остракизмом, демагог Клеофонт каз-

---

[50] О сходных чертах в политических программах Кимона и Перикла см.: *Sealey R.* The Entry of Pericles... Passim.

[51] См. также: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 28.

[52] Интересно, что и Аристотель (Pol.1308b39) допускает наличие государственного устройства, являющегося одновременно демократией и аристократией. Ср.: *Ostwald M.* Oligarchia: The Development of a Constitutional Form in Ancient Greece. Stuttgart, 2000. P. 63—65.

нен по приговору суда. Демократия ниспровергала *любого* видного политика, как только он, во-первых, начинал восприниматься как слишком влиятельный и угрожающий народному суверенитету, а во-вторых — и это еще важнее, — как только он переставал быть нужным. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Э. Д. Фролов чрезвычайно тонко подметил[53], что демос на протяжении большей части V в. до н. э. сам еще не мог компетентно руководить государством, выдвинуть лидеров из собственной среды, и потому он волей-неволей должен был использовать для этой цели представителей аристократии, при этом продолжая дистанцироваться от них[54]. Знатный политик был необходим, пока он воспринимался как «слуга народа», не претендующий быть его господином, и пока в его услугах ощущалась необходимость. Как только эта необходимость отпадала или как только признавалось, что лидер уже в недостаточной мере справляется с возлагаемыми на него задачами, от него избавлялись. Перикл дольше, чем кто-либо, оставался в милости у демоса и казался незаменимым. По отношению к нему сложилась парадоксальная ситуация. Комедиографы, выражавшие мнение широких масс, беспощадно обличали его, обвиняли в тиранических намерениях (Plut. Pericl.16; кстати, вся плутархова биография Перикла буквально усеяна соответствующими цитатами из памятников аттической комедии); его сподвижники становились жертвами политических процессов. А самого «афинского олимпийца» продолжали из года в год избирать стратегом. «Сбросили» Перикла лишь тогда, когда сложилось мнение, что он состарился и не может уже эффективно направлять политику государства.

Итак, картина политической жизни в Афинах классической эпохи была чрезвычайно сложной, пестрой до хаотичности, многогранной. Менее всего она напоминает «двухпартийную» конструкцию. Сразу оговорим, что в принципе мы не отрицаем складывания в каких-то совершенно конкретных обстоятельствах биполярного характера борьбы, противостояния *двух* крупных политических объединений, сложившихся в результате коалиций отдельных группировок. Насколько можно судить, именно так развивались события в 480-х гг. до н. э., в период первых остракофорий[55], когда полис раскололся на сторонников группировки Алкмеонидов и приверженцев Фемистокла. Но, подчеркнем, речь идет именно о конкретной ситуации, а не об общем характере конфликта, об исключении, а не о правиле.

---

[53] *Фролов Э. Д.* Политические лидеры... С. 20.

[54] Если бы любая аналогия не хромала, можно было бы привести пример большевиков, в первые послереволюционные годы активно использовавших во всех сферах так называемых «буржуазных специалистов», пошедших на службу Советской власти. Конец многих из этих старых интеллигентов был весьма печальным. Как только оказались выращенными новые, относительно культурные кадры, от «спецов» начали активно избавляться свойственными эпохе методами (отправлять в лагеря, казнить и пр.).

[55] Аргументацию см.: *Суриков И. Е.* Политическая борьба... С. 127.

* * *

Вышесказанное в большей или меньшей мере относится ко всей классической эпохе в истории афинского полиса. А теперь предстоит рассмотреть вопрос о том, каковы же были наиболее типичные черты политической жизни Афин именно в V в. до н. э., поскольку именно в этом столетии, и только в нем, экклесия обращалась к институту остракизма, и уже поэтому данный хронологический отрезок интересует нас в первую очередь.

Следует сразу отметить, что V в. до н. э. (а если быть совсем точным, имеется в виду временной промежуток от реформ Клисфена до конца Пелопоннесской войны) с точки зрения характера политической борьбы, состава участвующих в ней сил, наличия тех или иных механизмов власти представляет собой некое целостное единство, обладающее рядом только ему свойственных характерных особенностей, весьма четко отграничиваемое как от предыдущего, так и от последующего столетия и в то же время во многих отношениях занимающее переходное положение между ними. VI в. до н. э., последний век эпохи архаики, был для Афин, если так можно выразиться, периодом «преддверия демократии». Первые реформы, во многом обусловившие дальнейшее движение государства в направлении демократизации политической системы, были, как известно, осуществлены уже Солоном, деятельность которого столь же определенно является началом этого периода, сколь деятельность Клисфена — его завершением. Афины между Солоном и Клисфеном нельзя уже назвать в полном смысле слова аристократическим (олигархическим) полисом, в которой демос лишен политической роли, но они не являются еще и полисом демократическим. Интересно суждение о солоновском строе, которое высказывает Аристотель (Pol.1273b35 sqq.). По мнению философа, Солон установил «отеческую демократию» (δημοκρατίαν... τὴν πάτριον), а фактически — смешанное государственное устройство, в котором совмещались олигархические, аристократические и демократические элементы. Как бы то ни было, реальная власть находилась в руках представителей аристократических родов, соперничавших друг с другом за первенство.

С другой стороны, IV в. до н. э. — век существования в Афинах демократии, сложившейся уже в своей окончательной, «усовершенствованной» форме[56], без каких бы то ни было следов аристократического лидерства. Пожалуй, это столетие было в афинской истории наиболее чуждым аристократии периодом. Среди выдающихся деятелей полиса в это время лишь Ликург был выходцем из древней знати (из рода Этеобутадов), а все остальные принадлежали к кругу «новых политиков». Да и влиятельность Ликурга обусловливалась ни в коей мере не его происхождением, а лишь личными талантами.

[56] О «совершенствовании» афинской демократии в IV в. до н. э. см. в наиболее подчеркнутой форме в работе: *Eder W.* Die athenische Demokratie... Ср. также: *Snell B.* Op. cit. P. 249.

Впоследствии афинскую аристократию ждало новое возрождение: в эллинистическую и римскую эпохи ее роль в государстве опять существенно возросла[57]. Но демократии в это время уже не существовало.

Когда же происходит гибель аристократической политической традиции, коль скоро в VI в. до н. э. она еще в полной силе, а в IV-м — сведена к нулю? Несомненно, в том веке, который лежит между ними, и по этой причине мы имеем все основания признать переходный характер V в. до н. э. На его протяжении осуществлялась трансформация от власти знати к власти демоса, и в результате возникала ситуация своеобразного двоевластия. Насколько нам известно, о двоевластии в раннеклассических Афинах еще никто не писал, и сама идея может показаться весьма спорной. А между тем двоевластие, «диархия» характерна для многих переходных эпох, когда новый носитель власти по тем или иным причинам не овладел ею в полной мере, а старый — уже в значительной степени, но не до конца, утратил ее. Еще Т. Моммзен считал возможным говорить о диархии принцепса и сената в политической системе, созданной Августом.

Для диархии характерно определенное разграничение властных полномочий между двумя носителями власти. Нечто подобное мы действительно обнаруживаем в афинском полисе V в. до н. э., хотя это разграничение не было обусловлено какими-либо правовыми актами официального характера, а сложилось чисто эмпирически. Демос в лице экклесии и гелиеи осуществлял верховную власть, принимал законы (любая псефисма, принятая экклесией, в V в. до н. э. имела статус закона; в IV в. этого уже не было[58]), являлся высшей судебной инстанцией, избирал магистратов и контролировал их деятельность. Но сами магистраты, — во всяком случае, те из них, которые концентрировали в своих руках реальные, а не номинальные полномочия, — избирались, насколько известно, вплоть до Пелопоннесской войны и появления «новых политиков», без каких-либо исключений из среды аристократии. Можно даже говорить об определенной монополии знати в этой сфере, — конечно, не де-юре, а де-факто.

Если прибегать к современным параллелям, то с некоторыми оговорками возможно следующее определение ситуации: в руках аристократической элиты находилась *исполнительная* власть. С оговорками — потому, что в античности еще не сложилось представления о строгом разделении власти на законодательную, исполнительную и судебные ветви; это — продукт политической теории Нового времени (Локк, Монтескье). К тому же, повторим, вся деятельность аристократов на различных должностях находилась под контролем демоса. Магистраты не были суверенны.

---

[57] Об афинской аристократии послеклассического времени см.: *MacKendrick P.* The Athenian Aristocracy 399 to 31 B. C. Cambridge Mass., 1969; *Молчанов А. А.* Антропонимическая традиция как одно из слагаемых исторической памяти (к просопографии афинской знати античного времени) // Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 193—198.

[58] См.: *Суриков И. Е.* Изменения в афинских законах... С. 8 сл.

Нам представляется, что именно подобное положение вещей имеет в виду Аристотель в одном из пассажей своего трактата «Политика» (1308b39 sqq.), описывая государственное устройство, при котором, с одной стороны, все допущены к власти, что является демократической чертой (τὸ μὲν γὰρ ἐξεῖναι πᾶσιν ἄρχειν δημοκρατικόν), а с другой — должности находятся в руках людей знатных, что представляет собой черту аристократическую (τὸ δὲ τοὺς γνωρίμους εἶναι ἐν τὰς ἀρχὰς ἀριστοκρατικόν). Именно такое государственное устройство Стагирит определяет как являющееся одновременно демократией и аристократией (ἅμα εἶναι δημοκρατίαν καὶ ἀριστοκρατίαν). Иными словами, перед нами — «аристократическая демократия», то, о чем мы уже говорили выше, система переходная между монополией на власть со стороны аристократов и монополией на нее же со стороны демоса; система, в которой обеим сторонам приходится делиться властью друг с другом, что и приводит к двоевластию.

Политические устройства, для которых характерна явная или скрытая диархия, ввиду своего переходного характера отличаются нестабильностью, остротой и жесткостью конфликта. Многих, наверное, поражало резкое различие между политической жизнью Римской империи в I и II вв. н. э. Первый век принципата — время острейшего конфликта между императорами и сенатом, заговоров, репрессий, постоянной напряженности. А в «золотой век Антонинов» принцепсы и сенат, за довольно редкими исключениями, взаимодействуют в мире и согласии. Дело, здесь, безусловно, не в том (или, во всяком случае, не только в том), что властелины Рима I в. были «чудовищами на престоле», а императоры II в. — людьми достойными. Важнее то, что на протяжении большей части I в. сенат еще воспринимался как реальная конкурирующая сила, а в следующем столетии власть уже была фактически монополизирована в императорских руках. Теперь можно было оказывать сенаторам знаки почтения, демонстрировать согласие с ними: реальной опасности для власти монарха сенат уже не представлял.

Сходная ситуация и в Афинах V в. до н. э.: державный демос, постоянно используя аристократию для управления государством, в то же время постоянно ставит ее на место. По отношению к представителям знати применяются репрессии самой различной степени тяжести: отстранение от должности, остракизм, различные наказания, выносимые судебным путем, наконец, смертные приговоры. Аристократия еще ощущается как опасный конкурент, но в то же время незаменимый, необходимый для функционирования полиса. В IV в. этого уже нет: политическая роль аристократии утрачивается, демос берет все бразды правления в собственные руки. Общество, по справедливому замечанию К. Моссе, становится более эгалитарным[59].

Если смотреть на интересующее нас столетие («век остракизма») с точки зрения двоевластия, временного и нестабильного равновесия между двумя ведущими социально-политическими силами, если учитывать таким образом

[59] *Mossé C.* De l'ostracisme... P. 18.

переходный период данного хронологического отрезка, что можно сказать о механизмах и приемах политической борьбы, которые на этом отрезке практиковались? Данный вопрос уместнее всего также будет рассмотреть в сопоставлении V века с предшествующим и последующим столетиями.

Для политической жизни VI в. до н. э. было характерно наличие региональных группировок, столкновение интересов аристократии различных частей Аттики. Этот тезис высказывался еще с 1930-х гг., когда некоторые исследователи (А. Гомм, С. Я. Лурье) показывали, что группировки, боровшиеся за преобладание в афинском полисе, имели в архаическую эпоху в значительной степени локальную основу[60]. Но в наиболее развитом виде концепция «регионализма» получила оформление в 1960-х — 1970-х гг. в работах американского ученого Р. Сили[61]. Сили порой доходил до крайностей, утверждая, что все без исключения политические конфликты в архаических Афинах были обусловлены борьбой региональных элит. Тем не менее весьма значительное зерно истины в его идеях присутствует, и представление об общем региональном характере группировок VI в. до н. э. ныне прочно утвердилось в антиковедении. Те силы, на которые опирались соперничавшие знатные роды, можно определить как группы их приверженцев, зависевших от них в экономическом, политическом, культовом отношениях, то есть в чем-то близких к римскому слою клиентов.

Соответственно, среди механизмов достижения и удержания власти, факторов, которые способствовали влиятельному положению того или иного аристократического лидера, следует назвать богатство, контроль над религиозной жизнью в аттических демах, традиционный престиж (основывавшийся на происхождении, военном лидерстве, участии в панэллинских играх), сеть межродовых связей — как внутриполисных, так и простирающихся за пределы Афин и т. д. О монополии аристократов на занятие должностей мы уже говорили: в архаическую эпоху она была еще более полной и непререкаемой, чем в V в. до н. э. Бесспорно, было бы преувеличением говорить, что демос на хронологическом отрезке между Солоном и Клисфеном не имел никакого отношения к власти. В ходе деятельности Солона активизировалась и стала более самостоятельной экклесия, появился суд присяжных (гелиея), комплектовавшийся из всего афинского гражданства[62]. Характерная ситуация сере-

---

[60] *Gomme A. W.* The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B. C. Repr. ed. Westport, 1986. P. 37—39; *Лурье С. Я.* К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI века // Ученые записки ЛГУ. № 39. Серия ист. наук. Вып. 4. Л., 1939. С. 78—81.

[61] *Sealey R.* Regionalism in Archaic Athens // Historia. 1960. Bd. 9. Ht. 2. S. 155—180; *Idem.* A History... P. 95—106.

[62] *Humphreys S. C.* The Evolution of Legal Process in Ancient Attica // Tria Corda: Scritti in onore di A. Momigliano. Como, 1983. P. 237 f.; *Welwei K.-W.* Die Entwicklung des Gerichtswesens im antiken Athen: von Solon bis zum Ende des 5. Jahrhunderts v. Chr. // GPAA. S. 15—29.

дины VI в.: Писистрат, чтобы прийти к власти (речь идет об установлении его первой тирании в 560 г.), добивается именно у демоса предоставления ему отряда телохранителей (Herod.I.59; Arist.Ath.pol.14.1). Получается, что мнение гражданского коллектива немало значило в это время, коль скоро амбициозный аристократ обращается к нему за фактической легитимацией своих властных притязаний. Далее, вторым приходом к власти около 557 г. до н. э. Писистрат был обязан сговору аристократических локальных группировок, но оформил свое возвращение как пропагандистскую акцию с культовым антуражем, обращенную ко всем гражданам. Имеется в виду его торжественный въезд в город в сопровождении рослой девицы, переодетой Афиной (Herod.I.60; Arist.Ath.pol.14.3). В третий раз (около 546 г. до н. э.) Писистрат стал тираном с помощью военной силы, вторгнувшись в Аттику. Но и здесь без воздействия на демос не обошлось. Уже разбив и обратив в бегство афинское ополчение в битве при Палленидe, тиран «придумал хитрый способ, чтобы воспрепятствовать бегущим вновь собраться и чтобы заставить войско рассеяться. Он велел своим сыновьям скакать на конях вперед. Настигая бегущих, сыновья Писистрата предлагали от имени отца ничего не бояться и разойтись всем по домам» (Herod.I.63).

Характерно, что свергали и изгоняли Писистрата враждебные ему аристократы, а, возвращаясь, он всякий раз в той или иной мере апеллировал к демосу. Демос и в дальнейшем оставался его союзником, а впоследствии вспоминал о годах его правления с ностальгией, как о «золотом веке». Создается впечатление, что мелкие земледельцы видели в Писистрате этакого «доброго царя», защищающего простой народ от произвола знати[63]. Впрочем, роль тирании Писистратидов в создании предпосылок для клисфеновских демократических реформ, — тема отдельной работы. Здесь же отметим, что в «нормальных» условиях политической жизни VI в. до н. э. демос, как правило, не играл определяющей и самостоятельной роли, идя в кильватере соперничающих аристократических группировок.

Деятельность Клисфена стала очередным этапным событием в афинской истории. Подчеркнем, однако, что непосредственное воздействие преобразований этого реформатора на общественную жизнь полиса заключалось отнюдь не в ликвидации политической роли аристократии[64], а скорее в существенном изменении механизмов власти, использовавшихся ее представителями[65]. Отошло в прошлое господствующее положение знати в религиозной сфере, были в известной мере подорваны (хотя и не вполне) ее экономические

---

[63] Подробнее см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 157—158.

[64] Ш. Бренне справедливо отмечает, что после реформ Клисфена персональный состав правящей элиты остался таким же, каким был и до них: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 17.

[65] Ср.: *Connor W. R.* The New Politicians... P. 18 ff.; *Frost F. J.* Tribal Politics and the Civic State // American Journal of Ancient History. 1976. V. 1. № 2. P. 66—75; *Ober J.* Mass and Elite... P. 84 ff.; *Littman R. J.* Op. cit. P. 125 ff.

позиции, стали играть меньшую роль традиционный престиж и внешние (ксенические и матримониальные связи). Постепенно прекратили существование крупные региональные группировки, опиравшиеся на «клиентелу». Правда, некоторые исследователи считают возможным говорить о «клиентах» в афинском полисе еще и в V в. до н. э.[66], но нам подобная постановка вопроса представляется уже анахронистичной[67]. На место региональных групп пришел новый тип политической организации — гетерия. Формирование гетерий происходило, насколько можно судить, на протяжении всего столетия; важной вехой в их оформлении стала, в частности, деятельность Фукидида, сына Мелесия, в 440-х гг.

А самое главное заключалось в том, что отныне любая политическая активность аристократии находилась под контролем демоса и могла осуществляться только через демос. Весьма важную роль в политической карьере стало играть, в частности, занятие магистратур, число которых в классическую эпоху значительно возросло по сравнению с архаической. Правда, в Афинах так никогда и не сложилась, в отличие от Рима, «лестница» из последовательно проходимых государственных должностей. Тем не менее в V в. до н. э. некая официальная позиция была гораздо более необходима для общего влиятельного положения политика, чем в следующем столетии. Случай с Демосфеном, который был одним из самых авторитетных деятелей в полисе и при этом почти никогда в своей жизни не занимал магистратур, в V в. почти немыслим. А поскольку занятие важной и дающей реальную власть должности (прежде всего домогались, конечно, поста стратега) было возможно единственным путем — через голосование в экклесии, — аристократы должны были неизбежно апеллировать к демосу как к источнику своих полномочий.

Отдельные представители знати по-разному относились к изменению условий политической жизни. Например, Мильтиад является типичным примером аристократа, не нашедшего себе места в мире демократического полиса. На другом полюсе — Фемистокл, не только охотно принявший новые «правила игры», но и постаравшийся извлечь из них максимальную выгоду для себя. Но, как бы то ни было, новые механизмы уже не обеспечивали, как прежде, безусловного обладания властью для аристократии, поскольку не являлись ее исключительной прерогативой.

Равновесие сил между аристократией и демосом, как мы отмечали выше, было нестабильным. Чаша весов постоянно смещалась на одну сторону — на сторону демоса. На рубеже 460-х — 450-х гг. в полисе был проведен еще ряд реформ демократического характера: лишение Ареопага части его функций, введение мистофории, переход к тайному голосованию в дикастериях, дальнейшая активизация деятельности экклесии, увеличение роли жребия в

---

66 *Daverio Rocchi G.* Politica di famiglia e politica di tribù nella polis ateniese (V secolo) // Acme. 1971. V. 24. Fasc. 1. P. 13—44; *Mossé C.* De l'ostracisme... P. 17—18.

67 Коннор тоже сомневается, что в V в. до н. э. можно говорить о клиентеле в Афинах: *Connor W. R.* The New Politicians... P. 18.

политической жизни и т. п.[68] Всё это вело к постепенному, но неуклонному вытеснению аристократов из политики, которое в основном завершилось к концу V в. до н. э. Можно говорить также и об определенном «растворении» аристократии в массе демоса[69]. Последней каплей, переполнившей чашу, стала Пелопоннесская война — конфликт, вызвавший к жизни совершенно новый, невиданный ранее этос, в корне чуждый «рыцарской» системе ценностей старинной знати. Не случайно самая жестокая критика изменений в менталитете, порожденных войной, исходит из уст Фукидида, человека исключительно «благородного» происхождения[70]. Многие представители уже и без того не столь многочисленной аристократии были физически уничтожены, другие (подобно Алкивиаду) сбились на политический авантюризм. На смену им приходило «поколение демагогов»[71].

Еще один момент заслуживает быть отмеченным. Р. Сили во многом справедливо считает реформы Клисфена в конце VI в. до н. э. победой городских аристократических родов над локальными аттическими. И в дальнейшем, вплоть до пресловутой Пелопоннесской войны, тон в политической жизни задавала именно блестящая столичная знать; выходцы из сельских демов в кругу высшей элиты были редчайшими исключениями (пожалуй, кроме Фемистокла, некого больше и назвать). К концу столетия положение принципиально изменилось. Видные деятели этого времени, судя по демотикам, имели уже внеафинское происхождение. Впервые эта тенденция проявилась в полную силу в связи с переворотом Четырехсот, все лидеры которого происходили не из городских демов. В следующем столетии та же тенденция получила дальнейшее развитие: уже значительное большинство влиятельных политиков этого времени были выходцами из сельских демов[72]. Разумеется, граждане, о которых идет речь, давно уже реально имели резиденцию в городе и не могут считаться настоящими «сельскими жителями». Тем не менее все они с точки зрения своей генеалогии явно принадлежали к кругу рангом пониже, чем лидеры полиса в V в.

В IV в. до н. э. в связи с утратой этого аристократического лидерства и вся политическая борьба приобрела новые черты. Гетерии совершенно скомпрометировали себя неблаговидной ролью в антидемократических переворотах

---

[68] Подробнее об этих реформах см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 24 слл. Специально о значении введения мистофории: *Lévêque P.* La naissance de la Grèce: Des rois aux cités. P., 1990. P. 100.

[69] Ср.: *Welwei K.-W.* «Demos» und «Plethos» in athenischen Volksbeschlüssen um 450 v. Chr. // Historia. 1986. Bd. 35. Ht. 2. S. 177.

[70] Нам уже приходилось писать об этой критике: *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания... С. 17 слл.

[71] Ср.: *Фролов Э. Д.* Огни Диоскуров: Античные теории переустройства общества и государства. Л., 1984. С. 26; *Маринович Л. П.* Греция в V в. до н. э. // История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. С. 290.

[72] См. эти наблюдения: *Gomme A. W.* The Population of Athens... P. 37 ff.

и прекратили свое существование. Фундаментальное исследование группировок, существовавших в Афинах в эпоху Демосфена, было осуществлено Л. П. Маринович[73]. Опираясь на результаты, к которым она приходит, можно сделать сопоставление характера политических группировок двух столетий афинской демократии. Прежде всего бросаются в глаза следующие отличия. Во-первых, судя по всему, в IV в. их размеры возросли по сравнению с гетериями V в. (ср. Demosth.XIII.20: «Оратор является предводителем, и полководец у него в подчинении, и еще *триста* (курсив наш. — *И. С.*) человек, готовых кричать ему в лад...», — если, конечно, это не риторическое преувеличение). Во-вторых, как видим, реальными лидерами становятся не занимающие официального положения ораторы, а стратеги фактически выступают в роли их подручных; в V же веке эти две функции, как правило, соединялись в одном лице, причем более значимой была функция военная. В третьих, позиция группировок в большей степени, чем раньше, начинает обусловливаться экономическими интересами тех или иных слоев граждан. В V в. до н. э. подобного экономического детерминизма, во всяком случае, в явной форме, мы не обнаруживаем. В-четвертых, по словам Л. П. Маринович, «борьба этих групп начинает разрывать полис, выступая как фактор, ослабляющий его способность к выживанию»[74]. Это — наследие подрывных методов гетерий эпохи Пелопоннесской войны. В лучшие годы афинской демократии V в., как мы видели, все группировки, несмотря на имевшиеся разногласия, стремились сохранить стабильность полиса и, соответственно не переходили в своем противоборстве за определенные пределы.

* * *

Мы не ставили перед собой задачу перечислить и рассмотреть все основные черты политической жизни и политической борьбы в Афинах V в. до н. э. (такая задача потребовала бы отдельного монографического исследования)[75]. Нас интересовали преимущественно те из этих черт, которые являются релевантными для основной тематики работы (функционирование института остракизма). Подводя итоги сказанному в данном экскурсе, хотелось бы особенно подчеркнуть следующие несколько моментов:

1. Внутриполитическая ситуация в афинском полисе классической эпохи отличалась большой сложностью и дробностью. Она ничуть не напоминала двухпартийную систему, характерную для многих современных демократий. Существовало большое количество малых политических группировок, кото-

[73] *Маринович Л. П.* Греки... С. 56 слл.; *Она же.* Античная и современная демократия... С. 54 слл.

[74] *Маринович Л. П.* Греки... С. 134.

[75] В частности, за пределами нашего экскурса осталась такая важная тема, как роль родства и личной дружбы при формировании политических группировок. См. об этом: *Littman R. J.* Op. cit. Passim; *Cox C. A.* Op. cit.; *Mitchell L. G., Rhodes P. J.* Op. cit.

рые могли объединяться в коалиции для достижения конкретных целей. Группировки не были массовыми и формировались в среде политической элиты. Они имели не абстрактно-идеологический, а личностный характер, в каждой из них была исключительно велика роль лидера (индивидуального или коллективного, как тот или иной знатный род). Весьма важную роль в борьбе группировок играли вопросы внешней политики, понимавшиеся также не абстрактно, а на вполне личностном уровне.

2. V в. до н. э. занимает в афинской истории особое место, являясь переходным периодом между доклисфеновской эпохой, с ее господством аристократии в общественной жизни и расцветом регионализма, и временем после Пелопоннесской войны, когда демократия сформировалась в окончательном виде, а знать как социальный слой покинула политическую сцену. На протяжении большей части V в. наблюдается некое «двоевластие», или равновесие между двумя основными силами — демосом и аристократией, определенное распределение полномочий между ними. Демос относился к представителям знатных родов двойственно: использовал их политические традиции, опыт, связи для более эффективного управления полисом, но в то же время постоянно демонстрировал отчуждение от них, неоднократно подвергал их разного рода репрессиям. Равновесие было нестабильным, неоднократно порождало острые политические конфликты. При этом на протяжении рассматриваемого хронологического отрезка положение аристократов постоянно ухудшалось, пока ее значение к концу V в. не было сведено на нет.

Теперь с учетом вышесказанного можно попытаться определить главные функции института остракизма в политической системе афинской демократии. Но предварительно необходимо путем анализа фактического материала наметить основные этапы, которые прошла история этого института за время его функционирования в классических Афинах.

2. Основные этапы истории остракизма в связи с эволюцией политической борьбы в классических Афинах

Самый первый этап истории остракизма — это так называемый этап «меча в ножнах», когда в течение двух десятилетий (от принятия клисфеновского закона об остракизме в 508/507 г. до н. э. до первого применения этой процедуры в 487 г. до н. э.) этот институт номинально существовал, но не был в фактическом употреблении[76]: остракофории на данном отрезке либо вовсе не проводились, либо, что менее вероятно, проводились, но оказывались безуспешными. Выше (гл. II, п. 1) мы писали о причинах подобной, действительно несколько странной ситуации: слишком дробный характер политической жизни, наличие достаточно большого количества соперничающих группировок (из них как минимум четыре особенно сильных и влиятельных — группировки Алкмеонидов, Мильтиада, Фемистокла и сторонников Писист-

[76] Ср.: *Stockton D.* The Classical Athenian Democracy. Oxf., 1991. P. 33—41.

ратидов), отсутствие единства между этими группировками[77] и, соответственно, трудность создания коалиций — всё это препятствовало успешному проведению остракизма, поскольку делало минимальной возможность того, что кто-либо из «кандидатов» наберет требуемое количество голосов.

Следующий, весьма четко определяемый этап — 480-е гг. до н. э., а если быть совсем точным — период от 487 до 480 г. Данный этап представляет разительный контраст с предыдущим с точки зрения интенсивности применения интересующего нас института: за шесть лет (487—482 гг.) прошло пять успешных остракофорий, а в 480 г. их жертвы были досрочно возвращены (хронологические вопросы были специально рассмотрены нами в гл. I, и вновь возвращаться к ним мы, конечно, не будем). Столь часто остракизм впоследствии уже никогда больше не использовался. Данные обстоятельства естественно привлекают наш повышенный интерес к данному этапу, к причинам столь резкого изменения ситуации. Как случился столь неожиданный переход от полного отсутствия остракофорий к настоящей их вспышке? На этом следует остановиться подробнее.

В другом месте нам уже приходилось реконструировать общую картину политической борьбы в афинском полисе в 480-х гг. до н. э.[78] Здесь мы ска-

---

[77] Н. Хэммонд справедливо обращает внимание на тот факт, что даже непосредственно перед Марафонским сражением (!), несмотря на всю опасность ситуации, в рядах стратегов (а ими являлись как раз видные политики) не было единства, и Мильтиаду стоило немалых усилий не то что добиться консенсуса в рядах своих коллег (об этом речи даже не шло), а хотя бы заручиться голосами большинства в свою пользу (Herod. VI.109—110). См.: *Hammond N. G. L.* A History of Greece to 322 B.C. Oxf., 1959. P. 220.

[78] *Суриков И. Е.* Политическая борьба... См. также работы других исследователей, в которых даются разнообразные варианты реконструкций афинской внутриполитической борьбы в начале V в. до н. э.: *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. 8 Aufl. Essen, 1984. Bd. 6. S. 284—295; *Cloché P.* La politique des Alcméonides de 507 a 482 av. J.-C. // REA. 1928. V. 30. № 4. P. 269—279; *Bengtson H.* Einzelpersönlichkeit...; *Robinson C. A.* The Struggle for Power at Athens in the Early Fifth Century // AJPh. 1939. V. 60. № 2. P. 232—237; *Idem.* Athenian Politics, 510—486 B. C. // AJPh. 1945. V. 66. № 3. P. 243—254; *McGregor M. F.* Op. cit.; *Gomme A. W.* Athenian Notes. 1. Athenian Politics, 510—483 B.C. // AJPh. 1944. V.65. № 4. P. 321—331; *Homo L.* Périclès: Une expérience de démocratie dirigée. P., 1954. P. 7—14; *Gillis D.* Marathon and the Alcmaeonids // GRBS. 1969. V. 10. № 2. P. 133—145; *Ghinatti F.* I gruppi politici ateniesi fino alle guerre persiane. R., 1970; *Knight D. W.* Op. cit. P. 13—32 (с исчерпывающей библиографией предыдущих работ); *Galli F.* Aspetti della politica interna ed estera degli Alcmeonidi // QUCC. 1971. V. 11. P. 65—76; *Badian E.* Archons and Strategoi // Antichthon. 1971. V. 5. P. 1—34; *Martin J.* Von Kleisthenes zu Ephialtes: Zur Entstehung der athenischen Demokratie // Chiron. 1974. Bd. 4. S. 5—42; *Kinzl K. H.* Athens...; *Karavites P.* Realities and Appearances, 490—480 B. C. // Historia. 1977. Bd. 26. Ht. 2. S. 129—147; *Kelly D. H.* The Athenian Archonship 508/7 — 487/6 B. C. // Antichthon. 1978. V. 12. P. 1—17; *Williams G. M. E.* The Image of the Alkmeonidai

жем об этом более кратко и лишь постольку, поскольку это необходимо для лучшего понимания соответствующего этапа истории остракизма. Вскоре после Марафонской победы политическая ситуация в Афинах в силу ряда конкретных обстоятельств значительно упростилась. Группировка сторонников свергнутых тиранов Писистратидов, возглавлявшаяся родственником Гиппия Гиппархом, сыном Харма, если она ранее и могла иметь какой-то авторитет, теперь полностью скомпрометировала себя: как известно, Гиппий лично присутствовал в войске Датиса и Артаферна в качестве советника. В данном свете более чем естественным представляется, что именно Гиппарх, сын Харма, а не кто-либо иной, стал самой первой жертвой остракизма. Далее, Мильтиад, как известно, скончался в 489 г. В предыдущем пункте данной главы мы говорили о ярко выраженном личностном характере политических группировок в классических Афинах, об их большой зависимости от фигуры лидера. Унаследовать положение Мильтиада мог только его сын Кимон, еще слишком молодой, по афинским представлениям, для активной политической деятельности (в начале 480-х гг. до н. э. ему было около 20 лет). Кимон все-таки рассматривался согражданами как достаточно влиятельный политик (об этом говорит появление его имени на остраконах уже в 480-е гг.[79]), но в целом юный возраст пока не позволял ему стать достойным конкурентом более опытных и авторитетных политических деятелей. Соответственно, былая группировка Мильтиада пребывала в незавидном положении, а, может быть, вообще временно распалась.

Таким образом, политическая ситуация в Афинах на хронологическом отрезке между Марафоном и Саламином характеризовалась противостоянием двух оставшихся сильных группировок. Во главе одной из них стояли лидеры Алкмеонидов: Ксантипп[80], Мегакл, возможно, Каллий, сын Кратия. Вторая группировка возглавлялась Фемистоклом, стремительно и неуклонно набиравшим влияние. Что же касается группировок более мелких (о которых, впрочем, мало что известно), то они вынуждены были делать для себя выбор и присоединяться к одной из двух основных враждующих сторон. Интерес

between 490 B. C. and 487/6 B. C. // Historia. 1980. Bd. 29. Ht. 1. S. 106—110; *Idem.* Athenian Politics 508/7 – 480 B. C.: A Reappraisal // Athenaeum. 1982. V. 60. Fasc. 3/4. P. 521—544; *Littman R. J.* Op. cit. P. 165—191; *Lavelle B. M.* The Sorrow and the Pity... P. 27—42; *Lotze D.* Bürger und Unfreie im vorhellenistischen Griechenland: Ausgewählte Aufsätze. Stuttgart, 2000. S. 195—205; *Forsdyke S.* Greek History c. 525 — 480 B. C. // Brill's Companion to Herodotus. Leiden, 2002. P. 521—549. Данный перечень отнюдь не является исчерпывающим и лишь дает некоторое представление о количестве различных мнений по интересующей нас проблеме.

79 Ср.: *Mattingly H. B.* The Practice... P. 4; *Culasso Gastaldi E.* Op. cit. P. 267.

80 Именно он, скорее всего, был наиболее влиятельным среди Алкмеонидов, по сути, преемником Клисфена. Ср.: *Schefold K.* Kleisthenes: Der Anteil der Kunst an der Gestaltung des jungen athenischen Freistaates // Museum Helveticum. 1946. V. 3. Fasc. 2. P. 69; *Châtelet F.* Périclès et son siècle. P., 1990. P. 105 s.

представляет, в частности, позиция такой видной фигуры, как Аристид. Этого политика, слывшего безупречно справедливым, вряд ли следует причислять к прямым сторонником Алкмеонидов[81]. Он, несомненно, был вождем собственной политической группы, но его авторитет в полисе основывался даже не столько на этом, сколько на этической репутации. В конкретных обстоятельствах он мог оказываться в одном лагере с Алкмеонидами (речь идет о коалиции не «за что-то», а «против кого-то», поскольку и Алкмеониды, и Аристид, хотя и по разным причинам, были враждебны Фемистоклу), но о принципиальной их солидарности говорить вряд ли следует. Наверное, не случайно, что Фемистокл вначале расправился путем нескольких последовательных остракофорий с лидерами Алкмеонидов, и лишь позже, спустя два года, оказался достаточно сильным для того, чтобы победить и Аристида.

Многие перипетии внутриполитической борьбы рассматриваемого десятилетия ввиду скудного и фрагментарного характера информации, содержащейся в источниках, ускользают от нас. Лишь довольно смутно вырисовываются очертания создававшихся ad hoc и распадавшихся альянсов. Однако предельно ясен итог: полным и бесспорным победителем в борьбе со всеми своими противниками оказался Фемистокл, к концу 480-х гг. оставшийся единственным по-настоящему влиятельным политиком в полисе. «Выскочка из Фреарр» смог исключительно искусно использовать в своих интересах институт остракизма. Практически никто из исследователей не сомневается в том, что именно Фемистокл явился инициатором резкой активизации проведения остракофорий (от нуля сразу практически к возможному максимуму), что изгнание ряда видных политиков в это время — его рук дело[82]. Фемистокл вел рискованную игру, в том числе рискованную и для самого себя: ведь, инициируя остракофорию, он подвергался точно такой же опасности быть изгнанным, как и любой другой «кандидат» из лагеря его противников. Мы помним, что, скажем, для Гипербола попытка сознательно «пойти на остракизм»

---

[81] Подробнее см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 185. Есть, впрочем, и мнение, согласно которому Аристид был, напротив, противником Алкмеонидов: *Bengtson H.* Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. 3 Aufl. München, 1974. S. 133. Эта точка зрения представляется нам другой крайностью, и тоже неверной.

[82] *Gregor J.* Op. cit. S. 202; *Williams G. W.* The Curse of the Alkmaionidai. II. Kleisthenes and the Persian Wars // Hermathena. 1952. V. 79. P. 1—21; *Kagan D.* The Origin and Purposes... P. 399; *Forrest W. G.* The Emergence... P. 220; *Thomsen R.* Op. cit. P. 132; *Bicknell P. J.* Athenian Politics... P. 159; *Lenardon R. J.* The Saga... P. 47; *Ruschenbusch E.* Athenische Innenpolitik... S. 53 f.; *Bengtson H.* Griechische Staatsmänner... S. 50; *Camp J. M.* Excavations... 1996 and 1997. P. 268; *Anderson G.* Op. cit. P. 402; *Строгецкий В. М.* Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987. С. 19—20; *Он же.* Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // Античный мир: проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 71.

закончилась в высшей степени плачевно. Впрочем, у Фемистокла было одно немаловажное преимущество, которым не располагали его конкуренты, и этим преимуществом являлась его позиция во внешнеполитических вопросах — позиция однозначно антиперсидская.

Действительно, в историографии неоднократно и совершенно правомерно отмечалось, что в остракофориях 480-х гг. до н. э., да и во всей вообще борьбе группировок этого времени чрезвычайно значимую роль играл внешнеполитический аспект[83]. В частности, самым важным вопросом, конечно, была выработка позиции полиса по отношению к Персии. События 490 г. (экспедиция Датиса и Артаферна, Марафонская победа) стали в этом отношении важной переломной вехой. Если ранее в определенной части гражданского коллектива сохранялись иллюзии, что с Ахеменидами можно еще сохранить хорошие отношения, договориться путем каких-то уступок (например, возвращения Гиппия), то теперь предельно ясной становилась дилемма: либо полное безоговорочное подчинение (а может быть, даже всеобщее рабство на чужбине), либо самое решительное сопротивление. В подобных обстоятельствах все политики, которые ранее, в более спокойное время имели неосторожность высказываться или действовать в примирительном для афино-персидских отношений ключе, были обречены на заведомо настороженное и подозрительное отношение к себе демоса. Появился пропагандистский ярлык «мидизма» (μηδισμός), под который при желании можно было подвести весьма широкий круг явлений: не только прямую персидскую измену как таковую, сотрудничество с «мидянами», но и, скажем, просто приверженность персидскому образу жизни[84]. Обвинения в «мидизме» самым тесным образом связывались с обвинениями с приверженности к тирании; «друг персов» чаще всего объявлялся одновременно «другом тиранов»[85]. Ведь именно персы в 490 г. желали

---

[83] *Karavites P.* Realities and Appearances... P. 142; *Osborne R.* Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens // Past & Present. 1997. № 155. P. 7; *Raaflaub K.* Die Entdeckung der Freiheit... S. 99—100. Об общей внешнеполитической ситуации этого периода см.: *Papastavrou J.* Die politische Situation in Athen am Vorabend der Perserkriege und die auswärtige Politik Athens // Gymnasium. 1963. Bd. 70. Ht. 1. S. 11 ff.; *Schachermeyr F.* Forschungen... S. 75 ff.

[84] Об обвинениях в «мидизме» см.: *Wolski J.* Wpływ wojen perskich na formy walki politycznej w Grecji // Przeglad historyczny. 1968. T. 59. № 3. P. 416—427; *Idem.* Μηδισμός et son importance en Grèce a l'époque des guerres médiques // Historia. 1973. Bd. 22. Ht. 1. S. 3—15; *Gillis D.* Collaboration with the Persians. Wiesbaden, 1979. P. 39—71. Существует недавняя отечественная работа: *Владимирская О. Ю.* Алкмеониды и медизм в Афинах во время Греко-персидских войн // АГ. С. 43—48. Но она удивила нас откровенно низким уровнем, игнорированием ряда важнейших исследований по проблеме, отсутствием каких бы то ни было новых, нетривиальных результатов.

[85] Ср.: *Stein-Hölkeskamp E.* Op. cit. S. 193 ff.; *Austin M. M.* Greek Tyrants and the Persians, 546—479 B. C. // ClQ. 1990. V. 40. № 2. P. 306; *Lavelle B. M.* The Sorrow and the Pity... P. 35.

реставрировать власть изгнанного Гиппия, а, добавим, десять лет спустя в походе Ксеркса вновь участвовали какие-то представители рода Писистратидов (Herod.VIII.52). В исследовательской литературе отмечалось, что античная традиция не сохранила упоминаний о роли обвинений в «мидизме» в период первых остракофорий, делая упор не на «персидский», а на «тиранический» фактор в объяснении их проведения. На этом основании, кстати, античным авторам подчас даже делаются упреки в том, что они дают версию, не соответствующую действительности, что на самом деле в остракизмах 480-х гг. реальную роль сыграла борьба не со сторонниками тирании или потенциальными тиранами, а с адептами мира с Персией[86]. Данная точка зрения неверна в том отношении, что она не учитывает равную важность обоих факторов в контексте политической борьбы рассматриваемого времени. Собственно, насколько нам представляется, следует говорить даже не о двух разных факторах, а о двух сторонах одной медали. Для афинского общественного мнения 480-х гг. до н. э. быть сторонником Писистратидов означало то же самое, что быть сторонником персов, «мидистом»[87]. Сложение этих двух векторов, несомненно, наложило свой отпечаток на то, что первые остракофории практически все как одна действительно проходили под лозунгом противостояния «мидизму», измене в собственных рядах[88]. Грубо говоря, искали «пятую колонну». Подобный настрой общественного мнения очень ярко отразился в приписках на некоторых острака (приведены нами в п. 2 источниковедческого раздела). «Предатель», «мидянин» и т. п. — такого рода инвективные характеристики порой читаем мы на этих черепках. В то же время ни на одном известном на сегодняшний день остраконе никто не назван сторонником Писистратидов, «другом тиранов» или как-нибудь в подобном роде. Дело, видимо, в том, что обе характеристики в тот момент полностью отождествлялись. Впрочем, не будем делать ответственных выводов e silentio.

Фемистокл с данной точки зрения, в рамках дихотомии «мидисты — враги персов», был абсолютно безупречен. Так сложилось, что он уже в 490-х гг. до н. э., когда в его архонтат ставилась антиперсидская трагедия Фриниха «Взятие Милета» и начиналось строительство порта в Пирее, зарекомендовал себя как один из лидеров тех слоев гражданского коллектива, которые испытывали враждебность к ахеменидской экспансии. Ничем подобным не мог похвастаться ни один из его соперников на том хронологическом отрезке, о котором идет речь. О Гиппархе, сыне Харма, не приходится и говорить. Нам

---

[86] *Schreiner J.H.* The Origin... P. 84—86; *Raubitschek A.E.* Aristoteles... S. 174; *Siewert P.* Accuse... P. 4—6.

[87] Как известно, Писистратиды еще с VI в. до н. э. поддерживали дружественные отношения с Персией. Ср.: *Graf D.F.* Greek Tyrants and Achaemenid Politics // The Craft of the Ancient Historian. Lanham, 1985. P. 98.

[88] *Willemsen F.* Ostraka... S. 103; *Lintott A.* Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City, 750—330 B. C. Baltimore, 1982. P. 126; *Rhodes P. J.* A Commentary... P. 274; *Doenges N.A.* Ostracism... P. 402—404.

неизвестно, призывал ли этот политик принять условия Персии или предпочитал благоразумно отмалчиваться. В данной ситуации это никакой роли уже не играло: родство и былая близость с Гиппием теперь автоматически обрекали его на опалу. Удивляться скорее приходится тому, что Гиппарх стал жертвой такой сравнительно мягкой и гуманной меры, как остракизм, временное изгнание без последующего ущемления в правах. Его вполне могло бы постигнуть и что-нибудь значительно более суровое. Кстати, о группировке «друзей тиранов». Нам представляется совершенно фантастическим предположение, мимоходом высказанное в свое время Б. Мериттом[89], а недавно подробно развитое М. Арнашем[90], согласно которому в начале V в. до н. э., до 480-х гг. включительно, в Афинах находился старший сын свергнутого тирана Гиппия — Писистрат (так называемый Писистрат Младший). Именно к этому Писистрату упомянутые исследователи относят найденный на Агоре остракон архаичного вида с именем Писистрата (об этом памятнике см. выше, гл. II, п. 2). Как могли бы афиняне позволить остаться в городе (или впоследствии вернуться в него) *старшему сыну* ненавистного тирана, то есть его непосредственному наследнику? Далее, если он был в Афинах, то почему же группировку «друзей тиранов» возглавлял не он, а более далекий родственник Гиппия — Гиппарх, сын Харма? Почему Гиппарх стал первой жертвой остракизма, если имелась куда более очевидная мишень (родной сын тирана!)? Почему Писистрат Младший так и не был изгнан не только на первой остракофории, но и на какой-либо из последующих, и что с ним вообще потом случилось? Или, может быть, он устранялся от политической деятельности, вел жизнь частного лица и таким образом уберег себя от остракизма? Но как совместить с этим занятие им поста эпонимного архонта в 497/496 г., на чем настаивает Меритт? Архонтат в то время был еще выборным, и человека, не занимающегося политикой, конечно, не избрали бы на эту магистратуру. Таковы лишь некоторые из недоуменных вопросов, которые возникают при ознакомлении с гипотезой, о которой идет речь, и найти ответы на которые, похоже, нет никакой возможности. Видимо, к данной реконструкции карьеры Писистрата Младшего стоит относиться как к некоему курьезу.

В годы, последовавшие за первой остракофорией 487 г. до н. э., не сумели уберечься от штампа «мидизма» и Алкмеониды. Сделать это им было тем труднее, что, как было прекрасно известно всем афинянам, этот род еще с давних, лидийских времен поддерживал тесные контакты с Востоком[91]. Помнили, конечно, и о том, что около 507 г. до н. э. по инициативе Алкмеонида Клисфена ко двору персидского сатрапа в Сардах отправилось афинское посольство (Herod.V.73). На том этапе, еще до начала Греко-персидских войн, в подобном посольстве еще не было и не могло быть ничего предосудительного или «преда-

---

[89] *Meritt B. D.* Op. cit. P. 63—64.

[90] *Arnush M. F.* Op. cit. Passim.

[91] Подробнее см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 66 слл.; *Austin M. M.* Op. cit. P. 295.

тельского», во всяком случае, не больше, чем в поездках ко двору царей Лидии. Однако посольство привело к достаточно неприятным для Афин последствиям: послы, не разобравшись в обстановке, при заключении союза опрометчиво дали сатрапу Артаферну «землю и воду». Это означало формальное признание суверенитета персидского царя и впоследствии служило для Ахеменидов обоснованием притязаний на власть над Афинами. Неизвестно, был ли договор непосредственно после заключения ратифицирован экклесией[92], но теперь, после Марафона, послы, подписавшие его (среди них, несомненно, были представители Алкмеонидов), должны были «задним числом» рассматриваться как изменники. Сыграло роль еще и то, что в 490-х гг. Алкмеониды пытались по не вполне понятным причинам «заигрывать» с оставшимися в Афинах Писистратидами, очевидно, содействовав избранию Гиппарха, сына Харма, эпонимным архонтом на 496/495 г. Как бы то ни было, сразу после Марафонской победы Алкмеонидам было предъявлено обвинение (хотя и неофициальное) в прямом сговоре с персами, в том, что во время сражения они будто бы подавали противникам некий сигнал щитом (Herod.VI.115). Судя по всему, это обвинение вряд ли имело под собой сколько-нибудь серьезные основания[93]. Однако общественное мнение, как известно, живет в мире не реальностей, а мифов, актуализируемых в ходе пропагандистских кампаний.

В свете вышесказанного не кажется удивительным чрезвычайно большая доля представителей рода Алкмеонидов среди лиц, которые в 480-е гг. до н. э. были изгнаны остракизмом или подвергались такой опасности[94]. Подверглись изгнанию, как мы знаем, Мегакл и Ксантипп, что совершенно обезглавило всю группировку. Каллий, сын Кратия, наиболее вероятная жертва остракизма 485 г., также с немалой долей уверенности может быть причислен к Алкмеонидам (если не по прямой мужской, то, во всяком случае, по какой-ли-

---

[92] Во всяком случае, он вряд ли был официально дезавуирован. Ср.: *Блаватский В. Д.* Ук. соч. С. 195—196.

[93] Современные исследователи в основном не склонны считать его обоснованным: *Cloché P.* Op. cit. P. 279; *Robinson C. A.* The Struggle for Power... P. 232 ff.; *McGregor M. F.* Op. cit. P. 71 ff.; *Sealey R.* A History... P. 203; *Holladay J.* Medism at Athens, 508—480 B. C. // G&R. 1978. V. 25. № 2. P. 174—191; *Williams G. M. E.* The Image of the Alkmeonidai... S. 106 ff.; *Doenges N. A.* The Campaign... S. 15; *Hodge A. T.* Reflections on the Shield at Marathon // ABSA. 2001. V. 96. P. 237—259. Значительно реже факт измены признается: *How W. W., Wells J.* A Commentary on Herodotus with Introduction and Appendixes. V. 2. Oxf., 1912. P. 359—360; *Gillis D.* Marathon... P. 133 ff.; *Idem.* Collaboration... P. 45—58. О событии см. также: *Reynolds P. K. B.* The Shield Signal at the Battle of Marathon // JHS. 1929. V. 49. № 1. P. 100—105; *Hudson H. G.* The Shield Signal at Marathon // American Historical Review. 1937. V. 42. № 3. P. 443—459; *Hodge A. T., Losada L. A.* The Time of the Shield Signal at Marathon // AJA. 1970. V. 74. № 1. P. 31—36.

[94] Ср.: *Burn A. R.* Op. cit. P. 13; *Kagan D.* The Origin and Purposes... P. 399; *Ehrenberg V.* From Solon... P. 143; *Lazenby J. F.* Op. cit. P. 81.

бо из женских линий). Калликсен, сын Аристонима, принадлежность которого к Алкмеонидам бесспорна (она зафиксирована надписью на одном из остраконов), получил на какой-то остракофории весьма изрядное количество голосов (даже до нашего времени дошло несколько сот черепков) и, соответственно, если и не был реально изгнан, то являлся одним из наиболее серьезных «кандидатов» на изгнание. Упоминается на острака еще целый ряд афинян, которые неизвестны из письменных источников, но по своему ономастикону идентифицируются как происходящие из Алкмеонидов или, по крайней мере, находящиеся в родстве с ними. Среди этих лиц — Гиппократ, сын Алкмеонида; Алкмеон, сын Аристонима; Ксантипп, сын Гиппократа; Мегакл, сын Каллисфена; Мегакл, сын Гиппократа, сына Алкмеонида; Мегакл из Анагирунта; Мегакл из Анафлиста; Мегакл из Ахарн; Мегакл из Эгилии; Арифрон, сын Ксантиппа; Менон, сын Мегакла[95]; возможно, Гиппократ, сын Анаксилея[96]. Этот перечень отнюдь не претендует на полноту: читатель, открыв Приложение V к данной работе, где дается сводка встречающихся на острака имен, легко может его пополнить.

Последней жертвой остракизма в «серии» 480-х годов стал Аристид. Этого политического деятеля последующая нарративная традиция представляет убежденным врагом Персии, решительным сторонником борьбы с ними, расходившимся с Фемистоклом лишь в вопросе о способах отражения противника (приоритет сухопутных или морских сил). Но здесь, судя по всему, имеет место экстраполяция на более ранний период последующей деятельности Аристида, когда он действительно был одним из лидеров антиперсидского сопротивления: командовал афинским контингентом при Платеях, основал Делосский союз и т. д. Что же касается хронологического отрезка между Марафоном и Саламином, в это время Аристид, по меньшей мере, отнюдь не был вне подозрений. Об этом свидетельствует тот остракон, на котором он назван «братом Датиса» — персидского полководца, возглавлявшего экспедицию 490 г. до н. э. Значит, существовало, во всяком случае, мнение, что «справедливый» политик тоже принадлежит к когорте персофилов. Было ли это мнение основано на каких-то реальных фактах или же оно явилось порождением враждебной пропаганды со стороны Фемистокла — судить крайне сложно. Приведем сведения о нескольких обстоятельствах, которые, возможно, позволят пролить на ситуацию некоторый свет.

О первом рассказывает Плутарх (Aristid.5). В Марафонском сражении Аристид участвовал в качестве стратега, возглавляя отряд филы Антиохиды (к ней относился его дем, Алопека). Сразу после битвы афинский командующий Мильтиад, увидев, что персы плывут на кораблях к Афинам, огибая побережье Аттики, приказал полисному ополчению форсированным маршем

---

[95] Если писавший не спутал патронимик и не имел в виду Менона, сына Менеклида.

[96] Выходцем из Алкмеонидов считал этого Гиппократа А. Раубичек (*Raubitschek A. E.* Dedications... P. 338—340). Есть, впрочем, и иное мнение (например: *Shapiro H. A.* Hippokrates...), согласно которому речь идет не об Алкмеониде, а о Писистратиде.

двигаться к городу, чтобы опередить врага. Однако в Афины возвратилось не все войско, а отряды лишь девяти фил. Десятый отряд — а именно отряд Антиохиды во главе с Аристидом — был оставлен на поле боя, по версии Плутарха, для того, чтобы охранять пленников и добычу. Нам, однако, представляется, что здесь могла иметь место и другая причина. Вряд ли в условиях, когда под угрозой была сама независимость государства, к тому же на счету был каждый человек (войско персов даже после понесенных при Марафоне потерь превосходило численностью афинское), вопрос об охране добычи стоял так уж остро. Не исключено, что Мильтиад оставил на поле боя ту часть ополчения, которая казалась наиболее ненадежной, присутствие которой в городе ввиду возможной новой персидской атаки представлялось нежелательным. Обратим при этом внимание, что как раз к филе Антиохиде принадлежали, помимо Аристида, очень многие представители Алкмеонидов (дем Алопека был главной резиденцией этого рода[97]), а Алкмеониды тоже подозревались в симпатиях персам.

Далее, тот же Плутарх (Aristid.8) указывает, что после начала похода Ксеркса афиняне опасались, что Аристид (в то время находившийся в остракизме) перейдет на сторону персов. Еще один источник, правда, довольно поздний (Suid.s.v. Ἀριστείδης), сообщает, что Ксеркс даже посылал к изгнаннику-Аристиду послов и предлагал ему три тысячи дариков, если тот предаст Элладу. Аристид, конечно, отказался, но характерно, что персидский царь обращался с подобным предложением именно к нему. Стало быть, у Ксеркса были какие-то основания надеяться на успех? Итак, можно заключить, что в 480-х гг. до н. э. сограждане (или, во всяком случае, определенная их часть) не вполне доверяли Аристиду, в некоторой мере считали его потенциальным изменником, и это, скорее всего, сыграло свою роль в его изгнании остракизмом.

Таким образом, для политической борьбы того времени, когда прошла самая крупная в афинской истории серия остракофорий, были характерны следующие черты: во-первых, раскол политической элиты на две крупные группировки (сторонники Фемистокла и Алкмеонидов), во-вторых, выход на первый план внешнеполитических вопросов (отношения с Персией), по которым велись острые дискуссии. В историографии, правда, существует еще мнение, что значительную роль в остракофориях 480-х гг. сыграл также вопрос чисто внутриполитический — вопрос об отношении к реформе архонтата, проведенной в 487 г. до н. э.[98] Согласно этой реформе (Arist.Ath.pol.22.5) архонты, которые ранее избирались голосованием в народном собрании, теперь стали назначаться по жребию из предварительно намеченных демами кандида-

---

[97] *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 53 (с указанием литературы).

[98] Об этой реформе см.: *Cavaignac E.* La désignation des archontes athéniens jusqu'en 487 // RPLHA. 1924. V. 48. P. 144—148; *Badian E.* Archons and Strategoi...; *Buck R. J.* The Reform of 487 B. C. in the Selection of Archons // ClPh. 1965. V. 66. № 2. P. 96—101; *Суриков И. Е.* Афинский ареопаг... С. 34.

тов. О причинах и целях этой реформы, о том, кто из афинских политиков мог быть ее инициатором, здесь вряд ли уместно специально говорить. Отметим лишь, что, по предположению некоторых исследователей[99], Мегакл, сын Гиппократа, остракизм которого приходится на тот же год, что и реформа архонтата, был изгнан именно из-за своего негативного отношения к этому нововведению. Мы со своей стороны не видим для такой точки зрения каких-либо оснований. Это — чистая догадка, базирующаяся лишь на том, что Аристотель, рассказав о реформе 487 г. до н. э., тут же, в прямой последовательности, упоминает об остракизме Мегакла. Ни о какой причинной связи между этими двумя событиями автор «Афинской политии» не говорит, соединяя два сообщения лишь сочинительным союзом καί. Остается напомнить основополагающий методологический принцип: post hoc non est propter hoc.

Следует отметить, что Фемистокл, оставшийся после остракофорий фактически единоличным лидером афинского полиса, в 480 г. нашел в себе достаточно государственной мудрости, чтобы провести в народном собрании решение о досрочном возвращении своих изгнанных противников. Очевидно, он смог отодвинуть свои личные интересы на второй план перед лицом общей опасности. Впрочем, возможно, у него просто не было другого выбора, или же он желал в случае возможной неудачи разделить ответственность с другими политиками.

* * *

Хронологические рамки следующего этапа истории остракизма можно определить таким образом: от 480 г. до н. э. до конца 460-х гг. (если быть совсем точным — до 461 г. до н. э.), то есть от возвращения жертв первых остракофорий до остракизма Кимона (не включаемого в этот этап). Для данного периода характерно резкое снижение интенсивности применения института остракизма: на временном промежутке примерно в два десятилетия имела место лишь одна (во всяком случае, одна успешная) остракофория, в ходе которой был изгнан Фемистокл (в конце 470-х гг., скорее всего, в 470 г. до н. э.). Таким образом, произошло почти полное возвращение к ситуации до 480-х гг., когда закон об остракизме существовал, но не применялся. Правда, сторонники поздней датировки остраконов с Керамика полагают, что в 470-х гг., помимо остракизма Фемистокла, состоялся еще один или даже два остракизма (повторный остракизм Мегакла, сына Гиппократа, и первый остракизм Алкивиада Старшего). Выше мы уже неоднократно касались этой проблемы (п. 2 источниковедческого раздела; гл. I) и пришли к однозначному выводу, что эти два остракизма нельзя признать историчными. Тогда мы отталкивались от чисто эмпирических данных, теперь же пойдем иным путем и, опираясь на соображения общего характера, попытаемся продемонстрировать, что условия политической борьбы на рассматриваемом хронологическом отрезке с не-

[99] *McGregor M. F.* Op. cit. P. 87; *Строгецкий В. М.* Греческая историческая мысль... С. 30.

избежностью предполагают одну — и лишь одну, а не более, — остракофорию, а именно остракизм Фемистокла. Для этого необходимо будет рассмотреть характер политических группировок в 470-е — 460-е гг. до н. э., расклад сил в афинском полисе.

Возвращение целого ряда авторитетных политических лидеров из остракизма в 480 г., казалось бы, должно было вновь придать борьбе группировок полицентричный характер, привести к расщеплению политического поля. Однако этого не случилось, и вот почему. Как раз в это время, около 480—479 гг. до н. э. был заключен мощнейший политический союз между тремя наиболее влиятельными аристократическими родами: Филаидами, Алкмеонидами и Кериками. Союз был скреплен матримониальными узами (лидер Филаидов Кимон вступил в брак с представительницей Алкмеонидов Исодикой, а лидер Кериков Каллий, — в свою очередь, в брак с сестрой Кимона Эльпиникой)[100]. Многие мелкие группировки, насколько можно судить, тоже вошли в состав нового альянса; в частности, к нему, несомненно, примкнул Аристид, который и до того был связан родством с родом Кериков.

Возникшая коалиция аристократических лидеров и их окружения стала, если так можно выразиться, «супергруппировкой», имевшей тенденцию монополизировать многие рычаги власти в Афинах. Такого рода колоссальные по полисным меркам коалиции редко, но возникали в афинской истории (например, одна из них, объединившая Писистратидов, Алкмеонидов, Филаидов, Кериков, сформировалась в 520-е гг. до н. э., в первый период правления Гиппия), впрочем, при этом, как правило, оказываясь непрочными. Конкурирующие амбиции отдельных лидеров подрывали любой такой союз изнутри. Не стал исключением и альянс, заключенный около 480 г. Он просуществовал около десятилетия, и главным фактором, поддерживавшим его и не дававшим распасться, был, как ни парадоксально, Фемистокл. Именно против «выскочки из Фреарр», для борьбы с ним, для ограничения его «непомерно» разросшегося влияния был создан союз аристократов. И это, конечно, не могло не повести к ослаблению группировки Фемистокла и усилению его противников. Сразу же после 480 г. в их руках все чаще стали оказываться ведущие магистратуры, особенно должность стратега, на которую систематически избирались Ксантипп, Аристид, Кимон. Лидирующая же позиция «отца афинского флота» неуклонно близилась к закату.

Фемистокл едва ли не впервые в своей карьере оказался в положении обороняющейся стороны. Раньше он сам смело шел на конфликт, инициировал остракофории, рисковал, ощущая свою популярность. Теперь же ему приходилось по большей части самому отбиваться от чужих атак, оправдываться, «докучать им [афинянам. — *И. С.*] в Народном собрании частыми напоминаниями о своих заслугах» (Plut.Them.22). Подчеркивая свою роль в Саламинском сражении, он поставил в качестве хорега посвященную этому событию

---

[100] О союзе Филаидов, Алкмеонидов и Кериков см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 187—188 (со ссылками на предшествующую литературу вопроса).

трагедию своего давнего соратника Фриниха «Финикиянки»[101]. В подобных обстоятельствах Фемистоклу, конечно, не под силу было бы добиться изгнания остракизмом кого бы то ни было из противоположной группировки, будь то Мегакл или Алкивиад Старший. А если не он, то кто мог бы это сделать? Перед нами еще один аргумент в пользу того, что эти две остракофории в 470-е гг. — не более чем историографический миф.

С другой стороны, и противникам Фемистокла, даже объединенными усилиями, не так-то просто было его «свалить». Все-таки слава и популярность саламинского героя еще достаточно долго давали о себе знать. Против него, насколько можно судить, велось настоящее систематическое наступление в течение целого ряда лет. Удалось добиться того, что Фемистокла перестали избирать стратегом, предоставив ему пост афинского представителя в Дельфийской амфиктионии, достаточно почетный, но практически лишенный влиятельности и к тому же не предполагавший какой-то активной деятельности, являвшийся своеобразной синекурой (впрочем, Фемистокл и на этом посту ухитрялся проводить важные меры, ср. Plut.Them.20)[102]. И, наконец, его удалось полностью дискредитировать в глазах демоса, так что на остракофории против него проголосовало нужное количество граждан. Вряд ли поэтому стоит считать падение Фемистокла каким-то особенно таинственным, как делает, например, Кокуэлл[103]: перед нами вполне естественный результат определенного хода политических событий.

Сразу после изгнания Фемистокла в коалиции аристократов наметился раскол. Собственно, в этом нет ничего удивительного: альянс, возникший на основе «негативного консенсуса» против конкретного лица, вполне естественно утрачивал главный сплачивающий фактор, коль скоро это лицо покинуло политическую сцену. Уже на момент заочного суда над Фемистоклом (ок. 467 г. до н. э.) от коалиции откололся Аристид. По сообщению Плутарха (Aristid.25), он «забыл старые обиды, и в то время как Алкмеон, Кимон и многие иные наперебой изобличали Фемистокла, один лишь Аристид и не сделал и не сказал ничего ему во вред»[104]. Как видно из этого пассажа, Филаиды и

---

101 *O'Neill E.* Note on Phrynichus' Phoenissae and Aeschylus' Persae // ClPh. 1942. V. 37. № 4. P. 425—427; *Post L. A.* The Seven against Thebes as Propaganda for Pericles // Classical Weekly. 1950. V. 44. № 4. P. 49—52; *Vernant J.-P., Vidal-Naquet P.* Mythe et tragédie en Grèce ancienne. T. 2. P., 1986. P. 97; *Суриков И. Е.* Аттическая трагедия и политическая борьба в Афинах // АВ. 1999. Вып. 4—5. С. 190.

102 Об этом этапе карьеры Фемистокла см.: *Bengtson H.* Themistokles und die delphische Amphiktyonie // Eranos. 1951. Bd. 49. Ht. 3/4. S. 85—92; *Кулишова О. В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII—V вв. до н. э.). СПб., 2001. С. 291 сл.

103 *Cawkwell G. L.* Op. cit. P. 39 ff.

104 П. Бикнелл считает, что Аристид на этом этапе не был так враждебно настроен к Фемистоклу, как Алкмеониды, поскольку имел с ним матримониальные связи: *Bicknell P. J.* Athenian Politics... P. 160.

Алкмеониды еще по-прежнему действовали сообща. Но и их пути вскоре разошлись. Следует сказать, что от существования коалиции аристократических родов в наибольшей степени выиграл, безусловно, Кимон. Он в конечном счете сумел добиться самого авторитетного положения в полисе, совершенно затмив всех остальных политиков. На протяжении 460-х гг. до н. э. он был фактически «первым гражданином», то есть играл в Афинах примерно такую же роль, как Перикл в 440-х и 430-х гг. Теперь, после изгнания Фемистокла, достойного конкурента у него просто не было: Алкмеониды в течение определенного времени не могли выдвинуть сильного лидера, Ксантипп в конце 470 х гг. умер или погиб[105], а его сын Перикл был еще слишком молод, Аристид отошел от активной политической деятельности. Кимону в это время никто бы не осмелился бросить вызова, а сам он мог никого не бояться, поэтому на протяжении примерно десятилетия мы вновь не встречаем в афинской истории ни одной остракофории.

Скажем теперь несколько слов о внешнеполитической обстановке рассматриваемого хронологического отрезка (470-е — 460-е гг. до н. э.), — постольку, поскольку эта обстановка могла оказывать влияние на внутреннюю борьбу и, в частности, на функционирование института остракизма. В целом на внешнем горизонте Афин стало, бесспорно, спокойнее, чем раньше; ситуация была достаточно стабильной. Ахеменидская опасность была отражена; стычки с персами в Эгеиде, как правило, победоносные происходили регулярно и стали уже своего рода рутиной, не оказывавшей прямого влияния на внутриполитическую жизнь (не считая того, что каждая такая победа приносила «дополнительные очки» Кимону). Дружественно складывались отношения со Спартой, в чем была заинтересована находившаяся у власти группировка аристократов. Фемистокл, впрочем, был выразителем противоположной тенденции, не упуская случая сделать что-либо во вред лакедемонянам. Спарта, раздраженная этим, судя по всему, сыграла немалую роль в падении Фемистокла. Таким образом, его остракизм тоже имел определенную внешнеполитическую подоплеку, хотя и не столь явную и значимую, как остракофории 480-х гг. до н. э.

* * *

Следующий этап истории остракизма был кратким, но весьма насыщенным. Он приходится на конец 460-х — первую половину 450-х гг. до н. э.; условно определим его рамки как 461—457 гг. В этот период применение закона об остракизме вновь резко интенсифицируется. В 461 г. до н. э. был изгнан Филаид Кимон, и это событие, бесспорно, стало ключевым для рассматриваемого хронологического отрезка, определившим всю его направленность. В 460 г. или около того жертвой остракизма стал Алкивиад Старший, пред-

[105] О возможных обстоятельствах его смерти см.: *Суриков И. Е.* Ксантипп, отец Перикла... С. 106.

ставитель семьи, еще с конца VI в. до н. э. связанной с Алкмеонидами тесными узами. На том же хронологическом отрезке остракизму подвергся Менон, — скорее всего, натурализовавшийся в Афинах фессалийский аристократ и, во всяком случае, лицо из окружения Кимона. Наконец, выше (в гл. I) мы предположили, что, возможно, на эти же годы приходится остракизм известного атлета Каллия, сына Дидимия. Политическая позиция Каллия, его место в борьбе группировок рубежа 460-х — 450-х гг. не поддается однозначному определению, поскольку об этом персонаже афинской истории просто очень мало известно. Он мог быть в равной мере как сторонником Кимона (кажется, такой вариант чуточку вероятнее), так и принадлежать к лагерю его противников. В 457 г. до н. э. Кимон был досрочно возвращен из изгнания (впрочем, похоже, так и не обретя после этого былого политического положения), и это событие можно считать конечной точкой интересующего нас здесь периода истории остракизма.

Итак, на очень кратком временном промежутке (не более пятилетия) состоялись три или четыре остракофории, что опять же представляет собой, бесспорно, резкий контраст с предшествующим периодом. В известной мере произошло возвращение к обстановке 480-х гг., когда остракофория, увенчивавшаяся изгнанием того или иного видного политика, проходила едва ли не ежегодно. Впрочем, если посмотреть на общий — как внутриполитический, так и внешнеполитический — контекст этих лет, то ничего удивительного в новой интенсификации применения закона об остракизме не окажется.

К концу 460-х гг. до н. э. положение политической группировки, противостоящей Кимону, значительно укрепилось, а влияние самого Кимона, напротив, пошло на спад. Его роль в полисе должна была казаться демосу уже слишком возросшей, несовместимой с принципами демократии и чреватой опасностью тирании (хотя у самого Кимона, насколько можно судить, и в мыслях ничего подобного не было). Кимон допустил несколько (действительных или мнимых) просчетов в ведении военных действий, которые были незамедлительно поставлены ему в вину и повели даже к суду над ним, впрочем, окончившемуся оправданием. Вряд ли стоит списывать со счетов и субъективный фактор: афинянам со временем «приелся» политик, в течение длительного времени находившийся во главе государства. В конце концов каплей, переполнившей чашу, стал известный инцидент с унизительной отсылкой спартанцами афинского отряда, прибывшего к ним на помощь в борьбе с мессенскими илотами в 462 г. Как известно, инициатором оказания помощи был именно Кимон, а его противники, наоборот, предлагали воспользоваться ослаблением Спарты и «не дать подняться городу, во всем противодействующему Афинам» (Plut.Cim.16).

Таким образом, вновь можно было говорить о временном структурировании политической жизни по «биполярному» принципу, о наличии двух крупных, противостоящих друг другу группировок, а точнее — коалиций. На протяжении нескольких лет эти группировки обменивались взаимными ударами на остракофориях, в результате чего изгнанию подвергались, насколько мож-

но судить, представители и той и другой стороны. В целом победа на этом этапе осталась за противниками Кимона, им удалось нанести своим визави больший ущерб. Вероятно, они эффективнее применяли в своих интересах пропагандистские штампы. Плутарх (Cim.17) пишет, что при изгнании Кимона его враги воспользовались незначительным поводом (μικρᾶς ἐπιλαβόμενοι προφάσεως), а чуть выше (Cim.15) поясняет, какого рода повод имеется в виду: раздувались сплетни о его инцестуальных отношениях с сестрой Эльпиникой (ἐκεῖνά τε τὰ πρὸς τὴν ἀδελφὴν ἀνανευόμενοι). Ряд других авторов (Andoc.IV.33; Athen.XIII.56.589ef; Schol.Aristid.XLVI.p.118.13 Jebb = III.p.446 Dindorf; Suid.s.v. ἀποστρακισθῆναι; s.v. Κίμων; s.v. ὀστρακισμός) свидетельствует о том же — о немаловажной роли «фактора Эльпиники» в остракизме вождя афинских аристократов. Некоторые из них прямо говорят, что Кимон был изгнан именно из-за сожительства с сестрой, а не из-за чего-либо другого. Некритически следовать за этими утверждениями, конечно, не стоит, но и совсем сбрасывать данный фактор со счетов, считать мотив «Кимон и Эльпиника» в традиции об остракизме поздним анекдотическим вкраплением вряд ли будет правомерным. В конце концов, не будем забывать о том, что в нашем распоряжении есть остракон (следовательно, бесспорно аутентичный, современный памятник), на котором написано буквально следующее: «Пусть Кимон, сын Мильтиада, уходит, взяв Эльпинику» (греческий текст надписи см. в п. 2 источниковедческого раздела)[106]. Вообще скомпрометировать политического деятеля в классических Афинах можно было самыми разными способами, но одним из наиболее надежных путей было навлечь обвинения (хотя бы и клеветнические) на его личную жизнь, моральный облик[107].

Небезынтересен вопрос о том, кто являлся на рубеже 460-х — 450-х гг. до н. э. главой группировки, противостоявшей Кимону. Обычно считается, что это был Эфиальт. Однако, насколько можно судить, реальная роль этой фигуры, зачастую изображаемой едва ли не как «вождь всех демократических сил», существенно преувеличена в историографии Нового времени. Характерно, что ни один источник V и IV вв. до н. э., вплоть до «Афинской политии» Аристотеля, не упоминает даже имени Эфиальта как лидера группировки или просто видного политика. Не случаен, думается, и тот факт, что ни на одном (!) остраконе пока что не встретилось имя Эфиальта. Очевидно, он не рассматривался афинскими гражданами как лицо, потенциально подлежащее остракизму. Собственно, известно об Эфиальте очень немного. Он был стратегом (Plut.Cim.13)[108] — но этого явно недостаточно для того, чтобы претендовать на значимую политическую роль. Например, такие афиняне, как Гагнон (отец Ферамена) или Сократ из Анагирунта, были стратегами даже по

---

[106] Этот остракон датируется, скорее всего, именно 461 г. до н. э. Ср.: *Cromey R. D.* The Mysterious Woman... P. 91.

[107] Об обилии на остраконах инвектив по поводу моральных качеств политиков см.: *Siewert P.* Accuse... P. 11 ss.

[108] Около 465—463 гг. до н. э. Датировку см.: *Badian E.* From Plataea to Potidaea... P. 101.

много раз, но никто не причисляет их к «первому эшелону» политической элиты. Далее, Эфиальт выступал обвинителем в нескольких нашумевших политических процессах и — самый известный факт из его биографии — выдвинул проект знаменитого постановления о реформе Ареопага (впрочем, не исключено, что в действительности за его спиной стоял кто-то другой, скорее всего, Перикл, ср. Plut.Pericl.7; 9)[109]. Иными словами, Эфиальт был политическим деятелем примерно такого же уровня, как, например, Клеарх, Фудипп и десятки других[110]. Вряд ли он являлся фигурой, сопоставимой по своей роли в полисе с Кимоном, его главным соперником.

С большей степенью вероятности лидером (или, по крайней мере, одним из лидеров) оппозиции Кимону можно назвать Перикла, который в то время еще не отошел от Алкмеонидов и действовал в рамках их группировки[111]. Обычно считается, что Перикл в тот период, о котором идет речь, был еще слишком молод для того, чтобы выступать в качестве одного из ведущих политических деятелей в государстве (тридцать с небольшим лет). Это мнение, однако, нуждается в нескольких существенных оговорках. Во-первых, несмотря на молодость, будущий «афинский олимпиец» уже успел зарекомендовать себя на поприще общественной жизни. Он успел побывать и стратегом, и хорегом, неоднократно выступал в качестве оратора и в народном собрании, и в судах, сразу снискав себе репутацию великолепного мастера красноречия. В частности, в ходе судебного процесса против Кимона, состоявшегося незадолго до его остракизма (зимой 463/462 г. до н. э.) Перикл выступал в качестве одного из основных обвинителей, а по словам Стесимброта (FGrHist. 107.F5), автора V в. до н. э., то есть современника или почти современника событий, — даже был самым влиятельным представителем обвинения (τῶν κατηγόρων ὁ σφοδρότατος). Кимон был оправдан не в последнюю очередь потому, что Перикл проявил на суде странную пассивность. По городу ползли слухи, что сестра Кимона Эльпиника тайно ходатайствовала перед Периклом за брата (Plut.Cim.14; Pericl.10). Верить этим сплетням вовсе не обязательно,

---

109 Довольно курьезный факт: такой авторитет, как Аристотель (Ath.pol.25.3—4), считает, что за спиной Эфиальта стоял Фемистокл, хотя это невозможно по хронологическим соображениям: Фемистокла к концу 460-х гг. до н. э. давно уже не было в Афинах. Ср. неудачную попытку доказать, что Фемистокл после десятилетнего пребывания в остракизме побывал-таки на краткое время в Афинах: *Ure P. N.* Op. cit. Автор хочет реабилитировать вышеупомянутое сообщение Аристотеля, но для этого вынужден пренебрегать всей остальной нарративной традицией, решительно противоречащей подобной реконструкции.

110 Интересно наблюдение Ш. Бренне, согласно которому имена «кандидатов» на остракизм и имена инициаторов декретов редко пересекаются друг с другом: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 337. Судя по всему, предлагать проекты псефисм в большей части случаев было прерогативой не политических лидеров, а лиц из их окружения.

111 Подробнее см.: *Суриков И. Е.* Перикл и Алкмеониды... С. 22—25.

но, во всяком случае, надлежит помнить, что Перикл и Кимон были совсем недавними союзниками, к тому же связанными узами свойства[112]. Им было легче, чем кому-либо, найти общий язык и достичь примирения, что, кстати, показали и последующие события.

Во-вторых, в политической жизни Афин имел значение, если так можно выразиться, не только «онтогенетический», но и «филогенетический» возраст того или иного гражданина — древность и знатность рода, к которому он принадлежал, слава предков и т. п. Политик, который был в избытке наделен всем этим (а к Периклу это относится в полной мере), начинал свою карьеру и становился известным согражданам значительно раньше, чем человек не столь «благородного» происхождения. Кимон, как известно, имел влияние в полисе, не достигнув еще и тридцати лет. То же самое впоследствии можно было сказать об Алкивиаде: он боролся за первенствующее место в государстве с Никием, который годился ему в отцы, и боролся на равных, именно потому, что Алкивиад принадлежал к самой верхушке наследственной аристократии, а семья Никия была довольно безвестной. Соответственно, и Перикл вполне мог стать лидером группировки в достаточно молодом возрасте.

Плутарх (Pericl. 7) отмечает, что в молодости Перикл боялся остракизма (φοβούμενος ἐξοστρακισθῆναι). Конкретным историческим контекстом этого сообщения следует, скорее всего, считать именно события рубежа 460-х — 450-х гг. до н. э., когда в Афинах имела место новая череда остракофорий, и жертвой одной из них действительно вполне мог стать Перикл. Однако же эта судьба постигла не его, а другого представителя той же группировки — Алкивиада Старшего. Эту персону, хотя о ней и крайне мало известно, тоже приходится со всей серьезностью иметь в виду, пытаясь определить лидера или лидеров группировки, противостоявшей Кимону и его окружению. Уже то, что Алкивиада изгнали остракизмом, говорит о его бесспорном и значительном влиянии в полисе, о его принадлежности к наиболее крупным политическим деятелям (против иных остракизм, как известно, не применялся). Может быть, вначале лидером «группировки Алкмеонидов» (название, конечно, условное, поскольку к ней могли принадлежать не только представители этого рода, но и лица, связанные с ним родством, свойством или наследственной политической дружбой) был именно Алкивиад Старший, а уже после его изгнания эта роль перешла к Периклу? Увы, здесь мы можем только гадать, тем более что положение лидера группировки как в архаических, так и в классических Афинах не представляло собой какого-то официального статуса. Гражданину, ставшему лидером, явно не выдавалось никакого документа, подтверждающего его лидерство[113]. Как бы то ни было, недооценивать значение Алкивиа-

---

[112] На моменты близости между Кимоном и Периклом делается акцент в работе: *Sealey R.* The Entry of Pericles...

[113] Казалось бы, здесь мы говорим банальности, вещи сами собой разумеющиеся. Однако ср. недавнюю работу: *Гущин В. Р.* Был ли Писистрат назначен лидером диакриев? // АВ. Вып. 3. 1995. С. 99—107. В ней вопрос, обозначенный в заглавии, об-

да Старшего в политической жизни рассматриваемого периода, судя по всему, не стоит, хотя его деятельность и крайне слабо отразилась в античной нарративной традиции.

Известно, что Алкивиад Старший разорвал наследственные ксенические узы, связывавшие его со спартанцами (Thuc.V.43.2). Не возникает никаких сомнений по поводу того, когда именно это произошло: в конце 460-х гг. до н. э., когда резко обострились афино-спартанские отношения и когда в интересах борьбы с лаконофилом Кимоном его противникам нужно было как можно более демонстративно дистанцироваться от Спарты. Здесь мы выходим на проблему внешнеполитического контекста интересующего нас этапа истории остракизма, характеризовавшегося, как мы видели, значительным учащением остракофорий и этим сильно напоминающего 480-е гг. И в том и в другом случае мы наблюдаем обострение противостояния внутри гражданского коллектива по вопросам внешней политики. Но теперь речь уже шла об отношениях не с Ахеменидской державой, но со спартанским полисом. Борьба «лаконофилов» (Кимон и его окружение) и «лаконофобов» (Алкивиад Старший, Эфиальт, Перикл и другие противники Кимона) стала одним из ключевых вопросов повестки дня. Изгоняя остракизмом того или иного политика, демос делал выбор в пользу какой-либо внешнеполитической линии. В конечном счете был избран курс на конфронтацию со Спартой.

* * *

После вышеописанного этапа истории остракизма, на котором этот институт пускался в действие весьма интенсивно, наступает новый период «затишья», причем период весьма длительный (его вообще можно охарактеризовать как самый длительный из всех выделяемых нами), растянувшийся примерно на 40 лет — от середины 450-х до середины 410-х гг. до н. э. На этот продолжительный хронологический отрезок приходится лишь один бесспорный остракизм (изгнание Фукидида, сына Мелесия, скорее всего, в 444 г. до н. э.) и еще один остракизм, сама историчность которого, не говоря уже о датировке, является предметом споров и сомнений (изгнание Дамона). Для четырех десятилетий политической борьбы это, конечно, очень мало. Таким образом, применение остракизма явно переживало колебания «синусоидального» типа.

Условия политической жизни на том этапе афинской истории, о котором сейчас идет речь, отнюдь не оставались единообразными; они неоднократно менялись, но, впрочем, сохраняли одну устойчивую характеристику: почти никогда за все это время борьба группировок не приобретала ярко выраженного «биполярного» характера, то есть не выливалась в устойчивое противосто-

суждается с полной серьезностью, хотя нам сам этот вопрос кажется странным и некорректно поставленным. Кто мог назначить Писистрата (или кого-либо другого) лидером какой бы то ни было политической группировки? И как это «назначение» могло выглядеть с технической и юридической сторон?

яние двух примерно равных по силе крупных групп или коалиций. Досрочное возвращение из изгнания Кимона в 457 г. до н. э. не привело к возрождению дуальной схемы по той причине, что между этим политиком и Периклом было заключено своеобразное «джентльменское соглашение» о разделении сфер влияния в полисе. Плутарх (Pericl.10) определяет условия этого соглашения так: «чтобы Кимон с эскадрой в двести кораблей уехал из Афин и командовал войском за пределами Аттики, завоевывая земли царя, а Периклу была бы предоставлена власть в городе». Здесь налицо некоторое упрощение: ведь не все же время от своего возвращения до смерти (450 г. до н. э.) Кимон провел «за пределами Аттики». Очевидно, суть договоренности заключалась в том, что Кимон отныне отвечал за внешнюю политику государства, а Перикл — за внутреннюю. Возник в некотором роде «дуумвират», и в применении остракизма в этот период не было никакой нужды, коль скоро два ведущих политика находились не во вражде, а в союзе.

После кончины Кимона отношение его политических преемников во главе с Фукидидом, сыном Мелесия, к группировке Перикла вновь стало враждебным. Противостояние пока еще не велось на равных: влияние Перикла к середине V в. до н. э. стало чрезвычайно значительным, а Фукидиду еще нужно было завоевывать авторитет. Не исключено, что, если бы события были предоставлены своему естественному ходу, в очередной раз повторилась бы извечная парадигма афинской политики: популярность Перикла пошла бы на спад, оппозиция, возглавляемая Фукидидом, в свою очередь усилилась бы, и в конечном счете одна группировка элиты сменила бы у власти другую. Однако как раз естественному ходу события не были предоставлены: Перикл в данной ситуации проявил себя как выдающийся стратег внутриполитических комбинаций, обладающий искусством прогнозирования и способный предотвратить неблагоприятные для себя варианты. Он сделал самый дальновидный шаг, какой только был возможен при имевшихся обстоятельствах, а именно искусственно форсировал события. По словам Плутарха (Pericl.14), он вступил в борьбу с Фукидидом, инициировал остракизм, подвергался опасности изгнания сам, но в конечном результате добился удаления своего противника (πρὸς τὸν Θουκυδίδην εἰς ἀγῶνα περὶ τοῦ ὀστρᾴκου καταστᾶς καὶ διακινδυνεύσας, ἐκεῖνον μὲν ἐξέβαλε). Иными словами, Перикл заблаговременно пошел на остракизм, не дожидаясь, когда силы сторон уравняются. Соответственно, реальная опасность, которой он подвергался, была не столь уж и значительной.

После остракизма Фукидида Перикл на протяжении примерно полутора десятилетий оставался, так сказать, «безальтернативным» лидером. Его политика, в общем, удовлетворяла все слои населения, и серьезная оппозиция ему в это время не возникала. Перикл, кроме того, дистанцировался в эти годы, как мы показываем в другом месте[114], от своего родственного окружения, в частности, от Алкмеонидов, претендуя на то, чтобы выступать

[114] *Суриков И. Е.* Перикл и Алкмеониды... С. 25 слл.

от имени всего демоса, а не какой-либо конкретной политической группы. Это сделало его еще менее уязвимым, еще менее доступным для разного рода компрометирующей пропаганды. Вышесказанное, впрочем, относится лично к Периклу и только к нему, но отнюдь не к его соратникам, как отмечалось выше (гл. I), в связи с остракизмом Дамона. Этот проблематичный остракизм, падающий (если только, повторим, он действительно имел место, в чем нет полной уверенности) скорее всего на 430-е гг. до н. э., вообще существенно отличается от всех остальных: в качестве его жертвы выступает не лидер группировки, а политик «второго эшелона». Сам же Перикл, какой бы критике он ни подвергался[115], мог считаться «не подлежащим» остракизму. Когда же опала наконец постигла его, к нему была применена не эта процедура, а меры другого характера: смещение с поста стратега (правда, с последующим восстановлением) и денежный штраф. Дело в том, что описываемые события происходили уже после начала Пелопоннесской войны, а интенсивные военные действия с ежегодными вторжениями пелопоннесцев в Аттику, эвакуацией сельского населения в город, эпидемией чумы и прочими хорошо известными перипетиями отнюдь не способствовали проведению остракофорий.

К тому же первое десятилетие войны стало во внутриполитической сфере в какой-то степени периодом «безвременья». После опалы и смерти Перикла, равноценного преемника которому не нашлось, политическая жизнь стала более хаотичной и иррациональной[116]. Насколько можно судить, возродилась ситуация мелких, дробных группировок-гетерий, которые какое-то время не могли объединиться в сколько-нибудь крупные коалиции — не в последнюю очередь в связи с отсутствием сильных и авторитетных лидеров. Относительное структурирование и упорядочение политического поля произошло лишь к концу 420-х гг. Определилась группа «умеренных» во главе с Никием,— тех, кто выступал за заключение мира со спартанцами и при этом, насколько можно судить, рассматривал себя как продолжателей дела Перикла. Противостоящая группа-коалиция («ястребы», если пользоваться современной терминологией), кстати, точно так же считавшая, что идет по стопам Перикла, оформилась несколько позже. Клеон мог лишь претендовать на лидерство в ней, но его противоречивая репутация, тот факт, что он не принадлежал к кругу старинной знати, издавна составлявшей верхушку политической элиты, — всё это вело к тому, что к нему относились не вполне серьезно. К тому же Клеон по своему социальному статусу как бы «не подлежал» остракизму (не случайно, что его имени

[115] Об этой критике см.: *Schwarze J.* Op. cit. Passim; *Ferrarese P.* Caratteri della tradizione antipericlea nella «Vita di Pericle» di Plutarco // CISA. 1975. V. 3. P. 21—30; *Giuliani A.* Riflessi storiografici dell'opposizione a Pericle allo scoppio della guerra del Peloponneso // CISA. 1999. V. 25. P. 24—40.

[116] О нарастании иррациональных элементов в общественной жизни после эпохи Перикла см.: *Зайцев А. И.* Перикл и его преемники... С. 23 слл.

нет ни на одном остраконе). Лишь когда на политической арене появился в самом начале 410-х гг. до н. э. Алкивиад[117], обозначилась тенденция к приобретению борьбой группировок биполярного характера.

Таковы причины внутриполитического характера, по которым институт остракизма на протяжении целых сорока лет почти не применялся. А как влияло на это «затишье» состояние дел в межгосударственных отношениях, точнее, были ли в рассматриваемый период серьезные разногласия внутри гражданского коллектива по внешнеполитическим вопросам? По большей части в этой сфере царило единодушие. После 457 г. до н. э. был достигнут консенсус между Периклом и Кимоном. В период Малой Пелопоннесской войны и позже, во время действия так называемого Тридцатилетнего мира (446—431 гг. до н. э.) серьезных расхождений в области внешней политики почти не наблюдается. Внешнеполитическая линия Перикла (Каллиев мир с Персией, примирение со Спартой, расширение и укрепление Афинской архэ) поддерживалась если не всеми, то явным большинством[118]. Лишь в один момент, насколько можно судить, афинская экклесия превратилась в место серьезных дебатов по внешнеполитическому вопросу. Вопрос этот обострился около 444 г. до н. э. и имел отношение к проникновению Афин в Западное Средиземноморье. Речь идет о борьбе в связи с реколонизацией Сибариса и основанием Фурий[119]. Главными действующими лицами в этой борьбе выступали Перикл и Фукидид, сын Мелесия. Во-первых, каждому из них, конечно, импонировала честь считаться инициатором столь значимой и новаторской панэллинской акции. Во-вторых, были и противоречия принципиального характера. Насколько можно судить, Фукидид стремился к тому, чтобы новая колония стала на деле, а не на словах панэллинской, то есть строилась на принципах равноправия между контингентами из различных полисов-метрополий. Перикл же, естественно, желал упрочить в Фуриях в первую очередь афинское влияние, сделать их инструментом своей западной политики. Интересно, что, хотя во внутриполитической борьбе Перикл и одержал победу над Фукидидом, тем не менее реализовать своих планов в отношении Фурий ему не удалось: колония очень скоро вышла из-под афинского контроля. Выше (гл. III, п. 3) мы высказали предположение, что это могло быть связано именно с деятельностью изгнанного Фукидида, который, не исключено, избрал именно Фурии местом своего пребывания в период остракизма. Как бы то ни было, единственную надежно зафиксированную остракофорию рассматриваемого здесь сорокалетия следует с полным основанием поставить в прямую

---

[117] Впервые он занял пост стратега в 420/419 г. до н. э., то есть немедленно после достижения тридцатилетия. См.: *Fornara Ch. W.* The Athenian Board of Generals... P. 43.

[118] Ср.: *Badian E.* The Ghost of Empire. Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century B. C. // AD. S. 81.

[119] Об этой борьбе см.: *Wade-Gery H. T.* Op. cit. P. 255 ff. (основополагающая по сей день, хотя во многом и небесспорная работа); *Касаткина Н. А., Антонов В. В.* Ук. соч.

связь с обострением борьбы по внешнеполитическим вопросам. Данный факт подтверждает закономерность, которая была уже намечена нами на материале предыдущих этапов истории остракизма.

После изгнания Фукидида, сына Мелесия, можно вновь говорить о принципиальном единстве (мы не берем, конечно, в расчет мелкие и частные разногласия) гражданского коллектива по проблемам внешней политики. Такое единство имело место и на протяжении пятнадцатилетнего «единовластия» Перикла, и затем, в первые годы Пелопоннесской войны, когда Афины выступали в основном обороняющейся стороной и никто не мог сомневаться в том, что следует всеми силами держаться против лакедемонян. К концу 420-х гг. до н. э. ситуация изменилась, шансы воюющих сторон примерно уравновесились, дальнейшие перспективы для афинян перестали быть безальтернативными, и, соответственно, вновь дал о себе знать дуализм во внешнеполитической области (группировки «голубей» и «ястребов», Никия и Клеона, а затем Никия и Алкивиада). Это не могло не отразиться и на применении остракизма, и старое оружие было вновь «вынуто из ножен».

Кстати, в исследовательской литературе нередко можно встретить суждение, что во второй половине V в. до н. э. был уже своеобразным реликтом, «умирающей» процедурой, сохранившей фактически лишь номинальное значение и потому-то так редко применявшейся[120]. Однако высказывались и возражения против данной точки зрения, в том числе таким авторитетным специалистом, как П. Родс[121], который, в частности, указывает на один интересный пассаж из Аристофана (Equ.855), свидетельствующий о том, что остракизм еще в 420-х гг. рассматривался как реальная возможность в рамках политической борьбы[122]. Мы солидаризируемся именно с этим последним мнением, полагая, что если остракизм с 450-х и вплоть до 410-х гг. до н. э. использовался действительно крайне редко, то дело здесь не в «умирании» института, а в очерченных выше совершенно конкретных перипетиях политической борьбы, которые препятствовали проведению остракофорий. Иначе пришлось бы считать, что остракизм был «реликтом» уже в 470-е — 460-е гг., когда он тоже почти не применялся. Или в 490-е гг., когда он не применялся совсем. Но это будет уж явным абсурдом: что же, остракизм только что появился как институт политической системы демократических Афин, и тут же начал «умирать»? Дело, думается, совсем в другом: остракизм (за исключением двух кратких периодов его интенсивного применения в 480-х гг. и на рубеже 460-х — 450-х гг.) вообще пускался в действие крайне редко[123]. Он был по са-

---

[120] *Connor W. R., Keaney J. J.* Op. cit. P. 313; *Rosivach V. J.* Op. cit. P. 163; *Mossé C.* Dictionnaire... P. 360; *Todd S. C.* The Shape of Athenian Law. Oxf., 1995. P. 291; *Карпюк С. Г.* Гипербол...

[121] *Rhodes P. J.* The Ostracism of Hyperbolus... P. 92.

[122] См. также: *Palme B.* T (?) 9... S. 219.

[123] Ср.: *Обнорский Н. П.* Ук. соч. С. 344; *Kagan D.* The Origin and Purposes... P. 401; *Finley M. I.* Politics... P. 55; *Mattingly H. B.* The Practice... P. 25.

мой своей сути институтом экстраординарным, предназначенным отнюдь не для «повседневного употребления». Нормой следует считать не ситуацию, скажем, 480-х гг., когда за шесть лет состоялось пять остракофорий, а, напротив, ситуацию более спокойную, характерную для большей части V в. до н. э., когда остракизм проводился раз в десять-двадцать лет или реже.

Позволим себе привести для лучшего уяснения нашей мысли параллель с одной реалией из современной политической практики. Мы уже упоминали (в гл. II, п. 3), что иногда в исследовательской литературе афинский остракизм сравнивают с референдумом в демократиях Нового времени. При всей уязвимости этого сравнения скажем несколько слов о референдуме. Этот институт имеет немаловажное значение в любой системе представительной демократии, поскольку является одной из немногих возможностей дать голос непосредственно самому народу, а не политическим элитам. И при этом — часто ли применяется референдум? В истории многих демократических государств можно обнаружить периоды весьма частого, едва ли не ежегодного использования этого института. Как правило, это периоды политических кризисов, нестабильности, тех или иных экстраординарных условий. А с другой стороны, бывает, что к референдуму не обращаются в течение целых десятилетий. Это свойственно, как правило, периодам стабильной политической ситуации. Однако никому не приходит в голову говорить, что в эти периоды концепция референдума «умирает» или становится «реликтом». Всегда может наступить время, когда референдумы опять начнут проводиться один за другим. Такова уж особенность *экстраординарных* институтов — их крайне нерегулярное использование. Сказанное в полной мере можно отнести к остракизму. Он не применялся в течение нескольких десятилетий вовсе не потому, что приобрел реликтовый характер (это произошло лишь позднее), а просто потому, что в данных конкретных условиях политической жизни в нем не видели нужды.

Переходим, далее, к последнему остракизму (изгнание Гипербола), который мы датируем 415 г. до н. э. и о политическом контексте которого подробно говорилось выше (гл. I). Эту остракофорию мы выделили бы в отдельный этап истории института остракизма. Такое членение может показаться странным, но в его оправдание мы должны упомянуть о двух обстоятельствах. Во-первых, перед нами, несомненно, переломное событие (после изгнания Гипербола остракизм стал чисто номинальным элементом политической системы), и уже этим самым крайне важное, что нельзя не маркировать. Во-вторых, уж очень непохожа остракофория 415 г. на все предыдущие; в ней явно сказались «веяния нового времени». Мы не хотим сказать, что последний остракизм не имел вообще ничего общего с остальными. Нет, такие общие черты, подтверждающие те закономерности истории остракизма, которые мы пытались выявить на протяжении этого пункта, несомненно имеются. Прежде всего, для контекста рассматриваемой остракофории характерно резкое обострение дебатов по внешнеполитическим вопросам внутри гражданского коллектива. В данном случае речь идет, конечно, о дискуссии по поводу морской экспедиции на Сицилию. Далее, при рассмотрении этой проблемы как граждане,

так и представители политической элиты раскололись на две коалиционные группировки (сторонники и противники экспедиции), то есть борьба обрела ярко выраженный биполярный характер, символизировавшийся именами Никия и Алкивиада.

Но, с другой стороны, остракофория, о которой идет речь, обладает и весьма существенной спецификой. Все предшествовавшие остракофории, насколько нам о них известно, проходили в обстановке прямой и открытой борьбы. Эта борьба велась зачастую жесткими и даже грубыми методами, сопровождалась дискредитирующей клеветнической пропагандой и т. п. Тем не менее, во всяком случае, политик, добивавшийся изгнания своего противника, одновременно сам шел на риск такого же изгнания и прекрасно сознавал это. А в 415 г. до н. э. события приобрели характер крайне нечистоплотных политических игр, циничного обмана демоса и закулисного сговора двух основных оппонентов — Никия и Алкивиада. Совершенно невозможно представить, чтобы какая-нибудь пара противостоящих политических лидеров предшествующих десятилетий, — скажем, Аристид и Фемистокл или Перикл и Фукидид, сын Мелесия, — пошли бы на аналогичный сговор и симулировали бы перед остракофорией свое примирение, дабы отправить в изгнание третье лицо. А в данном случае именно так и получилось: результат остракизма оказался вполне неожиданным, поскольку его жертвой оказался не Никий либо Алкивиад, как ожидалось, а не имевший прямого отношения к их борьбе инициатор акции демагог Гипербол. Остракофория, таким образом, не помогла разрядить напряженность, возникшую в связи с дебатами по внешнеполитическим вопросам, то есть не выполнила одну из главных возлагавшихся на нее задач[124]. Нам еще предстоит рассмотреть вопрос о том, как это повлияло на сам факт выхода института остракизма из употребления (см. ниже, гл. V, п. 1).

Наконец, после 415 г. до н. э. можно говорить о новом, и уже последнем, этапе эволюции остракизма, когда эта процедура оставалась уже чисто номинальным элементом политической системы афинской демократии. Строго говоря, этот этап имеет уже скорее косвенное отношение к истории остракизма как активно действующего института. На ситуации, сложившейся в связи с остракизмом после изгнания Гипербола, мы подробнее остановимся ниже (гл. V, п. 2.).

* * *

Подведем итоги данного пункта.

1. В ходе исследования фактов удалось установить некую периодизацию истории остракизма в связи с эволюцией характера политической борьбы в Афинах V в. до н. э. С наибольшим основанием можно выделить следующие периоды или этапы функционирования остракизма:

---

[124] Ср.: *Rhodes P. J.* The Ostracism of Hyperbolus... P. 97.

а) 507—488 гг. до н. э.: остракизм существует лишь номинально, в реальной политической жизни не применяется;

б) 487—480 гг. до н. э.: резкая интенсификация применения остракизма (5 остракофорий на протяжении 6 лет);

в) 479—462 гг. до н. э.: период «затишья» (лишь 1 остракофория на хронологическом отрезке почти в два десятилетия);

г) 461—457 гг. до н. э.: новая резкая интенсификация (3 или 4 остракофории за 5 лет);

д) 456—416 гг. до н. э.: новый период «затишья» (1 или 2 остракофории на сорокалетнем промежутке);

е) 415 г. до н. э.: последняя остракофория;

ж) после 415 г. до н. э.: остракизм существует лишь номинально, в реальной политической жизни не применяется.

В известной мере цикличная картина! Кажется, всё «возвратилось на круги своя».

2. Следует отметить важные закономерности, характерные для истории остракизма в V в. до н. э.: интенсификация применения данного института происходила, как правило, тогда, когда, во-первых, расклад политических сил временно приобретал «биполярный» характер, и, во-вторых, важную роль в политической жизни начинали играть спорные вопросы межгосударственных отношений.

3. Функции института остракизма в политической системе афинской демократии и их эволюция

Выше (гл. II, п. 3) мы подробно останавливались на целях введения остракизма, на тех функциях, которые этот институт первоначально нес. Вкратце напомним основные выводы, к которым мы пришли. Идея остракизма как «профилактического» изгнания влиятельных индивидов зародилась уже в архаическую эпоху, на стыке двух тенденций политической жизни времен формирования полиса — индивидуалистической и коллективистской. Ранние формы остракизма (условно назовем их «протоостракизмом») являлись средством взаимного контроля членов аристократической правящей элиты друг над другом, во избежание перерастания власти кого-либо из представителей этой элиты в тиранию. После принятия в конце VI в. до н. э. закона Клисфена об остракизме данная процедура стала прерогативой народного собрания, то есть перешла из рук аристократии в руки всего гражданского коллектива. Демос, переняв аристократический по происхождению институт остракизма, становился отныне гарантом против возрождения тирании, против острых вспышек стасиса, а также осуществлял с помощью остракизма общий контроль над деятельностью знатной элиты, что соответствовало его новой роли в государстве.

Однако такого рода ситуация сохранялась далеко не всегда. Если демос в целом в течение какого-то времени продолжал воспринимать остракизм как меру, направленную против «чрезмерно» влиятельных политиков, контроли-

рующую и держащую в необходимых рамках их положение в полисе, то сами члены властной элиты, аристократические лидеры, конкурировавшие друг с другом за влиятельное положение в государстве, по справедливому замечанию ряда антиковедов[125], уже очень скоро стали пользоваться остракизмом как инструментом политической борьбы. Судя по всему, именно это изменение функций остракизма, отклонение его от первоначального предназначения имеет в виду Аристотель (Pol.1284b20), когда говорит: οὐ γὰρ ἔβλεπον πρὸς τὸ τῆς πολιτείας τῆς οἰκείας συμφέρον, ἀλλὰ *στασιαστικῶς* (курсив наш. — *И. С.*) ἐχρῶντο τοῖς ὀστρακισμοῖς. Стагирит в некоторых случаях вообще оказывался прямо-таки фантастически проницательным. Повторим мысль, представляющуюся нам принципиальной: остракизм, задумывавшийся как средство *предотвращения* стасиса, стал одним из способов *ведения* стасиса, во всяком случае, в глазах политиков. Остракофория превратилась в поле, на котором развертывалась деятельность конкурирующих гетерий[126]. Насколько можно судить, начало этому положил Фемистокл, на продолжении 480-х гг. до н. э. чрезвычайно активно прибегавший к остракизму именно для дискредитации и удаления своих политических конкурентов; впоследствии, впрочем, аналогичный удар был нанесен и по нему самому.

Впрочем, и демос со временем тоже воспринял новое положение вещей. Причем случилось это достаточно скоро, что можно проиллюстрировать несколькими примерами. Остракизм Фемистокла, имевший место в конце 470-х гг. до н. э., уже явно нельзя расценивать как меру борьбы против слишком могущественного лидера, имеющего амбиции захватить единоличную власть. К указанному хронологическому рубежу пик влияния Фемистокла был уже далеко в прошлом. Если когда-либо от него и могла исходить угроза тирании, то это было в 480-х гг., но ведь как раз тогда-то его остракизму и не подвергли. Еще более показательна в данном отношении остракофория 444 г. до н. э. На ней граждане должны были сделать выбор между Периклом и Фукидидом, сыном Мелесия. Если исходить из идеи о первоначальном назначении остракизма как «профилактического» средства против тирании, то изгнанным должен был быть, безусловно, Перикл: ведь он, а не кто-либо другой, мог в то время считаться наиболее влиятельным политиком (и действительно, после остракофории он едва ли не монополизировал властные рычаги в полисе и был ближе, чем кто-либо до него в истории демократических Афин, к статусу тирана), а Фукидид был фигурой значительно меньшего масштаба. Тем не менее остракизму подвергся именно этот последний, хотя вряд ли кому-нибудь могло даже в голову прийти, что он когда-либо захочет или сможет захватить тираническую власть.

---

125 *Строгецкий В. М.* Полис и империя... С. 42—43; *Gomme A. W.* Ostracism... P. 630; *Jones J. W.* Op. cit. P. 119—120; *Guarducci M.* Op. cit. V. 2. P. 524; *Mossé C.* De l'ostracisme... P. 17; *Eadem.* La démocratie... P. 147; *Eadem.* Dictionnaire... P. 359; *Sinclair R. K.* Op. cit. P. 170.

126 *Calhoun G. M.* Op. cit. P. 136.

Итак, в условиях эволюции демократического афинского полиса V в. до н. э. функции остракизма изменились. Представители аристократической элиты стали рассматривать его как орудие в борьбе за власть, средство избавиться от наиболее серьезных конкурентов, удаляя их из полиса[127]. Соответственно, и демос, гражданский коллектив стал видеть в остракизме не только профилактику тирании (не столь уж и велика была опасность тирании в Афинах V в. до н. э., во всяком случае, меньше, чем когда-либо в их истории[128]) и даже не только способ контроля над аристократами, а едва ли не в первую очередь процедуру, с помощью которой можно было сделать выбор между конкурирующими политическими лидерами и соответственно между политическими линиями, которые они выражали. Эта мысль уже высказывалась в историографии[129], и нам лишь хотелось бы дополнить ее двумя нюансами, закономерно вытекающими из тех наблюдений, которые были сделаны в предшествующем пункте. Во-первых, речь идет преимущественно о выборе между линиями в области внешней политики, понимаемыми в личностном ключе. Как мы говорили выше, этот фактор был одним из наиболее важных в борьбе группировок, протекавшей в классических Афинах. Во-вторых, чаще всего на остракофории афиняне оказывались в ситуации выбора между *двумя* политическими лидерами. Это не было как-то закреплено официально. Никаких формальных «кандидатов» на остракизм, как мы знаем, заранее не выдвигалось, и надписи на острака показывают в целом достаточно значительный разброс голосов. Тем не менее, если отбросить некоторый (в количественном отношении не столь уж значительный) процент проголосовавших по случайным причинам, в целом типичная остракофория де-факто оказывается, как правило, все-таки противостоянием двух лиц. Это представляется отнюдь не удивительным в свете закономерностей, выявленных выше: интенсификация применения остракизма обычно происходила тогда, когда расклад политических сил временно приобретал «биполярный» характер, а также важную роль в политической жизни начинали играть спорные вопросы межгосударственных отношений.

Проиллюстрируем вышесказанное, обобщив данные о зафиксированных в источниках остракофориях в виде таблицы. Сразу отметим, что в таблице остракофории будут выглядеть в известной мере «усредненно», без характерных для большинства из них красочных деталей и нюансов. В результате картина может показаться читателю упрощенной; очевидно, это неизбежно.

---

127 Ср.: *Reinmuth O. W.* Ostrakismos (Kleine Pauly). SP. 376; *Camp J. M.* The Athenian Agora... P. 57.

128 Следует отметить, что V в. до н. э. в масштабах не только Афин, но и всего греческого мира был периодом, если так можно выразиться, в наибольшей степени «чуждым» тирании. Старшая тирания, сопутствовавшая формированию полисных структур, отошла в прошлое, а Младшая, ставшая симптомом кризиса классического полиса, еще не появилась на свет.

129 *Jacoby F.* Die Fragmente... V. 2. P. 369; *Rhodes P. J.* The Ostracism of Hyperbolus... P. 92.

№	Год до н. э.	Пара противостоящих лидеров	Характер противоречий	Политик, подвергшийся изгнанию
1	487	Гиппарх, сын Харма, — Фемистокл (?)	Отношение к персидской угрозе	Гиппарх, сын Харма
2	486	Мегакл, сын Гиппократа, — Фемистокл (?)	То же	Мегакл, сын Гиппократа
3	485	Каллий, сын Кратия (?) — Фемистокл (?)	То же	Каллий, сын Кратия (?)
4	484	Ксантипп — Фемистокл (?)	То же	Ксантипп
5	482	Аристид — Фемистокл	То же	Аристид
6	470	Фемистокл — Кимон (?)	Афино-спартанские отношения (?)	Фемистокл
7	461	Кимон — Перикл (?) или Алкивиад Старший (?)	Афино-спартанские отношения	Кимон
8	Ок. 460	Алкивиад Старший — Менон (?)	То же	Алкивиад Старший
9	Начало 450-х	Менон — Перикл (?)	То же (?)	Менон
10	Начало 450-х (?)	Каллий, сын Дидимия — ?	?	Каллий, сын Дидимия
11	444	Фукидид, сын Мелесия, — Перикл	Вопрос об основании Фурий	Фукидид, сын Мелесия
12	430-е (?)	Дамон — ?	?	Дамон
13	415	Никий — Алкивиад	Вопрос о Сицилийской экспедиции	Гипербол

Подчеркнем, что остракизм, как правило, был для гражданского коллектива последним, крайним средством выбора между двумя лидерами и двумя политическими линиями. Потому-то к этому средству по большей части и обращались весьма редко. Нет сомнений, что в целом разногласия между соперничающими группировками и видными политиками — по поводам важным и не слишком важным — возникали часто, если не постоянно, но отнюдь не в каждом случае эти разногласия приводили к остракофории. «Суд черепков» вступал в свои права тогда, когда демос уже не видел другого способа разрешить назревшее противоречие, кроме временного удаления одного из конкурентов.

На материале тех остракофорий, обстоятельства которых известны более или менее детально, можно судить о том, что в принципе остракизм мог приводить к следующим результатам: а) сталкивались два примерно равных по силе политика, в итоге один из них изгонялся, а другой побеждал и получал возможность беспрепятственно проводить свою линию (случай Аристида и Фемистокла, 482 г. до н. э.); б) лидер, ранее пользовавшийся безусловным авторитетом, подвергался остракизму, на смену ему приходил другой (или другие), и, соответственно, политическая линия государства менялась, порой весьма существенно (случай Кимона, 461 г. до н. э.)[130]; в) прежнему лидеру удавалось отстоять свое первенство, а в изгнание отправлялся конкурент, рискнувший бросить ему вызов и попытаться занять его место (остракофория 444 г. до н. э., когда Перикл не только сохранил имевшееся у него влияние, но, более того, еще и упрочил собственное положение); г) изгнанным оказывалось третье лицо, а оба основных соперника и после остракофории оставались в полисе, соответственно, существовавшая напряженность не снималась. Впрочем, следует сказать, что этот последний вариант развития событий имел место лишь однажды — на последней остракофории. Он был явно нетипичен, а, кроме того, прямо противоречил одной из основных функций остракизма и тем самым подрывал этот институт.

Хотелось бы указать еще на одну функцию остракизма, которая, может быть, не столь бросается в глаза, но представляется, тем не менее, немаловажной и небезынтересной. В жизни многих обществ, особенно традиционных, докапиталистических, весьма значительное место занимал феномен карнавала, представлявший собой периодическое (обычно ежегодное) временное снятие бинарных оппозиций во всех аспектах бытия, «переворачивание» или, если так можно выразиться, «выворачивание наизнанку» всей системы повседневных отношений[131]. Не является исключением и античная Греция, в частности, классические Афины[132]. «Карнавальность» в них пронизывала собой многие сферы культуры. Карнавальным началом, в частности, был всецело проникнут жанр древней аттической комедии. Показательно, кстати, что существует определенная связь между комедией и остракизмом, и об этой связи нам еще предстоит поговорить в следующем пункте данной главы.

Кажется, есть основания отнести остракизм к институтам карнавального характера. Поясним свою мысль. Остракизм, как мы знаем, проводился раз в год — не чаще и не реже. Выше (гл. II, п. 2) мы соотносили эту периодичность с его возможным происхождением из ритуала «козла отпущения», который

---

130 О таком варианте развития событий ср.: *Tarkiainen T.* Op. cit. S. 114; *Sinclair R. K.* Op. cit. P. 170.

131 Об «идее карнавала» см. наиболее подробно: *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2 изд. М., 1990.

132 Нам уже приходилось недавно писать о некоторых проявлениях карнавального начала в афинской культуре классической эпохи: *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания... С. 208 слл., 273 слл.

как бы уносил из общины «грехи», накопившиеся в ней за годичный период[133]. Однако, по сути дела, данный ритуал сам по себе может рассматриваться как одна из карнавальных форм культуры. Далее, остракизм, как мы видели при анализе эмпирического материала, выполнял ярко выраженную медиативную роль при снятии бинарных оппозиций в политической жизни. Собственно, в случае назревания таких оппозиций этот механизм и запускался.

Для остракофории в Афинах V в. до н. э. было характерно «переворачивание» обычных политических отношений, причем проявлялось это в различных аспектах. С одной стороны, демос в этот день властно распоряжался судьбами политических лидеров (ср. образы афинских политиков — Никия, Клеона и др. — как слуг старика Демоса в карнавальном жанре комедии, во «Всадниках» Аристофана). С другой стороны, применение остракизма часто приводило к реальному «переворачиванию» всей политики, когда один лидер сменял другого (подобно тому, как в карнавальных фольклорных действах новый царь приходит на смену старому[134]).

У остракизма, как и подобает на карнавале, была своя смеховая сторона. Мы сейчас имеем о ней достаточно смутное представление, поскольку источники, как правило, не концентрируют свое внимание на этом нюансе, однако о том, что она присутствовала, недвусмысленно дают понять инвективные надписи на остраконах, отличающиеся фольклорным, юмористическим, подчас обсценным характером. В ходе пропагандистских кампаний, которые велись перед остракофориями, важное место занимали, как мы увидим ниже, празднества дионисийского цикла, на которых будущие «кандидаты» осыпались насмешками. Впоследствии, насколько можно судить, эти насмешки так и перекочевывали из уст комических хоров на острака.

Итак, остракизм можно рассматривать как некую форму политического карнавала? Признаться, мысль слишком нова и нетривиальна, чтобы можно было сразу дать положительный ответ. Во всяком случае, идея представляется нам перспективной и требующей дальнейшего осмысления и развития.

Характерно, что любому карнавалу свойственно акцентирование внимания на личностных, а не на абстрактных моментах. Это в полной мере относится и к афинскому остракизму. Справедливо отмечалось[135], что на остракофориях, по сути, стиралась грань между политическим противостоянием и личной враждой, и мотивы многих голосующих граждан были скорее личными, нежели политическими. Это опять же достаточно ясно из надписей на остраконах.

---

[133] Говорим о «грехах», конечно, cum grano salis. В целом древнегреческой религии было чуждо этическое понятие греха. Ср.: *Grube G. M. A.* Euripides and the Gods // Euripides. A Collection of Critical Essays. Englewood Cliffs, 1968. P. 37; *Каждан А. П.* Религия и атеизм в древнем мире. М., 1957. С. 184.

[134] См. о такого рода действах: *Cornford F. M.* The Origin of Attic Comedy. 2 ed. Cambridge, 1934.

[135] *Brenne S.* Ostraka and the Process... P. 15; *Mitchell L. G., Rhodes P. J.* Op. cit. P. 26.

Во многом справедливо (хотя, естественно, пользуясь оборотами, свойственными его времени, которые мы вряд ли сочли бы научными) замечает лутарх (Aristid.7), что остракизм был милосердным средством утишить зависть (φθόνου παραμυθία φιλάνθρωπος), выражавшимся не в чем-то непоправиом (εἰς ἀνήκεστον οὐδέν), а «всего лишь» в десятилетнем изгнании того, кто выывал эту зависть. Посредством остракофории афиняне как бы «выпускали ар» своего недовольства в связи с той или иной конкретной ситуацией. Говоря олее научно, остракизм с социально-психологической точки зрения был средтвом компенсировать фрустрацию. Характерно, что Плутарх, давая это «исинное» определение функции остракизма, тут же отмечает, что для благоприсойности эту процедуру называли (ἐκαλεῖτο μὲν δι' εὐπρέπειαν) «усмирением и бузданием гордыни и чрезмерного могущества». Херонейский биограф, таким бразом, различает и отделяет друг от друга «мнимое» и «реальное» назначение нститута остракизма. Наверняка ему с хронологической дистанции в полтыячелетия именно такой и представлялась ситуация. Нам же на данном этапе сследования становится ясно, что речь следует вести не о «мнимой» и «реальой», а о первоначальной и вторичной, модифицировавшейся функциях. Как ы видели выше (гл. II, п. 2), в первой стадии своего формирования остракизм ыл действительно направлен против «сильных личностей», выразителей инивидуалистической тенденции. Судя по всему, по традиции и в дальнейшем читалось, что это так, хотя остракизм в течение V в. до н. э. приобрел уже ноые функции, о которых говорилось в данном пункте (способ выбора между онкурирующими политиками и их линиями, средство компенсации фрустрации), и эти функции затмили, отодвинули на второй план первоначальную.

* * *

Многие античные авторы, писавшие об остракизме, специально подчеркивали, что эта мера не имела характера наказания (τιμωρία, κόλασις). Особенно настаивали на этом Диодор и Плутарх (Diod.XI.55.3; XI.87.2; XIX.1.3; Plut.Aristid.7; Them.22). Можно, правда, встретить и иное мнение, признавшее остракизм наказанием. Однако из ранних памятников эта точка зрения встречается лишь в IV речи Андокида (Andoc.IV.4, 40), а это, как мы уже отмечали и как будем еще подробнее говорить ниже, в высшей степени тенденциозный политический памфлет, от которого трудно ждать точности и объективности. Далее, Корнелий Непот (Aristid.1) называет остракизм наказанием (poena), но данный римский автор-компилятор, конечно, не вникал в сущность аттической юридической терминологии, да и вообще не отличался терминологической акрибией. Как ни странно, несколько раз называет остракизм наказанием Плутарх, говоря о последней остракофории (Plut.Alc.13; Nic.11)[136]. Это приходит в прямое противоречие с эксплицитно выраженной в

[136] Plut.Alc.13: φαῦλος γὰρ οὐδεὶς ἐνέπιπτεν εἰς τοῦτον τὸν κολασμὸν οὐδ' ἄδοξος; Plut.Nic.11: εἶναι γάρ τι καὶ κολάσεως ἀξίωμα.

других местах позицией того же автора, согласно которой остракизм наказанием не являлся. Не имеем ли мы дело с каким-нибудь упущением херонейского биографа, который, возможно, употребил неверный термин, сам того не заметив? Или можно говорить просто о нестрогом, нетерминологичном словоупотреблении? Наконец, еще несколько совсем поздних авторов (Schol. Paus.I.2.4; Hesych.s.v. κεραμικὴ μάστιξ) отождествляют остракизм с наказанием, но тут явно имеет место недопонимание более древних реалий: они утверждают, что подвергаемых остракизму еще и истязали (βασανίζειν), а это, конечно, не имеет ничего общего с действительностью.

Как бы то ни было, оценивая данную правовую сторону института остракизма, мы, безусловно, должны признать, что наказанием он действительно не являлся и не считался. Во-первых, как известно, не может быть наказания без преступления, nulla poena sine crimine. Остракизм же, как мы видели выше, по самой сути своей проводился не в связи с каким бы то ни было преступлением, а как чисто «профилактическая» мера. Во-вторых, остракизм, в отличие от наказания, не имел никаких негативных последствий для личности подвергшегося ему гражданина. Он не влек ущемления в правах (возвратившись из остракизма, гражданин мог в полной мере возвратиться к политической деятельности), не сопровождался унижением[137]. Характерно, что многие античные авторы (в том числе достаточно ранние) либо проводят различие между остракизмом и изгнанием (как мерой наказания), либо чтобы оттенить специфику остракизма, называют его (надо думать, сознательно) не φυγή (изгнанием), а μετάστασις, то есть, собственно, переселением, перемещением (например, Demosth.XXVI.6; Arist.Pol.1284a22; Plut.Aristid.7)[138]. Именно форма глагола μεθίστημι применена к изгнанным остракизмом и в известном декрете Фемистокла.

Остракизм не только не был унизительным; напротив того, его можно назвать в определенной мере почетным изгнанием[139], мерой выдававшей политическому деятелю, так сказать, «сертификат качества». Как говорил Плутарх (Nic.11), ему была присуща «некая честь» (τι... ἀξίωμα). Далеко не всякий политик мог подвергнуться остракизму, а уж если это случалось, то означало, что он принадлежит к самому верхнему слою правящей элиты, к тому же происходит из круга наследственной родовой аристократии[140]. Его боялись, — а, значит, уважали. Так было вплоть до 415 г. до н. э. Как известно, Гипербол во многом потому так смело шел на остракофорию, что был уверен в своей полной неуязвимости для этой процедуры именно ввиду своего «низкого», незнатного происхождения. Он ошибся, но это-то и было нечто совершенно новое в истории остракизма, причем сильно раздражившее афинян: по общему мне-

---

137 *Gomme A. W.* Ostracism... P. 630; *Tarkiainen T.* Op. cit. S. 111.

138 Ср.: *Lübker F.* Op. cit. S. 748; *Kennelly J. J.* Op. cit. P. 539.

139 Ср.: *Lotze D.* Il cittadino... P. 377; *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. 1. С. 213.

140 Ср.: *Cawkwell G. L.* Op. cit. P. 39 f.; *Christ M. R.* Op. cit. P. 338.

нию, изгнав Гипербола остракизмом, ему тем самым оказали почет, которого он был совершенно недостоин. Это — не домыслы поздних авторов вроде Плутарха: такой взгляд высказывает уже современник последнего остракизма — комедиограф Платон (fr.187 Kock):

Καίτοι πέπραγε τῶν τρόπων μὲν ἄξια,
αὐτοῦ δὲ καὶ τῶν στιγμάτων ἀνάξια·
οὐ γάρ τοιούτων εἵνεκ' ὄστραχ' εὑρέθη.

Выше (в п. 2 источниковедческого раздела) мы высказали предположение о том, что некоторые приписки на остраконах — а более современных и аутентичных свидетельств об остракизме, чем эти черепки, просто не существует — следует трактовать в том же смысле, как указание на почетный характер изгнания, предназначенность его для избранных. Правда, Р. Нокс, посвятивший специальную статью проблеме отношения афинского демоса к его политическим лидерам, категорически заявляет, что ничего почетного в остракизме не было[141]. Однако здесь этот исследователь, насколько можно судить, вступает противоречие с данными нарративных источников, в том числе ранних и аутентичных. Разумеется, когда мы говорим о почетном характере остракизма, это не следует понимать в том смысле, что он был так же почетен, как награда (например, венок, вручавшийся за те или иные заслуги). Остракизм был почетным в сравнении с другими видами изгнания[142].

* * *

Подытожим вышесказанное.

1. Когда институт остракизма в его классической форме учреждался Клисфеном в конце VI в. до н. э., его основными функциями были профилактика тирании и стасиса и контроль демоса над аристократической политической элитой. Однако со временем, в течение V в. до н. э. остракизм обрел ряд новых функций, которые в известной мере стали даже главными, отодвинув на второй план первоначальные. Конкурирующие политические лидеры использовали остракизм как один из мощных инструментов ведения борьбы друг с другом[143], а для демоса он стал способом выбора (в ситуации биполярного противостояния) между этими лидерами и их линиями (прежде всего внешнеполитическими). Можно говорить также о том, что остракизм являлся удобным и достаточно гуманным средством компенсации фрустрации внутри гражданского коллектива в условиях прямой демократии полисного типа.

2. Остракизм, аристократический по происхождению институт в демократическом полисе, по традиции сохранил свою направленность на предста-

141 *Knox R. A.* Op. cit. P. 153.

142 О категории почетного изгнания см.: *Roisman J.* The Image of the Political Exile in Archaic Greece // AS. 1984/1986. V. 15/17. P. 28.

143 Ср.: *Finley M. I.* Politics... P. 55.

вителей высшего слоя знатной элиты и в этом смысле может рассматриваться как мера почетная или, во всяком случае, подчеркивавшая высокое значение и авторитет политика, который ей подвергался.

4. Остракизм и политическая пропаганда

В рамках данной главы нам хотелось бы остановиться еще на одном вопросе, который представляется немаловажным, а, кроме того, имеет самое непосредственное отношение к политическому аспекту процедуры остракизма. Мы уже неоднократно по ходу работы имели случай упоминать о том, что при проведении остракофорий весьма важную роль играла политическая пропаганда. Как было сказано выше (гл. III, п. 1), между принятием в экклесии предварительного решения о назначении остракофории и самим тем днем, в который она проходила, всегда имелся определенный хронологический отрезок. В разные годы он мог продолжаться от двух до шести недель (а по некоторым оценкам, на наш взгляд, преувеличенным, — до двух месяцев[144]) и использовался не только для подготовки остракизма с технической стороны, но и, так сказать, для подготовки афинских политиков к остракизму, для проведения ими своеобразных «избирательных кампаний» (конечно, со знаком «минус»). Иными словами, политический деятель, которому угрожала опасность подвергнуться изгнанию, должен был всячески доказывать, что он не заслужил этой меры, а подлежит ей, напротив, кто-либо из его конкурентов. Таким образом, главным в «избирательной кампании» перед остракизмом была активная пропаганда, направленная как на собственную апологию, так и, в первую очередь, на дискредитацию соперников, выливавшаяся в выдвижение громких обвинений. Речь фактически идет о соответствующем формировании общественного мнения[145].

Следует сказать, что общественное мнение в классической Греции было фактором исключительно значимым, вряд ли менее важным, чем в наши дни[146] (а, пожалуй, даже и более важным, если учесть прямой характер античных демократий). В частности, в Афинах его роль все более возрастала по мере демократизации полиса, когда на смену старым аристократическим механизмам власти приходила прямая апелляция к демосу. Разумеется, в эпоху античности, в условиях во многом еще устной культуры и традиции, многочисленных, пока не изжитых элементов архаического менталитета, феномен общественного сознания отличался большой специфичностью, что оказывало влияние и на практиковавшиеся методы пропагандистской борьбы. Так, не существовал столь мощный рычаг воздействия на сознание и на подсознание, как современные средства массовой информации. Их место занимали совсем другие феномены. Следует упомянуть в данной связи, безусловно, прежде всего, о прямых

---

144 *Rhodes P. J.* The Ostracism of Hyperbolus... P. 94.

145 *Calhoun G. M.* Op. cit. P. 139; *Raubitschek A. E.* Athenian Ostracism... P. 116.

146 Ср.: *Bengtson H.* The Greeks and the Persians from the Sixth to the Fourth Centuries. L., 1969. P. 160.

дискуссиях в экклесии, дикастериях и других органах власти, в ходе которых соперничающие стороны опирались на лучшие достижения тогдашнего ораторского искусства. Далее, пропагандистским целям могли служить и театральные постановки. Актуальной политической проблематикой, аллюзиями на конкретные события общественной жизни, претворенными в мифологические образы, была насыщена трагедия V в. до н. э. (произведения Эсхила, Софокла, Еврипида), о чем нам уже приходилось писать ранее[147]. В еще большей степени это можно сказать о древней аттической комедии, о чем речь еще пойдет ниже. Применялись и другие методы пропаганды, в том числе и невербальные (можно упомянуть в данной связи скульптурное убранство храмов, роспись Пестрой стои на Агоре и др.). Это так называемая монументальная пропаганда.

Пропаганда систематически и зачастую весьма успешно использовалась в политической жизни Афин на протяжении всей классической эпохи. Приемы этой пропаганды были уже развитыми и хорошо отработанными; они, насколько можно судить, не зависели от конкретных группировок и лиц, а являлись, так сказать, общей принадлежностью политического арсенала эпохи. Так, обвинение в близости к тиранам выдвигалось как Алкмеонидами против их противников (например, Клисфеном против Исагора), так и их противниками против них самих. Враги Перикла в конце его политической карьеры применяли против него те же или схожие пропагандистские средства, какие сам он, выступив на политическую арену, применял против Кимона и ареопагитов[148]. Кто бы ни прибегал к подобным механизмам формирования общественного мнения, он мог с достаточным основанием рассчитывать на успех.

Можно говорить как о действительно значительном размахе и значении пропагандистских мероприятий в древнегреческих полисах, так и о необычности, нестандартности их для нашего рационалистического восприятия. Пропаганда была тесным образом связана с религией, мифологией и — шире — традицией в целом. Пожалуй, преобладание ориентации на традицию, а не на инновацию являлась одной из ее определяющих черт. Для выдвижения и распространения пропагандируемых идей, служивших интересам тех или иных групп, пользовались преимущественно традиционными средствами. Так, мифы (которые, не будем забывать, рассматривались как повествования вполне историчные) привлекались для обоснования или оправдания вполне современных притязаний. Тем же целям служила направленная политика в области культа, ритуалов, строительства, искусства. Немаловажную роль играли разного рода оракулы и предсказания, пропагандировавшиеся в наиболее благоприятные для этого моменты[149].

---

[147] См. последнюю работу: *Суриков И. Е.* Трагедия Эсхила... (со ссылками на наши предыдущие работы по данной проблематике).

[148] *Корзун М. С.* Политическая цель процессов против друзей Перикла и причины Пелопоннесской войны // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Сер. III. 1971. № 2. С. 8—14.

[149] О роли перечисленных средств в пропаганде архаического и классического периодов

Вот один из характерных примеров использования мифа и ритуала в пропаганде, кстати, относящийся как раз к V в. до н. э. и имеющий некоторое отношение к остракизму. В 470-х — 460-х гг. до н. э. Кимон, тогдашний лидер афинского полиса, активнейшим образом эксплуатировал мифологию Тесея, постепенно становившегося «национальным» героем Афин, аттическим аналогом Геракла[150]. В частности, около этого времени (скорее всего, в 476/475 г. до н. э.[151]) он с большой помпой организовал перенесение «останков Тесея» в Афины с острова Скироса[152], где, по традиции, произошла его кончина (Plut.Thes.36; Cim.8). Как известно, мифы повествовали об изгнании Тесея из Афин, причем, согласно одной из ветвей традиции (которую мы разбирали выше, в гл. II, п. 2, там же и приведя ссылки на источники), это изгнание имело форму остракизма. Данный вариант предания впервые встречается в IV в. до н. э. у Феофраста, но нет оснований полагать, что этот последний выдумал его. Возвращение «останков Тесея» было, бесспорно, мероприятием многоплановым по своим импликациям; Кимон как бы в определенной

см.: *Зелинский Ф.Ф.* Из жизни идей. Т. 1. 3 изд. Пг., 1916. С. 20—29; *Delcourt M.* Périclès. P., 1939. P. 19; *Nilsson M.P.* Cults, Myths, Oracles, and Politics in Ancient Greece. Lund, 1951; *Idem.* Political Propaganda in Sixth Century Athens // Studies Presented to D. M. Robinson. St. Louis, 1953. V. 2. P. 743—748; *Defradas J.* Les thèmes de la propagande delphique. P., 1954; *Barron J.P.* Religious Propaganda of the Delian League // JHS. 1964. V. 84. P. 35—48; *Podlecki A.J.* The Political Significance of the Athenian «Tyrannicide»-Cult // Historia. 1966. Bd. 15. Ht. 2. S. 129—141; *Webster T.B.L.* Athenian Culture and Society. Berkeley, 1973. P. 127—145, 163—178; *Kolb F.* Die Bau-, Religions- and Kulturpolitik der Peisistratiden // JDAI. 1977. Bd. 92. S. 99—138; *Kluwe E.* Attische Adelsgeschlechter und ihre Rolle als Auftraggeber in der bildenden Kunst der spätarchaischen und frühklassischen Zeit // Der Mensch als Mass der Dinge. B.,1976. S. 29—63; *Connor W.R.* Tribes, Festivals and Processions: Civic Ceremonial and Political Manipulation in Archaic Greece // JHS. 1987. V. 107. P. 40—50.

150 О популярности образа Тесея в Афинах эпохи Кимона см.: *Dugas Ch.* L'évolution de la légende de Thésée // REG. 1943. V. 56. P. 1—24; *Sourvinou-Inwood Chr.* Theseus Lifting the Rock and a Cup near the Pithos Painter // JHS. 1971. V. 91. P. 94—109; *Davie J.N.* Theseus the King in Fifth-Century Athens // G&R. 1982. V. 29. № 1. P. 25—34; *Shapiro H.A.* Theseus in Kimonian Athens: The Iconography of Empire // Mediterranean Historical Review. 1992. V. 7. № 1. P. 29—49; *Gouščhin V.* Athenian Synoikism... По одной из версий генеалогической традиции, род Филаидов, к которому принадлежал Кимон, по женской линии восходил к Тесею (*Τιβέριος Μ.* Θησεύς καί Παναθήναια // // AAAD. P. 133). Наиболее подробно об эволюции мифологического образа Тесея в Афинах в целом см.: *Calame C.* Thésée et l'imaginaire athénien: Légende et culte en Grèce antique. Lausanne, 1990.

151 Датировку см.: *Badian E.* From Plataea to Potidaea... P. 99.

152 Об этом событии см.: *Podlecki A.J.* Cimon, Skyros and 'Theseus' Bones' // JHS. 1971. V. 91. P. 141—143; *Fell M.* Kimon und die Gebeine des Theseus // Klio. 2004. Bd. 86. Ht. 1. S. 15—54.

степени отождествлял себя с древним героем, подчеркивал черты сходства между собою и им[153]. Для нас же наиболее интересен тот аспект проблемы, который относительно недавно был подчеркнут У. Р. Коннором[154]. «Возвращение Тесея» должно было восприниматься афинянами как возвращение его из остракизма (добавим, такое восприятие тем более вероятно, что буквально за несколько лет до этой акции имело место, как мы знаем, досрочное возвращение жертв первых остракофорий, которое должно было еще помниться). Привозя на родину останки героя, который в свое время несправедливо пострадал от сограждан, Кимон как бы имплицитно предостерегал на будущее против чрезмерно сурового обращения демоса со своими политическими лидерами. Для него, кстати, подобный намек был более чем актуален: его отец Мильтиад был осужден экклесией, да и сам он имел основания опасаться остракизма (и, как показали дальнейшие события, не напрасно). Эпизод с «останками Тесея» — типичный образчик пропагандистской акции, выросшей из недр мифо-ритуального комплекса.

Следует еще отметить, что пропаганда в полисных условиях имела (как и практически все аспекты политической жизни) значительно более личностный характер, чем то предполагают привычные нам современные реалии. Как в целом в политике происходила борьба не между абстрактными идеями, а между конкретными лидерами (см. п. 1 данной главы), так и на пропагандистском уровне острие атак было направлено против личности. Главной задачей было скомпрометировать противника; допускалось в том числе опорочение его личной жизни, особенностей характера и т. п. Строго говоря, и в наши дни это не исключено (достаточно вспомнить громкое «дело Левински» в США), но в демократических Афинах нападки такого рода предпринимались несравненно чаще, оказывались гораздо более эффективными и воспринимались не как сенсация, отклонение от нормы, а как нечто вполне естественное и правомерное. Выпады против личности противника, против его предков, родственников, друзей, были в, частности, повседневным делом в судебных процессах[155].

Уже в эпоху архаики пропаганда активно использовалась в борьбе за власть. Особенно часто, насколько можно судить, к методам пропагандистского воздействия на сограждан прибегали представители Старшей тирании (будь то Кипсел, Клисфен Сикионский, Писистрат, Поликрат, сиракузские Дейномениды и др.). По словам такого авторитетного специалиста, как Дж. Бордман, «Greek rulers (он имеет в виду именно архаических тиранов. —

---

[153] Интересно, что позже, в 440-х гг. до н. э., аналогичное отождествление с Тесеем практиковал и Перикл. См.: *Суриков И. Е.* Перикл, Амис и амазонки // ИИАО. 1999. Вып. 6. С. 147—152. Судя по всему, Тесей с определенного момента (с Писистрата? с Клисфена?) вообще стал парадигмой для любого афинского политика, занимающего лидирующую позицию в полисе.

[154] *Connor W. R.* Theseus and his City // RPGAW. P. 115—120.

[155] См.: *Суриков И. Е.* О некоторых особенностях правосознания... С. 39 слл.

И. С.) were great propagandists, they used myth and religion to serve political ends, and they were served by poets and artists»[156]. О пропагандистских методах тиранов можно было бы долго говорить, но это увело бы нас слишком далеко в сторону от основной нити изложения, к которой мы и возвращаемся.

В V в. до н. э., наиболее интересном для нас в связи с историей остракизма, соперничающие политические группировки не менее активно пользовались политической пропагандой для привлечения демоса на свою сторону. Упомянем — пока в общих чертах — о некоторых пропагандистских средствах этой эпохи. Как известно, одна из главнейших задач любой пропаганды — создание «образа врага». Афинские политики раннеклассической эпохи преуспели в этом: на протяжении V в. до н. э. было создано даже несколько таких парадигматичных образов (можно сказать, шаблонов, в принципе приложимых едва ли не к кому угодно), использование которых оказывало серьезное влияние на политическую борьбу.

Среди них — образ «предателя» (προδότης), особенно интенсивно формировавшийся в эпоху Греко-персидских войн; тесно связанный с ним (о чем мы говорили выше) образ «друга тиранов» (φίλος τῶν τυράννων), впервые, насколько можно судить, сформированный Алкмеонидами применительно к Исагору (ср. Arist.Ath.pol.20.1), но позже против них же и обращенный; образ «оскверненного» (ἀλιτήριος, ἐναγής), встречающийся чаще всего в связи с родовым проклятием тех же Алкмеонидов; ближе к концу V в. до н. э. — образ «нечестивца» или «безбожника» (ἀσεβής, ἄθεος), породивший, между прочим, несколько волн настоящей религиозной истерии. Обвинения такого рода, предъявлявшиеся конкурирующими политиками своим соперникам или их окружению, отразились как в нарративной традиции (причем подчас в сочетании друг с другом, ср. Lycurg.Leocr.117: τοὺς ἀλιτηρίους καὶ τοὺς προδότας), так и в инвективных надписях на острака, о чем мы преимущественно и будем говорить в дальнейшем.

Когда и как конкретно велась пропаганда в связи с остракофориями? Следует полагать, что дискредитирующие акции начинались задолго до непосредственного голосования черепками и даже, скорее всего, до вынесения экклесией предварительного решения о проведении остракизма. Собственно, само вынесение такого решения должно было осуществляться в результате то-

---

[156] *Boardman J.* The Material Culture of Archaic Greece // CAH. 2 ed. V. 3. Pt. 3. Cambridge, 1982. P. 452. Кстати, сам же Бордман блестяще проиллюстрировал этот тезис в цикле статей о том, как афинские Писистратиды использовали в своих пропагандистских мероприятиях мифологический образ Геракла (см., в частности: *Boardman J.* Herakles, Peisistratos, and Sons // RA. 1972. № 1. P. 57—72; *Idem.* Herakles, Peisistratos, and Eleusis // JHS. 1975. V. 95. P. 1—12; *Idem.* Herakles, Peisistratos, and the Unconvinced // JHS. 1989. V. 109. P. 158—159). Выводы Бордмана критиковались в литературе (например: *Brandt H.* Herakles und Peisistratos, oder: Mythos und Geschichte. Anmerkungen zur Interpretation vorklassischer Vasenbilder // Chiron. 1997. Bd. 27. S. 316—334), но не вполне убедительно.

го, что общественное мнение было уже готово к подобной акции. Иными словами, какой-то политик (или сразу несколько политиков) представал в глазах сограждан как чрезмерно опасный, а это должно было произойти в результате пропагандистской борьбы. Но основные, наиболее острые стычки в этой сфере, несомненно, имели место именно на промежутке от предварительного голосования до остракофории, тем более что некоторые обстоятельства, как мы сейчас увидим, способствовали этому. Пропаганда наверняка велась всеми возможными способами, как в официальной обстановке[157], так и в неофициальной, частной. Особенно подходящей для нее были некоторые сценические мероприятия, о чем следует сказать чуть подробнее.

В свете отмеченной выше близости пропаганды и ритуала в полисных условиях весьма ценным представляется наблюдение, сделанное Ш. Бренне[158]: в период «избирательной кампании» перед остракизмом в Афинах проходил ряд празднеств дионисийского цикла, которые как раз в наилучшей степени могли быть использованы для пропагандистских выпадов. Речь идет о Малых (Сельских) Дионисиях с их фаллическими песнями, справлявшихся в основном по демам, а также о Ленеях — празднике уже более крупномасштабном, отмечавшемся на общеполисном уровне и сопровождавшемся постановкой комедий. Правда, правильные комедийные агоны на Ленеях (в малом театре) берут начало не ранее чем в середине V в. до н. э., но до того комические представления проходили прямо на улицах, перед домами. Как комедии, так и фаллические песни активно использовались для политической пропаганды. Запущенные комедиографами с подмостков персональные инвективы, словесные шаржи конкретных граждан затем широко распространялись в полисной среде и могли серьезно влиять на индивидуальные позиции афинян[159].

---

157 Например, на заседаниях экклесии (ср.: *Карпюк С. Г.* Гипербол... С. 150).

158 *Brenne S.* «Portraits»... S. 183—184; *Idem.* Ostraka and the Process... P. 13.

159 Об инвективах, направленных против конкретных личностей, в аттической комедии и об их типологии см.: *Storey I.* Poets, Politicians and Perverts: Personal Humour in Aristophanes // Classics Ireland. 1998. V. 5. P. 85—134. Правда, автор принадлежит к тому направлению в исследовании данной проблемы, которое постулирует, что в комедии, как карнавальном жанре, эти инвективы имели всецело шуточный характер и не воспринимались зрителями серьезно. В подобной точке зрения, насколько можно судить, есть определенная доля истины (так, Сократ действительно не обижался на свой карикатурный образ в «Облаках» Аристофана), но вряд ли стоит доводить ее до абсурда, утверждая, что насмешки комедиографов вообще не оказывали никакого влияния на общественное мнение, не формировали определенных (причем негативных) образов тех или иных граждан. Сократ мог не обижаться на Аристофана и впоследствии мирно пировать и беседовать с ним за одним столом (см. «Пир» Платона) — а вот рядовые граждане получали из «Облаков» представление об этом философе как о злостном софисте и шарлатане, что потом сыграло свою роль в его осуждении (Plat.Apol.18b—d). Сократ, повторим, мог не обижаться на Аристофана — но на то он был Сократ; а вот, скажем, Клеон крайне болезненно восприни-

Комедию было тем легче приспособить для инвективы политического характера, что сам этот жанр (это, насколько можно судить, характерно для комедии всех эпох и народов) предполагал использование определенного набора стандартных образов, клише, в рамки которых авторами укладывались персонажи, в том числе и воплощавшие вполне реальных людей. Образы «хвастливого воина», «ученого шарлатана», «скупого старика», «хитрого раба» и т. п. сплошь и рядом находили отражение уже в V в. до н. э., в произведениях Аристофана и комедиографов — его современников (к великому сожалению, от драм таких поэтов, как Кратин, Евполид, Гермипп, Платон Комик и др., дошли лишь фрагменты, но и они дают достаточное понятие о том, что их комедия была насыщена тем же духом, что и аристофановская[160]). Известные в полисе лица — как политики и полководцы (Перикл, Ламах, Никий, Демосфен), так и деятели культуры (Сократ, Еврипид, Агафон) — изображались в виде таких вот стандартных образов[161]. Шарж, карикатура, как известно, всегда значительно лучше укладывается в память и сознание, нежели реалистический, многомерный портрет.

* * *

С точки зрения исследования методов политической пропаганды, характерных для кампаний перед остракофориями, в высшей степени интересны надписи инвективного характера, делавшиеся голосующими афинянами на остраконах. Выше (в п. 2 источниковедческого раздела) мы уже дали простое перечисление этих надписей — в той мере, в какой это можно сделать на сегодняшний день, когда основная часть острака с Керамика еще не опубликована (нет сомнения, что их публикация познакомит специалистов с новыми надписями того же рода). На том этапе исследования, в самом его начале мы еще не пытались приступить к систематизации этой категории источникового материала. Теперь же самое время попытаться это сделать.

Собственно, мы не будем «изобретать велосипед». Дело в том, что довольно убедительная типология инвектив на острака была недавно разработана австрийским исследователем П. Зивертом[162] (который, впрочем, находил-

мал аристофановские выходки. И потом, наконец, если комические поэты имели целью только позабавить сограждан, а не оклеветать кого-либо, то почему, например, комедиограф Гермипп, часто нападавший в своих драмах на Перикла, в конце концов возбудил судебный процесс против Аспасии? Нет, похоже, сами эти авторы относились к своему ремеслу значительно серьезнее, чем нам кажется.

160 Ср. об этом: *Mattingly H. B.* Poets and Politicians... P. 239 ff.

161 Ср.: *Stark I.* Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Beitrüger und Klaffärsehe. Die Wannung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen // Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie. Stuttgart; Weimar, 2002. S. 147—167.

162 *Siewert P.* Accuse... Passim.

ся в том же положении, что и мы, то есть владел не всем существующим материалом). Мы не во всех деталях согласны с типологией Зиверта, но в целом считаем ее приемлемой, хотя и требующей корректив. Лучше всего будет привести ее и при этом прокомментировать, отметив пункты нашего расхождения с этим ученым.

Все инвективные надписи на остраконах Зиверт делит на несколько больших групп, подразделяемых, в свою очередь, на подгруппы. Первая из больших групп (и самая многочисленная) — обвинения политического характера. Внутри нее выделяются следующие подгруппы: (а) обвинения в «мидизме», иными словами, в преступных связях с Персией (а может быть — и просто в приверженности к персидскому образу жизни, что тоже после Марафона считалось крайне предосудительным). Сюда Зиверт относит, в частности, неоднократно встречающиеся определения Каллия, сына Кратия, как Μῆδος. Впрочем, в соответствующем месте мы уже писали, что, возможно, это вообще не обвинение, а прозвище, данное Каллию по какому-то конкретному поводу. К той же подгруппе отнесен тот остракон, на котором Аристид назван «братом Датиса» (хотя этот черепок настолько плохо сохранился, что надпись на нем допускает и другие варианты реконструкции).

Подгруппа (б) включает обвинения в предательстве, измене. Это — те остраконы, на которых имя «кандидата» на изгнание снабжено припиской προδότης. Мы же, со своей стороны, без тени колебания объединили бы эту подгруппу с предыдущей, поскольку никаких принципиальных отличий между ними нет. В интересующую нас эпоху обвинение в измене практически всегда имело в виду именно персидскую измену[163].

К подгруппе (в) Зиверт причисляет надписи, обвиняющие то или иное лицо в иноземном происхождении. Такого рода инвективы, считает он, представляли собой метафоры для обозначения той же измены. Кроме того, он сравнивает их со словоупотреблением в комедии, авторы которой, чтобы унизить политического деятеля, могли назвать его чужеземцем, даже варваром (ср. у Аристофана — «пафлагонянин» Клеон, «фригиец» Гипербол, «фракиец» Клеофонт). Все эти граждане в действительности, естественно, были греками и афинянами. Данная параллель между острака и комедией представляется нам вполне правомерной. Однако какие же надписи Зиверт относит к этой подгруппе? Как ни странно, опять же приписки типа «Каллий — мидянин», которые уже фигурировали в подгруппе (а). То, что одна и та же группа памятников оказывается одновременно включенной в два пункта, говорит либо о несовершенстве типологии, либо о том, что к какому-то одному из этих пунктов (а, может быть, и к обоим) она отнесена ошибочно. Мы считаем, что имеет место скорее последнее, поскольку, как говорилось выше, Μῆδος, очевидно, является вообще не инвективой, а прозвищем. Аналогичным образом обстоит дело с теми черепками, на которых Менон назван «фессалийцем» (их

---

[163] Об обвинениях в измене на остраконах см. также: *Mattingly H.B.* Facts and Artifacts... P. 285; *Littman R.J.* Op. cit. P. 165 ff.

Зиверт включает в ту же подгруппу). Если считать, что Менон был действительно натурализовавшимся в Афинах фессалийцем из Фарсала (а, судя по всему, именно так и обстояло дело), то перед нами опять-таки вовсе не инвектива, а идентификация «кандидата». Вообще главный методологический просчет австрийского исследователя при систематизации разбираемых им приписок на острака заключается в том, что он, насколько можно судить, считает все эти приписки инвективами, даже не рассматривая возможности другой интерпретации некоторых из них. С этим мы столкнемся и при дальнейшем разборе его типологии.

В следующую подгруппу (г) Зиверт объединяет надписи, по его мнению, обвиняющие «кандидатов» в злоупотреблении должностным положением. И снова отнесение некоторых памятников к данной подгруппе мы сопроводили бы большим знаком вопроса. Так, на одном из остраконов некий Евхарид назван фесмофетом. Но из чего видно, что автор надписи желает изгнать этого своего согражданина именно за то, что он допустил какие-то нарушения при занятии этой должности? Ровным счетом не из чего. Перед нами явно идентификация: писавший просто хотел показать, что он имеет в виду того Евхарида, который на момент остракофории занимал пост архонта-фесмофета, а не какого-либо другого носителя имени Евхарид, и тем самым избежать путаницы. При широком распространении омонимии в гражданском коллективе классических Афин такие уточнения в некоторых случаях были абсолютно необходимы. Сказанное, скорее всего, относится и к остракону с именем Менона, на котором он назван бывшим архонтом. Это лицо вряд ли тождественно Менону-фессалийцу (трудно представить, чтобы недавно натурализовавшийся гражданин был избран архонтом), и наиболее вероятно, приписка об архонтате была сделана для того, чтобы «счетная комиссия» могла проводить различие между двумя Менонами.

Впрочем, имеется и надпись, которую мы вслед за Зивертом безоговорочно относим к подгруппе (г). Это — эпиграмма на знаменитом остраконе Ксантиппа, «царице острака», как его называют:

Χσάνθ[ιππον τόδε] φεσὶν ἀλειτερῶν πρυτάνειῶν
τὸστρακ[ον Ἀρρί]φρονος παῖδα μά[λ]ιστ' ἀδικεῖν.
Более всех преступен из оскверненных пританов —
Сей черепок гласит — сын Аррифрона Ксантипп.

Это бесспорно инвектива, причем имеющая сложный, комплексный характер, сочетающая в себе разные типы обвинений; поэтому ее придется рассмотреть не только здесь, но и ниже, в некоторых других контекстах. Пока для нас интересно то, что Ксантиппа обвиняют в совершении какого-то преступления (ἀδικεῖν) и не вполне ясным образом связывают с некими пританами.

Обвинения религиозного характера на остраконах Зиверт сводит в подгруппу (д). Здесь мы никак не можем согласиться с ним. Получается нестыковка: внутри группы «политические обвинения» — подгруппа «религиозные обвинения». Политика и религия, как бы тесно они ни были связаны в полисных условиях, все-таки оставались разными сферами общественной жизни.

На наш взгляд, гораздо резоннее было бы отнести инвективы религиозного плана в отдельную группу, отделив их от политических, тем более что в количественном отношении этих религиозных инвектив не так уж и мало. Последнее, кстати, понятно в свете того, что говорилось в гл. II о ритуальных корнях института остракизма, которые в V в. до н. э. могли уже не осознаваться, но подспудно оказывать влияние на поведение голосующих. Л. Холл называет приписки такого рода «сакральными defixiones»[164].

Чаще всего из обвинений, имеющих отношение к сфере религии, встречается обвинение в оскверненности. «Оскверненным», как мы только что видели, назван Ксантипп в эпиграмме на одном из остраконов. То же слово (ἀλειτηρός), как стало недавно известно[165], употреблено сразу на двух остраконах, направленных против Мегакла, сына Гиппократа, из рода Алкмеонидов. Еще на одном остраконе Мегакл назван Κυλώνειος. Теперь вряд ли может возникнуть хоть какое-то сомнение в том, что все эти надписи имеют в виду «Килонову скверну» — родовое проклятие Алкмеонидов[166]. Менее понятно, почему на одном из черепков «скверной» (ἄγος) именуется Фемистокл. Этот политик, как известно, происходил из рода Ликомидов, а не Алкмеонидов. Впрочем, отнюдь не исключено и даже весьма вероятно, что сам он или его предки находились в каких-то родственных связях с Алкмеонидами, что давало возможность распространить и на него то же самое родовое проклятие (передававшееся, в понимании афинян, не только по прямой мужской, но и по любой женской линии). Фемистокл родился в деме Фреарры (Plut.Them.1), где располагались родовые поместья Алкмеонидов[167]. Его жена Архиппа была приписана к дему Алопека (Plut.Them.32), а именно в этом деме находилась главная резиденция Алкмеонидов. Судя по всему, и свою политическую карьеру в начале 490-х гг. до н. э. Фемистокл начал в рядах группировки, возглавлявшейся Алкмеонидами, и лишь несколько позже, отколовшись от нее, стал лидером собственного политического объединения.

Религиозный характер явно имеет и обвинение, брошенное на одном из остраконов Аристиду. Согласно надписи на этом памятнике, Аристид «прогнал молящих о защите». К сожалению, эпизод, который имеет в виду автор надписи, нам неизвестен[168].

Вторую группу инвектив на острака, согласно типологии Зиверта, составляют надписи, в которых указывается на чрезмерно влиятельное положе-

---

164 *Hall L. G. H.* Remarks... P. 99.

165 *Brenne S.* Ostraka and the Process... P. 16—17.

166 *Суриков И. Е.* По поводу... С. 143—144; *Он же.* Из истории греческой аристократии... С. 184—185. Подобные предположения высказывались уже давно, задолго до того, как стал известны вышеупомянутые острака против Мегакла. См., например: *Williams G. W.* The Curse of the Alkmaionidai. II. P. 21.

167 *Eliot C. W.* Where did the Alkmaionidai Live? // Historia. 1967. Bd. 16. Ht. 3. S. 279—286; *Bicknell P. J.* Studies... P. 1—53, 74; *Littman R. J.* Op. cit. P. 81 ff.

168 Подробнее см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 185.

ние тех или иных политических деятелей. Эту группу исследователь также делит на несколько подгрупп. В подгруппу (а) — обвинения в честолюбии, тщеславии — он включает один остракон против Фемистокла, которого писавший требует изгнать «почета ради» (τιμῆς ἕνεκα). Интерпретация этой надписи является спорной.

Подгруппа (б), по Зиверту, объединяет обвинения «кандидатов» на изгнание в богатстве. В частности, Мегакл на одном из «бюллетеней» назван «содержащим коней» (ἱπποτρόφος), а гиппотрофия, несомненно, была привилегией лишь богатейших граждан. На другом остраконе Мегакла изображен всадник, что, скорее всего, тоже является намеком на его гиппотрофию. Опять же позволим себе усомниться в том, что в данном случае вообще следует вести речь об обвинениях, инвективах. Более вероятно, что голосующие озабочивались целью точнее идентифицировать человека, чье имя они писали. В Афинах начала V в. до н. э. было несколько граждан по имени Мегакл. Все они были аристократами (Алкмеонидами), то есть потенциально подпадали под закон об остракизме. Более того, даже надписание полного гражданского имени (Мегакл, сын Гиппократа, из Алопеки) не вполне помогало. Имелся еще один Мегакл, сын Гиппократа (на тех немногих острака, которые направлены против него, он обычно обозначается как «Мегакл, сын Гиппократа, сына Алкмеонида»), и он тоже, судя по всему, был из Алопеки. Чтобы отличить Мегакла — жертву остракофории 486 г. до н. э. — от его тезок, и был упомянут предмет его особенной гордости — упряжка лошадей, с которой он, кстати, чуть позже победил на Пифийских играх.

К подгруппе (в) данной группы Зиверт относит те остраконы, приписки на которых указывают на принадлежность «кандидата» на изгнание к высшему социальному слою, то есть к тому кругу лиц, против которых, собственно, и была направлена процедура остракизма. Но какие надписи, по мнению исследователя, должны считаться принадлежащими к данной подгруппе? Здесь его логика нас просто-таки озадачивает. Он приводит черепок с надписью Λιμὸς Εὐπατρίδης. Действительно, вроде бы налицо аллюзия на принадлежность данного лица к верхушке аристократии, к сословию евпатридов. Но ведь все дело в том, что такого лица — Λιμός — вообще не существовало! Это — слово «голод», и абсолютно невероятно, чтобы кто-либо из афинян носил подобное имя. Оно не зафиксировано и в афинской просопографии, что вполне естественно. Надпись, о которой идет речь, несомненно, представляет собой шутку: некий остроумец советует применить остракизм к... голоду, таким образом изгнав его из страны. Другое дело, что голод почему-то назван евпатридом. Тут есть о чем подумать, можно попытаться выдвигать разного рода гипотезы (например, предположить, что, в понимании рядовых граждан, аристократы по какой-либо причине выступали в качестве источника голода, почему он и был причислен к ним). Но в любом случае перед нами — не инвектива против конкретного лица, и потому данная надпись не может быть включена в типологию таких инвектив.

К той же подгруппе Зиверт относит тот остракон, на котором Агасий назван «ослом» (ὄνος), что нам совсем уже непонятно (о наиболее близком к истине понимании данной надписи см. выше, в п. 2 источниковедческого раздела). В целом нам представляется, что вся вторая группа типологии австрийского исследователя является мнимой, надуманной.

Этого отнюдь нельзя сказать о третьей и последней группе, включающей обвинения этического плана. Такие обвинения — безусловная реальность. Эту группу Зиверт не делит на подгруппы, просто отмечая, что на остраконах, принадлежащих к ней, те или иные граждане обвиняются, в частности, в таких негативных качествах, как злокозненность (Леагр — «клеветник»), распутство (Мегакл — «прелюбодей»), инцест (абсолютно правильная интерпретация надписи «Пусть Кимон, сын Мильтиада, уходит, взяв Эльпинику»), пассивный гомосексуализм, который для взрослого мужчины считался предосудительным[169]. Примером инвективы последнего рода для исследователя служит известный остракон, на котором Фемистокл назван καταπύγων. На наш взгляд, не исключено, что это просто грязное ругательство[170].

Итак, попробуем дать уточненную типологию инвектив на острака, взяв за основу ту, которую разработал Зиверт, но модифицировав ее (и, пожалуй, несколько упростив) согласно сделанным выше замечаниям. Инвективы можно распределить по следующим группам: (1) обвинения политического характера, среди них — (а) обвинения в измене, в первую очередь персидской, (б) обвинения в злоупотреблении должностным положением; (2) обвинения религиозного характера, преимущественно обвинения в «оскверненности»; (3) обвинения этического характера, чаще всего связанные с сексуальной сферой. Мы выделили бы, кроме того, не фигурирующую у Зиверта группу (4) — обвинения чисто личного характера, связанные с конкретными взаимоотношениями конкретных лиц, нюансы которых нам ближе неизвестны. К таковым несомненно можно причислить ту надпись, автор которой рекомендует изгнать Мегакла δρυμοῦ ἕνεκα. О каком лесе идет речь, что за конфликт, связанный с этим лесом, был между Мегаклом и тем его согражданином, который надписывал данный черепок, — всего этого мы не знаем. Более или менее ясно лишь, что речь идет об инциденте частного, а не государственного характера[171]. Возможно, следы чего-то подобного обнаруживаются на тех остраконах против Мегакла, на которых появляется женское имя Кесиры. Кем бы ни была эта Кесира, женой или матерью Мегакла, судя по всему, писавший испытывал к ней антипатию, коль скоро для него упоминание этого имени выступало как дополнительный аргумент за изгнание одного из лидеров Алкмеонидов.

---

[169] Ср.: *Cantarella E.* L'omosessualità nel diritto ateniese // Symposion 1985. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 157.

[170] Возможно также, что этот эпитет попал на остракон, как ни парадоксально, из лексикона афинских любовных надписей на вазах. В одной из таких надписей некий Алкей назван καταπ[ύγον]. См.: *Beazley J. D.* Op. cit. V. 2. P. 1561.

[171] Ср.: *Brenne S.* Ostraka and the Process... P. 15.

Инвективы, использовавшиеся в пропагандистской борьбе перед остракофориями, могли затем отражаться на острака не только в вербальном плане. Нам представляется весьма убедительной интерпретация П. Бикнеллом серии рисунков на одном из остраконов против Калликсена из рода Алкмеонидов[172]. Изображенную на черепке ветвь этот исследователь понимает как гикетерию, видя в ней указание на родовое проклятие Алкмеонидов («Килонову скверну»), а изображение рыбы-триглы трактует как намек на «всеядность», беспринципность данного «кандидата» на изгнание. Таким образом, словесные «карикатуры» претворялись в сознании афинян в карикатуры самые настоящие, изобразительные, и это вполне характерно для образного мышления греков.

Насколько встречающиеся на остраконах обвинения соответствовали действительности, иными словами, намеревался ли Калликсен предать Афины персам или был ли Фемистокл на самом деле καταπύγων — судить невозможно, да дело и не в этом. Важнее другое: все или практически все инвективы-приписки на черепках-«бюллетенях» являют собой непосредственно дошедшие до нас живые современные свидетельства, следы дискредитирующей пропаганды личностного плана, активно ведшейся в Афинах на стадии подготовки к остракофориям.

* * *

Выше говорилось о том, что в пропагандистской борьбе политических группировок немаловажную роль играли представления комедий, падавшие на хронологический отрезок между предварительным решением об остракофории и самим голосованием. В данной связи представляется небезынтересным поискать параллелей для инвектив, встречающихся на острака, в памятниках комедийного жанра классической эпохи[173]. Этим тем более стоит заняться, что, насколько нам известно, подобное сопоставление интересующих нас памятников малой эпиграфики с такими характерными нарративными текстами, какими были произведения комедиографов, никем еще не проводилось. Мы привлекаем как сравнительный материал корпус комедий Аристофана, а также дошедшие фрагменты других поэтов древней аттической комедии — Кратина, Евполида, Платона Комика, Гермиппа и др.

Мы отмечали, что на нескольких остраконах времен первых остракофорий (в том числе на том, который содержит эпиграмму против Ксантиппа) фигурирует термин ἀλειτηρός. У авторов второй половины V в. до н. э. и более позднего времени это слово значительно чаще встречается в форме ἀλιτήριος. Оно имеет прямое отношение к религиозной сфере и достаточно сложно для

---

172 *Bicknell P. J.* Agora Ostrakon... Passim. См. выше, в п. 2 источниковедческого раздела.

173 Ш. Бренне замечает, что приписки на острака и инвективы в комедиях — явления, во многом принадлежащие к одному и тому же репертуару: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 23.

перевода. Мы обычно передаем его смысл как «оскверненный», «проклятый», но следует учитывать и такие важные оттенки, как «преступный», «пагубный», «приносящий беду» (иногда даваемый в словарях перевод «грешный» кажется нам неуместным, поскольку для древнегреческой религии классической эпохи весьма проблематично наличие этической категории греха). В наиболее общей формулировке ἀλειτηρός (ἀλιτήριος) — это лицо, которое в силу неких причин религиозного характера становится опасным для окружающих и для полиса в целом. Рассматриваемый термин имеет ряд родственных лексем среди различных частей речи: ἀλιταίνειν, ἀλιτήμων, ἀλιτρία, ἀλιτρός и др.; не исключаем, что к той же группе может относиться и ἀλάστωρ (со значениями как «злой дух», так и опять же «проклятый», «нечестивец»).

В памятниках древней комедии мы встречаем слова данной группы (в том числе: Aristoph.Ach.907 — ἀλιτρία; Eupol.fr.146b Kock — ἀλιτήριος). Особенно интересны два контекста. Во «Всадниках» Аристофана (445—446) Клеон и его соперник Агоракрит (персонаж, судя по всему, вымышленный), вступив в перепалку, обмениваются ругательствами, которые представляют собой типичнейшие пропагандистские инвективы. В частности, Клеон заявляет оппоненту: Ἐκ τῶν ἀλιτηρίων σέ φημι γεγονέναι τῶν τῆς θεοῦ («я говорю, что ты происходишь из проклятых богиней»). Нет ни малейшего сомнения, что это аллюзия на «Килонову скверну», на родовое проклятие Алкмеонидов. Следовательно, можно говорить не только о лексическом, но и контекстуальном совпадении инвектив на острака Ксантиппа и Мегакла, принадлежавших к «проклятому» роду, и в памятнике комедийного жанра. Еще более разительно совпадение с одним из фрагментов Евполида (fr.96 Kock). В нем некий афинянин назван ὁ Βουζύγης ἄριστος ἀλιτήριος[174], причем это не кто иной, как Перикл[175], который действительно принадлежал по мужской линии к роду Бузигов и в то же время мог быть причислен к ἀλιτήριοι, поскольку по женской линии принадлежал к Алкмеонидам. Сопоставление данного фрагмента с эпиграммой на остраконе Ксантиппа дает возможность обнаружить уникальный факт: одна и та же инвектива с промежутком в несколько десятилетий оказывается примененной к отцу и сыну (соответственно на остраконе и в комедии, то есть в текстах весьма далекого друг от друга характера). Вот блестящий пример того, насколько живучими, передававшимися из поколения в поколение, были штампы политической (точнее, религиозно-политической) пропаганды.

В той же эпиграмме на остраконе Ксантиппа, наряду с прилагательным ἀλειτηρός встречаются глагол ἀδικεῖν («поступать несправедливо, наносить обиду, совершать преступление») и упоминание каких-то пританов (πρυτάνειων). Искать соответствий в памятниках комедии в равной мере на ἀδικεῖν и на πρύτανις, в общем, бесполезно. Упомянутый глагол принадлежит к числу наиболее употребительных в греческом языке, весьма часто встречается и в коме-

[174] ἀλιτήριος = ὁ ἀλιτήριος.

[175] См. обоснование: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 191.

дии (вот перечень хотя бы из одного Аристофана, да и то, полагаем, далеко не полный: Equ.730; Nub.35, 1175, 1467; Vesp.589, 591, 896, 1017, 1162; Pax 473; Av.138, 1035—1036, 1221, 1585; Lys.1147—1148; Thesm.367, 379; Ran.617; Plut.457, 459—460, 1026). Пританы разного рода также нередко появляются на страницах произведений комедиографов. Мы, однако, хотели бы привлечь внимание лишь к одному месту из Аристофана (Ach.56), где в рамках одной строки, причем в тесной связи друг с другом, оказываются лексемы ἀδικεῖν и πρύτανις. Крестьянин Дикеополь, обращаясь к пританам, ведущим народное собрание и не желающим давать слово гражданину, который ратует за мир со Спартой, говорит: ὤνδρες πρυτάνεις, ἀδικεῖτε τὴν ἐκκλησίαν — «о мужи пританы, вы обижаете экклесию». Таким образом, как в эпиграмме на остраконе, так и в сочинении комического поэта появляются некие пританы, которые кого-то обижают, поступают несправедливо. Нам пока сложно говорить что-либо в деталях об импликациях этого совпадения, судить о том, является ли оно случайным или перед нами нечто большее. Вопрос этот требует дальнейшего размышления.

Еще на одной достаточно обширной надписи на остраконе (против Мегакла) А. Раубичек[176] реконструирует слово [ἄπο]λι, представляющее собой вокатив от ἄπολις. Данное прилагательное, означающее, собственно, «лишенный города, изгнанник», могло употребляться и как синоним ἄτιμος, «лишенный гражданской чести». И действительно, ἄπολις представляется в высшей степени подходящим эпитетом для лица, изгоняемого из полиса. Правда, как известно, афиняне, подвергнутые остракизму, не лишались на время своего изгнания гражданских прав, но достаточно сильный эпитет можно отнести на счет горячего темперамента неизвестного нам автора надписи. В пользу реконструкции Раубичека (а существуют и другие варианты заполнения данной лакуны) можно привести как раз и то соображение, что существуют параллели в произведениях комического жанра. Так, во фрагменте одного из анонимных комедиографов (fr.127 Kock) некто назван ἄπολις, ἄοικος, πατρίδος ἐστερημένος. Одна из комедий Филемона, автора рубежа IV—III вв. до н. э., носит название Ἄπολις.

Кстати, само слово ἄτιμος тоже выступает в качестве эпитета «кандидата» на одном из острака (кто конкретно так назван, неизвестно, иногда считается, что Калликсен[177]). Здесь набор параллелей более богат, большинство из них — у Аристофана (Ach.518; Av.766; Ran.692), но есть также у более позднего комика Алексида (fr.262 Kock).

Очень обильно представлена в памятниках афинской комедии семантика, связанная с понятием προδότης, неоднократно, как мы знаем, фигурирующим на остраконах. Это, конечно, не случайно: в полисном мире классической эпохи, обвинение в предательстве, измене было весьма актуальным, начиная со времени Греко-персидских войн оно стало настоящим жупелом. Осо-

---

[176] *Raubitschek A. E.* Megakles... S. 381.

[177] Например: *Stamires G. A., Vanderpool E.* Op. cit. P. 376 ff.

бенно часто политическим противникам инкриминировали, естественно, измену в пользу персов и вообще варваров (под которыми, насколько можно судить, как правило, тоже имеются в виду персы). Понятно, что такая измена считалась наиболее предосудительной, а обвинение в ней наиболее действенным. На остраконах «предатель» и «мидянин» могут выступать как взаимозаменяемые синонимы. В комическом жанре подобное словоупотребление тоже вполне возможно, что мы позволим себе проиллюстрировать рядом примеров.

В «Мире» Аристофана крестьянин Тригей хочет подать в суд на самого Зевса, обвинив верховного бога в том, что он предает Элладу мидянам (Pax 108: Μήδοισιν αὐτὸν προδιδόναι τὴν Ἑλλάδα). Судебный процесс против божества выглядит, конечно, комически-абсурдным, но соль юмора в том, что поэт явно пародирует вполне реальные обвинения, нередко звучавшие с бемы афинских дикастериев. Очень похожий пассаж — в другом месте той же комедии (Pax 408). Тригей инкриминирует изменнические намерения теперь уже Гелиосу и Селене, которые, по его словам, хотят предать Элладу варварам (τοῖς βαρβάροισι προδίδοτον τὴν Ἑλλάδα). Заметим почти полный параллелизм лексики в обоих случаях. Различие заключается только в том, что в первой цитате говорится о мидянах (т. е. персах), а во второй — о варварах, но имеется в виду, несомненно, одно и то же. Таким образом, перед нами подтверждение того, что под изменой понималась по преимуществу персидская измена и что категории «измены» и «мидизма» выступали как взаимозаменяемые.

Еще несколько примеров. Во «Всадниках» Аристофана Клеон обвиняет своего соперника Агоракрита и афинских всадников в том, что они вступают в сговор с «мидянами и царем» (Equ.478: πάνθ' ἃ Μήδοις καὶ βασιλεῖ ξυνόμνυτε). В «Фесмофориазусах» того же автора речь вновь заходит о лицах, которые вступают в сношения с мидянами (Thesm.336—337: ἢ 'πικηρυκεύεται... Μήδοις) и приводят их в Грецию (Thesm.365: ἢ Μήδους ἐπάγουσι). Такие люди безоговорочно осуждаются, проклинаются, объявляются врагами государства; при этом комедиограф, подчеркнем, пародирует молитву официального характера. По такому «кривому зеркалу», как пародии в комедиях Аристофана, можно, отбрасывая гротескные черты, получить достаточно отчетливое представление о многих государственных актах, которые не могли сохраниться непосредственно. В данном случае аристофановские реминисценции не позволяют усомниться в том, что в молитвах, которые возносили от имени полиса афинские жрецы и магистраты, действительно фигурировали такого рода проклятия по адресу предателей. В нескольких последних цитатах сами слова «предавать», «предатель» не используются, заменяясь синонимами, но вполне недвусмысленно подразумеваются. Создается впечатление, что в общественной жизни афинского полиса V в. до н. э., на любом ее уровне — в речах тяжущихся сторон в дикастериях, в дебатах, развертывавшихся на заседаниях экклесии, в религиозных церемониях, да и просто в повседневном общении граждан — тема измены была одной из самых излюбленных. Бросаемые политиками друг другу обвинения в προδοσία начинали жить собственной жизнью, превращались в своеобразные коллективные мифы, властвующие над общественным сознанием.

Чтобы показать актуальность данной темы в классических Афинах, дадим лишь несколько ссылок на произведения аттической комедии, где фигурируют лексемы, производные от προδιδόναι: Aristoph.Ach.290, 340; Equ.241; Vesp.288, 593, 666; Av.328, 766; Thesm.393; Ran.362; Cratin.fr.70 Austin; Eupol.fr.92, fr.95 Austin; Plato Com.fr.5 Demianczuk; Hermipp.fr.83 Kock; Polyzel.fr.3 Kock; Metagen.fr.10 Kock; Comic.anonym.fr.595, fr.1124, fr.1125 Kock. Насколько можно судить, не во всех этих случаях речь идет именно о персидской измене; порой скорее имеется в виду предательство в пользу спартанцев в ходе Пелопоннесской войны (Aristoph.Vesp.288: τῶν προδόντων τὰπὶ Θρᾴκης; Metagen.fr.10 Kock: προδοὺς Ναύπακτον ἀργύριον λαβών). В первой половине V в. до н. э., к которой относятся практически все приписки на остраконах, спартанская измена еще вряд ли могла фигурировать. Характерно, например, что на черепках с именем Кимона, который имел заслуженную репутацию главного афинского лаконофила, он ни разу не назван предателем. Впрочем, важнее другое — принцип: совокупность данных позволяет убедиться в том, что пропагандистское клише «предателя» было одним из наиболее активно (и, надо думать, наиболее успешно) применявшихся в классических Афинах «образов врага». Последнее, впрочем, не удивительно: в подавляющем большинстве обществ, тем более — традиционных обществ, измена, предательство считается едва ли не самым страшным преступлением[178].

Пойдем дальше. Эпитет «осел» (ὄνος), приложенный на одном из остраконов к афинянину по имени Агасий, получил пока, насколько нам известно, лишь одну заслуживающую внимания интерпретацию[179], которая заключается в следующем. В игре остракинде, по ходу которой использовали черепки, словом «осел» обозначался проигравший (Poll.IX.112). Известно, что афиняне порой шутливо называли остракизм остракиндой, что отразилось, в частности, опять же в комедии (Aristoph.Equ.855). Бикнелл полагает, что именно такого рода аллюзия имеет место в надписи на черепке, о котором идет речь. Если остракизм уподобляется остракинде, то «ослом», естественно, будет назван тот гражданин, который подвергнется изгнанию. Иными словами, писавший желает Агасию стать жертвой остракизма.

Данное объяснение представляется вполне правдоподобным, тем более что оно опирается на данные (хотя и косвенные) комедии. Мы могли бы, однако, предложить и еще несколько альтернативных трактовок эпитета «осел» на остраконе, которые тоже будут учитывать свидетельства памятников комического жанра. Во-первых, известно, что с ослом у греков устойчиво ассоциировались вполне определенные качества (примерно такие же, как в наши дни), и в первую очередь медлительность (ср. Aristoph.Av.1328, где Писфетер говорит о ленивом рабе: Πάνυ γὰρ βραδύς ἐστί τις ὥσπερ ὄνος). Может быть Агасий, чье имя фигурирует на бюллетене, обладал именно такой чертой? Естественно, это всего лишь предположение.

---

178 Характерно, например, что Данте помещает в девятый круг ада именно предателей.

179 *Bicknell P. J.* Agasias the Donkey...

Другая возможность. В «Лягушках» Аристофана раб Ксанфий, нагруженный поклажей, сравнивает себя с ослом, везущим священные предметы (Ran.159: ἐγὼ γοῦν ὄνος ἄγω μυστήρια). Имеется в виду один из элевсинских ритуалов. Коль скоро мы сопоставим эпитет «осел» на остраконе с данным употреблением осла, то возникнет достаточно широкое поле для разного рода импликаций. Если уподобить изгоняемого остракизмом гражданина с ослом, везущим святыни, сразу возникает ассоциация с «козлом отпущения», уносящего на себе грехи общины. А ведь именно из обряда «козла отпущения», как мы видели выше (гл. II, п. 2), произошел в конечном счете сам ритуал остракизма. Может быть, на это хотел намекнуть автор надписи? Обратим внимание еще и на то, что в обоих процитированных свидетельствах с ослом сравнивается раб. Судя по всему, в понимании афинян раб и осел имели между собой немало общего. Соответственно, можно предположить, что, называя Агасия ослом, его таким образом подспудно упрекали в рабском происхождении, а обвинения такого рода были весьма часты в политической жизни Афин.

Допустим, наконец, еще и такое объяснение. В Древней Греции существовала поговорка «из-за тени осла» (περὶ ὄνου σκιᾶς), означавшая «из-за чего-то незначительного, сущих пустяков» (эта поговорка, встречается, в частности, и в произведениях комедиографов, например: Aristoph.Vesp.191). Предположив, что в надписи на остраконе имеется в виду тот самый осел, о тени которого идет речь в поговорке, придем к выводу, что Агасий объявляется незначительной, несерьезной персоной. Хотим специально подчеркнуть: ко всем предложенным вариантам интерпретации надписи читатель должен относиться так, как они того заслуживают, то есть cum grano salis. Автор совершенно убежден, что каждый из этих вариантов, во-первых, в высшей степени уязвим, во-вторых, недоказуем. Впрочем, то же самое относится и к интерпретации Бикнелла, что, впрочем, отнюдь не мешает рассматривать ее с интересом. Вывод из всего этого может быть только один: в поисках параллелей между инвективами на острака и инвективами в комедиях всегда надлежит соблюдать большую осторожность, памятуя о том, что в ряде случаев трактовка может быть принципиально поливариантной.

Есть, однако, и такие ситуации, в которых сколько-нибудь серьезные сомнения невозможны. Так можно сказать, к примеру, о неоднократно упоминавшемся выше эпитете καταπύγων. В комедии — целая россыпь параллелей к этой инвективе на остраконе[180]. Как у Аристофана (Ach.79, 664; Equ.639; Nub.529, 1023; Vesp.84, 687; Lys.137, 776; Thesm.200; fr.129, 191, 199, 222 Edmonds; ср. Ran.1071), так и у других комедиографов, в частности, у Кратина (fr.53, fr.241 Kock) чрезвычайно часто фигурируют καταπύγονες и καταπυγοσύνη. Встречаются сравнительные и превосходные степени (καταπυγονέστερον, παγκατάπυγον). Комментарии здесь, как говорится, излишни. Впрочем, хотелось бы указать на одно занятное и несколько неожиданное обс-

---

[180] См.: *Henderson J.* The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy. 2 ed. Oxf., 1991. P. 205 ff.

тоятельство: рассматриваемая группа слов, как выясняется, может относиться, вопреки логике, не только к мужчинам, но и к женщинам. Так, Кратин (fr.241 Kock) пишет, что καταπυγοσύνη породило Зевсу-Периклу Геру-Аспасию[181]. Иными словами, эпитеты, о которых здесь идет речь, не обязательно выступают в прямом техническом смысле, а могут употребляться и как банальные ругательства. Иными словами, если кто-либо в источнике охарактеризован как καταπύγων, это еще не свидетельство того, что данное лицо занималось, грубо говоря, мужской проституцией.

С эпитетом καταπύγων по частоте встречающихся в комедии параллелей может конкурировать эпитет μοιχός, фигурирующий на остраконе Мегакла. У комедиографов это тоже одно из излюбленных словечек. Не всегда, насколько можно судить, данное слово встречается в сугубо негативном значении «прелюбодей, развратник»; иногда оно означает просто «любовник». В любом случае, впрочем, понятно, что перед нами отнюдь не похвала. Больше всего примеров, как и обычно, дает Аристофан (Ach.265, 849; Nub.1079; Lys.212—213; Thesm.343, 345, 392, 397, 417, 488, 501; Eccl.225, 522; Plut.168; fr.187 Edmonds). Есть аналогичные словоупотребления и у других комедиографов (Eupol.fr.139 Kock; Euphr.fr.12 Kock; Call.fr.1 Kock). У некоторых из них (таких, как Амипсий, Антифан, Филемон) есть даже пьесы под названием Μοιχός или Μοιχοί.

Особенно интересен случай, когда данный эпитет применен к политику, при этом в переносном смысле, но в то же время, несомненно, и с аллюзией на его вполне реальные человеческие черты. Анонимный комик (fr.3 Kock) упоминает Алкивиада, «которого Спарта жаждет взять любовником» (ὃν ἡ Λακεδαίμων μοιχὸν ἐπιθυμεῖ λαβεῖν; при переводе следует учитывать, что Лакедемон в греческом языке, естественно, женского рода). Имеется в виду, несомненно, эпизод с бегством Алкивиада в Спарту в 415 г. до н. э.; при этом наверняка намекается и на любовную связь Алкивиада с супругой спартанского царя Агида.

Несколько сложнее вопрос о тех надписях на острака, где Мегакл характеризуется как νέα κόμη, νέας κόμης («с новыми волосами»). По мнению Ш. Бренне[182], здесь «кандидат» на изгнание тоже обвиняется в разврате. Аргументы предлагаются следующие: из одного пассажа Аристофана (Ach.849: Κρατῖνος ἀεὶ κεκαρμένος μοιχὸν μιᾷ μαχαίρᾳ) можно сделать вывод, что прелюбодеев в Афинах остригали, следовательно, им часто приходилось ходить «с новыми волосами». Ход рассуждений, конечно, возможный, но отнюдь не обязательный. Нам представляется, что есть еще как минимум один вариант интерпретации, при этом нам опять же поможет текст комедиографа.

---

181 О нападках на Аспасию в комедиях см.: *Henry M. M.* Op. cit. P. 19—28.

182 *Brenne S.* Ostraka and the Process... P. 14. Ср.: *Idem.* «Portraits»... S. 172, где тот же исследователь менее категоричен и признает что толкования этих надписей могут быть различными.

Дело в том, что существительное κόμη в греческом языке, помимо своего основного значения «волосы», нередко также употребляется в переносном смысле «гордость, высокомерие». Соответственно, глагол κομᾶν может означать не только «отращивать волосы», но также «гордиться, чваниться, иметь далеко идущие амбиции». Весьма характерен в этом отношении, например, пассаж Геродота о Килоне (V.71), где говорится, что этот молодой аристократ после своей олимпийской победы ἐπὶ τυραννίδι ἐκόμησε, то есть возжаждал тиранической власти, а буквально — «отрастил волосы в отношении тирании». Механизм возникновения такого метафорического словоупотребления в целом понятен: отпрыски аристократических родов в знак своего знатного происхождения и для того, чтобы выделяться из массы сограждан, действительно отращивали длинные волосы (обычай, характерный, между прочим, для аристократов многих эпох и народов и имеющий, очевидно, архетипический характер). Не может ли и в надписи на остраконе κόμη быть употреблено в том же значении? К образу Мегакла, несомненно, гордившегося своим знатным происхождением, участвовавшего в состязаниях колесниц на панэллинских играх и, скорее всего, смотревшего на демос свысока, это вполне подходило бы.

Проиллюстрируем возможность нашей интерпретации примером из комедии. У комедиографа V в. до н. э. Гермиппа (fr.58 Kock), в пьесе «Воины» применительно к какому-то войску говорится о κόμη τε νεανικῇ σφρίγει τε βραχιόνων, то есть дословно о «юношеских волосах и мощи рук». Понятно, что в действительности здесь идет речь не о «юношеских волосах», а о юношеском пыле, юношеской гордыне. Представляется весьма вероятным, что Мегаклу приписываются те же самые черты. Кстати, если взять в расчет цитировавшийся выше текст Геродота о Килоне, то не окажется ли, что автор (или авторы, таких черепков несколько) подобной инвективы на острака косвенно намекали на опасность Мегакла как потенциального тирана, человека, который ввиду своей νέα κόμη (молодой гордыни) может в конечном счете ἐπὶ τυραννίδι κομᾶν? В таком случае в нашем распоряжении будет первое эпиграфическое свидетельство, приводящее лицо, изгоняемое остракизмом, в связь с угрозой тирании. Исследователи отмечали, что до сих пор ни на одной приписке на острака «фактор тирании» не отразился[183], и удивлялись этому в свете того, что нарративная традиция считает данный фактор едва ли не самым важным для функционирования института остракизма. Не найдено ли «недостающее звено»?

Продолжим наши сопоставления. Эпитет βάσκανος (клеветник) приложенный на одном из остраконов к Леагру, также встречается в комедиях, равно как и однокоренной глагол βασκαίνειν (например: Aristoph.Equ.103; Plut.571; Antiphan.fr.80, fr.159 Kock; Pherecr.fr.174 Kock; Dionys.fr.7—11 Kock; Comic.anonym.fr.160, fr.359 Kock).

Эпитет ἱπποτρόφος («содержащий коней») прилагается на острака к знакомому уже нам Мегаклу, сыну Гиппократа, любителю колесничных бегов. Строго говоря, это, как мы говорили чуть выше, не инвектива, а приписка

---

[183] Например: *Schreiner J. H.* The Origin... P. 87; *Siewert P.* Accuse... P. 6.

идентификационного характера. Мегакл содержал упряжку коней для состязаний, что вообще было характерно для этой ветви рода Алкмеонидов. Сын Мегакла, тоже Мегакл, унаследовал увлечение отца и в 436 г. до н. э. одержал олимпийскую победу в соревновании колесниц-четверок[184]. Современником этого последнего Мегакла был комедиограф Аристофан, упоминающий его в своих комедиях. В частности, в «Облаках» жена крестьянина Стрепсиада оказывается «племянницей Мегакла, сына Мегакла» (Nub.46—47). Когда у них рождается сын, супруга Стрепсиада хочет дать ему имя с корнем ἱππ-, например, Ксантипп, Харипп, Каллиппид (Nub.64)[185]. Сам глава семейства противится, хочет, следуя давней традиции, назвать сына по деду, Фидонидом, и в результате компромисса их отпрыск получает «гибридное» имя Фидиппид. Естественно, мать с детства твердит этому последнему, как он, став взрослым, поедет в город на колеснице, подобно Мегаклу (Nub.69—70). Подрастая, Фидиппид начинает увлекаться конями, грозя растратить все отцовское имущество. Чтобы отучить юношу от разорительного «хобби», Стрепсиад отдает его в обучение к Сократу, но это, как известно, приводит только к негативным результатам: Фидиппид, вооруженный софистическими аргументами, совершенно распускается, начинает бить отца и т. п. Старик-крестьянин уже и сам не рад, что связался с философами: увлечение сына конями оказывается меньшим злом! Стрепсиад восклицает (Nub.1405—1406):

ἵππευε τοίνυν νὴ Δί', ὡς ἔμοιγε κρεῖττόν ἐστιν
ἵππων τρέφειν τέθριππον ἢ τυπτόμενον ἐπιτριβῆναι.
Лошадничай, свидетель Зевс! Уж лучше заведу я
Тебе четверку лошадей, чем от побоев сдохну![186]

Таким образом, вся комедия «Облака» оказывается наполненной образностью, связанной с миром ипподрома, с корнем ἱππ-. И при этом, обратим внимание, эта образность напрямую связана с теми действующими лицами, которые являются потомками Мегакла. Итак, приписка на остраконе и образы, появляющиеся в произведении комического жанра, не только едины по духу, но и относятся к одной и той же группе лиц (Алкмеониды).

Имеются и еще более разительные совпадения. Так, чрезвычайно важную и, можно сказать, уникальную параллель к остракону, на котором Кимону советуют уходить, «взяв Эльпинику», находим у комедиографа Евполида (fr.208 Kock). Этот фрагмент мы считаем необходимым привести целиком. Евполид говорит о Кимоне:

κακὸς μὲν οὐκ ἦν, φιλοπότης δὲ κἀμελής.
κἀνίοτ' ἂν ἀπεκοιμᾶτ' ἂν ἐν Λακεδαίμονι,
κἂν Ἐλπινίκην τήνδε καταλιπὼν μόνην.

---

184 *Moretti L.* Olympionikai... P. 105.

185 О семантике таких имен в некоторых афинских аристократических родах, в частности, у Писистратидов и Алкмеонидов, см.: *Молчанов А. А., Суриков И. Е.* Писистратиды... С. 122 слл.

186 Перевод Адр. Пиотровского.

...Плохим
Он не был, хоть и был беспечным пьяницей,
Хоть часто ездил даже в Спарту ночевать,
Оставив Эльпинику в одиночестве[187].

Кимону здесь приписываются такие негативные черты, как пьянство, лаконофильство, а также, что для нас особенно интересно, намекается на его инцестуальные связи с сестрой Эльпиникой. Таким образом, на остраконе и в комедии обнаруживается не только одна и та же инвектива, но и против одного и того же лица! На наш взгляд, не может быть лучшего аргумента в пользу конструктивности и плодотворности предлагаемого нами в данном пункте подхода — сопоставления инвективных характеристик на острака и в памятниках комического жанра.

Еще одна персона (при этом тоже женщина), фигурирующая в инвективных приписках на острака (против Мегакла) — Кесира, представительница рода Алкмеонидов. Ее имя, как и имя Эльпиники, отразилось в комедии, а именно у Аристофана (Ach.614; Nub.48, 800). Благодаря комедиографам (а может быть, и не только им) оно стало даже нарицательным в Афинах V в. до н. э., и от него был, в частности, образован неологизм ἐγκεκοισυρωμένος (participium perfecti passivi от глагола ἐγκοισυρόω, «окесирить») со значением «чванящийся родом и богатством, надменный, высокомерный»[188].

На нескольких острака, как мы видели, упомянуто слово λιμός (голод). Возможно, небезынтересно в данной связи будет отметить, что у комедиографа Дионисия была драма под названием Λιμός.

Аристид назван на одном остраконе «братом Датиса», причем имеется в виду, несомненно, персидский полководец, возглавлявший в 490 г. до н. э. карательную экспедицию на Афины. В одной из комедий Аристофана (Pax 289) упоминается некая «песня Датиса» (τὸ Δάτιδος μέλος); по объяснению большинства схолиастов, речь идет о том же самом полководце Датисе.

* * *

Читатели, возможно, уже обратили внимание на две особенности, свойственные именно данной части нашей работы. Во-первых, достаточно обширный приведенный материал имеет, тем не менее, скорее иллюстративный, нежели репрезентативный характер. Мы отнюдь не ставили перед собой задачу дать полный и исчерпывающий свод встречающихся в памятниках древней аттической комедии параллелей к инвективным надписям на острака. При желании список примеров можно в дальнейшем пополнять и расширять. Автор хотел лишь в самом первом приближении показать те возможности, которые дает предложенный им подход, а возможности эти, насколько можно судить, довольно значительны.

---

[187] Перевод В. В. Петуховой.

[188] См.: *Суриков И. Е.* Женщины в политической жизни... С. 49.

Во-вторых, наряду с разобранными и прокомментированными цитатами из комедий по ходу изложения можно было встретить немало «глухих», нераскрытых ссылок на произведения комедиографов. Их, вероятно, несколько больше, чем стоило бы, но опять-таки мы шли на это вполне сознательно. Начав раскрывать и разбирать *каждое* из вышеприведенных параллельных свидетельств, нам пришлось бы резко увеличить размеры пункта, а это по ряду причин было нежелательно, в том числе и постольку, поскольку внесло бы в исследование дисбаланс и увело бы слишком далеко от проблем, более прямо и непосредственно связанных с историей института остракизма в классических Афинах.

Дело в том, что данный пункт в большей степени, чем какой-либо другой отрезок работы, предназначен не для того, чтобы решить, так сказать, «закрыть» какую-либо проблему (или аспект, нюанс проблемы), а, напротив, для того, чтобы поставить проблему, «открыть» ее, указать на ее существование и наметить некоторые перспективы дальнейшего изучения. И действительно, в том ракурсе, в котором мы посмотрели на пропагандистскую борьбу в период остракофорий (феномен инвективы и сопоставление с комедиями), ею никто еще всерьез не занимался. Это — первый опыт, первые наметки, первый шаг, который, само собой, не может быть грандиозным. Говоря метафорически, если остальные пункты нашего исследования завершались точкой, то в конце этого уместнее пока поставить многоточие. Это означает, что выводы, которые сейчас будут перечислены, являются сугубо предварительными, в дальнейшем их можно и должно подвергать корректировке, в какой-то части даже отвергать и т. п. Перед нами, повторим, тема, заслуживающая специального и отдельного исследования, что пока не может быть реализовано в полной мере и является делом будущего. Тем не менее, краткий перечень выводов (постараемся сделать их максимально осторожными, нейтральными, объективными и корректными) необходим.

1. Периоды проведения остракофорий были одновременно периодами острой пропагандистской борьбы между соперничающими политическими группировками и их лидерами. Наиболее активной становилась эта борьба во время, если так можно выразиться, «избирательной кампании», то есть на хронологическом отрезке от принятия экклесией предварительного решения об остракизме до самого голосования.

2. Пропаганда в период остракофорий имела в очень большой степени личностный, при этом дискредитирующий характер. Это было обусловлено как общей большой ролью личностного фактора в политической жизни античного полиса, так и спецификой функций института остракизма, который был по самой своей сути направлен против «сильной личности». Излюбленным пропагандистским методом являлось, так сказать, «навешивание ярлыков», а выражаясь более терминологично — применение персональных инвектив самого разного плана, которые актуализовали в общественном мнении и проецировали на конкретное лицо тот или иной «образ врага». Такие инвективы, порожденные, несомненно, именно пропагандой, в достаточно большом количестве встречаются на острака.

3. Насколько можно судить, особенно важную роль в пропагандистских кампаниях перед остракофориями играли представления комедий, осуществлявшиеся на празднествах дионисийского цикла. Эта мысль высказывалась и ранее, но лишь как догадка, мы же попытались обосновать ее, произведя сопоставление между инвективами на остраконах и инвективами в памятниках комического жанра. Сопоставление оказалось плодотворным и выявило целый ряд более или менее близких соответствий, параллелей, которые в большинстве случаев вряд ли могут быть простым совпадением. Одни и те же пропагандистские штампы, шаблоны, клише, циркулировавшие в общественном мнении, отразились и на черепках-«бюллетенях», и в произведениях комедиографов. Это вполне закономерно, поскольку аттическая комедия V в. до н. э. имела ярко выраженный политический характер.

ГЛАВА V

О ПРЕКРАЩЕНИИ ПРИМЕНЕНИЯ ОСТРАКИЗМА

1. Последняя остракофория и причины выхода остракизма из употребления

По ходу работы нам уже неоднократно приходилось в той или иной связи затрагивать вопросы, связанные с последней афинской остракофорией (изгнание Гипербола), с ее датировкой, историческим контекстом, с ее местом в истории института остракизма. Теперь же предстоит подробно остановиться, пожалуй, на самой важной проблеме, порождаемой данным событием: почему именно эта остракофория стала последней, каковы причины того, что после 415 г. до н. э. к остракизму перестали обращаться в ходе политической борьбы внутри афинского полиса? Следует сразу сказать, что здесь мы выходим на один из наиболее дискуссионных аспектов всей тематики остракизма, на такой проблеме, которая вызвала к жизни обширную исследовательскую литературу, по которой существуют различные, сильно разнящиеся друг от друга точки зрения. Поэтому целесообразно предварить определение и обоснование нашей собственной позиции перечислением основных мнений, которые существовали по вопросу о причинах выхода остракизма из употребления как в античности, так и в современной историографии.

Самые ранние авторы, сообщающие об остракизме Гипербола и сами являвшиеся современниками этого события (Plato Com.fr.187 Kock; Thuc. VIII.73.3), еще ничего не пишут о том, что интересующая нас остракофория была последней. Судя по всему, они попросту об этом не догадывались. Ведь афиняне прекратили применять остракизм не в силу какого-то официального постановления; к такому результату привела, насколько можно судить, стихийно сложившаяся фактическая ситуация. Непосредственно после остракизма 415 г. до н. э. вполне могла еще сохраняться возможность, что через какое-то количество лет к голосованию черепками вновь начнут обращаться. Ведь перерывы в одно, а то и в два десятилетия между остракофориями случались и ранее, однако же это не приводило к отказу от самого института.

Тем не менее, в какой-то момент, уже в IV в. до н. э., стало окончательно ясно, что остракизм — дело прошлого, что ему больше не возродиться. Соответственно, нарративная традиция начала относиться к нему как к историческому феномену, требующему всестороннего изучения. Естественно, не мог не заставлять задумываться и тот вопрос, который мы в данный момент разбираем. Появляются первые попытки найти причины выхода остракизма из употребления. Правда, например, видный историк Феопомп (FGrHist.115.F96), сообщая об изгнании Гипербола, тоже еще не вдается в обсуждение того, почему именно этот демагог стал последней жертвой остракизма. Впрочем, точно знать мы этого не можем, поскольку труд Фео-

помпа дошел лишь во фрагментах. То же можно сказать и о свидетельстве аттидографа Андротиона (FGrHist.324.F43).

А вот уже Феофраст, также повествовавший об остракофории, которой подвергся Гипербол (fr.139 Wimmer), первым из известных нам античных авторов специально отмечает (в трактате «Законы», ap.schol.Lucian.Tim.30), что именно на нем прекратился обычай остракизма (ἐπὶ τούτου δὲ καὶ τὸ ἔθος τοῦ ὀστρακισμοῦ κατελύθη). Следует полагать, что этот ученый тут же и объяснял, почему, по его мнению, это произошло, но, увы, в нашем распоряжении уже нет этого объяснения, которое было бы тем более ценным, что Феофраст, как мы уже говорили, занимался остракизмом так тщательно и скрупулезно, как, пожалуй, никто другой в античности. Касается последней остракофории в своей «Аттиде» и Филохор (FGrHist.328.F30), говоря при этом: μόνος δὲ Ὑπέρβολος ἐκ τῶν ἀδόξων ἐξωστρακίσθη διὰ μοχθηρίαν τρόπων, οὐ δι' ὑποψίαν τυραννίδος· μετὰ τοῦτον δὲ κατελύθη τὸ ἔθος. Из этого отрывка можно понять, что аттидограф ставит в некую связь между собой два факта — применение остракизма к незнатному демагогу Гиперболу, «несвойственное» этому институту, и выход его из употребления. Вероятно, для него второе было обусловлено первым.

Из авторов более позднего времени Плутарх особенно интересовался проблемой прекращения применения остракизма; он обращается к данной теме в целом ряде своих биографий. При этом у херонейского биографа была вполне определенная, по-своему логичная точка зрения. Он неоднократно говорит об остракизме Гипербола (Plut.Alc.13; Aristid.7; Nic.11), все время подчеркивая, что этот политик первым из людей «ничтожных и порочных» подпал под эту меру. Вот важнейшие суждения Плутарха по интересующему нас вопросу: ὅτε δ' ἤρξαντό τινες ἀνθρώπους ἀγεννεῖς καὶ πονηροὺς ὑποβάλλειν τῷ πράγματι (sc. ὀστρακισμῷ), τελευταῖον ἁπάντων Ὑπέρβολον ἐξοστρακίσαντες ἐπαύσαντο (Plut.Aristid.7); ...δυσχεράνας ὁ δῆμος ὡς καθυβρισμένον τὸ πρᾶγμα καὶ προπεπηλακισμένον ἀφῆκε παντελῶς καὶ κατέλυσεν (ibid.); καὶ παραυτίκα μὲν (после изгнания Гипербола. — *И. С.*) ἡδονὴν τοῦτο καὶ γέλωτα τῷ δήμῳ παρέσχεν, ὕστερον δ' ἠγανάκτουν, ὡς καθυβρισμένον τὸ πρᾶγμα τοῦτο πρὸς ἄνθρωπον ἀνάξιον γεγονέναι νομίζοντες· εἶναι γάρ τι καὶ κολάσεως ἀξίωμα, μᾶλλον δὲ κόλουσιν τὸν ἐξοστρακισμὸν ἡγούμενοι Θουκυδίδῃ καὶ Ἀριστείδῃ καὶ τοῖς ὁμοίοις, Ὑπερβόλῳ δὲ τιμῆν καὶ προσποίησιν ἀλαζονείας, εἰ διὰ μοχθηρίαν ἔπαθε ταὐτά τοῖς ἀρίστοις (далее следует цитата из Платона Комика о недостоинстве Гипербола)... καὶ τὸ πέρας οὐδεὶς ἔτι τὸ παράπαν ἐξωστρακίσθη μεθ' Ὑπέρβολον, ἀλλ' ἔσχατος ἐκεῖνος (Plut.Nic.11). Итак, ход мыслей Плутарха представляется следующим: процедура остракизма была скомпрометирована применением ее к «недостойному» человеку, и потому вышла из употребления.

Иная версия прекращения функционирования остракизма предлагается схолиастом к Аристофану (Equ.855), который говорит: μέχρι δὲ Ὑπερβόλου ὁ ὀστρακισμὸς προελθὼν ἐπ' αὐτοῦ κατελύθη, μὴ ὑπακούσαντος τῷ νόμῳ διὰ τὴν ἀσθένειαν τὴν γεγενημένην τοῖς Ἀθηναίων πράγμασιν ὕστερον. Таким образом, этот автор считает, что остракизм перестал использоваться после Гипербола

постольку, поскольку в делах афинян после этого наступило ухудшение. Имеются в виду последние годы Пелопоннесской войны, когда положение Афин, действительно, настолько ухудшилось, что было совершенно не до остракизма. Остальные античные (и византийские) авторы не привносят ничего нового в понимание проблемы.

Следовательно, можно сказать, что в нарративной традиции (во всяком случае, в ее сохранившейся до нашего времени части) зафиксированы две основные точки зрения на выход остракизма из употребления. Одна в наиболее развернутом виде представлена у Плутарха, другая отразилась в схолиях к Аристофану, а этот памятник, возможно, следует Феофрасту[1]; в одной акцент делается на дискредитацию остракизма применением его к демагогу Гиперболу, во второй же — на обстоятельства внешнего характера, которые воспрепятствовали дальнейшему функционированию института. Иными словами, перед нами вновь противостояние двух версий традиции. С подобной ситуацией мы не раз сталкивались и ранее (противоречие между Андротионом и Аристотелем по вопросу о времени принятия закона об остракизме; расхождение между Филохором и Плутархом в трактовке числа 6000). Но если в предыдущих случаях нам приходилось выбирать между двумя свидетельствами, скрупулезно взвешивая все pro и contra, то при рассмотрении проблемы, которая стоит перед нами в данный момент, положение, насколько можно судить, несколько иное. Два объяснения прекращения применения остракизма, как нам кажется, не столько исключают, сколько, наоборот, дополняют друг друга. Вообще, приходится, видимо, исходить из того, что методологически неверным было бы искать какую-то одну-единственную причину выхода остракизма из употребления. Перед нами — сложное, комплексное явление, и, скорее всего, следует допускать сочетание нескольких факторов различного характера, которые в разной степени, в том или ином взаимном соотношении породили это явление.

А теперь обратимся к трактовкам причин рассматриваемого здесь события в современной историографии. В ней спектр различных объяснений оказывается еще более широким, чем в античности, причем — и это, на наш взгляд, достойно сожаления — каждый автор, настаивая на собственной точке зрения, отвергает при этом все остальные. Между тем, подчеркнем это еще раз, наиболее полного, всестороннего и внутренне непротиворечивого решения проблемы удастся достичь лишь в том случае, когда мы будем учитывать наличие ряда различных причин у одного и того же события.

Какие же мнения высказывались о прекращении функционирования остракизма в науке об античности? Еще в XIX в. Ж. Валетон, автор одного из первых крупных исследований об остракизме, предложил следующий вариант ответа на рассматриваемый здесь вопрос. Остракизм при своем учреждении был направлен против тех, кого этот автор называет demagogi nobiles, то есть против знатных вождей народа, которых подозревали в тиранических

[1] *Raubitschek A. E.* Theophrastos... P. 77.

амбициях. Впоследствии же, saeculo quarto, cum nulli essent demagogi nobiles, opus non fuit ostracismo...[2] Здесь в несколько, может быть, наивной на наш искушенный вкус, форме, высказана, вообще говоря, глубоко верная мысль: остракизм в V в. до н. э. направлялся исключительно против аристократических политических лидеров гражданской общины, а в IV в. до н. э., в связи с изменением общего характера политической жизни, таковых в полисе практически не осталось. У остракизма больше не было потенциальных жертв, и в этом институте отпала нужда.

Дж. Джоунс в книге о древнегреческом праве пытается разрешить проблему несколько иным образом. Остракизм, по его мнению, не применялся с начала IV в. до н. э. (в действительности — с конца V в. до н. э., что нам кажется принципиальным), поскольку в это время уменьшилась опасность тирании старого, привычного типа. Опасность для демократии происходила теперь не столько от влиятельных индивидов, сколько от организованных политических групп, составлявших заговоры. Соответственно, для предотвращения государственного переворота был сочтен более эффективным не остракизм, а меры иного, более четко очерченного характера, в частности, политические судебные процессы (прежде всего γραφὴ παρανόμων)[3]. В данной трактовке тоже очень много верного. Правда, сразу трудно согласиться с утверждением, что опасность тирании «старого типа» уменьшилась лишь к началу IV в. до н. э. Она и на протяжении почти всего V в. до н. э. была скорее мнимой, чем реальной, а остракизм на всем этом хронологическом отрезке служил скорее не средством предотвращения захвата кем-либо тиранической власти, а инструментом регулирования политической борьбы.

У. Р. Коннор и Дж. Кини, разбирая интересующую нас здесь проблематику, трактуют ее следующим образом. Они считают, что главным фактором, воспрепятствовавшим проведению остракофорий с конца V в. до н. э., было значительное сокращение количества афинских граждан в результате потерь, понесенных в Пелопоннесской войне. В частности, несчастная Сицилийская экспедиция, приведшая к особенно большому числу жертв, должна была, по мнению названных исследователей, породить такую ситуацию, когда для остракизма попросту нельзя было набрать необходимого количества голосов[4]. Данная точка зрения, сразу показавшаяся новой и оригинальной, а потому импонирующей, нашла поддержку и у некоторых других антиковедов[5]. Порой ее обогащали и теми или иными новыми нюансами. Так, У. Харрис, одним из основных тезисов которого заключается в том, что уровень грамотности в демократических Афинах был значительно ниже, чем это традиционно считается (критический разбор этого тезиса см. выше, в гл. III, п.5), высказывает мнение, согласно которому после Сици-

---

[2] *Valeton I. M. J.* Op. cit. V. 16. P. 187.

[3] *Jones J. W.* Op. cit. P. 119.

[4] *Connor W. R., Keaney J. J.* Op. cit. P. 319.

[5] Например: *Sinclair R. K.* Op. cit. P. 116.

лийской экспедиции в афинском полисе уже не было достаточного для остракизма числа политически активных и хотя бы ограниченно грамотных граждан[6].

На первый взгляд, данная позиция кажется серьезной и убедительной альтернативой той интерпретации «конца остракизма», которая встречается в трудах античных авторов. Однако стоит лишь всмотреться в нее повнимательнее, и сразу возникает ряд вопросов, ответа на которые мы не находим. Нельзя не согласиться с тем, что Сицилийская экспедиция существенно уменьшила количества граждан, как и другие кампании Пелопоннесской войны. Но ведь рано или поздно демографическая ситуация в Афинах должна была стабилизироваться! Не будем здесь детально разбирать вопрос, когда конкретно это произошло и в какой степени коллектив граждан в конечном счете приблизился к прежней численности. Этот вопрос — вопрос о «пульсациях» афинской демографии — чрезвычайно важен для многих аспектов нашего исследования, и мы поэтому посвятим ему специальный экскурс (Приложение III). Пока же скажем лишь, что, судя по всему, уже очень скоро после окончания Пелопоннесской войны, буквально в считанные годы, гражданское население Афин, несомненно, вновь превысило цифру 20 тысяч человек (если вообще когда-либо опускалось ниже этого уровня), что уже вполне позволяло проводить остракофории. Почему же к ним вновь не вернулись? Ответить на этот вопрос не удается, если оставаться в рамках концепции Коннора — Кини, сводя причины прекращения применения остракизма лишь к трудностям в области демографии. Очевидно, существовали какие-то более важные и принципиальные предпосылки того факта, что остракизм, один раз выйдя из употребления, так и не был впоследствии возвращен к жизни. Следует подчеркнуть, что и в том взгляде на рассматриваемое событие, о котором сейчас идет речь, имеется здравое, рациональное зерно, позволяющее кое-что объяснить. Другое дело, что этот взгляд, как и любой другой, не следует абсолютизировать, представлять в качестве единственно возможного.

Достаточное распространение в современной науке имеет точка зрения, согласно которой остракизм, так сказать, умер естественной смертью, при этом не внезапно, в момент изгнания Гипербола, а постепенно. Считается, что уже после середины V в. до н. э. он начал становиться своеобразным «реликтом», анахронизмом, не применялся порой в течение целых поколений и, в сущности, был уже обречен на исчезновение. Данный нюанс обычно принимается во внимание не изолированно, а наряду с другими факторами[7]. Однако мы уже достаточно подробно писали выше (гл. IV, п. 2), что редкость и нерегулярность применения остракизма не только не может служить признаком того, что он «отмирал» или превращался в «реликт», но,

---

[6] *Harris W. V.* Op. cit. P. 80.

[7] Например: *Rosivach V. J.* Op. cit. P. 163; *Mossé C.* Dictionnaire... P. 360; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 46; *Карпюк С. Г.* Гипербол...

напротив, является одной из принципиальных характеристик этого института как экстраординарного. Соответственно, не считаем необходимым вновь останавливаться на этом вопросе.

Плодотворными представляются попытки отыскать причину прекращения использования остракизма в перипетиях последней остракофории, которая, как мы видели, по своему результату существенно отличалась от всех остальных. Дж. Кэген полагает, что данная остракофория продемонстрировала фатальную слабость самого института: он мог выполнить свою функцию в тех случаях, когда какой-то один лидер поддерживался явным большинством сограждан, но оказывался бессильным, когда такой безусловной поддержки большинства ни у одного из видных политиков не было. Это-то, по мнению Кэгена, и заставило афинян отказаться от остракизма[8]. Со сказанным вполне можно согласиться, впрочем, памятуя при этом, что опять-таки остается непонятным, почему остракизм так и не возродился позднее (ведь в дальнейшем вполне могли складываться ситуации, когда один лидер получал явную поддержку большинства).

Чрезвычайно детально проблемами «конца остракизма» занималась видная французская исследовательница К. Моссе[9]. Ей принадлежит весьма продуманная и стройная концепция, связанная с причинами завершения существования этого института, — пожалуй, наиболее продуманная и стройная среди всего, что когда-либо писалось по данному вопросу. Необходимо поэтому подробнее остановиться на основных положениях концепции Моссе. Она отмечает, что на смену остракизму с конца V в. до н. э. пришли другие процедуры, и в первую очередь политические судебные процессы — γραφὴ παρανόμων, γραφὴ ἀσεβείας, исангелия. Это демонстрирует изменение политического климата, появление принципиально новых условий во взаимоотношениях между правящей элитой и рядовыми гражданами. Сопоставляя характер политической жизни в V в. до н. э., когда афиняне активно обращались к остракизму, и в следующем столетии, когда эта процедура более не применялась, Моссе указывает, что для первого века афинской демократии было характерно общество, во главе которого по традиции еще находились представители аристократических семейств, а их окружение было привязано к ним связями «клиентелы». Именно аристократы выступали как противостоящие друг другу стороны в политической борьбе, и такому положению вещей в наибольшей степени соответствовал институт остракизма. Эпоха, в которую мы встречаем уже не остракизм, а политические процессы, была во многом иной. Общество в IV в. до н. э. стало более эгалитарным; наряду с политиками, которые основывали свою власть на занятии должностей, стали все в большем количестве появляться деятели, которые оказывали подчас определяющее влияние на жизнь полиса, не занимая при этом никакого официального положения. Они сформировали своеобразный «политический класс»

---

[8] *Kagan D.* The Peace of Nicias... P. 146.

[9] *Mossé C.* De l'ostracisme... Passim; *Eadem.* Dictionnaire... P. 358 ff.

(так Моссе переводит термин οἱ πολιτευόμενοι, употребляющийся в источниках по отношению к этой группе лиц). В другой работе[10] исследовательница справедливо подчеркивает, что граждане, которые входили в этот «класс» в IV в. до н. э., в подавляющем большинстве не принадлежали к аристократии, были выходцами из среды так называемых «новых политиков», тесно связанных с миром трапезы и эмпория. Выход остракизма из употребления знаменовал собой, таким образом, укрепление демократии, получившей в свое распоряжение комплекс новых юридических механизмов, которые были, в отличие от остракофорий, направлены не на индивидов как таковых, а на политиков, находившихся при исполнении своих обязанностей.

Положения, изложенные Моссе, позволяют очень многое лучше понять как в проблеме «конца остракизма», так и в целом в тематике, связанной с политической жизнью афинского полиса классической эпохи, с характером афинской демократии и его изменениями. Мы полностью солидарны с французской исследовательницей, когда она противопоставляет друг другу в этом отношении V и IV вв. до н. э. и разъясняет, как происшедшие перемены отразились на судьбе остракизма. Однако кое-какие положения ее концепции, на наш взгляд, не могут быть некритически приняты. Так, с легкой руки Моссе в историографии чрезвычайно распространилось высказывавшееся уже и раньше утверждение (см., например, чуть выше о точке зрения Джоунса), согласно которому на смену остракизма пришли политические процессы определенных типов. Так ли это на самом деле? Ведь если воспринимать данный тезис прямо, буквально, то перед нами встанет красивая и органичная картина: остракизм уходит, и на его место тут же приходят другие средства аналогичной направленности, но более отвечающие специфике новой эпохи.

В действительности, однако, как нам представляется, все обстояло гораздо сложнее. Говорить о замене остракизма политическими процессами можно лишь с весьма существенными, пожалуй, даже принципиальными оговорками. Возьмем процесс γραφὴ παρανόμων. Первый зафиксированный случай его применения (Andoc.I.17) и в самом деле относится к периоду около 415 г. до н. э. Что и говорить, у исследователя не может не сложиться впечатление прямой преемственности с остракизмом: ведь этот последний как раз перестал использоваться около 415 г. до н. э., то есть именно тогда же. Тем не менее перед нами, увы, аберрация. Первое упоминание о каком-либо типе судебного процесса отнюдь не должно трактоваться в том смысле, что ранее этого упоминания его и не было вообще[11]. Процесс γραφὴ παρανόμων был введен, насколько можно судить, значительно раньше конца V в. до н. э., а именно — тут мы солидаризируемся с наиболее распространенным и вполне спра-

---

[10] *Mossé C.* La classe politique...

[11] В частности, Д. Лотце пишет, что процесс γραφὴ παρανόμων стал применяться «с 415 г. до н. э.»: *Lotze D.* Il cittadino... P. 375. Ср. также: *Кудрявцева Т. В.* Афинская демократия и первые процессы по «жалобе на противозаконие» // Мнемон. Вып. 2. СПб., 2003. С. 95.

ведливым мнением[12], — скорее всего, в период реформ Эфиальта и Перикла, имевших место в середине того же столетия. Процесс γραφὴ ἀσεβείας (обвинение в религиозном нечестии) также заведомо существовал в то время, когда остракизм еще не вышел из употребления. В другом месте мы пытаемся показать, что еще в конце VII в. до н. э. представителей рода Алкмеонидов судили именно за асебию[13]. Согласимся, что этот вопрос остается спорным (имеются и другие точки зрения). Но в чем уж совершенно нельзя усомниться — так это в том, что γραφὴ ἀσεβείας активнейшим образом применялась политическими противниками Перикла против его сподвижников во второй половине 430-х гг. до н. э.[14], то есть как минимум за полтора десятилетия до последней остракофории. Вскоре после нее, в конце V в. до н. э. в Афинах прошла новая волна такого же рода процессов (дело о гермокопидах и о пародировании мистерий, процесс стратегов-победителей при Аргинусских островах, процессы Сократа, Андокида и др.), а вот впоследствии, в IV в. до н. э., они стали чрезвычайно редкими. Наконец, исангелия является вообще очень древней юридической процедурой, уходящей корнями в архаическую эпоху, а по меньшей времени со времен Эфиальта она была прерогативой народного собрания.

Итак, все типы политических судебных процессов, которые упоминает Моссе в качестве «замены» для остракизма, в действительности существовали и ранее. Можно, правда, возразить, что до конца V в. до н. э. они хотя и находились в юридическом арсенале, но применялись редко и не играли значительной роли в общественной жизни, в отличие от доминировавшего тогда остракизма. Ну что ж, вероятно, так оно и было (хотя, строго говоря, с уверенностью знать мы этого не можем ввиду слабой освещенности в источниках судебных практик V в. до н. э.)[15]. Но, во всяком случае, следует несколько сместить акценты: не на смену остракизму были введены новые юридические средства, а просто к этим средствам, существовавшим и до того, стали обращаться чаще ввиду неупотребительности остракизма. Еще следует думать, что здесь явилось причиной, а что следствием.

По поводу трактовки причин прекращения остракизма, которые предлагает Моссе, необходимо сказать также следующее. Да, действительно, политической ситуации в Афинах IV в. до н. э., характеру политической жизни на

---

[12] Например: *Gerner E.* Παρανόμων γραφή // RE. Hlbd. 36. 1949. Sp. 1281.

[13] *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 114—124 (с указаниями на предшествующую литературу).

[14] Подробнее см.: *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания... С. 86—93 (тоже с указаниями на предшествующую литературу).

[15] Впрочем, следует отметить, что уже в 420-х гг. до н. э., в первый период Пелопоннесской войны, значительно увеличивается число известных из источников политических судебных процессов, особенно против стратегов. Можно вспомнить процессы Пахета, Евримедонта, Фукидида (будущего историка) и др. В связи с этими процессами см.: *Cataldi S.* I processi agli strateghi ateniesi della prima spedizione in Sicilia e la politica cleoniana // CISA. 1996. V. 22. P. 37—63.

данном хронологическом отрезке уже не отвечал такой институт, как остракизм; потому он в это время и не применялся. Однако изменения характера политической жизни — процесс длительный и, во всяком случае, не одномоментный. Нельзя сказать, что конкретно до такого-то года (скажем, до 403 г. до н. э.) политическая жизнь отличалась одной спецификой, а после этой точки на временной шкале — уже другой. Новое постепенно прорастает в старом, а само это старое отмирает тоже долго и подчас мучительно. Что же касается прекращения применения остракизма, то это был именно исторический факт, свершившийся как-то сразу. После изгнания Гипербола от этой процедуры отказались, — видимо, consensu omnium. Иными словами, концепция Моссе очень хорошо отвечает на вопрос, почему в IV в. до н. э. остракизм больше не использовался, но оставляет непроясненным другое — почему он перестал использоваться в тот конкретный момент, когда это произошло, то есть почему после 415 г. до н. э. вообще не было больше остракофорий.

Одна из последних в западной историографии развернутых характеристик причин «конца остракизма» принадлежит П. Родсу[16]. Этот антиковед полагает (на наш взгляд, вполне обоснованно), что к моменту последней остракофории институт остракизма отнюдь не был реликтовым или «отмирающим». А коль скоро это так, то, стало быть, факторы, побудившие афинян к отказу от него, следует искать именно в перипетиях этой последней остракофории. По мнению Родса, результат этого мероприятия — изгнание Гипербола — поверг многих афинских граждан в шок: выяснилось, что результат этой остракофории оказался отнюдь не тем, который ожидался. Перед полисом стояла задача избавиться от одного из конкурирующих политических лидеров — Никия или Алкивиада, — а этого-то как раз и не произошло: оба остались в Афинах и сохранили свои позиции. Иными словами, оружие остракизма не сработало, произошла, так сказать, осечка. Соответственно, актуальным становился вопрос: как в дальнейшем поступать в подобного рода ситуациях? Родс, в отличие от Моссе, не считает, что политические процессы типа γραφὴ παρανόμων можно назвать прямой заменой остракизму, но соглашается с тем, что после остракизма Гипербола афинские политики стали значительно чаще пользоваться в своей борьбе судебными процедурами, как оружием более целенаправленным и предсказуемым, чем остракофория, исход которой всегда был до последнего момента неясен. Итак, причиной выхода остракизма из употребления следует считать, согласно Родсу, не слабость афинского полиса в конце Пелопоннесской войны и не «негодность» Гипербола (здесь явно выпад против античных трактовок «конца остракизма»), а тот факт, что в конкретной исторической ситуации он не выполнил возлагавшейся на него функции, не сработал как надо и заставил поэтому искать политическое «оружие» с более четко обозначенной «мишенью». Поэтому, стремясь устранить того или иного политика, отныне прибегали не к остракизму, а к другим средствам.

---

[16] *Rhodes P. J.* The Ostracism of Hyperbolus...

В российской историографии наиболее подробно о последней остракофории и связанном с ней «конце остракизма» писал С. Г. Карпюк[17]. Для этого автора характерна взвешенная, осторожная позиция, стремление сочетать позитивные стороны выдвигавшихся ранее точек зрения (что мы, со своей стороны, можем только приветствовать). Он считает, что Гипербол, выступая инициатором остракизма, возрождал тем самым давно не использовавшуюся процедуру. Результат остракофории оказался неожиданным, и институт остракизма в данном случае продемонстрировал свою бесполезность, поскольку не привел к устранению одного лидера и утверждению другого, как от него ожидали. Как следствие этого, больше попыток возрождения остракизма в Афинах не было. Более эффективными в изменившихся условиях оказались иные средства политической борьбы. Данная концепция, импонирующая комплексностью подхода, рядом своих элементов перекликается с теми, которые были предложены Моссе, Родсом, Кэгеном и др.; при этом автор стремится избежать односторонности.

* * *

Завершая данный — по необходимости краткий — очерк историографии проблемы (впрочем, мы и не стремились к исчерпывающей полноте, пытаясь скорее представить основные взгляды на рассматриваемый вопрос, чем перечислить все работы, в которых этот вопрос затрагивается), можно сделать несколько наблюдений о состоянии изученности данной тематики. Во-первых, практически каждый из специалистов, за редким исключением, пытается дать какое-то одно объяснение «конца остракизма», отвергая или игнорируя остальные варианты. А это, на наш взгляд, не вполне правомерно. Повторим то, что уже говорили выше: перед нами комплексное явление, требующее, соответственно, комплексной интерпретации, учета различных факторов, которые могли действовать в том или ином сочетании.

Во-вторых, как правило, совершенно не принимаются во внимание те трактовки причин выхода остракизма из употребления, которые были выдвинуты в античной нарративной традиции (Плутархом, схолиастом к Аристофану и др.). Их либо эксплицитно оспаривают (Родс)[18], либо — чаще — просто не считают нужным говорить о них. Очевидно, эти трактовки считают наивными, ненаучными, не отвечающими современному уровню осмысления проблемы. Подобный подход, на наш взгляд, тоже ошибочен. Никто не говорит, что нужно слепо и некритически следовать утверждениям, высказывающимся в источниках, но не менее порочна и другая крайность, гиперкритицизм. Не следует забывать о том, что древнегреческие авторы (не говоря уже о том, что хронологически остракизм был к ним несравненно ближе, чем к нам) жили в том же полисном мире и, безусловно, лучше, чем ис-

---

[17] *Карпюк С. Г.* Никий...; *Он же.* Гипербол...

[18] *Rhodes P. J.* The Ostracism of Hyperbolus... P. 98.

следователи наших дней, понимали его реалии. Их объяснениями интересующего нас здесь события можно и нужно не ограничиваться, но совсем не брать их в расчет тоже вряд ли резонно.

В-третьих — и это, насколько можно судить, главный методологический недостаток, свойственный практически всем работам, в которых речь заходит о «конце остракизма», — в них, к сожалению, отсутствует понимание того, что на деле перед нами не одна проблема, а две, хотя и тесно связанные между собой, но все-таки не идентичные. Первая проблема заключается в том, почему в IV в. до н. э. закон об остракизме, формально существуя, фактически не применялся; вторая же — в том, почему, по каким конкретным причинам именно остракофория Гипербола (415 г. до н. э.) стала последней. Понятно, что остракизм рано или поздно прекратил бы свое существование, но почему это случилось именно в данный момент, а не в какой-либо другой? Нетрудно заметить, что первый вопрос имеет более общий характер, второй — более частный. В первом случае мы имеем дело с неким глубинным процессом, с изменениями общего характера политической жизни, которые должны были определяться длительно действующими факторами. Во втором случае следует говорить не о процессе, а о факте, факте определенном и, так сказать, единовременном; стало быть, и породившие его причины должны быть иными. Два очерченных вопроса в историографии обычно смешиваются, рассматриваются без сколько-нибудь четкого отделения друг от друга. Это, наряду с прочим, делает все предпринимавшиеся построения в той или иной мере уязвимыми. К тому же получается, что многие исследователи, полагая, что анализируют одну и ту же проблему, в действительности (может быть, сами о том не подозревая) исследуют разные. Так, в работах Моссе по большей части говорится о проблеме общего характера (почему остракизм уже не использовался в IV в. до н. э.), а у Родса — скорее о проблеме конкретной (почему обычай остракизма закончился на Гиперболе). В результате подчас различные ученые не находят общего языка, стремятся настоять только на своей точке зрения в ущерб остальным существующим. А ведь очень может быть так, что прав и один, и другой, и третий, и просто нужно осознать, что все они дают не разные ответы на один вопрос, а разные ответы на *разные* вопросы, что вполне естественно. Такие ответы должны дополнять друг друга, а не противопоставляться друг другу; только таким образом мы сможем прийти к максимально полному пониманию всей изучаемой тематики.

Исходя из вышесказанного, автор настоящей работы видит свою задачу не в том, чтобы изобрести какую-то новую точку зрения на интересующий нас вопрос, не имеющую ничего общего с теми, которые предлагались ранее, и исключающую их (это было бы и вряд ли возможно, и совершенно не нужно) и не в том, чтобы присоединиться к какой-то из существующих точек зрения (это было бы односторонностью), а в том, чтобы по возможности применить — или, во всяком случае, попытаться применить — синтетический подход, комбинируя достижения, полученные в ходе предыдущего исследования проблемы, не отбрасывая при этом и те трактовки прекращения применения остра-

кизма, которые бытовали в античности, а, возможно, отмечая и какие-то ранее не замеченные или остававшиеся в тени факторы. Взятая под таким углом, картина «конца остракизма» будет иметь примерно следующий вид.

Как мы видели выше (гл. IV, п. 2), остракофория 415 г. до н. э. в силу ряда обстоятельств действительно не выполнила тех функций, которые на нее возлагались: она не разрядила напряженности, не разрешила существующих политических противоречий. Такое случилось, насколько можно судить, впервые в истории института остракизма. Результаты последней остракофории вообще оказались необычными, неожиданными в целом ряде отношений. Изгнанным оказался не кто-либо из двух основных «кандидатов», а третье лицо. Более того, это лицо не принадлежало к среде наследственной аристократии, а ведь исключительно к представителям этой последней до того применялся остракизм. Часто проявляющийся утрированный скептицизм по отношению к античной традиции, настаивающей на том, что Гипербол воспринимался как человек, «недостойный» остракизма, на наш взгляд, все-таки вряд ли уместен. Это вполне соответствует тому, что мы знаем об аристократическом менталитете и аристократической шкале ценностей, характерной для античных демократий[19].

Вышеперечисленные факторы неизбежно должны были повести к сомнениям внутри гражданского коллектива по поводу эффективности остракизма как политического института. Они способны были привести к определенному отторжению общественным мнением процедуры изгнания черепками, во всяком случае, на какое-то время. Однако, следует подчеркнуть, только эти факторы, взятые сами по себе, не могли еще вызвать полный отказ от идеи остракизма, окончательный выход его из употребления. Если оружие дало осечку, то почему нужно думать, что отныне оно все время будет давать одни лишь осечки? Если жертвой остракизма стал демагог, а не знатный лидер, почему из этого должно следовать, что и впредь под него будут подпадать одни лишь демагоги? В общем, если бы дело заключалось исключительно в неудачном исходе единственной, конкретно взятой остракофории, то ничто не мешало бы вновь начать использовать остракизм спустя какой-то срок, когда страсти улягутся и фрустрация отойдет в прошлое. Очевидно, существовали и какие-то другие предпосылки прекращения применения остракизма.

Здесь мы переходим в область эмпирических фактов. Их анализ и ранее по ходу работы неоднократно помогал нам найти верное решение проблем, которые лишь затемнялись и осложнялись обилием априорных умозрительных посылок. Прежде всего стоит задаться вопросом: была ли хоть какая-то возможность проведения остракофории на хронологическом промежутке в

---

[19] Подробнее см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 28 (со ссылками на литературу), а также выше, в гл. II, п. 3. О причинах религиозного характера, по которым Гипербол также мог восприниматься, как лицо, недостойное остракизма, см.: *Hall L. G. H.* Remarks... P. 98.

одно-полтора десятилетия, последовавшем за изгнанием Гипербола. На этот вопрос можно дать однозначно отрицательный ответ. Проследим нить основных событий данного периода афинской истории. Практически сразу после последнего остракизма (в данном случае не имеет принципиального значения, датировать ли его 415 или 416 г. до н. э.) началась Сицилийская экспедиция, продолжавшаяся около двух лет. Все это время крупные контингенты граждан, отправившиеся на Сицилию в качестве гоплитов и моряков, отсутствовали в Афинах, равно как и ряд крупнейших политических лидеров — среди последних и Никий, и Алкивиад. Параллельно в городе проходили громкие судебные процессы о гермокопидах и о профанации Элевсинских мистерий, вызывавшие всеобщий ажиотаж[20]. По целому ряду причин афинянам было совершенно не до остракизма. Непонятно было, кто мог бы выступить в роли «кандидата» на изгнание, какими силами проводить голосование, каким образом изыскать для него возможность среди более неотложных дел. Пожалуй, даже если бы институт остракизма не был скомпрометирован Гиперболом, в непосредственно следовавшие за его изгнанием годы он все равно не применялся бы.

В дальнейшем же ситуация лишь усугублялась. Алкивиад перешел на сторону Спарты, Никий погиб под Сиракузами, там же нашли свой конец тысячи рядовых афинян. Ввиду чрезвычайного характера ситуации в 413 г. до н. э., после провала сицилийской авантюры, афинская демократия впервые наложила ограничение на самое себя, учредив коллегию пробулов (Thuc. VIII.1.3; Lys.XII.65; Arist.Rhet.1419a25; Diod.XII.75)[21]. Эти экстраординарные должностные лица, в компетенцию которых входили предварительное рассмотрение всех вопросов до представления их в Совет Пятисот и народное собрание, а также право созыва этих органов, конечно, не допустили бы, чтобы в повестку дня экклесии было внесено предложение о проведении остракизма (даже если бы кому-нибудь из политиков пришло бы такое в голову, что само по себе маловероятно): такая мера привела бы к новому обострению страстей внутри гражданского коллектива, а пробулы были призваны, напротив, охлаждать эти страсти, стабилизировать внутриполитическую ситуацию.

В 411 г. до н. э. произошел олигархический переворот Четырехсот[22]. Их правительство продержалось у власти лишь несколько месяцев, но затем бы-

---

[20] См. наши замечания об этих процессах в работе: *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания... С. 99 слл.

[21] Об этой коллегии см.: *Schaefer H.* Πρόβουλος // RE. Hlbd. 45. 1957. Sp. 1222—1231. Впоследствии коллегия пробулов (или, во всяком случае, ряд ее членов, в том числе драматург Софокл) сыграла определенную роль в установлении олигархии Четырехсот. См.: *Jameson M. H.* Sophocles and the Four Hundred // Historia. 1971. Bd. 20. Ht. 5/6. P. 541—568.

[22] См. новейшую и наиболее фундаментальную работу о нем: *Heftner H.* Der oligarchische Umsturz...

ло заменено более широкой олигархией Пяти тысяч. Этот последний режим, снискавший себе беспрецедентные похвалы древнегреческих политических теоретиков[23] (насколько можно судить, его воспринимали как образчик политии, «среднего» государственного устройства), сохранялся приблизительно до 410 г. до н. э., после чего произошла реставрация демократии в полном объеме. В данных условиях постоянных переворотов и чехарды политических систем остракофории, конечно, тоже не могли проводиться. Кроме того, как справедливо замечает только что цитировавшийся Аристотель, «шла непрерывно война».

Война шла и в последующие годы, когда демос вновь взял власть в свои руки. Алкивиад, перешедший вновь на сторону афинян, одерживал в Эгеиде одну победу над спартанцами за другой. В 407 г. до н. э. он во всем блеске триумфатора возвратился на родину. Его облекли чрезвычайными полномочиями стратега-автократора; народ буквально боготворил его. Если на протяжении всего V в. до н. э. кто-либо из афинских политических деятелей когда-либо был реально близок к тираническому единовластию, то это был Алкивиад в 407 г. до н. э. Его возвышение сильно напоминало возвышение Дионисия в Сиракузах несколько лет спустя. По сути, Алкивиад не сделал только одного, последнего шага, который сделал Дионисий, то есть не взял власть в свои руки. Здесь в нашу задачу не входит обсуждать, почему он этого не сделал и имел ли вообще такие намерения. Важнее то, что сограждане не могли его в этом не заподозрить[24]. Алкивиад оказывался едва ли не самой подходящей за всю историю остракизма в демократических Афинах мишенью для этой процедуры, — но только если исходить из изначального предназначения остракизма. На деле же, насколько можно судить, никто даже и не попытался организовать против Алкивиада остракофорию. Перед нами — лишнее свидетельство о том, что институт остракизма в течение V в. до н. э. изменил свои функции и фактически, если не формально, перестал восприниматься в непосредственной связи с угрозой тирании. Черепками изгоняли чем дальше, тем больше скорее непопулярных, нежели опасных граждан. Алкивиад же был как раз чрезвычайно популярен.

Самый последний период Пелопоннесской войны (406—404 гг. до н. э.) тоже, конечно, не мог стать контекстом для остракофории. В высшей степени напряженной была внешняя обстановка; основными событиями, связанными

---

[23] Thuc.VIII.97.2: «Этот государственный строй... представляется самым лучшим у афинян (во всяком случае на моей памяти). Действительно, это было благоразумное смешение олигархии и демократии. Таким образом, это государственное устройство впервые вывело афинское государство из того тяжелого состояния, в котором оно находилось»; Arist.Ath.pol.33.2: «В эту пору, по-видимому, у афинян было действительно хорошее управление: шла непрерывно война, и руководство государством принадлежало тем, кто обладал тяжелым вооружением».

[24] Об обвинениях Алкивиада в притязаниях на тиранию см.: *Seager R.* Alcibiades and the Charge of Aiming at Tyranny // Historia. 1967. V. 1. P. 6—18.

с ней, явились битвы при Аргинусах и Эгоспотамах, осада Афин. Затем установилась олигархия «Тридцати тиранов», свергнутая в результате гражданской войны. Восстановление демократии в 403 г. до н. э. ознаменовалось принятием известного декрета о всеобщей амнистии, не затронувшей лишь самих членов коллегии Тридцати и некоторых их наиболее близких приспешников[25]. Это постановление, вне всякого сомнения, оказало смягчающее воздействие на политическую борьбу ближайших лет. Враждебность, безусловно, накопившаяся за годы смут внутри гражданского коллектива, должна была искать себе выход вне собственно политической сферы, проявляясь, в частности, в судебных процессах, имевших, — во всяком случае, внешне, — религиозный характер. Таковы процессы Сократа и Андокида, политическая подоплека которых достаточно очевидна. Остракизм также вряд ли был возможен на том хронологическом отрезке, когда амнистия оставалась еще актуальным фактором общественной жизни.

Приведенная выше сводка фактов позволяет высказать ряд соображений, имеющих отношение к «концу остракизма». Во-первых, общая ситуация в Афинах конца V в. до н. э., как внешне-, так и внутриполитическая, была исключительно неблагоприятной для проведения остракофорий[26]. Это достаточно очевидно и вряд ли вызовет возражения с чьей-либо стороны. Можно вспомнить в данной связи слова схолиаста к Аристофану о τὴν ἀσθένειαν τὴν γεγενημένην τοῖς Ἀθηναίων πράγμασιν. Хотелось бы лишь отметить, что само по себе данное обстоятельство еще не является достаточным объяснением неприменения остракизма. В предшествующие десятилетия известны случаи, когда, несмотря даже на серьезную внешнюю опасность, афиняне считали все-таки возможным прибегнуть к голосованию черепками. Так, вся череда первых остракофорий (480-е гг. до н. э.) проводилась в условиях постоянно нараставшей персидской угрозы. Война с могущественным противником могла разразиться с года на год, а афинские политики, казалось бы, вели себя крайне нелогично: вместо того, чтобы приходить к компромиссу, отодвигать на второй план свои разногласия и таким образом консолидироваться, они, напротив, находились в состоянии постоянной конфронтации. Но в том-то, судя по всему, и дело, что в полисе с его агональным менталитетом консолидация была возможна только через конфронтацию. Лишь добившись удаления из Афин всех своих влиятельных противников, Фемистокл смог добиться полной поддержки демоса и провести в жизнь свою морскую программу, что позволило впоследствии отразить персов.

---

[25] Об этой амнистии см.: *Natalicchio A.* «Μὴ μνησικακεῖν»: l'amnistia // I Greci: Storia, cultura, arte, società. V. 2. II. Torino, 1997. P. 1305—1322; *Carawan E.* The Athenian Amnesty and the «Scrutiny of the Laws» // JHS. 2002. V. 122. P. 1—23.

[26] Об общей обстановке этих лет см. наиболее подробно: *Lévy E.* Athènes devant la dé fait de 404: Histoire d'une crise ideologique. P., 1976; *Kagan D.* The Fall of the Athenian Empire. Ithaca, 1987; *Bleckmann B.* Athens Weg in die Niederlage: Die letzten Jahre des Peloponnesischen Kriegs. Lpz., 1998.

Далее, остракофории рубежа 460-х — 450-х гг. до н. э. вообще проходили в обстановке ведущихся военных действий, причем на два фронта (продолжавшаяся война с Персией и начавшаяся Малая Пелопоннесская война). Таким образом, напряженная внешняя обстановка отнюдь не всегда служила препятствием для применения остракизма. Были, стало быть, и другие факторы, действовавшие в конце V в. до н. э. и долженствующие быть учтенными.

В качестве второго фактора мы назвали бы общий характер внутриполитической борьбы этого времени. Выше отмечалось, что к остракофории обращались тогда, когда в наиболее острую, неразрешимую иными средствами стадию переходило биполярное противостояние политических лидеров и их линий, прежде всего по вопросам внешней политики. В данной связи следует сказать, что на протяжении определенного временного промежутка после 415 г. до н. э. такой ситуации не возникало. Противостояние Алкивиада и Никия было последним ее примером в эпоху Пелопоннесской войны. Впоследствии политические конфликты имели совершенно иную специфику, что следует считать признаком принципиальных изменений, постепенно происходящих в общественной жизни.

В-третьих, до минимума, в конце концов едва ли не до нуля сузился круг потенциальных жертв остракизма. Изгнание Гипербола, как мы видели выше, вызвало ярко выраженное неудовольствие, в котором можно было видеть залог того, что в будущем остракизм больше не будут применять к демагогам незнатного происхождения. Но если не к ним, то к кому? Аристократических политических лидеров «старого типа», происходивших из древних родов и основывавших именно на этом свое влиятельное положение, к рассматриваемому периоду в Афинах практически не осталось; Алкивиад был едва ли не последним. На смену старинной знати пришли «новые политики», которые, если можно так выразиться, находились «не в одной плоскости» с остракизмом («Суд черепков не для таких был выдуман», — как проницательно писал комедиограф Платон). А произошло это как раз в период Пелопоннесской войны[27]. Данный аспект «конца остракизма» еще более века назад подметил Валетон, но в дальнейшем антиковеды как-то не брали его в серьезный расчет. А между тем, он, на наш взгляд, немаловажен.

В-четвертых, следует сказать и о демографическом факторе выхода остракизма из употребления. Упускать его из внимания ни в коем случае не следует. Однако, необходимо подчеркнуть, сам этот демографический фактор мы понимаем несколько иначе, чем большинство других исследователей. Обычно указывается на то, что жертвы, понесенные гражданским коллективом в годы Пелопоннесской войны, настолько уменьшили его численность, что это сделало невозможным получение нужного количества голосов на остракофории. Как раз этот тезис вызывает у нас сомнения. Акцентируем следующий

[27] См.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 27 (со ссылками на литературу).

факт. Самой страшной демографической катастрофой за три без малого десятилетия войны следует считать даже не сицилийскую катастрофу, а эпидемию 420-х гг. до н. э. Болезнь унесла в могилу около четверти гражданского населения, то есть никак не меньше 10 тысяч граждан. При этом, следует отметить, жертвами эпидемии, в отличие от битв, становились не только взрослые афиняне-воины. Она, естественно, не делала разбора между зрелыми мужами, юношами и детьми, равно как и женщинами. Это должно было значительно сильнее, чем любые чисто военные потери, воспрепятствовать достижению прежнего уровня численности населения. Если, скажем, гибель гоплитов на Сицилии или где-нибудь еще могла быть через какое-то время восполнена подрастающим новым поколением, то от эпидемии вымирало, в числе прочих, и само это новое поколение, еще не достигшее совершеннолетия. Смертность же среди женщин должна была еще больше усугублять ситуацию с воспроизводством.

А между тем, заметим, эпидемия разразилась уже на самом первом этапе Пелопоннесской войны. И тем не менее уже через какой-то десяток лет численность граждан оказалась настолько восстановившейся, чтобы позволить проведение остракофории 415 г. до н. э. Таким образом, нам представляется, что, говоря о демографическом факторе, следует иметь в виду не столько абсолютные потери, сколько иное. А именно, речь идет о том, что в силу постоянных военных действий очень большое число граждан постоянно или почти постоянно отсутствовало в полисе. Начиная с 415 г. до н. э. и вплоть до конца войны центр тяжести в военных действиях ощутимым образом сместился с сухопутных на морские операции. Особенно явно это стало тогда, когда спартанцы построили собственный сильный флот. Основные кампании велись и основные битвы происходили теперь почти исключительно на море, а не на суше. Морская же война имела, помимо прочего, ту специфику по сравнению с сухопутной, что она далеко не всегда позволяла гражданам, участвующим в ополчении (как гребцам, так и гоплитам, что в сумме давало весьма значительные цифры), возвратиться по домам на зимний период. А называя вещи своими именами — почти никогда не позволяла. Естественно, не возвращались в Афины отряды и экипажи, ведшие военные действия на Сицилии. Но то же можно сказать и о тех кампаниях, которые развертывались в Эгеиде в последующее десятилетие. Редко когда афинскому флоту (и, соответственно, войску) удавалось зимовать на родине; по большей части для этого использовались базы в восточной части Эгейского моря, например, на Самосе. А значит, на территории афинского полиса, то есть в пределах досягаемости, *всегда*, в любое время года отсутствовали тысячи граждан. Вот этот факт действительно не мог не отразиться на возможности достижения необходимого минимального количества голосующих на остракофории.

Все вышесказанное, как мы надеемся, позволяет дать максимально полный ответ на второй из двух обозначенных выше вопросов: почему, по каким причинам остракофория Гипербола стала последней, и именно на ней обычай

остракизма прекратился. Как мы видели, здесь действовало сочетание факторов различного характера — внутри- и внешнеполитических, морально-идеологических, демографических. Значение ни одного из этих факторов не следует преувеличивать, отвергая или отодвигая на задний план остальные, и в то же время ни об одном из факторов не следует забывать. Повторим, они действовали в совокупности, образуя в своей сумме некую «критическую массу» препятствовавших проведению остракизма обстоятельств. Если бы хоть один фактор из числа вышеупомянутых отсутствовал, — то, кто знает, может быть, остальных оказалось бы и недостаточно. Мы лишний раз убеждаемся, что перед нами — комплексное явление, порожденное, соответственно, комплексом причин.

А тем временем, пока действовали эти конкретные факторы, обусловливавшие неприменение остракизма на протяжении ближайших за изгнанием Гипербола лет, в более скрытой от нас сфере подспудно совершались иные процессы, уже не конкретно-эмпирического, а сущностного и потому инвариантного характера. Речь идет о принципиальном изменении специфики политической жизни между V и IV вв. до н. э. Иным становилось всё — состав политической элиты (как персональный, так и социальный), ее идеология, практиковавшиеся ею механизмы приобретения и использования власти, отношение демоса к этой элите. Новые условия действительно не предусматривали и даже, пожалуй, не допускали использования остракизма; к ним куда больше подходили иные методы политической борьбы. Как раз этот аспект проблемы очень удачно изложен в работах К. Моссе, кратко охарактеризован нами выше, и вряд ли есть смысл на нем еще раз специально останавливаться. Среди ведущих политиков IV в. до н. э. больше не было потенциальных жертв остракизма, подходящих для этого института по своим, так сказать, основным параметрам (все они были, в сущности, «новыми политиками» по терминологии Коннора, демагогами, стоящими несравненно ближе во всех отношениях к Клеону и Гиперболу, нежели к Кимону или даже Периклу). Кроме того, в IV в. до н. э. значительно реже, чем в предшествующем столетии, складывалась ситуация биполярного противостояния двух авторитетных политических лидеров (а именно такая ситуация, как мы видели выше, обычно становилась основанием для проведения остракизма). Политический «космос» афинского полиса был теперь, если так можно выразиться, более населенным, чем прежде, но, за редчайшими исключениями, каждая «звезда» в этом «космосе» светила теперь более тускло, нежели в V в. до н. э.

Сказанное объясняет, почему возвращения к идее остракизма не произошло после того, как были преодолены все кризисы конца Пелопоннесской войны, политическая ситуация стабилизировалась и демографическое положение пошло на поправку (а случилось это, насколько можно судить, очень скоро, уже к самому началу IV в. до н. э.). Ясен, таким образом, ответ и на вопрос, почему в последнее столетие афинской демократии остракизму уже не было места.

* * *

Перейдем к итогам.

1. Почти все из многочисленных предлагавшихся в историографии — как античной, так и современной — объяснений выхода остракизма из употребления после 415 г. до н. э., насколько можно судить, имеют право на существование и несут в себе зерно истины, порой весьма значительное. Однако наиболее полного понимания проблемы и наиболее убедительного ее разрешения можно достигнуть лишь путем комбинации этих существующих объяснений, а не путем их противопоставления друг другу. Прекращение применения остракизма было обусловлено комплексом факторов различного характера, действовавших в разное время, в разной степени и в разном сочетании.

2. Сразу после изгнания Гипербола в афинском гражданском коллективе возобладало мнение, что остракофория не выполнила возлагавшейся на нее функции, а, кроме того, ее жертвой неожиданно стало «недостойное» остракизма лицо. Это должно было воспрепятствовать применению остракизма в течение какого-то количества лет, но еще не гарантировало окончательного отказа от обычая голосования черепками. В дальнейшем действовали уже иные факторы: ухудшение внешне- и внутриполитической обстановки в конце V в. до н. э., т. е. в последний период Пелопоннесской войны, отсутствие ситуаций биполярного противостояния политических лидеров, при которых обычно прибегали к остракизму, сужение до минимума круга потенциальных жертв этой процедуры, то есть представителей старой аристократии, пребывание значительной части граждан за пределами полиса ввиду постоянно ведущихся военных действий. Впоследствии же, в IV в. до н. э., несмотря на стабилизацию обстановки, возрождения остракизма не произошло, поскольку постепенно претерпел фундаментальные изменения характер всей политической жизни, что требовало новых методов, более активно применявшихся отныне в борьбе группировок (речь идет прежде всего о политических судебных процессах определенных видов).

2. «После остракизма»

Итак, начиная с 415 г. до н. э. и впоследствии, на протяжении IV в. до н. э. остракизм оставался институтом, существовавшим лишь номинально[28]. Было, правда, высказано довольно экзотическое мнение, согласно которому остракофории могли проводиться и после изгнания Гипербола, но они оказывались неудачными, то есть не набиралось достаточного количества голосов для того, чтобы мероприятие привело к какому-нибудь результату[29]. Однако это предположение представляет собой чисто умозрительную конструкцию и

[28] Ср.: *Обнорский Н. Н.* Ук. соч. С. 344; *Гинзбург С. И.* Остракизм как орудие... С. 32 слл.
[29] *Hands A. R.* Ostraka... P. 78.

ровным счетом ни на чем не основано. Ни в одном источнике нет ни малейшего намека на то, что после 415 г. до н. э. проходили какие-нибудь остракофории. Напротив того, все, что мы знаем из нарративной традиции, противоречит подобной гипотезе. Кроме того, ни один из найденных на сегодняшний день тысяч острака не может быть хотя бы с небольшой долей вероятности отнесен к периоду после остракизма Гипербола. От точки зрения Хэндса смело можно отказаться и однозначно утверждать, что этот остракизм был действительно последним — во всех отношениях.

Тем не менее, подчеркнем, официально, законодательно институт остракизма отменен не был, он просто фактически прекратил существование, перестав употребляться. Еще долго после этого, в течение целого ряда десятилетий афинская экклесия ежегодно в положенный срок поднимала вопрос об остракизме. Как сообщает Аристотель в «Афинской политии» (43.5), на κυρία ἐκκλησία шестой притании гражданского года, помимо прочих вопросов, καὶ περὶ τῆς ὀστρακοφορίας ἐπιχειροτονίαν διδόασιν, εἰ δοκεῖ ποιεῖν ἢ μή. Очевидно, на этом предварительном голосовании демос всегда выносил отрицательный вердикт. Тем не менее формальность всегда соблюдалась.

Небезынтересно задаться вопросом, когда прекратилась и эта формальность, то есть когда об остракизме вообще перестали вспоминать как об элементе политической системы. В нашем распоряжении есть некоторые нюансы словоупотребления в источниках, позволяющие дать ответ на этот вопрос с некоторой степенью точности. Нетрудно заметить, что автор «Афинской политии» говорит о предварительном голосовании по поводу остракизма в настоящем времени (ἐπιχειροτονίαν διδόασιν). Стало быть, во время составления трактата о государственном устройстве афинян (330-е — 320-е гг. до н. э. — так можно в наиболее общей форме определить это время, а попытки более точной датировки спорны и для нас в данном случае не принципиальны) такое голосование еще проводилось.

С другой стороны, обратим внимание на то, что следующий по времени античный автор, от которого дошло относительно подробное изложение процедуры остракизма, а именно Филохор (FGrHist.328.F30), везде употребляет глаголы в имперфекте: προεχειροτόνει — «производил предварительное голосование», ἐδόκει — «принимал решение», ἐφράσσετο — «огораживалась», κατελείποντο — «оставлялись», ἐτίθεσαν — «клали», ἐπεστάτουν — «председательствовали», ἔδει — «следовало». Ни одного глагола в настоящем времени мы в повествовании аттидографа не находим. Таким образом, в те годы, когда писалась «Аттида» Филохора (а это начало III в. до н. э.[30]) все аспекты процедуры остракизма, в том числе и предварительное голосование, окончательно стали делом прошлого.

Иными словами, остракизм оказался в полном забвении, перестал быть функционирующим институтом даже номинально на временном отрезке, который можно обозначить как последнюю четверть IV в. до н. э. Если бы до на-

[30] О времени жизни и деятельности Филохора см.: *Pearson L.* Op. cit. P. 105 ff.

шего времени сохранился детальный рассказ об остракизме, содержавшийся в трактате Феофраста «Законы» и мы могли бы судить, в каком времени — настоящем или прошедшем — писал об остракизме этот ученый, располагавшийся в хронологическом отношении как раз между Аристотелем и Филохором, то мы могли бы, наверное, еще более конкретизировать этот временной отрезок. Но, увы, труд Феофраста утрачен, и в дальнейших соображениях мы уже можем отталкиваться лишь от более или менее вероятных гипотез. Здесь надлежит вспомнить об основных событиях политической жизни Афин означенного периода[31].

В 322 г. до н. э., после поражения Афин в Ламийской войне, афинская демократия была ликвидирована; установился олигархический режим, во главе которого встали Демад и Фокион. Начиная с этого времени афиняне уже были фактически не вольны в определении государственного устройства собственного полиса, формы которого диктовались теперь внешними силами, в первую очередь враждующими друг с другом диадохами. Последовала настоящая чехарда политических систем. В 318 г. до н. э. олигархия была свергнута, но уже в следующем году Кассандр навязал Афинам фактически единоличное правление перипатетика Деметрия Фалерского. В 307 г. до н. э. Деметрий был, в свою очередь, низложен своим тезкой — Деметрием Полиоркетом, который поселился в Афинах, заняв положение своеобразного «бога при демократии», декларативно восстановленной им. После битвы при Ипсе в 301 г. до н. э. Деметрий утратил власть над Афинами; в них утвердилась власть тирана Лахара, продолжавшаяся до 295 г. до н. э., когда город вновь оказался под контролем Полиоркета. Государственное устройство, существовавшее в афинском полисе впоследствии, именовалось демократией, но на деле это была фикция, имевшая мало общего с классической демократией 507—322 гг. до н. э.[32]

Несомненно, в ходе какого-то из перечисленных многочисленных переворотов и произошел полный отказ от остракизма, перестало проводиться даже предварительное голосование о нем. На вопрос, когда конкретно это случилось, может быть дан, разумеется, лишь чисто гипотетический ответ (или даже несколько ответов, в равной мере имеющих право на существование и в равной мере недоказуемых). Любой из таких вариантов ответа в дальнейшем может быть оспорен и даже опровергнут, если вдруг появятся какие-то новые данные. В сущности, любой из переворотов конца IV в. до н. э. может считаться вполне подходящим моментом для полной отмены остракизма. Нам же представляются наиболее подходящими датами либо 322, либо 317 г. до н. э.,

---

[31] Об этих событиях подробнее см.: *Lehmann G.A.* Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen... Passim; *Хабихт Х.* Ук. соч. С. 43 слл.

[32] Недавно было высказано мнение, согласно которому классическая демократия в Афинах окончилась не в 322 г. до н. э., как обычно считается, а лишь около 260 г. до н. э.: *Dreyer B.* Wann endet die klassische Demokratie Athens? // AS. 2001. V. 31. P. 27—66. Но с этой точкой зрения трудно согласиться.

то есть остракизм отменил либо режим Демада — Фокиона (это, может быть, чуть более вероятно)[33], либо Деметрий Фалерский. Больше по этому вопросу ничего сказать не можем.

Как бы то ни было, невозможно не обратить внимание на показательный и в чем-то даже достойный удивления факт: пока существовала афинская демократия — существовал и остракизм (хотя бы номинально)[34], как только она прекратила существование — был окончательно отменен и этот институт. Удивительным же в данной ситуации является вот что: даже десятки лет спустя после того, как прошла последняя остракофория, народное собрание все равно год за годом возбуждало вопрос о голосовании черепками — и все это лишь для того, чтобы тут же этот вопрос закрыть. Остракизм, как ни парадоксально это выражение, почти на век пережил... себя самого. В чем же причина подобного положения вещей? Неужели дело только в том, что афиняне с упорством, достойным лучшего применения, по старинке держались за отжившую, вышедшую из употребления и никому не нужную процедуру? А может быть, дело обстояло несколько сложнее?

Попытку дать ответ на этот вопрос предпринял М. Крайст, автор единственной, насколько нам известно, работы об афинском остракизме в IV в. до н. э.[35] Этот исследователь высказал важное положение, к которому мы, со своей стороны, хотели бы всецело присоединиться: остракизм еще долго после своего последнего реального применения не стал в полном смысле слова мертвой буквой закона. Он оставался мощным оружием демоса, но оружием, если так можно выразиться, находившимся все это время «в ножнах». Кстати, сразу возникает ассоциация с первым двадцатилетием существования классического остракизма, с периодом 507—488 гг. до н. э., когда остракофории тоже не проводились и, таким образом, в той же мере можно было говорить о «мече в ножнах».

Остракизм был своего рода «ядерной бомбой» в афинской политической жизни, и уже *самим своим наличием*, вне зависимости от частоты применения (или полного отсутствия такового, как в IV в. до н. э.), он накладывал вполне определенный отпечаток на формы этой политической жизни, делая ее более спокойной и умеренной[36]. Действительно, по-настоящему мощное оружие совер-

---

[33] Ср.: *Siewert P.* Einleitung... S. 34; *Heftner H.* Ende und «Nachleben»... S. 38.

[34] Недавно было высказано мнение (*Errington R. M.* Op. cit.), согласно которому остракизм не продолжал номинальное существование на протяжении почти всего IV в. до н. э., а был официально и совершенно сознательно возрожден из небытия в 337/336 г. до н. э., после Херонеи. Зачем и против кого? И если он был возрожден, почему же его так ни разу и не применили? Наконец, почему скрупулезный Аристотель нигде даже намеком сообщает об этой перемене в политическом устройстве? В общем, вышеизложенная гипотеза представляется довольно шаткой и не основанной ни на данных источников, ни на соображениях исторического контекста.

[35] *Christ M. R.* Op. cit.

[36] Ср.: *Kagan D.* The Origin and Purposes... P. 401; *Суриков И. Е.* Остракизм и остраконы... С. 122.

шенно не обязательно часто применять; достаточно просто помнить о его существовании. Если уж продолжить параллель с ядерной бомбой, то эта последняя, как известно, была лишь один раз использована в военных условиях. Однако же и поныне, вот уже более полувека, она выступает немаловажным фактором сдерживания глобальных вооруженных конфликтов. Нечто подобное можно сказать и об остракизме в IV в. до н. э.: демос, как справедливо отмечает Крайст, ежегодно напоминал политической элите о наличии этого института, демонстрировал его (если не в действии, то в потенции), и этого вполне хватало для того, чтобы лидеры полиса делали соответствующие поправки в своей деятельности. Конечно, по мере удаления от последней остракофории эта «потенциальная эффективность» остракизма не могла не уменьшаться; но вряд ли она совершенно сошла на нет вплоть до конца афинской демократии.

Что же касается актуальных методов политической борьбы, то, как неоднократно отмечалось в исследовательской литературе, в период после Пелопоннесской войны они стали другими: не проводились больше остракофории, зато, бесспорно, интенсифицировалось применение политических процессов в борьбе группировок[37]. Чаще всего в данной связи говорят о процессах типа γραφὴ παρανόμων («обвинение в противозаконии»), в связи с чем, вероятно, нужно хотя бы несколькими словами напомнить об основных чертах этого института (хотя подробный его анализ, бесспорно, выходит за рамки данной работы и заслуживает специального исследования)[38]. При возбуждении данного типа судебного процесса жалоба направлялась любым желающим (ὁ βουλόμενος) в гелиею против лица, по инициативе которого народное собрание приняло постановление, по мнению обвинителя, противоречащее существующим законам. Процессы γραφὴ παρανόμων считались важными и, судя по всему, в некоторых случаях рассматривались расширенными коллегиями дикастов. В случае признания судом претензий обвинителя правомерными постановление, внесенное им, отменялось, а сам инициатор приговаривался к наказанию, вплоть до смертной казни. Насколько можно судить, процесс γραφὴ παρανόμων мог возбуждаться и в отношении тех проектов псефисм, которые не прошли еще голосования в народном собрании и, соответственно, не получили законной силы[39].

Процессы типа γραφὴ παρανόμων получили достаточно широкое распространение в Афинах с конца V в. до н. э. и на протяжении следующего столетия. За период с 415 по 322 г. до н. э. из источников известно несколько десятков таких процессов[40]; нужно полагать, что были и другие, сведения о которых до

---

[37] См. охарактеризованные в предыдущем пункте работы К. Моссе, а также: *Обнорский Н. П.* Ук. соч. С. 344; *Mattingly H. B.* The Practice... P. 25.

[38] Наиболее подробно см.: *Hansen M. H.* The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals. Odense,1974.

[39] *Hansen M. H.* The Athenian Ecclesia II... P. 271—281.

[40] М. Финли говорит о 39 случаях (*Finley M. I.* Politics... P. 55).

нас не дошли. Правда, далеко не во всех случаях судебное заседание оканчивалось обвинительным приговором. Обратим внимание и на то, что обвиняемыми в данном типе процессов часто выступали видные политики: ведь именно им по большей части приходилось вносить проекты постановлений на рассмотрение экклесии, и, соответственно, они оказывались особенно уязвимыми для γραφὴ παρανόμων. Поэтому многие из политических лидеров старались подстраховаться, предлагая свои важнейшие инициативы через подставных лиц. Так поступал еще Перикл в V в. до н. э. (Plut.Pericl.7; в его время γραφὴ παρανόμων уже было учреждено), а вслед за ним — и другие влиятельные граждане. Обвинители в данном типе процесса тоже зачастую принадлежали к самой верхушке политической элиты. Пожалуй, самым известным процессом γραφὴ παρανόμων в афинской истории следует назвать знаменитый процесс против Ктесифонта о венке (330 г. до н. э.), в котором обвинителем выступал Эсхин, а обвиняемого защищал Демосфен (по счастливой случайности, сохранились речи обоих ораторов, произнесенные на этом процессе: Aeschin.III; Demosth.XVIII). Таким образом, два виднейших политика своего времени столкнулись в непримиримой борьбе, и ареной для столкновения послужил именно процесс γραφὴ παρανόμων. Совершенно ясно, что Эсхин, предъявляя обвинение Ктесифонту, метил, собственно, не в него, а в Демосфена. Что может быть более ярким свидетельством того, что процессы о «противозаконии» стали важным средством политической борьбы?

На наш современный взгляд, мало феноменов в афинской правовой практике были столь же абсурдными, как γραφὴ παρανόμων. Действительно, если вынесенное на рассмотрение экклесии предложение противоречило существующему законодательству, то почему оно вообще не отклонялось сразу же, на предварительной стадии (например, еще в Совете Пятисот), а ставилось на обсуждение и на голосование? Почему политические противники инициатора постановления тут же не указывали демосу на противозаконность проекта, а предпочитали отмалчиваться и позволить псефисме быть принятой? А ведь, наверное, в душе они еще и радовались тому, что конкурент сам себя загоняет в ловушку, превращаясь в удобную мишень для политического процесса. Наконец, если державный демос все-таки принял постановление, оказавшееся впоследствии незаконным, то кого другого, кроме самого себя, он должен был за это винить? И почему обязательно нужно было искать «козла отпущения» в лице политика-инициатора? Кстати, вот опять всплывает этот образ, неоднократно упоминавшийся нами ранее в связи с остракизмом, — «козел отпущения». Следующая стадия секуляризации древнего ритуала, окончательно оторвавшегося от своих сакральных корней?

В IV в. до н. э. применялся и другой тип судебного процесса, чрезвычайно близкий к только что рассмотренному, — γραφὴ νόμον μὴ ἐπιτήδειον θεῖναι («обвинение в принятии неподходящего закона»). Этот тип процесса[41] был введен тогда, когда в правовой практике наметилось четкое разграничение

[41] О нем см.: *Piérart M.* Du règne des philosophes... P. 249—250.

между категориями закона и псефисмы и когда законы в собственном смысле стали приниматься уже не экклесией, а коллегией номофетов. При этом характерно, что и в данном случае обвинение предъявлялось отнюдь не номофетам, а гражданину, который внес законопроект.

Такой тип политического процесса, как исангелия (εἰσαγγελία, «оповещение») имел в демократических Афинах тоже ярко выраженный политический характер. Исангелия возбуждалась жалобой против того или иного лица в совершении особо тяжкого государственного преступления (например, измены). Существовала исангелия давно, она зафиксирована уже ко времени Солона и вначале находилась в компетенции Ареопага, но впоследствии, с середины V в. до н. э. стала прерогативой демоса[42]. Этот тип процесса чаще всего направлялся против влиятельных политиков, занимавших важные государственные должности (например, пост стратега). Исангелию, ввиду ее чрезвычайного характера, могли рассматривать не только коллегии гелиеи, но также и народное собрание. Впрочем, такое положение сохранялось не всегда: после 362 г. до н. э. ни одной исангелии, внесенной в экклесию, не зафиксировано в источниках. С этого времени дикастерии, судя по всему, стали единственным органом, выносившим решения по такому роду обвинениям. Исангелия, как и γραφὴ παρανόμων, получила особенное распространение с конца V в. до н. э. и тоже являлась важным средством политической борьбы.

В афинском полисе IV в. до н. э. существовали и другие типы процессов с более или менее ярко выраженным политическим характером. Так, политический оттенок сплошь и рядом принимали эвтины (прием судебным органом отчета о деятельности магистрата по истечении срока его полномочий), докимасии (проверки пригодности кандидатов перед вступлением их в должность, осуществлявшиеся во многих случаях тоже в дикастериях)[43]. Могла проявляться политическая подоплека и в религиозных судебных процессах по обвинению в «нечестии» (ἀσέβεια). Впрочем, сами процессы этой последней разновидности были в период после Пелопоннесской войны весьма редки. Кроме того, они направлялись обычно не против самих политических лидеров, а против интеллектуалов из их окружения. Говоря же в наиболее общей форме, можно отметить, что практически каждый процесс из области публичного права (γραφή) мог стать процессом политическим, превратиться в орудие борьбы группировок. Даже и частные процессы (δίκαι) могли использоваться с этой целью.

Повторим сказанное в предыдущем пункте: поскольку остракизм в IV в. до н. э. вышел из актуального употребления, политические судебные процессы в какой-то степени выступали в качестве замены этого института, при

---

[42] Об исангелии и ее судьбе в IV в. до н. э. см.: *Hansen M. H.* Eisangelia: The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians. Odense, 1975; *Rhodes P. J.* Judicial Procedures... P. 311 ff.; *Bearzot C.* Anomalie procedurali ed elusione del «nomos» nei processi per alto tradimento: «eisanghelia» e «asebeia» // CISA. 1996. V. 22. P. 71—92.

[43] Ср.: *Hansen M. H.* The Political Powers... P. 238—239.

этом, однако, являясь средствами, не придуманными ad hoc, а существовавшими и ранее, но только получившими с какого-то момента более значительную роль. Можно поставить вопрос: стали ли эти средства адекватной заменой остракизму, какие его функции они переняли и насколько успешно? Для ответа на этот вопрос необходимо определить, что общего и что отличного было между остракизмом и политическими процессами.

Сходной чертой можно назвать то, что как остракизм, так и политические процессы имели четко выраженную личностную направленность. Организуя процесс, один политик боролся персонально против другого, стремясь ослабить его, а по возможности — и вообще устранить. Сказанное относится даже к γραφή παρανόμων: номинально такие процессы были направлены против постановления, документа, фактически же — все-таки против инициировавшего постановление лица, которое и подвергалось наказанию в случае обвинительного приговора. Далее, — и это тесно связано с вышесказанным — политическим процессам, как и остракизму, был присущ соревновательный, агональный характер. Это именно борьба, противостояние, схватка за победу. По парадоксальному, но во многом справедливому суждению Д. Коэна, право в агональном обществе не сглаживает конфликты, а служит средством их выражения[44]. Суд становится точно такой же ареной состязания, какой были для греков едва ли не все сферы общественного бытия. И остракофория, и судебный процесс выглядят своеобразными поединками. Вот только ставки риска на процессе уже в большинстве случаев пониже, чем на остракофории. И здесь мы переходим от сходных черт к отличиям между этими двумя институтами.

С одной стороны, для обвинителя, лица, возбуждающего политический судебный процесс, такая инициатива оказывалась, без сомнения, значительно более безопасной, чем для политика, убеждающего экклесию провести остракизм. Остракофория была оружием не только мощным, но и, так сказать, обоюдоострым: ее жертвой мог точно так же стать сам инициатор акции, как и тот его конкурент, против которого эта акция направлялась[45]. Даже Перикл, желая избавиться от Фукидида, сына Мелесия, и с этой целью пойдя в 444 г. до н. э. на остракизм, сам подвергался опасности, по указанию Плутарха (Plut.Pericl.14: πρὸς τὸν Θουκυδίδην εἰς ἀγῶνα περὶ τοῦ ὀστράκου καταστὰς καὶ διακινδυνεύσας)[46], несмотря на то, что исход голосования был почти ясен заранее (по причинам, очерченным выше, в гл. IV, п.2). Опасность остракофории для *обеих* сторон, непредсказуемость ее результата еще значительно возрастали в более сложных случаях, когда один лидер не имел столь явного перевеса над другим, как Перикл над Фукидидом. Самой яркой иллюстрацией подобного положения дел стал как раз последний остракизм: Гипербол воистину оказался в роли человека, который рыл яму другому и попал в нее сам! Разу-

---

[44] *Cohen D.* Demosthenes' Against Meidias and Athenian Litigation // Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 155.

[45] Ср.: *Finley M. I.* Politics... P. 55.

[46] Обратим, кстати, внимание на то, что Плутарх определяет остракофорию как ἀγών.

мается, предлагая демосу остракофорию, этот демагог менее всего рассчитывал на то, что отправиться в изгнание придется не кому иному, как ему. Пример Гипербола должен был послужить весомым предостерегающим фактором для политиков на будущее время. Кстати, стоит задуматься о том, не имел ли этот фактор важного значения в выходе остракизма из употребления. Очень может быть, что после 415 г. до н. э. политические лидеры, памятуя о судьбе Гипербола, попросту опасались прибегать к этой процедуре, оказавшейся ненадежной и даже предательской.

Возбуждение судебного процесса было в этом отношении куда как удобнее: обвинитель рисковал в значительно меньшей степени. Санкции против него наступали лишь в том случае, если при вынесении приговора дикастами обвинение не набирало пятой части голосов. Но примеры подобного рода, насколько можно судить, были довольно редкими. Как правило, политик, затевающий процесс, тщательно к нему готовился, составлял речи с максимальным количеством аргументов и старался не выдвигать заведомо проигрышного дела. Во всяком случае, на процессе он мог гораздо успешнее контролировать ситуацию, чем на остракофории.

Но, с другой стороны, политический процесс по большей части не мог стать столь же эффективным средством борьбы с конкурентом, как остракизм. Этот последний в случае удачного исхода голосования приводил к длительному удалению соперника из полиса и, соответственно, обезглавливал противостоящую группировку. Судебные процессы редко заканчивались столь же фатально. Конечно, в принципе результатом суда мог стать и смертный приговор обвиняемому, и его изгнание или лишение гражданских прав. Но значительно чаще наказания были более мягкими, заключаясь обычно в денежных штрафах либо в частичной и временной атимии. Иными словами, политик, даже проиграв дело и понеся ущерб той или иной степени тяжести, все же оставался в Афинах и продолжал свою деятельность. С ним не удавалось расправиться окончательно или хотя бы надолго. Правда, проигранный судебный процесс, каково бы ни было наказание, влек за собой еще и диффамацию осужденного, подрывал его этическую и политическую репутацию. Однако не следует забывать о том, что в IV в. до н. э. нравы афинской политической элиты претерпели существенные изменения по сравнению с предшествующим столетием, нравственная скрупулезность стала достоянием прошлого. То, что поставило бы на Аристида или Кимона несмываемое пятно, для политиков поздней классики было нормой жизни и нимало не смущало их. Каждый из них неоднократно на протяжении своей карьеры оказывался то в положении обвинителя, то в положении обвиняемого; грязь на судебных процессах лилась потоком, но стекала с тяжущихся буквально «как с гуся вода». Бывали случаи, когда политик раз за разом подвергался осуждению, но это отнюдь не побуждало его прекратить политическую деятельность.

Стали ли политические процессы фактором, стабилизировавшим политическую жизнь, каким был ранее институт остракизма? Скорее все-таки да, чем нет. Однако произошло это не сразу. Был в афинской истории довольно

краткий, но злополучный период, когда остракизм уже не применялся, а новые механизмы, которые должны были встать на его место, находились еще в стадии формирования. Это хронологический отрезок между 415 и 403 гг. до н. э. И, думается, совершенно не случайно, что именно на это время пришлась череда самых жестоких политических кризисов за всю почти двухвековую историю афинской демократии[47]. Скандалы, связанные с делами о гермокопидах и о профанации мистерий, олигархический переворот Четырехсот, свержение установленного ими режима и учреждение умеренной олигархии Пяти тысяч, восстановление демократии, и опять олигархический переворот и приход к власти правительства Тридцати, и снова реставрация демократии... И все это — на протяжении десяти с небольшим лет. Налицо резкая дестабилизация всей внутриполитической обстановки, значительное обострение и ожесточение борьбы группировок; к этому присоединялись предпринимаемые демосом необдуманные, авантюристические акции. Перечисленные события достаточно ясно демонстрируют, что остракизм выполнял в политической системе Афин определенную положительную функцию. Впоследствии эта функция действительно перешла к другим институтам, что случилось на рубеже V—IV вв. до н. э. и сделало политическую жизнь афинского полиса в последнее столетие демократии вновь весьма стабильной[48].

* * *

Подведем итоги этого последнего пункта основной части работы.

1. Даже после фактического прекращения остракофорий закон об остракизме продолжал номинально действовать вплоть до ликвидации афинской демократии в 322 г. до н. э. Даже не применяясь, институт остракизма служил в IV в. до н. э. оружием демоса — оружием, не пускавшимся в ход, но ежегодно демонстрировавшимся политической элите.

2. Основным и самым эффективным средством политической борьбы стали отныне судебные процессы. Имея ряд общих черт с остракизмом (личностная направленность, состязательность), они отличались от него тем, что были механизмом менее опасным и разрушительным — как для инициатора акции, так и для ее потенциальной «мишени». В целом процессы со временем переняли ряд функций остракизма и тоже служили стабилизации внутриполитической обстановки.

---

[47] Ср.: *Kagan D.* The Origin and Purposes... P. 401.

[48] О стабильности афинской демократии в IV в. до н. э. см.: *Herman G.* Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens // AD. S. 44.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Сводка полученных результатов

Изучая проблематику, связанную с афинским остракизмом, автор стремился опираться на максимально широкий круг источников. Привлекались прежде всего данные нарративной традиции об остракизме, которая представляется в целом вполне репрезентативной, достаточно обширной и при этой обозримой, но, с другой стороны, во многих своих частях фрагментарной, а в некоторых случаях внутренне противоречивой. В связи со сказанным наиболее продуктивными и плодотворными при исследовании различных аспектов истории остракизма оказываются те подходы, которые характеризуются комплексным, синтетическим использованием всех видов источников с целью реконструкции целостной и по возможности непротиворечивой картины событий. В частности, чрезвычайно важно для дополнения, верификации и коррекции данных, содержащихся в нарративной традиции, активно привлекать к анализу и источниковый материал иного характера. Речь идет прежде всего об остракa, которые принадлежат к числу наиболее важных и ценных памятников, имеющих отношение к остракизму. Безусловно, работа с остракa имеет свою специфику, требует особой методики и, в частности, заставляет соблюдать известные предосторожности, отдавать себе отчет в тех сложностях и пока не решенных (или в принципе не решаемых) вопросах (по большей части хронологического плана), которые порождает эта категория источников.

Автор старался также задействовать практически всю имеющуюся на сегодняшний день исследовательскую литературу, посвященную остракизму. Говоря об этой литературе, приходится отметить, что на отдельных направлениях изучения данного института, его истории и функционирования достигнуты значительные результаты, но пока отсутствует обобщающее монографическое исследование об остракизме, написанное на современном уровне и учитывающее весь новый источниковый материал, который появился за последние годы. Такое исследование становится все более насущно необходимым. К сожалению, остракизм почти совершенно не изучался в отечественной историографии; на русском языке существует лишь несколько работ о нем, которые можно считать скорее исключениями, чем проявлениями какой-то закономерности.

Проведя исследование, которое оказалось достаточно объемным (что, впрочем, было и неизбежно, поскольку мы пытались осветить все имеющиеся проблемы, связанные с институтом остракизма), автору удалось получить определенные результаты, из которых одни можно считать бесспорными, другие же сохраняют гипотетичность. Попробуем здесь кратко суммировать эти результаты, сведя их воедино и изложив в той последовательности, в какой они были получены по ходу работы. При этом нам, естественно, не удастся избежать повтора важнейших выводов, сформулированных ранее, в заключи-

тельных частях отдельных пунктов. Но такой повтор (постараемся сделать его по возможности не дословным) представляется и неизбежным, и необходимым для дальнейшего обобщения.

1. Из источников известно о 18 случаях применения остракизма в Афинах. Из этих остракофорий 10 можно считать вполне достоверными и историчными, действительно имевшими место (остракизмы Гиппарха, сына Харма, Мегакла, сына Гиппократа, неизвестного афинянина, — скорее всего, Каллия, сына Кратия, — Ксантиппа, Аристида, Фемистокла, Кимона, Алкивиада Старшего, Фукидида, сына Мелесия, и Гипербола), 5 — недостоверными, фиктивными (остракизмы Тесея, Клисфена, Мильтиада, повторные остракизмы Мегакла, сына Гиппократа, и Алкивиада Старшего). Три остракофории отнесем к категории спорных (остракизмы Менона, Каллия, сына Дидимия, и Дамона), хотя более вероятной нам представляется их историчность. Немалое количество сложностей возникает в связи с хронологией многих из перечисленных событий. Для одних остракофорий из числа надежно зафиксированных даты удается установить с достаточно большой точностью; другие датировки имеют несколько более приблизительный и/или дискуссионный характер (впрочем, колебание редко выходит за пределы отрезка в несколько лет). В целом удается достаточно детально реконструировать хронологическую канву истории афинского остракизма в V в. до н. э. (см. хронологическую таблицу в приложении VI), что служит основой для дальнейшего исследования.

2. Говоря о проблемах, связанных с принятием закона об остракизме в Афинах, следует подчеркнуть, что в результате работы нескольких поколений антиковедов, по итогам острых и продолжительных дискуссий, на сегодняшний день можно считать твердо установленным, что это событие относится к кругу клисфеновских реформ, а не к более позднему времени. При этом в череде демократических преобразований, проведенных Клисфеном, остракизм хронологически занимает одно из первых мест. Наиболее вероятно, что закон о нем был издан в 508/507 г. до н. э., в процессе борьбы Клисфена с Исагором. Что же касается так называемого «свидетельства Андротиона» (FGrHist.324.F6), на которое ранее опирались те исследователи, которые относили введение остракизма к началу 480-х гг. до н. э., то это свидетельство является плодом недоразумения, а именно некорректного цитирования «Аттиды» Андротиона позднеантичным лексикографом Гарпократионом. Двадцатилетний перерыв между введением остракизма и его первым применением (в 487 г. до н. э.) также не может служить аргументом против прямого указания Аристотеля и других античных авторов на Клисфена как на инициатора учреждения данной процедуры, поскольку перерыв этот вполне поддается объяснению конкретными причинами, лежащими в сфере внутриполитической истории Афин на рубеже эпох архаики и классики.

3. Однако можно с достаточно большой степенью уверенности утверждать, что процедуры, аналогичные остракизму (мы условно называем их «протоостракизмом») существовали еще до Клисфена, то есть в архаическую, аристократическую эпоху афинской истории, с тем главным отличием, что го-

лосование проводилось не народным собранием а Советом (в VI в. до н. э. — Советом Четырехсот, а еще раньше, возможно, Ареопагом). Складывание института остракизма было, насколько можно судить, не актом, имевшим место в один конкретный момент, а длительным процессом, на начальных этапах которого сыграли немаловажную роль ритуалы религиозно-магического характера (в частности ритуал фармака, или «козла отпущения»). Таким образом, Клисфен скорее не создал совершенно новый институт, а модифицировал уже существовавший, приспособив его к условиям формирующегося демократического полиса. Он сделал остракизм прерогативой экклесии, а также, возможно, придал его применению регулярный, а не спорадический характер. Иными словами, вследствие демократизации государственного устройства Афин интересующая нас процедура попала из рук аристократии в компетенцию всего гражданского коллектива.

4. Поднимая вопрос о причинах и целях введения остракизма, следует отделять друг от друга два аспекта этой проблемы. С одной стороны, идея остракизма как «профилактического» изгнания из полиса влиятельных индивидов зародилась в архаическую эпоху, на стыке двух тенденций политической жизни времен формирования полисных структур и полисного менталитета — тенденций индивидуалистической и коллективистской. Ранние формы остракизма («протоостракизм») являлись, по сути дела, средством взаимного контроля членов аристократической правящей элиты друг над другом, во избежание перерастания власти кого-либо из представителей этой элиты в тиранию. Что же касается закона Клисфена об остракизме, принятого на рубеже архаики и классики и вводившего «классическую» форму остракизма, которая существовала на протяжении V в. до н. э., то этот закон прекрасно укладывается в рамки всего комплекса клисфеновских реформ, передававших верховную власть в полисе из рук аристократии в руки демоса. Демос, переняв аристократический по происхождению институт, становился отныне гарантом против возрождения тирании, против острых вспышек стасиса и дестабилизации политической жизни, а также осуществлял с помощью остракизма общий контроль над деятельностью знатной элиты, что соответствовало его новой роли в государстве.

5. В процедурном отношении остракофория была особым видом народного собрания, в силу ряда обстоятельств (как прагматического, так, возможно, и ритуального характера) проводившимся на Агоре даже в то время, когда остальные заседания экклесии уже переместились на Пникс. Голосование на остракофории де-юре имело тайный характер, но фактически за строгим соблюдением тайны волеизъявления не следили. Не существовало и каких-либо общепринятых норм при нанесении надписей на остраконах-«бюллетенях». В целом процедура остракизма достаточно детально освещена источниками, показания которых по большинству деталей вполне согласуются друг с другом. Существуют, однако, и нюансы, по которым имеют место противоречия между различными античными авторами; на этих аспектах процедуры остракизма пришлось специально остановиться по ходу работы.

6. Одним из таких наиболее спорных вопросов является интерпретация числа 6000, фигурирующего в нарративной традиции, но определяемое различными авторами то как общий кворум для признания процедуры состоявшейся, то как минимальное количество голосов против одного лица, необходимое для его изгнания. Проведенное нами исследование данной проблемы позволяет говорить (если и не категорично, то, во всяком случае, со значительно большей долей вероятности), что 6000 голосов были необходимым минимумом для одного лица. Следует особенно подчеркнуть, что в условиях древнегреческих демократий, да и в целом в условиях полисного менталитета, более важной категорией вообще был не кворум (то есть некая абстрактная совокупность граждан, вне зависимости от мнения каждого из них), а степень единодушия при принятии решения. Именно на это обращалось внимание прежде всего — не на то, сколько человек пришло на голосование, а на то, усилиями скольких из них решение было принято.

7. Изначальный текст закона Клисфена об остракизме не имел в себе каких-либо формулировок, предписывавших изгнанникам место пребывания или накладывавших на него те или иные специальные территориальные ограничения, кроме пребывания за пределами Аттики. Однако в 480 г. до н. э. в текст закона была внесена поправка, суть которой, как мы постарались выяснить, заключалась в том, что с этого момента изгнанникам запрещалось пересекать в направлении Афин линию обозначенную пунктами Герест и Скиллей. Среди причин принятия поправки главную роль играло стремление избежать проживания изгнанников слишком близко от Аттики, во избежание эксцессов с их стороны.

8. Согласно закону Клисфена срок пребывания в остракизме равнялся десяти годам. Однако афинская экклесия имела полное, ничем не ограниченное право (и несколько раз пользовалась этим правом) принять решение о досрочном возвращении на родину одного или нескольких лиц, подвергнутых остракизму. Существует некоторая (впрочем, не столь уж большая) возможность того, что на каком-то этапе истории афинской демократии (но не позже 450-х гг. до н. э.) в закон об остракизме была внесена поправка, сокращавшая срок изгнания с десяти до пяти лет. При имеющемся состоянии источников этот вопрос не может быть однозначно разрешен.

9. Известны находки остраконов и целых групп остраконов, которые явно были заготовлены заранее, еще до остракофории. Вопреки общераспространенному мнению, далеко не все случаи подобного рода можно списать на деятельность гетерий и попытки политических манипуляций голосованием. В ряде случаев со значительно большей долей вероятности можно говорить о том, что такие остраконы были изготовлены писцами, торговавшими ими на остракофориях. При этом к услугам писцов афинские граждане, насколько можно судить, обращались не потому, что были в своей массе неграмотны (это ни в малейшей мере не соответствует действительности), а потому, что нанесение надписи на остраконе было сопряжено с определенными сложностями, и порой приобретение готового надписанного «бюллетеня» представлялось наиболее легким выходом из положения.

10. Для лучшего понимания истории и функционирования института остракизма в системе афинской демократии нам пришлось обратиться к рассмотрению специфики политической жизни классических Афин, внутриполитической ситуации в афинском полисе интересующей нас эпохи. Это ситуация отличалась большой сложностью и дробностью. Существовало большое количество малых политических группировок, которые могли объединяться в коалиции для достижения конкретных целей. Группировки не были массовыми и формировались в среде политической элиты. Они имели не абстрактно-идеологический, а личностный характер, в каждой из них была исключительно велика роль лидера (индивидуального или коллективного, как тот или иной знатный род). Весьма важную роль в борьбе группировок играли вопросы внешней политики, понимавшиеся также не абстрактно, а на вполне личностном уровне. При этом V в. до н. э. занимает в афинской политической истории особое место, являясь переходным периодом между доклисфеновской эпохой, с ее господством аристократии в общественной жизни, и временем после Пелопоннесской войны, когда демократия сформировалась в окончательном виде, а знать как социальный слой покинула политическую сцену. На протяжении большей части V в. наблюдается некое «двоевластие», или равновесие между двумя основными силами — демосом и аристократией, определенное распределение полномочий между ними. Демос относился к представителям знатных родов двойственно: использовал их политические традиции, опыт, связи для более эффективного управления полисом, но в то же время постоянно демонстрировал отчуждение от них. Равновесие было нестабильным, неоднократно порождало острые политические конфликты. При этом на протяжении рассматриваемого хронологического отрезка положение аристократов постоянно ухудшалось, пока ее значение к концу V в. не было сведено на нет.

11. В ходе исследования конкретного фактологического материала удалось установить определенную периодизацию истории остракизма в связи с эволюцией характера политической борьбы в Афинах V в. до н. э., выделив ряд этапов функционирования этого института. Выделение этих этапов и рассмотрение их в совокупности и в сопоставлении позволило выявить важные закономерности, характерные для истории остракизма в V в. до н. э.: интенсификация его применения происходила, как правило, тогда, когда, во-первых, расклад политических сил временно приобретал «биполярный» характер, и, во-вторых, важную роль в политической жизни начинали играть спорные вопросы межгосударственных отношений.

12. С учетом как общей характеристики афинской политической жизни классической эпохи, так и эмпирического анализа событий, связанных с остракизмом, можно сделать выводы о функциях интересующего нас института в системе афинской демократии и об эволюции этих функций. Когда остракизм в его классической форме учреждался в ходе клисфеновских реформ конца VI в. до н. э., его основными функциями, как отмечалось чуть выше, были профилактика тирании и стасиса и контроль демоса над аристократи-

ческой политической элитой. Однако со временем, в течение V в. до н. э. остракизм обрел ряд новых функций, которые в известной мере стали даже главными, отодвинув на второй план первоначальные (и, пожалуй, чем дальше, тем больше). Конкурирующие политические лидеры использовали остракизм как один из мощных инструментов ведения борьбы друг с другом, а для демоса он стал способом выбора (в ситуации биполярного противостояния) между этими лидерами и их линиями (прежде всего внешнеполитическими). Можно говорить также о том, что остракизм являлся своеобразным средством компенсации фрустрации внутри гражданского коллектива в условиях прямой демократии полисного типа. Следует отметить еще, что остракизм, аристократический по происхождению институт в демократическом полисе, по традиции сохранил свою направленность на представителей высшего слоя знатной элиты и в этом смысле может рассматриваться как мера если не почетная, то, во всяком случае, подчеркивавшая высокое значение и авторитет политика, который ей подвергался.

13. Периоды проведения остракофорий были одновременно периодами острой пропагандистской борьбы между соперничающими политическими группировками и их лидерами. Наиболее активной становилась эта борьба на хронологическом отрезке от принятия экклесией предварительного решения об остракизме до самого голосования. Пропаганда в период остракофорий имела в очень большой степени личностный, при этом дискредитирующий характер. Это было обусловлено как общей большой ролью личностного фактора в политической жизни античного полиса, так и спецификой функций института остракизма, который был по самой своей сути направлен против «сильной личности». Излюбленным пропагандистским методом являлось применение персональных инвектив самого разного плана, которые актуализовали в общественном мнении и проецировали на конкретное лицо тот или иной «образ врага». Такие инвективы, порожденные, несомненно, именно пропагандой, в достаточно большом количестве встречаются на острака. Насколько можно судить, особенно важную роль в пропагандистских кампаниях перед остракофориями играли представления комедий, осуществлявшиеся на празднествах дионисийского цикла. Сопоставление между инвективами на остраконах и инвективами в памятниках комического жанра выявило целый ряд более или менее близких соответствий и параллелей, которые в большинстве случаев вряд ли могут быть простым совпадением. Одни и те же пропагандистские клише, циркулировавшие в общественном мнении, отразились и на черепках-«бюллетенях», и в произведениях комедиографов.

14. Немаловажен вопрос о причинах фактического выхода остракизма из употребления после изгнания Гипербола в 415 г. до н. э. Как в античной, так и в современной историографии предлагались многочисленные объяснения этого факта, и почти все такие объяснения имеют право на существование, но каждое из них односторонне подчеркивает какой-то один фактор в ущерб другим. Наиболее же убедительного разрешения проблемы можно достигнуть лишь путем комбинации этих имеющихся объяснений. Дело в том,

что прекращение применения остракизма было обусловлено комплексом факторов различного характера, действовавших в разное время, в разной степени и в разном сочетании. Сразу после изгнания Гипербола в афинском гражданском коллективе возобладало мнение, что остракофория не выполнила возлагавшейся на нее функции, а, кроме того, ее жертвой неожиданно стало «недостойное» остракизма лицо. Помимо всего прочего, остракизм еще и оказался ненадежным оружием для того, кто его применяет, своеобразным «бумерангом», и в дальнейшем это не могло не вызывать опаски у политиков. Перечисленные обстоятельства должны было воспрепятствовать применению остракизма в течение какого-то количества лет, но еще не гарантировали окончательного отказа от обычая голосования черепками. В дальнейшем действовали уже иные факторы: серьезное ухудшение общей внешне- и внутриполитической обстановки в Афинах конца V в. до н. э., отсутствие ситуаций биполярного противостояния политических лидеров, при которых обычно прибегали к остракизму, сужение до минимума круга потенциальных жертв этой процедуры, то есть представителей старой аристократии, пребывание значительной части граждан за пределами полиса ввиду постоянно ведущихся военных действий. Впоследствии же, в IV в. до н. э., несмотря на стабилизацию обстановки, возрождения остракизма не произошло, поскольку постепенно претерпел фундаментальные изменения по сравнению с предшествующим столетием характер всей политической жизни, что требовало новых методов, более активно применявшихся отныне в борьбе группировок.

15. Впрочем, и после фактического прекращения остракофорий закон об остракизме продолжал номинально действовать вплоть до ликвидации афинской демократии в 322 г. до н. э. Даже не применяясь, институт остракизма служил в IV в. до н. э. оружием демоса — оружием, не пускавшимся в ход, но ежегодно демонстрировавшимся политической элите. Основным же и самым эффективным средством политической борьбы стали отныне судебные процессы определенных типов. Имея ряд общих черт с остракизмом (личностная направленность, состязательность), они отличались от него тем, что были механизмом менее опасным и разрушительным — как для инициатора акции, так и для ее потенциальной «мишени». В целом процессы со временем переняли ряд функций остракизма и тоже служили стабилизации внутриполитической обстановки.

2. К общей оценке института остракизма

Теперь, в завершающей части работы, мы можем позволить себе, опираясь на исследованный выше эмпирический материал и обобщая его, высказать некоторые суждения уже не аналитического, а синтетического плана. Прежде всего представляется необходимым вернуться к предварительному, рабочему определению института остракизма, которое было дано во введении (естественно, с той оговоркой, что оно может уточняться и корректироваться по ходу исследования), и попытаться дать, отталкиваясь от него,

уже новое, не предварительное, а окончательное определение. Это можно сделать следующим образом (курсивом выделяем те элементы определения, которые отсутствовали в его предварительном варианте, но, как представляется по итогам изучения института, должны быть в него включены как принципиально важные).

Остракизм (в своей «классической» форме, как он функционировал в демократических государствах V в. до н. э.) — *существовавшее в том или ином виде и ранее, но к началу классической эпохи получившее свое окончательное воплощение* внесудебное изгнание по политическим мотивам наиболее влиятельных граждан из полиса на фиксированный срок (в Афинах — на 10 лет), без поражения в гражданских (в том числе имущественных) правах и с последующим полным восстановлением в политических правах, *применявшееся в профилактических целях* и осуществлявшееся путем голосования демоса в народном собрании при применении особой процедуры (в Афинах — с использованием надписанных глиняных черепков).

Наверное, следует обратить особенное внимание на изменения в определении, на эти новые его элементы, и остановиться на них несколько подробнее. Одним из ключевых итогов исследования представляется нам мысль (хотя вполне сознаем, что она будет оспариваться) о том, что остракизм не возник в какой-то один момент (в конце VI в. до н. э.) в голове Клисфена, что этот институт прошел долгий, сложный и неоднозначный путь развития в течение целых веков, зародился из религиозных ритуалов, применялся в целом ряде полисов, являлся прерогативой различных органов государственной власти и в конечном счете при возникновении афинской демократии оказался в ведении экклесии. Данное положение подробно аргументируется в Главе II, здесь же мы вновь и вновь возвращаемся к нему, подчеркивая, что лишь при таком взгляде на остракизм возможно полнокровное воссоздание его истории (которое немыслимо без знания «предыстории») и понимание некоторых его специфических черт (которые на деле являются реликтовыми).

Со вторым из вновь внесенных в определение элементов, нам кажется, должно согласиться большинство коллег. Речь идет о том, что остракизм предусматривал изгнание не за какое-то совершенное индивидом деяние, а именно *для профилактики*, во избежание совершения такого деяния в дальнейшем. Это, насколько можно судить, одна из самых принципиальных черт, — а, может быть даже и самая принципиальная, характерная именно для института остракизма и отличающая его от остальных форм изгнания в большей степени, нежели другие признаки (фиксированный срок, отсутствие поражения в правах, тем более использование черепков), которые в данном свете оказываются имеющими скорее внешний характер. Именно в связи с вышеприведенными соображениями остракизм нельзя считать наказанием (ведь не бывает же «наказания за доблесть»!).

Разумеется, в краткое определение никак не могло — даже в отдаленном приближении — вместиться все то, что было сказано на протяжении работы. Мы бы даже не сказали, что это определение является главным итогом иссле-

дования (такие итоги обширнее, и в основном они перечислены в предыдущем пункте заключения). А теперь нам хотелось бы попытаться дать общую оценку институту остракизма. Оценки подобного рода и ранее давались в историографии, в связи с чем будет уместно привести некоторые из них, наиболее интересные и типичные.

Нередко об интересующем нас институте высказывались скорее негативные суждения. Так, Дж. Джоунс[1] полагал, что само существование остракизма стало возможным лишь благодаря некоторым органическим порокам греческого правосознания: отсутствию сколько-нибудь четкой границы между законодательной и судебной функцией народа, а также между санкцией закона и санкцией общественного мнения. С этим можно отчасти согласиться постольку, поскольку правосознание в условиях греческих полисов действительно имело ряд специфических черт, крайне далеких от привычных нам[2]. Другое дело, стоит ли считать эти черты обязательно признаками низкого уровня, примитивного характера греческого права или же скорее признаками просто его «инаковости» по отношению, скажем, к праву римскому. Это вопрос сложный, который не может быть сколько-нибудь подробно затронут в данной работе и требует специального анализа. Как бы то ни было, остракизм — действительно порождение греческого права, греческого правосознания и — шире — греческого менталитета. У римлян ничего подобного мы не найдем, а равным образом, как кажется, и у других народов как древнего мира, так и иных исторических эпох. Остракизм представляется нам уникально греческим явлением, не имеющим близких аналогий в прочих цивилизациях, и автор этих строк будет в высшей степени благодарен, если ему укажут, что это не так.

Несколько пренебрежительно, как нам показалось, оценивал остракизм С. Я. Лурье, полагавший, что этот институт «основан на наивной вере во всемогущество великих людей, на антрополатрии»[3]. Безусловно, в остракизме, как в институте, имевшем древнее происхождение и ритуальные корни, можно при желании найти черты, которые покажутся наивными на изощренный взгляд современного исследователя. Но ведь тогда придется объявить «наивным» и «примитивным» очень и очень многое в политической практике античности, например, прямую демократию, широкое применение жребия при выборе должностных лиц, систему огромных судов присяжных, состоящих из граждан-непрофессионалов и т. п.[4] Однако стоит ли столь уж снисходительно взирать на достижения древних греков в политической сфере, мерить их критериями наших дней? Многие элементы античных демократических

---

[1] *Jones J. W.* Op. cit. P. 119.

[2] О некоторых из этих черт нам приходилось писать ранее. См.: *Суриков И. Е.* О некоторых особенностях правосознания...

[3] *Лурье С. Я.* История античной общественной мысли... С. 154.

[4] Как это зачастую и делается. См., например: *Thür G.* Die athenischen Geschworenengerichte — eine Sackgasse? // AD. S. 321—331. В этой работе система афинских судей присяжных объявлена «примитивной» и «тупиковой».

политических систем представляются нам странными и чуждыми скорее не из-за своей пресловутой «примитивности», а потому, что они были порождены совершенно иными условиями, условиями полиса. Древнему греку тоже многое показалось бы странным и чуждым в политической практике современных государств, именующих себя демократическими. Так, он, вне сомнения, счел бы примитивной и вполне олигархической чертой практическое отсутствие реального участия рядового населения в определении государственной политики, когда масса граждан лишь раз в несколько лет — на выборах — имеет возможность высказать свое мнение, а в остальное время полностью отчуждена от политической жизни[5].

К. Кинцль[6] считал, что закон об остракизме был плохо продуман; введенный им институт лучше всего работал, как ни парадоксально, тогда, когда он не применялся и оставался «в ножнах» (507—487 гг. до н. э.), а будучи раз пущен в действие, он стал предметом злоупотреблений. Но ведь можно сказать, что любой институт в любом обществе лучше выглядит «на бумаге», чем в реальной жизни, где злоупотребления возможны всегда. Не прав исследователь и тогда, когда он утверждает, что закон об остракизме был единственным в афинской конституции, который вышел из употребления (ср. аналогичный пример: Arist.Ath.pol.60.2).

По мнению Дж.Кэмпа[7], остракизм в принципе, по своей задумке, был интересной идеей, но реально эта идея не работала, так как на деле влиятельные и могущественные политики использовали его для устранения своих соперников. Получается, что тот политический деятель, который в наибольшей степени был способен стать тираном и поэтому должен был, казалось бы, в первую очередь подвергнуться изгнанию, как раз оставался в полисе, а изгонялись политики более слабые и потому менее опасные. В данной точке зрения, бесспорно, есть свой резон. В 480-е гг. до н. э. жертвами остракизма стали, например, Гиппарх, сын Харма, и Мегакл, сын Гиппократа, хотя вряд ли эти двое вынашивали планы захвата тиранической власти, а Фемистокл не был изгнан, хотя влиятельнее (а, стало быть, и опаснее для демократии), чем он, в Афинах в тот момент не было никого. В 440-е гг. до н. э. в остракизм удалился Фукидид, сын Мелесия, а Перикл остался в городе и стал едва ли не единоличным правителем. И афинянам еще очень повезло, что это был Перикл, человек, насколько можно судить, твердых морально-политических принципов, преданный идее народовластия и в этом смысле являвшийся скорее исключением в среде современных ему лидеров[8]. Будь на его месте другой

---

[5] М. Хансен справедливо отмечает, что упреки по адресу античной демократии, исходящие из уст ее современных критиков, выглядят в наши дни все более лицемерными: *Hansen M. H.* Was Athens a Democracy? Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought. Copenhagen, 1989. P. 28.

[6] *Kinzl K. H.* Athens... P. 209.

[7] *Camp J. M.* The Athenian Agora... P. 57.

[8] Характерна, например, удивленная реакция молодого Алкивиада, узнавшего, что

деятель, менее скованный внутренними сдерживающими факторами, афинскому полису нелегко было бы избежать тирании. В 410-е гг. до н. э. политик, более других вызывавший опасения как потенциальный тиран, — Алкивиад — не был подвергнут остракизму, а жертвой его стал Гипербол, между тем как никому из афинян даже и во сне не привиделась бы абсурдная мысль о том, что этот человек сможет когда бы то ни было, при каких бы то ни было обстоятельствах претендовать на положение тирана.

И тем не менее в целом суждение Кэмпа представляется нам чрезмерно категоричным. Утверждать, что идея остракизма не работала, можно только в том случае, если слишком узко и односторонне понимать эту идею, видеть в остракизме исключительно инструмент борьбы с потенциальными тиранами. А между тем задачи остракизма уже изначально были шире. Как мы говорили выше, он был не только «лекарством от тирании» (которая, к слову скажем, в течение классической эпохи была скорее пропагандистским жупелом, нежели реальной серьезной угрозой для демократии), но также и гарантом против острых вспышек стасиса и дестабилизации политической жизни, а кроме того — средством общего контроля демоса над деятельностью аристократической политической элиты. Впоследствии он стал для граждан еще и средством выбора между лидирующими политиками и их линиями. И вот все эти функции остракизм, насколько можно судить, выполнял в большинстве случаев вполне успешно.

По вышеизложенным мотивам более оправданными представляются нам те оценки остракизма, которые уделяют больше внимания позитивным, конструктивным чертам этого института. Д. Кэген[9] убежден в том, что закон об остракизме — показатель величия Клисфена как государственного деятеля. Учрежденная законодателем процедура была, в сущности, мягкой и гуманной[10]; было сделано все, чтобы не допустить злоупотребление ею. Этой цели служили и достаточно большое число голосов, необходимое для признания остракофории состоявшейся, что должно было препятствовать вынесению произвольных, непродуманных решений, и относительно нетяжелый характер накладывавшейся санкции (десятилетнее, а не пожизненное изгнание, причем без атимии и конфискации имущества). При этом остракизм, о котором демос ежегодно напоминал элите посредством прохиротонии (независимо от того, проводилась ли реально в данный год остракофория или же к ней решали не обращаться), служил мощным сдерживающим фактором для политических лидеров, неким предупреждением, конституционной гарантией, не раз на протяжении V в. до н. э. спасавшей Афины от стасиса. Пока закон об остракизме оставался в силе и не

Перикл напряженно готовит отчет о своей деятельности для народного собрания (Plut.Alc.7). «А не лучше ли было бы ему подумать о том, как вообще не давать отчетов?» — сказал по этому поводу Алкивиад.

[9] *Kagan D.* The Origin and Purposes... P. 401.

[10] Об этом см. также: *Карпюк С. Г.* Клисфеновские реформы... С. 24; *Sinclair R. K.* Op. cit. P. 170.

стал еще мертвой буквой, разного рода подрывные группировки были слабы. А как только остракизм перестал применяться, афинский полис практически сразу был потрясен целой чередой переворотов и кровавых смут.

Практически все в таком подходе представляется верным. Хотелось бы оговорить только один нюанс. Может быть, не стоит ставить в столь прямую и непосредственную связь выход остракизма из употребления и активизацию деятельности подрывных группировок (гетерий). Это все-таки явления разного порядка, и соотношение между ними следует считать более опосредованным. Ведь остракизм был направлен отнюдь не против гетерий и вообще не против каких-либо группировок, а против личностей, причем личностей первостепенного значения, наиболее влиятельных в полисе. Большинство лидеров гетерий по своему политическому «весу» попросту не дотягивало до остракизма. Этот институт в последний период своего применения мог играть роль «острастки» для фигур масштаба Никия и Алкивиада, ну, допустим, еще Феака, но уже такие политики, как, например, Евфилет (глава гетерии, к которой принадлежал будущий оратор Андокид[11]), Писандр, Фриних и т. п., могли считать себя всецело вне сферы его действия. Не случайно имена этих последних не встречаются на острака.

Позитивные черты остракизма подчеркивает и Р. Томсен[12]. По его мнению, данный институт проявил себя как эффективный инструмент разрешения политических конфликтов в целом мирным путем. Он оказался благотворным для общества и в положительном смысле повлиял на стабильность афинской демократии в V в. до н. э. М. Лэнг также называет остракизм полезным и гуманным способом предотвращения раскола полиса в результате борьбы за власть[13].

Интересно в связи с вышесказанным затронуть вопрос о том, как оценивали институт остракизма сами античные авторы. Следует сразу сказать, что среди них, как и среди современных исследователей, мы не найдем единства по данному сюжету. Обнаруживаются суждения как позитивного, так и негативного плана.

В частности, самый ранний из дошедших до нас развернутых пассажей об остракизме имеет отчетливо критический характер[14]. Этот пассаж содержится в IV речи Андокида; соответственно, он относится к началу IV в. до н. э., к тому периоду, когда прошло еще совсем немного времени с момента последней остракофории и многие афиняне должны были на собственном опыте знать, о чем идет речь. Что же говорит об остракизме Андокид (или тот, кто скрывается под его именем) в своем политическом памфлете (Andoc.IV.3—6)?

---

[11] Об этой гетерии см.: *Никитюк Е. В.* Гетерия Эвфилета: К истории олигархического движения в Афинах в конце V в. до н. э. // АГ. С. 71—80.

[12] *Thomsen R.* Op. cit. P. 141—142.

[13] *Lang M.* Ostraka... P. 5. Отметим, что еще больше века назад о чем-то подобном писал в России К. Я. Люгебиль (*Люгебиль К. Я.* Ук. соч. С. 190).

[14] Ср.: *Heftner H., Scheidel W., Siewert P.* Op. cit. S. 491.

«Достоин порицания (Ἄξιον δὲ μέμψασθαι) тот, — начинает оратор свою критику остракизма, — кто установил такой закон, который ввел в практику действия, противные клятве народа и Совета. Там вы клянетесь никого не изгонять, не заключать в тюрьму, не казнить без суда; в настоящем же случае без формального обвинения, без права на защиту, после тайного голосования человек, подвергшийся остракизму, должен лишиться своего отечества на такое долгое время! Далее, в подобных обстоятельствах бо́льшим преимуществом, чем другие, располагают те, у кого много друзей среди членов тайных обществ и политических союзов (οἱ πολλοὺς τοὺς ἑταίρους καὶ συνωμότας κεκτημένοι). Ведь здесь не так, как в судебных палатах, где судопроизводством занимаются те, кто избран по жребию: здесь в принятии решения могут участвовать все афиняне. Кроме того, мне кажется, что этот закон устанавливает наказание, которое для одних случаев оказывается недостаточным, а для других — чрезмерным (τῷ μὲν ἐλλείπειν τῷ δ' ὑπερβάλλειν ὁ νόμος μοι δοκεῖ). В самом деле, если иметь в виду преступления, совершаемые против частных лиц, то я считаю, что это наказание слишком велико (μεγάλην τιμωρίαν); а если говорить о преступлениях, совершаемых против государства, то я убежден, что оно ничтожно и ровно ничего не стоит (μικρὰν καὶ οὐδενὸς ἀξίαν ἡγοῦμαι ζημίαν), коль скоро можно наказывать денежным штрафом, заключением в тюрьму и даже смертной казнью. С другой стороны, если кто-либо изгоняется за то, что он плохой гражданин, то такой человек и в отсутствие свое не перестанет быть плохим; напротив, в каком городе он ни поселится, он и этому городу будет причинять зло, и против своего родного города будет злоумышлять (ἐπιβουλεύσει) ничуть не меньше, а, быть может, даже и больше и с бо́льшим основанием, чем до своего изгнания. Я уверен, что в этот день, более, чем когда-либо, ваших друзей охватывает печаль, а ваших врагов — радость, ибо и те и другие понимают, что если вы по недоразумению удалите в изгнание гражданина, во всех отношениях превосходного (ἀγνοήσαντες ἐξελάσητε τὸν βέλτιστον), то в течение десяти лет город не получит от этого человека никакой услуги. Следующее обстоятельство позволяет еще легче убедиться в том, что закон этот плох (πονηρὸν ὄντα): ведь мы — единственные из эллинов, кто применяет этот закон (χρώμεθα), и ни одно другое государство не желает последовать нашему примеру (οὐδεμία τῶν ἄλλων πόλεων ἐθέλει μιμήσασθαι). А ведь лучшими установлениями (ἄριστα τῶν δογμάτων) признаются те, которые оказываются более всего подходящими и для демократии, и для олигархии и которые имеют более всего приверженцев»[15].

На первый взгляд критика кажется поистине уничтожающей[16]. Однако не будем забывать о некоторых немаловажных нюансах. Во-первых, перед нами памятник риторического жанра, у которого, как известно, были свои зако-

---

[15] Перевод Э. Д. Фролова.

[16] По поводу этой критики см.: *Siewert P.* Pseudo-Andokides or. 4 (gegen Alkibiades) als historische Quelle // Innere und äußere Integration der Altertumswissenschaften. Halle, 1989. S. 231.

ны. Если в риторике нужно было воздать кому-то (или чему-то) хвалу (энкомий), то ораторы не скупились на пышные, восторженные эпитеты. И, соответственно, если требовалось кого-то (или что-то) порицать (псогос), то они не жалели максимально черных красок. Полутона не допускались. Кстати, вся IV речь Андокида «Против Алкивиада», в сущности, принадлежит именно к жанру псогоса, и в дальнейшем Алкивиад изображается в ней каким-то зверем в человеческом облике (подробнее о содержании речи см. ниже, в Приложении I).

Во-вторых, памятник, о котором идет речь, относится не просто к риторическому жанру. Это — политический памфлет, тенденциозный и субъективный до степени nec plus ultra. Ожидать в подобном произведении взвешенных, осторожных суждений не приходится: речь буквально пылает духом вражды.

В-третьих, если автором речи действительно является Андокид (а это все-таки наиболее вероятно), то к ней должно относиться то, что мы знаем об особенностях творческого стиля данного автора. Среди таких особенностей — крайне вольное обращение с историческими фактами и реалиями, вплоть до их прямого искажения. Примеры этого подхода несложно обнаружить и в только что процитированном пассаже. Так, оратор называет остракизм наказанием, каковым этот институт не являлся (о чем у нас подробнее шла речь в гл. IV, п. 3). Далее, он явно преувеличивает роль гетерий на остракофориях. Гетерии были небольшими политическими группировками, и даже совокупное голосование нескольких таких объединений (в случае какого-нибудь «сговора» между ними) не могло по-настоящему существенно повлиять на исход остракофории (мы попытались продемонстрировать это в связи с остракизмом Гипербола, см. в гл. I). И уж явно ложным представляется указание на то, что якобы ни один другой полис, кроме Афин, не применяет остракизм. Из трудов других авторов (Аристотеля, Диодора, схолиаста к Аристофану) известно об остракизме или аналогичных процедурах в целом ряде греческих государств (подробнее см. ниже, в Приложении II). Но что до всего этого нашему памфлетисту, коль скоро нужно навязать аудитории свою — отнюдь не бесспорную — точку зрения!

Нетрудно заметить, кроме того, что фактически Андокид (хотя он и пытается завуалировать это рассуждениями об общем благе) оценивает остракизм не с точки зрения интересов всего гражданского коллектива, а с позиции членов аристократической элиты, которым эта мера грозила в первую очередь. Понятно, что политическим лидерам — аристократам — была не слишком-то симпатична такая ситуация, при которой демос мог своим решением на длительный срок исключить любого из них из общественной жизни. И взгляды и отражает автор речи. Иными словами, не следует воспринимать негативную оценку института остракизма Андокидом как общепринятую в его дни или хотя бы влиятельную. Она скорее парадоксальна и эпатажна. И если в какой-то исторический момент подобная точка зрения могла найти некоторое понимание у более широких слоев граждан, а не только у аристократов,

это могло случиться, подчеркнем, именно тогда и только тогда, когда рассматриваемый памятник был составлен. На психологическом уровне в начале IV в. до н. э. еще существовало определенное «отчуждение» от остракизма, вызванное неудачной остракофорией 415 г., и более объективный и взвешенный взгляд на институт как таковой еще не выработался.

Такой взгляд начал вырабатываться уже в течение следующих десятилетий. Ближе к концу IV в. до н. э. мы обнаруживаем ряд оценочных суждений об остракизме в трудах Аристотеля, и эти суждения, естественно, стоят на гораздо более высоком уровне, нежели эмоциональные восклицания Андокида. Прежде всего, они научны, вызваны стремлением отыскать истину, а не целями политической борьбы. Далее, они спокойны: чувствуется, что остракизм уже де-факто отошел в прошлое, перестал быть актуальной и злободневной темой. К тому же Стагирит пытается отметить как негативные, так и позитивные черты остракизма.

В «Афинской политии» (22.1) отмечается, что, издавая закон об остракизме, «Клисфен имел в виду интересы народа (στοχαζόμενον τοῦ πλήθους)». Соответственно, остракизм стал активно применяться тогда, когда народ «осмелел» (θαρροῦντος ἤδη τοῦ δήμου) после Марафонской битвы (Ath.pol.22.3). Но в наиболее общей форме оценка остракизма дается Аристотелем в «Политике» (1284a4 sqq.)[17]. Философ обращает внимание на то, что функционирование остракизма в полисных условиях вызвано объективными и неизбежными факторами, а именно стремлением государств избавиться от граждан, чрезмерно «выделяющихся» из числа остальных и тем самым нарушающих соразмерность целого. Эта проблема оказывается актуальной для любых типов политических систем (олигархий, демократий, тираний), и все они вынуждены искать различные пути ее решения. Как пишет Стагирит, «вообще вопрос этот стоит перед всеми видами государственного устройства, в том числе и перед правильными (περὶ πάσας ἐστὶ τάς πολιτείας, καὶ τὰς ὀρθάς). Правда, в тех видах государств, которые являются отклонениями (παρεκβεβηκυῖαι), применение этого средства делается ради частных выгод, но оно в равной степени находит себе место и при государственных устройствах, преследующих общее благо (περὶ τὰς τὸ κοινὸν ἀγαθὸν ἐπισκοπούσας)»[18]. Таким образом, и сам Аристотель оказывается стоящим на тех же позициях, весьма распространенных в полисном мире с его идеалом меры и гармонии. В результате, в целом без всякого восторга относясь к остракизму, он тем не менее отмечает: «там, где дело идет о неоспоримом превосходстве, мысль об остракизме находит некое справедливое оправдание (κατὰ τὰς ὁμολογουμένας ὑπεροχὰς ἔχει τι δίκαιον πολιτικὸν ὁ λόγος ὁ περὶ τὸν ὀστρακισμόν)... Итак, ясно, что при тех видах государственного устройства, которые представляют собой отклонения, остракизм, как

[17] По поводу этого пассажа и содержащихся в нем оценочных суждений см. наиболее подробно: *Raubitschek A. E.* Aristoteles... Passim; *Heftner H.* T 34—38. Aristoteles, Politika. Zusammenfassende Betrachtung der Ostrakismos-Zeugnisse // OT. S. 444—446.

[18] Цитаты из «Политики» здесь и далее в переводе С. А. Жебелева.

средство, выгодное для них, полезен и справедлив; но ясно и то, что, пожалуй, с общей точки зрения остракизм не является справедливым (ἐν μὲν οὖν ταῖς παρεκβεβηκυίαις πολιτείαις ὅτι μὲν ἰδίᾳ συμφέρει καὶ δίκαιόν ἐστι, φανερόν, ἴσως δὲ καὶ ὅτι οὐχ ἁπλῶς δίκαιον, καὶ τοῦτο φανερόν)».

Видно, что автор «Политики» сталкивается с затруднениями, пытаясь дать оценку остракизму, колеблется. Вводя категорию «справедливого», он не без удивления обнаруживает, что остракизм одновременно и соответствует этой категории, и противоречит ей. Аристотель вынужден постоянно оговаривать, что остракизм находит себе оправдание преимущественно в «отклоняющихся» государственных устройствах. В идеальном же государстве (ἐπὶ τῆς ἀρίστης πολιτείας) этот институт не должен найти себе места, и в нем, если появится гражданин, намного превосходящий остальных, не останется ничего другого, как сделать его пожизненным царем. Однако любой разговор об идеальном государстве мог в реалиях того времени иметь лишь теоретический интерес; в реальности же приходилось жить, естественно, именно в «отклоняющихся» политиях. По отношению к ним тезисы Аристотеля сохраняют всю свою силу: остракизм оказывается необходимым и неизбежным, пусть и далеко не совершенным средством. Сочетание «справедливых» и «несправедливых» черт в остракизме постоянно тревожит философа; в другом месте «Политики» (1302b15 sqq.) он указывает, что, чем прибегать к остракизму, «было бы лучше уже с самого начала следить за тем, чтобы в государстве не появлялись люди, столь возвышающиеся над прочими (τοσοῦτον ὑπερέχοντες), нежели, допустив это, потом прибегать к лечению (ἰᾶσθαι)». Итак, остракизм — в некотором роде «лекарство», хотя лекарство, конечно, горькое. Аристотель, таким образом, стремится высказать максимально взвешенное и объективное суждение об остракизме, оттеняющее в нем как позитивные, так и негативные стороны. И все-таки, по большому счету, остракизм остается для него загадкой. Для того, чтобы разгадать эту загадку, необходимо было выйти за пределы полисного менталитета, посмотреть на него извне, чего Стагирит сделать не мог, да и не хотел.

Отрицательно оценивают остракизм римские авторы, упоминавшие о нем в I в. до н. э. — I в. н. э.: Цицерон (Tusc.V.105; De amic.42) и Корнелий Непот (Them.8; Aristid.1; Cim.3), Мусоний Руф (fr.9 Hense). Они не видят в этом институте ничего кроме бессмысленной зависти, ненависти и неблагодарности афинских граждан к своим выдающимся государственным деятелям и полководцам. И действительно, ничего не могло быть более чуждого римским воззрениям на государство, личность, политического лидера, чем остракизм[19]. Но ведь в Риме никогда и не было такой полномасштабной демократии, как в Афинах.

Совсем иначе смотрит на остракизм Плутарх, который, хотя и жил уже в римскую эпоху, но рассуждал и писал всецело в рамках греческой этико-политической мысли. Он считает остракизм не проявлением зависти к выдаю-

[19] Как уже справедливо отмечалось: *Runciman W. G.* Op. cit. P. 346.

щимся людям, а, напротив, «средством утишить и уменьшить зависть» (Plut.Them.22: παραμυθία φθόνου καὶ κουφισμός). В другом месте (Aristid.7) херонейский биограф говорит о том, что остракизм «по сути дела оказывался средством утишить ненависть, и средством довольно милосердным: чувство недоброжелательства находило себе выход не в чем-нибудь непоправимом, но лишь в десятилетнем изгнании того, кто это чувство вызвал (ἦν δὲ φθόνου παραμυθία φιλάνθρωπος, εἰς ἀνήκεστον οὐδέν, ἀλλ' εἰς μετάστασιν ἐτῶν δέκα τὴν πρὸς τὸ λυποῦν ἀπερειδομένου δυσμένειαν)». Таким образом, Плутарх делает упор на гуманном характере остракизма, имея в виду, что в условиях внутриполитической борьбы в полисе влиятельный гражданин мог подвергнуться и гораздо худшей участи, нежели просто десятилетнее изгнание. В этом он, кстати, совершенно прав: известно о действительно жестоких расправах афинян над собственными политическими лидерами. Припомним еще и о том, что, как мы писали выше (гл. IV, п. 3), именно Плутарх особенно настаивает на «почетном» характере остракизма, который в определенных ситуациях мог выглядеть как «почесть». Таким образом, чем больше времени проходило с эпохи реального функционирования остракизма, тем больше позитивных сторон находили в нем античные авторы и тем больше затушевывались, отходили на задний план недостатки института и его издержки.

Это высказанное нами положение подтверждается и на материале еще одного автора эпохи «второй софистики» — выдающегося ритора Элия Аристида (II в. н. э.). Аристид стремится дать такую оценку остракизма, в рамках которой этот институт не выглядел бы чем-то исключительно негативным. Указывая на отрицательные стороны остракизма, Аристид подчеркивает в то же время и вполне законный, легитимный характер этой меры. Так, он пишет (XLVI.p.242—243 Jebb = II.p.316—317 Dindorf): «Фемистокл и Кимон были изгнаны остракизмом. Но это случилось не по причине ненависти или враждебности (οὐ μῖσος οὐδ' ἀλλοτρίωσις) народа к ним, а просто был у них закон на этот счет (ἦν νόμος αὐτοῖς περὶ ταῦτα), по которому что-то подобное было положено (допускаю, что закон этот не слишком похвален). Таким образом, их проступок не был неизвинительным (οὐκ ἀπαραίτητον), а имел как бы вид благопристойности по отношению к этим людям (ὡς ἐν τούτοις εὐπρέπειαν): ведь все происходило, как я сказал, по закону (νόμῳ). Закон же был таков: чрезмерно влиятельных подвергали унижению, изгоняя на десять лет, но при этом не прибавляли каких-либо обвинений, изобличений или гнева... Так что же, справедливо поступали афиняне, изгоняя Кимона и Фемистокла? Я бы так не сказал, однако они и не совершали чего-то уж совершенно постыдного (οὐδ' ἀναίσχυντά γε παντελῶς): и у изгонявших было некоторое оправдание (παραίτησιν), и для изгнанных случившееся с ними несчастье не влекло за собой позора...» Обратим внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, Аристид настойчиво подчеркивает, что изгнание остракизмом проводилось согласно закону, на законном основании, и уже в этом заключается некоторое оправдание для самого мероприятия. Пусть закон этот не похвален, пусть он даже несправедлив, но это — закон, и нельзя чрезмерно порицать тех, кто ему

следует. Очевидно, греческий ритор, живший в реалиях Римской империи, уже в определенной мере проникся римским правовым сознанием (dura lex, sed lex). А может быть, здесь и другой нюанс: остракизм — суровая, но *законная* мера — противопоставляется Аристидом проявлениям беззакония и произвола, которые должны были быть знакомы ему не понаслышке. Во-вторых, цитировавшийся автор говорит о том, что остракизм не был связан с каким-то гневом на его жертв, выражался лишь в изгнании, а не в чем-то более тяжелом. Здесь звучат те же нотки, что и у Плутарха. Остракизма Аристид не оправдывает, но, в общем, и не осуждает.

Элию Аристиду следует позднеантичный писатель Евнапий (Vitae soph.XXI.2.1), который пишет, что закон об остракизме у афинян «гласил только о том, чтобы изгонять людей из города, а больше никакого наказания к этому не прибавлялось». Здесь речь идет о той же относительной мягкости обсуждаемой меры, которая противопоставлялась произволу, царившему в эпоху жизни автора, когда ни в чем не повинные люди зачастую подвергались по приказу императоров куда более жестоким карам (в данном случае речь идет о ссылке в IV в. н. э. врача Орибасия, друга императора Юлиана, пострадавшего от его преемников).

Впоследствии, в византийской традиции, возобладало негативное отношение к остракизму. Об этом институте уже мало что помнили, передавали его сущность с большими искажениями и при этом подчеркивали несправедливость и бесчеловечность такой меры, как изгнание выдающихся людей фактически за их заслуги и достоинства, а не за пороки. Именно такими тонами, проникнуты, например, рассуждения об остракизме, встречающиеся у Иоанна Цеца, Феодора Метохита и др. Не случайно в это время все чаще начинают вспоминать пресловутую историю об Аристиде и незнакомом с ним крестьянине, желающем изгнать этого политического деятеля исключительно за его «чрезмерную» справедливость. История эта разукрашивается все новыми риторическими подробностями (см. выше, гл. III, п. 5) и совершенно отрывается от какой-либо реальности. Строго говоря, оценочные суждения византийских авторов по поводу остракизма гораздо больше говорят о них самих и их времени, нежели об этом институте политической системы классической афинской демократии. Понятно, например, что для Метохита тема несправедливых страданий достойных людей оказывалась особенно актуальной в свете его собственной бурной карьеры, сопровождавшейся и взлетами, и падениями.

В целом можно заметить, что возможно два основных взгляда на остракизм: с точки зрения индивида и с точки зрения гражданской общины, коллектива, государства. И вполне естественно, что эти взгляды окажутся противостоящими друг другу. Аристократическая личность в условиях демократии не может оценить остракизм иначе, как отрицательно, поскольку именно по ней в первую очередь наносит удар рассматриваемая процедура. Проявлением именно этой, «индивидуалистической» оценки остракизма является, например, IV речь Андокида. С других позиций смотрит на остракизм Аристотель: он исходит из интересов полиса в целом и в результате приходит к выводу,

что, каким бы несимпатичным ни был этот институт как таковой, в нем есть несомненная необходимость и правомерность, поскольку он при всех своих недостатках позволяет защищать целое от «несоразмерности» отдельных его частей, то есть, переводя на язык современных категорий, противостоять индивидуалистическим тенденциям, направленным на подрыв полисного коллективизма. Плутарх в своем описании остракизма пытается совместить оба подхода к проблеме, указывая на то, что «суд черепков» для массы граждан оказывался благотворным, смягчая их зависть и ненависть к лидерам, а для этих последним — достаточно мягким и не губительным. Впрочем, херонейский биограф и здесь, как почти везде, достаточно поверхностен.

Аристотель, пожалуй, глубже, чем кто-либо в античности, посмотрел на остракизм (это нам приходится повторять уже не в первый раз). Он уловил и изложил, — конечно, на языке своего времени, — исключительно важные характеристики данного института. Возникновение остракизма было возможно только в полисных рамках, причем в определенных исторических условиях, в обстановке борьбы индивидуалистической и коллективистской тенденций. Эта тема всегда была актуальна для полиса; именно ее имеет в виду Стагирит, когда говорит о соразмерности частей целого. Остракизм из двух названных тенденций воплощал, бесспорно, коллективистскую. И в ее контексте он был, вне всякого сомнения, правомерен, логичен и конструктивен.

И еще один момент следует отметить, когда мы говорим, что остракизм — порождение полиса. Знаменательным представляется мимоходом высказанное суждение такого выдающего мыслителя, как Платон (Gorg.516d). Говоря о Кимоне, этот философ указывает, что афиняне «подвергли его остракизму, чтобы десять лет не слышать его голоса (ἵνα αὐτοῦ δέκα ἐτῶν μὴ ἀκούσειαν τῆς φωνῆς)». На этот нюанс необходимо обратить внимание[20]. В условиях политической жизни полиса — с его прямым народоправством и отсутствием средств массовой информации — громадную роль играла непосредственная устная коммуникация: именно на ее уровне осуществлялось общение лидеров, членов элиты с массой демоса. Афины V в. до н. э. были — даже при широком распространении грамотности — в первую очередь миром устного, а не письменного слова. В подобной ситуации единственным по-настоящему эффективным способом обезвредить политического противника было удаление его из полиса (через изгнание, в конце концов через казнь): только таким образом можно было пресечь его контакты с гражданским коллективом, но зато уж этот средство оказывалось действующим безошибочно: стоило политику оказаться за пределами полисной территории (пусть даже без какого-либо ущемления в правах, без атимии, как при остракизме) — и он терял всякую возможность оказывать влияние на политическую жизнь. Институт остракизма и прямая полисная демократия оказываются неразрывно связаны.

---

[20] Ср.: *Jones J. W.* Op. cit. P. 119; *Finley M. I.* Politics... P. 29, 55, 118—119; *Scheidel W.* T 36. Aristoteles, Pol. 3, 1288a24—26 (ca. 347—336 v. Chr.): Ostrakismos als Maβnahme gegen herausragende Persönlichkeiten // OT. S. 432—434; *Грант М.* Ук. соч. С. 101.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

О IV РЕЧИ КОРПУСА АНДОКИДА

Одним из наиболее загадочных (мы сказали бы даже, одним из самых странных) нарративных памятников, имеющих отношение к истории остракизма и в целом к внутриполитической истории Афин эпохи Пелопоннесской войны, является речь «Против Алкивиада», входящая под четвертым номером в корпус сочинений оратора Андокида. Как известно, Андокид отнюдь не занимает почетного места в каноне десяти классических мастеров красноречия; скорее, напротив, он признается едва ли не самым слабым из этой «десятки». Собственно, и на стезю оратора он вступил не по внутренней склонности или призванию, а, можно сказать, почти случайно, под влиянием чисто внешних обстоятельств, определивших его политическую карьеру[1]. Соответственно, не относится он и к числу сколько-нибудь плодовитых древнегреческих авторов и по объему сохранившегося литературного наследия не может идти ни в какое сравнение, скажем, с Лисием, Исократом, тем более с Демосфеном. До нас дошло под именем Андокида лишь четыре речи[2], неодинаковых по объему и представляемой ценности. Первая из них — большая речь «О мистериях»; это, бесспорно, лучшее произведение Андокида, один из важнейших источников, повествующих о религиозно-политических судебных процессах, имевших место в Афинах в 415 г. до н. э. (сам Андокид был непосредственным участником этих событий). Затем следуют речи «О своем возвращении» и «О мире с лакедемонянами», меньшие по объему и значительно уступающие первой по художественным достоинствам и по информативности. Но наибольшее значение для нас в контексте настоящего исследования имеет четвертая речь корпуса Андокида.

Эта речь «Против Алкивиада» порождает весьма значительное количество проблем и сложностей, встающих перед исследователями. Если исходить исключительно из текста речи, не привлекая пока никаких соображений внешнего порядка, контекстом ее произнесения оказывается последняя афинская остракофория[3], которую мы выше датировали 415 годом до н. э. А само лицо, произносящее речь, выступает как один из основных «кандидатов» на изгнание, наряду с Алкивиадом и Никием (имя Гипербола, как ни па-

---

[1] В целом о жизни и деятельности Андокида см.: *Фролов Э. Д.* Социально-политическая борьба в Афинах в конце V века до н. э. Л., 1964; *Никитюк Е. В.* Оратор Андокид и процессы по обвинению в нечестии (асебейа) в Афинах на рубеже V—IV вв. до н. э. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1996. Вып. 3. С. 23—36.

[2] А также несколько незначительных и малосодержательных фрагментов из несохранившихся речей.

[3] *Eder B., Heftner H.* T 18. [Andokides] 4, 2—8 (ca. 400—395 v. Chr.): politische und verfassungsrechtliche Kritik an der Institution des Ostrakismos (416 v. Chr.) // OT. S. 286.

радоксально, в памятнике даже не упоминается). Таким образом, данный текст имеет к остракизму не просто самое непосредственное отношение, но, пожалуй, более непосредственное, нежели какое-либо другое произведение античной нарративной традиции[4]. Целесообразно поэтому кратко остановиться на содержании интересующего нас сочинения.

Речь, как водится, начинается с риторического вступления, «зачина» общего характера (IV.1—2), в котором говорящий (мы не будем называть его Андокидом, поскольку, как увидим ниже, вопрос о том, кто в действительности произносит речь, в высшей степени сложен и спорен) указывает на трудности и опасности, характерные для жизни политического деятеля, и в то же время подчеркивает позитивную роль политиков в государстве. Тут же обрисовывается общая ситуация момента: идет «состязание» (ἀγών), результатом которого станет десятилетнее изгнание одного из участников, а участниками этими являются Алкивиад, Никий и сам говорящий.

Затем (IV.3—6) следует развернутая и жесткая критика института остракизма, на характеристике которой мы подробнее останавливаемся в заключении к данной работе. Остракизм объявляется установлением, противоречащим общепринятым правовым принципам, а, кроме того, предоставляющим широкий простор для деятельности гетерий и ударяющим в первую очередь по лучшим гражданам, но в то же время не наносящим существенного вреда дурным. Здесь же говорится о том, что якобы ни в одном другом полисе, кроме Афин, остракизм не практикуется.

В следующем отрезке речи, представляющем собой ее основную часть, активно используется аргументация, характерная для памятников судебного красноречия. Перед ответчиком в дикастериях стояли две основные задачи: во-первых, оправдаться от возводимых на него обвинений, а во-вторых — максимально дискредитировать в глазах судей обвинителя. Именно по таким канонам строится изложение и в интересующем нас тексте. Вначале (IV.7—9) говорящий призывает слушателей к объективности и беспристрастию во время выступлений сторон, кратко опровергает обвинения в своей «ненависти к демосу» и «склонности к распрям» (μισοδημίας καὶ στασιωτείας); под этими категориями, бесспорно, следует понимать антидемократические убеждения и участие в подрывных группировках типа гетерий. Главным доводом для произносящего речь служит тот факт, что он выдержал уже четыре судебных процесса и во всех был оправдан, а, следовательно, заведомо является невиновным.

Очень недолго задержавшись, таким образом, на собственной персоне, говорящий далее переходит к решительной атаке на своего главного противника — Алкивиада (о Никии вплоть до конца речи он вообще больше не вспоминает). Следует обширная инвектива против Алкивиада (IV.10—34), предс-

[4] Ср.: *Heftner H.* T 18—21. [Andokides] 4: zusammenfassende Betrachtung der Ostrakismos-Zeugnisse // OT. S. 326. Именно поэтому в сводке свидетельств об остракизме (Приложение IV) мы приводим русский перевод речи не в выдержках, а полностью.

тавляющая собой, по сути дела, главное в ней, концентрирующая в себе основное содержание памятника. В рамках данной инвективы Алкивиад обвиняется во всех мыслимых и немыслимых грехах; перед нами — типичный псогос, хула, не знающая полутонов, риторический жанр, цель которого — максимально очернить противника, не оставить от его репутации камня на камне, представить дело таким образом, что все в нем — от происхождения до повседневного поведения — противоречит качествам, требуемым от достойного и благонамеренного гражданина. Естественно, эта часть речи переполнена указаниями на разного рода факты, буквально изобилует ими. Но насколько эти обрисовываемые автором факты достоверны — отдельный вопрос. Бесспорно, в контексте псогоса нельзя было от конца и до начала выдумать *все* обвинения; это подорвало бы доверие слушателей к убедительности речи. За основу должны были быть взяты какие-то реальные события из жизни порицаемого лица (а надо сказать, что Алкивиад был более, чем кто-либо в Афинах, уязвим в этом отношении, поскольку действительно чрезвычайно часто оказывался замешанным в скандальные ситуации). Но эти события, естественно, до крайности раздувались, тенденциозно преувеличивались, к ним присовокуплялись откровенно клеветнические измышления. Псогос представлял собой, таким образом, причудливую смесь действительности и вымысла.

Главное, в чем обвиняет говорящий Алкивиада, — его πλεονεξία и ὑπερηφανία (IV.13), то есть именно те качества, которые, как считалось, делают политика особенно опасным для сограждан и, следовательно, имеют самое прямое отношение к остракизму. Именно Алкивиад наиболее подходит для того, чтобы стать жертвой остракофории, — таков лейтмотив всей инвективы. Под этим углом зрения рассматривается вся его политическая карьера, а также и личная жизнь. В том отрезке речи, которым мы сейчас занимаемся, присутствует, помимо сведений непосредственно об Алкивиаде, также ряд чрезвычайно интересных указаний на некоторые остракофории, имевшие место в течение V в. до н. э. Так, сообщается об остракизмах Каллия, сына Дидимия (IV.32), Кимона (IV.33), Мегакла, сына Гиппократа, и Алкивиада Старшего (IV.34). Подчас эта информация оказывается просто уникальной. Так, об изгнании остракизмом Каллия, сына Дидимия вообще не говорится больше ни в одном памятнике, кроме IV речи корпуса Андокида.

После инвективы против Алкивиада (мы не будем пересказывать в деталях ее содержания, поскольку это не имеет прямого отношения к истории остракизма) говорящий переходит к заключительной части речи (IV.35—42). В ней он, дав краткую характеристику целям введения закона об остракизме, как он их понимал, сравнивает себя и Алкивиада как граждан и, само собой, приходит к выводу, что именно Алкивиад, а не сам говорящий, заслуживает изгнания. Помимо прочего, он по традиции упоминает о собственных заслугах, перечисляя благодеяния, оказанные им полису. «Побывав послом в Фессалии и в Македонии, в Молоссии и в Феспротии, в Италии и в Сицилии, я примирил с нашим государством одних, я расположил в нашу пользу других, я заставил отложиться от наших врагов третьих. Если бы каждый из ваших

послов сделал столько же, сколько я, вы имели бы немного врагов и у вас было бы много союзников. О своих литургиях я не считаю нужным упоминать: скажу только, что все повинности я всегда оплачивал не из общественных средств, а из своих собственных. Впрочем, я выходил победителем и на состязаниях в мужской красоте, и на состязаниях в беге с факелами, и при постановке трагедий...»

Завершая общий очерк содержания интересующей нас речи, нельзя не отметить, что перед нами в целом весьма информативный памятник. Да, он чрезвычайно субъективен и тенденциозен. Но разве нельзя сказать того же самого, например, о речах Демосфена и Эсхина, произносившихся в процессах о преступном посольстве и о венце? В сущности, это — тоже обширные псогосы, переполненные порой просто-таки площадной бранью. И тем не менее все согласятся с тем, что эти речи входят в группу важнейших и ценнейших источников по истории внутриполитической борьбы в Афинах второй половины IV в. до н. э., по греко-македонским отношениям и др. Можно ли аналогичным образом относиться к IV речи корпуса Андокида? Сразу следует сказать, что здесь мы попадаем в значительно более сложную ситуацию. Дело в том, что, во-первых, очень мало кто из исследователей признает действительную принадлежность рассматриваемого произведения перу Андокида[5]. Подавляющее же большинство антиковедов решительно отрицают его авторство (кстати, именно поэтому мы, излагая содержание речи, старались воздерживаться называть то лицо, которое ее произносит, Андокидом). Именно эта точка зрения, согласно которой речь не принадлежит Андокиду, является в настоящее время абсолютно преобладающей[6]. Предпочитают, таким образом, говорить о произведении не Андокида, а «Псевдо-Андокида».

---

[5] Авторство Андокида признается (или, по крайней мере, допускается) в работах: *Raubitschek A. E.* The Case against Alcibiades...; *Idem.* Athenian Ostracism... P. 117; *Furley W. D.* Op. cit.

[6] *Maidment K. J.* Op. cit. P. 534 ff.; *Burn A. R.* A Biographical Source on Phaiax and Alkibiades? ([Andokides] IV and Plutarch's Alkibiades) // ClQ. 1954. V. 4. № 3/4. P. 138—142; *Feraboli S.* Lingua e stile della orazione «Contro Alcibiade» attribuita ad Andocide // SIFC. 1972. V. 44. P. 5—37; *Idem.* Ancora sulla IV orazione del Corpus andocideum // Maia. 1974. V. 26. Fasc. 3. P. 245—246; *Rosivach V. J.* Op. cit. P. 162; *Siewert P.* Pseudo-Andokides... Passim; *Rhodes P. J.* The Ostracism of Hyperbolus... P. 88—91; *Heftner H.* Ps.-Andokides' Rede gegen Alkibiades ([And.] 4) und die politische Diskussionen nach dem Sturz der «Dreißig» in Athen // Klio. 1995. Bd. 77. S. 75—104; *Idem.* Die pseudo-andokideische Rede «Gegen Alkibiades» ([And.] 4) — ein authentischer Beitrag zu einer Ostrakophoriedebatte des Jahres 415 v. Chr.? // Philologus. 2001. Bd. 145. Ht. 1. S. 39—56; *Gribble D.* Rhetoric and History in [Andocides] 4, Against Alcibiades // ClQ. 1997. V. 47. № 2. P. 367—391; *Eder B., Heftner H.* T 18—21. [Andokides] 4, Gegen Alkibiades. Vorbemerkungen: Verfasserschaft und Abfassungszeit der Rede // OT. S. 277; *Фролов Э. Д.* Из истории... С. 23—25; *Карпюк С. Г.* Гипербол... С. 150.

Что же приводит ученых к столь единодушному мнению? Следует сказать, что вопрос об авторстве речи обычно решается не на основе внутренней критики текста — выявлении отличий в словоупотреблении, стиле и пр. от аутентичных речей Андокида; напротив, как раз этим-то, по сути, никто всерьез не занимался. Собственно, в этом и не было нужды. Считается, что уже методов внешней критики, причем в самом первом приближении, достаточно, чтобы опровергнуть принадлежность речи тому автору, которому она оказалась приписана. И действительно, очень легко заметить, что те сведения, которые сообщает о себе говорящий в речи «Против Алкивиада», полностью противоречат фактам, известным из жизни Андокида, разительно расходятся с этими последними. Прежде всего, Андокид никогда в своей жизни не подвергался опасности остракизма, не рассматривался как потенциальная жертва этой меры и ни при каких обстоятельствах не мог выступать в этом отношении соперником Алкивиада и Никия: это просто были фигуры несоизмеримого с ним политического веса. Совершенно не удивительно, более того, вполне естественно, что ни на одном остраконе из многих тысяч известных не появляется имя будущего оратора[7].

В период последней остракофории, в 415 г. до н. э., Андокид был еще совсем молодым человеком; он входил в гетерию Евфилета в качестве рядового члена и вряд ли вообще занимался в то время сколько-нибудь активной политической деятельностью. Он явно не мог к моменту остракизма уже оказаться в роли обвиняемого (и оправданного) на четырех судебных процессах политического характера. Никак не могут относиться к Андокиду и заявления лица, произносящего речь, об участии в многочисленных посольствах («в Фессалии и в Македонии, в Молоссии и в Феспротии, в Италии и в Сицилии»), о литургиях, о победах в состязаниях и т. п.

Итак, со страниц речи «Против Алкивиада» перед нами предстает отнюдь не Андокид, а кто-то совсем другой. Кто же это мог быть? Какой политик мог на остракофории 415 г. до н. э. считаться достойным соперником основных «кандидатов» на изгнание и при этом иметь репутацию гражданина, отличившегося, помимо прочего, в дипломатической деятельности? Ответ на этот вопрос уже найден. Известно, что в связи с остракизмом, результатом которого было изгнание Гипербола, античные авторы упоминают не только Никия, Алкивиада и самого Гипербола, но и еще одно лицо (хотя и реже). Речь идет о Феаке, сыне Эрасистрата, из Ахарн, еще одном достаточно молодом, но уже имевшем и популярность и амбиции политическом лидере-аристократе, в чем-то напоминавшем Алкивиада и действовавшем, насколько можно судить, теми же методами, что и этот последний (авторы, сообщающие о причастности Феака к последней остракофории: Theophr.fr.139 Wimmer;

[7] При этом на многих острака прочитаны имена целого ряда предков и родственников Андокида, как по мужской, так и по женской линиям. Данный факт вполне объясним: Андокид принадлежал к исключительно знатному роду, члены которого десятилетиями входили в самый верхний слой афинской политической элиты.

Plut.Alc.13; Nic.11)[8]. Имя Феака появляется на 5 из известных на сегодняшний день остраконов. Если учесть, что от последней остракофории в целом дошло весьма незначительное число черепков-«бюллетеней», то это не так уж и мало. Для сравнения: с именем Гипербола известно лишь 3 остракона (а ведь он подвергся остракизму!), с именем Никия — вообще только 1, с именем Алкивиада — 5[9].

Из другого, в высшей степени достоверного источника (Thuc.V.4—5) известно, что Феак был главой афинского посольства в полисы Сицилии и Италии[10]. Эта информация полностью совпадает с тем, что сообщает о себе говорящий в IV речи корпуса Андокида. Наконец, такой аргумент. Плутарх в одной из своих биографий (Alc.13) цитирует речь «Против Алкивиада», о которой идет речь в данном приложении. Херонейский биограф, судя по всему, вообще хорошо был знаком с этим памятником, использовал многие данные из него при описании жизни Алкивиада (к сожалению, некритично подходя к этим тенденциозным данным). Так вот, цитируя речь, Плутарх называет ее не речью Андокида, а именно речью Феака «Против Алкивиада». Итак, сомнений быть не может: в античную эпоху, по крайней мере, частью авторов интересующий нас текст рассматривался как написанный Феаком.

Так что же, до нас действительно дошла речь Феака? Это было бы, конечно, блестяще: ведь оказался бы открыт новый, ранее неизвестный античный автор. Но, увы, это тоже не соответствует действительности. Перед нами даже и не Феак, а «Псевдо-Феак». То есть речь, несомненно, писалась от его имени, ее автор (кто бы им ни был) имел в виду именно Феака как лицо, произносящее речь. Таким образом, во всем предыдущем изложении мы можем смело заменить осторожное «говорящий» на имя «Феак». Но это не решает вопросов ни об авторстве речи, ни о ее аутентичности и достоверности содержащегося в ней материала. Ясно, во всяком случае, что сам Феак речь не писал, да и не произносил.

Дело в том, что по ряду достаточно очевидных обстоятельств можно с полной уверенностью утверждать: памятник, который здесь рассматривается, вообще не является аутентичной речью, произнесенной на остракофории 415 г. до н. э. Это тоже выявляется методами чисто внешней критики. Прежде всего, как говорилось выше (гл. III, п. 1), никаких речей в ходе проведения остракизма не произносилось. Процедура этого мероприятия — а ее общая

---

[8] Ср.: *Bloch H.* Theophrastus' Nomoi... P. 358.

[9] См. эти цифры в приложении 5. Там же можно встретить и черепки с именем отца Феака — Эрасистрата — и других его родственников. Это свидетельство того, что Феак тоже явно происходил из семьи, принадлежавшей к элите и имевшей давние политические традиции. Обратим внимание и на «мифологическое» имя интересующего нас политика. Не является ли оно свидетельством западных связей его семьи (ведь остров феаков Схерию традиционно помещали на западе)? Это сделало бы более понятным, почему именно Феака отправили послом к западным грекам.

[10] Весьма вероятно, что Молоссию и Феспротию (области Эпира) Феак посетил в ходе той же миссии, благо это было практически по пути.

последовательность хорошо известна из источников — просто не предусматривала каких-либо дебатов: граждане просто голосовали черепками. Но допустим даже, что в данном конкретном случае было допущено исключение (впрочем, не вполне ясно, зачем бы к такому исключению нужно было прибегать). Существуют, однако, и иные нюансы. Так, в высшей степени странным представляется, что в речи, произносившейся на остракофории 415 г. до н. э., вообще не упоминается имя Гипербола, хотя этот политик явно был одним из главных «кандидатов» на изгнание и в конечном счете был-таки изгнан. Опять же допустим (хотя не слишком ли много получается допущений?), что автор речи сознательно ничего не говорит о Гиперболе, так сказать, из аристократического снобизма, что ему, выходцу из древнего рода, кажется недостойным и неприятным упоминать незнатного демагога. Но как можно объяснить хронологические несообразности, встречающиеся в речи? Так, в одном ее месте (IV.22) сообщается, что Алкивиад после захвата афинянами Мелоса якобы взял себе в наложницы одну из мелосских пленниц и прижил с ней сына. Мелос, как известно, после длительной осады пал зимой 416/415 г. до н. э. (Thuc.V.116). К весне 415 г., к моменту проведения остракофории, ребенок, о котором идет речь, еще никак не мог родиться.

Допустим даже и тут (хотя это уж совсем невероятно), что в общепринятой хронологии этих лет есть какие-то погрешности. Принесем всю традицию во главе с Фукидидом в жертву IV речи корпуса Андокида. И все равно останется самое главное — vaticinia post eventa, которые не дают ни малейшей возможности датировать анализируемое произведение 415 г. до н. э. В нем, в частности, говорится (IV.12): «...Эта ненависть, которую испытывают союзники, проявит себя, как только возникнет морская война между нами и лакедемонянами (ὅταν πρῶτον ἡμῖν καὶ Λακεδαιμονίοις γένηται ναυτικὸς πόλεμος)». Как можно было в 415 г., еще до Сицилийской экспедиции, догадываться, что такая война вообще когда-либо возникнет? Афиняне в то время еще безраздельно властвовали на море, спартанцы же не имели сколько-нибудь сопоставимого с ними по численности и силе флота; его создание было делом будущего. Далее, в другом месте (IV.24) читаем: «Я, со своей стороны, уверен, что он (Алкивиад. — *И. С.*) заставит наше государство испытать величайшие несчастья и окажется на будущее виновником таких бедствий, что перед ними померкнут все его прежние преступления». Всё это можно было написать, только уже зная перипетии карьеры Алкивиада после 415 г. до н. э., когда он неоднократно переходил от одной воюющей стороны к другой и действительно оказался в известном смысле «злым гением Эллады». А к моменту остракизма, на котором будто бы произносилась речь, он, в общем-то, еще не совершил никаких особых злодейств. Иными словами, перед нами есть только две возможности: либо признать, что автор речи был воистину пророком и прозорливцем, либо все же согласиться с тем, что речь была написана не в 415 г. до н. э., а позже, уже после окончания Пелопоннесской войны, следовательно, не для остракофории, и что контекст ее оказывается фиктивным. Естественно, единственно научной является эта вторая возможность.

Итак, перед нами, собственно говоря, даже вовсе и не речь, а литературная фикция в виде речи, написанной кем-то от лица Феака. В таком случае становится актуальным вопрос: когда и с какой целью эта фикция была составлена? Только попытавшись ответить на этот вопрос, мы сможем дать хотя бы приблизительную оценку памятника как исторического источника. Высказывалось мнение, что датировка текста должна быть весьма поздней, не раньше конца IV в. до н. э., а скорее — еще позже, что автор сочинения пользовался трудами Феофраста[11]. В таком случае речь вообще не имеет практически никакого источниковедческого значения, оказывается не только поддельной, но и вторичной. Другая крайность характерна для тех исследователей, которые склонны признавать авторство Андокида. Так, А. Раубичек считал речь вполне аутентичной, действительно произнесенной на последней остракофории[12]. Такая датировка, однако, не объясняет ни одного из противоречий, перечисленных выше, и вряд ли может быть принята. У. Ферли, соглашаясь с тем, что на остракофории речь не могла быть произнесена, полагает, что время ее составления — период между отбытием Алкивиада на Сицилию и его отзывом в Афины[13]. Речь, по мнению этого исследователя, писалась с целью скомпрометировать Алкивиада в то время, когда в его отсутствие в Афинах велась против него ожесточенная пропагандистская кампания. Однако нетрудно заметить, что эта гипотеза тоже отнюдь не снимает проблему, возникающую в связи с имеющимися в речи vaticinia post eventa.

Наиболее вероятной представляется та точка зрения, которая вполне резонно находит себе в последние десятилетия все больше сторонников[14]. Согласно этой точке зрения, памятник, о котором идет речь, появился в первые годы IV в. до н. э., вскоре после свержения тирании Тридцати и восстановления демократии в Афинах. В связи с подобной датировкой стоит вопрос о жанре и назначении произведения. На сегодняшний день можно считать в основном оставленным мнение о IV речи корпуса Андокида как о риторическом упражнении, составленном в какой-то из ораторских школ и не имевшем иной цели, кроме оттачивания у учащихся мастерства красноречия[15]. Если бы это действительно было так, то понятно, что наша оценка данного текста как ис-

---

[11] *Burn A. R.* A Biographical Source...; *Gribble D.* Op. cit.

[12] *Raubitschek A. E.* The Case against Alcibiades...

[13] *Furley W. D.* Op. cit. P. 139—140.

[14] *Calhoun G. M.* Op. cit. P. 138; *Maidment K. J.* Op. cit. P. 538; *Siewert P.* Pseudo-Andokides... S. 228—229; *Heftner H.* Ps.-Andokides' Rede...; *Idem.* Die pseudoandokideische Rede...; *Bearzot C.* Gruppi di opposizione organizzate e manipolazione del voto nell'Atene democratica // CISA. 1999. V. 25. P. 272; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 22; *Eder B., Heftner H.* T 18—21... S. 279—280.

[15] Это мнение см., например: *Maidment K. J.* Op. cit. P. 538; *Reinmuth O. W.* Ostrakismos (RE). Sp. 1677; *Gribble D.* Op. cit.; менее категорично — *Knox R. A.* Op. cit. P. 155; *Фролов Э. Д.* Из истории... С. 25; *Карпюк С. Г.* Гипербол... С. 150.

точника должна была бы быть чрезвычайно низкой. Ведь риторы в своих школах отнюдь не стесняли себя какими-либо историческими реалиями, напротив, давали самый широкий простор разного рода фантазиям. Главным была не верность действительности, а чисто литературные качества сочинения. Но, кстати, отметим, что какими-то особыми литературными достоинствами речь «Против Алкивиада» как раз не блещет.

В настоящее время многие исследователи специально подчеркивают, что речь (точнее, «псевдо-речь») следует рассматривать не как риторическое упражнение, а как политический памфлет[16]. В Афинах классической эпохи существовал такой жанр, как памфлетная литература. Складываться он начал достаточно поздно, в период Пелопоннесской войны (первый известный образчик — «Афинская полития» Псевдо-Ксенофонта). В гетериях эпохи олигархических переворотов конца V в. до н. э. составлялись такого рода памфлеты на темы «отеческого государственного устройства». Позже, уже в IV в. до н. э. именно к категории политических памфлетов должны быть отнесены многие речи Исократа, которые, как известно, никогда не произносились с ораторской трибуны. Жанр памфлета был специфичен в том отношении, что, похоже, еще не воспринимался в классической Греции именно в качестве специального жанра, со своими особыми канонами и приемами. Памятники памфлетной литературы маскировались под произведения других жанров, например, под исторические труды, но чаще всего — под ораторские речи. Естественно, такие речи были заведомо фиктивными, они могли писаться как от лица действительного автора (так работал, например, Исократ), так и от чужого лица; здесь мы уже на границе между фикцией и практикой псевдонима. Посвящены памфлеты могли быть как общим вопросам государственного устройства, внешней политики и т. п. («Ареопагитик», «Панегирик», «Панафинейская речь» и другие сочинения Исократа)[17], так и вопросам более конкретным, в том числе личностным. Можно говорить, в частности, о памфлете-инвективе, направленном на дискредитацию тем или иным способом (не обязательно прямым) политического противника; естественно, таким памфлетам было наиболее свойственно маскироваться под судебные речи. Вспомним, кстати, что, хотя заданное место произнесения IV речи корпуса Андокида — не дикастерий, автор постоянно прибегает к построениям, характерным именно для судебных речей.

Следует обратить внимание на то, что в начале IV в. до н. э. в афинской литературе вообще активизируется внимание к личности и деятельности Алкивиада, которого уже не было в живых. Он то обвиняется, то, напротив, оправдывается в ряде речей (уже настоящих, а не фиктивных) виднейших ора-

---

[16] *Siewert P.* Pseudo-Andokides... S. 229; *Furley W.D.* Op. cit. P. 139; *Heftner H.* Ps.-Andokides' Rede...; *Idem.* Die pseudo-andokideische Rede...; *Eder B., Heftner H.* T 18—21... S. 278.

[17] Об этих произведениях и выраженных в них политических взглядах см.: *Исаева В. И.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М.,1994.

торов (Lys.XIV; XV; Isocr.XVI)[18]. Судя по всему, афиняне еще долго не могли выработать спокойного, объективного отношения к этой чрезвычайно яркой и противоречивой фигуре. Алкивиада можно было либо хвалить, либо хулить; третьего было не дано. Что же касается конкретных обстоятельств обострения интереса к Алкивиаду, то следует назвать, помимо прочего, еще и такой факт. Как раз в начале IV в. до н. э. пытался начать политическую карьеру сын Алкивиада — Алкивиад Младший. И несмотря на то, что этот молодой человек отнюдь не блистал талантами отца, политическая элита Афин была почему-то страшно напугана его активностью[19]. Едва ли не все группировки объединились в желании помешать его возвышению. На начинающего политика обрушилась целая война «компромата», против него возбуждались судебные процессы (о дезертирстве[20], об упряжке лошадей[21]). Борьба оказалась успешной; в результате карьера Алкивиада Младшего оборвалась, не успев начаться.

Для нас в этой ситуации важно следующее обстоятельство. Некоторые специфические черты афинского менталитета делали весьма эффективным приемом борьбы с политическими противниками очернительские выпады против их предков, особенно родителей[22]. Афинская демократия унаследовала от эпохи аристократического правления веру в наследственность личных качеств. Стоило доказать, что предки конкурента были порочными людьми — и гораздо большей становилась вероятность того, что таким же является их потомок. Потому-то, нападая на Алкивиада Младшего, его враги постоянно обращались к жизни и деятельности его отца, всячески демонстрируя, сколько несчастий этот последний принес полису.

В данном контексте и следует рассматривать IV речь корпуса Андокида. Подчеркнем еще раз: это, строго говоря, не речь в собственном смысле слова (она никем, никогда и нигде не была произнесена), а созданный в рамках

---

[18] Ср.: *Суриков И. Е.* Алкивиад... С. 201; *Bianco E.* L'attualità di Alcibiade nel dibattito politico ateniese all'inizio del IV secolo a.C. // RSA. 1992—1993. V. 22/23. P. 7—23.

[19] Впрочем, возможно, опасения были небезосновательными. Мог сработать, так сказать, «фактор Наполеона III». В середине XIX века Луи Бонапарт, как метеор, ворвался во французскую политическую арену и моментально затмил всех своих конкурентов. Он был избран президентом, а позже, опираясь на поддержку населения, провозгласил себя императором. Главной, если не единственной, причиной его колоссальной популярности стало, безусловно, его родство с основателем Французской империи.

[20] Алкивиада обвиняли в дезертирстве, хотя в действительности его проступок был куда менее суровым: он самовольно перешел из пехоты в конницу, очевидно, считая, что кавалерийская служба более соответствует его происхождению и положению. См. по этому делу XIV и XV речи Лисия.

[21] Суть процесса заключалась в том, что отец Алкивиада — знаменитый Алкивиад — якобы на Олимпийских играх 416 г. до н. э. отобрал упряжку лошадей у другого афинянина, участвовал с ней в состязаниях и победил. По этому делу см. XVI речь Исократа.

[22] См.: *Суриков И. Е.* О некоторых особенностях правосознания... С. 40—41 (с рядом ссылок на источники).

борьбы группировок 390-х гг. до н. э. политический памфлет-инвектива, направленный на деле против Алкивиада Младшего, хотя и фигурирует в нем не сам этот политик, а его отец. Перед нами — политическая фальсификация, которая для придания ей большей достоверности была написана от имени реального исторического лица — Феака (очевидно, его к этому времени уже не было в живых). Памятник был составлен, судя по всему, для того, чтобы распространять его в списках среди афинских граждан под видом подлинной речи и тем самым бить по репутации Алкивиада Младшего. В литературе указывалось, что в речи поднимаются и вопросы более общего характера, в частности, взгляды на законность и на сущность народовластия, которые можно атрибутировать скорее не радикальным демократам, а «умеренной» части политической элиты[23].

Из вышеописанных соображений о датировке, жанровой принадлежности и назначении интересующего нас произведения, поскольку эти соображения представляются вполне верными, и следует исходить при оценке речи «Против Алкивиада» как исторического источника. Коль скоро мы имеем дело не с аутентичной речью, произнесенной на остракофории, но в то же время и не с простым риторическим упражнением позднего времени, а с политическим памфлетом, появившимся в 390-х гг. до н. э., к этому тексту нужно и относиться соответственно. Иными словами, следует рассматривать его, с одной стороны, как свидетельство, принадлежащее эпохе, которая еще очень недалеко отстояла от времени функционирования остракизма. С другой же стороны, необходимо понимать, что свидетельство это крайне субъективно, предвзято и тенденциозно, что определяется как требованиями жанра, так и, судя по всему, особенностями манеры автора.

IV речь корпуса Андокида — источник весьма проблематичный с точки зрения содержащейся в ней информации. Но, следует специально оговорить, проблематичность эта заключается не в том, в чем ее обычно видят. Часто судят следующим образом: речь является неаутентичной, поздней, неизвестно кому принадлежащей, поэтому с ее данными можно просто не считаться. В действительности же перед нами памятник вовсе не поздний (более того, весьма ранний, практически современный описываемым в нем событиям) и даже, называя вещи своими именами, не столь уж неаутентичный. Ведь потенциальной аудиторией памфлета выступали афиняне, которые должны были еще очень хорошо помнить перипетии политической истории эпохи Пелопоннесской войны, деятельность Алкивиада, специфику института остракизма. Совсем уж грубые искажения фактов, измышления, не имевшие ничего общего с реальностью, вряд ли могли быть допущены в тексте, поскольку это только подорвало бы ее эффективность. Источниковедческая проблематичность речи в другом — не в ее неаутентичности, а в ее тенденциозности. Именно по этой последней причине к содержанию речи следует относиться с большой осторожностью, как и ко всякому тенденциозному источнику. Иными

---

[23] *Heftner H.* Ps.—Andokides' Rede...

словами, информацию, содержащуюся в IV речи корпуса Андокида, ни в коем случае не следует отметать с порога, но в то же время при работе с этой информацией необходимы осторожность и обязательная поверка ее сведениями, предоставляемыми другими античными писателями[24]. Измышления и искажения в речи, бесспорно, имеются, но каждое из них должно быть чем-то мотивированным. В каждом конкретном случае вопрос должен решаться отдельно. В том случае, если данные, упоминаемые в этом памятнике, вступают в прямое расхождение с остальной нарративной традицией, то понятно, что мы сделаем выбор не в пользу речи «Против Алкивиада». Но, с другой стороны, если в этой последней обнаруживается какой-то новый материал, который в принципе не противоречит тому, что мы знаем из иных источников, то к такому материалу, несомненно, следует отнестись внимательно, не отбрасывая его как недостоверный, а критически осмысляя.

Теперь можно с учетом вышесказанного возвратиться к вопросу об авторстве речи и задуматься над тем, почему, собственно, ее принадлежность Андокиду так дружно отвергается? В исследовательской литературе оказываются прочно увязанными две источниковедческие проблемы, которые на наш взгляд, лучше отделить друг от друга: проблема авторства и проблема датировки. Те (единичные) авторы, которые датируют памятник временем последней остракофории или около того, признают авторство Андокида; соответственно, те (их подавляющее большинство), кто относит речь к более позднему времени, это авторство отвергают. Но почему речь (точнее, напомним, политический памфлет в форме речи) не могла быть написана Андокидом в 390-х гг. до н. э.? Как раз этот хронологический отрезок, как известно, был для него наиболее плодотворным, оказался пиком его политической карьеры, когда Андокид стал одним из ведущих деятелей в общественной жизни Афин[25].

В пользу действительной принадлежности рассматриваемого произведения перу Андокида говорят следующие факторы. Во-первых, не случайно ведь речь оказалась именно в корпусе его сочинений. С какой бы стати ему стали впоследствии приписывать текст, не имеющий к нему никакого отношения? Еще можно понять ситуацию, когда чужие речи попадали в корпусы таких гигантов ораторского искусства, как Демосфен или Лисий. Но Андокид был фигурой отнюдь не такого масштаба, чтобы ему «по ошибке» или для вящей авторитетности присваивали авторство литературных памятников, составленных другими писателями. Подчеркнем, что рукописная традиция речей Андокида[26] тоже не дает ни малейшего основания полагать, что речь IV является каким-то чуждым вкраплением в среде остальных. Средневековые

---

[24] О необходимости взвешенного отношения к данным, содержащимся в речи «Против Алкивиада», см.: *Fuqua C.* Op. cit. P. 175; *Rhodes P. J.* The Ostracism of Hyperbolus... P. 88 ff. Эти авторы справедливо подчеркивают, что речь, хотя и не может считаться полностью аутентичной, тем не менее заслуживает внимательного к себе отношения.

[25] *Strauss B. S.* Op. cit. P. 99 ff.

[26] Об этой традиции см.: *Фролов Э. Д.* Из истории... С. 30—31.

манускрипты содержат либо все четыре речи вместе, либо только третью и четвертую. Никакой рукописи, где содержались бы I—III речи Андокида (а их все признают аутентичными), но при этом не содержалась бы речь «Против Алкивиада», не существует.

Во-вторых, памятник, о котором идет речь, не имеет, насколько можно судить сколько-нибудь существенных расхождений с произведениями, бесспорно принадлежащими Андокиду, с точки зрения стилевых особенностей[27], а, напротив, обладает рядом черт несомненного сходства с ними. Так, известно, что для Андокида характерно крайне небрежное обращение с историческими фактами, вплоть до прямых инсинуаций. В этом отношении он выделяется даже на фоне остальных афинских ораторов, которые и в целом-то были не слишком скрупулезны при своем подходе к фактам[28]. И в речи «Против Алкивиада» мы обнаруживаем именно эти же самые черты. То же можно сказать и о мировоззрении автора, в частности, о его политических взглядах. Андокид отнюдь не принадлежал к сторонникам радикальной демократии; в молодости он даже входил в состав антидемократической гетерии. После событий конца V в. до н. э. быть открытым приверженцем олигархии в Афинах было уже нельзя. Андокид, — во всяком случае, на словах — проявляет скорее «умеренные» воззрения. Интересно, в частности, что он не останавливается перед тем, чтобы открыто заявить о своей симпатии к Спарте. В речи IV Андокидова корпуса мы обнаруживаем ту же позицию. Автор остро критикует институт остракизма, который в то время воспринимался как безусловно демократический, высказывает весьма характерное суждение (IV.6) о том, что «лучшими установлениями признаются те, которые оказываются более всего подходящими и для демократии, и для олигархии» (ни один «настоящий» демократ под этими словами, конечно, не подписался бы), и опять же не удерживается от того, чтобы — без особой связи с общим ходом рассуждений — похвалить спартанцев (IV.28).

Итак, мы не видим по-настоящему серьезных оснований отрицать авторство Андокида для речи (точнее, памфлета в форме речи) «Против Алкивиада»[29]. По нашему мнению, это произведение было написано Андокидом в 390-х гг. до н. э. от лица Феака и представляло собой сознательную, достаточно тонко сделанную фикцию, преследовавшую политические цели. Впрочем, подчеркнем, что вопрос об авторстве IV речи Андокидова корпуса не является самым принципиальным. Важнее, что определен историко-хронологический контекст памятника, его жанр, цели создания и направленность. Это позволя-

---

[27] Вообще отмечалось, что речи Андокида очень разнообразны в стилевом отношении: *Feraboli S.* Lingua e stile... P. 5.

[28] Ср.: *Суриков И. Е.* Внешняя политика Афин... С. 66, где этот тезис иллюстрируется разбором фрагмента из III речи Андокида.

[29] Характерно, что и в древности принадлежность этой речи Андокиду сомнений не вызывала, в то время как, например, III речь его корпуса объявлялась (Дионисием Галикарнасским, Гарпократионом) неподлинной. См.: *Фролов Э. Д.* Из истории... С. 23.

ет выработать правильный источниковедческий подход к нему. А что касается авторства — достаточно вспомнить, что, например, многие из речей обширного корпуса Демосфена явно принадлежат не ему, а другим современным ему ораторам (Гегесиппу, Аполлодору и др.), но это отнюдь не препятствует использованию этих речей как исторических источников (равно как, скажем, то или иное решение вопроса об авторстве аристотелевой «Афинской политии» не влияет на оценку источниковой значимости этого трактата).

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ОСТРАКИЗМ И ОСТРАКА ЗА ПРЕДЕЛАМИ АФИН

Вплоть до недавнего времени остракизм считался явлением афинским κατ᾽ ἐξοχήν. Практически все исследования и уж во всяком случае, все книги, посвященные остракизму, имели в виду исключительно афинский материал, что отражалось, помимо прочего, и в их заголовках[1]. Нельзя сказать, чтобы исследователям были совсем неизвестны имеющиеся в источниках упоминания об остракизме и аналогичных процедурах за пределами афинского полиса. Однако эти упоминания, как правило, оставляли в стороне, полагая (и в какой-то мере не без основания), что из столь скудной и отрывочной информации[2] добыть позитивные сведения, дающие основания для сколько-нибудь ответственных выводов, невозможно.

Напомним, о каком источниковом материале идет речь. Такой авторитетный автор, как Аристотель в «Политике» (1302b18) говорит о том, что «в некоторых государствах, как, например, в Аргосе и в Афинах, имеют обыкновение прибегать к остракизму (ἐνιαχοῦ εἰώθασιν ὀστρακίζειν, οἷον ἐν Ἄργει καὶ Ἀθήνησιν)». Далее, схолиаст к Аристофану (Equ.855), опирающийся, судя по всему, на труд другого выдающегося ученого IV в. до н. э. — Феофраста[3], — добавляет к этому списку также Милет и Мегары (οὐ μόνον δὲ Ἀθηναῖοι ὠστρακοφόρουν, ἀλλὰ καὶ Ἀργεῖοι καὶ Μιλήσιοι καὶ Μεγαρεῖς). О времени функционирования остракизма в перечисленных полисах эксплицитно не сообщается. Наконец, Диодор (XI.86—87) сообщает о введении в Сиракузах в 450-х гг. до н. э. и использовавшейся лишь в течение недолгого времени процедуры петализма (πεταλισμός), лишь в непринципиальных деталях отличавшейся от афинского остракизма, а по целям и способу применения полностью ему тождественной[4].

---

[1] См. названия монографий К. Люгебиля — «О сущности и историческом значении остракизма в Афинах», А. Мартена — «Заметки об остракизме в Афинах», Ж. Каркопино — «Афинский остракизм», Ю. Вандерпула — «Остракизм в Афинах», Ш. Бренне — «Остракизм и политическая элита в Афинах». Последнюю книгу из этого списка отделяют от первой почти полтора столетия.

[2] Краткую сводку материала (нарративного и эпиграфического) см.: *Eder B., Heftner H.* T 18... S. 296 ff.

[3] Наиболее подробно вопрос разбирается в работе: *Raubitschek A. E.* Theophrastos... По этой проблеме см. также: *Bloch H.* Theophrastus' Nomoi... P. 358; *Connor W. R., Keaney J. J.* Op. cit. P. 316; *Keaney J. J.* Theophrastus on Ostracism... P. 264.

[4] Диодор указывает, что, в отличие от афинского остракизма, при петализме имена «кандидатов» на изгнание писали на листьях оливы (εἰς πέταλον ἐλαίας γράφεσθαι). М. Гвардуччи высказывает сомнение по этому поводу. По ее мнению, оливковые листья слишком малы, чтобы на них можно было что-нибудь написать, и соответ-

Информация, что и говорить, действительно более чем скудная. Однако совсем недавно она достаточно неожиданно начала подтверждаться находками эпиграфических памятников, а именно граффити, которые гипотетически, но с немалой долей уверенности связываются с остракизмом. Речь, естественно, не идет о Сиракузах: листья с надписями, какие бы листья это ни были, сохраниться, естественно, не могли. А вот полисы, указываемые Аристотелем и схолиастом к Аристофану (то есть в конечном счете Феофрастом — сотрудником того же Аристотеля), теперь, кажется, уже могут похвастаться собственными экземплярами острака.

В 1986 г. было сообщено о находке на агоре Аргоса граффито на черепке чернолакового скифоса, датируемого первой четвертью V в. до н. э.[5] Сама же надпись, по оценке авторов сообщения, принимающих во внимание формы букв, должна относиться ко второй четверти того же столетия. Надпись содержит лишь одно имя без каких-либо идентификаций или дополнений: Ἄλκανδρος. Имя это пока не зафиксировано в просопографии Аргоса, но звучит оно вполне аристократически. А остракизм, как неоднократно говорилось по ходу данной работы, применялся именно в отношении влиятельных аристократов. Это справедливо не только для Афин, но и для Сиракуз (Diod. XI.87.4), и нет оснований считать, что в Аргосе ситуация была принципиально иной. Пока аргосский остракон остается единичной находкой, он не дает, конечно, права на категоричные выводы общего порядка. Стоит лишь отметить, что среди обильного афинского материала отнюдь не являются редкостью экземпляры острака, на которых указано лишь имя «кандидата», без патронимика, демотика или иных уточнений. Как правило (хотя есть и исключения), это бывает на остраконах, которые направлены против наиболее

ственно они не могли использоваться при голосовании, на деле в ходе петализма должны были применяться какие-то другие, бóльшие по размеру листья (*Guarducci M.* Op. cit. V. 2. P. 525). Не возьмемся судить, насколько права итальянская исследовательница, да и вряд ли когда-нибудь это станет известно: надписанные листья, в отличие от черепков-остраконов, естественно, никак не могли дойти от античности до нашего времени. Известно, во всяком случае, что греки при желании могли наносить надписи на *очень* маленькие предметы (например, на штемпель для какого-нибудь гемитетартемория). Вспомним и о том, что говорилось в гл. II, п. 2 о сакральном характере именно масличных листьев. О сиракузском петализме см. также: *Hommel H.* Op. cit.; *Gomme A. W.* Ostracism... P. 630; *Volkmann H.* Petalismos // Der Kleine Pauly. Lief.20. Stuttgart, 1970. Sp. 667; *Berger S.* Democracy... P. 304 ff.; *Idem.* Revolution and Society in Greek Sicily and Southern Italy. Stuttgart, 1992. P. 38—39, 64, 103; *Rutter N. K.* Syracusan Democracy: «Most Like the Athenian»? // Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece. Oxf., 2000. P. 145 ff.;. Из античных авторов, кроме Диодора, о петализме упоминает лишь Гесихий (s.v. πεταλισμός), причем не указывая, что это сиракузский институт.

[5] *Pariente A., Piérart M., Thalmann J.-P.* Argos: Agora // Bulletin de correspondance hellénique. 1986. V. 110. № 2. P. 764—765. Там же приведена прорисовка остракона.

влиятельных политиков и не могли поэтому вызвать затруднения у счетной комиссии. Возможно, Алкандр тоже был видным политическим деятелем в Аргосе. Кроме того, не будем забывать, что гражданский коллектив аргосского полиса, вне сомнения, должен был быть намного меньше, чем у афинского, а, следовательно, и количество граждан с омонимичными именами было не столь велико.

В 1987 г. греческий исследователь Х. Крицас опубликовал первый остракон, найденный в Мегарах[6]. На нем мы находим уже имя с патронимиком: Ἡράκλειτος Παγχάρε[ος]. Данный остракон представляет собой не черепок в собственном смысле слова, а цельный небольшой сосуд (со слегка отбитым краем, то есть уже непригодный для использования по прямому назначению), на котором и была сделана надпись. Но это ни в коем случае не должно нас смущать, поскольку остраконы именно такого типа случаются и в Афинах. В частности, среди 190 остраконов с именем Фемистокла, найденных в 1937 г. в колодце на северном склоне Акрополя, 26 являются не черепками, а цельными сосудами[7]. В вопросе о датировке мегарского остракона Крицас колеблется, предлагая несколько альтернативных вариантов: надпись была нанесена либо в период между 427 и 424 гг. до н. э., либо в самом начале IV в. до н. э., либо в годы после сражения при Левктрах (371 г. до н. э.), либо незадолго до Херонейской битвы (338 г. до н. э.). Что же касается времени введения остракизма в Мегарах, греческий ученый опять-таки выдвигает две возможные даты: около 460 г. до н. э. или 427—424 гг. до н. э.[8] Однако здесь его аргументация вряд ли имеет прочные основания, поскольку он однозначно исходит из тезиса о заимствовании мегарянами института остракизма из Афин, а сам этот тезис, как мы увидим чуть ниже, является хотя и общепринятым, но совершенно не доказанным.

Таким образом, почти во всех полисах, упоминаемых в письменных источниках в связи с остракизмом, найдены экземпляры острака. Исключением пока остается Милет[9]. Повторим еще раз: не имеет сколько-нибудь существенного значения единичный, изолированный (пока) характер находок. Достаточно вспомнить афинскую статистику (подробнее см. выше, в п. 2 источниковедческого раздела): первый бесспорный остракон был найден в 1867 г. и оставался единственным почти двадцать лет, вплоть до 1886 г., когда был обнаружен второй. Да и в целом почти полвека, до 1910 г., когда на Керамике был открыт первый комплекс острака, эти памятники в Афинах насчитыва-

---

[6] *Κριτζάς Χ. Β.* Op. cit.

[7] *Lang M.* Ostraka... P. 142—161, где дана их полная публикация.

[8] Вторая из этих дат предлагается также в последнем по времени обобщающем труде по истории Мегар: *Legon R. P.* Megara: The Political History of a Greek Cite-State to 336 B. C. Ithaca, 1981. P. 237.

[9] Впрочем, как любезно сообщил нам Ю. Г. Виноградов, среди неопубликованных милетских граффити, с которыми ему довелось работать, есть экземпляр, по ряду критериев вполне подходящий на роль остракона в техническом смысле.

лись буквально единицами. Если бы на них не стояли имена известнейших афинских политиков (Мегакла, сына Гиппократа, Ксантиппа, Фемистокла), изгнание которых остракизмом к тому же было надежно зафиксировано в нарративных источниках, еще неизвестно, были ли бы они верно идентифицированы как остраконы и не рассматривали ли бы их в числе граффити неясного назначения. А внутриполитическая история Аргоса и Мегар известна, конечно, несопоставимо хуже афинской, можно сказать, почти совсем неизвестна. Источники не сообщают имя ни одного лица из числа тех, которые подвергались остракизму в этих полисах.

Добавим, что вышесказанное не исчерпывает нового материала. Появились эпиграфические свидетельства об остракизме в городах, в которых, исходя только из нарративной традиции, мы не могли бы и заподозрить существование этого института. Так, в 1994 г. была опубликована относительно большая группа острака, найденных итальянскими археологами в североафриканской Кирене[10]. Эта киренская группа включает 12 экземпляров. Девять из них были открыты на агоре Кирены в 1993 г., а остальные три приобщены к ним после анализа более ранних находок. На всех без исключения киренских остраконах имя «кандидата» стоит в сочетании с патронимиком. Небезынтересно, что девять глиняных «бюллетеней», то есть три четверти общего количества, направлены против одного лица — некоего Праксиада, сына Зениса (Πραξιάδας Ζήνιος). По всей видимости, это был влиятельный политик, имевший большое количество врагов и, возможно, даже изгнанный в ходе остракофории, материалы которой частично до нас дошли. На остальных трех остраконах стоят имена соответственно Филона, сына Лисиса, Аристиппа, сына Дамо(...)[11], и Пейфагора, сына Евк (...). Л. Баккьелли, опубликовавший киренские острака, датирует их концом V в. до н. э. и тоже связывает с афинским влиянием.

Особо следует остановиться на комплексе остраконов из Херсонеса Таврического. Во-первых, потому что этот великолепный комплекс является, так сказать, венцом всех внеафинских находок острака: Херсонес на сегодняшний день обладает второй в мире по численности (после Афин!) коллекцией этих памятников. Во-вторых, потому что приоритет в изучении херсонесских острака принадлежит отечественным ученым. В-третьих, потому что херсонесские находки порождают немалое количество трудностей и дискуссионных проблем, связанных как с их датировкой, так и с самой интерпретацией.

Первые три экземпляра острака из Херсонеса опубликовала в 1976 г. Э. И. Соломоник[12]; два из них были направлены против одного и того же лица — некоего Батилла, сына Никагора[13], третий — против Амфиона, сына

---

[10] *Bacchielli L.* Op. cit.

[11] В связи с этим персонажем сразу вспоминается известный философ-сократик Аристипп, основоположник гедонизма, который, как известно, был родом как раз из Кирены (Diog.Laert.II.65). Он вполне может являться родственником лица, упомянутого на остраконе.

[12] *Соломоник Э. И.* Некоторые группы... С. 121 слл.

(...)оха (впоследствии Ю. Г. Виноградов в результате сопоставления этого остракона с другим, направленным против того же человека, установил, что патронимик должен читаться как «сын Гипероха»). Та же исследовательница на основании опубликованных ею граффити высказала гипотезу о существовании в Херсонесе практики остракизма. Такое предположение, бесспорно, было весьма смелым для своего времени, если принять во внимание, что к моменту этой публикации еще не было известно вообще никаких остраконов, кроме афинских. Аналогичные находки из Мегар, Аргоса, Кирены еще не появились. А теперь эти находки начинают уже взаимно подкреплять друг друга, и тезис Соломоник оказывается не только вполне правомерным, но и весьма проницательным. Правда, в нарративных источниках, как известно, нет ни слова о херсонесском остракизме, но данный argumentum e silentio вряд ли может служить доводом contra, если учесть, как мало информации о Херсонесе (особенно о его политической истории раннего периода) сохранилось у античных авторов. Вспомним, что об остракизме в Кирене нарративная традиция тоже ничего не сообщает. И тем не менее он там был, поскольку киренские граффити, о которых шла речь, не могут быть ничем иным, кроме остраконов. Остракизм за пределами Афин вообще отражен в письменных источниках более чем скудно.

Впоследствии Э. И. Соломоник опубликовала еще несколько острака из Херсонеса, с такими именами, как Кретин, сын Миса, Сириск, сын Каллия и др. (не все из этих имен сохранились полностью)[14]. Все эти памятники она датировала IV в. до н. э. Публиковались херсонесские остраконы и другими исследователями. Так, Е. Я. Туровский издал черепок с именем Каллиада (или Каллия), сына Сириска, отнесенный им к концу IV — началу III в. до н. э.[15] Но наиболее интенсивно исследованием, публикацией, каталогизацией эпиграфических памятников, о которых идет речь, занимался выдающийся российский антиковед Ю. Г. Виноградов, опубликовавший о херсонесских острака целый ряд работ (многие из них — в соавторстве с М. И. Золотаревым)[16]. Благодаря его усилиям в этом направлении в настоящее время количество острака

---

[13] Об этих острака см. также: *Гилевич А. М., Щеглов А. Н.* Херсонесец Батилл, сын Никагора // Hyperboreus. 1996. V. 2. Fasc. 2. P. 100—124.

[14] *Соломоник Э. И.* Inedita...

[15] *Туровский Е. Я.* Три новых граффити из Херсонеса и его ближайшей округи // Древности (Харьков). 1996. С. 98 слл. Обратим внимание на имя Сириск, фигурирующее на острака. Сириском, как известно, звали знаменитого херсонесского историка III в. до н. э. Судя по всему, последний принадлежал к знатной и политически активной семье, а лица, упомянутые на остраконах, были, скорее всего, его предками или родственниками.

[16] *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Древнейший Херсонес... С. 57 слл.; *Они же.* Год рождения... С. 37 слл.; *Они же.* Херсонес изначальный... С. 106 слл.; *Vinogradov Iu., Zolotarev M.* La Chersonèse... P. 84 ss.; *Vinogradov J. G., Zolotarev M. I.* L'ostracismo... P. 111 ss.; *Vinogradov J. G.* Pontische Studien... S. 397 ff.; *Idem.* Ostrakismos als strenges Kampfmittel...

из Херсонеса насчитывает несколько десятков, хотя сколько-нибудь точное число назвать трудно. По некоторым подсчетам, их количество достигает едва ли не полусотни (Ю. Г. Виноградов в своих последних работах говорил о «более чем 45 острака»[17], хотя не все граффити из этого числа он успел опубликовать[18]), но эти подсчеты представляются, впрочем, не очень осторожными и несколько преувеличенными. Так, резонным кажется замечание Е. Я. Туровского, согласно которому некоторые надписи, которые Ю. Г. Виноградов и М. И. Золотарев считали остраконами, в действительности следует считать владельческими надписями (в особенной степени это относится к именам, процарапанным на доньях чернолаковой посуды)[19]. Наша аутопсия в фондах Херсонесского музея-заповедника подтвердила эти подозрения. Как бы то ни было, даже если элиминировать все сомнительные и спорные экземпляры, численность оставшихся вполне надежных остраконов все равно будет весьма приличной. Повторим, нигде за пределами Афин мы не находим сопоставимой по размеру коллекции. К тому же возможно и прирастание корпуса херсонесских острака, причем не только путем новых находок, но и посредством поиска среди уже известных граффити. Неплохо было бы, например, проработать издания херсонесских граффити, выпущенные Э. И. Соломоник[20], на тот предмет, не окажется ли среди них потенциальных остраконов. Предварительный просмотр оставил впечатление, что памятники, подходящие на подобную роль (и типологически, и хронологически), имеются. Более детальное рассмотрение материала могло бы стать темой отдельного исследования.

Имена, прочитанные на херсонесских остраконах, весьма значительно обогатили ономастику и просопографию этого северопонтийского полиса. Многие из этих имен явно свидетельствуют об аристократическом происхождении их носителей. Даже какой-то Писистрат (сын Нимфодора) оказался в Херсонесе! Назовем еще такие имена, как Иасикл, сын Неомения, Зенодот, сын Евархида, Гераклид, Евфрант, Евандрид, Харикл, сын Гермодора, Аркесандр, Мольпас, Эсхрон, сын Дионисия, Гистией, Пармених и др. Некоторые имена встречаются не на одном остраконе, а на нескольких; очевидно, соответствующие граждане были более влиятельны и активны в политической жизни, чем остальные, и, значит, более подвержены опасности остракизма. Характерной чертой херсонесских острака является наличие на некоторых из них, помимо имен, разного рода приписок. Такого мы не встречаем больше нигде, кроме Афин, но зато в Афинах остраконов с приписками достаточно много. На одном

---

[17] *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Год рождения... С. 37; *Vinogradov J. G.* Ostrakismos als strenges Kampfmittel... S. 379.

[18] Ю. Г. Виноградов планировал подготовить комментированное издание полного свода херсонесских острака, но его безвременная кончина не позволила этому плану осуществиться.

[19] *Туровский Е. Я.* Ук. соч. С. 99.

[20] Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах) / Отв. ред. Соломоник Э. И. Киев, 1978; *Соломоник Э. И.* Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984.

черепке из Херсонеса к имени «кандидата» добавлено традиционное ἴτω («пусть уходит»). На другом кто-то грубо обозван κ]ατατ[ύγων], а такое же ругательство, как мы видели выше, встречается на афинском остраконе против Фемистокла. При имени Эсхрона, сына Дионисия, похоже, указано название гекатостии (подразделения полиса), к которой он принадлежал (Эхедамида), подобно тому как на афинских острака часто указывалось название дема.

Что касается хронологии херсонесских острака, Ю. Г. Виноградов настаивал на достаточно ранней их датировке. Проделав палеографический анализ, он пришел к твердому убеждению, что большинство этих памятников должно относиться к V в. до н. э.[21], несколько наиболее ранних из них — даже к самому началу этого столетия, поскольку они были надписаны мегарским алфавитом, который впоследствии не употреблялся в Херсонесе. Впрочем, исследователь признавал, что некоторые наиболее поздние остраконы херсонесской группы (в частности, с именем Батилла, сына Никагора) могут относиться и к более позднему времени — к рубежу IV—III вв. до н. э.[22] И действительно, палеография граффити, о которых здесь идет речь, оказывается весьма разнообразной; создается впечатление, что среди них есть и очень ранние, и достаточно поздние. Проблема, на наш взгляд, может быть решена только одним способом: признанием того факта, что институт остракизма в Херсонесе применялся в течение долгого времени, как в V, так и в IV в. до н. э. Таким образом, продолжительность функционирования херсонесского остракизма была, судя по всему, даже больше, чем у классического афинского. Ничего удивительного мы в этом не видим. Ниже пойдет речь о том, что и в Мегарах, «праметрополии» Херсонеса, из которой, судя по всему, херсонеситы заимствовали остракизм, этот институт тоже существовал на протяжении весьма длительного хронологического отрезка. Да и в Афинах, если мы будем учитывать не только классический остракизм V в. до н. э., проводившийся в гелиее, но и «протоостракизм» VI в. до н. э., бывший прерогативой Совета, а также экфиллофорию (зафиксированную еще в IV в. до н. э.) и другие аналогичные процедуры, то совокупная протяженность охватываемого ими времени будет насчитываться веками, а не десятилетиями.

Интересно проследить эволюцию, происходившую во взглядах Ю. Г. Виноградова на назначение херсонесских острака (эта эволюция имела место в буквальном смысле слова на наших глазах и, честно признаемся, не без нашего участия). Если вначале он по ряду оснований не считал возможным связать рассматриваемые эпиграфические памятники с какой-либо формой остракизма, предполагая для черепков иное применение (например, для выборов магистратов), то затем, в своих самых последних работах, он присоединился к мнению Э. И. Соломоник, придя к решительному и однозначному выводу: в Херсонесе применялся остракизм! Переломным моментом оказалось обнаруже-

[21] Херсонесские остраконы «заполняют собой весь V в. до н. э.» (*Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Год рождения... С. 37).

[22] Там же; *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Херсонес изначальный... С. 106.

ние на одном из херсонесских остраконов имени в дательном падеже[23]. Датив совершенно неуместен и даже бессмыслен на бюллетене для выборов, зато вполне объясним на остраконе для остракизма. И действительно, на афинских острака датив занимает второе место по количеству употреблений после наиболее естественного номинатива[24].

Поскольку, таким образом, выясняется, что возможны различные интерпретации одних и тех же граффити, то, наверное, будет уместным остановиться на проблемах, связанных с идентификацией внеафинских (и, в частности, херсонесских) острака. Из чего видно, что это именно острака, а не что-нибудь другое? И действительно, правильная идентификация тех или иных групп граффити как остраконов в техническом смысле особенно важна для тех случаев, когда количество этих памятников невелико, а существование процедуры остракизма в том полисе, в котором они найдены, не зафиксировано в письменных источниках или зафиксировано в смутной, неясной форме. А именно такова ситуация во всех городах греческого мира, кроме Афин. Афины в данном отношении — не правило, а исключение, пример совершенно особый, уникальный. Именно на афинском материале М. Лэнг выдвинула ряд критериев идентификации острака, совокупное применение которых позволяет практически безошибочно определять граффито как остракон (подробнее об этих критериев см. в п. 2 источниковедческого раздела). Однако, подчеркнем, разработанные этой исследовательницей критерии уместны только для Афин, которые выгодно отличаются от подавляющего большинства других греческих полисов колоссальным количеством найденных острака, на которых прочитано множество имен, устоявшимися местами их находок (Агора, Керамик), прекрасно известной и хорошо изученной просопографией, ономастикой, не говоря уже о политической истории, и т. п. Все это позволяет максимально расширить поле поиска остраконов среди граффити и делает полученные выводы очень прочными, практически неоспоримыми.

Ни Херсонес, ни Кирена, ни Аргос, ни Мегары, естественно, не могут похвастаться ничем подобным. Соответственно, для всех внеафинских групп граффити, предположительно интерпретируемых как острака для остракизма, необходим какой-то принципиально иной набор критериев, в большей степени приемлемый для них и не имеющий в виду специфически афинских условий. Выработка таких критериев, — по всей видимости, дело будущего. Надлежит помнить, помимо прочего, о том, что если мы не признаем тот или другой эпиграфический памятник остраконом, то на нас лежит onus probandi, и мы должны дать какую-то иную идентификацию этого памятника, как минимум не менее убедительную. В рамках данной работы мы попытаемся сделать лишь самые первые шаги на пути решения стоящей перед нами задачи — определения искомых критериев — и в связи с этим выскажем ряд замечаний по поводу сомнений, выражавшихся в связи с интерпретацией херсонесских

---

[23] *Vinogradov J. G., Zolotarev M. I.* L'ostracismo... P. 116—118.

[24] *Brenne S.* Ostraka and the Process. P. 22.

остраконов[25]. Ю. Г. Виноградов, поначалу высказывавший эти сомнения, впоследствии сам отказался от них. Однако, как говорится, littera scripta manet: предложенные им аргументы против трактовки острака из Херсонеса как бюллетеней для остракизма, будучи раз изложенными, стали историографическим фактом и поэтому требуют ответа.

Одной из причин, вызывавших сомнение в трактовке рассматриваемых памятников как остраконов для остракизма, была весьма ранняя дата древнейших из этих граффити — самое начало V в. до н. э. Получалось, что остракизм в Херсонесе, полисе на самой окраине греческого мира, начал применяться едва ли не раньше чем в самих Афинах. Ведь, как известно, закон Клисфена об остракизме был принят в последние годы V в. до н. э., а впервые воспользовались им в 487 г. до н. э., когда изгнали Гиппарха, сына Харма. Однако, на наш взгляд, сама по себе ранняя дата херсонесских острака не может опровергнуть их использование в ходе голосования на остракофориях. Дело в том, что пересказанный нами тезис, по сути дела, исходит из двух недоказанных посылок. Первая из них — соображение о том, что Клисфен придумал остракизм, так сказать, e nihilo, что до него этот институт ни в какой форме не существовал и изгнание политиков с помощью надписанных черепков не практиковалось. Выше (гл. II, п. 2) мы постарались показать, что это явно не так, что в архаическую эпоху можно говорить о «протоостракизме», который предшествовал классической клисфеновской процедуре. Таким образом, первая посылка оказывается не только недоказанной, но и попросту неверной.

Согласно второй посылке, родиной остракизма в греческом мире были Афины, все остальные полисы, где этот институт зафиксирован, заимствовали его из Афин и только из них, соответственно, остракизм нигде не мог появиться раньше, чем в Афинах. Это положение ввиду своего весьма широкого и общего характера требует специального разбора, к которому мы обратимся чуть ниже. А пока заметим, что перед нами чисто умозрительная конструкция, основанная не на фактах, а на догадках и по большей части на communis opinio. Ни в одном источнике не говорится, что Афины — родина остракизма, и тем более нигде не упоминается о том, что во все места, где остракизм употреблялся, он пришел из Афин. Только относительно Сиракуз есть прямое свидетельство о том, что тамошний петализм был создан по образцу афинского остракизма (Diod.XI.86.5). Зачем же экстраполировать этот факт на все остальные случаи? Это кажется и маловероятным. Действительно, гораздо резоннее предположить, что херсонеситы, например, переняли остракизм не из Афин, с которыми у них в V в. до н. э. никаких особых связей не было, а из Мегар — своей «праметрополии», тем более что в Мегарах остракизм был, и это, как мы знаем, зафиксировано в традиции.

Еще одно соображение против интерпретации херсонесских черепков как остраконов в прямом смысле слова связано с одним из памятников этой группы, несущим надпись – – –]ΣΑΛΛΑΧΑΙΡ[– – –, в первоначальном прочтении

[25] *Vinogradov J. G.* Pontische Studien... S. 406.

Ю. Г. Виноградова — [οὐχ ὁ δεῖνα], ἀλλὰ Χαιρ[ίας vel sim.], «(должен быть изгнан) не такой-то, а Хайрий (или какое-то другое лицо чье имя начиналось с Хайр-)». Отметим со своей стороны, что имена на остраконе вовсе не обязательно должны стоять в номинативе. Окончание имени Хайр- не сохранилось, а от предыдущего имени осталась только сигма, которая в равной степени может быть последней буквой патронимика. Таким образом, надпись вполне могла иметь вид «(Следует изгнать) не такого-то, а Хайрия». Издатель надписи замечает по поводу своей реконструкции: «On connâit aussi des formules peu courantes du même genre sur les *ostraka* attiques. Mais notre cas ne convient pour aucune des formules peu courantes connues. "(Bannir) non un tel, mais Khairias" n'aurait pas de sens»[26]. Соответственно, предлагалась трактовка, согласно которой Хайрий должен был быть не изгнан, а куда-то избран, а черепок служил бюллетенем для голосования по поводу этого избрания. Впоследствии, впрочем, Ю. Г. Виноградов отказался от этого варианта восстановления, склонившись к другому: [ὁ δεῖνα φυγὰ]ς, ἀλλὰ χαίρ[ετε] — «Такой-то изгнан — так радуйтесь же!»[27]. Ему удалось подобрать и параллель (правда, на наш взгляд, довольно отдаленную — и содержательно, и территориально) в эпиграфике Книда. Некоторое сомнение в последней реконструкции вызывает и то, что на момент надписания черепка еще никто не был изгнан, этот вопрос еще только решался путем голосования, так что, стало быть, и радоваться пока не было особенного повода.

На наш взгляд одно не подлежит сомнению: перед нами остракон с припиской, содержащей нестандартную формулировку. И в этом смысле в равной степени имеют право на существование (и, строго говоря, в равной мере недоказуемы) обе реконструкции Ю. Г. Виноградова. Мы же зададимся вопросом: что, собственно, невозможного в первой из этих реконструкций? Почему на остраконе для остракизма не могла появиться надпись «(Изгнать) не такого-то, а Хайрия»? Как мы видели выше (источниковедческий раздел, п. 2; гл. IV, п. 4), среди массы афинских остраконов, обнаруженных на Агоре и на Керамике, встречаются черепки, на которых, помимо имен «кандидатов», тоже встречаются разного рода нестандартные формулировки. И чего только не встретишь на «бюллетенях» для остракизма! Не считая многочисленных более или менее оригинальных (или, напротив, банальных) инвектив — и небольшую эпиграмму, написанную по всем правилам стихосложения, и строку из застольного сколия, и своеобразные рекомендации изгоняемому политику, куда ему следует или не следует отправляться, и рисунки-карикатуры, и многое другое. По сути дела, нестандартные формулировки именно тем и нестандартны, что они не подчиняются абсолютно никакой закономерности. В принципе, на острака можно ожидать *любой* надписи, и ни одна не окажется неподходящей. В связи со сказанным мы не видим ничего странного или бессмысленного даже и в формулировке «(Изгнать) не такого-

[26] Ibid.

[27] *Vinogradov J. G., Zolotarev M. I.* L'ostracismo... P. 118—119.

то, а Хайрия». И уж в любом случае единичный памятник ничего не решает. Он мог быть включен в группу остраконов по ошибке.

Еще один аргумент против принадлежности херсонесских острака к остракизму связан с постулированием их альтернативной интерпретации как бюллетеней для голосования, применявшихся при выборах каких-то магистратов или коллегий магистратов. Очевидным недочетом такой интерпретации является отсутствие опоры на сколько-нибудь близкие параллели. Эллинистическая Ольвия, где действительно найдены остраконы не только с единичными именами, но и со списками по пять имен[28] (что явно несовместимо с остракизмом, но зато очень подходит для избрания каких-нибудь коллегий), вряд ли может считаться хронологически близкой и убедительной параллелью. То же можно сказать об одном декрете конца III — начала II в. до н. э. из кеосской Юлиды (IG.XII.5.595.A7 sqq.), предусматривающем избрание некоторых магистратов с помощью листьев, на которых писались имена: [αἱρεῖσθαι δὲ (numerus) ἄνδρας] τοὺς δοκιμωτάτους τῆι νέα[ι ἀρχῆι, γράψαντας ἕνα ἐφ' ἑκάστωι] τῶι φύλλωι, καθάπερ τὸν ἄρχο[ντα – · οἷς δ' ἂν πλείονα γ]ένηται [τὰ] φύλλα, τούτους ἐ[πιμεληθῆναι· ἐὰν δ' ἴσα] γένηται, διακληροῦν τὸν ἄρχοντα [– – – – – παρα]χρῆμα. Очень хотелось бы найти примеры избрания магистратов с помощью черепков или аналогичных предметов в греческом мире классической эпохи, но, увы, вот тут поиски оказываются тщетными. Как мы говорили выше (гл. II, п. 2), в это время надписанные черепки или листья всегда служили для голосования по поводу не выборов, а *удаления* лиц, выборы же проводились совсем другими способами.

Правда, Ю. Г. Виноградов писал, что посредством «петализма» в Аттике избирали членов Совета и судей по демам[29], но здесь, очевидно, вкралось какое-то недоразумение. Во-первых, о членах какого Совета идет речь? Совет Ареопага издревле пополнялся путем автоматической кооптации бывших архонтов на пожизненной основе. Что же касается Совета Пятисот, то его члены, как известно, избирались по жребию (Arist.Ath.pol.43.2). Голосование листьями (правда, называвшееся не петализмом, а экфиллофорией) действительно практиковалось в Совете, но, как мы указывали в своем месте, не для избрания, а напротив, для исключения его членов, проявивших себя недостойными оставаться в этом органе. Таким образом, перед нами обычай, являющий собой полную аналогию остракизму. Что же касается судей по демам, то они отнюдь не избирались посредством голосования листьями, а, напротив, сами голосовали листьями, вынося приговор в процессах о лицах, незаконно вписанных в гражданские списки (εἴ τις ὡς παρέγγραπτος ἐκρίνετο), и путем такого голосования исключали их из этих списков. Эта процедура тоже называлась экфиллофорией (см. о ней: Poll.VIII.18). И опять перед нами прямая параллель с остракизмом, а не с чем-нибудь другим! Во всех перечисленных случаях речь идет об исключении, удалении, а отнюдь не об избрании или включении.

---

[28] *Леви Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 94 слл.

[29] *Vinogradov J. G.* Pontische Studien... S. 406.

На нескольких остраконах из Херсонеса встречается изолированная буква «ню» непонятного назначения. Можно, конечно, трактовать ее как сокращенное обозначение какой-то полисной должности (например, «номофилак») и понимать остраконы как «бюллетени» для голосования при выборах магистратов на эту должность. Однако не слишком ли произвольной будет такая трактовка, и почему ее нужно считать более вероятной, чем любую другую? Кстати, существует и афинский остракон (с именем Гиппократа, сына Алкмеонида, хранится в Гейдельберге)[30], в разных местах которого расположены целых четыре буквы «ню». Последний издатель остракона Немет, не мудрствуя лукаво, предположил, что буквы были вписаны кем-то забавы ради еще до того, как черепок послужил остраконом. Впрочем, почему же обязательно «забавы ради»? Понятно, что черепок, прежде чем стать черепком, был частью сосуда, а сосуд мог использоваться для самых различных целей, и, соответственно, на него могли наноситься разного рода пометы. Во всяком случае, никак нельзя определить, когда были нанесены буквы «ню» — одновременно ли с именем «кандидата», или раньше, или даже позже. Данный вопрос еще нуждается в дополнительном изучении. Не исключено, что «ню» может скрывать какое-нибудь самое неожиданное сокращение, например, эпитет магического характера, навлекающий проклятие на лицо, обозначенное на черепке[31].

Итак, перед нами две интерпретации херсонесских острака: как черепков для остракизма и как бюллетеней для избрания должностных лиц. Нетрудно заметить, что вторая из этих интерпретаций не базируется на близких и современных параллелях. Первая же интерпретация как раз подкрепляется многочисленными параллелями, в том числе теперь уже не только афинскими. Соответственно, нам представляется, что именно эта интерпретация по совокупности имеющихся аргументов в ее пользу выглядит значительно более убедительной.

Разумеется, глиняные черепки — этот удобный своей повсеместной доступностью материал, который можно было в изобилии найти на любой улице, в любом доме, — в принципе могли использоваться для самых разнообразных целей. Но все эти цели вряд ли имеют какое-то отношение к рассматриваемым нами здесь конкретным памятникам. Известно, например, что существовали детские игры с использованием черепков (остракинда и др.). Не исключено, что в каких-то из этих игр на черепках могли писаться имена (хотя прямо источники об этом ничего не сообщают). Во всяком случае, М. Лэнг в своем из-

---

30 Публикацию памятника см.: *Raubitschek A. E.* Drei Ostraka...; *Németh G.* Op. cit.

31 Ю. Г. Виноградов незадолго до своей кончины поделился с автором этих строк своим мнением по поводу чтения неразборчивой надписи на одном херсонесском остраконе, который он, насколько нам известно, так и не успел издать. Исследователь прочел на черепке слово νέκυρς (= νέκυς, νεκρός) — «труп». Это следует понимать как эпитет при имени «кандидата», представляющий собой проклятие, пожелание ему смерти. Слово, о котором идет речь, начинается как раз на «ню».

дании острака с афинской Агоры склонна связывать несколько экземпляров из их числа скорее с остракиндой, чем с остракизмом[32]. Однако херсонесский материал заведомо не удовлетворяет аналогичной интерпретации. Совершенно невероятно, чтобы несколько десятков остраконов с именами, а зачастую и с патронимиками, служили игровым целям. Само собой разумеется, что поскольку речь идет о надписях, сделанных уже на черепках, а не на цельных сосудах, отпадает и интерпретация их как имен владельцев.

* * *

Итак, как количество, так и ареал внеафинских находок острака, свидетельствующих о применении остракизма в тех или иных полисах, имеют тенденцию к расширению. Следует учитывать, что каждый следующий археологический сезон может принести новые находки памятников этого рода, как в тех городах, о которых шла речь выше, так и в каких-то других. В связи со сказанным небезынтересно будет упомянуть, что в Эфесе на рубеже VI—V вв. до н. э. применялся способ изгнания, имевший определенные черты сходства с афинским остракизмом. В данном случае в нашем распоряжении такой аутентичный и авторитетный источник, как современник и даже в известной степени участник описываемых событий — философ Гераклит[33]. В одном из сохранившихся фрагментов (B121 DK), почти без разночтений передаваемом рядов позднейших авторов (Страбоном, Диогеном Лаэрцием, Цицероном), что убедительно говорит в пользу его подлинности, Гераклит, горько сетуя на изгнание эфесянами его друга — аристократа Гермодора, приводит формулировку, обосновывавшую это изгнание: «Среди нас никто да не будет наилучшим, а коли есть такой, быть ему на чужбине и с другими!»[34] Судя по всему, философ цитирует официальный документ.

Строго говоря, с эфесской процедурой очень много неясностей. Так, совершенно неизвестен способ принятия решения: осуществлялось ли голосование об изгнании с помощью черепков, листьев или каким-то иным путем. Неизвестно, было ли это изгнание ограничено каким-то сроком (десятью годами, как в Афинах, пятью, как в Сиракузах, и т. п.), или же оно являлось пожизненным[35]. Неизвестно, далее, был ли случай с Гермодором единичным, или

---

[32] *Lang M.* Ostraka... P. 47—48.

[33] Диоген Лаэрций (IX.1) датирует акме Гераклита 69-й Олимпиадой (504/503 — 501/500 гг. до н. э.).

[34] В передаче Страбона: ἡμέων μηδὲ εἷς ὀνήιστος ἔστω, εἰ δὲ μή, ἄλλῃ τε καὶ μετ' ἄλλων. В передаче Диогена Лаэрция: ἡμέων μηδὲ εἷς ὀνήιστος ἔστω· εἰ δὲ τις τοιοῦτος, ἄλλῃ τε καὶ μετ' ἄλλων. В передаче Цицерона: nemo de nobis unus excellat; sin quis extiterit, alio in loco et apud alios sit.

[35] Гермодор после своего изгнания имел какие-то контакты с римлянами. Впоследствии в Риме стояла даже его статуя. Ряд античных авторов связывает Гермодора с первой римской кодификацией права, т. е. с созданием законов XII таблиц. Подроб-

мы имеем дело с какой-то системой (второе несколько более вероятно)[36]. С несколько большей уверенностью можно говорить о субъекте принятия решения: в изложении Гераклита это Ἐφέσιοι, то есть, судя по всему, эфесский демос, народное собрание. Если бы решение принял какой-то другой, меньший по размеру орган (например, Совет), то философ, наверное, оговорил бы это специально и уж во всяком случае не стал бы утверждать, что всех эфесян следует поголовно перевешать, а город передать безусым юнцам, — то есть, очевидно, тем, кто ввиду своего несовершеннолетия не принимал участие в голосовании.

Твердо известно, однако, самое главное — цель изгнания. Она заключалась в том, чтобы удалить из полиса выдающегося и тем самым опасного гражданина. А ведь это именно та цель, которая имелась в виду при введении остракизма в Афинах. Изгнание Гермодора, как и афинский остракизм, оказывалось мерой «профилактической», то есть проведенной не в силу какого-то преступного деяния, совершенного этим человеком, а для того, чтобы обезопасить себя от него на будущее. Это — важнейшая принципиальная черта остракизма и аналогичных ему институтов. Таким образом, мы можем утверждать, что эфесская процедура — явление того же порядка, что и афинский остракизм[37]. Какие бы расхождения между ними ни обнаруживались, эти расхождения, по сути дела, имеют частный и непринципиальный характер[38].

нее см.: *Кофанов Л. Л.* Древнегреческое право и законы XII таблиц: проблема заимствований и влияния // ДП. 2002. № 1 (9). С. 40—41, с цитатами из источников. Нам, однако, представляется, что здесь имеет место довольно значительная хронологическая неувязка. Гермодор должен был покинуть Эфес не позже начала V в. до н. э., во всяком случае, еще в правление Дария в Персии (см. [Heraclit.] Epist.3), то есть никак не позже 486 г. до н. э., и вряд ли он на момент своего изгнания был юношей. В высшей степени сомнительно, чтобы спустя 40—50 лет он был еще жив и даже до такой степени активен. В то же время сомневаться в реальности каких-то серьезных услуг, оказанных римлянам Гермодором, тоже не приходится. Иначе зачем было ставить в Риме статую этого, в общем-то, малоизвестного деятеля греческой истории? Остается предположить (разумеется, в порядке гипотезы), что Гермодор действительно был в Риме и сумел чем-то отличиться перед его гражданами (возможно, привез им копии каких-то греческих законов, впоследствии использованные при кодификации), но произошло это на несколько десятилетий раньше работы коллегии децемвиров, ближе к началу V в. до н. э. Как бы то ни было, сведения о Гермодоре представляют собой важное свидетельство очень ранних контактов Рима с центрами греческой цивилизации.

[36] В одном пассаже из писем Псевдо-Гераклита подразумевается, что аналогичному изгнанию эфесяне хотели подвергнуть и самого философа ([Heraclit.] Epist.7.1). Неясно, следует ли придавать этой информации серьезное значение.

[37] Поэтому нам представляется правомерным, что Л. Бюрхнер, автор статьи об Эфесе в Realencyclopädie Паули — Виссова, называет изгнание Гермодора остракизмом: *Bürchner L.* Ephesos // RE. Bd. 5. Stuttgart, 1905. Sp. 2789. Правда, Бюрхнер относит эфесский остракизм ко времени после 470 г. до н. э., а это явно неверно.

При обозрении внеафинских острака и релевантного нарративного материала не могут не быть подняты естественные вопросы: складывался ли институт остракизма самостоятельно в разных полисах или же первоначально в одном месте? И если в одном, то обязательно ли это были именно Афины? И даже если Афины следует считать родиной остракизма, то для всех ли остальных полисов, где он также применялся, следует говорить об афинском влиянии, заимствовании из Афин? Не были ли «пути остракизма» менее прямолинейными и более сложными? Вся эта серия вопросов крайне редко поднимается в историографии. А если какой-нибудь исследователь поднимает их, то тут же и выясняется, что у него имеются готовые ответы. И ответы эти всегда одни и те же. Остракизм возник в одном месте, местом этим были клисфеновские Афины, и во все остальные полисы, где этот институт зафиксирован, он попал только из Афин. Все это считается как бы чем-то самим собой разумеющимся[39]. Возможные альтернативы даже не рассматривают, ссылаясь на общепринятое мнение. Власть этого общепринятого мнения оказывается настолько велика, что зачастую едва ли не заменяет собой всякую аргументацию, а это вряд ли достойно похвалы.

Только один пример. Еще в XIX в. Ж. Валетон, обратившись к интересующему нас здесь вопросу, решил его в пользу афинского приоритета[40]. Основные доводы его следующие. Древние авторы указали бы, если бы остракизм впервые появился не в Афинах, а в каком-нибудь другом полисе (типичный argumentum e silentio, который сам по себе не может иметь никакой силы). Далее, сиракузский петализм был прямо смоделирован по образцу афинского остракизма, а значит, то же самое по аналогии можно заключить и о других сходных с остракизмом процедурах за пределами Афин (опять же очень слабое доказательство). Наконец, Афины раньше всех остальных полисов перешли от аристократии к демократии. А вот этот тезис уж откровенно неверен! Если во времена Валетона так еще можно было считать, то теперь уже просто непозволительно. В недавней книге, специально посвященной данному сюжету[41], обозначен целый ряд «доклисфеновских» демократий в разных частях греческого мира, возникших еще в архаическую эпоху. Интересно, что в этом перечне наличествуют Мегары и Аргос, в которых найдены

---

[38] Характерно, что некоторые исследователи без ссылок на источники писали об остракизме в Эфесе: *Обнорский Н. П.* Ук. соч. С. 344; *Гинзбург С. И.* Остракизм как орудие... С. 35; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 27. Насколько можно судить, имеется в виду именно инцидент с Гермодором. Формально, конечно, его нельзя подводить под категорию остракизма, но по существу указанные авторы правы: эпизод укладывается в интересующий нас контекст.

[39] *Κριτζάς Χ. Β.* Op. cit. S. 60—61 (применительно к Мегарам); *Bacchielli L.* Op. cit. P. 263—264 (применительно к Кирене); *Lübker F.* Op. cit. S. 748; *Guarducci M.* Op. cit. V. 2. P. 524 (применительно ко всем полисам).

[40] *Valeton I. M. J.* Op. cit. V. 15. P. 130 sqq.

[41] *Robinson E. W.* Op. cit.

острака. Кроме того, само положение о неразрывной связи остракизма с демократией нуждается в серьезной корректировке (см. выше, гл. II, п. 2).

Относительно недавно вышла монография Р. Томсена, на всем протяжении которой идет речь именно о происхождении остракизма. Автор, разумеется, не может не коснуться и вопроса об афинском приоритете или отсутствии такового. И что же? Он совершенно не углубляется в проблему, а просто ссылается на работу Валетона, считая, что после нее говорить на эту тему уже незачем[42]. И всё! Вопрос закрыт. «Афинская» версия восторжествовала. Как будто со времен Валетона наука не сделала ни шага вперед... И как будто в его аргументах нет очевидных слабостей. «Пусть даже необходимо подчеркнуть, — пишет Томсен, — что абсолютная уверенность в этом вопросе невозможна, однако не имеется серьезных оснований отклоняться от общепринятого мнения (common assumption)». Опять это «общепринятое мнение»! А если оно представляет собой не более чем историографический миф? Мы отнюдь не утверждаем этого, напротив, считаем, что «афинская» гипотеза имеет не только право на существование, но и достаточно веские резоны в свою пользу. Однако это именно гипотеза, которую следует принимать во внимание наряду с любой другой, не отвергая заведомо ни одну из них и учитывая новейшие данные. Вопрос нужно изучать, а не отмахиваться от него. Нельзя a priori постулировать прямое афинское влияние на все полисы, где появился остракизм. Напомним, прямо сообщается о таком влиянии только в случае Сиракуз.

В связи с рассматриваемой проблемой необходимо упомянуть о нескольких обстоятельствах, представляющихся нам немаловажными. Во-первых, мы встречаем остракизм (и аналогичные процедуры) с той или иной степенью уверенности практически во всех частях греческого мира — от Сицилии до Малой Азии и от Крыма до Северной Африки. Вне сомнения, в отдельных конкретных случаях мы можем и даже должны говорить о заимствовании института из Афин. Но постулировать его для всех без исключения остальных полисов, где остракизм зафиксирован, — не будет ли это сугубым «афиноцентризмом»? Афины, конечно, были влиятельным политическим и культурным центром, но все же не до такой степени, чтобы все остальные греческие государства, не находящиеся от них в прямой зависимости, стали копировать с афинского образца важные элементы конституционного устройства. При этом характерно, что, помимо Афин, острака пока найдены только в дорийских полисах: Херсонесе, Кирене, Мегарах, Аргосе. Получается, что афинское влияние в рассматриваемом нами аспекте в V в. до н. э. охватило почему-то прежде всего дорийский мир, а не ионийский, родственный Афинам и находившийся с ними в эту эпоху в куда более тесном контакте?

Такое предположение само по себе выглядит крайне маловероятным. Кроме того, оно приводит к существенным хронологическим неувязкам, как мы увидим чуть ниже, когда будем говорить о времени существования института остракизма в различных полисах. А почему бы не допустить обратный

---

[42] *Thomsen R.* Op. cit. P. 12.

ход мыслей — что идея остракизма пришла в Афины из дорийского ареала? Имеется, по крайней мере, одна интересная параллель. Реформа аттических фил, как известно, отнюдь не была изобретением Клисфена, и об этом знал уже Геродот (V.67—69). Известно о схожих реформах фил, проводившихся в греческих полисах ранее, в течение архаической эпохи: в Коринфе, Сикионе, Кирене, возможно, в Спарте. И все эти полисы — дорийские! Не могло ли получиться так же и в случае с остракизмом? Выскажем эту идею чисто в порядке гипотезы, не претендуя ни на что большее.

Во-вторых, обратим внимание на порядок слов у Аристотеля (Pol.1302b18), когда он говорит о том, что остракизм применялся ἐν Ἄργει καὶ Ἀθήνησιν — именно так, а не иначе. Едва ли отличавшийся скрупулезностью и педантизмом Стагирит расположил здесь названия городов в произвольном, ничем не обусловленном порядке. Нельзя говорить и об алфавитной расстановке топонимов: по правилам греческого алфавита, в отличие от русского, Афины должны были бы оказаться впереди. Логичнее предположить, что у автора «Политики» были какие-то веские основания поставить Аргос перед Афинами, например, имевшиеся в его распоряжении сведения о том, что аргосский институт остракизма древнее афинского[43]. Во всяком случае, если бы Аристотель абсолютно точно знал, что родина остракизма — Афины, следует полагать, что их он и поставил бы на первое место. Но, очевидно, такой безоговорочной уверенности он не имел, в отличие от многих ученых XIX—XX вв.

В-третьих, высказывавшиеся и аргументировавшиеся нами выше соображения о доклисфеновском, архаическом происхождении остракизма (гл. II, п. 2) лишают версию о его безоговорочно афинской природе одного из серьезных устоев. Выражаясь фигурально, если Клисфен — не «отец» остракизма, то Афины вовсе не обязательно должны быть «родиной» этого института. Говоря же более терминологично, если мы отказываемся от жесткой привязки возникновения остракизма к совершенно конкретному историко-хронологическому контексту (политическая борьба в афинском полисе конца VI в. до н. э.) и ставим этот процесс в контекст более широкий, причем не только афинский, а общегреческий, то и локальный контекст вполне может быть изменен, во всяком случае, перестает быть инвариантным.

Но самым важным представляется нам рассмотреть, насколько позволяют источники, проблему хронологических рамок функционирования остракизма в различных полисах за пределами Афин и попытаться подойти к решению сопутствующих проблем. Прежде всего интересует нас вопрос, когда именно появлялся остракизм в том или ином месте. Уже в зависимости от полученных ответов можно будет говорить о возможности или невозможности, вероятности или маловероятности афинского влияния в каждом конкретном случае. Задача, стоящая перед нами, ввиду скудости источниковой базы чрезвычайно сложна. Пытаясь ее реализовать, мы не будем, в отличие от общеп-

---

[43] Ср.: *Harris W. V.* Op. cit. P. 55; *Vinogradov J. G.* Ostrakismos als strenges Kampfmittel... S. 385.

ринятой практики, пытаться вычислить датировку введения остракизма в Мегарах, Аргосе, Кирене и др. на основании постулируемого заимствования из Афин. Как раз это последнее еще нуждается в доказательстве и, следовательно, само по себе не может использоваться для обоснования чего-либо. Постараемся прибегать к другим методам, к привлечению разного рода косвенных данных, в частности, известных фактов из политической истории полисов, которые нас интересуют (впрочем, к сожалению, политическая история всех этих полисов тоже реконструируется более или менее слабо). Посмотрим, не поможет ли это чем-нибудь. Кроме того, нам представляется правомерным привлечь также некоторые теоретические соображения о закономерностях применения остракизма.

Одну из таких закономерностей нам, кажется, удалось вывести в одной из предыдущих работ[44]. В Афинах «классический» остракизм был учрежден Клисфеном вскоре после свержения тирании Писистратидов. Именно такая последовательность имела место и в Сиракузах: вскоре после ликвидации тирании Дейноменидов там была введена процедура петализма. Это — то, что известно безусловно, и нам представляется, что в этом следует видеть некую общую закономерность. Такая закономерность будет, кстати, вполне логичной и естественной в свете того, что мы знаем о предназначении остракизма. Не возьмемся, конечно, утверждать, что во всех полисах, где остракизм был, он вводился после ликвидации тиранического режима, но уже a priori такой исторический контекст для появления данного института кажется наиболее уместным.

А теперь перейдем, так сказать, к эпизодам из истории остракизма в полисах за пределами Афин, сразу оговорив, что в дальнейшем изложении неизбежно будет немало гипотетичного. Больше всего можно сказать об остракизме в *Мегарах*, поскольку история этого полиса известна относительно лучше, чем история большинства остальных, и сравнительно неплохо изучена в современной историографии[45]. Напомним, что в источниках эксплицитно не сообщается о том, на каком хронологическом отрезке в Мегарах действовал остракизм. Лишь отчасти помогает и единственный пока известный мегарский остракон, поскольку датировка его, как мы видели, весьма расплывчата — от времени Пелопоннесской войны до кануна Херонейского сражения. Таким образом, приходится исходить в основном из соображений контекста, как это обычно и делается. На сегодняшний день имеются два альтернативных предположения о времени введения остракизма в Мегарах. Одно из этих предположений (Р. Легон, Х. Крицас) приурочивает это событие к 427—424 гг. до н. э., то есть к тому краткому периоду, в течение которого у власти в мегарском полисе находилась проафински настроенная демократия. Однако эта датировка вызывает у нас серьезные сомнения.

---

[44] *Суриков И. Е.* Остракизм и остраконы... С. 108—109. Ср.: *Sagan E.* Op. cit. P. 175.

[45] О мегарском остракизме мы уже писали в работе: *Суриков И. Е.* Остракизм в Мегарах... В дальнейшем мы будем основываться на выводах, полученных в этой статье.

Во-первых, за столь краткое время (2—3 года) процедура остракизма вряд ли могла бы быть воплощена в реальную практику, превратиться в устоявшийся институт, элемент конституционного устройства, в то время как традиция сообщает, что в Мегарах действительно *использовали* остракизм (ὠστρακοφόρουν — обратим внимание на употребление имперфекта, что подразумевает длительность действия), а не просто продекларировали его введение. Во-вторых, указанный хронологический отрезок был, мягко говоря, не самым подходящим временем для учреждения остракизма: шли активные военные действия, в самом центре которых находились Мегары, да к тому же в самих Афинах, из которых мегаряне, как считают, заимствовали остракизм, он в это время уже почти вышел из употребления. В-третьих, после очень кратковременной «демократической интерлюдии»[46] в Мегарах была в 424 г. до н. э. восстановлена более характерная для этого полиса олигархия. Нет сомнения, что новые правители города тут же отменили бы все нововведения враждебных им демократов, в том числе и остракизм. Но если опубликованный мегарский остракон относится к более позднему времени, к IV в. до н. э. (а это все-таки более вероятно), то получается, что остракизм как раз отменен не был и продолжал практиковаться. А стало быть, нет серьезных оснований увязывать мегарский остракизм непременно с демократией эпохи Архидамовой войны.

Поэтому греческий ученый Х. Крицас предлагает и альтернативную датировку мегарского остракизма — период 460—446 гг. до н. э., время Малой Пелопоннесской войны[47]. При этом он опять же исходит из предпосылки афинского заимствования. На обозначенном хронологическом отрезке Мегары находились в союзе с Афинами. Однако, как мы видели, закономерность, выявленная на примере других полисов (тех же Афин, Сиракуз) предполагает, что остракизм — внутриполитический институт, элемент конституционного устройства — вводился не в связи со сменой внешнеполитического курса (это было бы странным), а в связи с политическими переворотами и сменами форм государственного строя, обычно после свержения тирании. В Мегарах середины V в. до н. э. ничего подобного не наблюдалось. У власти стабильно пребывала олигархия[48], и непонятно, почему колебания ее внешнего курса между Афинами и Спартой должны были отражаться на внутриполитическом уровне. Напомним еще и о том обстоятельстве, что самые ранние остраконы из Херсонеса Таврического датируются началом V в. до н. э. В высшей степени маловероятно, чтобы в колонии (точнее, даже в субколонии) институт остракизма появился раньше, чем в мет-

---

[46] Кстати, и сама эта «демократическая интерлюдия» подвергалась сомнению в историографии: *Hornblower S.* A Commentary... V. 2. Oxf., 1996. P. 332.

[47] *Κριτζάς Χ. Β.* Op. cit. S. 70—71.

[48] *Legon R. P.* Op. cit. P. 183. Крицас считает, что в Мегарах в эти годы под афинским влиянием установилась демократия, но никаких доказательств этого тезиса не приводит. Таких доказательств и нет.

рополии. И наоборот, вполне оправданным будет предположить противоположную последовательность. Фактически херсонесский остракизм может служить t. a. q. для мегарского.

Таким образом, по целому ряду оснований нам кажется более плодотворной попытка поиска корней мегарского остракизма в VI в. до н. э. Стоит нам обратиться к политической истории города этого времени, и мы сразу обнаруживаем несколько чрезвычайно подходящих контекстов для введения остракизма. Вскоре после свержения тирании Феагена, которое имело место не позже рубежа VII—VI вв. до н. э., в Мегарах установилась «необузданная демократия» (ἀκόλαστος δημοκρατία, Plut.Mor.304e). Кстати, судя по всему, это был едва ли не первый известный случай демократического режима в греческом мире[49]. Разумеется, на столь раннем историческом этапе первая мегарская демократия не могла не быть весьма несовершенной и даже примитивной (ἀταξία καὶ ἀναρχία — так характеризует ее Аристотель, Pol.1302b32). Правление демоса сопровождалось разного рода эксцессами, изгнанием политических противников, произволом по отношению к состоятельным гражданам (Plut.Mor.295d), а также внешнеполитическими неудачами: обострились отношения Мегар с их соседями, в том числе с влиятельной Дельфийской амфиктионией, тогда же, судя по всему, в пользу Афин был утрачен Саламин.

Тем не менее демократы в течение определенного времени удерживали власть в своих руках. И все же уже ко времени основания мегарянами Гераклеи Понтийской (550-е гг. до н. э.) мегарская демократия в результате очередного переворота сменилась олигархией[50], которая с тех пор очень стабильно и почти без перерывов держала бразды правления в полисе в течение несколь-

---

[49] Об архаической мегарской демократии см.: *Legon R.P.* Op. cit. P. 104—135; *Robinson E.W.* Op. cit. P. 114—117; *Пальцева Л.А.* Из истории... С. 257—271.

[50] *Legon R.P.* Op. cit. P. 134 (демократия пала уже к 580 г. до н. э.); *Пальцева Л.А.* Из истории... С. 270 (это произошло в 560-е гг. до н. э.). Иную точку зрения см.: *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976. P. 17; *Robinson E.W.* Op. cit. P. 116. Эти авторы считают, что Гераклея была основана еще при демократии. Однако вряд ли такой неупорядоченный, близкий к анархии режим, каким предстает перед нами архаическая мегарская демократия, был способен на крупное колонизационное мероприятие. Да и Дельфы не дали бы санкцию на выведение колонии враждебным им мегарским демократам. Кроме того, сомнительно, чтобы этот слабый, разъедаемый противоречиями и смутами строй продержался так долго, до середины VI в. до н.э. О времени основания Гераклеи см. также: *Asheri D.* Über die Frühgeschichte von Herakleia Pontike // Forschungen an der Nordküste Kleinasiens. Bd. 1. Herakleia Pontike: Forschungen zur Geschichte und Topographie. Wien, 1972. S. 9—34; *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 16; *Фролов Э.Д.* Рождение... С. 200; *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Херсонес изначальный... С. 98; *Суриков И.Е.* Лидийский царь Крез и Балканская Греция // Studia historica. Т. 1. М., 2001. С. 12. Датировки этого события колеблются, но все колебания находятся в рамках 550-х гг. до н. э.

ких веков. С каким-то из перечисленных событий первой половины VI в. до н. э. и может быть связано с немалой долей уверенности введение остракизма. Но с каким конкретно?

Возникает немалый соблазн приписать данную акцию именно демократии. Впрочем, этому препятствуют несколько обстоятельств. Аристотель (Pol.1304b35) сообщает, что мегарские демократы этого времени изгоняли представителей знати, «чтобы иметь возможность конфисковать их имущество». Следовательно, речь здесь идет скорее не об остракизме, при котором, как известно, имущество не подвергалось конфискации (во всяком случае, в Афинах), а об обычных репрессивных мерах. Кроме того, опять же сохраняет силу аргумент, согласно которому, если остракизм ввела демократия, то сменивший ее олигархический режим должен был отменить этот институт, а мегарский остракизм между тем существовал и позже (вспомним об остраконе).

Поэтому мы не с меньшей, если не с большей вероятностью готовы допустить и другую возможность — введение остракизма олигархией, свергнувшей демократическое правление, с целью, так сказать, упорядочения правил политической игры. Как мы неоднократно говорили по ходу исследования, никакого непримиримого противоречия между олигархией и остракизмом не существует. Все дело, в сущности, в том, в ведении какого органа эта процедура находится — народного собрания или Совета (олигархия не допустила бы первого, а демократия второго), — а относительно Мегар нам такие детали абсолютно неизвестны.

Как бы то ни было, возьмем на себя смелость достаточно уверенно утверждать: остракизм был учрежден в мегарском полисе очень рано, в первой половине VI в. до н. э. Кстати, вскоре после этого олигархические Мегары вошли в Пелопоннесский союз, признав гегемонию Спарты. Консервативные и негативно относившиеся к любым конституционным новшествам спартанцы вряд ли допустили бы введение в подчиненном им городе такого института, если бы он еще не существовал к этому времени. Что же касается времени окончания практики остракизма в Мегарах, то об этом можно сказать мало определенного. Ясно одно: процедурой изгнания черепками мегаряне пользовались достаточно долго. Ведь новооткрытый мегарский остракон относится к довольно позднему времени: к концу V или, скорее, даже к IV в. до н. э. Такое длительное существование остракизма не кажется невозможным. В Афинах остракизм (в его «классической» форме) функционировал менее века, но, как мы видели выше (гл. V, п. 1), прекращение его применения произошло в результате специфического стечения конкретных факторов различного характера. В Мегарах такого стечения не сложилось.

От Мегар наиболее естественным будет перейти к *Херсонесу*, который, как теперь можно утверждать вполне определенно, был основан не в эпоху Пелопоннесской войны, как предполагала общепринятая до недавнего времени гипотеза Шнейдервирта — Тюменева[51], а примерно на век раньше. Наиболее

[51] Ее наиболее подробное изложение см.: *Тюменев А. И.* Херсонесские этюды // ВДИ.

ранние херсонесские остраконы Ю. Г. Виноградов датирует самым началом V в. до н. э., что и должно стать t. a. q. для введения остракизма в этом полисе. Необходимо оговорить и еще одно обстоятельство. Если Мегары могли прийти к идее остракизма самостоятельно, то для Херсонеса это уже исключено. Херсонеситы, безусловно, не «изобрели» остракизм, а переняли его из своей праметрополии. Посредующим звеном должна была послужить Гераклея — «дочерняя» апойкия Мегар и в то же время «родительница» Херсонеса. Строго говоря, мы не знаем, применялся ли остракизм в самой Гераклее: письменных свидетельств об этом не существует, источники других категорий тоже ничем не помогают. Немаловажный свет на проблему могло бы пролить изучение гераклейских граффити, но они пока практически не опубликованы.

Впрочем, в принципе возможным следует считать и такой вариант, при котором остракизм попал из Мегар в Херсонес, минуя Гераклею. Он мог быть перенесен, так сказать, на персональном уровне. Поясним свою мысль. Гераклея основала Херсонес спустя достаточно непродолжительный отрезок времени после того, как сама была основана мегарянами. Среди колонистов, отправившихся в юго-западный Крым, должны были быть и такие, которые родились и сформировались как личности еще в Мегарах. Они видели применение остракизма на своей родине и вполне могли репродуцировать его на новом месте жительства, независимо от того, существовал ли этот институт в месте их промежуточного пребывания, в Гераклее.

Не будет неуместным вопрос, почему, по каким причинам совсем молодой общине херсонеситов понадобилось вводить у себя остракизм уже с первых десятилетий существования своего города. Ю. Г. Виноградов формулирует этот вопрос так: «По какой причине наверняка немногочисленной общине первых херсонеситов, очутившихся в диком краю разбойничавших тавров, понадобилось вводить у себя чуть ли не с первых шагов своего бытия столь радикальную меру политической борьбы, как остракизм, и изгонять на время кого-то из гражданского коллектива, вместо того чтобы, сомкнув ряды, защищать суверенитет своего молодого полиса перед лицом жестокосердных варваров?»[52] Впрочем, такая формулировка вопроса представляется нам не вполне корректной. Есть в ней что-то телеологическое. По этой логике точно так же можно было бы спросить: почему афиняне в 480-х гг. до н. э., вместо того, чтобы крепить единство гражданского коллектива перед лицом нависавшей персидской угрозы, только тем и занимались, что почти каждый год изгоняли остракизмом кого-нибудь из видных политиков? Ведь крупнейшая серия остракофорий в афинской истории приходится как раз на тот хронологический отрезок, который, казалось бы, был всего менее для этого уместен. Очевидно, наша современная логика здесь не подходит. Тем не менее нуждается

1938. № 2. С. 245—275. Один из последних по времени обзоров историографии об основании Херсонеса см.: *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Херсонес изначальный... С. 91 слл.

[52] *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Год рождения... С. 37—38.

все-таки в разрешении проблема причин введения остракизма в Херсонесе. Ведь раз был остракизм, — значит, была и острая политическая борьба. Почему же она разгорелась едва ли не с самого основания полиса?

На наш взгляд, здесь необходимо принимать во внимание следующие обстоятельства. Во-первых, круг граждан «Херсонеса изначального» был неоднороден в этническом отношении. Ю. Г. Виноградов, проанализировав с ономастической точки зрения имена на херсонесских острака, со всей убедительностью показал, что среди насельников нового полиса были как дорийцы, так и ионийцы[53]. С первыми всё более или менее ясно (гераклеоты, они же мегаряне), а откуда ионийский элемент? Вначале Ю. Г. Виноградов считал, что в основании Херсонеса наряду с Гераклеей приняла участие какая-то из понтийских колоний Милета (скорее всего, Синопа), хотя это не отразилось в источниках[54], а впоследствии он пришел к мнению, что ионийские имена принадлежат потомкам милетских колонизаторов самой Гераклеи, которые, по сообщению Страбона (XII.542), поселились на ее месте еще до мегарян[55]. Мы, со своей стороны, напомнили бы и о делосском участии в основании Херсонеса ([Scymn.] 826 sqq.). Выходцев с Делоса в раннем Херсонесе было, конечно, немного, но они, несомненно, все же были, а делосцы являлись именно ионийцами. Наличествовало среди херсонесских граждан первых десятилетий существования колонии и какое-то количество беотийцев (ср. чисто беотийское имя Пармених на острака из Херсонеса). Этот факт тоже не удивителен, поскольку в основании Гераклеи Понтийской, метрополии Херсонеса, приняла участие, кроме Мегар, также беотийская Танагра[56].

Этническая пестрота гражданского коллектива (дорийцы, ионийцы, беотийцы...), конечно, не могла способствовать единству и стабильности внутриполитической жизни, а, напротив, должна была порождать конфликты. Достаточно вспомнить, что, например, в полиэтничных Фуриях практически сразу же после их основания начались междоусобные распри.

Второе обстоятельство. Обратим внимание на тот факт, что Гераклея уже в ближайшие десятилетия после своего возникновения сама становится метрополией сразу двух новых апойкий: Херсонеса в Крыму и Каллатиса на западном побережье Понта[57]. В чем же причина столь бурной колонизационной активности совсем еще молодого полиса? Говоря в самом общем виде, выведение колонии могли обусловить три ряда факторов: демографические, коммерческие и политические. Первую группу приходится сразу исключить:

---

[53] *Vinogradov J. G.* Pontische Studien... S. 412 ff.

[54] *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Древнейший Херсонес... С. 59—60.

[55] *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Год рождения... С. 43. Факт наличия на месте Гераклеи более древней колонии милетян признается также в работе: *Сапрыкин С. Ю.* Ук. соч. С. 18 слл.

[56] *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism... P. 16.

[57] О времени основания Каллатиса (540-е гг. до н. э.) см.: *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Херсонес изначальный... С. 123—124; *Пальцева Л. А.* Из истории... С. 203.

совершенно невероятно, чтобы гераклеоты буквально сразу после основания города столкнулись со столь жестокой стенохорией, что потребовался отток населения — и не в один, а в целых два дочерних полиса. Напротив, в условиях «варварского» окружения (мариандины) разбрасываться гражданами вряд ли было уместно: каждый ополченец должен был быть на счету. С другой стороны, интересы морской торговли не требовали выведения полномасштабных колоний со статусом полиса: достаточно было ограничиться факториями. Остается предположить, что главную роль в гераклейской колонизации сыграли политические факторы. Очевидно, вскоре после выведения Гераклеи в ней закипела острая политическая борьба, и для каких-то групп гражданского коллектива стало невозможным оставаться на старом месте; они были вынуждены отправиться в субколонию, возможно, даже вытеснены насильственно.

Собственно, здесь мы не имеем даже нужды в гипотезах: есть эксплицитное свидетельство Аристотеля (Pol.1304b32), согласно которому сразу (εὐθύς) после основания Гераклеи в ней развернулась политическая борьба, в ходе которой различные группировки граждан — Аристотель, используя терминологию своего времени, называет их «знатными» (γνώριμοι) и «демагогами» — поочередно побеждали и изгоняли противников. Можно строить различные предположения о конкретном характере этой борьбы[58], но одно вполне очевидно: одним из ее результатов стало как раз основание Херсонеса. А если это так, то, стало быть, первые херсонеситы уже привозили с собой в землю тавров «семена» потенциального стасиса. Чтобы воспрепятствовать этим семенам разрастись пышным цветом, вскоре после основания полиса в нем и был учрежден институт остракизма.

Практически невозможно сказать что-то более конкретное в связи с обстоятельствами введения интересующей нас процедуры в Херсонесе. Не исключено, что на первых порах существования полиса в нем установилась тирания ойкиста[59], а после ее ликвидации и во избежание возрождения аналогичного режима решено было обратиться к периодическим изгнаниям влиятельных граждан посредством голосования черепками. Но это, безусловно, может быть только предположением, которое вряд ли когда-нибудь будет категорично доказано.

Как долго существовал остракизм в Херсонесе? Судя по всему, на протяжении весьма длительного хронологического отрезка, как и в Мегарах. Самые ранние из херсонесских остраконов датируются началом V в. до н. э., а самые поздние относятся к рубежу IV—III вв. до н. э. Получается, что институт функционировал, как минимум, в течение двух веков. Правда, по справедли-

---

[58] Одну из возможных интерпретаций, с акцентом на внешнеполитические факторы, см. в нашей статье: *Суриков И. Е.* О некоторых факторах колонизационной политики Гераклеи Понтийской // ПИФК. 2002. Вып.12. С. 72—82.

[59] О возможности такого развития событий в колониях Северного Причерноморья см.: *Лапин В. В.* Ук. соч. С. 236.

вому мнению Е. Я. Туровского, вряд ли он применялся часто, иначе количество открытых в Херсонесе черепков-«бюллетеней», скорее всего, было бы больше[60]. Херсонесский остракизм, видимо, был экстраординарным институтом; впрочем, именно таковым он являлся и в Афинах, да, наверное, и во всех остальных полисах, где зафиксировано его употребление.

И, наконец, когда в Херсонесе окончился обычай остракизма? В порядке чистой гипотезы и не претендуя ни на что большее, позволим себе следующее рассуждение. В начале III в. до н. э. в херсонесском полисе «произошли какие-то серьезные события»[61]. Сказать об этих событиях что-то конкретное непросто, но очевидно, что активизировалась внутриполитическая борьба, возросла острота конфликтов между различными группами гражданского коллектива. Возможно, имел место государственный переворот или попытка такового; не исключено, что претерпел какие-то изменения политический строй. Признаком каких-то экстраординарных обстоятельств, документом, принятым в кризисных, а не в стабильных условиях является, несомненно, знаменитая Херсонесская присяга, относящаяся как раз к этому времени.

Тем же хронологическим отрезком датируется и еще один эпиграфический документ, в высшей степени интересный по своему содержанию, но, к сожалению, сохранившийся в крайне неудовлетворительном состоянии, что побуждало работавших с ним исследователям к разного рода реконструкциям и конъектурам, из которых далеко не все представляются убедительными[62]. Во всяком случае, даже на основании имеющегося в нашем распоряжении фрагментированного текста можно сделать уверенный вывод о том, что памятник представляет собой декрет о возвращении в Херсонес каких-то политических изгнанников. Подобного рода акции амнистии (особенно когда они относились не к какому-то конкретному человеку, а к целой группе или категории граждан) предпринимались в греческих полисах обычно именно при переворотах, при смене власти (новый режим возвращает на родину своих сторонников, изгнанных предыдущим правительством) или вообще в момент изменения государственного строя, важных политических реформ и т. п., либо же в годину особенно суровой внешней опасности. Резонно вспомнить, например, в каких случаях осуществлялась амнистия в Афинах, история которых известна лучше всего. Амнистировал изгнанников Солон перед началом своих реформ, — очевидно, для того, чтобы расширить круг потенциальных сторонников этих преобразований. Тиран Гиппий после смерти Писистрата амнистиро-

---

60 *Туровский Е. Я.* Ук. соч. С. 100.

61 *Щеглов А. Н.* Полис и хора. Симферополь, 1976. С. 25.

62 Различные варианты реконструкции см.: *Соломоник Э. И.* Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках // ВДИ. 1984. № 3. С. 72—81 (editio princeps); *Vinogradov J. G.* Côte septentrionale du Pont, Caucase, Asie Centrale (Bulletin épigraphique) // REG. 1990. V.103. P. 548. Мы благодарны также И. А. Макарову, любезно ознакомившего нас со своим вариантом реконструкции памятника, пока не опубликованным.

вал ряд ведущих аристократов, изгнанных отцом, чтобы, так сказать, с самого начала продемонстрировать «либеральный» и толерантный характер своего правления. В 480 г. до н. э., в связи с нашествием Ксеркса, по инициативе Фемистокла афинская экклесия провела амнистию, под которую, в числе прочих, подпали жертвы остракизма. Наиболее известна амнистия 403 г. до н. э., после свержения олигархии Тридцати и восстановления демократии.

Наиболее интересен для нас случай 480 г. до н. э. Не может ли херсонесский декрет являть собой в некотором роде аналогию декрету Фемистокла? Иными словами, не вправе ли мы предположить, что среди тех изгнанников, которым разрешалось возвратиться в Херсонес, были и те его граждане, которые на тот момент находились в остракизме? Надпись в нынешнем ее состоянии не позволяет дать на этот вопрос ни утвердительный, ни отрицательный ответ. Но если жертвы остракофорий подпали под амнистию в связи с какими-то важными событиями в политической жизни (переворот? реформы?), то вполне мог быть в связи с этим отменен и сам институт остракизма в Херсонесе. Повторим, что все это лишь наши догадки, имеющие право на существование и не более того.

В *Кирене*, по мнению Л. Баккьелли, опубликовавшего происходящие оттуда острака, остракизм был введен в конце V в. до н. э. под афинским влиянием[63]. Но в таком случае получается, что это произошло уже после того, как этот институт вышел в Афинах из употребления. Выходит явная неувязка, и сам итальянский исследователь сознает, что соответствующая датировка киренского остракизма влечет за собой определенные трудности, но это не заставляет его изменить свою точку зрения. А между тем, если найденные экземпляры киренских остраконов относятся к концу V в. до н. э., то это, следует подчеркнуть, дает нам только t. a. q. для учреждения самой процедуры. Более того, сопоставление с другим известным материалом заставляет допустить (и даже признать предпочтительной) иную датировку. Как мы видели, и в Афинах, и в Сиракузах остракизм был учрежден вскоре после свержения тирании. Резонно предположить, что аналогичным образом события развивались и в Кирене, и, соответственно, введение остракизма последовало за изгнанием последнего киренского тирана из династии Баттиадов Аркесилая IV, которое имело место в 440-х гг. до н. э.[64] Однако Баккьелли не может допустить эту вполне очевидную возможность, поскольку для этого времени еще нельзя говорить о тесных контактах Кирены с Афинами. Мы оказываемся в порочном круге. А что, если остракизм пришел в Кирену не из Афин, а из какого-то другого места? Такой вариант Баккьелли даже не рассматривает, а ведь он не менее вероятен, чем любой другой.

---

[63] *Bacchielli L.* Op. cit. P. 264.

[64] Правда, с формальной точки зрения Аркесилай был не тираном, а легитимным монархом. Однако исследователи справедливо подчеркивают, что в эпоху последних Баттиадов царская власть в Кирене фактически переродилась в тиранию. См.: *Берве Г.* Ук. соч. С. 157—161; *Безрученко И.М.* Древнегреческая Киренаика в VII—IV вв. до н. э. // ПИФК. 1999. Вып. 7. С. 89.

Отсутствие нарративных свидетельств не позволяет больше ничего сказать о киренском остракизме. Мы не знаем, как долго он там просуществовал и когда был отменен. Впрочем, не исключено, что впереди новые находки острака в этом африканском полисе, и они постепенно будут проливать на очерченные проблемы какой-то свет.

Очень сложной проблемой представляется датировка остракизма в *Аргосе*. Есть вероятность того, что в этом крупном пелопоннесском полисе интересующий нас институт был введен даже несколько раньше, чем в Афинах (см. сделанные выше замечания по поводу порядка слов в сообщении Аристотеля об остракизме «в Аргосе и Афинах»), но строить какие-то ответственные выводы на этой вероятности самой по себе вряд ли уместно. Далее, в нашем распоряжении имеется памятник, от которого можно отталкиваться уже с большей степенью надежности. Это — единственный найденный аргосский остракон. Датируем его с максимальной осторожностью — первой половиной V в. до н. э. Таким образом, в это время в Аргосе применялся остракизм, что дает нам первичное поле для поиска.

Главные трудности, однако, впереди. Они возникают, когда мы начинаем искать возможный контекст для введения аргосского остракизма. Дело в том, что политическая история Аргоса вообще реконструируется лишь фрагментарно, а ее отрезок, интересующий нас здесь в наибольшей степени — первая половина V в. до н. э. — особенно плохо отражен в источниках и освещен в историографии[65]. Известно только, что в какой-то момент этого хронологического отрезка, но не позже 460 г. до н. э., в Аргосе установилась демократия[66]. Произошло это, судя по всему, вскоре после злополучной для Аргоса битвы при Сепее, когда аргосское ополчение было наголову разгромлено спартанцами. Однако с датировкой самой этой битвы нет полной ясности. В настоящее время в антиковедении преобладает мнение, согласно которому она состоялась в 494 г. до н. э.[67] Хронологически это уже позже принятия клисфено-

---

[65] К сожалению, до этого хронологического отрезка не доводится изложение в монографии, наиболее полно освещающей историю Аргоса: *Kelly T.* A History of Argos to 500 B. C. Minneapolis, 1976.

[66] *Cauer F.* Argolis // RE. Bd. 2. 1896. Sp. 728 ff.; *Lambrinoudakis V. K.* Argolida: Archaeological Sites and Museums. Athens, s.a. P. 13; *Kritzas Ch. B.* Aspects de la vie politique et économique d'Argos au Ve siècle avant J.-C. // Polydipsion Argos: Argos de la fin des palais mycéniens a la constitution de l'État classique. P., 1992. P. 234; *Robinson E. W.* Op. cit. P. 82—88; *Piérart M.* L'attitude d'Argos a l'égard des autres cités d'Argolide // The Polis as an Urban Centre and as a Political Community. Copenhagen, 1997. P. 333, 348.

[67] Например: *Forrest W. G.* The Emergence... P. 239; *Clauss M.* Sparta: Eine Einführung in seine Geschichte und Zivilisation. München, 1983. S. 32; *Barello A.* Il processo di Cleomene e la crisi dinastica di Sparta // CISA. 1996. V. 22. P. 19; *Robinson E. W.* Op. cit. P. 84; *Piérart M.* L'attitude... P. 327, 348 (впрочем, совсем недавно М. Пьерар отошел от этой точки зрения: *Piérart M.* The Common Oracle of the Milesians and

вского закона об остракизме в Афинах, и, стало быть, в таком случае мы вправе говорить об афинском влиянии при учреждении аргосского остракизма.

Однако существует и иная точка зрения на время битвы при Сепее, относящая ее к значительно более раннему периоду — началу 510-х гг. до н. э.[68] Нам эта датировка представляется, по крайней мере, не менее вероятной, а, пожалуй, даже и предпочтительной. Обратим внимание, в частности, вот на какой нюанс. Сообщается, что в битве при Сепее и последующей попытке спартанцев взять Аргос участвовали оба царя Лакедемона — Клеомен I и Демарат (Plut.Mor.245de; Polyaen.VIII.33). А между тем в конце VI в. до н. э. в Спарте был принят закон, запрещавший обоим царям одновременно выступать в поход (Herod.V.75). Кстати, поводом для принятия закона послужила ссора между теми же Клеоменом и Демаратом в 506 г. до н. э., в ходе экспедиции на Афины, в результате чего это мероприятие было сорвано. А коль скоро это так, то битва при Сепее никак не могла состояться в 494 г. до н. э. Обратим внимание еще и на то, что, по сообщению Павсания (III.4.1), экспедиция Клеомена на Арголиду, приведшая к вышеупомянутой битве, проходила сразу (αὐτίκα) после восшествия этого царя на престол, которое датируется временем никак не позже 520 г. до н. э.

Если ход наших рассуждений верен, то и установление демократии в Аргосе могло иметь место несколько раньше, чем обычно считается, а именно примерно тогда же, когда и в Афинах. Более того, Э. Робинсон, занимавшийся наиболее ранними примерами демократических устройств в греческом мире, допускает и возможность того, что уже после ликвидации монархии Теменидов (ее последние представители, начиная со знаменитого Фидона, тоже фактически уже являлись тиранами, а не царями) примерно в 560-х гг. до н. э. в Аргосе установилась умеренная демократия (или «полития», как он ее называет)[69]. Нельзя, таким образом, исключить и того, что уже тогда аргосцы ввели остракизм, чтобы воспрепятствовать возрождению единовластия. Такой вариант не менее вероятен, нежели любой другой. Иными словами, и в случае с Аргосом мы не вправе утверждать о заимствовании института остракизма из Афин.

Абсолютно ничего точного нельзя сказать о времени введения и существования остракизма в *Милете* (мимолетное упоминание о нем, сделанное схолиастом к Аристофану, не дает никакого хронологического репера). Это могло произойти практически на любом этапе бурной политической истории малоазийского полиса, о котором идет речь, — истории, богатой переворотами, сменами политических устройств, неоднократным установлением тиранических режимов и их свержением[70]. Не будем даже гадать, рассматривая различные варианты:

---

the Argives // Herodotus and his World. Oxf., 2003. P. 275—296); *Osborne R.* Greece in the Making... P. 334 ff. (в последней работе — не без колебаний); *Кулишова О. В.* Спартанский царь Клеомен и Дельфы // Мнемон. Вып. 2. СПб., 2003. С. 76.

68 *Lenschau Th.* König Kleomenes I. von Sparta // Klio. 1938. Bd. 31. S. 412—429; *Строгецкий В. М.* О датировке битвы при Сепее // ВДИ. 1979. № 4. С. 108—117.

69 *Robinson E. W.* Op. cit. P. 83.

вряд ли это поведет к каким-нибудь конструктивным выводам. Оговорим только, что как раз для Милета мы вполне склонны допустить афинское влияние при введении остракизма. Милет был издавна тесными узами связан с Афинами; Афины считались даже его метрополией, поскольку, согласно преданию, основателями Милета были ионийские колонисты, прибывшие из Аттики во главе с Нелеем, сыном афинского царя Кодра. В V в. до н. э. Милет находился и в политической зависимости от Афин, входил в состав Афинской архэ и вполне мог заимствовать какие-то политические институты из полиса-гегемона.

А вот в *Эфесе* остракизм или «квази-остракизм», о котором речь шла выше, явно возник самостоятельно, независимо от Афин. Здесь нельзя предположить прямое афинское влияние прежде всего по хронологическим соображениям: изгнание Гермодора, как мы видели, совершилось, во всяком случае, еще при жизни Дария I, то есть не позже 486 г. до н. э., а скорее — несколько раньше. Таким образом, оно предшествовало во времени первой афинской остракофории. Перед нами — еще один пример весьма раннего применения процедуры, сходной с остракизмом (рубеж VI—V вв. до н. э.). Отметим еще, что эфесский случай, кажется, подтверждает очерченную выше закономерность, связывающую введение остракизма с ликвидацией тиранического режима. Описанные Гераклитом события, насколько можно судить, имели место вскоре после прекращения тирании Меланкома в Эфесе (Clem.Alex.Strom.I.65). Эфесяне, вероятно, боялись прихода к власти нового тирана, которым вполне мог стать Гермодор, выделявшийся среди сограждан выдающимися достоинствами, и потому они удалили его из полиса, с наивной откровенностью обосновав эту меру пресловутой формулировкой «Среди нас никто да не будет наилучшим».

Наконец, в *Сиракузах* петализм, о котором уже неоднократно шла речь по ходу нашей работы, был введен в 454 г. до н. э., под афинским влиянием, и просуществовал, по словам Диодора (XI.87.3), недолго по сравнению с Афинами. В каких конкретных сроках может выражаться это «недолго» — неизвестно. Но судя по тому, что какое-то количество выдающихся граждан сиракузяне успели изгнать, речь должна идти как минимум о нескольких годах. Потом закон о петализме был отменен.

В заключение еще раз подчеркнем ту мысль, которую мы старались красной нитью проводить через все изложение: совокупность имеющихся данных заставляет отказаться от общепринятого мнения, согласно которому во все без исключения полисы, где существовал остракизм, он пришел только из Афин. Для каких-то конкретных случаев (Сиракузы, возможно, Милет) это положение, бесспорно, остается верным, но ему нельзя придавать обобщающую силу. В некоторых полисах остракизм явно возник еще в архаическое, доклисфеновское время. Таким образом, не следует сводить искусственно всю историю остракизма (пусть и неизвестную нам в деталях на большей части своей протяженности) к демократическим Афинам V в. до н. э.

---

[70] Важнейшие факты политической истории Милета на протяжении архаической и классической эпох см. в работе: *Кобылина М. М.* Милет. М., 1965. С. 19 слл.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АФИНСКОГО ПОЛИСА В КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

В основной части исследования нам довелось в двух контекстах выйти на проблемы афинской демографии: в связи с вопросом о том, что представляло собой число 6000, фигурирующее в источниках в связи с остракизмом (гл. III, п. 2), и в другом месте — в связи с вопросом о том, не было ли резкое снижение численности граждан в период Пелопоннесской войны одной из главных причин прекращения практики остракизма (гл. V, п. 1). Несомненные сложности и неясности, имеющиеся в этой сфере, порождают к жизни данный экскурс. Необходимо сразу оговорить, что в наши планы отнюдь не входит сколько-нибудь углубленный и детальный очерк проблематики, существующей в области изучения демографической динамики афинского полиса V—IV вв. до н. э. Эта проблематика очень обширна, ей посвящено немало исследований: несколько монографий[1], целый ряд статей[2]. В ней есть немало аспектов и нюансов, которые не имеют отношения к интересующим нас здесь вопросам. Соответственно, мы затронем — и лишь в той мере, в какой это окажется необходимым, — только две проблемы, имеющие отношение к демографии: какова была примерная численность совершеннолетних афинских граждан в V в. до н. э., то есть на том хронологическом отрезке, когда функционировал остракизм, и как следует оценить убыль гражданского населения в годы Пелопоннесской войны.

Впрочем, афинская демография — это такая тема, в которой практически невозможно рассмотреть какой-нибудь один вопрос, не «потянув» при этом за ним все остальные, подобно нитям в запутанном клубке. На то есть особые, связанные друг с другом причины: в высшей степени плачевное положение с прямыми источниковыми данными, заставляющее исследователей очень часто (пожалуй, слишком часто, но иного пути нет) прибегать к априорному моделированию для построения хотя бы какой-то целостной картины;

---

[1] *Gomme A. W.* The Population...; *Hansen M. H.* Three Studies... См. также: *Strauss B. S.* Op. cit.: в этой книге одна из глав (p. 70—86) тоже посвящена демографическим проблемам.

[2] Назовем лишь ради примера несколько из них, в основном из числа недавних: *Gomme A. W.* The Population of Athens Again // JHS. 1959. V. 79. P. 61—68; *Rhodes P. J.* Ephebi, Bouleutae and the Population of Athens // ZPE. 1980. V. 38. S. 191—201; *Hansen M. H.* Demography and Democracy...; *Sekunda N. V.* Athenian Demography and Military Strength 338—332 B. C. // ABSA. 1992. № 87. P. 311—355.

вытекающая отсюда большая роль заключений и построений по аналогии, когда какие-то данные приходится эксплицировать из IV-го века до н. э. на V-й, а какие-то — наоборот; как результат — чрезвычайно большая степень гипотетичности всех важнейших выводов; помимо всего прочего, теснейшая взаимосвязь всех проблем демографической сферы между собою, при которой попытка решения одной проблемы выводит на другую, а от той приходится неизбежно переходить к третьей и т. д. Мы прекрасно сознаем все эти трудности и, признаться, не без робости беремся за пресловутый «клубок». В принципе, афинская демография настоятельно требует специального монографического исследования, какового на русском языке пока нет. Просим рассматривать нижеследующие заметки как первые, неуверенные шаги в этом направлении и не судить автора чрезмерно строго, коль скоро в его изложении окажутся какие-то пробелы или иные недостатки (а это не только не исключено, но и, видимо, неизбежно).

Итак, данные источников чрезвычайно малочисленны, а те из данных, которые следует признать аутентичными и достоверными, да при этом еще и достаточно точными и недвусмысленными, совсем уж скудны. Согласно сообщению Афинея (VI.272bd), Деметрий Фалерский провел в Афинах в 117 олимпиаду (312/311 — 309/308 гг. до н. э.) перепись населения. По ее данным оказалось 21 тысяча граждан, 10 тысяч метэков и 400 тысяч рабов. Численность рабов, конечно, чудовищно преувеличена[3], да и просто недостоверна, поскольку основана не на точных подсчетах, а на фантазиях. Дело в том, что ни Деметрию Фалерскому, ни какому-либо другому официальному лицу даже и в голову не пришла бы странная мысль переписать частновладельческих рабов (да ему бы и не позволили это сделать). Это было бы все равно что устроить перепись рабочего скота в индивидуальных хозяйствах или, скажем, перепись земледельческих орудий. Рабы были теми же орудиями, instrumenta vocalia, и к государственной власти, которая проводила перепись, не имели никакого отношения.

Но в то же время приведенная Афинеем численность граждан для конца IV в. до н. э. вполне заслуживает доверия и, как правило, безоговорочно принимается исследователями[4]. Разумеется, имеются в виду совершеннолетние граждане мужского пола, имевшие право голоса. Но сразу неизбежен новый вопрос: следует ли считать данную цифру (21 тысяча) ти-

---

[3] Кстати, в том же пассаже Афиней приводит аналогичные фантастические цифры и для других полисов: 460 тысяч рабов в Коринфе, 470 тысяч на Эгине. Эти цифры даны вроде бы со ссылками на хорошие источники (на Тимея и даже Аристотеля) и не раз служили основой для разного рода вульгарных концепций классического рабства. И тем не менее они совершенно абсурдны. Если бы на маленькой Эгине находилась армия почти в полмиллиона рабов, то они попросту съели бы и друг друга, и своих хозяев. См. по этому поводу: *Westermann W. L.* Athenaeus and the Slaves of Athens // Slavery in Classical Antiquity. Cambridge, 1960. P. 73—92.

[4] *Gomme A. W.* The Population... P. 26; *Hansen M. H.* The Athenian Ecclesia... P. 18.

пичной, нормальной для классической эпохи, или же она была чем-то необычным, экстраординарным? И, в частности, можно ли экстраполировать ее на V в. до н. э.? Наиболее вероятным ответом будет тот, согласно которому результаты переписи Деметрия Фалерского отразили нетипичную ситуацию, а в норме численность граждан в афинском полисе была большей. Действительно, незадолго до переписи Афины пережили ряд конфликтов — как внутреннего, так и внешнего характера, — которые должны были негативно сказаться на демографических процессах. Кровопролитная битва при Херонее (338 г. до н. э.), поражение в Ламийской войне (322 г. до н. э.), несколько следовавших друг за другом государственных переворотов (322, 318, 317 гг. до н. э.)... И самое главное — перепись Деметрия имела место уже после походов Александра Македонского и завоевания Ахеменидской державы, иными словами, в тот период, когда уже начался массированный отток греков на Восток. Этот процесс мог вести только к уменьшению количества гражданского населения и, естественно, распространялся на Афины в той же мере, как и на другие важнейшие полисы. Насколько нам представляется, перепись всех граждан и даже метэков — мера редкая, даже уникальная (в обычных условиях их число вполне можно было установить по спискам, ведшимся в демах) — именно для того и была предпринята правителем-эпимелетом, чтобы узнать, сколько же реально осталось афинян на территории государства при новых обстоятельствах, после всех имевших место перипетий.

Поэтому М. Хансен, который, в дополнение ко всем прочим своим многочисленным заслугам является еще и крупнейшим современным специалистом в области афинской демографии, абсолютно прав, когда пишет, что в целом на протяжении большей части IV в. до н. э. гражданское население Афин составляло не 21, а около 30 тысяч человек[5]. А как обстояло дело в предшествующем столетии, которое больше всего интересно для нас в связи с остракизмом? Уже априорно можно предположить, что до страшных потерь, понесенных афинским полисом за три без малого десятилетия Пелопоннесской войны, граждан было еще больше[6]. К проблеме этих потерь мы еще вернемся чуть ниже. А пока рассмотрим свидетельства источников.

Они, к сожалению, более расплывчаты, чем для IV в. до н. э., и оставляют больше простора для догадок. Классическим пассажем, на который обычно ссылаются в данной связи, является то место из Фукидида (II.13.6—7), где историк исчисляет людские ресурсы Афин на момент начала Пелопоннесской войны. В этих подсчетах фигурируют «13 тысяч гоплитов (кроме воинов в гарнизонах крепостей и 16 тысяч человек, охранявших боевые стены). Такое количество воинов у афинян из числа более старых и более молодых граждан и метэков, которые служили гоплитами, охраняло

---

[5] *Hansen M. H.* Three Studies... P. 2, 26; *Idem.* The Athenian Ecclesia II... P. 91.

[6] Ср.: *Stanton G. R., Bicknell P. J.* Op. cit. P. 68: в V в. до н. э. взрослых мужчин-граждан было в Аттике по меньшей мере на треть больше, чем в следующем столетии.

стены в начале войны... Афинская конница... насчитывала 1200 всадников (вместе с конными лучниками); пеших лучников было 1800. Из числа боевых кораблей на плаву было 300 триер».

Данные Фукидида в высшей степени достоверны: историк использовал подсчеты самого Перикла, который, естественно, был заинтересован в том, чтобы получить максимально точные данные. Но перед нами — данные о военных силах, а не о количестве граждан, и очень многое мешает непосредственно применить приведенные цифры для непосредственных демографических калькуляций. Мы имеем число гоплитов — но всех в совокупности (29 тысяч человек). Какое число из них составляли метэки, которых нужно отнять, чтобы получить цифру для гоплитов-граждан? Неизвестно. Обычно принято считать, что гоплитов, имевших гражданский статус, было перед началом Пелопоннесской войны 18—22 тысячи[7]. Это число, судя по всему, недалеко от истины; тем не менее все же нужно отдавать отчет в его известной условности. Далее, как на основании численности гоплитов можно высчитать общее количество граждан? Это тоже вопрос непростой.

Несколько помогает следующее обстоятельство. Геродот, рассказывая о событиях начала V в. до н. э. (посольство вождей Ионийского восстания в Афины), упоминает в связи с этим о 30 тысячах афинян (Herod.V.97). Выше (гл. III, п. 2) мы уже отмечали, что эта цифра, вне сомнения, весьма приблизительна. Тем не менее отталкиваться от нее как от некой точки отсчета можно[8]. С другой стороны, известно, что при Марафоне в 490 г. до н. э. сражались 9 тысяч афинских воинов (Nep.Milt.5; Paus.X.20.2). Это было гоплитское ополчение, причем ввиду серьезной опасности мобилизованное, несомненно, практически полностью. Можно считать, что 9 тысяч — общая численность афинских гоплитов для начала V в. до н. э.[9] Таким образом, устанавливается определенная пропорция, в которой гоплиты составляют примерно треть всего гражданского коллектива. Применима ли эта пропорция, выведенная для конкретного исторического момента, также и к другим хронологическим отрезкам? Иногда считается, что это так, и что в целом на протяжении классической эпохи гоплиты составляли треть граждан[10]. Нам же кажется, что здесь не обойтись без существенных оговорок. То, что верно для 490 г. до н. э., не обязательно будет верно, скажем, для 431 г. до н. э. На протяжении периода Пентеконтаэтии в силу ряда причин (успешные войны, приносившие добычу, эксплуатация союзников по Архэ) благосостояние афинского полиса и афинских граждан непрерывно росло. Никто не усомнится в том, что накануне Пелопоннесской войны Афины были несравненно богаче, чем накануне

---

[7] *Медовичев А. Е.* Ук. соч. С. 26.

[8] Гомм предпочитает несколько бо́льшую цифру: по его мнению, в 480 г. до н. э. в Афинах было примерно 35 тысяч граждан в возрасте от 18 до 59 лет (*Gomme A. W.* The Population... P. 26).

[9] Ср.: *Видаль-Накэ П.* Ук. соч. С. 124.

[10] *Медовичев А. Е.* Ук. соч. С. 26.

Греко-персидских войн. Из этого с неизбежностью вытекает, что все большее количество афинских граждан должно было, повысив свой имущественный уровень, переходить из разряда фетов в разряд зевгитов, приобретать гоплитский доспех и начинать службу в фаланге. Иными словами, удельный вес гоплитов в гражданском коллективе в 431 г. до н. э. должен был составлять не треть, как в 490 г., а больше, возможно, даже значительно больше, близясь к половине.

Если напрямую применить пропорцию «гоплиты — треть граждан» к данным Фукидида, то окажется, что перед Пелопоннесской войной в Афинах было около 60 тысяч граждан. Собственно, именно эту цифру отстаивает М. Хансен[11], считающий, что меньшие оценки представляют собой проявления «тенденции недооценивать население классической Аттики». Тем не менее все-таки именно эти меньшие оценки превалируют в историографии. В связи с 431 г. до н. э. называют следующие цифры: 43 тысячи граждан[12], 40—50 тысяч[13], более 40 тысяч[14], около 45 тысяч[15], 45—60 тысяч[16]. Можно, таким образом, говорить о «минималистских» и «максималистских» оценках, а истина должна лежать где-то между ними. Во всяком случае, думаем, что никак не ошибемся, если констатируем: в «Периклов век» взрослых граждан мужского пола было в Афинах никак не меньше 40—45 тысяч. В то же время вряд ли их было и намного больше. Следует учитывать, помимо прочего, еще и такой фактор, как колонизационная деятельность афинян. На протяжении всего V в. до н. э. афинский полис активно выводил излишек граждан в колонии и клерухии. Представление о масштабе этой практики может дать одна цитата из Плутарха (Pericl.11): «Тысячу человек клерухов он (Перикл. — *И. С.*) послал в Херсонес, в Наксос пятьсот, в Андрос половину этого числа, во Фракию тысячу для поселения среди бисалтов...» Здесь указана лишь малая толика основанных афинянами поселений; на самом деле их было намного больше. Даже во время Пелопоннесской войны клерухии продолжали выводиться. Как видим, речь идет о *тысячах* граждан, выбывавших с территории полиса, а это должно было оказывать серьезное влияние на общую демографическую ситуацию. Колонисты принимали новое гражданство и переставали быть афинянами; клерухи сохраняли статус афинских граждан и, соответственно, продолжали нести какие-то обязанности по отношению к

---

[11] *Hansen M. H.* Three Studies... P. 25. В другом месте Хансен высказывается менее категорично: в 431 г. до н. э. в Афинах было не менее 40 тысяч граждан, а скорее — более 50 тысяч. См.: *Hansen M. H.* The Athenian Assembly... P. 8.

[12] *Gomme A. W.* The Population... P. 26. Правда, Гомм учитывает в своих подсчетов лишь граждан в возрасте от 18 до 55 лет. Если же учесть также и более старых граждан, то это, по пересчету Хансена, даст 47 тысяч.

[13] *Медовичев А. Е.* Ук. соч. С. 26.

[14] *Strauss B. S.* Op. cit. P. 81.

[15] *Finley M. I.* Politics... P. 73.

[16] *Rhodes P. J., Lewis D. M.* Op. cit. P. 14.

государству. В частности, наверняка во время Пелопоннесской войны по меньшей мере какая-то их часть прибыла обратно в Афины, чтобы служить в войске и защищать родину. Однако в мирной обстановке, когда их услуги не требовались, клерухи обычно проживали за пределами Аттики и поэтому вряд ли принимали участие в остракофориях[17].

В целом складывается впечатление, что афиняне имели представление о некой «идеальной» численности граждан своего полиса (судя по всему, такое представление было в каждом полисе, только цифры варьировались). Для Афин такая «идеальная» численность осознавалась как 30 тысяч, и ее ceteris paribus стремились придерживаться. Если происходило ее сильное превышение, то это воспринималось уже как отклонение от нормы, требующее вмешательства, и проблему «избыточного» населения решали посредством колонизации. Главной причиной регулирования численности граждан были, бесспорно, ограниченные природные (в первую очередь продовольственные) ресурсы[18].

В дополнение к прямым, эксплицитным данным, более или менее точным и определенным (или, напротив, неточным и неопределенным), поскольку их оказывается явно недостаточно для любых системных построений, исследователи афинской демографии привлекают также данные косвенные. Так, они производят на эпиграфическом материале подсчет имен эфебов, булевтов из разных демов и т. п., наблюдают динамику изменения численности этих имен на различных хронологических отрезках и делают на этом основании те или иные выводы. Однако такого рода методы вряд ли способны принести неоспоримые результаты, — хотя бы уже в силу того обстоятельства, что в нашем распоряжении лишь отрывочные и фрагментарные свидетельства надписей, а отнюдь не их полный корпус.

М. Хансен в своих работах по демографии использует новаторский подход: при определении динамики изменений численности населения в классических Афинах он задействует модели, составленные специалистами-демографами для различных современных обществ и устанавливающие демографические закономерности, которые в них существуют. По его мнению, применение этих моделей по аналогии позволяет, имея лишь несколько исходных цифр для различных лет, заполнить лакуны между ними. Однако данный подход Хансена был подвергнут критике[19], и нам эта критика кажется справедливой. Модели, о которых идет речь, исходят из реалий сегодняшнего дня, когда практически все государства проводят определенную демографическую и социальную политику; поэтому они вряд ли могут быть автоматически, без принципиальнейших оговорок применены к античному миру, где такая поли-

---

[17] По справедливому указанию Р. Синклера, при определении количества граждан в Аттике необходимо принимать во внимание, что многие афиняне реально жили за ее пределами: *Sinclair R. K.* Op. cit. P. 114.

[18] Ср.: *Hansen M. H.* Three Studies... P. 12.

[19] *Ruschenbusch E.* Stellungnahme // ZPE. 1988. Bd. 75. S. 194—196.

тика не проводилась или, во всяком случае, была совершенно иной по своим задачам и средствам. Кроме того, для греческих полисов были характерны такие факторы, в основном чуждые нашей современности, как частые войны, порождавшие значительную смертность, отъезд населения в колонии и клерухии и др. Все это в совокупности делало численность населения значительно менее стабильной, чем в обществах Новейшего времени, более подверженной разного рода колебаниям.

В дополнение к вышесказанному отметим еще и такой нюанс, говорящий не в пользу подхода Хансена. Существуют различные типы демографических моделей, разработанные для тех или иных регионов современного мира (поскольку понятно, что динамика изменений численности населения, скажем, в Великобритании и в Египте будет совершенно непохожа друг на друга). Для аналогий с Афинами Хансен привлекает те модели, которые имеют в виду страны «третьего мира», расположенные в Азии и Африке. Для этих моделей характерны, в частности, такие закономерности, как исключительно высокая рождаемость, при этом также достаточно высокая (но все же не такая высокая) смертность, и как следствие — постоянный рост населения, относительно небольшая продолжительность жизни и очень значительный удельный вес молодых возрастов в возрастной структуре общества. Датский исследователь почему-то считает, что все эти «азиатские» закономерности применимы к античному миру, хотя, напомним, этот последний находился все-таки в Европе. Разве мы найдем в греческих полисах такой типичный для Востока феномен, как огромные семьи с десятком и более детей? Сведений ни о чем подобном нет. Семьи, как правило, были относительно небольшими. Это обусловливалось, в числе прочего, прагматическими соображениями: стенохория не допускала сколько-нибудь значительного расширения круга потенциальных наследников. Другой вопрос, какими способами достигалось регулирование рождаемости в условиях практического отсутствия средств контрацепции[20]. Среди таких способов, несомненно, были весьма негуманные: инфантицид, а также подбрасывание детей. Выброшенные дети, конечно, в основном не погибали, а подбирались. Причем в отличие от произведений новой аттической комедии, где младенцы по большей части подбираются порядочными людьми, которые усыновляют (или удочеряют) приемышей, в реальной жизни это гораздо чаще делали, надо полагать, работорговцы, воспитывавшие из них послушных домашних рабов. Кстати, может быть, этот фактор следовало бы учитывать исследователям, занимающимися источниками рабства в античном мире.

А теперь скажем несколько слов о продолжительности жизни в Древней Греции. Бытует распространенное мнение, что в древних обществах в целом средняя продолжительность жизни была очень невысокой, 25—30 лет или что-нибудь в этом роде. Само это положение, пожалуй, и верно, но из него делаются совершенно превратные выводы, что люди в античности действитель-

[20] О таких способах см.: *Strauss B. S.* Op. cit. P. 74, 83.

но жили 25—30 лет, что сорокалетний считался глубоким стариком и т. п. А это полностью противоречит данным источников. Уже в архаическую эпоху Солон считает, что лучший возраст для умственного развития человека лежит между 42 и 56 годами, а смерть наиболее «уместна» в 70 лет (Sol.fr.19 Diehl). Впоследствии он изменил и это мнение, признав, что смерть должна приходить к человеку лишь в 80 лет (Sol.fr.22 Diehl)[21]. Сам афинский мудрец, кстати, прожил, судя по всему, даже больше 80 лет. Приведем еще несколько примеров аналогичного ряда, при этом сознательно не будем брать случаи экстраординарные, вроде ритора Горгия, прожившего 107 лет и до конца жизни сохранявшего здравый ум. Такое долгожительство являлось исключением в античности, как и в наши дни, а нас интересуют примеры более типичные.

Сократ был казнен в возрасте 70 лет; в это время он оставался еще вполне крепким мужчиной и имел маленьких детей. Фокион, 50 раз занимавший пост стратега, окончил жизнь (и тоже насильственно) в 80 с лишним лет; он был, конечно, стариком, но отнюдь не дряхлым, а бодрым и деятельным. Перикл прожил 65 лет, при этом ни один источник не говорит о нем в его последние годы как о человеке старом или хотя бы пожилом. В целом нет оснований считать, что древние греки жили существенно меньше, чем наши современники, скорее наоборот.

Подчеркнем принципиально важный момент: средняя продолжительность жизни в античности была низкой прежде всего за счет *очень высокой детской смертности*. Это последнее явление было общим для всех древних обществ, да и вообще для всех человеческих социумов вплоть до открытия антибиотиков в XX веке[22]. В равной степени в греческом полисе эпохи классики и в русской деревне позапрошлого столетия весьма значительная, едва ли не бóльшая часть детей умирала в младенчестве, когда организм особенно уязвим для разного рода болезней, в то время как в наши дни выживают практически все.

Но если уж ребенок выживал (а выживали, естественно, наиболее сильные и крепкие), а затем, став взрослым, не погибал на войне (еще один фактор низкой средней продолжительности жизни), то ничто не мешало ему дожить до весьма преклонного возраста. Никто, думается, не будет спорить с тем, что экологические условия в античности и в целом в доиндустриальную эпоху были несравненно более благоприятными для человека, нежели ныне. Далее, ритм жизни был более неторопливым, размеренным, что уменьшало количе-

---

[21] Об изменении взглядов Солона на продолжительность жизни см.: *Доватур А. И.* Феогнид и его время. Л., 1989. С. 118—124.

[22] К слову сказать, на наш взгляд, тем научным открытием XX века, которое в наибольшей степени повлияло на жизнь человечества, следует назвать, вопреки распространенному мнению, не ядерную бомбу, не космический корабль, не компьютер, а именно антибиотики. Их применение позволило практически ликвидировать детскую смертность, а это, в свою очередь, коренным образом изменило всю демографическую ситуацию в мире.

ство стрессовых ситуаций, которые, как известно, тоже негативно влияют на продолжительность жизни[23]. Постоянное употребление в умеренных дозах разбавленного виноградного вина также укрепляло здоровье людей. Все это приводило к тому, что бодрая и деятельная старость была не менее, а, пожалуй, и более частым явлением, чем в нашу эпоху[24].

Весь этот экскурс, может быть, и не был абсолютно необходимым, но автор не мог удержаться от того, чтобы высказать некоторые свои мысли по поводу факторов, формировавших демографическую ситуацию в Афинах и классической Греции в целом. А теперь вернемся к вопросу о количестве совершеннолетних афинских граждан в V в. до н. э., чтобы констатировать: на протяжении большей части этого столетия, вплоть до Пелопоннесской войны с ее масштабными людскими потерями, численность гражданского коллектива постоянно держалась на уровне никак не меньшем, чем 30 тысяч, а в период наибольшего процветания, при Перикле, превосходила 40 тысяч[25]. Это необходимо учитывать при ответе на вопрос, какой процент граждан предполагало число 6000, фигурирующее в источниках в связи с остракизмом.

* * *

Не менее важна для нас и проблема, связанная с убылью афинского населения в результате Пелопоннесской войны. Опять же речь идет о взрослых гражданах мужского пола. Во-первых, только по ним может быть достигнута хоть какая-то определенность. Во-вторых, собственно, только они нас и интересуют, поскольку мы разбираем вопросы, связанные с остракизмом. Нам важно установить, насколько важны абсолютные людские потери (то есть потери убитыми, в отличие от уменьшения населения как следствия длительного отсутствия на родине воинов, находящихся в продолжительных экспедициях) для прекращения функционирования этого института с конца V в. до н. э.

---

[23] Могут сказать, что источником стресса для людей античности были постоянные войны. Однако, как ни парадоксально, война не порождала стресса именно потому, что она была нормой жизни. Нормальная, привычная ситуация вообще, как правило, не может выступать источником стресса. Поясним свою мысль предельно бытовым примером, с которым сталкивались многие. Для человека, который привык спать допоздна, необходимость встать очень рано приводит к стрессу и зачастую выбивает его из колеи на целый день. Тот же, для кого ранний подъем является привычной нормой, не испытывает по этому поводу никакого дискомфорта.

[24] О факторах, повышавших продолжительность жизни в Древней Греции, см. также: *Sekunda N. V.* Op. cit. P. 343.

[25] Ср.: *Phillips D. J.* Observations... P. 137: на протяжении V в. до н. э. гражданское население в Афинах составляло 35—43 тысячи человек, возможно, в некоторые моменты до 60 тысяч (последняя цифра, повторим, кажется нам все-таки немного завышенной).

Здесь мы тоже сталкиваемся с немалыми сложностями и неясностями. И прежде всего, существенные разногласия существуют по вопросу о том, сколько же осталось в Афинах граждан после всех перипетий войны (и послевоенной смуты). Даются весьма различные оценки. Так, по Б. Страуссу, по окончании Пелопоннесской войны в Афинах осталось лишь 14—16 тысяч взрослых граждан[26], по А. Гомму — 22 тысячи[27], по М. Хансену — 25—30 тысяч[28]. Если брать наименьшую из этих цифр, то окажется, что война оказалась для афинского полиса подлинной демографической катастрофой (в таком случае вообще непонятно, как Афины впоследствии смогли возродиться и вновь претендовать на лидирующую роль в греческом мире), если же исходить из наибольшей, то можно говорить о том, что ничего непоправимого, в сущности, не произошло, и численность гражданского населения после войны находилась на нормальном уровне или чуть ниже.

Какая же оценка ближе к истине? Нам представляется, что та, которая дана Хансеном. Этот ученый, как обычно, с наибольшей скрупулезностью подошел к проблеме, попытавшись рассчитать и суммировать все потери афинян в Пелопоннесской войны. Впрочем, на наш взгляд, и эти расчеты нуждаются в определенных коррективах. Так, самые большие в количественном отношении потери были понесены в результате эпидемии, разразившейся в Афинах в первый период войны. Каковы же были эти потери? Фукидид (III.87.3) говорит только, что «из числа значившихся в списках от болезни погибло 4400 гоплитов и 300 всадников, а сколько жертв она унесла из остального населения, с точностью установить невозможно». Хансен, исходя из этих цифр, полагает, что общая смертность среди взрослого гражданского населения составила около 15 тысяч. Нетрудно заметить, что он берет за основу вышеупомянутое соотношение, согласно которому гоплитами являлись около трети граждан. Однако мы уже говорили, что это соотношение, верное для начала V в. до н. э., должно было на протяжении этого столетия все больше смещаться в сторону роста удельного веса гоплитов. Если же исходить из соотношения, согласно которому гоплиты на момент начала Пелопоннесской войны составляли несколько меньше половины гражданского коллектива, то получится, что общая смертность граждан от эпидемии будет уже не 15, а около 10 тысяч, и нам эта цифра представляется лежащей ближе к действительности.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. Перед Пелопоннесской войной в Афинах, как мы видели, было 1200 всадников; от болезни умерли 300. Мы имеем, таким образом, определенную пропорцию: 1 : 4. Эту пропорцию следует признать репрезентативной, поскольку эпидемия, надо полагать, не выбирала своих жертв, а уносила в могилу примерно в равной степе-

---

[26] *Strauss B. S.* Op. cit. P. 81.

[27] *Gomme A. W.* The Population... P. 26. Гомм, как обычно, дает цифры «для граждан от 18 до 59 лет», что в пересчете на всех совершеннолетних граждан дает, по Хансену, около 24 тысяч.

[28] *Hansen M. H.* Three Studies... P. 27.

ни лиц из всех слоев населения (от бедняков-поденщиков до Перикла). Таким образом, получаем принципиальный вывод: смертность от эпидемии составила около четверти гражданского коллектива. Значит, цифра в 15 тысяч умерших граждан будет верна только в том случае, если до войны их было 60 тысяч. Именно так и считает Хансен, но, как мы отмечали выше, эта оценка выглядит несколько завышенной. Если же исходить из более осторожной оценки, по которой афинских граждан в 431 г. до н. э. было около 45 тысяч, то выйдет, что от болезни их умерло 11—12 тысяч и не больше[29].

Несколько завышенными кажутся нам и другие расчеты афинских потерь, приводимые Хансеном. В ходе Сицилийской экспедиции, которая стала второй по значимости после эпидемии демографической катастрофой за время Пелопоннесской войны, было потеряно, как он считает, не менее 10 тысяч человек. Это верно, но опять же надлежит помнить о двух вещах. Во-первых, не все воины, отправившиеся на Сицилию, были афинскими гражданами; в этой акции также принимали участие союзники и наемники. Во-вторых (это еще важнее), бóльшая часть потерянного на Сицилии афинского контингента не погибла, а была взята в плен и продана в рабство. Эти пленные работали на сиракузских каменоломнях и очень страдали от непосильного труда, болезней и голода (Thuc.VII.87.2; Plut.Nic.29). Многие из них, безусловно, умерли, но не подлежит сомнению и тот факт, что какой-то части пленных афинян (может быть, не столь уж и малой) удалось выжить, а впоследствии освободиться (за выкуп или иным путем) и возвратиться на родину. Собственно, Плутарх (Nic.29) прямо говорит, что часть афинян была отпущена хозяевами на свободу. Может быть, это произошло только после окончания Пелопоннесской войны и заключения мира, но, во всяком случае, фактор возвратившихся пленных нельзя не учитывать при оценке демографических результатов Пелопоннесской войны для Афин. Хансен же этого не делает. Соответственно, мы считаем, что приводимая им цифра — 10 тысяч жертв среди граждан по итогам Сицилийской экспедиции — тоже должна быть несколько снижена. Не возьмемся судить, насколько ее следует снизить, поскольку не хотим заниматься умозрительными, неверифицируемыми предположениями.

Далее, Хансен полагает, что в результате осады Афин спартанцами в самом конце войны и в ходе террористического правления Тридцати тиранов погибло в совокупности около 5 тысяч граждан. Эта цифра, можем смело сказать, в полном смысле слова взята «с потолка». По свидетельству Аристотеля (Ath.pol.35.3), Тридцать «погубили не менее полутора тысяч человек». Насколько можно доверять этому сообщению — тоже еще вопрос: не исключено,

[29] Вычисленную здесь закономерность, по которой от эпидемии умерло около четверти граждан, не учитывает Гомм. По его расчетам, в 431 г. до н. э. в Афинах было 43 граждан, а в 425 г. до н. э., после окончания эпидемии, — 29 тысяч (*Gomme A. W.* The Population... P. 26). Таким образом, смертность от болезни составила 14 тысяч. Это слишком много, поскольку предполагает численность гражданского коллектива перед войной 56, а не 43 тысячи.

что перед нами штамп антиолигархической пропаганды. Кроме того, явно не все казненные Тридцатью, были гражданами (известно, что это правительство расправлялось с богатыми метэками и т. п.). Что же касается числа афинян, умерших во время осады, то тут мы вообще не имеем никаких точных цифр. Известно лишь, что осада породила голод, от которого умирали люди, а сколько их умерло — судить невозможно.

Аналогичные коррективы можно было бы при желании дать и к другим оценкам потерь, приводимым Хансеном. В крупных сражениях Пелопоннесской войны (не считая военных действий на Сицилии) афиняне потеряли, по его подсчетам, не менее 7 тысяч граждан, в сражениях мелких — не менее 4 тысяч. Кроме того, во время войны продолжалась колонизационная активность (были выведены афинские поселения на Лесбос, на Эгину и др.), что позволяет, по мнению датского исследователя, вычесть из гражданского коллектива еще как минимум 2 тысячи человек.

Общую цифру людских потерь среди афинских граждан за все время войны и послевоенной смуты Хансен определяет, суммировав вышеприведенные выкладки, в 43 тысячи. С другой стороны, он пытается с помощью демографических таблиц, о которых шла речь выше, высчитать рождаемость за эти годы (поскольку рождаемость, естественно, в какой-то мере компенсировала военные потери). В результате он приходит к следующим выводам. Если исходить из численности гражданского населения перед войной, которую дает Гомм (43 тысячи граждан призывного возраста, т. е. 47 тысяч совершеннолетних граждан), то получится, что после войны остались в живых лишь 12745 человек. Прибавив к этому возвратившихся в Афины клерухов, получим примерно 15 тысяч. Если же брать за основу ту численность гражданского населения перед войной, которую предлагает он сам (60 тысяч), то окажется, что после войны граждан было 23770. Прибавив возвратившихся клерухов, получаем не менее 25 тысяч.

Внимательный читатель наверняка заметит в ходе наших рассуждений непоследовательность. Для начала Пелопоннесской войны мы не принимаем оценок Хансена, считая, что они несколько завышены и что ближе к истине Гомм, а для конца войны, напротив, солидаризируемся с выкладками датского антиковеда. В чем же дело? В том, что, по нашему мнению, расчеты убыли гражданского населения за военные годы, сделанные Хансеном, преувеличены.

Во-первых, общая сумма потерь в 43 тысячи слишком велика. Мы видели, что следует существенно убавить количество жертв эпидемии, число афинян, погибших на Сицилии. В целом, как представляется автору этих строк, следует говорить о 33—35 тысячах жертв и вряд ли больше. На выходе из войны это даст цифру примерно в 20 тысяч оставшихся граждан (с учетом рождаемости), а не в 12—13 тысяч.

Во-вторых, сама рождаемость в годы войны должна была быть выше нормальной. Это один из парадоксальных и в то же время несомненных и устойчивых феноменов демографической динамики. Популяция как бы стремится как можно быстрее регенерироваться, «залечить раны» от понесенных

бедствий. Добавим, что афиняне в период наибольших потерь в войне, похоже, проводили определенную поощрительную политику в сфере демографии. Так, по некоторым сведениям, во время Пелопоннесской войны они, «желая возместить убыль населения, постановили, чтобы каждый гражданин мог жениться на одной женщине, а иметь детей также и от другой» (Diog. Laert.II.26)[30].

Наконец, третье и самое главное. Как известно, после поражения афинян при Эгоспотамах в 405 г. до н. э. спартанский наварх Лисандр приступил к систематической ликвидации афинских клерухий, отправляя всех проживавших там афинских граждан в их родной город, дабы создать там продовольственные трудности (Xen.II.2.2; Plut.Lys.13). Впоследствии одним из условий договора о капитуляции Афин был уход афинян «из всех городов» (Plut.Lys.14), что следует понимать как официальное уничтожение афинских поселений за пределами Аттики. Таким образом, в Афины практически единовременно возвратилась большая масса граждан, долгое время отсутствовавших на родине.

Следует сказать, что фактор вернувшихся клерухов принимается во внимание и Хансеном, но, на наш взгляд, далеко не в той степени, в какой он того заслуживает. Хансен готов за счет этих клерухов прибавить к послевоенному гражданскому населению Афин 2—3 тысячи человек, а на деле речь должна идти о значительно большем их количестве. Ближе к истине Н. А. Касаткина, полагающая, что «количество возвратившихся колонистов[31] с разросшимися семействами двух-трех поколений было весьма значительным»[32]. Совершенно справедливо, в частности, указание на разросшиеся семейства клерухов. Некоторые клерухии существовали уже очень давно (практика их выведения берет начало в Афинах с 506 г. до н. э.[33]). Условия жизни в них были не хуже, а, пожалуй, и получше, чем в самой Аттике, и это должно было способствовать достаточно высокой рождаемости. Клерухии в меньшей степени, чем метрополия, пострадали от тягот войны. Одним словом, в афинский полис должно было возвратиться значительно больше людей (в том числе и совершеннолетних граждан мужского пола), чем их оттуда уехало. Н. А. Касаткина считает, что этих возвратившихся было, «по самым скромным подсчетам», около 20 тысяч человек. Она имеет в виду всех клерухов, с женами и

---

[30] Ср.: *Strauss B. S.* Op. cit. P. 74.

[31] Здесь мы хотели бы оговорить, что речь должна идти все-таки не о колонистах, а о клерухах.

[32] *Касаткина Н. А.* Афинское поселение на Самосе в IV в. до н. э. // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997. С. 148.

[33] *Romilly J. de.* Rencontres avec la Grèce antique. P., 1995. P. 220. Строго говоря, самой первой афинской клерухией был Саламин, захваченный уже в начале VI в. до н. э., но ко времени описываемых событий этот остров уже до такой степени стал интегральной частью афинского полиса, что спартанцы даже и не вели речь о его отторжении.

детьми, что в пересчете на граждан дает никак не меньше 5—6 тысяч[34]. Возвращались клерухи, безусловно, не все сразу, а в разное время. Одни из них должны были приехать на родину еще в годы войны, на том или ином ее этапе; другие были присланы Лисандром; третьи вернулись уже после заключения мира. Но это в нашем контексте не принципиально: главное — то, что к концу V в. до н. э. все они вновь собрались в Аттике. Не лишено резона замечание Н. А. Касаткиной: «Несмотря на военную потерю и страшную жатву эпидемии... перед Афинами вновь встает проблема избыточного населения, в полной мере решенная в период существования I Афинского морского союза»[35]. Во всяком случае, уже очень скоро афиняне вновь начинают подумывать о выведении клерухий, а это говорит если не о стенохории, то уж, во всяком случае, и не о запустении.

Прибавив возвратившихся клерухов к уцелевшим после войны афинским гражданам, получим итоговую цифру: как минимум, 25 тысяч, а скорее даже больше. Именно такова была численность гражданского коллектива Афин после Пелопоннесской войны, которая, таким образом, в целом не стала демографической катастрофой для полиса, хотя и нанесла ему — с этим никто не будет спорить — очень серьезный урон в людской силе. В связи же с основной проблематикой данной работы мы можем теперь смело утверждать: демографический фактор не был основным при прекращении практики остракизма в Афинах, а разве что одним из многих. Если бы все дело было только в нем, то сразу после окончания войны можно было смело вновь организовывать остракофории: количество граждан вполне позволяло это. Если же остракизм не возродился, то, значит, на то были иные, более весомые причины.

---

[34] По мнению М. Финли, в период Архэ около 10 тысяч афинских граждан жили в клерухиях (*Finley M. I.* Politics... P. 111).

[35] *Касаткина Н. А.* Афинское поселение... С. 149.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

СВОДКА ПИСЬМЕННЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ ОБ ОСТРАКИЗМЕ

Данная сводка не претендует на исчерпывающую полноту, однако мы надеемся, что все сколько-нибудь значимые свидетельства, имеющие отношение к остракизму (и аналогичным ему процедурам), в нее вошли. Свидетельства даются в хронологическом порядке; исключение составляют выдержки из анонимных схолий, которые ввиду невозможности их сколько-нибудь точной датировки приведены единым блоком между авторами античной и византийской эпох. Все свидетельства пронумерованы, что должно облегчить перекрестные ссылки, которые даются именно на эти номера (в квадратных скобках). В тех случаях, когда имелись русские переводы цитируемых источников, текст давался, как правило, по этим переводам, с указанием переводчика. Отсутствие такого указания означает, что перевод принадлежит автору этих строк.

[1] Гераклит Эфесский. О природе. DK 22 B121[1].

(a)[2] Эфесцы заслуживают того, чтобы их перевешали всех поголовно за то, что изгнали они Гермодора, мужа из них наилучшего, сказавши: «Среди нас никто да не будет наилучшим! А не то быть ему на чужбине и с другими!»

(b) Эфесцы заслуживают того, чтобы их казнили всех поголовно, а город оставили на безусых юнцов за то, что они изгнали Гермодора, <мужа> из них наилучшего, со словами: «Среди нас никто да не будет наилучшим, а коли есть такой, быть ему на чужбине и другими!»

(c) Все эфесцы заслуживают смертной казни за то, что, изгнав из государства Гермодора, сказали так: «Никто из нас да не выдается над другими, а коли есть такой, быть ему в другом месте и среди других»[3].

[2] Пиндар. VII Пифийская ода[4]*. Ст. 18 слл*

... В радость мне новое благо твое,
В горесть мне — зависть, награда лучших дел[5];

---

[1] О возможности интерпретации этого фрагмента Гераклита как свидетельства о существовании в Эфесе какой-то формы изгнания, имевшей аналогичные черты с афинским остракизмом, см. выше, в Приложении II.

[2] Фрагмент дошел до нас в нескольких вариантах, поскольку различные авторы цитируют его с небольшими расхождениями. Соответственно, (a) = Strab. XIV. 1 . 25. 642; (b) = Diog. Laert. IX. 2; (c) = Cic. Tusc. V. 105.

[3] Пер. А. В. Лебедева.

[4] Ода посвящена Мегаклу, сыну Гиппократа, победившему на Пифийских играх 486 г. до н. э.

[5] Намек на недавний остракизм Мегакла.

Воистину говорят:
Счастье, которое долго в цвету,
И добром и злом лежит на осчастливленных[6].

[3] Геродот. История. VIII. 79.

Во время этого спора[7] с Эгины прибыл Аристид, сын Лисимаха, афинянин, которого народ изгнал остракизмом. Этого Аристида я считаю, судя по тому, что узнал о его характере, самым благородным и справедливым человеком в Афинах. Он предстал перед советом и велел вызвать Фемистокла (Фемистокл вовсе не был его другом, а, напротив, злейшим врагом). Теперь перед лицом страшной опасности Аристид предал забвению прошлое и вызвал Фемистокла для переговоров[8].

[4] Кратин. Фракиянки. Фр. 71 Kock.

См. [59].

[5] Аристофан. Всадники. Ст. 852 слл.

Колбасник: ... Ты видишь, что за толпы
Кожевников вокруг него[9]. Тут сбитенщики рядом,
Творожники и скорняки. Все — одного полета.
Едва нахмуришь брови ты и черепок ухватишь[10],
В полночный час сорвут щиты[11] и бросятся на приступ
К рядам, да так, что к хлебу нам потом не приступиться[12].

[6] Платон Комик. Симмахия. Фр. 153 Kock.

См. [75], [173].

[7] Платон Комик. Неизвестная комедия. Фр. 187 Kock.

См. [63], [72].

[8] Неизвестный комедиограф. Фр. 40 Kock.

Попасешь быков вокруг быка[13].

---

[6] Пер. М. Л. Гаспарова.

[7] Спор греческих военачальников перед Саламинской битвой по поводу дальнейших действий.

[8] Пер. Г. А. Стратановского.

[9] Колбасник говорит Демосу о Клеоне.

[10] В оригинале — игра слов: «... и захочешь сыграть в остракинду». К пояснению этой метафоры см. [112], [154], [168].

[11] Спартанские щиты, захваченные Клеоном под Пилосом и хранившиеся в Афинах.

[12] Пер. Адр. Пиотровского.

[13] Смысл этого стиха-каламбура, ставшего поговоркой, и его отношение к остракизму разъясняются в [76].

[9] Фукидид. История. I. 135. 3.

... Фемистокл тогда уже был изгнан остракизмом и жил в Аргосе, но посещал и другие земли Пелопоннеса[14].

[10] Фукидид. История. VIII. 73. 3.

Был в Афинах некто Гипербол, человек недостойный, которого афиняне изгнали остракизмом не из страха перед его могуществом или влиянием, но из-за его порочности, так как его поведение позорило город. Этого-то человека самосцы убили с помощью одного из стратегов, Хармина, и нескольких других афинян на Самосе, чтобы дать афинянам залог верности[15].

[11] Андокид. I (О мистериях). 107.

... Когда персидский царь выступил в поход против Эллады и они [афиняне. — *И. С.*] поняли величину предстоящих бед и размах царских приготовлений, они решили принять обратно изгнанников[16], возвратить права тем, кто был подвергнут атимии, и вообще сделать общими для всех и спасение, и опасности[17].

[12] Андокид. III (О мире с лакедемонянами). 3.

Так вот, когда-то у нас была война на Эвбее, мы держали в своих руках Мегары, Пеги и Трезену и стремились заключить мир. С этой целью мы возвратили Мильтиада, сына Кимона, изгнанного остракизмом и находившегося в Херсонесе [Фракийском. — *И. С.*]: он был проксеном лакедемонян, и мы рассчитывали послать его в Лакедемон для переговоров о мире[18].

[13] Андокид (?). IV (Против Алкивиада)[19].

(1) Не сегодня впервые я заметил, как опасно выступать на политическом поприще; нет, и прежде уже я считал это занятие тяжелым — еще до того, как стал заниматься общественными делами. Однако я считаю, что хороший гражданин обязан сам идти навстречу опасности ради интересов народа; сознание, что он может возбудить к себе ненависть в отдельных лицах, не должно удерживать его от участия в делах государства. Ведь от деятельности тех, кто заботится о собственном благе, государства ничуть не становятся сильнее; лишь те, кто заботится об общественном благе, делают государства сильными и свободными. (2) Из-за стремления своего быть отнесенным к чис-

---

[14] Пер. Г. А. Стратановского.

[15] Пер. Г. А. Стратановского.

[16] Имплицитное указание на досрочное возвращение изгнанных остракизмом в 480-х гг.

[17] Пер. Э. Д. Фролова.

[18] Пер. Э. Д. Фролова.

[19] Данная речь, напрямую связанная по тематике с остракизмом и содержащая уникальные сведения, приводится нами полностью. О проблемах, связанных с речью, в частности, с ее авторством и временем составления, см. выше, в Приложении I.

лу таких людей я подвергаюсь теперь величайшим опасностям: ведь если в вас я нахожу людей благожелательных и добрых, если вы — мое спасение, то, с другой стороны, я окружен многочисленными и очень опасными врагами, которые выступают теперь с нападками против меня. Настоящее состязание не относится к числу тех, которые доставляют победителю венок; нет, речь идет о том, как бы не отправиться в изгнание на десять лет, хотя ты и не совершил никакого преступления против государства. Кто же соперники, которые оспаривают такую награду? Это — я, Алкивиад и Никий: один из нас так или иначе должен испытать это несчастье.

(3) Достоин порицания тот, кто установил такой закон, который ввел в практику действия, противные клятве народа и Совета. Там вы клянетесь никого не изгонять, не заключать в тюрьму, не казнить без суда; в настоящем же случае без формального обвинения, без права на защиту, после тайного голосования человек, подвергшийся остракизму, должен лишиться своего отечества на такое долгое время! (4) Далее, в подобных обстоятельствах бо́льшим преимуществом, чем другие, располагают те, у кого много друзей среди членов тайных обществ и политических союзов. Ведь здесь не так, как в судебных палатах, где судопроизводством занимаются те, кто избран по жребию: здесь в принятии решения могут участвовать все афиняне. Кроме того, мне кажется, что этот закон устанавливает наказание, которое для одних случаев оказывается недостаточным, а для других — чрезмерным. В самом деле, если иметь в виду преступления, совершаемые против частных лиц, то я считаю, что это наказание слишком велико; а если говорить о преступлениях, совершаемых против государства, то я убежден, что оно ничтожно и ровно ничего не стоит, коль скоро можно наказывать денежным штрафом, заключением в тюрьму и даже смертной казнью. (5) С другой стороны, если кто-либо изгоняется за то, что он плохой гражданин, то такой человек и в отсутствие свое не перестанет быть плохим; напротив, в каком городе он ни поселится, он и этому городу будет причинять зло, и против своего родного города будет злоумышлять ничуть не меньше, а, быть может, даже и больше и с бо́льшим основанием, чем до своего изгнания. Я уверен, что в этот день, более, чем когда-либо, ваших друзей охватывает печаль, а ваших врагов — радость, ибо и те и другие понимают, что если вы по недоразумению удалите в изгнание гражданина, во всех отношениях превосходного, то в течение десяти лет город не получит от этого человека никакой услуги. (6) Следующее обстоятельство позволяет еще легче убедиться в том, что закон этот плох: ведь мы — единственные из эллинов, кто применяет этот закон, и ни одно другое государство не желает последовать нашему примеру. А ведь лучшими установлениями признаются те, которые оказываются более всего подходящими и для демократии, и для олигархии и которые имеют более всего приверженцев.

(7) Итак, я не знаю, стоит ли мне еще говорить на эту тему. Все равно в настоящий момент мы ничего этим не достигнем. Я прошу от вас лишь одного: чтобы вы были справедливыми и беспристрастными эпистатами во время наших выступлений, чтобы все вы стали архонтами в этом деле и чтобы вы не

давали воли ни тем, кто злоупотребляет бранью, ни тем, кто сверх меры льстит, а наоборот, были бы благожелательными для того, кто желает говорить и слушать, и суровыми для того, кто ведет себя нагло и нарушает порядок. Ибо, выслушав все о каждом, вы лучше сможете решить нашу судьбу.

(8) Мне осталось коротко сказать о моей «ненависти к демократии» и «приверженности к заговорам». Ведь если бы я никогда не привлекался к суду, то естественно было бы вам выслушивать моих обвинителей, а мне по необходимости защищаться против этих обвинений. Но так как я выдержал уже четыре судебных процесса и каждый раз был оправдан, то я не считаю более справедливым отвечать на эти обвинения. Ведь до разбора дела на суде нелегко узнать, ложны ли обвинения или справедливы; а когда уже вынесен оправдательный или обвинительный приговор — все кончено и вопрос решен раз и навсегда. (9) Поэтому мне кажется странным такое положение, когда проигравшие судебный процесс одним единственным голосованием осуждаются на казнь и имущество их конфискуется, а выигравшие вновь рискуют быть обвиненными в том же самом; когда судьи имеют полное право губить людей, но не имеют никаких прав и полномочий, чтобы спасать их. Это тем более странно, что законы категорически запрещают дважды привлекать к судебной ответственности одно и то же лицо по одному и тому же закону. А ведь вы поклялись следовать этим законам!

(10) В силу этого я не буду больше говорить о себе и лучше напомню вам о жизни Алкивиада. Впрочем, я даже не знаю, с чего начать, ибо преступлений, совершенных им, множество и все они разом всплывают в моей памяти. В самом деле, если бы понадобилось рассказать в подробностях о всех его прелюбодеяниях, о похищениях чужих жен, о прочих насилиях и бесчинствах, то мне не хватило бы отведенного времени; к тому же я возбудил бы к себе ненависть во многих гражданах, несчастье которых я предал бы гласности. Все же я укажу на те его преступления, которые он совершил против государства, против своих близких, а также против некоторых граждан и чужеземцев, имевших несчастье оказаться на его пути. (11) Итак, сначала он убедил вас вновь установить для союзных городов такую подать, какая была установлена, и притом самым справедливым образом, Аристидом. Когда же его избрали вместе с девятью другими гражданами для проведения этой реформы, он увеличил размеры подати для каждого союзного города чуть ли не вдвое. Зарекомендовав себя человеком опасным и весьма влиятельным, он сумел поставить общественные доходы на службу своим собственным. Подумайте, можно ли было сотворить большее зло, чем это: в то время как наше благополучие зависит целиком от союзников, а их положение стало в наши дни хуже, чем прежде, он вдвое увеличил подать каждому союзному городу! (12) Поэтому если вы считаете, что Аристид был хорошим гражданином, то этого человека следует признать самым плохим, ибо его отношение к союзным городам прямо противоположно отношению Аристида. Вот почему многие союзники покидают свою родину, становятся изгнанниками и отправляются на поселение в Фурии. Эта ненависть, которую испытывают союзники, проявит себя, как толь-

ко возникнет морская война между нами и лакедемонянами. Я, во всяком случае, считаю, что плох тот правитель, который заботится лишь о настоящем времени, но не думает о будущем; который советует народу лишь приятное, оставляя в стороне полезное. (13) Я удивляюсь тем, кто поверил, что Алкивиад привержен к демократии, т. е. к такому государственному строю, который более всего предполагает равенство. Эти люди при оценке Алкивиада не принимают во внимание его поведение в частной жизни, они не видят его корыстолюбия и высокомерия. Женившись на сестре Каллия, он получил за ней десять талантов. Тем не менее, после смерти Гиппоника, бывшего стратегом при Делии, он потребовал себе еще столько же, утверждая, что тот обещал добавить такую сумму, если у Алкивиада родится сын от его дочери. (14) Получив такое приданое, какого не получал еще ни один из эллинов, он вел себя столь нагло, что приводил под одну крышу с женой гетер — как рабынь, так и свободных — и этим вынудил свою жену, женщину в высшей степени скромную, оставить его дом и обратиться за защитою к архонту, как то разрешается законом. Вот здесь-то он и показал в полном объеме свое могущество: призвав на помощь друзей, он силой увел жену с площади, обнаружив таким образом перед всеми свое полное презрение и к архонтам, и к законам, и к остальным гражданам. (15) Однако и этого ему было недостаточно. Он замыслил тайно погубить Каллия с тем, чтобы завладеть состоянием Гиппоника: в присутствии вас всех Каллий обвинял его в этом в народном собрании и даже завещал свое имущество народу на случай, если умрет бездетным, опасаясь, как бы не погибнуть из-за своего богатства. А ведь Каллий не относится к числу людей, лишенных поддержки друзей, и его не так уж легко обидеть: благодаря богатству он располагает поддержкой многих людей, готовых прийти к нему на помощь. Однако если человек оскорбляет собственную жену и подготовляет убийство своего свояка, то что следует ожидать от него прочим гражданам, встретившимся на его пути? Ведь всякий человек больше дорожит своими родными, чем чужими людьми. (16) Однако самым чудовищным является то, что, будучи таким негодяем, он выставляет себя в своих речах пылким приверженцем демократии, а других обзывает олигархами и врагами демократии. В то время как он заслуживает смерти за свое поведение, вы избираете его обвинителем людей, подвергшихся клеветническим нападкам. Он выдает себя за защитника существующего строя, а сам не желает находиться в равном положении ни с кем из афинян, и даже небольшого преимущества ему недостаточно. Напротив, он до такой степени презирает вас, что постоянно готов льстить вам, когда вы все вместе, и втаптывает в грязь каждого в отдельности. (17) В своей дерзости этот человек дошел до того, что заманил к себе домой художника Агафарха и принудил его украсить ему дом стенной росписью. А когда тот просил уволить его и ссылался в свое оправдание на действительные причины, объясняя, что он не может выполнить требование Алкивиада, поскольку у него уже есть соглашения с другими лицами, Алкивиад пригрозил заключить его в тюрьму, если он не сделает роспись как можно скорее. Свою угрозу Алкивиад выполнил, и Агафарх получил свободу лишь после того, как

бежал, тайно от стражи, на четвертом месяце своего заключения, совсем как беглый раб от великого царя. Бесстыдство Алкивиада дошло до того, что он же еще и выступил с обвинениями как потерпевшая сторона. Ему и в голову не пришло раскаиваться в учиненном насилии; напротив, он даже угрожал Агафарху за то, что тот бросил работу. Таким образом, не помогли ни демократия, ни свобода: Алкивиад заключил человека в тюрьму с не меньшей решительностью, чем если бы речь шла о простом рабе. (18) Меня охватывает возмущение, когда я подумаю, что вы даже заведомого злодея не можете отвести в тюрьму без риска для себя, ибо законом установлен штраф в тысячу драхм для того, кто затем при голосовании не наберет и пятой части голосов. А Алкивиад, который столько времени продержал в заключении свободного человека, пытаясь заставить его расписать ему дом, — Алкивиад нисколько за это не пострадал; напротив, этим поступком он заставил людей относиться к нему с еще большим почтением и страхом. Даже в соглашениях, заключаемых с другими государствами, мы договариваемся, что свободного человека нельзя ни лишать свободы, ни заключать в тюрьму, а если кто нарушит такое соглашение, на того мы налагаем за это большой штраф. А от этого человека, который совершил такие преступления, никто не требует ответа ни от своего имени, ни от имени государства. (19) Я полагаю, что спасение всех состоит в том, чтобы повиноваться властям и законам. Человек, который все это презирает, лишает государство лучшей защиты. Обидно, конечно, претерпеть зло от тех, кто не ведает, на чьей стороне справедливость; но еще тяжелее, когда человек знает, в чем состоят интересы государства, и все-таки осмеливается нарушать их. Такой человек, подобно Алкивиаду, ясно показывает, в чем он видит справедливость: не в том, чтобы самому следовать законам государства, а в том, чтобы вы следовали его собственным прихотям. (20) Вспомните о Таврее, который, в бытность свою хорегом детского хора, соперничал с Алкивиадом. По закону, любого чужеземца, принимающего участие в состязаниях, можно исключить из числа хоревтов; тем не менее, не разрешается чинить препятствия тому, кто уже начал выступать. Алкивиад не посчитался с этим: в присутствии всех вас, в присутствии эллинов, смотревших на состязание, перед лицом всех должностных лиц нашего государства он избил Таврея и прогнал его прочь. Зрители были до такой степени охвачены симпатией к Таврею и ненавистью к Алкивиаду, что осыпали похвалами хор одного и совсем не желали слушать хор другого. Однако Таврею от этого лучше не стало: (21) судьи — одни из страха, другие — из желания угодить — присудили победу Алкивиаду, поступившись таким образом клятвой в угоду этому человеку. Что ж, мне кажется вполне естественным желание судей подольститься к Алкивиаду: ведь они видели, какие оскорбления выпали на долю Таврея, затратившего столько денег, и каким могуществом располагает тот, кто позволяет себе совершать такие бесчинства. Виновны во всем этом вы сами: вы не требуете ответа от наглецов; вы наказываете тех, кто совершает преступления исподтишка, и восхищаетесь теми, кто бесчинствует в открытую. (22) Вот почему молодежь проводит время не в гимнасиях, а в судах; старшие участвуют в

походах, а молодые выступают с речами перед народом. Ведь они берут пример с Алкивиада, который превзошел всякую меру в своих преступлениях. Несмотря на то, что он сам предложил обратить в рабство жителей Мелоса, он купил себе одну из пленниц и прижил с нею сына, рождение которого было фактом еще более противоестественным, чем рождение Эгисфа. Отец и мать мальчика были злейшими врагами друг другу, а из ближайших ему людей одни заставили других испытать ужасное горе. (23) Однако наглое поведение Алкивиада, несомненно, заслуживает того, чтобы о нем поговорили подробнее. Подумать только, что он прижил сына с женщиной, которую он сам из свободной сделал рабыней, отца и родственников которой убил, а город разрушил до основания! Поистине, он сделал все, чтобы его сын стал злейшим врагом и ему самому и его городу; он обрек его всю жизнь оставаться во власти одного чувства — ненависти. Когда вы видите такие вещи в трагедиях, вы ужасаетесь; но вот вам приходится наблюдать, как они действительно происходят в нашем городе, и вы относитесь к этому с полнейшим безразличием. А ведь когда вы смотрите трагедии, вы не знаете, было ли так на самом деле или все это выдумано поэтами; здесь же вы прекрасно знаете, как совершаются такие бесчинства, и все же относитесь к этому со спокойной душой. (24) И вот, после всего этого, кое-кто осмеливается утверждать, что никогда еще не было человека, подобного Алкивиаду! Я, со своей стороны, уверен, что он заставит наше государство испытать величайшие несчастья и окажется на будущее виновником таких бедствий, что перед ними померкнут все его прежние преступления. Ибо есть все основания ожидать, что человек, начавший свою жизнь подобным образом, и конец устроит себе такой, который превзойдет все. Поэтому благоразумным людям следует остерегаться граждан, которые возносятся слишком высоко: надо помнить, что именно такие граждане и устанавливают тирании.

(25) Я уверен, что Алкивиад не скажет ни слова на все эти обвинения: он будет говорить о победе в Олимпии, он будет распространяться в своей защитительной речи обо всем, но только не о том, в чем его обвиняют. Однако я покажу, что даже за те поступки, которыми он хвастает, он более заслуживает смерти, чем оправдания. Сейчас я вам расскажу. (26) В Олимпию с упряжкой лошадей приехал Диомед: состояние у него было небольшое, однако и с тем, что у него было, он хотел завоевать для своего города и для своего дома венок победителя, рассчитывая, что в большинстве конных состязаний победу решает случай. И вот у этого человека, который был гражданином и при том не первым встречным, Алкивиад, пользовавшийся влиянием у элейских агонофетов, отбирает упряжку и сам участвует на ней в состязаниях. Можно себе представить, что бы он сделал, если бы в Олимпию прибыл с упряжкой лошадей кто-нибудь из ваших союзников! (27) Неужели он беспрепятственно позволил бы ему оспаривать у него победу? Он, который учинил насилие над афинянином и имел дерзость использовать для состязаний чужих лошадей; он, который своими действиями ясно показал эллинам, что они могут не удивляться, если он учинит насилие и над кем-нибудь из них. Ведь даже с

собственными гражданами он обращается не как с равными; нет, одних он грабит, других избивает, третьих лишает свободы, с четвертых требует денег. Демократию он не ставит ни во что, на словах прикидывается вожаком народа, а на деле поступает как настоящий тиран. Ведь он давно уже заметил, что вы заботитесь лишь о названии и вовсе не думаете о существе дела. (28) А как отличается его образ действий от поведения лакедемонян! Те относятся вполне терпимо к возможности своего поражения, хотя бы их противниками на состязаниях были союзники; этот же, наоборот, не допускает и мысли о таком исходе, даже если противниками его будут его же граждане. Он открыто заявил, что никому не позволит оспаривать его желаний. Неудивительно, что в результате такого рода действий союзные города тяготеют к нашим врагам, а нас ненавидят. (29) Мало того, Алкивиаду хотелось показать, что он может безнаказанно оскорблять не только Диомеда, но и весь город. С этой целью он попросил у архитеоров священные сосуды, сказав, что он хочет воспользоваться ими на празднестве в честь своей победы, накануне официальных жертвоприношений. Однако он обманул и не пожелал возвратить священную утварь вовремя, ибо он хотел на следующий день раньше государства воспользоваться золотыми чашами для омовения рук и курильницами для благовоний. И вот, чужеземцы, которые не знали, что эти сосуды — наши, наблюдая за общественной процессией, состоявшейся вслед за празднеством Алкивиада, думали, что мы воспользовались священными сосудами, принадлежащими этому человеку. Те же, кто узнал от граждан, в чем дело, или кто сам догадался о проделке Алкивиада, смеялись над нами, видя, как один человек может оказаться сильнее целого государства.

(30) Обратите внимание на то, как вообще он обставил свое пребывание в Олимпии. Персидский шатер, превосходящий вдвое палатку официальной делегации, ему привезли эфесцы; жертвенных животных и корм для лошадей доставили хиосцы; поставку вина и прочие расходы он возложил на лесбосцев. Счастье сопутствовало ему до такой степени, что, хотя все эллины были свидетелями творимого им беззакония и взяточничества, он не понес никакого наказания. Все, кто занимается управлением хотя бы одного города, обязаны давать отчет в своей деятельности, (31) а человек, который управляет всеми союзниками и получает с них деньги, не несет ровно никакой ответственности. Напротив, после всех этих преступлений он получил кормление в пританее и даже еще хвастает своей победой, как будто он и вправду снискал для города не бесчестье, а венок. Далее, посмотрев повнимательнее, вы найдете, что если кто-нибудь пробовал на короткое время заняться любым из тех чудачеств, которым Алкивиад предается постоянно, такой человек, как правило, губил все свое хозяйство. А Алкивиад, постоянно вытворяющий все, что связано с самыми большими издержками, увеличил свое состояние вдвое! (32) Вы, конечно, считаете, что люди бережливые и ведущие экономный образ жизни — корыстолюбцы; это неправильное представление. Самыми постыдными корыстолюбцами являются те, кто совершает большие траты и потому нуждается во многих источниках доходов. Ваше поведение окажется в выс-

шей степени постыдным, если вы будете с любовью относиться к человеку, который совершил свои подвиги с помощью ваших же денег. Ведь всем известно, что в свое время вы подвергли остракизму Каллия, сына Дидимия, который сам, своими силами, добился победы во всех состязаниях, где наградой победителю был венок: тогда вы не обратили на это ровно никакого внимания, а ведь Каллий добился для города такой чести собственными трудами. (33) Вспомните также о том, какими честными и строгими в вопросах нравственности были ваши предки: они изгнали остракизмом Кимона за совершенное им бесчинство, ибо он сожительствовал с собственной сестрой. А ведь не только сам Кимон был победителем на Олимпийских играх, но и отец его Мильтиад. И все же ваши предки ничуть не посчитались с этими победами: ибо они судили Кимона не по его победам на состязаниях, а по его образу жизни.

(34) Вообще, если уж смотреть на все это дело с точки зрения происхождения каждого из нас, то я ничего общего с остракизмом не имею. Нет никого, кто смог бы указать хотя бы одного представителя нашего рода, с которым случилось бы такое несчастье. Напротив, Алкивиад более, чем кто-либо другой из афинян, связан с остракизмом. Действительно, и отец его матери Мегакл, и его дед Алкивиад — оба <дважды>[20] подвергались изгнанию остракизмом, так что и с самим Алкивиадом не случилось бы ничего ни странного, ни необычного, если бы его постигла такая же судьба, как и его предков. Более того, он и сам не стал бы отрицать, что его предки, превосходившие других своей склонностью к бесчинствам, были по сравнению с ним людьми куда более скромными и справедливыми. Ведь никто на свете не смог бы составить такое обвинение, которое по достоинству оценило бы преступления, совершенные Алкивиадом.

(35) Я полагаю, что и тот, кто внес закон об остракизме, имел вполне определенные намерения. Он видел, что среди граждан есть такие, которые оказываются сильнее должностных лиц и законов. Поскольку от таких людей невозможно было добиться удовлетворения в частном порядке, законодатель нашел средство привлекать их к ответственности в общественном порядке с тем, чтобы таким образом защищать всех, кто терпит от них обиды. Что касается меня, то я уже четыре раза был судим всем народом, и я никому не мешал привлекать меня к суду в частном порядке. Алкивиад же, напротив, совершив такие преступления, ни разу еще не осмелился явиться на суд. (36) К тому же он так опасен, что люди вместо того, чтобы наказать его за прошлые преступления, боятся, как бы он не совершил против них новые. Тем, кто уже испытал от него зло, лучше, по-видимому, смириться; зато ему угодно, чтобы и впредь он мог творить все, что пожелает. Как бы то ни было, афиняне, невозможно, чтобы в одно и то же время я заслуживал изгнания по остракизму и не заслуживал смертной казни, был оправдан по суду и был изгнан без суда, столько

[20] Слово «дважды» отсутствует в рукописях; некоторые издатели дополняют его по аналогии с [14]. Однако, на наш взгляд, для такой вставки нет сколько-нибудь серьезных оснований.

раз выходил победителем в судебных процессах и вновь считался достойным изгнания из-за тех же самых обвинений. (37) Пожалуй, это было бы возможно, но лишь в том случае, если бы было доказано, что раньше я подвергался нападкам по незначительному поводу, или что моими обвинителями были люди ничтожные, или что врагами моими были люди вполне заурядные, а не самые сильные ораторы и политические деятели, которые уже погубили двоих из числа тех, кому были предъявлены такие же обвинения, как и мне. Итак, справедливо будет отправить в изгнание не тех, кого вы часто уже проверяли и признали ни в чем не виновными, а тех, кто не желал дать вам отчета в своей жизни. (38) И вот что мне кажется странным: если бы кто-нибудь счел возможным вступиться за казненных и стал бы доказывать, что они погибли незаслуженно, то вы не стали бы и слушать такие речи; а если кто-нибудь вновь предъявляет те же самые обвинения людям, которые уже были оправданы, — разве не справедливо в таком случае держаться одного образа действия, как по отношению к живым, так и по отношению к мертвым? (39) Характерной чертой Алкивиада является то, что он и сам ни во что не ставит законы и клятвы, и вас стремится научить нарушать их. Других он требует изгонять и казнить без всякого снисхождения, а сам умоляет и плачет, чтобы вызвать к себе жалость. И я не удивляюсь этому: ведь то, что он совершил, должно стоить ему теперь многих слез. Я только спрашиваю себя: кого он убедит своими просьбами? Молодежь, которую он очернил в глазах народа своим наглым поведением, своим презрением к гимнасиям и поступками, не свойственными его возрасту? Или, быть может, людей старшего поколения, с которыми он никогда не имел ничего общего и образ жизни которых он всегда презирал? (40) Стало быть, не только ради самих преступников следует заботиться о том, чтобы нарушители законов несли наказание, но и ради всех других, чтобы при виде этого они становились людьми более честными и более скромными. Изгнав меня, вы только повергнете в сильный страх всех лучших людей, тогда как, наказав Алкивиада, вы заставите всех наглецов больше уважать законы.

(41) Я хочу также напомнить вам о том, что было мною совершено. Побывав послом в Фессалии и в Македонии, в Молоссии и в Феспротии, в Италии и в Сицилии, я примирил с нашим государством одних, я расположил в нашу пользу других, я заставил отложиться от наших врагов третьих. Если бы каждый из ваших послов сделал столько же, сколько я, вы имели бы немного врагов и у вас было бы много союзников. (42) О своих литургиях я не считаю нужным упоминать: скажу только, что все повинности я всегда оплачивал не из общественных средств, а из своих собственных. Впрочем, я выходил победителем и на состязаниях в мужской красоте, и на состязаниях в беге с факелами, и при постановке трагедий, но при этом я не избивал соперничающих со мною хорегов и не стыдился подчиняться законам. Вот почему я думаю, что граждане, подобные мне, скорее заслуживают того, чтобы остаться здесь, нежели быть изгнанными[21].

---

[21] Пер. Э. Д. Фролова.

[14] Лисий. XIV (Против Алкивиада по поводу его дезертирства[22]). 39.

Поэтому, если кто из вас жалеет погибших в морском сражении [при Эгоспотамах. — *И. С.*], или испытывает чувство позора из-за сограждан, попавших в рабство к неприятелю, или возмущается срытием стен, или ненавидит спартанцев, или негодует на коллегию Тридцати, — виновником всего этого он должен считать его отца, он должен вспомнить, что его прадеда Алкивиада и деда отца его по матери Мегакла ваши предки обоих дважды изгоняли посредством остракизма, а отца его старшие из вас приговорили к смертной казни[23].

[15] Платон. Горгий. 516d.

Сократ: ... А теперь поговорим о Кимоне. Разве те, кого он выхаживал, не подвергли его остракизму, чтобы десять лет не слышать его голоса? И с Фемистоклом поступили точно так же, приговорив его к изгнанию, верно?[24]

[16] Демосфен. XXIII (Против Аристократа). 204—205.

(204) ... Но обратите внимание, как наказывались нашими предками лица, совершившие преступления, и сравните их действия с вашими. (205) Фемистокла, обнаружив, что тот стал превозноситься над народом, они приговорили к изгнанию и обвинили в персофильстве[25].

[17] Демосфен (?). XXVI (Против Аристогитона II). 6.

Аристид, как рассказывают, изгнанный вашими предками, жил на Эгине до тех пор, пока народ не вернул его...[26]

[18] Эсхин. I (Против Тимарха). 111—112.

(111) ... Покончив с разъяснениями, он[27] сказал: «Итак, что же мне посоветовать вам, афиняне? Если Совет признает Тимарха виновным и, исключив его посредством голосования листьями из списков Совета, передаст дело в суд, то вы можете сохранить за членами Совета обычную награду. Если же они не накажут Тимарха, не давайте им этой награды и в день, когда будет обсуждаться вопрос о ней, припомните им их поступок». (112) Затем, вернувшись в булевтерий, Совет приступил к голосованию. И сначала, при подаче голосов масличными листьями, он исключил Тимарха из своих списков, однако затем, при голосовании камешками, вновь принял его в свои ряды. Таким образом, Совет не передал дело в суд и не изгнал Тимарха из булевтерия, и потому — мне неприятно, но я должен сказать об этом — Совет не удостоился обычной похвалы. Не допускайте же такого положения, афиняне, когда на

---

[22] Речь направлена против Алкивиада Младшего, сына Алкивиада.

[23] Пер. С. И. Соболевского.

[24] Пер. С. П. Маркиша.

[25] *Пер. В. Г. Боруховича с нашими поправками.*

[26] Пер. А. Я. Тыжова с нашей поправкой.

[27] Афинянин Памфил из дема Ахердунт.

Совет вы сердитесь и пятьсот ваших граждан лишаете венка за то, что они не покарали Тимарха, а сами готовы оправдать и сохранить для народа этого оратора, который принес Совету одни только неприятности[28].

[19] Ликург. Против Леократа. 117—118[29].

(117) Ведь Гиппарха, сына Харма[30], уклонившегося от публичного обвинения в предательстве и не явившегося на суд, они [афиняне. — *И. С.*] приговорили к смерти. Так как они не могли получить его самого в качестве залога за преступление, стащив с Акрополя его статую, они расплавили ее и, сделав стелу, постановили написать на ней имена преступников и предателей. И сам Гиппарх на этой стеле был записан, и другие предатели. (118) Возьми, секретарь, и прочти сначала постановление, по которому эта статуя должна была быть снята с Акрополя, затем надпись на стеле и имена предателей, приписанных позже на этой стеле[31].

[20] Динарх. Обвинение против Полиевкта, подвергнутого экфиллофории. Фр. II. 1—2, 4 Conomis.

См. [49], [88], [90].

[21] Демад (?). Неизвестная речь. Фр. 124 de Falco.

... Тогда еще были в расцвете силы городов и дух Эллады, и удача сопутствовала народу; ныне же изгнано остракизмом все полезное из государственных дел, вынуты жилы городов, на распущенность и роскошь истрачены состояния, дела согласия больше с нами не пребывают, и ложными оказались надежды друзей[32].

[22] Феопомп. История Филиппа. FGrHist. 115. F88.

См. [123].

[23] Феопомп. История Филиппа. FGrHist. 115 F96.

См. [114], [119].

---

[28] Пер. Э. Д. Фролова с нашей поправкой.

[29] Строго говоря, данный фрагмент не содержит информации об остракизме как таковом. Однако он проливает свет на дальнейшую судьбу первого политика, изгнанного остракизмом, — Гиппарха, сына Харма. Кроме того, существует мнение, что упоминаемая здесь стела — не что иное, как полный официальный список изгнанных остракизмом. Впрочем, достоверность сообщения Ликурга является спорной. См.: *Schreiner J. H.* The Origin... P. 84 ff.

[30] Исправляется издателями на основании [89] из рукописного чтения «сына Тимарха», представляющего собой явную ошибку переписчика.

[31] Пер. Т. В. Прушакевич.

[32] Этот текст интересен тем, что в нем впервые в традиции и, насколько можно судить, единственный раз вплоть до поздней античности глагол ἐξοστρακί ζω употребляется

[24] Андротион. Аттида. FGrHist. 324. F6.
См. [89].

[25] Андротион. Аттида. FGrHist. 324. F37.
См. [113].

[26] Андротион. Аттида. FGrHist. 324. F43.
См. [119].

[27] Аристотель (?). Афинская полития. 22.

(1) В результате этих изменений [реформ Клисфена. — *И. С.*] государственный строй стал гораздо более демократичным, чем солоновский. Это и понятно: законы Солона упразднила тирания, оставляя их без применения; между тем, издавая другие, новые законы, Клисфен имел в виду интересы народа. В их числе издан был и закон об остракизме.

(2) Впервые на восьмом[33] году после установления этого порядка, при архонте Гермокреонте, установили для Совета пятисот присягу, которую приносят еще и теперь. Затем стали избирать по филам стратегов, по одному из каждой, предводителем же всей вообще армии был полемарх. (3) Далее, на двенадцатом году после этого, при архонте Фениппе, афиняне одержали победу в битве при Марафоне, а спустя два года после победы, когда народ стал уже чувствовать уверенность в себе, тогда впервые применили закон об остракизме, который был установлен ввиду подозрения к людям, пользующимся влиянием, так как Писистрат из демагога и полководца сделался тираном. (4) И первым подвергся остракизму один из его родственников Гиппарх, сын Харма, из Коллита, которого главным образом и имел в виду Клисфен, издавая этот закон, так как хотел его изгнать. Надо сказать, что афиняне со свойственной народу снисходительностью позволили тем из сторонников тиранов, которые не принимали участия в их преступлениях во время смут, проживать в городе. Вот их-то вождем и простатом был Гиппарх.

(5) Но тотчас же на следующий год, при архонте Телесине, избрали по жребию девятерых архонтов по филам из предварительно намеченных демами пятисот кандидатов — тогда впервые после тирании, прежде же все были выборные. Тут подвергся остракизму Мегакл, сын Гиппократа, из Алопеки. (6) Таким образом в течение трех лет изгоняли остракизмом сторонников тиранов, против которых был направлен этот закон; после же этого на четвертый год стали подвергать изгнанию и из остальных граждан всякого, кто только казался слишком влиятельным. И первым подвергся остракизму из людей, посторонних тирании, Ксантипп, сын Арифрона.

в переносном смысле. Впрочем, аутентичность всех сохранившихся фрагментов Демада крайне сомнительна, поскольку, как известно, этот оратор не записывал и не публиковал своих речей.

[33] Исправление издателей из рукописного «на пятом».

(7) А на третий год после этого, при архонте Никодеме[34], были открыты рудники в Маронии, и у города остались сбережения в сто талантов от их разработки. Тогда некоторые советовали поделить эти деньги народу, но Фемистокл не допустил этого. Он не говорил, на что думает употребить эти деньги, но предлагал дать заимообразно ста богатейшим из афинян, каждому по одному таланту, а затем, если их расходование будет одобрено, трату принять в счет государства, в противном же случае взыскать эти деньги с получивших их в заем. Получив деньги на таких условиях, он распорядился построить сто триер, причем каждый из этих ста человек строил одну. Это и были те триеры, на которых афиняне сражались при Саламине против варваров. В это время подвергся остракизму Аристид, сын Лисимаха.

(8) На четвертый год, при архонте Гипсихиде, всех подвергшихся остракизму вернули ввиду похода Ксеркса. При этом на будущее время определили, чтобы люди, подвергающиеся остракизму, проживали вне Гереста и Скиллея[35] под страхом в противном случае лишиться раз навсегда гражданских прав[36].

[28] Аристотель (?). Афинская полития. 27. 4.

Перикл, не имея такого состояния, чтобы соперничать с ним [Кимоном. — *И. С.*] в щедрости, воспользовался советом Дамонида из Эи (этого Дамонида считали во многих делах советником Перикла, потому и подвергли его впоследствии остракизму)[37].

[29] Аристотель (?). Афинская полития. 43. 5.

В шестую пританию, кроме означенного, пританы ставят на голосование поднятием рук еще вопрос относительно остракизма — находят ли нужным производить его или нет, затем предложения предварительных приговоров против сикофантов от афинян и от метеков, не более трех от тех и других; наконец, такие дела, когда кто-нибудь, дав то или иное обещание народу, не выполнит его[38].

---

[34] В основном папирусном манускрипте «Афинской политии» имя архонта читается как «Никомед», а в так называемом берлинском фрагменте — как «Никодем». Верным является именно последнее чтение, поскольку оно подтверждается независимым источником (Дионисием Галикарнасским).

[35] В тексте — «в пределах Гереста и Скиллея». По поводу этого места, его возможных исправлений и интерпретации см. выше, гл. III, п. 3.

[36] Пер. С. И. Радцига.

[37] Пер. С. И. Радцига.

[38] Пер. С. И. Радцига. Имеется также почти дословный парафраз этого места в поздней компиляции Lexicon rhetoricum Cantabrigiense (s.v. κυρία ἐκκλησία): «В шестую пританию, кроме означенного, ставят на предварительное голосование поднятием рук еще вопрос относительно остракизма — находят ли его нужным или нет».

[30] Аристотель. Политика. III. 8. 1284a4 слл.

(1) Если кто-либо один или несколько человек, больше одного, но все-таки не настолько больше, чтобы они могли заполнить собой государство, отличались бы таким избытком добродетели, что добродетель всех остальных и их политические способности не могли бы идти в сравнение с добродетелью и политическими способностями указанного одного или нескольких человек, то таких людей не следует и считать составной частью государства: ведь с ними поступят вопреки справедливости, если предоставят им те же права, что и остальным, раз они в такой степени неравны с этими последними своей добродетелью и политическими способностями. Такой человек был бы все равно что божество среди людей. (2) Отсюда ясно, что и в законодательстве следует иметь в виду равных и по их происхождению, и по способностям, а для такого рода людей и законов не нужно, потому что они сами — закон. Да и в смешном положении оказался бы тот, кто стал бы пытаться сочинять для них законы: они сказали бы, пожалуй, то, что, по словам Антисфена[39], львы сказали зайцам, когда те произносили речи в собрании животных и требовали для всех равноправия. На этом основании государства с демократическим устройством устанавливают у себя остракизм: по-видимому, стремясь к всеобщему равенству, они подвергали остракизму и изгоняли на определенный срок тех, кто, как казалось, выдавался своим могуществом, опираясь либо на богатство, либо на обилие друзей, либо на какую-нибудь иную силу, имеющую значение в государстве. (3) Согласно мифологическому преданию, по той же самой причине аргонавты покинули Геракла: корабль Арго не пожелал везти его вместе с прочими пловцами, так как он намного превосходил их. Равным образом нельзя признать безусловно правильными и те упреки, которые делались по поводу тирании и совета, данного Периандром Фрасибулу: рассказывают, что Периандр ничего не сказал в ответ глашатаю, посланному к нему за советом, а лишь, вырывая те колосья, которые слишком выдавались своей высотой, сравнял засеянное поле; глашатай, не уразумев, в чем дело, доложил Фрасибулу о том, что видел, а тот понял поступок Периандра в том смысле, что следует убивать выдающихся людей. (4) Такой образ действий выгоден не только тирании, и не одни лишь тираны так поступают, но то же самое происходит и в олигархиях и в демократиях: остракизм имеет в известной степени то же значение — именно посредством изгнания выдающихся людей подрезывать в корне их могущество. Так же поступают с [греческими] государствами и с [варварскими] племенами те, кто пользуется властью; например, афиняне — с самосцами, хиосцами и лесбосцами: как только афиняне прочно взяли в свои руки власть, они их принизили вопреки договорам; (1284b) персидский же царь неоднократно подрубал мидян, вавилонян и остальные племена, гордившиеся тем, что и они в свое время пользовались господством. (5) Вообще вопрос этот стоит перед всеми видами государственного устройства, в том числе и перед правильными. Правда, в тех видах государств, которые являются

[39] Antisth. fr. 66 Mullach.

отклонениями, применение этого средства делается ради частных выгод, но оно в равной степени находит себе место и при государственных устройствах, преследующих общее благо. Это можно пояснить примером, взятым из области иных искусств и наук. Разве может допустить художник, чтобы на его картине живое существо было написано с ногой, нарушающей соразмерность, хотя бы эта нога была очень красива? Или разве выделит чем-либо кораблестроитель корму или какую-нибудь иную часть корабля? Разве позволит руководитель хора участвовать в хоре кому-нибудь, кто поет громче и красивее всего хора? (6) Таким образом, нет никаких препятствий к тому, чтобы люди, обладающие единоличной властью, действуя в согласии с выгодой для государства, прибегали к этому средству в том случае, когда оно является одинаково полезным как для их личной власти, так и для блага государства. Недаром же там, где дело идет о неоспоримом превосходстве, мысль об остракизме находит некое справедливое оправдание. Конечно, лучше, если законодатель с самого начала придаст государству такое устройство, что не окажется нужды прибегать к такого рода врачеванию, а лишь при «втором плавании»; в случае надобности можно попытаться исправить дело при помощи такого рода поправки. Не то происходило в государствах: прибегая к остракизму, они имели в виду не выгоду для соответствующего государственного устройства, а преследовали при этом выгоду для своей партии. Итак, ясно, что при тех видах государственного устройства, которые представляют собой отклонения, остракизм, как средство, выгодное для них, полезен и справедлив; но ясно и то, что, пожалуй, с общей точки зрения остракизм не является справедливым. (7) При наилучшем же виде государственного устройства большое затруднение возникает вот в чем: как нужно поступать в том случае, если кто-нибудь будет превосходить других не избытком каких-либо иных благ, вроде могущества, богатства, или обилием друзей, но будет отличаться избытком добродетели? Ведь не сказать же, что такого человека нужно устранить или удалить в изгнание; с другой стороны, нельзя себе представить, чтобы над таким человеком властвовали, потому что в таком случае получилось бы приблизительно то же самое, как если бы, распределяя государственные должности, потребовали власти и над Зевсом. Остается одно, что, по-видимому, и естественно: всем охотно повиноваться такому человеку, так что такого рода люди оказались бы в государстве пожизненными царями[40].

[31] Аристотель. Политика. III. 11. 12—13. 1288a15 слл.

(12) Когда случится так, что либо весь род, либо один из всех будет отличаться и превосходить своей добродетелью добродетель всех прочих, вместе взятых, тогда по праву этот род должен быть царским родом, а один его представитель — полновластным владыкой и монархом: как уже ранее было сказано, это будет согласно с тем правовым началом, на которое опираются те, кто обосновывает аристократический, олигархический и даже де-

[40] Пер. С. А. Жебелева.

мократический вид государственного устройства; ведь они всюду признают право за превосходством, но не за любым превосходством, а за таким, какое мы обрисовали выше. (13) Такого выдающегося мужа действительно непростительно было бы убивать, или изгонять, или подвергать остракизму, равно как и требовать от него хотя бы частичного подчинения, ведь части несвойственно быть выше целого, а таким целым и является в нашем случае человек, имеющий такого рода превосходство. Следовательно, остается одно: повиноваться такому человеку и признавать его полновластным владыкой без каких-либо ограничений[41].

[32] Аристотель. Политика. V. 2. 4—5. 1302b15 слл.

(4) ... Превосходство ведет также к внутренним распрям, когда кто-либо — один или несколько — будет выдаваться своим могуществом в большей степени, нежели это совместимо с характером государства и властью правительства. При таких обстоятельствах возникает обыкновенно монархическое или династическое правление. (5) Поэтому в некоторых государствах, как, например, в Аргосе и в Афинах, имеют обыкновение прибегать к остракизму, хотя было бы лучше уже с самого начала следить за тем, чтобы в государстве не появлялись люди, столь возвышающиеся над прочими, нежели, допустив это, потом прибегать к лечению[42].

[33] Феофраст. Характеры. 26. 6[43].

... Виновник всех этих бед, по его [олигарха. — *И. С.*] словам, прежде всего Тесей: «Это он собрал народ из двенадцати городов в один город и уничтожил царскую власть. И по заслугам сам и получил: эти люди его первого и погубили»[44].

[34] Феофраст. Политические обстоятельства. Фр. 131 Wimmer.

См. [86], [153], [171], [181].

[35] Феофраст. Законы (?)[45]*. Фр. 139 Wimmer.*

См. [72].

[36] Феофраст. Законы[46].

См. [119].

---

[41] Пер. С. А. Жебелева.

[42] Пер. С. А. Жебелева.

[43] Этот текст становится ясным в свете [34].

[44] Пер. Г. А. Стратановского.

[45] Не исключена также принадлежность данного фрагмента к трактату «Политические обстоятельства» или какому-то другому из политических произведений Феофраста.

[46] Этот фрагмент оказался упущенным в издании Виммера.

[37] Деметрий Фалерский. Сократ. FGrHist. 228. F43.
См. [65].

[38] Филохор. Аттида. FGrHist. 328. F30.

Филохор описывает остракизм в 3-й книге в следующих словах: «Вот что такое остракизм. Народ производил предварительное голосование перед восьмой пританией по вопросу о том, не находит ли он нужным "подавать черепки". Если признавали нужным, площадь огораживалась досками, причем оставлялось десять входов; через них входили по филам и подавали черепки, поворачивая книзу написанное. Председательствовали при этом девять архонтов и Совет. Затем подсчитывали, и против кого оказывалось большинство, причем не менее шести тысяч, тот должен был в течение десяти дней дать другим и получить сам от других удовлетворение по своим личным делам и удалиться из города на десять лет (впоследствии это было заменено пятью годами), причем сохранял право пользоваться доходами со всего своего имущества, с условием только не приближаться за черту Гереста, мыса на Эвбее. По-видимому, из людей неизвестных один только Гипербол был изгнан посредством остракизма за нечестность своего образа действий, а не из подозрения в тиранических замыслах. После него и прекратился этот обычай, который ведет начало с законодательства Клисфена, когда этот последний низверг тиранов и хотел вместе с тем изгнать и друзей их»[47].

[39] Гераклид[48]. Эпитома «Афинской политии» Аристотеля. 7.

А Гиппий стал править как тиран самым жестоким образом. И он предложил закон об остракизме, который был направлен против людей, стремящихся к тирании. В числе изгнанных остракизмом были Ксантипп и Аристид[49].

[40] Цицерон. Тускуланские беседы. V. 105.

Аристид (я предпочитаю пользоваться греческим примером) не потому разве был изгнан из отечества, что был чрезмерно справедлив?[50]

[41] Цицерон. О дружбе. 42.

Был ли в Греции кто-нибудь более славен, более могуществен, чем Фемистокл? После того, как он, будучи стратегом во время войны с персами, избавил Грецию от порабощения, а затем вследствие зависти был изгнан, он не

---

[47] Пер. С. И. Радцига с нашими дополнениями и поправками.

[48] Согласно наиболее распространенному ныне в историографии мнению, эпитоматором был не Гераклид Понтийский (IV в. до н. э.), как полагали ранее, а Гераклид Лемб (II в. до н. э.). Не исключена, впрочем, и принадлежность эпитомы какому-то другому, ближе неизвестному Гераклиду.

[49] Пер. С. И. Радцига.

[50] Пер. А. В. Лебедева.

стерпел нанесенного ему отечеством оскорбления, которое должен был стерпеть: он поступил так же, как в нашей стране двадцатью годами раньше поступил Кориолан[51].

[42] Корнелий Непот. Фемистокл. 8.

Несмотря на все это, он [Фемистокл. — *И. С.*] не избежал ненависти сограждан. Питая к нему то самое недоверие, из-за которого был осужден Мильтиад, они изгнали его из города судом черепков. Фемистокл удалился и нашел пристанище в Аргосе. Благодаря многим своим достоинствам он жил там в почете, пока лакедемоняне не направили в Афины послов, заглазно обвинивших его в сговоре с персидским царем, имеющем целью порабощение Греции[52].

[43] Корнелий Непот. Аристид. 1—2.

(1) ... Хотя Аристид отличался такой честностью, что, насколько я знаю, оказался единственным, кто на памяти людской получил прозвище Справедливого, однако Фемистокл подорвал его авторитет, и посредством «черепков» он был осужден на десятилетнее изгнание. Рассказывают, что, когда Аристид понял, сколь невозможно переубедить возбужденную толпу, и направился к выходу из собрания, на глаза ему попался некий человек, пишущий на черепке его имя для изгнания. Аристид спросил, почему он это делает и что натворил Аристид, чтобы оказаться достойным такого наказания. А тот ответил: Аристида, мол, я не знаю, но не нравится мне, что он из кожи лез, чтобы величаться пред другими прозвищем Справедливого. Конца ссылки, определенной по закону в 10 лет, Аристид не дождался — примерно на 6-м году его изгнания[53] Ксеркс вторгся в Грецию, и народ проголосовал, чтобы Аристид возвратился на родину.

(2) В морском сражении при Саламине он участвовал еще до того, как отменили вынесенный ему приговор[54].

[44] Корнелий Непот. Кимон. 3.

Возвысившись после этих подвигов более всех сограждан, он [Кимон. — *И. С.*] навлек на себя ту же ревность, что и отец его, и прочие знатные афиняне. «Суд черепков», который греки называют остракизмом, приговорил его к десятилетнему изгнанию. От этого приговора афиняне пострадали скорее, чем сам Кимон. В то время как он мужественно подчинился расправе неблагодарных соотечественников, лакедемоняне объявили афинянам войну, и те тотчас пожалели об испытанной доблести Кимона. Так после пяти лет изгнания он был снова призван на родину[55].

---

[51] Пер. В. О. Горенштейна.

[52] Пер. Н. Н. Трухиной.

[53] Явная ошибка Непота: между изгнанием Аристида и его досрочным возвращением прошел значительно меньший срок (около двух лет).

[54] Пер. Н. Н. Трухиной.

[55] Пер. Н. Н. Трухиной.

[45] Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. XI. 54—55.

(54. 5) Затем одни, боясь его [Фемистокла. — *И. С.*] возвышения, другие же, завидуя его славе, забыли о его благодеяниях и стремились умалить его влияние и благородство. (55. 1) Сперва его изгнали из города, применив к нему так называемый остракизм, который был введен в Афинах после освобождения города от тирании Писистратидов. Сущность этого закона заключалась в следующем. (2) Каждый из граждан на черепке писал имя того человека, которого считал более всего способным свергнуть демократию. Тот, кто получал наибольшее количество черепков, должен был покинуть родину и уйти в изгнание на пять лет. (3) Афиняне решили принять этот закон не для того, чтобы наказать зло, но чтобы ослабить с помощью изгнания тех, кто пользовался огромной властью. Итак, Фемистокл, указанным способом подвергшийся остракизму, бежал из Афин в Аргос[56].

[46] Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. XI. 86—87.

(86. 5) ... Поскольку это повторялось неоднократно[57] и появлялись люди, стремившиеся к тиранической власти, народ был вынужден, подражая афинянам, принять закон, подобный существовавшему у тех закону об остракизме. (87. 1) Ведь у афинян было принято, чтобы каждый гражданин писал на черепке имя того из сограждан, кто, как считалось, более других способен стать тираном; у сиракузян же имя влиятельнейшего из граждан писали на листьях оливы, а после подсчета листьев тот, кто упоминался наибольшее число раз, должен был уйти в изгнание на пятилетний срок. (2) Таким образом стремились смирить высокомерие самых могущественных лиц в своих государствах, и вообще вся процедура имела целью не наказывать преступивших закон за их порочность, а ослаблять влияние некоторых людей и препятствовать их возвышению. Этот род законодательства афиняне назвали — по способу его осуществления — остракизмом, а сиракузяне петализмом[58]. (3) Закон, о котором идет речь, у афинян существовал в течение долгого времени, а у сиракузян был вскоре отменен по следующим причинам. (4) Так как изгнанию подвергались наиболее выдающиеся мужи, то те граждане, которые пользовались особенной популярностью и могли бы в силу своих достоинств значительно содействовать общему благу, стали устраняться от государственных дел и из страха перед упомянутым законом вести жизнь частных лиц. Заботясь лишь о собственном благосостоянии, они впадали в изнеженность. За государственные дела же стали браться те из граждан, кто отличался порочностью и дерзостью; они склоняли народ к беспорядкам и раздорам. (5) Потому-то снова начались распри, народ охватила взаимная вражда, и город опять стал скатываться к непрерывным и великим смутам. Верх брала толпа демагогов и сикофантов; молодежь упражнялась в искусстве красноречия, и вообще многие сменили старинный и

---

[56] Пер. В. М. Строгецкого.

[57] Смуты в Сиракузах после свержения тирании Дейноменидов.

[58] Как остракизм от ὄστρακον (черепок), так петализм от πέταλον (лист).

серьезный образ жизни на самые постыдные занятия. Благосостояние по причине мирного времени росло, а о делах согласия и справедливости мало кто заботился. (6) Потому-то сиракузяне, одумавшись, отменили закон о петализме; лишь недолгое время он был у них в употреблении.

[47] Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. XIX. 1. 3.

... Ведь тем, кто многим обладает, свойственно не останавливаться на достигнутом, и желания их безграничны. По этим-то причинам афиняне изгоняли первенствующих граждан, законодательно установив против них так называемый остракизм. Они делали это не в качестве наказания за ранее совершенные преступления, а для того, чтобы у тех, кто способен нарушать законы, не появилась возможность вредить отечеству.

[48] Дидим. Схолии к Демосфену. XXIII. 205 [16].

О том, что такое остракизм, писали многие; в частности, Филохор в 3-й книге «Аттиды» [38] говорит следующее: «Вот что такое остракизм. Народ производил предварительное голосование перед восьмой пританией по вопросу о том, не находит ли он нужным "подавать черепки". Если признавали нужным, площадь огораживалась досками, причем оставлялось десять входов; через них входили по филам и подавали черепки, поворачивая книзу написанное. Председательствовали при этом девять архонтов и Совет. Затем подсчитывали, и против кого оказывалось большинство, причем не менее шести тысяч, тот должен был в течение десяти дней дать другим и получить сам от других удовлетворение по своим личным делам и удалиться из города на десять лет»[59].

[49] Дионисий Галикарнасский. О Динархе. 10.

Обвинение против Полиевкта, подвергнутого Советом экфиллофории, начинается словами: «Давно я удивляюсь вам» [20].

[50] Мусоний Руф. О том, что изгнание не есть зло. Фр. 9 Hense.

... Многие добродетельные мужи были изгнаны своими согражданами, например Аристид Справедливый из Афин, а из Эфеса Гермодор, по поводу изгнания которого Гераклит [1] советовал «перевешать всех взрослых эфесцев»[60].

[51] Дион Хрисостом. LXVI (О славе I). 26.

... Афиняне изгнали Аристида остракизмом, хотя и прекрасно знали, что он справедлив.

[52] Плутарх. Фемистокл. 5[61].

---

[59] Пер. С. И. Радцига с нашими дополнениями и поправками.

[60] Пер. А. В. Лебедева.

[61] Фрагменты из биографий Плутарха приводятся в том порядке, в котором эти биографии обычно издаются.

Когда его [Фемистокла. — *И. С.*] влияние возросло и он стал популярен, он наконец одержал верх в борьбе на государственном поприще и посредством остракизма заставил Аристида удалиться из Афин[62].

[53] Плутарх. Фемистокл. 11.

Велики эти дела Фемистокла; так же велико и следующее его дело. Он заметил, что граждане жалеют об Аристиде и боятся, как бы он в раздражении не пристал к царю и не погубил Элладу (он был изгнан посредством остракизма еще до войны, побежденный в борьбе с Фемистоклом); поэтому он предложил сделать постановление, дозволяющее всем изгнанникам, за исключением изгнанных за убийство, вернуться на родину и вместе со всеми гражданами делом и словом способствовать благу Эллады[63].

[54] Плутарх. Фемистокл. 12.

... В то время, как приказание приводили в исполнение[64], Аристид, сын Лисимаха, первый заметивший это, пришел к палатке Фемистокла (хотя не был его другом и, как сказано, из-за него был подвергнут остракизму); когда Фемистокл вышел к нему, он сообщил ему об окружении[65].

[55] Плутарх. Фемистокл. 22—23.

(22) ... Фемистокла подвергли остракизму, чтобы уничтожить его авторитет и выдающееся положение; так афиняне обычно поступали со всеми, могущество которых они считали тягостным для себя и не совместимым с демократическим равенством. Остракизм был не наказанием, а средством утишить и уменьшить зависть, которая радуется унижению выдающихся людей и, так сказать, дыша враждой к ним, подвергает их этому бесчестью.

(23) Изгнанный из отечества Фемистокл жил в Аргосе[66]...

[56] Плутарх. Перикл. 4.

... Дамон был при Перикле учителем и руководителем в государственных делах, каким бывает учитель гимнастики при борце. Однако от народа не осталось тайной, что Дамону лира служит лишь прикрытием: как человек, мечтающий о крупных переворотах, и сторонник тирании, он был изгнан посредством остракизма и доставил комикам сюжет для шуток[67].

[57] Плутарх. Перикл. 7.

В молодости Перикл очень боялся народа: собою он казался похожим на

---

[62] Пер. С. И. Соболевского.

[63] Пер. С. И. Соболевского.

[64] Приказание Ксеркса окружить греческий флот в Саламинском проливе.

[65] Пер. С. И. Соболевского.

[66] Пер. С. И. Соболевского.

[67] Пер. С. И. Соболевского.

тирана Писистрата; его приятный голос, легкость и быстрота языка в разговоре этим сходством наводили страх на очень старых людей. А так как он владел богатством, происходил из знатного рода, имел влиятельных друзей, то он боялся остракизма и потому не занимался общественными делами, но в походах был храбр и искал опасностей... По-видимому, он боялся, как бы его не заподозрили в стремлении к тирании... [68]

[58] Плутарх. Перикл. 9—10.

(9) ... Итак, Перикл со своими приверженцами, приобретя большее влияние у народа, одолел Ареопаг: бóльшая часть судебных дел была отнята у него при помощи Эфиальта, Кимон был изгнан посредством остракизма как сторонник спартанцев и враг демократии, хотя по богатству и происхождению он не уступал никому другому, хотя одержал такие славные победы над варварами и обогатил отечество большим количеством денег и военной добычи, как рассказано в его жизнеописании. Так велика была сила Перикла у народа!

(10) Изгнание посредством остракизма лиц, подвергшихся ему, ограничивалось по закону определенным сроком — десятью годами. Тем временем спартанцы с большим войском сделали вторжение в Танагрскую область; афиняне тотчас собрались в поход против них. Кимон вернулся из ссылки и выступил в одном отряде с членами своей филы: он хотел делом снять с себя обвинение в приверженности к спартанцам, деля опасности с согражданами. Но друзья Перикла собрались и прогнали его как высланного. Вот почему, по-видимому, Перикл в этой битве сражался особенно храбро, не щадя жизни, и отличился перед всеми. В этом сражении пали и все до единого Кимоновы друзья, которых Перикл обвинял вместе с Кимоном в приверженности к спартанцам.

Афинянами овладело страшное раскаяние и тоска по Кимону: они были разбиты на границах Аттики и ожидали на следующую весну тяжелой войны. Как только заметил это Перикл, он без промедления решил исполнить желание народа: сам внес предложение в народное собрание и вызвал Кимона из ссылки. Последний по возвращении на родину водворил мир между обоими государствами. Спартанцы относились к Кимону настолько же дружелюбно, насколько были враждебны к Периклу и другим вождям народа. По словам некоторых авторов, Перикл сделал предложение о возвращении Кимона лишь тогда, когда между ними было заключено тайное соглашение при посредстве Кимоновой сестры Эльпиники на том условии, чтобы Кимон с эскадрой в двести кораблей уехал из Афин и командовал войском за пределами Аттики, завоевывая земли царя, а Периклу была бы предоставлена власть в городе[69].

[59] Плутарх. Перикл. 13.

... Кратин во «Фракиянках» [4] опять шутит над ним [Периклом. — *И. С.*]:

---

[68] Пер. С. И. Соболевского.

[69] Пер. С. И. Соболевского.

... Вон Зевс идет. А голова!.. — как лук!
И на макушке он свой Одеон несет;
Небось теперь он рад — изгнанья страх прошел[70].

[60] Плутарх. Перикл. 14.

... Наконец, он [Перикл. — *И. С.*] вступил в борьбу с Фукидидом, рискуя сам подвергнуться остракизму. Он добился изгнания Фукидида и разбил противную партию[71].

[61] Плутарх. Перикл. 16.

... После падения Фукидида и изгнания его остракизмом он [Перикл. — *И. С.*] не менее пятнадцати лет обладал непрерывной, единоличной властью, хотя должность стратега дается на один год[72].

[62] Плутарх. Сопоставление Перикла и Фабия Максима. 3.

... Мягкость и снисходительность Фабия к Минуцию обличает жестокость Перикла в борьбе против Кимона и Фукидида: этих благородных людей, приверженцев аристократии, он подверг остракизму и отправил в изгнание[73].

[63] Плутарх. Алкивиад. 13.

... Сохранилась даже одна речь Феака против Алкивиада[74], где среди прочего написано, что у себя за трапезой он всякий день пользовался всею принадлежавшей государству золотой и серебряной утварью, предназначенной для торжественных процессий, — так, словно эти многочисленные сосуды были его собственные.

Был среди афинян некий Гипербол из дема Перитеды, который и у Фукидида [7] помянут недобрым словом, и всем авторам комедий неизменно доставлял пищу для злых насмешек на театре. Из пренебрежения доброю славою (каковое бесстыдство и безумие иные даже зовут отвагою и мужеством!) он был безразличен и нечувствителен к хуле; никто не испытывал к нему ни малейшего расположения, тем не менее народ часто обращался к его услугам когда хотел унизить и оклеветать почтенных, уважаемых людей. В ту пору афиняне, послушавшись его совета, намерены были прибегнуть к остракизму, посредством которого они (уступая скорее чувству зависти, нежели страха) расправлялись лишь с самыми знаменитыми и могущественными из своих сограждан — отправляли их в изгнание. И так как

---

[70] Пер. С. И. Соболевского. В оригинале в последней строке игра слов: «... черепок миновал».

[71] Пер. С. И. Соболевского.

[72] Пер. С. И. Соболевского.

[73] Пер. С. П. Маркиша.

[74] Имеется в виду IV речь Андокида [13], которая действительно была написана от имени Феака.

было совершенно ясно, что кара падет на одного из этих троих, Алкивиад с Никием сговорились и, объединив силы своих сторонников, обратили остракизм против самого Гипербола. Кое-кто[75], правда, утверждает, будто Алкивиад договорился не с Никием, а с Феаком и Феаково содружество привлек на свою сторону, чтобы изгнать Гипербола, который отнюдь не ждал такой беды: ведь люди порочные и ничтожные никогда не подпадали этому наказанию, как совершенно справедливо заметил и комик Платон [7], говоря о Гиперболе:

Хоть поделом он принял наказание,
С его клеймом никак не совместить его:
Суд черепков не для таких был выдуман.

Впрочем, сведения, касающиеся этого вопроса, изложены подробнее в другом месте [72][76].

[64] Плутарх. Сопоставление Кориолана и Алкивиада. 4.

... Правда, черни не прислуживали и милостей ее не искали ни Метелл, ни Аристид, ни Эпаминонд, но они действительно презирали все, что народ властен пожаловать или отобрать, и, подвергаясь остракизму, терпя поражения на выборах и выслушивая обвинительные приговоры в суде, они не гневались на несправедливость сограждан и охотно примирялись с ними, когда те раскаивались и просили изгнанников вернуться[77].

[65] Плутарх. Аристид. 1.

Аристид, сын Лисимаха, происходил из дема Алопеки филы Антиохиды. О его достатке судят по-разному. Одни утверждают, что он провел жизнь в крайней бедности и оставил двух дочерей, которые после смерти отца, терпя нужду, долгое время не могли выйти замуж. Эту точку зрения, разделяемую многими, оспаривает в сочинении о Сократе Деметрий Фалерский [37], утверждая, что... он [Аристид. — *И. С.*] подвергся остракизму, между тем как остракизм никогда не применялся к беднякам, но лишь к людям знатным и могущественным, чья сила была ненавистна их согражданам... Что касается остракизма, то действию его мог подпасть любой, кого возносила над прочими слава, происхождение или красноречие: ведь и Дамон, учитель Перикла, отправился в изгнание за то, что казался согражданам чересчур разумным[78].

[66] Плутарх. Аристид. 7—8.

(7) Прозвище Справедливого, вначале доставлявшее Аристиду любовь афинян, позже обратилось в источник ненависти к нему, главным образом потому, что Фемистокл распространял слухи, будто Аристид, разбирая и решая

[75] А именно Феофраст [35].
[76] Пер. С. П. Маркиша.
[77] Пер. С. П. Маркиша.
[78] Пер. С. П. Маркиша.

все дела сам, упразднил суды и незаметно для сограждан сделался единовластным правителем — вот только что стражей не обзавелся. Да и народ, чванясь своей победой [при Марафоне. — *И. С.*] и считая себя достойным величайших почестей, с неудовольствием взирал на каждого, кого возвышала над толпою слава или громкое имя. И вот, сойдясь со всех концов страны в город, афиняне подвергли Аристида остракизму, скрывши ненависть к славе под именем страха перед тиранией. Остракизм не был наказанием за какой-нибудь низкий поступок; благопристойности ради он назывался «усмирением и обузданием гордыни и чрезмерного могущества», но по сути дела оказывался средством утишить ненависть, и средством довольно милосердным: чувство недоброжелательства находило себе выход не в чем-нибудь непоправимом, но лишь в десятилетнем изгнании того, кто это чувство вызвал. Когда же действию этой меры начали подпадать люди безвестные и порочные, остракизм перестал применяться. Последним из подвергшихся ему был Гипербол, изгнанный, как рассказывают, по следующей причине. Алкивиад и Никий, наиболее влиятельные в Афинах мужи, беспрерывно враждовали. Народ намеревался устроить суд черепков, и было ясно, что одному из них придется покинуть город; тогда противники сговорились, объединили своих сторонников воедино и повели дело так, что в изгнание отправился Гипербол. Возмущенный тем, что остракизм сделался предметом издевательства и поношения, народ упразднил его навсегда.

Обыкновенно суд происходил так. Каждый, взяв черепок, писал на нем имя гражданина, которого считал нужным изгнать из Афин, а затем нес к определенному месту на площади, обнесенному со всех сторон оградой. Сначала архонты подсчитывали, сколько всего набралось черепков: если их было меньше шести тысяч, остракизм признавали несостоявшимся. Затем все имена раскладывались порознь, и тот, чье имя повторялось наибольшее число раз, объявлялся изгнанным на десять лет без конфискации имущества.

Рассказывают, что когда надписывали черепки, какой-то неграмотный, неотесанный крестьянин протянул Аристиду — первому, кто попался ему навстречу, — черепок и попросил написать имя Аристида. Тот удивился и спросил, не обидел ли его каким-нибудь образом Аристид. «Нет, — ответил крестьянин, — я даже не знаю этого человека, но мне надоело слышать на каждом шагу “Справедливый” да “Справедливый”!..» Аристид ничего не ответил, написал свое имя и вернул черепок. Уже покидая город, он воздел руки к небу и произнес молитву, противоположную той, с какою некогда обращался к богам Ахилл: он молился, чтобы никогда не пришел для афинян тяжелый час, который заставил бы их вспомнить об Аристиде.

(8) Спустя три года, когда Ксеркс через Фессалию и Беотию вел свое войско на Аттику, закон об изгнании был отменен, и изгнанники получили право вернуться. При этом более всего опасались, как бы Аристид, сам перейдя к врагам, не совратил своим примером многих сограждан и не переманил их на сторону персов, но неверно судили о нем афиняне: еще до упомянутого

выше постановления он неустанно призывал греков защищать свободу, а после него и словом и делом всячески поддерживал Фемистокла, избранного стратегом с неограниченными полномочиями, ради общего блага прославляя до небес злейшего своего врага[79].

[67] Плутарх. Аристид. 25—26.

(25) ... Велика была и кротость, проявленная им по отношению к Фемистоклу. Всю жизнь тот был его противником на государственном поприще, из-за него Аристид подвергся остракизму, но когда Фемистокл, в свою очередь, попал в беду и предстал перед судом, обвиненный в преступлении против государства, Аристид забыл старые обиды, и в то время как Алкмеон, Кимон и многие иные наперебой изобличали Фемистокла, один лишь Аристид и не сделал и не сказал ничего ему во вред...

(26) ... Почти все прочие авторы, которые писали о провинностях народа перед своими полководцами, собрали воедино и изгнание Фемистокла, и тюремное заключение Мильтиада, и штрафы, которые платил Перикл, и смерть Пахета, который, в ожидании обвинительного приговора, покончил с собою прямо в суде, на возвышении для ораторов, и многое другое в том же роде и этими рассказами уши всем прожужжали, но что касается Аристида, они говорят только об остракизме, об осуждении же не упоминают нигде[80].

[68] Плутарх. Сопоставление Аристида и Катона Старшего. 2.

... На поприще государственных дел Аристид потерпел поражение и был подвергнут остракизму сторонниками Фемистокла[81].

[69] Плутарх. Кимон. 17.

... Афиняне стали уже открыто выражать свое негодование против сторонников лакедемонян и, ухватившись за ничтожные поводы, изгнали Кимона посредством остракизма на десять лет, ибо таков был срок, в течение которого таким изгнанникам предписывалось жить вдали от родины.

Но когда лакедемоняне, возвращаясь из Дельф, освобожденных ими от фокейцев, расположились лагерем у Танагры и афиняне выступили, чтобы дать им решительный бой, Кимон в полном вооружении появился среди своих сограждан по филе Энеиде, готовый вместе с ними сражаться против лакедемонян. Однако Совет пятисот, узнав об этом, запретил военачальникам принимать его, напуганный криками недругов Кимона, утверждавших, будто тот хочет возмутить войско и ввести лакедемонян в город. И Кимон удалился, моля Эвтиппа из дема Анафлист и других своих товарищей, над которыми в наибольшей степени тяготело обвинение в приверженности к Спарте,

[79] Пер. С. П. Маркиша.
[80] Пер. С. П. Маркиша.
[81] Пер. С. П. Маркиша.

твердо стоять в бою и подвигами своими оправдаться перед согражданами. А те, взяв его доспехи, поместили их посреди своего отряда, тесно сплотились друг с другом, и сто человек их пало в ожесточенном бою, оставив в афинянах чувство глубокой скорби и раскаяния в том, что несправедливо их обвиняли. После этого афиняне уже не долго гневались на Кимона, отчасти потому, вероятно, что хорошо помнили обо всем, что он для них сделал, отчасти же соображаясь с обстоятельствами. Побежденные в большом сражении при Танагре и ожидая на лето похода против них пелопоннесцев, они вызвали из изгнания Кимона, и тот был возвращен постановлением народного собрания по предложению Перикла[82].

[70] Плутарх. Сопоставление Кимона и Лукулла. 2.

... Кимона граждане привлекали к суду и в конце концов подвергли остракизму, чтобы десять лет, как говорит Платон [15], и голоса его не слышать[83].

[71] Плутарх. Никий. 6.

Никий видел, что народ в некоторых случаях с удовольствием использует опытных, сильных в красноречии и рассудительных людей, однако всегда с подозрением и страхом относится к их таланту, старается унизить их славу и гордость, что проявилось и в осуждении Перикла, и в изгнании Дамона... [84]

[72] Плутарх. Никий. 11.

Наступал срок суда черепков, к которому время от времени прибегает народ, изгоняя на десять лет кого-нибудь из лиц, вызывающих либо зависть из-за своей славы и богатства, либо подозрение. Раздор между Никием и Алкивиадом был в самом разгаре, положение обоих было шатким и опасным, ибо один из них непременно должен был подпасть под остракизм. Алкивиада ненавидели за его поведение и опасались его наглости, о чем подробнее говорится в его жизнеописании; Никию же завидовали из-за богатства, и самое главное — весь уклад его жизни заставлял думать, что в этом человеке нет ни доброты, ни любви к народу, что его неуживчивость и все его странности проистекают от сочувствия к олигархии; он вызывал ненависть к себе тем, что приносил пользу насильно, вопреки желаниям и вкусам сограждан. Одним словом, задорная молодежь спорила с людьми миролюбивыми и степенными, и одни собирались изгнать Никия, другие — Алкивиада.

Часто при распрях почет достается в удел негодяю.

Так вышло и тогда: народ, расколовшись на две партии, развязал руки самым отъявленным негодяям, в числе которых был Гипербол из Перитед. Не сила делала этого человека дерзким, но дерзость дала ему силу, и слава, которой он достиг, была бесславием для города. Гипербол полагал, что остракизм

[82] Пер. В. В. Петуховой.

[83] Пер. С. С. Аверинцева.

[84] Пер. Т. А. Миллер.

ему не грозит, понимая, что ему подобает скорее колодка. Он надеялся, что после изгнания одного из двух мужей он, как равный, выступит соперником другого; было известно, что он радуется раздору между ними и восстанавливает народ против обоих. Сторонники Никия и Алкивиада поняли этого негодяя и, тайно сговорившись между собой, уладили разногласия, объединились и победили, так что от остракизма пострадал не Никий и не Алкивиад, а Гипербол. Народ сначала весело смеялся, но затем вознегодовал, находя оскорбительным злоупотреблением применять такую меру к человеку бесчестному: ведь и наказанию присуща своего рода честь. Считали, что для Фукидида, Аристида и подобных им лиц остракизм — наказание, для Гипербола же — почесть и лишний повод к хвастовству, поскольку негодяй испытал ту же участь, что и самые достойные. У комика Платона [7] где-то так и сказано про него.

Хоть подлость в нем достойна наказания,
Да слишком много чести для клейменого:
Суд черепков не для таких был выдуман.

С тех пор вообще никого не подвергали остракизму, Гипербол был последним, первым — Гиппарх из Холарга, состоявший в каком-то родстве с тираном.

Но судьба — вещь загадочная и разумом не постижимая. Ведь если бы во время суда черепков Никий отважился выступить против Алкивиада, то либо победил бы и жил без тревог, изгнав соперника, либо, побежденный, удалился бы, не дожидаясь бедствий, постигших его потом, и слава отличного полководца осталась бы при нем. Я знаю, что, по словам Феофраста [35], Гипербол отправился в изгнание из-за ссоры Алкивиада с Феаком, а не с Никием, однако большинство писателей излагает эту историю именно так, как я здесь[85].

[73] Плутарх. Моралии. 186ab (Изречения царей и полководцев. 40. 2).

Когда афиняне шумели о том, чтобы изгнать его [Аристида. — *И. С.*] остракизмом, к нему подошел какой-то человек, неученый и неграмотный, с черепком в руке и попросил написать ему имя Аристида. «Ты знаешь Аристида?» — спросил Аристид. — «Нет, — ответил тот, — но мне надоело слушать, как все его только и зовут, что Справедливый да Справедливый». И Аристид, не сказав ни слова, написал свое имя и отдал ему черепок[86].

[74] Птолемей Хенн. Новая история.

См. [139].

[75] Светоний. Об играх у греков. 8.

Поговорка «поворот черепка», или «не успеет черепок перевернуться» или «упасть», обозначающая совершенную перемену обстоятельств, прои-

[85] Пер. Т. А. Миллер.

[86] Пер. М. Л. Гаспарова.

зошла от употребленного в переносном смысле названия игры... Игра эта называлась остракиндой. Это слово использовали комедиографы в качестве намека на так называемый остракизм. Так, Платон Комик [6] выражается следующим образом:

Не подобны ль они[87] малым детям — ведь те, в свои игры повсюду играя,
На дороге проводят черту, а затем разделяются на две команды
И встают, разойдясь: те с одной стороны от черты, а другие — напротив.
Посредине поставленный, кто-то из них черепок на дорогу бросает:
Если белою он упадет стороной, то одни устремляются в бегство,
А другие — за ними...

[76] Зенобий. Эпитома словаря пословиц. 4 (с. 384 Miller).

«Попасешь быков ты близ быка»[88]: по большей части изгнанные остракизмом переселялись на Эгину, а там была огромная медная статуя коровы[89].

[77] Аристодем. Греческая история[90]. FGrHist. 104. F1. 1.

... Афинянин Аристид, сын Лисимаха, прозванный Справедливым, был изгнан из Афин остракизмом и находился тогда[91] на Эгине. Он тоже помогал эллинам и, придя к Фемистоклу, попросил у него отряд воинов, чтобы отражать врагов на Пситтали; тот, хотя и был его врагом, все-таки дал отряд.

[78] Аристодем. Греческая история. FGrHist. 104. F1. 6.

Фемистокл, превосходя других умом и доблестью, стал из-за этого предметом зависти; он был изгнан из Афин и перебрался в Аргос.

[79] Элий Аристид. XLV (Против Платона о риторике). С. 90 Jebb (II, с. 119—120 Dindorf).

... Однако если пострадать от афинян — знак того, что пострадавший плохо ими руководил, то получится, что Аристид был плохим вождем: он ведь не остался безнаказанным, а был изгнан. Прибавлю, что он не в суде потерпел неудачу, подобно Мильтиаду и Периклу, и не от тех, с кем враждовал из-за влияния на массы, а сам народ изгнал его остракизмом.

---

87 Возможно, имеются в виду политики, стремящиеся изгнать друг друга остракизмом.

88 [8] с не влияющим на смысл разночтением.

89 Именно так: в поговорке речь идет о быке (ὁ βοῦς), а в толковании Зенобия — о корове (βοῦς χαλκῆ).

90 Название труда Аристодема — условное; в манускрипте оно не сохранилось. Неизвестно (даже приблизительно) и время жизни этого историка: его датировки колеблются от IV в. до н. э. до IV в. н. э. (!). Нам представляется наиболее близкой к действительности датировка временем ранней Империи (I—II вв. н. э.).

91 Речь идет о Саламинском сражении.

[80] Элий Аристид. XLVI (Против Платона о четырех мужах). С. 158 Jebb (II, с. 212 Dindorf).

... Его [Кимона. — *И. С.*] изгнали остракизмом, чтобы десять лет не слышать его голоса[92]. А обратно его возвратили еще до истечения десяти лет, чтобы услышать его голос: так по нему стосковались.

[81] Элий Аристид. XLVI (Против Платона о четырех мужах). С. 185 Jebb (II, с. 248 Dindorf).

... Затем он [Фемистокл. — *И. С.*] посоветовал афинянам возвратить тех граждан, которые были удалены из города[93], хотя некоторые из этих людей были его врагами. Этим он старался сохранить единомыслие в делах, касающихся как всех эллинов, так и своего государства.

[82] Элий Аристид. XLVI (Против Платона о четырех мужах). С. 242—243 Jebb (II, с. 316—317 Dindorf).

... Фемистокл и Кимон были изгнаны остракизмом. Но это случилось не по причине ненависти или враждебности народа к ним, а просто был у них закон на этот счет, по которому что-то подобное было положено (допускаю, что закон этот не слишком похвален). Таким образом, их проступок не был неизвинительным, а имел как бы вид благопристойности по отношению к этим людям: ведь все происходило, как я сказал, по закону. Закон же был таков: чрезмерно влиятельных подвергали унижению, изгоняя на десять лет, но при этом не прибавляли каких-либо обвинений, изобличений или гнева... Этот вид изгнания был введен в употребление для того, чтобы смирять высокомерие. Итак, отсюда более всего видно, насколько люди, изгнанные остракизмом, были далеки от угодничества: ведь их удалили ради того, чтобы они оставили свое высокомерие, а не из-за чего-либо другого... Так что же, справедливо поступали афиняне, изгоняя Кимона и Фемистокла? Я бы так не сказал, однако они и не совершали чего-то уж совершенно постыдного: и у изгонявших было некоторое оправдание, и для изгнанных случившееся с ними несчастье не влекло за собой позора... Изгнав Кимона, его затем возвратили до истечения установленного срока.

[83] Элий Аристид. XLVI (Против Платона о четырех мужах). С. 280 Jebb (II, с. 362—363 Dindorf).

... Аристида он [Платон. — *И. С.*] восхвалял как мужа прекрасного и доблестного, к тому же справедливого[94]. Однако оказывается, что и с ним афиняне поступили ничуть не мягче: он тоже был «прекрасно и доблестно» изгнан остракизмом, к тому же, клянусь Зевсом, как я считаю, изгнали его раньше,

---

[92] Реминисценция [15].

[93] В 480 г. до н. э., перед Саламинским сражением. Речь идет об изгнанных остракизмом.

[94] Plat. Gorg. 526b.

чем Кимона, и даже раньше, чем Фемистокла. Теперь возьмем любого из этих двух. Если оценивать людей по их несчастьям и исходить из того, что народ осуждает того, кого считает скверным человеком, то выходит, что Аристид ничем не лучше их: ведь и он не остался безнаказанным, а претерпел то же, что некоторые из них. Ну, а если ничто не препятствует считать Аристида достойным, хотя бы он и многократно подвергался остракизму, что ты скажешь против Фемистокла и Кимона, способное их оскорбить?

[84] Элий Аристид. XLVI (Против Платона о четырех мужах). С. 284 Jebb (II, с. 367 Dindorf).

... Фемистокл сделал сограждан из свирепых более кроткими, однако же был изгнан остракизмом, да еще, если тебе это угодно, приговорен к изгнанию[95] — вот еще барыш к несчастью! А вот Кимон был изгнан остракизмом, а к изгнанию не приговорен; более того, он и возвратился до истечения срока.

[85] Юлий Полидевк[96]. Ономастикон. VIII. 18—20.

(18) ... Листьями голосовали, нанося на них надписи, судьи по демам в тех случаях, когда кто-либо подвергался суду как незаконно внесенный в гражданские списки. Осуждение такого человека называлось экфиллофорией, а осужденный — подвергнутым экфиллофории. (19) ... Совет пятисот также пользовался листьями вместо камешков. Весь же народ сообща голосовал черепками. Эта процедура называлась остракофорией, ее результат — остракизмом, а происходящие отсюда глаголы — «подвергнуть остракизму» и «подвергнуться остракизму». (20) Некая часть агоры огораживалась канатами, и желающие из числа афинян должны были нести в отгороженное место черепки, написав на них имя того, кого они желали изгнать остракизмом. Тот, против кого набиралось шесть тысяч черепков, должен был уйти в изгнание. Делалось это не в осуждение, а в признание того, что такой человек слишком тягостен для государства, скорее из зависти к его доблести, чем из порицания его порочности.

[86] Павсаний Аттикист. Свод слов аттического диалекта. Статья «Скиросская власть» (ἀρχὴ Σκυρία).

Поговорка «скиросская власть» — о том, что негодно и бесполезно: настолько Скирос каменист и бесплоден; потому-то он беден и не порождает ничего достойного упоминания. Некоторые же говорят, что поговорка происходит от Тесея, поскольку он покушался на власть Ликомеда и соблазнял его жену, за что и был сброшен со скалы. Феофраст же в первой книге «Обстоятельств» [34] свидетельствует о том, что Тесей был первым в Афинах изгнан остракизмом.

---

95 Реминисценция [15].

96 Часто в литературе имя этого лексикографа можно встретить в латинизированной форме «Поллукс». Однако написание «Полидевк» представляется нам более оправданным, поскольку речь идет о греческом авторе, уроженце Навкратиса.

[87] Гарпократион. Словарь к десяти аттическим ораторам. Статья «Алкивиад» (Ἀλκιβιάδης).

Алкивиад — сын Клиния. Был и другой Алкивиад, прадед вышеупомянутого, о котором Лисий [14] в речи против Алкивиада по поводу его дезертирства (если эта речь подлинна) говорит, что и его, и прадеда Алкивиада по матери дважды подвергли остракизму...

[88] Гарпократион. Словарь к десяти аттическим ораторам. Статья «Подвергнуть экфиллофории» (ἐκφυλλοφορῆσαι).

Если выяснялось, что кто-то из членов Совета поступает несправедливо, Совет проводил о нем голосование, ставя вопрос, не следует ли исключить его из своих рядов. При голосовании вместо камешков употребляли листья, с помощью которых каждый обозначал свое мнение. Об этом говорит Динарх в речи против Полиевкта, подвергнутого экфиллофории [20].

[89] Гарпократион. Словарь к десяти аттическим ораторам. Статья «Гиппарх» (Ἵππαρχος).

... Имеется другой Гиппарх, о котором Ликург в речи «Против Ликофрона»[97] говорит следующее: «Гиппарх, сын Писистрата». Гиппарх, сын Харма, — это другой человек, как Ликург говорит в речи «Против Леократа» [19]. О нем Андротион во 2-й книге [24] говорит, что он был родственником тирана Писистрата и первым, кто был подвергнут остракизму. Закон об остракизме впервые был принят в то время вследствие подозрений относительно тех, кто был связан с Писистратом, так как он стал тираном, будучи демагогом и стратегом[98].

[90] Гарпократион. Словарь к десяти аттическим ораторам. Статья «Снова выбранный» (παλιναίρετος).

Это слово употребляет Динарх в обвинении против Полиевкта, подвергнутого экфиллофории [20].

[91] Гарпократион. Словарь к десяти аттическим ораторам. Статья «Гипербол» (Ὑπέρβολος).

... Это был демагог, которого, как говорит Фукидид в восьмой книге [10], подвергли остракизму.

[92] Алкифрон. Письма. III. 25. 3.

... Аристид Справедливый был изгнан остракизмом.

[93] Псевдо-Фемистокл. Письма. 1.

(1) Эсхилу. Покинув родину, мы решили направиться в Дельфы, чтобы жить там, пока это угодно афинянам. В дороге повстречались мне из числа

---

[97] Lycurg. fr. X—XI.6 Conomis.

[98] Пер. Л. П. Маринович и Г. А. Кошеленко.

моих аргосских гостеприимцев Никий и Мелеагр, а с ними — Евкрат, незадолго до того живший в Афинах. Обступив меня, они начали расспрашивать и, как только узнали о моем изгнании остракизмом, тотчас опечалились и много порицали афинян. Когда же они узнали, что я направляюсь в Дельфы, то бросили упрекать афинян и взялись бранить меня самого, заявляя, что я пренебрегаю ими, если не считаю их способными облегчить мое несчастье. Приводили они в пример Неокла, нашего отца, который очень подолгу жил в Аргосе; я же, дескать, не забочусь о нем, любившем Аргос и аргосских друзей. Дошло чуть ли не похвал афинянам, которые-де наказали нас по справедливости. (2) ... Тут они снова вспомнили о Неокле и решили, что для меня будет достойным поселиться в том же городе и доме, что и отец. Так-то, о Эсхил, они взяли и увели нас в Аргос. И теперь мы коротаем время изгнания в Аргосе и многое претерпеваем, не желая властвовать над аргосцами; ибо они раздражены, считая, что мы поступим с ними не по справедливости, если не примем власть. Нам же вовсе не хотелось бы слыть влиятельными, не только потому, что это нам уже повредило, но и потому, что достаточно мы вкусили этого в свое время.

[94] Псевдо-Фемистокл. Письма. 2. 1.

Павсанию. Остракизмом, о Павсаний, изгнали нас афиняне, и теперь мы пребываем в Аргосе, чтобы афиняне не претерпели от нас чего-нибудь дурного; ибо они мнили, что претерпят. И я, нимало не медля (да и не позволено было более медлить), удалился из Афин и освободил их от страха. Аргосцы же обращаются с нами куда лучше, чем принято обращаться с изгнанниками; они хотят вознаградить нас за то добро, которое мы принесли афинянам. Так, они считают нас достойными принять начальство над войском и власть над всем Аргосом; они во многом не правы, не позволяя нам быть просто изгнанниками, как пожелали афиняне. Мне же и пренебречь их благосклонностью совестно, но еще более невыносимо принять то, что они дают. Ибо, если я буду заниматься подобными делами, могут посчитать, что я был подвергнут остракизму справедливо. Но не избегу я порицаний и в том случае, если, будучи изгнан афинянами как домогающийся власти, сбегу и из Аргоса, где меня к власти принуждают.

[95] Псевдо-Фемистокл. Письма. 4. 1[99].

... Они [афиняне. — *И. С.*], изгнав меня остракизмом, после этого еще и осудили. Уже то в их действиях ново, что они меня из изгнания изгоняют. Но, клянусь Зевсом, они и бежать не позволяют — хорошо знаю, что ты это скажешь. А ведь мне стало известным, что изгнание им показалось слишком малым наказанием для человека, совершившего столь великие дела против их врагов; и вот они постановили наказать нас смертью.

---

[99] Письмо адресовано Габрониху — политику из окружения Фемистокла, упоминаемому в надписях на острака.

[96] Псевдо-Фемистокл. Письма. 19.

Антагору. Вы многократно обещали мне, ты, Антагор, и Автолик, что легко освободите нас от пребывания в остракизме: вы говорили, что будете бороться с нашим врагом Аристидом и направлять народ не в ту сторону, что он. По вашим словам, его положение уже ухудшилось из-за того, что он не желает прекратить вражду.

[97] Клавдий Элиан. Пестрые рассказы. XIII. 24.

Афинянин Клисфен первым ввел такую меру наказания, как остракизм, и первым был к нему приговорен[100].

[98] Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. VII. 21.

... Когда Аристида за добродетель его изгоняли черепками, то еще за городской чертою повстречал он некоего селянина, и тот попросил написать на черепке имя Аристида — невежда не знал, ни как выглядит Аристид, ни даже как имя-то это пишется, но лишь позавидовал чужой праведности[101].

[99] Афиней. Пирующие софисты. XIII. 56. 589ef.

... А Кимон противозаконно сожительствовал со своей сестрой Эльпиникой, впоследствии выданной за Каллия. Когда же Кимон был изгнан, Перикл — в качестве платы за его возвращение — совокупился с Эльпиникой.

[100] Евсевий Кесарийский. Всемирная хроника. II, с. 50 Schoene[102].

(Версия Синкелла) Тесей, собрав в одно (то есть в один город) афинян, ранее рассеянных по стране, был первым изгнан остракизмом; он сам первый и установил соответствующий закон.

(Версия Иеронима) После того как Тесей собрал в один город афинян, ранее рассеянных по стране, он был позорно изгнан посредством черепков; он сам первый и установил соответствующий закон.

(Армянская версия) Тесей первым собрал в один город афинян, рассеянных по стране, и был наказан остракизмом, и сам первым установил соответствующий закон.

[101] Евсевий Кесарийский. Всемирная хроника. II, с. 102 Schoene[103].

(Версия Синкелла) Аристид, прозванный Справедливым, был изгнан афинянами посредством остракизма, претерпев великие невзгоды.

(Версия Иеронима) Аристид изгоняется с бесчестьем.

---

100 Пер. С. В. Поляковой.

101 Пер. Е. Г. Рабинович.

102 Под датой «800-й год Авраама».

103 Под датой «1534-й год Авраама. 2-й год LXXIV Олимпиады».

[102] Тимей[104]*. Словарь выражений Платона. Статья «Остракизм» (ἐξοστρακισμός).*

Остракизм — десятилетнее изгнание. На площади ставится изгородь, имеющая входы; входя через них, каждый гражданин кладет черепок с надписью. Если черепков набирается более шести тысяч, подсудимый подвергается десятилетнему изгнанию.

[103] Сопатр. Схолии к Гермогену (т. 5, с. 65—66 Walz).

... И Сократ, и Аристид — оба они подверглись обвинению, и второй из них был изгнан остракизмом, а первый осужден на смерть.

[104] Либаний. Декламации. I. 157.

Дамон же, если он поступал несправедливо, был изгнан по заслугам. Но если он стал жертвой клеветы, то лучше бы он не претерпел этого, чем из-за него страдать Сократу. Правда, обвинитель говорит[105], что Дамона изгнали за меньшие преступления и что его даже враги не обвиняли в намерении свержения демократии, как обвиняют того, кого судят ныне [Сократа. — *И. С.*]. Но это — свидетельство того, что Дамон столкнулся с более умеренными врагами. А ведь ничто не мешает тому, чтобы в меньшем преступлении человека обвинили справедливо, а в большем — безосновательно.

[105] Либаний. Декламации. XXIII. 43.

... Я не был изгнан остракизмом, как Аристид.

[106] Евнапий. Жизнеописания софистов. XXI. 1. 6 — 2. 1.

(1. 6) ... Его [Орибасия. — *И. С.*] выслали в земли варваров, подобно тому как афиняне изгоняли остракизмом тех, кто превосходил других добродетелями. (2. 1) Но у тех-то закон гласил только о том, чтобы изгонять людей из города, а больше никакого наказания к этому не прибавлялось.

[107] Анонимный позднеантичный лексикограф. Статья «Подвергнуться остракизму» (ἀποστρακισθῆναι) (Anecdota Bekkeri. I. 134. 20).

Подвергнуться остракизму — быть изгнанным. Ведь прежде приказы об изгнании писали на черепках[106].

[108] Анонимный позднеантичный лексикограф. Статья «Подвергся остракизму» (ἐξωστρακίσθη) (Anecdota Bekkeri. I. 225. 26).

---

104 Грамматик IV в. н. э.

105 Первая декламация Либания («Апология Сократа») посвящена, как считается, опровержению обвинений, которые выдвинул в начале IV в. до н. э. софист Поликрат в недошедшей речи «Против Сократа». Таким образом, судя по всему, уже этот ранний автор упоминал об изгнании Дамона.

106 Абсолютно идентичный пассаж см. также: Bekker Anecd.I.29b.19.

Подвергся остракизму — был изгнан, поскольку об этом писали на черепке.

[109] Анонимный позднеантичный лексикограф. Статья «Подвергнуть экфиллофории» (ἐκφυλλοφορῆσαι) (Anecdota Bekkeri. I. 248. 7 слл.).

Экфиллофория — название изгнания. Оно заключается в следующем. Если выяснялось, что кто-то из граждан поступает несправедливо и недостоин быть членом Совета пятисот, Совет рассматривал вопрос о нем и решал, не следует ли исключить его из своих рядов, чтобы он больше не был членом Совета. Разбирая это дело, Совет пользовался не камешками, а листьями оливы, с помощью которых каждый обозначал свое мнение; листья употреблялись наподобие черепков при остракизме. Это и называлось экфиллофорией. На листьях же стали писать из-за того, что служитель Ксенотим был уличен в махинациях с бобами: проткнув боб свиной щетинкой, он докладывал о нем как о недействительном[107]. Потому-то и стали пользоваться листьями.

[110] Анонимный позднеантичный лексикограф. Статья «Остракизм» (ὀστρακισμός) (Anecdota Bekkeri. I. 285. 20 слл.).

Остракизм — вид изгнания, получивший название от черепка, на котором каждый афинянин писал имя того, кому следовало покинуть город. Введен был остракизм, чтобы препятствовать возрастанию высокомерия чрезмерно влиятельных лиц. Он отличается от изгнания тем, что имущество подвергнутых остракизму не конфискуется, к тому же им назначаются срок и место пребывания, а изгнанникам — ни то, ни другое.

[111] Схолии к Аристофану. Всадники. 819.

Народ изгнал Фемистокла остракизмом.

[112] Схолии к Аристофану. Всадники. 855 [5].

Имеется в виду: «Если ты захочешь подвергнуть его остракизму», то есть изгнать... Остракизм же проводился следующим образом. Народ проводил предварительное голосование по вопросу о том, следует ли «подавать черепки», и если такое решение принималось, то агора огораживалась досками, причем оставлялись десять входов. Граждане, входя через них по филам, клали черепки, повернув их вниз надписью. Руководили процедурой девять архонтов и Совет. После пересчета черепков тот, против кого оказывалось большинство, и притом не менее шести тысяч, должен был в течение десяти дней покинуть город; если же против него не набиралось шести тысяч голосов, он не удалялся. Не только афиняне пользовались остракизмом, но также аргосцы, милетяне и мегаряне. Почти все популярные вожди были подвергнуты остракизму: Аристид, Кимон, Фемистокл, Фукидид, Алкивиад. Остракизм был в употреблении до Гипербола, а на нем прекратился: закону перестали подчиняться, поскольку в делах афинян впоследствии наступило ухудшение.

---

[107] Упоминаемый здесь эпизод ближе неизвестен.

[113] Схолии к Аристофану. Осы. 947.

Комедиограф упоминает Фукидида, сына Мелесия, из Алопеки. Этого человека афиняне изгнали остракизмом на 10 лет согласно закону. Не следует удивляться тому, что в другом месте поэт называет Фукидида подвергнутым остракизму, а здесь — изгнанным[108]. Ведь остракизм — это некая разновидность изгнания, а целое содержит в себе свои разновидности. Поэтому о человеке, подвергнутом остракизму, можно сказать, что он изгнан, зато об изгнанном нельзя сказать, что он подвергнут остракизму, разве что имеется в виду именно эта разновидность изгнания — остракизм. Итак, подвергнутого остракизму можно назвать изгнанным, а вот изгнанного не назовешь подвергнутым остракизму. Способ проведения остракизма описан во «Всадниках»[109]. Изгнание отличается от остракизма тем, что имущество изгнанных конфискуется, а над имуществом подвергшихся остракизму народ не властен, а также тем, что подвергшимся остракизму назначались срок и время пребывания, а изгнанным — ни то, ни другое... Есть четыре афинянина по имени Фукидид: историк, Фукидид из дема Гаргетт, Фукидид-фессалиец и тот, о котором идет речь, сын Мелесия, политический противник Перикла и прекрасный оратор. Однажды он, выступая в суде в качестве обвиняемого, не смог произнести речь в свою защиту — у него как бы отнялся язык. Так он и был осужден, а затем афиняне изгнали его остракизмом на десять лет согласно закону... Упомянутый остракизм показывает, что речь идет именно о Фукидиде, сыне Мелесия. Правда, историк Феопомп[110] утверждает, что противником Перикла был не он, а Фукидид, сын Пантена; однако этому противоречит Андротион [25], сообщающий, что речь идет о Фукидиде, сыне Мелесия, — о том, которого изгнали остракизмом.

[114] Схолии к Аристофану. Осы. 1007.

Феопомп [23] говорит, что труп его [Гипербола. — *И. С.*] утопили. Он пишет: «Гипербола изгнали остракизмом на шесть лет; он, отплыв на Самос, обосновался там и там же нашел себе смерть. Труп его, положив в мешок, утопили в море».

[115] Схолии к Аристофану. Мир. 681.

... Он [Гипербол. — *И. С.*] был изгнан остракизмом не из страха перед его могуществом или влиянием, но из-за его порочности, так как его поведение позорило город. Он жил на Самосе и был убит своими врагами из Афин, составившими против него заговор. Труп его, положив в мешок, бросили в море.

---

108 Очевидно, указание на то, что Аристофан писал об остракизме Фукидида, сына Мелесия, и в какой-то другой, не дошедшей до нас комедии. Ср.: *Eder B.* T 10. Aristophanes in Schol. Aristoph. Vesp. 947 a (427—414 v. Chr.): die Ostrakisierung des Thukydides Melesiou (443 v. Chr.?) // OT. S. 220—222.

109 Точнее, в схолиях к «Всадникам» [112].

110 Theopomp. FGrHist. 115. F91.

[116] Схолии к Аристофану. Плутос. 627.

(Древние схолии) После того как Тесей даровал афинянам демократию, некий Лик своей клеветой добился того, что героя изгнали остракизмом. Тесей, прибыв на Скирос, жил при дворе Ликомеда, правителя острова, но тот из зависти убил его обманным способом.

(Позднейшие схолии) ... Тесей, обвиненный неким Ликом либо в том, что он убил Паллантидов, своих сородичей, замышлявших отнять у него царскую власть, либо в том, что он, похитив Елену, подвигнул Диоскуров завоевать и разрушить Афины, либо обвиненный и в том и в другом Ликом, этим афинянином, и изгнанный остракизмом, либо был обманным способом убит на долопском острове Скиросе Ликомедом, который там правил, либо сам, поскользнувшись, упал со скалы.

[117] Схолии к Фукидиду. I. 135. 3 [9].

Фемистокл был подвергнут афинянами остракизму из-за высокомерия, которое появилось у него из-за Саламина, для того, чтобы смирить это его высокомерие.

[118] Схолии к Эсхину. I. 111 [18].

Выражение «подвергнув экфиллофории» употребляется в том смысле, что его [Тимарха. — *И. С.*] осудили посредством листьев. Ибо члены Совета голосовали на первой докимасии листьями, а на второй — камешками. Они ведь повторно заседали по тому же поводу... Члены Совета пользовались на докимасиях листьями. И на некоторые должности избирали жребием с помощью листьев, а ранее для жребия использовали бобы.

[119] Схолии к Лукиану. Тимон. 30.

Этот Гипербол, как говорит Андротион [26], был сыном Антифана и происходил из дема Перитеды; за его негодность его изгнали остракизмом... На нем-то и прекратился обычай остракизма, как говорит Феофраст в сочинении «О законах» [36] ... Феопомп в десятой книге «Истории Филиппа» [23] говорит, что он был убит на Самосе своими врагами из Афин, составившими против него заговор. Труп же его, сунув в мешок, бросили в море.

[120] Схолии к Павсанию. I. 2. 4.

Поговорка «глиняный бич» идет от черепков: «бич» — потому что подвергаемых остракизму мучили и наказывали, а «глиняный» — потому что черепки были из глины.

[121] Схолии к Элию Аристиду. XLVI. С. 118. 13 Jebb (III, с. 446 Dindorf).

Добродетель демократии — равенство. В Афинах были две политические группировки. К одной принадлежали люди прекрасные и доблестные, так называемые олигархи, а к другой — демократы. Главой этих последних

был Кимон, многое из своего имущества раздававший желающим и позволяя им пользоваться его достоянием; так, он и плащи раздавал беднякам. Во главе же олигархов стоял Перикл. Кимон, обвиненный Периклом из-за своей сестры Ланики и из-за острова Скироса, якобы преданного им, был изгнан. Перикл же из страха, как бы демократы не начали преследовать его, перешел на их сторону. Олигархи же привлекли на свою сторону зятя Кимона — Фукидида, сына Мелесия, человека дурного нрава и олигархически настроенного.

[122] Схолии к Элию Аристиду. XLVI. С. 151. 8 Jebb (III, с. 515 Dindorf).

... Изгнанный остракизмом, он [Кимон. — *И. С.*] возвратился и, будучи стратегом, одержал победу при Евримедонте — и на суше, и на море.

[123] Схолии к Элию Аристиду. XLVI. С. 158. 13—18 Jebb [80] (III, с. 528 Dindorf).

(158. 13) Феопомп в десятой книге «Истории Филиппа» [22] говорит о Кимоне: «Не прошло еще пяти лет, как случилась война с лакедемонянами и народ возвратил Кимона на родину, считая, что тот, пользуясь связями гостеприимства, сможет быстро заключить мир. Прибыв в город, Кимон окончил войну».

(158. 15) ... В остракизме не было ничего обидного, как мы знаем из рассказа Фукидида о Пентеконтаэтии [9], где он повествует о Фемистокле; эта мера возникла из страха перед высоким умом и духом некоторых людей. Однако тот же писатель говорит, что и за порочность изгоняли остракизмом. Сообщает он об этом в восьмой книге [10], рассказывая нам о Гиперболе.

(158. 18) Платон [15] говорит об остракизме не для того, чтобы обвинять афинян и Кимона, а в порицание одному лишь Кимону. Оратор же [Аристид. — *И. С.*] хитро строит фразу о позднейшем раскаянии афинян, чтобы показать, что на деле Платон обвиняет и их тоже.

[124] Схолии к Элию Аристиду. XLVI. С. 185. 13 Jebb [81] (III, с. 593 Dindorf).

Оратор говорит об изгнанниках (подбирая более мягкое слово) или о подвергшихся остракизму. Сделал же он [Фемистокл. — *И. С.*] это[111], чтобы те, поняв болезнь города, не стали предателями.

[125] Схолии к Элию Аристиду. XLVI. С. 241. 9 Jebb (III, с. 688 Dindorf).

Тесей, оклеветанный в Афинах Лином, который приписывал ему стремление к тирании, был изгнан из города остракизмом и прибыл на Скирос, которым правил Ликомед. Тот из страха, как бы Тесей не отстранил его от власти, привел своего гостя на скалу и, столкнув, убил...

[126] Схолии к Элию Аристиду. XLVI. С. 242. 14 Jebb [82] (III, с. 689 Dindorf).

---

[111] Т. е. провел постановление о возвращении изгнанников.

Только этих двоих [Фемистокла и Кимона. — *И. С.*] народ своим постановлением осудил на изгнание. Удачно употребляя слово «остракизм», оратор [Аристид. — *И. С.*] как смягчает назначенное им наказание и с неизбежностью показывает, что причиной его была не их вина, а неоправданный страх перед ними афинян.

[127] Аноним. Жизнь Фукидида. 20—22[112].

(20) Поскольку он [Фукидид. — *И. С.*] был высокомерен в государственных делах, да и корыстолюбив, ему не позволили долгое время руководить народом. (21) Ибо вначале он, совершив поездку в Сибарис и возвратившись в Афины, был обвинен Ксенокритом в разрушении судебной системы и проиграл процесс. Затем же его изгоняют остракизмом на десять лет. (22) Изгнание он проводил на Эгине и там, как говорят, написал «Историю». Тогда же в наибольшей степени проявилось его сребролюбие, ибо он разорил всех эгинетов, занимаясь ростовщичеством.

[128] Аноним. Предисловие к IV речи Андокида [13].

Андокид обвиняет Алкивиада, сына Клиния, указывая на то, какой вред он принес афинскому государству и союзникам и сколько преступлений он совершил в своей частной жизни. Поскольку народ обсуждает вопрос об изгнании остракизмом также и Андокида, оратор прежде всего делает заявление о недействительности иска, напоминая, что он уже выступал в свою защиту и, будучи оправдан, не несет более судебной ответственности. В самом деле, мы часто говорили о том, что человек, вторично оказавшийся обвиненным в тех же самых преступлениях, должен сначала освободиться от этих обвинений, а затем уже нападать на своих противников. Спор идет, по мнению одних, об определении порядка судопроизводства, по мнению других, — о существе дела. Строго говоря, вначале спор идет о сопричастности, ибо оратор заявляет, что иск недействителен; в последующем спор касается уже существа дела, ибо оратор утверждает, что справедливо и полезно изгнать остракизмом Алкивиада[113].

[129] Гесихий. Лексикон. Статья «Подвергнуться остракизму» (ἀποστρακισθῆναι).

Подвергнуться остракизму — быть изгнанным. Ибо в древности приказы об изгнании писали на черепке и давали изгоняемым.

[130] Гесихий. Лексикон. Статья «Написанные» (γεγραμμένοι).

Написанные — подвергнутые остракизму.

[131] Гесихий. Лексикон. Статья «Подвергся остракизму» (ἐξωστρακίσθη).

---

[112] Автор этого жизнеописания смешивает Фукидида-историка с Фукидидом, сыном Мелесия.

[113] Пер. Э. Д. Фролова.

Подвергся остракизму — был изгнан, поскольку приказы об изгнании писали на черепке.

[132] Гесихий. Лексикон. Статья «Глиняный бич» (κεραμικὴ μάστιξ).

Глиняным бичом называют остракизм: бичом — потому что подвергаемых остракизму мучили и наказывали, а глиняным — потому что черепки были из глины.

[133] Гесихий. Лексикон. Статья «Менониды» (Μενωνίδαι).

О хранящих благоговейное молчание говорят: «Из Менонидов». Некоторые сообщают, что Менон был изгнан остракизмом.

[134] Гесихий. Лексикон. Статья «Остракизм» (ὀστρακισμός).

(1) Лица, наиболее враждебные народу, изгонялись остракизмом и подвергались суду; при этом имя того, кого намеревались изгнать, писали на черепках.

(2) Остракизм — вид изгнания, при котором на черепках писали, что такого-то следует изгнать. Название остракизма происходит от черепков.

[135] Гесихий. Лексикон. Статья «Петализм» (πεταλισμός).

Петализм — остракизм, проводимый посредством листьев.

[136] Олимпиодор. Комментарий к «Горгию» Платона. 1. 13.

... Разве могут изгнанные остракизмом быть названы льстецами [народа. — *И. С.*]?

[137] Олимпиодор. Комментарий к «Горгию» Платона. 33. 2.

... Кимона изгнали остракизмом.

[138] Олимпиодор. Комментарий к «Горгию» Платона. 41. 1.

... Фемистокл был изгнан остракизмом.

[139] Фотий. Библиотека. Кодекс 190[114] *(с. 152a39—40 Bekker).*

... Человека, придумавшего остракизм в Афинах, звали Ахиллом, сыном Лисона.

[140] Фотий. Библиотека. Кодекс 247[115] *(с. 419b Bekker).*

Дословная цитата из [79].

[141] Фотий. Библиотека. Кодекс 248[116] *(с. 425b Bekker).*

---

[114] «Новая история» Птолемея Хенна [74].

[115] XLV речь Элия Аристида.

[116] XLVI речь Элия Аристида.

... Изгнанный остракизмом, он [Кимон. — *И. С.*] возвратился и, будучи стратегом, одержал победу при реке Евримедонте — и на суше, и на море.

[142] Фотий. Библиотека. Кодекс 248 (с. 426a Bekker).
Дословная цитата из [80].

[143] Фотий. Библиотека. Кодекс 248 (с. 433b Bekker).
Дословная цитата из [82].

[144] Фотий. Лексикон. Статья «Подвергнуться остракизму» (ἀποστρακισθῆναι).
Подвергнуться остракизму — быть изгнанным. Ибо прежде приказы об изгнании писали на черепках.

[145] Фотий. Лексикон. Статья «Гиппарх» (Ἵππαρχος).
... Имеется другой Гиппарх, сын Писистрата. Есть и еще один Гиппарх, сын Харма, который был родственником тирана Писистрата и первым был подвергнут остракизму вследствие подозрений относительно Писистрата, так как он стал тираном, будучи демагогом и стратегом.

[146] Фотий. Лексикон. Статья «Глиняный бич» (κεραμικὴ μάστιξ).
Глиняный бич — остракизм.

[147] Фотий. Лексикон. Статья «Остракизм» (ὀστρακισμός).
(1) Лица, наиболее враждебные народу, изгонялись остракизмом и подвергались суду; при этом имя того, кого намеревались изгнать, писали на черепках.
(2) Остракизм — вид изгнания, названный от того, что каждый афинянин писал на черепке, не кажется ли ему, что кого-либо следует удалить из города.

[148] Фотий. Лексикон. Статья «Гипербол» (Ὑπέρβολος).
Гипербол был демагогом; Фукидид в восьмой книге говорит, что его подвергли остракизму.

[149] Константин Багрянородный. О добродетелях и пороках. VII. 53 (т. 2, с. 24 Buettner-Wobst — Roos).
Дословная цитата из [3].

[150] Константин Багрянородный. О добродетелях и пороках. VIII. 9 (т. 2, с. 34 Buettner-Wobst — Roos).
Дословная цитата из [9].

[151] Лексикон «Суда». Статья «Подвергнуться остракизму» (ἀποστρακισθῆναι).

... Прежде приказы об изгнании писали на черепках. Так, говорят, афиняне подвергли остракизму Кимона, сожительствовавшего со своей сестрой Эльпиникой. Выражение «подвергнуться остракизму» означает «быть изгнанным».

[152] Лексикон «Суда». Статья «Аристид» (Ἀριστείδης).

... Он был настолько справедлив, что, когда его изгоняли остракизмом, произошел такой случай: некто по своему невежеству (ведь он даже не знал Аристида) подал ему черепок, прося написать имя Аристида для изгнания. «Чем же досадил тебе Аристид?» — спросил его Аристид. «Слишком уж он справедлив!» — ответил тот. Аристид рассмеялся и написал свое имя. Изгнанный из Афин, он жил на Эгине. Когда же Ксеркс шел на Элладу, он послал к Аристиду послов и давал ему три тысячи дариков, но тот заявил, что не соблазнится персидским богатством, поскольку вполне доволен тем, что у него есть.

[153] Лексикон «Суда». Статья «Скиросская власть» (ἀρχὴ Σκυρία).

Поговорка «скиросская власть» употребляется по отношению к тому, что негодно и бесполезно: настолько Скирос каменист и бесплоден; потому-то он беден и не порождает ничего достойного упоминания. Некоторые же говорят, что поговорка происходит от Тесея, потому что он покушался на власть Ликомеда и соблазнял его жену, за что и был сброшен со скалы. Феофраст же в первой книге «Обстоятельств» [34] свидетельствует о том, что Тесей был первым в Афинах изгнан остракизмом.

[154] Лексикон «Суда». Статья «Рассердишься» (βριμήσαιο)[117].

... Сказанное означает: «Если ты пожелаешь его [Клеона. — *И. С.*] изгнать, его сторонники захватят хлебные склады».

[155] Лексикон «Суда». Статья «Подвергать экфиллофории» (ἐκφυλλοφορεῖν).

Если лица, после исполнения той или иной должности давая отчет в Совете, уличались в каком-либо злоупотреблении, члены Совета писали их имена на листьях оливы и складывали в специальные сосуды; также на листьях приписывалось и мнение об этих людях.

[156] Лексикон «Суда». Статья «Подвергнуть экфиллофории» (ἐκφυλλοφορῆσαι).

Если выяснялось, что кто-то из граждан поступает несправедливо и недостоин быть членом Совета пятисот, Совет рассматривал вопрос о нем и решал, не следует ли исключить его из своих рядов, чтобы он больше не был членом Совета. При голосовании каждый обозначал свое мнение с помощью не

[117] Объяснение редкого слова, употребленного Аристофаном [5].

камешков, а листьев, которые употребляли наподобие черепков при остракизме. И называлась эта процедура экфиллофорией. Так говорит Демосфен в речи против Неэры[118].

[157] Лексикон «Суда». Статья «Подвергся остракизму» (ἐξωστρακίσθη).

Подвергся остракизму — был изгнан, поскольку об этом писали на черепке.

[158] Лексикон «Суда». Статья «На празднике Тесея» (Θησείοισιν).

... После того как Тесей даровал афинянам демократию, некий Лик своей клеветой добился того, что героя изгнали остракизмом. Тот, прибыв на Скирос, жил у Ликомеда, правителя этого острова; Ликомед же из зависти убил его обманным способом.

[159] Лексикон «Суда». Статья «Гиппарх» (Ἵππαρχος).

... Имеется другой Гиппарх, сын Писистрата. Есть и еще один Гиппарх, сын Харма, который был родственником тирана Писистрата и первым был подвергнут остракизму вследствие подозрений относительно Писистрата, так как он стал тираном, будучи демагогом и стратегом.

[160] Лексикон «Суда». Статья «Глиняный бич» (κεραμικὴ μάστιξ).

Глиняный бич — остракизм.

[161] Лексикон «Суда». Статья «Кимон» (Κίμων).

Кимон — афинянин. Сожительствуя со своей сестрой Эльпиникой, он был оклеветан перед согражданами, и из-за этого афиняне подвергли его остракизму.

[162] Лексикон «Суда». Статья «Остракизм» (ὀστρακισμός).

Лица, наиболее враждебные народу, изгонялись остракизмом и подвергались суду; при этом имя того, кого намеревались изгнать, писали на черепках. Остракизм отличается от изгнания тем, что имущество у осужденных на изгнание конфискуется, а у удалившихся в результате остракизма народ не отбирает имущества, а также тем, что подвергшимся остракизму назначаются срок и место пребывания, а изгнанным — ни то, ни другое. Так, Кимон, сожительствуя со своей сестрой Эльпиникой и оклеветанный перед гражданами, был подвергнут остракизму.

---

[118] В дошедшем до нас тексте LIX речи (Псевдо)-Демосфена «Против Неэры» упоминаний об экфиллофории нет. Очевидно, здесь вкралась некая неточность лексикографа. Возможно, он имел в виду речь Эсхина «Против Тимарха» [18], речь Динарха «Против Полиевкта» [20] или какую-то несохранившуюся речь, где говорилось об этой процедуре.

[163] Лексикон «Суда». Статья «Гипербор»[119] *(Ὑπέρβορος).*

Гипербор был демагогом; Фукидид в восьмой книге говорит, что его подвергли остракизму.

[164] Лексикон «Суда». Статья «Изгнание» (φυγή).

Остракизм отличается от изгнания. Смотри в статье «Остракизм».

[165] Лексикон «Гудианов Этимологик». Статья «Подвергся бы остракизму» (ἐξοστρακισθεί η).

Подвергся бы остракизму — был бы изгнан. Ибо в древности, говорят, приказы об изгнании писали на черепке и давали изгоняемым. Отсюда же выражение «Изгнанник слушал шишку»[120].

[166] Лексикон «Большой Этимологик». Статья «Подвергнуть экфиллофории» (ἐκφυλλοφορῆσαι).

Если выяснялось, что кто-то из граждан поступает несправедливо и недостоин быть членом Совета пятисот, Совет рассматривал вопрос о нем и решал, не следует ли исключить его из своих рядов, чтобы он больше не был членом Совета. При голосовании же пользовались не камешками, а листьями, на которых каждый обозначал свое мнение, как на черепках при остракизме. Это и называлось «подвергнуть экфиллофории». Употребление листьев при голосовании было введено после того, как служителя Ксенотима уличили в махинациях с бобами[121]. Однако в суде можно было принять подвергнутых экфиллофории обратно, как говорит Демосфен в речи «Против Неэры»[122].

[167] Лексикон «Большой Этимологик». Статья «Остракизм» (ἐξοστρακισμός).

Остракизм — изгнание, ссылка. На площади ставится изгородь, имеющая входы; входя через них, каждый гражданин клал черепок с надписью. Если черепков набирается шесть тысяч, подсудимый подвергается десятилетнему изгнанию. Название остракизм получил от черепка, на котором каждый афинянин писал, следует ли кому-либо покинуть город. Введен был остракизм, чтобы препятствовать возрастанию высокомерия чрезмерно влиятельных лиц.

[168] Лексикон «Большой Этимологик». Статья «Эфетинда»[123] *(ἐφετίνδα).*

---

[119] Так в тексте.

[120] Игра слов: шишка (хвойного дерева) – ὀστρακίς.

[121] Подробнее см. [107].

[122] См. примечание к [156].

[123] Название игры.

... Говорят, что Аристофан [5] употребил слово «остракинда» применительно к черепку, намекая на остракизм.

[169] Иоанн Цец. Хилиады. X. 33 слл.

Когда-то, ежели изгнать кого-нибудь хотели,
На листьях или черепках его писали имя,
Потом же складывали их в назначенное место,
И, если только тысячи число их достигало,
То тут же этот человек изгнанью подвергался,
А если нет, — прощенный, жил на родине, как прежде.
Такие вот обычаи во время óно были,
А назывались — остракизм и экфиллофория.

[170] Иоанн Цец. Хилиады. XIII. 441 слл.

Откуда слово «остракизм», теперь хочу поведать,
А заодно прочтите здесь и о «подаче листьев».
Афиняне, когда изгнать кого-нибудь желали,
Не торопились выносить о нем постановленье:
Сначала назначали день; пока ж не наступил он,
Являлись обвинители по названному делу —
Их ровно тысяча была — и говорили речи.
А имя подсудимого на черепках писалось,
Что сбрасывали в Киносарг (в Афинах это — место,
Куда бросали в древности младенцев незаконных).
Вот в этот самый Киносарг и черепки кидали.
Коль скоро в день назначенный их тысяча лежала,
Без сострадания того в изгнанье отправляли,
Чье имя черепки несли; но если было меньше —
Он дома жил по-прежнему, прощенья удостоен.
И этот род изгнания был назван остракизмом.
Так изгнан был и Аристид — тот самый, Справедливый.
Забавную историю о нем я расскажу вам.
Его хотели многие подвергнуть остракизму,
И вот какой-то негодяй, неграмотный к тому же,
Вдруг к Аристиду подойдя и черепок давая
(Отнюдь им не обиженный, да с ним и не знакомый),
Ему промолвил: «Напиши мне имя Аристида».
И этот муж достойнейший нанес такую надпись!
Когда невежда в Киносарг свой черепок уж бросил
И обернулся, Аристид — к нему с таким вопросом:
«От Аристида что, скажи, ты претерпел дурного?»
А тот в ответ: «Да я его ни разу и не видел,
Но это имя пишут все, и я просил о том же».
Тут кто-то из толпы дал знак и показал невежде,

Что Аристид — и есть тот муж, с кем он ведет беседу.
Смутившись, тот сказал: «Пойду и черепок достану».
Но не позволил Аристид взять черепок обратно.
«На, — говорит, — еще один, пойди и брось туда же».
Хотелось поскорей ему в изгнанье оказаться,
Подальше от таких людей. Вот все об остракизме,
Теперь же речь у нас пойдет об экфиллофории.
Ведь есть места, где черепков не встретишь в изобилье,
И потому там вместо них использовали листья,
А в остальном все было так, как и при остракизме.
Но только листья в Киносарг, конечно, не бросали:
Их складывали где-нибудь и так, прикрыв, хранили.
Отсюда и название — не как считают ныне,
Что будто бы от тех листов, из коих шьются книги;
Нет, от древесных листьев, тех, что опадают наземь,
Когда осеннею порой гуляет в рощах ветер.

[171] Евстафий Солунский. Комментарий к Гомеру. Илиада. IX. 662 слл. (т. 2, с. 834 van der Valk).

... Поговорка «скиросская власть», употребляемая по отношению к тому, что негодно и бесполезно, происходит от острова Скироса и еще, как говорит Павсаний[124] [86], от Тесея, который покушался на власть Ликомеда и соблазнял его жену, за что и был сброшен со скалы; об этом свидетельствует и Ликофрон[125]. По словам того же Павсания, Феофраст [34] свидетельствует о том, что Тесей был первым в Афинах изгнан остракизмом.

[172] Евстафий Солунский. Комментарий к Гомеру. Илиада. XIII. 689 (т. 3, с. 538 van der Valk).

... Их [афинян. — *И. С.*] порицают за то, что они для всех тягостны, как свидетельствуют и исторические сочинения. Ведь им, говорят, словно бы свойственно завидовать, унижать, изгонять остракизмом, казнить, и особенно лучших людей: свидетели этого — Аристид, Сократ, Алкивиад и бесчисленное множество других.

[173] Евстафий Солунский. Комментарий к Гомеру. Илиада. XVIII. 543 (т. 4, с. 248—249 van der Valk).

... От слова «остеон» — «кость» происходят слова «остреон» — «раковина», «острейон» — «устрица», а также «остракон» — «черепок», а от этого последнего — название остракизма, существовавшего у афинян обычая наподобие изгнания или ссылки... Отсюда же поговорка о быстрой перемене обстоятельств — «поворот черепка», или «не успеет черепок перевернуться» или

---

[124] Павсаний Аттикист, лексикограф II в. н. э.
[125] Lycophr. Alex. 1322 sqq.

«упасть»: этими словами хотят выразить, что дела неожиданно изменились. Эта поговорка произошла от игры... Игра эта называлась остракиндой. Это слово использовали комедиографы в качестве намека на вышеупомянутый остракизм. Так, говорят, Платон Комик [6] выражается следующим образом:

Не подобны ль они малым детям — ведь те, в свои игры повсюду играя,
На дороге проводят черту, а затем разделяются на две команды
И встают, разойдясь: те с одной стороны от черты, а другие — напротив.
Посредине поставленный, кто-то из них черепок на дорогу бросает:
Если белою он упадет стороной, то одни устремляются в бегство,
А другие — за ними...

[174] Псевдо-Зонара. Лексикон. Статья «Подвергать экфиллофории» (ἐκφυλλοφορεῖν).

Если лица, после исполнения той или иной должности давая отчет в Совете, уличались в каком-либо злоупотреблении, члены Совета писали их имена на листьях оливы и складывали в специальные сосуды; также на листьях приписывалось и мнение об этих людях.

[175] Псевдо-Зонара. Лексикон. Статья «Остракизм» (ἐξοστρακισμός).

Остракизм — десятилетнее изгнание, ссылка. На площади ставится изгородь, имеющая входы; входя через них, каждый гражданин голосовал, кладя черепок с подписью. Если черепков набирается шесть тысяч, подсудимый подвергается десятилетнему изгнанию.

[176] Псевдо-Зонара. Лексикон. Статья «Подвергся остракизму» (ἐξωστρακίσθη).

Подвергся остракизму — был изгнан, поскольку приказ об изгнании писали на черепке.

[177] Феодор Метохит. Смесь. С. 608—610 Müller — Kiessling.

(608) ... И Фемистокл — человек, выдающийся как своей мудростью, так и совершенными ими государственными и военными делами, к тому же более других причастный к освобождению афинян, да и всех эллинов, от владычества персов, — был изгнан из отечества из-за злобы и клеветы Ликомеда, усугубленной невежеством и неразумием народа, обязанного ему многочисленнейшими и величайшими благодеяниями. Изгнали остракизмом из Афин и Аристида — этого поразительного мужа, пользовавшегося великой славой среди эллинов по причине своих всевозможных политических достоинств; а причиной тому — безрассудное возмущение против него скверных людей, вполне чуждых и благородства, и стремления к добру: им не нравилось его величественное и почетное прозвание Справедливого, соответствовавшее его репутации. (609) Об Аристиде рассказывают следующую занимательную историю. Народ уже собрался отовсюду в здание Совета; пришли не только горожане, но и многие жители деревень. Ведь, согласно закону, кто-то один из знаменитых в городе лю-

дей должен был подвергнуться остракизму. Дело в том, что по существовавшему обычаю каждый из собравшихся брал черепок из большой кучи, лежавшей в середине, и писал на нем по своему желанию имя одного из выдающихся людей, тем самым приговаривая его к изгнанию из города. Затем черепки пересчитывали, и тот, чье имя было написано на наибольшем их количестве, должен был уйти в изгнание, поскольку его приговорило к этому большинство голосов и мнений. Отсюда и весь этот обычай получил название остракизма. Говорят, что какой-то крестьянин из сельского дема взял черепок, но не умел писать и поэтому вручил его Аристиду (он не был с ним знаком и не подозревал, что тот, кому он дает черепок, и есть Аристид) и попросил его: «Напиши на этом черепке имя Аристида». Тот спросил: «Чем же плох Аристид? Или, может быть, он раньше чем-нибудь обидел тебя?» Человек, попросивший его написать имя, сказал: «Нет, никакого зла от Аристида я никогда не видел, но мне досадно, что все вокруг только и твердят о нем: Аристид, дескать, Справедливый! Не желаю я, чтобы слишком справедливый человек оставался в городе, да еще и был в числе правителей; (610) пусть убирается этот страж справедливости, получивший от нее свое прозвание». Аристид, услышав наконец причину, по которой его считают достойным остракизма, ничего не ответил и даже вида не показал, что он и есть тот, о ком идет речь, а написал на черепке собственное имя и отдал его обратно этому врагу справедливости, невежественному и грубому гражданину. И, конечно, когда позже пересчитали имена, написанные на черепках, на большей их части было обнаружено имя Аристида; оказалось, что большинство живущих в Афинах ненавидят справедливость и, подобно этому невежде и грубияну, отвращаются от Аристида, чья сила заключалась в справедливом образе жизни. На следующий день он был подвергнут остракизму и ушел в десятилетнее изгнание на условиях, предусмотренных законом.

[178] Феодор Метохит. Заметки. С. 802 Müller — Kiessling.

... Их [сикофантов и демагогов. — *И. С.*] всегда в наибольшем количестве вскармливал город Афины; из-за них-то и Фемистокл был подвергнут остракизму и, изгнанный с родины, окончил свою жизнь на чужбине.

[179] Фома Магистр. Сборник выражений аттического диалекта. Статья «Подвергаюсь остракизму» (ἐξοστρακίζομαι) (с. 264 Ritschel).

Как говорит тот же писатель [Фукидид. — *И. С.*] во второй книге [9]: «Тогда уже был изгнан остракизмом и жил в Аргосе». И в шестой книге [10]: «Человек недостойный, которого афиняне изгнали остракизмом»[126]. Остракизм же применялся не к первым попавшимся людям, а к знаменитым и знатным родом. Слово «остракизм» происходит от черепков, ибо на них писали приговоры и давали их тем, кто им подвергался.

---

[126] В первом случае имеется в виду Фемистокл, во втором — Гипербол. Шестая книга указана лексикографом ошибочно: цитируемый фрагмент содержится в восьмой книге «Истории» Фукидида.

[180] Анонимный византийский автор XV в. (Vaticanus Graecus 1144. Fol. 222rv)[127].

Клисфен ввел в Афинах закон об остракизме. Был же он таков. Существовал обычай, согласно которому члены Совета, поразмыслив несколько дней, писали на черепках имя того из граждан, кого следовало отправить в изгнание, и бросали черепки в ограду булевтерия. Кому выпадало более двухсот черепков, тот изгонялся на десять лет, сохраняя право пользоваться своим имуществом. Впоследствии же было постановлено, чтобы народ принимал это решение, причем для изгнания требовалось шесть тысяч черепков.

[181] Арсений Монемвасийский. Фиалки[128]. *Статья «Скиросская власть» (ἀρχὴ Σκυρία).*

Поговорка «скиросская власть» употребляется по отношению к тому, что негодно и бесполезно: настолько эта власть камениста и бесплодна. Поговорка происходит от Тесея, потому что он покушался на власть Ликомеда и соблазнял его жену, за что и был сброшен со скалы. Феофраст же [34] свидетельствует о том, что Тесей был первым в Афинах изгнан остракизмом.

УКАЗАТЕЛЬ К СВОДКЕ
(цифры обозначают номера свидетельств)

Алкифрон 92
Андокид 11—13
Андротион 24—26
Анонимные авторы 8, 107—110, 127, 128, 180
Аристид, Элий 79—84
Аристодем 77, 78
Аристотель 27—32
Аристофан 5
Арсений Монемвасийский 181
Афиней 99
«Большой Этимологик» 166—168
Гарпократион 87—91
Гераклид (Лемб?) 39
Гераклит Эфесский 1
Геродот 3

[127] Текст переведен по публикации: *Keaney J. J., Raubitschek A. E.* Op. cit. Обоснование приводимого здесь перевода см.: *Суриков И. Е.* Закон Клисфена... С. 15—18.

[128] Арсений, епископ Монемвасийский (в миру Аристовул Апостолий, 1465—1535), строго говоря, не может быть назван даже византийским автором. Однако выпущенный им лексикон с экзотическим названием «Фиалки» в основе своей был составлен уже отцом Арсения — видным поздневизантийским ученым Михаилом Апостолием. Сам Арсений лишь закончил, дополнил и упорядочил труд отца.

Гесихий 129—135
«Гудианов Этимологик» 165
Демад 21
Деметрий Фалерский 37
Демосфен 16, 17
Дидим 48
Динарх 20
Диодор Сицилийский 45—47
Дион Хрисостом 51
Дионисий Галикарнасский 49
Евнапий 106
Евсевий Кесарийский 100, 101
Евстафий Солунский 171—173
Зенобий 76
Константин Багрянородный 149, 150
Кратин 4
Либаний 104, 105
Ликург 19
Лисий 14
Мусоний Руф 50
Непот, Корнелий 42—44
Олимпиодор 136—138
Павсаний Аттикист 86
Пиндар 2
Платон 15
Платон Комик 6, 7
Плутарх 52—73
Полидевк (Поллукс), Юлий 85
Псевдо-Зонара 174—176
Псевдо-Фемистокл 93—96
Птолемей Хенн 74
Светоний 75
Сопатр 103
«Суда» 151—164
Схолии к Аристиду 121—126
Схолии к Аристофану 111—116
Схолии к Лукиану 119
Схолии к Павсанию 120
Схолии к Фукидиду 117
Схолии к Эсхину 118
Тимей 102
Феодор Метохит 177, 178
Феопомп 22, 23
Феофраст 33—36

Филострат, Флавий 98
Филохор 38
Фома Магистр 179
Фотий 139—148
Фукидид 9, 10
Цец, Иоанн 169, 170
Цицерон 40, 41
Элиан, Клавдий 97
Эсхин 18

ПРИЛОЖЕНИЕ V

ПРОСОПОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА АФИНСКИХ ОСТРАКА

Составляя этот список, мы стремились включить в него материал по возможности всех известных острака, как опубликованных должным образом, так и тех, о которых пока имеются только сообщения в литературе. Данные по основным местам находки острака приводятся на основе следующих работ: по Агоре — на основе фундаментального издания М. Лэнг*, а новейшие находки в этом ареале — на основе сообщений Дж. Кэмпа**; по северному склону Акрополя — на основе того же издания Лэнг***; по Керамику, где открыто наибольшее количество острака, — по перечню, приводимому Ф. Виллемсеном и Ш. Бренне****, поскольку полной публикации этих памятников еще не существует. Данные по единичным остраконам, найденным в других частях Афин, а также по тем, места находки которых неизвестны, приведены по публикациям в различных изданиях (IG, SEG, антиковедческая периодика)*****. Мы не исключаем возможности того, что какие-то экземпляры острака могли ускользнуть от нашего внимания или остаться нам неизвестными. Но таковых должно быть не больше десятка, что составляет менее 0,1% от общего количества находок. Насколько можно судить, столь ничтожная погрешность никак не повлияет на репрезентативность приводимых ниже подсчетов.

Уже после того, как данный список был составлен, нам оказались доступны новейшие каталоги имен на острака, изданные Ш. Бренне******. Произведенная сверка обнаружила незначительные расхождения по отдельным персоналиям между нашими цифрами и цифрами Бренне; это объясняется тем, что некоторые спорные или плохо сохранившиеся остраконы принимаются в расчет им, но не принимаются нами (или наоборот).

Жирным шрифтом выделены имена тех лиц, которые, согласно сообщениям письменных источников, подверглись остракизму; курсивом — имена, встречающиеся на острака особенно часто (более 100 раз). Естественно, эти два выделения могут сочетаться. Комментарий не дается, с одной стороны, к именам тех лиц, о которых ничего не известно, а с другой — к именам тех политиков, о которых, напротив, известно слишком хорошо, чтобы они нуждались в комментариях (таких, как Кимон, Перикл, Никий и т. п.).

---

* *Lang M.* Ostraka... P. 30—141.

** *Camp J. M.* Excavations... 1994 and 1995. P. 233—234; *Idem.* Excavations... 1996 and 1997. P. 268—274.

*** *Lang M.* Ostraka... P. 142—161.

**** *Willemsen F., Brenne S.* Op. cit. P. 148—156.

***** Места этих публикаций в основном перечислены в обзоре: *Martin A.* L'ostracisme...

****** *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 87—314; *Idem.* Die Ostraka... S. 46—71.

1. Агасий, сын Арксимаха, из Агрилы — Керамик 19.
2. Агасий из Ламптр — Керамик 16.
3. Агасий[1] — Керамик 7.
4. Алексид, сын Мега( )[2] — Агора 1.
5. **Алкивиад, сын Клиния, из Скамбонидов[3] — Агора 8, Керамик 6, всего 14.**
6. Алкивиад, сын Клиния, из Скамбонидов[4] — Агора 5.
7. Алкмеон, сын Аристонима[5] — Керамик 9.
8. Анд( ), сын Еври( ), из Ахарн[6] — Пникс 1.
9. Андокид, сын Леогора, из Кидафин[7] — Керамик 1.
10. Андрон, сын Андрокла, из Гаргетта[8] — Керамик 6.
11. Антидорид, сын Федонида — Керамик 1.
12. Антикрат, сын Гимерака( ) — Керамик 1.
13. Антифа( ) из Эр( )[9] — Керамик 1.
14. Антифат, сын Фринона[10] — Керамик 1.
15. Арист( ) — Агора 1.
16. Арист( ), сын Хароп( )[11] — Агора 1.
17. Аристехм[12], сын Тимократа — Агора 1, Керамик 11, всего 12.
18. Аристид, сын Ксенофила — Керамик 1.
19. ***Аристид, сын Лисимаха, из Алопеки — Агора 70, Керамик 53, всего 123***[13].

---

[1] Черепки с именем Агасия без дополнительной идентификации относятся к какому-то из двух вышеуказанных носителей этого имени.

[2] Патронимик на черепке не дописан. Если восстанавливать его как «Мегакл» или «Мегаклид» (а это наиболее вероятно), то возможна принадлежность Алексида к роду Алкмеонидов.

[3] Алкивиад Старший, дед знаменитого Алкивиада.

[4] Сам знаменитый Алкивиад, или Алкивиад Младший.

[5] Представитель рода Алкмеонидов. Судя по всему, архонт 507 г. до н. э. Вероятно, брат Калликсена. Кстати, два из черепков, относимых к нему, могут (ввиду плохой сохранности) относиться в действительности к Калликсену.

[6] Реконструкции несохранившихся частей имени и патронимика могут быть самыми разнообразными.

[7] Несомненно, кто-то из предков оратора Андокида; скорее всего, его дед по мужской линии. Демотик на остраконе не представлен, но известен по независимым данным: вся семья оратора Андокида принадлежала к дему Кидафины.

[8] Почти несомненно, что это предок историка-аттидографа и политика IV в. до н. э. Андротиона.

[9] Часть черепка с окончаниями имени и демотика не сохранилась.

[10] Не исключено тождество этого лица с предыдущим.

[11] Часть черепка с окончаниями имени и патронимика не сохранилась. Возможно восстановление имени как «Аристипп», менее вероятно — как «Аристид».

[12] Аристехм — древнее аристократическое имя. В частности, так звали эпонимного архонта 621 г. до н. э.

[13] Один из черепков с Агоры, относимых к Аристиду, ввиду плохой сохранности мо-

20. Аристид, сын Лисимаха, из Келы[14] — Керамик 1.
21. Аристилл — Керамик 1.
22. Аристодемид, сын Каллиада — Керамик 1.
23. Аристотель, сын Тимократа — Керамик 1.
24. Арифрон, сын Ксантиппа[15] — Керамик 3.
25. Аркесилай из Гагнунта — Керамик 1.
26. Архен — Агора 1[16].
27. Архий — Керамик 1.
28. Ахарнион из Ксипеты — Агора 4.
29. Боон, сын Касона, из Торика — Керамик 2.
30. Бриотент из Колона — Керамик 1.
31. Бутал из Эны — Керамик 1.
32. Буталион, сын Эп( )[17], из Марафона — Агора 7, Керамик 2, всего 9.
33. Габрон, сын Патрокла, из Марафона — Агора 11[18].
34. Габроних, сын Лисикла, из Ламптр[19] — Агора 4, Керамик 33, всего 37.
35. Гагнон, сын Никия, из Стирии[20] — Керамик 4.
36. Гапсифилл, сын Тисия — Керамик 3.
37. Гегелох из Эрикии — Керамик 1.
38. Гегестрат, сын Гасимиона — Агора 4[21].
39. Гиерокл, сын Герма( )[22] — Агора 2.
40. Гипербол, сын Антифана, из Перифедов — Агора 3.

жет быть (хотя и с меньшей вероятностью) идентифицирован как направленный против Калликсена, сына Аристонима. Еще один может быть отнесен к Аристехму. На нескольких черепках (как с Агоры, так и с Керамика) надписано только имя «Аристид»; вне сомнения, все они относятся именно к Аристиду, сыну Лисимаха.

[14] Возможно, это тот же знаменитый Аристид; просто кто-то из писавших неверно обозначил название его дема (Кела вместо Алопеки).

[15] Либо известный из источников брат Перикла, либо (что нам представляется более вероятным) его дед по мужской линии.

[16] Идентификация этого черепка как остракона не бесспорна.

[17] Единственный черепок, на котором имя Буталиона было написано с патронимиком, сохранился не полностью.

[18] Один из черепков сохранился плохо и может относиться также к Габрониху.

[19] Политик из группировки Фемистокла.

[20] Один из виднейших политических деятелей второй половины V в. до н. э. Неоднократно избирался стратегом, выступил в роли ойкиста Амфиполя, в конце жизни входил в состав коллегии пробулов. Сыном Гагнона был не менее известный Ферамен.

[21] Черепки с именем Гегестрата принадлежат к наиболее сомнительным в корпусе острака с Агоры. В частности, не исключена их датировка временем более ранним, чем V в. до н. э. На оборотной стороне одного из этих черепков написано еще одно имя — Тимодем, сын Фолига.

[22] Части черепков с окончаниями имени и патронимика не сохранились. Для имени возможны и другие восстановления, например, «Гиероклид».

41. Гипп( ) — Агора 9[23].
42. Гиппарх, сын Харма, из Коллита — Агора 12, Керамик 1, всего 13.
43. Гиппокл, сын Мениппа, из ( )те( )[24] — Агора 2, Керамик 1, всего 3.
44. *Гиппократ, сын Алкмеонида, из Алопеки[25] — Агора 135, Керамик 2, Г дельберг 1, всего 138.*
45. Гиппократ, сын Анаксилея[26] — Агора 10, Керамик 37, Афины (место ı ходки неизвестно) 1, всего 48.
46. Гиппократ из Фалера — Керамик 3.
47. Гиппократ[27] — Агора 25, Керамик 1, всего 26.
48. Дамон, сын Дамонида, из Ои[28] — Керамик 4.
49. Демолей — Акрополь 1[29].
50. Диитреф, сын Евфена — Агора 4, Керамик 3, всего 7.
51. Дикей, сын Евномиона — Керамик 2.
52. Диогнет[30], сын Эрготима — Агора 1.
53. Диогнет из Мелиты[31] — Керамик 1.
54. Диокл, сын Астия, из Ахарн — Керамик 2.
55. Дионисий, сын Корона — Агора 3, Керамик 9, всего 12.
56. Евалк из Проспалта — Керамик 2.
57. Евдик, сын Семиона — Керамик 1.
58. Евкрат, сын Евдрамона — Агора 3.
59. Евполид, сын ( )кли( )[32] из Тор — Агора 3.
60. Евфрастид, сын Эхена — Керамик 1.
61. Евхарид, сын Евхара — Керамик 1.
62. Идонид из Фалера — Керамик 1.
63. Исий из Ои — Керамик 3.
64. Истмоник из Кофокидов — Керамик 1.
65. Истмоник из Скамбонидов — Керамик 1.

---

[23] Эти черепки, на которых сохранилось только начало имени, могут относиться Гиппарху, Гиппоклу, кому-либо из Гиппократов.

[24] Стратег 413 г. до н. э.

[25] Несомненно, представитель рода Алкмеонидов. На нескольких черепках ошибоч назван Гиппократом, сыном Алкмеона.

[26] Не исключено, что этот Гиппократ тоже принадлежал к роду Алкмеонидов.

[27] Эти черепки, на которых не указан или не сохранился патронимик, относятс кому-то из вышеуказанных Гиппократов, скорее всего, к Гиппократу, сыну А меонида.

[28] Демотик Дамона на сохранившихся острака не отражен. О правильном написан названия его дема (Оя, а не Эя, как у некоторых авторов) см.: Steph.Byz.s.v. Ὄα.

[29] Идентификация данного черепка как остракона небесспорна.

[30] Восстановление имени небесспорно.

[31] Возможно, тождественен предыдущему.

[32] Патронимик Евполида присутствует только на одном черепке, да и на нем не по ностью сохранился.

66. Калли( )[33] из Евонима — Керамик 2.
67. Каллиад из Флии[34] — Керамик 2.
68. Каллий, сын Гиппоника, из Алопеки[35] — Керамик 13.
69. Каллий, сын Дидимия[36] — Агора 3, Керамик 11, всего 14.
70. Каллий, сын Кратия, из Алопеки[37] — Агора 2, Керамик 718, всего 720.
71. Каллий, сын Фаления — Керамик 1.
72. Каллий[38] — Керамик 50.
73. Калликрат, сын Лампрокла — Керамик 6.
74. Калликсен, сын Аристонима, из Ксипеты[39] — Агора 279, Керамик 2, всего 281.
75. Каннон, сын Сибиртия — Керамик 1.
76. Каннон из Лампитр — Керамик 3.
77. Каннон[40] — Керамик 1.
78. Кидрокл, сын Тимократа, из Крии[41] — Агора 17, Керамик 2, Акрополь 1, всего 20.
79. Кимон, сын Мильтиада, из Лакиадов — Агора 7, северный склон Акрополя 1, Керамик 465, близ Керамика 1, всего 474.

---

[33] Окончание имени не сохранилось (Каллий или Каллиад).

[34] Скорее всего представитель рода Кериков.

[35] Каллий, сын Гиппоника, из рода Кериков известен больше всего как видный дипломат, заключивший в 449 г. до н. э. названный его именем мир с Персией. Однако он занимал весьма влиятельное положение в афинском полисе уже в начале V в. до н. э. Уже тогда он был дадухом в элевсинском культе Деметры, участвовал в Марафонском сражении, трижды победил в Олимпийских играх (в 500, 496 и 492 гг.). Демотик Каллия на острака не представлен, но известен по независимым данным.

[36] Демотик Каллия (знаменитого атлета, периодоника) неизвестен ни из надписей на острака, ни из письменных источников. Скорее всего, он принадлежал к дему Алопека.

[37] Представитель рода Кериков; по женской линии, возможно, был связан родственными связями также с Алкмеонидами. Весьма большое число сохранившихся остраконов с его именем дает повод многим исследователям считать, что Каллий был подвергнут остракизму (в 485 г. до н. э., ср. Arist.Ath.pol.22.6). На некоторых остраконах против этого лица патронимик искажен («Каллий, сын Кратина», «Каллий, сын Стратия»).

[38] Эти черепки, на которых не указан или не сохранился патронимик, относятся к кому-то из вышеуказанных Каллиев (большинство из них, скорее всего, к Каллию, сыну Кратия).

[39] Представитель рода Алкмеонидов. На некоторых острака ошибочно назван Каллискеном, Каллисхеном, Клисеном, Каллисфеном, Каллисеном, Калиссеном, Каллиссенном, Калисеном, Клалисеном, Клестеном.

[40] Три вышеперечисленных лица, возможно тождественны друг другу. В таком случае становится известным полное имя этого афинского гражданина — Каннон, сын Сибиртия, из Лампитр.

[41] Очевидно, брат Аристехма.

80. Кимон из Рамнунта — Керамик 1.
81. Клеиппид, сын Диния, из Ахарн[42] *— Керамик 124.*
82. Клеиппид, сын Клиния[43] — Керамик 1.
83. Клеофонт, сын Клеиппида, из Ахарн[44] — Агора 8.
84. Клибул, сын Никодема — Агора 2.
85. Критий, сын Леэда[45] — Агора 2.
86. Ксантипп, сын Арифрона[46], из Холарга — Агора 65, Керамик 3, Акрополь 1, Пирейская улица 1, близ стены Фемистокла 1, Гейдельберг 1, всего 72.
87. Ксантипп, сын Гиппократа[47] — Керамик 3.
88. Ксанфий — Керамик 4.
89. Ксеноклид из Афидны — Керамик 2.
90. Леаго( )[48] — Керамик 1.
91. Леагр, сын Главкона, из Керамика[49] — Керамик 86.
92. Леогор, сын Андокида[50] — Керамик 1.
93. Леогор, сын Леогора[51] — Керамик 1.
94. Леогор из Кидафин[52] — Керамик 1.
95. Леогор из Коллита — Керамик 1.
96. Леогор из Эрхии — Керамик 1.
97. Леогор[53] — Керамик 1.
98. Лесподий, сын Спудида, из Келы — Агора 1[54].

---

[42] Достаточно видный военачальник и политик второй половины V в. до н. э.; в начале Пелопоннесской войны избирался стратегом, но опасности остракизма подвергался уже в 440-х гг. Отец демагога Клеофонта.

[43] Скорее всего, это просто описка кого-то из афинян, желавшего надписать черепок против Клеиппида, сына Диния.

[44] Знаменитый демагог эпохи Пелопоннесской войны.

[45] Возможно, дед Крития, главы Тридцати тиранов; во всяком случае, представитель рода Кодридов.

[46] На некоторых остраконах патронимик Ксантиппа (отца Перикла) написан через две «р»: Аррифрон.

[47] Очевидно, архонт 479 г. до н. э., связанный родственными узами с родами Бузигов и Алкмеонидов.

[48] Писавший явно имел в виду либо Леагра, либо Леогора, но, допустив описку, даже не закончил надпись и, видимо, забраковал остракон.

[49] Политик из группировки Фемистокла.

[50] Кто-то из предков оратора Андокида по мужской линии.

[51] Несомненно, представитель той же семьи.

[52] Этот Леогор, скорее всего, тождественен одному из двух предыдущих. Вся семья оратора Андокида принадлежала к дему Кидафины.

[53] Этот черепок без патронимика и демотика относится к какому-то из вышеперечисленных носителей имени Леогор.

[54] На этом остраконе патронимик (если это патронимик) написан после демотика, к тому же сильно искажен.

99. Ликон — Керамик 2.
100. Лим[55] — Керамик 7.
101. Мегакл, сын Гиппократа, из Алопеки[56] — Агора 13, Керамик 4430, Акрополь 2, всего 4445.
102. Мегакл, сын Гиппократа, сына Алкмеонида[57] — Керамик 2.
103. Мегакл, сын Каллисфена[58] — Керамик 3.
104. Мегакл из Анагирунта — Керамик 1.
105. Мегакл из Анафлиста — Керамик 1.
106. Мегакл из Ахарн — Керамик 3.
107. Мегакл из Эгилии — Керамик 1[59].
108. Мелант из Кефисии — Керамик 2.
109. Меланфий, сын Неокла — Агора 1.
110. Меланфий, сын Фаланфа[60] — Агора 3.
111. Менестрат — близ Ареопага 1[61].
112. Менон, сын Мегакла — Керамик 1.
113. Менон, сын Менандрида, из Гаргетта — Керамик 2.
114. Менон, сын Менекла — Керамик 2.
115. Менон, сын Менеклида, из Гаргетта — Агора 3, Керамик 605, всего 608.
116. Менон, сын Неоклида — Керамик 2.
117. Менон из Колона — Керамик 2.
118. Менон из Рамнунта — Керамик 1.

---

[55] По-гречески «голод». Вряд ли кто-то из афинян действительно носил такое имя. Скорее всего, тут мы имеем дело с шутками неких остроумцев.

[56] Мегакл, сын Гиппократа, из рода Алкмеонидов, является «абсолютным рекордсменом» по числу найденных острака. Именно к нему мы без всякого сомнения относим и те черепки, на которых написано просто «Мегакл», ошибочное «Мегакл, сын Гиппокла», а также недописанный остракон с грубыми ошибками «Бегакед, сын Гиппо( )».

[57] По нашему мнению, надпись на этих черепках следует интерпретировать именно так, а не «Мегакл, сын Гиппократа из рода Алкмеонидов». Иными словами, они направлены не против Мегакла, стоящего предыдущим номером, а против другого, ранее неизвестного представителя того же рода (судя по всему, сына Гиппократа, сына Алкмеонида). Имя деда на остраконе обозначено именно для того, чтобы отличить его «адресата» от более известного Мегакла.

[58] Также представитель рода Алкмеонидов. То же можно сказать и обо всех следующих далее носителях имени Мегакл.

[59] Возможно, на черепке указан и патронимик этого лица — «сын Согенида» или «сын Согена» (слово написано с ошибками и не поддается точной реконструкции).

[60] Возможно, командующий афинской эскадрой, посланной на помощь участникам Ионийского восстания (Herod.V.97).

[61] Этот черепок (найден в 1853 г.) был первым, идентифицированным как остракон. Однако ныне эта идентификация чаще всего оспаривается, впрочем, насколько можно судить, без особых к тому резонов.

119. Менон[62] — Агора 1, Керамик 59, всего 60.
120. Миронид из Флии[63] — Керамик 11.
121. Мирриник — Агора 1.
122. Мнесифил из Фреарр[64] — Керамик 12.
123. Навкрат — Керамик 1.
124. Никий, сын Никерата, из Кидантидов — Агора 1.
125. Никокл, сын Никократа — Афины (место находки неизвестно) 1[65].
126. Олимпиад, сын Фидела — Керамик 1.
127. Олимпих из Гал — Керамик 1.
128. Ономаст из Конфилы — Агора 1.
129. Опунтий из Ои — Керамик 3.
130. Павсиад с Саламина[66] — Керамик 1.
131. Панетий из Агрилы — Агора 2.
132. Панталеонт, сын Гегесия — Керамик 1.
133. Панталеонт из Ламптр[67] — Керамик 1.
134. Перикл, сын Ксантиппа, из Холарга — Агора 2, Керамик 2, всего 4.
135. Поликсе( )[68] — Пникс 1.
136. Политим из Прасий — Акрополь 1[69].
137. Прокл из Евонима — Керамик 1.
138. Проксен, сын Тиманакта — Керамик 15.
139. Проксен из Амфитропы[70] — Керамик 1.

---

[62] Нам представляется очень вероятным, что все острака с именами различных Менонов относятся к одному и тому же лицу — Менону, сыну Менеклида, из Гаргетта, натурализовавшемуся в Афинах фессалийскому аристократу. Очевидно, афиняне не очень хорошо знали патронимик и демотик этого человека, лишь недавно ставшего их согражданином; отсюда и разнобой в написании этих элементов официального имени. На нескольких острака он назван еще «Меноном-лемнийцем из Гаргетта». Смысл этого эпитета для нас пока совершенно неясен. Может быть, Менон имел надел в афинской клерухии на Лемносе? Никакого лучшего варианта предложить не можем.

[63] Почти несомненно тождество этого лица с Миронидом, сыном Каллия, — видным полководцем первой половины V в. до н. э.

[64] Политик из ближайшего окружения Фемистокла.

[65] Идентификация данного черепка как остракона оспаривается. Он сильно фрагментирован: для патронимика возможны варианты (например, «сын Евника»), демотик не подлежит однозначному восстановлению.

[66] Саламин не являлся демом, однако входил в состав афинского полиса, и его жители являлись гражданами.

[67] Возможно тождество этого лица с предыдущим.

[68] Имя сохранилось лишь частично; может быть восстановлено, например, как «Поликсен». Впрочем, нельзя считать твердо установленным фактом, что перед нами остракон.

[69] Идентификация данного черепка как остракона небесспорна.

[70] Возможно тождество этого лица с предыдущим.

140. Симон( )[71] из Анафлиста — Керамик 1.
141. Симонт, сын Фринея — Керамик 1.
142. Скиафий, сын ( ), из Кефисии[72] — Керамик 1.
143. Сократ из Анагирунта[73] — Агора 1.
144. Спинфар, сын Ев( )[74] — Агора 1.
145. Спинфар из ( )лы[75] — Керамик 1.
146. Терфрей, сын Несто( ) — Керамик 1.
147. Тисандр, сын Исагора[76] — Агора 1.
148. Тисандр, сын Стасея — Керамик 1.
149. Тисандр, сын Эпилика[77] — Керамик 1.
150. Фаланф, сын Спинфара[78] — Агора 1.
151. Феак, сын Эрасистрата, из Ахарн[79] — Агора 4, Керамик 1, всего 5.
152. Фемистокл, сын Ксенокла[80] — Керамик 1.
153. Фемистокл, сын Неокла[81], из Фреарр — Агора 451, северный склон Акрополя 190, Керамик 1594, близ Ареопага 1, Акрополь 1, Афины (место находки неизвестно) 1, всего 2238.
154. Феопомп, сын Протия — Керамик 1.

---

[71] Окончание имени не сохранилось. Не исключено тождество этого лица со следующим.

[72] Идентификация этого черепка как остракона небесспорна. Он плохо сохранился; демотик (если это демотик) и патронимик (от которого сохранилось только окончание генитива) почему-то стоят перед личным именем. Во всяком случае, не можем согласиться с чтением Ш. Бренне этой надписи как «Кефис( ), сын ( ), из Скиафоса». Аттический дем Кефисия известен, а Скиафос – вообще не дем, а остров в Северной Эгеиде.

[73] Политик и полководец середины V в. до н. э.

[74] Остракон поврежден. Не исключено, что слог «Ев» — начало не патронимика, а демотика (например, названия дема Евоним). Связано ли как-нибудь указанное здесь лицо с Фаланфом, сыном Спинфара, — трудно сказать.

[75] Возможно тождество этого лица с предыдущим.

[76] Несомненно, сын Исагора, политического противника реформатора Клисфена в конце VI в. до н. э. Вся эта семья принадлежала, насколько можно судить, к роду Филаидов.

[77] Представитель рода Филаидов. Скорее всего, это дед оратора Андокида по женской линии.

[78] Вряд ли следует считать этого человека отцом Меланфия.

[79] Политик эпохи Пелопоннесской войны; от его имени написана IV речь Андокида.

[80] Скорее всего, писавший имел в виду Фемистокла, сына Неокла, допустив либо ошибку в патронимике, либо сознательную шутку (намек на «неполноценное» происхождение Фемистокла).

[81] Интересно, что на большинстве черепков имя Фемистокла написано через тэту: «Фемисфокл». Не исключено, что именно таково было изначальное написание этого имени. Встречаются на некоторых острака искажения элементов гражданского имени Фемистокла («Фемистокл, сын Диокла», «Фемистокл из Стирии»).

155. Феопомп из Афидны[82] — Агора 1, Керамик 1, всего 2.
156. Феотим, сын Клеена — Керамик 1.
157. Филей, сын Деркета — Агора 1.
158. Филериф — Керамик 1.
159. Филин, сын Клеиппида, из Ахарн[83] — Агора 1.
160. Филипп, сын Ни( ) — Акрополь 1[84].
161. Филипп — Керамик 1.
162. Филокид, сын Фидела, из Ламптр — Керамик 17.
163. Филокид из Колона — Керамик 1.
164. Филокид[85] — Агора 1, Керамик 2, всего 3.
165. Филомел, сын ( )андра, из Пирея — Керамик 3.
166. Фитон из Филы — Керамик 1.
167. Фрасикл — Агора 1.
168. Фринонд, сын Кратес( )[86], из Атмоны — Агора 1.
169. Фрурарх — Керамик 1.
170. Фукидид, сын Мелесия, из Алопеки — Агора 2, Керамик 65, всего 67.
171. Харий, сын Ф( )да[87] — Агора 1.
172. Харий из Пеании[88] — Агора 1.
173. Харий[89] — Керамик 1.
174. Эантодор[90] из Агрилы — Керамик 1.
175. Эрасистрат, сын Астия[91] — Керамик 1.
176. Эратилл, сын Каттария — Агора 4, Керамик 34, всего 38.
177. Эретрией — Агора 1.
178. Эсхрей, сын Акесторида[92] — Керамик 5.

---

[82] Возможно, тождественен предыдущему.

[83] Брат демагога Клеофонта. Демотик Филина на острака не отражен, но легко реконструируется по аналогии с демотиками его брата и отца.

[84] Идентификация данного черепка как остракона небесспорна.

[85] Этот черепок с именем без дальнейших идентификаций относится к кому-то из двух вышеназванных Филокидов, скорее всего, к Филокиду, сыну Фидела.

[86] Патронимик может быть реконструирован, например, как «Кратесипп». Впрочем, возможно прочтение надписи и как «Кратет, сын Фринонда». Дискуссионный остракон.

[87] От патронимика почти ничего не сохранилось. Этот Харий не может быть идентичен следующему, так как его остракон датируется 480-ми гг. до н. э.

[88] Возможно отождествление этого человека с эпонимным архонтом 415 г. до н. э.

[89] Скорее всего, тождествен Харию, сыну Ф( )да.

[90] Весьма характерное имя! Похоже, его носитель принадлежал к какому-то из аттических родов, возводивших свое происхождение к Аяксу (Эанту), то есть к Филаидам или Саламиниям.

[91] Если считать, что этот Эрасистрат — брат Диокла (такое предположение вполне возможно ввиду совпадения патронимика), то его демом также оказываются Ахарны, а, следовательно, перед нами — отец Феака.

[92] Акесторид — имя, употребительное в роде Филаидов.

179. Эсхреон, сын Лампона[93] — Керамик 1.
180. Эхм( ), сын ( )ес( ), из А( )[94] — Керамик 1.
181. Эхмий, сын Фаррилиона — Керамик 2.
182. ( )алли( )[95] — Агора 1.
183. ( )атл, сын ( )пона[96] — Агора 1.
184. ( )гел, сын Кс( )[97] — Агора 1.
185. ( )д, сын ( )ея — Агора 1.
186. ( )е( ), сын ( )др( ) — Агора 1.
187. ( )ий из Ахердунта — Агора 1.
188. ( )кра( ) — Агора 1.
189. ( )лан( )[98] из Анагирунта — Агора 1.
190. ( )лке( ) — Агора 1.
191. ( )одор, сын ( )ира — Агора 1.
192. ( )окл[99] — Агора 2.
193. ( )окла( )[100] — Агора 1.
194. ( )он, сын ( )агора[101] — Агора 1.
195. ( )парей из Холарга[102] — Агора 1.
196. ( )ппок( )[103] — Агора 1.
197. ( )пуд( )[104] — Агора 1.

---

[93] Уж не имеет ли этот Эсхреон какого-нибудь отношения к Лампону, знаменитому жрецу и прорицателю эпохи Перикла, ойкисту Фурий?

[94] Плохо сохранившийся черепок. Слог «ес», возможно, должен стоять не в середине, а в начале патронимика; к патронимику, а не к демотику, может относиться и буква «а».

[95] Этот и следующие черепки особенно повреждены. Даже имена «кандидатов» сохранились на них не полностью или не сохранились вообще, не говоря уже об остальных частях надписей. Соответственно, любые восстановления могут быть только более или менее гипотетичными.

[96] Возможно восстановление «Еватл, сын Лампона».

[97] В данном случае «Кс» может быть началом не патронимика, а демотика (например, названия дема Ксипета).

[98] Имя типа «Меланфий», «Фаланф».

[99] Возможно, Фемистокл.

[100] Явно какая-то ошибка. Возможно неправильное написание имени Фемистокла или Гиппократа.

[101] Заманчивым было бы восстановление типа «Кимон, сын Стесагора», «Кимон, сын Исагора»: оно давало бы сведения о ранее неизвестном представителе рода Филаидов. Впрочем, от черепка слишком мало сохранилось. Патронимик почему-то стоит в номинативе, что порождает дополнительные сложности.

[102] Восстановление демотика небесспорно. Имя, — скорее всего, написанное с ошибкой «Афарей».

[103] Почти несомненно, остаток имени Гиппократ. Но это может быть в равной степени личное имя «кандидата» или его патронимик.

[104] Или «( )поле( )»: начертания букв нечетки.

198. ( )пфар, сын ( )клона[105] — Агора 1.
299. ( )рат[106] — Агора 1.
200. ( )рон( ) — Агора 1.
201. ( )тион, сын Ксенодота[107] — Агора 1.
202. ( ), сын ( )ократа, из Рамнунта — Агора 1.
203. ( ), сын Гнафона, сына Эхекла[108] — Керамик 1.
204. ( ), сын Нис( )ип( )[109] — Агора 1.
205. ( ), сын Тимократа — Керамик 1.
206. ( ), сын ( )ама — Агора 1.
207. ( ) из Гаргетта — Керамик 37[110].
208. ( ) из Марафона — Агора 1.

---

[105] Возможно, неправильно написанное «Афарей». В патронимике тоже какие-то ошибки.

[106] Возможно, это остаток не имени, а патронимика.

[107] Или Зенодота.

[108] Довольно проблематичная надпись. Указание наряду с патронимиком имени деда на острака исключительно редко и обязательно обусловлено конкретными обстоятельствами (как у Мегакла, сына Гиппократа, сына Алкмеонида). А может быть, первое утраченное слово было не именем, а демотиком (такой порядок возможен)? Тогда остракон направлен против Гнафона, сына Эхекла, из неизвестного дема. Правда, личное имя кандидата окажется в генитиве. Такое бывает на острака, хотя и редко.

[109] Слог «ип» также может быть частью демотика (например, названия дема Гиппотомады).

[110] Эти черепки с наибольшей вероятностью могут быть отнесены к Менону, сыну Менеклида, из Гаргетта.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

(все даты до н. э.)

508/507	— закон Клисфена об остракизме
487	— остракизм Гиппарха, сына Харма (первое применение закона об остракизме?)
486	— остракизм Мегакла, сына Гиппократа
485	— остракизм «неизвестного» (Каллия, сына Кратия?)
484	— остракизм Ксантиппа
483	— неудачная остракофория (?)
482	— остракизм Аристида
480	— досрочное возвращение жертв первых остракофорий. Поправка к закону об остракизме, ограничившая местопребывание изгнанных
470	— остракизм Фемистокла
467	— заочное осуждение Фемистокла
461	— остракизм Кимона
ок. 460	— остракизм Алкивиада Старшего
начало 450-х гг. (457?)	— остракизм Менона
начало 450-х гг. (?)	— остракизм Каллия, сына Дидимия
457	— досрочное возвращение Кимона из остракизма
444 или чуть раньше	— остракизм Фукидида, сына Мелесия
430-е гг. (?)	— остракизм Дамона
415	— остракизм Гипербола (последнее применение закона об остракизме). Выход остракизма из употребления
411	— убийство Гипербола на Самосе
посл. четверть IV в. (322?)	— отмена остракизма

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
2. *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976.
3. *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998.
4. *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа. СПб., 2002.
5. Античная демократия в свидетельствах современников / Издание подготовили Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. М., 1996.
6. *Арский Ф. Н.* Перикл. М., 1971.
7. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2 изд. М., 1990.
8. *Безрученко И. М.* Древнегреческая Киренаика в VII—IV вв. до н. э. // ПИФК. 1999. Вып. 7. С. 61—166.
9. *Белов В. И.* Лад: Очерки о народной эстетике. 2 изд. М., 1989.
10. *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. С. 217.
11. *Блаватский В. Д.* Античная археология и история. М., 1985.
12. *Видаль-Накэ П.* Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001.
13. *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. : Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.
14. *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Древнейший Херсонес // Причерноморье VII—V вв. до н. э. : письменные источники и археология. Тбилиси, 1990. С. 48—73.
15. *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Год рождения Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. Вып. 9. Севастополь, 1998. С. 36—46.
16. *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы (1996—1997 гг.). М., 1999. С. 91—129.
17. *Владимирская О. Ю.* Алкмеониды и медизм в Афинах во время Греко-персидских войн // АГ. С. 43—48.
18. *Гаврилов А. К.* Ученая община сократиков в «Облаках» Аристофана» // Некоторые проблемы истории античной науки. Л., 1989. С. 62—77.
19. *Герцман Е. В.* Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995.
20. *Гилевич А. М., Щеглов А. Н.* Херсонесец Батилл, сын Никагора // Hyperboreus. 1996. V. 2. Fasc. 2. P. 100—124.
21. *Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.
22. *Гинзбург С. И.* О дате издания закона об остракизме в Афинах // ГГАМ. С. 44—55.
23. *Гинзбург С. И.* Малоизвестный византийский источник об остракизме // Античное общество и государство. Л., 1989. С. 41—51.

24. *Гинзбург С. И.* Остракизм как орудие политической борьбы в Афинах V в. до н. э. // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 32—42.
25. *Глускина Л. М.* Трезенская надпись с декретом Фемистокла // ВДИ. 1963. № 4. С. 35—52.
26. *Грант М.* Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998.
27. Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах) / Отв. ред. Соломоник Э. И. Киев, 1978.
28. *Гурова Н. К.* Проблемы организации археологического парка в центре Афин // Археологические вести. 1999. № 6. С. 439—447.
29. *Гущин В. Р.* Был ли Писистрат назначен лидером диакриев? // АВ. Вып. 3. 1995. С. 99—107.
30. *Дворецкая И. А., Залюбовина Г. Т., Шервуд Е. А.* Кровная месть у древних греков и германцев. М., 1993.
31. *Доватур А. И.* Политика и Политии Аристотеля. М.; Л., 1975.
32. *Доватур А. И.* Феогнид и его время. Л., 1989.
33. *Жестоканов С. М.* Олигархия Бакхиадов // Мнемон. Вып. 2. СПб., 2003. С. 53—64.
34. *Зайцев А. И.* Перикл и его преемники (к вопросу о приемах политического руководства в древности) // ПДАСНВ. С. 23—28.
35. *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985.
36. *Зайцев А. И.* Формирование древнегреческого гексаметра. СПб., 1994.
37. *Залюбовина Г. Т.* Рудименты агнатного права в раннеклассовых обществах Греции // Ранние цивилизации: Государство и право. М., 1994. С. 3—16.
38. *Зелинский Ф. Ф.* Из жизни идей. Т. 1. 3 изд. Пг., 1916.
39. *Зельин К. К.* Олимпионики и тираны // ВДИ. 1962. № 4. С. 21—29.
40. *Иванчик А. И.* Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? II // ВДИ. 2002. № 4. С. 23—42.
41. *Исаева В. И.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994.
42. *Йегер В.* Пайдейя: Воспитание античного грека. Т. 1. М., 2001.
43. *Каждан А. П.* Религия и атеизм в древнем мире. М., 1957.
44. *Карпюк С. Г.* Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С. 17—35.
45. *Карпюк С. Г.* Никий: доблесть политика // ВДИ. 1994. № 3. С. 38—57.
46. *Карпюк С. Г.* Лекции по истории Древней Греции. М., 1997.
47. *Карпюк С. Г.* Гипербол, «человек негодный» // ВДИ. 1998. № 4. С. 142—156.
48. *Карпюк С. Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003.
49. *Карпюк С. Г.* Политическая ономастика классических Афин в надписях V—IV вв. до н. э. // ВДИ. 2003. № 2. С. 4—35.
50. *Касаткина Н. А.* Афинские колонии времен Пелопоннесской войны // ИИАО. 1991. С. 14—28.

51. *Касаткина Н. А.* Афинское поселение на Самосе в IV в. до н. э. // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997. С. 148—155.
52. *Касаткина Н. А.* Афинские владения на северном берегу Геллеспонта // XII Чтения памяти профессора С. И. Архангельского: Материалы международной конференции. Ч. 1. Нижний Новгород, 2001. С. 56—65.
53. *Касаткина Н. А.* Завоевание Эйона во Фракии // Материалы VII чтений памяти проф. Н. П. Соколова. Нижний Новгород, 2002. С. 28—30.
54. *Касаткина Н. А.* Солон Афинский и остров Саламин // АКРА: Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2002. С. 59—70.
55. *Касаткина Н. А., Антонов В. В.* Внутриполитическая борьба в Афинах в середине 40-х гг. V в. до н. э. и основание Фурий // ИИАО. 1999. Вып. 6. С. 55—63.
56. *Кнабе Г. С.* Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993.
57. *Кнабе Г. С.* Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 1999.
58. *Кобылина М. М.* Милет. М., 1965.
59. *Колобова К. М.* К вопросу о возникновении афинского государства // ВДИ. 1968. № 4. С. 41—55.
60. *Корзун М. С.* Политическая цель процессов против друзей Перикла и причины Пелопоннесской войны // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Сер. III. 1971. № 2. С. 8—14.
61. *Кофанов Л. Л.* Древнегреческое право и законы XII таблиц: проблема заимствований и влияния // ДП. 2002. № 1 (9). С. 38—50.
62. *Кошеленко Г. А.* Государство Птолемеев // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 157—182.
63. *Кудрявцева Т. В.* Афинская демократия и первые процессы по «жалобе на противозаконие» // Мнемон. Вып. 2. СПб., 2003. С. 89—116.
64. *Кузищин В. И., Фролов Э. Д.* Изучение античности в России // Историография античной истории. М., 1980. С. 124—138.
65. *Кулишова О. В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII—V вв. до н. э.). СПб., 2001.
66. *Кулишова О. В.* Спартанский царь Клеомен и Дельфы // Мнемон. Вып. 2. СПб., 2003. С. 65—88.
67. *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья (критический очерк отечественных теорий колонизации). Киев, 1966.
68. *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. 1. Государственные и военные древности. СПб., 1997.
69. *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. 2. Богослужебные и сценические древности. СПб., 1997.
70. *Леви Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.
71. *Либеро Л. де.* Ἐκτός или ἐντός? Назначение места изгнания (Arist. Ath. pol. 22,8) и остракон против Мегакла // ПИФК. 1998. Вып. 5. С. 89—95.
72. *Лурье С. Я.* История античной общественной мысли: Общественные груп-

пировки и умственные движения в эллинском мире. М.; Л., 1929.
73. *Лурье С. Я.* К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI века // Ученые записки ЛГУ. № 39. Серия ист. наук. Вып. 4. Л., 1939. С. 73—88.
74. *Любкер Ф.* Реальный словарь классической древности. СПб.; М., 1888.
75. *Люгебиль К. Я.* Историко-филологические исследования. СПб., 1868.
76. *Макаров И. А.* Идеологические аспекты ранней греческой тирании // ВДИ. 1997. № 2. С. 25—42.
77. *Маринович Л. П.* Греция в V в. до н. э. // История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. С. 259—311.
78. *Маринович Л. П.* Греки и Александр Македонский. М., 1993.
79. *Маринович Л. П.* Закон и власть в классических Афинах // ВЧОАМ. С. 5—18.
80. *Маринович Л. П.* Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 295—362.
81. *Маринович Л. П.* Античная и современная демократия: новые подходы. М., 2001.
82. *Марру А. -И.* История воспитания в античности (Греция). М., 1998.
83. *Медведев И. П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.
84. *Медовичев А. Е.* Политическая идеология и практика функционирования афинской демократии: факторы стабильности (зарубежная историография) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. РЖ ИНИОН. Сер. 5. История. 1998. № 4. С. 3—41.
85. *Мейендорф И.* Введение в святоотеческое богословие. 2 изд. Вильнюс; М., 1992.
86. *Миллер Т. А.* Псевдоисторическая эпистолография // Античная эпистолография. М., 1967. С. 192—225.
87. *Молчанов А. А.* Антропонимическая традиция как одно из слагаемых исторической памяти (к просопографии афинской знати античного времени) // Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 193—198.
88. *Молчанов А. А.* Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н. э. (Проблемы источниковедения миноистики и микенологии). М., 2000.
89. *Молчанов А. А., Суриков И. Е.* У истоков остракизма // ВЧОАМ. С. 252—260.
90. *Молчанов А. А., Суриков И. Е.* Писистратиды — потомки отказавших в гостеприимстве (актуализация династического мифа) // ЗОГАМ. С. 122—130.
91. *Моссе К.* Демосфен как тип афинского политика // ВДИ. 1996. № 2. С. 20—25.
92. *Нефедкин А. К.* Основные этапы формирования фаланги гоплитов: военный аспект проблемы // ВДИ. 2002. № 1. С. 87—96.
93. *Никитюк Е. В.* Оратор Андокид и процессы по обвинению в нечестии (асебейа) в Афинах на рубеже V—IV вв. до н. э. // Вестник СПбГУ. Сер. 2.

1996. Вып. 3. С. 23—36.
94. *Никитюк Е. В.* Политические сообщества (гетерии) в классической Греции // АССАМ. С. 49—107.
95. *Никитюк Е. В.* Гетерия Эвфилета: К истории олигархического движения в Афинах в конце V в. до н. э. // АГ. С. 71—80.
96. *Обнорский Н. П.* Остракизм // Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]. Т. 22. СПб., 1897. С. 344.
97. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 14 изд. М., 1983.
98. *Пальцева Л. А.* Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999.
99. *Пальцева Л. А.* К вопросу о кодификации права в Древней Греции // ДП. 2002. № 2 (10). С. 14—22.
100. *Родс П. Дж.* Кому принадлежала власть в демократических Афинах? // ВДИ. 1998. № 3. С. 16—26.
101. *Рунг Э. В.* Эпиликов мирный договор // ВДИ. 2000. № 3. С. 85—96.
102. *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.
103. *Соломоник Э. И.* Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3. С. 121—141.
104. *Соломоник Э. И.* Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984.
105. *Соломоник Э. И.* Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках // ВДИ. 1984. № 3. С. 72—81.
106. *Соломоник Э. И.* Inedita // Іноземна філологія. Вип. 85. Львів, 1987. С. 111—117.
107. *Ставнюк В. В.* К вопросу о методах в политической борьбе за демократизацию афинского полиса // Античность и современность: Доклады конференции. М., 1991. С. 54—57.
108. *Ставнюк В. В.* Особенности политической борьбы в Афинах в начале V в. до н. э. // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Нижний Новгород, 1991. С. 26—37.
109. *Стрелков А. В.* Афинский монетный декрет // Нумизматика и эпиграфика. 1999. Т. 16. С. 25—47.
110. *Строгецкий В. М.* Клисфен и Алкмеониды // ВДИ, 1972. № 2. С. 99—106.
111. *Строгецкий В. М.* Диодор Сицилийский о процессах против Фемистокла и Павсания (XI, 39—47; 54—59) // ИИАО. 1979. С. 3—28.
112. *Строгецкий В. М.* О датировке битвы при Сепее // ВДИ. 1979. № 4. С. 108— 117.
113. *Строгецкий В. М.* Возникновение и развитие исторической мысли в Древней Греции (на материале изучения «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского). Горький, 1985.
114. *Строгецкий В. М.* Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987.
115. *Строгецкий В. М.* Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н. э. и проблема основания колонии Фурии // ГГАМ. С. 55—79.

116. *Строгецкий В. М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991.
117. *Строгецкий В. М.* Гражданский коллектив полиса (проблемы становления и особенности развития в архаический и раннеклассический периоды) // Античный полис: Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб., 1995. С. 5—12.
118. *Строгецкий В. М.* Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // Античный мир: проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 69—83.
119. *Строгецкий В. М.* Строительная политика Перикла и «культурная» экспансия Афин // АКРА. Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2002. С. 142—148.
120. *Суриков И. Е.* Черты народной смеховой культуры в творчестве Аристофана // АВ. 1994. Вып. 2. С. 165—173.
121. *Суриков И. Е.* Афинский ареопаг в первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23—40.
122. *Суриков И. Е.* Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин: истоки феминизма или матримониальная традиция? // Античный мир и его судьбы в последующие века. М., 1995. С. 43—52.
123. *Суриков И. Е.* Остракa как источник по истории раннеклассических Афин // АВ. 1995. Вып. 3. С. 107—114.
124. *Суриков И. Е.* Новая концепция афинской истории IV в. до н. э. // ВДИ. 1996. № 4. С. 235—245.
125. *Суриков И. Е.* По поводу новой публикации остракa // ВДИ. 1996. № 2. С. 143—146.
126. *Суриков И. Е.* Античная цивилизация: Греция. М., 1997.
127. *Суриков И. Е.* Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н. э. // ВЧОАМ. С. 89—99.
128. *Суриков И. Е.* Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 14—35.
129. *Суриков И. Е.* К интерпретации остракa с северного склона Акрополя // ПИФК. 1998. Вып. 6. С. 30—33.
130. *Суриков И. Е.* Аттическая трагедия и политическая борьба в Афинах // АВ. 1999. Вып. 4—5. С. 187—193.
131. *Суриков И. Е.* Афинянин Мегакл и Эретрия (к интерпретации одного остракона) // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского: Тезисы докладов. М., 1999. С. 111—112.
132. *Суриков И. Е.* Гостеприимство Креза и афиняне // ЗОГАМ. С. 72—79.
133. *Суриков И. Е.* Институт остракизма в Афинах: проблемы и перспективы изучения // АВ. 1999. Вып. 4—5. С. 126—143.
134. *Суриков И. Е.* Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 98—114.
135. *Суриков И. Е.* О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // ДП. 1999. № 2 (5). С. 34—42.

136. *Суриков И. Е.* Остракизм в Мегарах и Херсонесе Таврическом // Проблемы антиковедения и медиевистики: Межвузовский сборник научных трудов. Нижний Новгород, 1999. С. 48—52.
137. *Суриков И. Е.* Перикл, Амис и амазонки // ИИАО. 1999. Вып. 6. С. 147—152.
138. *Суриков И. Е.* [Рец.]: Boegehold A. L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora. V. 28). Princeton, 1995 // ВДИ. 1999. № 1. С. 220—225.
139. *Суриков И. Е.* Аристократические роды в политической жизни Афин VII—V вв. до н. э.: Алкмеониды и их окружение // Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции. СПб., 2000. С. 152—169.
140. *Суриков И. Е.* Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 95—112.
141. *Суриков И. Е.* Долгая память о древнем институте (сообщения византийских авторов об остракизме и проблема их достоверности) // Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 137—143.
142. *Суриков И. Е.* Закон Клисфена об остракизме: к реконструкции некоторых формулировок // ДП. 2000. № 1 (6). С. 14—22.
143. *Суриков И. Е.* Законодательство Драконта в Афинах и его исторический контекст // ДП. 2000. № 2 (7). С. 8—18.
144. *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII—V вв. до н. э. М., 2000.
145. *Суриков И. Е.* К интерпретации имени Арифрона на острака // ВДИ. 2000. № 4. С. 73—79.
146. *Суриков И. Е.* К историко-хронологическому контексту последнего афинского остракизма // Античность: эпоха и люди. Казань, 2000. С. 17—27.
147. *Суриков И. Е.* Камень и глина: к сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира. М., 2000. С. 273—288.
148. *Суриков И. Е.* Ксантипп, отец Перикла: Штрихи к политической биографии // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 100—109.
149. *Суриков И. Е.* Остракизм и остраконы: в Афинах и за их пределами // Hyperboreus. 2000. Vol. 6. Fasc. 1. P. 103—123.
150. *Суриков И. Е.* Алкивиад: афинский денди или первый «сверхчеловек»? // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 5. Специальный выпуск: Историческая биография и персональная история. М., 2001. С. 198—225.
151. *Суриков И. Е.* К просопографии афинских монетных магистратов эпохи эллинизма // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция:

Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001. С. 29—31.
152. *Суриков И. Е.* Лидийский царь Крез и Балканская Греция // Studia historica. Т. 1. М., 2001. С. 3—15.
153. *Суриков И. Е.* Место аристократических родословных в общественно—политической жизни классических Афин // ИИАО. 2001. Вып. 7. С. 138—147.
154. *Суриков И. Е.* О некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001. С. 172—176.
155. *Суриков И. Е.* Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 118—130.
156. *Суриков И. Е.* Античная нарративная традиция об институте остракизма // Studia historica. Т. 2. М., 2002. С. 51—74.
157. *Суриков И. Е.* Внешняя политика Афин в период Пентеконтаэтии // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 2. Хрестоматия. Казань, 2002. С. 39—81.
158. *Суриков И. Е.* О некоторых факторах колонизационной политики Гераклеи Понтийской // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 72—82.
159. *Суриков И. Е.* Полемика о датировке Афинского монетного декрета: к оценке аргументации сторон // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. М., 2002. С. 9—10.
160. *Суриков И. Е.* Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. 2002. № 1. С. 15—24.
161. *Суриков И. Е.* Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 8. Специальный выпуск: Персональная история и интеллектуальная биография. М., 2002. С. 342—364.
162. *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э. : Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М., 2002.
163. *Суриков И. Е.* Из истории находок острака в Афинах // ИИАО. 2003. Вып. 8. С. 121—131.
164. *Суриков И. Е.* Изменения в афинских законах в V в. до н. э. (на примере закона об остракизме) // ДП. 2003. № 1 (11). С. 8—22.
165. *Суриков И. Е.* Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии) // ВДИ. 2003. № 2. С. 16—25.
166. *Суриков И. Е.* IV речь корпуса Андокида как исторический источник // ПИФК. 2003. Вып. 13. С. 3—13.
167. *Суриков И. Е.* [Рец.]: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. V. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001 // ВДИ. 2003. № 3. С. 223—227.
168. *Суриков И. Е.* Функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. № 1. С. 3—30.

169. *Туманс Х.* Идеологические аспекты власти Писистрата // ВДИ. 2001. № 4. С. 12—45.
170. *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII—V вв. до н. э.). СПб., 2002.
171. *Туровский Е. Я.* Три новых граффити из Херсонеса и его ближайшей округи // Древности (Харьков). 1996. С. 96—101.
172. *Тюменев А. И.* Херсонесские этюды // ВДИ. 1938. № 2. С. 245—275.
173. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. СПб., 1997.
174. *Фролов Э. Д.* Социально-политическая борьба в Афинах в конце V века до н. э. Л., 1964.
175. *Фролов Э. Д.* Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л., 1972.
176. *Фролов Э. Д.* Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // ПДАСНВ. С. 6—22.
177. *Фролов Э. Д.* Огни Диоскуров: Античные теории переустройства общества и государства. Л., 1984.
178. *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988.
179. *Фролов Э. Д.* Из истории политической борьбы в Афинах в конце V века до н. э. (Андокид и процесс гермокопидов) // *Андокид.* Речи. СПб., 1996. С. 5—32.
180. *Фролов Э. Д.* Греция в эпоху поздней классики: Общество. Личность. Власть. СПб., 2001.
181. *Фролов Э. Д.* Сообщества друзей // АССАМ. С. 11—48.
182. *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 58—71.
183. *Шишова И. А.* Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991.
184. *Щеглов А. Н.* Полис и хора. Симферополь, 1976.
185. *Яйленко В. П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990.
186. *Ярхо В. Н.* Вина и ответственность в гомеровском эпосе // ВДИ. 1962. № 2. С. 3—26.
187. *Ярхо В. Н.* Проблема ответственности и внутренний мир гомеровского человека // ВДИ. 1963. № 2. С. 46—64.
188. *Adcock F. E.* The Chronology of the Years 445—431 B. C. // CAH. V. 5. 1927. P. 474.
189. *Adkins A. W. H.* Moral Values and Political Behaviour in Ancient Greece: From Homer to the End of the Fifth Century. L., 1972.
190. *Anderson G.* Alkmeonid «Homelands», Political Exile, and the Unification of Attica // Historia. 2000. Bd. 49. Ht. 4. S. 387—412.
191. *Andrewes A.* The Opposition to Pericles // JHS. 1978. V. 98. P. 1—8.
192. *Arnheim M. T. W.* Aristocracy in Greek Society. L., 1977. P. 42—51.
193. *Arnush M. F.* The Career of Peisistratos Son of Hippias // Hesperia. 1995. V. 64. № 2. P. 135—162.
194. *Asheri D.* Über die Frühgeschichte von Herakleia Pontike // Forschungen an der Nordküste Kleinasiens. Bd. 1. Herakleia Pontike: Forschungen zur Geschichte und Topographie. Wien, 1972. S. 9—34.

195. *Aurenche O.* Les groupes d'Alcibiade, de Léogoras et de Teucros: Remarques sur la vie politique athénienne en 415 avant J. C. P., 1974.
196. *Austin M. M.* Greek Tyrants and the Persians, 546—479 B. C. // ClQ. 1990. V. 40. № 2. P. 289—306.
197. *Austin M., Vidal-Naquet P.* Economic and Social History of Ancient Greece: An Introduction. Berkeley, 1977.
198. *Bacchielli L.* L'ostracismo a Cirene // RFIC. 1994. 122. 2. P. 257—270.
199. *Badian E.* Archons and Strategoi // Antichthon. 1971. V. 5. P. 1—34.
200. *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993.
201. *Badian E.* The Ghost of Empire. Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century B. C. // AD. S. 79—106.
202. *Barello A.* Il processo di Cleomene e la crisi dinastica di Sparta // CISA. 1996. V. 22. P. 19—27.
203. *Barrett J. F.* The Downfall of Themistocles // GRBS. 1977. V. 18. № 4. P. 291—305.
204. *Barron J. P.* Religious Propaganda of the Delian League // JHS. 1964. V. 84. P. 35—48.
205. *Bauer A., Frost F. J.* Themistokles: Literary, Epigraphical and Archaeological Testimonia. 2 ed. Chicago, 1967.
206. *Bayer E., Heideking J.* Die Chronologie des perikleischen Zeitalters. Darmstadt, 1975.
207. *Bearzot C.* Anomalie procedurali ed elusione del «nomos» nei processi per alto tradimento: «eisanghelia» e «asebeia» // CISA. 1996. V. 22. P. 71—92.
208. *Bearzot C.* Gruppi di opposizione organizzate e manipolazione del voto nell'Atene democratica // CISA. 1999. V. 25. P. 265—307.
209. *Beazley J. D.* Attic Red-figure Vase-painters. 2 ed. Oxf., 1963. V. 2.
210. *Bengtson H.* Einzelpersönlichkeit und athenischer Staat zur Zeit des Peisistratos und des Miltiades. München, 1939.
211. *Bengtson H.* Themistokles und die delphische Amphiktyonie // Eranos. 1951. Bd. 49. Ht. 3/4. S. 85—92.
212. *Bengtson H.* Die Staatsverträge des Altertums. Bd. 2. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr. B., 1962.
213. *Bengtson H.* The Greeks and the Persians from the Sixth to the Fourth Centuries. L., 1969.
214. *Bengtson H.* Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. 3 Aufl. München, 1974.
215. *Bengtson H.* Kleine Schriften zur alten Geschichte. München, 1974.
216. *Bengtson H.* Griechische Staatsmänner des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. München, 1983.
217. *Berger S.* Democracy in the Greek West and the Athenian Example // Hermes. 1989. Bd. 117. Ht. 3. S. 303—314.
218. *Berger S.* Revolution and Society in Greek Sicily and Southern Italy. Stuttgart, 1992.

219. *Berthold R. M.* The Athenian Embassies to Sardis and Cleomenes' Invasion of Attica // Historia. 2002. Bd. 51. Ht. 3. S. 259—267.
220. *Berti M.* Note storiche e prosopografiche agli *ostraka* di Μυρωνίδης Φλυεύς dal *Kerameikós* di Atene // MEP. 1999. V. 2. P. 77—109.
221. *Berve H.* Fürstliche Herren zur Zeit der Perserkriege // Die Antike. 1936. Bd. 12. S. 1—28.
222. *Berve H.* Zur Themistokles-Inschrift von Troizen. München, 1961.
223. *Bianchetti S.* L'ostracismo di Iperbolo e la seconda redazione delle Nuvole di Aristofane // SIFC. 1979. V. 51. P. 221—248.
224. *Bianco E.* L'attualità di Alcibiade nel dibattito politico ateniese all'inizio del IV secolo a. C. // RSA. 1992—1993. V. 22/23. P. 7—23.
225. *Bichler R.* Herodots Welt: der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte. 2 Aufl. B., 2001.
226. *Bicknell P. J.* The Exile of the Alkmeonidai during the Peisistratid Tyranny // Historia. 1970. Bd. 19. Ht. 2. S. 129—131.
227. *Bicknell P. J.* Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972.
228. *Bicknell P. J.* Agora Ostrakon P 7103 // AC. 1974. V. 43. P. 334—337.
229. *Bicknell P. J.* Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. Bd. 23. Ht. 2. S. 146—163.
230. *Bicknell P. J.* Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? // AC. 1975. V. 44. № 1. P. 172—175.
231. *Bicknell P. J.* The Archon Year of Alkmeon and Isagoras' Council of 300 // AC. 1985. V. 54. P. 76—90.
232. *Bicknell P. J.* Themistokles' Father and Mother // Historia. 1982. Bd. 31. Ht. 2. S. 161—173.
233. *Bicknell P. J.* Agasias the Donkey // ZPE. 1986. Bd. 62. S. 183—184.
234. *Bleckmann B.* Athens Weg in die Niederlage: Die letzten Jahre des Peloponnesischen Kriegs. Lpz., 1998.
235. *Bleicken J.* Die athenische Demokratie. 2 Aufl. Paderborn, 1994.
236. *Bloch H.* Notes on the Atthis of Androtion // ASPF. P. 341—355.
237. *Bloch H.* Theophrastus' Nomoi and Aristotle // ASPF. P. 355—376.
238. *Bloedow E. F.* Alcibiades: A Review Article // AHB. 1991. V. 5. № 1/2. P. 17—29.
239. *Bloedow E. F.* Why did Sparta Rebuff the Athenians at Ithome in 462 B. C.? // AHB. 2000. V. 14. № 3. P. 89—101.
240. *Boardman J.* Herakles, Peisistratos, and Sons // RA. 1972. № 1. P. 57—72.
241. *Boardman J.* Herakles, Peisistratos, and Eleusis // JHS. 1975. V. 95. P. 1—12.
242. *Boardman J.* The Material Culture of Archaic Greece // CAH. 2 ed. V. 3. Pt. 3. Cambridge, 1982. P. 442—461.
243. *Boardman J.* Herakles, Peisistratos, and the Unconvinced // JHS. 1989. V. 109. P. 158—159.
244. *Boegehold A. L.* Toward a Study of Athenian Voting Procedure // Hesperia. 1963. V. 32. № 4. P. 366—374.

245. *Boegehold A. L. et al.* The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora. V. 28). Princeton, 1995.
246. *Boer W. den.* Themistocles in Fifth Century Historiography // Mnemosyne. 1962. V. 15. Fasc. 3. P. 225—237.
247. *Bonner R. J., Smith G.* The Administration of Justice from Homer to Aristotle. V. 2. Chicago, 1938.
248. *Boulter C. G.* Graves on Lenormant Street, Athens // Hesperia. 1963. V. 32. № 2. P. 113—137.
249. *Bradeen D.* The Fifth-Century Archon List // Hesperia. 1964. V. 32. № 2. P. 187—208.
250. *Brandt H.* Herakles und Peisistratos, oder: Mythos und Geschichte. Anmerkungen zur Interpretation vorklassischer Vasenbilder // Chiron. 1997. Bd. 27. S. 316—334.
251. *Brandt H.* Pythia, Apollon und die älteren griechischen Tyrannen // Chiron. 1998. Bd. 28. S. 193—212.
252. *Brenne S.* «Portraits» auf Ostraka // MDAI(A). 1992. Bd. 107. S. 161—185.
253. *Brenne S.* Ostraka and the Process of Ostrakophoria // AAAD. P. 13—24.
254. *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. V. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001.
255. *Brenne S.* Die Ostraka (487—ca. 416 v. Chr.) als Testimonien (T 1) // OT. S. 36—166.
256. *Brenne S.* T (?) 4. Rotfigurige Schale des «Pan-Malers» (Oxford 1911. 617) aus Cerveteri (470—460 v. Chr.): Auszählung des Ostraka? // OT. S. 174—184.
257. *Brenne S.* T 6. Herodot 8, 79, 1 (ca. 448—424 v. Chr.): die Ostrakisierung des Aristeides (482 v. Chr.) und seine Rückkehr am Vorabend der Schlacht von Salamis (480 v. Chr.) // OT. S. 193—204.
258. *Brenne S.* T 15. Thukydides 1, 135, 2—3 (ca. 431—395 v. Chr.): die Ostrakisierung des Themistokles (470 v. Chr.) // OT. S. 247—257.
259. *Brenne S.* T 16. Thukydides 8, 73, 3 (400—395 v. Chr.): Motive für die Ostrakisierung des Hyperbolos (ca. 416 v. Chr.) // OT. S. 258—270.
260. *Brock R.* Athenian Oligarchs: The Number Game // JHS. 1989. V. 109. P. 160—164.
261. *Broneer O.* Excavations on the North Slope of the Akropolis, 1937 // Hesperia. 1938. V. 7. № 2. P. 161—263.
262. *Broneer O.* Notes on the Xanthippos Ostrakon // AJA. 1948. V. 52. № 2. P. 341—343.
263. *Brown T. S.* Menon of Thessaly // Historia. 1986. Ht. 4. S. 387—404.
264. *Brueckner A.* Mitteilungen aus dem Kerameikos. I. Ostraka // MDAI(A). 1915. Bd. 40. S. 4—26.
265. *Brunt P. A.* Athenian Settlements Abroad in the Fifth Century B. C. // Ancient Society and Institutions. Oxf., 1966. P. 71—92.
266. *Bruyn O. de.* La compétence de l'Aréopage en matière de procès publics: Des origines de la polis athénienne a la conquête romaine de la Grèce (vers 700 —

146 avant J. -C.). Stuttgart, 1995.
267. *Buck R. J.* The Reform of 487 B. C. in the Selection of Archons // ClPh. 1965. V. 66. № 2. P. 96—101.
268. *Buitron-Oliver D., Camp J. M.* Exhibition Catalogue // BD. P. 28—148.
269. *Bürchner L.* Ephesos // RE. Bd. 5. Stuttgart, 1905. Sp. 2773—2822.
270. *Burkert W.* Creation of the Sacred: Tracks of Biology in Early Religions. Cambridge Mass., 1996.
271. *Burn A. R.* Pericles and Athens. L., 1948.
272. *Burn A. R.* A Biographical Source on Phaiax and Alkibiades? ([Andokides] IV and Plutarch's Alkibiades) // ClQ. 1954. V. 4. № 3/4. P. 138—142.
273. *Burns A.* Athenian Literacy in the Fifth Century B. C. // Journal of the History of Ideas. 1981. V. 42. № 3. P. 371—387.
274. *Burstein S. M.* The Recall of the Ostracized and the Themistocles Decree // CSCA. 1971. V. 4. P. 93—110.
275. *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976.
276. *Cadoux T. J.* The Athenian Archons from Kreon to Hypsichides // JHS. 1948. V. 68. P. 70—123.
277. *Caiani G.* Nicia e Alcibiade: il dibattito sull' ἀρχή alle soglie della spedizione in Sicilia (analisi lessicale di Thuc. 6, 9—18) // SIFC. 1972. V. 44. P. 145—183.
278. *Cairns F.* The «Laws of Eretria» (IG XII. 9. 1273 and 1274): Epigraphic, Legal, Historical, and Political Aspects // Phoenix. 1991. V. 45. № 4. P. 296—312.
279. *Calame C.* Thésée et l'imaginaire athénien: Légende et culte en Grèce antique. Lausanne, 1990.
280. *Calderini A.* L'ostracismo. Como, 1945.
281. *Calhoun G. M.* Athenian Clubs in Politics and Litigation. N. Y., 1970.
282. *Camon F.* Le cariche pubbliche di Iperbolo // GIF. 1963. V. 16. Fasc. 1. P. 46—59.
283. *Camon F.* L'ostracismo di Iperbolo // GIF. 1963. V. 16. Fasc. 2. P. 143—162.
284. *Camp J. M.* The Athenian Agora: Excavations in the Heart of Classical Athens. L., 1986.
285. *Camp J. M.* Before Democracy: Alkmaionidai and Peisistratidai // AAAD. P. 7—12.
286. *Camp J. M.* Excavations in the Athenian Agora: 1994 and 1995 // Hesperia. 1996. V. 65. № 3. P. 231—261.
287. *Camp J. M.* Excavations in the Athenian Agora, 1996 and 1997 // Hesperia. 1999. V. 68. №. 3. P. 255—283.
288. *Cantarella E.* L'omosessualità nel diritto ateniese // Symposion 1985. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 153—175.
289. *Carawan E. M.* Eisangelia and Euthuna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // GRBS. 1987. V. 28. № 2. P. 167—208.
290. *Carawan E. M.* Thucydides and Stesimbrotus on the Exile of Themistocles //

Historia. 1989. Bd. 38. Ht. 2. S. 144—161.
291. *Carawan E. M.* The Athenian Amnesty and the «Scrutiny of the Laws» // JHS. 2002. V. 122. P. 1—23.
292. *Carcopino J.* Damon a-t-il été ostracisé? // REG. 1905. V. 18. P. 415—429.
293. *Carcopino J.* L'ostracisme athénien. 2 ed. P., 1935.
294. *Cartledge P.* The Greeks: A Portrait of Self and Others. Oxf., 1993.
295. *Cary M.* When was Themistocles Ostracised? // ClR. 1922. V. 36. № 7/8. P. 161—162.
296. *Cataldi S.* I processi agli strateghi ateniesi della prima spedizione in Sicilia e la politica cleoniana // CISA. 1996. V. 22. P. 37—63.
297. *Cauer F.* Argolis // RE. Bd. 2. 1896. Sp. 728—743.
298. *Cavaignac E.* La désignation des archontes athéniens jusqu'en 487 // RPLHA. 1924. V. 48. P. 144—148.
299. *Cawkwell G. L.* The Fall of Themistocles // Auckland Classical Essays Presented to E. M. Blaiklock. Auckland, 1970. P. 39—58.
300. *Cerrato T.* Sofocle, Cimone, Antenore e i Veneti // Athenaeum. 1985. V. 63. Fasc. 1/2. P. 167—174.
301. *Chambers M.* The Significance of the Themistocles Decree // Philologus. 1967. Bd. 111. Ht. 3/4. S. 151—169.
302. *Chambers M.* Androtion F6: τότε πρῶτον // JHS. 1979. V. 99. P. 151—152.
303. *Chambers M.* Aristotle and his Use of Sources // AA. P. 39—52.
304. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. 3. P., 1974.
305. *Châtelet F.* Périclès et son siècle. P., 1990.
306. *Christ M. R.* Ostracism, Sycophancy, and Deception of the Demos: [Arist.] Ath. pol. 43,5 // ClQ. 1992. V. 42. № 2. P. 336—346.
307. *Clauss M.* Sparta: Eine Einführung in seine Geschichte und Zivilisation. München, 1983.
308. *Cloché P.* La politique des Alcméonides de 507 a 482 av. J. -C. // REA. 1928. V. 30. № 4. P. 269—279.
309. *Cohen D.* Demosthenes' Against Meidias and Athenian Litigation // Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 154—164.
310. *Cole J. R.* Cimon's Dismissal, Ephialtes' Revolution and the Peloponnesian Wars // GRBS. 1974. V. 15. № 4. P. 369—385.
311. *Connor W. R.* The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971.
312. *Connor W. R.* Lycomedes against Themistocles? A Note on Intragenos Rivalry // Historia. 1972. Bd. 21. Ht. 4. S. 569—574.
313. *Connor W. R.* Tribes, Festivals and Processions: Civic Ceremonial and Political Manipulation in Archaic Greece // JHS. 1987. V. 107. P. 40—50.
314. *Connor W. R.* Theseus and his City // RPGAW. P. 115—120.
315. *Connor W. R., Keaney J. J.* Theophrastus on the End of Ostracism // AJPh. 1969. V. 90. № 3. P. 313—319.

316. *Cook R. M.* Greek Painted Pottery. L., 1966.
317. *Cook R. M.* The Francis — Vickers Chronology // JHS. 1989. V. 109. P. 164—170.
318. *Corbett P., Woodhead A. G.* A Forger of Graffiti // ABSA. 1955. №. 50. P. 251—265.
319. *Cornford F. M.* The Origin of Attic Comedy. 2 ed. Cambridge, 1934.
320. *Cox C. A.* Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth-Century Athens // ClJ. 1989. V. 85. № 1. P. 34—46.
321. *Croiset M.* Aristophanes and the Political Parties at Athens. L., 1909.
322. *Cromey R. D.* Kleisthenes' Fate // Historia. 1979. Bd. 28. Ht. 2. S. 129—147.
323. *Cromey R. D.* On Deinomache // Historia. 1984. Bd. 33. Ht. 4. S. 385—401.
324. *Cromey R. D.* The Mysterious Woman of Kleitor: Some Corrections to a Manuscript Once in Plutarch's Possession // AJPh. 1991. V. 112. № 1. P. 87—101.
325. *Culasso Gastaldi E.* Il doppio ostracismo di Megakles Hippokratous // Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. 1997. V. 8. Fasc. 2. P. 253—271.
326. *Cuvigny H., Hussein A., Wagner G.* Les ostraca grecs d'Aïn Waqfa (Oasis de Kharga). Le Caire, 1993.
327. *Darbo-Peschanski C.* Condition humaine, condition politique: Fondements de la politique dans la Grèce archaïque et classique // Annales: Histoire, sciences sociales. 1996. V. 51. № 4. P. 711—732.
328. *Daverio Rocchi G.* Politica di famiglia e politica di tribù nella polis ateniese (V secolo) // Acme. 1971. V. 24. Fasc. 1. P. 13—44.
329. *Davie J. N.* Theseus the King in Fifth-Century Athens // G&R. 1982. V. 29. №. 1. P. 25—34.
330. *Davies J. K.* Athenian Propertied Families, 600—300 B. C. Oxf., 1971.
331. *Davies J. K.* Democracy without Theory // Herodotus and his World. Oxf., 2003. P. 319—335.
332. *Defradas J.* Les thèmes de la propagande delphique. P., 1954.
333. *Delcourt M.* Périclès. P., 1939.
334. *Del Grande C.* Hybris: Colpa e castigo nell'espressione poetica e letteraria degli scrittori della Grecia antica (da Omero a Cleante). Napoli, 1947.
335. *Delvoye Ch.* Art et politique a Athènes a l'époque de Cimon // Le monde grec: Hommages a Claire Préaux. Bruxelles, 1978. P. 801—807.
336. *Denisova V. I.* Gorgoneion Skyphos from Olbia // Археологические вести. 1999. № 6. С. 160—162.
337. *De Sanctis G.* Da Clistene a Temistocle // RFIC. 1924. V. 52. Fasc. 3. P. 289—306.
338. *De Sanctis G.* Pericle. Milano, 1944.
339. *Develin B., Kilmer M.* What Kleisthenes Did // Historia. 1997. Bd. 46. Ht. 1. S. 3—18.
340. *Develin R.* Cleisthenes and Ostracism: Precedents and Intentions // Antich-

thon. 1977. V. 11. P. 10—21.
341. *Develin R.* Bouleutic Ostracism Again // Antichthon. 1985. V. 19. P. 7—15.
342. *Develin R.* Philochoros on Ostracism // Civilta classica e cristiana. 1985. V. 6. P. 25—31.
343. *Develin R.* Laispodias Andronymios // JHS. 1986. V. 106. P. 184.
344. *Develin R.* Athenian Officials 684—321 BC. Cambridge, 1989.
345. *Dickie M. W.* Pindar's Seventh Pythian and the Status of the Alcmaeonids as *oikos* or *genos* // Phoenix. 1979. V. 33. № 3. P. 193—209.
346. *Dirat M.* L'hybris dans la tragédie grecque. Lille, 1973.
347. *Dittenberger W.* Die Familie des Alkibiades // Hermes. 1902. Bd. 37. Ht. 1. S. 1—13.
348. *Doenges N. A.* Ostracism and the *Boulai* of Kleisthenes // Historia. 1996. Bd. 45. Ht. 4. S. 387—404.
349. *Doenges N. A.* The Campaign and Battle of Marathon // Historia. 1998. Bd. 47. Ht. 1. S. 1—17.
350. *Donlan W.* The Relations of Power in the Pre-state and Early State Polities // DPAG. P. 39—49.
351. *Dover K. J.* Androtion on Ostracism // ClR. 1963. V. 13. № 3. P. 256—257.
352. *Dow S.* The Purported Decree of Themistokles: Stele and Inscription // AJA. 1962. V. 64. № 4. P. 353—368.
353. *Dreher M.* Verbannung ohne Vergehen: Der Ostrakismos (das Scherbengericht) // GPAA. S. 66—77.
354. *Dreyer B.* Wann endet die klassische Demokratie Athens? // AS. 2001. V. 31. P. 27—66.
355. *Dugas Ch.* L'évolution de la légende de Thésée // REG. 1943. v. 56. P. 1—24.
356. *Eder B.* T 10. Aristophanes in Schol. Aristoph. Vesp. 947 a (427—414 v. Chr.): die Ostrakisierung des Thukydides Melesiou (443 V. Chr.?) // OT. S. 220—222.
357. *Eder B.* T (?) 13. Aristophanes fr. 661 PCG III 2 (ca. 416 v. Chr. ?): Ostrakisierung eines «Dummkopfs», vielleicht des Hyperbolos (416 v. Chr.) // OT. S. 240—242.
358. *Eder B.* T 27. Demosthenes 23, 204 f. (352/1 V. Chr.): die Ostrakisierung des Themistokles wegen Überheblichkeit (470 V. Chr.) // OT. S. 368—372.
359. *Eder B.* T 34. Aristoteles, Pol. 3, 1284a17—37 (ca. 347—335 v. Chr.): Ostrakismos dient zur Wiederherstellung demokratischer Gleichheit // OT. S. 421—427.
360. *Eder B., Heftner H.* T 18—21. [Andokides] 4, Gegen Alkibiades. Vorbemerkungen: Verfasserschaft und Abfassungszeit der Rede // OT. S. 277—282.
361. *Eder B., Heftner H.* T 18. [Andokides] 4, 2—8 (ca. 400—395 V. Chr.): politische und verfassungsrechtliche Kritik an der Institution des Ostrakismos (416 v. Chr.) // OT. S. 283—301.
362. *Eder W.* The Political Significance of the Codification of Law in Archaic Societies: An Unconventional Hypothesis // Social Struggles in Archaic

Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders. Berkeley, 1986. P. 262—300.
363. *Eder W.* Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Krise oder Vollendung? // AD. S. 11—28.
364. *Ehrenberg V.* Sophocles and Pericles. Oxf., 1954.
365. *Ehrenberg V.* The People of Aristophanes. N. Y., 1962.
366. *Ehrenberg V.* Polis und Imperium: Beiträge zur alten Geschichte. Zürich; Stuttgart, 1965.
367. *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates: Greek History and Civilization during the 6th and 5th Centuries B. C. L., 1968.
368. *Eliot C. W.* Where did the Alkmaionidai Live? // Historia. 1967. Bd. 16. Ht. 3. S. 279—286.
369. *Ellis W. M.* Alcibiades. L.; N. Y., 1989.
370. *Errington R. M.* Ἐκκλησία κυρία in Athens // Chiron. 1994. Bd. 24. S. 135—160.
371. *Fehling D.* Herodotus and his «Sources»: Citation, Invention and Narrative Art. Leeds, 1989.
372. *Fell M.* Kimon und die Gebeine des Theseus // Klio. 2004. Bd. 86. Ht. 1. S. 15—54.
373. *Feraboli S.* Lingua e stile della orazione «Contro Alcibiade» attribuita al Andocide // SIFC. 1972. V. 44. P. 5—37.
374. *Feraboli S.* Ancora sulla IV orazione del Corpus andocideum // Maia. 1974. V. 26. Fasc. 3. P. 245—246.
375. *Ferguson W. S.* The Salaminioi of Heptaphylai and Sounion // Hesperia. 1938. V. 7. № 1. P. 1—74.
376. *Ferrarese P.* Caratteri della tradizione antipericlea nella «Vita di Pericle» di Plutarco // CISA. 1975. V. 3. P. 21—30.
377. *Figueira T. J.* Xanthippos, Father of Pericles, and the Prutaneis of the Naukraroi // Historia. 1986. Bd. 35. Ht. 3. S. 257—279.
378. *Figueira T. J.* Residential Restrictions on the Athenian Ostracized // GRBS. 1987. V. 28. № 3. P. 281—305.
379. *Finley M. I.* Early Greece: The Bronze and Archaic Ages. L., 1981.
380. *Finley M. I.* Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983.
381. *Flaceliure R.* Sur quelques points obscures de la vie de Thémistocle // REA. 1953. V. 55. № 1/2. P. 5—28.
382. *Flach D.* Der oligarchische Staatsstreich in Athen vom Jahr 411 // Chiron. 1977. Bd. 7. S. 11—33.
383. *Fontenrose J.* The Hero as Athlete // CSCA. 1968. V. 1. P. 73—104.
384. *Forbes C. A.* Ostrakinda // RE. Hlbd. 36. 1943. Sp. 1673.
385. *Fornara Ch. W.* A Note on Ἀθπ. 22 // ClQ. 1963. V. 13. № 1. P. 101—104.
386. *Fornara Ch. W.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971.
387. *Fornara Ch. W.* Themistocles' Archonship // Historia. 1971. Bd. 20. Ht. 5/6. S. 534—540.

388. *Fornara Ch. W., Samons L. J.* Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991.
389. *Forrest W. G.* Themistokles and Argos // ClQ. 1960. V. 10. № 2. P. 221—241.
390. *Forrest W. G.* The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800—400 B. C. L., 1966.
391. *Forsdyke S.* Greek History c. 525—480 B. C // Brill's Companion to Herodotus. Leiden, 2002. P. 521—549.
392. *Fossey J. M.* The Study of Ancient Greek Prosopography. Chicago, 1991.
393. *Francis E. D., Vickers M.* Kaloi, Ostraka and the Wells of Athens // AJA. 1982. V. 86. № 2. P. 264.
394. *Frazer J. G.* The Golden Bough. V. 6. 3 ed. L., 1920.
395. *Frost F. J.* Pericles, Thucydides, Son of Melesias, and Athenian Politics before the War // Historia. 1964. Bd. 13. Ht. 4. S. 385—399.
396. *Frost F. J.* Themistocles' Place in Athenian Politics // CSCA. 1968. V. 1. P. 105—124.
397. *Frost F. J.* Themistocles and Mnesiphilus // Historia. 1971. Bd. 20. Ht. 1. S. 20—25.
398. *Frost F. J.* Tribal Politics and the Civic State // American Journal of Ancient History. 1976. V. 1. № 2. P. 66—75.
399. *Frost F. J.* Plutarch's Themistocles: A Historical Commentary. Princeton, 1980.
400. *Frost F. J.* Faith, Authority, and History in Early Athens // RPAGW. P. 83—89.
401. *Funke P.* Wendezeit und Zeitwende: Athens Aufbruch zur Demokratie // GEGW. S. 1—16.
402. *Fuqua C.* Possible Implications of the Ostracism of Hyperbolus // TAPhA. 1965. V. 96. P. 165—179.
403. *Furley W. D.* Andokides IV («Against Alkibiades»): Fact or Fiction? // Hermes. 1989. Bd. 117. Ht. 2. S. 138—156.
404. *Fuscagni S.* La condanna di Temistocle e l'*Aiace* di Sofocle // Istituto lombardo. Accademia di scienze e lettere. Rendiconti. Classe di lettere e scienze morali e storiche. 1979. V. 113. P. 167—187.
405. *Gagarin M.* The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // TAPhA. 1981. V. 111. P. 71—77.
406. *Galli F.* Aspetti della politica interna ed estera degli Alcmeonidi // QUCC. 1971. V. 11. P. 65—76.
407. *Gauthier Ph.* Quorum et participation civique dans les démocraties grecques // Cahiers du Centre Glotz. 1990. V. 1. P. 73—99.
408. *Gebhard V.* Die Pharmakoi in Ionien und die Sybackhoi in Athen. München, 1926.
409. *Gehrke H. J.* Der Nomosbegriff der Polis // Nomos und Gesetz: Ursprünge und Wirkungen des griechischen Gesetzesdenkens. Göttingen, 1995. S. 13—35.

410. *Georges P.* Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore, 1994.
411. *Gerner E.* Παρανόμων γραφή // RE. Hlbd. 36. 1949. Sp. 1281—1293.
412. *Ghinatti F.* I gruppi politici ateniesi fino alle guerre persiane. R., 1970.
413. *Gillis D.* Marathon and the Alcmaeonids // GRBS. 1969. V. 10. №. 2. P. 133—145.
414. *Gillis D.* Collaboration with the Persians. Wiesbaden, 1979.
415. *Giuliani A.* Riflessi storiografici dell'opposizione a Pericle allo scoppio della guerra del Peloponneso // CISA. 1999. V. 25. P. 24—40.
416. *Gomme A. W.* Athenian Notes. 1. Athenian Politics, 510—483 B. C. // AJPh. 1944. V. 65. № 4. P. 321—331.
417. *Gomme A. W.* Ostracism // OCD. P. 630.
418. *Gomme A. W.* A Historical Commentary on Thucydides. V. 1. Oxf., 1950.
419. *Gomme A. W.* The Population of Athens Again // JHS. 1959. V. 79. P. 61—68.
420. *Gomme A. W.* The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B. C. Repr. ed. Westport, 1986.
421. *Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J.* A Historical Commentary on Thucydides. V. 4. Oxf., 1970. V. 5. Oxf., 1981.
422. *Goossens R.* Le texte d'Aristote, Constitution d'Athènes, XXII, 8, et l'obligation de résidence des Athéniens ostracisés // Chronique d'Égypte. 1945. № 39/40. P. 125—138.
423. *Gouščhin V.* Athenian Synoikism of the Fifth Century B. C., or Two Stories of Theseus // G&R. 1999. V. 46. № 2. P. 168—187.
424. *Gouščhin V.* Pisistratus' Leadership in A. P. 13. 4 and the Establishment of the Tyranny of 561/60 B. C. // ClQ. 1999. V. 49. №. 1. P. 14—23.
425. *Graf D. F.* Greek Tyrants and Achaemenid Politics // The Craft of the Ancient Historian. Lanham, 1985. P. 79—123.
426. *Grasmück E. L.* Exilium: Untersuchungen zur Verbannung in der Antike. Paderborn, 1978.
427. *Greenhalgh P. A. L.* Aristocracy and its Advocates in Archaic Greece // G&R. 1972. V. 19. № 2. P. 190—207.
428. *Gregor J.* Perikles: Griechenlands Grösse und Tragik. München, 1938.
429. *Gribble D.* Rhetoric and Histoty in [Andocides] 4, Against Alcibiades // ClQ. 1997. V. 47. № 2. P. 367—391.
430. *Grimanis P.* T (?) 14. Unbekannter Komödiendichter (adesp. fr. 363 PCG VIII; ca. 416 v. Chr.?) nennt den Ostrakismos eine «Peitsche aus Tonscherben», wohl für Hyperbolos (416 v. Chr.) // OT. S. 243—246.
431. *Grimanis P., Heftner H.* T 12. Plato Comicus fr. 203 GCG VII (um 415 v. Chr.): Hyperbolos wird trotz seiner Unwürdigkeit ostrakisiert (416 v. Chr.) // OT. S. 227—239.
432. *Grube G. M. A.* Euripides and the Gods // Euripides. A Collection of Critical Essays. Englewood Cliffs, 1968. P. 34—50.
433. *Guarducci M.* Epigrafia greca. V. 2. R., 1969.
434. *Habicht Chr.* Beiträge zur Prosopographie der altgriechischen Welt //

Chiron. 1972. Bd. 2. S. 103—134.
435. *Hackl U.* Die oligarchische Bewegung in Athen am Ausgang des 5. Jahrhunderts v. Chr. Diss. München, 1960.
436. *Hafner G.* Anakreon und Xanthippos // JDAI. 1956. Bd. 1. S. 1—28.
437. *Hahn I.* Zur Echtheitsfrage der Themistokles-Inschrift // Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. 1965. V. 13. Fasc. 1/2. P. 27—39.
438. *Hall L. G. H.* Remarks on the Law of Ostracism // Tyche. 1989. Bd. 4. S. 91—100.
439. *Hall L. G. H.* Ephialtes, the Areopagus and the Thirty // ClQ. 1990. V. 40. № 2. P. 319—329.
440. *Hamel D.* Athenian Generals: Military Authority in the Classical Period. Leiden, 1998.
441. *Hameter W.* T 22. Lysias 14, 39 (ca. 395 v. Chr.): die zweifache Ostrakisierung des Alkibiades d. Ä. und des Megakles // OT. S. 327—333.
442. *Hameter W.* T 35. Aristoteles, Pol. 3, 1284b15—30 (ca. 347—340 v. Chr.): der Ostrakismos hat staatstheoretisch eine gewisse Berechtigung, aber nicht als Instrument von Parteikämpfen // OT. S. 428—431.
443. *Hammond N. G. L.* A History of Greece to 322 B. C. Oxf., 1959.
444. *Hammond N. G. L.* The Narrative of Herodotus VII and the Decree of Themistocles at Troezen // JHS. 1982. V. 102. P. 75—93.
445. *Hands A. R.* Ostraka and the Law on Ostracism — Some Possibilities and Assumptions // JHS. 1959. V. 79. P. 69—79.
446. *Hands A. R.* On Strategy and Oracles, 480/79 // JHS. 1965. V. 85. P. 56—61.
447. *Hansen M. H.* The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B. C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals. Odense,1974.
448. *Hansen M. H.* Eisangelia: The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B. C. and the Impeachment of Generals and Politicians. Odense, 1975.
449. *Hansen M. H.* The Athenian Ecclesia: A Collection of Articles 1976—1983. Copenhagen, 1983.
450. *Hansen M. H.* The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987.
451. *Hansen M. H.* Demography and Democracy Once Again // ZPE. 1988. Bd. 75. S. 189—193.
452. *Hansen M. H.* Three Studies in Athenian Demography. Copenhagen, 1988.
453. *Hansen M. H.* The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983—1989. Copenhagen, 1989.
454. *Hansen M. H.* Was Athens a Democracy? Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought. Copenhagen, 1989.
455. *Hansen M. H.* The Political Powers of the People's Court in Fourth-Century Athens // GC. P. 215—243.
456. *Hansen M. H.* Die athenische Demokratie im Zeitalter des Demosthenes: Struktur, Prinzipien und Selbstverständnis. B., 1995.

457. *Hanson V.* The Classical Greek Warrior and the Egalitarian Military Ethos // Ancient World. 2000. V. 71. № 2. P. 111—126.
458. *Harding Ph.* Atthis and Politeia // Historia. 1977. Bd. 26. Ht. 2. S. 148—160.
459. *Harding Ph.* Androtion and the Atthis. Oxf., 1994.
460. *Harris W. V.* Ancient Literacy. Cambridge Mass., 1989.
461. *Harrison A. R. W.* Law-making at Athens at the End of the Fifth Century B. C. // JHS. 1955. V. 75. P. 26—35.
462. *Harvey F. D.* Literacy in the Athenian Democracy // REG. 1966. V. 79. P. 585—635.
463. *Harvey F. D.* The Conspiracy of Agasias and Aischines (Plutarch, Aristeides 13) // Klio. 1984. Bd. 66. Ht. 1. S. 58—73.
464. *Hatzfeld J.* Alcibiade. Étude sur l'histoire d'Athènes a la fin du Ve siècle. P., 1940.
465. *Hedrick Ch. W.* Writing and the Athenian Democracy // Bd. P. 7—11.
466. *Hedrick Ch. W.* Writing, Reading, and Democracy // RFP. P. 157—174.
467. *Heftner H.* Ps.-Andokides' Rede gegen Alkibiades ([And.] 4) und die politische Diskussionen nach dem Sturz der «Dreißig» in Athen // Klio. 1995. Bd. 77. S. 75—104.
468. *Heftner H.* Der κεραμεὺς Λυκοῦργος von Hesychios κ 2265 Latte (= fr. Com. Adesp. 362 K.-A.): ein Komödienwitz über den Ostrakismos? // ZPE. 1997. Bd. 119. S. 13—19.
469. *Heftner H.* Der Ostrakismos des Hyperbolos: Plutarch, Pseudo-Andokides und die Ostraka // RhM. 2000. Bd. 145. S. 32—59.
470. *Heftner H.* Zur Datierung der Ostrakisierung des Hyperbolos // RSA. 2000. V. 30. P. 27—45.
471. *Heftner H.* Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v. Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen. Frankfurt am Main, 2001.
472. *Heftner H.* Die pseudo-andokideische Rede «Gegen Alkibiades» ([And.] 4) — ein authentischer Beitrag zu einer Ostrakophoriedebatte des Jahres 415 v. Chr.? // Philologus. 2001. Bd. 145. Ht. 1. S. 39—56.
473. *Heftner H.* T (?) 5. Unbekannter Komödiendichter (CAF Adesp. 40; 455—431 v. Chr.): Anspielung auf den Aufenthalt athenischer Ostrakisierter in Aigina? // OT. S. 184—192.
474. *Heftner H.* T 19. [Andokides] 4, 32—37 (ca. 400—395 v. Chr.): die Ostrakisierungen des Kallias Didymiou, Kimon, Megakles und Alkibiades d. Ä. rechtfertigen diejenige des jüngeren Alkibiades, nicht des Sprechers // OT. S. 302—316.
475. *Heftner H.* T 18—21. [Andokides] 4: zusammenfassende Betrachtung der Ostrakismos-Zeugnisse // OT. S. 322—326.
476. *Heftner H.* T 34—38. Aristoteles, Politika. Vorbemerkung: die Abfassungszeiten der Ostrakismos-Testimonien // OT. S. 417—420.
477. *Heftner H.* T 34—38. Aristoteles, Politika. Zusammenfassende Betrachtung

der Ostrakismos-Zeugnisse // OT. S. 444—446.
478. *Heftner H.* Ende und «Nachleben» des Ostrakismos in Athen // Historia. 2003. Bd. 52. Ht. 1. S. 23—38.
479. *Heftner H., Scheidel W., Siewert P.* Zusammenfassende Auswertung der vorhellenistischen Testimonien // OT. S. 479—509.
480. *Heidbüchel F.* Die Chronologie der Peisistratiden in der Atthis // Philologus. 1957. Bd. 101. Ht. 1/2. S. 70—89.
481. *Helly B.* La glose d'Hésychius Μενωνίδαι: pénestes thessaliens ou ostracisés athéniens? // RPLHA. 1994. V. 68. № 1/2. P. 135—146.
482. *Henderson J.* The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy. 2 ed. Oxf., 1991.
483. *Henry M. M.* Prisoner of History: Aspasia of Miletus and her Biographical Tradition. Oxf., 1995.
484. *Herman G.* Nikias, Epimenides and the Question of Omissions in Thucydides // ClQ. 1989. V. 39. № 1. P. 83—93.
485. *Herman G.* Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // ClQ. 1990. V. 40. № 2. P. 349—363.
486. *Herman G.* Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens // AD. S. 43—60.
487. *Heuss A.* Vom Anfang und Ende «archaischer» Politik bei den Griechen // Gnomosyne: Menschliches Denken und Handeln in der frühgriechischen Literatur. München, 1981. S. 1—29.
488. *Hignett C.* A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B. C. Oxf., 1952.
489. *Hill G. F.* Ancient Greek and Roman Coins. Chicago, 1964.
490. *Hodge A. T.* Reflections on the Shield at Marathon // ABSA. 2001. V. 96. P. 237—259.
491. *Hodge A. T., Losada L. A.* The Time of the Shield Signal at Marathon // AJA. 1970. V. 74. № 1. P. 31—36.
492. *Hölkeskamp K.-J.* Written Law in Archaic Greece // Proceedings of the Cambridge Philological Society. 1992. V. 38. P. 87—117.
493. *Hölkeskamp K.-J.* Parteiungen und politische Willensbildung im demokratischen Athen: Perikles und Thukydides, Sohn of Melesias // HZ. 1998. Bd. 267. Ht. 1. S. 1—27.
494. *Hölkeskamp K.-J.* Schiedsrichter, Gesetzgeber und Gesetzgebung im archaischen Griechenland. Stuttgart, 1999.
495. *Holladay J.* Medism at Athens, 508—480 B. C. // G&R. 1978. V. 25. №. 2. P. 174—191.
496. *Hommel H.* Petalismos // RE. HlBd. 37. 1937. Sp. 1117—1119.
497. *Homo L.* Périclès: Une expérience de démocratie dirigée. P., 1954.
498. *Hornblower S.* A Commentary on Thucydides. V. 1. Oxf., 1992. V. 2. Oxf., 1996.
499. *Hornblower S.* The Greek World 479—323 B. C. 3 ed. L.; N. Y., 2002.
500. *How W. W., Wells J.* A Commentary on Herodotus with Introduction and

Appendixes. V. 2. Oxf., 1912.
501. *Howgego Chr.* Ancient History from Coins. L.; N. Y., 1995.
502. *Hudson H. G.* The Shield Signal at Marathon // American Historical Review. 1937. V. 42. № 3. P. 443—459.
503. *Humphreys S. C.* The Evolution of Legal Process in Ancient Attica // Tria Corda: Scritti in onore di A. Momigliano. Como, 1983. P. 229—256.
504. *Humphreys S. C.* A Historical Approach to Drakon's Law on Homicide // Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 17—45.
505. *Hunter V. J.* Policing Athens: Social Control in the Attic Lawsuits, 420—320 B. C. Princeton, 1994.
506. *Jacoby F.* Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxf., 1949.
507. *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 3b. A Commentary on the Ancient Historians of Athens. V. 1—2. Leiden, 1954.
508. *Jameson M. H.* A Decree of Themistokles from Troizen // Hesperia. 1960. V. 29. № 2. P. 198—223.
509. *Jameson M. H.* The Provisions for Mobilization in the Decree of Themistokles // Historia. 1963. Bd. 12. Ht. 4. S. 385—404.
510. *Jameson M. H.* Sophocles and the Four Hundred // Historia. 1971. Bd. 20. Ht. 5/6. P. 541—568.
511. *Jameson M. H.* Antony Erich Raubitschek, 1912—1999 // AJA. 1999. V. 103. №. 4. P. 697—698.
512. *Jeffery L. H.* The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf., 1969.
513. *Jeffery L. H.* Archaic Greece: The City-States c. 700—500 B. C. L., 1978.
514. *Jones J. W.* The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction. Oxf., 1956.
515. *Jones N. F.* The Associations of Classical Athens: The Response to Democracy. N. Y.; Oxf., 1999.
516. *Kagan D.* The Origin and Purposes of Ostracism // Hesperia. 1961. V. 30. №. 4. P. 393—401.
517. *Kagan D.* The Enfranchisement of Aliens by Cleisthenes // Historia. 1963. Bd. 12. Ht. 1. S. 41—46.
518. *Kagan D.* The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition. Ithaca, 1981.
519. *Kagan D.* The Fall of the Athenian Empire. Ithaca, 1987.
520. *Kahrstedt U.* Studien zum öffentlichen Recht Athens. Teil 2. Stuttgart, 1936.
521. *Karavites P.* Cleisthenes and Ostracism Again // Athenaeum. 1974. V. 52. №. 3/4. P. 326—335.
522. *Karavites P.* Realities and Appearances, 490—480 B. C. // Historia. 1977. Bd. 26. Ht. 2. S. 129—147.
523. *Karpyuk S.* Crowd in Archaic and Classical Greece // Hyperboreus. 2000. V. 6. Fasc. 1. P. 79—102.
524. *Keaney J. J.* The Text of Androtion F6 and the Origin of Ostracism // Historia. 1970. Bd. 19. Ht. 1. S. 1—11.

525. *Keaney J. J.* Androtion F6 Again // Historia. 1976. Bd. 25. Ht. 4. S. 480—482.
526. *Keaney J. J.* Theophrastus on Ostracism and the Character of his NOMOI // AA. P. 261—278.
527. *Keaney J. J.* Androtion F6 and Methodology // Klio. 1995. Bd. 77. S. 126—131.
528. *Keaney J. J., Raubitschek A. E.* A Late Byzantine Account of Ostracism // AJPh. 1972. V. 93. №. 1. P. 87—91.
529. *Kelly D. H.* The Athenian Archonship 508/7 — 487/6 B. C. // Antichthon. 1978. V. 12. P. 1—17.
530. *Kelly T.* A History of Argos to 500 B. C. Minneapolis, 1976.
531. *Kennelly J. J.* Archaisms in the Troizen Decree // ClQ. 1990. V. 40. №. 2. P. 539—541.
532. *Kienast D.* Der innenpolitische Kampf in Athen von der Rückkehr des Thukydides bis zu Perikles' Tod // Gymnasium. 1953. Bd. 60. Ht. 3. S. 210—229.
533. *Kienast D.* Die innenpolitische Entwicklung Athens im 6. Jahrhundert und die Reformen von 508 // HZ. 1965. Bd. 200. Ht. 2. S. 265—283.
534. *Kinzl K. H.* Athens: Between Tyranny and Democracy // GEM. P. 199—223.
535. *Kinzl K. H.* Androtion's Dating of Ostrakismos // AHB. 1991. V. 5. №. 4. P. 109—111.
536. *Kinzl K. H.* AP 22. 4: The Sole Source of Harpokration on the Ostrakismos of Hipparkhos Son of Kharmos // Klio. 1991. Bd. 73. Ht. 1. S. 28—45.
537. *Kluwe E.* Attische Adelsgeschlechter und ihre Rolle als Auftraggeber in der bildenden Kunst der spätarchaischen und frühklassischen Zeit // Der Mensch als Mass der Dinge. B., 1976. S. 29—63.
538. *Knibbe K.* T 7. Kratinos fr. 73 PCG IV (ca. 435—430 v. Chr.): Gefahr des Ostrakisierung für Perikles (vor 431 v. Chr.) // OT. S. 205—209.
539. *Knigge U.* Kerameikos 1968—69 // ΑΔ. 1970. T. 25. Μέρος Β΄1. Σ. 31—39.
540. *Knigge U.* Neue Scherben von Gefässen des Kleophrades-Malers // MDAI(A). 1970. Bd. 85. S. 1—22.
541. *Knigge U.* Der Kerameikos von Athen. Athen, 1981.
542 *Knight D. W.* Some Studies in Athenian Politics in the Fifth Century B. C. Wiesbaden, 1970.
543. *Knox R.A.* «So Mischievous a Beaste»? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // G&R. 1985. V. 32. №. 2. P. 132—161.
544. *Kolb F.* Die Bau-, Religions- and Kulturpolitik der Peisistratiden // JDAI. 1977. Bd. 92. S. 99—138.
545. *Kolb F.* Agora und Theater, Volks- und Festversanmmlung. B., 1981.
546. *Konishi H.* Thucydides' Method in the Episodes of Pausanias and Themistocles // AJPh. 1970. V. 91. №. 1. P. 52—69.
547. *Körte A.* Zum attischen Scherbengericht // MDAI(A). 1922. Bd. 47. S. 1—7.
548. *Kraus W.* Aristophanes-Spiegel einer Zeitwende // Aristophanes und die alte Komödie. Darmstadt, 1975. S. 435—458.
549. *Krentz P.* The Ostracism of Thoukydides, Son of Melesias // Historia. 1984.

Bd. 33. Ht. 4. S. 499—504.
550. *Kritzas Ch. B.* Aspects de la vie politique et économique d'Argos au Ve siècle avant J.-C. // Polydipsion Argos: Argos de la fin des palais mycéniens a la constitution de l'État classique. P., 1992. P. 232—240.
551. *Labarbe J.* La loi navale de Thémistocle. P., 1957.
552. *Lambrinoudakis V. K.* Argolida: Archaeological Sites and Museums. Athens, s. a.
553. *Lang M.* Graffiti and Dipinti (The Athenian Agora. V. 21). Princeton, 1976.
554. *Lang M.* Ostraka (The Athenian Agora. V. 25). Princeton, 1990.
555. *Lang M.* Pinakia // *Boegehold A. L. et al.* The Lawcourts... P. 59—64.
556. *Larsen J. A. O.* Cleisthenes and the Development of the Theory of Democracy at Athens // Essays in Political Theory Presented to G. H. Sabine. Ithaca, 1948. P. 1—16.
557. *Larsen J. A. O.* The Origin and Significance of the Counting of Votes // ClPh. 1949. V. 44. №. 3. P. 164—181.
558. *Lavelle B. M.* A Note on Perischoinisma // RFIC. 1982. V. 110. Fasc. 2. P. 129—139.
559. *Lavelle B. M.* A Note on the first Three Victims of Ostracism (Ἀθηναίων Πολιτεία 22. 4) // ClPh. 1988. V. 83. №. 2. P. 131—135.
560. *Lavelle B. M.* Koisyra and Megakles, the Son of Hippokrates // GRBS. 1989. V. 30. №. 4. P. 503—513.
561. *Lavelle B. M.* The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560—510 B. C. Stuttgart, 1993.
562. *Lazenby J. F.* The Defence of Greece 490—479 B. C. Warminster, 1993.
563. *Lazzarini M. L.* La scrittura nella città: iscrizioni, archivi e alfabetizzazione // I Greci: Storia, cultura, arte, società. V. 2. II. Torino, 1997. P. 725—750.
564. *Lebedev A.* Pharnabazos, the Diviner of Hermes. Two Ostraka with Curse Letters from Olbia // ZPE. 1996. Bd. 112. S. 268—271.
565. *Legon R. P.* Megara: The Political History of a Greek Cite-State to 336 B. C. Ithaca, 1981.
566. *Lehmann G. A.* Der Ostrakismos-Entscheid in Athen: vom Kleisthenes zur Ära des Themistokles // ZPE. 1981. Bd. 41. S. 85—99.
567. *Lehmann G. A.* Überlegungen zur Krise der athenischen Demokratie im Peloponnesischen Krieg: vom Ostrakismos des Hyperbolos zum Thargelion 411 V. Chr. // ZPE. 1987. Bd. 69. S. 33—73.
568. *Lehmann G. A.* Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v. Chr. // AD. S. 139—150.
569. *Lehmann G. A.* Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr. Opladen, 1997.
570. *Lenardon R. J.* The Chronology of Themistokles' Ostracism and Exile // Historia. 1959. Bd. 8. Ht. 1. S. 23—48.
571. *Lenardon R. J.* The Saga of Themistocles. L., 1978.
572. *Lendon J. E.* Spartan Honor // PaP. P. 105—126.

573. *Lenschau Th.* König Kleomenes I. von Sparta // Klio. 1938. Bd. 31. S. 412—429.
574. *Lévêque P.* La naissance de la Grèce: Des rois aux cités. P., 1990.
575. *Lévêque P., Vidal-Naquet P.* Clisthène l'Athénien. P., 1964.
576. *Levi M. A.* Commento storico alla Respublica Atheniensium di Aristotele. Milano, 1968. V. 1—2.
577. *Levi M. A.* Pericle e la democrazia ateniese. Milano, 1996.
578. *Lévy E.* Athènes devant la défaite de 404: Histoire d'une crise ideologique. P., 1976.
579. *Lewis D. M.* The Kerameikos Ostraka // ZPE. 1974. Bd. 14. S. 1—4.
580. *Lewis D. M.* Megakles and Eretria // ZPE. 1993. Bd. 96. S. 51—52.
581. *Lintott A.* Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City, 750—330 B. C. Baltimore, 1982.
582. *Lissarrague F.* L'immagine dello straniero ad Atene // I Greci: Storia, cultura, arte, società. V. 2. II. Torino, 1997. P. 937—958.
583. *Littman R. J.* Kinship and Politics in Athens 600—400 B. C. N. Y., 1990.
584. *Loidol N.* T 23. Polykrates bei Libanios, Decl. 1, 157 (ca. 393/2 v. Chr.): die Ostrakisierung des Damon (ca. 438—432 v. Chr.) // OT. S. 334—341.
585. *Lotze D.* Il cittadino e la partecipazione al governo della «polis» // I Greci: Storia, cultura, arte, società. V. 2. II. Torino, 1997. P. 369—401.
586. *Lotze D.* Bürger und Unfreie im vorhellenistischen Griechenland: Ausgewählte Aufsätze. Stuttgart, 2000.
587. *Lübker F.* Reallexikon des klassischen Altertums. 8 Aufl. Lpz., 1914.
588. *Lugebil K.* Ueber das Wesen und die historische Bedeutung des Ostrakismos in Athen. Lpz., 1861.
589. *McCargar D. J.* New Evidence for the Kleisthenic *Boule* // ClPh. 1976. v. 71. №. 3. P. 248—252.
590. *MacDowell D. M.* Aristophanes and Athens: An Introduction to the Plays. Oxf., 1994.
591. *McGregor M. F.* The Pro-Persian Party at Athens from 510 to 480 B. C. // Athenian Studies Presented to W. S. Ferguson. Cambridge Mass., 1940. P. 71—95.
592. *MacKendrick P.* The Athenian Aristocracy 399 to 31 B. C. Cambridge Mass., 1969.
593. *Macurdy G. H.* References to Thucydides, Son of Melesias, and to Pericles in Sophocles OT 863—910 // ClPh. 1942. V. 37. №. 3. P. 307—310.
594. *Maidment K. J.* Introduction [to Andocides IV] // Minor Attic Orators. V. 1. L., 1941. P. 534—539.
595. *Martin A.* Notes sur l'ostracisme dans Athènes. P., 1907.
596. *Martin A.* L'ostracisme athénien: un demi-siècle de découvertes et de recherches // REG. 1989. V. 102. P. 124—145.
597. *Martin J.* Von Kleisthenes zu Ephialtes: Zur Entstehung der athenischen Demokratie // Chiron. 1974. Bd. 4. S. 5—42.
598. *Martin T. R.* Sovereignty and Coinage in Classical Greece. Princeton, 1985.

599. *Masson O.* Nouvelles notes d'anthroponymie grecque // ZPE. 1992. 91. S. 107—120.
600. *Mattingly H. B.* Facts and Artifacts: The Researcher and his Tools // The University of Leeds Review. 1971. V. 14. №. 2. P. 277—297.
601. *Mattingly H. B.* Poets and Politicians in Fifth-Century Greece // GEM. P. 231—245.
602. *Mattingly H. B.* The Practice of Ostracism at Athens // Antichthon. 1991. V. 25. P. 1—26.
603. *Mattingly H. B.* New Light on the Athenian Standards Decree (ATL II, D 14) // Klio. 1993. Bd. 75. S. 99—102.
604. *Mattingly H. B.* The Athenian Empire Restored: Epigraphic and Historical Studies. Ann Arbor, 1996.
605. *Mattusch C.* The Eponymous Heroes: The Idea of Sculptural Groups // AAAD. P. 73—81.
606. *Mayer Chr.* T 26. Der Volksbeschluβ in der «Themistokles-Inschrift» von Troizen (ca. 370—350 v. Chr.): die Rückberufung der Ostrakisierten vor der Schlacht von Artemision (480 v. Chr.) // OT. S. 357—367.
607. *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B. C. Revised ed. Oxf., 1989.
608. *Meinhardt E.* Perikles bei Plutarch. Diss. Frankfurt am Main, 1957.
609. *Meister K.* Zum Zeitpunkt der Einführung des Ostrakismos // Chiron. 1971. Bd. 1. S. 85—88.
610. *Meritt B. D.* An Early Archon List // Hesperia. 1939. V. 8. №. 1. P. 59—65.
611. *Merkelbach R.* Das Distichon über den Ostrakismos des Xanthippos // ZPE. 1969. Bd. 4. S. 201—202.
612. *Merkelbach R.* Nochmals das Xanthippos-Ostrakon // ZPE. 1986. Bd. 62. S. 57—62.
613. *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. 8 Aufl. Essen, 1984. Bd. 6.
614. *Meyer H. D.* Thukydides Melesiou und die oligarchische Opposition gegen Perikles // Historia. 1967. Bd. 16. Ht. 2. S. 141—154.
615. *Miller M. C.* Athens and Persia in the Fifth Century B. C.: A Study in Cultural Receptions. Cambridge, 1997.
616. *Milne J. G.* Ostraca // OCD. P. 629—630.
617. *Mirhady D. C.* The Ritual Background to Athenian Ostracism // AHB. 1997. V. 11. №. 1. P. 13—19.
618. *Mitchell L. G., Rhodes P. J.* Friends and Enemies in Athenian Politics // G&R. 1996. V. 43. №. 1. P. 11—30.
619. *Moretti L.* Iscrizioni agonistiche greche. R., 1953.
620. *Moretti L.* Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. R., 1957.
621. *Morris I.* Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State. Cambridge, 1989.
622. *Morris I.* Death-Ritual and Social Structure in Classical Antiquity. Cambridge, 1992.
623. *Mossé C.* Die politische Prozesse und die Krise der athenischen Demokratie

// Hellenische Poleis: Krise — Wandlung — Wirkung. Bd. 1. B., 1974. S. 160—187.
624. *Mossé C.* De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique a Athènes // Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1985. V. 7. P. 9—18.
625. *Mossé C.* La démocratie grecque. P., 1986.
626. *Mossé C.* Dictionnaire de la civilisation grecque. Bruxelles, 1992.
627. *Mossé C.* La classe politique a Athènes au IVème siècle // AD. S. 67—77.
628. *Moulinier L.* Le pur et l'impur dans la pensée et la sensibilité des Grecs jusqu'a la fin du IVème siècle av. J. -C. P., 1950.
629. *Murray O.* The Affair of the Mysteries: Democracy and the Drinking Group // Sympotika: A Symposium on the Symposion. Oxf., 1990. P. 149—161.
630. *Murray O.* Cities of Reason // GC. P. 1—25.
631. *Murray O.* Early Greece. 2 ed. L., 1993.
632. *Musti D.* La chronologie du chapitre 22 de l''Αθηναίων Πολιτεία sur l'ostracisme // AA. P. 251—259.
633. *Natalicchio A.* «Μὴ μνησικακεῖν»: l'amnistia // I Greci: Storia, cultura, arte, società. V. 2. II. Torino, 1997. P. 1305—1322.
634. *Németh G.* Ostraka in Heidelberg // ZPE. 1994. Bd. 100. S. 383—384.
635. *Neumann H.* Die Politik Athens nach dem Nikiasfrieden und die Datierung des Ostrakismos des Hyperbolos // Klio. 1936. Bd. 29. S. 36—49.
636. *Nicolet C.* Cicéron, Platon et le vote secret // Historia. 1970. Bd. 19. Ht. 1. S. 39—66.
637. *Nilsson M. P.* Cults, Myths, Oracles, and Politics in Ancient Greece. Lund, 1951.
638. *Nilsson M. P.* Political Propaganda in Sixth Century Athens // Studies Presented to D. M. Robinson. St. Louis, 1953. V. 2. P. 743—748.
639. *North H. F.* A Period of Opposition to Sôphrosynê in Greek Thought // TAPhA. 1947. V. 78. P. 1—17.
640. *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989.
641. *Ober J.* Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998.
642. *Ober J.* The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999.
643. *O'Neil J. L.* The Exile of Themistokles and Democracy in the Peloponnese // ClQ. 1981. V. 31. №. 2. P. 335—346.
644. *O'Neil J. L.* The Origins and Development of Ancient Greek Democracy. Lanham, 1995.
645. *O'Neill E.* Note on Phrynichus' Phoenissae and Aeschylus' Persae // ClPh. 1942. V. 37. №. 4. P. 425—427.
646. *Oost S. I.* The Tyrant Kings of Syracuse // ClPh. 1976. V. 71. №. 3. P. 225—236.
647. *Osborne M. J., Byrne S. G.* A Lexicon of Greek Personal Names. V. 2. Attica. Oxf., 1994.

648. *Osborne R.* Demos: The Discovery of Classical Attika. Cambridge, 1985.
649. *Osborne R.* Greece in the Making, 1200—479 B. C. L.; N. Y., 1996.
650. *Osborne R.* Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens // Past & Present. 1997. №. 155. P. 3—33.
651. Ostraca ieratici / A cura di Lypez J. Fasc. 1—4. Milano, 1978—1984.
652. Ostraca Lundensia: Ostraka aus der Sammlung des Instituts für Altertumskunde an der Universität zu Lund / Hrsg. von Tsiparis Chr. Lund, 1979.
653. Ostraka da Tebtynis della Universita di Padova / Ed. Gallazzi C. Milano, 1979.
654. *Ostwald M.* Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxf., 1969.
655. *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986.
656. *Ostwald M.* The Reform of the Athenian State by Cleisthenes // CAHI. V. 4. 1988. P. 303—346.
657. *Ostwald M.* Oligarchia: The Development of a Constitutional Form in Ancient Greece. Stuttgart, 2000. P. 63—65.
658. *Palme B.* T 8. Aristophanes, Equ. 819 (424 v. Chr.): Themistokles wurde ostrakisiert und verbannt (470 v. Chr.) // OT. S. 210—215.
659. *Palme B.* T (?) 9. Aristophanes, Equ. 855—857 (424 v. Chr.): der Demos könnte gegen Kleon das Ostrakinda-Spiel durchführen (424 v. Chr.) // OT. S. 216—219.
660. *Palme B.* T 37. Aristoteles, Pol. 5, 1302b15—21 (ca. 335—323 v. Chr.): Ostrakismos als Schutz vor Tyrannis // OT. S. 435—440.
661. *Panchenko D.* Democritus' Trojan Era and the Foundations of Early Greek Chronology // Hyperboreus. 2000. V. 6. Fasc. 1. P. 31—78.
662. *Papastamati-von Moock Chr.* T 42. [Demosthenes] 26, 6 (325/4 v. Chr.): der Aufenthalt des ostrakisierten Aristeides auf Aigina bis zu seiner Wiederaufnahme durch die Athener (482—480 v. Chr.) // OT. S. 475—478.
663. *Papastavrou J.* Die politische Situation in Athen am Vorabend der Perserkriege und die auswärtige Politik Athens // Gymnasium. 1963. Bd. 70. Ht. 1. S. 11 ff.
664. *Papastavrou J.* Themistokles: Die Geschichte eines Titanen und seiner Zeit. Darmstadt, 1978.
665. *Pardini A.* Megacle, Ateniese ed Alcmeonide // QUCC. 1990. V. 34. P. 19—34.
666. *Pariente A., Piérart M., Thalmann J.-P.* Argos: Agora // Bulletin de correspondance hellénique. 1986. V. 110. № 2. P. 763—767.
667. *Parker R.* Miasma: Pollution and Purification in Early Greek Religion. Oxf., 1985.
668. *Parker V.* Zur absoluten Datierung des Leagros Kalos und der «Leagros-Gruppe» // ArchAnz. 1994. Ht. 3. S. 365—373.
669. *Pearson L.* The Local Historians of Attica. Repr. ed. Ann Arbor, 1981.
670. *Pecorella Longo Ch.* La bulé e la procedura dell'ostracismo: considerazioni su

Vat. Gr. 1144 // Historia. 1980. Bd. 29. Ht. 3. S. 257—281.
671. *Peek W.* Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos. Bd. 3). B., 1941.
672. *Pelling C. B. R.* Plutarch and Thucydides // Plutarch and the Historical Tradition. L.; N. Y., 1992. P. 10—40.
673. *Petersen J. C. W.* Quaestiones de historia gentium atticarum. Kiel, 1880.
674. *Petzold K.-E.* Geschichtsdenken und Geschichtsschreibung: Kleine Schriften zur griechischen und römischen Geschichte. Stuttgart, 1999.
675. *Pfuhl E.* Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923. Bd. 1.
676. *Phillips D. J.* Athenian Ostracism // Hellenika: Essays on Greek Politics and History. North Ryde, 1982. P. 21—43.
677. *Phillips D. J.* Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // ZPE. 1990. Bd. 83. S. 123—148.
678. *Piccirilli L.* Aristide di Egina? Per l'interpretazione degli ostraka Agora in V. P. 9945 e P 5978 // ZPE. 1983. Bd. 51. S. 169—176.
679. *Piccirilli L.* Il filolaconismo, l'incesto e l'ostracismo di Cimone // Quaderni di storia. 1984. V. 10. № 19. P. 171—177.
680. *Piccirilli L.* Temistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987.
681. *Piccirilli L.* L'ostracismo di Callia figlio di Didimia // Klio. 1996. Bd. 78. Ht. 2. S. 325—328.
682. *Piérart M.* Athènes et ses lois: Discours politiques et pratiques institutionelles // REA. 1987. V. 89. № 1/2. P. 21—37.
683. *Piérart M.* Du règne des philosophes a la souveraineté des lois // AD. S. 249—268.
684. *Piérart M.* L'attitude d'Argos a l'égard des autres cités d'Argolide // The Polis as an Urban Centre and as a Political Community. Copenhagen, 1997. P. 321—351.
685. *Piérart M.* The Common Oracle of the Milesians and the Argives // Herodotus and his World. Oxf., 2003. P. 275—296.
686. *Plommer W. H.* The Tyranny of the Archon List // ClR. 1969. V. 19. №. 2. P. 126—129.
687. *Podlecki A. J.* The Political Significance of the Athenian «Tyrannicide»-Cult // Historia. 1966. Bd. 15. Ht. 2. S. 129—141.
688. *Podlecki A. J.* Cimon, Skyros and «Theseus Bones» // JHS. 1971. V. 91. P. 141—143.
689. *Podlecki A. J.* The Life of Themistocles: A Critical Survey of the Literary and Archaeological Evidence. Montreal, 1975.
690. *Podlecki A. J.* Themistocles and Pausanias // RFIC. 1976. V. 104. Fasc. 3. P. 293—311.
691. *Polignac F. de.* La naissance de la cité grecque: Cultes, espace et société VIIIe – VIIe siècles avant J.-C. P., 1984.
692. *Polignac F. de.* Anthropologie du politique en Grèce ancienne (note critique) // Annales: Histoire, sciences sociales. 1997. V. 52. № 1. P. 31—39.
693. *Post L. A.* The Seven against Thebes as Propaganda for Pericles // Classical

Weekly. 1950. V. 44. №. 4. P. 49—52.
694. *Powell C. A.* Religion and the Sicilian Expedition // Historia. 1979. Bd. 28. Ht. 1. S. 15—31.
695. *Prandi L.* Il caso di Alcibiade. Profanazione dei Misteri e ripristino della processione eleusina // CISA. 1991. V. 17. P. 41—50.
696. *Prandi L.* I «tempi» del processo di Alcibiade nel 415 a. C. // CISA. 1996. V. 22. P. 65—70.
697. *Prestel G.* Die antidemokratische Strömung im Athen des 5. Jahrhunderts bis zum Tod des Perikles. Breslau, 1939.
698. *Pritchett W. K.* The Liar School of Herodotus. Amsterdam, 1993.
699. *Quass F.* Nomos und Psephisma: Untersuchung zum griechischen Staatsrecht. München, 1971.
700. *Raaflaub K.* Die Entdeckung der Freiheit: Zur historischen Semantik und Gesellschaftsgeschichte eines politischen Fundbegriffes der Griechen. München, 1985.
701. *Raaflaub K. A.* The Alleged Ostracism of Damon (forthcoming).
702. *Ranulf S.* Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athens: A Contribution to the Sociology of Moral Indignation. V. 1—2. Copenhagen, 1933—1934.
703. *Rapke T. T.* The Demotic of Kallias Didymiou // AC. 1974. V. 43. P. 332—333.
704. *Raubitschek A. E.* Leagros // Hesperia. 1939. V. 8. №. 2. P. 155—164.
705. *Raubitschek A. E.* The Ostracism of Xanthippos // AJA. 1947. V. 51. №. 3. P. 257—262.
706. *Raubitschek A. E.* Ostracism // Archaeology. 1948. V. 1. №. 2. P. 79—82.
707. *Raubitschek A. E.* The Case against Alcibiades (Andocides IV) // TAPhA. 1948. V. 79. P. 191—210.
708. *Raubitschek A. E.* Dedications from the Athenian Akropolis. Cambridge Mass., 1949.
709. *Raubitschek A. E.* The Origin of Ostracism // AJA. 1951. V. 55. №. 3. P. 221—229.
710. *Raubitschek A. E* Athenian Ostracism // ClJ. 1953. V. 48. №. 4. P. 113—122.
711. *Raubitschek A. E.* Ostracism // Actes du deuxième Congrès international d'épigraphie grecque et latine. P., 1953. P. 59—74.
712. *Raubitschek A. E.* Philinos // Hesperia. 1954. V. 23. №. 1. P. 68—71.
713. *Raubitschek A. E.* Damon // CM. 1955. V. 16. P. 78—83.
714. *Raubitschek A. E.* Kimons Zurückberufung // Historia. 1955. Bd. 3. Ht. 3. S. 379—380.
715. *Raubitschek A. E.* Menon, Son of Menekleides // Hesperia. 1955. V. 24. №. 4. P. 286—289.
716. *Raubitschek A. E.* Philochoros frag. 30 (Jacoby) // Hermes. 1955. Bd. 83. Ht. 1. S. 119—120.
717. *Raubitschek A. E.* Zur attischen Genealogie // RhM. 1955. Bd. 98. Ht. 3. S. 258—262.

718. *Raubitschek A. E.* (H)abronichos // ClR. 1956. V. 6. №. 3/4. P. 199—200.
719. *Raubitschek A. E.* The Gates in the Agora // AJA. 1956. V. 60. №. 3. P. 279—282.
720. *Raubitschek A. E.* Das Datislied // Charites: Studien zur Altertumswissenschaft. Bonn, 1957. S. 234—242.
721. *Raubitschek A. E.* Theophrastos on Ostracism // CM. 1958. 19. P. 73—109.
722. *Raubitschek A. E.* Die Rückkehr des Aristeides // Historia. 1959. Bd. 8. Ht. 1. S. 127—128.
723. *Raubitschek A. E.* Theopompos on Thucydides the Son of Melesias // Phoenix. 1960. V. 14. №. 2. P. 81—95.
724. *Raubitschek A. E.* Drei Ostraka in Heidelberg // ArchAnz. 1969. Bd. 84. Ht. 1. S. 107—108.
725. *Raubitschek A. E.* Aristoteles über den Ostrakismos // Tyche. 1986. Bd. 1. S. 169—174.
726. *Raubitschek A. E.* The School of Hellas: Essays on Greek History, Archaeology, and Literature. Oxf., 1991.
727. *Raubitschek A. E.* Megakles, geh nicht nach Eretria! // ZPE. 1994. Bd. 100. S. 381—382.
728. *Rausch M.* Kleisthenes, Isagoras, der Rat und das Volk: Die athenische Innenpolitik zwischen dem Sturz der Tyrannis und dem Jahr 507 v. Chr. // Chiron. 1998. Bd. 28. S. 355—369.
729. *Reinmuth O. W.* Ostrakismos // RE. Hlbd. 36. 1943. Sp. 1674—1685.
730. *Reinmuth O. W.* Ostrakismos // Der Kleine Pauly. Lief. 20. Stuttgart, 1979. Sp. 376—377.
731. *Reynolds P. K. B.* The Shield Signal at the Battle of Marathon // JHS. 1929. V. 49. №. 1. P. 100—105.
732. *Rhodes P. J.* Thucydides on Pausanias and Themistocles // Historia. 1970. Bd. 19. Ht. 4. S. 387—400.
733. *Rhodes P. J.* The Athenian Boule. Oxf., 1972.
734. *Rhodes P. J.* Ephebi, Bouleutae and the Population of Athens // ZPE. 1980. V. 38. S. 191—201.
735. *Rhodes P. J.* A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxf., 1981.
736. *Rhodes P. J.* Political Activity in Classical Athens // JHS. 1986. V. 106. P. 71—84.
737. *Rhodes P. J.* The Ostracism of Hyperbolus //RFP. P. 85—98.
738. *Rhodes P. J.* Judicial Procedures in Fourth-Century Athens: Improvement or Simply Change? // AD. S. 303—319.
739. *Rhodes P. J., Lewis D. M.* The Decrees of the Greek States. Oxf., 1997.
740. *Richter G. M. A.* Attic Red-figured Vases: A Survey. Revised ed. New Haven, 1958.
741. *Ridgway B. S.* An Issue of Methodology: Anakreon, Perikles, Xanthippos // AJA. 1998. V. 102. №. 4. P. 717—738.
742. *Rihll T. E.* Democracy Denied: Why Ephialtes Attacked the Areiopagus //

JHS. 1995. V. 115. P. 87—98.
743. *Ritoók Z.* Damon. Sein Platz in der Geschichte des ästhetischen Denkens // Wiener Studien. 2001. Bd. 114. S. 59—68.
744. *Roberts J. T.* Aristocratic Democracy: The Perseverance of Timocratic Principles in Athenian Government // Athenaeum. 1986. V. 64. Fasc. 3/4. P. 355—369.
745. *Robertson N.* Timocreon and Themistocles // AJPh. 1980. V. 101. №. 1. P. 61—78.
746. *Robinson C. A.* The Struggle for Power at Athens in the Early Fifth Century // AJPh. 1939. V. 60. № 2. P. 232—237.
747. *Robinson C. A.* Athenian Politics, 510—486 B. C. // AJPh. 1945. V. 66. №. 3. P. 243—254.
748. *Robinson C. A.* The Date of Themistocles' Ostracism // AJPh. 1946. V. 67. №. 3. P. 265—266.
749. *Robinson C. A.* Cleisthenes and Ostracism // AJA. 1952. V. 56. №. 1. P. 23—26.
750. *Robinson D. M., Fluck E. J.* A Study of the Greek Love-Names Including a Discussion of Paederasty and a Prosopographia. Baltimore, 1937.
751. *Robinson E. W.* The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart, 1997.
752. *Roisman J.* The Image of the Political Exile in Archaic Greece // AS. 1984/1986. V. 15/17. P. 23—32.
753. *Romilly J. de.* Problèmes de la démocratie grecque. P., 1975.
754. *Romilly J. de.* Rencontres avec la Grèce antique. P., 1995.
755. *Roobaert A.* L'apport des ostraka a l'étude de l'ostracisme d'Hyperbolos // AC. 1967. V. 36. № 2. P. 524—535.
756. *Rosivach V. J.* Some Fifth and Fourth Century Views on the Purpose of Ostracism // Tyche. 1987. Bd. 2. S. 161—170.
757. *Rotroff S. I., Camp J. M.* The Date of the Third Period of the Pnyx // Hesperia. 1996. V. 65. №. 3. P. 264—294.
758. *Ruggeri C.* Il processo «panellenico» di Temistocle // CISA. 1996. V. 22. P. 29—35.
759. *Runciman W. G.* Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end // GC. P. 347—367.
760. *Ruschenbusch E.* Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtung der Belange des Rechtshistorikers // Symposion 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 67—77.
761. *Ruschenbusch E.* Athenische Innenpolitik im 5. Jahrhundert v. Chr.: Ideologie oder Pragmatismus? Bamberg, 1979.
762. *Ruschenbusch E.* Stellungnahme // ZPE. 1988. Bd. 75. S. 194—196.
763. *Rutter N. K.* Syracusan Democracy: «Most Like the Athenian»? // Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient

Greece. Oxf., 2000. P. 137 ff.
764. *Sagan E.* The Honey and the Hemlock: Democracy and Paranoia in Ancient Athens and Modern America. Princeton, 1991.
765. *Salmon J.* Lopping off the Heads? Tyrants, Politics and the *Polis* // DPAG. P. 60—73.
766. *Salmon J.* Cleisthenes (of Athens) and Corinth // Herodotus and his World. Oxf., 2003. P. 219—234.
767. *Samuel A. E.* Greek and Roman Chronology: Calendars and Years in Classical Antiquity. München, 1972.
768. *Sandys J. E.* Introduction // Aristotle's Constitution of Athens: A Revised Text with an Introduction, Critical and Explanatory Notes, Testimonia and Indices. 2 ed. L., 1912. P. XVII—XCII.
769. *Sartori F.* Le eterie nella vita politica ateniese del VI e V secolo a. C. R., 1957.
770. *Schachermeyr F.* Zur Chronologie der kleisthenischen Reformen // Klio. 1932. Bd. 25. S. 334—347.
771. *Schachermeyr F.* Die frühe Klassik der Griechen. Stuttgart, 1966.
772. *Schachermeyr F.* Religionspolitik und Religiosität des Perikles. Wien, 1968.
773. *Schachermeyr F.* Perikles. Stuttgart, 1969.
774. *Schachermeyr F.* Forschungen und Betrachtungen zur griechischen und römischen Geschichte. Wien, 1974.
775. *Schaefer H.* Πρόβουλος // RE. Hlbd. 45. 1957. Sp. 1222—1231.
776. *Schaefer H.* Xanthippos (6) // RE. Reihe 2. Hlbd. 18. Stuttgart, 1967. Sp. 1343—1346.
777. *Schefold K.* Kleisthenes: Der Anteil der Kunst an der Gestaltung des jungen athenischen Freistaates // Museum Helveticum. 1946. V. 3. Fasc. 2. P. 59—93.
778. *Scheidel W.* T 17. Andokides 1, 107 (400/399 v. Chr.): Rückruf von Ostrakisierten und vielleicht auch anderen Verbannten zur Zeit der Perserkriege (481/0 v. Chr.?) // OT. S. 271—276.
779. *Scheidel W.* T 24. Andokides 3, 3—4 (392/1 v. Chr.): die Rückkehr des ostrakisierten Miltiades (493 v. Chr.?) // OT. S. 342—349.
780. *Scheidel W.* T 25. Platon, Gorg. 516d (ca. 390—385 v. Chr.): die Ostrakisierung des Themistokles und des Kimon (ca. 470 bzw. 461 v. Chr.) // OT. S. 350—356.
781. *Scheidel W.* T 28. Theopomp FGrHist 115 F 88 (ca. 345—340 v. Chr.): der Rückruf des ostrakisierter Kimon (?) // OT. S. 373—386.
782. *Scheidel W.* T 29. Theopomp FGrHist 115 F 91 (ca. 345—340 v. Chr.): Thukydides Melesiou als (ostrakisierter) Gegner des Perikles (443 v. Chr.) // OT. S. 387—390.
783. *Scheidel W.* T 30. Theopomp FGrHist 115 F 96b (ca. 345—340 v. Chr.): Ostrakisierung und Tod des Hyperbolos (416/411 v. Chr.) // OT. S. 391—400.
784. *Scheidel W.* T 36. Aristoteles, Pol. 3, 1288a24—26 (ca. 347—336 v. Chr.): Ostrakismos als Maßnahme gegen herausragende Persönlichkeiten // OT. S. 432—434.
785. *Scheidel W.* T 39—41. Zum Verhältnis der Testimonien in Aristoteles'

Politika (T 34—48) zu den Testimonien in der Athenaion Politeia (T 39—41) // OT. S. 472—474.
786. *Scheidel W., Taeuber H.* T 39—41. Aristoteles, Ath. Pol. Vorbemerkung: zu Verfasserschaft und Abfassungszeit der Athenaion Politeia // OT. S. 447—448.
787. *Scheidel W., Taeuber H.* T 40. Aristoteles Ath. Pol. 27, 4 (ca. 332—325 v. Chr.): die Ostrakisierung des Damon (ca. 438—432 v. Chr.) // OT. S. 459—464.
788. *Scheidel W., Taeuber H.* T 41. Aristoteles, Ath. Pol. 43, 5 (ca. 328—325 v. Chr.): Vorabstimmung in der Volksversammlung über die Abhaltung eines Ostrakismos // OT. S. 465—471.
789. *Schreiner J. H.* Aristotle and Perikles: A Study in Historiography. Oslo, 1968.
790. *Schreiner J. H.* The Origin of Ostracism Again // CM. 1970 (1976). V. 31. P. 84—97.
791. *Schröder S.* Das neue Ostrakon gegen einen Κράτης Ἀθμονεύς // ZPE. 1991. Bd. 86. S. 45—46.
792. *Schröder S.* Nochmals zum Ostrakon gegen Krates Athmoneus // ZPE. 1993. Bd. 96. S. 37—45.
793. *Schubert Ch.* Die Macht des Volkes und die Ohnmacht des Denkens: Studien zum Verhältnis von Mentalität und Wissenschaft im 5. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1993.
794. *Schuller W.* Die Polis als Staat // The Ancient Greek City-State. Copenhagen, 1993. P. 106—128.
795. *Schumacher L.* Themistokles und Pausanias: Die Katastrophe der Sieger // Gymnasium. 1987. Bd. 94. S. 218—246.
796. *Schwarze J.* Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung. München, 1971.
797. *Schweigert E.* The Xanthippos Ostracon // AJA. 1949. V. 53. №. 3. P. 266—268.
798. *Seager R.* Ἀθηναίων Πολιτεία 22. 4 // ClR. 1962. V. 12. №. 3. P. 201—202.
799. *Seager R.* Alcibiades and the Charge of Aiming at Tyranny // Historia. 1967. V. 1. P. 6—18.
800. *Sealey R.* Regionalism in Archaic Athens // Historia. 1960. Bd. 9. Ht. 2. S. 155—180.
801. *Sealey R.* A History of the Greek City States ca. 700—338 B. C. Berkeley, 1976.
802. *Sealey R.* The Entry of Pericles into History // Perikles und seine Zeit. Darmstadt, 1979. S. 144—161.
803. *Sealey R.* Demosthenes and his Time: A Study in Defeat. Oxf., 1993.
804. *Seibert J.* Die politischen Flüchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte. Darmstadt, 1979. Bd. 1—2.
805. *Seidensticker B.* Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // AD. S. 175—198.
806. *Sekunda N. V.* Athenian Demography and Military Strength 338—332 B. C. // ABSA. 1992. №. 87. P. 311—355.
807. *Shapiro H. A.* Hippokrates Son of Anaxileos // Hesperia. 1980. V. 49. №. 3.

P. 289—293.
808. *Shapiro H. A.* Kallias Kratiou Alopekethen // Hesperia. 1982. V. 51. №. 1. P. 69—73.
809. *Shapiro H. A.* Painting, Politics, and Genealogy: Peisistratos and the Neleids // Ancient Greek Art and Iconography. Madison, 1983. P. 87—96.
810. *Shapiro H. A.* Theseus in Kimonian Athens: The Iconography of Empire // Mediterranean Historical Review. 1992. V. 7. №. 1. P. 29—49.
811. *Shear T. L.* The Campaign of 1937 // Hesperia. 1938. V. 7. №. 3. P. 311—362.
812. *Shear T. L.* The Campaign of 1938 // Hesperia. 1939. V. 8. №. 3. P. 201—246.
813. *Shear T. L.* Koisyra: Three Women of Athens // Phoenix. 1963. V. 17. №. 2. P. 99—112.
814. *Siewert P.* Die Trittyen Attikas und die Heeresreform des Kleisthenes. München, 1982.
815. *Siewert P.* Pseudo-Andokides or. 4 (gegen Alkibiades) als historische Quelle // Innere und äußere Integration der Altertumswissenschaften. Halle, 1989. S. 226—232.
816. *Siewert P.* Accuse contro i «candidati» all'ostracismo per la loro condotta politica e morale // CISA. 1991. V. 17. P. 3—14.
817. *Siewert P.* Einleitung // OT. S. 25—35.
818. *Siewert P.* T (?) 2. Pindar, Pyth. 7. 18—21 (486 v. Chr.): athenische Mißgunst gegen hippische Siege der Alkmeoniden als Motiv für die Ostrakisierung des Megakles (486 v. Chr.) // OT. S. 167—170.
819. *Siewert P.* T (?) 11. Plato Comicus fr. 168 PCG VII (ca. 416 v. Chr.?): Vergleich des Ostrakismos mit dem Ostrakinda-Spiel der Kinder (416 v. Chr.) // OT. S. 223—226.
820. *Sinclair R. K.* Democracy and Participation in Athens. Cambridge, 1991.
821. *Snell B.* The Discovery of the Mind: The Greek Origins of European Thought. N. Y., 1960.
822. *Sourvinou-Inwood Chr.* Theseus Lifting the Rock and a Cup near the Pithos Painter // JHS. 1971. V. 91. P. 94—109.
823. *Spielvogel J.* Die politische Position des athenischer Komödiendichters Aristophanes // Historia. 2003. Bd. 52. Ht. 1. S. 3—22.
824. *Stamires G. A., Vanderpool E.* Kallixenos the Alkmeonid // Hesperia. 1950. V. 19. №. 4. P. 376—390.
825. *Stanley P. V.* The Family Connection of Alcibiades and Axiochus // GRBS. 1986. V. 27. №. 2. P. 173—181.
826. *Stanton G. R.* The Introduction of Ostracism and Alcmeonid Propaganda // JHS. 1970. V. 90. P. 180—183.
827. *Stanton G. R.* Athenian Politics c. 800—500 B. C.: A Sourcebook. L.; N. Y., 1991.
828. *Stanton G. R.* A Graffito on a Megakles Ostrakon // ZPE. 1996. Bd. 111. S. 69—73.
829. *Stanton G. R., Bicknell P. J.* Voting in Tribal Groups in the Athenian Assembly // GRBS. 1987. V. 28. №. 1. P. 51—92.
830. *Stark I.* Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Beitrüger und

Klaffärsehe. Die Wannung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen // Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie. Stuttgart; Weimar, 2002. S. 147—167.
831. *Starr Ch. G.* The Origins of Greek Civilization 1100—650 B. C. L., 1962.
832. *Starr Ch. G.* Athenian Coinage 480—449 B. C. Oxf., 1970.
833. *Starr Ch. G.* Individual and Community: The Rise of the Polis, 800—500 B. C. N. Y.; Oxf., 1986.
834. *Staveley E. S.* Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca, 1972.
835. *Stefanek P.* T (?) 3. Timokreon bei Plutarch, Them. 21,5 (ca. 467 v. Chr.): die Ostrakisierung des Themistokles (470 v. Chr.) // OT. S. 171—173.
836. *Stein-Hölkeskamp E.* Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit. Stuttgart, 1989.
837. *Stockton D.* The Classical Athenian Democracy. Oxf., 1991.
838. *Stolba W. F.* ΣΑΜΜΑΣ. Zur Prägung eines bosporanischen Tyrannen // Stephanos nomismatikos. B., 1998. S. 601—611.
839. *Storey I.* Poets, Politicians and Perverts: Personal Humour in Aristophanes // Classics Ireland. 1998. V. 5. P. 85—134.
840. *Strauss B. S.* Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy, 403—386 B. C. Croom Helm, 1986.
841. *Taeger F.* Alkibiades. München, 1943.
842. *Taeuber H.* T 31. Androtion FGrHist 324 F 6 (ca. 340 v. Chr.): die Einführung und erste Anwendung des Ostrakismos (488/7 v. Chr.) // OT. S. 401—412.
843. *Taeuber H.* T 32. Androtion FGrHist 324 F 37 (ca. 340 v. Chr.): Thukydides, Sohn des Melesias, als Gegner des Perikles (bis 443 v. Chr.) // OT. S. 413—414.
844. *Taeuber H.* T 33. Androtion FGrHist 324 F 42 (ca. 340 v. Chr.): die Ostrakisierung des Hyperbolos (416 v. Chr.) // OT. S. 415—416.
845. *Taeuber H.* T 39. Aristoteles, Ath. Pol. 22, 1. 3—8 (ca. 332—335 v. Chr.): Einführung und erste Anwendungen des Ostrakismos (487—480 v. Chr.) // OT. S. 449—458.
846. *Tarkiainen T.* Die athenische Demokratie. Zürich; Stuttgart, 1966.
847. *Thomas R.* Oral Tradition and Written Record in Classical Athens. Cambridge, 1989.
848. *Thomas R.* Literacy and the City-State in Archaic and Classical Greece // Literacy and Power in the Ancient World. Cambridge, 1991. P. 33—50.
849. *Thomas R.* Literacy and Orality in Ancient Greece. Cambridge, 1992.
850. *Thommen L.* Spielräume der Demokratie: Der Prozeß gegen Themistokles // GPAA. S. 81—95.
851. *Thompson H. A.* The Excavation of the Athenian Agora, Twelfth Season: 1947 // Hesperia. 1948. V. 17. №. 3. P. 149—196.
852. *Thompson H. A., Wycherley R. E.* The Agora of Athens: The History, Shape and Uses of an Ancient City Center (The Athenian Agora. V. 14). Princeton, 1972.
853. *Thompson W. E.* The Kinship of Pericles and Alkibiades // GRBS. 1970. V. 11. №. 1. P. 27—33.

854. *Thompson W. E.* Attic Kinship Terminology // JHS. 1971. V. 71. P. 110—113.
855. *Thomsen R.* The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972.
856. *Thür G.* Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? // AD. S. 321—331.
857. *Tod M. N.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B. C. 2 ed. Oxf., 1946.
858. *Todd S. C.* Response to Sally Humphreys // Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 47—53.
859. *Todd S. C.* The Shape of Athenian Law. Oxf., 1995.
860. *Toepffer J.* Attische Genealogie. B., 1889.
861. *Traill J. S.* The Political Organization of Attica. Princeton, 1975.
862. *Travlos J.* Pictorial Dictionary of Ancient Athens. N. Y.; Washington, 1971.
863. *Treu M.* Zur neuen Themistokles-Inschrift // Historia. 1963. Bd. 12. Ht. 1. S. 47—69.
864. *Ure P. N.* When was Themistocles Last in Athens? // JHS. 1921. V. 41. P. 165—178.
865. *Valeton I. M. J.* Quaestiones Graecae. II. De ostracismo // Mnemosyne. 1887. V. 15. P. 129—171, 337—355, 357—426; 1888. V. 16. P. 1—25, 162—238.
866. *Vanderpool E.* The Rectangular Rock-cut Shaft // Hesperia. 1946. V. 15. №. 4. P. 265—336.
867. *Vanderpool E.* Kleophon // Hesperia. 1952. V. 21. №. 2. P. 114—115.
868. *Vanderpool E.* The Ostracism of the Elder Alkibiades // Hesperia. 1952. V. 21. №. 1. P. 1—8.
869. *Vanderpool E.* New Ostraka from the Athenian Agora // Hesperia. 1968. V. 37. №. 1. P. 117—120.
870. *Vanderpool E.* Ostracism at Athens. Cincinnati, 1970.
871. *Vanderpool E.* Ostraka from the Athenian Agora, 1970—1972 // Hesperia. 1974. V. 43. №. 2. P. 189—193.
872. *Vernant J.-P., Vidal-Naquet P.* Mythe et tragédie en Grèce ancienne. T. 2. P., 1986.
873. *Vickers M.* Attic Symposia after the Persian Wars // Sympotica: A Symposium on the Symposion. Oxf., 1990. P. 105—121.
874. *Vinogradov J. G.* Côte septentrionale du Pont, Caucase, Asie Centrale (Bulletin épigraphique) // REG. 1990. V. 103. P. 531—560.
875. *Vinogradov J. G.* Pontische Studien: Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz, 1997.
876. *Vinogradov J. G.* Ostrakismos als strenges Kampfmittel für Demokratie im Lichte der neuen Funde aus Chersonesos Taurike //GEGW. S. 379—386.
877. *Vinogradov J. G., Rusjaeva A. S.* Phantasmomagica Olbiopolitana // ZPE. 1998. Bd. 121. S. 153—164.
878. *Vinogradov Iu., Zolotarev M.* La Chersonèse de la fin de l'archaïsme // Le Pont-Euxin vu par les Grecs: Sources écrites et archéologie. P., 1990. P. 84—119.
879. *Vinogradov J. G., Zolotarev M. I.* L'ostracismo e la storia della fondazione di

Chersonesos Taurica //MEP. 1999. V. 2. P. 111—131.
880. *Viviers D.* Pisistratus' Settlement on the Thermaic Gulf: A Connection with the Eretrian Colonization // JHS. 1987. V. 107. P. 193—195.
881. *Volkmann H.* Petalismos // Der Kleine Pauly. Lief. 20 Stuttgart, 1970. Sp. 667.
882. *Wade-Gery H. T.* Essays in Greek History. Oxf., 1958. P. 239—270.
883. *Wallace R. W.* The Areopagos Council, to 307 B. C. Baltimore, 1989.
884. *Wallace R. W.* Charmides, Agariste and Damon: Andokides 1. 16 // ClQ. 1992. V. 42. №. 2. P. 328—335.
885. *Wallace R. W.* Speech, Song and Text, Public and Private. Evolutions in Communications Media and Fora in Fourth-Century Athens // AD. S. 199—217.
886. *Walters K. R.* FGrHist 324 F6: A New Conjecture // RhM. 1984. Bd. 127. Ht. 3/4. S. 223—226.
887. *Wankel H.* Die Rolle der griechischen und lateinischen Epigraphik bei der Erklärung literarischer Texte // ZPE. 1974. Bd. 15. S. 79—97.
888. *Weber C. W.* Athen: Aufstieg und Größe des antiken Stadtstaates. Herrsching, 1981.
889. *Webster T. B. L.* Athenian Culture and Society. Berkeley, 1973.
890. *Welwei K.-W.* «Demos» und «Plethos» in athenischen Volksbeschlüssen um 450 v. Chr. // Historia. 1986. Bd. 35. Ht. 2. S. 177—191.
891. *Welwei K.-W.* Das klassische Athen: Demokratie und Machtpolitik im 5. und 4. Jahrhundert. Darmstadt, 1999.
892. *Welwei K.-W.* Die Entwicklung des Gerichtswesens im antiken Athen: von Solon bis zum Ende des 5. Jahrhunderts V. Chr. // GPAA. S. 15—29.
893. *Welwei K.-W.* Polis und Arché: Kleine Schriften zu Gesellschafts- und Herrschaftsstrukturen in der griechischen Welt. Stuttgart, 2000.
894. *Werner R.* Die Quellen zur Einführung des Ostrakismos // Athenaeum. 1958. V. 36. Fasc. 1/2. P. 48—89.
895. *Westermann W. L.* Athenaeus and the Slaves of Athens // Slavery in Classical Antiquity. Cambridge, 1960. P. 73—92.
896. *Westlake H. D.* Thucydides on Pausanias and Themistocles — a Written Source? // ClQ. 1977. V. 27. №. 1. P. 95—110.
897. *Whibley L.* Political Parties in Athens during the Peloponnesian War. Cambridge, 1889.
898. *Whitehead D.* The Demes of Attica 508/7 — ca. 250 B. C. Princeton, 1986.
899. *Whitehead D.* 1—41, 42—69: A Tale of Two Politeiai // AA. P. 25—38.
900. *Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Aristoteles und Athen. B., 1893. Bd. 1—2.
901. *Wilbrandt M.* Die politische und sociale Bedeutung der attischen Geschlechter vor Solon // Philologus. 1898. Suppl. Bd. 7. Ht. 1/2. S. 133—228.
902. *Wilcken U.* Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien: Ein Beitrag zur antiken Wirtschaftsgeschichte. Lpz.; B., 1899. Bd. 1.
903. *Wilhelm A.* Zum Ostrakismos des Xanthippos, des Vaters des Perikles // Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosoph. -

hist. Klasse. 1949. Bd. 86. Ht. 12. S. 237—243.
904. *Will É., Mossé C., Goukowsky P.* Le monde Grec et l'Orient. T. 2. Le IVe siècle et l'époque hellénistique. P., 1975.
905. *Willemsen F.* Ostraka // MDAI(A). 1965. Bd. 80. S. 100—126.
906. *Willemsen F.* Die Ausgrabungen in Kerameikos // ΑΔ. 1968. Τ. 23. Μέρος Β΄1. Σ. 24—32.
907. *Willemsen F.* Ostraka einer Meisterschale // MDAI(A). 1991. Bd. 106. S. 137—145.
908. *Willemsen F., Brenne S.* Verzeichnis des Kerameikos-Ostraka // MDAI(A). 1991. Bd. 106. S. 147—156.
909. *Williams D.* Refiguring Attic Red-figure: A Review Article // RA. 1996. № 2. P. 227—252.
910. *Williams G. M. E.* The Kerameikos Ostraka // ZPE. 1978. Bd. 31. S. 103—113.
911. *Williams G. M. E.* The Image of the Alkmeonidai between 490 B. C. and 487/6 B. C. // Historia. 1980. Bd. 29. Ht. 1. S. 106—110.
912. *Williams G. M. E.* Athenian Politics 508/7 — 480 B. C. : A Reappraisal // Athenaeum. 1982. V. 60. Fasc. 3/4. P. 521—544.
913. *Williams G. W.* The Curse of the Alkmaionidai. I. The Origin and Early History // Hermathena. 1951. V. 78. P. 32—49.
914. *Williams G. W.* The Curse of the Alkmaionidai. II. Kleisthenes and the Persian Wars // Hermathena. 1952. V. 79. P. 1—21.
915. *Williams G. W.* The Curse of the Alkmaionidai. III. Themistokles, Perikles, and Alkibiades // Hermathena. 1952. V. 80. P. 58—71.
916. *Williams J.* Ideology and the Constitution of Demetrius of Phalerum // PaP. P. 327—346.
917. *Wilson N. G.* Scholars of Byzantium. L., 1996.
918. *Wolski J.* Wpływ wojen perskich na formy walki politycznej w Grecji // Przeglad historyczny. 1968. T. 59. № 3. P. 416—427.
919. *Wolski J.* Μηδισμός et son importance en Grèce a l'époque des guerres médiques // Historia. 1973. Bd. 22. Ht. 1. S. 3—15.
920. *Woodhead A. G.* I. G., II, 95, and the Ostracism of Hyperbolus // Hesperia. 1949. V. 18. №. 1. P. 78—83.
921. *Woodhead A. G.* A Political Sherd // ABSA. 1953. №. 48. P. 191—199.
922. *Wycherley R. E.* Two Notes on Athenian Topography // JHS. 1955. V. 75. P. 117—121.
923. *Wycherley R. E.* Literary and Epigraphical Testimonia (The Athenian Agora. V. 3). Princeton, 1957.
924. *Zahn R.* Ostrakon des Themistokles // MDAI(A). 1897. Bd. 22. S. 345—348.
925. *Zurborg H.* Der letzte Ostrakismos // Hermes. 1877. Bd. 12. Ht. 2. S. 198—201.
926. *Zurborg H.* Nochmals der letzte Ostrakismos // Hermes. 1878. Bd. 13. Ht. 1. S. 141—144.
927. *Κριτζάς Χ. Β.* Τὸ πρῶτο μεγαρικὸ *ὄστρακον* // ΗΟΡΟΣ. 1987. Τ. 5. Σ. 59—73.
928. *Τιβέριος Μ.* Θησεύς καί Παναθήναια // AAAD. P. 131—142.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ — Античный вестник (Омск)
АГ — Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002
АССАМ — Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб., 2002
ВДИ — Вестник древней истории
ВЧОАМ — Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997
ГГАМ — Город и государство в античном мире. Л., 1987
ДП — Древнее право
ЗОГАМ — Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999
ИИАО — Из истории античного общества (Нижний Новгород)
ПДАСНВ — Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры
AA — Aristote et Athènes. P., 1993
AAAD — The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994
ABSA — Annual of the British School at Athens
AC — L'Antiquité classique
AD — Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995
AHB — Ancient History Bulletin
AJA — American Journal of Archaeology
AJPh — American Journal of Philology
ArchAnz — Archäologischer Anzeiger
AS — Ancient Society
ASPF — Athenian Studies Presented to W. S. Ferguson. Cambridge Mass., 1940
BD — The Birth of Democracy. Athens, 1993
CAH — Cambridge Ancient History
CISA — Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano)
ClJ — Classical Journal
ClPh — Classical Philology
ClQ — Classical Quarterly
ClR — Classical Review
CM — Classica et mediaevalia
CSCA — California Studies in Classical Antiquity
DK — *Diels H., Kranz W.* Die Fragmente der Vorsokratiker
DPAG — The Development of the Polis in Archaic Greece. L.; N.Y., 1997
FGrHist — *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker
G&R — Greece & Rome
GC — The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991
GEGW — Gab es das Griechische Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts v. Chr. Mainz, 2001

GEM	— Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory. B., 1977
GIF	— Giornale italiano di filologia
GPAA	— Groβe Prozesse im antiken Athen. München, 2000
GRBS	— Greek, Roman and Byzantine Studies
HZ	— Historische Zeitschrift
IG	— Inscriptiones Graecae
JDAI	— Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
JHS	— Journal of Hellenic Studies
LSJ	— *Liddell H. G., Scott R., Jones H. S.* A Greek-English Lexicon
MDAI(A)	— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
MEP	— Minima epigraphica et papyrologica
OCD	— The Oxford Classical Dictionary. Oxf., 1949
OT	— Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487—322 v. Chr.). Stuttgart, 2002
PaP	— Polis and Polemos: Essays on Politics, War and History in Ancient Greece in Honor of D. Kagan. Claremont, 1997
RA	— Revue archéologique
QUCC	— Quaderni urbinati di cultura classica
RE	— Paulys Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
REA	— Revue des études anciennes
REG	— Revue des études grecques
RFIC	— Rivista di filologia e d'istruzione classica
RFP	— Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis. Oxf., 1994
RhM	— Rheinisches Museum für Philologie
RPGAW	— Religion and Power in the Ancient Greek World. Uppsala, 1996
RPLHA	— Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes
RSA	— Rivista storica dell'antichita
SEG	— Supplementum epigraphicum Graecum
SIFC	— Studi italiani di filologia classica
TAPhA	— Transactions of the American Philological Association
ZPE	— Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik
ΑΔ	— Ἀρχαιολογικὸν Δελτίον

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Август 315
Аверинцев С. С. 515
Авраам 522
Автолик 522
Агамемнон 127, 213
Агариста (младшая) 160
Агариста (старшая) 171
Агасий 68, 76, 367, 372, 373
Агафарх 492, 493
Агафон 362
Агид II 374
Агоракрит 369, 371
Адриан 255, 256
Аксиох (милетянин) 263
Александр Македонский 475
Алексид 370
Алкандр 445
Алкей 367
Алкивиад, сын Алкивиада 25, 126, 145, 161, 438, 439, 498, 520
Алкивиад, сын Клиния (Младший) 23—25, 36, 57, 59, 70, 92, 120, 125, 142, 144—151, 161, 247, 265, 277—279, 300, 304, 307, 309, 311, 320, 339, 343, 344, 346, 350, 374, 389, 393, 394, 396, 418—420, 422, 429—431, 433—441, 489—498, 511—513, 515, 516, 520, 528
Алкивиад, сын Клиния (Старший) 25, 59, 86, 88, 90, 94, 96, 125, 152—154, 157, 158, 161—163, 211, 262, 263, 265, 332, 334, 335, 339, 340, 350, 410, 431, 496, 498, 520, 524, 535
Алкифрон 38, 520, 538
Алкмеон (старший) 77
Алкмеон, сын Аристонима 178, 179, 330, 334, 514
Алкмеониды 7, 21, 67, 72, 75, 77, 80, 102, 107, 108, 121, 126, 160, 162, 164, 171, 178, 181, 196, 197, 220, 221, 225, 259—261, 273, 280, 302, 313, 322, 324, 325, 328—331, 333—336, 338, 339, 341, 355, 357, 360, 365—369, 376, 377, 388
Амипсий 374
Амфиктион 190
Амфион, сын Гипероха 446

---

* В указателе не отражены данные приложения V, поскольку оно само представляет собой алфавитный перечень имен.

Анакреонт 74
Анаксагор 44, 160, 278, 293
Андокид 23—25, 36, 44, 62, 92, 115, 116, 129, 144, 145, 151, 152, 157, 206, 208, 234, 250, 251, 254, 262, 353, 388, 395, 420, 422, 423, 426, 429—441, 489, 511, 528, 538
Андреев Ю. В. 213, 214, 217
Андрокл (демагог) 277, 309
Андрокл, сын Кодра 269
Андротион 26, 27, 39, 47, 73, 86, 88, 93, 98, 113, 116, 117, 121, 152, 168—170, 172—175, 182, 382, 383, 410, 500, 520, 525, 536, 538
Антагор 522
Антиох Сиракузский 34
Антисфен 502
Антифан (комедиограф) 374
Антифан (отец Гипербола) 73
Антифонт 310
Антонины 39, 316
Аполлодор, сын Пасиона 251, 442
Аполлон 202
Аполлоний Тианский 288, 522
Апостолий, Аристовул — см. Арсений Монемвасийский
Апостолий, Михаил 538
Арес 237
Аристид (неизвестный) 193
Аристид (рабочий) 53
Аристид, сын Ксенофила 114, 284
Аристид, сын Лисимаха («Справедливый») 22, 25, 32—34, 36—38, 43, 44, 53, 58, 65, 70, 78, 82, 86, 92, 115, 125, 131—136, 142, 150, 166, 178, 193, 211, 212, 240, 249, 257, 260, 270, 272, 273, 283—290, 300, 309, 325, 330, 331, 333—335, 346, 350, 351, 363, 365, 377, 407, 410, 426, 488, 491, 498, 501, 505, 506, 508, 509, 512—514, 516—520, 522—524, 531, 534—537
Аристид, Элий 38, 40, 41, 209, 425, 426, 517—519, 526—529, 538, 539
Аристион 193
Аристипп, сын Дамо(...) 446
Аристипп (философ) 446
Аристогитон (младший) 498
Аристогитон (тираноубийца) 197, 224
Аристодем 38, 517, 538
Аристократ 498
Аристотель 10, 27—31, 36, 42, 47, 82, 86, 88, 92, 98, 108, 113, 115—117, 121, 128, 131, 132, 134—136, 147, 152, 158, 159, 164, 165, 167—170, 172—176, 182, 205—208, 210, 224—226, 230, 231, 239, 254, 255, 257, 258, 270—273, 298, 301, 312, 314, 316, 332, 337, 338, 348, 383, 394, 400—402, 410, 422—424, 426, 427, 443, 444, 459, 462, 463, 466, 469, 474, 483, 500—505, 538

Аристофан 22, 32, 40, 41, 77, 92, 237, 238, 241, 249, 253, 299, 300, 344, 352, 361—363, 368—371, 373, 374, 376, 377, 382, 383, 390, 395, 422, 443, 444, 470, 488, 524, 525, 526, 531, 534, 538, 539
Арифрон, сын Ксантиппа 65, 66, 330
Аркесандр 448
Аркесилай IV 468
Арнаш М. 195, 328
Арсений Монемвасийский 538
Артаксеркс II 156
Артаферн (младший) 324, 326
Артаферн (старший) 179, 329
Архедик 193
Архен 75
Архидам 265
Архиппа 365
Аспасий 263
Аспасия 128, 160, 263, 362, 374
Атрей 127
Афанасий Великий 189
Афина 204, 213, 268, 318
Афиней 274, 474, 522, 538
Ахемениды 179, 262, 326, 329
Ахилл (герой) 203, 213, 216, 513
Ахилл, сын Лисона35, 191, 529
Аякс 274

Бадиан Э. 137, 297
Баккьелли Л. 101, 446, 468
Бакхиады 220
Батилл, сын Никагора 446, 449
Баттиады 468
Бделиклеон 253
Беджхолд А. 13, 103
Беккер И. 40
Белох К. Ю. 10, 169
Берве Г. 10
Бергер Ш. 101, 187
Бернс Э. 103, 289
Берти М. 101
Бёк А. 85
Бикнелл П. 56, 76, 77, 80, 91, 94, 162, 296, 334, 368, 372, 373
Бонапарт Л. — см. Наполеон III
Бонгард-Левин Г. М. 8
Боон 76

Бордман Дж. 359, 360
Борухович В. Г. 498
Бренне Ш. 56, 74, 75, 80, 91, 95, 104—111, 113, 114, 118, 123, 162, 195, 204, 210, 232, 240, 259, 318, 338, 361, 368, 374, 443
Бриотент 70
Бронир О. 54, 59, 100, 281—284
Бузиги 126, 260, 369
Бузольт Г. 10
Бэрретт Э. 98
Бюрхнер Л. 456

Валетон Ж. 85, 112, 383, 396, 457, 458
Вандерпул Ю. 53, 89, 90, 92, 93, 104, 111, 112, 123, 153, 154, 165, 443
Василий Великий 189
Вебер К. 199
Вернер Р. 97, 98, 169
Видаль-Накэ П. 78
Викерс М. 64
Виламовиц-Меллендорф У. фон 10, 172
Виллемсен Ф. 55, 56, 74, 76, 91, 95, 105
Вильхельм А. 74, 98
Виммер Ф. 504
Виноградов Ю. Г. 8, 122, 123, 193, 194, 199, 209, 445, 447—449, 451—454, 464, 465
Вудхед А. 99, 109, 143, 276
Высокий М. Ф. 9

Габелко О. Л. 9
Габроних 75, 92, 521
Гагнон 337
Гармодий 197, 224
Гарпократион, Валерий 27, 39, 42, 168, 169, 172—175, 182, 410, 441, 520, 538
Гаспаров М. Л. 488, 516
Гвардуччи М. 103, 109, 195, 443
Гегесипп 442
Гегестрат 193
Гектор 216
Гелиос 371
Гелланик 26, 116, 173
Георгий Амартол 189
Гера 374
Геракл 203, 269, 358, 360, 502
Гераклид (из Херсонеса) 448
Гераклид Царь 75, 155

Гераклид (эпитоматор) 33, 168, 505, 538
Гераклиды 269
Гераклит Эфесский 455, 456, 471, 487, 508, 538
Гермий (схолиаст) 118
Гермипп 362, 368, 375
Гермоген 523
Гермодор 455—457, 471, 487, 508
Гермокреонт 500
Геродот 22, 82, 115, 116, 128, 253, 270, 272, 273, 284, 298, 299, 375, 459, 476, 488, 538
Гесихий 35, 41, 42, 44, 154, 209, 444, 528, 529, 539
Гинзбург С. И. 120, 121, 123, 172, 179, 232, 275
Гипербол 22, 23, 26, 32, 33, 36, 37, 41, 57, 60, 73, 76, 86, 99, 111, 115, 120, 126, 141—146, 149—152, 157, 166, 182, 203, 206, 208, 209, 239, 245, 265, 270, 276—278, 296, 307, 312, 325, 345, 346, 350, 354, 355, 363, 381—383, 385, 389—393, 396—400, 406, 407, 410, 414, 415, 419, 422, 429, 433—435, 489, 505, 511—513, 515, 516, 520, 524—527, 530, 533, 537
Гиперид 298
Гиппарх, сын Писистрата 520, 530, 532
Гиппарх, сын Харма 26, 29, 39, 61, 67, 82, 86, 94, 121, 126, 131—135, 152, 157, 165, 166, 168, 172, 174—176, 178, 179, 181, 182, 195, 206, 222, 257, 260, 324, 327—329, 350, 410, 418, 451, 499, 500, 516, 520, 530, 532
Гиппий 77, 126, 162, 168, 178, 181, 195, 197, 224, 225, 324, 326—328, 333, 467, 505
Гиппократ (неизвестный) 78
Гиппократ, сын Алкмеонида 57, 66, 330, 454
Гиппократ, сын Анаксилея 165, 330
Гиппократ, сын Мегакла 171
Гиппоник Аммон 75
Гиппоник (младший) 492
Гиппот 269
Гипсехид (Гипсихид) 131, 132, 272, 501
Гистией 448
Голубцова Е. С. 9
Гомер 42, 213, 216, 535
Гомм А. 231, 247, 317, 476, 477, 482—484
Горгий (неизвестный) 193
Горгий (оратор) 480, 498, 529
Горенштейн В. О. 506
Госсенс Р. 98
Готье Ф. 100, 252, 253
Гриманис П. 114
Грот Дж. 85
Дамей 193

Дамон, сын Дамонида 87, 92, 93, 96, 115, 118, 126, 152, 158—161, 207, 265, 278, 279, 340, 342, 350, 363, 410, 501, 509, 512, 515, 523
Дамонид — см. Дамон, сын Дамонида
Данте 372
Дарий I 456, 471
Дарий II 75
Датис 79, 324, 326, 330, 363, 377
Девелин Р. 91, 94, 112, 193, 195, 197
Дедал 190
Дейвис Дж. 77, 109
Дейномениды 223, 279, 359, 460, 507
Демад 190, 401, 402, 499, 500, 539
Демарат 470
Деметрий Полиоркет 401
Деметрий Фалерский 32, 36, 208, 401, 402, 474, 475, 505, 512, 539
Демонакт 186
Демосфен (оратор) 25, 35, 116, 173, 250, 254, 255, 295, 298, 319, 321, 404, 429, 432, 440, 442, 498, 508, 532, 533, 539
Демосфен (стратег) 362
Денджес Н. 98
Де Санктис Г. 10, 169
Джеймсон М. 81, 271
Джеффери Л. 103, 195
Джоунс Дж. 384, 387, 417
Дидим Слепец 189
Дидим (филолог) 35, 40, 508, 539
Дикеополь 248, 370
Динарх 499, 508, 520, 532, 539
Диномаха 153
Диоген Лаэрций 455
Диогнет 149
Диодор Сицилийский 34—36, 101, 138, 168, 170, 208, 275, 279, 300, 301, 353, 422, 443, 444, 471, 507, 508, 539
Диомед 494, 495
Дион Хрисостом 38, 508, 539
Дионис 233, 236, 250
Дионисий Галикарнасский 134, 441, 501, 508, 539
Дионисий (комедиограф) 377
Дионисий Старший (тиран Сиракуз) 394
Диоскуры 526
Довер К. 98
Драконт 190

Евандрид 448

Евенет 218
Евкрат (аргосец) 521
Евкрат (афинянин) 149
Евнапий 209, 426, 523, 539
Евполид 362, 368, 369, 376
Еврипид 293, 357, 362
Евримедонт 388
Евсевий Кесарийский 127, 129, 189, 522, 539
Евстафий Солунский 42, 44, 118, 189, 535, 539
Евтимен 193
Евфилет 420, 433
Евфрант 448
Евхарид, сын Евхара 79, 364
Елена 526

Жебелев С.А. 423, 503, 504

Зайцев А. И. 214, 297
Залевк 128
Залюбовина Г. Т. 9
Зевс 204, 371, 374, 376, 503, 511, 518, 521
Зенобий 260, 517, 539
Зенодот, сын Евархида 448
Зенон (стоик) 50
Зиверт П. 97, 111—114, 116, 117, 235, 362—367
Золотарев М. И. 122, 209, 447, 448

Иасикл, сын Неомения 448
Иероним Стридонский 522
Илюшечкин В. Н. 9
Иоанн Дамаскин 189
Иоанн Златоуст 189
Иоанн Иерусалимский 189
Исагор 72, 94, 162, 178—180, 182, 222, 223, 225, 357, 360, 410
Исодика 333
Исократ 429, 437, 438

Кабанов Б.Т. 9
Каллиад (архонт) 131, 272
Каллиад (или Каллий), сын Сириска 447
Каллий, сын Гиппоника (младший) 492
Каллий, сын Гиппоника (старший) 240, 274, 333, 522
Каллий, сын Дидимия 25, 96, 99, 126, 152, 156—158, 265, 336, 350, 410, 431, 496
Каллий, сын Кратия 72, 75, 80, 163—165, 257, 260, 324, 329, 350, 363, 410

Калликрат, сын Лампрокла 114, 284
Калликсен, сын Аристонима 57, 75, 78, 80, 164, 239, 282, 284, 330, 368, 370
Каллон 193
Кальдерини А. 87, 88, 112, 123, 165
Камон Ф. 99
Караван Э. 99
Каркопино Ж. 85—89, 104, 112, 121, 123, 135, 172, 443
Карпюк С. Г. 8, 11, 120, 123, 146, 161, 226, 298, 390
Карштедт У. 10, 169
Касаткина Н. А. 262, 485, 486
Кассандр 401
Катон Старший 514
Керики 109, 156, 164, 240, 274, 280, 333
Кесира 77, 78, 367, 377
Кёрте А. 87
Килон 211, 302, 375
Кимон (резчик штемпелей) 218
Кимон, сын Мильтиада 25, 26, 34, 36, 37, 41, 44, 57, 59, 60, 64, 65, 67, 79, 86, 92, 99, 118, 126, 130, 135—137, 150, 153—155, 158, 166, 206, 212, 261, 262, 266, 273—276, 279, 280, 299, 300, 304, 307, 309, 311, 312, 324, 332—341, 343, 350, 351, 357—359, 367, 372, 376, 377, 398, 407, 410, 425, 427, 431, 496, 498, 501, 506, 510, 511, 514, 515, 518, 519, 522, 524, 527—532
Кимон, сын Стесагора 197
Кинаст Д. 169
Кини Дж. 45, 47, 91, 93, 128, 176, 205, 206, 208, 384, 385
Кинцль К. 98, 174, 226, 257, 418
Кипсел (тиран Коринфа) 186, 220, 359
Кипселиды 219
Кир Младший 156
Кирхнер И. 109
Клеанф 50
Клеарх 338
Клеиппид, сын Диния 72, 73, 79
Клеомен I 66, 162, 178, 217, 470
Клеон 117, 148, 151, 296, 342, 344, 352, 361, 363, 369, 371, 398, 488, 531
Клеофонт, сын Клеиппида 72, 92, 151, 277, 296, 309, 312, 363
Клидем 26, 116, 173
Клиний 153
Клисфен (реформатор) 16, 27, 29, 33, 38, 45, 58, 66, 67, 71, 72, 75, 77, 85, 86, 88, 90, 92, 94, 97, 98, 100, 102, 108, 120, 121, 126—129, 153, 162, 167, 168, 170, 171, 173, 174, 176—180, 182—186, 188, 191, 192, 196—198, 202, 204, 206, 207, 222—226, 228, 232, 239, 268, 269, 281, 290, 314, 317, 318, 320, 324, 328, 347, 355, 357, 359, 410—412, 416, 419, 423,

451, 459, 460, 500, 505, 522, 538
Клисфен Сикионский 171, 359
Кнабе Г. С. 255
Книббе К. 114
Книгге У. 55
Коваленко С.А. 9
Кодр 269, 471
Кодриды 220, 269, 310
Козловская В. И. 9
Кокуэлл Дж. 98, 334
Коннор У. Р. 11, 150, 296, 309, 319, 359, 384, 385, 398
Конон (архонт) 136
Константин Багрянородный 189, 530, 539
Константин (Кирилл) 42
Кориолан 506, 512
Корнелий Непот — см. Непот, Корнелий
Коул Дж. 99
Кошеленко Г. А. 8, 120, 520
Коэн Д. 406
Крайст М. 97, 112, 402, 403
Кранай 190
Кратин 22, 36, 362, 368, 373, 374, 488, 510, 539
Кренц П. 99, 139
Кретин, сын Миса 447
Критий 308—310
Крицас Х. 101, 445, 460, 461
Крон 224
Ксантипп, сын Арифрона 52, 57, 65, 73, 74, 77, 86, 92, 98, 126, 131—134, 152, 166, 240, 257, 260, 272, 273, 304, 324, 329, 333, 335, 350, 364, 365, 368, 369, 410, 446, 500, 505
Ксантипп, сын Гиппократа 330
Ксанфий 76, 373
Ксенокрит 528
Ксенотим 524, 533
Ксенофонт 156, 298
Ксеркс 29, 52, 65, 67, 81, 114, 131, 158, 162, 179, 257, 270, 327, 331, 468, 501, 506, 509, 513, 531
Ктесифонт 404
Кузищин В. И. 7
Кулассо Гастальди Э. 98, 163
Курциус Э. 85
Кэген Д. 97, 112, 147, 148, 172, 386, 390, 419
Кэмп Дж. 54, 100, 103, 418, 419
Кэрэвайтс П. 97

Лакедемоний 130
Ламах 147, 148, 362
Лапин В. В. 210
Ларсен Дж. 198
Латышев В. В. 119
Лахар 401
Леагр, сын Главкона 75, 78, 367, 375
Лебедев А.В. 51, 487, 505, 508
Левински М. 359
Легон Р. 460
Лейвелл Б. 98, 100
Леманн Г. 97, 99
Ленардон Р. 98
Леократ 499, 520
Либаний 38, 115, 158, 523, 539
Либеро Л. де 100, 258, 259, 265
Лик 526, 527, 532
Ликомед (афинянин) 44, 536
Ликомед (легендарный царь Скироса) 519, 526, 527, 531, 532, 535, 538
Ликомиды 109, 365
Ликофрон (неизвестный) 520
Ликофрон (поэт) 535
Ликург (оратор) 25, 116, 128, 314, 499, 520, 539
Ликург (старший) 220, 221
Лисагор 178
Лисандр 217, 263, 485, 486
Лисий (неизвестный) 193
Лисий (оратор) 25, 62, 88, 107, 152, 161—163, 429, 438, 440, 498, 520, 539
Лисий, сын Евмора 109
Литтман Р. 11, 296
Лойдоль Н. 114
Локк Дж. 315
Лотце Д. 387
Лукиан 40, 189, 526, 539
Лукулл 515
Лурье С. Я. 119, 302, 317, 417
Льюис Д. 56, 74, 100, 103
Лэнг М. 54, 55, 57, 58, 60, 91, 93, 112, 123, 162, 192—195, 237, 282, 420, 450, 454
Люгебиль К. Я. 85, 119, 244, 420, 443

Майер Х. 114
Макаров И. А. 9, 221, 467
Маринович Л. П. 8, 11, 120, 181, 296, 311, 321, 520

Маркеллин 264
Маркиш С. П. 498, 511, 512, 514
Мартен А. (начало XX в.) 85, 443
Мартен А. (конец XX в.) 112
Маттингли Г. 56, 69, 96, 100, 112, 136, 139, 140, 143
Махлаюк А. В. 9
Мегакл из Анагирунта 330
Мегакл из Анафлиста 330
Мегакл из Ахарн 330
Мегакл из Эгилии 330
Мегакл (Старший) 77, 171, 196, 197, 221
Мегакл, сын Гиппократа 21, 25, 52, 57, 58, 61—63, 65—69, 72, 74, 77—80, 86, 88, 94, 98, 107, 114, 126, 131—134, 161—163, 165, 239, 240, 257, 259—261, 284, 324, 329, 332, 334, 350, 365—367, 369, 370, 374—377, 410, 418, 431, 446, 487, 496, 498, 500
Мегакл, сын Гиппократа, сына Алкмеонида 330, 366
Мегакл, сын Каллисфена 330
Мегакл, сын Мегакла 376
Медонтиды 220, 269
Мейггс Р. 74, 103
Мейстер К. 97
Меланком 471
Меланфий, сын Фаланфа 176
Мелеагр 521
Мель А. 9
Менестрат 52
Менон из Фарсала 156
Менон, сын Алексидема 156
Менон, сын Мегакла 330
Менон, сын Менеклида 44, 75, 76, 79, 92, 96, 99, 118, 126, 152, 154—158, 207, 265, 330, 336, 350, 363, 364, 410, 529
Меритт Б. 195, 328
Меррей О. 250, 253, 308
Мерхади Д. 97, 112, 202, 203
Метелл 512
Метиониды 190
Метохит — см. Феодор Метохит
Мефодий 42
Миллер Т. А. 515, 516
Мильтиад, сын Кимона 23, 65, 71, 111, 126, 129, 130, 181, 212, 262, 274, 304, 312, 319, 322—324, 330, 331, 359, 410, 489, 496, 506, 514, 517
Минуций 511
Миронид, сын Каллия 109
Молчанов А. А. 8, 123, 269

Мольпас 448
Моммзен Т. 315
Монтескье Ш.-Л. 315
Моссе К. 11, 91, 95, 96, 105, 112, 199, 296, 297, 316, 386—391, 398, 403
Мусоний Руф 424, 508, 539
Мусти Д. 98
Мюллер К. 40

Найт Д. 180, 297
Наполеон III 438
Нелей, сын Кодра 471
Немет Д. 454
Немировский А. А. 9
Неокл (неизвестный) 193
Неокл (отец Фемистокла) 521
Непот, Корнелий 34, 132, 137, 272, 280, 287, 289, 353, 424, 506, 539
Неэра 251, 532, 533
Никий (аргосец) 521
Никий (полководец) 36, 57, 70, 71, 120, 142, 144—151, 247, 264, 300, 307, 309, 339, 342, 344, 346, 350, 352, 362, 389, 393, 396, 420, 429, 430, 433, 434, 490, 512, 513, 515, 516
Никифор Григора 189
Никодем 131, 134, 501
Никомед 134, 501
Нокс Р. 212, 355

Обер Дж. 11, 222, 248, 296
Обнорский Н. П. 119, 269
Олимпиодор 42, 44, 189, 529, 539
О'Нейл Дж. 98
Орибасий 426, 523
Осборн Р. 11
Оствальд М. 11, 297

Павсаний Аттикист 519, 535, 539
Павсаний (периегет) 40, 470, 526, 539
Павсаний (спартанский полководец) 38, 139, 217, 521
Павсий 193
Палладий Еленопольский 189
Паллантиды 526
Пальме Б. 114
Памфил 498
Пана мастер 114, 242
Пандион 190

Пантен 73
Панченко Д. В. 132
Папастамати Х. 114
Парис (Александр) 127
Пармених 448, 465
Патрокл 216
Пахет 212, 388, 514
Пейфагор 446
Периандр 502
Перикл 26, 36, 41, 52, 57, 60, 65, 67, 73, 92, 115, 126—128, 136, 139—141, 144, 150, 152, 153, 158—161, 166, 171, 208, 212, 235, 260, 263—265, 267, 272—274, 278, 279, 298, 300, 304, 307, 309, 310, 312, 313, 335, 338—344, 246, 348, 350, 351, 357, 359, 362, 369, 374, 388, 398, 404, 406, 418, 419, 476, 477, 480, 483, 501, 509—512, 514, 515, 517, 522, 525, 527
Петухова В. В. 311, 377, 515
Пиндар 21, 261, 487, 539
Пиотровский Адр. 376, 488
Писандр 277, 308, 311, 420
Писистрат (архонт) 195
Писистрат Младший 195, 328
Писистрат, сын Нимфодора 448
Писистрат (тиран) 77, 109, 126, 171, 174, 175, 194—196, 206, 220, 221, 224, 269, 318, 340, 359, 467, 500, 510, 520, 530, 532
Писистратиды 29, 102, 132, 134, 164, 171, 181, 196, 199, 205—207, 220, 222, 224—226, 260, 318, 322, 324, 327, 329, 330, 333, 360, 376, 460, 507
Пистоксена мастер 63
Писфетер 372
Питтак 194
Пифоклид 278
Пиччирилли Л. 99, 101
Платон Комик 22, 36, 118, 152, 206, 208, 355, 362, 368, 382, 396, 488, 512, 516, 517, 536, 539
Платон (философ) 26, 36, 39, 42, 156, 161, 212, 253, 278, 279, 293, 361, 427, 498, 515, 517—519, 523, 527, 529, 539
Плутарх 21, 36—39, 47, 65, 85, 88, 112, 132, 135, 136, 139, 141, 142, 146, 150, 158, 159, 170, 198, 208, 212, 218, 237, 242—245, 247, 249, 253, 256, 258, 270, 271, 287, 289, 300, 301, 311, 330, 331, 334, 337, 339, 341, 353—355, 382, 383, 390, 406, 424—426, 434, 477, 483, 508—512, 514—516, 539
Подосинов А. В. 8
Полигнот 38
Полидевк, Юлий 39, 41, 187, 209, 237, 519, 539
Полиевкт 499, 508, 520, 532
Поликрат (софист) 115, 158, 523
Поликрат (тиран) 359

Поллукс — см. Полидевк, Юлий
Полякова С. В. 522
Праксиад, сын Зениса 446
Престель Г. 297
Прушакевич Т. В. 499
Псевдо-Зонара 42, 536, 539
Псевдо-Ксенофонт 437
Псевдо-Фемистокл 521, 522, 539
Птолемей Хенн 35, 191, 516, 529, 539
Пьерар М. 469

Раафлауб К. 161
Рабинович Е. Г. 522
Радциг С. И. 501, 505, 508
Рансимен У. 212
Рапке Т. 99
Раубичек А. Э. 26, 45, 55, 66, 74, 79, 91—93, 105, 111, 112, 128, 134, 155—157, 159, 160, 170, 171, 176, 193, 195, 205, 231, 232, 244, 278, 285, 330, 370, 436
Рейнмут О. 87, 88, 233
Репина Л. П. 9
Робарт А. 99
Робинсон К. 97, 98
Робинсон Э. 199, 470
Родс П. 11, 12, 100, 103, 344, 389—391
Розивач В. 98
Ройк 79
Рушенбуш Э. 11, 297

Саламинии 152
Сапрыкин С. Ю. 9
Светоний 118, 516, 539
Селена 371
Селиванова Л. Л. 9
Сигер Р. 98
Сили Р. 11, 296, 317, 320
Синкелл, Георгий 522
Синклер Р. 296, 478
Сириск (историк) 447
Сириск, сын Каллия 447
Смирин В. М. 9
Смыка О. В. 9
Смышляев А. Л. 9
Снелль Б. 213

Соболевский С. И. 498, 509—511
Сократ из Анагирунта 337
Сократ (философ) 32, 115, 156, 158, 278, 361, 362, 376, 388, 395, 480, 498, 505, 512, 523, 535
Соломатина Е. И. 9
Соломоник Э. И. 121, 446—449
Солон 146, 147, 183, 184, 198, 202, 204, 211, 225, 269, 310, 314, 317, 405, 467, 480, 500
Сопатр 523, 539
Софокл 293, 357, 393
Стагирит — см. Аристотель
Старр Ч. 300
Стейвли Э. 103, 233
Стесимброт 26, 338
Стефан Византийский 159
Стефанек Ф. 114
Страбон 201, 202, 455, 465
Стратановский Г. А. 147, 488, 489, 504
Страусс Б. 11, 296, 482
Стрелков А. В. 9
Стрепсиад 376
Строгецкий В. М. 119, 197, 298, 507
Стэнтон Г. 74, 91, 94, 95, 180
Сэмонс Л. 297
Сэмюэл Э. 233

Таврей 493
Тейбер Г. 114
Телесин 131, 500
Темен 269
Темениды 470
Тесей 32, 38, 44, 45, 126, 127, 129, 188—191, 358, 359, 410, 504, 519, 522, 526, 527, 531, 532, 535, 538
Тимарх 188, 498, 499, 526, 532
Тимей из Тавромения 34, 264, 474
Тимей (неоплатоник) 39, 523, 539
Тимокреонт 21, 115
Тимолеонт 219
Тимон 526
Тимофан 219
Тисандр, сын Исагора 72
Токмаков В. Н. 9
Томпсон Х. 103
Томсен Р. 56, 90, 104, 112, 123, 167, 173, 175, 189, 223, 297, 420, 458

Трейл Дж. 109
Тригей 371
Трофимова М. К. 9
Трухина Н. Н. 302, 506
Туманс Х. 120, 204, 221
Туровский Е. Я. 447, 448, 467
Тыжов А. Я. 498
Тюменев А. И. 463

Уильямс Дж. 100
Уичерли Р. 100, 103, 237
Уоллес Р. 293
Уолтерс К. 98
Утченко С. Л. 302
Уэйд-Гери Г. 140, 166, 186, 264

Фабий Максим 511
Фанодем 26
Феаген 462
Феак, сын Эрасистрата 36, 144, 234, 420, 433, 434, 436, 439, 441, 511, 512, 516
Фемистокл 21, 22, 25, 26, 33, 34, 36—38, 44, 52, 54, 57—59, 63—65, 69, 70, 72, 75—78, 81—83, 86, 87, 92, 98, 108, 114, 115, 119, 126, 132, 136—139, 161, 163, 166, 170, 177, 178, 181, 184, 193, 194, 208, 212, 239, 240, 257, 261, 270, 271, 273, 280—286, 300, 309, 312, 313, 319, 320, 322, 324—327, 330—335, 338, 346, 348, 350, 351, 354, 365—368, 395, 410, 418, 425, 445, 446, 449, 468, 488, 489, 498, 501, 505—509, 512, 514, 517—519, 524, 526—529, 536, 537
Фенипп (архонт) 131, 500
Феодор Метохит 42, 44, 288, 289, 426, 536, 537, 539
Феодор Студит 189
Феодорит Кирский 189
Феопомп 26, 40, 42, 73, 92, 137, 143, 275—280, 381, 499, 525—527, 539
Феофилакт Симокатта 189
Феофраст 27, 31—33, 36, 38, 40, 42, 45, 46, 92, 93, 113, 127—129, 183, 189—191, 229, 245, 358, 382, 383, 401, 436, 443, 444, 504, 512, 516, 519, 526, 531, 535, 538, 539
Ферамен 309, 310, 337
Ферли У. 436
Фессал 130, 155
Фигейра Т. 98, 100
Фидий 160, 268
Фидиппид 376
Фидон (афинский политик) 308

Фидон (тиран Аргоса) 470
Филаиды 65, 72, 126, 155, 178, 197, 220, 261—264, 280, 305, 333—335, 358
Филемон 370, 374
Филин 92
Филипп II 26, 499, 526, 527
Филист 34
Филлипс Д. 96, 100, 236, 240, 245, 281
Филон, сын Лисиса 446
Филострат, Флавий 38, 288, 522, 540
Филохор 32, 33, 35, 37, 39, 47, 85, 86, 88, 92, 113, 121, 146, 168, 208, 231, 236—238, 241, 242, 244—246, 253, 256—258, 266, 275, 382, 383, 400, 505, 508, 540
Финли М. 11, 125, 300, 403, 486
Флавий Филострат — см. Филострат, Флавий
Фласельер Р. 98
Фокион 401, 402, 480
Фома Магистр 42, 537, 540
Форнара Ч. 98, 173, 297
Фотий, патриарх 42, 189, 191, 209, 529, 530, 540
Фрасибул (тиран Милета) 502
Фриних (драматург) 327, 334
Фриних (политик) 311, 420
Фринон 193, 194
Фролов Э. Д. 120, 129, 214, 297, 311, 313, 421, 489, 497, 499, 528
Фролова Н. А. 8
Фрост Ф. 98, 101
Фрэнсис Э. 64
Фудипп 338
Фукидид из Гаргетта 525
Фукидид, сын Мелесия 26, 36, 37, 73, 86, 87, 99, 127, 139—141, 152, 166, 211, 263—266, 275, 279, 299, 304, 319, 340, 341, 343, 344, 346, 348, 350, 406, 410, 418, 511, 516, 524, 525, 527, 528
Фукидид, сын Менона 155, 525
Фукидид, сын Олора (историк) 22, 36, 40, 115, 141, 143, 144, 149, 156, 166, 206, 208, 248, 263, 264, 277, 298, 299, 301, 308, 309, 320, 388, 435, 475—477, 482, 489, 511, 520, 525—528, 530, 533, 537, 539, 540
Фукидид, сын Пантена 525
Фукуа К. 99

Хайдеггер М. 293
Хайрий 452, 453
Хаметер В. 114
Хансен М. 8—10, 11—14, 234, 235, 248, 249, 255, 295, 307, 418, 475, 477—479, 482—485

Хантер В. 11
Харви Ф. 103, 195, 289
Харикл, сын Гермодора 448
Хармин 489
Харрис У. 103, 292, 384
Хедрик Ч. 291, 292
Хейс А. 199
Хелькескамп К.-Й. 99
Хефтнер Г. 97, 99, 114, 116
Хигнетт К. 169
Холл Л. 97, 112, 201, 203, 210, 233, 268, 365
Хоммель Х. 101
Хремет 73
Хэммонд Н. 323
Хэндс Э. 100, 112, 175, 176, 193, 195, 400, 401

Цец, Иоанн 42—44, 288, 426, 534, 540
Цицерон 25, 33, 129, 424, 455, 505, 540

Чемберс М. 98
Черных А. П. 9
Черчилль У. 171

Шайдель В. 114, 116
Шапиро А. 100, 101
Шахермейр Ф. 174, 179
Шир Т. Л. 77
Шнейдервирт Г. 463
Шрейнер Й. 97, 169
Шрёдер З. 100
Штейн-Хёлькескамп Э. 296

Эвтипп 514
Эгисф 494
Эдер Б. 114
Элиан, Клавдий 38, 128, 129, 177, 196, 197, 522, 540
Элий Аристид — см. Аристид, Элий
Элли Б. 99
Эльпиника 41, 44, 65, 79, 206, 274, 333, 337, 338, 367, 376, 377, 510, 522, 531, 532
Эндрюс Э. 99
Эпаминонд 512
Эрасистрат 434
Эренберг В. 12, 296

Эретрией 70
Эсхил 38, 293, 357, 520, 521
Эсхин (оратор) 115, 130, 188, 298, 404, 432, 498, 526, 532, 539, 540
Эсхин Сократик 26
Эсхрон, сын Дионисия 448, 449
Этеобутады 220, 314
Эфиальт 107, 108, 114, 119, 122, 189, 274, 276, 315, 316, 419, 135, 136, 144, 150, 153, 235, 337, 338, 340, 388, 510
Эфор 34, 138, 170, 245, 258, 275

Юлиан 426

Яйленко В. П. 127, 214
Якоби Ф. 34, 40, 103, 128, 169, 172, 173, 227, 231, 244, 245, 258, 275, 277

SUMMARY

Igor E. Surikov

OSTRACISM IN ATHENS

1. During last years ancient historians often note the importance that studying political institutions of Greek democracy has for better comprehension of that State system. One of such institutions — and one that played a significant role in the life of fifth-century B.C. democratic Athens — was ostracism. It can be defined as politically motivated extrajudicial banishment from the *polis* of the most influential citizens, for a fixed period (10 years), without any deprivation of civil rights (including property rights) and with subsequent full restoration of political rights. The banishment was exercised through the *demos'* vote in the assembly, using a special procedure (with inscribed clay sherds as ballots).

When applying to the history of ostracism, the author was led by the following reasons. On the one hand, he considered it a possibility to make a contribution to the researching the institutional aspect of political life in the democratic Athenian *polis*, especially as many historical and procedural details of ostracism remain up till now debatable and not enough clear, although the institution has long been studied in world scholarly literature (as to Russian historiography, the phenomenon of ostracism has been subject of almost no study yet). On the other hand, it was also a possibility to dive, so to say, to the very milieu of the classical Athenian political struggle, to the boiling of passions, interweaving of interests, high tension of internal conflict — all features distinctive of that struggle. Ostracism was one of its principal elements. It is possible to say without any exaggeration that a large and exceptionally important historical period (almost coinciding chronologically with framework of the fifth century B. C.) passed «under the badge of ostracism». So when studying that institution one constantly has to consider non-institutional factors, such as clashes of different factions, interrelations of political elite and the *demos*, mechanisms of forming and displaying public opinion in the democratic *polis*. It is in that way that ostracism may and should be investigated: at the «junction» of institutional and non-institutional approaches, of constitutional history and history of political processes, in the context of public life in the whole.

Presently, Athenian ostracism is attracting more and more attention in the world research literature. In some respects, it is promoted by broadening of the source base, mainly by publications of *ostraka* (clay «ballots») discovered in Athens in large quantities. In the light of these finds that carry very valuable information, the study of ostracism in becoming one of the most prospective and urgent trends in investigating classical antiquity.

2. The principal object of this work is to undertake a study of Athenian ostracism as full and comprehensive as possible under present condition of sources. Such an object conditions specific tasks we have to deal with. They include consideration and solution of the following problems:

– the chronology of ostracism (Chapter I);

– the origin of ostracism; time, causes and purposes of its introduction (Chapter II);

– the procedure of ostracism (Chapter III);

– functions of ostracism in the political system of Athenian democracy and its role in the political life of the democratic *polis*; main stage in the history of ostracism (Chapter IV);

– causes of falling of ostracism into disuse in the late fifth century B. C.; institutional mechanisms that replaced it (Chapter V).

As ostracism in its «classical» form functioned in the Athenian state throughout the fifth century B. C. (from 487 to 415), it is this piece of time that is chiefly under consideration in the book. At the same time, also used are some data belonging both to the earlier, archaic epoch (it is necessary to expose «roots» of ostracism, those institutional realities from which it had grown) and to the later period, the fourth century B. C. (as during that period ostracism was in nominal existence, although never in use, and also as such perspective allows to trace how the «end of ostracism» influenced the general political situation). In connection with ostracism, the book deals principally with Athenian material, as it (and only it) has some degree of integrity and comprehensiveness and allows responsible conclusions. This circumstance conditions geographical framework of the investigation. Scant and contradictory information on ostracism in other Greek cities is analyzed in a special excursus (Appendix I).

3. As we have told above, for a comprehensive study of ostracism the most desirable method would be a constructive synthesis of «institutional» and «non-institutional» approaches, provided positive sides of both. In our case, it should be manifested in researching the institution in question in close connection with political processes of the epoch and society that used it. The general methodological base of the work is the system conception of *polis* as an integral political and socio-cultural body in which all aspects of public and ideological life are interconnected and mutually conditioned; so they must be investigated not separately but integrally.

In other words, we believe that isolated analysis of material out of touch with the historical epoch should be avoided. In particular, the institution of ostracism should be a subject of thorough study in the context of *polis*, as an integral element of its political system and political life. We see as one of our tasks an attempt to show how general changes in the classical Athenian *polis* naturally influenced ostracism (its introduction, more frequent or rare use, becoming obsolete). One may say that our general methodology is most similar to the concept of *histoire totale* advanced by French historians of the *Annales* school. We are far-

away from primitive determinism, from a notion about rigid conditioning of on forms of social reality («secondary» or «superstructural») by others («primary» or «basic»), whether the latter are interpreted as economic relations, or political system, or mentality of the epoch, or anything else. In our opinion, all those spheres developed and evolved as parts of an integral body, only through close mutual connections.

As applied to the history of ostracism, such an approach implies, in particular, disagreement with the common opinion of that institution as exclusive feature of democratic *poleis*. In the course of investigation we try to show that ostracism (surely if we deal not only with its specific «Clisthenic» form, but take the phenomenon on a broader base) was not determined by democracy, but could be (and really was) used in one or another form in various Greek political systems, such as aristocracy, oligarchy, etc. Ostracism was an outcome rather of *polis* as such than of some specific *polis* form.

For most effective and comprehensive research of Athenian ostracism such a methodological approach is very useful as correlated study of diverse source types. It is especially actual for ostracism, for, as we shall see below, there are two main kinds of sources that give information on it. They are, *a)* data of ancient narrative tradition, and *b) ostraka* and inscriptions on them, that is, artifacts of material and epigraphic character. Both of these source types have strong as well as weak sides. So, the main value of *ostraka* consists in the fact that they are contemporary and absolutely authentic sources. However, information they bear can be fully interpreted only in light of written sources, as inscriptions on these «ballots» are short, often in poor condition and in any case mostly do not contain any facts relating to specific causes of one or another *ostrakophoria* and to its historical context. As to the narrative tradition of ostracism, it is naturally much more informative. It contains information on a number of important details of ostracism and its history. But at the same time data kept by ancient writers are sometimes contradictory, and in some cases there are grounded doubts in the question of trustworthiness. It is *ostraka* that can serve in the greatest degree for verification of written information. Thus, the two above-mentioned kinds of sources on ostracism are mutually complementary.

The comparative-historical method also takes some place in the study. As ostracism displays certain features of resemblance with archaic forms of banishment, which had religious and ritual character (in particular with the scapegoat rite peculiar to many ancient cultures), we have to touch upon specificity of rites in question and to compare them with ostracism, in order to better define origins and characteristics of the latter.

4. The research novelty of the monograph is defined by the following circumstances:

— it is the first in Russian literature and one of very few in world literature (after a break of several decades) comprehensive and full-scale study of ostracism. The history of the institution is investigated on up-to-date level,

in detail and in the whole complex of all aspects;

— the author draws intensely not only data of narrative tradition, but also material of *ostraka*, which is only presently beginning to be introduced into scholarly circulation on a large scale. Accordingly, ancient historians have almost not yet used that material;

— the author attempts to reconstruct as fully as possible the chronological sequence of events connected with the history of Athenian ostracism;

— the author suggests new interpretations and solutions for a number of problems: historical roots of Athenian ostracism, its chronological and substantial relation to analogous procedures in other Greek cities, reconstruction of wording in the law that introduced ostracism, means of political propaganda during the periods of ostracism, the dates of some *ostrakophoriai*, factors that favoured cessation of ostracism.

Therefore, both statement of questions and principal conclusions are new in scholarly respect.

5. The monograph consists of the introduction, surveys of sources and literature on ostracism, five chapters that are subdivided into sections, the conclusion, six appendices (three textual excurses, collection of narrative testimonies on ostracism in Russian translation, statistical catalogue of *ostraka*, and chronological table), bibliography and a list of abbreviations.

In the *Introduction* the author grounds the choice of the research theme and its importance, emphasizes the subject, purposes and tasks of the study, its structure and methodological base. In addition, a preliminary working definition of ostracism is given.

6. Then there follows a section on «*Source base of the study*». First, the narrative tradition on ostracism is considered. This tradition (ancient and continuing it Byzantine) may be characterized in the following way. The source complex in question is very extensive in all respects: chronological (it embraces texts from 5th century B. C. to 15th century A. D., that is, stretches for two millenniums), genre and thematic (we have works of historians, philosophers, philologists, orators, poets, dramatists, on the whole representatives of virtually all genres of ancient literature), and, what is especially significant, in substantial respect: it treats in one or another degree of most key problems of ostracism history.

We included 181 texts by 68 writers in the collection of testimonies that is supplemented to the book. Naturally, among numerous authors who refer to ostracism there are the most important ones: they preserved particularly valuable information. Of the Classical Greek writers, historians Herodotus, Thucydides, Androtion and Theopompus, playwrights Aristophanes and Plato, the orator Andocides, philosophers Aristotle and Theophrastus should be mentioned; of the Hellenistic and Roman ones — historians Philochorus and Diodorus, biographers Nepos and Plutarch, lexicographers Pollux, Harpocration

and others. Among the latest sources, belonging to Late Antiquity and Byzantine times, we should mention anonymous scholiasts and authors of glossaries (Hesychius, the patriarch Photius, the *Suda* and others), who rest upon works of earlier writers that are by now lost.

So narrative sources in our possession are representative for the range of problems we are dealing with. They allow to exercise a full-scale investigation and to come to responsible and reasoned conclusions. At the same time, the complex of those sources is not boundless, and there is in fact no hope of any considerable increase. However, this circumstance can be also added to positive factors that favour successful work. Of course, it is a pity that much is lost, but now we have a clearly outlined circle of testimonies, and this allows not to «sink» in an immense sea of facts and opinions.

On the other hand, there are factors that impede research. Fragmentary character of the tradition on ostracism should be mentioned. Unfortunately, that tradition came to us by no means in all its links, and it has many gaps. In the present condition of sources, we cannot draw full and comprehensive picture of haw Greek notions about ostracism were developing. On some details of ostracism history we have no or almost no information; on others we have some information, but it is too general and scanty; on still others information in our possession does not seem to be quite authentic. Therefore, we have to reconcile ourselves to the fact that on some aspects of our topic only hypothetical judgments are possible, which do not claim to be final and unreserved and which may always be questioned. Fortunately, it does not apply to most important and fundamental aspects of ostracism, its essence, functioning and evolution; such aspects are elucidated by tradition, as a rule, more or less sufficiently.

Each one who studies ostracism deals inevitably with the problem of reasoned making into mutual agreement of contradicting testimonies. Among them are, *inter alia*, disagreement between Androtion and Aristotle on the problem of the date ostracism was introduced, between Philochorus and Plutarch about the meaning of number 6000 as applied to ostracism, and so on. At the present stage the task is, as far as we can judge, not so much statement of one writers' error and the other's rightness (in a lot of cases we simply have yet no possibility to estimate who is right and who is wrong), as exposing causes of disagreement, tracing the tradition under this or that evidence, if possible up to its origins. The task is certainly difficult but not always impossible to carry out, and in virtually any case such an approach leads to definite positive results.

While studying ostracism, such methods must prove to be most efficient, which are connected with complex and synthetic use of all source types in order to reconstruct integral and non-contradictory picture of events. In particular, extremely important for supplementing and correcting data of narrative tradition is analysis of other source material. We turn now to describing the latter, and first of all we should emphasize that the most significant of non-narrative sources are certainly *ostraka*, inscribed sherds used by Athenian citizens for voting at ostracisms.

At present more than 10000 *ostraka* have been discovered, although far from all of them have been properly published. Those ballots belong in all respects to most valuable sources on the theme we deal with. Information that is obtained through studying them can and must be drawn intensely and on the full scale in the course of consideration and solution of all problems relating to ostracism, as this information verifies, supplements and often corrects evidences of written tradition. *Ostraka* are especially useful for investigating such questions as prosopography of Athenians ostracized, means of political struggle and political propaganda at the time of ostracisms.

At the same time, when using *ostraka* as a source, some cautions are necessary. One should be conscious of difficulties and not yet solved (or unsolvable in principle) problems raised by that artifacts. We mean chiefly difficulties of chronological character, as for a number of reasons (first of all for insufficient clearness and reliability of applied dating criteria — archeological, paleographical, etc.) the date of many *ostraka* is inexact or debatable.

7. There follows the «*Survey of historiography*». Research works devoted specially to ostracism started to appear already in the last half of the 19th century (K. Lugebil, I. M. J. Valeton, A. Martin). In the first half of the next century several fundamental monographs on ostracism were published (J. Carcopino, A. Calderini), although by the present time they should be considered in some measure outdated. The reason lies not in shortcomings of those books, which were for their time important steps forward, but in the fact that new huge source material has appeared since their publication. We mean discoveries of *ostraka* that increased very much our knowledge of ostracism and must not now remain unconsidered. During last several decades almost no comprehensive monographic studies of ostracism appeared. The book by E. Vanderpool (1970) is rather popular, the monograph by R. Thomsen (1972) deals with only one specific problem (the origin of ostracism), and the book by M. Lang (1990) is not an investigation but a publication of *ostraka* from the Athenian Agora. As regards the most recent monograph by S. Brenne (2001), although its title includes the word «ostracism» the book in fact deals with another circle of problems (prosopography and onomastics). None of the above-mentioned books, notwithstanding all their merits, can be named a synthetic study of ostracism, a kind of new «landmark» in investigating that institution.

Presently the study of ostracism in world scholarly literature is developing in several main directions: publishing *ostraka* from Athens (E. Vanderpool, D. J. Phillips, M. Lang, F. Willemsen, S. Brenne, G. Németh, J. McK. Camp); scrupulous analysis of narrative tradition on ostracism, attempts to solve contradictions among different ancient writers (R. Werner, A. E. Raubitschek, J. J. Keaney, R. Develin, K. H. Kinzl, and, most recently and profoundly, the volume «Ostrakismos-Testimonien I», 2002, prepared by a group of Austrian and German scholars under the guidance of P. Siewert); studies of individual ostracisms, their chronology and historical context (L. Piccirilli, P. Krentz, G. A. Lehmann, B. M. Lavelle, K. H. Kinzl, P. J. Rhodes); efforts to define the place of

ostracism in the system of Athenian democracy and in the public life of classical Athens (A. E. Raubitschek, D. Kagan, C. Mossé, L. G. H. Hall, P. Siewert, H. B. Mattingly, M. R. Christ, D. C. Mirhady). In virtually all of these directions significant achievements have been reached; all the more urgent a new general and comprehensive monograph on ostracism appears to be. The aim of the present book is to fill that gap.

In Russian classical studies ostracism, to our regret, virtually has not yet been an object of special study. Apart from brief mentions of that institution in general works on Ancient Greek history, we can enumerate only a few articles on ostracism (S. I. Ginzburg, S. G. Karpyuk, J. G. Vinogradov). The author of this book has written a number of papers on various problems of ostracism.

8. Chapter I «*Problems of chronology*» is devoted to consideration and solution of chronological problems connected with ostracism. Most important is ascertainment as exact as possible dates of known *ostrakophoriai*. We consider these questions first in the order of priority because without preliminary solution of them it is virtually impossible to turn to subjects of more general and principal character. We think that in the very beginning we should establish a definite foundation of facts reliably placed and dated, so that then, when analyzing controversial problems, we could base our interpretations on this foundation.

Sources report eighteen cases of ostracism in Athens. As we have managed to ascertain, ten of these cases can be considered quite trustworthy and authentic; they really took place. They are ostracisms of Hipparchus son of Charmus, Megacles son of Hippocrates, an Athenian unknown by name (most probably Callias son of Cratius), Xanthippus, Aristides, Themistocles, Cimon, Alcibiades the Elder, Thucydides son of Melesias, and Hyperbolus). Five ostracisms are unauthentic: those of Theseus, Clisthenes, Miltiades, second ones of Megacles son of Hippocrates and Alcibiades the Elder. Three ostracisms should be considered questionable (those of Menon, Callias son of Didymias, and Damon), although we are rather inclined to recognize them historical.

Considerable difficulties appear in connection with chronology of the enumerated events. As the main result of our chronological investigations, we have established the dates for ostracisms known from sources. Some of these dates are possible to fix with quite sufficient exactness; others have character somewhat more approximate and/or open to question. However, fluctuation of dates rarely exceeds the bounds of a few years. In general, we have managed to reconstruct in some detail the chronological design of Athenian ostracism and its history in the 5th century B. C. It can serve as the base for further study. The material obtained is the basis of the chronological table (Appendix VI).

9. In Chapter II «*The origin of ostracism*» we deal with the problems of date, causes and purposes of the institution's introduction. We think necessary singling out several aspects within this theme; so the chapter is divided into three sections.

In section 1 «*The date of introducing the law on ostracism in Athens*» we examine the question, which by now can be considered in most respects already answered. By efforts of ancient historians belonging to several generations, as a result of continuous discussion, at present we can regard as firmly established that the event in question is a part of Clisthenes' reforms and does not date from any later time. In the series of democratic transformations carried out by Clisthenes, ostracism chronologically takes one of the first places. It is most probable that the law on ostracism was issued in 508/7 B. C., in the course of struggle between Clisthenes and Isagoras.

As regards the so-called «Androtion's testimony» (FGrHist 324 F6), which was previously the main argument of scholars who thought ostracism was introduced in early 480es B. C., that evidence is in fact fruit of misunderstanding. The late lexicographer Harpocration who preserved the fragment incorrectly cited Androtion's «Atthis». There is no forcible reason for maintaining that Androtion believed the law on ostracism to be of such a late date. The twenty-year break between the introduction of ostracism and its first use also cannot be an argument against the direct statement by Aristotle (Ath. pol. 22) and other ancient writers that Clisthenes was the initiator of the law. The break is quite explainable by specific reasons particular for internal political situation in Athens on the verge of Archaic and Classical periods.

10. In section 2 «*Ostracism before Clisthenes?*» we pose the question in a broader way: should Clisthenes be considered the «father» of ostracism? If we mean the «classical» form of ostracism, in which this institution existed in fifth-century Athens, from the exile of Hipparchus son of Charmus to the exile of Hyperbolus, the answer will naturally be yes. However, on the base of various direct and indirect data aggregated it is possible to say with sufficient confidence that the «classical» procedural form of ostracism was neither the sole nor the earliest one. The institution in some other form (or similar procedures) existed in Athens and in Greece as a whole even in pre-Classical time. Ostracism did not arise finished from Clisthenes' head like Athena from Zeus' head. The reformer did not create something absolutely new; rather he modified an institution already in existence and adjusted it to the conditions of the new-born democratic *polis*. He made ostracism a prerogative of the *demos*, the *ekklesia*, and he perhaps also made it a procedure of regular and not sporadic character. By the way, there was a trend in the narrative tradition that did not consider Clisthenes the inventor of ostracism. In particular, such a competent scholar as Theophrastus (fr. 131 Wimmer) thought that already Theseus had been ostracized. To be sure, we by no means believe in the ostracism of that mythological figure as an historical fact, but it is important that there was a notion of a pre-Clisthenic origin of the institution.

Therefore, procedures that gave birth to ostracism (we call such procedures «proto-ostracism») existed even before Clisthenes, that is, in the archaic and aristocratic epoch of Athenian history. The main difference was that the voting was

carried out at that time not yet by the assembly but by the Council (in the sixth century B. C. by the Council of Four Hundred, and earlier, before Solon, possibly by the Areopagus). It is interesting that a procedure similar to ostracism but conducted by the Council of Five Hundred was known in Athens as late as the fourth century B. C. (so-called *ekphyllophoria*). Even more interesting is that at the Athenian Agora some dozens of *ostraka* have been discovered, which date manifestly not from Classical but from Archaic period (the seventh and sixth century B. C.), a ballot against Pisistratus among them. If they are not connected with some early form of ostracism, they are in fact impossible to interpret at all.

The shaping of ostracism was, as far as we can judge, not an action that took place at one and single moment but a long process. At its initial stages, rites of religious and magic character played an important part, particularly the rite of scapegoat or *pharmakos*. However, in any case we should detach the question of the phenomenon's aetiology from the question of its actual function. Whatever ritual roots of ostracism might be, in the fifth century B. C. it was undoubtedly apprehended already as an institution quite secularized, and victims of ostracism scarcely were straightly associated with scapegoats (if only on the subconscious level).

As a result of the democratization in the Athenian *polis*, on the verge of the Archaic and Classical epochs, ostracism passed on from the hands of the aristocracy to the competence of the whole civil body. Such was the general character the emergence of Athenian democracy had: the *demos* perceived aristocratic by their origin institutions, aristocratic values, and adjusted them to itself, spread them to the whole mass of citizens. It adapted and did not dismantle them, to use S. Brenne's apt turn of phrase.

11. Section 3 is entitled «*Causes and purposes of the introduction of ostracism*». In other words, questions of principle are analyzed in it. We insist on distinguishing two aspects within this topic. Usually these aspects are mixed together, and it leads to incompleteness or even inaccuracy of the answers. On the one hand, the idea of ostracism as «prophylactic» banishment of influential persons arose already during the Archaic period at the junction of two trends in the political life, individualist and collectivist ones. These two trends were characteristic of the epoch when *polis* structures and *polis* mentality were being shaped. Early forms of ostracism («proto-ostracism») were a means of mutual controlling each other by members of the aristocratic ruling elite, in order to avoid development the power any of them had into tyranny.

On the other hand, as regards Clisthenes' law on ostracism, it was issued in the specific situation on the verge of the Archaic and Classical epochs, and it made ostracism a prerogative of the assembly, that is, it introduced the «classical» form of ostracism, which were to exist during the 5th century B. C. The law keeps quite well within the framework of the whole series of Clisthenes' reforms, which gave the sovereignty in the *polis* from the hands of aristocracy to the hands of the *demos*. The latter, after having adopted the institution aristocratic by ori-

gin, became from that moment on the safeguard against revival of tyranny, against sharp outbursts of *stasis* and destabilizing political life. The *demos* also exercised through ostracism general control of the noble elite's activities, and that corresponded to its new role in the State. In addition, ostracism, being a measure rather mild and humane, was useful for regulating political struggle, which previously had often taken very brutal forms.

12. Chapter III «*Procedural questions*» is structured in the following way. In its first section the author brought together all source information on the procedure of Athenian ostracism, which, in general, arouses no or little discussions and perplexities. In other words, under consideration were those of procedural aspects, which appear in more or less clear light. In subsequent four sections of the chapter, we deal more profoundly with debatable problems, which either have no clear answer in the sources, or have several alternative answers, so that one must choose.

In section 1 «*General information on the procedure of ostracism*», as a result of considering source data we conclude that on the whole the procedure in question is known sufficiently well, as many ancient writers report its various aspects and details, and these reports in most cases agree with each other.

Ostracism, in its procedural respect, was a special kind of assembly meeting, which, owing to some circumstances (of both pragmatic and, probably, ritual character), was held in the Agora even after other meetings had moved to the Pnyx. There was no debate; no formal «candidates» for ostracism were nominated beforehand, so every citizen was free to write any name on his ballot. The voting at ostracism was secret *de iure*, but in fact nobody saw to strict observance of secrecy. There were also no generally accepted norms of inscribing *ostraka*.

13. In section 2 «*6000 votes — quorum or minimum?*» one of the most important, complicated and debatable problems connected with the procedure of ostracism is analyzed. The question is what exactly means the number 6000 that appears in some ancient descriptions of the institution. There are two versions of answer: the number is either general quorum obligatory for recognizing the ostracism valid, or minimal quantity of votes *against one person* necessary for his banishment. There are testimonies by Greek writers in favour of both suggestions. The Atthidographer Philochorus (FGrHist 328 F30) wrote most authoritatively about the minimum of 6000; Plutarch (Aristid. 7) thought the number to be the quorum. Therefore, disagreement and even contradiction is present within the narrative tradition. Correspondingly, opinions in modern scholarly literature are also diverse; some ancient historians accept Plutarch's «quorum theory», and others — Philochorus' «minimum theory».

Our investigation of the problem allows to maintain (with much more degree of probability if not categorically) that 6000 votes were no general quorum but the necessary minimum for one person. The latter, not the quorum, was taken into account in early epoch, when ostracism still was a prerogative of the Council

and not the assembly: at that stage a person was exiled if there were 200 votes against him. And there is no reason to suppose that in the period of «classical» ostracism the situation was different. Arguments listed by those scholars who admit Plutarch's rightness appear under close consideration to be rather postulates than facts surely proved.

It is necessary to emphasize that, as far as we can judge, in Ancient Greek democracies and generally in terms of *polis* mentality, more important category was not quorum (that is some abstract aggregate of citizens, irrespective of opinion each of them had), but the degree of unanimity (*homonoia*) when taking a decision. At the centre of attention was not how many people were voting, but how many of them made the decision by their votes.

14. In section 3 «*On residences of the Athenian ostracized*» the author makes the following observations. The original text of Clisthenes' law on ostracism contained no formulations that prescribed any residence to the exiled persons or put any special territorial limitations on them. It was supposed that a victim of ostracism should simply leave the boards of the Athenian *polis*, that is the territory of Attica.

But in 480 B. C. an amendment was introduced into the text of the law (Arist. Ath. pol. 22. 8; Philochor. FGrHist 328 F30). Its purpose, as we tried to ascertain, was to prohibit the exiled persons from that moment on to cross towards Athens the line marked by such points as Heraestus (the southern extremity of Euboea) and Scyllaeum (the eastern extremity of Argolis and the whole Peloponnesus). Among the reasons for introducing the amendment we should enumerate (in order of importance): striving to avoid residence of the exiles too close to Attica, as it could provoke danger on their part; desire to outline some kind of maritime frontiers of the Athenian *polis* in the Saronic Gulf; prohibiting politicians ostracized to live in Aegina, an island hostile to Athens.

15. In section 4 «*On the duration of the exile*» we note that, according to the Clisthenes' law (and, to all appearances, also before Clisthenes) the period of ostracism was ten years. However, the Athenian assembly had full and unlimited power to annul its decision and to pass a decree on pre-term return home of one or more citizens ostracized. Several times the *demos* used that power. In 480 B. C., in view of the danger that arose in connection with Xerxes' invasion, all the victims of the first ostracisms (Aristides, Xanthippus and others) were recalled. In 457 B. C., Cimon was allowed to return before the appointed time, in order to reduce tension in relations between Athens and Sparta.

There is a possibility (however, not very great) that on some stage of the democratic Athens' history (but not later than in 450es B. C.) an amendment was introduced into the law on ostracism that reduced the duration of exile from ten to five years. In any case, some sources (Philochor. FGrHist 328 F30; Diod. XI. 55. 2) report such a reduction. In the present condition of source material, the problem cannot be solved categorically.

16. There have been discoveries of *ostraka* groups, which, to judge from some peculiarities, had been prepared obviously beforehand, not on the day of the ostracism. In section 5 «*To the question of* ostraka *prepared beforehand*» the author considers reasons for appearance of such artifacts. It is noted that, in spite of the common opinion, not all known cases of *ostraka* prepared beforehand can be regarded results of *hetaireiai*'s activities and attempts of political manipulations. In a number of cases with much more probability we can say that such *ostraka* were prepared by scribes, who sold them during ostracisms. We are almost sure that such was the case of 190 *ostraka* with Themistocles' name discovered in 1939 in a well at the north slope of the Acropolis. The ballots had been inscribed by only 14 diverse hands.

It is necessary to emphasize that citizens of democratic Athens resorted to the help of scribes not because they were in bulk illiterate. It is by no means true, although such judgments are not rare in scholarly literature. Simply inscribing an *ostrakon* was connected with certain technical difficulties, and sometimes the easiest way out of the situation was purchase of a ballot prepared and inscribed.

17. In Chapter IV «*Ostracism in Athenian political struggle*» one of the chief aspects of the whole investigation is subject of analysis. Very important are the following questions: what place did ostracism take in the context of political struggle in Classical Athens? What were its functions, and did those functions remain immutable, or did they undergo some evolution? Is it possible to outline certain stages in the history of ostracism in connection with some changes in Athenian political conflicts? However, before passing to direct consideration of these specific problems, it proves to be necessary, for better understanding of history and functioning of the institution in the system of Athenian democracy, to touch preliminary upon topic of more general character, namely main peculiarities of political (and public on the whole) life of Athens, of internal political situation in the Athenian *polis* during the century when ostracism existed in its «classical» form, that is the fifth century B. C. Dealing with such themes, even if limited scope, is dictated by the logic of research; it is, as far as we can judge, not only justified, but simply inevitable, so far as we are studying a historical phenomenon not in some «vacuum», nut in its proper context.

Accordingly, the chapter is opened by section 1 «*On some peculiarities of political life in fifth-century B. C. Athens*», in which, as can be seen from the title, we by no means attempted to enumerate and consider *all* main features of political life and political struggle in the Athenian *polis* of the period mentioned: such a task would have require a separate monographic study. We were interested primarily in those features, which are relevant for the main theme of the book — functioning of ostracism. It seems necessary to emphasize the following particular aspects.

The internal political situation in the Athenian *polis* of the Classical epoch was notable for its complicacy and fraction. It by no means resembled the «two-party system» characteristic of many modern democracies. There were a large

number of small political groups, which could unite and make coalitions to reach certain aims. The groups in question were not mass organizations; they emerged and existed in the milieu of the political elite. Their character was not abstract and ideological but personal; in each group the role of the leader (individual or collective, as one or another noble family) was extremely great. Questions of external politics were very important in the struggle of the factions, and these questions were comprehended also not abstractly but on quite personal level.

What has been said is relevant for the Classical epoch as a whole. As to such particular period as the fifth century B. C., which attracts our attention in the greatest degree, it takes a special place in the Athenian history. The century in question was a transitional period between the pre-Clisthenic epoch, with its aristocratic rule in the public life and flourishing of regionalism, and the epoch after the Peloponnesian war, when democracy had already developed into its final form, and the nobility as a social stratum had left the political stage. During most part of the fifth century, we can observe some kind of «diarchy» or equilibrium between two leading forces, the *demos* and the aristocracy. There was certain distribution of powers between them: members of the aristocracy had virtual monopoly to highest posts, and the *demos* through the assembly and the courts exercised the supreme control over their activities on those posts. The *demos*' attitude to the nobles was ambiguous: it used their political traditions, their experience and connections in order to govern the state more efficiently, but at the same time it demonstrated constantly its alienation from them and inflicted repeatedly various repressions upon them. The equilibrium was unstable and it raised continuously sharp political conflicts. For all this, during the whole period in question standing of aristocracy always deteriorated, and by the end of the fifth century its importance was reduced to zero.

18. Now, with regard for what has been said, it would be proper to try a definition of ostracism's main functions in the political system of the Athenian democracy. However, before doing it, so that our conclusions do not seem unfounded, it is necessary to analyze factual material and to point main stages the history of ostracism passed during the functioning of the institution in Classical Athens.

In section 2 «*Main stages of the ostracism's history in connection with the evolution of political struggle in Classical Athens*», after having studied the source information on specific ostracisms and their contexts, we managed to state a definite division of ostracism's history into period, as connected with changes in the character of public life in the fifth-century B. C. Athenian *polis*. With most grounds it is possible to mark out the following periods or stages in the functioning of ostracism:

I) 507—488 B. C.: ostracism exists only nominally and is not used in real political life;

II) 487—480 B. C.: sharp intensification in the use of ostracism (five cases during six years);

III) 479—462 B. C.: a period of «calm» (only one ostracism during almost two decades);

IV) 461—457 B. C.: new sharp intensification (three or four ostracisms during five years);

V) 456—416 B. C.: a new period of «calm» (one or two ostracisms during forty years);

VI) 415 B. C.: the last ostracism, which was essentially distinct from all previous ones in some of its characteristics;

VII) After 415 B. C.: ostracism exists only nominally and is not used in real political life.

Marking out these stages and considering them in total and in comparison allowed us to reveal important laws characteristic for the history of ostracism in the fifth century B. C. Intensification of using the institution took place, as a rule, when, first, constellation of political forces on some specific reasons took temporarily a «bipolar» character (two mighty alliances opposed to each other emerged out of many factions), and, second, debatable questions of external relations started playing a significant role in the political life.

19. With regard both for general character of Athenian political life of the Classical period and for empirical analysis of events connected with ostracism's history, it was possible to make conclusions reflected in section 3 «*Functions of ostracism in the political system of the Athenian democracy and their evolution*». As we have seen above (Chapter II), when the institution of ostracism in its «classical» form was introduced in the course of the late 6th century B. C. Clisthenic reforms, its main functions were «prophylactic» of tyranny and *stasis*, and control by the *demos* over aristocratic political elite. However, eventually, during the 5th century B. C., ostracism gained some new functions, which in some degree became even principal and moved original ones to the background (one can say the further the more). Rival political leaders used ostracism as a powerful tool of struggling with each other, and for the *demos* it became a means of choice (in a situation of bipolar opposition) between those leaders and their political lines (first of all external ones). It is possible also to say that ostracism was a peculiar means of compensating frustration within the citizen body in conditions of direct *polis* democracy, and a means rather humane).

It is necessary to note one more circumstance: ostracism, an aristocratic by its origin institution in the democratic *polis*, kept by tradition its orientation to members of the highest layer of the noble elite, and in this respect it can be considered a measure if not honourable, then in any case emphasizing great importance and authority of a politician who was subject to it.

20. Section 4 «*Ostracism and political propaganda*» contains materials and conclusions, which still are in many respects preliminary. As far as we know, nobody has yet dealt seriously with this aspect of the ostracism topic. Accordingly, we saw our task in this section not to obtain any results final and

categorically formulated (it is rather impossible at the present stage) but to state the problem, to point out its existence and to mark some prospects for further study.

The chronological periods of preparing and carrying out ostracisms were, at the same time, periods of sharp propaganda struggle of rival political groups and their leaders. The struggle became most active during the «election campaign» (however inaccurate is the expression), that is during the time between the preliminary decision on ostracism by the assembly and the voting as such.

Propaganda at such periods took a character personal in a great degree and also discrediting. It was conditioned both by the general important role of personal factor in political life of the Greek *polis* and by peculiarities of such an institution as ostracism, for it was in it essence directed against «powerful persons». A favourite method of propaganda was, in particular, so to say, «pinning labels», or, to say more terminologically, using personal invectives of various character, which actualized in public opinion one or another «image of enemy» and projected it to particular men. Such invectives, engendered undoubtedly by propaganda, are present in inscription on *ostraka* in sufficient quantity.

As far as we can judge, performances of comedies at Dionysiac festivals played especially important part in propaganda campaigns before ostracisms. This idea has already been suggested (by S. Brenne), but only as a guess), and we tried to substantiate it by confronting invectives on *ostraka* with invectives in comedies. The comparison proved to be fruitful and revealed a number of more or less close correspondences and parallels, which in most cases can scarcely be explained by pure coincidence. The same propaganda clichés that circulated in the public opinion were reflected both on ballots for ostracism and in the works of comedy playwrights. It is natural, as fifth-century B. C. Attic comedy had strongly pronounced political character.

21. The bulk of the monograph is completed by Chapter V «*On the cessation of using ostracism*». In its section 1 «*The last* ostrakophoria *and reasons for falling of ostracism into disuse*» we raise the question: why the ostracism of 415 B. C., as a result of which the demagogue Hyperbolus was exiled, was the last one, and because of what factors Athenians after that ceased to use ostracism in the course of internal political struggle?

Both in ancient and modern scholarly literature numerous explanations for that fact have been suggested. Almost all such explanations, as far as one can judge, have the right to existence and contain some grain of truth, sometimes very considerable one. But each of them emphasizes one-sidedly some this or that factor to the detriment of all others. Accordingly, the fullest understanding and the most conclusive solution of the problem can be reached only through combination of existing explanations and not through opposition of them to each other. The point is that the cessation of using ostracism was conditioned not by any singular cause but by the whole complex of various factors, which operated at different times, in different degree and in different combination.

Just after banishment of Hyperbolus an opinion won in the Athenian citizen body, that the ostracism had failed to accomplish its proper function and to take away the political tension. In addition, the victim of ostracism unexpectedly appeared to be a non-noble demagogue, a person unworthy of such measure. Besides all other things, ostracism proved to be an unreliable weapon for those who used it, like a kind of «boomerang»: Hyperbolus, who had initiated the *ostrakophoria*, himself became the victim, and subsequently that fact made politicians be cautious. The circumstances mentioned above must have prevented from using ostracism during several years, but they did not yet guarantee final rejection of the institution. Later on, it was already other factors that operated: crucial deterioration of general external and internal situation in late fifth-century B. C. Athens, during the last period of the Peloponnesian war; lack of cases when bipolar opposition of political leaders took place, that is cases when, as we have shown above, Athenians usually resorted to ostracism; contraction to minimal figures of the circle of old aristocracy, whose members were potential victims of the institution; absence from the *polis* of a considerable percentage of citizens (because of continuous hostilities), which did not allow to provide necessary quantity of voters. Still later on, in the fourth century B. C., notwithstanding obvious stabilization of the situation, ostracism did not revive, for the general character of political life gradually underwent fundamental changes as compared with the previous century.

22. The new political reality required new means that were from that moment on used more intensely in the struggle of factions. We mean legal actions of political character, which are considered in section 2 «*After ostracism*». However, even after *de facto* cessation of *ostrakophoriai* the law on ostracism nominally continued to act. Ostracism, even when in disuse, was in the fourth century B. C. a weapon of the *demos*. That weapon was «in sheath», but it was yearly demonstrated to the political elite.

But the main and the most efficient means of political struggle in Late Classical Athens became legal actions of certain kinds (in particular, the so-called *graphe paranomon*). They had some common features with ostracism, such as personal orientation and competitive character. However, they differed from ostracism in that they presented a mechanism less dangerous and destructive, both for the initiator of voting and for its potential «target». In general, such trials eventually adopted some functions of ostracism and also served for stabilization of internal political situation, just as ostracism did before them.

23. In the *Conclusion* specific results reached in all chapters and sections and stated above are briefly summarized. Then the sum definition of ostracism as an institution is given. Ostracism existed in some shape already in Archaic Greece, but by the beginning of the Classical period it took its final form. In this «classical» form, as it functioned in fifth-century B. C. democratic states, ostracism can be defined as politically motivated extrajudicial

banishment from the *polis* of the most influential citizens, for a fixed period (10 years in Athens), without any deprivation of civil rights (including property right) and with subsequent full restoration of political rights. The banishment served as a «prophylactic» means and was exercised through the *demos'* vote in the assembly, using a special procedure (in Athens — with inscribed clay sherds as ballots).

Finally, the author attempts to give a general appraisal of ostracism. To be sure, there are such appraisals in preceding scholarly literature. Some of them are negative and critical (they seem to prevail); others pay more attention to positive and constructive features of the institution (they are less common, but we think them to be more justified). It is interesting in this connection, that among ancient writers, just as among modern researchers, there is no unity on that subject. Among ancient appraisals of ostracism there are also both positive (Plut. Aristid. 7) and negative (Andoc. IV. 3—6; Cic. Tusc. V. 105; De amic. 42; Nep. Them. 8; Aristid. 1; Cim. 3) ones. Most weighed, with proper consideration of both advantages and drawbacks of ostracism, are Aristotle's assessments (first of all, Pol. 1284a4 sqq,).

Generally, one can notice that two principal views of ostracism are possible: from the standpoint of an individual and from the standpoint of the citizen community, the collective body, the *polis*. And these views quite naturally prove to be in opposition to each other. An aristocratic personality under the conditions of democracy could evaluate ostracism but negatively, for it is to this personality that the institution struck a blow. For instance, Andocides' fourth oration is a manifestation of namely such an «individualist» appraisal of ostracism. Aristotle views ostracism from a different position: he proceeds from interests of the *polis* as a whole and, as a result, comes to the conclusion, that, however unsympathetic was the institution as such, it had certain necessity and rightfulness, as it, all its shortcomings notwithstanding, allowed to defend the Whole against «disproportion» of its parts. To translate to modern terms, ostracism resisted individualist trends, which tended to undermine the *polis* collectivism. Plutarch in his description of ostracism tried to combine both approaches to the problem: he pointed out that the «trial of sherds» had often proved to be beneficial for the citizen mass, as the institution alleviated envy and hatred to the leaders, and for the latter it was rather mild and not pernicious measure.

Aristotle's view of ostracism seems to have been more profound than any other view in antiquity. The philosopher grasped and described — surely in a language proper to his time — exceptionally important characteristics of the institution in question. The emergence of ostracism was possible only in the *polis* framework, moreover, only in definite political conditions, in the situation of struggle between individualist and collectivist trends. This theme was always urgent for the *polis*: Aristotle means it when he speaks about the «proportionality» parts of the Whole must have. Of the two trends mentioned, ostracism unquestionably embodied the collectivist one. And in its context ostracism was, beyond any doubt, rightful, logical, and constructive.

One more aspect should be noted when stating that ostracism was an outcome of *polis* conditions. In the public life of the *polis*, with its direct democracy and absence of mass media, immediate oral communication played a huge part: it is on this level that intercourse of political leaders, members of the elite, with the *demos* was effectuated. In such a situation the only really efficient means of defeating a political enemy was to make him leave the *polis* (through banishment, ultimately through execution). Only by such a way it was possible to prevent him from contacts with the citizen body. But on the other hand that means proved to work faultlessly: as soon as a politician found himself outside the *polis* territory (even if without any deprivation of rights, without *atimia* — and ostracism was the case), he lost all possibility to influence the political life. The institution of ostracism and the direct *polis* democracy turn out to have been interconnected inseparably.

24. In the course of the study, in order make clearer some problems under investigation, there emerged a necessity to make a few excurses into the field of contiguous problems. Such excurses would hardly have been proper in the bulk of the book. Accordingly, they are placed to appendices.

Appendix I «*On the oration IV of the* Corpus Andocideum» deals with one of the most important for us narrative texts, and one unique in the sense that it is devoted almost wholly to ostracism. It is necessary to consider specially and in detail problems connected with the speech also because it is a rather enigmatic text: debatable are the time of its composing, the authorship (most scholars deny that Andocides is the author), genre belonging, and authenticity.

We try to show that the text in question was written in 390es B. C. and is a conscious, rather subtly made fiction, which pursued political ends. In other words, it is neither a speech in the strict sense of the word nor a late rhetorical exercise of negligible source importance, as is often thought; it is a political pamphlet. The text is early and sufficiently authentic (as its author had himself seen ostracism in operation), but it is also subjective and biased in the highest degree. All this should be taken into account when working with this source. Besides, we see no really serious grounds for doubts about Andocides' authorship. However it may have been, the question of authorship in our case is even not the most principal. Much more important is that historic and chronological context of the monument, its genre, purposes of composition, and its orientation have been defined. It allows elaborating correct approaches to the oration.

25. In Appendix II «*Ostracism and* ostraka *outside Athens*» we consider problems that virtually have not yet been a subject of research in world ancient history. Up to present, ostracism, as a rule is thought to be an Athenian phenomenon *par excellence*. Almost all works (and in any case all books) devoted to ostracism study only Athenian source material. However, there is information on ostracism or analogous procedures also in other Greek city-states. Narrative tradition (Arist. Pol. 1302b18; Schol. Aristoph. Equ. 855) mentions use of ostracism

in Argos, Megara, and Miletus. Of these cities, in Argos and Megara *ostraka* (for the time being, only solitary) have been discovered. A variety of ostracism (so-called «petalism») is known to have been used in Syracuse (Diod. XI. 86—87). In Ephesus on the verge of Archaic and Classical epochs there existed a kind of banishment similar to ostracism (Heraclit. B21 DK). Finally, now, from recent time, it is possible to speak about discovery of *ostraka* (and so about existence of ostracism) even in such cities, in which that procedure is not evidenced by written sources. To this class of *poleis* we should refer Cyrene and Chersonesus Taurica (the latter is now second in the world, second only to Athens, by the quantity of *ostraka* discovered. There is a serious probability that in the future the list of cities known to use ostracism will only increase.

The sum of non-Athenian evidence in our possession compels us to deny the common opinion that ostracism had come to all cities, where it existed, without exceptions only from Athens. For a few cases (Syracuse, possibly Miletus) this thesis undoubtedly remains to be true, but it cannot acquire a generalizing force. In some *poleis* (in Megara, Ephesus) ostracism with much more probability came into existence in Archaic, pre-Clisthenic time, and this fact contradicts the idea of an Athenian influence. Therefore, we should not reduce artificially the whole history of ostracism (although unknown to us in detail during most part of its extent) to the fifth-century B. C. democratic Athens. The history of that institution is more extensive both in chronological and territorial respects.

26. As in the bulk of the study we had several times to touch upon some problems of the Athenian democracy, that subject required a special excursus (Appendix III, «*To the question of the number of citizens in the Classical Athenian* polis». Two main problems are discussed: what was approximate number of adult Athenian citizens in the 5th century B. C., that is in the period when ostracism was in use; and how much was decrease of citizen population during the years of the Peloponnesian war, after which ostracism fell into disuse.

Analysis of source data allowed us to establish the following: during most part of the 5th century B. C., up to the Peloponnesian war, the number of the Athenian citizens kept constantly on the level of not less than 30000, and in the years of the greatest flourishing, under Pericles, it by the most modest assessments exceeded 40000. It should be taken into account when answering the question about the percentage of citizens assumed by the number 6000 that is mentioned in the sources in connection with ostracism.

As regards Athenian losses in the Peloponnesian war, we assess these casualties in their totality (losses in battles, deaths during the epidemic, etc.) as 33—35 thousands of adult citizens. The figure is undoubtedly very large; however, we should not forget also the factors that operated «in the opposite direction», such as continuous natural increase through births and return to Athens of cleruchs after the concluding of peace. All this taken into account, we derive, that after the war the number of citizens was at least 25000. Therefore, the Peloponnesian war in general was not a demographic catastrophe for Athens, although it caused

the city very significant damage in manpower, which is above any argument. In connection with the chief topic of the book we can assert with all possible responsibility: the demographic factor was not of primary meaning when Athenians were giving up using ostracism; it operated in the best case only as one among others. If it had been the only or main reason, just after the end of the war it would have been quite possible to conduct ostracisms again: the number of citizens allowed doing it without any serious difficulties. As ostracism was not restored to life, it means that there were other and weightier causes for the cessation of its use.